

Институт российской истории Российской академии наук

РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

ЛЮДИ, ТРУДЫ, ИНСТИТУЦИИ,
АРХИВЫ

**Институт российской истории
Российской академии наук**

**РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬ:
ЛЮДИ, ТРУДЫ, ИНСТИТУЦИИ, АРХИВЫ**

Сборник научных статей

Москва
2016

УДК 001.8
ББК 72д(3)
Р765

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской академии наук*

Отв. ред. П.А. Трибунский

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. Журавлев
доктор исторических наук Л.Ю. Гусман

Р765 Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. [Текст] / отв. ред. П.А. Трибунский ; Институт российской истории Российской академии наук. – М. : Институт российской истории РАН, 2016. – 652 с.

ISBN 978-5-8055-0309-3

В настоящем сборнике научных статей обобщаются материалы международной конференции «Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы» (9–10 октября 2014 г., ИРИ РАН). Первый раздел составляют статьи и заметки, посвященные биографиям отдельных лиц, учреждениям, научным сообществам в отдельных странах и на континентах, профессиональным группам. Второй раздел содержит публикации и обзоры, посвященные российскому научному зарубежью. Третий, мемориальный раздел посвящен памяти авторитетнейшего исследователя истории российской журналистики, профессора РГГУ М.П. Мохначевой, ушедшей из жизни в октябре 2014 г.; в приложении к настоящему сборнику публикуется список ее научных трудов.

ISBN 978-5-8055-0309-3

© Коллектив авторов, 2016

© Институт российской истории РАН, 2016

От редактора

Девятого – десятого октября 2014 г. в ИРИ РАН (Москва) прошла международная конференция «Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы». В настоящем сборнике, составленном по материалам конференции, помещены работы, подготовленные учёными из Белоруссии, Болгарии, Израиля, Латвии, Польши, России, Украины. Первый раздел составляют статьи и заметки, посвящённые биографиям отдельных лиц (И.П. Толмачёв, Н.В. Ястребов, С.В. Сигрист, В.В. Водовозов и др.), учреждениям (Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР, Русский Высший технический институт в Париже), научным сообществам в отдельных странах и на континентах (Египет, Латвия, Китай, США, Латинская Америка), профессиональным группам (филологи). В ряде работ обсуждаются вопросы теории и терминологии (российское зарубежье как феномен отечественной истории, кавказоведение и казачество за пределами России, российское научное наследие в западном интеллектуальном пространстве). В сборнике рассматриваются вопросы личностных коммуникаций учёных в изгнании, роль историков-эмигрантов в реабилитации императора Николая II, образ историографии в творчестве П.М. Бицилли, гендерный аспект российского научного зарубежья. Второй раздел составляют публикации и обзоры, посвящённые российскому научному зарубежью. Среди публикаций – эпистолярная (А.Ф. Изюмов, О.А. Цингер, В.В. и Т.В. Чернавины, А.М. Лазарев), воспоминания (Н.Н. Кнорринг, А.Ф. Мейендорф), некрологи Н.И. Кареева. В сборнике помещены обзоры личных фондов (С.П. Мельгунов, К.Ф. Штеппа, Б. Семёнов, А.Н. Анцыферов, В.В. Стратонов, Ковалевские), документов отдельных учёных (Рябушинские, Н.Н. Покровский).

Помещение в сборнике третьего, мемориального, раздела требует пояснения. Спустя неделю после завершения конференции ушла из жизни профессор РГГУ, авторитетный исследователь истории российской журналистики М.П. Мохначева (16 октября 2014 г.). Она предполагала принять участие в работе конференции, но болезнь помешала ей сделать это. Интерес М.П. Мохначевой к российскому зарубежью имел долгую историю. Ещё в начале 1990-х гг. ею были подготовлены и опубликованы отрывки из книг эмигрантов С. Лесного «Русь, откуда ты?» и Н. Зернова «Русское религиозное возрождение XX века». В 1990–2000-х гг. М.П. Мохначевой были созданы работы, посвящённые учёным, по тем или иным причинам оказавшимися вне России: Б.А. Евреинову, А.Ф. Изюмову, Л.И. Мечникову, П.Н. Милюкову, А.В. Соловьёву, П.Б. Струве,

М.В. Шахматову, Е.Ф. Шмурло. Не оставила М.П. Мохначева в стороне и историю издательского дела в зарубежье. Полный перечень её сочинений можно найти в указателе научных трудов, приложенном к настоящему сборнику. С историей российского зарубежья был связан и последний, наиболее масштабный проект М.П. Мохначевой, которому она отдала последние 15 лет своей жизни. История рода Мусиных-Пушкиных, преимущественно в эмиграции, нашла в её лице прекрасного исследователя. Труд, публикацию которого М.П. Мохначева, увы, уже не увидит. Светлой памяти М.П. Мохначевой и посвящён третий раздел сборника.

Статьи и заметки

Кавказоведение в научном наследии русского зарубежья

Аннотация: Одним из региональных направлений исторической науки русского зарубежья было кавказоведение. Основные центры кавказоведческих исследований сложились в Праге, Париже, Берлине. В зарубежном кавказоведении исследовались проблемы этногенеза, истории, фольклора, культуры и быта народов региона.

Annotation: One of regional directions of historical science of Russia Abroad was Caucasology. The main centers of Caucasus studies were established in Prague, Paris, and Berlin. The problems of ethnogenesis, history, folklore, culture and way of life of people were studied in Caucasology outside the USSR.

Ключевые слова: эмиграция, Кавказ, русское зарубежье, история науки, кавказоведение, история, этнография, фольклор.

Key words: emigration, Caucasus, Russia Abroad, history of science, Caucasology, history, ethnography, folklore.

К настоящему времени в отечественной историографии накоплен весьма значительный исследовательский опыт по изучению русского научного зарубежья, собрана информация о его людях, трудах, институциях и архивах. Однако в рамках проблемы осталось немало лакун, которые нуждаются в более подробном и тщательном изучении. К ним, в частности, относят развивавшиеся в русской зарубежной гуманитаристике региональные направления, связанные с изучением истории и культуры окраинных народов бывшей империи. В этом контексте следует рассматривать и развивавшиеся в эмигрантской среде кавказоведческие штудии.

Основания, которые стимулировали кавказоведческие исследования в зарубежной гуманитаристике, были различны. Для авторов – представителей кавказской этнической эмиграции это было своеобразным выражением духовно-ментальной связи с оставленной родиной. Занятия её историей, этнографией, фольклором создавали вполне понятное и желаемое ощущение сопричастности к родным корням, истокам национальной культуры, что в тяжёлых условиях эмигрантского существования помогало поддерживать личностную, этническую и групповую идентичность.

Немалое значение имели миссионерские интенции эмигрантов. Оказавшись за пределами родины, изгнанники с горечью осознали, что Запад мало

интересуется событиями в России, ещё меньше знает о её вековом прошлом, о многонациональном народе и разнообразии культур, объединённых в границах империи – сначала царской, а теперь «большевистской». Эмигранты остро чувствовали необходимость «раскрыть глаза» Европе, поведать ей о своей родине, рассказать о её истории и судьбе. Пронзительные строки Зинаиды Гиппиус: «Мы не в изгнании, мы в послании» – звучали как призыв и для кавказцев, многие из которых восприняли эмиграцию как испытание, данное в том числе и для того, чтобы донести до Европы правду о Кавказе, о его истории, культуре и современном состоянии.

Наконец, нужно отметить ещё одно обстоятельство. Российская эмиграция, в том числе и кавказский её сегмент, долгое время не могли избавиться от иллюзорных надежд на скорое падение советской власти и грядущее возвращение на родину. Исходя из этого, в эмигрантской среде постоянно раскладывались различные пасьянсы, остро дискутировались прожекты и строились планы о политическом будущем региона. Последнее виделось в различных формах. Для ряда грузинских, армянских и азербайджанских организаций предпочтительной формой была независимая национальная государственность стран Южного Кавказа; так называемое «прометеевское» крыло эмигрантского сообщества грезило о Кавказской конфедерации, объединяющей свободные народы обеих частей региона; многие эмигрантские деятели видели будущий Кавказ в составе Российской демократической республики с разным уровнем политической и национально-культурной автономии. Весьма животрепещущими были вопросы определения историко-культурных и административных границ на Кавказе, рамок будущего сожителства с северокавказским казачеством – терским и кубанским, взаимоотношений Кавказа с Украиной и т.д. Во всех этих случаях искались аргументы, обосновывающие и оправдывающие соответствующие теории и идеи, причём наряду с международно-правовыми, политическими и иными важное место отводилось историко-этнографическим обоснованиям, что стимулировало соответствующую исследовательскую активность.

Один из центров кавказоведческих исследований сложился в Праге. Известно, что благодаря беспрецедентной «русской акции» президента Т.Г. Масарика в Чехословакии нашли приют, кров, возможность профессиональной деятельности и учёбы тысячи русских эмигрантов, в том числе представителей гуманитарной мысли, среди которых было немало историков. Неудивительно, что именно в Праге возникли такие научные структуры, как семинарий имени Н.П. Кондакова, Институт изучения России, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив и другие¹.

В Праге оказались и представители кавказской эмиграции, многие из которых также не были чужды историко-этнографическим штудиям. По примеру русских, они решили также образовать некую научную институцию, которая занималась бы кавказоведческими изысканиями. Автором этой идеи был, вероятно, Ахмет Цаликов. Во всяком случае, именно этот видный деятель кавказской эмиграции выступил с программным докладом на учредительном собрании Общества кавказоведения, состоявшемся 26 сентября 1925 г. На этом заседании были приняты уставные документы общества, избраны руководящие лица. Председателем Общества кавказоведения стал Ахмет Цаликов, секретарем – Ф.Т. Аспидов. На учредительном собрании присутствовали С.И.

Верещак, Г.М. Накашидзе, Дж.К. Церекоев, В.С. Минахорян, Е.К. Васильев, В.М. Краснов, Д.К. Эмухвари – состав весьма интернациональный.

Устав Общества так определял его цели и задачи: «Общество кавказоведения, являясь строго научным учреждением, не преследующим никаких политических или партийных целей, имеет своей задачей изучение природы, населения, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа в прошлом и настоящем и ознакомление с данными кавказоведения чехословацких и вообще иностранных общественных кругов»².

На учредительном заседании было принято также решение обратиться в Институт изучения России с просьбой о вхождении общества в состав института на правах автономного отделения. В скором времени такое разрешение было получено, и общество уже официально именовалось «Обществом кавказоведения при Институте изучения России». Представителем научной коллегии Института в Бюро Общества кавказоведения стал К.Р. Кочаровский³.

Работа общества, как и Института изучения России, протекала в виде периодических заседаний, на которых членами общества и приглашёнными специалистами зачитывались доклады с последующими прениями и обсуждениями. Активным докладчиком был сам председатель общества. А.Т. Цаликов выступал неоднократно, в частности, по темам «Кавказ и кавказоведение», «Кустарная промышленность на Тереке и в Дагестане», «Общественное и земельное устройство адыге (черкесы и кабардинцы), горских татар, осетин, ингушей, чеченцев и кумыков до Февральской революции». Очевидно, что членов общества волновали проблемы экономического развития Кавказа. Этой теме были посвящены заседания, на которых с докладами выступали Н. Бадалян – «Экономическая география Закавказья», К.Р. Кочаровский – «Условия развития и будущность кустарной промышленности», В. Минахорян – «Кустарная промышленность в Армении», Г.Ф. Фальчиков – «Экономическое положение Терского края до Февральской революции», С.А. Фёдоров – «Очерк экономической географии Кубанского края».

В то же время вниманию слушателей предлагались и другие темы. Так, активный член общества кубанский казак Г.Ф. Фальчиков выступал с докладами «Влияние местных условий на язык и быт терских казаков», «Северный Кавказ и большевики», К.Р. Кочаровский в докладе «О краеведении» охарактеризовал данное направление исторических исследований и его возможности в условиях эмиграции. На заседаниях общества часто выступали приглашённые специалисты. Например, 11 ноября 1926 г. состоялось выступление известного чешского историка Ф. Говелки с докладом «Кавказ в чешской литературе». Докладчик дал подробный обзор историко-этнографических сведений о Кавказе и его народах, содержащихся в чешских нарративных источниках, проанализировал соответствующие работы чешских исследователей-ориенталистов.

Интересно, что при обществе был музыкальный коллектив, во всяком случае, в пригласительном билете на заседание с докладом д-ра Говелки (26 ноября 1926 г.) сообщалось, что после обсуждения будет представлена «кавказская музыка (команча, тар, типилипитон)»⁴.

Общество кавказоведения было весьма заметной институцией. Мне кажется, А.Т. Цаликов имел полное право писать (цитируемый документ относится

к маю 1926 г.) о том, что «работа общества Кавказоведения при Институте Изучения России приняла планомерный и постоянный характер, что привлекает к нему всё больший круг лиц глубоко интересующихся содержанием регулярно поставленных докладов и лекций по вопросам Кавказоведения (бытовым, экономическим и политическим)»⁵.

Более того, информация о работе общества распространялась даже за пределы Праги. Так, корреспонденцию об одном из его заседаний поместила русскоязычная эмигрантская берлинская газета «Руль», которую не в последнюю очередь удивил интернациональный состав участников этого заседания, корректно и взаимоважительно обсуждавших достаточно острые проблемы. «Происходило это удивительное явление, – пишет автор заметки А.С. Изгоев, – в “Обществе кавказоведения” 20 декабря. Доклад делал осетин Ахмед Цаликов о горцах Северного Кавказа. Говорили: русские – проф. Стратонов и В.М. Краснов, казак Фальчиков, осетин Бичаев, калмык Баянов, абхазец Убилия (так в тексте; вероятно, Убирия – Ю. А.), грузин Джанржагава (так в тексте; вероятно Джанджгава. – Ю. А.), казанский татарин Терегулов. Слушали: человек тридцать, принадлежавшие, вероятно, к десяти-пятнадцати племенам. Все вместе – небольшая часть России»⁶.

Другим центром концентрации кавказоведческих сил в изгнании стал Париж. Среди огромной массы возникших во французской столице различных эмигрантских обществ, комитетов, ассоциаций, содружеств и пр. были специализированные организации, связанные с историко-этнографической работой. Таковы, например, Осетинское этнографическое общество, работу которого возглавлял Джамбулат Дзанти. Аналогичные общества возникли при национальных ассоциациях армян, азербайджанцев. Некоторую попытку организационного оформления кавказоведческого центра предпринял выходящий в Париже журнал «Кавказ», немало своих страниц отдававший историко-этнографическим материалам. В Париже работал также Кружок по изучению Кавказа.

Основным видом деятельности здесь также была организация разного рода лекций, докладов, сообщений, с которыми выступали местные силы. Например, судя по информации парижской прессы, на заседаниях Кружка по изучению Кавказа звучали следующие доклады: А.А. Башмаков – «Этнографические элементы в сказании об аргонавтах и Золотом руне» (23 января 1932 г.), Т. Еликхоти – «Самоопределение народов Кавказа, и в частности осетин» (14 декабря 1935 г.), А. Намиток – «Проблемы этнологии Кавказа: грузины и черкесы» (5 декабря 1935 г.), Д. Вачнадзе – «Грузия между Севером и Югом на протяжении веков и до наших дней» (25 января 1936 г.), А.И. Джамальян – «Армяне и их соседи» (11 июня 1936 г.) и др.

Естественно, что большинство из оглашавшихся материалов не сохранилось, до нас не дошло. Но многое обрело печатную форму. Кавказские эмигрантские издания (журналы – парижский «Кавказ», пражские «Вольные горцы» и «Кавказский горец», варшавский «Горцы Кавказа») охотно печатали историко-этнографические статьи, заметки, обзоры. Выходили книги, брошюры и другая печатная продукция. Соответствующая библиография насчитывает до сотни публикаций, на основании чего можно сделать выводы о сфере интересов и специфике работы эмигрантских кавказоведов.

При этом следует подчеркнуть, что в кавказоведческом дискурсе эмигрантских штудий значительное место занимали сугубо актуализированные проблемы современного состояния региона, связанные с политической обстановкой, практикой так называемой советской национальной политики, взаимоотношения народа и коммунистической власти, состояния экономики (сельского хозяйства, животноводства, кустарных промыслов, промышленности) после большевистских преобразований, протекание в регионе социальных процессов и т.д. Оставляя по необходимости эти сюжеты в стороне, обратимся к собственно историко-этнографическим материалам.

Характерной чертой историко-этнографических воззрений авторов-эмигрантов был интегральный взгляд на Кавказ и населяющие его народы. Многим, теперь уже со стороны, из Европы, Кавказ казался гораздо более сплоченным и интегрированным регионом, представляющим, несмотря на этно-языково-конфессиональную дробность, некую цивилизационную и культурную целостность. Более того, некоторые авторы были склонны и вовсе игнорировать этнокультурные различия, говоря о некой «кавказской» нации, которая объединяет всех коренных жителей региона.

Предпринимались попытки теоретического обоснования данного тезиса. Пожалуй, глубже всего этой проблемой занимались двое. Барасби Бейтуган в своей статье «Являются ли нацией северокавказцы?», опираясь на Отто Бауэра и обрушиваясь на Ф. Энгельса за брошенную им фразу об «исторических и неисторических народах», заключал, что нация «представляет из себя продукт исторического прошлого», она «возникает в результате совместной многовековой жизни на одном и том же участке земного шара и вызванных этим сожительством общих общественно-бытовых, культурных, экономических и политических форм и интересов». Нация «характеризуется национальным сознанием» и «волей к национальному единству»⁷.

Б. Биллати также занимался определением понятия «нация». При этом, если не знать, что его определение было высказано за семьдесят лет до сегодняшнего дня, вполне можно было бы представить, что автор отстаивает современное инструменталистское понимание природы этноса. Для Биллати никакого значения не имели ни территориальная общность проживания, ни материально-экономические аспекты исторического развития. «Нация, – заявляет он, – это, прежде всего, дух, покоящийся на совместных переживаниях, на общем историческом прошлом и подкрепляемый культурной общностью и волей к совместной жизни в дальнейшем»⁸.

Очевидно, что Биллати отстаивал идею о «договорной» основе нации, когда все члены группы объединены лишь некими общепонятными и общеразделяемыми идеями, «волей», которые стягивают группу в единый национальный организм. Что касается самих идей, то они известны – это освобождение Кавказа, его независимое существование, репрезентация его государственности. При таком понимании природы нации уже не существенны реальные этнические, конфессиональные, языковые различия, которые существуют на Северном Кавказе, где, соответственно, проживает одна нация.

Тем не менее, важнейшими опорами этнического самосознания представителей кавказской эмиграции оставались представления о древности этнической культуры народов Кавказа, о ранних этапах их культурно-, социо- и

политогенеза. Отсюда и стойкий интерес к этим разделам истории, которые неизменно были в поле внимания эмигрантских кавказоведов, кстати, не только этнических кавказцев. Так, наиболее значительный вклад в развёртывание древнекавказских исследовательских штудий внёс Александр Александрович Башмаков (1858 – 1943).

Юрист по первоначальному образованию, он впоследствии стал профессиональным историком, этнографом, социальным антропологом. С 1932 г. А. А. Башмаков – научный сотрудник и лектор в Высшей школе антропологии в Париже. Он принимал активное участие в научной жизни русского Парижа, был одним из самых уважаемых и авторитетных членов Русской академической группы во Франции. Основная сфера научных интересов Башмакова была связана с изучением древнегреческих периплов – этому посвящена его единственная, вышедшая, к сожалению, посмертно, книга «*La Synthese des Periplespontiques*» (1948), удостоенная в 1949 г. премии Французской академии.

В то же время неизменным объектом приложения его исследовательских сил был Древний Кавказ. В 1935–1938 гг. в Высшей школе антропологии Башмаков руководил семинаром по мегалитическим и яфетическим изысканиям, а до этого, в течение учебного 1932–1933 г., читал цикл публичных лекций по древней этнологии стран, окружающих Чёрное море. Эти лекции пользовались огромным успехом, и среди слушателей была, естественно, и кавказская аудитория. К сожалению, лекции Башмакова не были опубликованы, а поиски соответствующих текстов в архивах пока не увенчались успехом. Но, судя по тематике этих лекций, учёный исследовал древнейшие этапы формирования этнической карты региона, взаимодействия и взаимовлияния древнейших культур в районе Чёрного и Каспийского морей, интересовался проблемами палеоэтнографии, современным состоянием этнической культуры кавказских народов.

В качестве примера приведём названия некоторых лекций, с которыми выступал Башмаков (его лекции были столь популярны и посещаемы, что парижская русскоязычная пресса регулярно сообщала об их тематике, времени и месте проведения): «Скифская проблема и киммерийская загадка» (8 и 9 марта 1932 г.), «Подпочвенные слои в этническом грунте древних цивилизаций и племенная стратификация вокруг Понта Евксинского» (11 ноября 1932 г.), «Черкесы и эллины на материке Эллады в микенские времена» (18 ноября 1932 г.), «О древней этнографии черноморских стран» (22 февраля 1934 г.), «Мегалитическая культура с точки зрения яфетической теории» (19 апреля 1936 г.), «Абхазия и кавказско-анатолийские племена во времена Страбона» (9 февраля 1940 г.) и др.⁹

К древнейшим периодам исторического прошлого было приковано внимание арменоведов. В частности, в период роста антиармянских настроений в Германии в начале 1930-х гг., что было связано с появлением в ряде влиятельных газет статей, в которых говорилось о якобы «еврейском происхождении армян»¹⁰, в Берлине был организован специальный комитет по изучению антропологии армянского народа и его истории. Инициатором создания комитета был работавший в Берлине известный востоковед А. Абегиан, который привлёк к работе многих других видных учёных, сосредоточивших усилия по обоснованию индоевропейского происхождения армянского народа.

При всей политизированности и идеологизированности выпущенной научной продукции (Абегян прекрасно понимал, какую опасность в условиях фашистской Германии представляют выдвинутые против армян «обвинения»), само обращение к ключевым этапам истории армянского народа было важным вкладом в кавказоведческое знание. В этот период были изданы десятки книг об армянах, об их многовековом прошлом, о принадлежности к индоевропейскому кругу народов, о геноциде 1915 г. Среди них можно отметить «Армянство-Арийство», «Армяне и Армения», «Нарекаци», «Армяне в общей борьбе», «Зейтун» и ряд др.¹¹

Другая историческая тематика, которая находилась в центре внимания эмигрантского исторического кавказоведения, – это события XIX в., связанные прежде всего с периодом Кавказской войны. Для общественно-исторического самосознания большинства эмигрантов это был наиболее трагический период в истории региона, связанный с потерей независимости, утратой государственности, поражением в войне с завоевателями. С другой стороны, его рассматривали как годы беспримерного героизма и самопожертвования во имя общей свободы, с третьей – считалось, что период Кавказской войны дал пример общекавказского государственного единства во главе с Шамилем, культ которого царил в эмигрантской среде.

Наиболее интересные публикации на эту тему принадлежат Ханбеку Хавжоко, который, правда, в силу своего адыгского происхождения сосредоточился в основном на событиях Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. В серии его публикаций наиболее интересными представляются попытки автора рассмотреть роль Англии в дипломатической и военной истории Кавказа того времени, понять истоки политики кавказофильства во внешней политике Великобритании. Хавжоко же принадлежит биографический очерк работавшего в 1840-х гг. на Кавказе английского агента Дэвида Уркварта, который под пером исследователя предстал чрезвычайно интересной и неординарной исторической фигурой. Отметим также интересные работы Баггауддина Хурша, который изучал военные аспекты деятельности Шамиля, применявшиеся им стратегические и тактические методы ведения боевых действий.

Период 1917–1920 гг. – ещё один исторический период, который был объектом исследовательского, публицистического и источниковедческого внимания со стороны эмигрантских сил. Общественное внимание было привлечено к этой проблематике ещё и потому, что многие оказавшиеся в эмиграции деятели того периода, активные участники бурных событий этих переломных лет, выступили со своими воспоминаниями. С одной стороны, это личностные документы, попытка представить для читателя в авторской интерпретации события того времени, но это и ценный исторический источник, который должен занять своё место в документальной базе соответствующих исследований. Таковы опубликованные в эмигрантских изданиях воспоминания одного из руководителей Азербайджанской республики, члена Закавказского сейма Магомед-Расула Эмин-заде, военного деятеля Азербайджанской республики Исрафил-бея, Ш. Амирэджиби о его контактах с руководителями Горской республики – Тапа Чермоевым, Гайдаром Бамматом и др.

Много внимания уделялось традициям межэтнического общения народов Кавказа, выявлению кросс-культурных параллелей, доказывающих их гене-

тическое и культурное единство. В этом контексте особое внимание уделялось казакам и казачьему вопросу, взаимоотношениям горского и казачьего населения. Последнее рассматривалось как важный элемент этнокультурной мозаики региона, призванной сыграть важную роль в исторической перспективе политического устройства Кавказа.

Ещё одним направлением кавказоведческой работы в эмиграции была публикация фольклорных текстов. Наиболее значительной публикацией этого рода можно назвать исследование Джейхун бей Гаджибейли «Le dialecte et le folklore du Karabagh, Azerbadjan du Caucase», опубликованное в «Journal l'Asiatique» (1933, № 1). Автор представил многочисленные образцы азербайджанского фольклора Карабаха с их жанровой классификацией, вариантами, сравнительным материалом, историко-этнографическими комментариями.

Было немало других фольклорных публикаций. Однако нужно отметить, что в большинстве своём публикаторы не преследовали каких-либо научных целей, связанных с текстологией, комментированием, компаративистикой и т.д. Опубликованные тексты – частью аутентичные (иногда представленные русскоязычным подстрочником), а частью беллетризованные пересказы соответствующих сюжетов – преследовали цель сохранить яркие образцы того пласта этнической культуры, который в наибольшей степени приближен к глубинным основам народного художественного мировосприятия. Услышанные в раннем детстве и вновь пересказанные оказавшимся в рассеянии соотечественникам, они будили у эмигрантов воспоминания о родине, отчем доме, материнской песне. Это была ещё одна ниточка, связывавшая их с ментальными структурами этнического самосознания, являвшегося средством спасения от угрозы ассимиляции и исчезновения. В то же время разбросанные по различным эмигрантским печатным изданиям фольклорные тексты могут представлять определённый интерес для специалистов по устному народному творчеству народов Кавказа.

В эмиграции велась весьма значительная критико-библиографическая работа. Зарубежные кавказоведы были первыми рецензентами кавказоведческих трудов, выходивших в Европе. Учитывая, что кавказоведческие публикации в европейской ориенталистике того времени были весьма редким явлением, можно сказать, что ни одно более или менее заметное издание по истории и этнографии Кавказа не оставалось вне поля заинтересованного внимания эмигрантских авторов.

В то же время это была истинная научно-критическая работа. При всей благодарности, которую испытывали эмигранты по отношению к зарубежным учёным, обратившимся к историко-этнографическим проблемам их родины, все рецензенты анализировали выходившие работы по самой высокой научно-критической планке. Так, большой отклик вызвало появление монографии Артура Бигана «La Civilisation Caucasienne» (Paris, 1936), являвшейся французским переводом работы известного немецкого кавказоведа, хранителя коллекций Гамбургского этнографического музея. Ш. Беридзе, рассматривая эту работу, которая на долгие годы оставалась едва ли не основным европейским компендиумом по региону, весьма критически оценивал недоработки автора, причём рецензента больше всего обидело незнание или игнорирование автором автохтонной литературы, начиная с М.И. Бросса и кончая Н.Ф. Дубровиным и

И.А. Джавахишвили¹². Необычайное волнение в среде кавказской эмиграции вызвало появление книг Людвиг Видершала об истории Кавказской войны. Этим сочинениям известного польского историка было посвящено немало, с одной стороны, восторженных, а с другой – объективно-критических публикаций.

Но ещё более внимательно кавказские эмигранты следили за развитием историко-этнографических исследований в СССР. Зарубежные кавказоведы откликались на все наиболее значительные исследования и труды, выходящие на родине, с неизменным уважением отзывались о работах Н.Я. Марра, А.Н. Самойловича, В.В. Бартольда, В.А. Гурко-Кряжина, И.И. Петрушевского, И.А. Джавахишвили и др.

Особенной популярностью пользовался Н.Я. Марр и его яфетическая теория, которая пришлась по сердцу эмигрантам, так как утверждала изначальное генетическое и языковое единство кавказских народов. Между тем, одним из самых последовательных популяризаторов марровских построений был В.П. Никитин. Неоднократно выступая перед различными аудиториями с лекциями, он скрупулёзно анализировал идеи и методологию «нового учения о языке»: «Яфетическая теория и её применение» (23 мая 1936 г.), «О стадильной теории образования языков в освещении яфетической школы» (25 июня 1937 г.).

Более критично к яфетической теории отнёсся А.А. Башмаков. Отмечая большие заслуги Н.Я. Марра в деле изучения древнеписьменных литератур Кавказа (грузинской и армянской), древнего этно- и глоттогенеза на Кавказе, памятников архаической материальной культуры и др. (он говорил о «замечательных проблемах в подлинной деятельности Марра до 1930 г.»), более того, принимая некоторые идеи яфетической теории, Башмаков тем не менее отмечал ряд её серьёзных недостатков («сомнительных элементов», по его словам). Это не позволило исследователю безоговорочно принять яфетическую конструкцию, сделав её основным инструментом познания, в частности, в кавказоведческих штудиях.

Интересно, что А.А. Башмаков считал, будто выход ряда положений Марра за пределы научной логики был напрямую связан с увлечением учёного марксизмом, а потому необходимо освободить яфетидологию от этого мировоззренческого и методологического балласта. По мысли Башмакова, необходимо «восстановить подлинную мысль Марра о яфетизме, отбросив безумную пристройку марксизма». В то же время Башмаков был не вполне уверен в оригинальности и самостоятельности марксистских исканий Марра. Он неоднократно высказывал предположение о вынужденном приспособлении учёного к господствовавшей в СССР идеологии, считал, что в последние годы жизни Марра яфетическая теория была «принудительно искривлена».

Вообще, эмигранты очень внимательно следили за событиями на родине. Так, их очень интересовала работа по унификации алфавитов письменностей кавказских народов, которая проводилась в 1920-х гг. Публикации эмигрантской прессы на эту тему были вполне благожелательны, так как реализация этой идеи рассматривалась как ещё одна скрепа в единении и интеграции народов региона.

Эмигранты очень интересовались археологическими работами, которые проводились на Кавказе, тщательно собирали информацию о масштабных архе-

ологических экспедициях А.А. Миллера, А.А. Иессена на Северном Кавказе, Б.Б. Пиотровского в Закавказье и др.

Стоит отметить, что у эмигрантских авторов не было злопыхательства, гиперкритицизма по отношению к тому, что происходило на родине. При всей непримиримости к большевикам, имея постоянную цель разоблачения советских порядков, большевистского гнёта и т.д., они не замалчивали положительные факты, свидетельствующие о динамичном развитии экономики и культуры на Кавказе. Даже один из самых ярких критиков «Советов», дагестанец Джамалэддин, писал, что на Советском Кавказе «культурно-национальные очаги горцев развили громадную работу по краеведению, изучению национальной истории и языка. Большая работа проведена в области собирания народной поэзии. Сильно развилась и вышла на широкий путь горская литературная жизнь»¹³.

В то же время эмигрантские учёные очень точно схватывали тенденции и условия, в которых развивалась наука в СССР. Так, они прекрасно понимали, под каким цензурным и идеологическим гнётом вынуждена была существовать советская наука, показателем чего являлось «марксистское “оперение”», в частности, ставшие обязательными для советских авторов цитаты и ссылки на классиков марксизма, постоянное упоминание о классах и классовой борьбе, культивируемый нигилизм по отношению к дореволюционной историографии, которая объявлялась реакционной, за которой не признавалось какого бы то ни было научного значения.

Интересно, что кавказские эмигранты сразу поняли, какое катастрофическое значение для развития советской исторической науки будет иметь публикация известного письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», какую удавку на мысль, на творчество, на свободу научного самовыражения набросил вождь своей критикой, казалось бы, мало чем примечательной статьи Слуцкого. Б. Байтуган в своей статье «Фальсификаторы истории» показал, как эта отрывка сталинского письма обернулась погромом в народившейся северо-кавказской историографии¹⁴.

Мимо внимания кавказских эмигрантов не проходили и другие факты преследования властями советских учёных. Так, в Европу доходили тревожные слухи о репрессиях против учёных. Волнения среди кавказоведов-эмигрантов вызвали сообщения, поступавшие из Грузии, о погроме, учинённом в 1936 г. в Тбилисском университете, жертвами которого стали представители старой грузинской профессуры: специалист по древнему Востоку Церетели, философ Дanelia, литературовед Зандукели, профессора Натадзе, Какабадзе и другие¹⁵.

Но многие учёные физически исчезали в пучине сталинского террора. Так, до эмиграции дошла весть о гибели азербайджанского академика Бекира Вагаповича Чобан-заде (1893 – 1937). Крымский татарин по происхождению, сын простого пастуха (отсюда и истоки фамилии), Б.В. Чобан-заде стал виднейшим учёным, лингвистом-тюркологом и большим энтузиастом латинизации тюркских алфавитов, являлся председателем Научного совета Всесоюзного ЦК нового тюркского алфавита.

Конечно, в эмиграции не знали о подробностях его судьбы, о том, что он, в соответствии с нравами НКВД, был арестован не в Баку, где жил, а в Кисловодске, где в тот момент находился на отдыхе; не знали обвинений, предъявленных учёному, – будто бы из Крыма он переехал в Баку по заданию

Джафара Сейдаметова (лидера крымско-татарского движения) и под руководством Рахулло Ахундова создавал контрреволюционные повстанческие отряды; не знали, что под пытками у арестованного выбивали признания в пантюркистской деятельности, показания на А.Н. Самойловича, А.А. Тахо-Годи и т.д. Но сама гибель Чобан-заде очень болезненно была воспринята в кавказской эмигрантской колонии¹⁶.

В то же время от эмигрантов не укрывались и другие черты развития науки в СССР. Так, в одном из номеров журнала «Кавказ» появилась язвительная и злая заметка под характерным названием «Новый «учёный» Грузии». В заметке говорилось: «С 1 июня текущего года Грузия обогатилась новым учёным. Называется новый учёный В.И. Меунаргия, 26 лет от роду. Совет исторического факультета гос. ун-та Грузии единогласно присудил г. Меунаргия степень кандидата наук. Диссертация, защищаемая кандидатом, имела следующую «тематику»: «Диалектика возможного и действительного в трудах тов. Сталина». Ни больше, ни меньше. Нужно отдать справедливость находчивому кандидату наук. Он сумел схватить исторический факультет за рога: как не присудить звание учёного такому прыткому молодому человеку? Попробовали бы... К тому же базой своего сочинения предусмотрительный кандидат взял доклад тов. Берия на ту же тему»¹⁷.

Вышеприведённая заметка свидетельствует, что эмигрантское кавказское сообщество адекватно представляло, что творилось в СССР, каковы были нравы и обыкновения советской научной жизни под пятой тоталитарной системы.

В заключение отметим, что зарубежное кавказоведение – составная часть отечественной науки о культуре и быте народов Кавказа. Конечно, по своим масштабам, широте и достижениям оно не может сравниться с кавказоведческими исследованиями советской науки, тем не менее, эмигрантское кавказоведение существовало, оно развивалось, имело пусть скромные, но свои достижения, и мы не вправе о нём забыть или проигнорировать его. В послевоенное время в научных центрах Европы получили самостоятельное развитие кавказоведческие дисциплины. Несомненно, что значительную роль в их истоках сыграли представители эмигрантского кавказоведения, давшие своими работами первоначальные ориентиры для представителей европейской академической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пауцто В.Т. Русские историки-эмигранты и учёные в Европе. М., 1992; Т.Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: материалы международной науч. конф. М., 2005; Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4; Латтева Л.П. Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-е годы XX в. // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / сост. и гл. ред. А.И. Студеникин. М., 1996.

² ГАРФ. Ф. Р-6065. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Изгоев А.С. Национальные споры (Письмо из Праги) // Руль (Берлин). 1926. 29 декабря. № 1848. С. 2.

⁷ Бейтуган Б. Имеем ли мы право на жизнь? // Горцы Кавказа (далее – ГК). Париж, 1933. № 37. С. 42.

⁸ Биллати Б. Идеологические основы национальных движений // Там же. 1934. № 47. С. 18.

⁹ Историческая наука российской эмиграции 20–30-х годов XX века (хроника) / сост. С.А. Александров; отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 1998.

¹⁰ Балаян Д. 60 лет тому назад // Юсисапайл (М.). 2002. 1 мая.

-
- ¹¹ *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М., 2006. С. 31.
- ¹² *Беридзе Ш.* Рец. на: Биган А. Цивилизация Кавказа / пер. с нем. Г. Монтадон. Париж, 1936 // Кавказ (далее – К). Париж, 1937. № 8. См. также: *Карелели В.* Размышления по поводу одной книги // Там же. 1936. № 9.
- ¹³ *Джамалэтдин.* Итоги одиннадцати лет // ГК. 1929. № 4–5. С. 7.
- ¹⁴ *Байтуган Б.* Фальсификаторы истории // Там же. 1932. № 27.
- ¹⁵ Чистка тбилисского университета // К. 1936. № 11. С. 36, 37.
- ¹⁶ О жизни и трагической судьбе учёного см.: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело профессора Б.В. Чобан-заде // Восток. 1998. № 5.
- ¹⁷ Новый «учёный» Грузии // К. 1936. № 10. С. 39.

Русское зарубежье 1920-х годов как феномен отечественной истории

Аннотация: В статье обосновано формирование и развитие феномена Зарубежной России на основе системных факторов, общих для всей эмиграции: политической и общественной организации, национального образования, Русской Православной Церкви, инфраструктуры по сохранению исторической памяти, национальной идентичности.

Annotation: The article substantiates the formation and development of the phenomenon of Russia Abroad on the basis of systemic factors, which are common to all of emigration: the political and social organizations, national education, Orthodox Church, infrastructure to preserve historical memory and national identity.

Ключевые слова: Зарубежная Россия, эмиграция, национальные меньшинства, верховный комиссариат Лиги наций по делам русских беженцев.

Key words: Russia Abroad, emigration, national minorities, High Commissioner for Russian Refugees of League of Nations.

Глобальные социальные и политические сдвиги, стимулированные Первой мировой войной, революциями 1917 г., гражданской войной, вызвали массовый исход российских граждан и их рассеяние по 45 странам. Причины, породившие изгнанничество, привели не просто к появлению совокупности эмигрантов – сложился феномен Российского Зарубежья. Ни одной из эмигрантских волн не удалось создать до такой степени цельного в культурно-политическом отношении пространства, полномочные представительные органы, позволяющие говорить о «безгосударственной» Зарубежной России, живущей, по словам С. Лифаря, своей жизнью, дышащей своим воздухом. Внетерриториальная российская квазигосударственность за рубежом имела собственную инфраструктуру: были реализованы попытки создания преемственного органа государственной власти, продемонстрированы беспрецедентные примеры самоорганизации и сохранения национальной идентичности, особость статуса русского национального меньшинства была признана на международном уровне.

Содержание этого явления раскрывалось постепенно, начиная с работ Г.Я. Тарле, М. Раева, М. Йовановича и др. В своей книге с характерным названием «Россия за рубежом»¹ М. Раев исходит из формирования русского «общества в изгнании» («России за рубежом», «Русского Зарубежья»), где в наличии были все слои русского дореволюционного социума, хотя и в изменён-

ных пропорциях, и осознанное стремление эмигрантов вести русскую жизнь. Его ячейками становились различные объединения эмигрантов. М. Йованович, характеризуя «общественный организм, именуемый «Зарубежная Россия», составлявший единое целое, подчинявшийся определённым правилам внутренней организации, пишет о сохранении в эмиграции важнейших элементов государственного и общественного строя, структур армии и церкви, элементов системы просвещения, печати, политических партий².

Формирование феномена обусловил ряд факторов. Прежде всего, его появлению способствовали интенсивность и многочисленность исхода в эмиграцию, а главное – наличие существенной доли общественно активных и интеллектуально значимых элементов, пользующихся международным авторитетом и связями. Т.е. значительный человеческий и интеллектуальный потенциал лежал в основе нового в истории российской эмиграции явления.

В то время как за другими национальными меньшинствами вне страны их происхождения стояли государства, которые могли оказать им соответствующую поддержку, русские изгнанники были таковой лишены, и, «что ещё хуже», советская власть не признавала «русского национального принципа, как такового, и даже исключала самое название России, заменив его ничего не говорящим искусственным наименованием»³. Дистанция между метрополией и эмиграцией также стимулировала самостоятельную жизнь последней.

Представитель русского меньшинства в Эстонии, член эстонского парламента и профессор Юрьевского университета М.А. Курчинский в статье «Зарубежная Россия» связывал это понятие с меньшинственным вопросом, которого раньше никто себе не представлял, но который начинал играть в общественно-политической жизни Европы всё большую роль. 29 августа 1928 г. на IV конгрессе национальных меньшинств в Женеве он заявил: «Я выступаю здесь в качестве представителя отдельных частей русского народа, представляющего в настоящий момент разбросанные по целому ряду стран меньшинства, с более или менее урезанными правами. <...> У других национальностей есть по большей части такие естественные и постоянные ходатаи за их интересы; у русских меньшинств нет ничего подобного ввиду интернациональной установки советского правительства и вытекающей отсюда для русского народа невозможностью помочь в культурном отношении своим заграничным осколкам. Лига Наций оказывается очень часто совершенно глухой к нуждам и пожеланиям слабых народов и, чем эти последние слабее, тем менее она с ними считается. И именно отсутствие родного национального государства, являющегося основным балансом и источником, откуда черпаются и нужные финансовые средства, и культурные силы, и постоянный заряд национальной энергии делает необходимым сплотиться в одно целое»⁴.

Перефразируя А.С. Яценко, можно сказать, что существовало две России. Одна с фактическим правительством в Москве, однако до некоторого времени никем за границей не представленным, другая – за границей, с русскими дипломатическими агентами и другими парайнститутами власти и структурами гражданского общества, официально никакого государства не представляющими⁵. Если Советской России предстояло завоевать мировое признание, вырваться из дипломатической изоляции, то в Зарубежье оказались те общественные слои, звенья государственных структур, которым не требо-

валось дополнительно доказывать свою состоятельность в силу традиционно существовавших, налаженных ещё в довоенный/дореволюционный период отношений с иностранными государствами: дипломатических, научных, культурных, общественных. Россия № 2 наследовала обширную инфраструктуру учреждений, сохранившуюся от прежних правительств и уже признанную мировым сообществом. Не были исчерпаны зарубежные денежные активы Российского общества Красного Креста, Земгора, дипломатических представительств, значительная часть которых перешла в распоряжение Совещания бывших российских послов. Всё это свидетельствует о потенциальной возможности самоорганизоваться и вести относительно самостоятельную образ жизни. Правда, этим учреждениям приходилось серьёзно перестраивать свою работу в соответствии с эмигрантскими потребностями, заботиться не только о бытовом благоустройстве беженцев, но и об их духовной жизни, о сохранении национальной идентичности, наконец, о самовоспроизводстве.

Власть, существовавшую в России, эмиграция рассматривала как антинациональную, нелегитимную, лишённую не только правового, но и морального основания. За ней отрицалось право на осуществление государственного и национального суверенитета. С недекларированного одобрения правительств стран-реципиентов старые дипломатические и иные представительства, русские общественные организации за границей продолжили деятельность от имени законной власти, от имени России. Противостояние советской власти и Зарубежья в условиях непризнания первой иностранными державами позволяло действовать вне России обширной системе эмигрантских учреждений, ставших олицетворением и символами российской государственности. Поскольку опыта взаимодействия с беженцами как особой категорией иностранцев не было накоплено ни в одной стране, самоорганизация диаспоры частично компенсировала отсутствие соответствующих институтов в принимающем обществе.

Кроме того, если Советская Россия воплощала революционные перемены, то Зарубежная декларировала отстаивание классических ценностей, заявляя, что изгнанники унесли с собой Родину на подошвах своих сапог, вместе с родной почвой, которая питает культуру, духовность, что они находятся «не в изгнании, а в послании».

Эмиграция сделала попытки создания преемственного органа власти. Появились структуры, выполнявшие квазигосударственные функции: Совещание послов, созданное 2 февраля 1921 г. как неофициальный орган, объявивший о равноправии интересов российских граждан и «русского достоинства» за рубежом⁶; Русский совет, образованный 15 ноября 1920 г. во главе с П.Н. Врангелем, в котором русские общественные организации в Константинополе видели, «как прежде, главу русского правительства и преемственного носителя власти, объединяющего русские силы»; Русский парламентский комитет (РПК), идея создания которого возникла 12 декабря 1920 г. на Совещании членов законодательных палат, состоявшемся в помещении русского посольства в Париже (РПК взял на себя задачу содействовать делу борьбы путём организации связи и сотрудничества с представительными учреждениями Европы); Исполнительная комиссия членов Учредительного собрания (Париж, 1921–1922), созданная в ходе частного совещания бывших членов Всероссийского Учредительного Собрания в январе 1921 г. и ставившая целью «обсуждение форм и способов

защиты международных интересов России»⁷; Русский национальный комитет (РНК) как результат съезда Русского национального объединения (5–12 июня 1921 г.), в котором приняли участие представители Торгово-промышленного объединения, Парламентского комитета, Русского Совета. И все они в той или иной степени пеклись об интересах россиян, оказавшихся за пределами родной страны.

Постепенно складывались элементы политической системы. В Зарубежье переместились центр российской общественно-политической мысли, партийные центры, пореволюционные идейные течения, образовались сотни общественных организаций.

Важнейшим структурообразующим элементом Зарубежной России выступила Русская Православная Церковь. Г. Трубецкой писал: «Мы, беженцы, как скинию Завета вынесли в своих странствованиях святыню нашей родной Матери православной Церкви. Она заменяет нам на чужбине родину, в ней находим мы поддержку, бодрость и утешение и неумирающую надежду»⁸. Православная церковь стала стержнем, притягивающим соотечественников, тем институтом, который позволял эмиграции сплотиться, проявить милосердие друг к другу, найти душевное спокойствие, осознать общность корней. Как вспоминал митрополит Евлогий, «в церковь шли не только помолиться, но и встретиться в церковной ограде со знакомыми, обменяться новостями, поговорить о политике, завязать какие-нибудь деловые связи... Несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной»⁹.

Сложилась система образования на русском языке. Чтобы сохранить русские корни, родную почву, в Зарубежье произошёл отбор столпов, констант, «консервация» традиций, т.е. было сохранено то, чего не следовало менять, чтобы не утратить идентичность. При создании русских школ преследовалось несколько задач: 1) преподавание предметов, формирующих национальное самосознание (Закон Божий, русский язык, литература, история, география, пение); 2) воспитание полезных членов общества, имеющих моральную и нравственную основу, ощущающих свои национальные корни; 3) материальная поддержка учащихся. Вузы призваны были готовить эмигрантскую молодёжь к активной профессиональной и общественной деятельности, обеспечить национальные интересы, потребности Зарубежья в тех или иных кадрах для воспроизводства жизнедеятельности, компенсировать отсутствие профессиональной подготовки по ряду специальностей на родине (например, богословие, юриспруденция)¹⁰.

Активно развивалась инфраструктура, формировавшая пространство исторической памяти, аккумулировавшая результаты деятельности собственной эмиграции (периодическая печать, издательства, библиотеки, музеи, архивы). Продолжали существовать русская литература, которую мировое сообщество отметило Нобелевской премией в 1933 г., музыка, балет, театр. Сохраняя прошлую Россию, которая была отрицаема большевиками, Зарубежье попыталось сберечь наследие во имя грядущего. По Д.С. Мережковскому, эмиграция – это не только путь с Родины, изгнание, но и возвращение, путь на родину: «Наша эмиграция – наш путь в Россию. *Emigrate* значит “выселяться”. Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую»¹¹. Зарубежная Россия реализовала «идею временного замещения русской жизни жизнью в русской культуре»¹².

Своим творчеством русское Зарубежье показало (и доказало) невозможность духовного разрыва с родиной. Жизнь на стыке миров рождала необычайную насыщенность и напряжённость духовной и художественной деятельности. Сложные условия конкуренции, инонациональная среда не привели к вырождению, хотя любая культура не способна развиваться без почвы, без корней. Созидательная деятельность Зарубежья 1920-х гг. воспроизвела ту основу, на которой смогла развиваться культура. В «Слове о Родине» Б.К. Зайцев рассуждал о том, что, дома, до эмиграции, у просвещённого слоя специально не воспитывалось чувство России, в пример всегда ставился Запад. И лишь в изгнании с ясностью ощутилась «связь истории, связь поколений и строительства и внутреннее их духовное, ярко светящееся, отличающее различными оттенками, но в существе своём всё то же, лишь вековым путем движущееся: своё, родное»¹³.

Единение в масштабах всего Российского Зарубежья демонстрировали общенациональные праздники, чествования, юбилеи. В багаже русской культуры нашлись имена и знаменательные события, ниспровергать которые в эмиграции не решался никто, независимо от идейных воззрений. Они и объединяли, и воспитывали. Цементировали значительную часть эмиграции Дни русской культуры, которые отмечались в день рождения А.С. Пушкина, 6 июня, начиная с 1925 г. Наиболее правая часть эмиграции демонстрировала своё единство в другой день – День непримирения – 7 ноября.

Своеобразным маркером «своего» мира, «для внутреннего пользования», стало восстановление социального статуса членов эмигрантского сообщества. В Зарубежье России продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность прежних социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения¹⁴. Для многих эмигрантов, особенно тех, социальный статус которых понизился, идея принадлежности к единому целому, воплощавшему старую Россию, являлась необходимой опорой, придавала смысл жизни в чужих краях. Отсюда – создание землячеств, ассоциаций выпускников вузов (Московского, Петербургского университетов, Петербургского технологического института, бывших лицейств и др.) Всё это обеспечило способность и возможность для эмиграции самоорганизоваться и вести относительно самодостаточный образ жизни.

Феномен Зарубежья был признан на международном уровне. Логичным завершением процесса признания бывших граждан Российской империи, не принявших советскую власть, лицами, оставшимися без попечения государства своего происхождения, стало принятие сначала соглашения 1928 г., а затем Конвенции о правовом статусе русских беженцев 30 июня 1933 г. Данный результат стал возможен благодаря упорному сопротивлению ассимиляции, стремлению сохранить элементы и признаки российской государственности, заявить мировому сообществу и убедить его в особости своего положения.

Эмиграция была представлена в Совещательном комитете Лиги наций (от Земгора – Н.И. Астров и С.В. Панина, от Совещания послов – К.Н. Гулькевич, от Российского Общества Красного Креста (РОКК) – Ю.И. Лодыженский), российские юристы участвовали в разработке нансеновского паспорта, вносили предложения при формировании правового положения беженцев. Верховный

комиссар по делам беженцев (до 1924 г. – по делам русских беженцев) Ф. Нансен¹⁵ регулярно встречался с представителями эмигрантских организаций, с ними координировали свою деятельность правительства.

Нансеновские паспорта, которые должны были заменить российские, т.е. выданные в бытность Российской империи или российскими миссиями за рубежом, становились символами потери национальной принадлежности, русскости. Поэтому так остро реагировала эмиграция на их введение. Лишь десятилетие спустя к этим удостоверениям личности стали относиться как символу оппозиционности советской власти.

Признание миссионерской роли эмиграции диктовало модель поведения эмиграции 1920-х гг. не только в плане беспримерной деятельности по созданию зарубежом собственной культуры, но и при обсуждении возможности/необходимости натурализации¹⁶.

Читатели «Последних новостей» спрашивали: «Должны ли мы до бесконечности оставаться беженцами, или, найдя приют в данной стране, обладая её языком и приняв в известной степени её нравы, не должны ли мы, наоборот, натурализоваться? Вот вопрос, который с давних пор мучит многих соотечественников, разбросанных по всем странам света». В доказательство целесообразности натурализации приводились такие основания. Неясная перспектива падения советской власти и отсутствие гарантий возвращения даже в случае её краха. Адаптация в стране проживания (деловые, интимные связи с жителями страны) при том, что эмигранты продолжали оставаться «этранжерами», т.е. бесподданными, лишёнными элементарных гражданских и тем более политических прав. Конечно, натурализация не означала денационализацию, не предполагала утрату любви к «дорогой каждому изгнаннику русской национальной культуре», но дети, приходя из школы, сообщали о своих новых национальных героях – Жанне д'Арк или Ричарде Львиное Сердце. Но натурализация как бы давала высшую санкцию на приобретение новой национальности «уже по существу, а не только по соображениям целесообразности»¹⁷.

Вместе с тем, бичом эмиграции стало отсутствие основы для объединения, кроме антибольшевистской. На IV академическом съезде его председатель – профессор В.Т. Коренчевский – сделал доклад о необходимости делового объединения русской эмиграции. Он говорил о трудностях, на которые наталкивались попытки получить помощь в западноевропейских странах, и особенно в США, и назвал следующее: 1) многочисленность русских организаций, 2) нередко враждующих между собой, 3) «окрашивающих всё политическим цветом». Вместо деловых предложений о размерах, форме, видах, условиях помощи организации, пользующейся доверием и поддержкой эмигрантских масс, – навешивание политических ярлыков и разговоры о недостатках «конкурентов»¹⁸. «В особенности американцам нежелательно, – замечал Т.В. Коренчевский, – чтобы на их помощь был бы наклеен какой-либо политический ярлык. Не партиям, а русским они хотели бы помочь». Он предлагал, чтобы каждая Академическая группа в своей стране объединяла вокруг себя неполитические организации, местные объединения. По выполнении этой задачи правление союза совместно с другими центральными организациями эмиграции создало бы съезд этих местных объединений.

В качестве примера высокой степени политизированности академической среды можно привести повестку дня одного из заседаний Русского общества врачей в Париже в 1925 г.: первый вопрос – «О казуистике желчекаменной болезни», второй – «Об участии в Зарубежном съезде». Не миновал раскол и РПЦ, что привело к образованию Русской Православной Церкви за рубежом¹⁹. В.А. Маклаков считал, что «разделение церквей есть, конечно, печальный скандал, более сенсационный, чем аналогичные расколы среди писателей, адвокатов, докторов»²⁰.

Поскольку эмиграция удавалось отстаивать самостоятельное жизненное пространство, бороться с денационализацией, можно говорить о Зарубежной России как самодостаточном организме, которому удалось активизировать факторы самовоспроизводства.

К Зарубежной России страны относились по-разному, у некоторых её существование вызывало обеспокоенность. Например, на сентябрьской сессии Лиги Наций 1928 г. после двухчасовых прений комиссия по социальным вопросам под председательством «всегда благожелательного к русским» серба Константина Фотича, бывшего офицером русской армии, одобрила представленный французским депутатом Полем Бастидом обстоятельный доклад по беженскому вопросу. Доклад одобрил все административные и юридические предложения Ф. Нансена и А. Тома. Неожиданно Бастид указал, что единственным радикальным решением беженской проблемы было бы либо возвращение беженцев на родину, либо полная ассимиляция их в давших им приют странах. Поэтому он обратился с просьбой к правительствам оказывать беженцам льготы при натурализации. Ф. Нансен решительно возразил как против репатриации, так и натурализации: о возвращении русских на родину не может быть и речи, лишь армяне могут быть водворены в пределы советской Армении, а что касается натурализации, то большинство русских отклоняет всякую мысль о приобретении новой национальности; кроме того, существует масса затруднений, особенно в странах, пограничных с СССР, где «ассимиляция» представляется иногда, по многим причинам, совершенно невозможной. Политики стран проживания не без основания призывали отказаться от излишней сентиментальности в отношении к изгнанникам и трезво взглянуть на положение дел: «Русская эмиграция заполняет свою жизнь постоянными спорами и борьбой и нельзя назвать ни одного творческого действия с её стороны», – утверждалось в демократической печати²¹.

В Зарубежье также раздавались голоса об излишней замкнутости русского мира, о том, что эмиграция «почти не делает попыток ощутить бисие жизни новой Европы, узнать и понять искание мысли, чувства и общественного строительства, которые напряжённо волнуют современный Запад», «интересуются лишь тем, что имеет косвенное отношение к России, да и то, довольствуясь газетными крохами и случайными сведениями»²². Отгороженность от чужой жизни, замкнутость в собственном кругу создавали «опасность некоей провинциальной психологии»²³. Осознание, что нет непримиримости между национальным самосознанием и принятием иностранной жизни, пробивалось с трудом из-за отсутствия подпитки с родины. Британский делегат Купер, требуя скорейшей ликвидации беженской проблемы, сетовал по поводу того, что рождаются «маленькие беженцы», которые вырастут, смотря на страну, в

которой живут, как на чужую им. Следует поэтому, заключил Купер, всячески поощрять беженцев к натурализации и воспитанию детей как уроженцев новой родины. Что касается итальянского делегата Сувича, то он настаивал на принятии мер к незамедлительной ликвидации денежной помощи со стороны Лиги, которая не должна, по его убеждению, превратиться из-за беженцев в огромную благотворительную машину²⁴.

Таким образом, в 1920-е гг. Зарубежная Россия являлась саморазвивающейся системой, существовала в режиме самосохранения, как структурированный институт компромисса между мировым сообществом, принимающей страной и Зарубежьем. Философ В.В. Зеньковский отмечал: «Эмиграция численно составляет такую ничтожную часть России (едва ли больше 2%), а всё же у нее есть свой лик России, свой русский опыт, свои страдания, своя Голгофа»²⁵. Как бы развивая эту мысль, значительно позже, уже в 1961 г., литературный критик Г.В. Адамович в книге «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» отстаивал своё право сказать, что в истории ещё не было явления, схожего с русской послеоктябрьской эмиграцией. <...> Историческая единственность, историческая исключительность русской эмиграции – вне сомнений»²⁶.

С конца 1920-х гг. «русский мир» стал не только значительно меняться, но и численно сокращаться. Речь идёт не только о естественной убыли, но и об активной натурализации. Так, к 1938 г. состав русской колонии в Болгарии «лишился наиболее действенной своей части, перешедшей в болгарское подданство»²⁷. Даже сами изгнанники понимали, что в этих условиях претендовать на лидерство в «русском вопросе», играть «политическую роль и выступать от имени России или просто эмиграции» невозможно. Е.В. Саблин, основавший в Лондоне Русский дом, например, саботировал, насколько было сил, «доморожденных бриттов», т.е. «всяких Ивановых, Петровых и Сидоровых, обзаведшихся британскими паспортами», но продолжавших заниматься русскими делами²⁸.

Тема смерти становилась чрезвычайно злободневной, она звучала всё настойчивее в переписке, в литературе, т.к. деятели эмиграции, чьими руками создавался феномен Зарубежья, уходили из жизни. Г.Н. Кузнецова отмечала в «Грасском дневнике», что эмиграция живет в «атмосфере беспрестанных смертей». Возникало острое ощущение, что похороны видных деятелей эмиграции приобретали символическое значение похорон Зарубежной России. В литературных произведениях 1930-х гг. основными темами становятся дробление и распад жизни, тленность бытия. Призрачность и обречённость эмигрантского существования осознавались с особым трагизмом и безысходностью. Отсутствие почвы формировало мироощущение катастрофы или бесконечного путешествия. Е.Д. Кускова писала С.П. Постникову 9 января 1933 г.: «Желаю Вам того же, чего и себе, – увидеть землю! Как в плавании по бурному морю-океану: земли, земли! А земля всё от нас как будто отдаляется... Продержимся ли? Или бесславно утонем?»²⁹. Быт эмигрантов переставал ориентироваться на воспроизводство привычных русских образцов а всё более и более диктовался местными национальными культурами и традициями что предопределяло постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляцию значительной части русских беженцев населением тех стран где они проживали. Русские изгнанники даже потеряли пресловутую монополию на нансеновские паспор-

та. Замкнутый, обособленный мир постепенно разрушался, русская среда размывалась, ресурсы для её воспроизводства истощались.

Таким образом, складывание и длительное существование русского зарубежья обуславливалось не столько приспособлением к чужой бытовой обстановке, сколько способностью создать самодостаточный организм, условия жизнеобеспечения, активизировать факторы самовоспроизводства. Авторитет лидеров зарубежной России, эмигрантское представительство на разных уровнях, в том числе на международном, относительная автономность позволяют говорить о том, что с «русским миром» считались, и этот феномен был признан мировым сообществом. Некоторые правовые лакуны постаралась заполнить Лига наций в лице верховного комиссара по делам русских беженцев. Российскому Зарубежью долгое время удавалось отстаивать самостоятельное жизненное пространство, бороться с денационализацией³⁰, оно не просто заявило о преемственной связи с прежним правопорядком, но и сделало реальные шаги по сохранению национального и культурного единства.

В 1920-е гг. Русский мир являлся саморазвивающейся системой, существовал в режиме самосохранения, как структурированный институт компромисса между мировым сообществом, принимающей страной и Зарубежьем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.

² Иванович М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в первой половине 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакию между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2; *он же*. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 37–40 и др.

³ Возрождение (Париж). 1928. 30 августа.

⁴ Там же.

⁵ Яценко А.С. Юридическое положение русских за границей // Русский Берлин / сост., предисл. и перепечатки В.В. Сорокиной. М., 2003. С. 39.

⁶ Подробное см.: Миронова Е.М. Обзор основных направлений деятельности русских представительств в изгнании // Проблемы истории Русского Зарубежья. М., 2005. Вып. 1. С. 122–134; Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: переписка 1919–1951. М., 2001. Т. 1. С. 16–96; *он же*. «Пронунциamento» трёх чиновников Министерства иностранных дел (К истории возникновения Совета российских послов в Париже) // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 9–18.

⁷ См.: В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: сб. док. и материалов. М., 2008; Кошкидько В.Г., Чубыкин И.В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 года (по материалам Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия. 1917–1939 г. СПб., 2000. С. 16–19 и др. Совещание избрало Исполнительную комиссию в составе Н.Д. Авксентьева, М.М. Винавера, В.М. Зензинова, А.Ф. Керенского, А.И. Коновалова, С.Н. Максудова, Н.В. Макеева, П.Н. Милокова и О.С. Минора. На комиссию были возложены проведение в жизнь постановлений Совещания, подготовка к следующему Совещанию членов Учредительного собрания всех необходимых материалов для создания постоянного органа представительства интересов России за границей, изучение вопросов о положении российских граждан и государственного имущества России за границей. В составе Исполнительной комиссии первоначально были созданы три отдела: защиты русских граждан, финансово-экономический, международно-политический. В дальнейшем были образованы: подотделы военнопленных и интернированных, юридический подотдел и при нём юридическая комиссия, информационное бюро, отдел внешних сношений. Комиссия прекратила свою деятельность осенью 1922 г.

⁸ Трубецкой Г., кн. О единстве Церкви // РМ. 1923. Кн. VI–VIII. С. 284.

⁹ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994. С. 458.

¹⁰ См.: Волощина В.Ю. Вырванные из родной почвы: Социальная адаптация российских учёных-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013; Бочарова З.С. Основы национальной системы образования в Зарубежной России 1920-х гг. // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты, личности: материалы XIII Всерос. науч.-практич. конф. Москва, 14–15 мая 2009 г. М., 2009; и др.

¹¹ Мережковский Д.С. Наш путь в Россию // Вестник РХД. 2006. № 191. С. 244.

¹² Филип М. От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). М., 2000. Т. 1. С. 7.

¹³ Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М., 1992. С. 375.

¹⁴ Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // СЗ. 1939. № 69. С. 376.

¹⁵ Созданный при Лиге Наций в 1921 г. верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном имел в ряде стран своих представителей, получивших официальный статус после подписания международного соглашения 1928 г., а затем конвенции о юридическом статусе русских беженцев 1933 г. Одной из функций представительств стала заверка копий документов эмигрантов, составленных на русском языке, и их переводов на иностранный язык; подтверждение перед местными властями прежнего места службы, профессиональной квалификации, университетских и академических званий, выдача удостоверений, заменявших утерянные и оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже и пр.; рекомендация беженца компетентным властям, в частности, по вопросам допуска в школы, библиотеки и т.д.

¹⁶ Можно ли натурализоваться? // ПН. 1928. 8 ноября.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Возрождение. 1928. 25 сентября.

¹⁹ 17 мая 2007 г. Русская Православная Церковь и Русская Православная Церковь за рубежом подписали в Москве Акт о каноническом общении. Это событие стало логическим завершением длительного периода разделения двух частей русского православия. В настоящее время в Русской Зарубежной Церкви 8 епархий и более 300 приходов.

²⁰ В.А. Маклаков – Е.В. Саблину. Париж, 13 сентября 1938 г. // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 113.

²¹ Цит. по: Николаев Д.Д. Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 127.

²² Николаев Д.Д. Указ. соч. С. 128.

²³ Сазонова Ю.Л. Денационализация // Русский язык в Зарубежной России. М., 2007. С. 183.

²⁴ В.Ф. Беженский вопрос в Лиге Наций (Письмо из Женевы) // Возрождение. 1928. 20 сентября.

²⁵ Зеньковский В.В. Религиозное движение среди русской молодёжи в эмиграции // Зеньковский В.В. Собрание сочинений. В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 128.

²⁶ Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру // Адамович Г. Единчество и свобода / сост., автор предисл. и прим. В. Крейд. М., 1994. С. 143.

²⁷ Е.В. Саблин – В.А. Маклакову. Лондон, 27 февраля 1940 г. // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 323.

²⁸ В.А. Маклаков – В.Н. Штрандтману. Париж, 24 октября 1935 г. // Там же. М., 1998. Кн. 1. С. 343.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 29.

³⁰ Под денационализацией понимаются угроза и реальные явления утраты подрастающим поколением личностных установок на сохранение национальной идентичности, языка, культуры, знания отечественной истории и литературы и принятие под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны проживания.

Л.П. Муромцева

Российское научное наследие в западном интеллектуальном пространстве

Аннотация: Российская наука за рубежом не только не уступала по уровню мировой науке, но и многим её обогатила. Причём значительные успехи были достигнуты представителями различных отраслей знания – в сфере гуманитарных, точных и естественных наук. В то же время российские учёные являлись проводниками достижений европейской и американской науки, иностранной академической и университетской культуры – для студенческой молодежи и эмигрантского сообщества в целом. Готовность российской эмиграции к диалогу, восприятию достижений западной цивилизации и в то же время культурная самодостаточность российского зарубежья обусловили его существенное влияние на развитие науки, искусства, бытовых традиций во многих странах и регионах мира на протяжении всего XX столетия.

Annotation: The level of Russian science abroad was not lower than the level of World science. Russian science also enriched Western science a lot. Russian scholars of different science spheres made the significant progress in arts, physical sciences and natural sciences. At the same time Russian scientists were the guides of the achievements of European and American science, foreign academic and university culture achievements for college students and emigrant society on the whole. Readiness of Russian expatriates for dialogue, perceiving of Western civilization achievements and at the same time cultural self-sufficiency of Russian society abroad determined its substantial impact on the development of science, art and everyday traditions in many countries and world regions for the whole XX century.

Ключевые слова: российская научная эмиграция, наука за рубежом, академические группы, Русский академический союз, интеграция, Русский институт, Славянский институт.

Key words: Russian scientific emigration, science abroad, academic groups, Russian academic association, integration, Russian Institute, Slavonic Institute.

Формирование российского эмигрантского научного наследия в XX веке происходило под значительным влиянием западной цивилизации, в научном и культурном пространстве которой складывалась институциональная основа российского зарубежья, осуществлялась научно-исследовательская и преподавательская деятельность.

Практически на всём протяжении XX века российские учёные имели все предпосылки для успешной научной работы за границей. Этому способствовали их минимальная политизированность, высокая организованность и корпоративность, хорошее владение иностранными языками. Русские философы, филологи, социологи, юристы, математики, физики, металлурги, представители других наук внесли значительный вклад в развитие русской зарубежной и мировой науки. Обзор их достижений, получивших известность уже к концу 1930-х гг., был представлен в известной брошюре Г.Н. Пио-Ульского, в которой названы имена В.И. Юркевича, И.И. Сикорского, В.Н. Ипатьева, С.П. Тимошенко, В.П. Аршаулова, А.Б. Гирбильского, П.Б. Струве, Ю.Н. Вагнера, А.Р. Игнатовского, В.В. Фармаковского и других выдающихся российских учёных¹.

Деятельность российской эмигрантской интеллигенции в научной сфере в 1920–1930-е гг. развивалась в непосредственном взаимодействии с зарубежным академическим миром и системой высшей школы. Многие известные учёные задолго до эмиграции приобрели связи с научной и творческой интеллигенцией в Европе и Америке, что облегчило их процесс адаптации, способствовало поддержанию контакта с эмигрантами в других странах и создавало условия для формирования системы русского научного зарубежья, включая процесс институционализации научной деятельности.

Характер и уровень их интеграции в мир науки и образования принимающих стран имел довольно значительные различия. Качественные характеристики российских учёных-эмигрантов нередко превосходили научный уровень их коллег в Центральной и Восточной Европе. В лице российской эмигрантской интеллигенции Чехословакия, Югославия, Болгария получили квалифицированных специалистов – инженеров, профессоров, врачей, на образование которых принимающие государства не потратили, по выражению Г.Н. Пио-Ульского, «ни одного динара»².

Важнейшим фактором развития в Европе 1920–1930-х гг. центров российской академической науки и образования стало решение правительства Чехословакии пригласить в свои научные учреждения российских учёных. Там собрались русские историки, архитекторы, математики, физики, геологи, зоологи, ботаники, а также представители российской интеллектуальной элиты, оказавшиеся в эмиграции в результате принудительной высылки интеллигенции из Советской России осенью 1922 г. Всего за период 1921–1923 гг. «тысяча русских студентов и более 150 учёных обосновались в Праге»³. В начале 1920-х гг. в честь прибывших русских учёных в Праге был организован вечер «в самом нарядном пражском зале, устроенный руководящими кругами чехословацкого общества. В широких слоях чешского буржуазного и буржуазно-интеллигентского общества эмигрантов встречали как желанных гостей»⁴.

Сосредоточение российских учёных в Чехословакии определялось также их тяготением к привычной социально-языковой среде. Так, например, для М.М. Новикова при переезде из Берлина в Прагу немаловажный мотив был связан с пребыванием в Чехословакии его коллег по московским и петроградским вузам⁵. Точно так же Н.П. Кондаков, обосновавшийся первоначально в Софии, вскоре «вынужден был перебраться в Прагу из-за отсутствия необходимой научной литературы и крайне ограниченного круга интеллектуального общения»⁶.

Взаимоотношения между российскими учёными-эмигрантами и западным сообществом успешно развивались в образовательной сфере. Спецификой российско-чешского культурного взаимодействия было создание именно русских учебных заведений, что стало возможным в результате предыдущих культурных связей двух стран, которые подготовили целую прослойку в чехословацком обществе, знающую русский язык и литературу, интересующуюся русской культурой и понимающую её.

В значительной степени инициатива межкультурного и научного диалога эмиграции и общества ЧСР исходила от чешской интеллигенции и политической элиты. В результате государственной поддержки правительства в рамках «Русской акции» за несколько лет русская диаспора, в условиях поощрения свободного творчества, создала собственную русскую систему образования в Чехословакии. В Праге работало около десятка высших русских учебных заведений с преподаванием на русском языке, что было очень важно для многих студентов-эмигрантов, не знавших иностранных языков или знавших их недостаточно хорошо. Однако все эти вузы в той или иной степени стали центрами культурного и научного взаимодействия российской и чехословацкой интеллигенции. Одним из первых образовательных учреждений русской Праги был Русский юридический факультет, основанный в 1922 г. с разрешения МИД ЧСР и Министерства народного просвещения ЧСР юристом и философом П.И. Новгородцевым. Для развития Русского юридического факультета в Праге (далее – РЮФ) особое значение имело его взаимодействие с Карловым университетом, под протекторатом которого он находился; занятия велись в помещении философского факультета Пражского университета. Главной целью РЮФ была подготовка юристов для будущей России. При этом в числе студентов РЮФ и других учебных заведений были не только представители различных народов бывшей Российской империи (украинцы, белорусы, осетины и т. п.), но и Чехословакии и ряда других европейских стран.

Если главной задачей начальной и средней русской школы за рубежом было изучение русского языка, истории, природоведения, то эмигрантские вузы, помимо этого, преследовали и другую цель – подготовку молодёжи к профессиональной и общественной деятельности в постбольшевистской России и создание для русской интеллигенции возможностей для продолжения творческой работы за рубежом⁷.

Многие российские зарубежные вузы и просветительные центры стремились к более глубокой интеграции в образовательное пространство стран-реципиентов. При этом правильно организованная историко-культурная деятельность помогала им создавать респектабельный имидж в западном общественном мнении. Политику сближения с чешским обществом проводил Русский Народный (Свободный) университет в Праге (далее – РНУ), педагогический коллектив которого не удовлетворяла роль диаспорального просветительского центра. В становлении и деятельности РНУ ведущую роль сыграл бывший ректор Московского университета, профессор зоологии и сравнительной анатомии Михаил Михайлович Новиков (1876 – 1965), который явился одним из лидеров российского эмигрантского историко-культурного и просветительского движения⁸.

Оказавшись с семьёй первоначально в Берлине, Новиков активно участвовал в организации там Русского научного института. В 1923 г. он перебрался в Прагу, где на протяжении 16 лет возглавлял Русский народный университет, являясь также профессором Карлова университета и президентом комитета по поддержанию Русской биологической станции в Виллафранке (на Средиземном море, недалеко от Ниццы)⁹. На протяжении многих лет авторитетный учёный-зоолог считал своим неперенным долгом популяризацию достижений отечественной науки. В 1935 г. он выпустил в Праге книгу «Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую научную библиографию»¹⁰. Как ректор РНУ Новиков принял активное участие в создании Русского культурно-исторического музея (далее – РКИМ)¹¹.

Осенью 1925 г. Русский Народный университет вышел из числа учреждений Земгора. К этому времени было организовано особое чешско-русское «Общество Русского народного университета», которому стал подчиняться и данный университет. Ректором РНУ и председателем Совета оставался М.М. Новиков, председателем Общества Русского народного университета – профессор Высшей технической школы в Праге д-р Зд. Бажант. Секретарём обоих обществ являлся профессор М.А. Циммерман¹². Университет «несколько изменил программу деятельности, обратив внимание на более широкое привлечение чешской аудитории»¹³. В результате Русский Народный университет стал русско-чешским просветительным центром. Действовал он под контролем двух чешских министерств: Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения¹⁴.

Русский народный университет имел шесть отделений. Отделением общественных наук заведовал Н.С. Тимашев, историко-философским отделением – А.А. Кизеветтер, отделением естественных и прикладных наук – В.В. Лепёшкин, отделением специальных курсов – А.М. Елагин, отделением русского языка и чтений о России – Е.А. Ляцкий. В 1926 г. открылось отделение по изучению Чехословакии (председатель Й. Поливка)¹⁵.

Важной стороной деятельности РНУ в Праге была разработка образовательных программ, направленных на ускоренную языковую и профессиональную адаптацию эмигрантской молодёжи в Чехословакии¹⁶. Одной из задач РНУ было укрепление связей между чехословацким и русским народами¹⁷.

Крупными центрами российской науки в Чехословакии были Экономический кабинет С.Н. Прокоповича и Институт изучения России. Примечательно, что этими двумя учреждениями устраивались совместно экономические беседы, на которые приглашались «русские и чешские экономисты и общественные деятели, интересующиеся экономическими вопросами»¹⁸. Русский институт в Праге, учреждённый Союзом русских академических организаций за границей в 1922 г., имел своей задачей «сближение России с Чехословакией и распространение сведений о России, русской культуре и результатах текущих работ русских учёных, писателей и представителей всех областей знания и искусства»¹⁹. В 1922–1923 гг. в Русском институте было прочитано несколько циклов лекций, посвящённых истории экономического развития России (П.Б. Струве), русской философской мысли (Г.В. Флоровский и П.И. Новгородцев), русской истории (А.А. Кизеветтер, Н.Н. Алексеев), русской

литературе (А.В. Маклецов), русской внешней политике (Г.Н. Михайловский), о политических, экономических и культурных связях России и Чехословакии (М.А. Циммерман). Представителей чешской интеллигенции привлекали также лекции, посвящённые русскому языку, русской философии, русской музыке, русскому театру, русской науке²⁰.

Российской интеллигенцией в сотрудничестве с чешскими учёными было создано научное общество, занимающееся изучением городского самоуправления в Чехословакии, – «Муниципальное бюро», или «Общество для изучения городского самоуправления Чехословакии», которое «сделало предметом своего изучения вопросы не только городского, но и земского самоуправления, а также вопросы о самостоятельности населения вообще»²¹. В дальнейшем оно расширило территориальную сферу своего изучения, распространив её и на другие страны Западной Европы, а также на историю городского самоуправления в России. Однако, поскольку деятельность общества во многом совпадала с научными исследованиями Института изучения России и Экономического кабинета С.Н. Прокоповича, после 1926 г. его существование прекратилось.

Одним из проявлений российско-чешского научного и культурного взаимодействия в 1920–1930-е гг. было создание совместных исследовательских центров. В апреле 1926 г. по инициативе сибиряков-эмигрантов, живших в Праге, а также чехов – бывших служащих Сибирского легиона было образовано Сибирское общество, которое ставило своей задачей объединение сибиряков «на почве удовлетворения их духовных и материальных нужд». Другой задачей было изучение Сибири с перспективой дальнейшего экономического сотрудничества России и Чехословакии. Сибирское общество ставило перед собой цель ознакомления чехословацких промышленных, торговых и общественных кругов с нуждами, потребностями и состоянием Сибири и «уяснение всех тех экономических возможностей, которые, естественно, вытекают из общих интересов, в первую очередь славянских народов». На почве изучения данных проблем предполагалось взаимное сближение русского и чехословацкого народов, которое было «заложено и закреплено на широких просторах Сибири в 1918–22 гг.»²²

Для исследовательских целей был создан специальный Сибирский отдел в Институте изучения России, который занимался сбором и обработкой информации об истории, культуре, экономике Сибири, в том числе на основе данных советской справочной и научной литературы, газет и журналов. Обществом проводились семинары, лекции, вечера, на которых присутствовала эмигрантская и чешская публика. После закрытия в 1929 г. Института изучения России Сибирский отдел института был преобразован в Кабинет изучения Сибири при Земгоре. Кабинет продолжал свою работу, привлекая к ней отдельных членов общества.

В 1928 г. был основан Славянский институт как русско-чешское научное учреждение. Он сыграл значительную роль в культурно-просветительной работе русских эмигрантов. Институт размещался в одном из красивейших в Праге дворцов – старинном дворце графов Лобковицких. В 1930-х гг. Славянский институт организовывал выставки русской эмигрантской диаспоры, содействовал открытию Русского культурно-исторического музея²³.

Концентрация в Праге цвета научной и культурной российской интеллигенции, возникновение учебных и научных русских институтов, наличие многих историко-культурных и просветительных обществ создали условия для аналитического осмысления процессов, происходивших в дореволюционной и послереволюционной России. Российской эмиграции необходимо было подвести итоги историческим событиям первой четверти XX века, изучить современное положение России для того, чтобы выработать дальнейшую программу действий. Историко-культурная деятельность при этом становилась частью процесса решения данной задачи. В связи с этим вполне логично выглядит тот факт, что «основной темой для исследования становилась Россия, оценивалось её место в современном мире, её дальнейшая судьба, а большинство учёных проповедовало мессианские взгляды об особом призвании России»²⁴. Российские учёные-эмигранты уделяли большое внимание изучению русско-чешских отношений, культурных и политических связей между Россией и Чехословакией. Среди русских историков этими проблемами занимались В.А. Францев и А.В. Флоровский.

«Русские учёные в Чехословакии развивали историческую науку, несли её завоевания в науку и культуру Чехословакии, оказывая тем самым на них огромное нравственное воздействие, расширяли свой научный кругозор в общении с чешскими учёными и деятелями культуры, укрепляли научные и культурные связи славянских народов»²⁵.

Большинство образовательных и научных структур российской эмиграции в ЧСР издавали записки и сборники трудов, которые поступали в ведущие эмигрантские и чешские библиотеки, пополняя информационное пространство европейской культуры.

Российские учёные в Чехословакии успешно работали в области точных и естественных наук. Так, например, в Праге вели научные исследования академики отец и сын Н.И. и Д.Н. Андрусовы, оказавшие значительное влияние на развитие чехословацкой геологической школы. Дмитрий Николаевич Андрусов, специализировавшийся на геологии Карпат, с 1929 г. стал ассистентом профессора Кеттнера и был одним из создателей Карпатского геологического общества. В 1938 г. в Братиславе он основал Геологический институт и начал издавать «Геологический журнал»²⁶. В Чехословакии в довоенный период была востребована не только интеллектуальная элита российской эмиграции, но и кадры технических специалистов – инженеров, агрономов и т. п. Так, заводы фирмы «Шкода» почти во всех своих отделениях имели русских инженеров.

Уже в 1920-е гг. российская эмиграция подняла престиж Праги и всей страны как центра передовой науки и культуры. Здесь проходили международные съезды и выставки, организованные эмигрантами. Деятельность научных и культурных организаций российской диаспоры поставила Прагу в один ряд с такими центрами науки и культуры, как Берлин, Париж, Нью-Йорк, способствовала развитию чешской науки и искусства.

Приход россиян в интеллектуальное пространство Запада вёл к определённому синтезу: мировая наука и экономика обогащались идеями и изобретениями российских учёных, традициями отечественной университетской среды. При этом представители российской профессуры, благодаря своему научному авторитету, сложившемуся ещё в дореволюционную эпоху, и знанию

иностранных языков, были способны оказывать порой весьма значительное влияние на иностранную академическую среду и образовательный процесс. Это влияние наблюдалось, в частности, в процессе участия российских деятелей высшей школы в работе Белградского и Софийского университетов.

Югославия в 1920–1930-е гг. также «нуждалась в интеллигентных работниках высокой культуры, и она их нашла в лице русских специалистов, принесших в страну свой опыт, свои знания и любовь к труду»²⁷. Российская университетская интеллигенция существенно повлияла на облик профессорско-преподавательского состава Белградского университета. В наибольшей степени эмигрантские педагогические силы были задействованы на техническом и сельскохозяйственном факультетах, где российская профессура составляла в отдельные годы более 37 % преподавательского состава²⁸. Прибытие в Югославию учёных и квалифицированных специалистов различного профиля (среди которых было девять учёных, уже в 1930-е гг. ставших академиками Сербской Академии наук, а также свыше 600 преподавателей) «заполнило тот вакуум, который образовался в сербском (прежде всего) и в югославском обществе, экономике и культуре в результате гибели огромного числа людей в только что закончившейся войне», – отмечал сербский историк М. Йованович²⁹.

Профессором Белградского университета был филолог и историк-славист А.Л. Погодин, возглавлявший Археологическое общество в Белграде. На естественно-математическом отделении философского факультета работал А.Д. Билимович, на математическом факультете Белградского университета преподавали будущие академики Сербской Академии наук Н.Н. Салтыков и В.Д. Ласкарев, на медицинском факультете – С.К. Сафотеров, А.И. Игнатовский и др.³⁰ Благодаря российским учёным в Югославии были основаны новые направления в науке и производстве. Так, В.В. Фармаковский стал основателем Института машиностроения, который был назван его именем. В Загребе профессор М.Н. Лапинский организовал кафедру невропатологии и клинику при медицинском факультете. Профессор Г.Н. Пио-Ульский, специалист в области паровых турбин, напечатал на сербском языке учебник аэродинамики и курс паровых турбин, завоевавший всеобщее признание в европейских научных кругах и переизданный во Франции. При Белградском университете Г.Н. Пио-Ульским был создан «машинный музей», который и до настоящего времени не утратил своей педагогической и материальной ценности³¹.

Центром совместной работы российских и сербских учёных был Русский научный институт в Белграде, в деятельности которого принимали участие П.Б. Струве, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, А.А. Кизеветтер, Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт³².

Российские профессора внесли значительный вклад в науку и высшее образование Болгарии. П.Е. Ковалевский, подчёркивая, что Софийский университет соответствовал всем требованиям, предъявлявшимся в начале XX века к высшей школе, особо выделял роль российских профессоров, читавших лекции на медицинском, юридическом и богословском факультетах. Примечательно, что на медицинском факультете восемь основных кафедр были заняты русскими профессорами, читавшими лекции по-русски; организации занятий способствовал тот факт, что библиотека Софийского университета была богата русскими книгами³³.

В таких странах, как Франция, Великобритания, США, российская эмиграция не могла оказывать системного, в ряде случаев решающего, влияния на научную и творческую среду, как это происходило в Чехословакии, Болгарии, Югославии, странах Латинской Америки. Тем не менее, по некоторым направлениям деятельности российские эмигранты смогли внести весьма серьёзный вклад в национальные образовательные системы и научно-техническую сферу мировых держав.

Российские учёные заняли достойное место в системе французской науки. Особенно заметную роль представители русской эмиграции играли в работе Института Пастера, куда были приглашены А.М. Безредка, С.И. Метальников, И.И. Манухин, В.Н. Анри (Крылов) и др.³⁴ Г.В. Вагагин стал основателем и директором Института физики в Турине³⁵. Пользовались научным авторитетом во Франции российские учёные-правоведы – Б.Э. Нольде, Б.С. Миркин-Гецевич, Б.Е. Шацкий и др. В декабре 1932 г. Б.С. Миркин-Гецевич был избран вице-директором Центра изучения Великой Французской революции, открытого в Сорбонне под руководством академика Жозефа Бартеlemi³⁶, и т. п.

Во Франции процесс культурного взаимодействия эмиграции с национальной академической и образовательной системой складывался несколько иначе. Французская наука и высшая школа была, в целом, самодостаточна, хотя и заинтересована в привлечении в свои ряды некоторых крупных российских учёных. С другой стороны, жизнь русской колонии во Франции, по крайней мере в 1920-е гг., также «была в целом самодостаточной и лишь фрагментарно соприкасалась с французской культурой»³⁷.

Проявлением заинтересованности правительства Франции в российских научных кадрах стало открытие в 1921 г. русских отделений в Сорбонне, а также создание ряда академических центров, предполагавших привлечение российских деятелей науки и высшей школы, прежде всего Института славистики. При Институте был учреждён Франко-русский комитет под председательством ректора Парижского университета Поля Аппеля, благодаря которому около 40 русских учёных получили возможность читать лекции и продолжать исследовательскую работу в лабораториях и библиотеке Сорбонны. Русские учёные читали лекции на трёх факультетах – юридическом, физико-математическом и историко-филологическом, на французском и русском языках. Историю права преподавали В.Д. Кузьмин-Караваев, М.В. Вишняк, П.П. Гронский, Д.М. Одинец, А.М. Кулишер, историю философии – Л.И. Шестов, А.В. Койре, литературу – М.П. Гофман, К.В. Мочульский и др.

Значительное число российских эмигрантов, прежде всего среди молодёжи, было ориентировано на активное восприятие западной культуры, языков, образа жизни. Ассимиляционным процессам способствовала политика поддержки эмигрантского студенчества в его стремлении получить образование в учебных заведениях Франции, Германии, США. Так, профессорские круги Франции сформировали «Организационную комиссию по обучению русских во Франции при Институте славистики», которая в первую очередь содействовала изданию научных и методических трудов русской профессуры в помощь студентам. В 1920-х гг., благодаря активности «Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей» (Фёдоровского комитета), французское правительство оказало значительную под-

держку российскому студенчеству, которое пополнило аудитории Сорбонны и других высших учебных заведений Парижа.

Французское правительство внесло в смету на 1923 г. 800 тысяч франков на стипендии русским студентам и 475 тысяч франков на оплату работы русских профессоров и учительского персонала в высших и средних учебных заведениях Франции³⁸. Распределение средств возложили на особый французский комитет, возглавляемый ректором Сорбонны Аппелем и членом французской Академии профессором Жантилем; членами комитета состояли русские профессора и преподаватели, члены Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, известные французские учёные и политические деятели. Города Безансон, Лиан, Нант, Пуатье, Нанси, Руан, Страсбург и др. ассигновали кредиты на стипендии русским студентам или предоставили им общежития в своих лицах.

Многочисленность российского студенчества, его ментальные особенности, сложившиеся в том числе в результате впечатлений и испытаний эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны, а затем жизни в изгнании, определяли стремление эмигрантской молодёжи к созданию в рамках иностранных университетов и других высших учебных заведений собственных корпораций и союзов. Это явление наблюдалось и в Праге, и в Риге, и в Сорбонне. Следует отметить, что в этом не было ничего необычного для интернациональной среды крупных европейских университетов. Но данное явление имело существенное значение в рамках российского зарубежья, поскольку способствовало сохранению культурно-языковой идентичности эмигрантской молодёжи, подвержавшейся значительному ассимиляционному воздействию.

Правительство Франции оказывало определённую поддержку стремлению российских эмигрантов-просветителей к сохранению культурно-языковой идентичности русской молодёжи. Французское законодательство в области просвещения в целом было благоприятным для культурно-просветительной деятельности русского зарубежья. «Бывали ситуации, когда нормы французского законодательства, сохранившиеся с довоенных времён, существенно облегчали правовое положение эмигрантов. Среди таких актов был закон об эквиваленте – созданный во времена франко-русского союза, он приравнивал русскую среднюю школу к французским лицеям, и по этой причине аттестат об окончании русской школы, даже созданной в эмиграции, открывал двери для выпускников во французские высшие учебные заведения»³⁹. Подобным полужабытым законом пользовались и русские учащиеся французских общеобразовательных школ: воспитанники этих учебных заведений обязаны были изучать один из иностранных языков. В перечне возможных вариантов, наряду с немецким, английским и итальянским, был указан и русский язык, который, естественно, и выбирали российские школьники. Русская гимназия в Париже, действовавшая с 1920 по 1961 г., вела обучение на основе дореволюционных программ российских общеобразовательных школ, дополнявшихся углублённым изучением французского и английского языка и некоторых других предметов⁴⁰. По инициативе П.Е. Ковалевского были созданы русские отделения при нескольких французских лицеях Парижа и Ниццы в интересах обучавшихся там детей российских эмигрантов⁴¹. На уровне высшей школы задачу поддержания российских образовательных традиций решал Русский

факультет Сорбонны, где, в частности, читались курсы по истории русского права, государственных учреждений и т. п.⁴²

Многие культурно-просветительные и корпоративные организации российской эмиграции во Франции приглашали французских учёных и общественных деятелей для выступлений и участия в заседаниях, что было возможно, в том числе, благодаря отсутствию языкового барьера между французскими и российскими участниками собраний. Интересен пример участия французских адвокатов в научных собраниях русских адвокатских организаций в Париже. Так, в Русской адвокатской группе 1 марта 1927 г. состоялась беседа французского адвоката Ц. Кампинги «Речи знаменитых французских адвокатов прошлого столетия и романтические процессы», а в декабре 1928 г. он же выступал в заседании Союза русских адвокатов с докладом «Наполеон – юрист» «в паре» с М.Г. Казариновым, читавшим доклад «Александр II – юрист»⁴³. При этом тематика докладов нередко была связана с проблемами, наиболее волновавшими эмиграцию. Характерной чертой русской эмигрантской колонии 1920–1930-х гг. во Франции являлся «постоянный неослабевавший интерес к событиям, происходящим в России»⁴⁴.

Важную роль в процессе интеграции российских эмигрантов в мировую науку сыграла американская политика привлечения талантливых специалистов, благодаря которой смогли реализовать свои способности многие из вышеперечисленных представителей русской науки в эмиграции.

В 1920–1930-х гг. в США переезжали многие российские учёные, в основном по приглашению университетов и научных центров. Их социально-культурная и языковая адаптация, за редким исключением, проходила достаточно сложно. Пребывание в США для многих российских учёных на начальном этапе эмиграции было очень тяжёлым из-за отсутствия привычной среды общения, морального одиночества. Тем не менее, научная работа российских эмигрантов в США отличалась высокой эффективностью. В историю американской и мировой науки вошли имена изобретателя телевидения В.К. Зворыкина, математика Я.Д. Тмаркина, физика Г.А. Гамова, химика Г.Б. Кистяковского, экономиста В.В. Леонтьева, историка М.И. Ростовцева и многих других учёных – российских эмигрантов. Выдающийся химик, академик В.Н. Ипатьев занимался исследовательской и преподавательской деятельностью в Чикагском и Северо-Западном университетах; в его лаборатории в Чикаго работали, в числе прочих, четыре российских специалиста⁴⁵. Американская научная общественность высоко оценила их заслуги перед страной, гражданами которой они стали.

Б.А. Бахметьев и другие российские специалисты своей педагогической деятельностью фактически определили вектор развития системы высшего технического образования в США в 1930–1940-е гг., привнеся в него российские традиции. «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы», – позднее писал С.П. Тимошенко, заслуживший неформальный титул «отца американской механики»⁴⁶. Он же указывал, что «основательная подготовка в математике и основных технических предметах давала нам громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нестандартных задач»⁴⁷. В 1927 г.

С.П. Тимошенко возглавил кафедру в Мичиганском университете, писал учебники и книги, а с 1936 г. преподавал в Стэнфордском университете. Он имел большой авторитет в США и Европе, а с 1964 г. был избран действительным иностранным членом АН СССР, что свидетельствует о признании научных заслуг российских учёных-эмигрантов и в Советском Союзе.

М.М. Новиков, переехавший после Второй мировой войны, в 1949 г., в США, читал там публичные лекции в научных и культурных учреждениях, несколько лет являлся руководителем Русской академической группы, опубликовал воспоминания «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике» и разработал проект создания Русского университета имени М.В. Ломоносова, оставшийся нереализованным, прежде всего из-за отсутствия финансовых средств. Признанием научных заслуг Новикова стало его избрание в 1957 г. действительным членом Американской Академии искусств и наук⁴⁸.

В течение многих лет вели преподавательскую и исследовательскую работу в США такие авторитетные представители исторической науки русского зарубежья, как А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.И. Ростовцев⁴⁹.

Способность российской эмиграции к плодотворной деятельности в условиях иностранной культурно-языковой среды проявлялась и в странах Латинской Америки, Африки, Китае и Японии. На развитие научной и культурно-просветительной деятельности российской эмиграции на Дальнем Востоке оказывали влияние «богатейшие древние традиции российско-китайских духовных и культурных связей»⁵⁰. В русском Харбине не только сложился центр эмигрантского востоковедения, но и было создано несколько образовательных структур, не уступавших по уровню организации и содержанию образовательного процесса аналогичным учреждениям российской эмиграции в Европе и США. О том, что деятельность Харбинского юридического факультета и политехнического института не была замкнута исключительно на потребности российской диаспоры, свидетельствуют интерес к ним со стороны китайских властей и китаизация созданного русскими специалистами Харбинского политехнического института⁵¹.

Российские учёные за границей, интегрировавшись в иностранную академическую и образовательную среду, продолжали уделять внимание историко-культурной работе в эмигрантском сообществе, участвуя в организации образовательных учреждений, лекториев, издательств, проведении Дней русской культуры и т. п. В частности, А.А. Кизеветтер, ученик В.О. Ключевского, много лет проработавший в Московском университете, оказавшись в Праге, не только продолжил свои научные занятия, создав в эмиграции множество работ, в частности, монографию «Крестьянская реформа 1861 г.»⁵². Свою энергию и знания он «направил на создание различных культурно-просветительных обществ: Русского исторического общества, Русского заграничного исторического архива, Комитета “Дня культуры”»⁵³. А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, С.Г. Пушкарёв, А.Н. Фатеев и многие другие историки постоянно привлекались к чтению лекций в просветительных обществах, в том числе во время празднования «Дня русской культуры» и других знаменательных дат, объездили с лекциями многие города и сёла Чехословакии.

Просветительная деятельность российской научной эмиграции не была замкнута в рамках региональных диаспор. В каждой из стран-реципиентов

российская интеллигенция стремилась приобщиться к научным и культурным достижениям своих коллег в других странах рассеяния, что обеспечивалось путём издательской деятельности, научных съездов, выездной лекционной работы. Ведущие учёные и просветители из русского Парижа, Праги, Белграда не только выступали с лекциями в провинциальных городах стран проживания, но и посещали другие центры зарубежной России по приглашениям российских эмигрантских и иностранных образовательных учреждений и научных обществ. Так, например, П.Н. Милюков, проживавший в Париже, читал в Праге лекции о современной России и евразийстве. «Милюковские дни» в столице Чехословакии «проходили при огромном стечении народа, здесь скрешивались шпаги между сторонниками европейского пути развития России и евразийцами»⁵⁴. Особое место в научных контактах российской научной эмиграции в Чехословакии принадлежало связям со славянскими странами. В частности, с лекциями в Белграде регулярно выступали И.И. Лаппо, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло и др. «Работа русских научных учреждений в Праге оказала существенное воздействие на науку, как самой Чехословакии, так и Польши, Болгарии, Югославии, явившись мощным импульсом к сравнительным исследованиям в области историографии, филологии, славянского права, и обогатила славистику новыми методами и проблематикой»⁵⁵. Кроме того, благодаря уникальным возможностям, «русские учёные подготовили славянских специалистов из разных стран, в том числе нескольких из Югославии»⁵⁶.

Российские учёные-эмигранты в различных странах мира стремились развивать научные контакты на международном уровне. Эта тенденция была характерна и для ведущих предшественников исторической науки в эмиграции. «Европейское признание заслуг историков Русского зарубежья выразилось их участием на международных конгрессах, съездах, конференциях (Б.А. Евреинов – на Варшавской конференции историков Восточной Европы и славян мира в 1927 г., М.В. Шахматова – на I съезде славянской философии в Праге в 1929 г.)»⁵⁷.

Научные организации российских эмигрантов в 1920–1950-е гг., благодаря обширным контактам их организаторов и деятелей, имели связи со многими центрами русского зарубежья во многих странах мира. Яркими примерами тому могут служить Союз академических организаций, университеты, институты и общества, Объединение русских эмигрантских студенческих организаций, Союзы русских писателей и журналистов. Наличие организационных и информационных связей помогало крупным эмигрантским культурным объединениям поддерживать своё влияние в странах-реципиентах, придавало международный статус зарубежным съездам российских учёных, библиотекарей, педагогов.

Хотя работавшие в США и Канаде российские учёные были в меньшей степени вовлечены в историко-культурную и просветительную работу в эмигрантском сообществе, они также участвовали в деятельности различных организаций русской Америки, а также выступали с лекциями, докладами, устными воспоминаниями в других российских диаспорах. Так, например, в феврале 1929 г. в Союзе русских лётчиков в Париже состоялось выступление И.И. Сикорского «Моя деятельность в России и в Соединённых Штатах; современная авиация в Америке и сравнение её с европейской»⁵⁸. В свою

очередь, П.Н. Милюков и другие общественные деятели эмиграции в Европе бывали в США, где выступали перед различными российскими организациями и американской публикой. Аналогичную активность проявляли и лидеры военного зарубежья. Так, генерал Н.Н. Головин, «работая два летних сезона при библиотеке имени Хувера, прочёл ряд серьёзных докладов» в Обществе русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско⁵⁹.

Научные труды, воспоминания, переписка, личные библиотеки учёных-эмигрантов стали частью российского и иностранного историко-культурного наследия, хранящегося в различных архивах и библиотеках Европы и США. Так, например, научный архив инженера-электрика и геофизика С.А. Щербатского находится в архивном центре Национального музея американской истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне⁶⁰. Документальное наследие многих учёных-эмигрантов оказалось разделённым. Так, архив историка П.Г. Виноградова был приобретён библиотекой школы права Гарвардского университета; при этом документы, относящиеся к периоду его деятельности в России, хранятся в архиве Московского университета⁶¹. Книги, творческие материалы, письма М.И. Ростовцева находятся в архивах Англии, Франции, США⁶². После кончины в 1963 г. во Франции выдающегося российского математика и астрофизика В.А. Костицына его научные рукописи, согласно завещанию учёного, поступили на хранение в Институт Пастера, книги – в Тургеневскую библиотеку в Париже, а мемуары, содержащие упоминания о встречах автора с В.И. Лениным, через советское посольство были переданы в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и хранятся в настоящее время в Российском государственном архиве социально-политической истории⁶³.

Таким образом, российская наука за рубежом не только «не уступала по уровню мировой науке, но и многим обогатила последнюю»⁶⁴. Причём значительные успехи были достигнуты представителями различных отраслей знания – в сфере гуманитарных, точных и естественных наук. Интегрируясь в мир европейской и американской науки, российские учёные сохраняли связи с общественностью российского зарубежья: сотрудничали в культурно-просветительных и образовательных учреждениях эмиграции, объединениях выпускников Московского, Петербургского и других университетов, Союзе русских академических организаций за границей и т. п. Благодаря авторитету деятелей науки и образования формировался положительный образ российской эмигрантской интеллигенции и студенческой молодёжи в странах-реципиентах. В то же время российские учёные являлись проводниками достижений европейской и американской науки, иностранной академической и университетской культуры для студенческой молодёжи и эмигрантского сообщества в целом.

Готовность российской эмиграции к культурному диалогу, восприятию достижений западной цивилизации и в то же время культурная самодостаточность российского зарубежья обусловили его существенное влияние на развитие науки, искусства, бытовых традиций во многих странах и регионах мира на протяжении всего XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и её значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

- ² Там же. С. 23.
- ³ *Сонищева Н.Е.* На чужом берегу (к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). М., 1991. С. 58 (Новое в жизни, науке, технике; сер. «У политической карты мира»; № 12).
- ⁴ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 127.
- ⁵ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М., 2009. С. 251–252.
- ⁶ *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: пражские письма на родину // *Зарубежная Россия: 1917–1939 гг.* / отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2000. С. 231.
- ⁷ *Бочарова З.С.* «...не принявшие иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2005. С. 116.
- ⁸ *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 249–274; *Муромцева Л.П.* Служение науке и просвещению: (Ректор Московского университета М.М. Новиков в эмиграции) // Феномен творческой личности в культуре: сб. ст. / отв. ред. А.В. Ващенко. М., 2011. Т. 2. С. 415–421.
- ⁹ Протокол заседания № 1 Общества Русского Народного университета. Список общества. Списки преподавателей. 1 октября 1927 – 7 ноября 1929 гг. 758 л. // ГАРФ. Ф. Р-5899 (Русский народный университет в Праге). Оп. 1. Д. 18; Устав, программа, деятельность Русского Свободного университета в Праге. 1923–1939 гг. // Там же. Ф. Р-6767 (М.М. Новиков). Оп. 1. Д. 74; *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М. 1995. С. 86–90.
- ¹⁰ *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую научную библиографию. Прага, 1935.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6784 (Русский культурно-исторический музей в Праге при Русском Народном университете. Прага); *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993; *Муромцева Л.П.* В.Ф. Булгаков и Русский культурно-исторический музей в Праге // *Россия и современный мир.* 2010. № 3. С. 182–194.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.
- ¹³ Там же. Л. 30.
- ¹⁴ *Ульянкина Т.И.* «Ради русского имени» – научная и общественная деятельность М.М. Новикова в Чехословакии (1923–1945) // Т.Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства: сб. ст. / отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005. С. 145.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 29.
- ¹⁷ Там же. Л. 4, 20, 30.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
- ²⁰ См.: *Руднев В.В.* Русское дело в Чехословацкой Республике. Париж, 1924. С. 50.
- ²¹ *Русские в Праге, 1918–1928 гг.* Прага, 1928. С. 61.
- ²² Там же. С. 64.
- ²³ *Ульянкина Т.И.* Указ. соч. С. 141.
- ²⁴ *Сонищева Н.Е.* Указ. соч. С. 34.
- ²⁵ *Вандалковская М.Г.* Русские историки-эмигранты в Чехословакии // Т.Г. Масарик и «Русская акция»... С. 121–122.
- ²⁶ Там же. С. 129–132.
- ²⁷ *Пио-Ульский Г.Н.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁸ *Сибиневич М.* Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века // *Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. / редкол.: А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибиневич и др.* М., 1996. С. 9.
- ²⁹ *Иванович М.* Доселјаванје руских избеглица у Кралевину СХС, 1919–1924. Београд, 1996. С. 187.
- ³⁰ *Тесемников В.А.* Русские профессора Белградского университета (1919–1941 гг.) // *Педагогика.* 1998. № 5. С. 24.
- ³¹ *Борисов В.П.* Г.Н. Пио-Ульский // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь / общ. ред. В.В. Шелохаева.* М., 1997. С. 499–500.
- ³² *Косик В.И., Тесемников В.А.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // *Педагогика.* 1994. № 5. С. 34.
- ³³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Paris, 1972. С. 102.
- ³⁴ Российские учёные и инженеры в эмиграции / ред. В.П. Борисов. М., 1993. С. 11.
- ³⁵ Российская научная эмиграция. Двадцать портретов / сост. А. Бялко, Н. Успенская. М., 2001. С. 5.
- ³⁶ *Гришункина М.Г.* Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 31–32.
- ³⁷ *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 110.
- ³⁸ *Постников Е.С.* Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // *Культурная миссия российского зарубежья: история и современность / отв. ред. Э.А. Шулепова.* М., 1999. С. 76.
- ³⁹ *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 65.
- ⁴⁰ К 10-летию русской средней школы в Париже. Краткий очерк. Париж, 1930. С. 11.
- ⁴¹ *Ковалевский П.Е.* Дневники, 1918–1922 / подгот. текста, предисл. и коммент. Н.П. Копаневой. СПб., 2001. Т. 1. С. 506.

- ⁴² Там же. С. 507–508.
- ⁴³ *Гришунькина М.Г.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁴ *Британова Т.В.* Типы культурной адаптации русских эмигрантов первой волны // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 июня 2002 г. / Науч. ред.: И.А. Шомакова, П.Н. Базанов. СПб., 2004. С. 124.
- ⁴⁵ *Пио-Ульский Г.Н.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁶ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь / общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 625.
- ⁴⁷ Цит. по: *Борисов В.П.* «Америка мне определённно не нравилась» // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001. С. 121.
- ⁴⁸ *Евсеева Е.Н.* Новиков Михаил Михайлович (1876 – 1965) // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 241.
- ⁴⁹ *Болховитинов Н.Н.* Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; *Петров Е.В.* Культуртрегерская миссия русских историков-эмигрантов в США // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: материалы третьей международной науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая, Г.И. Каневская. Владивосток, 2003. С. 216; *Рибер А.* Изучение истории России в США // ИЗ. 2000. № 3 (121). С. 65–105.
- ⁵⁰ История Российской духовной Миссии в Китае: сб. ст. М., 1997. С. 412.
- ⁵¹ *Курамина Н.В.* Высшая школа в зарубежной России: 1920–1930-е гг. М., 2003. С. 44–45.
- ⁵² ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 3. Д. 17. Л. 1.
- ⁵³ *Докашева Е.С.* Указ. соч. С. 18.
- ⁵⁴ *Вандалковская М.Г.* Указ. соч. С. 121.
- ⁵⁵ *Бондарева Е.А.* Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция»... С. 125.
- ⁵⁶ Издательское и библиографическое дело русского зарубежья. СПб., 1999. С. 131.
- ⁵⁷ *Демина Л.И.* Мемуарное наследие историков русского зарубежья: биоисториографические аспекты // Культура российского зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995. С. 112.
- ⁵⁸ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940: Франция / общ. ред. Л.А. Мнухин. М., Paris, 1995. Т. 1. С. 43.
- ⁵⁹ Ветеранские организации, союзы и содружества. Общество русских ветеранов Великой войны в г. Сан-Франциско. Сан-Франциско, 1970. С. 37.
- ⁶⁰ Serge A. Scherbatskoy Papers. circa 1925–2002. Archives Center, National Museum of American History, Smithsonian Institution, Washington, D.C. Collection Number: AC0936 // www.americanhistory.si.edu/archives
- ⁶¹ *Антощенко А.В.* Архивная коллекция академика П.Г. Виноградова в библиотеке Гарвардской школы права // Россия в США: сб. ст. / ред. А.В. Попов. М., 2001. С. 124–145.
- ⁶² Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. С. 294.
- ⁶³ Там же. С. 35.
- ⁶⁴ Издательское и библиографическое дело русского зарубежья (1918–1998). С. 11.

«Slavica Hierosolymitana»: израильская глава мирового славяноведения

Аннотация: В статье изложена краткая история проекта «Slavica Hierosolymitana», в рамках которого в период с 1977 по 1985 гг. было издано семь томов учёных записок и несколько научных книг по проблемам славянского языкознания и литературоведения. Рассмотрено место этого проекта в истории славистики, равно как и социально-политический контекст его образования именно в Израиле. Отдельно подчеркнута роль Р.О. Якобсона в формировании идей современного славяноведения.

Annotation: The article examines a history of the publication project «Slavica Hierosolymitana» at the Hebrew University of Jerusalem in the years 1977–1985. The project yielded seven volumes of academic papers as well as several books on Slavic and related subjects. The exact placement of the «Slavica Hierosolymitana» papers in the context of Slavic studies is examined with special reference to the key role of Roman Jakobson's theories. Attention is paid to the specific context of the Hebrew University and Israel in general.

Ключевые слова: славистика, славяноведение, структура языка, структура литературного процесса, Р.О. Якобсон, В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Израиль, Иерусалим.

Key words: Slavic studies, linguistic structure, literary structure, Roman Jakobson, Vyacheslav Ivanov, Vladimir Toporov, Israel, Jerusalem.

Настоящая работа – первая попытка обрисовать некоторые обстоятельства, качества и признаки одного научного предприятия, существовавшего в Еврейском университете в Иерусалиме (Израиль) с 1974 по 1985 год. Поскольку мне довелось быть одним из основателей, участников и руководителей этого проекта, а теперь выпало на долю и размышлять *post factum* о разных аспектах этой деятельности, данные заметки будут субъективными и примут форму эссе.

Прежде всего, мне надлежит назвать имена моих друзей и соредкторов серии «Slavica Hierosolymitana», выходявшей с 1977 по 1985 год под эгидой Еврейского университета в Иерусалиме в издательстве «Магнес-Пресс» и печатавшей в типографии «Граф-Пресс». Это мой незабвенный друг Омри Ронен (1937 – 2012), профессор Еврейского университета, а затем Мичиганского университета в Анн Арбор (США), и наш с Омри друг и соратник Лазарь Флейшман, профессор Еврейского университета, а затем – вплоть до настоящего времени – профессор славянской кафедры в Стэнфордском университете (США).

Необходимо сделать небольшой экскурс в начало 1970-х годов прошлого века, когда все мы собрались в Иерусалиме. Я не был уполномочен Омри Роненом и не уполномочен ныне благополучно здравствующим Лазарем Флейшманом излагать детали их личной и научной биографии, поэтому не буду этого делать. Упомяну лишь об общих особенностях того подхода к науке, который нас объединял и который нашёл отражение в тех научных поисках, которые имели место в «*Slavica Hierosolymitana*». Все мы трое были тогда, прямо или опосредованно, учениками великого русско-чешско-американского слависта Романа Осиповича Якобсона, причём это ученичество ещё активно продолжалось. Роман Осипович был тогда живым и активным (если не сказать доминантным!) участником всевозможных научных начинаний, в которых каждый из нас со своей стороны участвовал. Соответственно, «*Slavica Hierosolymitana*» не могла не быть частью проекта якобсоновской славистики. Каждый из нас вносил в это общее и что-то своё, особенное.

Начну с Лазаря Флейшмана, самого молодого из нас. Его огромный вклад в наш общий проект был связан с самыми основаниями литературной науки – с историей современной литературы и, в особенности, с состоянием основных литературных текстов и документов, с выявлением новых и старых, но недоступных по разным причинам текстов и других материалов, связанных с литературным творчеством. Лазарь Флейшман принёс в Иерусалим энциклопедическое знание литературного процесса XX века.

Омри Ронен был прямым учеником Р.О. Якобсона. Чуткость к воплощению языка в литературной системе и особенно к вопросам лингвистической поэтики была отличительной чертой интересов Ронена.

Для меня было важно сохранить и развить в новой обстановке основные подходы к поэтике, которые были выработаны в московско-тартуской семиотической школе, к которой я принадлежал и принадлежу.

Основная идея, которую мы вынашивали, каждый в отдельности и все вместе, состояла в организации научного журнала по поэтике и истории литературы, где могли бы свободно публиковать свои работы учёные, трудившиеся в этих областях, без ограничения тематики, методики и институциональной принадлежности.

Почему именно этот план казался нам важным, станет ясным, если мы представим себе научную обстановку начала семидесятых годов прошлого века. В эти годы славистика выдвинулась на первый план среди гуманитарных наук в связи с большими успехами в развитии лингвистической поэтики и сравнительного изучения литературно-языковых структур, главным образом на материале славянских языков и литератур, среди которых поэтика и история русской литературы занимали центральное место. Исследования по истории и поэтике русской литературы конца XIX – XX вв. несли в себе замечательную синергию великого содержания этой литературы и её особенной, часто потаённой формы. Эта синергия заставляла тогдашних учёных, как принадлежавших к структурно-семиотическому направлению, так и работавших в более традиционных исторических направлениях и сохранявших связь с историзмом русской формальной школы 1920-х годов, обращаться к новому, тогда только начинавшему становиться известным творчеству русских поэтов и писателей, вырванных из литературы и жизни усилиями того «пролетарского»

слоя невежественных партийных руководителей, которые в течение многих лет командовали советской литературой.

Омри Ронен и я ко времени начала нашей работы в Иерусалиме уже добрых десять лет интересовались и занимались – каждый на своем месте, Омри в Гарварде, а я в Москве, в Институте славяноведения АН СССР, – творчеством Осипа Мандельштама. Лазарь Флейшман избрал в качестве основного объекта своего исследования творчество Бориса Пастернака, которым он занимался, будучи в Рижском университете. Омри Ронен изучал творчество Мандельштама под руководством своих гарвардских профессоров Кирилла Фёдоровича Тарановского и Романа Осиповича Якобсона, а Флейшман и я занимались нашими любимыми поэтами сначала, если угодно, неофициально. В занятиях Флейшмана большую роль сыграл Юрий Михайлович Лютман. Одновременно Лазарь Флейшман познакомился и подружился с двумя крупнейшими в то время знатоками и ценителями поэзии Пастернака. Один из них (ещё до своей посадки в 1965 году) – это Андрей Синявский, известный как составитель «синего» тома сочинений Пастернака в Большой серии «Библиотеки поэта» и автор предисловия к нему. Другой – это сын поэта Евгений Пастернак. Он и его жена Елена оказали на Лазаря Флейшмана большое влияние и ввели его в курс проблематики рукописного корпуса творчества Пастернака.

Я читал стихи Мандельштама в «самиздате» с самого начала 1960-х годов. Они стали одним из первых шедевров русской поэзии, с которыми мне довелось познакомиться. Вскоре я прочёл основоположную статью М.О. Гершензона о «медленном чтении» и книгу Ю. Тынянова о поэтическом языке, что дало мне возможность обратиться к стихам Мандельштама уже в более упорядоченной и объективной манере. Но главное – это моё, ко времени отъезда в Израиль, тринадцатилетнее пребывание в секторе структурной типологии Института славяноведения АН СССР. Там я имел редчайшую возможность изо дня в день общаться с моими коллегами, среди которых главное место занимал руководитель нашего сектора Вячеслав Всеволодович Иванов. Для меня особо ценным и незабвенным было общение с моими друзьями и соавторами Владимиром Николаевичем Топоровым и Татьяной Владимировной Цивьян. Разумеется, и остальные талантливые и замечательные коллеги и друзья – А. Зализняк, Т. Николаева, Т. Молошная, З. Волоцкая, М. Лекомцева, С. Толстая, Л. Невская, Т. Свешникова, Т. Судник и прежде всего мой любимый учитель и руководитель диссертации Исаак Иосифович Ревзин – все создали то потрясающее и неповторимое научное и духовное единство, которое сложилось у нас в секторе.

Эту атмосферу и этот подход к гуманитарным наукам и культуре я и старался, по мере сил, воссоздать на новой почве в «Slavica Hierosolymitana».

Теперь несколько слов о том, почему мы оказались в то время, в начале 1970-х годов, в Израиле. Разумеется, у каждого из нас были свои причины личного и общественного порядка, о которых неуместно говорить в академическом контексте. Однако какие-то общие моменты разного плана должны, тем не менее, быть упомянуты. Я не буду пытаться анализировать опыт и решения каждого из нас. Скажу лишь об общих линиях духовных притяжений и отталкиваний.

Наверное, самым общим фактором было стремление свободно, без каких бы то ни было препятствий, препонов и запретов, общаться с коллегами –

филологами, литературоведами, историками литературы и культуры во всём мире, независимо от их местонахождения и без постороннего вмешательства в содержание и форму такого общения. Для всех нас троих это было невозможно. Во всяком случае, мы не могли беспрепятственно общаться, находясь там, где мы находились, даже друг с другом. Для тех, кто жил в СССР, любое общение в любой форме с границей было связано со сложной системой всякого рода запретов и ограничений. А для тех, кто работал вне Советского Союза, советские запреты и абсурдные «правила» служили препятствием для общения с советскими коллегами. Эта общая ситуация, работавшая в масштабе целых государств, отражалась также и на интеллектуальной и академической обстановке. Советским учёным было очень трудно, если не полностью невозможно, свободно печататься в независимых академических изданиях, особенно если их мнения и выводы в чём-то не совпадали с официальной партийной «точкой зрения». Таким же образом западным учёным было невозможно свободно высказывать свои мнения на страницах советских академических изданий, особенно если эти мнения были полемикой или критикой в отношении того, что говорилось или делалось в СССР. Я уже не говорю о том, что возможность взаимных свободных визитов была сведена к нулю.

Для нас троих казалось самым лучшим выходом начать собственное академическое предприятие на почве, свободной от политических запретов и предрассудков. Дополнительным важным импульсом явилось то, что те, кто в Советском Союзе пытались заниматься поэтикой с позиций, близких к позициям русской формальной школы, должны были всё время иметь дело с весьма жестоким запрещением и преследованием всего, что так или иначе напоминало о русском формализме. Жупел «формализма», которым всех запугивали ещё с двадцатых годов, периодически обновлялся в 1934, 1940, 1948, 1958 и во все последующие годы.

Разумеется, нельзя здесь обойти и чисто политические моменты, хотя, честно говоря, при всём том, что они иногда сильно раздражали, если бы в академическом и чисто научном плане нам была бы предоставлена возможность свободного исследования, то, наверное, от чистой политики можно было бы отвернуться и абстрагироваться. Впрочем, говорю здесь только о себе. Мои коллеги, каждый в своём духе, оставили весьма убедительные и блестящие доказательства, что для них советская политика была непереносима. Да и мне было тяжело выносить слишком уж явные напоминания о вездесущем советском антисемитизме и ненависти к Израилю.

Всякий, кто хоть немного был в курсе советского партийно-идеологического узуса, знает, что всё касающееся области академических исследований, особенно гуманитарных, должно было следовать за партийной идеологической политикой, её пропагандировать, ей подчиняться и никак не подвергать её сомнению. Само стремление к научной автономии уже было политическим преступлением.

Когда Флейшман и я, каждый в своём месте и каждый по своим причинам, выразили желание покинуть Советский Союз и уехать в Израиль, мы понимали, что наше решение будет всеми истолковано в политическом плане как протест против советской власти. Ронен уехал в Израиль из Соединённых Штатов. В его решении не было ничего политического.

Следует прямо сказать, что решение уехать из Советского Союза в Израиль в самом начале 1970-х годов, когда я стал эту идею осуществлять, не могло, конечно, быть мотивировано только запретами и ограничениями в области академической деятельности. Особенно это справедливо для 1970–1972 гг. К середине 1970-х годов люди, занимавшиеся наукой и испытывавшие те ограничения, о которых шла речь, видя, что отъезд стал не только возможным, но и вполне реальным, могли решиться на этот отчаянный шаг, исходя только из чисто научных, академических соображений, но в самом начале этого периода, когда сама техника отъезда и его этос ещё не сложились и всё приходилось делать впервые и в очень определённых, только начинавших формироваться рамках, тому, кто решался уехать из СССР, нужна была мотивация, значительно более сильная и активная, чем заботы об академической деятельности. Речь шла буквально о вопросах жизни и смерти.

Не буду здесь гадать и фантазировать относительно ситуации других людей, стремившихся уехать. Для меня такой мотивацией стала идея сионизма, то есть объединения всего еврейского народа на земле его древней независимости в государстве Израиль. Не стану излагать подробности моей биографии, благодаря которым эта идея так сильно завладела мной и побудила меня к действию. Скажу лишь, что я с самого раннего детства был воспитан в еврейской национальной и народной среде, владел еврейским языком идиш, в том числе письменным, и свободно читал на нём. Идея независимого существования в Палестине, а затем в государстве Израиль была для меня совершенно естественной и само собой разумеющейся. И я к этому готовился, изучая самостоятельно язык иврит. В Израиле ко времени моего отъезда жили мои самые близкие оставшиеся после Катастрофы родственники. Таким образом, для меня не представляло никакой внутренней проблемы переехать в Израиль, о котором я к тому же благодаря родственникам и знакомым, там жившим, знал уже довольно много.

Идея приехать в Иерусалим и обосноваться в Иерусалиме для занятий славистикой возникла одновременно у Омри Ронена и у меня. К этому времени Омри уже работал там несколько лет и мечтал о создании современного центра славистики. После установления связи между нами прошло около двух лет, которые были заняты оформлением и техникой отъезда. В июле 1973 года я оказался в Иерусалиме.

Теперь обратимся к ситуации в Еврейском университете в Иерусалиме, где этот центр славистики должен был быть создан. Ситуация эта, по большому счёту, включала в себя не только всё происходившее в академической области в Израиле, но и то, что к тому времени существовало в этом плане вне Советского Союза и внутри его.

В то время у термина «славянские исследования» было два узуса – более широкий и более узкий. Более широкая трактовка славянских исследований включает в себя все научные исследования, связанные с проблематикой славянских стран: собственно гуманитарные исследования, включая литературоведение, поэтику и историю славянских литератур, филологию, то есть исследование древних и средневековых текстов, а также текстов, требующих специальной интерпретации и отличающихся от актуального современного распорядка, на славянских языках, языкознание – сравнительно-историческое

славянское языкознание, славянская диалектология, лингвистическая типология славянских языков и дескриптивное описание отдельных славянских языков. Сюда же должны входить и исследования по культуре и искусству славянских народов. Отдельно находится весь комплекс исторических дисциплин, включающий исследования по истории древних славян, в том числе сложную проблему этногенеза и становления славянской идентичности и славянских народов. Далее идут исследования по истории отдельных славянских стран и народов, начиная с глубокой древности, включая средневековье, новое время и современность. Разумеется, сюда входят и исследования по частным направлениям исторического развития, включая экономическую, политическую, социальную, культурную историю и проч. «Славянские исследования» – это и исследования современного состояния славянских стран и народов, выполняемые в русле общественных и политических наук: например, исследования по актуальному состоянию экономики, сельского хозяйства, промышленности, ремёсел, торговли и проч., исследования по социальной структуре, политическому строю, политическим процессам и изменениям, включая исследования по актуальному политическому положению отдельных славянских стран, исследования по демографии славянских стран и по динамике этнического их состава. Сюда же естественным образом входят и исследования по взаимодействию славянских стран и народов с другими странами и народами.

«Узкое» понимание славистики включает в себя, в основном, комплекс гуманитарных исследований исторического плана, но прежде чем обратиться к тому, как оно более конкретно представлялось нам, авторам проекта «*Slavica Hierosolymitana*», скажу, что именно современное направление актуальных славистических исследований являлось в то время более «модным» в Израиле под влиянием подобных же тенденций в других странах Запада.

Надо понять, почему вообще могло возникнуть «широкое» понимание славистики. Традиционно в гуманитарной науке «славяноведение» как научная дисциплина возникло в первой половине XIX века одновременно в Германии, Австрии, Чехии и России в результате осознания исторического родства славянских языков. В конце XIX и начале XX века славяноведение, будучи уже сформировавшейся гуманитарной дисциплиной, быстро обрело популярность и в других славянских странах, ещё входивших в Российскую, Австро-Венгерскую, Германскую и Османскую империи, а затем обретавших независимость. Начавшись как языковедческо-филологическая дисциплина, славяноведение быстро расширилось в направлении изучения фольклора, диалектологии и этнографии. Это, в свою очередь, позволило славяноведению послужить базой и для исторических изысканий, особенно в странах, борющихся за национальную независимость, а затем обретших её: Чехия и Словакия, а после 1918 г. – Чехословакия, тогда же Польша и заново воссоединенная Югославия.

По мере продвижения в более широкую область гуманитарных, а затем и общественных наук различные партикулярные национальные культурные и политические предпочтения и точки зрения стали укореняться в славистике всё более и более. Так, до 1918 г. в славистике можно усмотреть следующие политические направления: партикулярно национальное (полонофильское,

«старочешское» или бегомофильское, хорватофильское, сербофильское и проч.), русофильское, антирусское и антинемецкое. Русофильское или славянофильское направление наблюдалось, разумеется, в России, а также в Чехии, Сербии и отчасти в Болгарии. Антирусские тенденции преобладали в Польше, а антинемецкие в Чехии и отчасти в Польше. Некоторые из этих направлений яростно враждовали между собой. Особенно ярко это проявлялось в противостоянии сербской и хорватской линии. Я прекрасно помню, как в Институте славяноведения в Москве в шестидесятые годы разыгрался страшный скандал по поводу того, что в докладе одного приглашённого хорватского лингвиста изучаемый язык был анонсирован как хорватско-сербский, а не как тогда было официально принято в Советском Союзе – сербско-хорватский. Большинство славистов из славянских стран в тех научных областях, которые были близки к их национальным интересам и эмоциям, занимали открыто национальную позицию, защищая, например, примат своей нации или национальной территории в этногенезе славян (теория польского лингвиста Т. Лер-Сплавиньского о «висленской прародине славян») или примат своей национальной литературы и особенно поэзии.

Влиятельным рубежом являлась русская революция и гражданская война 1917–1922 гг. В ходе её произошли колоссальные сдвиги как в позициях стран и положении народов, так и в осмыслении всего этого в славистике. Эти сдвиги выразились, в частности, в том, что на какое-то время Советская Россия оказалась в военно-политическом конфликте с Чехословакией (восстание чехословацкого корпуса, находившегося в 1918 г. в России) и Польшей (советско-польская война 1920–1921 гг.). Параллельно этому конфликту в самой России произошло полное дезавуирование славистики как идеологического орудия царского режима. Соответственно, в Чехословакии или Югославии занятие славистикой рассматривается как выражение солидарности со старой Россией.

С другой стороны, возникновение новой интернационалистической коммунистической идеологии, прямо враждебной старому русскому славянофильству, помогло тем более современным и ориентированным на модернизм кругам интеллигенции славянских стран, которые, несомненно, сохраняли симпатии к России, особенно новой, прогрессивной и проч., найти в русской советской культуре какие-то привлекательные черты. Так возникли чешские и словацкие культурные течения, симпатизировавшие СССР (Незвал, Клементис). Даже в Польше подобные направления культурной жизни обрели в тридцатые годы XX века определённую актуальность (Тувим, Броневский).

Но мы специально говорим именно о славистической науке. В условиях, возникших после Первой мировой войны, научные и общественные позиции, которые в старых довоенных условиях воспринимались как сугубо парадоксальные, свойственные, быть может, одному или двум учёным, становятся весьма привлекательными, отражающими реальные научные факты, прежде казавшиеся маргинальными. Я имею в виду появление в славистике научной позиции, выработанной в конце XIX – начале XX века великим польско-русским учёным Яном (Иваном Александровичем) Бодуэном де Куртенэ и далее разработанной его учениками Николаем Сергеевичем Трубецким и Романом Осиповичем Якобсоном. Эту позицию можно вкратце резюмировать таким образом, что языкознание во всех его аспектах (теоретическое языкознание,

сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая география, социо- и психолингвистика) является, во-первых, мостом между точными науками и науками гуманитарными, а во-вторых, является наиболее объективной базой для построения истории. Соответственно, славистика, славяноведение является не научной областью (или комплексом научных областей) *sui generis*, а частью гораздо более широкого комплекса дисциплин, занимающегося языками, их историей, функцией, структурой, социальным и психологическим контекстом и культурными аффилиациями в самом широком смысле слова.

Такое понимание славистики по-настоящему сложилось лишь к пятидесятым – шестидесятым годам XX века. После первой мировой войны, когда роль языкознания в гуманитарных и общественных науках только стала обрисовываться, гуманитарные науки в славянских странах и вообще в странах Европы и Америки двигались в самых различных, зачастую противоположных направлениях. Одно направление – это лихорадочный взлёт немецкого национализма во всех областях жизни и культуры в Германии. Славянское начало, вне зависимости от его политической ориентации, стало восприниматься в Германии и в немецкой официальной науке, прежде находившейся в авангарде славяноведческих исследований, как нечто низкое и недостойное. В самих славянских странах начали усиливаться сугубо национально-ориентированные направления. Здесь разные учёные и разные страны демонстрировали разные предпочтения. Наиболее оригинальным путём пошла чешская славистика. Она сохранила историческое славянское единство с Россией, но не со старой царской Россией, а с новой Советской Россией, пытаясь сформулировать такое оригинальное место для чешской культуры в новых условиях интернационального модерна, которое позволило бы ей сохранить свою славянскую самобытность, но одновременно войти в ряды современных прогрессивных культур. Эта переориентация стала возможной вследствие влияния Р.О. Якобсона на группу молодых чешских (и словацких) славистов и деятелей культуры и искусства.

На противоположном полюсе были так называемые правые национально-консервативные деятели, среди которых укажу такого историка идей, в частности, писавшего о П. Чаадаеве, как болгарин Янко Янев, в конце концов ставший функционером немецкого министерства пропаганды. Сюда же, с большими оговорками, вследствие его несравненно большей талантливости, следует включить и получившего большую известность на Западе после Второй мировой войны румынского исследователя мифологии и религии Мирча Элиаде. Его никак нельзя отнести к славистам (хотя бы потому, что он был первоначально специалистом по румынскому фольклору), однако его влияние на славистику было очень серьёзным.

Вообще, влияние чешско-русского структурализма, советской школы семиотики и структурализма и мифологизма Элиаде на разные области гуманитарных исследований оказалось весьма значительным и продолжает иметь место до сих пор.

Другое направление в славяноведении, явившееся прямым следствием немецкого «марша на Восток» во время второй мировой войны и повлиявшее на все славянские, а также и некоторые неславянские страны, стало неизмеримо усилившееся во время и после второй мировой войны общее политическое и культурное влияние Советского Союза. Результатом этого стало возникнове-

ние того, что можно назвать советской школой «широкого славяноведения» в Советском Союзе и подконтрольных ему странах. В противовес этому в странах Запада возник западный вариант «широкого славяноведения». По ряду исторических причин этот западный вариант развивался и в Израиле.

Широкое славяноведение в Советском Союзе сумело развиваться в большом количестве направлений и в больших масштабах. С другой стороны, широкое славяноведение на Западе оказалось в высшей степени влиятельным, и в этом заслуга не только внешних обстоятельств, но и его внутренней структуры. Но начнём с развития славяноведения в Советском Союзе. Оно было фактически создано заново в 1941 году, когда, в первые месяцы войны, в Советском Союзе осознали, что, с одной стороны, все славянские страны оккупированы Германией, а с другой стороны, именно в этих странах жестокость оккупационного режима может привести к возрождению традиционных прорусских симпатий у населения. Это должно было инициировать соответствующую деятельность внутри Советского Союза, которая была бы направлена на воскрешение исторической памяти и объединяла бы все просоветские силы, независимо от их собственных взглядов и политических целей. С этой целью в Москве собираются все учёные и общественные кадры, так или иначе имевшие отношение к славянским странам, их языкам и их истории.

Начиная с 1947 г., когда в составе АН СССР был создан Институт славяноведения, славяноведческие исследования возрождаются в полном объёме. В области славянского языкознания научные исследования, которые начинаются с 1950-х годов под руководством известного специалиста по болгарскому языку Самуила Борисовича Бернштейна, с самого начала были отмечены высоким научным качеством. Многие в этих исследованиях было поистине пионерским, и они составили основу плодотворных поисков в области славянского, индоевропейского и общего языкознания в последующие десятилетия. Здесь, упоминая субъективно лишь самые значительные достижения, следует назвать работы группы С.Б. Бернштейна по болгарской, а затем и более широко – славянской диалектологии (особенно районов славянского и балтийского пограничья), пионерские работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубочёва по гидронимике (этимологии названий рек) Приднепровья, работы В.Н. Топорова и других по истории и значению грамматических категорий в славянских языках. Отдельно следует отметить блестящие и очень важные для нашей темы работы Н.И. Толстого и его сотрудников (С.М. Толстая, Т.М. Судник, Л.Н. Невская и др.) по географической лингвистике, диалектологии и этнографии Полесья. Специально хочется отметить группу работ по историческому языкознанию, открывших новые перспективы в понимании вопроса о родстве славянских языков с другими языками и вообще в постановке громадной проблемы родства между отдалёнными друг от друга языковыми семьями. Сейчас эти работы привлекают всё большее и большее влияние языковедов, историков, палеонтологов археологов и палеогенетиков во всём мире, а началось это научное направление с пионерских работ великого лингвиста В.М. Иллича-Свитьича, работавшего в Институте славяноведения. В том же направлении, но в совершенно особой и оригинальной манере работает В.А. Дыбо.

Поистине революционными в смысле понимания проблем славистики, индоевропеистики и вообще гуманитарных наук стали монументальные

труды по историческому языкознанию, мифологии, поэтике и семиотике, а также по проблемам русской и других литератур, выполненные подлинными корифеями славистики Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Владимиром Николаевичем Топоровым.

Наряду с этими, поистине великими достижениями славяноведения, которые в советское время должны были доказывать своё право на существование и отстаивать примат объективного научного подхода, существовала и официальная идеологическая наука, имевшая явное преимущество и предпочтение перед науками языковедческого цикла. Сюда входили исследования исторического плана, исследования по современным славянским литературам, по современной политике, по экономике и международным отношениям славянских стран, а также работы по истории искусства. Первое место среди этих направлений занимало описание деятельности правящих коммунистических партий этих стран, разумеется, с позиции превосходства советского варианта коммунизма. Само собой разумеется, что все эти исследования должны были быть верным отражением «линии партии». И здесь следует отметить, что этот императив, при всей его обязательности и даже почти уголовной внедряемости, не выдерживал соприкосновения с реальной действительностью жизни и развития так называемых стран народной демократии, а затем – социалистических стран.

В основе советского славяноведения – его широкой интерпретации – стало стремление доказать и показать, что послевоенное объединение стран, вошедших в орбиту политического и военного влияния СССР, имеет под собой весьма основательные и заходящие далеко в глубины истории причины. Утверждалось, что эти причины коренятся в этнической близости и исторической судьбе этих стран и народов. Это и должно было привести, в конце концов, к их политическому сближению с СССР. Моменты чисто славянского единства, которые особенно подчёркивались в период 1944–1949 гг., после выхода Югославии из советского лагеря в 1949 г. должны были как-то смягчиться, хотя и не исчезли полностью. Подобная модуляция должна была учесть и тот факт, что ряд влиятельных стран социалистического лагеря вовсе не были славянскими (Восточная Германия, Венгрия, Румыния, Албания до разрыва с Советским Союзом в 1961 году). Отметим следующие направления в формулировании идеи «единой культуры» и «единой истории» стран социалистического лагеря: выработка единого «творческого метода» от «критического реализма» к «социалистическому реализму» в истории культуры славянских народов, поиск явлений, выражающих любовь славянских народов к «старшему брату» – русскому народу – и к Советскому Союзу. В исследованиях исторического плана первенство должно было принадлежать к темам, разрабатывающим мотивы советско-польской, советско-чешской, советско-болгарской и т. п. дружбы, сотрудничества, взаимодействия коммунистических партий и т. д. В идеале должно было быть создано прочное представление об особом пути развития всех т. н. «социалистических стран» и СССР как авангарда этого пути. Разумеется, такое представление было мыслимо лишь до 1956 года, когда события политического и культурного плана в странах Восточной Европы показали, что в них активно существуют и развиваются свои представления о всех вышеупомянутых моментах. Эти представления, как правило, противоречили идеализированной картине, разрабатываемой в советской идеологизированной

науке. После 1956 г. стало ясно, что в социалистических странах популярны и широко почитаемы совсем не те поэты и писатели, которых пытались выдавать в Советском Союзе за образец соцреализма. Вместо них на первый план вышли молодые творцы, которые, не отвергая социалистических идеалов, стремились развивать свою новую и оригинальную стилистику, более близкую тому, что было разработано в литературе Америки и Западной Европы. То же самое, только в гораздо более подчёркнутой степени, было верно для остальных областей культуры и искусства: живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и, особенно, кино.

Научные исследования внутри Советского Союза, особенно те, которые опирались на вновь обрётённый опыт советского революционного и послереволюционного авангарда в культуре, искусстве и науке, должны были усвоить и интериоризировать то, что делалось в социалистических странах. Это шло параллельно с процессами «оттепели» и десталинизации в самом Советском Союзе.

Все это не могло не подрывать постулаты советского соцреалистического литературоведения и искусствоведения. Так, «широкое» советское славяноведение постепенно вышло на такой рубеж, когда оно было вынуждено вобрать в себя такие теоретические и духовные постулаты, которые противоречили партийным догмам.

Всё это было здесь изложено, чтобы показать, что подобная политизированная попытка создать какую-то единую культурную идеологию для всего социалистического лагеря должна была, с одной стороны, привести к прямо противоположному результату внутри самой советской науки, а с другой стороны, вызвать резкую реакцию неприятия со стороны большинства интеллигенции и образованных кругов социалистических стран. Эти круги открыто или скрыто сопротивлялись политике советизации и пользовались определённой поддержкой со стороны широких общественных кругов на Западе.

Следует с самого начала сказать, что облик сопротивления советской идеологии в странах социалистического лагеря и в кругах эмиграции из этих стран на Западе был далеко не единообразным, а, наоборот, крайне противоречивым, «мозаичным». Это сопротивление имело своим самым общим знаменателем стремление к ликвидации вездесущего советского и местного коммунистического контроля над мыслями. В нём участвовали политические и религиозные деятели, представители свободных неподконтрольных властям профсоюзов, деятели культуры, писатели, художники, учёные, музыканты, люди свободных профессий, предприниматели и рабочие, люди, жившие внутри страны, и эмигранты, оказавшиеся после войны на Западе либо успевшие скрыться за пределы стран, где происходили инспирированные из Советского Союза коммунистические перевороты.

Сопротивление приобретало более или менее массовый характер, когда те, кто остались в своих странах, создавали свои собственные, независимые от советского диктата общественные и культурные движения, кружки и организации, вокруг которых возникали судьбоносные события. У них была определённая аура духовного и даже политического единства. На Западе эмигранты ревностно старались придерживаться тех взглядов и держаться тех политических и организационных рамок, внутри которых они существо-

вали до эмиграции. Сами восточноевропейские страны и их политические движения до коммунистического переворота отличались большим разнообразием и часто находились в состоянии идейной и фактической борьбы друг с другом. Зачастую они не желали никакого единства. От прямых фашистов, вроде остатков венгерских «Железных стрел» или румынских сторонников Кодряну, до отвергнутых Советским Союзом коммунистов, вроде чешского Эрвина Гольдштюкера, с социал-демократами и христианскими демократами посередине – вот спектр тех взглядов, которые бытовали в восточно-европейской эмиграции. В русском антисоветском лагере на Западе дело обстояло столь же сложно. От крайних монархистов до коммунистов – противников Сталина – все отвергали официальную советскую идеологию. Однако никто не стремился сформулировать какое-то общее направление.

Но единства не было и среди западных «антисоветчиков», а зачастую между ними существовала крайняя вражда. Более того, не существовало и того организационного объединения, официального или неофициального, которое могло бы быть в таком единстве заинтересовано. Никакого единого объединяющего центра с его «большими деньгами» и «закулисой» не было. Было другое, быть может, не столь заметное, но, в каком-то смысле, гораздо более эффективное: множество частных, общественных и разнообразных государственных организаций, кружков и движений, которые на свой страх и риск и, главное, за свой счёт, часто противостоя официальным указаниям, стремились помочь народам Восточной Европы и Советского Союза, включая русский народ.

Такая помощь осуществлялась с различными целями и в различных формах. Существовали зарубежные аналоги прежних политических партий, запрещённых коммунистическими правительствами. Они пытались, пока это было возможно, поддерживать прежние формы политической деятельности, в частности, издавать политические и общественные газеты, журналы, сборники и проч. Со временем, ввиду старения прежних политических кадров и усиления политических преследований внутри стран, эта деятельность всё более и более сокращалась. Подобные организации пытались поддерживать связь с населением своих стран, но и здесь возможности резко сократились. В конце концов, наиболее эффективным, как с точки зрения сохранения прежних организационных рамок и ценностей, так и в плане поддержания связи со страной, оказалось сохранение каких-то форм интеллектуальной деятельности, как правило, в более новом и современном формате. Именно интеллектуальные усилия оказались способными поддерживать и обновлять самые важные духовные ценности, воплощать их в новых текстах, что должно было способствовать поддержанию нормального современного состояния народов, находившихся под коммунистическим господством. Изучение этого современного состояния – одна из важных конструктивных целей как эмиграции, так и независимой национальной интеллигенции.

Эта деятельность могла проводиться внутри независимых национальных академических или просветительских центров на Западе (там, где они были – украинские центры в США и Канаде, польские институты в Англии и Франции). Но гораздо более объёмно, объективно и эффективно деятельность по сохранению и развитию культурного и интеллектуального наследия народов

Восточной Европы и Советского Союза могла проводиться в академических университетах, независимых от государственного контроля и давления общественных организаций. Так мы приходим к постепенному возникновению широкого славяноведения западного толка (Slavic Studies по-английски – «славянские исследования») в университетах США и Западной Европы. К середине 1960-х годов славянские исследования стали весьма развитой, обладающей хорошей организационной базой и обширными возможностями для работы и развития академической областью. В рамках настоящей статьи невозможно затронуть все моменты сходства и различия направлений этих исследований в разных странах. Обращаясь к исследованиям и публикациям о русской литературе, истории и культуре, отмечу, что главные различия между академическими центрами в разных странах зависели от состава сотрудников и общего духа того университета, в котором тот или иной центр оказывался закреплённым. В частности, можно отметить особое качество и направление славянских и русских исследований в Англии. Кстати говоря, различие имеется и в языке: по-английски (Британия) «славянские исследования» – это Slavonic studies, а не Slavic studies. Как я это вижу, славянские исследования в Англии носили и носят более традиционный характер, особенно в том, что касается исследований по истории и литературе. В английских университетах большую роль играли профессора из первой русской эмиграции, такие, как историк Византии и славянства князь Дмитрий Оболенский (Оксфорд), историк Сергей Коновалов (Оксфорд), историк русского литературного языка Борис Унбегаун (Оксфорд), историк Георгий Катков (Лондонский университет). Впрочем, со временем именно английские слависты стали заниматься исследованием структуралистского направления в русском литературоведении.

В американских университетах большую роль в подготовке славистов сыграл Р.О. Якобсон в сфере лингвистики и литературоведения. В области украинистики следует отметить особый подход Д. Чижевского, а также совершенно оригинальные исследования О. Прицака. В истории велико было значение М. Карповича, а затем Дж. Биллингтона. И в Соединённых Штатах велико было значение учёных, принадлежавших к первой (белой) эмиграции, но очень важна была роль учёных, происходивших из кругов российских и восточноевропейских социалистических движений (особенно социал-демократов). Значительно было участие в славистике и людей из второй («дипийской») эмиграции.

Именно в американских университетах возникло и стало развиваться новое направление исследований современной истории, социологии и, вообще, современного политического состояния Советского Союза, получившее название «советологии» и его более публицистическое и журналистское ответвление, известное под именем «кремлюнологии». Это направление стремилось очень оперативно отслеживать тенденции в развитии Советского Союза. Кое-что из этих оперативных исследований оказалось весьма преходящим, но другие наблюдения заслуживают внимания. Специально надо отметить, что большой заслугой советологии и кремлюнологии было то, что эти исследования очень внимательно читались внутри правящих кругов Кремля – теми, кого эти исследования описывали, или их советниками. Это чтение вызывало любопытные и весьма информативные реакции.

Естественно, что такого рода исследования не могли не испытывать влияния и интереса со стороны государственных структур стран Запада. И, конечно, одним из результатов такого внимания и интереса было определённое движение ресурсов в сторону славянских исследований. Однако это движение происходило никак не в результате прямого финансирования со стороны тех или иных органов государства, что в обстановке существования академической жизни и соответствующих организаций на Западе было невозможным. Это финансирование было либо сугубо частным, либо шло по линии муниципальной и провинциальной (город, штат, провинция, графство или департамент). Это движение прямо зависело от спроса на такие исследования и соответствующее образование со стороны студентов, которых часто привлекали не только интеллектуальные перспективы, но также перспективы трудоустройства. Тот специальный вид, который славянские исследования приобрели в странах Запада, явился прямым следствием запросов, потребностей и даже нажима со стороны структур гражданского общества.

И вот теперь, после очерка общего состояния данной области, можно приступить к попытке как-то поместить Израиль в этом понятийном пространстве. Эта картина складывалась из двух-трёх общих абрисов. Первый – это картина академической жизни Израиля в начале 1970-х годов, второй – отношение к России и Советскому Союзу в Израиле в разных аспектах этого явления (отношение официальное, отношение политическое в разных слоях израильского населения, отношение в области культуры и быта); третий – это аспект чисто субъективный, связанный с *dramatis personae* этой ситуации.

К началу 1970-х годов Еврейский университет, второе по старшинству возраста высшее заведение Израиля (после Хайфского Техниона, основанного в 1912 г.), уже вполне сформировался организационно и материально после более чем сорока лет существования. Среди научных направлений и отделов университета славистика как отдельная автономная научная дисциплина не существовала. В то время в университете был принят привезённый его первыми профессорами из старой Германии институт ординарных профессоров (т. н. «ординариус»), вокруг которых складывались дисциплины, научные школы и направления. Ординарного профессора по славистике не было. Были отдельные научные работники, каждый из которых работал в своей частной области. В славянской филологии плодотворно работал Моше Алтбауэр, занимавшийся важной темой: средневековые еврейские переводы из древнееврейской Библии на старобелорусский (или старый западнорусский) язык. Омри Ронен занимался в то время творчеством Осипа Мандельштама. Ада Штейнберг работала над творчеством Андрея Белого. Весьма активно была представлена советология, история евреев России и Советского Союза, история рабочего движения в России, проблемы современной политики и позиция Советского Союза в ближневосточном конфликте, история Красной и Советской Армии, и т. д., и т. п. В этих областях работали такие известные специалисты, как Ионатан Френкель, Израэль Гецлер, Тед Фридгут, Эзра Мендельсон, Амнон Села, Ниссан Орен, Галия Голан, Зеев Ивянский и другие исследователи, занятые также на других отделах. Они и составили подавляющую часть сотрудников лишь недавно тогда образованного отдела русских исследований. Все они были выпускниками американских и английских

университетов. Славистика, в её традиционном историко-филологическом понимании, лежала вне сферы их интересов.

Помимо Еврейского университета, славянские исследования и советология в то время были представлены единичными учёными в Тель-Авивском университете (исследователь Герцена Мишель Конфино и молодой тогда историк Второй мировой войны Габи Городецкий) и Хайфском университете (исследователь еврейства Центральной Европы Рафи Ваго).

В Тель-Авивском университете уже существовал весьма активный и международно известный Центр по изучению поэтики, которым руководил молодой профессор Биньямин Хрушовский, чьи работы по поэтике и семиотике поэтических размеров и истории поэзии на древнееврейском языке и языке идиш были уже широко известны. Его учеником и первым помощником был Итамар Эвен-Зохар, начавший тогда свои ставшие потом весьма влиятельными работы по структуре литературы как института. Рядом с ними весьма продуктивно работал исследователь современной литературы на иврите Иосеф Ха-Эфрати, к сожалению, трагически рано погибший на сирийском фронте во время Войны Судного Дня 1973–1974 гг. Роль этих учёных в развитии структурного направления гуманитарных исследований в Израиле, в том числе и славистики, была неопределима.

Наша инициатива по созданию проекта «*Slavica Hierosolymitana*» пришлась весьма удачно как в смысле нахождения нужной академической ниши, так и в плане научной и методологической важности. С другой стороны, с самых различных точек зрения, существовавших тогда в израильской академической жизни, наш проект неоднократно ставился под сомнение и по существу, *bona fide*, и с конъюнктурных позиций университетского противостояния.

К числу многих, кто сомневался в необходимости развития славистических исследований в том направлении, в котором мы хотели их вести, принадлежали люди из разных сегментов израильского общества: общественные деятели, активисты движения за права евреев Советского Союза на выезд в Израиль, люди, пользовавшиеся тем или иным авторитетом, владевшие теми или иными славянскими языками и считавшие, что они и так всё понимают в славянской литературе и истории – с одной стороны, а с другой стороны – университетские профессора и преподаватели, которые либо принадлежали к тем, кто был против структурализма, либо входили в сообщество советологов.

Под «общественными деятелями» мы имеем в виду широкий круг израильских функционеров, политиков и действительно общественных деятелей, которые, прежде всего, искренне не понимали, чем мы хотим заниматься, а поскольку от них зависело некое общее одобрение (или неодобрение) внутри общественного мнения, с которым руководство университета должно было считаться, принимая решение о начале проекта, то очень важно было иметь в этой среде хотя бы несколько активных сторонников. В начале семидесятых годов все израильские общественные, политические и государственные деятели, вплоть до самых крупных, были весьма доступны. Ничего не стоило тем, кто стремился к этому, встретиться и поговорить с ними. В этой доступности заключались большие возможности, но одновременно таились и определённые проблемы. Дело в том, что эти деятели были доступны, в том числе, и тем, кто враждебно относился к славистике и вообще ко всем гуманитарным занятиям.

Именно такой публики было очень много, и она была весьма активна. Среди них были активисты движения за выезд евреев из Советского Союза. Многие из них считали, что любой интерес к русской культуре вредит делу борьбы за отъезд. С другой стороны, широкие круги иммигрантов из Советского Союза искренне считали, что славистические занятия искажают любимую ими русскую культуру. К счастью для нас, никто из этих людей не владел ивритом и, следовательно, не имел контакта с университетом.

Оказалось возможным организовать отдельную академическую нишу, независимую от русских репатриантов, равно как и от советологии. Проект «*Slavica Hierosolymitana*» с самого начала был чисто академическим. Мы принимали и публиковали только чисто академические сочинения по поэтике, теории и истории литературы, а также по славянскому языкознанию и филологии. Тексты более свободного, публицистического направления, в частности, посвящённые борьбе советских евреев или описанию несправедливости и жестокости советского режима, имели много возможностей публикации в многочисленных газетах, журналах и сборниках как в Израиле, так и за его пределами.

Израиль, в плане отношения его общества, его истории и его тогдашнего политического положения, vis-a-vis славянского мира (в том числе России и Советского Союза), находился в совершенно особой ситуации по сравнению со всеми другими странами. Говоря очень обобщённо, Восточная Европа и Советский Союз, с одной стороны, крайне враждебно относились к Израилю и евреям в целом, с другой же стороны, в Израиле очень широкие слои населения питали положительные эмоции к каким-то аспектам этих стран и народов. Это особое положение не могло не отразиться на восприятии проекта «*Slavica Hierosolymitana*» в разных слоях чрезвычайно разнородного образованного израильского общества. Можно выделить три аспекта проблемы «Израиль и славянство». Первый аспект – это чрезвычайная молодость, динамичность и неустойчивость тогдашнего Израиля по сравнению с крайней стабильностью, устойчивостью и консервативностью исторического еврейства, составлявшего основу нового государства. В актуальной современности переплетались моменты сиюминутной государственной необходимости и элементы исторического наследия, отягощённого восточноевропейским антисемитизмом и еврейской исторической памятью. Связи Израиля с восточноевропейскими странами были в высшей степени важны во многих отношениях. Во-первых, даже при отсутствии в определённые исторические периоды дипломатических отношений между СССР и странами Восточной Европы, с одной стороны, и Израилем, с другой стороны, отношения между Израилем и Восточной Европой всё-таки носили более спокойный характер, хотя бы в неофициальном порядке. Поэтому через страны Восточной Европы можно было надеяться каким-то образом смягчить яростный антисемитизм официального Советского Союза. Во-вторых, можно было надеяться найти среди коммунистических руководителей Восточной Европы людей, более знакомых с положением Израиля и менее невежественных, чем руководители Советского Союза. Через этих людей можно было довести до международных кругов какую-то правдивую информацию о действительном положении вещей в Израиле и на Ближнем Востоке. Наконец, во всех этих странах существовали еврейские общины,

которые всё время поддерживали связь с Израилем. Все эти моменты двигали актуальное политическое мнение Израиля в сторону поиска положительного *modus vivendi* с этими странами. Всему этому противостояло устойчивое общественное мнение тех слоёв еврейского населения Израиля, которые на себе испытали тамошний антисемитизм, в том числе и послевоенный, и не желали никаких контактов с этими странами, особенно в сфере культуры.

Что же касается Советского Союза, то здесь ситуация отличалась своими особенностями. С одной стороны, в плане политическом, и особенно военном, Израиль, особенно после 1956 года, испытывал всё усиливающееся, весьма агрессивное и опасное давление со стороны Советского Союза. Это не могло не вызывать со стороны израильской общественности негодование, переходившего в прямое отвержение всего исходившего из СССР. Особенно были этому подвержены репатрианты из стран Восточной Европы и западных областей СССР, пережившие в своё время травму перехода к коммунистическому режиму.

При всём этом, отношение коренных израильтян, в особенности жителей сельскохозяйственных коммун (кибуцов), к СССР и России было гораздо более положительным, чем отношение к остальным славянским странам. Причин этому было много, среди них – историческая связь сионистского движения с традициями русского освободительного движения, в частности, с народничеством и толстовством, идейная симпатия сионистского рабочего движения, долгие годы руководившего Израилем, к Советской России и Советскому Союзу.

Русская литература и общественное движение, связь молодой израильской культуры с русской и советской культурой – всё это делало наш проект, ориентированный на культурные ценности, близким тем израильтянам, кто считал русскую литературу своим духовным домом. Особенно тесно эти связи чувствовались у тех израильских учёных, чьи семейные и культурные корни уходили в русское прошлое. Они не только прекрасно владели русским языком и разбирались в русской литературе и культуре, но и великолепно ориентировались в идейных основах современного гуманитарного знания. К числу таких исключительных личностей, на голову возвышавшихся над тогдашней интеллектуальной средой, будь то израильской, советской или западной, принадлежали профессор Еврейского университета ассириолог Хаим Тадмор, историк средневековой арабской философии Шломо Пинес, историк еврейства Испании Хаим Бейнарт, археолог Биньямин Мазар, языковед Хаим Бланк, философ Иегошуа Бар-Хиллель. Для них идея комплексного изучения славянского мира была близка, и они очень помогли осуществлению нашего проекта. А поскольку эти люди и другие им подобные находились в самом центре тогдашней израильской общественной жизни, сочувствие к нашей работе проникло и в эти круги, которые искренно желали интеграции российской интеллигентности, израильской уверенности в победе и западной организованности.

«*Slavica Hierosolymitana*» никак не была похожа на периодические или ocasionальные публикации русской эмиграции, будь то «Новый журнал», «Вестник РСХД» или «Континент», или даже на академические издания, типа изданий академической группы русских учёных в США под редакцией Н. Полторацкого.

Наша серия печатала авторов-славистов со всех континентов, в том числе и израильтян. Последние, как правило, составляли меньшинство авторов, хотя и активное. Из семи томов нашей серии два (второй и седьмой) были посвящены проблемам языкознания и филологии, а остальные – литературоведению, поэтике и семиотике.

Бросая взгляд на содержание этих книг, теперь, после того, как прошло тридцать лет с момента выхода седьмого тома, можно сказать, что наша серия прекрасно соответствовала двум компонентам своего названия: в ней был представлен, в сущности, весь славянский мир либо авторами, либо тематикой, и в ней богато и часто по-новому был представлен и еврейский мир, в частности, новый еврейский национальный дом в Эрец-Исраэль – в Иерусалиме.

В рамках этого обзора невозможно подробно затронуть проблемы, поднятые зачастую новаторски и совершенно оригинально в статьях наших сборников. Хочется обрисовать общий круг исследовательских проблем, работа над которыми позволила по-новому поднять вопрос о структуре и специфичности славянской общности. Эта общность, ставшая вдруг столь проблематичной в конце XX и XXI веке, всё же существует и заставляет исследователей обратить внимание на специфические аспекты славянского культурного мира. Два момента важны в этом смысле: первый – это научное и методологическое наследие основоположников структурного подхода в славистике. Второй – это роль и участие евреев и еврейского момента вообще в становлении и существовании славянства.

Двое гениальных учёных заложили научные и мировоззренческие основы, на которых жила «Slavica Hierosolymitana». Один – это наш учитель и один из наших авторов, Роман Осипович Якобсон. Другой – это его старший коллега и во многом учитель, Николай Сергеевич Трубецкой, русский эмигрант, обосновавшийся в Вене и там работавший вплоть до 1938 года, когда Гитлер захватил Австрию. Один – еврей, хотя и пришедший к переживанию своего еврейства довольно поздно. Другой – русский, сумевший показать место русского культурного начала среди разнообразных других – близких и неблизких – культурных структур. Для обоих учёных характерны поиски общего, но не путём отсекающего непохожего, а путём формулирования того богатого широкого внешнего культурного пространства, куда входило славянство и вместе с ним каждая отдельная славянская культура.

Упор на роль и место еврейства и еврейской культуры в славянском культурном мире – это не только следствие того локуса, к которому был привязан наш проект, но и явление сущностного, онтологического порядка. Славяне и евреи консолидировались в этнические группы с соответствующей самоидентификацией в одно и то же историческое время и на одной и той же территории – в Центральной и Юго-Восточной Европе. Самая ранняя зафиксированная история славянских народов и государств, будь то в преданиях и легендах или в самых ранних документах, тесно связана с жизнью еврейских общин. Я уже не говорю о том, что переход славян к христианству связан с интериоризацией еврейской священной истории. То, что связь евреев и славян была судьбоносной для славян и для евреев, нашло свое отражение в истории, структуре и содержании еврейского языка идиш с его мощным славянским субстратом. Эта связь становится ещё более судьбоносной и трагической в

XX веке, веке Еврейской Катастрофы, произошедшей на славянских (и не только славянских!) землях. Но это же историческое время явилось во многом весьма жестоким для народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Понадобилась страшная травма Еврейской Катастрофы, перипетии послевоенного антисемитизма, пришедшего вместе со сталинской «перестройкой» восточноевропейских обществ и во многом ею инспирированного, чтобы сами эти общества, уже после падения коммунизма, начали осознавать тесную связь своей идентичности с еврейским национальным и народным началом. Конечно, это осознание находится ещё в самом начале, но оно крепнет.

В постсоветской России процесс включения евреев в национальную идентичность начался, но проходит весьма неуверенно. Многое ему мешает, и главное – это активно пропагандируемая и пестуемая связь русской идентичности с различными имперскими и советскими консолидационными проектами, почти каждый из которых имеет активный антисемитский элемент и, во всяком случае, исключает евреев как важный, национально самостоятельный и привлекательный в народном смысле компонент.

Возвращаясь к проблематике осмысления духовного наследия славянства в контексте противопоставления атлантического мира и так называемого «социалистического лагеря», отметим, что наш проект уже тем самым, что он провозглашал цели чисто академические, помещал себя в поле, противопоставленное советской партийной идеологии. Одновременно мы нигде не ассоциировались с целями похода за освобождение от коммунизма. Мы понимали, что вслед за таким «освобождением» может прийти духовный и культурный режим, яростно враждебный еврейскому народу. И мы, увы, в некоторых случаях не ошиблись.

Так или иначе, консолидация нашего проекта вокруг его двойного заголовка «*Slavica Hierosolymitana*» обеспечила нам независимость от актуальных политических постулатов, а также уважение со стороны традиционной израильской академической среды уже не только близких нам областей, но и из более широкого круга гуманитарных дисциплин. Это позволило и учёным из тех стран, которые были объектом наших исследований, принять участие в нашей серии.

Особенности научного подхода, реализованного в «*Slavica Hierosolymitana*», отражали особенности научных личностей, занятых в этом проекте, а они принадлежали к структурно-семиотической школе яacobсоновского и московско-тартуского направления. С точки зрения этой школы, самый широкий внешний периметр славянских культур – это сравнительный славянский фольклор, связанный с реконструируемым сравнительно-историческими методами индоевропейским фольклором. Исследование глубоких фольклорных корней и установление мотивных и генетических соответствий, увлекательное само по себе, позволяет обрести исторически более обоснованный взгляд на зачастую весьма деградировавшую в современном синхронном срезе фольклорную действительность наличных славянских культур. Обреталась возможность увидеть в архаических народных и племенных практиках рефлекс какой-то более высокой духовной реальности. Этот взгляд объединяет статьи нашей серии, посвящённые славянской фольклорной тематике (статья Ст. Урбанчика о некоторых «сценографических» реалиях в купальском ритуале древних чехов,

статья А. Байбурина о древнеславянском боге Свароге). В работах Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, выполненных в годы существования нашего проекта, либо немного ранее, либо уже в 1980–1990-е годы, этот аспект, сформулированный как «славянские (праславянские) модели мира», был поставлен в соответствие с исследованными теми же авторами культурными моделями древнего индоевропейского мира (хетты, Древняя Греция, Древняя Индия, балтийский фольклор, древнеиранская религия, древние балканские культуры). Картина, вырисовывающаяся в этих исследованиях, позволяет взглянуть на славянство как на интегральную и весьма содержательную часть великого мира древности, правда, всегда в разумных соответствиях и связях со столь же древними культурами, из которых славянство выделилось и с которыми оно всегда взаимодействовало. В упомянутых работах Иванова и Топорова было обращено внимание и на ареальные связи славянских культур в том пространстве, в котором их находит история: связи с балтийскими, румынскими и албанскими фольклорными системами.

В этом плане очень важна старая идея Якобсона и Трубецкого о возможности вхождения славянских диалектов в евразийский языковой союз. Вообще идея «языкового союза», то есть наличия общих лингвистических и культурных черт у соседних диалектов родственных и неродственных языков, – очень существенная часть подхода, который мы пытались развивать и поощрять в «*Slavica Hierosolymitana*». Таким образом, славянское единство становится частью более широкого евразийского единства. Теория «евразийства», уже в более идеологически сформулированном виде, была весьма влиятельной в 20-е и 30-е годы XX столетия, когда были выдвинуты постулаты, сближающие Россию в её имперской и советской ипостасях с древними фольклорными образованиями типа степных империй. Так возникла идея «вечного Турана», особенно у П.Н. Савицкого, евразийского историка и географа, жившего в довоенной Чехословакии. Идеи евразийства повлияли и на исторические (псевдоисторические?) концепции Л.Н. Гумилёва, которые имеют широкое хождение и в наши дни. Среди тех, кто создавал наш проект, идеи крайнего евразийства не имели хождения, хотя отдельные его аспекты привлекали внимание, в частности, интерес к возможным сближениям и совпадениям в языках этого ареала, равно как и в фольклоре соответствующих народов.

Переходя к собственно историческому периоду существования славянских народов, то есть к историческим текстам, зафиксированным на славянских языках, а также на общих для разных славянских народов в разные периоды их истории книжных языках (церковнославянский и лагинский языки), отмечу, что работы, опубликованные по этой тематике в «*Slavica Hierosolymitana*», отличались большим разнообразием. Особенно интересен в этом плане седьмой том нашей серии, приуроченный к восьмидесятилетию профессора Моше Альтбауэра, многолетнего сотрудника Еврейского университета в Иерусалиме, внесшего огромный вклад в изучение еврейских рукописей на славянских языках Западного Края (Великого Княжества Литовского, а затем Королевства Польского) в XV–XVI вв. Не стану перечислять все многочисленные статьи, выделю лишь те, которые мне казались и кажутся особенно основоположными и оригинальными.

Прежде всего следует упомянуть совершенно новаторские и фундаментальные работы Риккардо Пиккьо, итальянского слависта, затем долго работавшего в Йельском университете в США. Пиккьо, большой знаток средневековой славянской словесности, выступил с теорией о существовании на всём протяжении средневековой истории славянских народов и уже после средневековья, в новое время – двух больших культурных комплексов – *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana (Catholica)*. В самом первом томе нашей серии была опубликована обширная статья Риккардо Пиккьо о библейских мотивах в текстах *Slavia Orthodoxa*. В ней автор показал ключевую роль именно библейских мотивов, то есть текстуальных фрагментов, прямо зависящих от соответствующих мест в тексте Библии, в формировании жанровых особенностей литературы на церковнославянском языке. Очень важны для нашего проекта связи между Библией, её персонажами и сюжетами и духовным обликом славянских письменных литератур.

Авторы серии не прошли мимо темы антисемитизма в различных славянских культурах эпохи средневековья. Здесь мы находим статьи Г. Бирнбаума, Э. Станкевича, П. Троста, Д. Ворга, в которых трактуются, в их историческом контексте, различные аспекты отрицательного отношения к евреям, которое выражено в славянских средневековых текстах. Иногда эти моменты получали новое освещение. Негативный аспект оказывался не первоначально заложенным, а привнесённым более поздней перцепцией еврейства в современную эпоху (статья Г. Бирнбаума о происхождении славянских названий евреев). В других случаях антисемитские стереотипы получали должное объективное и отвечающее современным представлениям освещение.

Особо выделяется статья В.Н. Топорова о «Прогласе» Константина Философа (св. Кирилла). В этой работе живо и с большим сочувствием описано произведение основоположника славянской грамоты. Эстетическое богатство как объекта описания, так и самой статьи делает её выдающимся памятником творчества этого великого учёного. Большой интерес представляет статья Р.О. Якобсона, опубликованная посмертно в седьмом томе «*Slavica Hierosolymitana*», в которой подводится итог наблюдениям учёного над старочешским языком в той его форме, которая осталась запечатлённой в сделанных древнееврейским письмом глоссах в текстах еврейских законоучителей и мудрецов средневековья. Р.О. Якобсону принадлежит и великолепная статья из пятого тома, в которой он дал анализ русского стихотворения XVII века «Скорь побиваемых у дров». Эта работа заставляет современного читателя проникнуться всей красотой древнерусской поэзии, созданной на самом пороге нового времени.

Что касается литературы нового времени, то здесь надо разделить исследования о литературе (в основном русской) XVIII и XIX веков (преимущественно XIX века) и весьма обширный корпус работ о литературе XX века. Основной исследовательский интерес редакторов был направлен в то время к русской литературе именно этого периода. Поэтому наши собственные статьи были посвящены этой проблематике.

Литературе XIX века был посвящён цикл статей Р.Л. Джексона о Чехове в первом и четвёртом томах нашей серии, а также статья Яна ван дер Энга в пятом-шестом томе. Творчеству Гоголя была посвящена статья Михаила

Вайскопфа в первом томе. Две статьи о литературе XVIII и XIX веков дал И. З. Серман. Статьи и материалы о литературе XX века (в основном русской, плюс весьма интересная и оригинальная работа Ханы Гайфман о романе Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка») носят явно выраженный «славянско-иерусалимский» характер. Исследования о русской литературе XX века, в основной своей части, не могли быть опубликованы в тогдашнем советском академическом контексте либо по выбору объектов исследования (Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Платонов и проч.), либо по специфическому подходу исследователей, будь то структурно-семиотический анализ или особое внимание к каким-то неудобным для советской идеологии аспектам (в особенности еврейские черты содержания произведения или его автора).

Особое внимание в этом плане я хочу уделить архивно-публикационному отделу, который, в основном, целиком был обязан усилиям Лазаря Флейшмана. Здесь ударение ставилось на привлечении документов, освещающих именно еврейские и палестинские аспекты русской литературы и литературного быта. Наша серия сыграла поистине пионерскую роль в открытии еврейского (и особенно палестинского) локуса русской литературы. В первом томе Лазарь Флейшман опубликовал (с помощью сестёр Бориса Пастернака, Лидии Слейтер и Жозефины Пастернак) важнейшее письмо их отца, художника Леонида Осиповича Пастернака, к еврейскому поэту Хаиму-Нахману Бялику. В этом письме была приоткрыта завеса над сложными отношениями между еврейскими деятелями и творцами искусства и влиятельными в начале двадцатого века слоями русского еврейства.

В третьем томе были впервые опубликованы новые и неизвестные тогда тексты Введенского и Мандельштама, а также шуточное стихотворение Жаботинского. В четвёртом томе мы находим публикации текстов Блока, Брюсова, Пастернака, переводов Мандельштама, стихотворений Кузмина. Чрезвычайно интересен в этом плане сдвоенный пятый-шестой том, где появились до того времени неизвестные тексты Сологуба, Пастернака, Волошина. Особо хочу выделить публикацию писем Николая Недоброво Борису Анрепу периода 1910-х годов, которую сделал Глеб Петрович Струве, а также интереснейшую переписку Исаия Лежнева и Николая Устрялова, открывающую детали борьбы за разрешение «сменовеховства» в советской России, – результат упорных разысканий Мелика Агурского.

И, наконец, завершается V-VI том, и с ним литературный и литературоведческий сегмент нашего проекта, поистине грандиозным памятником советского времени и культуры – эссе Исайи Берлина о его встречах с русскими писателями в 1945 и 1956 гг. Содержание этого эссе после перестройки стало широко известным и в России. Для нас непосредственное общение с Исайей Берлиным и совместная работа над переводом этого текста на русский язык явились незабываемым и ярким переживанием. Вообще, Исайя Берлин принимал участие в наших планах и проектах с самого начала их реализации. Его помощь и дружеское участие были для нас неоценимы. Публикация его эссе в нашей серии стала лучшим завершением литературной части проекта.

Несколько слов о дальнейших путях редакторов проекта. Конечно, его структура и реализация были неотделимы от того времени, когда он задумывался и осуществлялся – времени третьей эмиграции. Подлинный объективный

анализ этого феномена во всей его сложности и многогранности можно будет осуществить лишь через несколько поколений, когда, будем надеяться, станет ясной историческая перспектива, сейчас всё более и более закрываемая актуальными «потрясениями и переворотами». Седьмой том серии увидел свет в 1985 году, как раз накануне перестройки, когда все реалии предыдущего времени почти мгновенно канули в Лету. Уже через несколько лет прежние понятия «эмиграции», «зарубежной России», даже «железного занавеса» стали неактуальны, а с ними и стремление поддерживать независимый печатный орган. К тому времени двое из первоначальных редакторов серии – Лазарь Флейшман и Омри Ронен – уже добрых несколько лет благополучно работали в американских университетах. Объединённый V–VI том был последним, где мы втроем смогли сотрудничать. На контртитule этого тома мы напечатали небольшое прочувствованное посвящение Владимиру Николаевичу Топорову «в знак признательности за его многолетний самоотверженный и блистательный труд в науке». Это посвящение вкупе с русским переводом воспоминаний Исаяи Берлина, который он сам внимательно отредактировал и одобрил, явилось, в каком-то смысле, знаком завершения целой научной и исторической эпохи – эпохи яacobсоновской славистики. Яacobсон, Иванов и Топоров, как герой повести Андрея Платонова «Джан», вывели славистический, и вообще гуманитарный, народ из мрачных подземелий и пустынь на широкую дорогу поиска научной истины. И, как в рассказе Платонова, каждый отдельный представитель народа, в нашем случае – каждый из организаторов «*Slavica Hierosolymitana*» – пошёл туда, куда хотел, куда его вела некоторая путеводная звезда. Совместный путь кончился. После этого настало время индивидуального приключения, теперь уже тридцать лет. За это время сменилось несколько крупных и более мелких исторических периодов или, может быть, эпох. Меняются страны, исчезают старые государства, возникают новые, появляются новые языки (особенно славянские).

Проект «*Slavica Hierosolymitana*» оставил свой след в мировой гуманитарной науке. Насколько этот след прочен и смогут ли желающие увидеть его в будущем, покажет время.

Русские учёные-эмигранты в Египте

Аннотация: В Египте в первой половине XX века жили и работали несколько крупных российских учёных. Большинство из них – египтологи. Они внесли заметный вклад в мировую науку.

Annotation: There were several well-known Russian scholars, who lived and worked in Egypt during the first half of the XXth century. Most of them were Egyptologists. They made valuable contribution to the world science.

Ключевые слова: Россия, Египет, учёные, египтологи, В.С. Голенищев, В.М. Викентьев, А.Н. Пьянков, Г.И. Лукьянов, О.В. Волков, Г.В. фон Анреп.

Key words: Russia, Egypt, scholars, Egyptologists, Vladimir Golenischeff, Vladimir Vikentieff, Alexander Piankoff, Grigoriy Loukianoff, Gleb von Anrep.

Русская послереволюционная эмигрантская община в Египте была сравнительно невелика. По данным переписи населения 1937 года, её численность составляла 1176 человек¹. В Египте жили и работали несколько крупных российских учёных, прежде всего египтологов.

Наиболее известной фигурой был египтолог с мировым именем профессор **Владимир Семёнович Голенищев** (17.01.1856, Петербург – 09.08.1947, Ницца)². Он закончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата, стал первым хранителем коллекции египетских древностей Эрмитажа. В молодости Голенищев почти каждый год ездил в Египет, организовывал собственные экспедиции, знакомился с находками археологов, покупал различные предметы для своей знаменитой коллекции египетских древностей.

В 1909 году из-за острых финансовых проблем Голенищеву пришлось расстаться со своей коллекцией. Она была приобретена государством для строящегося в Москве Музея изящных искусств. В следующем году он женился на француженке Цецилии Маттен и поселился вместе с ней в Ницце. Оттуда учёный до начала Первой мировой войны приезжал на лето в Петербург. После 1914 года он ни разу не был в России.

С 1923 года Голенищев проводил зиму в Египте. Он основал кафедру египтологии в каирском Университете короля Фуада и был её первым заведующим и одновременно – профессором Французского института восточной археологии в Каире.

В 1929 году Голенищев, которому к тому времени исполнилось 73 года, вышел в отставку, но продолжал каждую зиму приезжать в Египет. «В то

время, когда я имел честь быть представленным Владимиру Голенищеву (1935 г.), он был одним из наиболее уважаемых и известных лиц в каирском обществе», – вспоминал его любимый ученик, французский египтолог Жан Сент-Фар Гарно (1908 – 1963). Почти каждый вечер супруги Голенищевы ходили в знаменитую каирскую кондитерскую «Гроппи», где пребывали, как отмечал Гарно, «в окружении большого числа людей, потому что они любили принимать гостей, и не было человека из образованных слоёв общества, кто не желал бы с ними познакомиться».

В январе супруги Голенищевы уезжали в Луксор, где общались с другими археологами и знакомились с их свежими находками. Учёный повсюду возил с собой огромный сундук, в котором хранил свои рукописи. Там было и несчётное число карточек, на которые Голенищев заносил примеры из текстов, предназначенных для иллюстрирования его капитального труда по древнеегипетскому синтаксису. Увы, этот труд так и остался незавершённым.

«В то время, когда французские египтологи моего поколения начинали свою деятельность стипендиатами Французского института восточной археологии, – вспоминал Гарно, – авторитет Голенищева был неоспорим. На чём он был основан? Прежде всего, на личных качествах этого большого учёного и обаятельного человека, исключительно одарённого и духовно, и физически, – кабинетного учёного и педагога, исследователя и спортсмена, ум и культура которого могли сравниться только с благородством его натуры».

С 1919 года Голенищев принимал участие в составлении сводного каталога Египетского музея в Каире. Он взялся описывать его коллекцию иератических папирусов и практически закончил эту работу. Последние свои труды (по меньшей мере, шесть) учёный написал по-французски и издал их в Каире. Следует отметить, что Голенищев знал более десятка языков, причем французским, английским и немецким владел совершенно свободно.

«Какой другой египтолог открыл, опубликовал и перевёл рукописи (уникальные!) столь большого числа литературных шедевров? Какие другие археологи, какие хранители музеев показали себя более компетентными и опытными собирателями, чем этот специалист по эпиграфике?» Эти вопросы в отношении Голенищева Гарно задавал уже в конце 1950-х годов, когда сам стал известным египтологом и возглавил Французский институт восточной археологии в Каире. Именно ему русский профессор завещал свой архив, который ныне составляет основу египтологического Центра Владимира Голенищева в Париже.

А вот ещё одна оценка научной деятельности Голенищева, данная спустя почти четверть века после его смерти. «По мнению египтологов, он являлся самым крупным знатоком древнеегипетского языка всех периодов и уже при жизни стал легендарной фигурой»³.

Вклад учёного в египетскую культуру неоспорим, ведь он «воспитал первое поколение национальных кадров египтологов»⁴. В 2006 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения В.С. Голенищева, в Каире, во дворе Египетского музея, был установлен его бюст – рядом с бюстами 22 других великих египтологов всех времён и народов⁵. Тем самым был отмечен весомый вклад этого учёного в мировую науку. Его труды, либо написанные сразу по-французски, либо переведённые с русского языка, известны египтологам

всех национальностей, их до сих пор изучают и цитируют. Да и великолепная коллекция египетских древностей, собранная Голенищевым, – украшение Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве – тоже широко известна в мире и сама по себе является выдающимся вкладом в египтологию. С той лишь оговоркой, что эта коллекция формировалась ещё до периода эмиграции учёного.

Учеником и последователем В.С. Голенищева был профессор **Владимир Михайлович Викентьев** (06.07.1882, Кострома – 09.02.1960, Каир). В отличие от Голенищева, который увлёкся египтологией ещё в детстве, Викентьев заинтересовался этой наукой уже в зрелом возрасте, перепробовав несколько профессий. Когда в 1915 году будущий профессор окончил историко-филологический факультет Московского университета, ему уже исполнилось 33 года⁶.

Викентьев был инициатором создания в Москве в 1918 году уникального учебно-научного заведения – Музея-института классического Востока. В 1922 году он уехал в научную командировку за границу. Сначала работал в библиотеках и музеях Берлина и Парижа, а в ноябре 1923 года приехал в Каир, где застал Голенищева. «Я встретил полное научное содействие со стороны нашего великого египтолога-лингвиста Вл[адимира] Сем[еновича] Голенищева, – писал Викентьев другу в Россию 30 мая 1924 года. – Я прослушал и целиком зафиксировал курс египетского языка, впервые прочитанный им в эту зиму в здешнем университете и представляющий собою изложение совершенно самостоятельно построенной египетской грамматики, существенно отличающейся в некоторых пунктах от грамматики Эрмана»⁷.

Обстоятельства, превратившие Викентьева в эмигранта, не вполне ясны. В начале 1924 года было решено объединить коллекции восточных древностей, разместить их в Музее изящных искусств и назначить Викентьева заведующим отделом Древнего Востока этого музея. Сообщив учёному об этом в Каир, московское начальство поначалу разрешило ему продолжать научную работу в Египте. Потом пришло указание возвращаться в Москву. Викентьев запросил деньги на дорогу и разрешение на въезд в СССР, но не получил ни того, ни другого. Вместо этого его с 1 февраля 1926 года уволили из Музея изящных искусств. Путь на родину оказался закрыт.

Несмотря на то, что Викентьев опубликовал 47 научных работ, причём большую их часть – в Каире, он вошёл в историю египтологии скорее как педагог, чем как учёный. Викентьев с юности увлекался мистикой, и, как отмечал авторитетный английский справочник «Кто был кем в египтологии», «его поздние работы часто отличались эксцентричными теориями и концепциями, что снижало их научную ценность»⁸.

Викентьев преподавал в Каирском университете египетскую филологию и древнюю историю Ближнего Востока с 1924 года вплоть до своей кончины. Среди старшего поколения нынешних египетских археологов и египтологов много его учеников, таких как бывший директор Египетского музея в Каире профессор Дья Абу Гази⁹ или профессора Али Хасан и Габалла Али Габалла, занимавшие в 1990-е годы высший пост в Департаменте древностей Египта – пост генерального секретаря. Оба очень тепло отзывались о своём учителе – и как о преподавателе, и как о человеке. «Викентьев был очень сильным специалистом и интересным человеком, – говорила автору в 1990 году за-

ведущая кафедрой египтологии Каирского университета профессор Тухфа Хандусса. – Всё время вдальбивал нам идею о преемственности египетских цивилизаций. Учились у него с удовольствием»¹⁰.

В.М. Викентьев похоронен в «русском склепе» на греческом православном кладбище в Старом Каире¹¹.

Человеком иного склада был египтолог **Александр Николаевич Пьянков** (18.10.1897, Петербург – 20.07.1966, Брюссель)¹². Подростком он увидел в Эрмитаже временно выставленную там коллекцию Голенищева – и на всю жизнь «заболел» Древним Египтом. В годы Первой мировой войны будущий египтолог оказался во Франции, воевал, а после окончания войны завершал прерванное образование в Берлине. С 1924 по 1940 год Пьянков жил и работал в Париже, получил французское гражданство. В Египет он уехал, спасаясь от фашистской оккупации, и был научным сотрудником Французского института восточной археологии, где до этого работал Голенищев.

Пьянков был крупным учёным. Знаменитым его сделали переводы заупокойных текстов эпохи Нового царства, в частности, Книги пещер. Его предшественники пытались переводить эти тексты, опираясь только на филологические знания. Русский египтолог доказал, что познать подлинный смысл этих текстов можно лишь в увязке с религиозными верованиями древних египтян.

Самый известный труд Пьянкова – капитальное исследование «Саркофаги Тутанхамона», изданное в Нью-Йорке на английском языке в 1955 году. Смерть застала его за подготовкой ещё одного капитального, обобщающего труда – «Текстов пирамид».

«Надо было знать Александра Пьянкова, ценить всю прелесть бесед с ним, его разум, вечно занятый решением фундаментальных проблем, вечно направленный на поиск, на более широкое осмысление Вселенной и человечества, которому он посвятил жизнь, чтобы понять, какого учёного мы потеряли, какого богатства лишились, – писал в некрологе коллега Пьянкова, французский египтолог Франсуа Дома (1915 – 1984). – Он был скромным человеком и не выносил, когда о нём говорили, и поэтому, быть может, многие прошли мимо него, не оценив»¹³.

Пьянков был членом Парижского национального центра научных исследований. В 1964 году он получил степень мэтра и за свою научную деятельность был награждён серебряной медалью.

По словам И.А. Моисеева¹⁴, который познакомился с Пьянковым в 1957 году во время гастролей своего ансамбля в Каире, русский египтолог мечтал вернуться на родину. Ему разрешили это сделать только в середине 1950-х годов, после смерти Сталина. Но Пьянков не поехал. Он говорил Моисееву: «У меня уже дети учатся в Оксфорде, я уже старый, я там уже никому не нужен. Теперь уже перегорело всё»¹⁵.

Пьянков скоропостижно скончался в Брюсселе, куда приехал из Каира навестить родственников. Примечательно, что, несмотря на своё французское гражданство, он вошёл в историю египтологии как русский учёный¹⁶.

Заметной фигурой в русской общине был профессор **Григорий Иванович Лукьянов** (23.11.1885, Москва – 12.07.1945, Каир). Он окончил математический факультет Московского университета и московский Политехникум, где в 1912 году был избран профессором авиации. Работал также в Аэродинами-

ческой лаборатории под руководством профессора Н.Е. Жуковского¹⁷. Стажировался во Франции, Германии, Англии, Италии. В начале Первой мировой войны решил сменить профессию и в 1917 году окончил Археологический институт в Москве. Затем судьба забросила Лукьянова во Владивосток, где он некоторое время преподавал математику в местном университете. В 1920 году профессор отправился в Европу, получив от колчаковского правительства должность атташе при торговом агентстве в Югославии, но, сделав остановку в Египте, решил остаться там, по его собственным словам, «из-за здоровья своей жены». В Каире первые три года он работал личным секретарем посланника Чехословакии и одновременно изучал вместе с Голенищевым древнеегипетский язык¹⁸. В феврале 1923 года Лукьянов одним из первых египтологов осмотрел открытую незадолго до этого Говардом Картером¹⁹ гробницу Тутанхамона. Об этом он сообщил в восторженном письме руководству Московского археологического института²⁰.

В последующие годы Лукьянов занимался в основном изучением и отправкой египетских древностей в иностранные музеи. По некоторым данным, он и сам приторговывал древностями²¹. Профессор также читал лекции по Древнему Египту. Он автор 60 научных трудов, самый известный из которых – «Эволюция культа Солнца в Древнем Египте», издан в Каире на французском языке в 1931 году²².

В 1944 году Лукьянов предложил советской миссии в Каире продать свою личную коллекцию египетских древностей Музею изобразительных искусств в Москве или Эрмитажу. Предложение вызвало интерес, однако для окончательного решения миссию попросили прислать сведения о самом учёном. В справке, составленной в конце 1944 года, отмечалось, что Лукьянов пользуется репутацией патриота, что он опубликовал несколько положительных статей об СССР в местных франкоязычных газетах. Дальше, однако, шла следующая характеристика профессора: «Среди каирских журналистов, русских эмигрантов и в среде каирской интеллигенции ходит много слухов, характеризующих Лукьянова отрицательно: он характеризуется как ловкий и образованный, нечестный интриган и приспособленец... Старый русский учёный Голенищев, якобы, не терпел Лукьянова и не считал его серьёзным учёным». Впрочем, автор справки добавлял, что «все эти слухи мы пока не имели возможности проверить и полностью им пока доверять нельзя»²³. Тем не менее, по-видимому, справка сделала своё дело. Данные о том, что сделка состоялась, в архивах отсутствуют. А вскоре после этого Лукьянов умер. Похоронен он в отдельной могиле на греческом православном кладбище в Старом Каире²⁴.

Учёным была и супруга профессора, **Елизавета Сергеевна Лукьянова** (23.09.1888, Москва – 12.09.1967, Монреаль), урождённая Елагина. В 1910 году она закончила литературно-филологический факультет Женского университета в Москве, потом прошла курс истории искусств в университете Рима и в 1912–1915 годах работала в Музее изящных искусств в Москве. Оттуда она перешла в Московский археологический институт, где и познакомилась с Лукьяновым. В 1916 году они поженились²⁵.

Лукьянова специализировалась на изучении византийского искусства, она автор 18 научных трудов. Наиболее известный из них – книга «Православная икона и коллекция монастыря Св. Георгия в Старом Каире»²⁶.

13 марта 1945 года Лукьянова опубликовала в каирской газете «Ля Бурс Эжипсьен» обширную статью «Русская душа». Основными факторами формирования «русской души» она назвала природу и религию. Статья произвела благоприятное впечатление в советской миссии своей лояльностью к СССР, однако в частной беседе автору дали понять, что её анализ ошибочен²⁷ – видимо, по причине упоминания религии.

После смерти мужа Е.С. Лукьянова вместе с дочерью Ириной покинула Египет.

Следует также упомянуть **Олега Васильевича Волкова** (1913 – 1987, Каир). Он был последним председателем русской общины.

Волков не был по образованию историком. Он преподавал французский язык в немецком колледже в каирском районе Гелиополисе. Историей и археологией увлёкся после выхода на пенсию. Выполнял по контракту задания Французского института восточной археологии. Волков – автор четырёх книг²⁸. Ещё две книги, как сообщил в 1991 году автору этой статьи научный руководитель Французского института восточной археологии Кристиан Декюбер, по неясным причинам не были опубликованы, их рукописи хранятся в архиве института. Одна из них представляет собой каталог археологических мест в Египте, вторая – сборник «Александрия глазами путешественников»²⁹.

Волков был высоким, статным мужчиной со старомодными манерами, не лишённым чувства юмора. Семья у него не было. Одно время в Египте жил также его брат Пётр, но затем переехал в Лондон. Вскоре после смерти Волкова брат приезжал в Каир, разбирал его личные вещи. Главной ценностью оказалась библиотека, часть которой приобрёл Французский институт восточной археологии, а остальное было продано букинистам. У них автор в своё время приобрёл Библию, принадлежавшую Волкову. Судя по экслибрису, напоминающему княжеский герб, он был представителем знатного рода. На экслибрисе изображены замок, рыцарские доспехи, перекрещённые мечи и взметнувшийся на дыбы конь³⁰.

О.В. Волков похоронен на греческом православном кладбище в Старом Каире³¹, однако в последние годы его могила была утеряна.

В 1931 году в Египет из Англии приехал профессор **Глеб Васильевич фон Анреп** (10.09.1889, Петербург – 09.01.1955, Каир), известный русский физиолог, ученик И.П. Павлова³². Он заведовал кафедрой физиологии медицинского факультета Каирского университета. Параллельно с преподавательской деятельностью фон Анреп вёл и научную работу. Именно в Каире он сделал свои наиболее известные открытия в области нервной деятельности человека. Русский учёный и педагог «воспитал большую группу талантливых египетских физиологов»³³.

К сожалению, подробностей о жизни и деятельности Г.В. фон Анрепа в Египте найти пока не удалось. Неизвестно и место его захоронения.

Русские учёные, которые жили и работали в Египте, внесли несомненный вклад не только в российскую, но и в мировую науку. Труды египтологов В.С. Голенищева, В.М. Викентьева, А.Н. Пьянкова, Г.И. Лукьянова, О.В. Волкова, физиолога Г.В. фон Анрепа известны их коллегам разных национальностей. Знают их и на родине, которую русским учёным пришлось в разное время покинуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сулейман М.М. Аль-аганиб фи маср (Иностранцы в Египте). 1922–1952. Каир, 1996. С. 63 (на арабск. языке).
- ² О жизни В.С. Голенищева в Египте см.: Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912): из архива ГМИИ. М., 1987. С. 272–273, 292–296; *Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008. С. 160–174.
- ³ *Ковалевский Е.П.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 182.
- ⁴ *Наср ад-Дин Х.* Аль-аганиб фи аль-гамиа аль-мысрийя (Иностранцы в Египетском университете). Каир, 2008. С. 239 (на арабск. языке).
- ⁵ *Беляков В.В.* Русский Египет. С. 174. Фотографию бюста см. на вклейке.
- ⁶ О жизни В.М. Викентьева в России см.: *Томашевич О.В.* Слово о Владимире Викентьеве (по материалам архива ГМИИ им. А.С. Пушкина) // *Древний Египет: язык – культура – сознание.* М., 1999.
- ⁷ Там же. С. 296. Эрман Иоганн Петер Адольф (1854–1937) – немецкий египтолог. Под его руководством был подготовлен самый полный словарь древнеегипетского языка, а также грамматика этого языка.
- ⁸ *Dawson W.* Who was who in Egyptology. Lond., 1972. P. 293–294.
- ⁹ *Наср ад-Дин Х.* Указ. соч. С. 231.
- ¹⁰ Архив автора. Папка «Русские в Египте – 03». Л. 153.
- ¹¹ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001.
- ¹² Об А.Н. Пьянкове см.: *Dautas F.* Alexandre Piankoff (1897 – 1966) // *Bulletin de l'Institut francais d'Archeologie orientale.* Le Caire, 1967. № 65.
- ¹³ *Ibid.* P. 227.
- ¹⁴ Моисеев Игорь Александрович (1906 – 2007) – хореограф, основатель и руководитель Ансамбля народного танца СССР.
- ¹⁵ *Беляков В.В.* Русский Египет. С. 260.
- ¹⁶ *Blue Guide Egypt.* 2nd ed. N.Y., 1988. P. 64.
- ¹⁷ Жуковский Николай Егорович (1847 – 1921) – учёный-механик, создатель аэродинамики как науки.
- ¹⁸ АВПР. Ф. 87. Оп. 2. Папка 3. Д. 12. Л. 3–4.
- ¹⁹ Картер Говард (1873 – 1939) – английский археолог, в ноябре 1922 года открыл гробницу фараона XVIII династии Тутанхамона в Долине царей в Луксоре.
- ²⁰ *Смирнов А.С.* Русский в гробнице Тутанхамона // *Восточный архив.* М., 2014. № 1 (29) С. 51–60.
- ²¹ *Беляков В.В.* Русский Египет. С. 178.
- ²² АВПР. Ф. 87. Оп. 2. Папка 3. Д. 12. Л. 5–8.
- ²³ Там же. Оп. 7. Папка 5. Д. 11. Л. 22–23.
- ²⁴ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте.
- ²⁵ АВПР. Ф. 87. Оп. 2. Папка 3. Д. 12. Л. 2.
- ²⁶ *Loukianoff E.* Orthodox Icons and the Collection of the Monastery of St. George in Old Cairo. Cairo, 1943. В ноябре 2014 года эту книгу можно было приобрести в британском Интернет-магазине «Амазон» за 59,99 ф. ст.
- ²⁷ АВПР. Ф. 87. Оп. 4. Папка 7. Д. 21. Л. 56–61.
- ²⁸ *Volhoff O.V.* Comment on visitait la vallee du Nil: les «Guides» de l'Egypte. Le Caire, 1967; *idem.* A la recherche de manuscrits en Egypte. Le Caire, 1970; *idem.* Le Caire 969–1969. Histoire de la ville des «Mille et Une Nuits». Le Caire, 1970; *idem.* Voyageurs Russes en Egypte. Le Caire, 1972.
- ²⁹ Архив автора. Папка «Русские в Египте – 03». Л. 171.
- ³⁰ *Беляков В.В.* Русский Египет. С. 124, 176.
- ³¹ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте.
- ³² Павлов Иван Петрович (1849 – 1936) – физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности. Лауреат Нобелевской премии 1904 года.
- ³³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: энциклопедический биографический словарь / общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 38–39.

Российские учёные в Латвии (1920 – начало 1940-х гг.)

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования научной среды в Латвии и, в частности, судьба правоведа А. Круглевского – сторонника психологической теории Льва Петражицкого.

Annotation: The article is dedicated to the process of formation of the scientific environment in Latvia, as well as to the fate of lawyer Alexander Kruglevsky, a supporter of psychological theory of Leo Petrazhitsky.

Ключевые слова: Латвия, научная эмиграция, Латвийский университет, психологическая теория права.

Key words: Latvia, scientific emigration, University of Latvia, psychological theory of law.

I

Этой теме можно было бы посвятить объёмное исследование или коллективную монографию, поскольку научная академическая среда в Латвии в межвоенные годы имела свои неповторимые особенности. Впрочем, судьбы отдельных учёных, высших учебных заведений освещались в разных публикациях не единожды¹.

Начну с предыстории вопроса. Зарождение высшей школы Латвии, формирование академической среды постепенно начало складываться с 1862 г. – с года основания Рижского политехникума, позже – Рижского политехнического института. И в этом процессе успешно сочетались европейская и российская учёность, слава многих профессоров и выпускников памятна и по сей день. Реорганизация Рижского политехникума в 1896 г. привлекла в Ригу многих талантливых выпускников разных российских высших учебных заведений, сделавших хорошую академическую карьеру до начала Первой мировой войны. С приближением линии фронта к Риге в августе 1915 г. профессорско-преподавательский состав и студенты Рижского политехнического института были эвакуированы в Москву, где продолжали обучение 1600 студентов, приехавших из Риги. В 1918 г. новая советская власть институт ликвидировала, но в то же время было предложено на базе бывшего Рижского политехнического института создать аналогичный институт в Иваново-Вознесенске. 6 августа 1918 г. декретом председателя Совнаркома В.И. Ленина был образован Иваново-Вознесенский политехнический институт (ИВПИ). В числе первых профессоров нового института были и рижане: по кафедре

деталей машин – Михаил Николаевич Берлов (1867 – 1935)², по кафедре электротехники – Николай Максимович Озмидов (1850 – 1938)³, по кафедре строительной механики – Всеволод Михайлович Келдыш (1878 – 1965)⁴, и др. Первым ректором ИВПИ был избран М.Н. Берлов. Эти должности он занимал до 1921 года. Профессора Берлов и Озмидов использовали своё преимущество – проживание на территории Лифляндии, Риги – до 1914 г. и вернулись в Ригу в 1922 г. Но, к сожалению, немногие бывшие профессора и преподаватели Рижского Политехнического института успешно нашли применение своим знаниям на факультетах Латвийского университета, созданного осенью 1919 г. Профессора Берлов и Озмидов остались невостребованными.

Провозглашённая 18 ноября 1918 г. независимость Латвии начала реально налаживаться с лета 1919 г., правда, осенью омрачилась военной акцией генерала П. Бермонта-Авалова, дополнилась трагической картиной гибели Северо-Западной армии генерала Н. Юденича, исходом беженцев из советской России. Так, по воле обстоятельств с конца 1917 г. в Пскове оказался Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866 – 1926) – профессор Петербургского Психоневрологического института, философ, поэт, писатель, этнограф. Псковский период скитаний Жакова и его молодой жены начался с декабря 1917 г. и завершился в июне 1919 г.; они своими глазами видели несколько раз смену власти на Псковщине, позже перебрались в Эстонию, в Юрьев, затем в переехали в Латвию. Отрыв от родины затянулся на годы. На чужбине К.Ф. Жакову была уготована сложная судьба⁵.

Из беспокойной России на историческую родину рвались выходцы из Лифляндской, Курляндской губерний, получившие блестящее образование в российских высших учебных заведениях. Национальный состав этой части «возвращенцев» был многоцветен: латыши, русские, евреи, немцы. Не менее многообразным был род деятельности этих высокообразованных людей. Вот только два имени: терапевт Мартин Зиле (Zīle; 1863 – 1945)⁶, правовед Макс Лазерсон (1887 – 1951)⁷.

Другую условную группу составили эмигранты-профессора, сознательно решившие покинуть советскую Россию: правовед Василий Иванович Синайский (1876 – 1949), педиатр Эдуард Эдуардович Гартге (1872 – 1959), хирург Арсений Викторович Старков (1874 – 1927), правовед Вячеслав Михайлович Грибовский (1867 – 1924) и другие⁸. Причём только что упомянутые учёные в разные годы преподавали в стенах Латвийского университета. И, как видно из кратких биографических справок учёных, помещённых в сносках данной статьи, русский, русский, вернее, российский «бег», исход всех, кто искал спасения от «окаянных дней», начался ещё за несколько лет до высылки интеллигенции в сентябре – ноябре 1922 г. Эта акция советской власти, часто называемая в литературе «философским пароходом», символически обозначила определённый этап, но отнюдь не завершение исхода, продолжавшегося и в последующие годы. Тому пример отца и сына Випперов – историка Роберта Юрьевича Виппера (1859 – 1954), искусствоведа Бориса Робертовича Виппера (1888 – 1967), правоведа Александра Николаевича Круглевского (1886 – 1963), приехавших в Латвию в 1924 г.

Часть учёных использовала Латвию как своего рода остановку для дальнейшего поиска благоприятных условий научной деятельности, для выезда в

иные страны Европы и США. И это был далеко не полный перечень возможных путей приезда в молодую республику. Повторюсь, не все ученые нашли применение своих знаний в высших учебных заведениях Латвии, не все вписались или приняли их стандарты. И если поставить вопрос об отдельной или особой русской академической среде Латвии в 1920–1930-е гг., то дать односложный ответ будет затруднительно, поскольку условно «русскую», точнее, российскую, многонациональную академическую среду прежней, дореволюционной России незримо объединяло образование. Образование, полученное в стенах Дерптского, Санкт-Петербургского, Московского, Киевского, Казанского, Варшавского университетов и других высших школ бывшей Российской империи.

Была ли попытка со стороны русских/российских учёных создать «русскую» научную среду? В этой связи нельзя упустить из виду создание в октябре 1921 г. частного высшего учебного заведения – Русских университетских курсов (с 1929 года – РИУЗ – Русский Институт университетских знаний)⁹. Его создателем стал профессор Константин Иванович Арабажин (1865 – 1929)¹⁰. Как среди профессоров, преподавателей, так и среди студентов курсов были люди многих национальностей, и русский язык, традиции высшей школы дореволюционной России дали повод для попытки формирования так называемой русской научной среды. Латвийские власти и администрация Латвийского университета воспринимали это учебное заведение как конкурента. Учебное заведение просуществовало до 1937 г.

Для сохранения русской академической среды, русского академического права, единства русской интеллигенции, наконец, для деятельного включения юристов в жизнь молодых независимых Прибалтийских государств в Риге с 1929 г. по 1938 г. выходил журнал «Закон и суд»¹¹. Изданием несколько лет руководил известный адвокат Оскар Осипович Грузенберг (1866 – 1940)¹², почётным членом Русского юридического общества стал профессор Лев Иосифович Петражицкий (1867 – 1931) – ещё недавно заведующий кафедрой энциклопедии права имп. Санкт-Петербургского университета, создатель психологической теории права, философ.

II

Судьба профессора А.Н. Круглевского

Имя учёного-эмигранта А.Н. Круглевского было избрано сознательно, поскольку в нём ярко проявляется ещё один пласт «кровной» связи академической среды межвоенной Латвии с академической средой дореволюционной России. Круглевский был один из тех, кто поддерживал научные идеи Льва Петражицкого, опирался на них и развивал в публикациях, в лекционных курсах в Латвийском университете. Известно, что психологическая теория государства и права Петражицкого, сформулированная в первые годы XX столетия, явила собой в науке уникальный источник идей для новаций, реконструкций в духе либеральных настроений, в которых явно нуждались государственно-правовые отношения Российской империи в предреволюционный период. Творческие предложения Петражицкого, несомненно, обогатили российское право, оказали заметное влияние на развитие философии, психологии и социологии права. Эта теория, казавшаяся универсальной, впечатлившая многих своей строй-

А.Н. Круглевский. Латвийский
государственный исторический архив

ностью, строгой продуманностью, увы, по прошествии десятилетий стала достоянием истории. Латвия после обретения независимости унаследовала законодательство Российской империи, которое постепенно менялось и преобразовывалось, а стремительно развивавшаяся академическая юридическая мысль ещё долго находилась под обаянием учения Петражицкого¹³. До сего дня в Латвии, к сожалению, не состоялась полноценная историко-правовая публикация с анализом не только теории права Льва Петражицкого, но и трудов всего круга ярких приверженцев его теории – Макса Лазерсона, Александра Круглевского, Карлиса Дишлерса (Dišlers; 1878 – 1954)¹⁴, Карлиса Дуцманиса (Ducmanis; 1881 – 1943)¹⁵ и др.

Итак, профессор А.Н. Круглевский¹⁶ родился 27 мая 1886 г. в Санкт-Петербурге. Его родителями были профессор Военно-медицинской академии Николай Александрович Круглевский (1814 – 1919) и его жена, Юлия Ивановна (1857 – 1933). Происходила Юлия Ивановна из семьи Пушиных и приходилась по материнской линии родной внучкой декабристу, поэту Кондратию Федоровичу Рылееву (1795 – 1826)¹⁷. Образование молодой Круглевский начал было получать в имп. Училище праведения¹⁸, но в 1905 г. под влиянием начавшейся революции вышел из учебного заведения и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По окончании университета в 1908 г. был оставлен при университете на кафедре уголовного права для подготовки к профессорской деятельности. В 1910–1911 гг. выдержал испытания для получения степени магистра уголовного права. Александр Круглевский с юных лет свободно владел французским, английским, немецким языками, позже к этому списку прибавился латышский. В 1912 г. началась заграничная научная командировка сроком на один год: работал в Берлине под руководством профессора Франца фон Листа (Liszt; 1851 – 1919), в Мюнхене – под руководством профессора Карла фон Биркмейера (Birkmeyer; 1847 – 1920). После прочтения двух пробных лекций 1 января 1914 г. он был принят в число приват-доцентов юридического факультета Санкт-Петербургского университета, где до конца мая 1916 г. активно читал курс истории уголовного права. По причине основания в Перми отделения Петроградского университета Круглевский 1 июля 1916 г. был командирован в новое учебное заведение с целью чтения лекций по истории русского права, уголовного права. 14 мая 1917 г. в Петроградском

университете состоялась защита диссертации «Имущественные преступления» для получения степени магистра по уголовному праву¹⁹. 1 июля 1917 г. последовало назначение Круглевского и. д. ординарного профессора в филиале Петроградского университета – Пермском государственном университете. Весной 1918 г. Круглевский представил в Петроградский университет диссертацию на соискание степени доктора уголовного права на тему «Учение о покушении на преступление»²⁰. Работа встретила положительную оценку со стороны официальных рецензентов – А.А. Жижиленко и П.И. Люблинского. В личном деле сохранились заверенные копии отзывов петроградских коллег. Вот строки из отзыва профессора Петроградского университета Павла Иосифовича Люблинского (1882 – 1938) на работу А. Круглевского «Учение о покушении на преступление». Люблинский писал, что «это капитальный научный в 560 страниц труд по одному из много разрабатывавшихся и спорных вопросов уголовного права. Несмотря на ряд выдающихся предшественников в разработке этого вопроса, проф. Круглевский сумел подойти к избранной им теме с новой, социально-психологической точки зрения и придти к положениям, представляющим интерес значительно более широкий, чем рамки намеченной им темы. <...> Не вдаваясь в оценку отдельных положений и деталей работы проф. Круглевского, считаю долгом указать, что взятая в целом она представляет собою последовательно изложенные, продуманные в деталях, весьма богатые содержанием, исследования, свидетельствующие о выдающихся научных данных её автора и обеспечивающие ему видное имя в науке уголовного права. <...> Из числа молодых криминалистов, вышедших из школы Петроградского университета за последнее десятилетие, проф. Круглевский занимает, несомненно, одно из первых мест по своему научному дарованию». Но защита диссертации не смогла состояться ввиду отмены специальных научных степеней в советской России декретом от 1 октября 1918 г.²¹

Первого ноября 1919 г. Круглевский был эвакуирован вместе с коллегами из Пермского университета в Томск, где вскоре состоялось его избрание на должность профессора Томского университета. В первой половине 1921 г. состоялось избрание Круглевского в члены Петроградского Юридического исследовательского института, но он предпочёл возвратиться в Пермь: с 1 июля 1921 г. до 30 октября 1924 г. был профессором Пермского государственного университета, факультета педагогики. В 1924 году, в связи с закрытием юридических отделений факультетов общественных наук, Круглевский обратился в Москву в НКВД с просьбой выдать ему заграничный паспорт. Документ был получен в августе 1924 г.; 15 сентября 1924 г. через контрольный пункт в Острове, что на Псковщине, профессор с супругой Людмилой Константиновной, урождённой Покровской²², приехал в Ригу. Затем 30 октября 1924 г. Круглевский был избран сроком на 3 года приват-доцентом факультета народного хозяйства и юридических наук Латвийского университета. Примечательно, что согласно уставу Латвийского университета от 23 марта 1923 г. Круглевский не мог занять профессорскую должность, поскольку защита диссертации не состоялась, но он всегда получал зарплату по ставке внештатного профессора. Впрочем, пройти защиту диссертации в Латвии при всём желании он и не мог, так как несколько лет полноправным профессором на юридическом отделении был профессор В.И. Синайский²³. На кафедре уголовного права ему

были предложены для чтения курсы лекций по уголовной политике и теории развития права. Также вёл семинары, руководил дипломными работами²⁴. В первые годы работы в университете лекции читал на русском языке.

В конце 1924 г. начал чтение лекций по международному праву в институте Практических знаний (Коммерческий институт)²⁵, но через несколько лет отдал этот курс Максу Лазерсону. К тому же на протяжении ряда лет преподавал на Русских университетских курсах, читал курсы лекций по истории русского права, государственному праву.

Известно, что талантливые студенты юридического факультета Санкт-Петербургского университета, особенно Питирим Сорокин, Николай Тимашёв, Георгий Гурвич, Макс Лазерсон, которых события в России разбросали по всему свету, стояли в ряду идейных сторонников Петражицкого²⁶.

Круглевский также умело использовал теоретические основы психологической теории происхождения государства и права в публикациях по уголовному праву, в лекционной практике, в непосредственной научной работе со студентами. В 1927 г. выпустил книгу «Das Strafrecht als Kulturfaktor: Grundlegung einer psychologischen Theorie des Strafrechts» (Уголовное право как культурный фактор: основа психологической теории уголовного права), в которой показал ценность идей психологической теории права для уголовного права²⁷.

Как уже упоминалось выше, в Латвии, помимо Макса Лазерсона, Александра Круглевского, многие латышские юристы, получившие образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, находились под интеллектуальным обаянием идей Петражицкого. Среди таковых был Карлис Дуцманис, взявший на себя труд по переводу и публикации в Риге работы Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» («Tiesību un valsts teorija sakarā ar mācību par morāli. Uz emocionālās psiholoģijas pamatiem»). Издание было снабжено научным обзором теории, тщательно продуманным разбором критических нападок на теоретические построения Петражицкого в латышской печати²⁸. Готовившаяся в Риге публикация К. Дуцманиса, казалось, станет красивым подарком бывших студентов Льва Иосифовича. В октябре 1930 г. Петражицкий написал небольшое предисловие для издания. Но ожидавшийся праздник обернулся скорбной утратой. Накануне выхода книги Петражицкий трагически ушёл в мир иной. Александр Круглевский в 5-м номере «Вестника Министерства юстиции» («Tieslietu Ministrijas Vēstnesis») за 1931 г. поместил некролог о любимом профессоре²⁹, а в № 6/7 опубликовал рецензию на книгу Дуцманиса³⁰.

Помимо книги «Das Strafrecht als Kulturfaktor: Grundlegung einer psychologischen Theorie des Strafrechts», до 1944 г. Круглевским было написано немного – только полтора десятка статей в издании «Закон и суд», но в основном на латышском языке – в журналах, Латвийском энциклопедическом словаре, что и было отмечено в его личном деле³¹. Следует отметить, что за 20-летний опыт существования независимой Латвии проявилась тенденция со стороны учёных адаптироваться к новым реалиям, что выражалось в публикациях на латышском языке.

Латвийский университет предоставлял А. Круглевскому в 1920–1930-х гг. возможность неоднократно вести научную работу в университетах Швейцарии, Германии. Он состоял членом нескольких общественных организаций

– Академического научного общества и Общественно-научного общества университета, Латвийского общества уголовного права, Рижского общества учителей. После трагической гибели Л.И. Петражицкого стал деятельным членом польского общества имени Петражицкого – «Towarzystwo imienia Leona Petrażyckiego». И этот факт выяснился совершенно случайно – через обнаружение переписки Питирима Сорокина и Макса Лазерсона³².

В Латвии произошли перемены в его личной жизни: в феврале 1932 г. он связал свою судьбу со студенткой Верой Михельсон. С молодой женой проживал в Риге в престижном районе Межапарк. В мае 1939 г. родилась дочь Вероника, 9 июня 1941 г. родился сын Валерий. Крёстной матерью маленького Валерия стала Милица Гринберг³³. Профессор был заядлым автомобилистом, имел уже с начала 1930-х гг. машину марки «Buick» и неоднократно ездил летом за границу.

После установления советской власти в Латвии 17 июня 1940 г. Круглевский уже 12 сентября 1940 г. был назначен доцентом Латвийского государственного университета и руководителем кафедры уголовного права. Но в годы немецкой оккупации, с 1 июля 1941 г. и вплоть до 13 октября 1944 г., состоял приват-доцентом университета³⁴, кстати, переименованного властями в Рижский университет.

С восстановлением советской власти в Латвии 11 декабря 1944 г. Круглевский был назначен профессором Латвийского государственного университета и временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой уголовного права. Новая власть бдительно следила за всем составом профессоров, преподавателей университета, оценивала возможности в преодолении «идеалистических позиций». Правда, с осени 1939 г. по сентябрь 1944 г. старые университетские кадры заметно поредели: кто-то по призыву Гитлера осенью 1939 – весной 1940 г. уехал в Германию (профессора Август Лебер, Мартын Зиле), иные во второй половине 1940 г. были изгнаны из состава преподавателей. Других постигла скорбная участь: 14 июня 1941 г. профессора университета Карлис Дишлерс, Пауль Минц, Герман Албатс, Людвиг Адамович были отправлены со своими семьями в товарном вагоне на восток СССР. Позже кто был расстрелян, кто отправлен в лагерь. В принудительную ссылку был отправлен и вскоре погиб Карлис Дуцманис. Избежавшие высылки в июне 1941 г. уже летом или в первых числах сентября 1944 г. постарались выехать из Латвии в Чехию, Германию, пока Красная армия не вступила на территорию Латвии. Так поступили коллеги по юридическому факультету профессора – Василий Синайский, Арвед Швабе, Лотар Шульц, отец и сын Петерис и Петерис-мл. Леини. Впрочем, особняком в этом списке стоит судьба отца и сына Випперов, которых неожиданно «вызвали» в мае 1941 г. на работу в Москву.

Несомненно, за Круглевским зорко следили³⁵. В архивных документах сохранилась характеристика, написанная в 1945 г. и подписанная секретарём парторганизации университета Я. Аболиньш. В ней написано, что профессор «в прошлом стоял на идеалистических позициях – был сторонником психологической теории уголовного права. Ещё в 1941 г. стал заметно отходить от своих старых теоретических взглядов и в настоящее время очень основательно методологически перестраивается. Упорно и честно работает над усвоением марксистско-ленинской теории. Принимает активное участие в научной и

общественной жизни факультета». 31 марта 1945 г. Александр Николаевич был утверждён в учёном звании профессора по кафедре уголовного права. 31 августа 1946 г. назначен руководителем кафедры, а 16 сентября 1947 г. его уже освободили от обязанностей руководителя. Мотивы отстранения от обязанностей не указаны в личном деле. Но партийная характеристика от 5 июля 1948 г. говорит сама за себя: профессор «иногда допускает серьёзные методологические ошибки, как об этом свидетельствует прочитанный доклад “Развитие Советского уголовного права за 30 лет”. Им подготовлен доклад с критикой его взглядов в прошлом так назыв[аемой] Психологической школы Петражицкого. Несмотря на недостатки в работе, на факультете может быть оставлен»³⁶.

Новая власть категорически настаивала на том, чтобы профессор начал применять марксистско-ленинскую теорию, отрёкся от прошлого и радикально изменил взгляды, научную позицию. 14 октября 1948 г. было решено устроить прилюдное радикальное «очищение»: Круглевскому назначили лекцию в огромной аудитории главного здания университета для публичного покаяния, т. е. «критики и разгрома теории права буржуазного мракобеса Л. Петражицкого». Однако в переполненной аудитории от профессора не услышали покаянных речей и самобичевания, вместо этого была прочитана высокопрофессиональная лекция с корректным и аргументированным изложением позиции психологической теории права Петражицкого. Печатный отклик со стороны Сергея Пенчалова «Серьёзные ошибки партийного бюро юридического факультета» не замедлил появиться в газете «Советская Латвия», в № 253

Могила А.Н. Круглевского.
Фото С. Ковальчук

от 24 октября 1948 г. В публикации особо подчёркивалось, что в буржуазной Латвии Круглевский «проводил установки известного буржуазного учёного по вопросам права – Петражицкого. Пропаганду взглядов этого реакционера, правда, в более замаскированной форме, продолжает он и сейчас. 14 октября Круглевский перед аудиторией в 500 человек пространно и объективистски излагал взгляды Петражицкого на теорию права, не подвергнув их критике с позиций марксистско-ленинского учения».

В протоколе заседания кафедры уголовного права и процесса от 28 октября 1948 г. стоял только один вопрос: статья в «Советской Латвии» в № 253 от 24 октября 1948 г. С. Пенчалова «Серьёзные ошибки партийного бюро юридического факультета». Повод для

устранения от должности и изгнания из университета партийные товарищи нашли. Припомнили и то, что 4 июня 1947 г. вышел Указ Президиума Верховного совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества», а профессор не счёл возможным разъяснить трудящимся важный указ в печати. Припомнили идеологические огрехи Круглевского на сделанном им в июле 1948 г., так сказать, пробном докладе «Развитие Советского уголовного права за 30 лет», после которого доцент Потравнов твёрдо указал, что прочитанный «доклад не годится», что от него веяло субъективным идеализмом теории Петражицкого. Далее в протоколе записано: «Нельзя доверить проф. Круглевскому подготовку советских судей и прокуроров. За 4 года проф. Круглевский не изъявил желания поехать в Москву и поучиться. Мы жалели проф. Круглевского. Пришло время пожалеть студентов. Проф. знал, что его последний (экзамен) доклад – это экзамен ему и кафедре уголовного права. Проф. должен был показать социальные корни учения Петражицкого, его субъективный идеализм, а он говорил <...> о “гипнозе теории”. Не может кафедра мириться с таким изложением, с таким преподаванием. Статья в “Советской Латвии” правильно вскрывает недостатки в преподавательской деятельности проф. Круглевского. 4 года мы ждали, пока профессор перестроится. Больше ждать нельзя. Мы несём ответственность за кадры работников, которые готовим. Проф. Круглевский не может обеспечить преподавание на кафедре»³⁷.

Профессор достойно защищался. Однако итоговое решение было предreshено, в архивном деле читаем: «Постановили: В связи с тем, что профессор не обеспечивает преподавания уголовного права студентам, читает курс уголовного права в отрыве от практики. Ходатайствовать перед деканом Юридического факультета об освобождении проф. Круглевского от занимаемой должности и отчисления из кафедры уголовного права»³⁸.

Так на заседании кафедры уголовного права и процесса коллеги поставили точку в научной карьере профессора Александра Круглевского, да и заодно решительно и окончательно покончили с «идеологическим противником» новой власти в Латвии – психологической теорией права Л.И. Петражицкого.

С 1 января 1949 г. Круглевский вышел на пенсию. По свидетельству сына, Валерия Александровича Круглевского, профессор, благодаря наличию стажа работы при советской власти, с 1950 г. получал более-менее достойную пенсию. Чем занимался Александр Николаевич последние годы жизни? Исследовал историю международных отношений, углублённо интересовался идеями о ноосфере естествоиспытателя, философа В.И. Вернадского. Писал, что называется, в стол. Правда, как-то отправил в Москву академику Б.Д. Грекову рукопись о сборнике правовых норм Киевской Руси – «Возникновение Русской Правды». Ответного письма так и не дождался. Скончался профессор 13 декабря 1964 г., упокоен на кладбище в Юрмале (Лиелупе).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 гг.: Био-библиографический справочник. В 4 т. Stanford, 1990; Ковальчук С.Н. Взыску Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Сер. XIX в. – сер. XX в.). Рига, 1998; Фейгмане Т. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига, 2000; Цоя С. Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии // Русский мир и

Латвия: Альманах. Рига, 2013. № XXXII. С. 18–200; Augstākās tehniskās izglītības vēsture Latvijā. Rīgas Politehnikums. Rīgas Politehniskais institūts, 1862–1919. Rīga, 2002; *Zigmunde A. Pedagoģiskā darbība Rīgas politehnikumā un Rīgas Politehniskajā institūtā (1862–1919)*. Rīga, 2002.

² М.Н. Берлов – уроженец Херсонской губернии, окончил Петербургский Практический Технологический институт по первому разряду, был удостоен звания инженера-технолога. По окончании института Берлов занял должности помощника механика и заведующего чертёжной мастерской Санкт-Петербургского оружейного завода. С 1 сентября 1897 г. был назначен ассистентом при профессоре прикладной механики, через год перемещён на должность преподавателя прикладной механики, вскоре назначен адъюнкт-профессором. В 1904 г. стал профессором Рижского политехнического института. Наряду с преподаванием, Берлов активно занимался научной работой. В 1902 г. в Риге вышел его учебник «Детали машин», который позднее неоднократно переиздавался. Учебник был переведён и на немецкий язык. В 1922 г. Берлов с семьёй вернулся в Латвию, но для профессора в Латвийском университете места не нашлось, пришлось довольствоваться преподавательской работой в Риге, в русском частном техникуме Н.А. Около-Кулака. На момент кончины Н.М. Берлов состоял директором и членом правления акционерного общества «Первый частный ломбард» и товарищем председателя Третьего Рижского общества Взаимного кредита. Берлов стал основателем и почётным членом общества русских инженеров в Латвии. Похоронен в Риге на Покровском кладбище (LVVA. F. 7175. Apr. 1. Lieta 79; Album Academicum Рижского политехнического института, 1862–1912. Рига, 1912).

³ Н.М. Озмидов – уроженец г. Аккерман Бессарабской губернии, выпускник Динабургской реальной гимназии. В 1874 г. окончил Политехнический институт в Цюрихе. В 1874 г. поступил на службу в Швейцарское северо-восточное железнодорожное общество. Позднее молодой специалист поступил на должность конструктора натяжных мостов по железнодорожной линии общества Магдебург-Гальберштадт, где прослужил до 1880 года. В 1880 г. Озмидов вернулся в Россию и поселился в Риге, работал при Рижской городской управе заведующим планировкой и съёмкой плана города Риги. Эта работа была удостоена на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве (1882 г.) диплома первого разряда. По представлению Совета Рижского Политехникума Озмидов с 1 сентября 1884 г. был утверждён в должности доцента энциклопедии инженерных наук при этом учебном заведении. В 1892 г. Озмидову было поручено преподавание прикладной электротехники. 1 сентября 1898 г. он стал адъюнкт-профессором, с 1 июля 1906 г. – профессором по кафедре электротехники, с 1 сентября 1909 г. – заслуженным профессором. С приближением к Риге фронта военных действий Озмидов вместе с персоналом института эвакуировался в Москву, где продолжал заниматься преподавательской деятельностью. Заслуги Н.М. Озмидова были отмечены орденами Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2 и 3-й ст., Св. Владимира – 4-й ст. и медалями: в память Царствования Императора Александра III и имел свидетельство на право ношения Высочайше учреждённой в память 300-летия Царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали. 1 января 1916 года Озмидов был произведён в действительные статские советники. Был членом президиума Совета ИВВИ и заместителем декана инженерно-механического факультета. Однако условия жизни и работы в Советской России оказались невыносимыми для заслуженного профессора. В 1922 году он принял решение о возвращении в Латвию. Похоронен профессором Н.М. Озмидова на Покровском кладбище в Риге (LVVA. F. 2996. Apr. 14. Lieta 5046; Album Academicum Рижского политехнического института). Интересно, что один из сыновей Озмидова – Всеволод – остался в Иваново-Вознесенске, поскольку с июня 1918 по 1923 г. работал в ИВВИ преподавателем начертательной геометрии. В феврале 1922 г. защитил диплом по строительству железобетонных мостов, выполненный под руководством профессора В.М. Келдыша. 4 сентября 1937 г. Всеволода Озмидова арестовали, отправили в лагерь, где он и погиб в 1938 г., не дожив до 60 лет.

⁴ В.М. Келдыш – уроженец Владикавказа, в 1902 году получил диплом Рижского политехникума, стал прекрасным специалистом, позже в советской России – учёным-исследователем по строительным конструкциям. Вскоре после переезда из Иваново-Вознесенска Келдыш стал преподавать в престижных московских учебных заведениях, с 1933 до 1958 г. возглавлял кафедру железобетонных конструкций Военно-инженерной академии им. В. Куйбышева, носил звание генерал-майора инженерно-технической службы, участвовал в грандиозных проектах (Днепротэс, первая очередь Московского метро и др.) (Album Academicum Рижского политехнического института).

⁵ Основные публикации автора, посвящённые К.Ф. Жакову: *Ковальчук С.Н.* Взыскую Истину... С. 100–114; *она же:* Kalistrat Žakovs: «Pasaulē ir vienota, un patiesība ir vienā»: Par limitisma filozofiju un tās autoru // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vestis*. (A.). 1999. 53 sēj. №. 4/5/6. (603/604/605) 74–78.lpp.; *она же:* К.Ф. Жаков, А.К. Приеде // Покровское кладбище. Слава и забвение: сб. ст. / сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004. С. 193–195; *она же:* K. Žakova Rīgas arhivs // *Reliģiski-filozofiski raksti*. Rīga, 2005. № 9. 78–99.lpp.; *она же:* Путь извильистой земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава. 2008. № 1/2. С. 128–156; *она же:* Рижское окружение Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Войны, революции и общество / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2008. Вып. 5. С. 185–210; *она же:* Латвия в жизни Каллистрата Жакова // АРТ лад. Сыктывкар, 2011. № 3. С. 92–93, 108–131.

⁶ М. Зиле – уроженец местечка Алоя Лифляндской губернии. Учился в церковно-приходской школе в Валке, получил медицинское образование в Дерптском университете, который окончил в 1888 г. Проходил практику в клиниках Вены и Берлина. В 1889–1897 гг. служил военным врачом в Севастополе.

С 1898 по 1922 г. проживал в Одессе. С 1899 года по 1903 год служил в евангелическом госпитале, в реальной школе Св. Павла. С 1902 по 1908 год работал у профессора Б.Ф. Вериги в Одесском Физиологическом институте при медицинском факультете. С 1905 по 1918 г. – приват-доцент медицинского факультета Новороссийского университета, специализация – патология и терапия. С 1914 по 1918 г. возглавлял кафедру фармакологии при Одесских высших женских медицинских курсах. В 1918 г. назначен руководителем кафедры общей терапии и штатным доцентом. В 1920 году избран руководителем диагностической клиники, назначен на должность профессора. С апреля 1922 г. избран профессором Латвийского университета по внутренним заболеваниям, возглавлял клинику терапевтического факультета. С 1923 по 1925 г. – декан медицинского факультета, с 1927 по 1929 г. – ректор университета. С 1930 по 1933 г. входил в Университетский совет от медицинского факультета. С 1927 г. – почётный доктор медицины Упсальского университета. В 1927 и 1928 годах дважды награждался Орденом Трёх звёзд разных степеней. Весной 1940 года вместе с семьёй покинул Латвию и поселился в Германии. Скончался в 1945 в лагере для перемещённых лиц.

⁷ М. Лазерсон – уроженец Митавы (ныне Елгава), Курляндской губернии, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Благодаря стараниям профессоров Л.И. Петражицкого и М.М. Ковалевского стал в 1916 г. приват-доцентом Петроградского университета, а с января 1920 г. – профессором по судебной теории Петроградского Института народного хозяйства (бывший Коммерческий институт). Вернулся в Латвию в конце 1920 г., стал активным политическим деятелем, трижды избирался в латвийский Сейм, депутат 1, 2, 3 Сеймов Латвии от социалистов-сионистов «Ceire Siņņ». Не был принят в Латвийский университет, но преподавал в частных высших учебных заведениях. Автор многочисленных статей и книг на русском, латышском, немецком, английском языках. Главной монографией Лазерсона стала «Общая теория права. Введение в изучение права» (Рига, 1930). В этой книге Лазерсон ещё раз подтвердил себя приверженцем психологической теории Л.И. Петражицкого. Проживая с 1934 г. в Тель-Авиве, с 1939 г. – в Нью-Йорке, Лазерсон уделял внимание наследию Петражицкого. Его предсмертной публикацией стала: *Lazerson M. The Work of Leon Petrazhitzkii: Inquiry into the Psychological Aspects of the Nature of Law // Columbia Law Review. 1951. Vol. 51. № 1.*

⁸ Информацию о судьбе российских учёных в Латвии в межвоенный период можно найти на сайте <http://www.russkije.lv/>

⁹ Цоя С. Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии. С. 18–200.

¹⁰ Исаков С.Г. Профессор Хельсинкского университета К.И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1987. T. IV. С. 68–111; Ковальчук С.Н. Из истории высшей школы в довоенной Латвии: евреи на русских Университетских курсах в Риге (1921–1937) // Евреи в меняющемся мире / ред. Г. Брановер, Р. Фербер. Рига, 2003. Т. 4. С. 146–158; она же: Константин Иванович Арабажин // Покровское кладбище. С. 149–151.*

¹¹ Ковальчук С.Н. Судьба журнала «Закон и суд» (1929–1938) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88–103; она же: «Долг – это высший закон»: мультиязычная юридическая периодика независимой Латвии // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013 / отв. ред. Н.Ф. Грищенко. М., 2013. С. 91–109.

¹² См. об О.О. Грузенберге: Лазерсон М. Оскар Грузенберг: (к его приезду в Ригу) // *Сегодня. 1926. № 74. С. 2–3; он же: Духовный облик О.О. Грузенберга, 1866–1941 // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. II. С. 406; Грузенберг Оскар // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 234–235; Грузенберг Оскар Осипович // *Российская еврейская энциклопедия. М., 1994; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: в 5 т. Stanford, 1997. Т. 5. С. 60–85; Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире / ред. Г. Брановер, Р. Фербер. Рига, 2000. Т. 3. С. 486–494; она же: Oskars Gruzenbergs: žurnāla «Likums un tiesa» (1929–1938) galvenais redaktors // *Kultūras identitātes dimensijas. Rīga, 2011. 81–95. lpp.; Трибунский П.А. Фонд адвоката и общественного деятеля О.О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израйла // АЕ за 2009–2010 гг. М., 2013. С. 345–350.***

¹³ См.: *Roze I. Ļeva Petražicka ieguldījums tiesiskās domas attīstībā Latvijā // Likums un tiesības. 2008. № 7. (107). 210–219. lpp.*

¹⁴ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, где учился с 1905 по 1910 год, закончил с дипломом первой степени. С 1910 по 1914 год преподавал и готовил диссертацию по кафедре государственного права. В Санкт-Петербурге был известен в качестве автора латышского издания «Петербургская газета» (*Pēterburgas avīze*). В 1917/1918 учебном году работал в Омском коммерческом институте, который был в 1918/1919 учебном году при Временном сибирском правительстве переименован в Омский Политехнический институт, был доцентом кафедры государственного права на экономическом факультете. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. и отправлен в ссылку под Красноярск. В 1947 г. самовольно возвратился в Латвию, но в 1950 г. властями повторно отправлен в Сибирь (LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 384; *Birziņa L. Latvijas Universitātes tiesībzinātnieki. Tiesiskā doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, 1999.*)

¹⁵ Выпускник Петербургского Технологического института и юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В Петербурге в 1905–1906 годах редактировал латышскую «Петербургскую газету» (*Pēterburgas avīze*). Участник Первой мировой войны. С 1920 по 1933 год на дипломатической службе. Сенатор Сената Верховного суда Латвийской республики. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Погиб порыве в Кирове.

¹⁶ Об А.Н. Круглевском писали: *Birzma L. Latvijas Universitātes tiesīzbiznātnieki. Tiesiskā doma Latvijā XX gadsimtā. Rīga, 1999. 153–155.lpp.; Mihailovs I. Aleksandrs Kruglevskis: dzīve un darbi // Likums un Tiesības. 2004. № 9 (61). 281–287.lpp.*

¹⁷ Лоюк Ф. Потомки К.Ф. Рыльева в Латвии // Даугава. 1996. №. 4.

¹⁸ В Риге вспомнили о 100-летнем юбилее этого учебного заведения. Редакция издания «Закон и суд» в номерах за 1936 г. поместила статью: *Полидоров И. Училище Правоведения, его основатель и его питомцы. К столетию со дня основания Училища Правоведения // Закон и суд. 1936. №. 1. [Т. 6. С. 1286–1290]; №. 2. [Т. 6. С. 1305–1308].* Кроме того, 7 февраля 1936 г. в Русском юридическом обществе состоялось заседание на тему «О возникновении и развитии юридического образования в России», с научным докладом выступил П.Н. Якоби (см.: *Греков Н.А. В Русском юридическом обществе // Закон и суд. 1936. №. 3. [Т. 6. С. 1331–1332].*)

¹⁹ Магистерская диссертация была опубликована в 1913 году: *Круглевский А.Н. Имущественные преступления. СПб., 1913.*

²⁰ *Круглевский А.Н. Учение о покушении на преступление. Пг., 1917–1918. Т. 1–2.*

²¹ LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 890. L. 156. В таком же тоне выдержан отзыв профессора Александра Александровича Жижиленко (1873 – 1930?) – известного юриста-криминолога, которого по праву считают основоположником отечественной криминологии. До 1917 г. Жижиленко был известен как товарищ председателя и председатель уголовного отделения Юридического общества при Санкт-Петербургском университете, член комитета Русской группы Международного союза криминалистов, член комитета Литературного фонда, наконец, как член редакционной коллегии «Журнала уголовного права и процесса» и еженедельной петербургской газеты «Право».

²² Круглевская Людмила Константиновна (1895 – после 1960), окончила в 1921 г. историко-филологический факультет Томского университета. В 1930-е годы работала в Русском институте университетских знаний в Риге, преподавала историю русского языка, славянские языки, языковедение. Во время Второй мировой войны преподавала в Рижском университете. В конце лета 1944 года эвакуировалась в Германию, потом переехала к родственникам в США (см.: LVVA. F. 2125. Apr. 1. Lieta 899. L. 55; F. 5901. Apr. 1. Lieta 24. L. 87).

²³ Автору не раз довелось писать о профессоре Синайском, приведу публикации последних лет (см.: *Kovaļčuka S. Tiesību filosofijā Latvijā XX. gs. 20.–30. gados: A. Lēbers, V. Sinaiskis, M. Lazersons, L. Sulcs // Filosofiskās idejas Latvijā, Eiropas vērtības un latviskā identitāte. Rīga, 2008. 297–308.lpp.; она же: Latvijas Universitātes professors Vasilijš Sinaiskis: žurnāla «Jurists» (1928–1940) izdevejs // Intelektuālais mantojums Latvijā: filosofija un reliģija. Rīga, 2009. 97–109.lpp.; она же: 22 года из жизни учёного: цивилист Василий Синайский в Латвии // Русский мир и Латвия: Альманах. Рига, 2010, № XXI. С. 61–72; *Kovaļčuka S., Eļtarova V. Bez kultūras nav tiesību, bez tiesībām nav istas dzīves. Professora Vasilija Sinajska nāves 60. gadadienu pieminot // Jurista Vārds. 2009. № 39. 12–17.lpp.**

²⁴ LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 890. L. 13.

²⁵ Ibid. F. 1648. Apr. 1. Lieta 422. L. 26, 60.

²⁶ См.: *Baum K. Leon Petrazycki und Sein Schüler. Berlin, 1967.*

²⁷ *Kruglewski A. Das Strafrecht als Kulturfaktor: Grundlegung einer psychologischen Theorie des Strafrechts. Riga, 1927.*

²⁸ См.: *Leo Petražicka tiesību un valsts teorija sakarā ar mācību par morāli (uz emocionālās psiholoģijas pamatiem) // Pamata vilcienos sāīsinaī atstāstijis, līdz ar komentāriem Kārlis Ducmanis. Rīga, 1931.*

²⁹ См. также: *Круглевский А. Л.И. Петражицкий: некролог // Закон и суд. 1931. №. 20. [Т. 2. С. 400].*

³⁰ *Kruglevskis A. Ducmanis K. Leo Petražicka tiesību un valsts teorija sakarā ar mācību par morāli // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1931. № 6/7. 282–284.lpp.*

³¹ LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 890. L. 90.

³² *Сорокин П. Избранная переписка / под ред. П.П. Кротова. Вологда–Сыктывкар, 2009. С. 47–48.*

³³ Грин (Гринберг) Милица (1912 – 1998), дочь профессора медицины Латвийского университета Эдуарда Эдуардовича Гартге. Получила юридическое образование в Латвийском университете. С 1944 г. в эмиграции в Австрии, Великобритании. С 1953 г. начала преподавать в Эдинбургском университете по кафедре славянских языков. Широко известна как литературовед, хранительница и публикатор литературного наследия И.А. Бунина и его секретаря Л.Ф. Зурова (LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 528; F. 7354. Apr. 1. Lieta 249).

³⁴ На 15 апреля 1943 г. значился приват-доцентом, читал лекции, вёл семинары, руководил дипломными работами, но зарплату получал по профессорской ставке (LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 890. L. 69).

³⁵ Впрочем, А.Н. Круглевский не был одинок в политических преследованиях. Аналогичным притеснениям новые власти подвергли профессора университета Паула Карловича Дале (Dāle; 1889 – 1968). В своё время он окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1920–1930-е гг. активно занимался психологией, писал работы по религиозной философии. Дале, как и Круглевский, не прошёл проверку на лояльность идеологическим установкам новой власти, его «улучили» в увлечении идеалистическими установками русского психолога, философа Г.И. Челпанова, и в 1951 г. Дале был уволен из университета с формулировкой «не отделился от идеалистической философии и поповщины», «не смог победить в себе религию» (LVVA. F. 7427. Apr. 13. Lieta 342. L. 170).

³⁶ Ibid. L. 102, 105, 126.

³⁷ Ibid. L. 151–152.

³⁸ Ibid.

О.А. Коростелёв

Русские эмигранты в американских университетах после Второй мировой войны

(по материалам переписки Г. Струве с В. Марковым)

Аннотация: Одним из побочных результатов холодной войны между США и СССР стало небывалое развитие американской славистики. В это время завидные академические карьеры в американских университетах сделали многие известные эмигранты, сложились основные школы американской славистики, были воспитаны научные кадры. Переписка двух русских эмигрантов, ставших американскими профессорами и основоположниками целых направлений в американской славистике, Г.П. Струве и В.Ф. Маркова, практически полностью совпала с эпохой холодной войны. Сегодня их переписка воспринимается как одно из важнейших свидетельств эпохи и первостепенный источник для её изучения.

Annotation: One of the side effects of the Cold War between the United States and the Soviet Union was the unprecedented development of the American Slavic Studies. At that time an enviable academic career at American universities have made many prominent exiles, formed the main American Schools of Slavonic Studies, were brought up brainpower. The correspondence of two Russian emigrants who became American professors and founders of entire areas in American Slavic Studies, G.P. Struve and V.F. Markov, almost completely coincided with the era of the Cold War. Today, their correspondence is perceived by one of the most important evidence of the era and the primary source for its study.

Ключевые слова: русское зарубежье, холодная война, история науки, научные школы, литературоведение XX века, источниковедение, эпистолярный.

Kew words: Russian abroad, Cold War, history of science, scientific schools, literary studies of the XX century, source criticism, epistolary.

Эпоха холодной войны в отношениях США и СССР со всеми периодами разрядки продолжалась более сорока лет и, среди прочего, заметно сказалась на академическом мире Америки. Одним из побочных результатов холодной войны стало небывалое развитие американской славистики. Сразу же после речи У. Черчилля в Фултоне в США стремительно увеличивается число университетских кафедр, научно-исследовательских центров и переводческих школ славистики.

Новые центры по углублённому изучению в сущности неведомого дотоле врага (вчерашнего союзника) растут как грибы: если на протяжении всей

первой половины XX века количество славистских кафедр увеличилось с трёх до четырнадцати, то всего лишь за десять послевоенных лет их возникло сразу несколько десятков. Одновременно с университетскими кафедрами открывались институты по изучению Советского Союза, центры советологии и кремлинологии, школы переводчиков.

Для всех этих институций нужны были профессиональные кадры, и эти годы стали звёздным часом для учёных из среды русских эмигрантов. Именно в эпоху холодной войны они оказались востребованы как никогда и смогли не только занять университетские кафедры, но и начать готовить учеников. В это время завидные академические карьеры в американских университетах сделали такие известные эмигранты, как М.М. Карпович, Р.О. Якобсон, Д.И. Чижевский, Г.П. Струве, В.Ф. Марков, Ю.П. Иваск, И.В. Чиннов и многие другие.

После распада СССР и окончания холодной войны интерес к славистике в США начинает резко снижаться, прекращается финансирование программ, закрываются институты и многие кафедры, сокращается число учёных и преподавателей. Политическая мода стремительно меняется, а недолгое время спустя у США появляется новый враг, и русистике уделится всё меньше внимания. Многие славистские кафедры расширяются до евроазиатских (добавляются восточные языки), а практически перепрофилируются на изучение исламского мира. Однако за десятилетия холодной войны успели сложиться основные школы американской славистики, были воспитаны научные кадры, защищены сотни диссертаций, многие из начинавших в то время славистов стали знаменитыми учёными международного уровня.

Так получилось, что переписка двух русских эмигрантов, ставших калифорнийскими профессорами, практически полностью совпала с эпохой холодной войны. Переписка началась в 1949 г. и оборвалась лишь со смертью Струве (позже Марков продолжал изредка обмениваться письмами с его вдовой Марией Семёновной).

Сегодня их переписка воспринимается как одно из важнейших свидетельств эпохи. Вряд ли сами участники много задумывались о том, свидетельствами чего они являются. Марков теоретически считал себя антисоветчиком, но полагал, что самого по себе осознания этого факта вполне достаточно, и не стремился постоянно доказывать и даже демонстрировать свои убеждения; в своей филологической деятельности он оставался вне политики, и даже к общественной деятельности относился с равнодушием, если не с презрением.

Струве был гораздо более политизирован, что отражалось не только в его публицистике, поведении, но и в его книгах. Политические и литературные оценки у него зачастую совпадали. Однако и он в своих книгах в меру сил стремился к объективности.

По многим пунктам это были совершенно разные люди, с противоположными подчас вкусами и пристрастиями, хотя оба родились и до эмиграции жили в Петербурге, но разные эпохи наложили свой отпечаток. Ко времени, когда завязалась переписка, Глебу Струве было уже под пятьдесят, Маркову же не было и тридцати. Тем не менее, им было интересно друг с другом. Главным поводом для переписки была литература и литературная жизнь русской эмиграции и советской России, а также академическая среда американских

университетов. На протяжении 35 лет оба регулярно писали друг другу, сообщая новости, мнения о книжных новинках, литературоведческих находках, события профессорского мира и просто литературные и литературоведческие сплетни. В письмах в мельчайших деталях отразились сложные перипетии послевоенной жизни русской эмиграции, нюансы литературного быта, полемики, заключаемые союзы и возникающие конфликты, а также нравы академической среды США. Такая полифония придаёт дополнительный объём, многогранность и позволяет воспроизвести в мельчайших деталях послевоенный, наименее изученный период истории эмиграции и ещё менее исследованный период мировой славистики.

Причин тому, что послевоенные годы русского зарубежья оказались меньше изучены историками, несколько. Во-первых, к этому времени золотой век русской эмиграции уже миновал, будучи оборван Второй мировой войной. Во-вторых, детальное изучение этого периода оказалось затруднено отсутствием ряда основных источников, прежде всего неполнотой комплектов периодики (если довоенная эмигрантская периодика целенаправленно собиралась в РЗИА и более или менее доступна, то комплекты послевоенных изданий сохранились лишь случайно и гораздо более редки даже в западных собраниях, не говоря уже об отечественных хранилищах). Это время, когда литература первого поколения уже прошла пик своего расцвета, да и само поколение сходило со сцены. Но это также и время подведения итогов, осмысления предыдущей эпохи. В переписке двух представителей разных волн русской эмиграции речь идёт, среди прочего, и об этом. Любопытно ещё и то, что все рассуждения о смене поколений касаются не только эмиграции, но удивительным образом схожи с аналогичными процессами в метрополии. Авторы писем об этом не думали и думать не могли, но теперь, несколько десятилетий спустя, сходство процессов бросается в глаза.

Во второй половине XX века, по сравнению с довоенным периодом, литературная жизнь эмиграции была более скудной, количество печатных изданий заметно сократилось, и многое из написанного невозможно было напечатать. Эпистолярный жанр зачастую оказывался одной из немногих возможностей высказать свои мысли без скидок на конъюнктуру и цензуру. Письма обоих профессоров нередко представляют собой и наиболее непредвзятую литературную критику и эссеистику, включая, помимо деталей быта, также обстоятельные и не стеснённые цензурой или оглядкой на редактора оценки вновь появляющихся произведений и изданий, литературных событий, новых литературоведческих методов, осмысление прошедшего периода.

Ко времени начала переписки за плечами у обоих была богатая событиями жизнь, поэтому вполне уместно будет привести основные факты их биографий¹.

Для Глеба Петровича Струве (1898 – 1985) жизнь за границей была скорее привычной, часть своего детства он провёл в Швейцарии, Германии и Франции, куда увозил его отец-политэмигрант. Учился, однако, в России, все её проблемы принимал близко к сердцу и считал себя её неотъемлемой частью.

Окончив Выборгское коммерческое училище летом 1916 г., осень и зиму Струве провёл на фронте, весной 1917 поступил добровольцем в армию и до Октябрьской революции служил в гвардейской конной кавалерии. После

большевистского переворота дезертировал, чтобы поступить в Добровольческую армию. Позже он сам написал об этом: «Я покинул Петербург осенью 1917 г., в конце того же года уехал с отцом в Новочеркасск и вскоре после того поступил в Добровольческую армию, но провёл в ней только один день и одну ночь дневальным. А потом просидел три месяца “заложником” в составе отряда в 60 с лишним человек в большевистской тюрьме в Новороссийске, столице “независимой” Черноморской Республики. Летом 1918 г. я попал в Москву, а зимой того же года эмигрировал»². В декабре 1918 г. Струве вслед за отцом перешёл финскую границу с фальшивым паспортом (который был изготовлен Б.В. Савинковым) и вскоре начал обучение в Оксфорде (Balliol College), окончив его в 1921 году со степенью бакалавра современной истории.

Следующее десятилетие Струве целиком посвящает журналистике, становится постоянным автором и верным помощником отца в редактировании возглавляемых тем изданий: «Русская мысль» (1921–1923, 1927), «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1927–1928), «Россия и славянство» (1928–1933). Начинается кочевая жизнь. Вслед за редакцией «Русской мысли» Струве перебирается в Прагу, а оттуда в 1922 году – в Берлин. Здесь, в Берлине, 5 февраля 1923 года у Струве и его первой жены Юлии Юльевны Андре рождается старшая дочь Марина. Когда золотое время русского Берлина подходит к концу, Струве перебирается во Францию (живёт сперва в Bourg-la-Reine, затем немного в самом Париже, потом в St. Germain-Laye), продолжая сотрудничать в изданиях отца³.

Новый период в его жизни наступает в 1932 году, и важную роль в этом сыграл сэр Бернард Пэрс (Sir Bernard Pares; 1867–1949) – основатель и директор School of Slavonic and East European Studies при Лондонском университете. Позже Струве написал об этом: «После ухода Д.П. Святополка-Мирского из этой Школы перед его возвращением в Россию освободилась лектура по русской литературе, и я выставил на неё свою кандидатуру. В числе других я обратился за рекомендациями к нескольким русским писателям, которые были хорошо известны Пэрсу и даже, как Алданов, были членами-корреспондентами Школы, а именно, к И.А. Бунину, М.А. Алданову и К.Д. Бальмонту»⁴. В мае 1932 Струве был утверждён лектором школы. С этого времени начинается его долгая и успешная академическая карьера, не прерывавшаяся даже во время войны (в 1941–1945 гг. Струве совмещал работу в университете с положением главного русского «слухача» на радиостанции агентства «Рейтер»).

А вскоре после окончания войны, в 1947 году, Струве приглашают занять место профессора в Беркли, откуда он и вышел в отставку в 1967-м, после чего ещё преподавал в других университетах США и Канады.

Биография Владимира Фёдоровича Маркова (1920 – 2013) к началу переписки была куда более короткой, но не менее захватывающей. Его отец, Фёдор Алексеевич Марков (1895 – 1937) – директор Государственного гидрологического института, член Ленсовета XIII созыва⁵ – был арестован во время очередной чистки. Потом забрали и мать (она вернулась из лагерей после войны).

Марков учился в Ленинградском университете на германистике, и среди его профессоров было немало знаменитых учёных: В. Жирмунский, Г. Гукковский, С. Мокульский. Годы своей студенческой юности Марков описал замечательно⁶.

В 1941-м Марков ушёл в ополчение, служил связным (его артиллерийский батальон стоял под Новым Петергофом), был ранен и попал в плен. После войны четыре года провёл в Регенсбурге, работал в UNRRA (позже в IRO), женился на Лидии Ивановне Яковлевой, известной актрисе ленинградской Александринки, и начал публиковаться. Он пробует себя во всех жанрах: в стихах, критике, журналистике, печатается в газете «Эхо», «Посеве», «Границах», многочисленных эфемерных изданиях, выпускаемых в лагерях ди-пи на ротаторе. Именно в это время Марков знакомится с большинством самых видных литераторов-эмигрантов второй волны (Ю. Иваском, И. Чинновым, Н. Моршеном, И. Елагиним, О. Анстей), многие из которых останутся его друзьями на всю жизнь.

Конец его дипийскому существованию положила благотворительная служба лютеранской церкви, занимающаяся трудоустройством перемещённых лиц. Благодаря её помощи Марков был переправлен за океан, для работы на цитрусовых плантациях в Калифорнии. Восемь месяцев он стриг лимоны в Ventura County, продолжая писать и публиковаться. Здесь судьбой молодого поэта озаботился редактор «Нового журнала» М.М. Карпович, обратившийся к Струве с просьбой помочь.

Струве принял активнейшее участие в судьбе молодого литератора. В 1950 году Марков начал преподавать в Военной школе языков в небольшом калифорнийском городке Монтерей, а в 1956 г. переехал в UCLA, где и преподавал до выхода в отставку в 1991 году.

Всё это отражено в переписке исчерпывающим образом. Добавить можно разве лишь то, что, помимо Глеба Струве, Марков переписывался также со многими другими эмигрантскими литераторами, историками, художниками, издателями, общественными деятелями, как знаменитыми, так и полузабытыми, а также со многими представителями академической среды США и Европы. В его архиве – письма М. Карповича, Ю. Иваска, М. Вишняка, Р. Яковсона, Н. Берберовой, И. Чиннова, И. Елагина, Н. Моршена и многих других.

Маркову суждено было стать основоположником сразу нескольких направлений современной славистики (изучения русского футуризма, имажинизма, кузминоведения и бальмонтоведения). Русский футуризм он практически заново открыл не только для славистов, но и для читателей.

Из переписки хорошо видно, что в большинстве даже самых крупных американских книгохранилищ футуристские издания были представлены лишь случайно, а многие из них (в том числе ведущих представителей течения, Хлебникова) невозможно было найти вовсе, и Маркову для своей истории футуризма пришлось собирать их по крупицам, заказывая микрофильмы в разных библиотеках по всему миру. Сегодня картина совершенно иная: практически в любой университетской библиотеке США представлены основные издания футуристов (чаще в ксерокопиях или переизданиях), а также монографии и диссертации по теме. Иными словами, работы Маркова радикально изменили отношение к предмету.

Та же ситуация с изучением Кузмина и Бальмонта, к творчеству которых до Маркова не проявляли интерес ни советские литературоведы, ни западные слависты. В решении обратиться к этим авторам, как незаслуженно забываемым, сказался запальчивый нрав Маркова, всегда идущий наперекор

обыденным мнениям. Сейчас кузминоведение и бальмонтоведение если и не превратились в индустрию, как ещё более модное набоковедение, то считаются темами очень престижными.

Г.П. Струве заслуженно считается основоположником изучения эмигрантской литературы. Вскоре после выхода его книги «Русская литература в изгнании» (1956) у западных славистов пробуждается интерес к этой ветви русской литературы XX века. Уже в 1960-е годы начинают защищать диссертации, посвящённые эмигрантским авторам.

В письме В. Маркову от 9 июня 1972 года Г. Струве не без гордости констатировал: «Ряд диссертаций в американских и европейских университетах был стимулирован моей книгой (об Алданове, о Ремизове, о Шмелёве и др.)». Если таким было положение в начале 1970-х, то в следующие десятилетия количество диссертаций, публикаций и монографий, инспирированных его книгой, нарастало лавинообразно, и уже не только на Западе, но и в России. Эта книга Струве до сих пор не потеряла своего значения и даже после выхода многих других историй русской зарубежной литературы остаётся главным трудом в этой области.

Струве знали и в СССР, нередко упоминали о нём в прессе (почти всегда в негативном контексте, разумеется), по-своему даже боялись, награждая громкими титулами: «растлитель душ», «апостол антикоммунизма»⁷. Срабатывало и имя отца, и собственные публицистические выступления Глеба Петровича. Но наибольшую популярность у советских читателей принесли Струве всё же не эти титулы и его газетные статьи, а выпущенные им книги, хоть они и проникали в СССР с большим трудом.

Недостатки, о которых упоминали его недоброжелатели, в книгах были, и Струве хорошо знал это. Без доступа к основным архивам и основательной библиографической поддержки, т. е. почти в одиночку, полноценные собрания сочинений подготовлены быть не могут. Но Струве хорошо понимал и то, что надежды на издание этих книг в России в ближайшие десятилетия очень мало. Ю.Г. Оксман писал ему об этом: «Доживу ли я до полных собраний Гумилёва, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой – сильно сомневаюсь, а потому я с таким волнением читал ваш томик Мандельштама, что вот уже пятый день не могу прийти в себя»⁸. Струве делал всё, что мог сделать в его условиях, и упрекнуть ему себя не в чем. В конце концов, так или иначе, весь мир десятилетиями читал классиков XX века по его изданиям, знакомился с историей литературы XX века по его книгам. В России вплоть до последних лет выпущенные им издания были основными источниками, а для западных студентов-славистов англоязычные книги Струве до сих пор остаются главными учебниками.

Любовь к архивам Г.П. Струве унаследовал от отца. Многие из тех, кому доводилось работать с фондом П.Б. Струве в ГАРФ, были потрясены его масштабами, разнообразием, а также немецкой аккуратностью и педантичностью в собирании и хранении писем, бумаг, газетных вырезок, рассортированных по папкам со множеством тем. Фонд Г.П. Струве в Hoover Institution Archives не многим уступает отцовскому. Он такой необъятный, что все сталкивающиеся с ним невольно задаются вопросом: когда же этот человек делал хоть что-то ещё, помимо писания писем. Ознакомившись с фондом поближе, некоторые начинают сомневаться, один ли человек всё это написал, всех обо всем освеще-

домил, получил от них информацию, поделился своей, придумал совместные проекты. Как ни удивительно, один: у Струве даже личного секретаря никогда не было. А помимо писем, были ещё десятки выпущенных книг, сотни статей (опубликованная Робертом Хьюзом библиография насчитывает 900 позиций, а ведь она напечатана ещё при жизни Струве, если довести её до конца, число позиций перевалит далеко за тысячу).

И всё же переписка – едва ли не главное в его наследии. Писать он любил, точнее, любил быть в курсе всего, как сам стыдливо признавался: «я люблю получать». Из своего калифорнийского угла в Беркли Струве переписывался едва ли не со всем миром, регулярно получал сведения отовсюду, в том числе из СССР, из-за железного занавеса, и охотно делился этими сведениями (постоянно присылал своим адресатам, в том числе Маркову, фрагменты писем других людей с ценной информацией, а интересовало его всё: политика, общественная деятельность, музыка, кино, литература, причем литература не только советская и эмигрантская, но и русская классическая, а также немецкая, английская, американская и др.). Среди тех, с кем он тайно вёл переписку в России, – литературовед Ю.Г. Оксман, библиограф А.Д. Алексеев, переводчик К.П. Богатырёв.

Такое обильное эпистолярное общение приносило свои результаты: Струве первым узнавал о новинках и был одним из основоположников «тамиздата», он ухитрялся всеми способами добывать и печатать произведения, которые невозможно было опубликовать в России. Он впервые напечатал «Лебединый стан» Цветаевой, «Реквием» Ахматовой и первый сборник стихов Бродского, воспоминания Е. Тагер и Н. Валентинова, неизвестные произведения Мандельштама, Гумилёва и многое другое. Одновременно он переводил на русский Рильке, Этторе Ло Гатто, Джорджа Оруэлла, а на английский – Чехова, Бунина, Блока, Набокова.

При этом переписку с Марковым Струве ценил особо и написал ему 8 июня 1968 года, приводя свой архив в порядок: «Ваших писем – много сотен (и в них много интересного и ценного)». И тут же задался вопросом: «Интересно: если какой-нибудь будущий биограф – Ваш или мой – вздумает изучать наши отношения по нашей переписке (по крайней мере, по Вашим письмам ко мне, которые я все храню), к каким выводам придёт он?».

Отношения были не совсем уж безоблачными, порой разница в возрасте и в темпераментах давала себя знать. Общественно-политические жесты Струве и стремление привлечь к этому других у Маркова восторга не вызывали. Струве же считал, что Марков слишком любит оригинальничать и перегибать палку в своих суждениях. Но дальше споров в письмах дело никогда не шло. Каждый, так или иначе, признавал право другого на собственные мнения и принимал его таким, каков он был. Переписка продолжалась, невзирая на любые несогласия по отдельным предметам. В письме от 17 февраля 1980 Струве пишет Маркову: «Всегда буду вспоминать Вас как одного из трёх или четырёх самых блестящих моих учеников за почти сорок лет моей преподавательской деятельности в Англии и в США».

Всю гигантскую переписку (по шесть сотен писем с каждой стороны⁹) очень условно можно разделить на три части (по количеству предполагаемых томов).

В 1949–1955 гг. это переписка двух русских эмигрантов, перебравшихся из Европы в Калифорнию, любознательного профессора с молодым поэтом и критиком. Для обоих это период знакомства с Америкой, куда Марков попал только что, а Струве всего лишь двумя годами раньше, период складывания литературы второй волны русской эмиграции, её печатного дела, период замыслов и первых подступов к будущим главным трудам. В письмах – обмен богатым жизненным опытом, планами, мнениями.

Наиболее интенсивной переписка была в 1956–1958 годах, в период подготовки Марковым своей диссертации. В это время Марков писал Струве практически ежедневно, и не по разу, в отдельные дни доходило до четырёх писем (однажды тот даже удивился в шутку: «День был без письма – от Вас»). В этот период по статусу между ними должны были установиться отношения аспиранта и руководителя (можно добавить, аспиранта довольно капризного, а руководителя очень терпеливого). Но основная интонация писем даже в этот период – дружеская, доверительная и уважительная, причём не соглашаться и спорить со своим руководителем и учителем Марков нисколько не стесняется.

Третий период – 1959–1984 гг. – переписка двух профессоров на равных. В профессорские годы Маркова уже не было такого количества писем, как прежде, поэтому периоды, различающиеся по времени (первый продолжался немногим более шести лет, второй – всего три года, а третий – четверть века), почти совпадают по объёму текста.

При всей разнице в характерах (Струве – обстоятельный, спокойный, всегда взвешивающий слова и суждения, а Марков – запальчивый, склонный к перегибам и парадоксам) и во вкусах (Струве – «акмеист», Марков – со склонностью к футуристской эксцентрике), их многое объединяло, и прежде всего беззаветная любовь к русской литературе, к России. И несправедливые суждения по отношению к ней огорчали обоих в равной степени. Третьего июля 1981 г. Марков писал Струве: «Поношение старой России и меня удручает, и я не вижу способа с этим бороться. Теперь уже утвердилось мнение, что политика Политбюро чуть ли не прямое продолжение царской, а наплыв третьей волны только усилит всё это. Я мало компетентен противодействовать этому милитантному невежеству. Мне кажется, что “наше” поколение (беру в кавычки, п. ч. включаю в него и себя, и Вас), которое кое-что сделало (напр<имер>, создало плеяду американских специалистов по России), несёт ответственность за то, что в своё время решительно не воспротивилось этому».

Изучение творческого наследия и эпистолярия ведущих литературоведов XX века началось давно. Вслед за первыми журнальными публикациями отдельными писем эмигрантов, ставших за рубежом крупными учёными, последовали научно подготовленные публикации крупных корпусов писем Ю. Иваска, Д. Чижевского и некоторых других русских эмигрантов, занимавших высокое положение в академическом мире США. Вскоре, помимо публикаций в альманахах и сборниках, стали выходить и отдельные издания, целиком отданные эпистолярно того или иного видного учёного или литератора, либо сборники публикаций такого рода. Подобный тип изданий в последнее время получает всё большее распространение¹⁰. Отдельными изданиями выходили также в последние годы крупные корпусы переписки М. Азадовского, Ю. Лотмана, Р. Якобсона и других литературоведов. Однако столь большого и

значительного корпуса переписки, к тому же сохранившейся с обеих сторон, как между Г.П. Струве и В.Ф. Марковым, не появлялось уже давно. А то, что оба адресата принадлежали к двум культурам, т. е. являлись одновременно эмигрантскими литераторами и американскими славистами, делает их переписку поистине уникальной.

Переписка открывает большое количество неизвестных ранее фактов послевоенной истории русского зарубежья и американской славистики, позволяет уточнить многие детали литературного и литературоведческого процессов. В научный оборот вводится огромный корпус свидетельств и независимых оценок многих явлений в русской (эмигрантской и советской) литературе и славистике второй половины XX века, позволяющий более полно представить целостную картину литературоведения и книгоиздания русского зарубежья и американской славистики.

Перечислить все темы, поднимавшиеся в переписке, попросту невозможно. Обсуждалось всё: редакционная политика газеты «Русская мысль», визит в Калифорнию советских литераторов, президентские выборы в США, очередной том «Краткой литературной энциклопедии» или сборник стихов Беллы Ахмадулиной. Появление нового романа Набокова, очередного номера журнала «Опыты» или библиографии Л.А. Фостер вызывали оживлённые споры и эпистолярные микрорецензии с обеих сторон, которые позже могли превратиться и в рецензии уже настоящие, печатные. Кроме того, письма полны информации о славистских конференциях и съездах, грантах и фештшифтах, антологиях и музыкальных пластинках, поездках и выставках, в общем, о разносторонней жизни во всём её многообразии.

Политические темы также всплывают в переписке (чаще по инициативе Струве), но в общем её объёме они занимают ничтожный процент. Так, часто провозглашаемый антикоммунизм обоих при ближайшем рассмотрении воспринимается совсем не разрушительной, а, напротив, созидательной силой. В этой частной холодной войне выигравшей стороной оказалась русская литература.

Подытоживая, можно сказать, что если войну считают двигателем прогресса, то холодную войну придётся признать, помимо всего прочего, двигателем науки. По крайней мере, часть денег, вбуханных Соединёнными Штатами в эту войну, пошла на полезное дело. Пропагандистские листки и акции сыграли свою роль и растворились в небытии, а инициированные холодной войной настоящие исследования и научные школы продолжают жить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробные биографии обоих ещё не написаны, но о каждом есть обзорные статьи, из которых наиболее обстоятельны: *Ланто-Данилевский К.Ю.* Глеб Струве – историк литературы // Русская литература. 1990. № 1. С. 99–107; *Трущенко Е.Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье. М., 1993. Вып. 2. С. 143–162; *Линник Ю.* Владимир Марков: (Наброски к портрету) // Марков В.Ф. О свободе в поэзии. СПб., 1994. С. 5–25.

² *Струве Глеб.* Дневник читателя: К выходу «Русского альманаха»: необходимое исправление // Русская мысль. 1981. 11 июня. См. также его заметки: *Струве Г.* Письмо в редакцию: Новороссийская тюрьма в 1918 году // Русская жизнь. 1950. 10 мая; *Струве Г.* Письмо в редакцию: Ещё о Новороссийской тюрьме и матросах. (Историческая справка в ответ г-ну Вантцу) // Там же. 25 мая.

³ Г.П. Струве многократно возвращался в печати к этому периоду, опубликовал много документов, но отнюдь не исчерпал эту интереснейшую и многогранную тему: *Струве Г.* Письмо в редакцию: О «Возрождении», «Русской мысли», И.С. Шмелёве и пр. // НРС. 1947. 4 мая; *Струве Г.* Письмо в ре-

дакцию: П.Б. Струве и «Возрождение» // Русская мысль. 1955. 13 июля; Струве Г. Ещё о П.Б. Струве и «Возрождении» // Русская мысль. 1955. 10 августа; Страница из истории русской зарубежной печати. Начало газеты «Возрождение». Неизданные письма Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, М.П. Арцыбашева, В.Л. Бурцева, А.И. Каминки и Г.А. Ландау из архива П.Б. Струве / публ., коммент. и примеч. Г.П. Струве // Мосты. 1959. № 3. С. 374–392. См. также посмертную публикацию из архива Г.П. Струве: Из писем самых первых лет эмиграции (1919–1922); Работа в газете «Возрождение» (1925–1927) / публ. Н.А. Струве // Вестник РХД. 1985. № 145. С. 202–220.

⁴ Струве Г. Из моей переписки с писателями: Письма Г.В. Иванова, М.И. Цветаевой и М.А. Аддана // Мосты. 1968. № 13/14. С. 399.

⁵ См.: Весь Ленинград: Адресная и справочная книга – 1934. Л., 1934. С. 20, 234.

⁶ Марков В. Et ego in Arcadia // НЖ. 1955. № 42. С. 164–187.

⁷ См., например, статьи его главного оппонента: *Беляев А.А.* Глеб Струве – апостол антикоммунизма // Москва. 1971. № 5. С. 193–204; *Беляев А.А.* Глеб Струве – апостол антикоммунизма в советологии США // Русская литература и её зарубежные критики: сб. ст. М., 1974. С. 343–388.

⁸ Из архива Гуверовского института: письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве / публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 22.

⁹ В процессе сведения двух корпусов писем в единую переписку выяснилось, что при всей тщательности хранения архивов обоими адресатами ряд писем был утрачен, причём с обеих сторон. И если в случае с письмами Маркова в бумагах Струве есть надежда, что они могли случайно попасть в другую папку при первоначальной обработке фонда (в процессе сверки среди писем Маркова к Струве были обнаружены случайно попавшие в эту коробку отдельные письма к нему С.К. Маковского, Н.Н. Марченко с неразборчивыми подписями; то же могло получиться и с отдельными письмами Струве), то недостающие письма Струве, по всей видимости, утрачены безвозвратно (хотя Марков мог послать какие-то из писем другим адресатам для ознакомления). Впрочем, процент утраченных писем по сравнению с общим числом сохранившихся невелик. Переписка в целом и в таком виде остаётся одним из самых масштабных и представительных источников по истории XX века.

¹⁰ См., например: Письма запрещённых людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы: по материалам архива И. В. Чиннова / сост. О.Ф. Кузнецова. М., 2003; *Перхин В.В.* Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб., 2004; История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исследование и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелова, Е.В. Ляпустиной. М., 2006.

Харбин – восточный центр российского научного зарубежья: истоки формирования и специфика деятельности (конец XIX в. – 1930-е гг.)

Аннотация: В статье рассмотрены предпосылки и особенности превращения китайского города Харбин в один из центров российского научного зарубежья. Представлены основные этапы его формирования (дореволюционный и послеоктябрьский – эмигрантский), выявлена специфика деятельности, дана характеристика основных направлений работы российских научных и образовательных учреждений.

Annotation: The preconditions and special features of the transformation of Chinese city Harbin into the center of the Russian scientific émigré were discussed. The basic formation periods (pre-revolutionary and post-October emigrant) of the Russian Scholars Abroad were presented. The peculiarities of Russian Scholars Abroad activity was revealed. The description of basic areas of Russian scientific and education institution was given.

Ключевые слова: Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, научная эмиграция, российское научное зарубежье.

Key words: Harbin, Chinese Eastern Railway, scientific émigré, Russian Scholars Abroad.

Среди многочисленных центров российского научного зарубежья китайский город Харбин (современный китайский мегаполис, расположенный на северо-востоке Китайской Народной Республики, столица провинции Хейлуцзян) занимает особое место. В отличие от Праги, Парижа, Берлина, Белграда и других европейских городов, ставших центрами масштабного «русского рассеивания» после 1917 г., Харбин с момента его основания (1898 г.) формировался как «русский город». Задолго до начала послеоктябрьской эмиграции он был известен как центр крупнейшей (около 40 тыс. человек) российской диаспоры в Юго-Восточной Азии¹. «Дитя двух империй», «русский город на китайской земле» – такие характеристики дают ему многие исследователи, выделяя особенности возникновения Харбина, связанные со строительством Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) – совместного транспортного проекта, реализованного Россией и Китаем в 1897–1903 гг.

В отечественной историографии неоднократно отмечалась роль КВЖД – участка Транссибирской железной дороги от Читы до Владивостока (2 536 км), проходившего по территории Северо-Восточного Китая – Маньчжурии, – в подъёме экономики северо-востока Китая, в создании разветвлённой инфраструктуры, обеспечивающей стабильную жизнь многотысячной русской колонии, сформировавшейся по линии пролегания дороги. Наиболее полно данная тема раскрыта в исследованиях Н.Е. Абловой². Не менее значимую (но мало освещённую) роль сыграла администрация КВЖД в организации научной работы на территории Маньчжурии, в привлечении в Харбин на постоянную или временную работу российских специалистов для исследования этой малоизвестной не только для России, но и для самого Китая территории. Цель данной статьи – показать, как потребности КВЖД в квалифицированных специалистах и научной информации стимулировали процесс организации в Харбине влиятельного центра образовательной и научной деятельности россиян, оказавшихся за пределами государства, который действовал более тридцати лет и внёс значительный вклад в изучение Китая и накопление опыта российско-китайского научно-культурного взаимодействия.

В литературе, посвящённой истории строительства КВЖД, постоянное присутствие русских специалистов на территории Маньчжурии датируется 1897 г. – началом проведения изыскательских работ в зоне будущего пролегания железной дороги. Первыми представителями от России, начавшими здесь регулярную исследовательскую работу, стали специалисты Главного Штаба и Приамурского военно-топографического отдела (инженеры-топографы и геодезисты), которые должны были обеспечить проведение съёмочно-топографических работ, необходимых для составления карт Маньчжурии и выбора трассы пролегания будущей дороги. Изыскания были начаты осенью 1897 г., продолжались около трёх лет, охватили территорию в 4 700 км. Результаты работ позволили не только в достаточно короткие сроки определиться с выбором трассы прохождения главной линии дороги, но и провести первые географические описания и картографирование Маньчжурии, закрепив тем самым научный приоритет России в организации картографических работ на северо-востоке Китая³.

Вторую «волну» специалистов, направленных из России в Маньчжурию, представляли уже специалисты «гражданского» профиля – инженеры-путейцы, строители, архитекторы, которые были приглашены руководителем Строительного управления КВЖД главным инженером А.И. Юговичем для оказания практической помощи строителям дороги и при закладке Харбина – будущей административной «столицы» КВЖД. Многие из них навсегда связали свою жизнь с Харбином, оставив значимый научный след в истории города и КВЖД. Так, благодаря деятельности большой группы российских архитекторов (И.И. Обломиевский, А.К. Левтеев, Ю.П. Жданов, В.А. Рассушин, М.М. Осколков, П.С. Свиридов и др.) город не только обрёл отличительную архитектурно-художественную стилистику («русский модерн»), но и стал местом формирования особой харбинской архитектурной школы. История её становления раскрыта в исследованиях Н.П. Крадина⁴ и С.С. Левашко⁵.

Слаженная работа российских инженеров-путейцев (Н.Н. Бочаров, С.Н. Хилков, Н.С. Свягин, Ф.О. Гиршман и др.) позволила в рекордные сроки (пять лет) реализовать один из сложнейших научно-технических проектов

своего времени и способствовала постепенному формированию в Харбине русской инженерно-технической школы. Её крупными достижениями стало возведение на КВЖД ряда искусственных сооружений, потребовавших применения оригинальных научно-технических решений: мосты через реки Нонни и Сунгари на кессонных основаниях (проектировщик А.Н. Лентовский), трёхкилометровый двухпутный туннель через Хинганский хребет («петля Бочарова») и другие объекты. Позже (1920 г.) по инициативе русских общественных организаций Харбина, поддержанной правлением КВЖД (управляющий Д.Л. Хорват), в Харбине для подготовки инженерно-технического персонала для дороги был открыт Русско-китайский политехникум, преобразованный в 1922 г. в Российско-китайский, а затем Харбинский (1928 г.) политехнический институт. Первым директором института, возглавлявшим его до 1927 г., стал инженер-путеец А.А. Щелков (1876 – 1942), выпускник Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения.

Значительный след оставили русские специалисты и в геологическом исследовании Маньчжурии. Особенно велика роль в изучении полезных ископаемых северо-восточного Китая российского геолога Эдуарда Эдуардовича Анерта (1865 – 1946). Его биографы (Е.А. Кириллов⁶, В.И. Ремизовский⁷) характеризуют Э.Э. Анерта как главного специалиста по геологии и полезным ископаемым Северного Китая своего времени. Петербуржец по месту первоначальной службы, выпускник Санкт-Петербургского Горного института (1889 г.), своё знакомство с Маньчжурией Э.Э. Анерт начал ещё в 1896 г., будучи участником научной экспедиции, организованной Русским географическим обществом. С 1897 по 1912 гг. как сотрудник Российского геологического комитета (Санкт-Петербург) он неоднократно привлекался Управлением КВЖД для организации работ по поиску угля для нужд дороги. Результатом его работ стали открытие и частичная разведка нескольких угольных месторождений на севере Китая, в том числе богатейшего Чжалайнорского бурого угольного месторождения, открытого в 1901 г. совместно с инженером Н.Н. Бронниковым. В 1924 г., уже находясь в должности руководителя Дальневосточного отделения Геологического комитета (Владивосток), Э.Э. Анерт уехал на постоянное место жительства в Харбин, посвятив всю свою оставшуюся жизнь (более двадцати лет) изучению полезных ископаемых Маньчжурии и работе в научных учреждениях Харбина. В Харбине он являлся одним из наиболее активных представителей российского эмигрантского научного сообщества. В 1929 г. был избран почётным членом-корреспондентом Национальной Геологической службы Китая (Пекин). Опубликовал около 170 научных работ (на русском, английском и немецком языках), в которых были отражены результаты его многолетних исследований Северной Маньчжурии. Признанием научных заслуг учёного стали торжества в Харбине, организованные в 1939 г. его друзьями и учениками в честь 50-летнего юбилея научной деятельности. Однако, как, и многие эмигранты, закончил свою жизнь в неизвестности. Умер Э.Э. Анерт в 1946 г. в возрасте 81 года в Харбине, уже после освобождения Китая советскими войсками. Дата смерти (25 декабря 1946 г.) была установлена приблизительно, по свидетельским показаниям⁸.

Являясь до 1917 г. главным центром притяжения научных сил в Харбин, управление КВЖД и само выступало как многопрофильный исследователь-

ский центр. Исследовательской работой при управлении КВЖД до 1917 г. занимались Горный отдел, Учебный отдел, агрономическая часть Земельного отдела, Ветеринарный отдел, Коммерческая часть⁹. Горный отдел, работающий под руководством горного инженера С.П. Кокина, наряду с эксплуатацией открытых месторождений вёл разведку полезных ископаемых в Маньчжурии. Коммерческая часть управления (заведующий К.П. Лазарев) с помощью своих «экономических агентов» (специалистов в области маркетинга) занималась изучением условий, необходимых для расширения коммерческой деятельности России в Китае: изучала условия местного рынка, экономические ресурсы страны, готовила к изданию справочные материалы по экономической географии Китая. Агрономической частью Земельного отдела на специально организованных опытных полях и племенных фермах проводилась опытно-агрономическая работа, которая должна была адаптировать деятельность русских крестьян-переселенцев, проживающих на землях, арендованных Россией у Китая («зона отчуждения»), к природно-климатическим и почвенно-ботаническим особенностям страны¹⁰. Так, Аньдинское опытное поле, расположенное в русском селении вблизи станции Аньда, было одним из центров развития традиционного русского животноводства. Работы на Старо-Харбинском опытном поле КВЖД положили начало разведению в Китае чёрной йоркширской свиньи. На опытном поле станции «Эхо» велось изучение местных хлебных пород. Для метеонаблюдений ещё в 1898 г. управлением КВЖД была организована первая в Харбине метеорологическая станция (руководитель – астроном и метеоролог В.Н. Веселовзоров).

Кроме структурных подразделений КВЖД, научная работа русских специалистов в Северной Маньчжурии была организована в рамках разнопрофильных научных обществ, действовавших под патронажем администрации Приамурского края. Распространением агрономических знаний среди русского населения, проживающего в зоне дороги, наряду с Земельным отделом КВЖД, в частности, активно занималось Маньчжурское сельскохозяйственное общество (далее – МСХО). Общество было организовано в 1912 г., располагало собственным информационным бюро, предоставлявшим справочную информацию по новейшим достижениям в растениеводстве, животноводстве, лесоводстве. Совместно с Обществом ветеринарных врачей (создано в 1910 г.) МСХО издавало ежемесячный печатный журнал «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии» (редактор – учёный-агроном В.В. Солдатов), который выходил 10 лет (с 1913 по 1923 г.)¹¹. Сохранению традиций классической российской школы в русских школах, подведомственных администрации КВЖД, способствовала деятельность Маньчжурского педагогического общества. Инициатором его создания (1913 г.) выступил учебный отдел КВЖД, которым в течение 20 лет руководил выпускник Санкт-Петербургского университета, талантливый педагог, основатель и директор Коммерческого училища КВЖД Н.В. Борзов (1871 – 1955).

Высокая степень концентрации в Харбине специалистов-синологов – выпускников Владивостокского Восточного института (открыт в 1899 г.), работавших в службах железной дороги переводчиками, экономистами, обслуживавших коммерческую часть Управления и городские учреждения Харбина, создала условия для превращения города в один из центров развития

отечественного востоковедения. Организационно это было оформлено созданием в 1908 г. в Харбине Общества русских ориенталистов (далее – ОРО). Его первым председателем стал А.В. Спицын, соредактор китайской правительственной газеты «Гун-бао». Согласно разработанному уставу, ОРО ставило своей целью «служение государственным интересам России на Дальнем Востоке», предполагавшее исследование стран Востока в историческом, этнографическом, экономическом и политическом отношении и популяризацию знаний о Востоке в российском обществе. Членами Общества (численность на 1909 г. – 66 чел.) являлись многие служащие КВЖД, дипломаты, преподаватели харбинских учебных заведений: А.П. Хионин, П.В. Шкуркин, И.Г. Баранов, И.И. Петелин, А.Т. Бельченко, Я.Я. Бранд, П.Г. Васкевич и др.¹² Научной и педагогической деятельности многих из них посвящены специальные биографические очерки¹³. Основной формой работы ОРО были собрания членов общества, на которых обсуждались результаты их научно-исследовательской деятельности. Тексты докладов публиковались в журнале «Вестник Азии» (Харбин), основном издании общества, выходившем регулярно с 1909 по 1924 г. (издано 52 выпуска).

В послеоктябрьский период численность русских специалистов в Харбине значительно увеличилась за счёт притока в Маньчжурию значительной группы деятелей науки и преподавателей высшей школы из Сибири и Приморья. Не все они стали эмигрантами из идейно-политических соображений. Для части из них это был вынужденный исход, обусловленный «советизацией» российской высшей школы, которая привела к закрытию гуманитарных факультетов в сибирских и дальневосточных вузах (Омск, Томск, Владивосток) и оставила без работы многих юристов, экономистов и историков. Несмотря на то, что правительство Китая не оказывало поддержки русским беженцам, аналогичной «русским акциям», которые были проведены в Чехословакии или во Франции, Харбин в 1920-е годы оказался притягательным местом для многих российских эмигрантов. Как ранее отмечалось в ряде исследований, посвящённых проблеме научной эмиграции послеоктябрьского периода¹⁴, в странах Европы, где обосновались эмигранты «первой волны», для большинства учёных-россиян получить место в научных учреждениях страны пребывания было непросто. Местное научное сообщество встречало эмигрантов без энтузиазма, видя в них конкурентов. Для чтения лекций и научной работы приглашали лишь тех, кто имел высокий авторитет в научном мире ещё до эмиграции. Большею частью приходилось самим искать места для жизни и профессиональной деятельности за рубежом, встраиваясь в новые национальные научные сообщества.

Харбин в плане «стресса эмиграцией» (термин М.Ю. Сорокиной) представлял исключение. В отличие от европейских научных центров, здесь не существовало научной конкуренции с местными научными силами (из-за их отсутствия). Было возможным получение материальной и моральной поддержки со стороны русских благотворительных эмигрантских организаций Харбина. Важную роль в создании благоприятного харбинского «климата» играло Управление КВЖД, восстановившее, хотя и в урезанном виде (были упразднены земельный, учебный, горный отделы), свою исследовательскую деятельность после урегулирования в 1924 г. СССР и Китаем вопроса о статусе КВЖД. В связи с поставленными задачами – создать эффективно действующее

коммерческое предприятие, занимающееся главным образом коммерческими перевозками, – советская администрация дороги, испытывающая недостаток в квалифицированных специалистах, знающих специфику Китая, лояльно относилась к лицам, не оформившим советского гражданства, но представляющих ценность своими практическими знаниями и опытом исследовательской работы. Несмотря на то, что статус эмигранта (лица без гражданства) препятствовал их зачислению в штат КВЖД (по соглашению 1924 г., служащими КВЖД могли быть только советские граждане или китайцы), им давалась возможность публиковаться в изданиях КВЖД, сотрудничать (на правах «заштатных работников») с различными подразделениями администрации дороги.

Научными исследованиями при КВЖД в 1920-е гг. занимались экономическое бюро, тарифно-показательный музей, библиографическое бюро Центральной библиотеки КВЖД. Деятельность Экономического бюро (до 1930 г. им заведовал Г.Н. Дикий, впоследствии эмигрировавший во Францию), в частности, должна была обеспечить эффективность работы дороги как нового советского коммерческого предприятия. В рамках поставленных задач его сотрудниками осуществлялись сбор данных и составление статистических сводок об экономическом состоянии Маньчжурии. Изучалось состояние местного хлебного рынка, проблемы экспорта-импорта зерновых, проводилось бюджетное обследование местного крестьянского хозяйства. С 1923 г. экономическое бюро КВЖД начало издавать в Харбине свой журнал «Экономический вестник Маньчжурии» (с 1925 г. – «Вестник Маньчжурии»), ставший главным научным рупором КВЖД. Ключевыми темами журнала были вопросы состояния сельского хозяйства и промышленности Маньчжурии, торговое дело, проблемы развития железнодорожного транспорта. Регулярно печатались статьи, посвящённые быту Китая, истории, археологии, природе и географии страны. За девять лет существования журнала (с 1925 по 1934 г.) было издано 106 номеров со статьями как штатных сотрудников КВЖД (Е.Е. Яшнов, Л.И. Любимов, В.И. Сурин, Н.А. Сетницкий, В.А. Кармазов, Н.Г. Третчиков, В.Я. Толмачёв), так и «заштатных» исследователей: В.Н. Жернаков, Э.Э. Анерт и др.

Помимо экономического бюро, сбором и распространением научной информации в Харбине занималась Центральная библиотека КВЖД. Руководителем библиотеки с 1926 г. до её закрытия в 1935 г. в связи с продажей КВЖД Японии являлся известный учёный, профессор, «сменовеховец» Николай Васильевич Устрялов (1890 – 1938). В системе предприятий КВЖД библиотека выполняла многофункциональную роль. Благодаря большим кредитам, которые отпускались на её содержание администрацией дороги, она, с одной стороны, являлась крупным просветительским центром, выполнявшим задачи публичной библиотеки, с другой стороны – имела специальные задачи: содействовать научным силам КВЖД в их научных изысканиях, обслуживая научно-технические запросы администрации дороги и её служебного персонала. Функции научного информирования выполняло специальное библиографическое бюро с примыкающим к нему научным отделом. Бюро, ведущими сотрудниками которого являлись российские специалисты – профессора Н.Н. Трифонов и Е.М. Чепурковский, занималось составлением библиографий по вопросам, представляющим интерес для деятельности КВЖД. Периодически бюро публиковало как приложение к «Вестнику Маньчжурии» свои библиографические бюллетени и сборники с рецензиями на научные книги¹⁵.

Аналогичную роль культурно-просветительного и научного центра играл Тарифно-показательный музей КВЖД (заведующий – В.Я. Толмачев), образованный в 1924 г. при Тарифно-распорядительном отделе Коммерческой части КВЖД. Музей, с одной стороны, являлся хранителем образцов товаров и грузов, провозимых дорогой, с другой стороны – своеобразной исследовательской лабораторией, к услугам которой прибегали как клиенты дороги, так и сами дорожные службы для определения провозной платы. Одновременно коллекции музея использовались в качестве наглядных пособий для ознакомления всех желающих (главным образом, учащихся школ, гимназий и вузов, представителей торговых организаций) с ассортиментом дальневосточных товаров, продукцией китайской и советской экономики. В коллекции музея были представлены китайские культурные полевые растения и зерновые продукты, изделия маньчжурского производства, пищевые продукты народов Дальнего Востока, китайские лекарственные материалы и другие товары¹⁶.

Помимо подразделений КВЖД, помогавших трудоустройству российских специалистов в Харбине, важную роль в поддержке учёных-эмигрантов из России сыграло Общество изучения Маньчжурского края (далее – ОИМК). Оно начало свою деятельность в 1922 г., в связи с подготовкой к выставке по случаю 25-летия деятельности КВЖД и открытием музея Северной Маньчжурии в Харбине. Этот музей, по замыслу инициаторов его образования, группы русских учёных-харбинцев, должен был стать не только местом хранения экспонатов, собираемых в различных районах Маньчжурии, но и научно-исследовательским учреждением, многопрофильным научным центром, занимающимся всесторонним изучением Северо-Востока Китая и объединяющим вокруг себя неравнодушных к такой работе специалистов. Первоначальная численность общества составляла 105 человек. После объединения с ОРО, педагогическим и сельскохозяйственным обществами она выросла до 800 человек. ОИМК имело разветвлённую структуру: более 10 различных секций (торгово-промышленная, естественно-историческая, геологическая, медицинская и др.). Были организованы издательство (заведующий – А.А. Рачковский), успевшее за короткий срок существования ОИМК (до 1928 г.) выпустить ряд научных трудов и изданий осведомительного характера, в том числе 10 выпусков «Известий ОИМК» и 9 выпусков «Трудов ОИМК», книгообменный фонд. При ОИМК существовала сеть вспомогательных учреждений: Ботанический сад, биологическая станция на реке Сунгари, опытное поле, многочисленные метеостанции. Деятельность Общества поддерживалась финансовой помощью Управления дороги, выделившего ему специальное помещение для проведения собраний, размещения музея, научной библиотеки (70 тыс. томов научных изданий) и архива¹⁷.

Активная научная и научно-педагогическая деятельность россиян велась также в стенах русских высших учебных заведений, созданных в Харбине в 1920-е гг.: Юридического факультета, Политехнического института, Педагогического института, Института ориентальных и коммерческих наук. По подсчётам исследователей, в них обучалось более 1 600 русских студентов, и по числу обучаемых россиян Харбин уступал только Парижу, где в 1928 г. насчитывалось 2 385 русских студентов-эмигрантов¹⁸. Одной из особенностей работы русских вузов в Харбине (в отличие от европейских городов)

был особый принцип формирования их профессорско-преподавательского корпуса, определяемый источником финансирования. Так, для вузов, которые содержались на субсидии КВЖД (Политехнический институт, Юридический факультет, Институт ориентальных и коммерческих наук), характерным было наличие среди профессоров значительного количества специалистов, являвшихся гражданами СССР. Такая нетипичная, казалось бы, для «эмигрантских» вузов ситуация обуславливалась целями, которые перед ними были поставлены. Они изначально выполняли не просто образовательные задачи: учить эмигрантскую молодёжь, лишённую возможности получения высшего образования в других вузах Китая, но и готовили кадры специалистов для КВЖД (совместного российско-китайского предприятия). Так, Русско-китайский политехнический институт (с 1928 г. – Харбинский политехнический институт, директора – А.А. Щелков и Л.А. Устругов) готовил персонал для управления и эксплуатации железной дороги. Институт ориентальных и коммерческих наук, открытый в 1925 г., являлся базой для подготовки специалистов-переводчиков. Учредителями и организаторами вуза выступила группа бывших членов харбинского ОРО во главе с А.П. Хиониным, который стал его первым директором. С 1927 г. руководство вузом возглавил В.Д. Маракулин – лектор по курсам политической экономии и истории экономических учений, экономике транспорта и промышленности. Харбинский Юридический факультет (основан в 1920 г.) за счёт введения в учебные программы специальных курсов (китайское и советское право, экономическая география Китая и СССР) готовил правоведов и экономистов широкого профиля. Руководство факультетом последовательно осуществляли: известный русский правовед и политический деятель Н.В. Устрялов; Н.И. Миролюбов (юрист-правовед, бывший профессор Иркутского университета), В.А. Рязановский (специалист по китайскому гражданскому праву) и В.В. Энгельфельд (специалист по административному и международному праву).

Административно вузы Харбина находились в подчинении Управления Главногоначальствующего Особым районом трёх восточных провинций. Такое название и должность имело лицо, осуществлявшее функции высшего административного управления на территории бывшей «зоны отчуждения» КВЖД. Однако финансированием вузов китайская администрация не занималась. Деятельность вузов поддерживалась субсидиями КВЖД, частными пожертвованиями и небольшой помощью Американского Христианского союза молодых людей. Управление КВЖД оказывало помощь вузам в обеспечении зданиями, предоставляло возможность работы профессорско-преподавательскому персоналу в своей Центральной библиотеке, поощряло специалистов дороги к включению в учебный процесс.

По оценке М. Раева, известного исследователя истории русского зарубежья, «преобладание технического и административного персонала КВЖД» над «творчески активной интеллигенцией» было одним из недостатков Харбина (в сравнении с европейскими научными центрами)¹⁹. Однако привлечение эмигрантской прессы, архивных источников позволяет оспорить этот вывод. Сотрудничество администрации КВЖД с представителями различных групп выходцев из России, включая эмигрантов «послеоктябрьской волны», представляло для последних в большей степени благо. Оно обеспечивало как

штатных, так и «заштатных» сотрудников стабильным и достаточно высоким заработком, привычной научной и преподавательской работой, помогая тем самым быстрее адаптироваться к новой инокультурной среде. Преподаватели вузов имели возможность заниматься исследованиями, публикуя их результаты в специальных вузовских изданиях, кредиты на которые также предоставлялись администрацией дороги. Для научной работы и повышения квалификации им предоставлялась возможность выезда в командировки в западноевропейские научные центры. Подтверждение этому можно найти на страницах вузовских научных изданий, выходявших в разное время в Харбине: «Известий Юридического факультета в Харбине» (1925–1937 гг.), «Известий Харбинского политехнического института» (1923–1934 гг.), межвузовских сборниках «Высшая школа в Харбине» (1922–1923 гг.). В то же время нежелание ухудшить своё материальное положение заставляло специалистов-эмигрантов воздерживаться от участия или организации антисоветских акций, как в стенах вуза, так и в общественной жизни Харбина. Не принимая идей большевизма, в большинстве своём они стояли на позициях «сменовеховства», новой идеологии, основными постулатами которой выступали безоговорочное признание необратимости революции 1917 года и активное «возвращенчество», предполагавшее временное сотрудничество с советской властью. К этому течению примыкала большая часть профессоров юридического факультета во главе с известным «сменовеховцем», правоведом Н.В. Устряловым, экономисты КВЖД Г.Н. Дикий, А.И. Погребецкий, Н.А. Сетницкий, Е.Е. Яшнов и другие лица. Это создавало особую научную атмосферу Харбина, для которой первоначально было характерно научное сотрудничество учёных из различных слоёв (специалистов из числа старых дореволюционных служащих КВЖД, лиц с эмигрантским статусом, служащих советских учреждений системы КВЖД), их большая аполитичность, настроенность на конструктивный научный диалог, вне зависимости от политических взглядов.

Однако разрыв советско-китайских отношений в конце 1920-х гг., захват Маньчжурии Японией и образование марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. привели к дестабилизации работы русских специалистов в Харбине. После военного конфликта на КВЖД (1929 г.) китайское правительство стало на позиции проведения недружественных акций по отношению к специалистам из России, вылившихся, среди прочих, в закрытие ОИМК с передачей его имущества и учреждений в ведение Департамента народного просвещения Китая. Администрацией КВЖД были разорваны все прежние контакты, включая научные, с лицами, не имеющими советского гражданства или отказавшимися от него. Была отменена дотация КВЖД на содержание харбинских вузов (политехнического, юридического, педагогического), что поставило их в сложное финансовое положение и спровоцировало отток научных кадров. Значительные кадровые потери харбинское научное сообщество понесло после подписания 23 марта 1935 г. соглашения между СССР и Японией о передаче советской доли КВЖД правительству Маньчжоу-Го, в соответствии с которым из Харбина выехала большая часть специалистов – советских служащих, работавших в различных службах дороги. В период японской оккупации под контроль японских властей (через культурно-просветительный отдел Бюро по делам российских эмигрантов – БРЭМ) попала деятельность всех культурно-просветительных, учебных и научных эмигрантских

организаций. Среди них оказался и Научно-исследовательский институт изучения Северной Маньчжурии – новая научная организация, созданная в 1931 г. на базе музея ОИМК группой членов бывшего Общества (Э.Э. Анерт, А.С. Лукашкин, М.А. Фирсов, В.Н. Жернаков, Т.П. Гордеев, В.В. Поносов и др.). Ранее находившийся в подчинении Департамента Народного просвещения Особого Района Восточных Провинций (территория Маньчжурии. – Л.М.), в 1937 г. он был передан в ведение созданного японской стороной Научно-исследовательского института Да-Лу (с центром в Синьцзяне). На правах харбинского отделения Института Да-Лу, возглавляемого японским специалистом М. Шиката, он просуществовал как минимум до 1943 г. (судьбу отделения и точную дату его закрытия установить пока не удалось. – Л.М.). Но его деятельность, как и деятельность немногих сохранившихся научных кружков и сообществ русских исследователей в Харбине (Клуб естествознания и географии при Харбинском отделе Христианского союза молодых людей; Национальная организация исследователей-пржевальцев и др.) оказалась переориентированной на интересы другого государства и на долгие годы оставалась закрытой и малоизвестной.

В целом, оценивая работу русского научно-образовательного центра в Харбине, следует признать, что, несмотря на непродолжительность существования, большую зависимость от политической конъюнктуры и характера взаимоотношений между Россией/СССР и Китаем, она оказалась достаточно содержательной и плодотворной. Работая, по своей воле или в силу сложившихся обстоятельств, на территории чужого государства, в иноязычной среде, российские специалисты смогли раскрыть миру ранее практически неизвестный край, выяснить его географические, природно-климатические особенности, провести картографирование, ознакомиться с проживающим населением, его культурой, традициями. Во многих случаях их исследовательская работа была пионерской, так как проводилась в районах и на местах, где не ступала нога никого из европейских учёных. Для самого Китая работа русских специалистов оказала значительное влияние на становление новых научных школ и направлений. В частности, значителен вклад русских учёных в развитие археологической науки в Китае. Если до начала 1930-х гг. археологические исследования в Китае носили случайный характер, то с началом работ В.Я. Толмачева, В.В. Поносова, Е.И. Титова, приведших к открытию многих ныне известных археологических памятников Маньчжурии, они приобрели систематический характер. Научно-практическое значение для развития экономики Маньчжурии имели результаты работ опытных и селекционных полей и питомников, организованных в разное время русскими учёными-естественниками на территории Маньчжурии. До их появления местные жители выращивали в основном традиционные восточноазиатские культуры – бобы, земляной орех (арахис), из овощей – редис, лук, китайскую капусту, длинные огурцы. С постройкой КВЖД на полях местных жителей получили распространение русские сорта картофеля, помидоров, белокочанной капусты и других овощей, впервые появилась рожь. Уже в дореволюционный период русскими учёными-естественниками была доказана возможность развития в условиях Маньчжурии новых, ранее не характерных для Китая, сельскохозяйственных промышленных отраслей, в результате чего в регионе получили развитие племенное скотоводство, молочное животноводство, разведение птицы, мукомольная промышленность, стал применяться европейский сельхозинвентарь.

Особыми заслугами по введению в хозяйственный оборот Маньчжурии

новых сельскохозяйственных культур может быть отмечена деятельность ботаников Т.П. Гордеева и А.Д. Воейкова. В области зоологии и изучения животного мира Маньчжурии – работы зоологов А.С. Лукашкина и М.А. Фирсова, в области изучения лесов – учёного-лесовода Б.С. Скворцова. Каждый из них оставил после себя более десятка трудов, раскрывающих особенности её природного мира. Принцип открытости обучения в высших учебных заведениях, созданных русской общественностью эмигрантского периода, сыграл важную роль в подготовке кадров китайской интеллигенции, заложив основы национальной технической, юридической, страноведческой и других научных школ. В то же время среди эмигрантской молодёжи, получившей образование и первые навыки исследовательской работы в Китае, выросло немало талантливых учёных, сделавших научное изучение Китая своей профессиональной деятельностью и ставших связующим звеном между двумя государствами.

По-разному сложилась судьба и научная карьера «русских харбинцев». Не сразу их научная деятельность была замечена и оценена как Россией, так и Китаем. Но все они служили науке, благотворные результаты которой впоследствии пошли на пользу двум народам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Василенко Н.А.* Об основных этапах миграционного движения из России в Китай в дооктябрьский период (по материалам китайских публикаций) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: материалы Третьей междунаро. науч. конф. Благовещенск, 2003. Вып. 5. С. 234.

² *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 431 с.

³ *Захаренко И.А.* Военно-географическое изучение и картографирование Восточноазиатского пограничного пространства (середина XVI – начало XX в.). Минск, 2008. С. 216.

⁴ *Крадин Н.П.* Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск, 2010. 368 с.

⁵ *Левашко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии (конец XIX – первая половина XX в.). Хабаровск, 2004. 176 с.

⁶ *Кириллов Е.А.* Неизвестный Анерт. Записки из опыта архивных изысканий. Хабаровск, 1993. 102 с.

⁷ *Ремизовский В.И.* Э.Э. Анерт – основоположник геологии Северного Китая // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 130–133.

⁸ РГАЭ. Ф. 732 (Э.Э. Анерт). Оп. 1. Д. 195. Л. 354.

⁹ Исторический обзор КВЖД (1896–1923) / сост. Е.Х. Нилус. Харбин, 1923. Т. 1. 692 с.

¹⁰ *Белоглазов Г.П.* Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII – первая треть XX в.). Владивосток, 2007. 184 с.

¹¹ *Солдатов В.В.* Организация агрономической помощи населению в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги // Вестник Азии (Харбин). 1913. Т. 16–17. С. 57–62.

¹² *Верёвкин И.Н.* Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов // Вестник Азии (Харбин). 1909. Т. 1. С. 272–278.

¹³ *Хисамутдинов А.А.* Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке: Материалы к библиографическому словарю. Владивосток, 2007. 273 с.

¹⁴ *Онопrienко В.И.* Русская наука в изгнании // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 5. С. 65–75.

¹⁵ *Говердовская Л.Ф.* Роль Центральной библиотеки КВЖД в укреплении культурных связей Китая и СССР в 30-х годах XX века // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века): Материалы междунаро. конф. Благовещенск, 2004. С. 99–103.

¹⁶ *Говердовская Л.Ф., Говердовский А.Ю.* История становления и деятельности Тарифно-показательного музея КВЖД в Харбине в 1924–1934 гг. // Там же. С. 104–106.

¹⁷ *Скворцов Б.В.* К истории Общества изучения Маньчжурского края и созданного им музея // Известия Харбинского краеведческого музея (Харбин). 1945. № 1. С. 53–56.

¹⁸ *Печерица В.Ф.* Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. С. 125–126.

¹⁹ *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 / пер. с англ. М., 1994. С. 37.

Российское научное зарубежье в странах Латинской Америки и его роль в культурно-историческом наследии

Аннотация: В статье анализируется история российского научного зарубежья в странах Латинской Америки через призму «персональной истории» и поведенческой жизненной стратегии учёных, как одной из форм их адаптации. Раскрывается роль представителей научного сообщества в культурно-историческом наследии.

Annotation: This article covers the history of the Russian science abroad in Latin America through the prism of «personal history» and behavioral strategy of scientists as a form of adaptation. The role of the scientific community in the cultural and historical heritage is also revealed.

Ключевые слова: российское научное зарубежье, эмиграция, Латинская Америка, персональная история, поведенческая жизненная стратегия, адаптация, межцивилизационный диалог, культурная и научная преемственность.

Key words: Russian science abroad, emigration, Latin America, personal history, behavioral life strategy, adaptation, dialogue between civilizations, cultural and scientific continuity.

При обращении к «персональной истории» русской эмиграции и выяснении поведенческой жизненной стратегии эмигрантов как одной из форм адаптации важны «описание и анализ поведения человека с учётом его социальных ролей, структуры организованной системы взаимодействия, в которой он реализовал себя»¹. Применительно к научному сообществу в рамках этого подхода основное внимание акцентируется на проблемах социального и этического облика деятелей науки, карьерного пути учёных, места престижных интересов в их среде, соотношения научной кооперации с конкуренцией и соперничеством². В этом случае микроисторический анализ жизни отдельных людей, проведённый в рамках историко-антропологического подхода, позволяет раскрывать личностный аспект эмиграции, историю судьбы отдельного человека в открытом мире и тем самым демонстрировать потенциал русских эмигрантов как духовный и агентный ресурс России.

Такая постановка вопроса требует также привлечения психоистории, в рамках которой ещё в 50-е гг. XX в. осуществлялось изучение роли выдающихся личностей прошлого с помощью методов психоанализа. Хотя в последние

годы, как отмечает О.С. Поршнева, психологизм всё-таки «более ощутимо присутствует в исторической науке не в качестве психоистории, а в виде истории ментальности, появившейся ещё в работах основателей школы “Анналов”»³. Социальная психология оказывается в этой связи особенно актуальной для изучения научного сообщества российского зарубежья, представители которого воплощали, каждый в своей личности, многие черты «социокультурной системы в микрокосме»; для них были характерны «определённые мотивы, стремления, оценочные стандарты, приобретённые как результат группового опыта»⁴. В свою очередь, культура (в т. ч. «профессорская») существует только в разделяемых членами социальной группы практиках и понимании, поэтому и принадлежащая этой группе личность несомненно вносит «свой вклад в культурные инновации» и в то же самое время «поддерживает культурную преемственность»⁵.

Миграционные потоки из Российской империи в Латинскую Америку начали прибывать с конца XIX в. Но представители собственно русской эмиграции в лице её первой волны оказались здесь после революции и Гражданской войны, с началом исхода белого движения из России. После Второй мировой войны состоялся очередной русский «исход» из Европы и Китая в Латинскую Америку, который формировался из представителей первой волны, коллаборантов, «западников» (невозвращенцев), а также остарбайтеров и советских военнопленных.

Общими характеристиками иммигрантов первой и второй волн был достаточно высокий образовательный уровень, наличие среди них большого числа военных, технических специалистов, инженеров, а также деятелей науки, которые включились в жизнь латиноамериканского общества в самых различных областях профессиональной и научной деятельности. С этим была связана специфика преимущественного расселения русской эмиграции в урбанизированные ареалы латиноамериканских стран, и прежде всего в столицах и других крупных городах латиноамериканского континента.

В этой связи перед русской эмиграцией, которая «пыталась удержаться, сохраниться и пустить русские корни на зыбкой почве» Америки и других стран, стояла задача адаптации к инокультурному пространству и противостояния полной культурной ассимиляции⁶. Подобные процессы внутри диаспоры обуславливались изначальной культурной и национальной обособленностью, находили своё воплощение в конструктивном соперничестве с западноевропейскими и иными культурными традициям, в искусственном поддержании своей «русскости», в умышленном противостоянии ассимиляционно-процессам путём создания научных, образовательных, культурно-просветительных и литературных организаций, издательского дела, библиотек, приходов Русской православной церкви за рубежом, которые являлись важными компонентами сохранения национального самосознания русских и сыграли особую роль в деле сохранения исторической памяти, языка, культурных традиций.

Основываясь на интерпретации «диалогичности» М.М. Бахтина, можно заключить, что на начальном этапе процесса социокультурной адаптации русской эмиграции в Латинской Америке превалировал «монологизм» (защита «русскости»), отрицавший наличие вне себя другого равноправного я (ты), однако по мере «вживания» в инокультурную среду происходило преодоление

монологических тенденций и осуществлялся переход русской эмиграции к межкультурному диалогу в рамках нового цивилизационного пространства⁷. Как показал практический опыт русской эмиграции в Латинской Америке, при подобной диалогической встрече двух культур они не сливаются, каждая сохраняет своё единство и целостность; при этом они взаимно обогащаются.

Представители научного сообщества Русского мира латиноамериканских стран также включались в организацию пространства конструктивного межкультурного диалога, демонстрируя многочисленные примеры мирной интеграции культур различных этносов. Некоторые из переселившихся в страны Латинской Америки русских эмигрантов стали известными в своей области учёными и педагогами, внесли важный вклад в развитие науки и образования стран проживания. Таковыми в XX в. традиционно оставались Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Венесуэла, Чили.

Сохранить культурное наследие за рубежом, передать его потомкам – эта миссия полностью легла на плечи представителей научной и художественной интеллигенции, которая смогла предложить принимающему их обществу свой набор профессиональных и образовательных услуг. В странах латиноамериканского континента это была, прежде всего, научно-техническая интеллигенция, представленная бывшими военными и специалистами, значительная часть из которых в пореволюционный период оказалась в Аргентине.

Среди них был генерал А.В. фон Шварц – бывший военный генерал-губернатор Одессы, крупный специалист в области фортификации. С 1923 г. он проживал в Аргентине, куда был приглашён на должность профессора фортификации Высшей военной школы (Escuela Superior de Guerra). Здесь на испанском языке он издавал свои исследования («Крепости до, во время и после войны», «Прошлое и настоящее фортификации и её применение к обороне государства» и многие другие). Всего генералом фон Шварцем было опубликовано семь томов научных трудов по проблемам организации обороны страны и ещё 25 отдельных исследований по различным вопросам военного искусства, напечатанных в разные годы в аргентинских военных журналах⁸. С опытными и образованными морскими офицерами И.А. Гавриловым и Л.В. Быстроумовым он занимался «академической проблемой организации обороны морских границ». Целью подобных разработок, как писал А.В. фон Шварц, было «дать Аргентине такую оборонительную организацию, которая обозначила бы полную неуязвимость её морских границ на долгое время»⁹. Одновременно А.В. фон Шварц был автором пяти изобретений (патентов) в области сооружения берегов и его усовершенствования; двух изобретений для обеспечения подводных лодок и других судов флота, четырёх изобретений в области постройки дорог (в том числе путём обжига земли); ему принадлежали также изобретение искусственных камней и «способа фабрикации саранчи в удобрении» и др.

В своих воспоминаниях он писал: «Резюмируя мою работу, я прихожу к заключению, что как профессор я достиг того, к чему стремился, подготовив стране специалистов, необходимых для организации обороны, когда она понадобится (одним из его учеников был президент Аргентины Хуан Доминго Перрон. – М. М.). Всегда я стремился сделать для государства, в котором живу и работаю, что-либо полезное, и поэтому любимым моим занятием было соз-

давать новые и более мощные и современные способы обороны в проектах или в книгах. Это началось с первого же года моего приезда сюда, и затем не проходило почти ни одного года, чтобы я не создавал что-либо новое»¹⁰.

Оказавшийся в Аргентине бывший русский моряк В.В. Добровольский в 1924 г. возглавил группу зимовщиков для работы на аргентинской научной базе в Антарктиде, на островах Оркадас в Южной части Ледовитого океана, которая находилась там целый год, отрезанная от всего мира¹¹. Среди учёных-ботаников, принявших участие в создании национальных парков на юге Аргентины, в зоне Барилоче, были русские инженеры-лесоводы – князь С.С. Шаховской и Д.А. Гавриленко¹².

В 1929 г. в Аргентину из Марокко переехал М. Архангельский, известный математик и геофизик-теоретик, который искал нефть в Патагонии, конструировал и сооружал нефтяные терминалы. Ему принадлежала разработка идеи подачи нефти на танкеры в условиях приливной волны. При этом сам Архангельский так и не принял аргентинского гражданства, продолжая до конца своих дней жить с «нансеновским паспортом» беженца¹³.

Полковник русской артиллерии, доктор технических наук профессор М.М. Костевич, выпускник Михайловской артиллерийской академии в Санкт-Петербурге, проживавший в Аргентине с 1932 г., являлся крупным специалистом в области взрывчатых веществ. Он был автором многих работ, которые принесли ему мировую известность. За выдающиеся заслуги в области химии и в честь 50-летия научной деятельности М.М. Костевич был награждён аргентинским правительством золотой медалью¹⁴.

В 1938 г. из Европы в Аргентину, где к тому времени уже проживали родители, переехал Константин Иванович Гаврилов, выпускник естественно-исторического факультета Карлова университета, ученик профессора М.М. Новикова. Он был выходцем из семьи известного российского судостроителя Ивана Александровича Гаврилова¹⁵.

В Аргентине К.И. Гаврилову и его семье пришлось пережить «годы скитаний и беспочвенности». Первое время он работал в Физиологическом институте лауреата Нобелевской премии профессора Бернардо Хуссейя, где, по его собственному признанию, «не было большой любви к русским, которых всех причисляли к “красным”», затем – в фармацевтической лаборатории LEA (Laboratorio Endocrinico Argentino). Здесь им были разработаны шесть видов медикаментов (против астмы, давления крови, гипертрофии щитовидной железы, экземы, отсутствия молока у рожениц, смерзания пальцев). Но уже с конца 1940-х годов К.И. Гаврилов смог наладить профессиональную научную карьеру, став известным в стране зоологом, зоопсихологом, психоаналитиком. Он преподавал в Тукуманском университете, являлся доцентом, директором Школы естественных наук; в дальнейшем – профессором и заведующим кафедрой сравнительной анатомии, эмбриологии и физиологии и кафедрой зоопсихологии. В письмах другу, историку Н.Е. Андрееву, он так описывал свою профессиональную жизнь за рубежом: «Академические дела идут хорошо. “Хорошо”, если не считать с постоянной борьбой против бесчисленных затруднений, которые нам, профессорам, ставят бюрократические инстанции, от коих мы зависим»¹⁶.

В письме от 2 октября 1955 г. Гаврилов пишет: «Жили бедно и водимые только своей любовью к работе. Сейчас ещё того хуже. Все мы находимся “en

suspension” (в подвешенном состоянии. – *исп. яз.*), т. е. нас держат условно, даже тех, кто имеет 20-30 лет давности... Жалование не увеличилось с 1948 года. Тогда оно было втрое больше минимума для жизни. Сейчас оно вдвое (если не втрое) меньше минимума, необходимого профессору»¹⁷. Тем не менее, работы всегда было много, а к середине 1960-х гг. ситуация стабилизировалась, хотя, как признавал сам Константин Иванович, всё время приходилось «бороться с известной бедностью в смысле возможностей работы»¹⁸. В 1974 г. К.И. Гаврилов был удостоен золотой медали университета за 25 лет непрерывной и плодотворной работы. К тому времени он был уже автором более 80 опубликованных научных трудов. В 1977 г. учёный стал почётным членом Академии естествознания при Аргентинской академии наук.

Русские офицеры и военные специалисты, приехавшие по приглашению генерала И.Т. Беляева в Парагвай, также внесли большой вклад в развитие теоретической и прикладной науки в этой стране, где ими был основан физико-математический факультет университета в г. Асунсьон. Первым деканом университета стал Н.Г. Кривошеин (сын профессора статистики сооружений Г.Г. Кривошеина, одного из разработчиков плана ГОЭЛРО)¹⁹. Ещё один русский учёный-математик – С.Л. Высоколян, профессор Высшей военной академии и Высшей морской академии, возглавлял в университете кафедру физико-математических и экономических наук. С.Л. Высоколян – белый офицер, после эвакуации из Галлиполи окончил физико-математический факультет Карлова университета (получив звание доктора наук по высшей математике и экспериментальной физике) и чешскую военную академию. В 1933 г. он прибыл в Парагвай, где стал признанным в мире учёным в области математики – в связи с решением теоремы Ферма²⁰. Высоколян проявил себя также как способный военачальник в годы Чакской войны 1932–1935 гг., которую вёл Парагвай против Боливии, и прошёл путь от майора до бригадного генерала, а затем возглавил парагвайскую артиллерию, став, в итоге, первым в истории этой страны иностранцем, которому был присвоен чин генерала армии²¹. В 1936 г. С.Л. Высоколян был удостоен звания почётного гражданина Парагвайской Республики и награждён золотой медалью Военной академии Парагвая имени Франциско Солано Лопеса.

Профессором высшей математики и физики физико-математического факультета Асунсьонского университета был ещё один военный инженер, математик С.Н. Шишпанов (Сиспанов, Sispanov) – автор научных трудов в области высшей математики, интегрального и дифференциального исчисления, действительный член Испанского и Аргентинского математических обществ. Одна из улиц в столице Парагвая, Асунсьоне, в районе Санта Мария названа именем «профессора Сиспанова»²².

В 1930-е гг. из Франции в Парагвай, имея нансеновский паспорт, перебрался доктор философии (по зоологии), орнитолог и энтомолог Борис Георгиевич Подтягин, который начиная с 1940 г. в составе Научного общества Парагвая занимался научно-исследовательскими изысканиями, что нашло отражение в его публикациях. С 1943 г. Подтягин являлся также директором Музея естествознания. С конца 1940-х и до начала 1950-х гг. учёный находился в Бразилии – сначала как участник группы по антималярийной программе, затем как участник Межамериканского противосаранчового комитета²³. В Парагвае

в те годы работали историк и публицист, автор книг по новейшей истории Парагвая А. Зиферхельд, профессор биологии Конради и др.²⁴

В Уругвае было хорошо известно имя русского эмигранта, сына казака Г.И. Чеботарёва, автора учебника, по которому многие поколения уругвайцев изучали географию страны и всемирную географию²⁵. Именем Г.И. Чеботарёва названы улица и школа в г. Монтевидео.

Развивающаяся наука латиноамериканских государств остро нуждалась в те годы в поддержке и практической помощи учёных из других стран, которые становились приглашёнными профессорами университетов, закладывали основы научных школ. Были в их числе и русские учёные.

Так, в 1934 г. в г. Сан-Пауло из Турина по приглашению бразильской стороны прибыл крупный учёный-физик, пионер в нелокальной квантовой теории поля Глеб Васильевич Ватагин (к тому времени получивший итальянское гражданство). Ему принадлежат работы в области физики космических лучей; он работал над статистикой частиц при низких температурах, над вопросами состава звёзд в астрофизике, над нелокальной теорией композитных моделей кварков.

Ватагину было поручено создание в только что открывшемся университете г. Сан-Пауло физического факультета. Эта задача с успехом была им решена, в том числе благодаря приглашению в страну известных учёных со всего мира (А. Комптона, Х. Юкавы, Д. Бома, Р. Фейнмана и др.). Ватагин основал здесь научную школу физиков, на основе которой был создан Институт физики космических лучей (который носит сегодня имя русского учёного). Одновременно Г.В. Ватагин продолжил свои научные изыскания. В 1934 г. он первый предпринял попытку построения квантовой теории поля с элементарной длиной, а в 1943–1944 гг. построил статистическую теорию множественной генерации частиц космических лучей²⁶.

В годы Второй мировой войны учёный поддержал СССР, став вице-председателем Русского комитета помощи жертвам войны в России. В 1949 г. Г.В. Ватагин вернулся в Италию, где работал в качестве профессора Туринского университета, был директором созданного при нём Института физики, где также основал научную школу итальянских физиков-теоретиков, к которой принадлежали Т. Редже, С. Фубини, М. Чини и др. В 1950 г. учёный был избран членом Туринской академии наук.

Все последующие годы Ватагин поддерживал прямые контакты с советскими коллегами из различных институтов Академии наук СССР, а также учёными из Бразилии, куда не раз ещё приезжал в научные командировки. Так, в письме от 14 января 1975 г. советскому учёному Д.Д. Иваненко Ватагин сообщал о предстоящей поездке в Бразилию, куда он был приглашён «для участия в выработке соглашения о сотрудничестве в области космических лучей» между Бразилией, СССР и Италией. «Эта задача кажется мне важной и привлекательной», – заключает профессор в своём письме в Москву²⁷. В другом своём послании профессору Д.Д. Иваненко от 27 февраля 1976 г. Ватагин вновь делился планами о предстоящей поездке на три месяца в Бразилию²⁸. Г.В. Ватагин до конца своих дней не прерывал связей с Бразилией, которая, в свою очередь, высоко оценила вклад итальянского учёного русского происхождения. Г.В. Ватагин стал членом Бразильской Академии наук. Его именем названы

Институт физики при Университете Кампинаса (г. Сан-Пауло) и премия по физике. Сегодня признано, что из всех исследований бразильских учёных в области фундаментальных и прикладных наук наиболее весомые результаты достигнуты по физике, аэрокосмическим технологиям и математике. Видимо, не случайно, что из 24 физических институтов страны 11 находятся в штате Сан-Пауло. При этом в рейтинге коллективов, которые располагают самыми сильными научными кадрами, на первом месте стоят Институт физики им. Глеба Ватагина при Университете Кампинаса и Институт физики при Университете Сан-Пауло. На физической кафедре Университета Кампинаса, где когда-то работал Г.В. Ватагин, сегодня ведёт свои исследования Амир Калдейра – единственный из бразильцев, входящий в первую тысячу мирового рейтинга физиков²⁹.

С Бразилией в межвоенный период также связала свою судьбу Елена Владимировна Антипова – дочь царского генерала, жена писателя В.Я. Ирецкого, высланного в 1922 г. в рамках известной акции «философский пароход», и сама вынужденная покинуть большевистскую Россию в 1924 г. В эмиграции Е.В. Антипова стала ведущим специалистом крупнейшего мирового психолого-педагогического центра исследования детства – Института Жан-Жака Руссо в Женеве (Швейцария). В 1929 г. она приняла приглашение правительства Бразилии для чтения лекций по экспериментальной и детской психологии в учительский (женский) институт. В письме мужу, объясняя причины своего отъезда из Европы, Е.В. Антипова наряду с научными называла главным образом материальные основания принятия подобного предложения: «Эти два года позволят мне, во-первых, обеспечить мать мою и сестру, то, что я здесь при мизерном моём жаловании сделать не смогу. Во-вторых, дать Доне (сыну. – М. М.) приличное образование, особенно музыкальное, в-третьих, отложить про чёрный день. В-четвёртых, более нечто такое неожиданное: помочь и Вам, и вот каким образом. На собранные деньги можно будет завести скромную там, в Бразилии, ферму, которая сможет стать источником некоторых доходов»³⁰.

Однако, приехав в Бразилию на время, Е.В. Антипова осталась там навсегда. По контракту она работала в штате Минас-Жерайс, занималась организацией школ и приютов для детей, нуждающихся в социальной и психологической коррекции; затем в должности профессора возглавила Высшую педагогическую школу в г. Бело-Оризонте. «Живя в Центральной Европе, мы думаем, что только и существуют люди, говорящие и понимающие французский, немецкий и английский язык, – писала она из Бразилии в январе 1931 г. – Мы забываем, что существует громадный мир, например, Южная Америка, где люди интеллигентные, хотя и знают французский язык, в большинстве случаев думают и производят на португальском и близком к нему испанском языке... Сейчас, исследуя умственное развитие здешних детей, получаю интереснейшие данные, сравниваю его с тем, что мы знаем о нём среди европейских и американских детей. Наши тесты, в конечном итоге, не столько исследуют умственную натуральную одарённость, сколько степень той цивилизации, <в> которой развивается и зреет ребенок»³¹. В 1938 г. Е.В. Антипова возглавила работу «Колонии Розарио» в г. Рио-де-Жанейро, где находились дети с неполноценным развитием. В дальнейшем, став одним из создателей Общества Песталоцци для помощи слаборазвитым детям и детям из беднейших слоёв

населения Бразилии, Елена Владимировна руководила сетью аналогичных обществ по всей стране. В 1973 г. при участии Е.В. Антиповой была создана Ассоциация поддержки особо одарённых детей в Бразилии³². Сегодня в этой стране действует образовательный фонд её имени (Foundation Helena Antipoff, FNA) и Институт имени Е. Антиповой. На португальском языке в пяти книгах изданы научные труды и материалы общественных инициатив Е.В. Антиповой. В 1968 г. за свой многолетний труд Е.В. Антипова была удостоена звания «Почётный гражданин Бело-Оризонте», в 1969 г. избрана «Матерью года» и награждена орденом «Южного Креста», в 1974 г. – медалью «За заслуги в сфере образования».

После Второй мировой войны из Китая в Бразилию переехало много русских специалистов в области гео- и астрофизики, математики, биологии и других отраслей знания. В их числе профессор В. Безнارد – основатель Океанографического института, в честь которого был назван океанографический корабль в Бразилии; В. Садовский – специалист в области ихтиологии, профессор Университета Сан-Пауло, который стал главным океанографом страны; А.И. Постоев – кандидат физико-математических наук, член Международного астрономического союза, работавший до войны директором Ташкентской обсерватории. В Сан-Пауло он получил место в астрономической обсерватории, ныне носящей его имя³³.

В Чили известной в академических кругах фигурой стал русский эмигрант А. Липшук, который по приглашению чилийской стороны прибыл в 1926 г. в Университет г. Консепсьон, где занимался исследовательской работой в области экспериментальной физиологии, в частности, половой эндокринологией и онкологией. В 1937 г. под его руководством в стране был создан Институт экспериментальной медицины. Липшук являлся также специалистом по проблемам социальной и культурной антропологии. В 1944 г. за свою научную деятельность А. Липшук был удостоен премии Академии наук Нью-Йорка, а в 1969 г. он стал первым чилийцем, удостоенным Национальной премии в области науки³⁴. После Второй мировой войны А. Липшук возобновил контакты с коллегами из СССР, прежде всего с советскими этнографами. В 1973 г. стал почётным доктором Института этнографии АН СССР.

Ещё одним центром русской эмиграции в Латинской Америке, но после Второй мировой войны стала Венесуэла. Говоря об особенностях этой волны эмиграции, Г.Г. Волков указывал не только на её социальный и профессиональный состав, но и на более прагматическое отношение к самому факту получения образования. «Многие из наших детей, – писал он, – преподавали в вузах, дослужились до генеральских чинов, занимают высокие дипломатические посты»³⁵. Свою роль в этом сыграло и то, что после войны, в соответствии с решением сессии Подготовительного комитета ИРО (International Refugee Organization), был создан специальный фонд средств, предназначенных для обучения студентов «ди-пи» в разных странах, и в первую очередь в США. Известно, что к началу 1950-х гг. в русской колонии в Каракасе было более 40 студентов, которые получили американские стипендии для продолжения образования³⁶. В 1967 г. редакция журнала «Общее дело», издаваемого русской колонией в Венесуэле, приняла решение публиковать списки русских эмигрантов, получивших университетские дипломы. Первыми в этом ряду

стояли 11 фамилий выпускников Иллинойского и Мичиганского университетов, получивших дипломы специалистов по русской литературе, психологии, архитектуре, химии, геологии, биохимии, ветеринарии и др.³⁷

В этом смысле показательна история семьи Загустиных. Отец, А.И. Загустин, являлся профессором инженерно-строительного факультета Каракасского государственного университета. Именно он проводил расчёты конструкции здания самой крупной в Венесуэле компании «Полар» – первого высотного здания в Венесуэле и во всей Латинской Америке. Сын А.И. Загустина, Константин, получивший в 1965 г. учёную степень доктора математических наук, был назначен профессором по кафедре гидравлики того же факультета. Дочь, Елена Загустина, выпускница инженерно-строительного факультета, получила научную степень доктора математических наук в области высшей строительной механики в Стратфордском университете (США), став первой за 40 лет женщиной, удостоившейся докторской степени по данной специальности³⁸.

В Каракасе, в Институте гигиены по отделу энтомологии, в те годы работала крупный специалист в области биологии, ближайшая сотрудница выдающегося русского учёного В.Н. Беклемишева – М.И. Мирза (Данилова), открывшая и исследовавшая в ходе научных изысканий около 20 видов новых пород малярийных комаров. Русский геолог Панченко внёс важный вклад в исследование отдалённых районов Ориноко в штате Амасонас³⁹. Инженер, доктор геологии Ф.Е. Никулин, член Союза инженеров и Союза журналистов Венесуэлы, параллельно с работой в министерстве вёл большую научную работу и регулярно печатался на испанском языке в министерских изданиях. Помимо статей и книг по своей специальности, учёный публиковал исследования по вопросам философии и религии («Что такое жизнь» на испанском языке; на русском – «Душевная жизнь человека», «Мир, человек, бессмертие», посвящённые критике теории психоанализа З. Фрейда)⁴⁰.

Доктор агрономических наук В.С. Ильин работал в Департаменте почв национального Института агрикультуры Венесуэлы, где занимался изучением влияния удобрений на урожай и химический состав кормовых трав. Благодаря работам русского учёного (за пять лет с конца 1940-х гг. им было опубликовано 20 научных трудов на испанском и английском языках), в условиях бедности и малопригодности местных почв, в стране удалось добиться повышения урожайности, увеличения поголовья скота и продуктивности в мясо-молочном производстве⁴¹. Ещё один специалист, В.В. Бодиско, защитивший в Венесуэле диссертацию по животноводству, за научные заслуги в области молочного и сельского хозяйства был награждён высшим орденом Венесуэлы «Андерс Бельо» I класса с лентой⁴².

В Аргентине в послевоенные годы работал крупный русский учёный, специалист в области палеонтологии беспозвоночных С.Д. Болтовский. В совокупности его научное наследие включает в себя более 160 трудов, переведённых на разные языки мира. С.Д. Болтовский был обладателем различных почётных премий, включая премию «Анхель Гажардо» аргентинской Академии точных, физических и естественных наук (1977), премию Конекс (1983), международную премию Кушмана (1988). В 1995 г. он был награждён золотой медалью «Заслуженного исследователя»⁴³.

Сложнее всего в зарубежье было представителям гуманитарных наук. Личные биографии представителей академического сообщества подтвержда-

ют слова многолетнего сотрудника Бахметевского архива в Нью-Йорке Л.Ф. Магеровского, который писал: «При переезде на чужбины политическим эмигрантам – специалистам по общественно-гуманитарным наукам всегда приходится труднее, нежели их коллегам в точных, естественных и экспериментальных областях. На них был меньше всего спрос... Более того, в этих областях эмигранты больше всего конкурируют с местными специалистами. Наконец, они не всегда достаточно хорошо владеют местным языком, а для специалиста по гуманитарным наукам превосходное знание местного языка есть требование самое элементарное»⁴⁴.

В свою очередь, другой русский эмигрант, П.П. Шостаковский, долгие годы проживший в Аргентине, признавал, что в ибероамериканских странах, например, для начинающих свою карьеру литераторов трудность заключалась не в том, чтобы написать рассказ или стихи (в Южной Америке считалось, что написать может всякий), и не в том даже, чтобы написанное было напечатано. Трудность заключалась в том, чтобы за работу заплатили. «Претензия на плату сама по себе определяла ранг издания, – писал П. Шостаковский, – в котором начинающий претендует быть напечатанным: платят только солидные издания... Добраться до них просто так, придя, что называется с улицы, – и думать нечего»⁴⁵.

Представителем литературного сообщества российского зарубежья, одновременно много сделавшим для популяризации русского исторического знания за рубежом, был кадет, участник белого движения М.Д. Каратеев – потомок В.А. Жуковского, состоявший в родстве с братьями Киреевскими. В 1934 г. он эмигрировал в Южную Америку, в Парагвай, а через четыре года переехал в Перу, где в г. Сан-Маркос в то время в должности ректора местного университета был его отец. В 1944 г. Каратеев переезжает в Уругвай, где и становится известен благодаря своим историческим романам, охватывающим полувековой период русской истории первой половины XIV в., то есть время формирования российской государственности. М.Д. Каратеев, работавший параллельно с В. Яном над темой русского средневековья, создал серию из пяти книг «Русь и Орда»: «Ярлык великого хана» (1959), «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)» (1962), «Богатыри проснулись» (1963), «Железный хромец» (1967), «Возвращение» (1967). Позднее вышли книги «Из нашего прошлого» (1968), «Арабески истории» (1971), «По следам конкистадоров» (1972).

Историческую концепцию, нашедшую отражения в произведениях М.Д. Каратеева, определяют как «промосковскую», антинорманскую, единой державную. Помимо древнерусских и восточных источников, в поле его зрения были исследования советского историка Б.Д. Грекова, академика Д.С. Лихачёва, а также исторические романы советских писателей⁴⁶. Произведения Каратеева исповедовали принципы русского патриотизма, православия, российской державности. В архиве писателя имелось 346 рецензий, отзывов и заметок о его книгах, появившихся за двадцать истекших лет в 72 различных органах печати. Книги доходили и до СССР, откуда он также нередко получал письма как от незнакомых ему читателей, так и от видных советских историков, в частности, от М.Н. Тихомирова и академика Б.А. Рыбакова, которые, в свою очередь, отправили ему несколько своих трудов⁴⁷. Книги М.Д. Каратеева попадали в Узбекистан, Казахстан, откуда также приходили просьбы прислать дополнительные экземпляры.

Говоря о будущей судьбе произведений М.Д. Каратеева, один из его друзей-кадетов, барон В.В. Местмахер де Будда, в письме от 28 января 1968 г. писал: «Само ознакомление с Твоими трудами должно быть ценным вкладом в русскую историю и литературу. А в том, что всё это станет снова “Русским”, я думаю, теперь можно не сомневаться. И не потому, что теперешний ЦИК КПСС поумнеет, а просто потому, что ему на смену приходит новое поколение, ни в какого Маркса больше не верующее, верящее только в экономический прогресс»⁴⁸. Автор письма призывал М.Д. Каратеева перепечатывать разделы из своих книг прежде всего в американских периодических изданиях, поскольку именно там (в США), как он писал, тогда «гнездились все наши самостийники», а американцы в день «освобождения народов» приносили «мольбы Всевышнему об освобождении от русского ига казахов, бурят, якутов и иже с ними грузин и белорусов»⁴⁹.

При этом личная судьба М.Д. Каратеева за рубежом складывалась крайне сложно. Находясь вдалеке от центров русской эмиграции, он был вынужден издавать свои книги за собственный счёт, небольшими тиражами в 500–1000 экземпляров⁵⁰. Сам Михаил Дмитриевич писал об этом следующее: «Беда только в том, что издание такой книги (речь шла о “Ярлыке Великого Хана”. – М. М.) – в ней будет не меньше пятисот страниц – требует больших денег, – примерно полторы тысячи долларов, – их у меня, конечно, нет; что никто из могущих помочь не поможет, – это тоже факт, – значит, остаётся один способ: издавать в кредит, подписавши типографии векселя (типография на это соглашается в размере двух третей стоимости издания), – а как будет расхотиться второе издание – для меня полная загадка, – если недостаточно быстро для своевременной уплаты по векселям, то меня могут пустить с молотка... Вот и боязно решиться на такое дело»⁵¹.

В это же время М.Д. Каратеев сотрудничал почти со всеми крупными журналами и газетами российского зарубежья, что по тем временам являлось прежде всего формой дополнительного заработка, столь необходимого писателю для того, чтобы содержать семью. По признанию М.Д. Каратеева, он не раз также предпринимал попытки «прорваться» в аргентинскую прессу (испанским языком Каратеев владел в совершенстве), где платили в несколько раз больше, но каждый раз его ожидал отказ по причине того, что там был свой круг авторов, который следил за тем, чтобы «хлеб у них не отбирал никто посторонний, будь он хоть сам Лев Толстой»⁵². К концу жизни писатель начал хлопотать о пенсии, но в Уругвае её получить не удалось, поэтому пришлось пытаться оформить пенсию в Аргентине, чему должным были способствовать девять изданных в этой стране книг. Но, как отмечал М.Д. Каратеев, лишь после «семилетней волынки» (и это было за год до смерти писателя) он смог получить, наконец, пенсию в 42 доллара, при том, что, по его собственному признанию, чтобы как-то «сводить концы с концами» семье (с двумя детьми), требовался прожиточный минимум в 130–200 долларов в месяц⁵³.

Ещё одним видным представителем отечественной гуманитаристики в Латинской Америке, зачинателем русской филологии в Бразилии и одновременно известным переводчиком на португальский язык русской литературы был выходец из России Борис Соломонович Шнайдерман, который в 1925 г. вместе со своей семьёй переехал из Одессы в Сан-Пауло. В 1960-е гг. он преподавал

русский язык и литературу в университете Сан-Паулу, где основал кафедру русского языка и литературы. Сотрудники университета в разговоре с посетившим этот вуз отечественным исследователем С.Д. Серебряным говорили, что «сейчас чуть ли не все русисты в Сан-Паулу – это или ученики Б.С., или ученики его учеников». Шнайдермана при этом называют «собеседником двух культур», который «способствовал изменению восприятия русской литературы в Бразилии»⁵⁴, благодаря многочисленным переводам (непосредственно с русского на португальский) произведений Достоевского, Толстого, Чехова, Бабеля и др. Он также переводил на португальский язык и популяризировал в Бразилии научные работы российских филологов, прежде всего представителей тартуского семиотического круга. В 2003 г. Б.С. Шнайдерман получил за свою переводческую деятельность премию Бразильской литературной академии (Premio de Tradução da Academia Brasileira de Letras). В 2007 г. российское академическое сообщество также высоко оценило роль русского эмигранта, наградив его «Медалью Пушкина», которой отмечаются заслуги в области просвещения, гуманитарных наук и литературы, большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей.

Отечественный историк и культуролог И.Г. Яковенко, говоря об «антиномии динамики культуры и устойчивости поколения», вводит в этой связи понятие «культурное поколение или поколение в историко-культурном смысле», определяя его как «часть общества, объединённую общностью времени вступления во взрослую жизнь, осознавшую себя как особое целое и признанную в этом качестве всем обществом, сформировавшую специфический социокультурный универсум (систему эстетических предпочтений, стиль жизни, дискурс, жизненный сценарий), преломившую в специфическом, присущем поколению, как актуальные проблемы эпохи, так и универсальные характеристики отечественной культуры»⁵⁵. С этой точки зрения поколение русской научной эмиграции в странах Латинской Америки являлось «поколением в историко-культурном смысле», отстаивавшим своё право «говорить от имени России» и демонстрировавшим преемственность традиций отечественной академической школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поршинева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2008. С. 93.

² Волошина В.Ю. Социальная адаптация российских учёных-эмигрантов в 1920–1930-е гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012 // <http://do.gendocs.ru/docs/index-293733.html>

³ Поршинева О.С. Указ. соч. С. 90–91.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Культура Российского зарубежья / отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулёпова. М., 1995. С. 29.

⁷ «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М., 2010. С. 58.

⁸ Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М., 2010. С. 111.

⁹ Шварц А.В., фон. Жизнь, мысли, дела и встречи. Часть V: На чужбине. Воспоминания (маш. копия с авторской правкой) // ГАРФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 8. Л. 119, 347, 378.

¹⁰ Там же. Л. 117.

¹¹ Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 312.

¹² Андрушкевич И. Русские в Аргентине // Электронное Кадетское письмо. Буэнос-Айрес, июнь 2010 г. № 63 // <http://xxl3.ru/kadeti/andrskiewitch.htm#kadeti>

¹³ Лушев Е. Русское рассеяние. Аргентина. Очерки. Калининград, 2007. С. 25–26.

¹⁴ Информационный Бюллетень Российского Национального Союза. Буэнос-Айрес. 1954. Февраль. № 339. С. 18.

- ¹⁵ Подробнее о семье и личной жизни учёного см.: Российские учёные в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948 – 1980) / пред. Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2011. С. 611–619.
- ¹⁶ Там же. С. 639.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 640.
- ¹⁹ Голос Родины (М.). 1961. № 16 (февраль). В должности декана Н.Г. Кривошеин проработал 16 лет, затем некоторое время трудился в качестве профессора в университете в Аргентине. В 1960 г. Н.Г. Кривошеин вернулся в СССР и поселился с семьёй в Казахстане, где получил должность старшего научного сотрудника лаборатории гидротехнических сооружений Института энергетики Казахской ССР.
- ²⁰ *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006. С. 144.
- ²¹ *Нечаев С.Ю.* Указ. соч. С. 79.
- ²² Пиншанов (Сиспанов, Sispanov) Сергей Николаевич // Некрополь российского научного зарубежья <http://www.russianguave.ru/biosbank?lim=240&letter=>
- ²³ Подтягин (Podtuaguin) Борис Георгиевич // Некрополь российского научного зарубежья http://www.russianguave.ru/person?prs_id=268
- ²⁴ *Гладышева Н.* Уголок России в Парагвае. // http://tricolor.org/rz/latin_amerika/pa/1/3
- ²⁵ Русские в Уругвае. Монтевидео, 2009. С. 74.
- ²⁶ Вся физика. Физический энциклопедический словарь. // http://www.all-fizika.com/article/index.php?id_article=623
- ²⁷ Г.В. Ватагин – Д.Д. Иваненко, 14 января 1975 г. // *Сарданашвили Г.А.* Сайт о Д.Д. Иваненко. Архив <http://www.g-sardanashvily.ru/vj8.pdf>
- ²⁸ Г.В. Ватагин – Д.Д. Иваненко, 27 февраля 1976 г. // Там же.
- ²⁹ Деловая Бразилия. Экономика и связи с Россией в 1999–2001. М., 2002. С. 71.
- ³⁰ «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / предисл., сост., подгот. текста и коммент. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 374.
- ³¹ Там же. С. 377–378.
- ³² *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии // ЛА. 1995. № 11. С. 80.
- ³³ *Жасинто А. Заболоцкий.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa, 2009. С. 24; Биографический словарь «Российские учёные за рубежом» // <http://www.russianguave.ru/?lim=90&letter=>
- ³⁴ *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. Santiago, 2009. С. .
- ³⁵ *Волков Г.Г.* Полвека русской колонии в Венесуэле // ЛА. 1997. № 11. С. 86.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 210. Л. 17.
- ³⁷ Там же. Л. 17 об.
- ³⁸ Там же. Л. 17.
- ³⁹ *Кулакова В.Б.* Гость из Каракаса // ЛА. 1997. № 3. С. 75.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р–10015. Оп. 4. Д. 210. Л. 7 об.
- ⁴¹ *Окороков А.В.* Молодёжные организации русской эмиграции (1920–1945). М., 2000. С. 20.
- ⁴² Там же. С. 23.
- ⁴³ Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 293.
- ⁴⁴ *Магеровский Е.Л.* Пророк, обёрнутый вепячь: С.Г. Пушкин, 1888 – 1984 // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1986. Т. XIX. С. 8–9.
- ⁴⁵ *Шостаковский П.* Путь к правде. Минск, 1960. С. 237.
- ⁴⁶ Большая энциклопедия русского народа // www.rusinst.ru/www.litrossia.ru/archive/22/culture/459.php (сайт «Литературная Россия»).
- ⁴⁷ Из журнала «Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 1979. № 21» // <http://xx13.ru/kadeti/karateev.htm>
- ⁴⁸ Архив ДРЗ. Ф. 2. М–79. Л. 25.
- ⁴⁹ Там же. Л. 26.
- ⁵⁰ Там же. Л. 27.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Л. 55.
- ⁵³ Там же. Л. 73, 126.
- ⁵⁴ *Серебряный С.Д.* Россияне в Бразилии // Россия – Бразилия: транскультурные диалоги / отв. ред. и сост. И.А. Мальковская. М., 2012. С. 100–101.
- ⁵⁵ *Яковенко И.Г.* Познание России: цивилизационный анализ. М., 2012. С. 652.

Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии?*

Аннотация: В работе анализируется научная составляющая деятельности Мюнхенского института по изучению СССР (конференции, публикации, серийные издания) и предлагается ответ на вопрос: можно ли его считать европейским центром советологии?

Annotation: The article gives the analysis of the scientific component of activities of Munich Institute of the USSR study (conferences, publications and serial editions), and offers an answer to the question whether it can be considered as an European centre of Sovietology.

Ключевые слова: Мюнхенский институт, советология, Европа, центр.
Key words: Munich Institute, Sovietology, Europe, centre.

Б.А. Яковлев

Датой основания Мюнхенского института по изучению СССР считается 8 июля 1950 г. В этот день в суде первой инстанции г. Мюнхена был зарегистрирован устав института. У истоков создания института стояла группа из восьми советских послевоенных эмигрантов («невозвращенцев», «ди-пи», displaced persons – перемещённые лица): Б.А. Яковлев (Н.А. Троицкий), А.А. Авторханов (А.А. Кунта), М.А. Алдан (А.Г. Нерянин), К.Ф. Штеппа (К.Ф. Лагодин, Громов), В.П. Марченко, А.П. Филиппов, К.Г. Криптон, Ю.П. Ниман.

Первые пять лет институт возглавлял Борис Александрович Яковлев, который до этого являлся руководителем Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР). В 1955 г. он переехал в США. Умер в Америке в 2011 г. в возрасте 107 лет.

Институт прекратил свою деятельность 30 июня 1972 г. по решению общего собрания о его ликвидации. То есть действовал полных 22 года.

* Публикация подготовлена в рамках «Тематического плана научно-исследовательской работы Минобрнауки России», проект № 33.2471.2014/К.

Архив института на сегодняшний день обнаружить не удалось. Предположительно, он был уничтожен или передан Американскому комитету освобождения от большевизма, как этого требовали договорённости сторон, отражённые в параграфе 11 Устава института 1959 г.¹

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся четыре личных фонда бывших сотрудников института:

- фонд Р-10015 Н.А. Троицкого (Б.А. Яковлева), первого директора института (1950–1955 гг.);
- фонд Р-10160 Г.Э. Шульца, последнего (третьего) директора института (1959–1972 гг.);
- фонд Р-10082 К.Ф. Штеппы, одного из создателей института;
- фонд Р-10037 протоиерея Дм. Константинова, много лет сотрудничавшего с институтом.

Данные фонды представляют собой достаточно богатые по содержанию коллекции материалов. Тем не менее, это фонды личные, и проследить по ним системно работу института за весь период его существования невозможно. Лучше всего с указанными источниками знаком А.В. Попов (РГГУ), имевший к их обработке в ГАРФ самое непосредственное отношение и описавший их в своих работах².

В читальном зале русского зарубежья Российской государственной библиотеки (Москва) хранится большое количество публикаций института, а также значительная часть его периодических серийных изданий. Вся библиотека Мюнхенского института в её полной комплектации, включая и институтские издания, была после его закрытия в полном объёме передана на хранение в Бундесархив (Берлин). В настоящее время она находится в отдельном здании, в помещении церкви на территории архива.

Единственной в настоящее время книгой, в которой отражён период создания и начала деятельности института, является небольшая работа американского исследователя Чарльза О'Коннелла³, где об институте говорится как о необходимой площадке для проведения в 1950 г. учёными из Гарварда социологического исследования в среде советских перемещённых лиц в районе Мюнхена, накануне окончательной ликвидации лагерей «ди-пи».

При этом для того, чтобы ответить на поставленный в названии доклада вопрос, являлся ли Мюнхенский институт европейским центром советологии, надо определиться с терминологией и дать оценку результатов его деятельности.

Вначале о советологии. Базово, как известно, под советологией понимаются научные исследования по Советскому Союзу. В целом самостоятельной отраслью научного знания советология становится в те же 1950-е годы, когда начинал свою деятельность и Мюнхенский институт. Следовательно, изначально нам надо определить *научный вклад института* в изучение СССР.

Во-вторых, советология – это одновременно и политика, т.е. участие советологов в формировании если не самой политики в отношении СССР, то, по меньшей мере, восприятия Советского Союза американским и европейским политическим истеблишментом и определённой частью общества. Значит, здесь нам также надо понять и *роль института в идеологической антисоветской работе*.

Вначале коротко ответим на второй вопрос, поскольку он был относительно понятен уже с самого начала деятельности института. В своём докладе о пятилетнем юбилее института его директор Б.А. Яковлев охарактеризовал институт как «надпартийный и деловой центр антикоммунистической эмиграции из СССР»⁴. В этом смысле финансируемый ЦРУ, Американским комитетом освобождения от большевизма и мюнхенским отделением радио «Освобождение» институт свою задачу по антисоветской пропаганде выполнял вполне успешно. Детально говорить об этом нет необходимости. В этом отношении Мюнхенский институт, как и другие эмигрантские организации, был по-настоящему европейским советологическим центром.

Большого внимания к себе требует вопрос о научном вкладе института в изучение Советского Союза. Итак, является ли научная продукция Мюнхенского института научной? Ответ на этот вопрос *не будет* таким же категорично однозначным. И да, и нет. Почему?

В целом за 22 года его деятельности Мюнхенским институтом была проведена большая работа по изучению Советского Союза. В каталоге публикаций института – 70 наименований книг, изданных обычным типографским способом; 94 ротاپринтных издания; 15 книг, вышедших в крупных европейских и американских издательствах, но «под грифом» института. Подготовленные и изданные институтом работы разные: есть объёмные и очень серьёзные, есть всего в несколько десятков страниц и далёкие от научного анализа. Имеются среди них солидные книги на английском языке, такие, например, как работы А.А. Авторханова «Stalin and the Soviet Communist Party: A Study of the Technology of Power»⁵ и Н.М. Ясного «Essays on the Soviet Economy»⁶. Но одновременно, к примеру, при всём уважении к административному таланту директора института, архитектора по образованию Б.А. Яковлева, вряд ли можно рассматривать *как научную* его книгу «Концентрационные лагеря СССР»⁷, написанную в основном по опросам российских эмигрантов. И хотя автор книги сам и считал, что после её опубликования он сделался «самым ненавистным врагом Советов в эмиграции»⁸; и даже с учётом того, что в качестве подарка от друзей к 90-летию автора книга была переиздана, говорить о её научности даже не в строго научном понимании, конечно же, не приходится.

Но в то же время институтом были опубликованы и такие крупные и по-настоящему научные труды, как работы профессоров М.А. Миллера⁹, П.Л. Кованьковского¹⁰, А. Филипова¹¹ и некоторых других.

Правда, такие работы составляют очень небольшую долю в общей массе «околонаучной» продукции, написанной как бы «для отчёта» за внешнюю финансовую поддержку института.

С самого начала институт также активно взялся за организацию и проведение *научных конференций* с обязательной последующей публикацией материалов. Конференции проводились регулярно. Иногда они были тематическими. Например, вторая конференция (март 1953 г.) была посвящена итогам XIX съезда КПСС и смерти И. Сталина; десятая прошла на тему «Современное советское общество» (1958 г.); предметом анализа на XII конференции стали вопросы внутренней политики в СССР (1960 г.).

В целом конференции в значительной степени копировали практику проведения таковых в Советском Союзе, и степень их научности мало чем

отличалась от советских конференций. Существенной была разница в методологических установках, оценках и выводах, что вполне объяснимо уже самой целью создания института. Если учёные в СССР доказывали поступательное развитие советского строя, то их мюнхенские «коллеги», наоборот, акцентировали внимание на негативе и текущих проблемах во всех сферах советского общества.

Мюнхенский институт имел несколько своих серийных периодических изданий. Самым первым журналом серийного издания стал «Вестник института по изучению истории и культуры СССР». За период до декабря 1960 г. было выпущено 35 номеров журнала. В целом оценить «Вестник» следует как очень удачное издание института.

Особенно по его структуре. «Вестник» давал возможность отразить разные стороны развития Советского Союза. Крупные научные статьи в основном касались идеологических и политических вопросов, хотя позже это распространилось и на другие темы. Раздел сообщений позволял всем другим сотрудникам института высказаться по более частным вопросам и темам. Ежеквартальность выхода номеров позволяла своевременно отражать текущие события, давать материал на злобу дня, не теряя актуальности на момент выхода номера в свет.

Вторым серийным, причём еженедельным, изданием института стал информационный бюллетень «Анализ текущих событий в Советском Союзе».

Журнал «Studies on the Soviet Union»

Издания института

Всего было выпущено 682 номера: первый вышел 14 марта 1957 г., последний датирован концом декабря 1971 г. Таким образом, издание существовало почти полных 15 лет! Но ни о какой науке, а тем более научном анализе, в этом информационном по своей сути бюллетене говорить не приходится. Цель издания – вычлнить за прошедшую неделю один основной вопрос в бесконечном многообразии текущих событий Советского Союза и прокомментировать его для читателя. Потому претенциозное слово в названии бюллетеня «анализ» никак не соответствовало тому, что находило отражение в его содержании.

В июле 1957 г. на английском языке начинает выходить журнал «*Studies on the Soviet Union*». Цель данного издания – представить общественности и научному миру

«анализ текущих событий и детальное исследование советской истории и культуры людьми, которые знают систему изнутри»¹². Всего за период с 1957 по 1970 г. было издано 10 томов журнала и 43 номера. Общей научной концепции журнала на начальной стадии не просматривается. Публикуются работы, разные по тематике, направленности, т. е. редакция отталкивается не от проблемы, а от собственных интересов авторов. Потому большая часть номеров – это собрания разноплановых статей, которые объединяются лишь обложкой журнала. Хотя с середины 1960-х годов ситуация начинает меняться. В 1964 г. была предпринята попытка перенять американский опыт и публиковать не только статьи, но и комментарии к ним, однако развития это начинание не получило. Тематический подход позже найдет своё отражение. Но вскоре четвёртый номер десятого тома завершит издание журнала. Статьями о полувекковой жизни советских людей в условиях коммунистического режима и постхрущёвского коллективного руководства редакция поставила точку в его издании.

В ряду серийных изданий Мюнхенского института особое место занимают «Сообщения Института по изучению СССР», которые издавались не типографским способом, а на ротаторе и под грифом «На правах рукописи». Официально под номером один том вышел в 1965 г. Однако реально это было уже 187-е издание, которое до этого называлось «Материалы и сообщения исследовательского отдела». «Сообщения...» становились как бы преемником «Материалов...». Структурно в журналах ничего не менялось. Это были обычные подборки подготовленных сотрудниками института статей по темам, которые они разрабатывали в соответствии с планом работы и своими интересами.

Как видно из содержания, и «Материалы...», и «Сообщения...» свидетельствуют о том, что сотрудники Института довольно плотно держали руку на пульсе событий в СССР, были в курсе всего происходящего и своевременно отражали свои наблюдения в текущих публикациях. В этом отношении данные сборники были очень удобны своей оперативностью издания, поскольку не терялась острота публикаций. Хотя, конечно, до широкой публики такого рода издания не доходили. И говорить о науке в этих изданиях также не приходится.

Институт издавал и «национальные» журналы. Так, в 1955 г. на английском языке начал выходить ежегодник «*Belorussian Review*». Задача журнала – показать не просто национальную самобытность республики, а насильственное удержание её в составе СССР и имеющееся сопротивление этому народу в самой Белоруссии. Провозглашённая большевиками 30 декабря 1918 г. в Смоленске и созданная по национальному принципу, Белорусская республика и до сих пор борется за право самостоятельного национального развития, а не в составе «советской империи»¹³. И это имеет место по всем направлениям: и в литературе, и в искусстве, и в культуре, и в других сферах. Публикации журнала в основном об этом. То есть издание по своей сути больше националистическое, чем национальное. В данной серии было не столько науки, сколько очевидной и не очень скрываемой политики.

В 1958 г. институт начинает издавать журнал на английском языке «*The Turkic Review*». Редакция ставила перед собой задачу представить читателям «анализ текущих событий и детальные исследования истории и культуры

территорий Советского Союза с тюркским населением»¹⁴. Здесь, так же как и в белорусском сборнике, авторами в основном являлись представители тюркских народов СССР. Правда, тематическая направленность публикаций в нём не такая «узкая», как по Белоруссии, и не с таким явно выраженным националистическим оттенком.

Какой может быть общая оценка научной продукции института в части изначально поставленного нами вопроса? Вначале приведем разные оценки.

Директор института Н.А. Троицкий, конечно, утверждал, что институт «сделался крупнейшим из когда-либо существовавших в эмиграции научным и издательским учреждением. При нём сосредоточились всесторонние исследования советской системы, он стал центром идейного противостояния советизму»¹⁵. Вторая часть утверждения здесь (т.е. идеология и пропаганда) явно никак не менее весомая, чем первая (т.е. научная).

Протоиерей Дмитрий Константинов, многие годы тесно сотрудничавший с институтом, также заключал, что это было «отлично организованное», «большое и солидное научное учреждение», «к голосу которого прислушивался западный мир» и результаты научной деятельности которого «имели широкий резонанс в свободном мире»¹⁶.

Противоположную оценку дает Чарльз О'Коннелл. Он вполне обоснованно считает, что уже «изначальной целью научной продукции института была не наука». Книги и статьи писались сотрудниками института в антисоветском духе, и это делалось «под академическим прикрытием»¹⁷. Почему они это делали? Во-первых, потому что многие из них вовсе и не были учёными. Во-вторых, потому что они занимались этим для того, чтобы просто выжить. А поскольку антисоветская деятельность прошла у них через всю войну, то включиться в знакомую сферу им было не очень сложно.

Весь же «академизм» института, как отмечает О'Коннелл, на протяжении 20 лет базировался лишь на тесных связях с учёными Русского исследовательского центра Гарвардского университета¹⁸. Сам же по себе, как самостоятельное академическое учреждение, он никогда не был признан в западном научном мире. И не мог быть признан не только по критериям научности, но и из-за тесных связей с ЦРУ и другими разведывательными органами. Да и сам факт того, что он являлся самостоятельной организацией учёных, изначально был «социальной фикцией». Русскому исследовательскому центру Гарварда выгодно было выдавать эту фикцию за социальную реальность, и потому он делал многое, если не всё, чтобы поддерживать эту фикцию в форме факта. И в условиях «холодной войны» это стало не чем иным, как чисто политическим актом Гарварда в своих собственных интересах¹⁹.

Известный учёный и непререкаемый авторитет в эмигрантской среде этого периода Б.И. Николаевский ещё в июне 1955 г. указывал Б.А. Яковлеву на серьёзные методологические недостатки всей научной работы института. Он отмечал, что работы авторов «особенно слабы в области обобщения выводов. Новая эмиграция в изгнании пришла, конечно, со вполне определённым отрицательным выводом о советском строе, но она не принесла никаких положительных концепций даже в плоскости понимания движущих сил развития советского общества... Воспоминания 15-летней давности малопригодны для объяснения современности. Их можно привлекать для контроля и по-

яснения, но на них строить анализ уже нельзя»²⁰.

К чести директора института Б.А. Яковлева, он сам попросил других известных учёных из разных стран дать оценку научной деятельности института. «Экспертами» стали Раймонд Бауэр (Гарвард), Александр Даллин (Колумбийский университет), Р.Дж. Кернер (Калифорнийский университет в Беркли), доктор Я.Ю. Пеннар (представитель советника Американского комитета по борьбе с большевизмом при институте) и другие.

Обобщённые Б.А. Яковлевым замечания свелись к довольно большому перечню не совсем лестных выводов о качестве научных исследований института. Приведём его полностью:

- работы доказывают гипотезу, в которой автор уверен ещё до начала исследования, что определяет подбор материала и выводы;

- большинство авторов не знакомы с трудами западных исследователей, отсюда: 1) доказывание уже доказанного; 2) неполнота работы; 3) исследования мало добавляют к тому, что известно Западу; 4) ошибочные выводы западных исследователей остаются без критики; 5) часто работе мешает слепой антибольшевизм, политические или национальные тенденции; 6) иногда пропаганда подменяет исследование; 7) «болезнь актуальности», т. е. желание проводить исследование только современных событий; 8) часто даётся форма реферата, а не исследования; 9) смешение мемуарного элемента с исследовательским; 10) исследования часто слабы в области обобщённых выводов; 11) отсутствие желания понять и положительные стороны хотя бы в плоскости отдельных элементов развития советского общества; 12) неумение (нежелание) проводить исследования группой; 13) привычка в ряде случаев мыслить советскими категориями²¹. Комментарии здесь явно излишни.

И в завершение – оценка американского профессора Джорджа Фишера, лучшего и многолетнего друга первого директора и создателя Мюнхенского института Н.А. Троицкого.

«Троицкий, – пишет в своих воспоминаниях Фишер, – поставил перед Институтом две цели. Одна цель – *свободная корпорация научных работников и специалистов, эмигрантов из СССР* (курсив Дж. Фишера. – Е. К.). Цель другая – разоблачить красного фараона, раскрыть глаза Запада, рассеять туман неведения белого царства о красном.

На самом деле не была достигнута ни та, ни другая. Институт вряд ли оказал влияние на Свободный Мир. И полной независимости никогда не

Б.И. Николаевский и Б.А. Яковлев

было достигнуто. Вначале, впрочем, присутствовало немало самостоятельности. Но имело место и противоположное. Центральное разведывательное управление США сразу же вмешалось в дела Института. Сперва он получал незначительные средства. Постепенно пособие увеличивалось. Вместе с этим росли и требования»²².

«Чистой» науки, свободной от идеологии, в оценке Фишера, как видим, не получилось. Но ведь от этого не были в полной мере свободны и американские советологи той поры! И в этом отношении Мюнхенский институт отличается от советологии эпохи «холодной войны» лишь недостаточно высоким, по американским стандартам, качеством научной продукции.

В целом же история и деятельность Мюнхенского института вполне вписывается в оценку всей послевоенной советской эмиграции, данную П.Н. Базановым: «Послевоенные политические организации русской эмиграции пережили три пика развития: 1947 г., когда с началом “холодной” войны перестали выдавать СССР советских граждан и когда разрешили в дипийских лагерях деятельность антикоммунистических организаций; 1949 г., совпадающий с началом финансовой и “моральной” помощи США и Великобритании; 1951 г., когда американские государственные и окологосударственные структуры пытались создать из русских эмиграционных политических организаций парламент и правительство в изгнании. После этого шли спад и самоликвидация в 1960-х гг. почти всех политических организаций русской эмиграции»²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф. Р-10160. Оп. 1. Д. 7. Л. 67 об.

² Попов А.В. Архивный фонд эмигранта Н.А. Троицкого: материалы по изучению истории России // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 302–307; *он же*. Фонд Н.А. Троицкого в ГА РФ. Опыт архивного обзора. М., 1994. 96 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. I); *он же*. Русское зарубежье и архивы: документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. М., 1998. 392 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. IV).

³ O'Connell T.C. The Munich Institute for the Study of the USSR. Origin and Social Composition. Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 808).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-10037. Оп. 1. Д. 189. Л. 38.

⁵ Avstorkhanov A. Stalin and the Soviet Communist Party: A Study of the Technology of Power. Munich, 1959.

⁶ Jasny N. Essays on the Soviet Economy. Munich, 1962.

⁷ Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955.

⁸ Троицкий Н.А. Ты моё столетие... М., 2006. С. 360–361.

⁹ Миллер М.А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954; *он же*. Первообытный период в истории Нижнего Днепра (до появления железа). Мюнхен, 1965.

¹⁰ Кованьковский П.Л. Финансы СССР во вторую мировую войну. Мюнхен, 1951; *он же*. Финансы СССР после второй мировой войны. Мюнхен, 1954.

¹¹ Филиппов А. Научный социализм и наука об обществе. Мюнхен, 1955.

¹² Studies on the Soviet Union (Munich). 1957. № 1 (July). P. 1.

¹³ Belorussian Review (Munich). 1955. № 1.

¹⁴ The Turkic Review (Munich). 1958. № 1.

¹⁵ Троицкий Н.А. Путь «второй волны» и будущее России // В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции: сб. ст. и документов / сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997. С. 38.

¹⁶ Константинов Д., протоиерей. «Вторая волна» – воспоминания и раздумья о российской эмиграции // В поисках истины. С. 82–83.

¹⁷ O'Connell T.C. Op. cit. P. 31.

¹⁸ Здесь имеется в виду совместная работа Русского исследовательского центра Гарварда и Мюнхенского института по реализации так называемого «Гарвардского проекта» (подробнее см.: Кодиш Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003).

¹⁹ O'Connell T.C. Op. cit. P. 34.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-10015. Оп. 1. Д. 501. Л. 33–34.

²¹ Там же. Д. 90. Л. 7–9.

²² Фишер Д.ж. Две страсти // В поисках истины. С. 202–203.

²³ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 372.

Русский Высший технический институт в Париже: страницы истории

Аннотация: Статья посвящена истории создания Русского Высшего технического института во Франции, одного из самых важных и авторитетных русских учебных заведений за рубежом. Рассмотрены основные этапы и условия деятельности Института за три десятилетия (1931–1962), приведены имена всех главных действующих лиц: организаторов политехнического образования в русском зарубежье, ведущих профессоров и преподавателей.

Annotation: This article is dedicated to the history of the formation of the Russian technical high institute in France, which was one of the most important and of high quality Russian education centre abroad. The main stages and practices for more than three decades (1931–1962) are examined. The names of all key figures of the institute are mentioned: founders and organization staff of the polytechnic education within Russian community abroad, leading professors and lecturers.

Ключевые слова: образование, политехнический, обучение, эмиграция, школа, институт, преподаватель, студент.

Key words: education, polytechnic, teaching, emigration, school, institute, lecturer, student.

История создания одного из самых важных и авторитетных русских учебных заведений, Русского Высшего технического института в Париже, берёт своё начало в 1921 году, когда Христианский союз молодых людей (УМСА) включил в свою программу культурной помощи русской эмиграции открытие Политехнической школы заочного преподавания. Школа предназначалась для русских эмигрантов, не успевших закончить техническое образование в России и не обладавших ни необходимыми материальными средствами, ни достаточным знанием иностранных языков, которое позволило бы им пройти курс в учебных заведениях принявших их стран.

Школа начала свою работу в Берлине. В первые два года число желающих получить прикладные знания превысило 3 000 человек¹. В основном это были бывшие военные, осевшие в Германии, Польше и на Балканах. Постепенно состав учащихся пополнялся молодыми рабочими фабрик, заводов и сельскохозяйственных предприятий, которые стремились получить профессию инженера или, чаще всего, техника. Специфика малознакомого до того времени заочного обучения потребовала одновременно с созданием школы приступить к изданию учебников на русском языке, без которых преподавание на расстоянии было бы

невозможно. Это были первые русские учебники за границей после мировой войны, их выпуск также взял на себя УМСА. И позднее, включая 1930-е годы, уже в Париже, самыми популярными среди учащихся оставались учебники по прикладной электротехнике, теории и практике машинного черчения, технической физике, основам механики и двигателям внутреннего сгорания.

Экономический кризис в Германии, начавшийся в конце 1923 года инфляцией в денежном обращении, поставил перед Школой и её благотворителями серьёзные финансовые проблемы. Чтобы сохранить её налаженный учебный аппарат, руководство Союза решило перевести Школу, а заодно и издательство «УМСА-Press» в Париж. Переезд завершился в июне 1924 года.

Перенесение деятельности Школы в Париж, к тому времени ставший духовно-культурным центром русской эмиграции, сыграло огромную роль в судьбе этого учебного заведения. К середине 1920-х годов в Париже обосновалось значительное количество русских профессоров, инженеров и преподавателей, многие из которых без колебаний откликнулись на приглашение УМСА к сотрудничеству в Школе. Сразу возросло количество учебных программ, появились новые курсы из области техники, агрономии и коммерческих наук, чего недоставало в Берлине. Появилась возможность установить связи с русскими инженерными союзами за рубежом через объединяющий их орган – Центральный Комитет Федерации Союзов русских инженеров за границей. В результате этих связей в 1926 году было оформлено официальное соглашение на производство устных экзаменов при Союзах для тех студентов, которые желали получить формальные дипломы по окончании соответствующих циклов.

После того, как был сформирован парижский состав профессоров и преподавателей, были окончательно определены специальные отделения: электротехническое, механическое, инженерно-строительное, коммерческое и агрономическое. Их дополняли подготовительные курсы, объединённое в общеобразовательное отделение. Все предметы преподавались на русском языке. Работали курсы иностранных языков (английского, французского и немецкого, одно время преподавали и латынь, но этот курс себя не оправдал и вскоре закрылся).

За десять лет своего существования через Школу прошло около 9 000 учащихся, сумевших, в большинстве своем, освоить нужную профессию, получить необходимые навыки для усовершенствования своей работы. Подтверждением сказанного являются многочисленные письма окончивших Школу или её отдельные курсы. География таких откликов обширна. Вот несколько подобных писем²:

«Некоторое время мне довелось замещать бухгалтера в одной фирме и оказалось, что мои знания достаточны, чтобы самостоятельно производить как бухгалтерские записи, так и коммерческие вычисления. Представители фирмы и сам квалифицированный бухгалтер были сильно удивлены, что я свои знания почерпнул заочным путём из Политехнической Школы в Париже», – писал в деканат бывший заочник из Польши.

Из письма девушки из Финляндии: «Жить без общения с людьми невозможно... На помощь такому одиночеству приходит Заочная школа с её руководителями. Помощь щедрая, бескорыстная и полезная. Русская школа является как бы спасительным островком среди бушующего моря».

«От Школы я получил то, что вместо лопаты и тачки – имею в руках специальные инструменты... Школа нас учит, как правильно подходить к той или иной работе и как пользоваться тем или другим материалом», – это письмо из Югославии.

Ещё одно, из Болгарии: «Я окончил курс железобетонных сооружений и, благодаря этому, в текущем году с работой был нарасхват, причём не только в исполнении железобетонных работ практически, но и в составлении планов и расчётов. Таким образом, окончание курсов помогло мне из простого рабочего стать специалистом-мастером». Такие письма стали лучшим доказательством огромной пользы от Школы заочного преподавания для многих русских. «Лик Школы есть лик русской эмиграции... притом наиболее здоровой и творческой её части», – писал Борис Вышеславцев в дни десятилетнего юбилея Школы³.

Непрерывный приток новых учащихся по 450–500 человек ежегодно, развитие и усовершенствование учебных программ, связанных с ростом технического прогресса и повышением требований к квалификации работников, стремление укрепить авторитет учебного заведения перед французским правительством, накопленный Школой опыт работы – все эти факторы продиктовали решение создать в Париже Русский высший технический институт (далее – РВТИ). По существу, это было преобразование Школы заочного обучения в полноценный институт с академическим и заочным факультетами. Академический факультет имел два отделения наиболее востребованных специальностей: инженерно-строительной и электромеханической. Заочный факультет изменений практически не претерпел.

Первостепенной задачей Института было привлечение в профессорско-преподавательский состав лучших представителей русской науки во Франции. И 29 июня 1931 года состоялось собрание лиц, давших согласие войти в число академического персонала института. Среди 22 собравшихся – известные профессора и видные деятели науки и техники: председатель Русской академической группы в Париже А.Н. Анцыферов, товарищ председателя Федерации русских инженеров за границей В.П. Аршаулов, Н.А. Врангель, редактор «Студенческого бюллетеня» Б.П. Вышеславцев, А.В. Дейша, один из основоположников экспериментальной аэродинамики Д.П. Рябушинский, С.Е. Савич, председатель Федерации союзов русских инженеров за границей П.Н. Финисов, директор Русской Школы прикладных искусств Л.И. Шапошников и другие⁴. На совещании будущие преподаватели Института утвердили проект учебного плана, рассчитанного на трёхлетний курс чтения лекций и практических занятий и на четвертом году – выполнение дипломного проекта и сдачу выпускных экзаменов по главнейшим дисциплинам. План был принят и оставался практически неизменным до конца существования Института⁵.

Учебные программы были утверждены министерством народного просвещения Франции. Профессора утверждались министерством каждый персонально. На основании закона от 25 июля 1919 года об учебных заведениях институт начал существовать как частная школа с преподаванием на русском языке, состоящая в ведении министерства⁶. Успешно закончившие Институт получали звание инженера по выбранной специальности с дипломом, аналогичным диплому французского высшего технического учебного заведения.

Торжественное открытие института состоялось 4 октября 1931 года в просторном помещении, переданном УМСА, на бульваре Монпарнас, 10, под председательством секретаря союза Э.И. Мак-Нотена. Выступили: митрополит Евлогий, пожелавший Институту развития и благоденствия, директор бывшей Политехнической школы П.Ф. Андерсон и новый декан факультета заочного преподавания, инженер-технолог С.П. Карасёв, рассказавшие о деятельности школы за десять лет и принципах её преподавания, а также декан инженерного факультета и председатель Академического совета института П.Ф. Козловский, бывший декан аналогичного факультета Харбинского Политехнического института⁷.

На следующий день, 5 октября, в русских газетах «Последние новости» и «Возрождение» появилась информация о начале занятий на инженерном факультете, программа лекций и список лекторов.

Лекции читали: профессор С.Е. Савич – «Аналитическая геометрия», «Дифференциальное и интегральное исчисления»; профессор Д.П. Рябушинский – «Теоретическая механика»; профессор П.Ф. Козловский – «Строительное искусство»; доктор, инженер М.М. Костевич – «Неорганическая химия»; профессор А.Н. Анцыферов – «Политическая экономия»; инженер П.Н. Финисов – «Технология строительных материалов»; инженер С.П. Карасёв – «Физика»; инженер барон Н.А. Врангель – «Начертательная геометрия»; горный инженер П.Г. Лопатин – «Геология и минералогия»; инженер Н.А. Таскин – «Геодезия»; инженер-строитель К.П. Мелиоранский – «Геометрическое черчение»; инженер Л.И. Шапошников – «Техническое рисование», «Строительное рисование»; профессор В.А. Лера – «Французский язык».

Занятия проходили по вечерам, три раза в неделю, с 20 до 23 часов. Во французских высших технических школах занятия шли обычно днём, и в этом отношении институт не имел аналогов в Париже. Он обслуживал те группы русской молодёжи, которые не имели материальной поддержки семьи или государства, должны были зарабатывать себе на жизнь и были лишены возможности вносить серьёзную плату за обучение. В институте плата была, по сравнению с подобными французскими заведениями, в три раза меньше. При подаче заявления студент вносил 200 франков (8 долларов) и затем ежемесячно выплачивал по 60 франков в течение 10 месяцев. В сумме это составляло 800 франков (32 доллара)⁸. При этом институт не преследовал каких-либо коммерческих целей, но не являлся благотворительным учреждением. Никто не освобождался от взноса денег. Неимущим студентам помогал Комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей.

Академический персонал состоял из 17 профессоров, занимающих кафедры, 10 преподавателей, 4 лаборантов, 6 ассистентов. Не останавливаясь на сведениях о каждом из профессоров, представим лишь краткую справку общей картины преподавательского состава на 1931 год. Средний возраст профессоров – 50–55 лет. Старше всех – профессор, инженер-механик В.П. Аршаулов, 72 года, самый молодой профессор – инженер-строитель К.П. Мелиоранский, 38 лет. Три четверти профессорского состава составляли выпускники петербургской (петроградской) инженерной школы (институтов технологического, инженеров путей сообщения, гражданских инженеров). Только профессора А.В. Дейша и Е.А. Туликов представляли школу Московского высшего технического училища. Первые год-два академический пер-

сонал был недоукомплектованным. Некоторые преподаватели читали лекции по двум и более предметам. Н.А. Врангель вёл начертательную геометрию и металлические конструкции. По пять строительных дисциплин сразу вели профессора П.Ф. Козловский и П.Н. Финисов. Лекции по пяти предметам, в том числе двум специальным, читал Е.А. Туликов.

В течение первых лет в институт были приняты преподаватели: специалист по горному делу, бывший управляющий делами металлургического комитета при Военном министерстве Ю.И. Бутлеров, известный инженер-гидротехник Н.Н. Бернацкий, профессор металлургии А.М. Попов, ученик Д.П. Рябушинского, доктор технических наук, инженер-механик К.П. Воронец, один из организаторов в 1920 г. политехнического образования во Франции для русских, архитектор-строитель А.М. Волженский, профессор физики и математики О.И. Ядов.

Для занятий в кабинетах, с оборудованием которых в самом институте были проблемы, администрация договаривалась с другими научными заведениями. Геодезический кабинет был предоставлен дирекцией *Ecole des travaux publics*, а физический кабинет для практических занятий выделила институту *Conservatoire des Arts et Métiers*. Правда, через год институт уже имел собственный кабинет геодезии в своём помещении. На средства института и отдельных профессоров печатались учебные пособия, стоили они недорого. Это были сборники задач, конспекты лекций основных специальностей и т.д.

Открытие института повлекло за собой стремление организовать издание собственного печатного органа. Учитывая расширение работы и состава нового высшего учебного заведения после преобразования Политехнической школы в институт, постановлением Совета профессоров в феврале 1932 года было решено на базе существующего «Студенческого бюллетеня» начать выпуск журнала «Вестник Русского Высшего технического института во Франции» («*Le Messager de l'Institut Supérieur Technique Russe en France*»). Его главным редактором был избран профессор А.Н. Анцыферов, в редакционную коллегию вошли также деканы обоих отделений: профессор П.Ф. Козловский (академического) и инженер С.П. Карасёв (заочного), председатели студенческих комитетов: Н.Ф. Громов (академического) и Г.А. Токарев (заочного)⁹. «Вестник РВТИ» должен был освещать события в жизни института, деятельность Совета профессоров и Комитета старост академического факультета, положение дел на заочном факультете, результаты экзаменационных сессий, правила приёма и условия оплаты обучения и т.д. Он должен был стать органом «живой связи» между профессурой и студенчеством.

Материалы о жизни института публиковались в каждом номере в так называемом «Осведомительном отделе», а также в рубрике «Из переписки с учащимися». Постоянно печатались также научно-популярные статьи, отчёты о технических выставках и конгрессах, новости науки и техники. Журнал просуществовал почти три года, в 1934 году на тринадцатом номере его издание прекратилось.

В 1933 году с целью привлечь к работе и развитию института широкие круги русской эмиграции был создан Административно-финансовый совет, который взял на себя основные проблемы по управлению и финансированию учебного заведения. В его состав согласились войти: известный крупный

делец русской нефтяной промышленности Г.В. Нобель (председатель), юри-сконсульт нефтяных компаний М.С. Аджемов, нефтепромышленник и меценат П.О. Гукасов, промышленник и благотворитель А.Ю. Добрый, заведующий лабораторией в Пастеровском институте Л.И. Кепинов, председатель Русско-французской торговой палаты граф В.Н. Коковцов, председатель Русского эмигрантского комитета во Франции В.А. Маклаков, известнейший в Париже врач-терапевт И.И. Манухин, генерал Е.К. Миллер и др., всего 16 человек¹⁰.

Пример действенной помощи Институту одним из первых подал Г.В. Нобель, который вручил заведующему химической лаборатории профессору М.М. Костевичу чек на 1800 франков для покупки необходимого современного оборудовании. Профессор М.П. Зейлигер передал институту принадлежавшее ему оборудование для механической лаборатории, и т. д.¹¹ Новый совет решал финансовые проблемы института вплоть до конца 1930-х годов.

Но ещё оставались сами учащиеся, многие из которых нуждались в материальной поддержке. В целях сбора средств на их нужды были организованы благотворительные концерты-балы в пользу недостаточных студентов академического факультета. Первый такой вечер состоялся 16 апреля 1932 года в помещении 15-й мэрии Парижа. Зал был украшен стараниями студентов, под руководством одного из основателей института – профессора Л.И. Шапошникова, художника, поэта. Леон Иванович был легендой института. Многолетний секретарь Совета профессоров РВТИ. Читал на кафедре архитектуры в РВТИ лекции по техническому рисованию и строительству, одновременно занимался живописью, выставлялся в Салоне Независимых, писал стихи на русском и французском языках. Был неизменным и активным участником всех благотворительных и культурных мероприятий в институте. Жертвовал средства, полученные от своих картин, в пользу нуждающихся студентов.

В концертную программу первого бала были привлечены лучшие русские артистические силы Парижа. Лотерея и буфет были устроены на пожертвования от семей профессоров, а также русских магазинов и ресторанов. Свои картины для лотереи безвозмездно передали художники Александр Бенуа и Иван Билибин. Чистый доход составил 4 085 франков¹². Все средства были распределены между наиболее нуждающимися студентами, в первую очередь среди тех, кому оставалось немного времени до окончания института или вы-бранного курса. Подобные вечера стали традиционными.

И всё-таки экономический кризис не мог не отразиться на студенческой аудитории. Из-за потери заработка и отъезда в провинцию с академического факультета во втором году обучения выбыл 31 студент из 112 принятых¹³. Такое соотношение или близкое к нему существовало ещё несколько лет.

О нелёгкой судьбе учащихся института говорят и итоговые статистические данные. Они очень красноречивы, и поначалу даже возникает вопрос, не ошибка ли это, не «потерялся» ли где-то один ноль. С 1931 по 1962 год, когда институт прекратил свое существование, было подсчитано, что за эти годы, за вычетом военных лет, несколько тысяч студентов окончили специальные курсы Института или его заочное отделение и получили профессии техника, и только 95 человек стали дипломированными инженерами. Девяносто пять против тысяч¹⁴! Однако причины тут не только материальные: трудно было физически выдержать четыре года, когда занятия вечером после работы продолжались чуть

ли не до ночи. Не все работающие имели свободное время для учёбы, как, например, знакомый таксист писателя Владимира Унковского, студент РВТИ. Он говорил писателю: «Я с собой в такси всегда беру учебники, и у меня ни одна минута не пропадает даром. На стоянках, в ожидании клиентов, когда другие шофёры обычно дремлют или разговаривают со своими соседями, – я учусь... И очень увлекаюсь. Окончу институт, брошу такси и заделаюсь инженером»¹⁵.

Поэтому для многих важно было получить хоть какую-то специальность, пусть и без диплома. Многие уже работали, и институт повышал их квалификацию. Об этом говорят и приведённые нами ранее отзывы учащихся.

Первый выпуск русских инженеров в Париже состоялся в июле 1935 года. Успешно выдержали выпускные экзамены и защитили дипломные проекты семь человек. Звания инженера-строителя удостоены были три человека (П.Ф. Гаврилов-Буяр, Н.Ф. Громов, И.М. Суханов), инженера-электромеханика – четыре (Н.С. Власиченко, Е.Я. Гаврилко, В.В. Крохин, Н.С. Крундышев)¹⁶. Трёх из семи окончивших хотелось бы выделить.

Инженер-строитель Николай Громов. В России окончил Офицерскую строительную школу. Участник мировой и Гражданской войн. В 1920 г. эвакуировался в Болгарию. Работал по строительству мостов и туннелей. В 1931 г. переехал во Францию. После окончания РВТИ остался работать в институте. Входил в Совет института. Впоследствии – профессор РВТИ, читал лекции по строительным дисциплинам. В 1962 г. вошёл в состав Особого комитета по изданию «Золотой книги русской эмиграции». Награждён орденом Академических пальм и удостоен звания «Офицер Академии» (1939).

Другой выпускник строительного факультета, Пётр Гаврилов-Буяр, в Париже жил с 1923 г. Работал шофером такси. Окончив Русский высший технический институт, поступил на работу инженером в Синдикат строителей из железобетона. В 1957 г. за долголетнюю службу и заслуги по работе был награждён серебряной медалью Синдиката.

Необычно сложилась судьба инженера-электротехника Всеволода Крохина. Как одного из лучших студентов, его оставили при институте ассистентом профессора М. Костевича и для разработки и защиты диссертации на тему: «Получение целлюлозы из финляндского торфа» (он хорошо знал Финляндию, т. к. несколько лет жил в Выборге). Но молодому инженеру нужно было кормить семью, у него рос восьмилетний сын. Оставив диссертацию, Крохин принимает контракт по производству пороха от министерства военных дел Эквадора и поселяется в городе Кито. Контракт был вначале подписан всего на пару лет, но в связи с началом Второй мировой войны инженер принял решение остаться здесь на долгие годы, а потом, видя глобальность разрушений в Европе, и навсегда.

Он сразу был назначен техническим директором химической военной базы. Сначала были разработки под его руководством бездымного пороха, затем он организовал промышленное производство каустической соды для всей страны. Во время Второй мировой войны японцы оккупировали Индонезию, которая производила лекарства против малярии. Тогда Крохин наладил производство хинина, который правительство долгое время успешно продавало американским войскам. За это в 1945 г. президент Веласко Ибарра наградил его национальным орденом «За заслуги»¹⁷.

После войны деятельность института возобновилась. В 1947 г. начал функционировать заочный факультет, в 1949 г. объявил прием студентов академический факультет. Но это был уже не тот институт, который существовал в 1930-е годы. Средств было недостаточно, потребность для русских эмигрантов в таком институте постепенно ослабевала. Поступающих стало меньше, молодое поколение русской эмиграции уже было способно слушать лекции на французском языке и выбирало для образования французские технические институты. Восстановить орган управления институтом, каким был Административно-финансовый совет, не удалось. Пришлось покинуть просторные аудитории на бульваре Монпарнас и обосноваться в помещении начальной школы по адресу: 29, rue St-Didier, 16e.

Значительно поредел состав профессоров и преподавателей. Ещё до войны уехали М.М. Костевич в Южную Америку (1936) и П.Ф. Козловский – в Японию (1939), скончались заведующие кафедрами профессора П.Г. Лопатин (1939) и В.Д. Варенов (1937). Во время войны ушли из жизни профессора А.Н. Анцыферов (1943), В.П. Аршаулов (1942) и Н.А. Таскин (1943), вслед за ними к началу 1950-х – С.Е. Савич, А.В. Дейша, С.П. Карасёв, П.Н. Финисов.

Первый послевоенный выпуск инженеров состоялся в 1953 году (диплом получили пять человек), на следующий год их было уже четверо. Об одном из них всё же хотелось бы упомянуть. В этом выпуске диплом инженера-электротехника получил Леонид Лифарь, брат Сержа Лифаря. Человек замечательной биографии. В начале 1930-х гг. он перешёл персидскую границу и добрался до Франции. Помогая в работе брату, стал его импресарио и секретарем. Работал инструктором-пилотом в Клубе воздухоплавания. Вёл подготовку ведущих военных пилотов французской армии. В 1950 г. в возрасте 44 лет поступил на академический факультет в РВТИ, который и окончил в 1954 г. Работал печатником-предпринимателем, в течение многих лет руководил русской типографией в Париже. Весь русский Париж знал, что Лифарь печатает книги издательства «УМСА-Press» и журнал «Вестник РСХД» (1956–1981). Именно он, оставаясь один в пустом цехе после рабочего дня, чтобы информация не вышла наружу раньше времени, выполнил набор книг А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» (1971) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1973)¹⁸.

Последнее объявление о приёме на академический факультет было напечатано в 1957 году¹⁹. После смерти Д.П. Рябушинского в августе 1962 года в октябре этого же года институт закрылся. Особняк за номером десять по бульвару Монпарнас, который был в течение долгих лет одним из главных центров русской культурной жизни в Париже и родным домом института, был разрушен в январе 1973 года.

Института не стало, но остался вклад его профессоров и преподавателей в обучение и воспитание тысяч русских инженеров, в развитие не только русской, но и французской науки и техники. Напомним некоторые из достижений учёных и инженеров из РВТИ:

В.П. Аршаулов был автором проекта двигателей для легендарного корабля «Нормандия»;

О.И. Ядов выполнил ряд важных научных исследований в области аэронавтики, электротехники и гидравлики с применением во французской промышленности;

А.М. Попов на базе своих изысканий сконструировал серию аппаратов для изучения изменений свойств металлов при высоких температурах;

Н.Н. Бернацкий руководил крупными проектами создания гидротехнических сооружений не только во Франции, но и в Европе и Африке;

В.Д. Варенов участвовал в промышленных разработках реактивной тяги для самолётов;

А.М. Волженский построил в Париже подземные кладовые Государственного банка, здание посольства в США и в 1937 г. – павильоны Австрии и Мексики на Всемирной выставке;

М.М. Костевич играл ведущие роли в лабораторных исследованиях взрывчатых веществ;

Д.П. Рябушинский многие годы проводил исследования по аэродинамике по заказу министерства авиации Франции;

Н.А. Таскин участвовал в строительстве линии Мажино и оборонительных укреплений на юге Франции,

и т. д.

Деятельность многих из них была высоко отмечена французским правительством. М.М. Костевич был награждён орденом Почётного легиона, П.Ф. Козловский, П.Н. Финисов, О.И. Ядов удостоились ордена Академических пальм. Подобной же награды был удостоен и секретарь УМСА П. Андерсон, директор Политехнической школы в Берлине, много сделавший для института во Франции. Премию Академии наук Франции получили Н.А. Анцыферов и Д.П. Рябушинский. Профессор металлургии А.М. Попов за работы в области физической металлургии был удостоен Grand Prix d'Honneur на Всемирной выставке 1937 года. Н.Н. Бернацкий был награждён золотой медалью на Международной выставке в Гренобле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская Политехническая школа заочного преподавания // Студенческий бюллетень (Париж). 1931. № 18. С. 10.

² Там же. С. 10–16.

³ Там же. С. 3.

⁴ Биографические справки всех упомянутых в тексте профессоров, преподавателей, деятелей науки и техники, а также выпускников РВТИ см.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь. В 3 т. М., 2008–2010. Т. 1–3.

⁵ Русский Высший технический институт во Франции // Студенческий бюллетень. 1931. № 17. С. 13.

⁶ Открытие Русского Высшего технического института в Париже // Там же. № 16. С. 12.

⁷ Иллюстрированная Россия (Париж). 1931. № 44. С. 15; ПН. 1931. 16 октября.

⁸ Открытие Русского Высшего технического института в Париже. С. 13.

⁹ От редакционной коллегии // Вестник Русского Высшего технического института во Франции. 1932. № 1. С. 3.

¹⁰ Осведомительный отдел // Там же. 1934. № 13. С. 198.

¹¹ Осведомительный отдел // Там же. 1932. № 8. С. 81.

¹² Осведомительный отдел // Там же. № 3. С. 51.

¹³ Осведомительный отдел // Там же. № 4. С. 65.

¹⁴ Ковалевский П. Зарубежная Россия. Paris, 1971. С. 92.

¹⁵ Унковский В. Они будут строить Россию... // Рубеж (Харбин). 1934. № 21. С. 7.

¹⁶ Первый выпуск русских инженеров в Париже // Иллюстрированная Россия. 1935. № 33. С. 8.

¹⁷ Российское зарубежье во Франции. Биографический словарь // <http://dommuseum.ru> – интернет-сайт Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

¹⁸ Струве Н. Печатник Леонид Михайлович Лифарь, 1906 – 1982: Памяти сотрудника-друга // Вестник РХД. 1982. № 137. С. 299–301.

¹⁹ Русская мысль. 1957. 28 декабря.

Белорусско-российские архивы за пределами их происхождения: история перемещения и современное состояние*

Аннотация: В статье рассматривается технология формирования архивного собрания созданного в 1898 г. в Вильне Музея графа М.Н. Муравьёва, носившего характер тематической коллекции документов о восстании 1863–1864 гг. в белорусских и литовских губерниях, и роли Муравьёва в его подавлении. История реформирования и изъятия дел из собрания в разные исторические периоды позволяет сделать вывод, что нарушение основополагающих принципов архивоведения (в частности, недробимости архивных фондов) всегда вызывает проблемы, не способствующие освоению совместного архивного наследия.

Annotation: The article discusses the technology of forming the archival collection created in 1898 in Vilna Museum by Count M.N. Muravyev, which in fact was the thematic collection of documents on the rebellion of 1863–1864 in Belarusian and Lithuanian provinces and Muravyev's role in its suppression. The story of rearranging and transferring parts of the collection concluded that the violation of fundamental principles of archival work (in particular, of archival integrity) always causes problems and doesn't help the research of the joint archival heritage.

Ключевые слова: архив, музей, М.Н. Муравьёв, А.В. Жиркевич, А.И. Миловидов, В. Гизберт-Студницкий, Р. Меницкий, недробимость архивных фондов.

Key words: archives, museum, M.N. Muravyev, A.V. Zhirkevich, A.I. Milovidov, V. Gizbert-Studnitski, R. Menitski, archival integrity.

Настоящая статья посвящена истории лишь одного конкретного архивного собрания коллекционного типа, сформированного в начале 1900-х гг. в Вильне из документов, ранее входивших в состав архивов учреждений и даже частных лиц, а именно, архиву Музея графа М.Н. Муравьёва. Ставший первым политическим архивом Северо-Западного края и пережив две эвакуации (в годы Первой и Второй мировых войн) и последующие частичные реэвакуации, он только в 1959 году был расформирован, оставив по себе лишь «историографический след». К сожалению, история данного архивного собрания не

* Статья подготовлена в рамках ГПНИ «История, культура, общество, государство», № госрегистрации 20113049.

представляет собой уникального случая в архивном деле России «качаловско-самоковасовского периода», когда профессия архивиста только-только стала подпитываться выпускниками Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов¹. Если обратиться к сфере деятельности советских архивистов, уже, несомненно, знакомых с основополагающими принципами архивоведения, то и здесь можно встретить ряд аналогичных примеров создания «гибридных фондов», обусловленных, как правило, идеологическими или политическими мотивами. Причём эти примеры в недавнем прошлом нередко становились предметом научного (правильнее было бы говорить, псевдонаучного) изучения².

Побудительным же мотивом к подготовке настоящей статьи стали события десятилетней давности. Участвуя в апреле 2003 г. в работе организованной Украинским институтом архивного дела и документоведения Международной научной конференции «Архивы и краеведение: пути интеграции» (Трускавец, Львовская обл.), автору довелось в очередной раз общаться с заведующим кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, профессором Е.В. Старостиным (1935 – 2011). Последнего в тот период особенно занимали проблемы архивной реституции, хотя Евгений Васильевич принципиально не признавал этого выражения, предпочитая ему выражение «зарубежная архивная Россия»³. Автор статьи занимался сходной проблемой, разумеется, на основе белорусских материалов, имея уже к этому времени ряд опубликованных статей и даже небольшую книжечку⁴.

Во время очередного нашего разговора речь зашла об истории создания и последующей судьбе архива Муравьёвского музея как наглядном примере нарушения всех мыслимых и немыслимых принципов архивоведения при его формировании, с одной стороны, и сложности определения государственной принадлежности ранее составлявших его материалов, с другой. Евгения Васильевича крайне заинтересовала эта история, и он порекомендовал подготовить строго научную статью об архиве Муравьёвского музея, исключив из неё налет публицистичности, явно присутствовавший в предыдущей работе его трускавецкого собеседника (это видно даже по её названию!)⁵.

Предлагаемую вниманию читателей статью можно рассматривать как реализацию, хотя и несколько запоздавшую, рекомендаций Е.В. Старостина, выдающегося российского учёного-архивоведа, блестящего педагога, воспитанника научной школы академика С.О. Шмидта (1922 – 2013).

Начало формирования архива Муравьёвского музея связано с открытием в ноябре 1898 г. в Вильне памятника «начальнику Северо-Западного края», как именовался назначенный в апреле 1863 г. на должность виленского генерал-губернатора граф М.Н. Муравьёв (1796 – 1866). Ему предшествовало «высочайшее соизволение» на это, полученное 9 июля 1898 г.

Как свидетельствовал первый заведующий музеем, состоявший в распоряжении генерал-губернатора действительный статский советник В.Г. Никольский, инициатива создания музея исходила от помощника попечителя Виленского учебного округа А.В. Белецкого, который и возглавил комиссию по его устройству⁶. Наиболее действенным членом последней стал военный юрист, полковник (впоследствии генерал-майор) А.В. Жиркевич (1857 – 1927), известный коллекционер, литератор, друг И.Е. Репина, знакомый со многими

выдающимися русскими писателями, художниками, композиторами. Жиркевич был обладателем ценнейшей коллекции, в состав которой входили произведения живописи русских и западноевропейских художников, предметы декоративно-прикладного искусства, автографы выдающихся русских писателей и др. Им также был сформирован уникальный личный архив, ядро которого составил дневник (его Жиркевич вёл начиная с 1880-х гг.). Спешно эвакуированный летом 1915 г. из Вильны, он вывез лишь часть своей коллекции и архив в Симбирск, продав затем первую (за чисто символическую цену) местному художественному музею и завещав второй Толстовскому музею в Москве, где ныне он и находится⁷.

Будучи не только коллекционером, но и человеком, душой болевшим за сохранность русских архивов, А.В. Жиркевич неоднократно выступал в прессе, а также специализированных исторических изданиях со статьями, в которых обращал внимание на неудовлетворительное их состояние, вскрывал факты уничтожения архивов не только в ходе военных действий и не только противником, но и вследствие небрежения собственных чиновников на местах по отношению к ним⁸. Он, в частности, указывал, что, занимаясь собиранием документов для Муравьёвского музея, он сталкивался с фактами уничтожения архивов ряда уездных полицейских управлений Виленского генерал-губернаторства⁹.

Однако, по иронии судьбы, и сам Жиркевич вольно или невольно оказался причастным если не к физическому уничтожению, то к разрушению целостности архивов (архивных фондов) учреждений губернского и уездного уровней, имевших отношение к событиям 1863–1864 гг., путём изъятия из них документов. И, кстаи говоря, на эти обстоятельства, разумеется, придавая им позитивные оценки, обращал внимание первый заведующий Муравьёвским музеем, отмечая, что наряду с принесёнными Жиркевичем в дар музею предметами из его собственной коллекции, «им же с разрешения генерал-губернатора были осмотрены почти все правительственные архивы края, и всё, что представляло какой-либо интерес для характеристики деятельности графа М.Н. Муравьёва, было извлечено из этих архивов и передано в Музей (курсив мой. – М. Ш.), так что последний очень многим обязан этому неумолимому и бескорыстному деятелю, много потрудившемуся на пользу общую»¹⁰.

Числившийся при Виленской публичной библиотеке, но размещавшийся во флигеле генерал-губернаторского дворца в Вильне (в последнем сегодня располагается резиденция Президента Литовской Республики), музей, несмотря на продолжавшееся формирование его коллекций, сразу же становится доступным для посетителей. Свидетельством тому является изданный в 1904 г. каталог музея, составленный В.Г. Никольским и указывающий на незавершённость его первого (архивного) отдела: «Кроме перечисленных во *втором* (sic! – М. Ш.) отделе дел и документов, в Музее хранятся ещё около 6 000 дел, не вошедших в каталог, так как они ещё не систематизированы и им составлен лишь общий список»¹¹. Сведения о музее, включая и информацию о распорядке его работы, содержатся и в «памятных книжках» Виленской губернии, начиная с 1898 и до 1915 года. В последнем её выпуске, в частности, указывалось, что музей открыт для обозрения по четвергам и воскресеньям; что же касается научных занятий в его политическом архиве и наведения справок, то это возможно во все присутственные дни¹².

Не останавливаясь подробно на структуре музея (отметим лишь, что она представляет собой восемь отделов: архивный; библиотечный; фото-изобразительный (два); мемориальный (три); визуальный), обратим внимание на первый, являющийся предметом исследования настоящей статьи. На стадии его формирования он состоял из двух групп: в первую вошли письма, записки, заметки, инструкции, циркуляры и другие документы, подписанные Муравьевым (здесь же находились и документы повстанцев – прокламации и распоряжения Польского жонда и др.) – всего 108 наименований; во вторую – дела и документы разных присутственных мест и официальных лиц (112 наименований), т. е. те, которые изымались благодаря А.В. Жиркевичу¹³.

К сожалению, низкий информационный уровень каталога не даёт возможности провести идентификацию включённых в его описательные части документов. Каталог в большинстве своём представляет инвентарную опись с заголовками типа «Переписка гр. М.Н. Муравьева с К.П. Кауфманом» (№ 44 (79)), «Распоряжения гр. М.Н. Муравьева о постепенном замещении чиновников польского происхождения в Северо-Западном крае русскими уроженцами» (№ 64 (46)) или вовсе: «Наряд секретным бумагам, 1863 г.» (№ 57 (159)), «Разного рода сообщения по случаю мятежа» (№ 85 (13)), «О военных действиях в Гродненской губ.» (№ 87 (15)) и т. п.

Постепенно состав документальных материалов музея расширяется, и он превращается в политический архив. Этому способствовало и то обстоятельство, что во главе музея, после делопроизводителя канцелярии генерал-губернаторства коллежского секретаря Г.В. Татищева, чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе А.А. Александровского, встал наиболее сведущий в архивно-музейных и библиотечных делах выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия А.И. Миловидов (1864 – 1935), работавший преподавателем Литовской духовной семинарии и одновременно являвшийся секретарём Виленского отдела Общества ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III, членом-соревнователем Общества истории и древностей российских. А.И. Миловидов был уже достаточно хорошо известен в научных кругах России не только как биограф М.Н. Муравьева¹⁴, но и как исследователь русской старопечатной книги, историк-архивист, археограф, автор-составитель описания Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки¹⁵.

Приход А.И. Миловидова к руководству музеем совпал, как выше отмечалось, с существенными переменами, произошедшими в его архиве, вызванными в первую очередь упразднением в 1912 г. генерал-губернаторства. В мае 1913 г. материалы его политического отделения, наряду с документами других учреждений, общим объёмом в 17,5 тысяч дел из огромного архива генерал-губернатора, начавшего формироваться с 1790-х гг.¹⁶, были переданы в политический архив Муравьевского музея. Таким образом, с превращением документального собрания музея в политический архив в последний стали поступать не только дела, связанные с восстанием 1863–1864 гг. По состоянию на май 1913 г. здесь было сосредоточено около 30 тысяч дел, из которых третья часть была учтена по инвентарям и сдаточным описям, а около 20 тысяч предстояло разобрать и заинвентаризировать¹⁷.

К началу Первой мировой войны, по данным польского архивиста Р. Меницкого, бывшего в 1920–1930-х гг. фактическим руководителем Виленского

архива (сюда после оккупации города кайзеровскими войсками поступила неэвакуированная часть архива музея), в нём хранилось до 40 тысяч дел¹⁸. Осенью 1914 г. по инициативе имп. Академии наук при музее был образован Военный архив, куда поступали не носившие секретного характера карты театра военных действий, письма военнослужащих, плакаты, карикатуры и др. материалы¹⁹. Однако процесс комплектования этого архива по известным причинам оказался непродолжительным.

По приказу командующего Двинским военным округом от 15 сентября 1914 г. музей начал подготовку к эвакуации документов политического архива. К концу сентября работа была завершена. Политические и секретные дела упакованы в 90 мешков общим весом около 400 пудов. По косвенным данным можно предположить, что это были 16 тысяч дел политического отделения Виленского генерал-губернаторства за весь период его существования. Летом следующего года, накануне занятия города, они были вывезены из Вильны²⁰.

Тогда же из Вильны выехали и сотрудники музея, включая его заведующего А.И. Миловидова. Судьба оказалась более благосклонной к нему, нежели к инициатору создания музея А.В. Жиркевичу. Последний, как уже отмечалось, так поспешно выехал в Минск, что даже не успел проститься с престарелой матерью. Оказавшись затем в Симбирске, он пережил там революционное лихолетье, занятие города чехами, ужасный голод в Поволжье. Буквально нищенствуя и перебиваясь случайными заработками в местном губернском архиве и на различных курсах, в 1926 г. Жиркевич добился разрешения на выезд за границу, какой в то время была Вильна, где вскоре и умер.

А.И. Миловидов же, оставив часть своего «архивного детища» в Вильне, эвакуировался в Петроград. С созданием в 1918 г. Главархива РСФСР, руководителем Петроградского отделения которого 16 июля 1918 г. был назначен академик С.Ф. Платонов, Миловидов обратился к нему с просьбой принять на работу в отделение. По ходатайству академика в Главное управление архивным и научно-книжным делом «о предоставлении заведующему Виленским областным историческим (бывшим Муравьевским) музеем и соединённым с ним Политическим архивом бывшего Виленского генерал-губернаторства А.И. Миловидову постоянной должности или временного занятия» Миловидов был зачислен на должность старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР (отделение включало Сенатский архив, и его возглавлял ранее занимавший должность заведующего архивом ученик С.Ф. Платонова – И.А. Блинов)²¹. Вплоть до выхода на пенсию в 1931 г. Миловидов занимался работой по описанию фондов Сенатского архива, давал консультации по вопросам размежевания архивно-музейных и библиотечных собраний, находившихся в учреждениях Вильны, накануне заключения РСФСР договора с Литовской Республикой²². Как установил современный белорусский историк-архивист А.С. Хотеев, умер А.И. Миловидов 18 декабря 1935 г.

Возвращаясь к истории оставшейся невывезенной части архива Муравьевского музея (а это были в основном дела, связанные с событиями 1863–1864 гг., изымавшиеся из архивов учреждений белорусских и литовских губерний), отметим, что она, как выше уже говорилось, была перемещена в здание, где размещался Виленский центральный архив древних актов (до 1832 г. в нём находился закрытый в этом году Виленский университет), составивший,

как известно, ядро Государственного исторического архива Польши в Вильне, просуществовавшего в таком статусе до сентября 1939 г.

Каких-либо существенных изъятий из архива бывшего Муравьёвского музея за период оккупации Вильны кайзеровскими войсками, непродолжительного существования там советской власти не производилось. Исключение составила лишь передача из него в Варшаву в 1921 г., т. е. когда Вильна уже входила в состав Второй Речи Посполитой, 142 дел уездных начальников Плоцкой губернии за 1863 год²³. В данном случае речь может идти о начале восстановления польскими архивистами нарушенных при создании архива Муравьёвского музея принципов недробимости архивных фондов путём возвращения в них изъятых в своё время в угоду политическим и идеологическим соображениям дел.

С 1922 по 1926 г. польскими архивистами под руководством старшего архивиста, ставшего вскоре хранителем фондов, а потом и заместителем директора, а де-факто директором Виленского архива Р. Меницкого (1886 – 1956)²⁴ проводилась разборка документальных материалов архива бывшего Муравьёвского музея, систематизация которых вследствие перемещения оставшейся невывезенной в 1915 г. части в другое помещение была нарушена. В 1926–1934 гг. было составлено новое описание материалов, в основу которого положена фондовая их принадлежность: на каждый комплекс дел конкретного учреждения-фондообразователя, независимо от его объёма, составлялась отдельная опись. Последние затем были сведены в отдельные тома по географическому принципу. Всего было составлено 8 томов описей, по которым учтено 16772 дела. Каждый том включал описи дел фондов учреждений одной губернии (Витебской, Ковенской, Минской, Могилёвской). По Виленской и Гродненской губерниям ввиду большого объёма описей было составлено по два тома.

Забегая вперёд, отметим, что благодаря такой системе формирования дел в описи, применённой польскими архивистами в 1920–1930-е гг., их литовским коллегам удалось достаточно легко (в технологическом отношении) в середине 1950-х гг. раскассировать ими же созданное в конце 1940-х гг. гибридное архивное собрание, хранившееся в ЦГИА Литвы под названием «Коллекция Музея графа Муравьёва» и насчитывавшее 10 558 дел.

Документы архива Муравьёвского музея достаточно активно использовались как в довоенный (1901–1915), так и в «польский» (1921–1939) и «литовский» (1945–1959) периоды. Из наиболее значительных документальных и справочных изданий первого периода, основанных на документах архива, укажем на подготовленный А.В. Белецким «Сборник документов Музея графа Муравьёва» (Вильна, 1907), А.И. Миловидовым – «Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию» (в двух частях) (Вильна, 1913, 1915). Во втором периоде это были подготовленные директором Виленского архива В. Гизберт-Студницким книги «Год 1863. Смертные приговоры» (Вильно, 1923; пер. с пол. яз.), Р. Меницким – носивший характер путеводителя «Архив Муравьёвский в Вильне» (Варшава, 1937, пер. с пол. яз.) и др. Причём во всех этих работах ссылки, как правило, давались не на каталог В.Г. Никольского, который, как уже говорилось, носил достаточно низкий информационный уровень и охватывал к тому же незначительную часть едва только начавшего формироваться архива, и не на описи польских

архивистов, которых ещё не было, а на названия учреждений-фондообразователей с указанием делопроизводственных номеров документов.

И лишь в третий, послевоенный период, когда к архиву, преобразованному архивистами ЦГИА Литвы в «Коллекцию Музея графа Муравьёва», начали обращаться литовские историки, они стали ссылаться как на номер коллекции (№ 439), так и на номера описей (с указанием дел), составленные польскими архивистами. Таким образом, лишь начиная с послевоенного периода «Архив Муравьёвского музея» стал фигурировать в историографии и археографии как единый комплекс документальных материалов, хотя это название носило довольно условный характер.

Возвращаясь к событиям начала Второй мировой войны, отметим, что после 17 сентября 1939 г., когда части Красной армии вступили в Вильну, в жизни архива наступает новый этап. Буквально через неделю после заключения 10 октября 1939 г. Союзом ССР договора с Литовской Республикой, на основании которого Вильна передавалась Литве, из города по распоряжению Временного управления Виленским округом была вывезена в Минск большая часть уже бывшего Государственного архива Польши в Вильне, включая и находившийся в его составе архив Муравьёвского музея²⁵. Как можно предположить, эта акция вызвала ноту протеста со стороны литовской миссии в Москве, потребовавшей возвращения в уже Вильнюс незаконно вывезенных архивных, а также библиотечных и музейных собраний (имелись в виду библиотека имени Врублевских, часть экспонатов Масонского музея и др.)²⁶.

В ходе расследования советской стороной обстоятельств вывоза архива выяснилось, что в результате плохо организованной его транспортировки была утрачена часть архивных документов, включая и собрание Муравьёвского музея. Оказалось, что один вагон вообще «затерялся» и «случайно попал в Москву».

Реагируя на заявление литовской дипломатической службы, Правительство СССР 28 мая 1940 г. приняло решение о возвращении в Вильнюс части вывезенных в Минск архивных материалов с учётом принципа их происхождения, а также некоторых других особенностей (в частности, отсутствия в документах секретных, «революционно-исторических» сведений и т. п.). Для выработки рекомендаций о том, что подлежит передаче литовской стороне, ГАУ НКВД СССР создало комиссию из представителей Академии наук (В.И. Пичета), НКВД (Комаров), а также начальников Госархива феодально-крепостнической эпохи (нынешний РГАДА) (Иванова), ЦАОР СССР (Истомин) и Центрального государственного особого архива (Н.С. Сергеев).

Из протокола заседания комиссии, составленного 12 июля 1940 г., видно, что ею в течение трёх недель, с 19 июня по 9 июля, были просмотрены 150 инвентарных описей дел, а также сами дела, вывезенные из Вильнюса и принятые в декабре 1939 г. Особым архивом в количестве одного вагона (20 тонн)²⁷. Таким образом, проясняется судьба «потерявшегося» вагона. Оказалось, что именно в нём в большинстве своём и находились считавшиеся утраченными дела архива Муравьёвского музея. Их комиссия включила в списки дел № 1, № 2 и № 3, не подлежащих передаче литовской стороне, что в определённой степени объясняет расхождение в количественных данных архива Муравьёвского музея, зафиксированных в 1930-е гг. польскими архивистами (16 772

дела) и данными литовских архивистов, которыми они оперировали в послевоенные годы (10 558 дел).

Первый список действительно был составлен с учётом принципа происхождения: в него вошли фонды Могилёвского губернского правления за 1863 год (225 дел), канцелярии могилёвского губернатора за 1863–1865 гг. (137 дел) и другие собрания белорусского происхождения. Что же касается второго списка, в который комиссия включила «территориально принадлежащие ныне Литве, но представляющие революционно-исторический интерес для Союза Советских Социалистических Республик, а потому подлежащие оставлению в СССР»²⁸, то наиболее значительными собраниями здесь были фонды Временного полевого аудиториаата Виленского военного округа за 1863–1866 гг. (1 021 дело), Виленской по политическим делам следственной комиссии за 1863 год (124 дела) и др. В третьем списке фигурировали изъятые из фонда Виленского генерал-губернаторства и также представлявшие «революционно-научный интерес» как для Литвы, так и для СССР архивные материалы, разделить которые, по мнению комиссии, не представлялось возможным, и потому они также подлежали оставлению в СССР²⁹.

Вопрос с реализацией решения советского правительства о передаче Литве принадлежавших ей архивных материалов, перемещённых на территорию СССР в конце октября 1939 г., был переведен в практическую плоскость летом 1940 г., когда Литва стала одной из союзных республик СССР. Теперь он решался уже по линии общесоюзного архивного ведомства, подчинявшегося всесильному НКВД. Совнарком СССР 31 января 1941 г. принял решение о распределении материалов бывшего Виленского архива между госархивами Москвы, архивными отделами НКВД Белорусской ССР и Литовской ССР. В соответствии с ним, архив Музея Муравьёва подлежал передаче Архивному отделу НКВД БССР, т. е. он оставался в Минске в составе хранившегося в недостроенном здании Президиума АН БССР бывшего Виленского архива, получившего статус Исторического архива при АН БССР³⁰. В Вильнюс же должны были быть возвращены архивные материалы, связанные своим происхождением с территорией Литвы, за исключением тех, о которых речь шла выше. Для их транспортировки, по данным руководителя АО НКВД БССР И.А. Переплётчикова, было необходимо 22 вагона³¹.

Однако реализовать решение о расформировании Виленского архива советскому архивному ведомству не удалось в связи с начавшейся войной. Это будет в определённой степени сделано немецкими оккупационными службами в 1942–1943 гг. По свидетельствам очевидцев, делопроизводственным документам Архивного управления Беларуси, немецкой периодической печати и другим источникам известно, что весной 1942 г. в Минске появился бывший директор Виленского архива В. Гизберт-Студницкий, который по поручению соответствующей службы Генерального комиссариата Беларуси и архивного отдела рейхскомиссариата Остланд в течение нескольких месяцев вместе с сыном и с помощью местных архивистов занимался разборкой и систематизацией дел Виленского архива, приведённых оккупантами в хаотическое состояние. К лету 1943 г. отобранные Студницким дела в 20 вагонах были вывезены в Вильнюс³², где их обнаружили вскоре после освобождения города от нацистов. В частности, довоенный аспирант Института истории АН БССР,

лейтенант Красной Армии А.И. Залесский, ставший впоследствии доктором исторических наук, в составленной 18 августа 1944 г. по просьбе «Минского белорусского архива» справке отмечал, что знакомился в конце июля 1944 г. с Виленским архивом, обнаружив там, в числе прочих, и делопроизводственные документы Академии наук Беларуси³³. Там же находился и комплекс дел архива Муравьевского музея, которые Гизберт-Студницкий, не сомневаясь, причислил к подлежащим возвращению в Вильнюс.

После войны начинается заключительный этап в истории архивного собрания Муравьевского музея. В эти годы из Особого архива в ЦГИА Литвы, где хранится уже так называемая «Коллекция Музея графа Муравьева», передаётся ряд фондов, включённых в номерные списки не подлежавших передаче Литве, о чём шла речь выше. Тогда же (предположительно в 1948 г.) ранее существовавшая в архиве Муравьевского музея систематизация дел, закреплённая в 1934 г. польскими архивистами, была ликвидирована: вместо прежней нумерации описей и дел в пределах каждого самостоятельного фонда была принята валовая нумерация описей и дел³⁴.

Можно предположить, что своего рода инициативным документом, подтолкнувшим литовских и белорусских архивистов к расформированию коллекции музея Муравьева, стала докладная записка начальника филиала ЦГИА БССР в г. Гродно В.С. Давыдовой, составленная по итогам её двухнедельной работы в апреле 1949 г. в ЦГИА Литовской ССР с целью выявления хранившихся там документов белорусского происхождения. Опытный архивист, ещё до войны закончившая Московский историко-архивный институт, она не могла не обратить внимания на искусственно созданную коллекцию, в составе которой хранилось значительное количество белорусских документов и материалов, включая огромный комплекс канцелярии гродненского губернатора, объёмом свыше 3 227 дел. Завершая записку, В.С. Давыдова просила архивное руководство Беларуси ходатайствовать перед ГАУ МВД СССР о передаче этого комплекса в возглавляемый ею архив, где он должен был воссоединиться с хранившейся там основной частью фонда канцелярии губернатора³⁵.

Решение о расфондировании коллекции было принято в июле 1954 г. научным советом при Архивном отделе МВД Литовской ССР. В конце января 1955 г. Главным архивным управлением МВД СССР было дано указание о передаче фондов, относившихся к профилю белорусских архивов, из расформированной коллекции по принадлежности³⁶.

Однако понадобилось ещё пять лет, прежде чем было реализовано это указание руководства общесоюзного архивного ведомства и произошло восстановление целостности белорусских, равно как и литовских, фондов, нарушенной в начале XX века. В результате двухнедельной работы белорусских архивистов в октябре 1958 г. в литовских архивах (целью её было, опять же, выявление документов и материалов белорусского происхождения) в декабре этого года был подготовлен обстоятельный двадцатистраничный обзор, значительное место в котором занимало изложение истории коллекции Муравьевского музея. По мнению составителя обзора (ею была Т.А. Трухина), «эта коллекция представляет собой механическое объединение 110 фондов учреждений белорусских и литовских губерний, возникшее в связи с открытием в 1901 г. в Вильно по инициативе царских чиновников Музея графа М.Н.

Муравьёва»³⁷. К профилю белорусских архивов составитель обзора относил 51 фонд, общим объёмом 4 614 дел (из всех 10 558, входивших в коллекцию).

Литовские архивисты, признавая искусственность коллекции (на это указывала, например, начальник отдела исторических фондов ЦГА Литовской ССР П.А. Никитина в обзоре, составленном в 1954 г.³⁸), тем не менее, возражали против её расформирования, пытаясь таким образом оставить у себя то, что им по «архивному праву» не принадлежало. В этом отношении показательна позиция начальника ЦГИА Литовской ССР, опытного архивиста Д.П. Бутенаса, отказавшегося подписать заключение Комиссии в той её части, где рекомендовалось расформировать коллекцию³⁹. (Комиссия из представителей общесоюзного, белорусского и литовского архивных ведомств была создана в марте 1959 г. для решения вопроса о порядке дальнейшего хранения коллекции). И тем не менее, Комиссия приняла решение, в котором рекомендовалось:

«1. Расфондировать коллекцию “Архив Музея графа М.Н. Муравьёва”.

2. Фонды и части фондов всех учреждений, действовавших на территории, вошедшей в состав Белорусской ССР, передать в соответствующие госархивы БССР.

3. Фонды и части фондов всех гражданских и временных военных учреждений (Временного полевого аудиториата, военных начальников и др.), действовавших на территории, вошедшей в состав Литовской ССР, оставить на дальнейшее хранение в ЦГИА Литовской ССР.

4. Материалы штаба Виленского военного округа подлежат передаче в ЦГВИА СССР в гор. Москве, однако, учитывая то обстоятельство, что они крайне необходимы для изучения истории литовского народа, оставить их временно в ЦГИА Литовской ССР. Сроки хранения указанных материалов в ЦГИА Литовской ССР архивному отделу МВД Литовской ССР согласовать с ГАУ МВД СССР»⁴⁰.

Данное заключение было одобрено на совещании о взаимной передаче документальных материалов госархивами Литовской и Белорусской союзных республик, прошедшем 14 марта 1959 г. в Вильнюсе. В нём принимали участие те же представители архивных ведомств. Архивному отделу Литвы поручалось «доложить его директивным органам республики и по получении согласия с их стороны принять это заключение за основу в работе по распределению документальных материалов коллекции между госархивами Литовской и Белорусской союзных республик»⁴¹.

Несмотря на принятые рекомендации, литовская сторона не спешила с их исполнением. Дабы стимулировать их реализацию, белорусские историки и архивисты использовали удобный повод, а именно, подготовку советско-польского документального издания «Восстание 1863 года», которая велась в рамках заключённого в марте 1957 г. между академиями наук двух стран соглашения о научном сотрудничестве. Ссылаясь на соглашение, руководство белорусской Академии наук совместно с руководством архивного ведомства республики 16 июня 1960 г. обратились с письмом в Правительство Беларуси с просьбой «ускорить разрешение вопроса о передаче указанных материалов архивам БССР». Совет Министров БССР направил соответствующее ходатайство в адрес Правительства Литвы. В итоге 5 сентября 1960 г. последнее приняло распоряжение, в соответствии с которым Беларуси передавался

принадлежавший ей архивный материал, включая и тот, что входил в состав коллекции Музея Муравьёва в Вильне¹².

Так завершилась эта тянувшаяся более полувека «архивная история», весьма поучительная, на наш взгляд. Она лишней раз подтверждает, что не существует простых ответов на вопросы в тех случаях, когда речь заходит о попытках «справедливого» размежевания общего культурного наследия (архивного, музейного, библиотечного и т. п.). С другой стороны, она показывает, по каким сложным, запутанным орбитам могут перемещаться архивные (равно как и музейные и библиотечные) собрания и как непросто порой выяснить их происхождение. И, наконец, самое главное. Эта история свидетельствует, что только следование основополагающим научным принципам, существующим в архивоведении, музееведении, библиотековедении, поможет избежать спорных, порой конфликтных ситуаций; нарушение же этих принципов неизбежно влечёт последствия, аналогичные тем, о которых шла речь в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Труды Историко-архивного института. М., 2000. Т. 35: Архивистика на рубеже веков: XX–XXI.

² См., например: *Веселина М.С.* Комплектование фонда В.И. Ленина из личных архивов его современников, 1923–1973 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

³ Доклад Е.В. Старостина на конференции назывался «Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы «архивной реституции?»» (опубликован: *Студії з архівної справи та документознавства*. Київ, 2003. Т. 9. С. 163–166).

⁴ *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск, 1997; *он же*. О некоторых исторических аспектах реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем // *Замежная архіўная Беларусіка: Матэры. міжнар. навуц. канф.* Минск, 1998. С. 4–11; *он же*. Методология выявления и отбора утраченных культурных (архивных, музейных, библиотечных) ценностей Беларуси // *Выяўленне і сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах*. Минск, 1999. С. 5–11 (Вяртанне; вып. 6); *он же*. Гісторыка-прававыя і маральна-этычныя аспекты рэстытуцыі ў дачыненні да беларускіх архіваў // *Архивы и делопроизводство*. 2000. № 4. С. 91–100; № 5. С. 121–129.

⁵ *Шумейка М.* Як захоўвалі дакументальную спадчыну Мураў'ёва-вешальніка // *Беларуская мінуўшчына*. 1997. № 1. С. 8–11.

⁶ *Иллюстрированный каталог Музея графа М.Н. Муравьева в г. Вильне / сост. В.Г. Никольский*. СПб., 1904. С. 1–5.

⁷ Подробнее об этом см.: *Жиркевич А.В.* Потревоженные тени... Симбирский дневник / сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М., 2007. 640 с.

⁸ См., например: *Жиркевич А.В.* Как у нас сохраняются исторические документы // *ИВ*. 1885. Т. 19. С. 461–462; *он же*. Свежо предание, а верится с трудом // *Там же*. 1902. № 9. С. 737–779; *он же*. Смоленские архивы в 1812 году // *Смоленская старина*. Смоленск, 1909. Вып. 1, ч. 1. С. 345–375.

⁹ *Жиркевич А.В.* Свежо предание, а верится с трудом.

¹⁰ *Иллюстрированный каталог Музея*. С. 3–4.

¹¹ *Там же*. С. 124.

¹² *Памятная книжка Виленской губ. на 1915 год*. Вильна, 1915. С. 131.

¹³ *Иллюстрированный каталог Музея*. С. 11–32.

¹⁴ В личном архивном фонде А.И. Миловидова в Рукописном отделе Библиотеки Вильнюсского университета хранятся письма к нему известного русского филолога, академика имп. Академии наук А.И. Соболевского за 1900–1912 гг., свидетельствующие о том, что виленский корреспондент учёного оказывал ему действенную помощь в подготовке работ по диалектологии; с другой стороны, из них следует, что именно Соболевский сподвиг Миловидова к написанию брошюры о М.Н. Муравьёве и в некоторой степени способствовал занятию им должности заведующего Муравьёвским музеем (*VU Biblioteka Rankasciu Skir*. F 36-40. 6980, 7006, 7020, 7023, 7035, 7045, 7067).

¹⁵ Готовя к изданию в «Чтениях ОИДР» опись архива упразднённого Пинского Лещинского монастыря, А.И. Миловидов вёл переписку с председателем общества М.К. Любавским. Последний на заседании общества 24 апреля 1899 г. докладывал присланную Миловидовым рукопись описания архива, сделав по ней свои замечания. Об этом Любавский сообщал Миловидову в письме от 5 мая 1899 г. (*Ibid*. F 36–36. 6967). В следующем году работа А.И. Миловидова была напечатана во втором томе «Чтений ОИДР» под названием «Архив упразднённого Пинского Лещинского монастыря».

¹⁶ В 1869–1870 гг. часть этого архива, охватывавшего период генерал-губернаторства Н.В. Репнина, была описана А.М. Энгелем и К.Н. Гомолицким (см.: *Описание дел архива Виленского генерал-губер-*

наторства. Вильна, 1869. Т. 1, ч. 1; 1870. Т. 1, ч. 2; Архив Виленского генерал-губернаторства. Вильна, 1870. Т. 2, ч. 1).

¹⁷ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 249. Оп. 5. Д. 738. Л. 8.

¹⁸ *Mienicki R. Archiwum Murawjiewski w Wilnie. Warszawa, 1937. S. 51.*

¹⁹ Аналогичный «Архив войны» создаётся в это время и при Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Петрограде. По данным современных сотрудников РНБ и Библиотеки РАН А.И. Раздорского и Н.А. Сидоренко, в настоящее время этот архив как «Коллекция документов периода Первой мировой войны и Временного правительства» хранится в ГАРФ (Ф. 6281. Оп.1. Д. 1–166).

²⁰ По данным Р. Меницкого, куда вывозились дела архива Муравьёвского музея, ему неизвестно (*Mienicki R. Op. cit. S. 55.*)

²¹ См.: Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог / сост. В.А. Колобков. СПб., 1994. Вып. 1. С. 221.

²² Подробнее об этом см.: «Вильну до её оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев» (Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А.И. Миловинова в Наркомпрос РСФСР) / подгот. М.Ф. Шумейко // АЕ за 2009–2010 год. М., 2013. С. 461–471.

²³ *Mienicki R. Archiwum Murawjiewski w Wilnie. S. 56*

²⁴ Подробнее о нём см.: Ryszard Mienicki (1886 – 1956): Archiwista i historyk / Pod redakcja Waldemara Chorzyszewskiego i Roberta Degena Torun, 2009. 129 s.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Шумейко М.* Эшалон з Вільні ў Мінск [о вывозе в 1939 г. Виленского исторического архива] // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 2. С. 24–28.

²⁶ Нота Литовской миссии в СССР от 13 декабря 1939 г. относительно вывоза из г. Вильноса имущества и о его возвращении опубликована: СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Сб. док. Вильноса, 2006. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.). С. 395–397.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 26–27.

²⁸ Там же. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 31.

³⁰ См.: *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное. С. 109.

³¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 4. Д. 45. Л. 49–50 (Письмо И.А. Переплётчикова в НКВД БССР от 3 апреля 1941 г.). Для отправки отобранных к отправке в Москву древних актовых книг и других документов «общесоюзного характера» требовалось 6 вагонов (Там же).

³² НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 5. Л. 42–43 (Из информации сотрудника Библиотеки АН БССР Б.Сенько о Виленском архиве от 18 июля 1944 г.); *Архиварыус.* Як бальшавікі знішчалі беларускія архівы // Беларуская газета. 1943. 7 жніўня. С. 2.

³³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 5. Л. 41.

³⁴ Там же. Оп. 5. Д. 681. Л. 6 (Из Обзора документальных материалов по истории Белоруссии, выявленных в госархивах, музеях и библиотеках Литовской ССР, составленного начальником отдела комплектования АУ МВД БССР Т.А. Трухиной 10 декабря 1958 г.).

³⁵ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 180 с. Л. 52–53.

³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 681. Л. 7.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 110–123.

³⁹ Там же. Д. 738. Л. 17.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 19.

⁴² Там же. Д. 793. Л. 55.

Филологи – эмигранты третьей волны (1956–1985)

Аннотация: В статье представлен обзор биографий и научного творчества учёных-филологов, покинувших (по разным причинам) СССР в 1950–1980-е гг. Учёные, а среди них не в последнюю очередь филологи, играли значительную роль в советском диссидентстве, а затем в жизни Третьей волны русской эмиграции. В основу доклада легли материалы исследовательских проектов научной программы «История инакомыслия в СССР» – «Словарь диссидентов Центральной и Восточной Европы» и биографический комментарий к научной публикации «Хроники текущих событий».

Annotation: The article provides an overview of the biographies and academic work of philologists who (for various reasons) left the USSR in the 1950–1980s. Scholars, and not the least among them philologists, played a significant role in the Soviet dissident movement and later in the lives of Russian emigrants of the Third Wave. The report is based on the materials used in the research projects in the framework of the academic program «The History of Dissent in the USSR» – «Dictionary of dissidents in Central and Eastern Europe» and biographical commentary to the academic publication «Chronicle of Current Events».

Ключевые слова: эмиграция, филология, инакомыслие, диссидентство, политический контроль, преследования, «Хроника текущих событий», самиздат, история СССР, эмигрантская периодика.

Keywords: emigration, philology, dissent, dissidence, political control, persecution, «Chronicle of Current Events», Samizdat, history of the USSR, émigré periodicals.

В основу статьи легли материалы проектов исследовательской программы «История инакомыслия в СССР»¹. Эмиграция традиционно связана с инакомыслием, и в этом плане позднесоветское общество не стало исключением. Мы попробуем показать, что филологи играли заметную роль в советском диссидентстве, а затем в жизни Третьей волны русской эмиграции. В нашей работе четыре раздела. Три из них сформированы хронологически, а в четвёртом мы поместили краткие биографические очерки о трёх филологах-эмигрантах одного поколения, представляющих три филологических центра – Москву, Ленинград и Тарту.

1. Первые ласточки (1956–1958)

15 августа 1956 года турист из СССР, выпускник романо-германского отделения филологического факультета МГУ Александр Дольберг (1933 г.р.)

сел в Восточном Берлине в метро, а выйдя в Западном, немедленно попросил политического убежища. Он стал одним из первых эмигрантов-перебежчиков периода Оттепели, той ласточкой, которая только предвещала весну².

В свободном мире Дольберга ждал холодный приём. В какой-то мере на это мог повлиять тот факт, что Берлин уже 10 лет был полем битвы американской и советской разведок, и под видом перебежчиков на Западе оказалось немало советских агентов. Случай Дольберга показался подозрительным. Как еврей мог в разгар сталинского антисемитизма поступить в самый лучший университет СССР, а его отец – тоже еврей – стать майором МВД? И зачем его сыну, оставшемуся по распределению в столице, бежать на Запад? А мог ли Александр объяснить американским военным, что такое стилиага?

Несколько лет Дольберг жил в Мюнхене, печатаясь под псевдонимом в эмигрантских журнальчиках³, затем перебрался в Лондон, где стал переводчиком (не очень востребованным). В конце 1960-х он решил использовать начинающийся солженицынский бум – перевёл на английский (вместе с Н. Беттелом) повесть «Раковый корпус»⁴, а затем написал и издал биографию Солженицына⁵. И опять ему не повезло. Появившись на Западе в феврале 1974 г., нобелевский лауреат немедленно начал судиться с нарушителями своих авторских прав. Перевод Солженицын объявил контрафактным, а свою биографию – написанной по заказу КГБ (возродив подозрения по поводу обстоятельств появления Дольберга на Западе). Свои обвинения писатель повторил через 20 с лишним лет, в мемуарах «Угодило зёрнышко меж двух жерновов» (хотя уже в 1960-е гг. на Запад просочились и были там опубликованы розыскные списки КГБ⁶, из которых явствовало, что на родине опасный беглец заочно приговорен к 15 годам лишения свободы).

Неудачи и тяготы эмигрантской жизни Дольберга стали в Лондоне притчей во языцех. Среди литературных следствий его мытарств оказалась публикация романа о русских эмигрантах, которые от отчаянного безденежья решились на авантюру – издать поддельные дневники Лаврентия Берии (прототипом главного героя и был Дольберг, а автором романа – его английский знакомый)⁷. В конце XX века (узнав о своей реабилитации российским правосудием) он приезжал в Москву и познакомился с одним из авторов доклада (Д. Зубаревым). Из социальных сетей известно, что в прошлом году Александр Дольберг встретил в Англии своё восьмидесятилетие.

Второй ласточкой (и, в отличие от первой, со счастливой судьбой) стала Виктория Иванова Кочурова (1926 г.р.). Коренная москвичка окончила столичный институт иностранных языков и получила распределение в бюро обслуживания иностранцев гостиницы «Москва». Первый же постоялец, с которым она встретилась – 40-летний американский ветеран войны – предложил ей руку и сердце. Запрет на браки с иностранцами тогда уже был отменён, однако целых два года миссис Джон Шандор не могла уехать в США. Помогло чудо в духе «Капитанской дочки». На одном из приёмов Джона познакомили с Н.С. Хрущёвым, тот, выслушав историю супругов, поцеловал Джона и приказал немедленно выпустить его Викторину. Так, во всяком случае, излагала версию своего отъезда она сама. В США она стала американской домохозяйкой и... русской писательницей. Под псевдонимом «Алла Кторова» печаталась в ведущих эмигрантских журналах и альманахах⁸, выпустила четыре сборника прозы. Уже с американским паспортом Виктория регулярно приезжала в СССР, навещая родных, чего

из эмигрантских писателей не мог делать более никто. Под своим именем и на английском языке она печатала исследования по русской ономастике в журнале американского ономастического общества «Names». Они объединены в сборнике «Сладостный дар», выдержавшем на родине два издания⁹. На фоне Дольберга удачи Виктории выглядят просто триумфальными: в один из приездов, в разгар горбачевской перестройки, её вечер был устроен в Колонном зале Дома Союзов. «Википедия» сообщает, что она живет в Роквилле, штат Мэриленд.

2. Филологи и становление диссидентства в СССР (1959–1968)

Главный тезис второго раздела нашей работы прозвучит несколько радикально; впрочем, на наш взгляд, есть основания, чтобы назвать это десятилетие в истории отечественного инакомыслия «филологическим». Во всяком случае, это не будет слишком большим преувеличением – ведь почти все громкие «идеологические диверсии» в СССР в эти годы связаны с именами филологов.

События, из которых состоит канва «филологического десятилетия», придется характеризовать довольно схематично.

– 1959 г.: в Париже в переводе на французский язык публикуется трактат с филологическим названием «Что такое социалистический реализм»¹⁰. Публикаторы сообщили, что текст (анонимный) тайно вывезен из СССР. Затем в течение пяти лет на Западе выходит несколько сборников художественной прозы, подписанной псевдонимом «Абрам Терц»¹¹;

– август 1963 г. – октябрь 1964 г.: дело профессора, сотрудника Института мировой литературы АН СССР (далее – ИМЛИ) Ю.Г. Оксмана (1895 – 1970). Его «криминал» – передача за границу (в США, профессору Глебу Струве) нежелательной информации о литературно-общественной жизни в СССР¹²;

– февраль – март 1964 г.: защита «тунеядца» Иосифа Бродского, частное определение суда в адрес свидетелей на процессе – поэтессы Н.И. Грудниной (1918 – 1999, выпускница филфака ЛГУ) и двух ленинградских литературоведов, В.Г. Адмони (1909 – 1993) и Ефима Эткинда (1918 – 1999, в 1974 г. принуждён к эмиграции)¹³;

– октябрь – ноябрь 1964 г.: «завещание академика Варги». В Москве начинает циркулировать памфлет «Российский путь к социализму»¹⁴ об итогах (от смерти Ленина до снятия Хрущёва) и перспективах построения коммунизма в СССР. Под именем покойного академика-экономиста Варги укрылся живой профессор филфака Московского университета Г.Н. Поспелов (1899 – 1992, своё авторство он раскрыл только за год до смерти);

– сентябрь 1965 – март 1966 гг.: арест кандидата филологических наук, сотрудника ИМЛИ Андрея Синявского (1925 – 1997, псевдоним «Абрам Терц»), суд над ним и его другом, писателем Юлием Даниэлем, письма в их защиту, подписанные десятками филологов¹⁵;

– 5 декабря 1965 г.: демонстрация (на площади Пушкина в Москве) в защиту Синявского и Даниэля, в которой участвуют студенты филфака МГУ. Первая манифестация в СССР с правозащитными лозунгами. От этой даты принято вести отсчёт возникновения правозащитного движения в СССР¹⁶;

– март 1967 г.: бегство из СССР другого кандидата филологических наук (и тоже сотрудницы ИМЛИ), Светланы Иосифовны Аллилуевой (1926 – 2011)¹⁷;

– февраль – ноябрь 1967 г.: арест и суд над руководством и членами подпольной группы в Ленинграде под названием «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа». Тогда это была, вероятно, единственная организация, готовившая в течение нескольких лет государственный переворот. Все четверо руководителей – молодые филологи (трое – востоковеды Игорь Огурцов, Борис Аверичкин, Михаил Садо, четвёртый – будущий эмигрант – Евгений Вагин (1938 – 2009), специалист по Достоевскому)¹⁸;

– конец 1967 г. – март 1968 г.: петиционная кампания вокруг «процесса четырёх» – дело Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова и других. Дело прочно связано с процессом над Синявским и Даниэлем (Гинзбург составил и переправил за границу сборник документов об этом процессе, получивший известность как «Белая книга»). В кампании протестов против приговора приняли участие свыше 700 человек, один из её «центров», по мнению властей, был в Институте русского языка АН СССР (далее – ИРЯ)¹⁹;

– апрель 1968 г.: основание на волне петиционной кампании «Хроники текущих событий»²⁰. Первыми её редакторами в 1968–1972 гг. были филологи – литератор и переводчица Наталья Горбаневская (1936 – 2013), поэт и преподаватель литературы Анатолий Якобсон (1935 – 1978) и бывший студент филологического факультета Тартуского университета Габриэль Суперфин (1943 г.р.). Всем трем предстояла эмиграция;

– июнь 1968 г.: бегство из СССР московского литературоведа Аркадия Белинкова (1921 – 1970)²¹;

– 25 августа 1968 г.: знаменитая демонстрация на Красной площади²², среди семерых манифестантов – четверо филологов: сотрудник ИРЯ Константин Бабицкий, кандидат филологических наук, бывшая аспирантка ИРЯ Лариса Богораз (1929 – 2004), Наталья Горбаневская (о ней сказано выше) и ленинградец Виктор Файнберг (1931 г.р.) – тоже будущий эмигрант;

– май 1969 г.: основание первой правозащитной ассоциации – Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Среди её членов – четверо филологов: Горбаневская, переводчик с итальянского Юрий Мальцев (1932 г.р.)²³, сотрудница ИРЯ Татьяна Ходорович (1921 г.р.) и тот же Якобсон – все они оказались затем в эмиграции²⁴.

Несколько цифр, которые показывают филологическое представительство в самом массовом проявлении интеллигентского протеста тех лет – петиционной кампании вокруг «процесса четырёх». По подсчетам историка Андрея Амальрика, под письмами в защиту арестованных поставили подписи 738 человек. Из произвольно выбранных ста подписей²⁵ 28 принадлежат филологам, а 8 – будущим эмигрантам. Если экстраполировать эти подсчёты на весь корпус подписей, то число филологов может составить около 200, из них примерно 50 (около четверти) – тех, кому предстояло покинуть СССР.

И последний штрих: сам термин «диссидент» был предложен для обозначения советских инакомыслящих московским филологом Леонидом Пинским (1906 – 1981)²⁶.

3. «Исход» (1968–1985) и его формы

«Хроника текущих событий», в создании и в издании которой сыграли важную роль филологи, стала первым отечественным изданием в жанре правоза-

щитного мониторинга и публицистики. В наши дни это ценный исторический источник о диссидентской активности и политических преследованиях в СССР.

Именно на страницах «Хроники...» на протяжении 15 лет (1968–1983) тщательно фиксировалось новое явление в жизни общества – массовая эмиграция из СССР. Это явление получило название «третьей волны российской эмиграции XX века». И филологи занимают в ней видное место.

Основу третьей волны составили люди, которые смогли уехать из СССР во многом благодаря Еврейскому эмиграционному движению, громко заявившему о себе в 1970 году. Если первые два года власть только осознавала масштаб проблемы – начало массового «исхода» интеллигенции, а осознав, ввела в 1972 г. налог на отъезжающего с высшим образованием, то после провала этой затеи (налог пришлось отменить) за границу хлынул людской поток.

В «Мемориале» уже несколько лет идёт работа над подготовкой научного издания «Хроники...»²⁷. Одним из самых объёмных элементов справочного аппарата к изданию стал комментированный именной указатель – в нём свыше 10 000 позиций. В этом указателе представлены краткие биографии филологов-эмигрантов, а в самой «Хронике...» есть возможность найти информацию об их участии в диссидентской активности, а также об обстоятельствах отъезда из Советского Союза.

Можно даже составить своеобразную классификацию этих обстоятельств: бегство (Аркадий Белинков),

отъезд после отсидки (Синявский, Горбаневская),

выдавливание угрозами (Анатолий Якобсон, Ефим Эткинд, Сергей Дедюлин (1950 г. р.)²⁸, Габриэль Суперфин),

разрешение отъезда в командировку и лишение гражданства (Лев Копелев (1912 – 1997); впрочем, этому отъезду предшествовало 10 лет преследований, включая изгнание из КПСС и из Союза писателей).

Борьба за выезд преимущественно представлена в «Хронике...» участием филологов в Еврейском эмиграционном движении. Это отдельная тема (её касался на нашей конференции в своем докладе Димитрий Михайлович Сегал²⁹), поэтому ограничимся пунктирным упоминанием. В репортажах «Хроники...» описаны отъезд и предотъездные мытарства Михаила Занда (1927 г. р.) и Виталия Рубина (1923 – 1981). Китаист Виталий Рубин наряду с активностью в Еврейском движении стал участником известной правозащитной инициативы – он вошел в число основателей Московской Хельсинкской группы (1976)³⁰.

Когорта филологов-эмигрантов в «Хронике...» не так велика – около полусотни имён. Но, как видно из предыдущего раздела, в ней представлены ключевые фигуры советского инакомыслия. При этом стоит помнить, что «Хроника...» не была литературоведческим изданием. Если в её репортажи попадала информация о научной деятельности филолога, то лишь в тех случаях, когда она была связана с основными темами «Хроники...» – независимая общественная или творческая активность, политические преследования и контроль.

Упоминания официально изданных в СССР работ филологов появлялись на страницах «Хроники...» именно в связи с их отъездом за границу. Это происходило в репортажах о приказах Главлита об изъятии книг эмигрантов из библиотек и книгопродажи (Белинков – выпуск 20 (1971), Синявский, Эткинд – выпуск 35 (1975)).

И всё же после отъезда за границу человек (не только филолог), как правило, оказывался вне фокуса внимания редакции. Кроме того, напомним и другое ограничение: «Хроника...» выпускалась до 1983 года.

В «Мемориале» (в партнёрстве с польским историческим центром «Карта») был осуществлён ещё один проект, который тоже включает в себя данные о «филологической плеяде» третьей волны эмиграции. Его результатом стала рукопись словаря «Биографический словарь активистов диссидентских движений в СССР и Восточной Европе». В повседневном общении участники проекта называли его проще – «Словарь диссидентов». Словарь опубликован пока только на польском языке³¹. В разделе «СССР» (сокращённом для польской версии) опубликовано 10 статей о филологах-эмигрантах. Часть статей «Словаря» (как включённых, так и не включённых в польское издание) была напечатана в 2004 в журнале «Новое литературное обозрение» (с библиографией, дополненной редакцией журнала).

Суммируем сказанное. Хотя реконструкция зарубежного периода в биографиях филологов-эмигрантов требует обращения к дополнительным источникам, тем не менее, материалы проектов Программы «История инакомыслия в СССР» могут послужить для создания словника к филологической когорте будущего справочника об эмиграции третьей волны. И не только к этой когорте.

* * *

Научная судьба профессиональных филологов в эмиграции, как правило, складывалась удачно. Лев Копелев в Германии выпустил 9 книг, объездил с лекциями Европу и США, закончил свои многотомные мемуары. Стали уважаемыми немецкими профессорами ленинградцы Игорь Смирнов и бывший активист питерского Самиздата Борис Гройс³². Много лет преподавали: в Сорбонне – Андрей Синявский (издал после отъезда три своих лекционных курса и пять книг от лица своей литературной маски – Абрама Терца³³), в Нантере³⁴ – Ефим Эткинд (был одним из инициаторов выпуска многотомной истории русской литературы, подготовленной международным научным коллективом³⁵). Из филологов, уехавших в Израиль, следует отметить ученика Андрея Синявского, бывшего рижанина Лазаря Флейшмана (1944 г. р.), ставшего ведущим в мире пастернаковедом, а после переезда в США – признанным лидером американской русистики.

Были и печальные исключения. Покончил с собой в Израиле Анатолий Якобсон³⁶, не вписался в академическую науку и после десятилетних странствий по Европе ушёл в добровольное кёльнское затворничество Леонид Чертков (1933 – 2000)³⁷.

Помимо монографий, филологи третьей волны активно включились и в редакторскую деятельность на трёх континентах – в Европе, Северной Америке (США и Канада) и в Азии (Израиль). Помимо изданий «старой» эмиграции, которые возглавили новоприбывшие, бурно расцвела и литературная журналистика собственно третьей волны.

Для того, чтобы её охарактеризовать, необходима специальная работа. Альманахов и журналов литературного направления или с литературной компонентой появилось более десятка. Отметим их необыкновенно широкий идейно-культурный диапазон – от крайне правого и едва ли не черносотенного «Веча» до постмодернистской полупорнографической «Мулеты».

Издания «старой» эмиграции:

«Новый журнал» (Нью-Йорк) – Юрий Кашкаров (1943 – 1994) (редактор 1986–1994);

«Вестник РХД» (Париж) – Владимир Аллой (1945 – 2001) (заместитель главного редактора 1977–1981);

Литературное приложение к газете «Русская мысль» (Париж) – Сергей Дедюлин (редактор 1985–1991);

«Современник» (Торонто) – Александр Гидони (1936 – 1989) (редактор 1977–1988);

«Грани» (Франкфурт-на-Майне) – Георгий Владимов (редактор 1984–1986).

«Новые» журналы/альманахи:

«Новый колокол» (Нью-Йорк, 1972) – А. и Н. Белинковы;

«Сион» (Тель-Авив, 1976–1978) – Р. Нудельман³⁸;

«АполлонЪ-77» (Париж) – М. Шемякин и К. Кузьминский (1940 г. р.)³⁹;

«Синтаксис» (Париж, с 1978) – М. Розанова и А. Синявский;

«Гнозис» (Нью-Йорк, 1978–1979) – А. Ровнер и Л. Чертков;

«Двадцать два» (Тель-Авив, 1978–1994) – Р. Нудельман;

Антология «У Голубой лагуны» (Ньютонвилл, 1980–1986) – К. Кузьминский;

«Вече» (Мюнхен, 1981–1991) – Е. Вагин⁴⁰ и О. Красовский;

«Мулета» (Париж, 1984–1991) – Толстый (В. Котляров) (1937–2013) и К. Кузьминский;

«Минувшее» (Париж, 1985–1992, М.-СПб. – 1993–1998) – В. Аллой;

«Ахматовский сборник» (Париж, 1989) – Г. Суперфин и С. Дедюлин.

Если началом исследуемого периода отечественной истории мы считаем февраль 1956 г. (XX съезд КПСС), то его концом – март 1985 г. (приход к власти Горбачёва). В 1987 г. снимаются цензурные запреты на упоминание имён покойных литераторов и учёных-эмигрантов, а в 1988 г. пришла очередь живых. Первыми, кто стал печататься в СССР и ездить на родину, стали Лев Копелев, Андрей Синявский и Ефим Эткинд⁴¹ (Копелев успел включить советских литературоведов и историков в свой грандиозный «Вуппертальский проект» – многотомное описание тысячелетней истории «взаимного узнавания русских и немцев»⁴²). Филологи-эмигранты начали участвовать в российской научной жизни, что продолжают делать до настоящего времени. Так, на прошедшей в Москве в июне 2014 г. Большой международной Бабелевской конференции шестеро докладчиков были эмигрантами 3-й волны (трое представляли Израиль, двое – США, один – Францию)⁴³.

4. Три портрета

В завершение доклада мы хотим представить биографии трёх филологов одного поколения, представляющих три филологических центра – Москву, Ленинград и Тарту.

Александр Евгеньевич Сумеркин (1943 – 2006). В 1965 г. окончил романо-германское отделение филологического факультете МГУ, работал переводчиком-синхронистом. В 1977 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. Работал в «Новом журнале», ушёл оттуда и вскоре составил и выпустил альманах «Портфель»⁴⁴. В издательстве «Руссика», где он был единственным

сотрудником, подготовил и выпустил комментированное семитомное собрание сочинений Марины Цветаевой (5 томов стихотворных текстов и два тома прозы)⁴⁵ и трёхтомное собрание стихов и песен Владимира Высоцкого (за десять лет до того, как подобные издания появились на родине). В 1987 г. под его редакцией вышел библиографический справочник, являющийся одним из основных источников по исследуемой нами теме⁴⁶. После смерти Бродского подготовил и опубликовал (вместе со Львом Лосевым) собрание сочинений поэта, перевёл на русский его англоязычную прозу⁴⁷.

Владимир Ефимович Аллой (1945 – 2001). В начале 1970-х гг. ушёл с филологического факультета Ленинградского университета, работал сторожем, занимался собиранием бардовской песни и ксерокопированием книг русских эмигрантов для Самиздата. В 1975 г. эмигрировал, с 1976 г. жил в Париже. В 1977–1981 – заместитель главного редактора «Вестника русского христианского движения», в 1978–1981 – директор издательства «ИМКА-пресс» (под его руководством выпущено около 100 книг, в том числе первое книжное издание повести «Москва-Петушки»). На основании своей коллекции подготовил и выпустил магнитоальбом «Песни русских бардов» (более 1000 песен, 40 часов звучания) и их тексты (четыре выпуска, тексты и записи Высоцкого и Галича авторизованы)⁴⁸. В 1982–1984 гг. – директор и практически единственный сотрудник издательства «La Presse Libre» при газете «Русская мысль» (среди изданных там книг – подготовленный неофициальным ленинградским поэтом и будущим эмигрантом Ю. Колкером двухтомник В. Ходасевича). В 1985 г. основал издательство «Atheneum» и начал публикацию исторических альманахов «Минувшее» (за 13 лет издал 25 томов). В начале 1987 г., первым из эмигрантов третьей волны, съездил в СССР, а в 1990 г. перенёс туда издание «Минувшего». Создал в России издательство «Феникс», инициировал выпуск исторических альманахов «Звенья», «Лица», «Невский архив», «Ярославский архив» (всего издал около 50 архивно-публикаторских томов). Незадолго до трагической гибели выпустил первый том исторического альманаха «Дiaspora»⁴⁹.

Габриэль Гаврилович Суперфин (1943 г. р.), о котором уже говорилось как об одном из редакторов «Хроники». Учился на историко-филологическом факультете Тартуского университета (1964–1969). Ещё в студенческие годы сделал ряд публикаций по общему и русскому языкознанию, древнерусской литературе, русской поэзии XX века, в 1969 отчислен по представлению КГБ и вернулся в Москву. Помимо работы в «Хронике», написал и передал в Самиздат первую основанную на архивных источниках работу по истории советской цензуры, помогал Солженищину в работе над «Красным колесом» библиографическими и архивными изысканиями. Летом 1973 г. арестован, в мае 1974 г. осуждён к 5 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки (одним из пунктов обвинения была публикация за рубежом, под псевдонимом, статьи об О. Мандельштаме)⁵⁰. В пермском лагере, Владимирской тюрьме и казахстанской ссылке продолжал исследовательскую работу. После освобождения не получил разрешения вернуться в Москву, жил в Тарту, работал в газетном киоске, печатал под псевдонимом научные статьи. В 1983 г. уволен с работы и после беседы с сотрудником КГБ принял решение об эмиграции (от которой отказывался более 10 лет). Так он стал едва ли не последним эмигрантом-филологом времён застоя.

Поселился в Германии. В 1984–1994 гг. работал в Мюнхене в Отделе Самиздата радиостанции «Свобода», подготовил ряд ценных научных и справочных изданий (среди прочего, установил авторство загадочного «Романа с кокаином», вокруг которого в эмиграции велась ожесточённая полемика)⁵¹. В 1995–2008 гг. – архивариус Исторического архива Института изучения Восточной Европы при Бременском университете (создал одно из крупнейших в Европе хранилищ документов по российской истории и культуре XX века). Фонды филологов – эмигрантов третьей волны составляют в нём важнейшую часть⁵².

Все трое не защитили диссертаций, но к каждому можно отнести слова, сказанные про одного из них: их жизнь – это тихий филологический подвиг.

Авторы благодарят И.А. Ахметьева, С.В. Дедюлина за ценные уточнения и признательны Н. Васильевой и сотруднику «Мемориала» Олегу Шубину за помощь в составлении библиографического аппарата к работе, в оформлении сносок и в интернет-поиске.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», насколько нам известно, – единственная структура в России, уже более 20 лет последовательно изучающая постсталинское диссидентство. См. веб-страницу Программы: <http://www.memo.ru/d/60.html>

² *Зубарев Д.* Из жизни филологов. 4. Опасный беглец // Новое литературное обозрение (далее – НЛО). 1997. № 24. С. 283–287.

³ См., например: *Бурге Д.* О советской подпольной литературе // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1962. № 7/8.

⁴ *Solzhenitsyn A.* *Cancer Ward* / Transl. by N. Bethell and D. Burg. Lnd.: Sidney: Bodley Head, 1968–1969. Vol. 1–2; 2nd ed. Lnd.: Bodley Head, 1970; 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1971.

⁵ *Burg D., Feifer G.* *Aleksandr Solzhenitsyn. Biography.* Lnd., 1972.

⁶ Републ.: Живая связь имён // Родина. 1992. № 10 (см. <http://bagira.nl/zhurnaly/rodina/1992-10/zhivaya-svyaz-imyon.html>). Впрочем, существуют свидетельства о «продвижении» подобных списков на Запад (см., например: *Туманов О.* Призвания агента КГБ // http://ohranka.com/2013/07/%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B3-%D1%82%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0-%D0%BA%D0%B3%D0%B1-2)).

⁷ *Williams A.* *The Beria papers.* Lnd.: Blond & Briggs, 1973; N.Y.: Simon and Schuster, 1973. Есть три перевода на русский: *Уильямс А.* Дневники Берия: роман. М.: Худож. лит., при участии кооператива «Диапазон», 1992; Омск: Кн. изд-во, 1991; М.: Стикс [1993].

⁸ Первая публикация: *Кторова А.* Дом рабыни (сцены московской жизни) // Мосты (Мюнхен). 1961. № 7.

⁹ *Кторова А.* Сладостный дар: Рассказы об именах, фамилиях и названиях в русской и иноязычной речи. М., 1995; *Кторова А.* Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ. М., 2002.

¹⁰ *Le réalisme socialiste* // *L'Esprit* (Paris). 1959. Février. P. 335–367.

¹¹ *Терц Абрам.* Суд идёт: повесть. Мюнхен, 1960; *он же:* Фантастические повести. Париж, 1961; *он же:* Любимов: повесть. Вашингтон, 1964; *он же:* Мысли врасплох. Нью-Йорк, 1966.

¹² См.: *Зубарев Д.* Из жизни литературоведов. 1. «Человек старого закала» // НЛО. 1996. № 20. С. 145–148; *он же:* Оксман Юлиан Григорьевич (из «Словаря диссидентов») // Там же. 2004. № 67. С. 425–427.

¹³ *Резникова А.* Эткинд Ефим Григорьевич (из «Словаря диссидентов») // Там же. № 68. С. 397–399.

¹⁴ Опубликован через несколько лет на Западе: *Варга Е.* Российский путь перехода к социализму // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1968. № 68. С. 137–156; № 69. С. 134–153. См. юбилейный сборник: Живая мысль: к 100-летию со дня рождения Г.Н. Пospelова. М., 1999.

¹⁵ См.: Белая книга по делу А. Синяевского и Ю. Даниэля / сост. А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967; Цена метафоры, или преступление и наказание Синяевского и Даниэля / сост. Е. Великанова. М., 1989; *Зубарев Д.* Из жизни литературоведов. 2. «У нас есть враги среди нас» // НЛО. 1996. № 20. С. 148–176; *он же:* Встречный бой // Там же. 1998. №30. С. 135–164.

¹⁶ 5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС / сост. Г. Кузовкин, Д. Зубарев, Н. Костенко, С. Лукашевский, А. Паповян; общ. ред., предисл., вступ. заметки к главам А. Даниэля. М., 2005.

¹⁷ См.: *Аллилуева С.* Только один год. N.Y.: Evanston, 1969; Репринт: М., 1990 (воспоминания о работе автора в ИМЛИ в 1954–1966 гг. – на с. 142–150, 154–155, о Снявском – с. 242–247). См. также: *Зубарев Д.* Из жизни литературоведов. 2. «У нас есть враги среди нас». С. 148–176.

¹⁸ ВСХСОН: Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж, 1975; К истории ВСХСОН. (От редакции) // Вече (Мюнхен). 1997. № 59. С. 87–89. О Вагине см.: *Постников А.Б.* Памяти русского христианского мыслителя Евгения Александровича Вагина (1938 – 2009). Псков – Рим // <http://www.derjavapskov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemaall/vagin/3211>

¹⁹ См. Процесс четвёртых: сб. материалов по делу А. Гинзбурга, Ю. Галанского, А. Добровольского и В. Лашковой / сост. и авт. коммент. П.М. Литвинов. Амстердам, 1971. Перевод на английский язык: *The Trial of the Four: A Coll. of Materials on the Case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky & Lashkova*, 1967–68 / compl., with comment. by P. Litvinov. N.Y., 1971.

²⁰ См.: Хроника текущих событий. Переизд. в 2 кн. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1979. [Кн. 1]: Вып. 1–15; [Кн. 2]: Вып. 16–27; Хроника текущих событий / отв. ред. П. Литвинов. Нью-Йорк: Хроника, 1974–1983. 1974. Вып. 28–34; 1975. Вып. 35–38; 1976. Вып. 39–43; 1977. Вып. 44–47; 1978. Вып. 48–49; 1979. Вып. 50–52; 1980. Вып. 53–56; 1981. Вып. 57–58, 60–61; 1982. Вып. 62; 1983. Вып. 63–64; Хроника текущих событий. Вып. 65 // <http://www.memo.ru/history/diss/chr/XTC65-0.htm>

²¹ После его смерти были изданы: Новый колокол : лит.-публ. сборник / основатель А. Белинков, ред. Н. Белинкова. Лондон: The New Bell, 1972. Переиздание (М., 1994) и вывезенная на Запад монография: *Белинков А.* Сдача и гибель советского интеллигента : Юрий Олеша. Мадрид, 1976; то же. М., 1997.

²² См. о ней: Поленев: дело о демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади / авт.-сост. Н.Е. Горбаневская. Франкфурт-на-Майне, 1970; то же. М., 2007.

²³ См. о нем: *Паповян А.* Мальцев Юрий Владимирович (из «Словаря диссидентов») // НЛО. 2004. № 67 (3). С. 418–419.

²⁴ См. о ней: Инициативная группа по защите прав человека в СССР: сб. док. Нью-Йорк, 1976; Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР / сост. Г. Кузовкин, А. Макаров. М., 2009 // <http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html#1.%d0%9e%D1%82%a20%d1%81%d0%be.%d1%81%82%aD0%b0%aD0%b2%aD0%b8%aD1%82%aD0%b5%aD0%bb%aD0%b5%aD0%b9%7Coutline>

²⁵ Подсчёты выполнены по упомянутой в сноске 19 кн.: *The Trial of the Four. Appendix 6. Signatories to Letters and Appeals*. P. 399–406.

²⁶ См.: *Зубарев Д., Кузовкин Г.* Пинский Леонид Ефимович (из «Словаря диссидентов») // НЛО. 2004. № 67 (3). С. 427–429.

²⁷ *Кузовкин Г.* Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения Самиздата // *Acta samizdata / Записки о самиздате: альм.: пилотный выпуск.* М.: ГПИБ; Междунар. «Мемориал»: Звенья, 2012. С. 26–45. Материалы научного издания размещаются на сайте-лаборатории (<http://hr2.memo.ru/w/>).

²⁸ См. юбилейный сборник в его честь: Декабрьский сбор друзей (к 9.XII.2010). Приложение к журналу «Другой гид» (Париж). 2010. № 12. См. также: Самиздат Ленинграда (далее – СЛ). 1950-е – 1980-е: Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д.Я. Севергохина. М., 2003. С. 170–171.

²⁹ О том, что филолог-эмигрант Д.М. Сегал будет председательствовать на секции, в которую включён наш доклад, стало известно незадолго до начала конференции. И в устной версии доклада это совпадение несколько раз обыгрывалось, например, здесь была ремарка: «Кстати, “Хроника” не заметила отъезда Дмитрия Михайловича, но упомянула о нем во 2-м выпуске (1968), в списке преследуемых “подписантов”»:

“ДМИТРИЙ СЕГАЛ, лингвист, Институт славяноведения, письма 31-го, 170-ти, отложена на неопределённый срок защита диссертации” (цит. по: hr2.memo.ru/wiki/XTC_2/ Внесудебные политические репрессии 1968 года. Список/69).

³⁰ См. о ней: Документы Московской Хельсинкской Группы, 1976–1982. М., 2001; то же: М., 2006; К истории Московской Хельсинкской Группы (воспоминания, документы ЦК КПСС, КГБ и другие материалы). М., 2001.

³¹ *Słownik dysydentów : Czolowe postacie ruchów opozycyjnych biograficzny, 1956–1989.* Warszawa: KARTA, 2007. Т. 1–2: ZSSR. О проекте см. на web-странице Программы, гиперссылка приведена в сноске 1.

³² См.: С.Л. С. 162–164.

³³ О Снявском-литературоведе см.: *Раткина Т.* Из Дубровлага на Елисейские поля: фантастическое литературоведение в оценках эмигрантской и зарубежной критики // Прогулки с Андреем Снявским: Витерные ист.-лит. чтения, посв. А.Д. Снявскому (Абраму Терцу): международная конф., Москва, 21–22 апр. 2008 г.: материалы конф. / ред.-сост. Н.Н. Рубинштейн. М., 2011. С. 135–143; *Зубарев Д.* «Голос из хора» как филологическая Энциклопедия // Там же. С. 92–97.

³⁴ Благодарим за это уточнение С.В. Дедюлина.

³⁵ *Histoire de la littérature russe / Ouvrage dirigé par Efim Etkind ... [et al.]. [Paris]: Fayard, 1987–2005.* Vol. 1; Vol. 2, pts. 1–2; Vol. 3, pts. 1–3.

³⁶ См. о нём: *Кузовкин Г.* Якобсон Анатолий Александрович (из «Словаря диссидентов») // НЛО. 2004. № 68 (4). С. 399–401.

³⁷ См. о нём: *Зубарев Д.* Леонид Натанович Чертков (из «Словаря диссидентов») // Там же. 2001. № 47. С. 114.

- ³⁸ См. о нём: *Чарный С.* Нудельман Рафаил Эльевич (из «Словаря диссидентов») // Там же. 2004. № 67 (3). С. 424–425.
- ³⁹ См.: СЛ. С. 238–240.
- ⁴⁰ См. сноску 18.
- ⁴¹ См.: Литература Русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций. М.: Рудомино, 1993. Вып. 1, ч. 1. С. 240–242 (Копелев); М.: Рудомино, 1993. Вып. 1, ч. 2. С. 59–63 (Синяевский), 293–294 (Эткин).
- ⁴² *Драбкин Я.С.* Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». М., 2002.
- ⁴³ Из Израиля – Зеев Бар-Селла (в СССР – Владимир Назаров), Михаил Вайскопф и Татьяна Лившиц-Азас, из США – Александр Жолковский и Григорий Фрейдин, из Франции – Эмиль Коган. См. программу: И. Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: Международная науч. конф., 23–26 июня 2014 г. М., 2014.
- ⁴⁴ Портфель: Литературный сборник / ред.-сост. А. Сумеркин. Dana Point, 1996.
- ⁴⁵ *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. В 5 т. N.Y.: Russica, 1980–1983. Т. 1–5; *Цветаева М.* Избранная проза. В 2 т. N.Y.: Russica, 1979. Т. 1–2.
- ⁴⁶ *Stefanovic B., Wertsman V.* Free Voices in Russian Literature, 1950 s – 1980 s. A Bio-Bibl. Guide. N.Y.: Russica, 1987.
- ⁴⁷ См. о нём: *Машицкая И.* О Саше // НЛО. 2007. № 85 (3). С. 240–241.
- ⁴⁸ Песни русских бардов: тексты: Сер. 1. Paris: YMCA-PRESS, 1977; то же: Сер. 2–4. Paris: YMCA-PRESS, 1978.
- ⁴⁹ См. о нём: *Зубарев Д.* Владимир Ефимович Аллой. Биографическая справка. Краткая библиография // НЛО. 2001. № 48. С. 74–78; In *Memoriam: Сб. памяти Владимира Аллой* / сост. Т.Б. Притыкина, О.А. Коростелёв. СПб: Феникс, Париж: Atheneum, 2005.
- ⁵⁰ *Дальний Г.* По поводу трёхтомного собрания сочинений О. Мандельштама // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 140–146.
- ⁵¹ *Суперфин Г., Сорокина М.* Был такой писатель Агеев: Версия судьбы // Минувшее: Исторический альманах. М.: Феникс, 1994. Вып. 16. С. 265–288.
- ⁵² См. о нём: *Зубарев Д.* Суперфин Габриэль Гаврилович (из «Словаря диссидентов») // НЛО. 2004. № 68 (4). С. 385–387, а также электронный сборник «Габриэлиада» (2008) <http://www.ruthenia.ru/document/545599.html>

В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских учёных-историков и последствия для исторической науки

Аннотация: События 1917–1923 гг. привели к эмиграции многих учёных Российской империи, вследствие чего Одессу, как один из научно-образовательных центров, покинула плеяда видных учёных-историков, а вместе с ними перестали исследоваться многие направления исторической науки. Учёные продолжили трудиться в разных научно-образовательных центрах мира, развивая определённые научные направления, а их судьбы и научное наследие, в первую очередь по идеологическим причинам, не получили объективной оценки в советской историографии. Данное исследование призвано восполнить пробел и дать комплексную оценку причинам и последствиям эмиграции одесских учёных-историков.

Annotation: Events of 1917–1923 led to the emigration of many scholars from the Russian Empire. It resulted a huge exodus of prominent historians from Odessa, and ceased the exploration of a lot of areas of historical science. Scholars continued to work in various scholar and educational centers of the world, developing specific research areas. Their fate and scientific heritage, primarily due to ideological reasons were not assessed objectively in Soviet historiography. This study aims to fill this gap and provide with a comprehensive assessment of the causes and consequences of emigration of Odessa historians.

Ключевые слова: учёные, историки, Одесса, эмиграция, судьбы, научные школы, адаптация, творческое наследие.

Key words: scholars, historians, Odessa, emigration, fate, science schools, adaptation, heritage.

Много говорим мы об интеллигенции и всё никак не можем наговориться. Причин этого несколько. Во-первых, мы сами принадлежим к интеллигенции. В сущности, это вопрос нашего самоопределения. Во-вторых, объективно рассуждая, нужно признать, что это вопрос чрезвычайной сложности и жизнь может ежемесячно, если не ежедневно, выдвигать всё новые и новые стороны в этом вопросе.

Слова литературоведа, представителя российского демократического научного сообщества П.Н. Сакулина (1868 – 1930), произнесённые 10 марта 1925 г. в Москве, в Большом зале консерватории, во время диспута о судьбах российской интеллигенции², символичны и отображают место и роль интеллектуалов в политике советской власти. С одной стороны, они несут печать политической одномерности, заданности и предопределённости, с другой – осознание уровня сложности и односторонности в отношениях власти большевиков и интеллигенции, наличия проблем в плоскости данных связей, что ведёт к появлению «всё новых и новых сторон в этом вопросе», а с третьей – они оказались проческами. Ведь на протяжении последних почти ста лет с завидным постоянством появляются новые вопросы в области истории интеллигенции, а их изучение стало одним из приоритетных направлений современной мировой историографии, которое составило самостоятельное научно-исследовательское направление – интеллигентоведение. Один из аспектов этого направления составляет история интеллигенции за рубежом, который связан с послеоктябрьской эмиграцией значительного числа интеллектуалов и формированием отдельного ландшафта российской интеллигенции – российского зарубежья.

Слова П.Н. Сакулина были произнесены в 1925 г., когда значительная часть субъектов российской интеллигенции, ярких и незаурядных личностей, влияние которых на формирование общественно-культурной атмосферы в стране, на настроения и позиции отдельных групп и слоёв населения было велико, незадолго до этого вынужденно покинули Родину ради спасения своих жизней, и на тот момент находились в поиске новых мест проживания и трудоустройства, путей реализации своего творчества и идей сохранения российского культурного наследия. Эти явления стали следствием первой волны российской эмиграции, произошедшей в период между 1917 и 1923 г., которая также имеет условное хронологическое деление на два этапа (первый – 1917–1920 гг., второй – 1921–1923 гг.), отличающиеся, в свою очередь, не только по времени, но и характерными особенностями.

Российская эмиграция первой волны, её история, культурный потенциал и человеческие судьбы за последнюю четверть века стали объектом исследования учёных разных областей социогуманитарных наук. Органической частью российского зарубежья является эмигрантское научное сообщество, которое стало пространством социализации и адаптации учёных-эмигрантов, обеспечившее им вхождение в социально-экономическое и культурное пространство новых государств и сохранение национальной идентичности, ментальности и культуры. Без воссоздания этой страны истории российской эмиграции первой волны немисливо целостное и объективное представление о сложных путях развития науки в первой половине XX в. Среди научной интеллигенции особенно подверженными общественно-политическим изменениям были и остаются представители исторической науки, которая никогда не была «автономной» (самостоятельной, неангажированной) наукой. Во все времена историкам крайне редко удавалось работать в тиши кабинета, не поддаваясь прессингу со стороны власти, политических течений, идеологических кампаний, догматических теорий. В исследуемый период условия жизнедеятельности учёных-историков, в том числе и представителей одесского научного центра, также комфортными не назовешь. На разных этапах они отличались общественно-политическими

трансформациями, обстоятельствами адаптации, формами организационной структуры, где осуществлялась деятельность, системой социальной защиты, корпоративной культурой. К тому же учёным-историкам, равно как и всем гуманитариям, специализирующимся на изучении русского языка, литературы и истории, было сложнее найти применение своему академическому опыту в других странах мира, чем представителям точных наук.

В связи с этим в статье планируется полномащтабно оценить картину интеграции учёных-историков Одессы в условиях эмиграции первой волны в интеллектуальные сообщества других государств и восстановить некоторые абзацы ненаписанной (пропущенной, удалённой) странички истории исторической науки. Обобщение профессиональной деятельности одесских учёных-историков в указанных условиях является важным вопросом для истории интеллигентоведения в контексте понимания специфики профессиональной адаптации, определения их места и роли в формировании русского зарубежья, выделения основных центров профессиональной деятельности. В качестве предмета изучения выделен научно-педагогический аспект деятельности историков в первой половине XX в., позволяющий комплексно рассматривать их участие в работе историко-научных объединений русской диаспоры, в рамках организационных структур мировой исторической науки.

Историографический анализ проблемы свидетельствует, что к настоящему времени немало сделано для изучения культурного пространства русского зарубежья, для комплексного анализа и оценки вклада эмиграции «первой волны» в мировую культуру, в том числе в историческую науку. Историографическую основу изучения профессиональных судеб учёных-историков Одессы заложили в 1920-х гг. представители русского зарубежья в Европе. Историкам по праву принадлежит заслуга в том, что они не замкнулись и не изолировались, а в тяжелейших условиях занялись упорядочиванием и регистрацией научных плодов деятельности коллег по профессиональному цеху. Одним из первых, кому были посвящены биоисториографические очерки, стал Н.П. Кондаков³. Обозначенная традиция историографической рефлексии впоследствии была продолжена в 1930-е гг. стараниями А.В. Флоровского⁴, С.В. Троицкого⁵ и др. В советской историографии масштабное изучение темы истории русского зарубежья было невозможным.

В современной историографии изучение истории эмиграции интеллигенции, вне сложившихся стереотипов советской историографии, началось в последние годы XX в. В этих публикациях подвергалась критике политика советской власти относительно интеллигенции, внимание акцентировалось на ранее замалчиваемых трагических обстоятельствах деятельности и судеб учёных в условиях трансформированных общественно-политических процессов изучаемого периода. На рубеже XX–XXI вв. в научной литературе появилось значительное количество публикаций, посвящённых истории русского зарубежья, где в общем перечне учёных-историков встречаем отдельные имена одесских интеллектуалов. В свою очередь, эти работы следует разделить на два блока (они отличаются особенностями интереса к проблемам эмиграции, источниковой базой, методологией исследований) – российский⁶ и зарубежный⁷. Достаточно подробно в историографии описана история второго этапа русской эмиграции первой волны (1921–1923 гг.), вошедшая в анналы но-

вейшей истории под названием «Философский пароход»⁸. Некоторые маркеры эмиграции первой волны относительно одесских историков представлены в многочисленных биографических очерках⁹ и статьях энциклопедического характера в различных по формату справочных изданиях¹⁰. Более поздний блок исследований по вопросам эмиграции одесских учёных – украинский, который в силу политических причин возник относительно недавно¹¹. Но в целом синтетического исследования этой проблемы в историографии проведено не было. Исключение составляют несколько работ, которые по касательной, с обозначением отдельных штрихов, приподнимают завесу в изучении данной проблематики¹². В целом изучение судеб одесских историков-эмигрантов стало проблемным полем новейшей историографии. Уточняется роль одесских учёных в развитии европейских центров исторической науки. Формируется и изучается библиография творческого наследия отдельных историков, что в частных случаях приводит к формированию новых исследовательских направлений в исторической науке, например, бициллиеведения¹³.

В целом все указанные наработки дают возможность реконструировать лишь неполную картину судеб учёных-историков Одессы в условиях первой волны российской эмиграции. К тому же, несмотря на то, что одесская научная диаспора историков представляет культурное явление международного масштаба, до настоящего времени не определены в полной мере её количественные и качественные характеристики в контексте наследия российского зарубежья. Проблема интеллектуальной эмиграции продолжает оставаться открытой для изучения всех её составляющих и нюансов.

Историографическая база предоставленного исследования основана на изучении опубликованных источников и архивных документов, биографических очерках и общих работах относительно данной проблематики. Ценными источниками по истории эмигрантской исторической науки располагает Архив РАН, где содержатся личный фонд А.В. Флоровского¹⁴ и эпистолярное наследие историков-эмигрантов¹⁵.

Собранные к настоящему времени материалы позволяют ввести в научный оборот новые архивные данные из истории становления профессионального сообщества российских историков-эмигрантов на примере одесских гуманитариев. А также выяснить причины эмиграции, реконструировать ход адаптации, восприятие новых условий социально-экономической среды проживания, участие и роль в процессе формирования и деятельности европейских центров исторической науки, дополнив уже существующую историографию проблемы.

В предложенном исследовании категория «одесские учёные-историки» используется во множественном числе и обозначает тех, чьи биографические данные соответствовали критериям: российской лингвогенетической принадлежности; историко-филологической специализации; факту проживания и академического опыта¹⁶ деятельности в Одессе на момент эмиграции. В связи с тем, что в статье рассматриваются традиции исторической науки российско-зарубежья, представители которой идентифицировали себя с российской культурой, мы используем термин «российская эмиграция».

Интегрирование учёных-историков Одессы в научное сообщество российского зарубежья в условиях первой волны эмиграции происходило двумя этапами. В период первого этапа причинами исхода интеллектуалов из страны

стали события революций 1917 г., Первой мировой и Гражданской войн и захват власти большевиками, что привело к появлению огромного числа беженцев из Российской империи, в том числе и представителей интеллигенции. В условиях военно-революционных событий с возрастающим экономическим кризисом в 1917–1919 гг. научная система в Одессе трансформировалась из имперской в самостоятельную локально-региональную инфраструктуру. Высшая школа Одессы за неполные три года, вследствие частых смен властей (с февраля 1917 по февраль 1920 г. менялась девять раз), находилась в состоянии постоянной реорганизации¹⁷. Имперская система высшего исторического образования и исторической науки не соответствовала запросам новых властей, которые привносили существенные изменения во все сферы жизнедеятельности научной интеллигенции.

Сложные политические условия негативно влияли на деятельность учёных, которые сталкивались со многими проблемами. Каждая власть, особенно большевики, разными способами пыталась их подчинить доминирующей идеологии, а со своими открытыми противниками вела борьбу. Вследствие этого с 1 мая 1919 г. из Новороссийского университета отчислили 23 преподавателя. Среди них было четверо преподавателей историко-филологического факультета – А.П. Доброклонский, А.М. Клитин, И.А. Линниченко, И.М. Малинин. Такими бесправными методами большевистская власть начинала бороться с политическими оппонентами из числа научной интеллигенции. Но на этом история с «перевоспитанием» большевиками профессуры не закончилась. Летом 1919 г. Одесская чрезвычайная комиссия без предъявления обвинений арестовала группу преподавателей университета. Среди них был 62-летний историк А.П. Доброклонский, которому посчастливилось выжить. Хотя относительно своих оппонентов большевики применяли и радикальные меры. Например, без судебного решения был расстрелян выпускник историко-филологического факультета университета, помощник библиотекаря университетской библиотеки И.И. Дусинский (1879 – 1919), который был известен своими монархическими взглядами, в геополитических исследованиях стоял на имперских позициях, развивал панславистские теории¹⁸. Большевистский террор лета 1919 г., о котором С.Н. Кондаков вспоминал так: «К середине июня в городе был объявлен “красный террор”, отразившийся и на доме, где жил Никодим Павлович. Однажды ночью “пришли” за хозяином квартиры И.А. Линниченко, которому после этого пришлось скрываться, а за домом и квартирой установили надзор»¹⁹, можно считать первой волной массовых репрессий в Одессе²⁰.

Предвидя установление в Одессе в начале 1920 г. советской власти, что могло привести к очередным увольнениям и, что более небезопасно, арестам, многие учёные решили предвосхитить свою судьбу и эмигрировали. С отступающими из Одессы войсками армии генерала А.И. Деникина выезжали не только те профессора, которые подверглись притеснениям со стороны большевиков в 1919 г., но и те, которые понимали, что могут стать потенциальными жертвами красного террора. Результатом такой политической ситуации стала массовая эмиграция интеллигенции, отъезд которой происходил с осени 1919 по осень 1920 г. На этом этапе, по предварительным подсчётам, страну покинула самая многочисленная группа учёных, приблизительно 50 человек, в

том числе и 12 историков²¹, со временем влившихся в культуру российского зарубежья. Их отъезды пришлось на разные периоды. М.Г. Попруженко уехал в конце 1919 г., П.М. Бицилли, С.Г. Вилинский, А.Н. Грабар, А.П. Доброклонский, Н.П. Кондаков, И.М. Калинин, Н.Л. Окунев, С.В. Троицкий, К.В. Флоровская и Г.В. Флоровский – зимой 1920 г., Н.Н. Афанасьев – осенью 1920 г. Эмиграция учёных-историков стала частью истории отношений научной интеллигенции и политических режимов в 1917–1920 гг., особенно большевистских репрессий. В свою очередь, одесские учёные-историки по-разному воспринимали новые социально-политические условия и искали пути решения проблем не только для существования, но в некоторых случаях – в прямом смысле слова выживания.

С установлением в Одессе 7 февраля 1920 г. советской власти начался принципиально новый этап в отношениях одесских учёных и правительства. Большевики по-своему начали выстраивать официальные отношения с научной интеллигенцией. Борьба политического режима с представителями научной корпорации продолжилась. Недоверие к учёным подчеркивалось в выступлениях государственных и партийных деятелей, документах различного характера на протяжении всего указанного периода. На практике это приводило к массовым репрессиям многих учёных по причине социального происхождения, политической позиции, несогласия с доминирующей идеологией, высказывания оппозиционных идей и т. п. К тому же установление большевистской диктатуры в 1920 г. деформировало основы высшего образования и науки, следствием чего стала ликвидация университетов в Украине. Учёные, которые не могли выжить под этим прессом, эмигрировали, уходили в безопасные сферы общественной деятельности, во многих случаях не раскрыв своего научного таланта, не успев создать научную школу, вырастить учеников и последователей. Фактически, лишь малый процент известных до октябрьского переворота учёных не подверглись репрессиям со стороны большевиков. Не лучше была судьба тех, кто воспринял советскую власть и продолжил работать. Они были поставлены перед суровой дилеммой: или «за», или «против».

В процессе утверждения советской власти большевистские лидеры выбрали путь подавления инакомыслия в любом его проявлении, что привело к эмиграции значительной части учёных-историков. Гипертрофированное видение задач борьбы за создание нового общества вело к репрессиям против представителей интеллигенции. В этом направлении основной удар, смысл которого определялся желанием поставить научные исследования на службу идеологическим концепциям, провозглашённым большевистским руководством, получили учёные. В процессе реализации этого плана, одновременно с воспитанием новых, социалистических научных кадров, различными способами происходила замена представителей дореволюционного поколения учёных. Если в первые годы советской власти одной из «мягких» форм их «перевоспитания» были увольнения и запрет заниматься академической практикой, то со временем большевистское руководство использовало более грубые, негуманные и неправовые формы противостояния «непримиримой идеологической оппозиции» – научной интеллигенции. В 1922 г. молодая советская власть решилась на акцию отстранения от работы и высылку из

Одессы и из других городов советских республик за границу или в отдалённые районы страны десятков инакомыслящих представителей интеллектуальной элиты. Причины высылки учёных в период 1922–1923 гг. были обусловлены несколькими факторами. Первый – неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания гражданской войны²², второй – попытка власти установить жёсткий идеологический контроль, путём удаления из страны научной элиты, которая могла мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а часто и критиковать существующий режим²³. И это удалось новой власти. На втором этапе первой волны российской эмиграции из Одессы были высланы 10 учёных, в том числе и три историка²⁴: А.В. Флоровский (19 сентября 1922 г.), Ф.Г. Александров и А.С. Мулюкин (октябрь 1922 г.).

При всей трагичности факта оставления родины, эмиграция и высылка обезопасила учёных-историков от сталинских репрессий 1930-х гг. Поэтому большинство одесских эмигрантов воспринимали эмиграцию в качестве освобождения и спасения. Так, А.П. Доброклонский в письме к А.В. Флоровскому от 16 октября 1922 г. выражал радость за коллегу, которому удалось вырваться на свободу. Г.В. Флоровский тоже поздравил А.В. Флоровского и его жену от всего сердца с прибытием в «свободную Европу»²⁵.

В целом на гребне первой волны российской эмиграции из Одессы выехали 15 историков, что составило 60 % от 25 историков Новороссийского университета по штатному расписанию в 1918/19 учебном году²⁶. Согласно исследователям проблематики на момент их эмиграции, они представляли восемь направлений исторической науки: медиевистика – П.М. Бицилли (1879 – 1953), К.В. Флоровская (1883 – 1965); история церкви – А.П. Доброклонский (1856 – 1937), С.В. Троицкий (1878 – 1972), Н.Н. Афанасьев (1893 – 1966); история искусства – Н.П. Кондаков (1844 – 1925), Н.Л. Окунев (1886 – 1949), А.Н. Грабар (1896 – 1990); славистика – М.Г. Попруженко (1866 – 1944), А.В. Флоровский (1884 – 1968); история философии – И.М. Малинин (1883 – 1961), Г.В. Флоровский (1893 – 1979); история литературы – С.Г. Вилинский (1876 – 1950); история языкознания – Ф.Г. Александров (1886 – 1981); история права – А.С. Мулюкин (1873 – 1953). Все они составляли основу преподавательского состава историко-филологического факультета Новороссийского университета – ведущего научно-образовательного центра на юге Российской империи. Их творческий потенциал был направлен на осуществление разных векторов академической деятельности. В целом «одесская» группа историков-эмигрантов состояла из: восьми профессоров (среди них один академик) в возрасте от 36 до 75 лет (средний возраст $\approx 49,5$ лет), двух доцентов (≈ 36 лет), трёх приват-доцентов ($\approx 33,3$ года) и двух аспирантов (≈ 25 лет). Из страны эмигрировали не только уже «аксакалы» науки – А.П. Доброклонский (63 года), Н.П. Кондаков (75 лет), но и те, кто только начинал в ней свой путь: Н.Н. Афанасьев (27 лет), А.Н. Грабар (23 года), Г.В. Флоровский (26 лет). Основу же группы эмигрантов одесских историков составили десять учёных, средний возраст которых равнялся $\approx 40,4$ года.

Поток эмиграции учёных-историков из Одессы был направлен через Османскую империю в юго-западные европейские страны. Анализ направлений эмиграционных потоков показал, что первоначально основными странами

места их пребывания стали Болгария (8 человек) и Сербия (по 7 человек). В этих странах для российских учёных складывалась благоприятная ситуация. Со временем большая часть историков поменяли места проживания. В поисках трудоустройства они оказались разбросанными в большинстве стран Европы и даже за её пределами – в США. В частности, это касалось и близких родственников. К.В. Флоровская весь эмиграционный период провела в Болгарии, А.В. Флоровский – большую часть эмиграции в Чехословакии, Г.В. Флоровский – преимущественно в Чехословакии, Франции, Югославии, США. Подобная ситуация, с одной стороны, была связана с созданием российских академических групп в государствах, где формировалось российское зарубежье, с другой – складывалась благодаря личным связям и содействию коллег из принимающих стран, которые помогали формировать доброжелательное отношение властей и общественности к учёным-эмигрантам²⁷, с третьей – с переманиванием молодых перспективных учёных в соответствующие их специализации научно-образовательные центры. В подтверждение второй дефиниции следует пример Н.П. Кондакова, у которого условия жизни в Софии сложились не самым благоприятным образом. А так как в Праге у него было много друзей по предыдущей деятельности и, в частности, его имя было лично известно Президенту Чехословакии Т. Масарику, то с осени 1922 г. он приступил к чтению лекций в Карловом университете²⁸. Вслед за Н.П. Кондаковым в Прагу перебрался и его ученик Н.Л. Окунев. В качестве аргументации третьей дефиниции приведём примеры векторов смены мест трудоустройства Г.В. Флоровского (Болгария – 1920–1922, Чехословакия – 1922–1926, Франция – 1926–1939, Югославия – 1939–1945, Франция – 1945–1948, США – 1948–1979) и А.Н. Грабара (Болгария – 1920–1928, Франция – 1928–1958, США – 1958–1990). Из всего числа одесских историков-эмигрантов лишь четыре человека с прибытием за рубеж не изменили места нахождения и оставались в одной стране (А.П. Доброклонский и И.М. Малинин – в Югославии, М.Г. Попруженко и А.С. Мулюкин – в Болгарии).

Основными центрами академической активности одесских историков в эмиграции стали три государства – Чехословакия (5 учёных), Болгария (4) и Югославия (3). Как это ни удивительно, два из них – молодые, только что созданные государства: Чехословакия и Югославия. Объяснением этому служит не только доброжелательное отношение к российским интеллектуалам, но и огромная потребность молодых государств в квалифицированных кадрах. Такая политика в сфере образования дала положительный результат, который, в свою очередь, даёт сегодня возможность правительству Чехии предоставлять абитуриентам из постсоветских стран право бесплатного обучения в местных вузах, с последующим трудоустройством талантливой молодёжи.

Хотя славянские страны (Югославия, Чехословакия, Болгария) в целом гостеприимно приняли большинство из эмигрантов, как выдающихся специалистов в своих областях, которые могли передать свои знания местному молодому поколению, это не убергло их не только от естественной ностальгии, переживаний за оставленное имущество, родных, коллег, но и от материальных проблем и поисков достойной работы. Наиболее сложной была организация социально-экономического обеспечения учёных-эмигрантов, их профессиональной адаптации, которая в значительной мере зависела от

психологического настроения каждого из них²⁹. Одним из главных факторов успешного преодоления различных проблем была взаимопомощь земляков, родственников, коллег, знакомых.

Одной из самых актуальных проблем для учёных оставалось решение материального вопроса, поэтому иногда им приходилось поступаться своими амбициями и браться за профессиональную деятельность не в вузах. Например, Ф.Г. Александров в первые годы работал преподавателем русского языка и латыни в средних учебных заведениях Софии (гимназиях, духовной семинарии, школах), при этом своё положение «материальное и всякое» он характеризовал как очень тяжёлое, а условия жизни как «ужасные». К.В. Флоровская писала брату 13 сентября 1922 г.: «Вопрос об “устройстве”, разумеется, на первом плане, и, разумеется, самый трудный, если есть какая-нибудь возможность устроиться там, на месте, советую за неё держаться, тем более, что это ведь не мешает продолжать хлопоты и поиски»³⁰. С целью получения заработка учёным приходилось даже менять научную ориентацию. Так, С.Г. Вилинский сообщал о себе А.В. Флоровскому, что он отошёл от российской словесности в пользу болгарской, потому что получил заказ на написание истории болгарской литературы³¹.

В эмиграции творчество стало для интеллигенции не только способом выживания, но и выполнением огромной исторической миссии – сохранить для последующих поколений дореволюционную российскую культуру, с которой они себя идентифицировали. Интеллигенция не могла довольствоваться своим положением беженцев и вынужденным ожиданием благоприятных условий для возвращения. Смысл пребывания в зарубежье виделся её представителям в том, чтобы использовать его во благо Отечества и тем оправдать свой разрыв с народом. Несмотря на то, что ориентация на возвращение на Родину и возрождение былой славы российской культуры стала существенной психологической преградой их профессиональной адаптации, они находили в себе силы для занятий наукой. По этому поводу Ф.Г. Александров писал А.В. Флоровскому 8 июля 1923 г. из Софии: «Плохим питанием, плохим помещением (думаю, что хуже общежития трудно себе что-либо представить) меня нельзя испугать (в Чехии), но перспективой полной невозможности жить умственной жизнью – можно»³². Подобными идеями с А.В. Флоровским делился и его двоюродный брат, математик Г.М. Попруженко. Шестого августа 1924 г. из Варшавы он писал: «Условия жизни, жизненная борьба последних лет, борьба за то, чтобы не одичать, не опуститься, не прервать контакту с наукой, были неизмеримо тяжелы. Поэтому можешь себе представить, чем есть для меня мысль о том, чтобы попасть в нормальные для научных занятий условия»³³.

Большинству одесских историков-эмигрантов удалось продолжить академическую карьеру за рубежом. Если сохранение позиций «гуру» исторической науки – А.П. Доброклонского, Н.П. Кондакова и М.Г. Попруженко – не вызывает вопросов, то достижение высот молодыми учёными заслуживает внимания и оваций. Именно за рубежом вписали свои имена в анналы исторической науки Н.Н. Афанасьев, П.М. Бицилли, А.Н. Грабар, Н.Л. Окунев, С.В. Троицкий, А.В. Флоровский и Г.В. Флоровский. Их научные достижения вошли в золотой фонд российской науки за рубежом и стали мировым достоянием. Однако некоторые учёные в эмиграции прекратили свой научный рост

(Ф.Г. Александров, С.Г. Вилинский, И.М. Малинин, К.В. Флоровская), а А.С. Мулюкин вообще отказался от занятий наукой и переключился на ведение частной юридической практики³⁴.

Говоря об эмиграции российских учёных и их адаптации за рубежом, нельзя забывать и об обратной стороне проблемы: о том, что в многотысячной массе людей ушёл интеллектуальный цвет страны. Общественно-политические события 1917–1922 гг. положили начало огромной эмиграции деятелей культуры. Из Одессы, равно как и из других культурных центров Российской империи, уехали десятки интеллектуалов, одарённых людей, возобновивших творческую деятельность за пределами Родины. Чего только стоит потеря трёх поколений научной школы искусствоведения Н.П. Кондакова (Н.П. Кондаков – Н.Л. Окунев – А.Н. Грабар) и истории церкви А.П. Доброклонского (А.П. Доброклонский – С.В. Троицкий – Н.Н. Афанасьев³⁵). После их отъезда, несмотря на деятельность отдельных представителей истории искусства (Н.А. Соколов³⁶) и истории церкви (А.И. Покровский, П.П. Соколов, П.В. Тихомиров)³⁷, в Одессе были на долгие годы прерваны научные изыскания в этих направлениях.

Таким образом, события 1917–1922 гг. привели к эмиграции многих учёных Российской империи. Вследствие этого Одесса как один из научно-образовательных центров утратила плеяду талантливых учёных-историков, а вместе с ними перестали исследоваться многие направления исторической науки. Эти учёные продолжили трудиться в разных научных центрах мира. Их судьбы и научное наследие не получили известности на постимперском пространстве, в первую очередь по идеологическим причинам.

Эмиграция одесских учёных-историков первой волны представляет собой феноменальное явление. В частности, потому, что почти все они не вернулись впоследствии в СССР (за исключением К.В. Флоровской) и не интегрировались в общество страны проживания. Все они были уверены в скором возвращении на родину (П.М. Бицилли трижды подавал ходатайство в посольство СССР о предоставлении гражданства³⁸) и стремились сохранить язык, культуру, традиции, бытовой уклад. Живя в своём мире, они пытались изолироваться от чужеродного окружения, сознательно стремились вести жизнь так, будто ничего не произошло, при этом понимая, что являются апатридами и «патриотами без отечества». Академический опыт одесских учёных-историков происходил в национальных и российских вузах, ориентированных на профессиональную подготовку молодёжи для будущей демократической России.

Деятельность учёных-историков Одессы в эмиграции сыграла важную роль в создании интеллектуального и духовного пространства российского зарубежья в мире. Они плавно влились и стали составляющей общего академического движения российского зарубежья XX в., что способствовало их интеграции в мировое научное сообщество и взаимовлиянию различных аспектов научной жизни – взаимодействию с учёными разных стран мира, интеграции российских традиций в интернациональное поле науки, организации международных векторов деятельности научно-исследовательских учреждений, развитию междисциплинарных потоков научных интересов. Исследование показало, что благодаря целому комплексу объективных и субъективных условий и факторов учёные-историки были вовлечены в эмигрантскую жизнь. Это оказалось возможным в крупных городах Европы, проявивших благосклонное

отношение к российской эмиграции. Однако возможности для продолжения их академической деятельности на протяжении 1920–1930-х гг. были неустойчивыми. Судьбы учёных-историков Одессы в условиях первой волны российской эмиграции, их жизнь в странах расселения, поиски путей социализации и социальной адаптации, вхождение в инородное общественно-политическое, социально-экономическое и культурное пространство и сохранение при этом национальной идентичности, российской культуры заслуживает пристального внимания как значимая часть истории науки, истории интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Судьбы российской интеллигенции. Материалы дискуссий, 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991. С. 28.

² Там же. С. 160.

³ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы Н.П. Кондакова / предисл. С.Н. Кондакова. Прага, 1927.

⁴ См.: Флоровский А.В. Российская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 467–484.

⁵ См.: Троицкий С.В. А.П. Доброклонский как историк Церкви // Записки Русского научного института в Белграде. 1938. Вып. 15. С. IX–XXII и др.

⁶ Пауто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. 398 с.; Короткова А.А. Историки русского зарубежья в 20–30-е годы // Культура и мировоззрение: методологические и методические вопросы. СПб., 1994. С. 13–25; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995. 196 с.; Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность российских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 34 с.; Путькин В.С. Российские профессора югославских университетов: 1920–1941: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 227 с. и др.

⁷ Миленкович Т. Общество российских учёных в Югославии (1921–1940) // Российская эмиграция в Югославии. М., 1996; Документы к истории российской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Прага, 1998. 344 с.; Велева М. Руска университетска емиграция и България // Дарители Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998. С. 235–260; Российское зарубежье и славянский мир: сб. тр. / сост. П. Бунак. Белград, 2013. 595 с.р и др.

⁸ См.: Левченко В.В. История «Философского парохода» из Одессы: события, факты, люди // Сольёвские исследования. Иваново, 2013. Вып. 2 (38). С. 94–106 и др.

⁹ Галчева Т.Н. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. София, 1993. Т. 1. С. 7–40; Аксенова Е.П., Гординов А.Н. Российская научная эмиграция 1920–1930-х годов: к перипетии М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 3–15; Бирман М.А. П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920–1923 годы) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 84–94 и др.

¹⁰ Российское зарубежье: Золотая книга эмиграции, первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. 748 с.; Профессор Одесского (Новороссийского) университета: Биографический словарь: у 4 т. Одеса, 2000; Одеські історики. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009. Том 1: Початок XIX – середина XX ст. 480 с. и др.

¹¹ Попова Т.Н. Образ университетского профессора: П.М. Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вып. 7. С. 5–30; она же. К анализу научного наследия П.М. Бицилли // Проблемы славяноведения. Брянск, 2004. Вып. 6. С. 213–224; она же. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: к 125-летию со дня рождения // Там же. 2009. Вып. 11. С. 147–164; она же. П.М. Бицилли в исследовательском пространстве России, Украины и Болгарии (К 130-летию со дня рождения учёного) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск, 2009. С. 122–126; Музичко О. Одеський релігієзнавець К.В. Флоровська // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник. 2011. Кн. II. С. 77–88; Левченко В.В. Из истории высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883 – 1965) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2012. Вып. 14. С. 161–174 и др.

¹² Березин С.Е. 1917 год и судьбы профессоров историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета: неизвестные страницы истории российской интеллигенции // История наука: проблемы развития. Луганск, 2002. С. 12–16; Левченко В.В. Судьбы учёных Одессы на рубеже эпох (1917–1922) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2009. Вып. 11. С. 134–146; она же. Учёные-историки Одессы в условиях политических процессов 1917–1944 гг. // Ответственность интеллигенции в контексте времени. Иваново, 2012. С. 99–101; она же. Вчені-історики Одеси в умовах політичних процесів 1917–1944 рр. // Проблеми історії та історіографії України. Київ, 2013. С. 78–80; она же. Міграційні процеси вчених-істориків Одеси в 1917–40-х рр. // Музейний Вісник. Запоріжжя, 2013. № 13/2. С. 227–232; она же. Одеське учёные в условиях российской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 139–156; Музичко О. Одеські «історики-вигнанці» у 1920-х роках: зв'язки з одеськими

колегами // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Одеса, 2009. С. 212–219; *он же*. Еміграції та депортації науковців з території південної України у першій половині ХХ ст.: етапи, склад, долі // Вісник Центрального державного архіву зарубіжної українки. Київ, 2012. Вип. 1. С. 126–168 и др.

¹³ *Попова Т.* Бицилливедение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (к 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли) // Историографічні дослідження в Україні. Київ, 2010. Вип. 20. С. 155–170 и др.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 1–2.

¹⁴ *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М., 2002. 416 с.; Листи А.В. Флоровського до В.Т. Гаяса // Василь Терентійович Гаяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження) / упорядник В.М. Хмарський. Одеса, 2006. 84 с. и др.

¹⁶ См.: *Петров Е.В.* Указ. соч. С. 13.

¹⁷ См.: *Левченко В.В.* Трансформація вищої школи Одеси (1917–1922): проекти та реалії // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2009. Вип. 8. С. 36–52.

¹⁸ См.: Одеський мартиролог: Дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади / уклад.: Л.В. Ковальчук, Г.О. Разумов. Одеса, 2005. Т. 3 С. 125–135.

¹⁹ *Кондаков С.Н.* Воспоминания Никодима Павловича Кондакова // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. 2002. С. 28.

²⁰ См.: *Левченко В.В.* Вчені-історики Одеси... С. 78–80.

²¹ В данной статье в число одесских эмигрантов учёных-историков мы сознательно не включили Г.Е. Афанасьева (1848 – 1925) и О.Л. Клаузенера (1874 – 1925). Первого – по той причине, что предшествующие эмиграции более двадцати лет прошли в Киеве (1896–1918), второго – на основании его принадлежности к иудейской культуре.

²² *Артизов А.Н.* «Очистим Россию надолго»: К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // ОА. 2003. № 1. С. 65.

²³ *Главацкий М.Е.* Философский пароход. Историографические эподы. Год 1922-й. Екатеринбург, 2002. С. 24–25.

²⁴ См.: *Левченко В.В.* Одесские учёные – пассажиры «философского парохода» // Былые годы. Сочи, 2013. № 1 (27). С. 111–119 и др.

²⁵ *Музичко О.* Еміграція та депортація... С. 135.

²⁶ ГАОО. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 8. Л. 39–53.

²⁷ См.: *Волошина В.Ю.* Профессиональная адаптация учёных-эмигрантов в 1920–1930-е гг. // Российское научное наследие за рубежами России. Брянск, 2013. С. 3–14.

²⁸ *Беляев С.А.* Семинарий имени академика Н.П. Кондакова – неотъемлемая часть российской национальной культуры // Древняя Русь. № 2000. 1. С. 96.

²⁹ *Волошина В.Ю.* Указ. соч. С. 10.

³⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 1 – 10б.

³¹ *Музичко О.* Еміграція та депортація... С. 138.

³² АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 114. Л. 3–4.

³³ Там же. Д. 371. Л. 1 – 10б.

³⁴ *Самодурова В.В.* Мулюкін Олександр Сергійович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Одеса, 2005. Т. 3. С. 363.

³⁵ В Югославии, под влиянием А.П. Доброклонского, стал выдающимся историком церкви, филологом и богословом.

³⁶ См.: *Левченко В.В.* Из истории исторической науки в Одессе первой половины ХХ века: забытый историк искусства Николай Афанасьевич Соколов (1886 – 1953) // Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Краснодар, 2012. С. 122–129.

³⁷ См.: *Левченко В.В.* Долі богословів-викладачів вищої школи Одесв в інтер'єрі епохи (1917–1930-ті рр.) // Держава і церква в новітній історії України. Полтава, 2013. С. 95–100.

³⁸ См.: *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2014. Вип. 16. С. 149–157.

Национальный состав российской эмиграции в Китае и положение внутри колонии к концу Второй мировой войны

Аннотация: В статье предложен взгляд на российскую эмиграцию как на конгломерат различных национальных общин и групп, которые в условиях эмигрантского существования в Китае были вынуждены поддерживать национальные корни и культуру, стремясь выжить в иноязычной среде.

Annotation: This article suggests view of Russian emigration as a conglomerate of various ethnic communities and groups, which were forced to maintain national roots and culture in exile in China, and to seek a surveillance in a foreign language environment.

Ключевые слова: национальные общины и группы, Китай, советская колония, национальные традиции, культура, выживание, адаптация, Вторая мировая война, репатриация, эмиграция, реэмиграция.

Key words: national communities and groups, China, Soviet colony, national traditions, culture, survival, adaptation, World War II, repatriation, emigration, re-emigration.

Обращение к проблемам межнациональных отношений в среде российской эмиграции в Китае продиктовано необходимостью выяснить, насколько вопросы национальных противоречий имели место в общественном сознании беженцев-россиян после 1917–1922 гг. Любое изменение – это дисбаланс, а дисбаланс – это явные или скрытые социальные деформации. Общество эмигрантов было ограничено небольшим числом своих членов, а любая социальная девиация в какой-то небольшой группе проявляется очень сильно. Информация тогда была не настолько быстро передаваема, и нередко эмигранты питались слухами, а не реальным знанием вещей и, тем более, не аналитическими материалами, привычными современному обществу. Не будем забывать, что речь идёт о людях, переживших революцию, изгнание, гражданскую войну. Деление общества по признаку «свой-чужой» резко ограничивало возможности социальной коммуникации с другими группами. К тому же незнание китайских реалий, языка и культуры ещё более выгалкивало эти группы из огромного чуждого окружающего мира в замкнутый мир русскоязычной эмиграции, где также не было единства: политические, классовые, религиозные и национальные противоречия заставляли национальные группы искать

убежища в традициях, культурных обычаях и культурно-религиозных устоях, замыкая эти группы в самих себе. И всё же начиная с 1930-х гг. вопрос об объединении всей российской колонии, разделённой на различные социальные и национально-религиозные группы, был поставлен ребром. Для защиты своих интересов эмигрантам требовалась представительская организация, которая стала бы объектом общения с властями и миром.

Существование национальных меньшинств на Дальнем Востоке рассматривается в российской историографии в трёх временных плоскостях:

– первый: конец XIX – начало XX вв. – время появления многоплеменной рабочей силы в Западной Сибири и на Дальнем Востоке (работы Е.Н. Чернолуцкой, Е.В. Аргудяевой, И.В. Нам и др.)¹;

– второй: с 1917 по конец 1940-х гг. – эпоха сосуществования национальных групп на советском Дальнем Востоке и Приморье, в Китае².

– третий: с конца 1940-х гг. – период репатриации и дальнейшего расселения по другим регионам мира российской эмиграции из Китая, в которой национальные меньшинства играли не последнюю роль.

Проблема меньшинств особенно обостряется в периоды распада империй и многонациональных государств, как это было во время крушения Османской, Австро-Венгерской империй и Российской в начале XX в. История России во второй половине XIX – начале XX в. развивалась под знаком высокой миграционной активности населения, что привело к дальнейшему увеличению гетерогенности её национального состава и дисперсности расселения её национальностей. К началу XX в. в ситуации национального меньшинства в России находилось свыше 11 млн человек (7 %), различавшихся по происхождению, языку, культуре, традициям, обычаям, конфессиональной принадлежности, уровню политического развития и степени этнической самоорганизации. Так, правительство П.А. Столыпина приняло меры по стимулированию заселения Дальнего Востока русскими, украинцами, белорусами, гарантируя ряд льгот переселенцам. Стратегические соображения играли здесь важную роль³. Через столетие только в пределах Российской Федерации численность национальных меньшинств составляла 17,2 млн чел., или 11,7 % всего населения⁴.

За последние полтора десятилетия накоплен большой массив исследований, посвящённых российской эмиграции в Китае, где упоминаются национальные группы в составе большой русскоязычной общины, оказавшейся в городах Поднебесной.

В исследованиях Е.Е. Аурилене показано влияние регионального фактора на содержание эмигрантской социально-политической идеологии в Китае по сравнению с европейскими центрами русского зарубежья, дана дореволюционная статистика по Маньчжурии. По данным современных исследователей, к 1917 г. в Маньчжурии насчитывалось 22 тыс. украинцев, 6 тыс. поляков, более 1 тыс. грузин; к 1919 г. – от 7 до 10 тыс. евреев. Существовали и другие этнические группы. Отношение к русским эмигрантам китайских властей можно охарактеризовать как индифферентное. Занятые междоусобной борьбой, властители провинций не препятствовали расселению русских беженцев на своей территории, но и не обращали внимания на их проблемы. Отсутствие единого правового и политического поля в Китае, противостояние политических группировок и борьба эмигрантских лидеров за власть оказа-

лись непреодолимым препятствием на пути объединения эмиграции. Вместе с тем, созданные эмигрантами институты – земляческие, корпоративные, конфессиональные, образовательные и т. д. – давали возможность выжить в иноязычной, инонациональной среде⁵.

Монография И.В. Нам посвящена изучению общественной жизнедеятельности национальных меньшинств Сибири и Дальнего Востока (украинцев, поляков, татар, немцев, евреев, латышей, литовцев, эстонцев, корейцев) в условиях революции и Гражданской войны. Прослеживаются пути их появления в крае, исследуются формы самоорганизации и национального самоуправления, рассматриваются участие в общественно-политической жизни, взаимоотношения с властью, попытки осуществления культурно-национальной (национально-персональной) автономии, политика в отношении меньшинств временных правительств (всероссийских и областных) изучаемого периода⁶.

О политической борьбе в среде русской эмиграции в Китае пишет М.Л. Дубаев⁷. Изучению различных групп эмигрантов из России посвящено большое количество современных исследований⁸. Данный вопрос по преимуществу разрабатывается исследователями с Дальнего Востока. Проблемами советских граждан в Китае занимается М.В. Кротова (Санкт-Петербург)⁹. Вопросы репатриации исследуют многие учёные, причём эта тема рассматривается обычно по регионам, что связано с наличием комплекса документов в местных архивах, куда направлялись репатрианты (см. работы С.В. Смирнова и Е.В. Вертилицкой из Екатеринбурга¹⁰). Из китайских исследователей наиболее интересны работы Ван Чжизэна¹¹ и публикации У Яньцю¹².

Материалы Архива внешней политики Российской Федерации дают «государственно-официальную» оценку русской эмиграции в Китае, в том числе – оценку советизации эмигрантов сразу после Второй мировой войны¹³.

Для изучения национального многообразия российской эмиграции представляется необходимым схематизировать различные национальные группы по историко-географическому происхождению. Так, можно отделить группы «западных» меньшинств, в которые входили поляки, литовцы, латыши, чехи, финны (европейские меньшинства в Китае)¹⁴. Отдельного изучения требуют материалы пребывания в Китае русских уйгур, монголов, бурят, орочен, казахов, киргизов и других национальных групп (азиатские меньшинства) сибирско-дальневосточного пограничья в Китае. Отметим ряд работ по изучению данной группы меньшинств¹⁵. Самой большой группой среди национальных объединений была колония русских (российских) эмигрантов. В рамках данной колонии можно уже выделять собственно русских, евреев, украинцев, татар, грузин и армян, другие этнические группы.

Одной из характерных особенностей пребывания в Китае многонациональных российских колоний является образование землячеств и братств. Так, в Харбине в 1933 г. было основано российское земляческое «Единение», включившее в себя более 600 семей. Председателем его стал Н.П. Чистосердов. В состав этого «Единения» входили землячества: Петроградское, Московское (председатель П.И. Севостьянов), Казанское (Н.П. Ярцев), Симбирское,

Самарское, Екатеринбургское (председатель Н.П. Чистосердов) и Уфимское (председатель К.П. Харитонов)¹⁶.

Одними из самых крупных национальных объединений были объединения русских эмигрантов. Прежде всего, это многочисленные клубы, эмигрантские комитеты, общественные собрания, культурно-просветительские, женские, благотворительные общества и комитеты, профессиональные общества (технические, юридические, охранные – бодигардов и вочманов, художников и артистов, певцов, литераторов и др.); армейские военные союзы и объединения, национальные русские торговые палаты, банки, торговые союзы, религиозные организации и православные братства и т.д. Все эти сообщества и союзы были «рассыпаны» по крупным городам Китая и по территории Маньчжурии (посёлки полосы отчуждения КВЖД).

Русская национальная община в Пекине была основана летом 1928 г. Д.Л. Хорватом, провозглашённым главой русской эмиграции в Китае. Представителями этой общины в 1934 г. были Н.А. Квашинский и В.М. Леонтович (Харбин), П.И. Кречетов (Хайлар), В.В. Политковский (Цицикар), И.А. Люблинский (Гириин), В.В. Блонский (Мукден), А.П. Воробчук (Тяньцзинь), К.П. Нечаев (Дайрен и Порт-Артур), М.М. Афанасьев (Гонконг и Кантон), А.А. Дьяков (Синьцзянская провинция), Ю.Н. Фомин (Шанхай) и др. Русская национальная община в Пекине прекратила своё существование с учреждением Антикоминтерна¹⁷.

Однако множество политических и культурно-национальных противоречий сохранялось, и русские никак не могли сплотиться в более крепкий союз, объединивший все эмигрантские организации. И здесь, после захвата японцами в 1931 году Маньчжурии, произошёл интересный факт: русскую эмиграцию объединили ... японцы! Новому режиму срочно потребовался эффективный контроль над непонятными и непослушными русскими колониями, и японцы предложили множество вариантов объединения русских. В течение 1932–1933 гг. государство Маньчжоу-Ди-Го занималось организационным устройством в Китае, и к 1934 году созрел план контроля над не-китайским населением Маньчжурии: «Русское гражданское общество будет объединять всё бесподданное русское население Харбина и будет играть роль представительного органа, функции которого у иностранных колоний Харбина играют консульства. И хотя у Русского гражданского общества не может быть всех консульских функций, т. к. в его задачу главным образом будут входить сношения с властями по всем вопросам, касающимся нужд русского эмигрантского населения ... То есть эмигрантская масса в лице РГО будет иметь компетентную организацию. С другой стороны, и власти получают возможность знакомиться с мнением действительно всего русского населения по всем вопросам, которые в той или иной степени затрагивали бы русские интересы. Между прочим, в линейных поселках в Особом Районе Трёх Провинций имеется нечто вроде РГО в лице Русских Национальных Общин, которые объединяют вокруг себя достаточно широкие круги русского населения, живущего более сплочённой массой в этих сравнительно небольших населённых пунктах. Однако они не имеют такого большого значения, которое может быть у РГО в Харбине, т. к. в них всё же не входит всё население посёлков»¹⁸.

Позднее, в 1935 г., японцы предложат создать объединение «Бюро российских эмигрантов в Маньчжоу-Ди-Го» (БРЭМ), которое объединило пять основных национальностей русских колоний: русских, евреев, украинцев, грузин и тюрко-татар.

Второй крупной национальностью в русских колониях Китая были евреи. Крупные еврейские колонии были связаны деловыми связями с сефарадами-евреями, выходцами из диаспор Бомбея, Багдада, ряда ближневосточных городов. Крупная сефардистская колония в Шанхае не раз приходила на помощь евреям из России, предоставляя российским ашкеназам небольшие кредиты, поддерживая мелкий и средний бизнес. Пока выходцы из России не построили свои синагоги, им был предоставлен вход в еврейские синагоги сефардов. Еврейские колонии были основаны во всех крупных городах Китая – Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Циндао. При всех еврейских колониях были открыты еврейские школы, общество чаще всего имело свою синагогу или молельный дом. Были свои врачи, больницы, в последующем открывались гимназии и даже свои вузы.

Так, Тяньцзиньская еврейская гимназия была открыта в 1925 г. по инициативе Л.Ю. Гершевича после того, как закрылась русская школа, основанная русскими и евреями. Тяньцзиньские евреи, число которых в то время составляло около 500 человек, получили возможность дать детям образование, не прибегая к услугам иностранных колледжей, где они не могли получить национального воспитания. Была и другая причина, по которой евреи приветствовали открытие национальной школы: у многих вообще не было средств отдавать детей в дорогие привилегированные учебные заведения. Большое внимание в гимназии уделялось изучению иностранных языков, в частности, английского, на котором велось почти все предметы. В 1933 г. школу возглавил учитель из Харбина А.С. Изгур, который многое сделал для расширения учебной программы. В школе было семь основных классов, после которых ученики могли держать предварительные экзамены Кембриджского университета. При школе был свой детский сад. Изгур уделял внимание внешкольной работе: велось обучение музыке, пению, ручному труду и рукоделию, машинписи, стенографии и т. д. Сначала в Еврейскую гимназию могли поступать дети других национальностей по квоте 25 %, позднее стали принимать всех детей без различия национальности, подданства и вероисповедания. Средства на содержание школы складывались из небольшой платы за обучение, ежегодных взносов «Общества Еврейской школы», доходов от ежегодного благотворительного бала, субсидий общественных организаций, стипендий и пожертвований¹⁹.

Третьей крупной национальной группой были украинцы. Украинская колония в Маньчжурии насчитывала более 2000 человек, включая детей. Она имела в Харбине собственный дом по Новоторговой улице. Два этажа сдавались Северо-Маньчжурскому университету, на третьем располагались учреждения, клуб и библиотека, имелся большой зал со сценой, кружки по изучению украинского и японского языков, регулярно устраивались общие собрания и заседания, на которых читались доклады по истории Украины, проводились концерты украинского хора, ставились спектакли и оперы украинских авторов. Община делала упор на духовно-религиозную работу, обращая пристальное

внимание на воспитание молодёжи. Руководство Украинской национальной колонией осуществляли её председатель, профессор В.В. Кулябко-Корецкий, а также его помощники – начальник орготдела и секретарь правления П.Я. Лисуненко, начальник культпросветотдела Ф.Ф. Даниленко, начальник хозяйственного отдела Г.И. Нестеренко. В личном деле Даниленко было отмечено: «По своим убеждениям он является сторонником полного политического сотрудничества между Украиной и Россией, не одобряет сепаратистских стремлений некоторой части украинской колонии... В отношении новых эмигрантских значков в среде украинцев также неблагоприятно. Но скрытый протест носит далеко не общий характер, и выявился он только резко со стороны украинца-сепаратиста Ф.Ф. Даниленко, отказавшегося надеть этот значок и возвратившего его»²⁰. На Дальнем Востоке идеи сепаратизма поддерживали украинцы и некоторые сибиряки, которые ставили перед собой задачу отделения казачьих земель от большевистской России и образования самостоятельных государств²¹. Среди украинцев были и приверженцы объединения всех частей эмиграции. Упомянутый выше Кулябко-Корецкий поддерживал идею объединения, однако встречал решительный отпор со стороны национально настроенных соотечественников²².

Одним из учредителей Украинского издательского товарищества в Харбине являлся В.С. Опачий, который основал Первый Украинский клуб (1907). Председателем Украинского эмигрантского комитета в Харбине, а затем в Шанхае был японовец Б.И. Воблый, сотрудник управления КВЖД²³.

Украинские национальные колонии существовали и в других крупных городах Китая, где жили эмигранты из России. Так, в 1932 г. по инициативе Сокольского, Тоцкого, Вансовича и Квашненко была основана «Украинская Громада», 31 декабря 1939 г. она была переименована в Украинскую национальную колонию. Активными деятелями этого движения были председатель Украинского эмигрантского комитета в Харбине, а затем в Шанхае, японовец Б.И. Воблый, председатель Украинского национального комитета в Восточной Азии И.В. Свит, редактор националистической газеты на украинском языке «Зов Украины», первый номер которой вышел 25 февраля 1942 г. Впоследствии редактором и издателем этой газеты был вице-председатель Украинской эмигрантской организации С.И. Васильев, поселившийся в 1937 г. в Шанхае и работавший телохранителем.

Заметным общественным деятелем украинской диаспоры в Шанхае был М.А. Милко. Он окончил 2-ю коммерческую школу в Харбине, затем уехал в Европу для получения образования, учился в Праге, Берлине и других городах. Со степенью доктора наук Милко в 1932 г. вернулся в Харбин, а через пять лет переехал в Шанхай, где одно время был владельцем и издателем упоминавшейся газеты «Зов Украины»²⁴.

Четвёртой заметной национальной самобытной колонией были татары. Туркско-татарская национальная община в Маньчжурии была основана в 1904 г., хотя первым поселенцем считается И.Х. Байчурин, приехавший с партией строителей КВЖД (1898). Одним из наиболее известных общественных деятелей был А. Исхаки, перебравшийся из Германии в Японию (1933), а затем – в Харбин, где основал газету «Милли Байрак». Колония насчитывала к 1941 г. 500 членов и управлялась Правлением в составе председателя Х.И.

Салеева, товарища председателя И.Ф. Килькеева, секретаря Ш.И. Байчурина и муллы Хасбиулина. Колония содержала национальную школу «Гинаят», поддерживала культурно-просветительские, дамские и другие комитеты. В Харбине имелась соборная мечеть (Пристань), мечеть для китайских мусульман (Фудзядзянь) и мечеть «Цзин-Ди-сы». Тюрко-татарские общины также существовали в Тяньцзине, Шанхае и других городах Китая²⁵. Тюрко-татары проводили собственные регистрационные переписи для того, чтобы знать, сколько их проживает в Маньчжурии²⁶.

Со временем большим сообществом тюрко-татар в Китае и Японии заинтересовались лидеры тюрко-татар в Европе, мечтавшие об объединении всех татар мира. Газеты писали: «Тюрко-татарский лидер на пути в Маньчжоу-Ди-Го. Эти беженцы (тюрко-татары. – Л. Ч.) с момента прибытия [в Китай] и до сих пор принимались властями этих государств за белых русских, вследствие чего они испытывают большие неудобства и даже терпят лишения. Ныне г. Исхаки вошёл по этому поводу с представлением к ниппонским властям, в результате какового означенное непонимание раз и навсегда устранено и в глазах властей эти беженцы стали почитаться теперь как подданные Турции. Гаяз Исхаки, кроме того, организует этих людей в тюрко-татарские культурные общества с целью вернуть им ещё раз свою родину. В Маньчжоу-Ди-Го проживает около 15 000 турецких подданных (имеются в виду тюрко-татары. – Л. Ч.), бежавших из Советской России, для организации каковых в упомянутые общества и собирается выехать в ближайшие дни из Токио в Маньчжоу-Ди-Го г. Исхаки. Объединив турецких беженцев Дальнего Востока, г. Исхаки предполагает созвать, как только позволит обстановка, конгресс тюрко-татарских племён в Маньчжоу-Ди-Го или в Ниппон, вероятнее всего, в Токио»²⁷.

Разговоры о возможном объединении всколыхнули тюрко-татарскую колонию. «Харбинское время» указывало: «К числу больших положительных явлений нашей жизни здесь нужно отнести закончившийся в Кобэ первый “курултай” – съезд тюрко-татар, проживающих в Ниппон. ... На первом плане должно стоять единение среди нас самих. Путь к объединению с представителями другой национальности лежит через ликвидацию своих внутренних разногласий и “семейных” недоразумений. В этом отношении состоявшееся объединение тюрко-татар вокруг “курултая” – пример, достойный подражания»²⁸.

Конечно, необходим был лидер такого объединения, и Гаяз Исхаки сыграл немаловажную роль в проведении трёх объединительных съездов тюрко-татар Дальнего Востока. О самом сепаратистском движении тюрко-татар он говорил следующее:

«Зарубежные мусульмане, беженцы из Волжско-татарского района и Сибири, закинутые беженской волной в Европу, давно уже объединены в общества, из которых составилась организация, преследующая своей целью защиту и развитие тюрко-татарской культуры Идель-Урала на национальных и религиозных основах. Дальний Восток в этом отношении сильно отстал от Европы. Здесь такого объединения нет. Для создания его я в октябре прошлого года и прибыл на Дальний Восток. Идея объединения нашла самую благоприятную почву среди татар Идель-Урала (Волга-Урал), и уже 9 мая этого года в Кобэ состоялся съезд тюрко-татар, проживающих в Ниппон и Корее. Приняли участие в нём несколько десятков образовавшихся к тому времени

обществ Идель-уральского движения. Аяз Исхаки был избран пожизненным председателем Центрального комитета обществ тюрко-татарской культуры Идель-Урала в Ниппон и Корее. Корни этого движения лежат ещё в февральской революции. После февраля в Поволжье, как и в других частях России, образовались народные комитеты, которые выделили своих представителей, образовали народное представительство – нечто вроде парламента – от всех татар Поволжья и Сибири.

В 1918 г. это представительство приняло участие в работах государственного совещания в Уфе. Национальным собранием тюрко-татар были разработаны два проекта задач, которые оно ставило перед собой. Первым проектом являлось развитие тюрко-татарской культуры, под которым подразумевались школы, театр, отечественная литература и т. д. Были повсюду созданы губернские, уездные, волостные и деревенские организации, которые строили свою работу на культурно-национальных началах. Был даже создан свой фонд. Основной задачей, которую ставило перед собой национальное собрание тюрко-татарского Волжского района, было добиться от Всероссийского Учредительного собрания узаконения установившегося в этом районе положения.

Второй проект носил чисто государственный характер и ставил своей целью создание в районе Волга – Урал особого автономного государства с преимущественно тюрко-татарским населением. Большевики не дали осуществить эти проекты. Но, видя, что национальное движение в рядах тюрко-татар сильно, они создали ряд советских республик, таких как Ногайская, Башкирская, Татарская и другие, и ряд автономных областей. Многие из тюрко-татар сперва поверили в искренность советских намерений и лишь позже поняли, что здесь кроется простая ловушка.

Зарубежное Идель-Уральское движение докатилось до Дальнего Востока, осуществляет лишь первый проект сохранения тюрко-татарской культуры Идель-Урала и учреждение национального и религиозных канонов в рядах зарубежных тюрко-татар, оставляя открытым вопросы второго проекта»²⁹.

Известная казанская исследовательница тюрко-татарской темы Л.Р. Усманова считает, что татары оставили заметный след на Востоке не только в Китае, но и в Японии. Татарские торговцы начала XX века приезжали с товарами не только в Среднюю Азию, Синьцзян, Маньчжурию, но и в Японию и Корею, основывая крупные торговые дома³⁰. Благодаря деятельности татарского политического деятеля Рашида Ибрагимова, Япония в начале XX в. узнала о татарах как таковых. С начала 1930-х гг. практически вся татарская диаспора Маньчжурии, стоявшая на антисоветских позициях, переместилась в Японию. «Опыт татарской диаспоры показывает, – утверждает Л. Усманова, – что можно сохранить свою идентичность в изгнании. Уехав, татары сохранили свой язык, свою религиозную идентичность. Они не растворились в японской или китайской нации, хотя могли бы ассимилироваться японцами или китайцами. Не растворились, сохранили и сохраняют до сих пор свои корни, память о предках, язык и культуру. При этом у них нет привязки к территории. В предлагаемых обстоятельствах, при невозможности вернуться в Россию, они, естественно, ушли в третьи страны»³¹.

Ещё одна заметная колония в Китае – грузины. «Краткий обзор деятельности Шанхайского грузинского общества», сохранившийся в материалах

АВП РФ, позволяет очертить историю этого полузабытого объединения: «В 1933 г. небольшая группа грузин, очутившихся по разным причинам и в разное время в Шанхае, решила в целях взаимопомощи и национальной связи объединиться в Общество. Жестокая экономическая депрессия, жертвами которой стали и члены местной небольшой Грузинской колонии, требовала создания такого органа взаимопомощи в далёком и чуждом городе. Это и было сделано при помощи приехавшего в Шанхай нашего соотечественника А. Мдивани, – богатого человека, пожертвовавшего крупную сумму денег на организацию общества. В осуществление выработанного тогда Устава Общества началась выдача субсидий нуждающимся членам Общества, оказывалась помощь больным и их семьям, учащимся и т. д. Давался приют вновь прибывавшим грузинам, прискивалась работа для них и т. д. Устраивались вечера и доклады, посвящённые изучению истории и литературы Грузии. В частности, был торжественно отмечен день 750-летия рождения гениального грузинского поэта Шота Руставели.

При Обществе были созданы кружки: дамский и молодёжный, проводившие культурно-просветительскую и спортивную работу. Шанхайское Грузинское общество всегда держалось строго аполитичной линии, уклоняясь от всякого рода политической активности, несмотря на попытки некоторых местных организаций втянуть Общество в такого рода деятельность. При оккупации Шанхая японцами в 1937 г. Общество уклонилось от какого-то бы то ни было контакта с марионеточными китайскими властями, утвердившимися в китайских районах города, считая своим долгом сохранить лояльность законным китайским властям, вынужденным эвакуироваться из Шанхая.

Благодаря духу сотрудничества и дружбы, жизнь Общества на протяжении всей его недолгой истории характеризуется отсутствием каких-либо трений между его членами. В силу этого духа дружбы и землячества, по Уставу общества, членами его могут быть и были все грузины и члены их семейств, вне зависимости от какой-либо государственной принадлежности. Так, членами Шанхайского Грузинского общества были эмигранты, китайские подданные, совграждане, американские граждане и т. д.

Такое положение просуществовало до 1943 г., когда в силу прямого распоряжения контролируемой японцами полиции в Устав было внесено изменение, ограничивавшее членство в Обществе только грузинам-эмигрантам и китайским подданным. Однако на первом же общем собрании после капитуляции Японии, состоявшемся в конце сентября 1945 г., этот пункт устава был упразднён, как несостоятельный навязанный Обществу. Председателем Правления в 1947 г. был Г.М. Баркалидзе, секретарем Общества – И.М. Пааташвили³². Как видно на примере грузинской колонии, она включала в себя все политические группы и даже советских граждан. Однако такое положение было далеко не во всех колониях.

Советскими гражданами по долгу службы занимались Посольство и консульства СССР. Дипломаты и советские служащие при консульствах с периодичностью в два-три года давали оценки как «белой» эмиграции, её национальным группам, так и положению советских граждан в Китае. По этим информационно-аналитическим материалам можно проследить характер изменений в среде эмигрантов, эволюцию официальных взглядов советских

дипломатов на события и колонии в Китае. Известно, что в ходе и сразу после Второй мировой войны произошло существенное изменение сознания революционных эмигрантов по отношению к СССР. Вот какую оценку давал сотрудник советского консульства этим процессам в среде русской эмиграции: «Вторая мировая война закончилась полным поражением Германии и её сателлитов на западе и Японии на востоке... Как результат – рост симпатий к СССР, к братской семье его народов. Не бесследно прошла Великая отечественная война и для многочисленной русской эмиграции в Китае. ...Значительная часть русского населения явно и тайно принимала участие в сборе средств и подарков для советской армии. Многие эмигранты в Маньчжурии обращались в Советские консульства с просьбой отправить их на фронт с тем, чтобы они смогли искупить вину перед родиной. Русское духовенство, отражая поворот в умах верующих, проводило молебны за победу русского оружия. Большая часть эмигрантской молодёжи помогала советским воинам в борьбе с японцами, оказывала помощь по охране вражеского промышленного оборудования. Женщины оказывали помощь раненым, собирали средства в фонд первой помощи. В советские консульства и на имя командования Советской армии за годы войны обратились несколько десятков тысяч заявлений с просьбой о принятии в совгражданство. Итак, первый вывод: в результате победоносной Великой отечественной войны Советского Союза изменилось политическое лицо русской эмиграции в Китае.

Аналогичные изменения произошли и в других странах. За этим последовал Указ Президиума ВС СССР, предоставивший бывшим подданным царской России возможность приобрести гражданство СССР и лицам, потерявшим гражданство СССР, – восстановить его. В результате на 30 сентября 1946 г. в Китае было подано 155 090 заявлений о приёме и восстановлении в гражданстве СССР. Из них:

По Маньчжурии 47 564

По Северному Китаю и Шанхаю 12 529

По Синьцзяну 94 997

Итого: 155 090 человек»³³.

Репатриация советских граждан и бывших российских подданных в СССР проходила в три этапа: в связи с продажей КВЖД в марте 1935 г., по окончании Второй мировой войны и после февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г., посвящённого подъёму целинных и залежных земель, в результате чего было принято решение правительства о привлечении к разработке целины русских, живущих в Китае. Большинство этих людей подверглись репрессиям и поражением в правах³⁴. В результате репатриации в СССР было вывезено около 140 тыс. чел. Общее количество легально выехавших из Китая вообще эмигрантов с 1954 по конец 1962 г. составило почти 280 тыс. чел., что существенно превысило численность советской колонии, которая составляла по итогам советизации после Второй мировой войны 155 тыс. чел.

Репатриация вызвала новую волну советизации, которая затронула преимущественно население Синьцзяна. Русским, украинцам, татарам гражданство СССР предоставлялось автоматически, и власти КНР не препятствовали их выезду. Иной была ситуация с казахами и уйгурами. В мае 1955 г. МИД КНР по запросу властей Синьцзян-Уйгурского автономного района распорядился

считать всех рождённых на территории страны казахов и уйгур гражданами Китая. Всего во второй половине 1950-х гг. восстановили или пролонгировали советское гражданство более 200 тыс. чел.³⁵

Вопросы национально-культурного строительства в русскоязычных колониях Китая ещё требуют серьёзных исследований. Надеемся, что в ближайшее время нас ждёт немало интересных открытий и публикаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернолуцкая Е.Н. К вопросу о численном составе российских национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы 1-й междунар. науч.-практ. конф. / [отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая, Г.И. Каневская]. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 26, 27, 29, 31, 33; она же. Проблемы этнической истории Приморья // Многонациональное Приморье: история и современность / [редкол.: Е.Г. Краснов и др.]. Владивосток, 1999. С. 9–14; она же. Украинская национальная колония в Харбине (перв. пол. XX в.) // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры: Докл. и сообщения науч. конф., 7–8 окт. 1993 г., Южно-Сахалинск / [отв. ред. М.С. Высоков]. Южно-Сахалинск, 1994. С. 89; она же. Товарищество «Дом Польский» во Владивостоке (1917–1928 гг.) // Там же. С. 74–87; она же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011; Арсудалева Ю.В. Приморские старообрядцы в изгнании // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 173; она же. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; она же. Эмиграция русских крестьян Дальнего Востока в Маньчжурию // Трагедия русского Трёхречья (<http://xxl3.ru/pages/argudaleva.htm>).

² Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009; Мизь Н.Г. К истории армянской диаспоры // Многонациональное Приморье. С. 72–73; Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Там же. С. 34–37; Янкевич В.Ю. Евреи во Владивостоке // Там же. С. 68–70; Черномаз В.А. Украинцы Приморья: прошлое и настоящее // Там же. С. 26–34; она же. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009; она же. Реализация идеи национально-культурной автономии на Дальнем Востоке: исторический опыт (<http://zeleniyklin.com.ua>); Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999; Дубинина Н.И., Ципкин Ю.М. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции // ОИ. 1996. № 1. С. 70–84.

³ Лукин А.В. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения: XVIII–XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 154.

⁴ Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. науч. ст. / ред. Г.Б. Дудченко. Владивосток, 2000. С. 3.

⁵ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.). Хабаровск, 2003; она же. В поисках национальной России. Русский фашизм в эмиграции, 1920–1940 гг. // Уроки Холокоста и проблемы формирования толерантности в российском обществе: Сб. материалов междуз. науч.-практ. конф., 20 апр. 2002 г. / ред. М.А. Ковальчук. Хабаровск, 2002. С. 53–59; она же. Русская эмиграция в Китае: В поисках будущей России // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 5–22; она же. Российская эмиграция в Китае: 1920–1950-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004.

⁶ Нам И.В. Указ. соч. См. также: Романова В.В. Российские евреи в Харбине // Диаспоры. 1999. № 1. С. 115–142; она же. Евреи на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Хабаровск, 2000; Чернолуцкая Е.Н. Из истории латышской общины Харбина (конец 1910 – начало 30 гг.) // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 123–128; Кротова М.В. Культурная антимония на примере многонационального Харбина (первая пол. 20 века) // Этнические процессы в глобальном мире: Материалы ежегодной междисциплинарной науч. конф. / [редкол.: В.Б. Александров, И.В. Земцова, А.С. Минин]. СПб., 2009. С. 85–90.

⁷ Дубаев М.Л. Политическая борьба в среде русской эмиграции на Востоке: Китай. Первая половина XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁸ Вопросы национальных и федеративных отношений: сб. науч. ст. М., 2010; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе: Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011; Многонациональное Приморье: история и современность; Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кн. 1–2; Черномаз В.А. Общественно-политическая деятельность украинской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) // Там же. Кн. 2. С. 33–41; Черникова Л.П. Тюрко-татарская эмиграция в Харбине и Шанхае // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / [редкол.: Н.И. Дубинина и др.]. Хабаровск, 2008. С. 157–165; Сапелкин А.А. Из истории польской колонии Харбина (1896–1932 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / [отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забяко]. Благовещенск, 2002. Кн. 3. С. 464–469; Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Японии. Б.м., 2007.

⁹ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015 (<http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%94%D0%B8%D>

1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%9A%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf).

¹⁰ *Вертилецкая Е.В.* Репатрианты в Свердловской области в 1944 – нач. 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; *Смирнов С.В.* Русские офицеры в военизированных и армейских подразделениях Маньчжоу-го (1932–1945 гг.) // *Белая армия. Белое дело.* 2006. № 15. С. 95–102; *он же.* Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го (1938–1945 гг.). Екатеринбург, 2012.

¹¹ *Ван Чжичэн.* Жизнь русской эмиграции в современном Шанхае. Шанхай, 2008 (на кит. яз.); *он же.* История русской эмиграции в Китае. Шанхай, 1993 (на кит. яз.); *он же.* История русской эмиграции в Харбине. Харбин, 2003 (на кит. яз.); *он же.* История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Л.П. Черниковой. М., 2008 и др.

¹² *У Яньцю.* Национальное общество российской эмиграции в Китае и его деятельность в 20–40 годы XX века // *Инновации в науке: сб. ст. по материалам XXII междунар. заочной науч.-практ. конф.*, 15 июля 2013 г. / [отв. ред. А.И. Гулин]. Новосибирск, 2013. С. 141–148; *она же.* Российские диаспоры в Китае в первой половине XX века: национальный состав, проблемы адаптации и тенденции развития // *Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф.*, Владивосток, 6–8 окт. 2014 г. / отв. ред. С. Дударёнок. Владивосток, 2014. С. 212–216.

¹³ *Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию)* // *АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. 1947 г. П. 132. Д. 48. Л. 57–68; Белая эмиграция в Маньчжурии (Вырезки из газет)* // Там же. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 27 (без пагинации); Д. 28 (без пагинации).

¹⁴ *Курбатов Ю.И.* Культурно-просветительская деятельность поляков в г. Владивостоке в 1917 г. // *Многонациональное Приморье.* С. 64–66; *Ефимова М.И.* Польские католики в Харбине (1897–1933) // *Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе.* Кн. 2. С. 179–186; *она же.* К истории польской колонии во Владивостоке // *Многонациональное Приморье.* С. 66–68.

¹⁵ *Абенова Г.Э.* Казахская диаспора в КНР // *Владивосток – точка возвращения.* С. 62–63; *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997 (<http://bibliofond.ru/view.aspx?id=72199>).

¹⁶ *Российское земляческое единение в Харбине* // *Рубеж.* 1936. № 15 (4 апреля). С. 16; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 219.

¹⁷ Там же. С. 224.

¹⁸ *АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 27. Л. б. п.* (вырезка из статьи «Русское гражданское общество – представительный орган всех эмигрантов. Как рисуют власти идею объединения внеподанных. Задачи гражданского общества не будут иметь политических мотивов» газеты «Заря». 1934. № 249 (14 сентября). С. 5).

¹⁹ *Бар-Нави.* Тяньцзиньская еврейская гимназия // *Еврейская жизнь.* 1927. 14 августа. С. 16–18; *О.р.* Еврейская школа в Тяньцзине: К 15-летию её существования // *Рубеж.* 1940. № 50 (7 декабря). С. 19–20; *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 281–282.

²⁰ Там же. С. 224.

²¹ *Мальшенко Г.И.* Идеино-политическая борьба в среде качества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 93; *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 128–129.

²² *Панченко В.В.* Этнополитические процессы в районе стыка границ России, Казахстана, Монголии и Китая, в конце XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 64.

²³ *Савский Г.* Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // *Рубеж.* 1941. № 40/13 (4 октября). С. 12–14; *Украинская национальная колония // Великая Маньчжурская империя. К 10-летию юбилею.* Харбин, 1942. С. 318–320; *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 282–283.

²⁴ *Жизнь украинской колонии в Шанхае. Создан Украинский эмигрантский комитет* // *Шанхайская заря.* 1940. 11 января. С. 5; *Воблый Б.* Письма в редакцию // Там же. 3 марта. С. 4; *Как живут украинцы* // *Неделя.* 1941. 30 ноября; *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 282–283.

²⁵ *Тюрко-татарская община // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею.* С. 316–318; *Савский Г.* Указ. соч. С. 12–14; *Мусульманская община (в Тяньцзине)* // *На пути к Родине.* 1939. № 1. С. б.п.; *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 279–280.

²⁶ *АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 27. Л. б.п.* (статья «Мусульманская страница. Перепись тюрко-татар в Харбине» из газеты «Харбинское время». 1934. № 184 (957) (13 июля). С. 6).

²⁷ *Белая эмиграция в Маньчжурии (вырезки из газет)* // *АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 28. Л. б.п.*

²⁸ *АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 27. Л. б.п.* (статья Хусейна Абдоша «Пути к объединению» из газеты «Харбинское время». 1937. 13 июля. С. 5).

²⁹ *АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 1. 1934 г. П. 3. Д. 27. Л. б.п.* (статья «Прибыл лидер тюрко-татарского объединения. Аяз Исхаки о своих задачах» из газеты «Заря». 1934. 23 августа. С. 6).

³⁰ *Усманова Л.Р.* Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. Трансформация сознания: Исторический и социологический аспекты. Между 1898 и 1950-ми гг. Токуо, 2007.

³¹ *Усманова Л.Р.* О тюрко-татах в Маньчжурии и Японии: Интервью Бим-радио (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bimru.ru/article/1084/14/>).

³² Краткий обзор деятельности Шанхайского грузинского общества (находящегося по адресу: Шанхай, Рут Кардинал Мерсье, пом. № 319) // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 33. 1946 г. П. 127. Д. 45. Л. 6–12.

³³ Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию) // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. 1947 г. П. 132. Д. 48. Л. 57–68.

³⁴ *Хисамутдинов А.А.* Указ. соч. С. 215–216.

³⁵ *Ткаченко Н.Н.* Демографическая правовая политика в контексте национальной безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 29 (<http://cheloveknauka.com/demograficheskaya-pravovaya-politika-v-kontekste-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>).

О.В. Чуракова

Жёны русских учёных – спутницы опальных пассажиров рейсов «философской флотилии» начала 1920-х годов

Аннотация: «Добровольный» исход из Советской России в начале 1920-х годов представителей интеллигенции, известный как «философский пароход» («философская флотилия»), – явление достаточно хорошо изученное. Однако гендерный аспект депортации учёных остаётся исследовательской лакуной. Вслед за «непокорниками» в изгнание отправились их жёны, став «огромной духовной поддержкой» (Николай Бердяев) мужьям в процессе адаптации к жизни на чужбине.

Annotation: The article examines the gender aspects of life of Russian philosophy emigration at the beginning of the 1920s in Europe: the wife's role in organization of everyday life, their care for the families and overall support for exiles abroad.

Ключевые слова: эмиграция, гендерные исследования, русское зарубежье, «философский пароход».

Key words: emigration, Russian Abroad, Gender studies, «philosophical steamboat».

Всех их вон из России!
В.И. Ленин

Не было более ни родины, ни безопасности. Вместо этого были растерянность, страх и нищета.

Н.А. Тэффи. «Сырьё»

«Философский пароход» / «философская флотилия» – выражение, ставшее крылатым и нарицательным, означает «добровольный» исход из страны инакомыслящих. Эта метафора является олицетворением репрессий в отношении интеллигенции в советской России. По мнению исследователя В.Д. Тополянского, это «броское определение иррациональной депортации интеллектуального потенциала государства»¹. Действительно, за несколько месяцев в 1922 году из страны были изгнаны более двухсот выдающихся учёных, из которых 11 были профессиональными философами. Кроме того, более половины выдворяемых были представителями гуманитарных профессий (литераторы, педагоги-филологи, историки, журналисты, юристы), то есть мыслителями. Следовательно, номинация «философский» вполне заслуженна.

Вторая часть выражения – лексемы «пароход» / «флотилия» – также оправданна, так как большая часть изгоняемых отправлялись в вынужденную эмиграцию на пароходах. Наиболее известны рейсы немецких пассажирских судов «Oberbürgermeister Haken» и «Prussia», на которых из Петрограда в Штеттин были отправлены Михаил Осоргин (М.А. Ильин), Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, А.И. Угримов, В.В. Зворыкин, Н.А. Цветков, И.Ю. Баккал, В.И. Ясинский. Другая часть вынужденных эмигрантов добиралась по железной дороге: в Ригу ехали А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев, А.И. Сигирский; в Берлин – Ф.А. Степун, Н.И. Любимов и др. Пароходы с изгнанниками шли также из Одессы и Севастополя.

История административной высылки 1922 года – «многоаспектное явление с пролонгированными последствиями»² – достаточно хорошо изучена; основные архивные документы введены в научный оборот³. Однако исследовательской лакуной остается гендерный аспект «укрощения строптивых». Между тем, вслед за учёными «непокорниками» на чужие берега отправились их жёны, дочери, матери, став «огромной духовной поддержкой» (Николай Бердяев) в процессе адаптации к жизни на чужбине. Пассажиры «философского парохода» продолжили традиции жён староверов, декабристов и революционеров, добровольно деливших с мужьями невзгоды «каторги и ссылки». С философской эмиграцией 1920-х годов эти союзы роднит то, что в данных браках связующим звеном было духовное родство: жёны разделяли религиозные и политические устремления мужей.

К 1922 году российские философы-теологи уже прошли стадию жизни в «полосе отчуждения» в своей стране. Об этом свидетельствует философско-религиозное осмысление революционных преобразований в стране в 1917–1919 гг. Например, по мнению Николая Бердяева, судьба России трагична, так как вместо Третьего Рима здесь возник Третий Интернационал⁴. Однако, несмотря на неприятие нового строя, большая часть российской интеллигенции оставалась жить в родной стране после революции 1917 года и терпела «голод, постоянные обыски, ледяной холод, грязную атмосферу лжи и смерти» (З. Гиппиус). Сложнее, нежели голод («голодать русские писатели привыкли», – писал Е.И. Замятин), интеллигенция переносила духовную диктатуру. Новой властью учёные расценивались как «явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов». По мнению В.И. Ленина, «растлителей учащейся молодёжи» надлежало уничтожить морально и физически⁵.

За политическую активность и оппозиционные взгляды российских мыслителей ждали репрессии. А.А. Кизеветтер сидел в советской тюрьме трижды: его арестовывали в 1918, 1919 и 1920 гг. Пять раз побывал в лубяньских застенках С.П. Мельгунов, к тому же его семья пережила 25 обысков. По делу «Тактического центра» (по мнению самого Мельгунова, никакого «Центра» не было – это была инспирация ВЧК) его даже приговорили к смертной казни. Кстати, в числе осуждённых по делу «Тактического центра» были и женщины, например, дочь Льва Николаевича Толстого, Александра. А.Л. Толстая «очень смело держалась», но «погубила себя последним словом», заявив, что считает большевистский суд насильем. В результате дочь великого писателя получила три года концлагерей. С.П. Мельгунову помогло избежать подобной участи

заступничество научной общественности и В.Н. Фигнер: Сергей Петрович был освобождён и позднее выслан из России.

В первые годы второго десятилетия XX века тактика борьбы с диссидентами в советской России изменилась. В 1920 году за деятелями культуры и учёными, особенно членами оппозиционных к новой власти партий, был введён негласный надзор ВЧК. Комиссиями были составлены списки инакомыслящих, у которых проводились регулярные обыски. В 1921 г. начались процессы против деятелей Всероссийского комитета помощи голодающим, большинство из них подвергли административной высылке в отдалённые регионы страны, а впоследствии (в июне 1922 года) отправили за рубеж (среди первых – «крёстную мать» Помгола Екатерину Дмитриевну Кускову и С.Н. Прокоповича). На допросах «помголовцев» выяснилось, что в период работы комитета его активисты вели дискуссии о положении в стране и возможности падения режима. Это послужило поводом для новых арестов, а поскольку показания эти были «вытребованы» у ректора зоотехнического вуза, то на сей раз репрессии были направлены против учёных.

Причина была ещё и в том, что, несмотря на атмосферу духовного удушья и угрозу физической расправы, в 1921–1922 гг. в России действовали философские, философско-историческое, психологическое общества, Вольная философская ассоциация, Вольная академия духовной культуры и другие объединения, где обсуждались самые жгучие проблемы современности. Чаше всего данные собрания проходили на дому у профессоров: например, участники Вольного Философского общества заседали в московской квартире Н.А. Бердяева. Здесь собиралась интеллектуальная элита Москвы: Андрей Белый, Семён Франк, Лев Шестов, Сергей Булгаков, кроме того, бывали социал-демократы, анархисты и проч. Дискуссионной площадкой служили и открывавшиеся в период «оттепели» НЭП журналы и альманахи. На страницах печатных изданий появились такие «крамольные» произведения, как «Не удастся никогда социализм» Н.А. Бердяева, «Я боюсь» Е.И. Замятина, «О допущении свободного обмена идей по любому вопросу», передовая статья журнала «Летопись Дома литераторов», труды Питирима Сорокина и др. В ответ на публикации П.А. Сорокина В.И. Ленин отреагировал: «рабочему классу следует “вежливенько” препроводить в страны буржуазной “демократии” учёных, подобных этому автору». «Вежливость» властей отнюдь не означала либерализации курса: в условиях начавшейся Новой экономической политики это было лишь сменой тактики. Письма Ленина в эти годы полны негатива по отношению к оппозиционерам: «решительно искоренить!», «всех выслать!», «Комиссия... должна составить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно», «всех их вон из России!»⁶

Поводом для начала кампании послужили массовые забастовки профессорско-преподавательского состава вузов и оживление общественного движения в среде интеллигенции зимой-весной 1922 года. В мае 1922 года В.И. Ленин прорабатывает вопрос «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»⁷, в июне была составлена докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», где подробно излагалось отношение власти к деятельности «антисоветской интеллигенции в различных обществах», «на различных ведом-

ственных съездах», в трестах и торговых учреждениях, регламентировалась работа частных издательств⁸. Кроме того, была создана специальная комиссия по репрессивной политике в отношении инакомыслящей интеллектуальной элиты. По мнению В.И. Ленина, надо было «поставить дело так, чтобы этих военных шпионов изловить... и выслать за границу»⁹.

Кроме вузовской профессуры, репрессии коснулись и других групп «буржуазных интеллигентов»: врачей, юристов, экономистов, агрономов, кооператоров, инженеров, священников и т. п. В июне 1922 года были арестованы руководители и некоторые участники 2-го Всероссийского съезда врачебных секций и секции врачей Всемедикосантруда и других съездов, так как, по мнению властей, «на съездах врачей, агрономов, сельскохозяйственной кооперации звучали нотки политической оппозиции против советского режима; принимались контрреволюционные резолюции о восстановлении земского и городского самоуправления, упразднении советской медицины и... целый ряд других буржуазно-реставрационных постановлений»¹⁰.

В разосланном в 1922 году начгуботделам ГПУ циркулярном письме говорилось о «процессе политического пробуждения в высшей школе», о том, что «контрреволюционные элементы профессуры пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды»¹¹. В августе прошли «чистки» рядов профессуры – «ревнителей капиталистической реставрации», в начале сентября вслед за педагогами были «обезврежены» студенты, уличённые в нелояльности к существующим порядкам. Но «меры пресечения» к выявленным в 1922 году «враждебным элементам» были различными. Например, большинство врачей постановили выслать во внутренние районы страны, где необходимо было продолжить борьбу с голодом и эпидемиями. Что касается учёных, то для них высшими советскими органами было разработано постановление об административной высылке, и 16–18 августа в крупных городах России прошли аресты. Осенью 1922 года от нелояльных граждан избавились на Украине и в Грузии. Депортация интеллигенции продолжилась и в 1923 году. Так была решена участь самых выдающихся мыслителей России.

Механизм приведения в действие карательной политики депортации представляется возможным проследить на примере расправы с московскими «непокорниками». На Лубянке «подлежащих административной высылке» заставляли подписывать обязательство покинуть пределы РСФСР в пятидневный срок; в противном случае их выслали бы этапным порядком. Большинству из них предъявляли обвинение в «проведении антисоветской агитации». Но чаще – просто ставили перед фактом необходимости покинуть родину. Например, И.И. Лапшин вспоминал: «Я не получал никакого личного обвинения и не подвергался ни одному допросу, но всем высылаемым было объявлено общее обвинение в агитации – постоянном противодействии начинаниям Советской власти»¹². Во «внутренних» «обвинительных документах» в качестве основания для ареста значилось: «злостный меньшевик», «вредный кадет», «быв. крупный домовладелец, осторожен, правее кадетов», «крупный и активный черносотенец», «ориентируется на польскую буржуазию, пролаза ловкий», «определённая кадетка, злостная, открыто, умно и злобно выступает на врачебных собраниях».

Среди арестованных в 1922 году были и женщины, в основном преподавательницы (Надежда Григорьевна Антоновская, Елена Валентиновна Корш), студентки (Татьяна Игнатьевна Гольдовская, Евгения Алексеевна Дояренко, Варвара Сергеевна Майкова, Наталия Владимировна Майкова-Попова, Варвара Павловна Никитина, Елена Васильевна Прилежаевская, Наталья Даниловна Шрейдер), юристы (Пелагея Ивановна Орлова), врачи – депутаты «репрессированного съезда» Всемиликосантруда (Любовь Михайловна Горвиц-Власова, Софья Дейч, Юлия Николаевна Садыкова (Садикова), Анна Яхнина-Конторович, Фалина, Франк). Часть из них были высланы во внутренние регионы страны, другая часть – из страны. Некоторые из арестованных женщин были освобождены из-под стражи, а их дела сданы в архив. Наиболее полный список лиц, прошедших через следственные дела, приведён в электронном альманахе «Россия. XX век. Документъ»¹³.

Репрессии коснулись не только самих учёных, но и членов их семей. К сожалению, сведения о составе семей этих людей отрывочны, источники, касающиеся их, не введены в научный оборот по сию пору. Между тем, для женщин и детей вынужденная эмиграция – трагедия и политическая, и духовная, и психологическая. С одной стороны, по словам Фёдора Степуна, изгнанники готовы были «искренне благодарить судьбу за то, что... распахнулись двери тюрьмы, что мы уже дышим воздухом свободы, без которого жить нельзя», что «за границей не надо будет ежедневно бояться доносов, тюрьмы и ссылки»¹⁴. Жена Степуна, узнав о ссылке, «успокоилась – грустно, что высылают, но что не ссылают, конечно, счастье»¹⁵. Поэтому, например, С.П. Мельгунов, у которого накануне отъезда случился острый приступ аппендицита, всё же предпочёл не оставлять на операции, а перебраться за рубеж: ГПУ могло изменить решение и заменить депортацию арестом. Вместе с Сергеем Петровичем из страны уехала и его жена, Прасковья Евгеньевна Мельгунова (Степанова), известная мемуаристка, литератор, общественная деятельница. Позднее она организует в Париже Комитет помощи русским эмигрантам.

Но, с другой стороны, большинство изгнанников не желали покидать Родину. «Добровольно мы никогда бы не покинули свою Отчизну, а тем более, когда она в такой чёрной беде»¹⁶, – писал Иван Ильин. Сергей Булгаков по пути в Константинополь в своём дневнике писал: «От родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться, и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь». Дочь Угримова, пассажирка первого «философского парохода», вспоминала: «Для нас это была катастрофа. Отъезд – горе». И это при том, что для российских философов жизнь в 1922 году в стране Советов была «нравственно невыносима... в духовной пустоте, в мерзости нравственного запустения»¹⁷.

Выдворявшимся из пределов родной страны предстояло решить и массу «технических проблем»: получить визы, паспорта, достать иностранную валюту (за хранение её полагалась тюрьма и даже смертная казнь), арендовать «классные места» на уходящих в Европу поездах и пароходах. Михаил Осоргин вспоминал: «Легко сказать – ехать! А виза? А паспорт? А транспорт? А иностранная валюта?»¹⁸.

По воспоминаниям одних «путешественников» (Ф. Степуна, М. Осоргина), с собой дозволялось брать минимум вещей, было запрещено брать с собой драгоценности, даже нательные кресты. А вот Татьяна Сергеевна Франк уверяет, что «было позволено вывезти всё, что мы хотим, деньги и драгоценные

вещи». Однако она вспоминает, что уже на корабле «большевики оставили отвратительное впечатление. Они Васю маленького, который был курчавый, и мою девочку – Наташу – осмотрели с ног до головы: волосы растрепали, в штанишки залезли. Только их, а взрослых почему-то – нет. Вероятно, решили, что если мы что-то прячем, то прячем на них»¹⁹. То есть драгоценности всё же взять собой не дали, а следовательно, начинать «новую» жизнь эмигрантам предстояло с нуля. В тех же мемуарах Степуна читаем: «Как мы ни считали, как дорого в мечтах ни продавали, что можно было продать (мою и Наташину шубы, пары три стоптанных валенок, сажень сухих дров), было ясно, что обернуться своими силами нам будет невозможно»²⁰. Угримовым позволили взять «расширенный багаж» и 200 рублей золотом на каждого взрослого человека. Но, тем не менее, следует признать, что почти все вынужденные эмигранты уезжали без финансового обеспечения.

Психологически ситуация усугублялась тем, что не все изгнанники могли уехать с семьями и были вынуждены оставить в России своих близких и учеников. Например, студенты И. Ильина рассказывали о трогательной сцене прощания Ивана Александровича со своей матерью на вокзале перед отъездом: «высокий-высокий Ильин и маленькая Екатерина Юльевна, вся в слезах, и осеняющие друг друга крестным знамением. Увидеться им было уже не суждено, как и большинству других разлучённых семей. Остался в России старший сын отца Сергея Булгакова Фёдор, однако в Париже в доме Сергиева Подворья 19 лет будут “держат угол” для него. Отец Сергей с женой, дочерью Марией и сыном Сергеем уезжали через Севастополь на итальянском судне “Jeanne”». По пути отец Сергей писал: «Дело России может делаться сейчас... только на Западе, – и путь в “Третий Рим”, сейчас подобно Китежу скрывшийся под воду, лежит для меня через Рим второй и первый»²¹.

Не поехала в эмиграцию, оставшись с сёстрами по религии (доминиканками), матушка Екатерина – жена отца Владимира Абрикосова. Екатерина Абрикосова погибла в 1935 году в Бутырской тюрьме. «Мучительную сложную боль этого прощального часа» пережили все отъезжающие.

Атмосферу, в которой проходили сборы в дорогу, поездка и первые месяцы пребывания за рубежом, передают мемуары детей пассажиров философской флотилии. Прежде всего подвергшихся административной высылке людей мучил вопрос о причинах репрессий. «Я подумал: за что меня изгоняют? Не за политические деяния... ставят мне в вину мою религиозно-философскую идеологию», – констатировал Н.О. Лосский²². Ещё более эмоционально выразил чувства изгнанников А.А. Кизеветтер: «Из-за чего я не могу вдохнуть Родного воздуха...? Из-за того ль, что я не запялнул Своей души изменническим торгом И палачей России не лобзал С подобострастно-напускным восторгом?»²³. Стихи Александра Кизеветтера сохранила его дочь Екатерина Максимович. Она же оставила и подробное описание событий, связанных с отъездом в Германию. Свои впечатления от поездки опубликовали дети философа Угримова (неофициальный староста «философского парохода»). Представляется интересным сравнить гендерную специфику мемуаров его сына Александра и дочери Веры.

Александр Угримов пишет о поездке на пароходе: «Помню в баре Михаила Андреевича Осоргина, с кривой усмешкой вступившего в новый цикл изгна-

ния, после уже солидного стажа политической борьбы за “счастливое будущее” России, которая никак не шла по светлому пути, уготованному ей всезнающей интеллигенцией. По палубе разгуливали Бердяев с женой и belle-soeur, Ильин, белокурый Мефистофель, как раз такой, каким его живописал Нестеров, глубокомысленный Франк, окружённый своими “сантимами”, как прозвали его детвору, и все прочие»²⁴. Ещё более детализированно и эмоционально, в силу женской специфики восприятия событий, передаёт свои впечатления от поездки Вера Угримова²⁵.

По инициативе ещё одной женщины был создан уникальный источник – буквально репортаж с места событий, передающий настроения пассажиров «философской флотилии». Это альбом (тетради) Анны Александровны Евреиновой. По её просьбе пассажиры парохода «Prussia» по пути в Германию оставили свои заметки и поделились размышлениями о пережитых событиях. Рефлексия на происходящее одновременно трагична и не лишена пафоса. «Покидая с тяжёлым чувством Россию, надеюсь использовать ссылку как командировку и послужить ещё Родине, которая жива и не погибнет», – записал в тетрадь А. Евреиновой агроном, профессор Б.Н. Одинцов²⁶.

Следует отметить ещё одну трагическую деталь: по свидетельству М. Осоргина, депортируемым не разрешили взять с собой «ни одной писаной бумажки, ни одной книги». Учёные вынуждены были распрощаться со своими библиотеками, рукописями, архивами, со всем, без чего не мыслилось продолжение умственной работы. Между тем, большинство из них не имели навыка иной деятельности, кроме научной и преподавательской, а в эмиграции перед ними неизбежно вставала проблема трудоустройства. Вопреки надеждам изгнанников, никто особенно не ждал их на Западе. «Белая эмиграция» относилась к вновь прибывшим настороженно, расценивала их как агентов большевистской власти («они не высланные, а засланные»), а «буржуазные газеты хранили молчание»²⁷.

В контексте «свои / чужие» шло и восприятие Запада членами семей беженцев. «Поля расчёсаны гладенько, как грядки в огороде, но мне на них почему-то смотреть не хочется, вся эта сверхаккуратность немецкая мне противна, а Европа кажется враждебной. Я что-то сквозь зубы отвечаю отцу», – вспоминает Угримов-младший. Он же отмечает: «пока мы ехали по морю и кругом была вода, не было чувства острой разлуки, но когда мы ступили на немецкую землю, стало очевидно: чужбина!»²⁸

Весьма сложно проходил психологический процесс вживания в новую социокультурную среду и у старших членов семей эмигрантов. Несмотря на ряд благоприятных факторов (знание языков, опыт жизни за границей, интеллектуальный потенциал, позволяющий рассчитывать на получение адекватной работы), адаптация к жизни за рубежом осложнялась ощущениями чужеродности и «временности» пребывания. Большинство из высланных оппозиционеров советской власти надеялись через год вернуться в Россию. Тем не менее, надежды на быстрое возвращение не сбылись, и большинству вынужденных эмигрантов в 1920-е годы пришлось ускоренно пережить определённые стадии адаптации (или аккультурации) к новой социокультурной среде.

Исследователи русского зарубежья предлагают различные понятия и классификации стадий вживания в мир другой страны. Последователи П.Е.

Ковалевского используют термин «денационализация». Денационализация – вхождение в новую нацию, принятие её строя и лояльное отношение к стране, гражданами которой становятся прибывшие²⁹. Понятия «интеграция», «адаптация», «ассимиляция», «натурализация» использует М. Раев. Психологи, например, канадский исследователь Дж. Берри, выделяют различные стратегии аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепаратизм, маргинализация. Психологическую аккультурацию рассматривают Т. Стефаненко, Н. Лебедева, Л. Орбан-Лембрик, Г. Пиреней, С. Ениколопов, А. Шлягина, Ю. Платонов, В. Крысько и др.

Этнопсихолог Г. Триандис выделяет пять этапов процесса адаптации эмигрантов: первый этап – «медовый месяц», время энтузиазма и больших надежд; второй – адаптации, когда состояние временной эйфории проходит, и человек начинает чувствовать себя «чужаком». Кульминация наступает на третьем этапе, когда индивиды, не сумевшие адаптироваться к новой культуре, чувствуют беспомощность и недовольство. На четвёртом этапе депрессия постепенно сменяется оптимизмом, уверенностью и удовольствием. Пятый этап характеризуется полной адаптацией личности к новой культуре³⁰.

Можно предположить, что большинство эмигрантов в 1922 году ускоренно прошли первую стадию адаптации и более длительное время находились на этапах второй и третьей стадий вживания в реалии чужеземной действительности. Вне сомнения, необходимо дифференцированное изучение процессов адаптации у различных социальных и профессиональных групп, где разнятся пути решения языковых проблем, преодоления психологического барьера, по-разному протекает эволюция экономической, общественной и культурной активности. У эмигрантов – аристократов и представителей российской интеллигенции, например, не было проблем с «языковым барьером»: большинство из них не только бывали в Европе, но и получали здесь образование. Это касается и женской половины эмигрантов, ведь время их юности приходилось на тот период, когда в России ещё не было полноценного женского высшего образования.

Однако социальная адаптация учёных на Западе проходила весьма сложно, нередко требовала коррекции автостереотипов. Следовало прежде всего получить документы, работу и заняться обустройством семейного быта. Массу трудностей порождали изменения паспортно-визового режимов в 1920–1930-е гг., особенно в Германии. Ходить по инстанциям и кабинетам офисов в силу особой гендерной специфики большинство учёных мужей не могли, как и заниматься проблемами быта. Следовательно, решение квартирного и продовольственного вопросов легло на плечи женщин. «Мама ходила снимать квартиру», – вспоминают дети Угримовых. Н. Бердяев метко обозначил процесс поисков квартиры (этим занимались жена, свояченица и теща философа): «Мои дамы бросились в бе-ээздну».

То, что жёны брали на себя мужские роли (ведущих, а не ведомых; покровителей, а не беспомощных представителей «слабого пола»), приводило к корректировке гендерных стереотипов. Изменение поведения эмигрантов зачастую порождало кризис гендерной идентичности у мужчин. Екатерина Угримова вспоминает, что «отец... сидел и плакал, совсем раскис», а жена утешала его. Эскалацию маскулинных качеств женщин подтверждает психо-

лингвистический анализ текстов эмигрантских женских мемуаров: «Я повела Семёнушку в горы», «...я спасала», – писала Татьяна Франк³¹. Нина Берберова свидетельствует: «Ходасевич бежал под защиту своего письменного стола, своих бумаг, печки и жены»³².

Таким образом, жёны философов (которые страдали, «томясь бездействием и неизвестностью относительно будущего»³³) должны были организовывать жизненное пространство так, чтобы создать необходимые условия для творчества своих мужей. Поскольку деятели русского зарубежья, как правило, меняли место жительства неоднократно, то понятие «дом» у них зачастую замещалось на «семью». Исследователь проблемы «дом как мифологема быта русского зарубежья» Е.В. Воронова отмечает, что в изгнании востребованными стали ассоциации дома как семьи. В культурной традиции России «дом» – это прежде всего семья, социальная организация. Например, у Владимира Даля лексема «дом» означает «семья, люди, живущие вместе». Высылку из отечества философы-эмигранты восприняли как потерю Дома и искали спасения в близких людях³⁴.

Подобная ситуация была у всей творческой интеллигенции зарубежья. И тем не менее, несмотря на то, что приехавшие в Европу в начале 1920-х годов «попали как раз на резкое и неудержимое вздувание цен», что крайне сложно решался во всех странах их пребывания «квартирный вопрос», во многом благодаря усилиям домочадцев, новым эмигрантам удалось развернуть религиозно-философскую и научную деятельность.

Главное, что помогло обрести стабильность в жизни новых эмигрантов, – гармония в отношениях со «второй половинкой», поддержка членов семьи. Большинство пар русского философского зарубежья были счастливы в браках: Николай Александрович и Лидия Юдифовна Бердяевы, Иван Александрович Ильин и Наталья Николаевна Вокач, Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна Франк, Фёдор Августович Степун и Наталья Николаевна Никольская, Лев Платонович и Лидия Николаевна Карсавины и многие другие. В этих союзах жёны были соратницами мужей: интересовались философией, занимались искусствоведением, историей, делали для них переводы и корректуру статей.

Подвигом любви была жизнь жены Семёна Франка, Татьяны Сергеевны (урождённой Барцевой): за 42 года семейной жизни она периодически спасала мужа от «красных», «зелёных» и «коричневых». Её мемуары «Наша любовь» и «Память сердца» – свидетельства о том, как удалось этой паре пронести свою любовь через испытания, гонения «жестокой жизни вне родины», где они были «всегда везде чужие». Подобно легендарной Элоизе Фульбер, возлюбленной философа Пьера Абеляра, Татьяна Франк понимала, что нельзя связывать мыслителя бытовыми проблемами, и учила детей «жить так, чтобы не отвлечь отца... от самого важного в жизни его дела – дела мысли и творчества». Избежав ареста и тюрьмы в Советской России, расправы «зелёных» в период гражданской войны, Франки попали в подобную ситуацию в Германии после прихода к власти нацистов. Интересно то, как единодушно негативно оценили личность будущего фюрера российские эмигрантки буквально по первым услышанным ими его выступлениям: «изувер-безумец» (Татьяна Франк), «хриплый рёв буйнопомешанного» (Лидия Бердяева)³⁵. Прозорливость

и интуиция – особенности женской натуры, не раз спасавшие в критические моменты семьи российских изгнанников.

Франкам, как и всем евреям-эмигрантам из России, пришлось сменить место жительства в период Второй мировой войны и вновь испытать нужду, голод, лишения. Во Франции в период немецкой оккупации жена С. Франка в течение нескольких месяцев прятала его в горах рядом с маленьким хутором близ Гренобля. Она вспоминала: «Время было страшное, рядом немцы зверствовали, ловили евреев. Часто моя хозяйка сообщала мне, что немцы налетели на соседнее местечко, и я со стыдом и болью вела Семёнушку в горы, чтобы спрятать его там, спускалась много раз, чтобы принести ему еду или чай. Не забыть мне этого жгучего стыда за людей, когда я видела этого человека, когда смотрела в его лицо. Нелепо задавать вопросы: за что? почему? Ответа нет, кроме одного: люди открыли в себе дикого зверя и жили его законами». Но мужественная женщина была готова «всё отдать, только не потерять его, спасти, и спасла»³⁶. Подобный пример подвижничества в семейной жизни – не единственный в русском зарубежье.

Однако коммуникативные практики складывались в семьях философов-изгнанников по-разному. Пример тому – брак Николая Александровича Бердяева и Лидии Юдифовны Рапп. Лидия с юности искала ответ на вопросы: «куда приложить свои силы, жажду деятельности, по какой дороге пойти, чтобы выйти на истинный путь», и даже переписывалась на эту тему с Л.Н. Толстым³⁷. Вместе с первым мужем Лидия занималась революционной деятельностью. По терминологии российских феминисток, они с сестрой Евгенией были «культурицами», например, вели занятия в рабочих кружках. Тогда Лидия чувствовала себя социально востребованной, а вот свой петербургский период жизни, когда она и Николай Бердяев были вхожи в салоны столичной богемы, Лидия Юдифовна оценивала как потерянное время. Она даже писала об этом в своих стихах («не лишённых дарования и остроумия», по отзывам современников): «Дни и годы лениво растрчиваю, / Как бабочка пыль по цветам...». Лидия Юдифовна создала художественный образ, ставший её жизненным кредо, обучаясь искусству скульптуры в Париже: «глаза к небу, руки к земле, к людям с их скорбью и мукой» – и старалась соответствовать этому эталону в период жизни в Европе.

Интересно, что супружеская пара Бердяевых была гармонична внешне и внутренне, при полной несхожести их темпераментов. По описаниям их друзей, у Лидии были «редкостные глаза и по красоте редкостный профиль», «прекрасные прозрачно-зеленоватые глаза сфинкса», она была «античная маска с саркофага». Николай Бердяев, по мнению окружающих, был «красавец, кудрявый брюнет с алмазами – горящими талантом и мыслями глазами»³⁸. Крестьяне, жившие по соседству с их дачей, окрестили его «патлатым» и, по словам М. Осоргина, считали его «атаманом». Именно эта роль была присуща Н.А. Бердяеву и в российский, и в эмигрантский периоды жизни. Квартиры Бердяевых в Москве, Берлине и Кламаре близ Парижа всегда были местом собраний единомышленников. Николай Александрович любил, когда в доме было много гостей, и всегда был душой компании. Лидия Юдифовна, напротив, ценила уединение, не любила больших собраний и признавалась мужу: «Мне всегда был чужд и даже ненавистен всякий быт, а особенно семейственный. Я

всегда чувствовала себя как бы вне его, над ним. И атмосфера семьи, связывающая, контролирующая, опекающая, хотя бы и любовно – мне неприятна. Я какой-то духовный пролетарий. Нет у меня потребности в родине, в семье, в быте... Я очень люблю и ценю души человеческие, отдельные, самые противоположные. Но всё коллективное – не моё»³⁹.

Об особенностях своих отношений с мужем Лидия Бердяева писала вполне откровенно в своём дневнике. Она приводит общие с мужем суждения «о ценности... духовного общения, лишённого чего бы то ни было чувственного, телесного, к которому и я, и он, относимся и всегда относились с одинаковым презрением». Супруги полагали, «что подлинный брак есть брак духовный». Потому Лидия Юдифовна была счастлива: «И это тот брак, о котором я могла только мечтать, как о чём-то в земной жизни неосуществимом, и выпал со всеми его дарами на мою долю»⁴⁰. Не имеющая собственных детей, Лидия Бердяева переносила своё сострадание на близких ей людей младшего возраста. Об этом свидетельствуют записи в её дневнике: «такая жалость вдруг пронизывает меня, так захотелось всех собрать, отогреть, накормить, успокоить»⁴¹. Дочери Вяч. Иванова Лидии казалось, что Лидия Юдифовна говорит с ней «голосом Мамы». По отзыву Евгении Юдифовны Рапп, в сестре её «всегда поражало желание, чтобы каждый из нас (нас было трое) осуществлял своё призвание. Всегда во всём она предоставляла нам полную свободу. И когда в жизни мы делали ошибки, она стремилась помочь нам нести их последствия»⁴². Сама же Лидия Бердяева признавалась в том, как нелегко даётся ей этот подвиг милосердия: «Любить труднее всего ближних, а не дальних. Дальние – это всегда нечто отвлечённое, смутно-туманное. А ближние перед нами со всеми своими и слабостями, и пороками... Они часто ранят нас... и вот любовью преодолеть и их слабости, и раны, наносимые ими часто несправедливо, а иногда и вполне справедливо, и есть подвиг любви»⁴³. К подобным же выводам приходит и философ С.Л. Франк. По его мнению, «путь любви является единственным правильным и плодотворным путём борьбы со злом и победы над ним»⁴⁴.

Некоторые из изгнанников обрели семейное счастье уже в период жизни в эмиграции: князь Сергей Евгеньевич Трубецкой женился на княжне Марине Николаевне Гагариной, Михаил Андреевич Осоргин, третьим браком, на Татьяне Бакуниной. Его вторая жена – Рахиль (Роза) Гинцберг, дочь одного из идеологов сионизма Ушера Хирша – Ахад-ха-Ама, была выслана с мужем в Германию. В 1923 году Осоргины развелись, Рахиль жила в Париже, занималась юридической деятельностью, была активисткой Дамского комитета союза писателей и журналистов. Выбор соотечественниц русскими мыслителями не был случаен: совместить рационализм западной жизни с мечтательностью русской души удавалось очень немногим эмигрантам-мужчинам, и жить в союзе с родным по духу человеком было комфортнее. Таким парам легче было создать семью-дом, отвечающую представлениям о российском домашнем очаге. По мнению Б. Поплавского, в изгнании «значение любимого существа сразу же удесятеряется и отношения переносятся в религиозный план»⁴⁵.

В философском осмыслении роли семьи, любви, жертвенного служения интересны размышления русского философа Николая Арсеньева: «Ряд непередаваемых, невероятных человеческих трагедий и примеров такой же невообра-

зимой силы жертвенной любви и жертвенного служения ознакомили русскую историю семьи под советским игом»⁴⁶. Особенную роль, по мнению философа, играла российская семья в эмиграции: «семьи имели прежде всего *свою* особенно важную, нравственно формирующую, воспитывающую сердце, задачу. Это была и есть до сих пор... *живая сила* (курсив Н.С. Арсеньева. – О. Ч.)»⁴⁷.

Таким образом, жизнь в союзе с родственными по духу людьми помогала российской философской эмиграции не только преодолевать кризисы этнической и национальной идентичности, но и продолжать служение России. Вот мнение Николая Арсеньева: «Какой же смысл в существовании русской эмиграции? Смысл – в её служении... Эмиграция – ведь это одна сотая русского народа, но она – свободна, ... может и должна продолжать его духовную традицию, то есть помогать её сохранению»⁴⁸. Действительно, мыслители, изгнанные из России в начале 20-х годов XX века, составили золотой фонд русского зарубежья. В том, что они смогли не просто выжить в условиях западной культуры, не потеряв себя, но и приумножили потенциал российского и мирового духовного наследия, сыграли большую роль, вне сомнения, спутницы опальных пассажиров рейсов «философской флотилии» 1922 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113.

² Квакин А.В., Постников Е.С. «Завоевание высшей школы»: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в переломное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 180.

³ «Очиستم Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы / под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова; сост. А.Н. Артизов, З.К. Водолянова, Т.В. Домрачева, В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М., 2008; Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М., 2005.

⁴ Лю Цзоюань. Историко-философский анализ «Русской идеи» Н.А. Бердяева // Социально-гуманитарные знания. М., 2009. № 4. С. 246–253; *он же*. Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева. Взгляд из России и Китая: автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2010. С. 8.

⁵ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация интеллигенции в период НЭПа, 1921–1927. Саратов, 1991. С. 114.

⁶ Архивные документы секретного делопроизводства ВЧК-ГПУ по высылке интеллигенции в 1922 г. / предисл. В.С. Христофорова // НИИ. 2002. № 5. С. 142.

⁷ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация... С. 114.

⁸ Артизов А.Н. Указ. соч. С. 75–78.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 54: Письма, ноябрь 1921 – март 1923. С. 256–266.

¹⁰ Христофоров В.С. «Философский пароход». Высылка учёных и деятелей культуры из России в 1922 г. // НИИ. 2002. № 5. С. 166.

¹¹ Там же. С. 166–167.

¹² Тополянский В.Д. Пожизненный пассажир «Философского парохода» // Новое время (М.). 2002. № 36. С. 31.

¹³ 1922 г. Высылка интеллигенции // Альманах «Россия. XX век. Документы» // <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-named-comment/10>

¹⁴ Тополянский В. Сквозняк из прошлого. Время и документы: Исследование. СПб., 2006. С. 41.

¹⁵ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация... С. 115.

¹⁶ Русская философия в изгнании: Исследования и публикации / под общ. ред. Е.П. Чельшева, А.Я. Дегтярева; глав. ред. Ю.В. Мухачев. М., 2012. С. 332.

¹⁷ Русский Берлин 1921–1923: по материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана и др. М., 2003. С. 238–239.

¹⁸ Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Исторические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 198.

¹⁹ Действительно свободные. Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции / Русская жизнь. 2007. 7 ноября // <http://www.rulife.ru/mode/article/410/>

²⁰ Русский Берлин 1921–1923. С. 238–239.

- ²¹ Русская философия в изгнании. С. 118.
- ²² Русский Берлин, 1920–1945: международная конф., 16–18 декабря 2002 г. / сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 79.
- ²³ В поисках минувшего. Из жизни русского зарубежья: очерки, беседы, документы / авт.-сост. В.П. Нечаева. М., 2012. С. 18.
- ²⁴ Уримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004 (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=417>)
- ²⁵ Рецикова В. Высылка из РСФСР // <http://ihst.ru/projects/sohist/document/deport/reshikova.htm>
- ²⁶ Русский Берлин, 1920–1945. С. 79.
- ²⁷ Там же. С. 174–175.
- ²⁸ Уримов А.А. Указ. соч.
- ²⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971.
- ³⁰ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для студентов вузов по специальности «Психология». М., 1999. С. 284.
- ³¹ Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 332–336.
- ³² Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2014. С. 390.
- ³³ В поисках минувшего. С. 19.
- ³⁴ Воронова Е.В. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг.: на материале мемуаристики. Дисс. ... канд. культурологии. Киров, 2007.
- ³⁵ Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа. М., 2002. С. 95.
- ³⁶ Франк С.Л. Указ. соч. С. 332.
- ³⁷ Бердяева Л.Ю. Указ. соч. С. 6.
- ³⁸ Там же. С. 13, 17.
- ³⁹ Там же. С. 19.
- ⁴⁰ Там же. С. 61.
- ⁴¹ Там же. С. 36.
- ⁴² Там же. С. 19.
- ⁴³ Там же. С. 94.
- ⁴⁴ Франк С.Л. Указ. соч. С. 336.
- ⁴⁵ Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. Кн. 10. С. 205.
- ⁴⁶ Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. С. 306.
- ⁴⁷ Там же. С. 280.
- ⁴⁸ Там же. С. 170.

Польские сюжеты в творчестве Н.И. Кареева: к вопросу о языковой рецепции

Аннотация: В статье детально анализируются две монографии Н.И. Кареева, посвящённые польской тематике, и их переводы на польский язык. Предложена классификация слов-полонизмов, используемых автором в данных исследованиях. На конкретных примерах языковой рецепции показывается многообразие терминологического обмена между польской и российской исторической наукой в конце XIX в. Отдельное внимание уделено восприятию польскими историками трудов Н.И. Кареева.

Annotation: This article analyses N.I. Kareev's two monographs that deal with Polish themes, as well as their translations into Polish. It introduces a classification of words-polonisms that Kareev formulated and frequently used in his investigations. The article focuses on concrete examples of language reception to show the terminological exchange between Polish and Russian historical science at the end of the 19th century. The article also pays close attention to how Polish historians responded to Kareev's works.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, история Польши, языковая рецепция, текстологический анализ, полонизмы.

Key words: N.I. Kareev, history of Poland, language reception, textual analysis, polonisms.

Николай Иванович Кареев (1850 – 1931) – выдающийся русский историк, социолог, педагог-просветитель, публицист и политический деятель, которому принадлежит важная роль в налаживании российско-польского научного диалога. Как известно, сам учёный заинтересовался прошлым польского народа после приезда в Варшаву в августе 1879 г., став экстраординарным профессором кафедры всеобщей истории имп. Варшавского университета¹. Во вступительной лекции, прочитанной 5 сентября 1879 г., новый преподаватель так изложил своё научное и творческое кредо: «Хотя заветной моей мечтой была кафедра в том университете, который дал мне высшее образование, – раз принявши профессию здесь, я перенёс на этот новый для меня университет те чувства, которые не перестают доселе связывать меня с моей *alma mater* (Московским университетом. – А. Б.): не для иного какого дела я пришёл сюда, как не для того же, которому служил бы там, если бы мне довелось там остаться. <...> не как наемник, а как человек, имеющий общие с вами интересы, стремления, цели»².

Не желая прослыть «казенным обрусителем», приехавшим обучать варшавскую молодёжь (а именно так зачастую воспринимались русские преподаватели), Н.И. Кареев предпочёл сблизиться с польской средой. Именно поэтому он основательно занялся польским языком, затем обратился к изучению Реформации и Контрреформации в Польше, реформ конца XVIII века и историографии «падения Речи Посполитой»³. Молодой варшавский профессор постепенно ввёл в свои лекции, посвящённые эпохе Реформации, материалы о Польше, – ведь в Варшавском университете курса польской истории в учебном плане вообще не было. Спустя годы в газетной статье «Мои отношения к полякам» Николай Иванович написал, что «о прошлом родной страны студенты-поляки ушлышали с университетской кафедры только в моей аудитории, если не считать того, что им приходилось слышать на лекциях русской истории, нередко, как жаловались многие, неприятно задевавших их национальное чувство»⁴. Такое отношение к предмету, очевидно, только способствовало налаживанию отношений с польской студенческой молодёжью.

Занятия польской проблематикой были продолжены учёным и в дальнейшем, после переезда в январе 1885 г. в Санкт-Петербург⁵. На протяжении всего этого времени он внимательно следил за развитием польской историографии, поддерживал контакты с польскими коллегами. Несколько раз Н.И. Кареев посещал польские земли, входившие в состав Австро-Венгрии. Об этих поездках историк впоследствии вспоминал: «в два-три кратких посещения Кракова и Львова я приобрёл среди польской интеллигенции гораздо больше знакомых, чем за всё пятилетнее пребывание в Варшаве»⁶.

Приступая к написанию этой статьи, мы исходили из того, что труды Н.И. Кареева, посвящённые разным сюжетам польской истории, уже были предметом детального исследования. В то же время одним из перспективных направлений дальнейших штудий может стать изучение переводческой работы учёного и определение его роли в становлении русского научного языка. Понимая обширность такой постановки проблемы, автор данной статьи не преследует цель нарисовать исчерпывающую картину достижений выдающегося русского историка на переводческом поприще. Задача исследования состоит в детальном анализе двух трудов Н.И. Кареева, посвящённых польской тематике, и их переводов на польский язык. Такое исследование поможет на конкретных примерах языковой рецепции показать сложность формирования русского научного языка на рубеже XIX–XX вв.

Начиная с середины 1880-х гг., Н.И. Кареев активно знакомил российскую аудиторию с польской историей, представителями польской историографии и их работами. В это время одна за другой выходят статьи и монографии, в которых использовались материалы, собранные учёным ещё в годы профессорства в Варшаве. Некоторые из них сразу же переводятся на польский язык. Среди наиболее значимых трудов следует выделить такие, как «Новейшая польская историография и переворот в ней»⁷, «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше»⁸, «“Падение Польши” в исторической литературе»⁹, «Исторический очерк польского сейма»¹⁰, «Польские реформы XVIII века»¹¹ и другие. Н.И. Кареев рассматривал проблемы истории Польши и в своей уникальной для русской историографии 7-томной «Истории Западной Европы в Новое время»¹². Кроме того, ряд работ он напечатал в польских

изданиях, в частности, в известном историческом журнале «Kwartalnik Historyczny». Удалось установить, что одна из его статей, посвящённая причинам распада Речи Посполитой, была также опубликована во Франции в «Revue historique»¹³. Всё это стало основанием для присвоения Н.И. Карееву в мае 1902 г. звания иностранного члена-корреспондента краковской Академии знаний¹⁴.

Остановимся теперь более детально на трудах учёного по истории польского сейма и историографии «падения» Речи Посполитой, т.е. на исследованиях, которые изданы также по-польски. Обе монографии были напечатаны в 1888 г. и переведены на польский язык соответственно в 1893 и 1891 гг.¹⁵ Стоит сразу отметить, что эти и другие работы Н.И. Кареева, посвящённые польским сюжетам, не являлись результатом собственных архивных поисков историка, а основывались на уже существующих многочисленных исследованиях по избранной проблеме (в том числе публикациях таких польских учёных, как Михал Бобржинский, Тадеуш Корзон и др.) и ранее изданных источниках¹⁶.

Первая из упомянутых монографий детально рассматривала историю польских сеймов, проводившихся с конца XV до XVIII в. включительно. Особое внимание её автор уделил заключительному периоду их деятельности и принятию конституции 3 мая 1791 г. Следует подчеркнуть, что историю этого сословно-представительского органа учёный показал сквозь призму европейской перспективы, сравнил его, в частности, с английским парламентом, французскими Генеральными штатами и немецким рейхстагом¹⁷.

Вторая монография тематически тесно связана с первой. По мнению самого Н.И. Кареева, исследование истории польского сейма было необходимо «для понимания причин, приведших Речь Посполитую к внутреннему разложению»¹⁸. Работа посвящалась изучению европейской историографии гибели польского государства в конце XVIII в. и анализу её причин. Историк детально рассмотрел польскую, западноевропейскую и русскую публицистику и историческую литературу по избранному вопросу, а также современное ему состояние польской историографии. Книга была построена достаточно сложно: учёному пришлось не просто представить материал во временной его последовательности, но и учесть национальные традиции разноязычной литературы по избранному вопросу, не забывая также о принадлежности авторов к различным научным течениям и школам¹⁹. Интересно, что этот труд обязан своим появлением курсу истории Польши, который профессор Н.И. Кареев читал в Санкт-Петербургском университете в 1887/1888 учебном году²⁰.

Приступая к текстологическому анализу двух русскоязычных текстов, прежде всего следует обратить внимание на один любопытный факт, характерный для научного языка русского историка. Несмотря на то, что оба исследования писались в один и тот же период, процент лексики и цитат на иностранных языках в них не одинаков. Значительно выше он в монографии, посвящённой истории польского сейма. В данном тексте часто встречаются оригинальные цитаты, словосочетания и слова на латыни, французском и немецком языках. Таким образом, научный язык в двух работах Н.И. Кареева, напечатанных в 1888 г., выглядел по-разному. Безусловно, данный факт мог бы послужить интересной темой для более глубокого исследования.

Частое использование французской, немецкой и латинской лексики объясняется тем, что представители русской научной среды того времени сво-

бно владели вышеуказанными языками. Очевидно, именно поэтому автор в некоторых случаях и не видел потребности в их переводе. Тем не менее, польскую лексику Н.И. Кареев в большинстве переводит на русский язык, временами указывая в тексте или в сносках оригинальное звучание того или иного польского слова или выражения. Для наглядности обратимся к монографии по истории польского сейма:

«Шляхта на сеймиках обязывается защищать землю от неприятеля всеобщим ополчением (*pospolite ruszenie*) и поддерживать внутреннее спокойствие, грозя вооружённой экзекуцией всякому нарушителю мира или ослушнику конфедератских постановлений либо судебных решений сеймика, заступавшего на это время суды, которые действовали от имени короля. На первых порах шляхта не разрывала окончательно с государственными установлениями: центром и даже главою каждой сеймиковой конфедерации является сначала королевский сановник, высший сенатор, представитель коронной власти, именно воевода. Позднее воеводу заменяет выборный “маршалок” (*marszałek*), при коем бывали советники (*konsyliarze*)»²¹.

Объяснить такое отношение к польской лексике может тот факт, что польский язык не пользовался большой популярностью в российской академической среде. Вместе с тем очевидно, что слова-полонизмы занимают значительную часть в трудах Н.И. Кареева, поскольку сама тематика тому благоприятствовала. В особенности это характерно для монографии о сейме, предмет исследования которой предполагал использование большого массива польской научной литературы. Таким образом, историк в исследованиях неоднократно прибегал к переводу польских текстов на родной язык.

Учёный безусловно осознавал, что невозможно с максимальной точностью передать по-русски смысл некоторых иностранных слов и выражений, в частности, польских. По этой причине он довольно часто указывал в скобках, рядом со своим переводом, их оригинальное написание. В то же время часть польских терминов Н.И. Кареев использовал без пояснений, а в некоторых местах даже вставлял цитаты на польском без перевода.

Проанализировав слова-полонизмы, встречающиеся в двух рассматриваемых монографиях, следует заключить, что условно их можно поделить на несколько основных групп (важно отметить, что в некоторых случаях одно слово можно отнести сразу к двум группам):

1) К первой из выделенных групп относятся те слова-полонизмы, которые используются автором с указанием их перевода или оригинального звучания на польском языке. Например:

– безкорольеве (*bezkrólewie*). Этот пример – один из немногих случаев, когда автор даёт не только польское слово, но и его возможный перевод на русский язык. Н.И. Кареев подчёркивает, что открывшееся после смерти Сигизмунда Августа «безкорольеве» (*bezkrólewie*) «не было обыкновенным “междоцарствием”, а совершенно особым состоянием, известным только одному польскому государственному праву»²²;

– «можновладчество», или аристократия панов;

– сейм конвокационный, или созывательный.

2) Слова-полонизмы, заимствованные из польского и функционировавшие в русском языке. Например:

– безкоролье (междучарствие). Можно предположить, что сам термин «безкоролье» во время написания Н.И. Кареевым трудов уже находился в научном обиходе. Его действительно нет в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, но рубрика с таким названием появилась в третьем томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданного в 1891 г., т. е. спустя несколько лет после публикации монографий Н.И. Кареева. Согласно пояснению, этот термин использовался для обозначения междучарствия в старой Польше²³;

– «жолнерь» (солдаты польской армии).

3) Следующую группу составляют слова-полонизмы, выделенные кавычками. В качестве примеров приведем такие:

– «забор» Польши (возможный перевод: аннексия/захват Польши);

– «згода» (возможный перевод: согласие);

– «земяне» (возможный перевод: землевладельцы);

– «доразборная» история (возможный перевод: история до разделов);

– «поразборная» история (возможный перевод: история после разделов);

– программа «направы Речи Посполитой» (возможный перевод: программа «возрождения/обновления Речи Посполитой»);

– «разборы» Польши (возможный перевод: разделы Польши);

– «ушляхетнение». В данном случае можно предложить такой вариант перевода: жалование дворянством;

– «вольная элекция». Во времена Н.И. Кареева в русском языке существовало заимствованное некогда из латинского слово «электоральный» в значении «избирательный, выборный». Подтверждением тому является соответствующая рубрика в словаре В.И. Даля²⁴. Однако учёный решил не использовать данное слово и обратился к транскрибированию польского термина *elekcya*. Хотя, как представляется, в данном случае вместо полонизма можно было бы употребить адекватное соответствие «свободное избрание». Важно отметить, что сам термин *елекция* и производные от него слова Н.И. Кареев чаще употребляет без кавычек. Например, королевская элекция (*elekcya królewska*) и элекционный сейм (*Sejm elekcyjny*). Кавычки же, как известно, сигнализируют о том, что слово является переводом или заимствованием. Таким образом, опуская их, автор не акцентирует внимания читателя на иностранном происхождении того или иного слова.

4) Слова-полонизмы, написанные кириллицей и не выделенные Н.И. Кареевым кавычками. Появление этих слов означает, что в языке учёного произошла языковая интерференция, так как в словаре русского языка данные термины отсутствовали. Примером могут быть такие слова и словосочетания, как:

– дигнитарий; дигнитарства; дигнитарский род/съезд; дигнитарское вече; дигнитарская привилегия;

– дизунит; дизунитский люд;

– конвокационный сейм;

– крулевщина;

– междусеймовые промежутки;

– можновладческое правление/вече; можновладческий съезд;

– особенность «земель»;

– подробности сеймования;

– польщизна.

Следует подчеркнуть, что часть заимствованных слов Н.И. Кареев поначалу заключает в кавычки, а потом их опускает. Так, в частности, произошло с терминами «дельница» (удел), «вольная элекция» и др.

Крайне редко, на фоне остальных случаев, автор прибегает к методу буквального перевода. Примером такого перевода является термин «воскресенцы» (*zmartwychwstańcy*). Учёный, видимо, не нашёл в русском языке полного соответствия с этим словом. Однако по аналогии с тем, что в польском и русском языках есть «воскресение» (*zmartwychwstanie*), он путём буквального перевода создаёт свой авторский неологизм «воскресенцы». Стоит отметить, что данный термин встречается немного позже в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» (1892 г.)²⁵, то есть уже после публикации основных трудов Н.И. Кареева по польской тематике. Не исключено, что автором этой рубрики он и был.

Анализируя переводы работ Н.И. Кареева на польский язык, можно убедиться, что переводчиком²⁶ с большой точностью удалось передать авторский стиль русского историка. Некоторые отличия двух текстов носили в большей степени синтаксический, чем смысловой характер. Среди фактов, которые обращают на себя внимание, была периодическая смена маркировки абзацев. Например, одно или два предложения нового абзаца оригинального текста могли переноситься в предыдущий абзац в тексте польского перевода. Непонятно, была ли эта замена произведена самим Н.И. Кареевым или зависела от внимательности переводчика и редактора польского текста. Что касается длины предложений в двух переводах, то они передаются практически везде в том же объёме, хотя временами русские предложения в переводе на польский для удобства восприятия читателем разбиваются на два. Среди других видимых отличий оригинального текста и перевода было отсутствие в переводе книги, посвящённой историографии, раздела «Дополнения».

Кром того, текст перевода сокращается за счёт польских слов, словосочетаний и целых цитат, которые в оригинале часто находились в скобках или в сносках (прежде всего это касается объёмных цитат), а также за счёт пояснений к транслитерированным польским терминам. Вместе с тем, слова и цитаты, приводимые автором на латыни и других европейских языках, переводчики оставили в оригинальном звучании. Например:

«Польское общество, – говорит Гюппе, – агрегат единичных дворян (<i>der privaten Edelleute</i>), было государством – <i>sans phrases</i>; оба понятия здесь отождествлялись»²⁷.	«<i>Spółczeństwo polskie – powiada Hüppe – agregat pojedynczych szlachciców (der privaten Edelleute)</i>, było to państwem <i>sans phrases</i>; obydwa pojęcia zostały tu utożsamione»²⁸.
Все беды Польши он видел в «уничтожении (<i>anéantissement</i>) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящего <i>veto <...></i>»²⁹.	<i>Źródło wszystkich nieszczęść Polski upatrywał on w «zniszczeniu (anéantissement) władzy ustawodawczej, zależnej od kaprysu jednego posła, kładącego “veto <...>»</i>³⁰.

Позднее воеводу заменяет выборный «маршалок» (marszałek), при коем бывали советники (konsyliarze)³¹.	W czasach późniejszych wojewodę zastępuje wybieralny «marszałek», mający przy sobie «konsyliarzy»³².
Речь Посполитая по-прежнему оставалась шляхетской республикой с абсолютным <i>liberum veto</i>, и главное изменение касалось только исполнительной власти, отданной новому учреждению – <i>radzie nieustającej</i>, т. е. постоянному совету (<i>conseil permanent</i>), как оно было названо³³.	Rzeczpospolita pozostała nadal republiką szlachecką z absolutnem <i>liberum veto</i>, zmiana uległa głównie władza wykonawcza, oddana nowej instytucji – tak zwanej Radzie nieustającej (<i>conseil permanent</i>)³⁴.

В целом же польские переводы являлись очень точным воспроизведением трудов петербургского историка. Лишь иногда в польском тексте опускалось время правления того или иного короля, в частности, Локетка (см., например, с. 14), но годы правления Казимира (с. 21) и Сигизмунда II Августа указывались в обоих текстах (с. 79)³⁵. Такие изменения, как представляется, нисколько не повлияли на точность самого перевода, поскольку последний предназначался для польской аудитории, которая должна была ориентироваться в основных вехах истории своей страны.

Как же воспринимали польские историки труды Н.И. Кареева? Сразу отметим: единого подхода в оценке его публикаций, посвящённых польской тематике, обнаружено не было. Это объяснялось прежде всего сложностью рассматриваемых автором проблем. Основным недостатком его работ, о чём неоднократно писали критики, было то, что учёный не использовал архивы, ограничиваясь литературой и уже изданными источниками. Тем не менее, главную роль в негативных оценках исследований Н.И. Кареева (в частности, его труда о «падении» Речи Посполитой), скорее, сыграло то, что они противоречили основным концепциям «варшавской школы»³⁶. Именно её представители, Александр Рембовский и Тадеуш Корзон, написали самые острые отзывы³⁷. Вместе с тем, А. Рембовский подчёркивал стремление Н.И. Кареева к научному объективизму и отмечал, что русский историк был свободен от «политических предрассудков»³⁸ и что от начала и до конца он оставался «учёным, с которым можно спорить, но которого следует уважать»³⁹.

Важно также упомянуть о том, что Н.И. Кареев был автором учебников по истории древнего мира (Санкт-Петербург, 1901), средних веков (Санкт-Петербург, 1900) и нового времени (Санкт-Петербург, 1900), переведённых впоследствии на польский, болгарский и сербский языки. Последние два учебника переиздавались в Польше и после обретения ею независимости. Характерно, что их автор много внимания уделил польской тематике, выделяя её в отдельные параграфы⁴⁰. Переводчик учебника по новой истории В. Биковский объяснял правильность своего выбора двумя аргументами: «...первым была научная и педагогическая ценность самой книги», вторым – «известная беспристрастность

и доброжелательность её автора к нам (полякам. – А. Б.)»⁴¹. В 1912 г. появился также польский перевод пособия Н.И. Кареева для самообразования под названием «Краткая история прошлого столетия: обзор главных политических событий в Европе, преимущественно Западной, между 1800 и 1900 гг.»⁴².

Отдельную страницу в научном творчестве учёного занимает перевод на русский язык книги выдающегося польского историка, профессора Ягеллонского университета, одного из лидеров так называемой краковской исторической школы Михала Бобржинского. Этот перевод был выполнен под редакцией Н.И. Кареева в 1888 г. по третьему, дополненному изданию «Очерка истории Польши» (1886 г.); второй том появился через несколько лет, в 1891 г.⁴³ Что интересно, личное знакомство двух историков состоялось в Кракове лишь в 1889 г.⁴⁴ Спустя десятилетия учёный написал в своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое», что за перевод книги М. Бобржинского на него «обрушился» с обвинениями профессор Петербургской Духовной академии Михаил Коялович, упрекавший Н.И. Кареева в «непатриотическом поступке и чуть ли не в подкупе поляками»⁴⁵.

Таким образом, Николаю Ивановичу Карееву принадлежала важная роль в налаживании и укреплении российско-польских научных связей. Научный же язык историка свидетельствует о существовании терминологического обмена между польской и российской исторической наукой. Разумеется, языковая рецепция обуславливалась во многом предметом исследования. Именно поэтому в двух проанализированных трудах встречается такой массив слов-полонизмов. В то же время очевидно, что определённую их часть можно было заменить адекватными русскими соответствиями. Примеры рассмотренных научных текстов, как оригинальных, так и их переводов, могли бы служить для исследователей важным источником для углублённого изучения проблемы языковой рецепции, а также становления и развития научного языка в историческом дискурсе. Дальнейшее детальное изучение творчества Н.И. Кареева может стать интересным примером того, как осуществлялась взаимная передача знаний, накопленных европейской (в частности, польской) и российской исторической наукой на рубеже XIX–XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фильминов В. Варшавский период жизни и творчества Н.И. Кареева (1879–1885) // Интеллектуальная элита России на рубеже XIX–XX веков: материалы международной науч. конф. Киров, 2001. С. 147.

² Формула прогресса в изучении истории. Вступительная лекция, читанная экстраординарным профессором Императорского Варшавского Университета Н.И. Кареевым 5-го Сентября 1879 года. Варшава, 1879. С. 2.

³ Дунаевский В.А. «Прожитое и пережитое»: о жизни и творчестве академика Н.И. Кареева // НИИ. 1991. № 6. С. 26–27; Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 173–174; Фильминов В. Указ. соч. С. 153.

⁴ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам // Кареев Н.И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. С. 210.

⁵ О пенсии бывшему ординарному профессору Санкт-Петербургского Университета Николаю Карееву. 1899 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 137. Д. 445. Л. 11 об. – 12.

⁶ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам. С. 209.

⁷ Кареев Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней (1861–1886) // ВЕ. 1886. № 12. С. 535–588. На польский язык эта статья была переведена в 1888 г.

⁸ Стоит упомянуть, что основой для этой книги послужил курс новой истории, прочитанный Н.И. Кареевым в Варшавском университете в 1879/1880 учебном году. Именно поэтому учёный решил посвятить монографию бывшим варшавским слушателям «в воспоминание о былом общении на почве науки», внушившем ему «мысль о работе, в результате которой и получилась эта книга» (Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886. С. III (Очерки из истории европейских народов; II)).

- ⁹ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.
- ¹⁰ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. М., 1888 (Очерки из истории европейских народов; III).
- ¹¹ Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века. СПб., 1890 (Очерки из истории европейских народов; V).
- ¹² Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии II половины XIX века // Наш радавод: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатку XX ст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г.). Гродно, 1994. Кн. 6, ч. II. С. 223.
- ¹³ Karéiev N. Les causes de la chute de la Pologne // Revue historique. 1891. Janvier – avril. P. 241–289.
- ¹⁴ Członkowie Akademii Umiejętności oraz Polskiej Akademii Umiejętności 1872–1952 / Opracowała E.H. Nicciowa. Wrocław [et al.], 1973. С. 152.
- ¹⁵ Kariejew N. Upadek Polski w literaturze historycznej / Przekład z rosyjskiego. Kraków, 1891; *idem*. Zarys historyczny Sejmu polskiego / Przełożył Z. Poznański. Warszawa, 1893.
- ¹⁶ Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 125.
- ¹⁷ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма.
- ¹⁸ Там же. С. III.
- ¹⁹ Аржакова Л.М. Н.И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. Серия 2. Вып. 3. С. 36–37.
- ²⁰ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. С. III.
- ²¹ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. С. 46.
- ²² Там же. С. 45.
- ²³ Безкорольеве // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1891. Т. III. С. 293–296.
- ²⁴ Электоральный // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.–М., 1882. Т. IV. С. 685.
- ²⁵ Воскресенцы – «монашеская конгрегация во имя Воскресения Христова, на самом деле имела своей задачей воскрешение Польши; она возникла в середине текущего столетия среди польских эмигрантов и преимущественно состояла из бежавших священников; главные надежды в деле воскрешения Польши они возлагали на магнатов и на слепое подчинение папе, чем резко отличались от товианистов, последователей Товьянского» (Воскресенцы // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. VII. С. 245).
- ²⁶ Одним из них был участник польского социалистического движения, юрист Зигмунд Познанский.
- ²⁷ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. С. 153.
- ²⁸ Kariejew N. Upadek Polski w literaturze historycznej. S. 148.
- ²⁹ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. С. 149.
- ³⁰ Kariejew N. Zarys historyczny Sejmu polskiego. S. 186.
- ³¹ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. С. 46.
- ³² Kariejew N. Zarys historyczny Sejmu polskiego. S. 57.
- ³³ Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. С. 155.
- ³⁴ Kariejew N. Zarys historyczny Sejmu polskiego. S. 194.
- ³⁵ Kariejew N. Upadek Polski w literaturze historycznej. S. 14, 21, 79.
- ³⁶ Подробнее см.: Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Studia historiograficzne. Warszawa, 1970. S. 383–388; Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej... S. 120–135; Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. М., 2010. С. 286–293.
- ³⁷ См., например: Rembowski A. Исторический очерк польского сейма przez pr. Kariejewa (Historyczny zarys sejmu polskiego). Moskwa 1888, str. 162 // Kwartalnik Historyczny. 1889. R. III, zes. III. S. 569–577; N. Prof. Kariejew i jego poglądy na «upadek Polski». Н. Кареев: «Падение Польши» в исторической литературе. С. Петербург, Типография Балашева, 1888. (N. Kariejew: «Upadek Polski» w literaturze historycznej.) S. Petersburg. Drukarnia Bałaszowa, 1888, str. X i 407 in 8° maj // Ibid. Zesz. IV. S. 687–702.
- ³⁸ Rembowski A. Исторический очерк польского сейма... С. 570.
- ³⁹ Ibid. S. 577.
- ⁴⁰ Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии... С. 240; Maternicki J. Mikołaj Kariejew a polski świat naukowy // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne: studia ofiarowane profesorowi Ludwikowi Bazyłowowi w siedemdziesiąt rocznicę Jego urodzin. Warszawa, 1985. S. 294–311.
- ⁴¹ Цит. по: Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии... С. 241.
- ⁴² Кареев Н.И. Краткая история прошлого столетия: обзор главных политических событий в Европе, преимущественно Западной, между 1800 и 1900 гг.: пособие для самообразования. СПб., 1911.
- ⁴³ Бобржинский М. Очерк истории Польши (Dzieje Polski) / Пер. с 3-го польского изд. под ред. Н.И. Кареева. СПб., 1888–1891. Т. 1–2.
- ⁴⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарёва. Л., 1990. С. 169.
- ⁴⁵ Там же. С. 170.

Личностные коммуникации как фактор социально-психологической адаптации российских учёных-эмигрантов в 1920–1930-е гг.

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается влияние личностных коммуникаций (переписка, общение), существовавших в научном социуме русского зарубежья в 1920–1930-е годы, на процесс социальной адаптации российских учёных-эмигрантов. Акцентировано внимание на вопросах их психологического состояния и повседневной жизни. Статья подготовлена на основе как известных, так и вводимых в научный оборот впервые источников происхождения.

Annotation: This article examines the impact of personal communications (correspondence, communication) that existed in the scientific society of the Russian diaspora in the 1920–1930s on the process of social adaptation of Russian émigré scholars. It focused on the issues of their psychological state and everyday life. This article is based on published personal documents as well as unknown to scholars and bring to the scholar society for the first time.

Ключевые слова: научный социум, повседневность, социально-психологическая адаптация, личностные коммуникации, русское зарубежье.

Key words: scientific society, everyday life, social and psychological adaptation, personal communication, Russia Abroad.

Проблема социальной адаптации эмигрантов в целом и представителей научного социума в частности многогранна. Она предполагает изучение взаимодействия субъекта с социальной средой, в ходе которого происходит активное приспособление его к изменившимся социокультурным и материальным условиям. В результате активного взаимодействия, в том числе общения, человека с окружающими его людьми и усвоения им новых социальных норм и способов решения социальных проблем происходит не только его социализация, но меняется и отношение окружающих к нему. Именно поэтому изучение адаптации представителей того или иного социума невозможно без рассмотрения действующих в нём коммуникативных практик.

В данной публикации речь пойдёт о личностных коммуникациях внутри научного сообщества русского зарубежья, сложившихся в нём в 1920–1930-е гг. В последнее время исследователи часто обращаются к проблемам социальной

истории отечественной науки в целом и научной повседневности в частности¹. Однако в качестве объекта исследования, как правило, берётся дореволюционное или советское сообщество российских историков, а аналогичные процессы, происходившие и происходящие в социокультурном пространстве русского зарубежья, пока ещё мало изучены. Проблеме, связанным с научной повседневностью российских историков-эмигрантов, посвящена монография М.В. Ковалёва. В ней на примере локального научного центра российской исторической науки, сложившегося в Праге, автор рассматривает деятельность основных институций сообщества в контексте повседневных жизненных практик учёных-историков, их быта, коллективных и индивидуальных представлений об этических и моральных нормах научного сообщества. Нельзя не согласиться с его выводами о том, что «система научных, культурных и бытовых ценностей русских историков-эмигрантов была ориентирована на код дореволюционной культуры. Следование ему проявлялось не только в интеллектуальной работе, но и на уровне организации повседневной жизни, что находило выражение в одежде, обстановке жилищ, пище, досуге, развлечениях и др.»². Более широкий спектр научной повседневности зарубежья в географическом и профессиональном смысле представлен в монографиях автора этих строк³.

В едином социокультурном пространстве русского зарубежья, несмотря на его территориальную разобщённость, возникло и успешно функционировало единое научное сообщество. Оно имело самостоятельную организационную структуру, основу которой составляли региональные русские академические группы (РАГ), объединившиеся в 1921 году в Союз Русских Академических организаций за границей. В отличие от дореволюционного Академического союза, эта организация стремилась дистанцироваться от политики. Её деятельность была направлена преимущественно на выживание и облегчение социальной адаптации учёных к новым условиям.

Важнейшей особенностью социальной адаптации учёных можно считать то, что она была невозможной вне научного сообщества. Для продолжения исследований необходимо было наличие соответствующей инфраструктуры (библиотеки, архивы, лаборатории, типографии и т. п.) и системы корпоративных коммуникаций, позволяющих оценивать научные результаты. В научном сообществе зарубежья можно выделить три уровня коммуникаций: межличностные, внутрикорпоративные и международные связи с мировой научной общественностью.

Достаточно полная информация о межличностных отношениях внутри эмигрантского научного сообщества содержится в переписке учёных и их мемуарах. Анализируя письма учёных, можно назвать некоторые общие темы, затрагиваемые в них. Во-первых, это тема выезда из России и трудоустройства за границей. Специфика научного мира такова, что без авторитетных рекомендаций получить работу почти невозможно. Экстремальные условия отъезда из России обусловили отсутствие реальных перспектив у большинства учёных на продолжение научной деятельности за границей. Даже специалисты с мировым именем испытывали на новом месте серьёзные трудности, связанные с поисками работы. Знакомство с эмигрантским периодом жизни многих из них показывает, что устроиться на новое место работы им помогли

выходцы из России. В начале 1920-х годов в личной переписке этот сюжет становится одним из наиболее частых. Так, весной 1922 года профессор С.И. Метальников, работавший в Пастеровском институте, пишет из Парижа П.Б. Струве, являвшемуся одновременно председателем пражской академической группы, что известному философу Н.О. Лосскому, находящемуся в России, предстоит серьёзная операция по поводу желчнокаменной болезни, и просит помочь в получении выездной визы для лечения в Карлсбаде⁴. Получив известие из России, что в августе 1922 года предполагается высылка Н.О. Лосского в Германию, он вновь обращается к П.Б. Струве: «Будьте добры, сообщите мне поскорее, удалось ли что-либо добыть для него. Может ли он рассчитывать на получение хотя бы временной стипендии в Праге, за что он прочтёт небольшой курс. Посоветуйте, в какой санаторий в Карлсбаде он может устроиться»⁵. После высылки Н.О. Лосского на «философском пароходе» С.И. Метальников снова пишет тому же адресату: «Я слышал (здесь и далее сохраняется стиль и орфография первоисточников. – В. В.), что высланных из России профессоров устраивают в Праге. Пожалуйста, не забудьте про Лосского, которому необходимо оказать помощь. Затем я ещё прошу об известном химике проф. Кондакове» (видимо, речь идёт об Иване Лаврентьевиче Кондакове, профессоре химии и фармакологии, жившем в это время в Тарту и периодически выезжавшем в Прагу для чтения лекций. – В. В.)⁶. Безусловно, П.Б. Струве не мог не откликнуться на эти просьбы. Как только Н.О. Лосский с семьёй прибыл в Штеттин, ему предложили связаться со Струве, т. к. у него есть для этой семьи «какие-то деньги, полученные от проф. Масарика». По совету П.Б. Струве Н.О. Лосский решил обосноваться в Праге, где продолжил преподавательскую и научную работу в Русском Народном университете. Благодаря Петра Бернгардовича за то, что «он устраивает их жизнь после страшного разорения, которое они претерпели», Н.О. Лосский в ноябре 1922 года писал, что в одинаковом с ним положении находятся в Берлине Лев Платонович Карсавин и Иван Иванович Лапшин⁷.

Стремление помочь коллеге с переездом и трудоустройством мы находим и в письмах профессора С.П. Тимошенко, известного специалиста в области механики. В декабре 1922 года он писал В.И. Вернадскому из США: «О возможности Вашего устройства здесь я говорил с Вашим старым знакомым Михаилом Михайловичем Карповичем (М.М. Карпович был университетским товарищем сына В.И. Вернадского, Георгия. – В. В.) <...> Он очень просил Вас кланяться. М.М. (так в тексте. – В. В.) всё время служил у Бахметьева, имеет много знакомых, и я его просил узнать всё, что могло бы представлять интерес в связи с Вашими предложениями относительно Америки. По наведённым пока справкам выходит, что как будто устройство в одном из университетов представляет большие затруднения, чем, например, получение службы в Carnegie Institution. Но если у Вас в университетах есть личные знакомства, то тогда всё дело может измениться. Мне кажется, ни в одной стране знакомства и связи не играют такой громадной роли, как здесь»⁸.

Деятельное участие в судьбе коллег, оказавшихся в эмиграции, принимал известный русский историк, академик М.И. Ростовцев. Он помог переехать в США А.А. Васильеву, Г.В. Вернадскому и др. Следует отметить, что на въезд русских эмигрантов в США в 1920–1930-е годы существовали достаточно

ограниченные квоты, поэтому до начала Второй мировой войны сюда удалось переехать всего нескольким десяткам русских учёных⁹.

К сожалению, не всем удавалось помочь. На первом съезде русских академических организаций за границей в докладе известного геронтолога и бактериолога профессора В.Г. Коренчевского, представлявшего академическую группу Великобритании, говорилось, что около 130–140 русских учёных не могут найти места в научных учреждениях и продолжить работу по специальности¹⁰. В начале 1930-х годов профессор С.И. Метальников, член бюро Комитета помощи русским писателям и учёным, готовивший по поручению Академического союза очерк о русской науке в изгнании, писал М.М. Новикову, что «на основании далеко не полных сведений, собранных русскими академическими группами и союзами, русских учёных в эмиграции не менее 600–700 человек <...> некоторые устроились хорошо и занимали очень видное положение в различных учреждениях и университетах <...> Большинство продолжает работу в чрезвычайно тяжёлых, подчас невыносимых условиях жизни»¹¹. Следует заметить, однако, что названные С.И. Метальниковым цифры относятся, видимо, к учёным-биологам и естествоиспытателям. По крайней мере, в опубликованной им в 1932 году статье «Русская наука в изгнании» речь идёт в основном о них¹².

Неоднократно помогал своим коллегам-соотечественникам устроиться на новом месте и А.А. Кизеветтер. Уже будучи больным, незадолго до смерти (январь 1933 г.), он принял активное участие в судьбе бежавшей из советской России семьи известного ихтиолога, профессора В.В. Чернавина. Последний добровольцем участвовал в Первой мировой войне и был награждён Георгиевским крестом, в 1920-е годы после защиты магистерской диссертации занимался изучением рыбной фауны Волго-Каспийского района. Однако в 1930 году его арестовали и заключили в лагерь в Кандалакше сроком на пять лет. В 1932 году ему вместе с женой и сыном удалось бежать в Финляндию¹³. В ноябре 1932 года А.А. Кизеветтер, падчерица которого дружила с женой Чернавина, писал редактору «Современных записок» М.В. Вишняку о трагедии этой семьи и просил помочь ей: «Она (Т.В. Чернавина, жена В.В. Чернавина. – В. В.) только что со своим мужем (профессором Чернавиным) бежала из Соловков, находится в Гельсингфорсе и имеет [пвржд.] только на месяц. Она очень хорошо пишет. Нельзя ли было бы пристроить к какому-нибудь французскому издательству её книгу о СССР и их бегстве – за гонорар. Если что-нибудь в этом направлении было бы возможно наметить, будьте так добры мне сообщить. Сообщите об этом Осоргину – нет ли у него ходов к французским издательствам? Их бегство из Соловков – на лодке по Белому морю и затем пешком по тундрам и лесам – целая поэма»¹⁴.хлопоты А.А. Кизеветтера не были безрезультатными. Начиная с 1933 года, очерки и статьи супругов Чернавиных о советской России часто публиковались на страницах известных эмигрантских изданий («Последние новости», «Сегодня», «Новое русское слово» и «Современные записки»). С середины 1930-х годов их семья обосновалась в Лондоне.

В письмах к друзьям и близким люди делились самыми сокровенными мыслями и переживаниями, надеясь на взаимопонимание и поддержку. Так, профессор М.И. Ростовцев, оказавшись в Англии, в декабре 1919 года писал

своему другу, английскому археологу Э.Х. Миннзу: «Мы эту зиму пока держимся <...> Здесь устроиться надежды мало. Наш брат учёный мало кому нужен. То, что мы знаем, так неважно для демократического государства, что оно даже не знает, стоит ли кормить своих учёных, и где уж тут думать о чужих. Пусть дохнут с голоду, если не могут делать чего-нибудь более “полезного” <...> Будем вести жизнь странствующего лектора, пока ещё кто-то за это платит»¹⁵. Тем не менее, научная и преподавательская работа в США для М.И. Ростовцева сложилась достаточно удачно. Окончательно свыкнувшись с мыслью о невозможности возвращения в Россию, в 1927 году он подал прошение, а в 1929 году получил американское гражданство.

Важной темой переписки между учёными являются размышления о том, что произошло в России, о её прошлом и будущем. Они живо интересуются текущими событиями на родине, судьбами знакомых и коллег. В 1932 году А.А. Кизеветтер пишет М.В. Вишняку: «С родины у меня вести тяжелые. Все мои коллеги – московские историки – разсланы по разным трущобам, большей частью в Сибири, где им и делать нечего, и кормиться нечем. А более молодые историки, не примкнувшие к большевикам, – в Соловках»¹⁶. Многих мучает ностальгия, но при этом они понимают, что возвращение невозможно. Так, П.А. Сорокин в феврале 1925 года признавался Д.А. Лутохину: «Что касается меня – я органически презираю (подчеркнуто автором. – В. В.) теперешних головоотяпов, т. е. правителей России, и несмотря на беспредельную любовь к России <...> и готовность вернуться и работать для неё в самых тяжких условиях – теперь мой возврат бесполезен <...>. Пока же, живя тут и работая, я, по выражению губернатора штата, делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России. То же можно сказать и о таких лицах как Ростовцев»¹⁷.

Одной из тем писем учёных в начале 1920-х годов становится материальная взаимопомощь. В особых случаях письма как форма личностных коммуникаций носили открытый характер. Так, на первом съезде Союза русских академических организаций за границей (октябрь 1921 года) учёные приняли обращение ко всему цивилизованному миру «О положении русской науки в России». В нём подчёркивалось, что ещё «никогда, ни при каком режиме, ни в какой-либо стране, ни в самой России люди умственного труда вообще, и академические учёные в частности, не были поставлены в такое материально тяжёлое и морально невыносимое положение»¹⁸. В личном фонде П.Б. Струве, хранящемся в ГАРФ, имеется открытое письмо, написанное ректорами ростовских вузов в марте 1922 года. Они просили адресата напечатать его в иностранных газетах, чтобы привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению учёных в советской России. «Призрак голодной смерти на фоне идущего вымирания населения некогда хлеботорных районов нашего юго-востока России грозит и многим из нас, – писали они. – Голодают некоторые из нас и теперь, хотя почти все из нас работали на полях и огородах всё лето предыдущего года. От истощения ещё осенью 1921 года на почве недоедания умер наш известный в науке собрат профессор и ректор Донского ветеринарного института Н.Н. Мари».¹⁹ Учёные-эмигранты в 1921–1922 годах приняли активное участие в сборе пожертвований для голодающей России. В сентябре 1921 года газета «Воля России» (Прага) сообщала, что чешский комитет, кроме общих пожертвований для русских учёных, принимает

именные посылки: их могли отправлять только частные лица для известных профессоров и академиков, проживающих в Москве и Петрограде. Посылки содержали стандартный набор продуктов (сахар, рис, макароны, мука, шоколад, какао, кофе и мыло) и не должны были превышать трёх пудов²⁰. После закрытия «Всероспомгола» (август 1921 г.) эмигранты уже не могли отправлять посылки от своего имени. Пришлось прибегать к помощи иностранных благотворительных организаций.

Учёных в эмиграции от других профессиональных групп больше всего, пожалуй, отличало стремление к максимальной научной самореализации, поэтому невозможность продолжать исследования служила серьёзным препятствием в их психологической адаптации. Осознание учёного, что из центра науки он был выброшен на периферию, где никому нет дела до серьёзных исследований, можно встретить и в уже упомянутой переписке В.И. Вернадского и С.П. Тимошенко. В 1925 году последний пишет из США своему другу: «Никакой науки и никакого Research'a (исследования. – В. В.) здесь нет! По крайней мере, в моей области это настоящая пустыня и здешние лаборатории ни с русскими, ни даже с Загребом сравнить нельзя. Страна удивительная! Живут люди с материальным комфортом и обходятся без газеты, без театра, без порядочного книжного магазина, без библиотек! Чтобы добыть порядочную книгу, нужно писать самому в Европу. Такая библиотека как Carnegie, на которую ухлопано много денег, не имеет ни одного математического журнала из Европы! Научная литература на французском и немецком языках почти отсутствует! Для меня остаётся загадкой, как при этом научном и техническом невежестве страна процветает! <...> Я не думаю, что к этой стране можно привыкнуть. Всегда ощущение, что здесь жизнь не настоящая и люди только временно собрались, чтобы заработать деньги и потом уйти»²¹. Подобные настроения мы находим и в письмах Г.В. Вернадского к родителям. Так, в августе 1933 года он писал отцу, что ему не нравится академическая культура в Йельском университете: «Во-первых, они себе ставят главным образом цели учебные, а не научные. Во-вторых, и учебные цели понимают очень узко. В частности, они совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию. <...> У них, например, почти неприлично считается говорить о науке помимо специальных разговоров по специальным appointment'am. Попытки создать тут историческое общество не увенчалось успехом. При встречах <...> говорят большей частью или об университетских сплетнях, или о футбольных матчах, на которые я не хожу и от безденежья и от того, что не интересуюсь»²². Г.В. Вернадский признавался, что не подходит к своим американским коллегам ни по интересам, ни по психологии.

Действительно, в США карьера Г.В. Вернадского складывалась очень не просто. После 7 лет проживания в этой стране он писал родителям в январе 1934 года, что никак не может получить признания в Йельском университете: «Всё-таки, по правде говоря, возмутительно, что здешний университет не хочет меня обеспечить, как следует, принимая во внимание всю мою научную работу. Но сейчас из-за кризиса, всё продолжающегося, нечего и думать о переходе в другой какой-нибудь университет, а здешние заправилы этим пользуются, эксплуатируя мой труд. <...> Твёрдо верю, что, в конце концов, выбьюсь, но досадно, что всё это так пока складывается»²³. Известно, что на

протяжении 1930-х годов Г.В. Вернадский преподавал в самой низкой должности (instructor), совершенно не соответствующей его квалификации. Только в 1946 году, в возрасте 59 лет и после 20 лет работы в этом университете, он стал профессором, минуя звания ассистента и доцента.

Вынужденные в поисках работы переезжать с места на место, учёные всё же пытались сохранить тесные связи с друзьями и бывшими коллегами, поэтому в письмах с грустью вспоминают о совместной работе в прошлом. Интересны в этом смысле письма биолога К.И. Гаврилова, окончившего естественный факультет Карлова университета и работавшего в 1930-е годы в зоологической лаборатории в Праге под руководством профессоров Ф.Н. Досужкова и М.М. Новикова. Обстоятельства сложились так, что в сентябре 1938 года он был вынужден заключить контракт на работу в одном из исследовательских институтов Буэнос-Айреса и уехать в Аргентину²⁴. Стилистика его писем к М.М. Новикову свидетельствует, что между автором и его адресатом существовали тёплые, доверительные отношения. В марте 1939 года К.И. Гаврилов пишет: «По Праге, особенно по лаборатории, по привычной и любимой обстановке работы скучаю достаточно явно. Аргентина мне не нравится. Конечно, я видел ещё очень мало <...>, но то, что уже меня здесь коснулось, что я слышал и что воспринимаю ежедневно – мне глубоко чуждо и противно. Прежде всего, общий подход к вещам. О сущности работы здесь, по всем данным, мало кто думает <...> Важнее другое – это внешняя сторона, выгода, практический результат <...> Я чувствую, вернее уже ощущаю, как здесь трудно нам, привыкшим думать и оценивать вещи по-другому. Я чувствую себя во всех смыслах не в своей тарелке и продуктивность работы, стремление к ней, вера в неё – в сильной депрессии от сознания здешних условий и моей временной (дай Бог!) безвыходности²⁵. Профессор, физик А.А. Эйхенвальд, вынужденный в конце 1920-х годов уехать из Чехословакии в Италию, в 1932 году признавался тому же М.М. Новикову, что ему очень не хватает общения с соотечественниками: «отсутствие русских знакомых и в особенности пражских друзей часто наводит на раздумье – *Così la vita* («такова жизнь» (итал.). – В. В.)»²⁶.

Сохранилась интересная переписка между историками А.Ф. Изюмовым и М.М. Карповичем. Познакомившись ещё студентами Московского университета, они долгое время не виделись. В 1929 году из Кембриджа М.М. Карпович пишет письмо в РЗИА о возможности работы с его материалами. Между ним и А.Ф. Изюмовым, в то время заведующим отделом документов РЗИА, завязалась переписка, переросшая в крепкую дружбу. В 1932 году М.М. Карпович с семьёй даже приезжал в Прагу. После этого А.Ф. Изюмов признавался в одном из писем: «Откровенно скажу Вам, что ни в ком я ещё до личной встречи с Вами не находил такого понимания всего, что мы переживаем, какое я видел у Вас. Конечно, если глубже анализировать, в наших пониманиях есть большие разногласия, но я, по крайней мере, ни с кем так откровенно не мог высказаться, как с Вами»²⁷. В письмах друзья делятся планами, мыслями о будущем и настоящем России, сообщают сведения об общих знакомых. Обязательно они заканчиваются приветами родным и близким. Как и в большинстве эмигрантских писем, здесь слышатся ностальгические ноты. Так, в 1929 году М.М. Карпович писал: «Американским гражданином не стал и пока не собираюсь. Всё живу надеждой на возвращение в Россию и

сейчас, через 12 лет, не перестал чувствовать себя беженцем. Судьбой своей доволен, но по России тоскую сильно, а о Москве иначе как с острой болью в сердце думать не могу. Пройтись бы разочек по Моховой!»²⁸

Оказавшись в тяжелейшем материальном положении, большинство учёных стремилось сохранить чувство собственного достоинства и не унизиться до получения различных подачек. Так, академик В.А. Францев в 1923 году писал из Праги в Россию академику В.С. Иконникову, что он отказывается от содержания Российской Академии наук, правда, очень скудного и нестабильного. «Какой я впрочем академик, – пишет он, – если обретаюсь в “нетях” всё время со дня избрания и не принимаю никакого участия в трудах Академии? Не сомневаюсь, что в Чехах (так в тексте. – В. В.) я больше могу быть полезным для науки и для самой Академии, но в то же время сознаю, что такое состояние <...> ненормально. А как выйти из этого ненормального положения? Благоразумно ли и целесообразно ли нарушить его и оказаться в горшем и ещё более ненормальном! Все эти вопросы меня бесконечно волнуют»²⁹.

Одной из основных тем переписки учёных становится присылка научной литературы. Так, П.Н. Савицкий в 1922 году, живя в Мокропсах (предместье Праги. – В. В.) и готовясь к магистерскому экзамену, не раз обращался к своему научному руководителю П.Б. Струве с просьбой прислать ему те или иные издания: «Так как порядок моих занятий подошёл вплотную к американцам, – буду с нетерпением ждать решающего вашего слова. Если Вы остановитесь на мысли, что нужны именно “Distribution” и учебник Фишера, то не откажите сообщить, можно ли в раздобывании этих книг надеяться на помощь благодетельного Парижа? – Наряду с этим новая просьба: если можно, поручите кому-нибудь купить французское издание “Основ” Маршалла и выслать эту книжку сюда»³⁰.

Не стоит, однако, идеализировать межличностные отношения в эмигрантской среде, поскольку закономерной в ней была борьба за выживание. Об этом из Праги писал А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу в 1929 году: «На отношение со стороны чехов пожаловаться не могу: они ценят мою работу. С русскими же всяко бывает. Трудно Вам <...> объяснить здешнюю атмосферу пауков в банке. Лучшие отношения сохраняю с А.А. Кизеветтером, хотя во взглядах на настоящее часто и расходимся»³¹. Неизбежная конкуренция между учёными порой порождала конфликты в эмигрантской научной среде. Интересно, что научная полемика по дискуссионным вопросам реже всего приводила к личным конфликтам. Основными причинами последних были разногласия по организационным и финансовым вопросам деятельности институций научного сообщества и политические воззрения коллег.

В 1922 году конфликтная ситуация возникла в русской академической группе (РАГ) в Париже. Юрист А.М. Горовцев заявил о несправедливом распределении средств, выделяемых французским правительством для поддержки русских учёных. По его мнению, члены бюро РАГ необоснованно забирали себе значительную часть денег. «Например, – писал он в своем заявлении, – даже делопроизводитель бюро получает за свою службу вознаграждение больше, чем иной профессор за свою научную работу, чего нет даже в советской России. Кроме того, принадлежность к бюро связана с возможностью довольно частых даровых поездок-командировок, с распределением некоторых

материально выгодных работ <...>, о чём впрочем я могу говорить только по слухам, так как группе об этом ничего не докладывалось». После неоднократных обращений А.М. Горовцева была создана специальная комиссия, которая признала его претензии необоснованными, и общее собрание РАГ исключило его из своего состава³².

В этой же академической группе в 1925 году снова возникла конфликтная ситуация, когда двадцать её членов (В.К. Агафонов, С.И. Метальников, П.П. Гронский, Г.Д. Гурвич, Д.М. Одинец и др.) выступили с заявлением о выходе из состава группы. Их не устраивало «почти полное игнорирование вопросов академического характера и сосредоточение всей работы группы на чисто административных вопросах». Другой причиной протеста учёных стало их несогласие с излишней политизацией деятельности группы, что, по их мнению, противоречило русским университетским традициям. Общее собрание РАГ и на этот раз встало на сторону правления и признало необоснованными обвинения в его адрес. В результате вышедшие из состава РАГ учёные образовали Русский академический союз, который в качестве самостоятельного члена вошёл в состав Союза русских академических организаций за границей³³.

Политические разногласия давали о себе знать и в правлении Союза русских академических организаций. Вспоминая о бессменном руководителе правления А.С. Ломшакове, П.Н. Савицкий отмечает, что он обладал способностью всегда оставаться в стороне от всяких интриг или нейтрализовать их. «Нечего греха таить, – писал он, – академическая среда – едва ли не во всём мире – весьма склонна к интригам. Не без греха была и довольно-таки разнородная, из разных университетских и политехнических центров России собравшаяся русская академическая среда в Праге. Алексей Степанович всё время варился в этом котле. И в то же время умел оставаться в стороне от любых злоумышлений и интриг в адрес своих коллег»³⁴. Однако нейтрализовать интриганов удавалось не всегда. Основатель евразийства рассказывает далее о травле одного из руководителей Союза, либерала профессора П.И. Новгородцева, которого многие за сотрудничество с эсеровским Земгором сочли «слишком левым» и перестали подавать ему руку. Академик Н.П. Кондаков отказался даже сесть с ним за один стол. Новгородцев был единственным председателем РАГ, не переизбранным на второй срок. Его гонители добились также выхода профессора из Учебной коллегии. Всё это, по мнению мемуариста, ускорило кончину Новгородцева, последовавшую в 1924 г.

Отстаивание собственного мнения, не всегда совпадающего с мнением окружающих, уважение взглядов оппонента были не только правилами поведения, но и важнейшими этическими нормами большинства представителей научного сообщества. Подтверждение этому, в частности, мы находим в переписке А.А. Кизеветтера с редактором «Современных записок» М.В. Вишняком. В июне 1928 года известный историк, регулярно печатавший в этом журнале рецензии на историческую литературу, пишет: «Надо что-нибудь изменить в порядке распределения книг для отзыва. Вот уже второй раз я из-за Бицилли остаюсь в дураках. Признаться, мне хотелось бы, чтобы это было и в последний раз. <...> То, что я могу написать о книге по русской истории авторитетнее, нежели Бицилли, не являющийся специалистом в этой области. <...> И меня удивляет, что Бицилли, при наличии моего сотрудничества, берётся писать

рецензии на книги по русской истории. <...> Мне представлялся бы – в случае, если вообще моё сотрудничество по части рецензий не прискучило журналу, – наиболее правильным такой порядок: по отношению к книгам по русской истории я имею приоритет, и к Бицилли могут поступать только те книги, о которых я сам откажусь писать. Что же касается книг по всеобщей не-русской истории, то о них я никогда писать не буду, не признавая себя тут компетентным судьей. <...> Бицилли – человек умный и ко мне расположенный – и не должен в этом усмотреть для себя обидного, ибо такой порядок вытекает из существа дела»³⁵. Редакция с пониманием отнеслась к этой ситуации, и конфликт был исчерпан.

Как отмечалось выше, адаптация происходила крайне медленно и болезненно, если притязания личности были намного выше её нового статуса. Это порождало даже различные формы девиантного поведения. Конечно, в кругу учёных не было явных правонарушений, преступности и наркомании, но случаи суицида и пьянства можно констатировать. Так, в декабре 1933 года застрелился в Булонском лесу профессор А.М. Горовцев. Трудно сказать, что стало непосредственным поводом к самоубийству этого 55-летнего человека, но в фонде Парижской академической группы сохранились его письма, заявления, протоколы собраний, свидетельствующие о том, что у него не сложились хорошие отношения с коллегами. В Праге покончили жизнь самоубийством профессор В.В. Водовозов и В.В. Стратонов. На Пасху 1939 года жена Г.В. Вернадского Нина Владимировна (урожд. Ильинская) записала в дневнике: «В среду были у Ростовцевых. Г. пил, я удрала на бусе. Была забываемая ночь. Г. не должен пить так, он может совсем упасть, если будет продолжать. Он был прямо страшный, кричал ужасные вещи и потом заснул тяжёлым храпящим сном. Я не спала ни одной минуты, и всё думала, думала. Никогда не забуду. Нам надо подниматься куда-то. Дальше так жить нельзя. Что-то не так»³⁶.

Постепенно к концу 1920-х годов в личной переписке эмигрантов на первое место выходят вопросы, связанные с научными интересами, обсуждением и публикацией книг, рецензий, с обменом литературой и т.п. Это свидетельствует, на мой взгляд, о завершении психологической адаптации учёных в новой среде.

Несмотря на все разногласия, нелёгкие условия эмигрантского существования способствовали сближению изгнанных, нуждающихся в поддержке соотечественников. Общность судьбы и исторических корней обусловила такую характерную черту послеоктябрьской эмиграции, как корпоративность. В повседневной жизни она проявлялась, во-первых, в том, что эмигранты первой волны предпочитали селиться колониями. В этом смысле известен так называемый «Шарлоттенград» в Берлине. Свидетельства о том, что в Париже можно было прожить, не зная французского языка и общаясь только с русскими, мы находим в мемуарах известного историка церкви, профессора Н.М. Зёрнова. Он вспоминал, что здесь русские могли не соприкасаться с местным населением: «По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешёвых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады и участвовать в собраниях всевозможных общественных объединений <...> приходя на эти

заседания, шофёры такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи – институтками, скромные служащие – сенаторами или прокурорами»³⁷.

Во-вторых, в повседневной жизни корпоративность проявлялась в совместном проведении досуга. В мемуарах и других источниках сохранилось немало свидетельств о том, что учёные, как и все изгнанники-россияне, предпочитали коллективные формы досуга: устраивали совместные празднования дней рождения, именин, любили всякие посиделки с чаепитием и выпивкой. Молодёжь по вечерам и праздникам танцевала, на улице играла в волейбол, городки, «третий лишний», горелки, в помещении – в телефон и т. п.³⁸ Интересен опыт «збрасловских пятниц». Под этим названием проходили собрания русской интеллигенции в старинном живописном городке Збраслове близ Праги в 1923–1925 гг. Из дружеских чаепитий «узкого кружка добрых знакомых» они переросли в многолюдные (до 100 и более человек) встречи. Непременный участник и организатор «пятниц» С.П. Постников вспоминал: «Начиналось с чая (за 2 кроны каждый получал 2 стакана чая с лимоном, сахаром и ломтем сдобной “ванночки”). Все размещались за большим столом, украшенным букетом цветов. Очередной “хозяйин” и “хозяйка” радушно угощали и занимали присутствующих. Детишки вертелись тут же среди взрослых. Затем наступал определённый момент, столы очищались от посуды, дети уводились на совместную прогулку, а собравшиеся переходили от непринуждённой взаимной беседы к слушанию очередного доклада или литературного чтения. Доклад или чтение были о б я з а т е л ь н ы (разрядка автора. – В. В.) для каждой “пятницы”»³⁹.

С.П. Постников писал, что среди участников «пятниц» были такие видные представители русской науки, как А.Л. Бем, Г.В. Вернадский, В.В. Водовозов, С.В. Завадский, Д.Н. Иванцов, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, В.Ф. Булгаков, Н.О. Лосский, Н.М. Могилянский, Н.Л. Окунев, Н.С. Тимашев, А.В. Флоровский. Порой встречи были посвящены какому-нибудь композитору. Тогда, наряду с докладом о творчестве, исполнялись его произведения. Разнообразие вносили домашние спектакли, конкурсы поэтов и рассказчиков, шуточные лотереи и т. п. На одно из заседаний был приглашён из Праги полный состав хора г-жи Вареновой, который дал большой концерт русской хоровой музыки. Работой кружка руководил специально созданный комитет, в который входили А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, М.В. Васнецов, Н.Н. Ипатьев, Н.О. Лосский, В.В. Стратонов и др. Похожее описание «збрасловских пятниц» мы находим также в воспоминаниях Н.О. Лосского⁴⁰. Нетрудно заметить, что «збрасловские пятницы» возрождали традиции дореволюционных интеллигентских журфиксов. Их популярность объяснялась, на мой взгляд, удачным сочетанием интимно семейного с серьёзным научным и литературным элементом. Причём допускались к слушанию разнообразные темы, кроме политических.

Подобные кружки существовали и в других пригородах Праги, где жили русские интеллигенты, для которых жильё в столице было слишком дорогим. В самой Праге также существовал ряд литературных клубов («Далиборка», «Скит поэтов» и др.), в которых за дружеской беседой и чашкой чая обсуждались новые книги, журналы молодых и маститых авторов. Здесь с энтузиазмом устраивали литературные и музыкальные вечера, отмечали

памятные даты русской истории. Всё это позволяло изгнанникам чувствовать себя прежними и жить напряжённой интеллектуальной жизнью, к чему они привыкли на родине.

Культурно-бытовые контакты с местным населением были весьма ограниченными. Как выше отмечалось, в надежде на скорое возвращение русские были не склонны интегрироваться в жизнь приютивших их стран. Даже если они могли неплохо говорить на местном языке и были знакомы с историей и культурой той страны, где жили, они чувствовали себя чужими, а недавно приобретённые знания практически не влияли на их отношение к стране пребывания. Кроме этого, сказывались, видимо, различия с коренным населением в правовом статусе и материальном положении. Современный чешский историк А.В. Копршицова-Вуколова, внучка С.В. Маракуева, директора Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге в 1921–1935 гг., хорошо знающая эмигрантскую среду, подметила, что компании русских никогда летом «не купались там, где чехи, там, где были детские площадки, удобный спуск в воду и платные кабинки для переодевания. “Русский пляж” был в стороне от чешского, и переодеваться ходили в ивняк»⁴¹.

В лучшем случае настороженно к русским изгнанникам относилось и местное население, поскольку видело в них конкурентов, «нахлебников», иноверцев, виновников роста преступности и опасных заболеваний и т. п. Правда, с течением времени взаимное недоверие проходило, и на смену обобщающим негативным представлениям приходило понимание, что та и другая сторона состоит из конкретных людей, среди которых есть трудолюбивые и ленивые, честные и лживые, добрые и злые, самоотверженные и трусливые.

Контакты русских изгнанников с местным населением осложнялись также причинами эмоционально-психологического свойства. П.А. Сорокин в одном из писем к Н.Е. Шаповалу отмечал, что «отношения с проф<ессора>ми у нас очень хорошие. Но опять “слав<янская> натура” есть всё же нечто отличное от американской. Нашей “интимности” и “души нараспашку” здесь как-то нет совсем. Люди, даже в самых панибратских отношениях, как-то всегда почти “застёгнуты”. Иногда и хочется по-русски “побеседовать”»⁴².

Сказывалась также разница в привычках и традициях, образовательном уровне, отношении к частной интимной жизни. Сербский исследователь Мирослав Йованович подметил, что в сельской патриархальной среде часто с улыбкой смотрели на распространённое среди русских интеллигентов поведение, «когда муж целует руку жене, дарит ей цветы, приносит завтрак в постель, а между членами семьи было принято обращение на “вы”, и не только в обращении младших к старшим, но и старших к младшим – подобное поведение главы семьи оценивалось в местной среде как подкаблучничество, мягкотелость и т. п.»⁴³ Межкультурному диалогу, тесному общению с местным населением препятствовали также предубеждения и ошибочные представления о культуре другого народа. Так, П.А. Сорокин писал из США Д.А. Лутохину в феврале 1925 года: «Встречаясь с нами, они, т. е. американцы, начинают понимать, что настоящие русские это что-то совсем другое, что они привыкли думать раньше, отождествляя русских либо с еврейскими эмигрантами, либо с полудикими крестьянами, да что говорить! Если бы Вы тут пожили, поняли бы, какую галиматью разводили тут “наши”, рисуя Россию

как “погром” и дикую страну».⁴⁴ Кстати, эти настроения впоследствии стремились учесть русские учёные при проведении культурно-просветительной работы, одной из целей которой становится знакомство местного населения с достижениями русской культуры.

Несмотря на то, что с конца 1920-х годов началась активная интеграция российских эмигрантов в жизнь стран-реципиентов, в повседневной жизни они сохраняли тесное общение с соотечественниками. Дружеское общение с последними явилось одновременно важным фактором психологической адаптации вдали от Родины и способом самоидентификации личности, давало последней психологическую устойчивость в катастрофически меняющемся мире. Среди друзей и близких человек долгие годы сохранял свой прежний общественный статус, не чувствовал себя одиноким, а процесс адаптации проходил менее болезненно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. № 25. С. 87–108; *Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Там же. 2011. № 37. С. 24–44; *Мамонтова М.А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Там же. № 36. С. 267–277; *Мязгов Г.П.* Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Там же. № 34. С. 206–214; *Никифоров Ю.С.* Коммуникативная культура российских историков конца XIX – начала XX в. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // Там же. 2014. № 48. С. 138–164; *Буцуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917. Казань, 2012; *Сидорова Л.А.* Межличностные коммуникации трёх поколений советских историков // РИ. 2008. № 2. С. 129–138; *Свейников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

² *Ковалёв М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1930 гг.). Саратов, 2012. С. 329.

³ *Волошина В.Ю.* Учёный в эмиграции: проблемы социальной адаптации учёных-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010; *она же.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских учёных-эмигрантов в 1920–1930-е гг. М., 2013.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 75. Л. 2, 4.

⁸ Цит. по: «Вряд ли придётся возвращаться домой». Из писем С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому / публ. М.Ю. Сорокиной // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов / под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 128.

⁹ *Захаров О.И.* Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество // РИ. 2014. № 3. С. 115.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 146. Л. 112.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 87 а. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1–14.

¹³ Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь / под общ. ред. Л.А. Мухомина. М., 2010. Т. 3. С. 480–481.

¹⁴ Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / публ. М. Раева // НЖ. 1988. Кн. 172–173. С. 526.

¹⁵ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М.* Скифский роман, или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. С. 302.

Там же. С. 306.

¹⁶ Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку. С. 523.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 239. Л. 14 об.

¹⁸ Труды русских учёных за границей: сборник академической группы в Берлине / под ред. проф. А.И. Каминки. Берлин, 1922. С. 340.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 146. Л. 60–61.

²⁰ Воля России (Прага). 1921. 3 сентября.

²¹ Цит. по: Российская научная эмиграция: двадцать портретов. С. 132.

²² Цит по: *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. С. 342–343.

²³ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского (1887 – 1973) и его архив. Сарго, 2002. С. 40.

²⁴ *Нечаев С.Ю.* Русские в Латинской Америке. М., 2010. С. 295.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 52 а. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 62. Л. 6.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 103.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Из переписки В.А. Францева / публ. М.Ю. Досталь // *Славяноведение*. 1994. № 4. С. 104.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 30.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.

³² ГАРФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 146. Л. 52; Ф. Р-6066. Оп. 1. Д. 5. Л. 37–90.

³³ Там же. Д. 2. Л. 15, 25, 31, 38.

³⁴ *Савицкий П.Н.* Воспоминания об А.С. Ломшакове (1870 – 1960) / публ. П.Н. Савицкого // *Записки Русской академической группы в США*. Нью-Йорк, 2001–2002. Т. XXXI. С. 565.

³⁵ Письма А.А. Кизветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку. С. 498–499.

³⁶ Цит. по: *Сорокина М.Ю.* Указ. соч. С. 345.

³⁷ *За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых)*. Париж, 1973. С. 123, 125.

³⁸ *Ковалевский П.Е.* Дневники, 1918–1922 / подгот. текста и коммент. Н.П. Копаневой. СПб., 2001. Т. 1. С. 444; *Евреинов А.Б.* Между двумя эмиграциями. Торонто–СПб., 2005. С. 158–159.

³⁹ *Русские в Праге, 1918–1928*. Прага, 1928. С. 141.

⁴⁰ *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь / предисл. и прим. Б.Н. Лосского; вступ. ст. О.Т. Ермишина; коммент., публ. текстов в прилож. О.Т. Ермишина и С.М. Половинкина. М., 2008. С. 201–202.

⁴¹ *Копришова А.В.* Российские эмигранты во Вшенорах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага, 2000. С. 21.

⁴² *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2005. С. 570–571.

⁴³ *Дованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева. М., 2005. С. 400.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 239. Л. 14 об.

Историки-эмигранты и реабилитация Николая II

Аннотация: В статье анализируются эмигрантские истоки современной историографической тенденции, связанной с реабилитацией императора Николая II как человека и государственного деятеля. Автор приходит к выводу, что данная тенденция коренится не столько в учёте политической конъюнктуры конца XX – начала XXI в., сколько в историографической традиции, основанной и развитой такими эмигрантскими историками (в широком смысле этого слова), как С.С. Ольденбург, П.П. Стремоухов, С.П. Мельгунов и В.А. Маклаков.

Annotation: The article analyzes the emigrant origins of modern historiographical trends related to the rehabilitation of Emperor Nicholas II as a man and a statesman. The author comes to the conclusion that this tendency is rooted not so much in the political situation of the end of XX – beginning of XXI century, as in a historiographical tradition, founded and developed by such emigrant historians (in the broad sense of the word), as S. Oldenburg, P. Stremoukhov, S. Melgunov and V. Maklakov.

Ключевые слова: историки, эмиграция, реабилитация, Николай II, монархия, либерализм, революция 1917 г., переосмысление.

Key words: historians, emigration, rehabilitation, Nicholas II, the monarchy, liberalism, revolution of 1917, rethinking.

Политика оправдывает успех; она стоит на стороне победителей; нравственный же суд историка чаще склоняется на сторону побеждённых... Не Филипп Македонский, а Демосфен, не Цезарь, а Катон, не Робеспьер и Марат, а Людовик XVI привлекают к себе сочувствие историка, одарённого живым нравственным смыслом.

Б.Н. Чичерин¹

Одна из тенденций, которыми отмечена постсоветская научная историография, связана с реабилитацией династии Романовых вообще и последнего российского императора Николая II – как человека и государственного деятеля – в частности, причём реабилитацию, снятие незаслуженных обвинений, здесь необходимо отличать от апологии, оправдания всех действий данного персонажа. Оппоненты представителей этой тенденции критикуют их за приращенность политической конъюнктуры, забывая, что указанная тенденция

коренится не столько в постсоветской, сколько в эмигрантской научной историографии, хотя накануне Февральской революции 1917 г. рейтинг Романовых находился, как и ранее, на весьма низком уровне. «Династия, – вспоминал А.Ф. Керенский в 1936 г., – никогда, почти традиционно, не пользовалась в России подлинной популярностью. Никого не удивляло, что даже самые рьяные монархисты не питают к государям такой любви, как, например, в Англии»². Описанная ситуация предопределялась не только развязанной революционерами и поддержанной оппозиционерами информационной войной, чья очередная, самая масштабная, кампания пришлась на последнее царствование, но и особенностями личности последнего самодержца, являвшегося классическим интровертом, получившим к тому же английское воспитание.

Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге, самый любимый преподаватель наследника Николая Александровича, знавший его как никто другой, говорил члену Государственного совета А.А. Половцову 28 октября 1894 г. о новом императоре: «Он положительно очень умен и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей»³. «Его замкнутая, скромная до застенчивости, благородная натура, – характеризовал Николая II флигель-адъютант А.А. Мордвинов, зять К.О. Хиса, воспитателя наследника, – привыкла с раннего детства переживать сама с собою свои страдания и свои обиды, не отдавая их для сочувствия другим, даже самым близким людям»⁴. Неудивительно, что для лиц, общавшихся с Николаем II достаточно близко и в течение длительного времени, его внутренний мир был, тем не менее, покрыт пеленой тайны. Сенатор граф А.А. Бобринский отметил в марте 1895 г., характеризуя молодого монарха: «Сфинкс»⁵. Миновали десять лет, но ситуация ничуть не изменилась – и княгиня Е.А. Святополк-Мирская, со слов супруга, министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского, записала в январе 1905 г. о Николае II: «Он – совершеннейший сфинкс. Те, кто знают его лучше всего, признают, что невозможно понять его»⁶. В июле 1906 г. премьер-министр П.А. Столыпин заявил лидерам октябристов А.И. Гучкову и Н.Н. Львову: «Государь – это загадка»⁷. В октябре 1907 г. хозяйка политического салона А.В. Богданович записала: «Вообще про царя нашего можно сказать, что он – загадка». В июне 1908 г. член Государственного совета А.С. Стишинский говорил в салоне Богдановичей, что Николай II – «сфинкс, которого разгадать нельзя»⁸. «Неразгаданным ушёл он из жизни»⁹, – писал о последнем самодержце в 1924 г., уже в эмиграции, общественный деятель Н.А. Павлов. Критически оценив Николая II, генерал Ю.Н. Данилов, тем не менее, заключал в 1926 г.: «Впрочем, это была очень сложная натура, разгадать и описать которую ещё никому не удалось»¹⁰. В 1929 г. камер-юнкер С.Н. Палеолог полагал, что «для многих русских интеллигентных людей последний русский царь был далеко не разгаданной загадкой»¹¹. «Я убеждён, что даже большинство из нас, стоявших близко к государю, – подчёркивал в 1933 г. преемник П.А. Столыпина, граф В.Н. Коковцов, – всё же не знали его сложной души и не представляли себе, что именно переживал он в частые минуты глубокого и скрытого от всех нас раздумья»¹². «Личность государя, – подытоживал кадет В.А. Маклаков в 1939 г., – сложнее, чем она казалась и ревнителям, и врагам его памяти»¹³.

Изоляция внутреннего мира Николая II от мира внешнего, детерминировавшая и замкнутость его частной жизни, колебала трон едва ли не в

большей степени, чем деятельность оппозиционеров и революционеров. «Царя, – вспоминала другой кадетский лидер, А.В. Тыркова, – считали недалёким, бесхарактерным, игрушкой в руках жадных слуг... На самом деле никто хорошенько не знал, что делается при Дворе. Меньше всего знали того, кто стоял во главе огромной империи, – самого Николая II. Цари жили замкнутой, недоступной, непонятной для подданных жизнью. Эта далёкость открывала простор легендам и недоброжелательным выдумкам»¹⁴. Особое распространение «легенды и недоброжелательные выдумки» получили во время Первой мировой войны, когда большую часть одиума, довлевшего над династией, несли на себе именно Николай II и его супруга Александра Фёдоровна, которые подозревались и правыми и левыми, и верхами и низами если не в сознательной государственной измене, то в попущении «тёмным силам», возглавляемым Г.Е. Распутиным и работающим на Германию.

Февральская революция 1917 г. создала ещё более неблагоприятные предпосылки для историографической судьбы низложенных венценосцев, хотя бы потому, что 5 марта указом Временного правительства была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств¹⁵. Официально Николай II и Александра Фёдоровна не попадали под компетенцию ЧСК, однако фактически министр юстиции А.Ф. Керенский создал её, прежде всего, для окончательного закрепления в общественном сознании скандальной репутации бывших венценосцев, а тем самым – и для полной легитимации республики, фактически водворившейся в Российском государстве с марта 1917 г.

Вопреки замыслу создателей ЧСК, она выполнила свою задачу, но, по иронии истории, с точностью до наоборот. «Не скрою, – вспоминал член Президиума ЧСК А.Ф. Романов, – что, входя в состав Следственной комиссии, я сам находился под влиянием слухов, захвативших всех, и был предубеждён против личности государя. Утверждаю, однако, что не я один, на основании изучения материалов, пришёл к совершенно противоположным выводам»¹⁶. «Прибыв в Петроград в Следственную комиссию, – вспоминал, в свою очередь, следователь ЧСК В.М. Руднев, – я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины»¹⁷. Попытки ЧСК найти подтверждение скандальной репутации, закрепившейся за Николаем II и Александрой Фёдоровной в общественном сознании накануне Февральской революции, закончились полным провалом. «С таким лакейским, хамским любопытством и торжеством, – отмечал А.Ф. Романов, – жаждали некоторые члены Комиссии вывести пред всенародные очи предполагаемый ими позор царской семьи. Надежды их, однако, не оправдались». Вождям революционной власти, констатировал он, «не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намёки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным

мнением»¹⁸. В 1920 г., ради восстановления исторической истины, А.Ф. Романов¹⁹ и В.М. Руднев²⁰ огласили итоги деятельности ЧСК за границей, чем заложили основы для реабилитации Николая II в эмигрантской историографии.

Позднее стенограммы допросов и показаний, данных ЧСК, были опубликованы в СССР²¹, но они нуждаются в осторожном отношении. «Будущий исследователь, – отмечал А.Ф. Романов, подразумевая данные документы, – должен, однако, отнестись к этим стенограммам с особенной осторожностью. Они никем не подписывались, никому из допрошенных предъявляемы не были и редактировались четырьмя литераторами, в числе коих был и Блок, впоследствии певец большевизма»²². Впрочем, А.Ф. Романов не знал, что роман с большевизмом оказался у А.А. Блока недолгим и закончился незадолго до его смерти. С другой стороны, бывший главноуправляющий государственным здравоохранением Г.Е. Рейн, имевший случай предстать перед ЧСК, подтверждал, что «стенографические записи не предъявлялись допрашиваемым и ими не подписывались» и что «запись моего допроса не была мне показана, и подписи моей на ней нет». Передавая впечатления от публикации протокола своего допроса, сделанной в пятом томе материалов ЧСК, Г.Е. Рейн писал: «должен сказать, что он требует значительных поправок. Я обнаружил в нём ряд неточностей, неправильных передач мысли, различных недомолвок и умолчаний. Видимо, и редакторский карандаш не отличался подобающим беспристрастием»²³.

Ранее другую основу для реабилитации последнего самодержца заложил сам факт бессудного убийства большевиками на Урале в июне-июле 1918 г. Николая II, Александры Фёдоровны и их четырёх детей, а также царских родственников (великие князья Михаил Александрович и Сергей Михайлович, великая княгиня Елизавета Фёдоровна и князья императорской крови – Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи). В январе 1919 г. в Петрограде были расстреляны ещё три великих князя – Павел Александрович и Георгий и Николай Михайловичи. Хотя следствие по делу об убийстве Романовых на Урале вёл следователь Н.А. Соколов, страшную правду о гибели представителей династии первыми донесли до цивилизованного мира его помощники – английский журналист Р. Вильтон и воспитатель наследника Алексея Николаевича П. Жильяр²⁴ и куратор Н.А. Соколова, генерал М.К. Дитерихс. Р. Вильтон опубликовал очерки «Последние дни Романовых» в Лондоне в 1920 г. и в Париже в 1921 г. и их русский перевод – в Берлине²⁵. П. Жильяр издал воспоминания «Трагическая судьба Николая II и его семьи» в 1921 г. в Париже и в том же году – их русский перевод в Вене²⁶. М.К. Дитерихс напечатал «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале» в 1922 г. во Владивостоке²⁷. Книга Н.А. Соколова вышла только в 1925 г. в Берлине, т.е. после его кончины²⁸.

Естественно, что убийство большевиками Романовых содействовало повышению репутации Николая II и Александры Фёдоровны. «С какой бы суровостью ни оценивать пагубную историческую роль последнего русского царя и его жены, – подчеркивал А.Ф. Керенский, – их трагическая кончина глубоко трогает человеческое сердце»²⁹. Необходимость канонизации Николая II, не говоря о членах его семьи, представлялась абсолютно бесспорной не только представителям эмигрантского духовенства³⁰, но и политическим деятелям,

чуждым клерикализму. В номере за 31 мая 1922 г. кадетской газеты «Руль», издававшейся в Берлине, со слов эмигранта, тайно посетившего Тамбовскую губернию, сообщалось, что в народе о Николае II «говорят как о мученике»³¹. В сообщениях подобного рода сказывалось изменение отношения к последнему монарху со стороны лидеров кадетов, один из которых, специалист по церковным вопросам А.В. Карташев, заявил в октябре 1921 г., что у Николая II «имеются налицо все условия для того, чтобы в будущем быть канонизированным как святому»³².

Святость венценосцев полностью признавали и более левые деятели, в частности, тот же А.Ф. Керенский, отмечавший, что «по пути на Голгофу» царь и царица «обрели в глазах всего света новое величие – духовное величие мученической гибели»³³. В этой связи показательным, что сестра Николая II, великая княгиня Ксения Александровна, выступала ... против канонизации брата и невестки даже после того, как в 1938 г. её осуществила Сербская Православная церковь, и несмотря на то, что вопрос о канонизации собирався поднять Второй всезарубежный собор Русской Православной церкви. «Поднимать вопрос о канонизации теперь, – писала она в августе 1938 г. княгине А.А. Оболенской, – было бы огромной ошибкой и просто недопустимо... Вот уж действительно сказать: и не время, и не место»³⁴. Очевидно, Ксении Александровне претило политизированное восприятие проблемы канонизации брата и невестки. В результате канонизация царской семьи и её убиенных родственников затянулась до 1981 г.

Резкому ухудшению репутации Николая II содействовало также сравнение реалий императорской и советской России. «Живём темнее, чем при Романовых, – записала уже 10 февраля 1918 г. А.В. Тыркова. – Газеты закрыты. За каждое слово грозят смертью»³⁵. «Мы, – вспоминала она в эмиграции, – уверяли себя и других, что мы задыхаемся в тисках самодержавия. На самом деле в нас играла вольность, мы были свободны телом и духом. Многого нам не позволяли говорить вслух. Но никто не заставлял нас говорить то, что мы не думали. Мы не знали страха, этой унижительной, разрушительной, повальной болезни XX в., посеянной коммунистами. Нашу свободу мы оценили только тогда, когда большевики закрепили всю Россию. В царские времена мы её не сознавали»³⁶. «Большевистские порядки, – подчёркивал в 1923 г. член Президиума ЧСК сенатор С.В. Завадский, – разумеется, заставляют и царское время признавать временем свободы»³⁷. Перед «коммунистической деспотией, – писал в 1953 г. выдающийся русско-американский социолог Н.С. Тимашев, – самодержавие начинает казаться царством свободы и справедливости»³⁸. Особенно впечатляющей была разница между карательной политикой царизма и большевизма.

«Чрезвычайка, – заключал кадет П.Г. Виноградов в феврале 1919 г., – намного превзошла свой образец – старую “Охранку”»³⁹. «Но казни без суда! – возмущался В.Г. Короленко, обращаясь в июне 1920 г. к А.В. Луначарскому и сравнивая правления Николая II и В.И. Ленина. – Казни в административном порядке! Это бывало величайшей редкостью даже и тогда. Я помню только один случай»⁴⁰. Кадету (и принципиальному республиканцу) князю В.А. Оболенскому даже режим, существовавший в августе 1906 – апреле 1907 г., во время действия военно-полевых судов, казался «сравнительно мягким».

«Едва ли я ошибусь, – отмечал он, – если определю число казнённых за весь период революции 1904–1906 гг. в несколько сот человек. Что значат такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!»⁴¹

Более того, в сознании республиканцев, потрясённых массовостью большевистского террора, Николай II полностью избавился от прозвища «Кровавый». «Теперь, после ужасов большевистского террора, – восклицал А.Ф. Керенский в 1936 г., – трудно даже представить, что Николай II, сидя на престоле, казался чудовищем, прозванным – подумать только! – Николаем Кровавым. Какая ирония звучит теперь в этих словах!»⁴² А.Ф. Керенский вторил А.Ф. Романову, который ещё в 1920 г. возмущался: «“Кровавый царь”, как писали прокламации, и какая это была ложь! За всё царствование государя Николая Александровича крови пролилось меньше, чем даже за первые дни “бескровной” (Февральской. – С. К.) революции и лилась она, конечно, не по желанию, а тем более не по жестокости царя»⁴³. А.Ф. Романов резонно не учитывал жертвы двух войн – русско-японской и Первой мировой, поскольку и в том и в другом случае инициатива начала войны принадлежала не России.

А.Ф. Керенский был «вполне убеждён, что красный террор вынуждает нас или вынудит в скором будущем пересмотреть вопрос о личной ответственности Николая II за несчастья и катастрофы во время его царствования. По крайней мере, я, – признавался бывший сторонник цареубийства, – уже не вижу в нём “бесчеловечного зверя”, каким он ещё недавно казался. В любом случае сегодня лучше представляются человеческие аспекты его действий, выясняется, что он боролся с терроризмом без всякой личной злобы... Безусловно, все казни, совершённые при старом режиме, обращаются в ничто по сравнению с потоками крови, пролитыми большевиками»⁴⁴. Реабилитации Николая II способствовали обстоятельства не только объективного, но и субъективного порядка.

Первым обратившимся к реабилитации последнего царя в эмигрантской научной историографии стал С.С. Ольденбург, который в феврале 1917 г. свержение самодержавия встретил «восторженно»⁴⁵. Тем не менее, в современной историографии он совершенно несправедливо рассматривается как некий столп консерватизма, хотя до 1917 г. являлся членом либерального Союза 17 октября, а в эмиграции с 1922 г. – одним из лидеров Русского народно-монархического союза конституционных монархистов. В это время С.С. Ольденбург находился в орбите идейного влияния П.Б. Струве, который оценивал Романовых, учитывая осуществлённое большевиками дистанцирование от Западной Европы, а потому Романовы выглядели, с точки зрения бывшего марксиста, как сознательные и активные поборники вестернизации, модернизации и прогресса во всех их основных аспектах – политическом, социальном, экономическом и культурном. В октябре 1923 г. П.Б. Струве, выступая в пользу «возврата к оправдавшей себя истории многих столетий и отречения, полного духовного отречения, от опровергнутой себя истории одного шестилетия», подчёркивал: «Я понимаю, что иностранцы, даже самые благожелательные к русскому народу, могут верить в легенду о “царизме” как злом гении русского народа. Но ни один русский человек, если он знает факты и способен их оценивать, не может уже верить в эту легенду. Русская революция её окончательно опровергла»⁴⁶.

В действительности П.Б. Струве проповедовал возвращение не только к «истории многих столетий», но и к классическому российскому либерализму, самый выдающийся идеолог которого, Б.Н. Чичерин, утверждал: история романовской монархии «доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»⁴⁷. Впрочем, в январе 1929 г. и сам П.Б. Струве признал, что от К. Маркса «в своих собственных путях» пришёл к Б.Н. Чичерину⁴⁸. В сущности, в контексте классического, т.е. консервативного, российского либерализма работал как историк и С.С. Ольденбург, издавший первое мини-исследование о Николае II в 1922 г. в Берлине⁴⁹, в качестве критического ответа на опубликованные тогда же и там же мемуары С.Ю. Витте⁵⁰. Краткий биографический очерк о Николае II, охватывающий период с его рождения до 1904 г., С.С. Ольденбург напечатал в 1925 г. в «Русской летописи»⁵¹, однако главный труд его жизни, посвящённый последнему царствованию, вышел в свет полностью только через 24 года⁵². Можно согласиться с М.П. Лепёхиным, который считает, что «Царствование императора Николая II» С.Ф. Ольденбурга «до настоящего времени остаётся лучшим исследованием об эпохе 1895–1917 гг., показанной, прежде всего, сквозь призму принятых самодержцем решений, зачастую вызывавших недоумение современников и совершенное непонимание историков последующих поколений»⁵³.

То, что С.С. Ольденбург сотрудничал в «Русской летописи», было отнюдь не случайным: редактор этого журнала С.Е. Крыжановский, выдающийся государственный деятель Российской империи конца XIX – начала XX в., в эмиграции являлся председателем правления «Общества ревнителей памяти императора Николая II». В марте 1923 г. С.Е. Крыжановский полагал, что «оправдание государя... теперь самая главная задача, перед которой никнет всё остальное»⁵⁴. Позиция С.Е. Крыжановского предопределялась не столько его политической ангажированностью (ни в каких партиях он никогда не состоял), сколько тем, что именно С.Е. Крыжановский одним из первых ознакомился с записками А.Ф. Романова и В.М. Руднева и воспоминаниями П. Жильяра, опубликовав их на страницах «Русской летописи».

Знаковыми не только для «Русской летописи», но и для реабилитации Николая II стали статьи-исследования бывшего сенатора и мемуариста П.П. Стремоухова, посвящённые как императору⁵⁵, так и императрице⁵⁶. Характерно, что в декабре 1916 г., будучи директором Департамента общих дел МВД, П.П. Стремоухов заявил находившемуся тогда в Петрограде минскому губернатору князю В.А. Друцкому-Соколинскому, показывая на портрет Александры Фёдоровны: «Эта дрянь всех нас губит!»⁵⁷ Однако уже в 1924 г. П.П. Стремоухов полагал иначе, поскольку писал тогда совершенно в духе царицы, подразумевая причины падения монархии: «Ближайшие родственники, знать, главное командование и общество рубили с каким-то наивным ожесточением тот сук, на котором они сидели»⁵⁸. Перенесение вины за падение монархии с венценосцев на их окружение создавало ещё одну предпосылку для реабилитации Николая II, тем более, что отзывы о нём подавляющего большинства современников, не сумевших разгадать тайну последнего самодержца, отличались изрядной долей субъективности.

«Обращение к данным русской исторической литературы или к живым ещё деятелям, как бюрократическим, так и общественным, близко знавшим госуда-

ря, едва ли было бы целесообразно, – справедливо замечал П.П. Стремоухов. – Вряд ли со стороны названных лиц можно ожидать вполне объективного отношения к личности государя. Иные из первых были чрезмерно им обласканы, другие теряли его расположение; общественные же деятели, правые, левые ли, безразлично, оценивали и оценивают его лишь под углом своего политического “credo”»⁵⁹. Это замечание П.П. Стремоухова сохранило своё значение до сих пор, как и его наблюдение о двойственном, консервативно-либеральном характере государственной деятельности Николая II, который, защищая самодержавие, понимал, однако, «потребности своего времени». «Понимая потребности своего времени, государь неоднократно шёл к ним навстречу», хотя «сделанные уступки, ослабившие правительственный аппарат, неизменно, – по мнению П.П. Стремоухова, – обращались в оружие против ослабленной власти». В рассуждениях новоявленного историографа присутствовала железная логика. «Кто проследит за революционным движением в России, – отмечал П.П. Стремоухов, – тот убедится в том, что усиление этого движения никогда не являлось непосредственным последствием реакции, а, напротив, проявлялось в моменты более либерального направления власти... После Манифеста 17 октября 1905 г., который логически должен был бы успокоить Россию, беспорядки вспыхнули с новою силою... В этом заключалась вся великая трагедия последнего столетия Императорской России»⁶⁰. Реабилитация Николая II как агента модернизации подразумевала, что революции начала XX в. были не причиной, а издержкой реформ.

Как это ни парадоксально, но реабилитации последнего самодержца, принимая во внимание политическую злобу дня, препятствовали... лидеры монархического крыла эмиграции, что видно на примере судьбы «Тяжёлых дней», уникального исторического источника, составленного А.Н. Яхонтовым на основе записей, делавшихся им по должности помощника начальника Канцелярии Совета министров⁶¹. «Тяжёлые дни» свидетельствовали, помимо прочего, что причинами принятия Николаем II в августе 1915 г. верховного главнокомандования, в чём современники видели следствие его мнимого слабоволия и влияния камарильи во главе с Г.Е. Распутиным, на самом деле были пагубная военная стратегия прежнего главковерха, великого князя Николая Николаевича, и его ближайших сотрудников и их активное вмешательство во внутреннюю политику, вызвавшее политический кризис, который в конечном счёте завершился Февральской революцией. Именно тогда, 2 марта 1917 г., Николай Николаевич, как главнокомандующий Кавказским фронтом, «колелопреклонённо» молил двоюродного племянника отречься от престола, что не помешало великому князю уже в эмиграции выдвинуться на роль «национального вождя».

В марте 1923 г. С.К. Крыжановский предложил А.Н. Яхонтову опубликовать его записи в «Русской летописи», хотя понимал, что его, С.Е. Крыжановского, «компаньоны», прежде всего предпоследний председатель царского Совета министров А.Ф. Трепов, «встретят сомнения ввиду особого уважения к репутации великого князя Николая Николаевича»⁶². Именно А.Ф. Трепов и обеспечил А.Н. Яхонтову «бесповоротный отказ» относительно публикации «Тяжёлых дней» в «Русской летописи» – дабы предотвратить какое-либо колебание престижа «национального вождя». «Для меня, – сообщал А.Н. Яхонтов С.Е. Крыжанов-

скому, – не секрет, что пожелание отсрочки опубликования “Тяжёлых дней” вызвано, помимо принципиальных соображений, опасениями неблагоприятных впечатлений для вождя надпартийно-национальных объединений»⁶³. «Тяжёлые дни», воспроизводил А.Н. Яхонтов мотивацию А.Ф. Трепова, «не должны делаться пока достоянием гласности, ибо могут повредить “Вождю”»⁶⁴ и «общепризнанной популярности водителя, с которым связано у русской эмиграции много надежд»⁶⁵. Сведения Яхонтова соотносятся с информацией последнего царского министра земледелия А.А. Риттиха, согласно которой, «в правых и умеренно правых кругах» бытовало мнение, что «Тяжёлые дни» могут «ослабить авторитет великого князя Николая Николаевича и повредить зарубежному объединению около его имени»⁶⁶. Только через три года А.Н. Яхонтов, при содействии бывшего выборного члена Государственного совета В.И. Гурко⁶⁷, смог опубликовать «Тяжёлые дни» в более «левом» «Архиве русской революции».

С точки зрения реабилитации Николая II большую принципиальность являли не монархисты, а республиканцы, в частности, выдающийся историк С.П. Мельгунов, один из лидеров Партии народных социалистов. Непосредственно сразу после Февральской революции он искренне полагал, что Николай II вообрал в себя все недостатки своих предков, а потому последнего самодержца отличало «моральное и умственное убожество», Александра же Фёдоровна вообще являлась «отчасти психически ненормальной». «В истории, – выносил С.П. Мельгунов, казалось бы, окончательный обвинительный приговор, – на царствовании Николая II впредь будут останавливаться только для того, чтобы показать на примере один из наиболее ярких моментов уродства царизма»⁶⁸.

В эмиграции С.П. Мельгунов кардинально ревизовал историографические представления о государственной деятельности Николая II в период Первой мировой войны и накануне Февральской революции. «У царя, – подчёркивал С.П. Мельгунов в 1931 г., – в годы войны, очевидно, не было отталкивания от Думы, которая становилась на пути его самодержавия»⁶⁹. Комментируя утверждение о том, что во время войны и перед революцией Николай II «абсолютно не отдавал себе отчёта в роковом значении разыгрывающихся событий», историк констатировал: «Это мало соответствовало действительности». По мнению С.П. Мельгунова, «во время войны вступить на путь “решительной борьбы” с общественностью» монарху мешало «глубоко разложенное в нём патриотическое чувство»⁷⁰. «Несомненно, – опровергал историк ещё один миф – о Г.Е. Распутине, – сильно преувеличено и представление о совершенно исключительно политическом влиянии находившегося при дворе “Друга”». Хлёсткую фразу В.И. Гурко, высказанную им публично в сентябре 1915 г., о необходимости «власти с хлыстом, но не такой власти, которая сама находится под хлыстом», С.П. Мельгунов отнёс «к обычным демагогическим приёмам общественной агитации»⁷¹. Наконец, имея в виду «концепцию» о стремлении Николая II и Александры Фёдоровны к сепаратному миру, историк отмечал, что «последующее» с «убедительностью и отчётливостью показало всю необоснованность всей этой концепции»⁷².

Позднее, в годы Второй мировой войны, С.П. Мельгунов создал мону-ментальную трилогию «Царь и революция», первый том которой специально посвятил развенчанию «легенды о сепаратном мире». «По отношению к царю

и царице, – писал он, – дореволюционная легенда должна быть отнесена к числу грубых и сугубо несправедливых клевет, демагогически использованных в своё время в политической борьбе с режимом»⁷³. «Оклеветанная тень погибшей императрицы, – патетически восклицал С.П. Мельгунов, – требует исторической правды», поскольку «в тяжёлую годину испытаний и она, и сам царь Николай II с непреклонной волей шли по пути достижения достойного для страны окончания войны»⁷⁴.

Не менее значимую ревизию историографических представлений о государственной деятельности Николая II, относящейся, однако, к 1904–1906 гг., произвёл В.А. Маклаков, окончивший историко-филологический факультет Московского университета и начинавший как историк-всеобщник⁷⁵. Непреклонный борец с самодержавием до 1917 г., к 1939 г. В.А. Маклаков пришёл к выводу, что «самодержавие, при всех недостатках, было бесконечно лучше, чем революция», так как оно «оказалось способным исправиться и даже само перейти к конституции»⁷⁶. Под пером поклонника Французской республики третьего издания (и французского масона!) Николай II предстал как либерал, поскольку его Указ 12 декабря 1904 г. содержал «либеральную программу»⁷⁷, а речь, произнесённая им 27 апреля 1906 г. при открытии I Государственной думы, «намечала политический курс, совпадавший с давнишней программой либерализма»⁷⁸ и свидетельствовала, что монарх «обнаружил более конституционного понимания, чем депутаты»⁷⁹. Опровергая легенду о том, «будто государь с самого начала хотел уничтожить ту конституцию, которую он обнаружил»⁸⁰, В.А. Маклаков доказывал, что «со своим новым положением он примирился полнее многих других. Не он первый напал на конституцию, а новообразованная Дума, – шокировал зашоренного читателя автор. – Не он повёл с ней борьбу, а она, не доверяя ему, сразу начала грозить ему революцией. Если между государем и либерализмом возобновилась война, то в этой войне не он был агрессором; он лишь стал защищаться»⁸¹. По мнению В.А. Маклакова, Николай II как государственный деятель «показал более проницательности, чем некоторые передовые общественники», и «лучше судил положение, чем наша общественность»⁸². Естественно, что в данном случае оппонентом В.А. Маклакова стал его бывший коллега по кадетскому ЦК П.Н. Милоков, хотя 3 марта 1917 г. он оказался единственным из пришедших к великому князю Михаилу Александровичу общественных деятелей, который высказался за его немедленное воцарение и сохранение монархии.

В эмиграции П.Н. Милоков, разделяя республиканские взгляды, претерпел эволюцию, обратную эволюции, захватившей В.А. Маклакова, и всячески противился реабилитации Николая II. Так, в мае 1939 г. П.Н. Милоков отказался опубликовать в редактируемых им «Последних новостях» письмо А.Ф. Керенского, напечатанное в «Temps» и опровергавшее измышления немецкой прессы о стремлении Николая II к сепаратному миру, поскольку считал «ненужным реабилитировать царя»⁸³. В своём доктринёрском неприятии Николая II П.Н. Милоков, на фоне эмигрантского политического спектра 1920–1930-х гг., трактуемого максимально широко (со включением в него и «левых», и центристов, и «правых»), составлял исключение, учитывая, что реабилитации последнего самодержца в эмигрантской среде, конечно же, в той или иной степени способствовали ключевые фигуры всех политических

течений – и монархисты (С.С. Ольденбург, П.П. Стремоухов), и республиканцы (С.П. Мельгунов, В.А. Маклаков).

Работы С.С. Ольденбурга, П.П. Стремоухова, С.П. Мельгунова и В.А. Маклакова сохраняют непреходящее научное значение, поскольку их авторы, подвергнув в реабилитации Николая II как человека и государственного деятеля не в угоду политической конъюнктуры, а на основе переосмысления трагических уроков революции 1917 г. и её последствий, тем самым не только отдали долг академическому беспристрастию, но и активно использовали широкий круг источников, опубликованных в том числе и в Советской России, в частности – десятки ценнейших документов, появившихся на страницах журнала «Красный архив»⁸⁴, переписку венценосцев⁸⁵ и упоминаемые выше материалы ЧСК. Собственно, только в использовании историками-эмигрантами советских публикаций, корректировавшихся эмигрантскими публикациями⁸⁶, и нашло выражение косвенное – и невольное – содействие реабилитации Николая II со стороны коммунистического режима, консервировавшего эту память в СССР на уровне 1917 г., по большому счёту, вплоть до 1991 г. и не позволявшего советским историкам интерпретировать исторические источники вне заданного идеологического контекста. В отличие от советских историков, историки-эмигранты работали в условиях полной свободы научного творчества, и, судя по всему, именно отсутствие навыка работы в подобных условиях и объясняет тот факт, что многие постсоветские, в том числе зарубежные, историки, вышедшие, так или иначе, из одной «шинели» «единоверно верного учения», до сих пор не в состоянии оценить по достоинству почти вековую историографическую традицию, олицетворяемую прежде всего С.С. Ольденбургом, П.П. Стремоуховым, С.П. Мельгуновым и В.А. Маклаковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 ч. М., 1898. Ч. 3: Политика. С. 32, 33.
- ² Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 23.
- ³ Половцов А.А. Дневник, 1893–1909 / сост. О.Ю. Голечкова. СПб., 2014. С. 88.
- ⁴ Морозов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927. С. 121.
- ⁵ Бобринский А.А. Дневник // КА. 1928. Т. 26. С. 129.
- ⁶ Святополк-Мирская Е.А. Дневник // ИЗ. 1966. Т. 77. С. 271.
- ⁷ Львов Н.Н. Граф Витте и П.А. Столыпин // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 151.
- ⁸ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 439, 459.
- ⁹ Павлов Н.А. Его величество государь Николай II. СПб., 2003. С. 5.
- ¹⁰ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000. С. 144.
- ¹¹ Палеолог С.Н. Около власти. М., 2004. С. 61.
- ¹² Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 143.
- ¹³ Маклаков В.А. Первая Государственная дума: Воспоминания современника, 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 155.
- ¹⁴ Тьrkова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 345.
- ¹⁵ О её деятельности см.: Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // ИЗ. 1990. Т. 118. С. 72–101; Варфоломеев Ю.В. Закон и трепет: Очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006; Лукьянов И.В. Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и её подследственные // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источники / отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2009. С. 226–240.
- ¹⁶ Романов А.Ф. Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись (Париж). 1922. Кн. 2. С. 16.
- ¹⁷ Руднев В.М. Правда о царской семье и тёмных «силах» // Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии / сост. А.В. Кочетов. М., 1990. С. 282.

- ¹⁸ Романов А.Ф. Указ. соч. С. 11, 37.
- ¹⁹ Доклад «Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии)» А.Ф. Романов сделал в июне 1920 г. в Константинополе, в узком кругу русских эмигрантов. Позднее он опубликовал его без изменений в Париже (см.: Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 1–38).
- ²⁰ Руднев В.М. Правда о царской семье и тёмных «силах». Берлин, 1920. Вскоре брошюра В.М. Руднева была переиздана вместе с докладом А.Ф. Романова (Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 39–58).
- ²¹ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева. В 7 т. М.-Л., 1924–1927.
- ²² Романов А.Ф. Указ. соч. С. 37.
- ²³ Рейн Г.Е. Из пережитого, 1907–1918. В 2 т. Берлин, б. г. Т. 2. С. 292.
- ²⁴ См. о нём: Жирарден Д. Гувернёр Романовых. Судьба Пьера Жильяра в России // Рядом с царской семьёй / сост. Н.В. Корякина. М., 2013. С. 5–96.
- ²⁵ Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923.
- ²⁶ Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). Вена, 1921.
- ²⁷ Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Причины, цели и следствия. В 2 ч. Владивосток, 1922.
- ²⁸ Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.
- ²⁹ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 18–19.
- ³⁰ Серафим, ижеumen (Г.М. Кузнецов). Православный царь-мученик. Пекин, 1920.
- ³¹ Куликов С.В. Берлинский «Руль» и Рейхенгалльский съезд (Монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // Русские в Германии (1914–1933): сб. науч. тр. / под ред. В.И. Старцева. СПб., 1995. С. 35.
- ³² Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 г. // Изв. 1972. Т. 90. С. 122.
- ³³ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 149.
- ³⁴ Ксения Александровна – А.А. Оболенской, 22 августа 1938 г. // Мария Фёдоровна, имп-ца, Ольга Александровна, вел. кн., Ксения Александровна, вел. кн. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской / сост. М.Е. Сорока. М., 2013. С. 376.
- ³⁵ Наследие А.В. Тырковой. Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 218.
- ³⁶ Тыркова А.В. Указ. соч. С. 288.
- ³⁷ Завадский С.В. На великом изломе (Отчёт гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // АРР. 1923. Т. 11. С. 19.
- ³⁸ Тимашев Н.С. Роль П.А. Столыпина в русской истории // Бок М.П. Воспоминания о моём отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 8.
- ³⁹ Виноградов П.Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи / сост. А.В. Антощенко. М., 2008. С. 425.
- ⁴⁰ В.Г. Короленко – А.В. Луначарскому, 19 июня 1920 г. // Короленко В.Г. Собр. соч. В 5 т. Л., 1990. Т. 3. С. 444.
- ⁴¹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 334.
- ⁴² Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 134.
- ⁴³ Романов А.Ф. Указ. соч. С. 15.
- ⁴⁴ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 135.
- ⁴⁵ Материалы к историко-библиографическому словарю современников С.Ю. Витте // На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности: Исследования и публикации. В 2 т. СПб., 2014. Т. 2: С.Ю. Витте и его современники. С. 424 (статья М.П. Лепёхина «Ольденбург Сергей Сергеевич»).
- ⁴⁶ Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / сост. В.Н. Жуков и А.П. Поляков. М., 1997. С. 440, 442.
- ⁴⁷ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XVI–XVII.
- ⁴⁸ Струве П.Б. Указ. соч. С. 454.
- ⁴⁹ Государь император Николай II Александрович: факты и итоги царствования. Берлин, 1922.
- ⁵⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Берлин, 1921–1922.
- ⁵¹ Ольденбург С.С. Император Николай II (опыт биографии) // Русская летопись. 1925. Кн. 7. С. 3–40.
- ⁵² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В 2 т. Мюнхен, 1939–1949.
- ⁵³ Материалы к историко-библиографическому словарю современников С.Ю. Витте. С. 426.
- ⁵⁴ С.Е. Крыжановский – А.Н. Яхонтову, 4 марта 1923 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка) / публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 456.
- ⁵⁵ Стремоухов П.П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // Русская летопись. 1925. Кн. 7. С. 41–160.
- ⁵⁶ Стремоухов П.П. Императрица Александра Фёдоровна в её письмах // Там же. 1924. Кн. 6. С. 120–185.
- ⁵⁷ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орёл, 1994. С. 243–244.
- ⁵⁸ Стремоухов П.П. Император Николай II... С. 75.

- ⁵⁹ Там же. С. 44.
- ⁶⁰ Там же. С. 103.
- ⁶¹ Тяжёлые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) / сост. А.Н. Яхонтовым, б. помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т. 18. С. 5–136.
- ⁶² С.Е. Крыжановский – А.Н. Яхонтову, 4 марта 1923 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 456.
- ⁶³ А.Н. Яхонтов – С.Е. Крыжановскому, 2 августа 1923 г. // Там же. С. 463, 464.
- ⁶⁴ А.Н. Яхонтов – Б.Э. Нольде, 29 июня 1925 г. // Там же. С. 482.
- ⁶⁵ А.Н. Яхонтов – В.И. Гурко, 19 декабря 1925 г. // Там же. С. 491.
- ⁶⁶ А.А. Риттих – А.Н. Яхонтову, 25 ноября 1926 г. // Там же. С. 503.
- ⁶⁷ А.Н. Яхонтов – В.И. Гурко, 26 марта 1926 г. // Там же. С. 494.
- ⁶⁸ Мельгунов С.П. Последний самодержец (Черты для характеристики Николая II). М., 1917. С. 7, 9, 16.
- ⁶⁹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. / сост. А.В. Репников. М., 2003. С. 68, 69.
- ⁷⁰ Там же. С. 199.
- ⁷¹ Там же. С. 68, 69.
- ⁷² Там же. С. 74.
- ⁷³ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 19.
- ⁷⁴ Там же. С. 604.
- ⁷⁵ Материалы к историко-библиографическому словарю современников С.Ю. Витте. Т. 2. С. 358, 359.
- ⁷⁶ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 322.
- ⁷⁷ Там же. С. 38.
- ⁷⁸ Там же. С. 65.
- ⁷⁹ Там же. С. 86.
- ⁸⁰ Там же. С. 25.
- ⁸¹ Там же. С. 26.
- ⁸² Там же. С. 159.
- ⁸³ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / сост. Ю.Н. Емельянов. М., 2003. С. 411.
- ⁸⁴ Указатель содержания всех его томов см.: Зверев Р.Я. Красный архив. Исторический журнал. 1922–1941: аннотированный указатель содержания. М., 1960.
- ⁸⁵ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917 гг. / публ. А.А. Сергеева. М.-Пг. (Л.), 1923–1927. Т. 3–5.
- ⁸⁶ Подробнее о тех и других см.: Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие. СПб., 2000.

Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (к 135-летию со дня рождения учёного)

Аннотация: Предмет статьи – образ исторической науки в понимании П.М. Бицилли. Объект анализа – работа П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» (Прага, 1925), созданная в первые годы эмиграции, в югославский период жизни учёного (1920–1923). В статье рассмотрена квадра граней образа историографии: имя, ниша (место в системе наук), специфика исторического научного познания, подходы и методы исторической науки. П.М. Бицилли высказал ряд идей, которые являются актуальными на современном этапе историографической революции.

Annotation: The subject of the article is the image of historical science from the viewpoint of P.M. Bicilli. The object of analysis is the composition of P.M. Bicilli «Essays of theory of historical science» (Prague, 1925), created in the first years of émigré life (1920–1923) in Yugoslavia. The quadra of facets of historiography's image, such as: name, niche (the place in the system of sciences), specific of historical scientific cognition, the methods of historical science, were considered in the article. P.M. Bicilli stated several concepts, which are effective for modern stage historiography's revolution.

Ключевые слова: образ, история, историческая наука, историография, история историографии, синтез момента, историческое познание, историческое понимание, интуиция, интерпретация.

Key words: image, history, historical science, historiography, history of historiography, synthesis of moment, historical cognition, historical viewpoint, intuition, interpretation.

...поворотные моменты в истории производят на переживающих их людей впечатление, очень благоприятное для успехов историографии

В.О. Ключевский

Пётр Михайлович Бицилли (1879 – 1953) – учёный-мыслитель, имя которого хорошо известно в современной литературе. Размах бициллиеведческих изысканий в последние годы, значительная темпоральная длительность «освоения Бицилли» позволяют констатировать факт институционализации бициллиеведения, которое предстаёт как относительно автономное, полидис-

циплинарное по структуре и многонациональное по составу репрезентантов научное направление в области гуманитаристики.

Публикаторский бум 1990-х (в большей степени квантитативный и весьма неоднородный) сменился в 2000-е появлением серьёзных биографических и проблемно-ориентированных изданий. Интерес к фигуре и творчеству учёного по-прежнему не угасает¹, поскольку П.М. Бицилли принадлежит к плеяде тех мыслителей, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним...

Начало 1920-х гг. – переломный период в судьбе П.М. Бицилли, вошедшего в это время в когорту научной российской эмиграции². Кардинальное изменение био-траектории детерминировало личностную и профессиональную самоидентификацию. Сформулированная П.М. Бицилли в эти годы эпистемологическая платформа историографии в качестве ответа на поставленные им же стержневые вопросы исторического познания и историописания: *как «путём исторической рефлексии» овладеть «пестротой эмпирической данности», учитывая её «абсолютную текучесть»? как подойти к «исторической данности» и не «умертвить живую ткань истории»? как постичь реальный исторический процесс – «иррациональный» и «хаотичный»? как преодолеть антиномию историзма – противоречие между объективным историческим процессом и его «изображением» в историографии? и проч.* – приобретает особую актуальность на современном этапе гносеологической революции.

Задача автора – привлечь внимание коллег к проблемам интерпретации образа исторической науки в творчестве П.М. Бицилли, который, несмотря на полидисциплинарность своих интересов, всегда оставался прежде всего *Историком*.

«Образ» исторической науки, сконструированный П.М. Бицилли сквозь призму его диалога с мыслителями и учёными прошлого и современной ему историографической действительностью, сложен, неоднозначен и, безусловно, ещё неоднократно станет предметом специального анализа. Представленный ниже «абрис» следует рассматривать как лапидарный вариант одной из возможных интерпретаций. Без претензий на полноту освещения, выделим квадрату граней образа: имя, ниша, специфика, методы.

Ремарка предваряющая. Одной из закономерностей интеллектуального обновления является «пересмотр» интеллектуального наследства. Этот «пересмотр» обретает целенаправленное действие обычно в условиях «перелома» – кризисных периодов в социуме и интеллектуальной сфере в целом, включая историографию. Однако «пересмотр» (как сфера реализации критической функции историографии как истории истории), во-первых, всегда имеет избирательный характер, т. е. осуществляется не «сплошным» методом, а по схеме «выборочных» методик («социальный заказ», без вульгаризации этой формулы, играет не последнюю роль в этом процессе); во-вторых, чаще всего его исходным концептом является идея «линейности» и «прогрессизма» (даже если этот факт не осознаётся или опровергается): прошлое – всегда «устаревшее» по сравнению с настоящим и «ниже» по своему интеллектуальному потенциалу. Этот концепт порождает изначальную «заданность» критического анализа: акцентуализация нового, «революционного» шага вперёд обычно сопровождается определённой редукцией (подчас, искажением) прошлого

интеллектуального опыта. И именно этот редуцированный образ «прошлого опыта» (и одновременно – образ «опыта прошлого») становится объектом критики, ибо только на таком фоне можно говорить о «радикальной новизне» инноваций очередной стадиальности.

1. Одним из ведущих маркеров завершения институционального процесса исторической науки явилась дисциплинизация её рефлексивных составляющих – *истории истории* и *теории истории*. Дидактический лик новых рефлексивных дисциплин получил широкое распространение в учебной практике российских университетов второй половины XIX и особенно – начала XX вв. Среди наименований курсов по *истории истории* превалировал термин *историография*, дублирующий самоназвание родовой дисциплины истории, одновременно практиковалась формула *история историографии*³.

В одесский период своей деятельности, в Новороссийском университете, П.М. Бицилли подготовил специальный курс «История историографии» (1917). Позже, в эмиграции, он читал этот курс в университете в Скопье. Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом подготовки докторской диссертации, материалы к которой П.М. Бицилли, вероятно, вывез из Одессы и в дальнейшем использовал для создания «Очерков теории исторической науки» (Прага, 1925).

Анализ нарративных источников и вопросы исторического познания, происхождение исторической науки и «изображение» истории в сочинениях историков разных эпох и направлений, факторы, детерминирующие историческое творчество, и проблема историографических трафаретов – вот главные линии, сплетающие узор научных размышлений П.М. Бицилли в эти годы.

В югославский период своей жизни (1920–1923) Пётр Михайлович, по его словам, «держался старым Запасом»⁴. Именно так, с прописной буквы, П.М. Бицилли определяет не просто свой личный архив лекционного и научного багажа времён Новороссийского университета, но и собственный интеллектуальный банк профессионального историка. В это время он не мог «писать истории» (т. е. работать непосредственно с источниками, тем более медиевистическими)⁵ и обратился к обобщению своего научно-педагогического опыта, избрав отнюдь не новое для себя направление – проблемы эпистемологии истории, эволюции историзма в форме, уже привычной по предыдущим годам – историографический анализ теоретических вопросов истории: «... я написал “об историях” – теоретическую работу»⁶.

Главным историографическим источником первых лет эмиграции, в котором сфокусирован «синтез “момента”»⁷ как проявление «духа» индивидуальной неповторимости П.М. Бицилли, стали «Очерки теории исторической науки». Бесспорно, это стержневое исследование учёного, стремящегося к самоидентификации в условиях меняющихся научных парадигм в новом для него геополитическом и социальном поле.

«Вызов» времени и обстоятельств был принят, и П.М. Бицилли предложил свой ответ. Именно в этой работе, важнейшей для понимания категориального профиля П.М. Бицилли, автор наиболее полно и чётко выразил своё «мировоззрение» и «мироощущение», представил собственное видение исторической науки в контексте форм познавательной деятельности. Именно текст «Очерков» позволяет высветить личностные грани Петра Михайловича

как учёного и человека. Большинство публикаций 1921–1923 гг. были, скорее всего, эпифеноменом творческого процесса в работе над главной Книгой⁸.

П.М. Бицилли хорошо осознавал значение своего труда (во всяком случае, для себя): будучи в сложном материальном положении, он стремился как можно быстрее опубликовать книгу – «за гонорар или без – безразлично (курсив мой. – Т. П.)»⁹.

«Очерки теории исторической науки» П.М. Бицилли рассматривал в ключе истории историографии. Термин «историография» П.М. Бицилли в соответствии с общеевропейской традицией, истоки которой восходят к XVIII в., употреблял как синоним исторической науки. «История историографии» для него – это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением исторической мысли, с совершенствованием методологии исторических исследований¹⁰. Проблемное поле его рассуждений включало вопросы становления исторической науки, её статуса, границ её познавательных возможностей, развития её рефлексивных составляющих, взаимодействия с иными формами постижения истории, типологии исторического понимания и «воспроизведения» исторической действительности и др.

Доминантной линией в творчестве П.М. Бицилли была история идей, в комплексе которой история исторических идей выступала для него в качестве ведущей: анализ «разнообразных модификаций исторической мысли» – это главная задача «историка историографии»¹¹. В соответствии с преобладанием когнитивного образа науки, в этот период развития «наукovedческих» исследований историческая наука = историография в восприятии П.М. Бицилли предстала как процесс исторического мышления, запечатлённый в научных трудах.

Анализ текста «Очерков» и других работ автора позволяет говорить о значительном влиянии творчества Б. Кроче на историческое мировоззрение П.М. Бицилли. Вполне вероятно, что П.М. Бицилли был знаком уже с первым, немецкоязычным изданием «Теории и истории историографии» (1915), когда приступил к разработке собственного курса по истории истории. Избрав для обозначения этой сферы исторического знания формулу *история историографии*¹², П.М. Бицилли в большей степени акцентировал сциентистские основания истории как идиографической науки.

2. Новый «образ» науки и новая классификация наук, предложенные неокантианцами, отвечали бициллиевскому «образу» историографии.

Суть исторического процесса, по Бицилли, – «вечное», «непрестанное», «непрерывное» становление самой человеческой деятельности: человеческие идеи, воззрения, влечения, вкусы, навыки работы, – всё, в чём личность проявляет себя, «варируется до бесконечности», по этому «всякая история» – это в конечном счёте «история культуры», предмет её анализа – «продукты человеческой деятельности». Историческая наука возможна и необходима потому, что «каждое единичное явление обладает своим собственным содержанием», поэтому задачей историографии является «индивидуализирующее изображение человеческой жизни как жизни культуры». В этом подходе П.М. Бицилли опирался на идеи Э. Трельча, которые считал созвучными мыслям Дж. Вико¹³.

«По содержанию» и «формально» историческая наука – «самостоятельная наука в ряду других идиографических дисциплин», т. е. «наук о культуре»,

«наук о духе». Исторические факты – это в первую очередь «факты духовной жизни»; исторический объект – это то, что в любом явлении выступает как неповторимое, специфичное, индивидуальное; цель историографии – изучение «исторических элементов духовной жизни». История – «наука идиографическая», и её предмет – «индивидуальное»¹⁴.

Научный статус истории, подчёркивал П.М. Бицилли, определяется наличием её собственной теории, т. к. «эмпирическая история» как таковая не может представлять интерес для исследователя. В то же время он отмечал, что вряд ли можно найти область, в которой было бы столько разногласий по самым существенным вопросам, как в дисциплинах, объединяемых «общим именем теории истории». Причину этого он усматривал в «хаотическом» характере самой науки¹⁵.

К рубежу XIX–XX веков, на этапе завершения процесса когнитивной и социальной институционализации исторической науки, в интеллектуальном сообществе складывался неоднозначный и поливариантный образ её рефлексивного поля: философия истории, теория истории, методология истории, теория исторического процесса, теория исторического познания, социология, история исторической науки, история историографии и проч.

П.М. Бицилли в теории истории выделял две области: теорию исторического процесса и собственно теорию исторической науки. Первая, по его мнению, была представлена социологией, самостоятельной дисциплиной, задача которой – изучение природы исторического процесса, вопросов структуры мира человеческого бытия, социальной и политической дифференциации, происхождения и развития отдельных сфер человеческой деятельности и т. п. Вторая – должна быть «строго отделена» от первой; цель её – «выяснение природы своих собственных задач»¹⁶.

В то же время П.М. Бицилли был убеждён в том, что наблюдения и выводы теории исторического процесса (социологии) могут иметь эвристическое значение и служить в качестве корректив при исследовании частных исторических проблем. Историк не должен относиться к ним безразлично: прежде чем приступить к обработке своего собственного материала, он обязан иметь представление о теоретических проблемах исторического процесса в целом; в ходе же исследований его взгляды на природу исторического процесса могут развиваться, совершенствоваться, усложняться, и это будет доказательством его профессионализма.

Особо значим для нас сегодня вывод П.М. Бицилли о том, что не может быть «единой и неизменной теории истории», поскольку теория истории должна видоизменяться с изменением познавательной практики. «Самосознание» исторической науки не ограничивается появлением теоретико-познавательной области, но этот процесс идёт параллельно с развитием самой науки и является «показателем этого развития»¹⁷. Никакая стройность, завершённость и логическая безупречность теории «не являются достаточной гарантией её истинности», поэтому теория науки обязана искать в научных достижениях, в реальной историографической практике данные «для самопроверки»¹⁸.

Не соглашаясь с К. Лампрехтом, сторонником законотворчества, П.М. Бицилли настаивал на том, что задачей теории истории является не предписание науке законов, но анализ историографической практики для выявления

наиболее «плодотворных» и «жизнеспособных» тенденций в самой науке, которые и будут определять её последующее развитие.

Для того чтобы понять историю возникновения, развития и взаимоотношений этих тенденций, П.М. Бицилли избирает историко-историографический метод, хотя этой терминологии в его лексиконе нет. Он пишет: «...лучшим способом приблизиться ... к пониманию самой природы исторического мышления и жизневосприятия является изучение разнообразных модификаций исторической мысли в процессе её развития»¹⁹.

Тезис о неразрывности ведущих ветвей рефлексивного поля исторической науки – истории и теории – для П.М. Бицилли аксиоматичен, и в этом он – последователь Б. Кроче.

Чутко улавливая тенденции «историографической эпохи» – переход к «гносеологизму», акцент на исследование проблем познания, становления форм исторической рефлексии (теории, методологии и истории исторической науки) – П.М. Бицилли сам активно включается в процесс осмысления познавательного процесса.

3. П.М. Бицилли признавал наличие различных видов познавательной деятельности, каждая из которых – самодостаточна и «законна в своих пределах»²⁰.

«Художественное» и «научное» познание для него – два вида творчества, развитие которых осуществлялось одновременно «по пути “реалистического” воспроизведения конкретной действительности» в форме «исторического повествования». Эталоном такого повествования, по его мнению, была «История Геродота в классической древности и «Семейная история» С.Т. Аксакова («Семейная хроника», 1856) в недалёком прошлом. Однако «непреодолимые культурные условия», «повелительные» практические и теоретические потребности способствовали тому, что исторический нарратив «деградировал» в «исторический роман», и в конце концов «безраздельно восторжествовала» «научная», «рефлектирующая», «объясняющая» история: «историография» приблизилась к «науке» как «системе понятий», с помощью которых разум пытался постичь «умерщвлённую» им в процессе анализа действительность²¹.

П.М. Бицилли определяет разницу между художником и историком (учёным) по четырём параметрам: объекту, материалу (источникам), методам постижения, задачам: 1. Художественный объект – это воплощённая в красках, звуках, словах и проч. «художественная идея», форма выражения «духа» художника; художественное творчество состоит собственно в «стилизации объектов». В историографическом произведении в качестве объекта выступает реальный объект – «дух эпохи». 2. Для художника предметы или события являются «сырым материалом», которым он пользуется для того, чтобы создать собственные объекты – символы. Историк же «связан фактами», для него эти предметы и события – «сами символы», в которых уже другие воплотили самих себя, свои переживания, свой дух. 3. Художник постигает закономерные связи мира бессознательно («или он – не художник»), в то время как «единственной задачей» историка является «осознание» причин создания в конкретной среде определённых ценностей – символов, «истолкование» психологической культуры, выявление в ней единичного, неповторяемого, специфического. 4. Деятельность художника – создавать символы, ибо он – «творец символов»; деятельность историка – раскрывать смысл этих символов²².

Не отрицая «творческой» основы историографической деятельности, которая заключается в стремлении к проникновению в смысл индивидуально-неповторимого, к историческому пониманию во всей его полноте (история – «результат свободного творчества духа», а историография – «творческое воспроизведение преображённой сознанием действительности»²³), П.М. Бицилли тем не менее не считает возможным отождествлять науку и искусство, как это было свойственно Б. Кроче-философу.

Для Бицилли-учёного понятно, что историк должен отдавать себе отчёт в границах, отделяющих «вымысел» от «истины»: для него «реально творческая действительность» не только «отправной пункт», но и «предел его творчества», специфика которого заключается, во-первых, в «разложении данных» (реконструируемых на основании источников событий, продуктов культурной деятельности и т. д.) на элементы; во-вторых, в изучении этих элементов с их формальной стороны; в-третьих, во вторичном воссоздании «убитого анализом объекта» (личности, «культурной среды», «эпохи» и т. д.). П.М. Бицилли считает возможным отождествлять деятельность учёного-историка только с деятельностью художественного критика, по сути – тоже учёного²⁴.

Сущность всякой науки, констатирует П.М. Бицилли (вторя Б. Спинозе), в том, что «разум “осиливает”, “убивая”». Несмотря на этот пессимистический вывод, П.М. Бицилли уверен в том, что научная «точка зрения» утверждается «самой жизнью, т. е. деятельностью познающего субъекта в мире и на мир», а потому законна «в своих пределах», как и любая иная форма познания²⁵.

Историческая наука подчинена основным параметрам научного знания, но, входя в класс идиографических наук, она имеет свою специфику: «...сверх дискурсивного мышления, – пишет П.М. Бицилли, – мы обладаем другим способом постижения мира “интуицией”»²⁶.

«Глубинное», «коренное» отличие исторической науки от природоведения заключается в особенностях «исторического познания» как понимания жизни культуры. Исторический метод «основывается на интуиции», поскольку только «интуитивно» человеческий дух способен проникнуть в то, что является «продуктом» духовного творчества людей. Но научная интуиция коренным образом отличается от «интуиции повседневной»: интуиция в историографии не может быть отделена от рационально-дискурсивных методов исследования²⁷.

П.М. Бицилли противопоставляет два вида исторического понимания: первое, основанное на «исторической метафизике» (идея детерминизма, исключаящего случайность и свободу творчества), выдвигает в качестве самой важной теоретической проблемы – проблему объяснения «долженствования», т. е. закономерной необходимости случившегося, используя «исторические понятия». Второе, «новое», основанное на «критическом реализме», стремится освободиться от «гипостазирования» исторических понятий, однако, применяя эти понятия (необходимые науке для определения всего «бесконечного разнообразия конкретной реальности»), выдвигает одновременно «идею личного творчества как единственного реального двигателя исторического процесса»²⁸.

Сторонник «нового исторического понимания», П.М. Бицилли видит его основы не в философских абстракциях или мировоззренческих платформах, а выводит его из анализа духовного мира реальных личностей, у которых «мировоззрение» неотделимо от «мироощущения»: «...было бы правильнее,

– пишет он, – говорить не об историческом мышлении, но о переживании или восприятии исторического: мы имеем здесь дело скорее с не всегда отчётливо сознаваемыми тенденциями, нежели с теориями, являющимися плодом рефлексии»²⁹. Это «новое понимание» – «ведущую тенденцию» в современной ему историографии – П.М. Бицилли связывает с наследием «романтики и германской философии духа» начала XIX века, а также с именами В. Дильтея, Б. Кроче, У. Джеймса, А. Бергсона.

Утверждая тезис о специфике исторического познания, П.М. Бицилли признавал, что оба способа исторического познания – и рационально-дискурсивное, и «историческая интуиция» – ограничены в своих возможностях. В области духа реально лишь то, что «переживается», поэтому интуиция даёт до известной степени «дробное, неполное представление об историческом бытии», т. к. само это бытие дисгармонично, нецелостно, хаотично. Рационализировать полностью исторический процесс также невозможно, т. к. иррациональность истории порождает то, что «мысль историка всё время обречена перебегать от одного полюса к другому, от “личности” к “среде”» и т. п.³⁰

Историк должен осознавать границы своей науки и «мириться» с «неполнотой» воссоздания прошлого: он не должен впадать в фактографизм, с одной стороны, а с другой – не должен переходить границы науки в область художественного творчества (т. е. становится «выше», а значит – «вне» позиций учёного), хотя именно там возможна вся полнота постижения исторической реальности (в этом смысле П.М. Бицилли ставит «роман» выше «монографии»).

Наука сформировалась как естественный процесс, и «научная позиция» – это деятельность «познающего субъекта в мире и на мир», следовательно, эта позиция «устанавливается самой жизнью». Именно иррациональность фактической (реальной) истории в какой-то мере обуславливает и оправдывает «научную» историю, несмотря на «несовершенство» её «символов» и «грубость» языка, оперирующего понятиями, адекватно не соответствующими исторической действительности в её постоянной «текучести». Гносеологический анализ понятий должен устанавливать их «научную ценность» и одновременно очерчивать «границы их применения»³¹.

«Неадекватность» научного «образа мира» его «подлинному лику», настаивает П.М. Бицилли, не умаляет роли *научной историографии*.

4. Развитие научной историографии определяется поиском новых подходов, способов постижения прошлого, эволюцией её методов, что по сути направлено на решение проблемы исторического синтеза – центральной проблемы теории исторической науки, по мнению П.М. Бицилли.

В системе исторических дисциплин учёный, отталкиваясь от неокантианских основ классификации наук, выделяет два дисциплинарных блока: социально-политическую историю и историю культуры. Для первого блока характерен «генетический подход» к изучению истории – «историческая динамика» (диахронический анализ). Для второго – «эстетико-индивидуализирующий подход», который ориентирован на «историческую статику» (синхронический анализ). Это разделение, считает П.М. Бицилли, «оправдывается фактическим состоянием исторической науки»: «генетизм» и «динамизм» в большей мере преобладают в произведениях из области социальной и политической исто-

рии, тогда как второй подход можно найти в «образцовых произведениях», посвящённых истории культуры³².

«Синхронический подход» (по П.М. Бицилли – «историческая статика») имеет достаточно длительную традицию: Т. Моммзен, Я. Буркхардт, Фюстель де Куланж. Их имена постоянно встречаются на страницах «Очерков». Но, пожалуй, только с П.М. Бицилли можно говорить о постановке самой проблемы соотношения диахронического и синхронического анализов в исторических исследованиях.

Оба подхода, по мнению Петра Михайловича, присущи современному историческому мышлению, взаимно обусловлены и одновременно – полярны: их можно рассматривать как «пределы», границы, в рамках которых «обречена» двигаться историческая мысль, которая в своем развитии (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») «задерживается» то на одном полюсе, то на другом³³. Тем не менее, акцент на синхронический (не исключая полностью диахронического) анализ исторического материала определяет для П.М. Бицилли *ведущую тенденцию* современной ему историографии, и он сам смело использует этот приём в своих конкретных исследованиях («Элементы средневековой культуры» (1919) и др.).

Признавая значение новейшей истории исторической науки, её колоссальных достижений, осуществлённых под влиянием применения «эволюционной точки зрения на историческое развитие», историко-генетического подхода и «исторической динамики», П.М. Бицилли одновременно считает, что этот путь несколько не приблизил историков к реальному пониманию исторического процесса и к созданию исторического синтеза.

Для него новым и более перспективным в контексте главной теоретической проблемы историографии – проблемы исторического синтеза – представляется переход к «исторической статике» как способу «синтезирующего описания известных, в известный момент обнаруживающихся “качеств”, взятых как граница личного творчества»³⁴. В такой синтез должны входить и явления, относящиеся к самому процессу творчества, поскольку «ограничить» для П.М. Бицилли значит «определить»³⁵.

История для него – непрерывный поток психической жизни, в котором каждый миг – момент – «есть нечто качественно единственное, специфическое, неповторимое», обладающее своей собственной индивидуальностью. Отдельные моменты истории переходят из одного в другой, и провести чёткие грани между ними невозможно. В то же время в силу специфичности и неповторимости каждого момента общий процесс, непрерывный и слитный, разбивается на бесчисленное количество отдельных звеньев. Историк может «перемещаться» лишь поочерёдно в отдельные моменты прошлого, но психически, интуитивно постигая отдельный момент, он «переживает всю историю». Поэтому исторический синтез для П.М. Бицилли – по сути «синтез “момента”»³⁶.

Следуя этой логике, среди разновидностей систематизации фактуальной базы исторического исследования (диахронический ряд, классификация, типологизация и проч.) П.М. Бицилли выделял *периодизацию*. Проблему периодизации он непосредственно соединял с проблемой синтеза («проблема исторического синтеза или – что то же – проблема периодизации») и определял

как основную, «центральную», «единственную» проблему теории исторической науки (оговаривая, правда: «при данном состоянии» историографии)³⁷.

Периодизация, по Бицилли, – «окончательная цель» и одновременно – отправная точка, определённая схема, соответствующая уровню научных знаний в данный момент развития историографии, которая необходима учёному для того, чтобы не «погибнуть в необъятной массе материала», т. к. именно периодизация способствует приведению «в порядок хаоса данности». В процессе работы исследователь может «усовершенствовать, видоизменить и даже отбросить» первоначальную схему периодизации³⁸.

Анализируя работы, посвящённые проблеме периодизации, П.М. Бицилли замечает, что в поисках критериев периодизации авторы диаметрально расходятся во мнениях: то, что для одних представляется «объективным», для других – выражает «субъективность» периодизационных схем. Сам П.М. Бицилли – сторонник иного подхода. Он считает, что целесообразнее отказаться от искания «единого объективного принципа периодизации», т. к. при всём стремлении к объективности историк никогда не сможет устранить «свой собственный личный коэффициент, и поэтому *всякая* (выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т. П.) историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна»³⁹.

В реальной истории нет «длительных мгновений», поэтому такие понятия, как «период», «эпоха» и проч., на которые исследователь «рассекает» непрерывный поток исторической данности, не могут адекватно соответствовать действительности. Историк реконструирует отдельные моменты прошлого – «синтетически в их многообразии», но любая его реконструкция неизбежно будет искусственным построением. И чем обширнее в пространственно-временных рамках будет синтезируемый «кусочек» истории, тем более ограниченным и «скудным» будет сам синтез⁴⁰.

«Новое историческое понимание», сторонником которого выступал П.М. Бицилли, требовало, по его мнению, перестройки *методологии истории*, которая сложилась как дисциплина «чисто практического характера» в качестве «собрания правил» источниковедческого анализа. В современной научной историографии предметом этой дисциплины должны стать «систематизация и обобщение эмпирических данных для выработки общих основ установления зависимости между тем, что принято именовать историческими фактами, т. е. внешними явлениями, и подлинными фактами истории, т. е. явлениями жизни духа»⁴¹.

Среди задач новой методологии истории П.М. Бицилли выделял следующие. Во-первых, поскольку «историческая наука всегда была в своих величайших образцах наукой, основанной на интуиции», постольку методологической задачей должно быть «проведение черты между опирающейся на точные данные интуицией и беспочвенным фантазированием»: интуиция в работе историка – «особый способ» постижения истории и одновременно метод, который необходимо использовать наряду с другими методами познания⁴². Во-вторых, историку необходимо определить приоритетные явления, в которых наиболее «прозрачно» проявляется «дух эпохи» (главный объект познания), т. е. установить «шкалу категорий» подобных явлений «по степени их важности». Это задача новая, замечает П.М. Бицилли, и современная

историография находится ещё «в стадии исканий» для её решения. Если Я. Буркхардт придавал первостепенное значение искусству, то для Петра Михайловича более плодотворным представлялся «*филологический метод (т. е. подход)*». Суть его – в анализе языка, самого гибкого из орудий, служащих духу, и самого общего, т. к. практически все области, в которых «дух» проявляет себя, так или иначе связаны именно с языком. П.М. Бицилли признаёт гениальность Дж. Вико именно за то, что тот первым понял историю как науку о духе и определил значение языка как «исторического источника». С этой точки зрения П.М. Бицилли особо выделял и труды одного из современных ему исследователей – филолога-романиста К. Фосслера, который рассматривал язык как «зеркало», отражающее культуру, и был близок к эстетической концепции Б. Кроче⁴³. В-третьих, П.М. Бицилли одним из первых поставил проблему *антропологически ориентированного культурологического подхода* к изучению науки. Анализируя современную ему науковедческую практику, П.М. Бицилли отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Эволюционный подход к истории науки способствовал рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития «культурного человечества» или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Для историка культуры этот подход абсолютно «непригоден», ибо при подобном изучении научных систем, теорий, концепций «скрываются лики их творцов»⁴⁴.

П.М. Бицилли очень точно определил сущность той научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки: исследование внутренней логики науки, или её «объективно-мыслительных образований» – идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В её основе – введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении»⁴⁵, а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование». При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур», «сегментов» знания. П.М. Бицилли не удовлетворял и метод, которым пользовался при изучении истории философии В. Виндельбанд: трактовка отдельных областей научной мысли как «сторон» общего «умственного движения».

Историк культуры, по Бицилли, не вправе разделять сознательную и бессознательную сферы «духа», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это, прежде всего, личности, которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Для историка культуры научная деятельность творческой личности является «его биографией», а научная система, им созданная, – то «невыразимое», в чем воплощена «психея» её создателя, это «он сам»⁴⁶.

P.S.: Экскурс. Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-учёного, представителя научной историографии, является его обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и «не-научному», к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам.

Источниками для «Очерков» (поистине – «*OPUS MAGNUM*»⁴⁷) стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие

(начало XX века) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки и пр. Более ста пятидесяти имён – знаменитых учёных и мыслителей, а также малоизвестных авторов, привлёкших внимание П.М. Бицилли, – «вошли» в страницы Книги.

Имена Гомера, Вергилия, Данте, Джотто, Петрарки, Микеланджело, Боккаччо, Вазари, Шекспира, Расина, Моцарта, Гёте, Делакруа, Шатобриана, В. Скотта, Вагнера, Золя, Киплинга, А. Франса, Пушкина, Аксакова, Толстого, Блока, А. Белого, Бальмонта, Чехова и др. звучат не менее часто, нежели имена Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Августина, Иоахима Флорского, Лютера, Лейбница, Вольфа, Вико, Монтескьё, Тюрго, Вольтера, Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Юма, О. Конта, Ницше, Маркса, Паскаля, Шпенглера, Бергсона и проч., или имена Плутарха, Ливия, Тацита, Бодена, Салутати, Гвиччардини, Ибн-Халдуна, Макиавелли, Тьерри, Гизо, Ранке, Мишле, Тэна, Моммзена, Риккерта, Дильтея, Я. Буркхардта, Лампрехта, Макса Вебера, Кроче, Милюкова, Ростовцева, Павлова-Сильванского, Карсавина и т. п.⁴⁸

Поражает не только галерея учёных, мыслителей и художников, с которыми П.М. Бицилли ведёт диалог, но и его стиль изложения мысли, «манера письма». Текст больше напоминает поток мышления – стенографию мыслей, переплетение которых подчас предстаёт пульсирующим нарастанием всё новых и новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над вопросами: как изучать историю и как писать историю? – вот главная тема книги.

В этой работе и по её структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от развёртывания мысли; жестко сформулированное, казалось бы, положение подвергается вдруг критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершённом дискурсе. Это не монолог автора, он лишь «ведёт» означенную им тему в многоголосом хорале, подхватывая нужные ему – близкие ему по «духу» – мелодии и, приняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через своё критическое «я»), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

Для П.М. Бицилли характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – «терминологической оболочке». Этот подход к «сотворению» текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков её многообразного воплощения. Текст П.М. Бицилли нельзя просто «прочсть»: в нём нет привычной логики «последовательности». Его последовательность – парадоксальна: её нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к «пройденному». Кажущаяся «доступность» «Введения» и заключительной части – обманчива, хронологический стержень глав – относителен, «экскурсы» – как «потусторонние» эссе...

Текст «Очерков» специфичен и по ориентации автора на чётко очерченную аудиторию: это сообщество единомышленников, профессионалов, со

значительным удельным весом рефлексивной компоненты, которым нет необходимости «объяснять» очевидно хрестоматийные истины, которые владеют широким диапазоном специально-научных знаний и обладают глубоким пониманием общекультурного наследия.

С ранних лет своей творческой деятельности П.М. Бицилли игнорировал различного рода трафареты и общепринятые шаблоны, форма построения его работ настораживала даже неординарно мыслящих учёных (например, И.М. Гревса). Поставив самому себе «широкую проблему», Пётр Михайлович решал её не отвлечёнными рассуждениями, но обращаясь «в глубь первоисточников», на широком источниковом материале, свободно дискутируя с современниками и давно ушедшими: ведь в бесконечно длительно длящемся потоке исторической жизни нет конкретного времени, этой очередной конструкции человеческого разума.

П.М. Бицилли, «человек тонкой душевной структуры» (по воспоминаниям его зятя, князя А.П. Мещерского)⁴⁹, рассчитывал на тот тип «нового исторического понимания», с которым он связывал самую перспективную, по его убеждению, тенденцию современного ему этапа историографического развития и которое должно было объединить новое поколение историков: к ним были обращены его слова и мысли

Ремарка заключающая. Дежа вю: изучение истории науки, так же, как и самой истории, имеет далеко не однозначную конфигурацию. Закономерное «забвение» приводит на новой стадии интеллектуального процесса к «возрождению» прежних идей, которые предстают чаще всего как «инновации», порождаемые проблемой идентичности и ностальгическим восприятием прошлого. Разве не похожа сегодняшняя ситуация «пост-постмодерна» на ситуацию «модерна» столетней давности? Может быть, мы лишь тешим себя своими «открытиями», которые по существу – вечные идеи, проецируемые в бесконечной смене многообразия форм своего выражения?..⁵⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стабильность бициллиеведческих изысканий характерна сегодня для двух центров в Украине и Болгарии. Это Одесский университет имени И.И. Мечникова (президент Новороссийского университета, *alma mater* П.М. Бицилли) и «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти» – специализированный сайт болгарских исследователей (см. подробнее: *Попова Т.Н.* Приближение к Бицилли // <http://www.savedarchives.net/ru/article/priblizhenie-k-bicilli>), она же. К истории бициллиеведения: общий абрис // *Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали.* Одесса, 2013. Т. 12. С. 27–76).

² См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 327–452. [Раздел 6. «Судьбы учёных. Петр Михайлович Бицилли: “Исход” и возвращение»].

³ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьёва, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 198–215.

⁴ Практически все тексты П.М. Бицилли (и особенно – «Очерки») изобилуют различными графическими элементами: кавычки, курсив, прописные буквы и т. п., которые определяют важные для автора смысловые нюансы.

⁵ *Бирман М.А.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920–1923 годы) // *Славяноведение.* 2005. № 4. С. 84–95; *Попова Т.Н.* К анализу научного наследия П.М. Бицилли // *Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов.* Брянск, 2004. Вып. 6. С. 213–224.

⁶ П.М. Бицилли – А.В. Флоровскому, 5 февраля 1923 г. // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 9.

⁷ Терминология П.М. Бицилли.

⁸ В связи с этим основным историографическим источником статьи будет данное произведение.

⁹ См.: П.М. Бицилли – А.В. Флоровскому, 2 ноября 1922 г. // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 4.

¹⁰ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 33, 260, 315.

¹¹ Там же. С. 33, 260.

¹² Для Б. Кроче история историографии – это история исторического мышления в неразрывном единстве теоретических и исторических аспектов исторической мысли. Для А.Г. Брикнера, профессора Новороссийского университета, история историографии – это «история исторической литературы», часть истории истории (см.: *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях имп. Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С. 12).

¹³ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. С. 7, 9, 233–234, 263.

¹⁴ Там же. С. 9, 183, 234, 263.

¹⁵ Там же. С. 5, 9, 295.

¹⁶ Там же. С. 11, 28–29.

¹⁷ Там же. С. 10, 217–218, 301.

¹⁸ Там же. С. 301, 287.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же. С. 296.

²¹ Там же. С. 223, 290–291.

²² Там же. С. 221–225.

²³ Там же. С. 245, 37.

²⁴ Там же. С. 38, 223–224.

²⁵ Там же. С. 277, 296.

²⁶ Там же. С. 296.

²⁷ Там же. С. 235, 296–297.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ Там же. С. 30, 244.

³⁰ Там же. С. 292.

³¹ Там же. С. 296, 292.

³² Там же. С. 247.

³³ Там же. С. 169.

³⁴ Там же. С. 302.

³⁵ Там же. С. 302–303.

³⁶ Там же. С. 168.

³⁷ Там же. С. 29, 31, 154.

³⁸ Там же. С. 150; *Бицилли П.* Увод в изучаването на новата и най-новата история: (Опыт за периодизация). 2-е фототипно изд. София, 1993. С. 47.

³⁹ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 164, 168, 303.

⁴¹ Там же. С. 234–235.

⁴² Там же. С. 235.

⁴³ Там же. С. 236–237. Последующий «переход», как считают многие современные учёные, в область лингвистики и истории литературы – это, учитывая сформулированные в «Очерках» соображения, закономерное развитие П.М. Бицилли в сфере исследовательской практики его теоретических идей.

⁴⁴ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. С. 243.

⁴⁵ См.: *Барз М.А.* Эпохи и идеи. М., 1987. С. 14.

⁴⁶ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. С. 244.

⁴⁷ См.: *Каганович Б.С.* «OPUS MAGNUM» П.М. Бицилли // Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / послеслов. и прим. Б.С. Кагановича. СПб., 2012. С. 406.

⁴⁸ Вместе с тем вызывает недоумение отсутствие в этом «параде имён» таких крупнейших специалистов в области европейской медиэвистики и новистики, как представители «русской исторической школы» – П.Г. Виноградов, Н.И. Карсев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский; российских «первопроходцев» в области исторической эпистемологии – Р.Ю. Виппера, А.С. Лаппо-Данилевского и др.

⁴⁹ *Меишерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских учёных в Болгарии, 1920–1949 // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вст. ст., коммент. М. Васильевой. М., 2000. С. 587.

⁵⁰ О созвучии идей П.М. Бицилли с идеями современных мыслителей (Ф.Р. Анкерсмит и др.) см. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С. 210–235; *Довгополова О.А., Каменских А.А.* Вводное слово // Эхатос: философия истории в предчувствии конца истории. Одесса, 2011. С. 11.

Казачество в России и за рубежом в XX – начале XXI в.: проблема определения объекта исследования

Аннотация: В статье анализируется проблема определения объекта исследования в рамках изучения истории казачества.

Annotation: The article analyzes the problem of study object within studying the Cossacks history.

Ключевые слова: казачество, казачье зарубежье, эмиграция, казаки-эмигранты.

Key words: Cossacks, Cossack émigré, emigration, Cossack-emigrants.

Большинство исследователей истории казачества поставлены перед необходимостью ответить на вопрос об отправной точке изучения проблемы. В качестве таковой, как правило, выступает объект исследования. И здесь специалисты сталкиваются со сложнейшей методологической проблемой, а именно: что есть казачество? Решение данной проблемы предполагает ответы на такие вопросы, как происхождение казачества, его природа и сущность, эволюция. Дискуссии по этим вопросам велись на протяжении всего периода изучения казачества. Продолжаются они и в настоящее время.

В научный оборот введены различные определения казачества, включая разные интерпретации его происхождения. Наиболее часто казачество определяется как этнос, субэтнос, составная часть русского народа (русского этноса), военно-служилое сословие. При определении места и времени происхождения казачества в научном дискурсе преобладают автохтонная и миграционная теории. До недавнего времени популярна была также официальная теория, которая основной упор делала на мероприятиях правительства и «беглохолопском» характере формирования казачества.

По вопросу генезиса казачества со временем сформировались несколько парадигм: антропологическая, «беглохолопская», государственно-колониаторская, интеграционная. Первые три парадигмы (более ранние по времени своего введения в научный дискурс) в основу своих теоретических построений кладут один из факторов процесса генезиса и эволюции казачества: антропологическая – этнический; «беглохолопская» – социальный или социально-классовый; государственно-колониаторская – социально-политический.

Интеграционная парадигма, провозглашая комплексный подход, пытается соединить основные положения трёх предшествующих парадигм, показав

значимость в определённые периоды эволюции казачества того или иного фактора. Можно согласиться с А.Г. Масаловым, что «интеграционная парадигма позволяет представлять историю формирования казачества нелинейным процессом, который детерминирован общероссийскими, локально-региональными и местными факторами, имеющими конкретные формы проявления в разных условиях»¹. И в этом плане интеграционный подход довольно привлекателен и заслуживает внимания исследователей. Однако, несмотря на некоторые интересные и привлекающие внимание положения данной парадигмы, она также не может чётко дать ответ на вопрос о сущности казачества, используя такие расплывчатые определения, как «разобшённая социальная общность, сохраняющая этническим “казачество”»².

Один из водоразделов в дискуссиях по вопросу о сущности казачества проявляется в дихотомии: народ (этнос, субэтнос, часть русского народа/этнуса) – военно-служилое сословие. Однако при занятии какой-то конкретной точки зрения исследователи сталкиваются с определёнными проблемами. Одна из них заключается в признании того факта, что среди казачества можно выделить и представителей других сословий (дворянство, духовенство). Другая проблема выражается в невозможности отрицания присутствия в казачьих войсках представителей других этнических групп. И в первом, и во втором случае используется термин «казачество» – казачество как сословие, казачество как этнос.

В период наиболее острых дискуссий по вопросу о сущности казачества (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) рядом исследователей была сделана попытка отказать от дихотомического подхода по линии «этнос – сословие». Однако согласие с тем, что «противопоставления друг другу таких разноплановых понятий, как казачий этнос и казачье сословие, являются бесперспективными и попросту ненаучными»³, не помогает решить проблему определения сущности казачества. Так как сразу же возникают другие вопросы и проблемы. В частности, при признании казачества этносом встает вопрос: донское, кубанское, терское и другие казачества – одна этническая общность или разные самостоятельные этнические образования. Рассматривая сословную характеристику казачества, исследователи также встают перед проблемой, связанной с упразднением сословий в ноябре 1917 г., когда Совет народных комиссаров принял декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Сословные привилегии и ограничения были упразднены. Однако это не облегчило жизнь исследователей истории казачества послереволюционного периода в плане определения объекта исследования, так как казачество как социально-историческое явление продолжало существовать не только за рубежом, но и в СССР. Дальнейшие события, связанные с участием казачества в различных, порой значительных социально-исторических явлениях (репрессии, Вторая мировая война и др.), ещё более усложнили данную проблему.

Существующее многообразие взглядов на генезис и сущность казачества определяется двумя основными факторами. Первый связан с отсутствием достаточного количества достоверных и репрезентативных источников, не позволяющих с уверенностью делать выводы о генезисе казачества. Второй фактор вызван особенностями эволюции казачества, которые, в свою очередь, определили его своеобразную гетерогенность.

Если ранее казаков, как правило, делили на природных и приписных, то последующая жизнь казаков в Советской России/СССР и за рубежом привели к новым методологическим трудностям в определении предмета исследования.

В 1920-х гг. казачество обладало, как минимум, «двойной этносоциальной идентичностью, слабо выявленной тогдашними методами анализа: социально-профессиональной группы и этнической группы»⁴.

Назовём несколько факторов, повлиявших на такие важные составляющие любой социальной общности (этнической или социально-профессиональной), как самосознание и самоидентификация применительно к казачеству. Во-первых, это репрессивная политика государственных и партийных органов советской власти, направленная против значительной части казачества. Достаточно упомянуть директиву, принятую в январе 1919 г. Оргбюро ЦК РКП (б), «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», реализация которой привела к развёртыванию массового террора в отношении казачества. Несмотря на последующую отмену данной директивы, она сформировала определённое отношение ряда государственных, партийных работников и части населения к казачеству, что особенно ярко проявилось в период коллективизации, в частности, в форме так называемых «чёрных досок». Многочисленные исследования по устной истории казачества подтверждают, что данная политика нанесла существенный удар по его самосознанию и самоидентификации. Даже в так называемый период возрождения казачества и участники, и исследователи данного процесса (в том числе и автор настоящего исследования) столкнулись с попытками ряда потомственных казаков остаться в стороне от него и нежеланием (а порой и боязнью) афишировать свою историческую принадлежность к казачеству.

Ещё одним значимым фактором, повлиявшим на самосознание и самоидентификацию представителей казачества, явился процесс расказачивания, который проявился и как объективный социально-экономический процесс, и непосредственно в ходе коллективизации, в форме целенаправленной политики советской власти. Особенно значимо данный фактор повлиял на социально-профессиональную идентичность казачества, хотя в определённой степени была затронута и его этническая составляющая.

Третий фактор проявился через мероприятия, которые на первый взгляд, казалось бы, должны были способствовать росту самосознания и самоидентификации казачества. Речь идёт о присвоении в 1936 г. ряду кавалерийским частям статуса казачьих и очередном обращении государства лицом к казачеству. Однако, учитывая существовавший территориальный принцип комплектования кавалерийских частей, а также военные и политические задачи, стоявшие перед советским правительством, в их составе оказались не только природные казаки, но и лица, не имевшие к казачеству никакого отношения и просто проживавшие на территории бывших казачьих областей и краёв. Как верно отметил А.Г. Масалов, «эти обстоятельства ещё более ослабили традиционные основополагающие признаки идентификации казаков и усложнили структуру казачьей социальной общности, усилили её гетерогенный характер»⁵. По его мнению, «до 80-х гг. XX в. российское казачество представляло собой территориально разобщённую гетерогенную и поликонфессиональную социальную общность а его группообразующим фактором служила исторически предопределённая общность культурных традиций»⁶.

Не меньшую сложность представляет попытка определения сущности казачества путём анализа жизни и деятельности его представителей за рубежом. Сразу оговоримся, что не можем поддержать мнение А.В. Баранова, что в эмиграцию ушла казачья элита⁷. В эмиграции был представлен фактически весь спектр российского казачества, за исключением того фактора, что было изменено процентное соотношение мужчин и женщин, взрослых и детей. Более того, казачество за рубежом гораздо дольше, чем казачество на родине, сохраняло остатки сословных представлений и традиций. Это связано в первую очередь с таким психологическим явлением, как своеобразная консервация в сознании эмигрантов представлений и образов дореволюционной России, отмечаемая как современниками тех событий, так и последующими исследователями. Этническая составляющая приобрела среди части зарубежного казачества также гипертрофированные формы, что выразилось не только в самостийных тенденциях и претензиях на самостоятельность казачьих краёв и областей, но и в появлении такого социально-политического проекта, как создание Казакии – земли-государства казаков.

Со временем проявились и другие тенденции, которые ещё более запутывают проблему определения сущности казачества. Например, часть казаков-черноморцев в эмиграции чаще идентифицировали себя с украинцами. Речь идёт не о простом взаимодействии в рамках общественно-политических и культурных организаций (хотя и оно имело место), а целостном восприятии, идеологии и о конкретных представлениях казаками-черноморцами своей неразрывной связи с Украиной, в том числе и на этническом уровне. Часть Всевеликого войска Донского и в ещё большей мере – Астраханское казачье войско были представлены в эмиграции калмыками, которые в силу ряда причин со временем стали в значительной степени дистанцироваться от казачества. В то же время бывшие советские граждане, оказавшиеся за границей после Второй мировой войны, иногда примыкали к казачьим обществам как выходцы из казачьих областей, а не как потомственные казаки. Оставалась и значительная группа казаков, которые стояли на той позиции, что казачество является частью русского народа/этноса. У этой группы особенно чётко виден процесс гетерогенности, двойной социально-этнической идентичности. При этом данные процессы не только прослеживаются на уровне самосознания и самоидентификации, но и приводили к острому противостоянию между различными группами казачества за рубежом.

Ещё большие трудности создаёт изучение казачества за рубежом во второй половине XX в., в силу того, что к имеющимся проблемам прибавились новые. Так, например, часть казаков и их потомков, став гражданами других государств, постепенно ассимилировались и со временем либо утрачивали своё прежнее (казачье) самосознание, либо оно проявлялось в форме двойной и даже тройной социально-этнической идентичности. В 2005–2010-х гг. автор, во время рабочих поездок в США, общался со многими казаками, проживающими за границей, и потомками казаков, ушедшими за рубеж. В процессе данного общения были сделаны некоторые интересные наблюдения. В частности, дети и внуки некоторых казаков-эмигрантов в большинстве своём утратили свою связь с казачеством, потеряли сопричастность к казачьей жизни, казачьей культуре. В то же время их дети (внуки и правнуки) вновь обращаются

к теме казачества, ищут и признают свои казачьи корни, пытаются возродить некоторые казачьи традиции и казачью культуру. Во многих казачьих обществах и организациях, существующих за границей, имеются члены, которые не являются казаками по происхождению, но, участвуя в жизни данных обществ, приобщаются к казачьей культуре, традициям, перенимают их и передают их своим детям и внукам. В какой-то степени все они являются участниками процесса возрождения казачества, и это влияет в определённой мере и на их самоидентификацию и, в свою очередь, затрудняет процесс определения казачества как явления.

Попытки анализировать самосознание самого казачества, его самоопределение в рамках дихотомии «отдельный народ или часть русского этноса» также не дают достаточных оснований в разрешении данной проблемы. В эмиграции чётко прослеживаются обе точки зрения⁸. Ярким подтверждением этого являются материалы сборника «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества», изданного в Париже в 1928 г.⁹

Указанные проблемы привели к тому, что большинство специалистов по изучению казачьего зарубежья либо уклоняются от определения объекта исследования, либо говорят о казачестве, не раскрывая, какое явление понимается под данным термином. Автором специально были проанализированы не только публикации, но и диссертационные работы, специфика которых непосредственно предполагает обозначение объекта исследования и раскрытие его существенных характеристик. На основании данного анализа и были сделаны вышеуказанные выводы.

Большинство исследователей просто заявляют о казачестве или казачьей эмиграции как объекте исследования, не раскрывая его сущность¹⁰. Не стало исключением и диссертационное исследование автора, в котором он в своё время также деликатно оставил в стороне данную проблему¹¹.

Однако есть и исключения. Так, Е.Б. Парфёнова пишет, что под термином «казачья эмиграция» понимаются казачьи воинские формирования, сохранившие воинскую организацию, рабочие группы, станицы и хутора. Говоря о специфике казачьей эмиграции, она выделяет «определённое единство, в основе которого лежала сословная общность», при этом отмечая, что «ни одна другая социальная группа в составе российской эмиграции не имела такого морального единства, как казаки»¹².

И.В. Чапыгин, вслед за А.Л. Худобородовым, говоря об особом месте казаков среди российских эмигрантов, отмечает, что они, с одной стороны, были частью военной эмиграции, а с другой – крестьянской¹³.

Г.И. Мальшенко характеризует казачью эмиграцию «как часть Зарубежной России, обладающую специфическими бытовыми признаками и условиями тех стран, которые их сумели принять»¹⁴.

П.Н. Крикунов называет казачество военно-служилым сословием, утверждая, что «особенность самосознания казаков... была чётко осознана в условиях формирования политической системы советского общества в 1930-е гг.»¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что уникальность казачества как социально-исторического явления не только не позволяет создать единую стройную теорию его генезиса, но даже не даёт возможности сформулировать чётко его определение. Это, в свою очередь, приводит к тому, что исследовате-

ли казачества в XX–XXI вв. или работают в рамках одной из существующих парадигм, подвергаясь соответствующей критике оппонентов, или оставляют решение данной проблемы в стороне. Особенно насущно решение данной проблемы стоит перед исследователями истории казачества в эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масалов А.Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях: дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2004. С. 50.

² Там же. С. 81.

³ Трут В.П. Этносоциальная характеристика казачества начала XX века // http://dikoepole.com/2010/07/05/trut_kazachiy_izlom_01/

⁴ Баранов А.В. Актуальные вопросы географии расселения и идентичности казачества на Юге России в 1920-х гг. // <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=24796&page=1>

⁵ Масалов А.Г. Указ. соч. С. 120.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Баранов А.В. Указ. соч.

⁸ Кириенко Ю.К. Трактовка понятия казачество-народ в зарубежье // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всерос.) науч. конф. / отв. ред. А.И. Козлов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 77–78.

⁹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.

¹⁰ Фомин К.В. Казачья эмиграция в Китае (1922–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

¹¹ Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996.

¹² Парфёнова Е.Б. Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3–4.

¹³ Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 4; Чатыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 3.

¹⁴ Мальшченко Г.И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (1920–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 30.

¹⁵ Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 5–6.

«Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г.*

Аннотация: Статья посвящена последнему году жизни П.А. Сорокина в Советской России (1922). В ней обосновывается гипотеза о целенаправленно планируемом П.А. Сорокиным в 1922 г. отъезде в США и иллюстрируются предпринятые им практические шаги – резкие по политическим оценкам работы учёного 1920–1922 гг., проведение им неофициального публичного научного диспута на степень доктора социологии в апреле 1922 г., переписка следующих месяцев с университетами США и Наркомпросом. Делается вывод о сознательном конструировании П.А. Сорокиным в предэмигрантский период механизма последующей успешной легитимации в зарубежном научном сообществе.

Annotation: The article is devoted to the last year of the life of P.A. Sorokin in Soviet Russia (1922). It proves that emigration was planned by P.A. Sorokin in 1922 and illustrates with his practical steps (his sharp political assessments in 1920–1922, the informal scholar debate for the PhD thesis in April 1922, then correspondence with universities in the USA and the People's Commissariat for Education). It is concluded that P.A. Sorokin constructed the mechanism of successful legitimacy in the international scientific community before the departure from Soviet Russia.

Ключевые слова: история науки, научное сообщество, П.А. Сорокин, магистерский диспут, эмиграция.

Key words: history of science, science community, Pitirim Sorokin, PhD debate, émigré.

П.А. Сорокин (1889 – 1968) является яркой и спорной фигурой в отечественном и зарубежном обществоведении XX в. Хотя в научной литературе существует довольно много работ о жизни и творчестве учёного¹ (в том числе о русском периоде его деятельности²), налицо и несогласованность отдельных фактов его биографии³. Одним из таких любопытных сюжетов является последний год жизни П.А. Сорокина в Советской России – 1922-й. В этот год состоялись два значительных события в жизни учёного: публичный научный диспут, в апреле, и эмиграция, в сентябре.

Факт состоявшегося в условиях отмены учёных степеней неофициального публичного научного диспута важен прежде всего для понимания механизма легитимации положения молодого учёного-эмигранта: защита диссертации,

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6.

наряду с полученным в Петрограде ещё в 1920 г. профессорским званием, позволила П.А. Сорокину претендовать на определённые статусные роли в зарубежном (американском) научном сообществе после отъезда из Советской России. О значении диспута в судьбе молодого учёного свидетельствует то, что картина его проведения была скрупулёзно сконструирована самим П.А. Сорокиным: подробный отчёт был представлен им почти сразу же, в издании «Экономист» (№ 4–5 за 1922 г.); в своём автобиографическом романе «The Long Journey» защите диссертации для получения «степени доктора наук» учёный посвятил специальный параграф⁴.

К защите было представлено двухтомное сочинение молодого автора «Система социологии». Два тома «Системы социологии» – «Социальная аналитика» и «Учение о строении сложных социальных агрегатов» – вышли в 1920 г. в петроградском издательстве «Колос»⁵. Книга изначально была ориентирована на то, чтобы привлечь внимание. Первый том был посвящён, в том числе, памяти друга, расстрелянного ЧК в Великом Устюге за анти-советскую агитацию (это оговаривалось в предисловии). Можно отметить и многочисленные отступления политического характера. Книга с такими интенциями не могла не вызвать общественных откликов, и автор был к ним готов. Вышедшие в свет два тома «Системы социологии» Сорокина вызвали шквал эмоций. Можно отметить лишь немногие положительные рецензии, адресованные молодому автору после публикации его работы⁶.

Как же, по воспоминаниям П.А. Сорокина, протекал диспут? В условиях отмены научных степеней и званий он носил неофициальный характер⁷. Диспут состоялся 22 апреля 1922 г. в здании Петроградского университета, как отмечается в заметке в «Экономисте», «при большом стечении профессуры и студенчества». В журнале заседаний Совета Исторического исследовательского института сделана запись, что среди присутствующих, кроме официальных оппонентов, были историки А.А. Васильев, А.Г. Вульфийус, О.А. Добиаш-Рождественская, А.И. Заозерский, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, Е.В. Тарле, литературовед И.И. Беккер, философ Л.П. Карсавин, правовед Н.А. Гредескул⁸. На собрании председательствовал историк И.М. Гревс.

Секретарь совета зачитал список сочинений П.А. Сорокина (к моменту защиты им было опубликовано 126 научных работ), затем И.М. Гревс представил слово диспутанту для выступления, в котором были изложены основные принципы, методы и цели диссертации. После вступительного слова диспутанта последовали речи трёх оппонентов: профессора социологии К.М. Тахтарева, историка, философа и социолога Н.И. Кареева и философа И.И. Лапшина. Вслед за официальными оппонентами, в обсуждении «Системы социологии» приняли участие профессор Н.А. Гредескул и приват-доцент С.И. Тхоржевский. Признавая значительность и ценность «Системы социологии» для русской науки, оппоненты одновременно критиковали некоторые слабые места концепции и противоречивость методологических приёмов П.А. Сорокина. После ответа П.А. Сорокина на каждое предыдущее выступление разгорелись продолжительные дебаты. Обсуждение продолжалось около 6 часов, тайным голосованием учёный совет признал диспутанта соответствующим степени доктора социологии. Переполненный зал университета встретил это известие и диссертанта долгой овацией.

Наиболее важным для П.А. Сорокина было выступление классика отечественной социологии, вице-президента Международного института социологии, председателя Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского – Н.И. Кареева. В опубликованном в «Экономисте» отчёте говорится, что профессор Н.И. Кареев начал свою речь с заявления о том, что работа П.А. Сорокина представляет собой ценный вклад в науку, что он, Н.И. Кареев, многому научился и почерпнул много сведений о новейших направлениях социологии, в т. ч. бихевиоризме. Речь первого оппонента сыграла едва ли не решающую роль на магистерском диспуте, т. к. отзывы двух других оппонентов – К.М. Тахтарева и И.И. Лапшина – носили в основном вспомогательный характер: по данным опубликованного отчёта, они отмечали «талантливость обсуждаемой работы, её искренность, безбоязненность и смелость искания истины».

Так выглядит картина защиты в воспоминаниях П.А. Сорокина. Однако в заметке в «Экономисте» и в своей автобиографии учёный сознательно искажает картину обсуждения «Системы социологии» на диспуте. Прежде всего, присутствует принципиальная неточность самого П.А. Сорокина – определение диспута как докторского. На неё указывают в комментариях П.П. Кротов и А.В. Липский, называя эту защиту не докторской, а магистерской, так как защита магистерской диссертации, которую П.А. Сорокин планировал на февраль 1917 г., не состоялась⁹.

В представленной заметке легко увидеть искажения и недоговорённости автора. Во-первых, едва ли в апреле 1922 г. диспут мог состояться «при большом стечении профессуры и студенчества» (хотя книга «Система социологии» – из-за отступлений политического характера, посвящения памяти друга-белогвардейца П. Зепалова, наконец, серии последовавших на неё неоднозначных, порой резко отрицательных рецензий¹⁰ – действительно носила провокативный характер). Обращает на себя внимание и состав Совета – кроме оппонентов Н.И. Кареева и К.М. Тахтарева, ни одно из указанных в журнале заседания лиц не было связано с социологией. В связи с этим не только представляется спорным утверждение П.А. Сорокина о том, что «дебаты продолжались в общей сложности шесть часов», но и можно поставить вопрос о правомерности Совета присуждать искомую степень по социологии. Несмотря на указание П.А. Сорокина в автобиографии на «тайное голосование профессоров факультета», на деле процедура неофициального публичного диспута не предполагала голосования. Из текста журнала «Экономист» следует, что «единогласное признание... работы Сорокина удовлетворительной» было сделано не коллективом собравшихся в зале учёных, а Историческим исследовательским институтом при Петроградском государственном университете – одним из первых по времени создания исторических научных центров Советской России.

Вопросы вызывает и мажорная тональность отзывов оппонентов, зафиксированная в «Экономисте» и воспоминаниях П.А. Сорокина. Тот факт, что два тома «Системы социологии» были написаны автором за «полтора года» и изданы «сразу же»¹¹, не мог не отразиться на качестве работы: ни одна из многочисленных дальнейших книг П.А. Сорокина не была издана столь плохо, неряшливо – скверная бумага, опечатки, торопливость изложения, разбухшие сноски, не принятые в научном обиходе цитирования без строгого указания

источника, его выходных данных. Разумеется, эти недостатки не могли не вызвать порицания оппонентов. В НИОР РГБ удалось обнаружить заметки Н.И. Кареева, составленные им для диспута: в них отмечались в качестве недостатков «размашистость изложения», «многочисленные публицистические отступы», «слишком механистический подход», «небрежности справочно-библиографического аппарата», слабая осведомлённость диспутанта в литературе и небрежное отношение к предшествующей традиции. Довольно резкой критике учёный подверг бихевиористическую позицию П.А. Сорокина и его попытку отказаться от психологизма. Автор отмечал, что «Система социологии» – «серьёзно задуманный, хорошо выполненный во многих частях, но испорченный текст». Только с этими оговорками отзыв Н.И. Кареева можно назвать безусловно положительным, хотя в его добром отношении к начинающему социологу не приходится сомневаться¹².

Для чего же был нужен П.А. Сорокину, уже возведённому 31 января 1920 г. в должность профессора социологии, неофициальный публичный научный диспут? Причины – и в принадлежности молодого социолога к «старой школе» обществоведов с её традициями и правилами корпоративного поведения; и в дискусионности оценки научным сообществом работы «Система социологии»; и в необходимости подтверждения научного статуса молодым профессором социологии, получившим звание «без защиты по совокупности работ»; и – как определяющая – планируемый отъезд П.А. Сорокина за границу. На последнее указывает переписка учёного. В письме к Н.Е. Шаповалу от 1 июля 1922 г. П.А. Сорокин писал: «за последние два-три месяца завязались небольшие отношения с американскими социологами... в связи с этим приглашением (на социологический конгресс в Вене. – *Е.Д.*) и приглашением читать лекции в иллинойском университете в Америке начинаю ходатайство о выезде за рубеж, но в успехе его не уверен, хотя денег я не прошу (и своих не имею, но надеюсь всё же не умереть с голоду за рубежом, какую-нибудь работу – хотя бы физическую, вероятно, найду, чтобы иметь фунт хлеба и какой-либо угол)... осенью, если получу разрешение, уеду»¹³. В письме от 17 июля 1922 г. сообщается, что Народный комиссариат просвещения подтвердил командировку для П.А. Сорокина и его жены в Прагу¹⁴. В письме от 26 июля 1922 г. американскому социологу, профессору Висконсинского университета Эдварду Россу П.А. Сорокин, называя себя «проводником американской социологии в России», писал: «если правительство России даст мне разрешение, то я намерен месяца через два-три прибыть в Америку и пробыть в ней год или два... я еду в Америку без субсидий государства, рассчитывая только на свой мозг и мускулы»¹⁵.

Разрешение государства П.А. Сорокину не потребовалось: громкий процесс по делу правых эсеров однозначно обрисовал перспективу его дальнейшего пребывания в Советской России. В ночь с 16 на 17 августа по всей России прошла волна арестов интеллигенции. 13 сентября 1922 г. П.А. Сорокин дал подписку «в десятидневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать за свой счёт за границу», обещая не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти под страхом смертной казни¹⁶. П.А. Сорокин выехал из Советской России 23 сентября 1922 г. поездом Москва – Рига. Его путь лежал в Чехословакию, где по приглашению президента Т.Г. Масарика он начал читать лекции в Карловом университете. В

1923 г. профессор П.А. Сорокин был приглашён американскими профессорами Хейсом и Россом в США читать лекции о русской революции. В Россию он больше не вернулся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Питирим Александрович Сорокин (1889 – 1968): биобиблиографический указатель / сост. Л.В. Давыдова. Сыктывкар, 2001. См. также: Работы П.А. Сорокина и о нём, опубликованные за последние годы (2001–2009) / подгот. М.В. Ломоносова // Санкт-Петербургский социологический ежегодник, 2009 / редкол.: А.О. Бороноев и др. СПб., 2009. С. 280–282.

² *Голосенко И.А.* Социология П.А. Сорокина: русский период десятилетия. Самара, 1992; *Медушевский А.Н.* Питирим Сорокин и становление социологии в России // Историческое значение НЭПа: сб. науч. тр. / отв. ред. М.М. Горинев. М., 1990. С. 167–192 и др.

³ *Гловов М.Б.* Несогласованность фактов биографии российского периода жизни П.А. Сорокина // Санкт-Петербургский социологический ежегодник, 2009. С. 78–84. Подробнее об этом периоде: *Андреев О.Е.* Революция и Гражданская война в России в воспоминаниях П.А. Сорокина // Клио. 2006. № 2 (33). С. 62–66.

⁴ *Сорокин П.А.* Долгий путь: автобиографический роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар, 1991. С. 73–77.

⁵ *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920. Т. 1–2.

⁶ *Кареев Н.И.* Книга о социальной аналитике // Вестник литературы. 1920. № 7 (19). С. 7–9. – Рец на кн.: *Сорокин П.А.* Система социологии...; *он же.* О системе социологии П.А. Сорокина // Там же. 1921. № 1. С. 9; *Алисов Л.* [Рец. на:] Сорокин П.А. Система социологии... Т. 1 // Там же. 1920. № 6 (18). С. 13.

⁷ О диссертационной культуре историков в указанный период см., например: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательная практика // РИ. 2014. № 2. С. 77–90 (о периоде 1920-х гг. – с. 88–90).

⁸ НИА СПб ИИ. Ф. 193. Оп. 3. Д. 3. Л. 18.

⁹ *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 280.

¹⁰ *Рожков Н.А.* [Рец. на:] Сорокин П.А. Система социологии... Т. 1 // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 169–171; *Невский В.И.* Взаимодействие или монизм // Красная новь. 1921. № 2. С. 335–340. – Рец. на кн.: Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерности. Пг., 1919; Сорокин П.А. Система социологии... Т. 1; Рейснер М. [Рец. на:] Сорокин П.А. Система социологии... Т. 1–2 // Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 155–161; *Боричевский И.* Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология // Книга и революция. 1922. № 4 (16). С. 18–22.

¹¹ И.А. Голосенко сообщает об истории издания «Системы социологии»: П.А. Сорокин получил совет от издателя «Колоса» Ф. Седенко-Витязева: «Сегодня мы живы, а завтра – нет. Лучше публиковать необходимую работу, даже если в ней есть некоторые дефекты и несовершенства. Готовьте “Систему социологии” в любом виде, я и опубликую сразу же». Через полтора года два тома были готовы (*Голосенко И.А.* П.А. Сорокин: жизнь и судьба. Сыктывкар, 1991. С. 137).

¹² Текст развернутой рецензии Н.И. Кареева опубликован: «Два новых научных труда по социологии...»: отзыв Н.И. Кареева на работы П.А. Сорокина и К.М. Тахтарева / подгот. Е.А. Долгова // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 95–120. Подробнее о взаимоотношениях П.А. Сорокина и Н.И. Кареева см.: *Золотарёв В.П.* Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 78–88.

¹³ Цит. по: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона: биография. Архангельск, 2008. Т. 1: 1889–1922. С. 305–306.

¹⁴ Там же. С. 306.

¹⁵ Цит. по: *Дойков Ю.* Указ. соч. С. 318–319.

¹⁶ См.: П.А. Сорокин. Документальные штрихи к судьбе и творческой деятельности / [публ. подгот. А.И. Зиминим] // СоцИс. 1991. № 10. С. 122–124.

Приложение

Ниже публикуются документы, позволяющие реконструировать магистерский диспут П.А. Сорокина 22 апреля 1922 г.: положения, выносимые диспутантом на защиту, – «Тезисы к публичному научному диспуту по поводу “Системы социологии” (т. 1–2) П.А. Сорокина» (были размножены типографским способом и распространены среди участников диспута; в настоящее время сохранились лишь в РНБ); черновой конспект выступления Н.И. Кареева – «Заметка о социологическом диспуте» (не опубликован, был выявлен в НИОР РГБ); краткий стенографический отчёт «Диспут профессора П.А. Сорокина», опубликованный П.А. Сорокиным (без подписи) в журнале «Экономист» сразу после проведения защиты.

Документы публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением стилистических и языковых особенностей. В примечаниях даются указания на подчёркивания и выделения в документах. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикатором фрагменты даются в квадратных скобках []. Особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника.

№ 1

Тезисы к публичному научному диспуту по поводу «Системы социологии» (т. 1–2) П.А. Сорокина

I. Общие тезисы

1. Социология – наука, изучающая поведение взаимодействующих и воздействующих друг на друга людей и результаты такого взаимодействия и воздействия.

2. Под явлением взаимодействия и воздействия (= социальным явлением) следует разуметь всякий факт, где поведение (и переживания) одного или одних людей обусловлены поведением и переживаниями других людей.

3. В отличие от других социальных дисциплин, изучающих мир людей, социология изучает наиболее общие (родовые) свойства явлений взаимодействия и воздействия людей.

4. Последние явления могут быть изучены с точки зрения: а) их состава и строения; в) тех повторяющихся во времени функциональных и корреляционных зависимостей, которые даны между поведением взаимодействующих лиц, с одной стороны, и между поведением их и теми или иными условиями («факторами»), – с другой; с) и с точки зрения их генезиса и эволюции как неповторяющегося во времени процесса. Сообразно с этим социология распадается на а) социальную аналитику, описывающую строение социального явления и его формы («социальная морфология»), в) на «социальную механику», формирующую основные функционально-корреляционные зависимости в области поведения людей и социальных процессов, с) на «социальную генетику» или сравнительную социологию, описывающую развитие различных форм социального поведения и социальных институтов как шаблонизировавшихся форм массового поведения.

5. Основным методологическим принципом изучения этих явлений служит принцип «объективный», имеющий дело лишь с транссубъективными, локализованными в пространстве явлениями. Изучение т. н. «психических» явлений составляет лишь дополнительную задачу.

II. Тезисы социальной аналитики

6. В любом социальном явлении можно различать: действующих индивидов и проводники взаимодействия или воздействия.

7. Главными видами последних служат проводники: звуковые, светоцветовые, двигательно-мимические, предметные и т. п.

8. Формы воздействия распадаются на многие виды, как-то: воздействие одностороннее и двухстороннее, антагонистическое и солидарное, шаблонное и нешаблонное и т. д.

9. Всякая группа взаимодействующих индивидов образует реальное коллективное единство. Оно отлично от суммы не взаимодействующих индивидов, однако социологический реализм, в его крайних формах, неверен.

10. Население как всего земного шара, так и любой территории распадается на ряд коллективных единств в зависимости от несходства индивидов, интенсивности и характера взаимодействия. Соответственно любой индивид является участником – «абонентом» – многих групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих.

11. Социальные и коллективные единства распадаются на: элементарные, кумулятивные и сложные агрегаты. Главнейшими элементарными группами являются: расовые, половые, возрастные, семейные, государственные, языковые, профессиональные, имущественные, территориальные, объёмно-правовые, религиозные, партийные и ряд других – идеологического характера, среди которых особое место занимает не реальная группа *elites*. Кумулятивные группы распадаются 1) по степени сложности на: двойные, тройные и т.д., 2) по характеру: на множество форм, в зависимости от комбинации скумулятивировавшихся элементарных группировок, 3) по способу кумуляции: на открытые и закрытые (плюс: промежуточные), на антагонистические, нейтральные и солидарные, на «нормальные» и «ненормальные», «типичные» и «нетипичные» для данного места и времени. Одной из форм кумулятивных групп является: национальность и класс, – понятие которых удовлетворительно определяется с данной точки зрения.

12. Сказанное означает, что все теории социальной группировки, выделяющие только классовое, или только расовое, или только государственное или вообще одно или два расслоения, неверны и узки.

13. Существующие многочисленные классификации сложных социальных агрегатов неудовлетворительны, а часто – совершенно неверны. Более удачными могут быть классификации их по указанным морфологическим признакам.

14. Социальные группировки населения представляют «подвижное равновесие» и постоянно меняются. Перегруппировки, как явление этого изменения, распадаются на три типа, состоящие 1) в перемещении индивидов из группы в группу, влекущем колебание объёма последних. 2) в исчезновении одних или появлении других групп однородного характера. 3) в исчезновении одной из главных элементарных и кумулятивных групп и появлении совершенно новой. Первые два типа перегруппировки мы постоянно наблюдаем, третий тип проблематичен.

15. Поведение и переживание индивида обусловлены количеством и качеством тех групп, абонентом коих он состоит и состоял. Если отношение этих групп солидарно, целостным и последовательным будет и поведение индивида (социально-единым его «Я»), если отношение первых будет конфликтно, – самопротиворечивым будет и поведение индивида (и его «Я»), раз он остается их абонентом. Поведение индивида и содержание его идеологии – микрокосм, отражающий тот социальный макрокосм, абонентом которого он был и является.

III. Тезисы из «Социальной механики»

16. Главным объектом изучения её служит область повторяющихся во времени (плюс в пространстве) социальных явлений (форм поведения и общественных процессов). Вне их данности не могут быть сформулированы никакие «законы». Такие повторения даны. С этой точки зрения концепции Экклезиаста, Вико и др[угих] подлежат восстановлению в видоизменённом

виде. Так называемые «эволюционные законы» или «тенденции», – поскольку они исходили не из повторяющихся фактов – псевдозаконны. Социология последних десятилетий шла по ошибочному пути, поскольку она ушла в искание этих «законов развития» и игнорировала область повторяющихся явлений.

17. Все теории, пытающиеся объяснить поведение людей и закономерность социальных процессов с помощью одного или одного главного фактора, ошибочны. Логически они либо самопротиворечивы, либо тавтологичны, либо не адекватны, путают функциональное отношение с причинно-следственным, временную последовательность с «валентностью» или величиной силы «фактора», не имеют единицы силы для её измерения, упрощают и искажают сложный механизм поведения людей и их взаимоотношений, не имеют точного понятия своей «независимой переменной», неверны по существу и образуют «музей патологических теорий в социологии».

18. Одним из важнейших факторов поведения и социальных процессов является количество и качество питания, поступающего в организм населения. Колебание кривой питания отражается на: а) соматическом строении населения; б) его физиологии; с) его психологии; d) его поведении и е) содержании его идеологии. В зависимости от колебания этой «независимой переменной» стоят колебания социальных процессов: ввоза и вывоза продовольствия, продукция труда населения, величины эмиграции, явления войн, социальных волнений и революций, социальной дифференциации и закрепощения, перераспределения богатств и изменения общественной организации в среде голодающего агрегата, движение рождаемости, брачности и смертности в последнем, изменение его идеологии, права, морали, религии, искусства, науки и т. д. Сейчас возможно и определённо-конкретное описание, указывающее направление всех перечисленных изменений.

Публикуется по: Тезисы к публичному научному диспуту по поводу «Системы социологии» (т. 1–2) П.А. Сорокина. Пг.: Колос, 1922. 4 с.

№ 2

Заметка Н.И. Кареева о социологическом диспуте

[22 апреля 1922 г.]
[Петроград]

I

Нового ничего^a
Знаете мнение
о книге

– кое-что в письме
– статья в полтора
листа
не Вас, а публику^b
– тем не менее

^a Приписка карандашом.

^b Приписка карандашом.

Не комедия
прежде диспут –
последняя ступень к получ[ению]
уч[снoй] степ[сни]

уничтожены
но ведь и независимо

Лекции 1, 2, 3^с с дискуссиями, рефераты-полемики

Особенно необходимо, когда нет
органов печати

Вашу книгу
читают, но не
знают

слушает молодежь, но не знает,
как оценивают ваши теории

Вот почему
– за диспут
Возможность
публично высказаться

Первый социол[огический]
диспут

Один из первых
специализировавшихся
// (п. 2)

II

Систему с удовольствием, но и
с досадой
удов[ольствие]^d

1. Многое совпадает
с моими взглядами – плюралист[ическая]
ориентация.

Тезисы, кроме 5^e

2. Новые соображения важными и
требующими согласия

3. Большая эрудиция.
– б[ыть] м[ожет] в старой литературе пробелы
– в новейшей, америк[анской]^f

III

Но и поводы для
досады

1. 820 стр[аниц], но короче –
не скажу, чтобы
тягучим и скучным –

не расплывчато^g, размашисто: много фраз лишних

^c Приписка карандашом.

^d Приписка карандашом.

^e Приписка карандашом.

^f Приписка карандашом.

^g Приписка карандашом.

Лишние слова
 = грех против литературы
 «Раззудись плечо, размахнись рука»^h

1. Досадовал и на
 ваши публицист[ические]
отступления полемич[еского] характера

брали, как примеры
 но – наименее убедительными
 повод к обвинению – в ненаучности
 и в служении посторонним науке целям
 сколько недоброжелателейⁱ (скептиков^j)
органически не
вырастают
 без них ничего не потеряло бы
резкие выходы^k
 болтовня^l
 // (Л. 3)

1. Досадовал и на
 то, что в научном
отношении с
правильных путей

IV

Около 40 лет тому
 назад изучал, что
научно приемлемо –
 синтез

нельзя к одному
 фактору – плюрализм

Ближе не биология вообще.
а психология

наука о поведении
взаимод[ействующих]
 людей и его результатах
кол[лективная] психология и
социология

и вдруг проповедь об освобождении

непоследовательность в заслугу
колебания пока^m вы себе в вину
элиминировать
идеи, чувства, стремления
 т/езис/ 5ⁿ

^h Приписка карандашом.

ⁱ Приписка чернилами на полях.

^j Приписка карандашом.

^k Приписка чернилами на полях.

^l Приписка чернилами на полях.

^m Приписка чернилами на полях.

ⁿ Приписка карандашом.

извините: недомыслие

Ив[ан] Ив[анович]^o
прямо странности

примыкаете к
психол[огическому], а не
биол[огическому] и экон[омическому]
направлению

где вы забываете, я в большинстве случаев
согласен

V

В большую заслугу, что в центре
внимания – статику

больше динамика – эволюция
– механизм

Правильно аналитику

Простейшее соц[иальное]
явление – взаимодействие –
жаль, что не повторили в тезисах^p

являетесь тонким аналитиком,
хотя и портите
элиминированием внутр[енних]
переживаний

слишком механистично

общество – система
взаимодействий

не простая
сумма – тезис^q

есть прекрасные
страницы об
условиях возникновения, сохранения
и распада
коллект[ивных] единств

классификации,
к[оторые] останутся
быть может,
дальше: шаблонизация
и организация
экз[емпляр] вида –
орг[анического] целого^r

от простых переходите к сложным

возможность принадлежности
к разным соединениям
Тез[ис] 10^s

^o Имеется в виду И.И. Лапшин.

^p Приписка карандашом.

^q Приписка карандашом.

^r Приписка карандашом.

^s Приписка карандашом.

VI

Отказываетесь от
понятия
ед[инства] общ[ества].
В тезисах нет¹

Основательная и остроумная
критика
Конст[антин] Мих[айлович]¹¹
анализируете
группировки и
в них с знанием дела
критика: 32 мнения о классах^v
Перегруппировки^w
Несогласия в
частностях
// (л. 5)

От понятия общества не отделяется

Население, но
оно – сумма
коллектив^x

VII

Классификация обществ

Сравн[ительно]-ист[орический] метод устарел
не понимаю тезиса 16^y

правильно, что
его к эволюции,
изучаемой
в динамике, а не к
статике

здесь поставлена задача
предвосхищаете механику
тезисы 16-18^z

IX

Правильным путем,
но через край

- 1) Псих[оология], фил[ософия], эт[ика]
– побочу
- 2) понятие общества
– побочу
- 3) единство личности
– побочу

¹ Приписка карандашом.

¹¹ Имеется в виду К.М. Тахтарев.

^v Приписка чернилами на полях.

^w Приписка чернилами на полях.

^x Приписка карандашом.

^y Приписка карандашом.

^z Приписка карандашом.

Механ[ическая] пассивность

Мозаично, граммофон

Противопоставл[ение]
личности и
общества

А элитов признает сам
Ед[иница] – физич[еская],
а не психич[еская]

«данность индивида – вне системы
взаимодействий»
личность, среда
я – кол[лективное] вл[иян]ие
– элиты

серьезно задуманный, хорошо выполненный во многих
частях, но испорченный
ложка дегтя в бочке меда¹⁰¹

НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). К. 43. Д. 7. Л. 1–5. Черновой автограф.

№ 3

Диспут профессора П.А. Сорокина

22 апреля в физической аудитории Петербургского университета состоялся под председательством проф[ессора] И.М. Гревса диспут о двухтомном труде проф[ессора] П.А. Сорокина «Система социологии» (изд[ательство] «Колос», 1920 г.). Краткие биографические сведения о диспутанте, оглашённые в начале заседания таковы: родился П.А. в 1889 г., отец его рабочий, мать – крестьянка, учился сначала в Гамской 2-х классной школе, затем в учительской семинарии. Экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, поступил в Психо-Неврологический институт, где пробыл год, а затем учился в Петербургском университете, каковой окончил в 1914 г., будучи оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре уголовного права. С 1915 г. был преподавателем в Психо-Неврологическом институте. В 1916 г. сдает магистерские экзамены. С 1917 г. – пр[иват]-доцент Петербургского университета, а с 1920 г. – профессор по кафедре социологии.

Первый крупный учёный труд П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд, об основных формах общественного поведения и морали». Изд[ательство] Долбышева, СПб., 1914 г., стр. 1–453, – представляет из себя его ещё студенческую дипломную работу. До настоящего времени им напечатано около 38 различных статей, более 100 рефератов в различных периодических изданиях и следующие большие труды: «Элементарный учебник общей теории и права», Ярославль 1920 г., «Общедоступный учебник социологии», Яросл[авль] 1920, представленная к защите «Система социологии» и печатающаяся в изд[ательстве] «Колос» книга «Голод как фактор в истории и социологии».

¹⁰¹ Приписка чернилами на полях.

Диспут открылся вступительным словом П.А. Сорокина при большом стечении академической публики – профессуры и студенчества. В этом вступительном слове диспутант отмечает, что работа социологов распадается на две одинаково важные и существенные части: 1) на детальное и подробное исследование отдельных, относящихся к области социологии вопросов и 2) на построение цельных социологических систем. Если бы не существовало таких цельных систем, дающих возможность объединения, систематизации и классифицирования накопленного материала, то даже при наличии высоких по своим качествам исследований отдельных предметов, мы имели бы только разрозненные сведения, без их обобщения, наподобие вырванных из книги страниц. С другой стороны, и отсутствие монографических исследований сильно вредило бы прогрессу знания. Хотя эти истины известны уже давно, но тем не менее современное состояние социологии сильно отличается от прежнего. Более тщательная и углублённая разработка социологического материала привела к тому, что там, где прежде были общие, подчас мало обоснованные утверждения, мы в настоящее время имеем точные и детализированные законы – теоремы, выраженные подчас не только с качественной стороны, но и со стороны количественной, на «языке богов» т.е. в цифрах. И чем дальше, тем больше растёт такая детализация и углубление методов.

Что касается до построения цельного корпуса, то и здесь благодаря монографическому исследованию частных, является постоянно необходимостью добавлять к старому зданию новые и новые постройки, добавочные флигеля, что в свою очередь ведёт к усложнению архитектуры. Кроме того есть разница и в содержании, т. к. отходит в область прошлого стремление с помощью одного ключа раскрыть все тайны, т. е. социологический монизм. – В представленной на обсуждение работе и намечены эти два пути, а потому руководящими научными принципами являются: 1) В методологической части, согласно новейшему *communis doctum opinio*^{bb}, социология должна пользоваться естественнонаучными методами; поэтому старое противопоставление наук о духе – наукам о природе должно быть отвергнуто; 2) Задачей социолога является описание подведомственных ему явлений и установление между ними функционально-корреляционной связи; 3) никакая оценка не может быть допущена; всякий нормативизм должен быть изгнан; 4) объект социологии должен быть транссубъективным и вещественным; таковым является поведение людей. 5) Отсюда вытекает тенденция к пользованию объективным методом, в смысле устранения психологизма. Этим, конечно, не исключается субъективная (психологическая) сторона и интроспективный метод, но они отходят на второй план и помимо того должны в своём научении связываться с методом транссубъективным.

При выполнении задачи построения цельного корпуса, необходимо признать узость старого деления социологии на статику и динамику, на коих первая вообще существовала в виде отдела социологии только номинально и заполнялась случайным содержанием. Исправить эту погрешность и пытаются обсуждаемые два тома социологии. Но и в динамике проблема поставлена слишком узко, так как все силы учёных до сего времени расходовались на

^{bb} Общее мнение сведущих (лат.).

открытие и установление эволюционных законов развития неповторяющегося процесса: повторяемые во времени и пространстве социальные процессы почему-то игнорировались и не изучались. Этот пробел должен быть заполнен в следующих томах системы, в социальной механике: в 1-ой части её изучаются явления повторяемые, во 2-ой неповторяемые, без научения повторяемых и само открытие эволюционных законов едва ли возможно. – И здесь должны быть устранены упрощённые теории, монизм, так как простота и лёгкость объяснения процессов возможны только в Шехерезаде, но отнюдь не в науке. Это положение в равной степени применимо и к статике, где тоже надо прекратить попытки к расслоению агрегатов по одной линии: партийной, религиозной, национальной, государственной, классовой, расовой и т.д.

Первый официальный оппонент проф[ессор] К.М. Тахтарев, указывая на научную ценность и продуманность П.А. Сорокина, горячо приветствуя его появление, останавливается на своих разногласиях с диспутантом и в частности, с последними словами его вступительной речи.

Первый недостаток работы, говорит К.М. Тахтарев, состоит в её недостаточной социологичности. Задача состоит в выяснении закономерных соотношений между социальными явлениями, поэтому изучение взаимодействия и поведения людей будет скорее относиться к психологии или к этике, чем к социологии, так как эти последние также основаны на понятии взаимодействия. Социология должна изучать соотношения тех явлений, которые представляют из себя предмет изучения отдельных гуманитарных наук. Изгнание понятия «общества» на социологии и замена его понятием «взаимодействия» ведёт к тому, что мы должны будем признать обществом, а потому и предметом социологии взаимодействие волков и овец, муравьёв и находимых у них в муравейниках вшей и т.д. Это совершенно неверный подход к делу.

Если мы обратимся теперь ко 2-ой части «Системы», то несмотря также на её талантливость и ценность, надо признать, что и она недостаточно социологична. Большая заслуга диспута в детализации отдельных положений и установление зависимости поведения индивида от тех групп в которые он входит, как выражается диспутант, абонентом. Но и здесь имеются различные пробелы в роде того, что проф. Сорокин указывает как на одну разновидность групп на группы антагонистические. Признак антагонизма никоим образом не может служить *fundamentum divisionis*⁶⁶, так как в указанном случае мы будем иметь не одну группу, а антагонизирующие друг с другом две группы. В представленных к диспуту тезисах также неустранимое противоречие: один из них (17-ый) требует изгнания из социологии монизма, а следующий (18-ый) вводит монизм, так как в нём указывается, что голод, как фактор влияет и на поведение людей, и на изменение социального устройства, и на убеждения *socius*'ов и т.д. Неверным представляется и путь, по которому идёт проф[ессор] Сорокин под сильным влиянием *behavior*'изма который в сущности представляет из себя разновидность психологической школы, хотелось бы чтобы диспутант поскорее освободился от этого влияния и стал на чисто социологическую почву.

В заключение оппонент ещё раз подчеркивает талантливость обсуждаемой работы, её искренность, безбоязненность и смелость искания истины.

⁶⁶ Основание разделения (лат.).

П.А. Сорокин, благодаря К.М. Тахтарева за лестный отзыв о книге и её разбор, заявляет о невозможности соглашаться с возражениями. Относительно несоциологичности его системы он указывает, что устраняемое им понятие «общества» является настолько расплывчатым и туманным, что никак не может оказать помощи социологу, вреда же может причинить сколько угодно. Несociологичность якобы следующая из стремления подчинить социологию другим наукам, в частности биологии, таковой не является, так как и науки о мире органическом ничуть не стесняются обосновываться на науках о мире неорганическом, так биология черпает очень много из химии и физики и т. д. – Разница между этикой и социологией совершенно очевидна, так как социология изучает «сухое», а этика указывает рецептуру «должного». Разница между психологией и социологией также совершенно отчетливо выражена в 1-м томе системы. Возражения, сделанные против признания антагонистической группы за особую разновидность, несостоятельны, так как это относится не к группам элементарным, а к группам кумулятивным. Так, в настоящее время в такой группе, как кумуляция подданных Р.С.Ф.С.Р. и православно-верующих, представляющей из себя несомненное единство, мы имеем в то же время и сильный антагонизм, хотя бы по вопросу об изъятии церковных ценностей. – Указанное противоречие между словами параграфов 17 и 18 тезисов, противоречием вовсе не является, так как в п. 18 не говорится о том, что голод есть единственный, всё объясняющий и всё производящий фактор, а говорится, что он является «одним из важнейших факторов». Поэтому упреки в мизмизме неосновательны.

Следующим официальным оппонентом выступал проф[ессор] Н.И. Кареев, также начавший с похвал диспутанту в его работе и с заявления, что работа представляет собою ценный вклад в науку, что он многому от неё поучился, много почерпнул для себя новых данных, особенно об новейшем течении социологии «behavior'изме» и т. д. Переходя к возражениям, проф[ессор] Кареев прежде всего отмечает чрезвычайную размахистость труда, – которая даже даст ему возможность применить к диспутанту характеристику: «раззудись плечо, размахнись рука», – и видит в этом, наряду с большим количеством чисто публицистических мест, один из существенных недостатков книги. Далее, жестоким нападкам со стороны оппонента подвергается behavior'истическая позиция П.А. Сорокина, его стремление порвать с психологизмом, желание работать с помощью одних только объективных методов и то неуклонное развитие в данном направлении, которого он придерживается, как особенная заслуга П.А. Сорокина и самой ценной частью его работы является, по мнению проф[ессора] Н.И. Кареева, разработка и изучение статистики, с большинством положений которой он вполне согласен. Так он считает совершенно правильным упразднение термина «общества» в его органическом виде, хотя находит, что необходимо его сохранить под иным названием, так как понятие населения для этой цели совершенно не подходит. (Оно есть простая сумма индивидов).

Совершенно недопустимым считает оппонент злобное отношение диспутанта к философии, этике и т.д. и желание обособиться от них в своей работе. Неправильным является и упразднение проблемы о взаимоотношениях между личностью и обществом.

Заканчивает своё выступление проф. Н.И. Кареев словами, что хотя П.А. Сорокин и находится на верном пути, но он часто сбивается с него на одну глухую тропинку, которая может завести его в дебри, имя этой тропинки – behavior'изм.

П.А. Сорокин в своих ответах оппоненту указывает, что размашистость труда и, в связи с этим, некоторая его неразработанность отмечены им самим в предисловии к 1-му тому и что это объясняется исключительно условиями переживаемого времени. Некоторая доза публицистики объясняется также отчасти указанным обстоятельством.

Что касается до вопроса о правильности его behavior'истической и объективистической позиции, то диспутант указывает, что в настоящее время и среди психологов замечается этот поворот, тем более он обязателен для социолога. Некоторая утрированность этого метода и его односторонность полезны в настоящее время, когда ему ещё приходится бороться со своими врагами, но несомненно впоследствии отпадут от него. – Диспутант не согласен с замечанием проф[ессора] Н.И. Кареева, что понятие «общества» надо сохранить хотя бы под другим термином, потому что оно ничего из себя для науки не представляет. – Злобное якобы отношение к философии относится совсем не к ней, а кроме вреда ничего не причиняла. – Проблема «личности и общества» совершенно логически отпадает за отрицанием существования общества, но по отношению к отдельным социальным группам такая проблема остаётся.

Следующим официальным оппонентом выступал проф[ессор] И.И. Лапшин, который прежде всего отметил, что хотя П.А. Сорокин и против философствования, но в своём труде он такового не избежал, так как сам является сторонником материалистического монизма в своём стремлении свести психические процессы к физико-химическим и выражении надежд, что это со временем и будет достигнуто наукой. Behavior'истическая позиция неправильна потому, что, доведённый до логических пределов, behavior'изм сам себя хоронит. Единственно в виде чего он может быть допущен – это в виде известного методологического приёма и тогда он принесёт известную пользу. Совершенно напрасно диспутант полагает, что восприятие чужой психики основывается на умозаключениях по аналогии или интуиции; оно основывается на эмоциональном взаимозаражении. Устанавливаемая проф[ессором] П.А. Сорокиным «мозаичность», «множественность душ» вовсе не представляет собою чего-либо нового. Это концепция довольно старая. Заканчивая свои возражения, Ив. Ив. Лапшин присоединяется к мнению предыдущих оппонентов о ценности и талантливости обсуждаемой работы.

В своём ответе диспутант, отмечая в сторону упреки в материализме, как неправильные, сосредоточивается преимущественно на вопросе о behavior'изме и говорит, что если проф[ессор] Ив. Ив. Лапшин допускает объективизм как методологический приём, то и он в свою очередь допускает в качестве методологического приёма – субъективизм. Неправильным он находит положение о самоуничтожении behavior'изма при его логическом продолжении. В заключение диспутант благодарит Ив. Ив. Лапшина за разбор его книги.

Из неофициальных оппонентов выступали проф[ессор] Н.А. Гредескул и пр[иват]-доц[ент] С.И. Тхоржевский, которые в общем присоединяясь к предыдущим оппонентам в положительной оценке труда П.А. С[орокина],

останавливались на некоторых разногласиях с ним. Ввиду отмены в настоящее время учёных степеней и невозможности присудить диспутанту степень магистра, диспут закончился заявлением проф[ессора] И.М. Гревса о единогласном признании историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной и таким образом косвенным путём цель диспута была достигнута. Многочисленная публика наградила диспутанта долго несмолкаемыми аплодисментами.

Публикуется по: Экономист: Вестник XI отдела Русского технического общества (Птг.). 1922. № 4–5. С. 277–280.

Судьба геолога и палеонтолога И.П. Толмачёва (1872 – 1950)

Аннотация: И.П. Толмачёв – один из крупнейших российских геологов и палеонтологов начала XX в., инициатор создания Полярной комиссии Академии наук. Покинув Россию в 1922 г., продолжил исследования в США, не теряя связи с коллегами в СССР и предполагая продолжать участвовать в изучении российского/советского Севера.

Annotation: I.P. Tolmachev is one of the leading Russian geologists and paleontologists of the beginning of the XXth century, the initiator of establishment of Polar commission of Academy of Sciences. By leaving Russia in 1922, I.P. Tolmachev continued his researches in the USA. He didn't lose contacts with colleagues in the USSR and supposed to continue to participate in studying of the Russian/Soviet North.

Ключевые слова: И.П. Толмачёв, геолог, Полярная комиссия, Академия наук, Северный морской путь, экспедиции, Земля императора Николая II.

Key words: I.P. Tolmachev, geologist, the Polar commission, Academy of Sciences, the Northern Sea Route, expeditions, Earth of the emperor Nicholas II.

Иннокентий Павлович Толмачёв (1872 – 1950) – геолог, географ и палеонтолог, первый исследователь Кузнецкого Алатау (1898), руководитель Хатангской (1905), Чукотской (1909) и Семиреченской (1914–1916) экспедиций, исследователь геологии Северного Кавказа и Кольского полуострова (1917), автор трудов по палеонтологии и геологии, многие из которых, в том числе его книги по окаменелостям Кузнецкого угленосного бассейна, стали классическими. Ссылки на работы Толмачёва встречаются в геологических отчётах и в научных статьях, характеризующих районы Кузнецкого Алатау и Чукотки, Урала и Минусинской впадины, Главного Кавказского хребта и Черноморского побережья, Анабара и Русской платформы. Он был участником нескольких Международных конгрессов: Геологического в Санкт-Петербурге (1897), Полярных исследователей в Брюсселе (1906), Географического в Женеве (1908). История Полярной комиссии Академии наук началась в 1914 г. с инициативных действий И.П. Толмачёва, который оставался одним из её главных действующих лиц в течение всего периода существования комиссии. Однако один из крупнейших учёных первой половины XX в. оказался вычеркнутым из истории науки и незаслуженно забытым на родине, подобно многим эмигрировавшим из России после событий 1917 г.¹

И.П. Толмачёв родился 13/25 апреля 1872 г. в Сибири, в Иркутске, в семье русских переселенцев: по линии отца – из Крыма, по линии матери – из Великого Устюга. Отец скончался рано, сына воспитывала мать, Феоклита Михайловна. Согласно сведениям, сохранившимся в архивных документах, она получила образование в одной из семей ссыльных декабристов. Конечно, это впоследствии отразилось на убеждениях сына. Иннокентий окончил гимназию в Иркутске в 1893 г. Уже в юном возрасте он заинтересовался исследованиями природы, любил путешествовать по окрестностям Байкала и Иркутска. Дома он создал подобие музея с коллекцией минералов, горных пород, насекомых и гербарием².

Позднее Толмачёв в письме к сыну, ботанику Александру Иннокентьевичу, признавался, что, хотя он ещё гимназистом решил заняться геологией, однако в университете начинал заниматься ботаникой, работал у А.Н. Бекетова над псковской флорой, на Урале собрал гербарий, который передал в Санкт-Петербургскую биологическую лабораторию, основанную в 1893 г. профессором П.Ф. Лесгафтом³.

Толмачёв получил образование в Санкт-Петербургском университете, где окончил курс по физико-математическому факультету (1893–1897 гг.) с дипломом первой степени. Ещё во время обучения, в 1896 г., он прослушал курс по петрографии в Лейпциге. Талантливого молодого учёного сразу же по окончании университета – уже в июле 1897 г. – пригласили на работу в Геологический кабинет имп. Юрьевского университета (ныне – Университет г. Тарту, Эстония)⁴. Инициатором этого был профессор, директор Геологического кабинета Н.И. Андрусов, благодаря ходатайству которого Толмачёву предложили занять незадолго перед тем утверждённую министром народного просвещения должность сверхштатного ассистента⁵, которую он занял 1 октября 1897 г.⁶ В те годы Юрьевский университет не располагал собственными средствами для организации естественнонаучных экспедиций. Учёным приходилось прибегать к помощи столичных научных обществ, при этом собранные коллекции поступали в фонд этих организаций. В начале 1898 г. Андрусов обратился с ходатайством к руководству физико-математического факультета, чтобы оно, в свою очередь, ходатайствовало перед Правлением и Советом университета о выделении средств для командирования молодых людей с целью естественно-исторических испытаний и коллекционирования естественно-исторических предметов⁷. Конечно, Андрусов имел в виду прежде всего Толмачёва, который летом направлялся на р. Енисей по поручению Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. Андрусов просил предоставить Толмачёву субсидию в 200 руб., с тем чтобы часть собранных им коллекций могла поступить в Геологический кабинет университета. Просьбу Андрусова поддержал декан факультета, профессор Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, и на заседании Совета университета 19 марта 1898 г. вопрос был решён положительно⁸. Однако планы Толмачёва неожиданно изменились.

Десятого апреля 1898 г. из Земельно-Заводского отдела Кабинета Его Величества ректору университета сообщили, что Толмачёв приглашен «на время вакаций» в Алтайский округ для геологических исследований под руководством профессора Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцева⁹. Алтайский и Нерчинский округа находились тогда в ведении Кабинета, и

специально для исследований в этих округах в 1894 г. при Кабинете даже была образована особая Геологическая часть, в составе заведующего и двух геологов. Все имеющиеся тогда об этом районе сведения были отражены в составленном практически сразу же В.И. Плетнером «Атласе Алтайского округа, владения Госу-даря императора» (1896)¹⁰. Но для более детальных геологических исследований была направлена специальная экспедиция, на время работы которой, с 15 мая по 10 августа, Толмачёва увольняли из Юрьевского университета. Результаты поездки изложены в его отчёте о геологических исследованиях¹¹ и дневниках¹², которые дополнены списками собранных образцов, определённых высот и таблицами метеорологических наблюдений в Барнауле, Томске и Неожиданном прииске. На следующий год Толмачёв получил приглашение продолжить изыскания на Алтае¹³, где и провёл три месяца – с 10 мая по 10 августа 1899 г.¹⁴

По возвращении из экспедиции Толмачёв недолго проработал в Юрьевском университете, и уже осенью подал прошение на занятие вакансии в академическом Геологическом музее. Прошение было удовлетворено президентом Академии наук, великим князем Константином Константиновичем, и с 1 октября 1899 г. Толмачёв вступил в должность учёного хранителя музея¹⁵. В том же году Толмачёв был на стажировке по палеонтологии в Мюнхене.

Экспедиции Толмачёва по северу Азии проходили в труднейших географических и климатических условиях. В начале XX в. Русское географическое общество (далее – РГО) провело в Сибири крупную экспедицию – Хатангскую (1905 г.), совершившую путь из Туруханска на оз. Ессей, р. Хатангу, Хатангскую губу и Анабар¹⁶. Задачами экспедиции были географическое и геологическое изучение обширного района, до этого никогда не посещавшегося исследователями, а также этнографические исследования. В составе экспедиции, помимо её руководителя, геолога и палеонтолога Толмачёва, были астроном О.А. Баклунд, топограф М.Я. Кожевников, переводчик В.Н. Васильев, занимавшийся также ботаническими и этнографическими сборами, и квартирмейстер С.М. Толстов. Результаты экспедиции оказались очень впечатляющими: маршрутами было пройдено более 7000 верст, отснято несколько сот фотографий, выполнена съёмка, позволившая существенно уточнить на картах положение рек, островов и озёр этой территории. Главной же заслугой Хатангской экспедиции стало открытие Анабарского кристаллического массива, которое существенно повлияло на представление о строении Азиатского материка и увеличило число тех, кто полагал, что древним континентальным ядром его являются не районы Забайкалья, а области Среднесибирского плоскогорья. Академические музеи пополнились прекрасно подобранными коллекциями: 900 образцов горных пород, 200 минералов, 2000 окаменелостей поступили в Геологический музей Академии наук; гербарий, числом около 3000, представляющий полную коллекцию цветковых и споровых растений исследованного района, – в имп. Ботанический сад; обширная зоологическая коллекция была передана в Зоологический музей Академии наук; около 300 этнографических артефактов – в Кунсткамеру.

Решение о передаче собранных коллекций в академические музеи, принятое начальником экспедиции Толмачёвым, вызвало среди членов Совета РГО неоднозначную реакцию. Вице-президент П.П. Семёнов был согласен с

Толмачёвым и справедливо указывал на то, что само Общество никогда обработкой коллекций не занималось, однако другие члены Совета полагали, что всё же следовало сначала предъявить собранные материалы Обществу. Сам же Толмачёв считал своё решение закономерным не только по той причине, что экспедиционные сборы сразу попадают в руки специалистов, но и, вероятно, потому, что эта экспедиция была для него в немалой степени «академической».

Фактическим инициатором этой экспедиции был академик Ф.Б. Шмидт, который в течение всей своей жизни был тесно связан с исследованиями на северо-востоке Азии. Именно он и подсказал эту идею талантливому исследователю, учёному хранителю Геологического музея Э.В. Толлю, только что вернувшемуся из экспедиции на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана, который, вероятно под руководством Шмидта, составил первоначальный план Хатангской экспедиции. При этом Шмидт жертвовал свои собственные средства на исполнение этого замысла. В 1895 г. Толль представил Совету РГО план предполагающейся на 1896 г. экспедиции к озеру Есей и верховьям рек Анабар и Хатанга. Однако она не состоялась из-за отсутствия по служебным делам геодезиста. Вскоре Толль отправился в экспедицию на Новосибирские острова, из которой не вернулся.

План этой экспедиции академик Шмидт предложил реализовать в 1905 г. Толмачёву, уже зарекомендовавшему себя как талантливый учёный. Программа и смета экспедиции, представленные Толмачёвым Совету РГО, были основаны, по его собственному утверждению, на документах, подготовленных для экспедиции Толля. Финансирование экспедиции – 15 000 р. – складывалось из 10 000 р., которые предоставило РГО, и 5 000 р., пожертвованных академиком Шмидтом. Возвращаясь в январе 1906 г. из экспедиции, Толмачёв по дороге к Олекминску писал Шмидту, что экспедиция, задуманная им (Шмидтом. – *О. К.*), благополучно завершается, и благодарил его за то, что Шмидт регулярно помещал сообщения о ходе Хатангской экспедиции в «*Petermann's Mitteilungen*».

В результате обследования территории между реками Хатанга и Анабар были внесены изменения в прежние карты, выяснены особенности геологии местности, выполнены астрономические определения географических координат¹⁷.

Одним из выдающихся результатов Чукотской экспедиции¹⁸, организованной Министерством торговли и промышленности в 1909–1910 гг., стало картирование береговой полосы от устья р. Колымы до мыса Сердце-Камень. К этому времени морское побережье крайнего северо-востока Азии было изучено недостаточно. В XIX в. в Беринговом море работал ряд гидрографических экспедиций. Однако детальные гидрографические и картографические работы на морском побережье крайнего северо-востока Азии были произведены только на отдельных участках. Берега Полярного бассейна (Восточно-Сибирского и Чукотского морей) к западу от Колючинской губы были обследованы ещё Ф.П. Врангелем во время его экспедиции 1820–1824 гг.¹⁹ И только в 1909 г. участники Чукотской экспедиции, снаряжённой под начальством Толмачёва, Э.Ф. Вебер и М.Я. Кожевников, выполнили глазомерную съёмку береговой полосы от устья р. Колымы до мыса Сердце-Камень. Вероятно, Толмачёв хотел сразу же заняться обработкой результатов экспедиции, но организационные

дела не позволили это сделать. Несмотря на значительные трудности, основная цель – съёмка береговой линии и получение первых физико-географических и геологических сведений – была достигнута. И поскольку интерес к результатам экспедиции, и прежде всего к выяснению возможности пароходных рейсов из Владивостока в устье Колымы, был огромный, Толмачёву пришлось много раз рассказывать об этом. Впервые – ещё по пути домой, в Якутске, что сразу же пробудило местную инициативу: «Насколько местные жители внимательно относятся к возможному в будущем пароходству, видно из того, что Чукотская экспедиция, возвращаясь в феврале 1910 г. через Якутск, высказывала свои соображения о возможности торгового плавания вдоль Чукотского побережья в устье Колымы и о надеждах на осуществление такого плавания. 15-го же апреля, т. е. через полтора месяца после этого, несколько молодых коммерсантов в Якутске учредили уже торговое товарищество под фирмой “Колымско-Чукотское Товарищество” непосредственно под влиянием выводов Чукотской экспедиции о возможности торгового мореплавания вдоль Чукотского побережья»²⁰.

Доклад о своей экспедиции в РГО²¹ Толмачёв сделал 12 октября 1910 г. Изложение доклада появилось вскоре даже в журнале «Вестник ветеринарии», вероятно, в связи с тем, что в докладе шла, помимо прочего, речь об оленях и условиях существования их в этих местах – сведения для многих совершенно новые. А 14 декабря 1910 г. М.Я. Кожевников на заседании отделений математической и физической географии РГО рассказал об условиях и приёмах топографической съёмки на побережье Северного Ледовитого океана²². Его сообщение вызвало доброжелательную полемику, в которой участвовал также и Толмачёв, а Ю.М. Шокальский тогда же предложил напечатать сообщение Кожевникова в «Известиях РГО». В 1912 г. работа Кожевникова, посвящённая описанию условий и приёмов съёмки в районе Крайнего Севера²³, вышла в печати, и в ней, в частности, рассказывалось о более чем 1000 вёрст пути (около 1 125 км маршрута различной ширины), пройденного и снятого Кожевниковым. Обследование берега от Колымы до мыса Дежнёва²⁴ способствовало открытию с 1911 г. регулярных пароходных рейсов из Владивостока на Колыму, через Берингов пролив²⁵. Уже в 1911 г., с 16 июля по 17 сентября, состоялся первый рейс на Колыму из Владивостока. Контр-адмирал П.Л. Троян совершил, по поручению Министерства торговли и промышленности, рейс из Владивостока в устье р. Колымы на обыкновенном купеческом транспорте «Колыма», доставив туда казённый груз, съестные припасы и продукты первой необходимости.

Это стало настолько важным и заметным событием, что 3 декабря 1911 г. в Главном Гидрографическом управлении, в библиотеке Морского министерства, состоялось торжественное заседание, посвящённое Северному морскому пути, на котором присутствовали морской министр, министр торговли и промышленности, а также их товарищи (заместители), члены Государственного совета и Государственной думы. Большой библиотечный зал, как писали журналы, был переполнен. Заседание открыл А.И. Вилькицкий с докладом, в котором обрисовал историю плаваний в Северном Ледовитом океане с XVI века и появление первых карт, относящихся к Северному морскому пути²⁶. Затем прозвучал доклад Толмачёва, в котором он подчеркнул значение Чукотской экспедиции, прямо связав её с работами Гидрографической экспедиции

Северного Ледовитого океана по отысканию Северного морского пути²⁷; за ним последовали доклад контр-адмирала П.А. Трояна – о плавании транспорта «Колыма»²⁸ и лейтенанта Б.Б. Давыдова – о гидрографических работах «Таймыра» и «Вайгача».

Интереснейшие сведения были получены Толмачёвым при изучении гор и озёр юга Сибири²⁹. Есть сведения о том, что результаты съёмки были позднее отпечатаны Полярной комиссией Академии наук, но не поступили в продажу, а координаты астропунктов (к сожалению, из-за длительности хронометрического рейса малонадёжные по долготе), вычисленные В.В. Ахматовым, не были опубликованы³⁰. В 1913 г. Толмачёву удалось побывать в г. Ном на Аляске, продолжая геологические исследования.

Профессиональные интересы Толмачёва оказали большое влияние на его личную жизнь. Заинтересовавшись талантливым молодым учёным, геолог академик А.П. Карпинский захотел лично встретиться с ним и пригласил его к себе в гости. Там Толмачёв, которому тогда было 27 лет, познакомился со старшей дочерью Карпинского, Евгенией Александровной, на которой вскоре, в 1900 г., женился. Несмотря на то, что в дальнейшем Толмачёв женился вторично³¹, дружеские и научные связи между ним и А.П. Карпинским не прерывались.

Именно собственные научные интересы Толмачёва, связанные с исследованием земель северной Азии, стали в 1914 г. отправной точкой в создании Полярной комиссии Академии наук. Важно отметить, что в это же время Толмачёв уже входил в состав ещё одной структуры, деятельность которой была посвящена Арктике, – Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию полярных стран. Комитет был организован в 1912 г. для подготовки экспедиции Г.Л. Седова к Северному полюсу, и основной его задачей был сбор средств для её проведения. В первый состав комитета, получившего название «Седовского», были выбраны: председателем – член Государственной думы, лидер Национальной партии П.Н. Балашёв, товарищем председателя – М.А. Суворин (который после отъезда Балашёва в 1912 г. был избран председателем), секретарём – член Государственной думы В.В. Шульгин, казначеем – А.Ф. Рубахин. Устав комитета был утверждён с Высочайшего соизволения министром внутренних дел 28 июля 1912 г. Официальное название было шире первоначального: «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию Русских полярных стран»³², что добавляло к его задачам не только снаряжение экспедиции Седова, но и вопрос по изучению Русского Севера. Последний пункт устава, который в основном был посвящён описанию порядка сбора и расходования средств, гласил: «Комитет прекращает свои действия по постановлению 2/3 всего состава Комитета. В случае прекращения действий Комитета капиталы и имущество по ликвидации дел передаются имп. АН на предмет исследования русского севера»³³. Состав членов комитета со временем изменился, и Толмачёв уже значится в списке, опубликованном в 1914 г.³⁴

Комитет также горячо откликнулся на открытия, сделанные Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана (ГЭ СЛО): «Минувшим летом открыта капитаном 2-го ранга Вилькицким громадная территория, названная Землёю Императора Николая Второго. Ввиду этого Комитет занимается, не покладая рук, популяризацией Русского Севера, чтобы русские люди узнали

его, познали его богатства и сами взяли его в свои руки», и с этой целью «уже подготовлены и подготавливаются к печати несколько популярных брошюр под общим заглавием “Северные полярные страны”, в которых описываются плавания и открытия, сделанные главным образом нашими соотечественниками, а равно иностранцами, изучавшими Русский Север»³⁵.

Географические открытия, сделанные в 1913–1914 гг. ГЭ СЛО³⁶ на кораблях «Таймыр» и «Вайгач», когда была обнаружена и частично нанесена на карту группа островов – Земля императора Николая II, о-в цесаревича Алексея, о-в Новопапенного³⁷, послужили поводом к организации при Академии наук межведомственной Постоянной Полярной комиссии. И.П. Толмачёв явился, по сути дела, основным двигателем её создания, он наконец-то получил возможность реализовать давно созревшие замыслы.

Круг задач и формы деятельности создаваемого учреждения И.П. Толмачёв определил в «Записке об учреждении Постоянной Полярной комиссии»³⁸, зачитанной на организационном собрании комиссии 1 декабря 1914 г. Деятельность комиссии должна была включать исследование «полярных стран вообще и русского севера в частности», точный учёт всего сделанного за прошедшие годы, организацию экспедиций, разработку плана систематических работ в арктической области Земли (по топографии, географии, гидрографии, климатологии, изучению растительного и животного мира и, в особенности, населения), выработку правовых норм международного сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути, создание специального печатного органа комиссии и формирование специализированной библиотеки по полярным вопросам. Комиссия должна была стать в полном смысле межведомственной, т. е. включать в себя специалистов различных областей знания, не только из Академии наук. Предполагалось, что поэтому и финансирование деятельности комиссии будет осуществляться различными, в том числе неакадемическими, учреждениями. Толмачёва поддержал академик В.И. Вернадский, подтвердивший выбор основных направлений деятельности новой комиссии³⁹. И Толмачёв, и Вернадский отмечали, не в последнюю очередь, как один из главных аргументов в пользу создания новой академической структуры, сохранение приоритета отечественных учёных в исследовании новооткрытых земель. Председателем комиссии стал великий князь Константин Константинович. Академик князь Б.Б. Голицын был избран заместителем председателя, а И.П. Толмачёв – учёным секретарём комиссии. Решение об официальном учреждении комиссии было вынесено в сентябре 1915 г.⁴⁰

Уже в первые годы существования Полярная комиссия понесла тяжёлые утраты, прежде всего в своём руководстве: в 1915 г. скончался президент Академии наук, председатель Полярной комиссии великий князь Константин Константинович, в 1916 г. – заместитель председателя, занявший должность её председателя, академик князь Б.Б. Голицын, затем – заменивший Голицына на посту председателя комиссии академик П.В. Никитин. Четвёртое очередное заседание комиссии, состоявшееся 18 октября 1916 г., в качестве её председателя провёл академик А.П. Карпинский⁴¹.

Начало Первой мировой войны застало Толмачёва в геологической экспедиции в Туркестане. Желая принести своей стране более ощутимую в

тех условиях пользу. Толмачёв оставил геологические работы и вернулся в Петроград, где предполагал присоединиться к действующей армии, но помешал возраст: ему было тогда 42 года. Тогда он постарался использовать свои силы и энергию на другом поприще – занялся организационной работой, связанной с Российским Красным Крестом. Ещё летом 1914 г. в Академии наук решено было устроить лазарет для раненых и больных воинов⁴². Для ведения хозяйственных дел лазарета был избран специальный комитет, под председательством академика П.В. Никитина. В комитет вошли академики И.П. Бородин, Н.А. Котляревский, академические дамы О.Н. Стеклова, О.М. Фаминцына и В.А. Чернышёва и должностные лица В.Л. Бианки, Д.Д. Руднев и И.П. Толмачёв⁴³. Лазарет устроился в большом конференц-зале и соседних помещениях, работал в течение двух лет – с 16 октября 1914 г. по 22 ноября 1916 г. и закрылся из-за необходимости ремонта помещения и небольшого количества раненых.⁴⁴

Не ограничившись этим, Толмачёв принял участие в организации снабжения Сибирского отделения Российского Красного Креста, и это предприятие оказалось настолько успешным, что в 1915 г. он был послан с подобной миссией в Галицию, чтобы направить активность Красного Креста в этот сектор. Там он оставался до тех пор, пока русская армия не покинула эту территорию. И несмотря на то, что он оказался вне линии фронта и на ничейной территории, форма Красного Креста и репутация заботящегося о больных и раненых всех воюющих сторон дали ему полную свободу передвижения. Толмачёв беспрепятственно вернулся в Россию, в Петроград.

Оказавшись свидетелем ещё одного, после Русско-японской войны, поражения русской армии, Толмачёв, как опытный экспедиционный работник, не мог не обратиться к урокам, полученным им в путешествиях, не мог не связать этот горький результат прежде всего с недостаточной подготовкой, недостаточной материально-технической обеспеченностью работы тыла и снабжения. Военная неудача, свидетелем которой он стал, была, по его мнению, результатом недостаточного финансирования, отпускаемого на нужды армии для приобретения амуниции, еды, одежды и запасов медикаментов. Своё мнение Толмачёв сумел донести до руководства Военного ведомства, и следующая его командировка, продолжительностью в несколько месяцев, была связана с поиском возможностей снабжения фронта⁴⁵. Однако он не оставлял и свои научные интересы. Так, в конце января 1916 г. Толмачёв был избран директором Высших географических курсов, сменив на этом посту ушедшего из жизни 28 января того же года А.И. Войкова⁴⁶.

В 1917 г. Толмачёву удалось побывать в Семипалатинской области и Енисейской губернии⁴⁷, конец лета – начало осени того же года он провёл в геологическом путешествии от Архангельска до Вардэ⁴⁸. Последовавшие вскоре события осени 1917 г., которые привели к смене государственной власти в России, вызвали у Толмачёва негативные эмоции. Он старался заниматься только научными делами, однако уже в конце 1917 года он, как экономический консультант, выехал из Петрограда в Омск для организации перерабатывающего завода.

В 1918 г. он занимался геологическими исследованиями в Акмолинской области⁴⁹. В том же году занял должность профессора геологии и минерало-

гии в Агрономическом институте в Омске⁵⁰ – новом сельскохозяйственном институте, образованном по постановлению Временного правительства 1 января 1918 г. Первые занятия на агрономическом факультете начались уже 24 февраля 1918 г. Здесь Толмачёв организовал экспедицию в низовья Оби, впрочем, как он сам написал, неудачную. В этой экспедиции его сопровождал известный впоследствии изобретатель телевидения В.К. Зворыкин, и начавшаяся тогда дружба растянулась на долгие годы⁵¹. В 1919 г. Толмачёв возглавил созданную в Москве Комиссию по изучению и практическому использованию производительных сил Севера⁵².

Но несмотря на то, что его знания, казалось бы, были востребованы, новые социально-политические условия, установившиеся в России после 1917 г., и постоянно ухудшавшееся экономическое положение страны, сделавшее невозможной серьёзную экспедиционную работу на севере Азии, повлияли на решение Толмачёва оставить родину. В начале 1920-х гг. Толмачёв, стараясь избежать политического давления, перебрался работать в Иркутск, Кяхту и, наконец, во Владивосток. Здесь в течение двух лет он выполнял обязанности профессора геологии и палеонтологии, декана Политехнического института, служил в Дальневосточном отделении Геологического комитета. Однако приближение фронта боевых действий к Владивостоку и отсутствие финансирования научно-исследовательских работ заставили Толмачёва искать должность, достойную его квалификации. Вскоре он получил приглашение работать в США. В сентябре 1922 г. Толмачёв уехал в Питтсбург⁵³, где вскоре занял должность учёного хранителя Музея Карнеги, а также профессора геологии в Питтсбургском университете, и читал лекции по палеонтологии. Забегая вперед, скажем, что здесь он проработал 23 года, до того, как в 1945 г. вышел на пенсию.

Однако Толмачёв не терял связи с СССР, переписывался с коллегами, обменивался научной литературой. В числе его корреспондентов – геологи А.А. Борисяк, П.В. Виттенбург, топограф М.Я. Кожевников и др., и прежде всего его сын А.И. Толмачёв, ботаник, активный член и учёный секретарь Полярной комиссии, председатель Северного бюро Полярной комиссии в Архангельске, позднее – директор Северной базы Академии наук СССР.

В 1925 г. учёный секретарь Комиссии по изучению Якутской АССР (КЯР) П.В. Виттенбург предложил Толмачёву, как «одному из крупнейших полевых работников в области исследования Северной Азии»⁵⁴, руководить Хатангским и Янским отрядами планировавшейся на 1927–1929 гг. экспедиции⁵⁵. К этому времени Толмачёв побывал на соляных месторождениях штата Монтана, поблизости от нефтяных месторождений, и поэтому предполагал «понюхать, не пахнет ли нефтью» в указанных Якутской экспедицией районах⁵⁶, а также поискать уголь, каменную соль, гипс и пр. Однако официальное приглашение от советских властей и договор, защищающий его права, Толмачёву так и не были присланы. В 1927 г. Президиум АН поручил КЯР «уведомить И.П. Толмачёва, что в настоящем году Академия наук не предполагает просить его прибыть в Ленинград для участия в академических экспедициях»⁵⁷.

Толмачёв больше не посещал отечество, постоянно работал в Питтсбурге. Его статьи публиковались в научных журналах США и других стран и были посвящены, в том числе, проблемам нефтегазоносности. Работы Толмачёва

были изданы на разных языках и в разных странах – Америке, Швейцарии, Финляндии, Норвегии, Германии. Выйдя в отставку, Толмачёв в качестве приглашённого лектора по палеонтологии работал в Ратгерском университете в Нью-Брунсуике и в Техасском технологическом колледже в г. Лэббок.

Скончался И.П. Толмачёв 17 января 1950 года, в возрасте 78 лет, у себя дома, на ферме Зосенти близ Чезвика, штат Пенсильвания⁵⁸.

В середине XX века потомки И.П. Толмачёва в СССР передали часть его личных документов и научных материалов в архивы Ленинграда. В настоящее время основные массивы документов И.П. Толмачёва хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Архиве Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского. Отдельные документы – в архивах Москвы, Германии, США и других стран. Основные научные и экспедиционные работы Толмачёва состоялись в России, и результаты его научной деятельности хранятся здесь. В последнее десятилетие его работы активно вводятся в научный оборот в России⁵⁹, и нельзя не отметить, что и в США недавно переиздана книга «Siberian Passage: An Explorer's Search Into the Russian Arctic» (New Brunswick, 2011), куда вошли результаты работ И.П. Толмачёва в экспедициях по северу России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экспедиционной деятельности И.П. Толмачёва в настоящее время посвящена единственная научно-популярная книга: *Давидин Е.Л.* В неведомые земли. Красноярск, 1992. Информация в зарубежной литературе, помимо некролога (*Johnson H.* Memorial to Innokenty Pavlovich Tolmachoff (1872 – 1950) // Proceedings volume of the Geological society of America. Annual report for 1962. June, 1963. P. 147–154), также практически отсутствует.

² *Копылов В.* Один час в жизни геолога: И.П. Толмачёв – первооткрыватель нефтяного Нордвика на Таймыре // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 1993. № 3. С. 7–11.

³ В 1918 Биологическая лаборатория была передана в ведение Наркомпроса и преобразована в Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта, в начале 1940-х гг. переименованный в Естественно-научный институт. Существовал до 1957 г.

⁴ *Красникова О.А.* Первые годы службы геолога и палеонтолога И.П. Толмачёва (1872 – 1950): новые документы Императорского Юрьевского университета // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXXI междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (23–27 нояб. 2009 г.) / отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2010. Вып. XXVI. С. 121–123.

⁵ АУТ. Ф. 403. Оп. 2. № 1673. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. № 1672. Л. 1 – 1 об.

⁸ Там же. Л. 4 об.

⁹ Там же. № 1673. Л. 16.

¹⁰ Архив Русского Географического общества. Ф. Рук.-57. Атлас содержит 17 карт.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 3. Д. 1.

¹² Там же. Д. 18.

¹³ АУТ. Ф. 403 Оп. 2. № 1673. Л. 2 об. – 3.

¹⁴ *Толмачёв И.П.* Геологические исследования в Алтайском горном округе, 1899 // СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 3. Д. 16.

¹⁵ АУТ. Ф. 403. Оп. 2. № 1673. Л. 33, 34, 34 об.

¹⁶ *Красникова О.А.* Хатангская экспедиция РГО 1905 г. под руководством И.П. Толмачёва и Академия наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXIX междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (24–28 нояб. 2008 г.) / отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2008. Вып. XXIV. С. 85–87.

¹⁷ Вести из Хатангской экспедиции под начальством И.П. Толмачёва // Известия имп. Русского географического общества (далее – Известия РГО). 1906. Т. XLII, вып. 1. С. 299–302; вып. 2–3. С. 785–800; Толмачёв И.П. Хатангская экспедиция И. Р. Географического Общества (доложено в Заседании Отделения 19 января 1906 г.) // Труды Троицко-савско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела имп. Русского Географического общества. 1906. Т. IX, вып. 1. С. 6–27; Труды Хатангской экспедиции РГО в 1905 г. под начальством д. чл. И.П. Толмачёва. Пг., 1915. Вып. 1–2 (Записки РГО по общей географии. 1915; Т. 48).

¹⁸ *Красникова О.А.* Геолог и палеонтолог И.П. Толмачёв и Чукотская экспедиция 1909–1910 гг. // Люди великого долга: мат-лы XXVI Крашенинниковских чтений, Петропавловск-Камчатский, 22–23 апр. 2009 г.: посвящ. 300-летию Г. Стеллера (1709 – 1746): сб. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 134–139.

¹⁹ Поэтому даже к началу 1930-х гг. значительная часть береговой полосы была изображена на гидрографических картах пунктиром.

²⁰ *Толмачёв И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана: предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 году Отделом торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности: с отдельной картою, 11 таблицами и 1 картою в тексте. СПб., 1911. С. 117.

²¹ Из деятельности Чукотской экспедиции // Вестник Общественной ветеринарии. 1911. № 1. С. 52–53.

²² Тогда же, в ряду других публикаций, была представлена работа М.Я. Кожевникова «Маршрутная съёмка бассейна р. Хатанги» (СПб., 1910), где рассказано о его работах на Крайнем Севере и приведена карта, на которой обозначены исправленные очертания побережья Таймыра.

²³ *Кожевников М.Я.* Приёмы маршрутной съёмки и условия работ в районе побережья Северного Ледовитого океана // Известия РГО. 1912. Т. XLVIII, вып. 1. С. 343–356; то же (отд. отт. 13 с.). Работам Чукотской экспедиции посвящены с. 10–11.

²⁴ *Толмачёв И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана.

²⁵ На основании своих наблюдений Толмачёв сделал вывод о возможности плавания Северным морским путём (см: *Толмачёв И.П.* Северный морской путь // Тр. Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1912. Т. XXX. С. 218–247).

²⁶ *Вилькицкий А.И.* Краткий исторический обзор гидрографических работ по исследованию берегов Северного Ледовитого океана. (Сообщение ген.-лейт. А.И. Вилькицкого 3 дек. 1911 г.). [СПб., 1911]. [6] с.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 269. Оп. 3. Д. 6. Сообщение И.П. Толмачёва в библиотеке Морского министерства 3 декабря 1911 г. 10 л. Машинопись.

²⁸ Вероятно, это доклад: Морской путь на Север. Доклад контр-адмирала П.А. Трояна // Тр. Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1913. Т. XXX. С. 149–170 отд. паг.

²⁹ Работы Толмачёва публиковались в периодических изданиях имп. Академии наук, имп. Русского географического общества, Трудах имп. Петербургского общества естествоиспытателей, Материалах по геологии России и др.

³⁰ *Сатищев К.А.* Предварительная карта Чукотско-Анадырского края. Л., 1941. С. 6 (Чукотская лётная экспедиция 1932–1933 гг. Вып. 1).

³¹ И.П. Толмачёв был женат трижды. В первом браке, с Евгенией Александровной Карпинской, дочерью академика А.П. Карпинского, у него было двое детей – Александр Иннокентьевич (1903 – ?) и Павел Иннокентьевич (1901 – ?). Во втором браке с Е.А. Захарьиной – Елена и Борис (см.: СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 113. Л. 2). Со второй семьёй И.П. эмигрировал, и в 1960-х гг. эти дети жили в Нью-Йорке. Третий брак был заключён уже в США, с Marie McLaughlin, принявшей фамилию Tolmachoff, в этом браке у Толмачёва было трое детей – Соня, Сандра и Иннокентий-младший, жившие в 1960-х гг. в Soseny Farm. Часть этих сведений взята из некролога И.П. Толмачёва: *Johnson H.* Memorial to Innokenty Pavlovich Tolmachoff (1872 – 1950) // Proceedings volume of the Geological society of America. Annual report for 1962. June, 1963. P. 147–154. Pl. 17. Фотокопия хранится в СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 112. 9 л.

³² Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию полярных стран [Устав. Список членов]. СПб., 1912. 8 с. Устав и список были высочайше утверждены по докладу министра внутренних дел А.А. Макарова 28 июля 1912 г.

³³ Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу... С. 6. Сведений о средствах и имуществе Комитета, поступивших в Академию наук, пока не обнаружено.

³⁴ Пояснительная записка и денежный отчёт. Полный список пожертвований, полученных Комитетом [для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран]: сост. по 31 марта 1914 г. СПб., 1914. С. 16.

³⁵ Там же. С. 3–4. Забегая вперед, скажем, что в библиотеке Полярной комиссии сохранилось несколько книг этой серии.

³⁶ См.: Схема плавания Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913 г. ([1: 15900000]. [СПб.]: [Фотометаллотип. маст. Глав. Гидрограф. управления Мор. м-ва], б. г. 1 л.)

³⁷ Получившие, согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1926 г., названия, соответственно: Северная Земля, о. Малый Таймыр, о. Жохова.

³⁸ *Толмачёв И.П.* Записка об учреждении Постоянной Полярной комиссии // Протоколы Физико-математического отделения имп. Академии наук. 7 января 1915 г. Прил. I. С. 15–20.

³⁹ *Вернадский В.И.* О задачах Постоянной Полярной комиссии // Там же. С. 20–23.

⁴⁰ Этому предшествовало двукратное обращение неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга в Министерство народного просвещения с просьбой исходатайствовать Высочайшее Его Императорского величества соизволение на создание новой научной организации под наименованием «Высочайше учреждённая при Императорской Академии наук Постоянная полярная комиссия», что означало верховное управление комиссией и предоставление ей особых полномочий. Однако в то время не было ни проекта положения, ни правил для Полярной комиссии, и судить о том, насколько комиссия

нуждается в предоставлении ей полномочий, выходящих за пределы обычной компетенции структур Академии наук, было трудно. В Высочайшем учреждении Полярной комиссии было отказано (Протоколы Физико-математического отделения имп. Академии наук. 22 апреля 1915 г. С. 110; 16 сентября 1915 г. С. 170). Высочайше учреждёнными были Комиссия по градусному измерению на островах Шпицбергена и Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции. Созданная в 1915 г. Комиссия по изучению естественных производительных сил также не имела Высочайшего учреждения.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

⁴² СПФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2; *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (очерки истории). М., 2008. С. 480.

⁴³ Там же. С. 481.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4; *Басаргина Е.Ю.* Указ. соч. С. 481.

⁴⁵ *Johnson H.* Op. cit. P. 148–149.

⁴⁶ Высшие географические курсы были открыты в марте 1914 г. при Докучаевском почвенном комитете Главного управления землеустройства и земледелия.

⁴⁷ Протоколы Физико-математического отделения Российской Академии наук. 12 апреля 1917 г. § 209. С. 100–101.

⁴⁸ Полевой дневник И.П. Толмачёва. Геологические заметки, схематическая карта маршрута, экономические примечания, 08.08 – 12.09.1917 // СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 3. Д. 14.

⁴⁹ Протоколы Физико-математического отделения Российской Академии наук. 5 июня (23 мая). 1918. § 252. С. 127.

⁵⁰ *Johnson H.* Op. cit. P. 149.

⁵¹ Мемуары изобретателя телевидения профессора Владимира Козьмича Зворыкина «Революция и богатство 1917–1918» / Запись Фредерика Олеси; Перевод, подгот. текста и примеч. Василия Арканова. Апрель 1971, Принстон // <http://www.g-to-g.com/?version=rus&module=84>

⁵² *Дибнер В.Д.* Р.Л. Самойлович (1881 – 1939) // На пути к недрам Арктики. СПб., 2003. Вып. 1.

⁵³ Личная библиотека Толмачёва поступила в состав библиотеки Полярной комиссии Академии наук (см.: *Красникова О.А.* К истории библиотеки Полярной комиссии Академии наук // История библиотек: исследования, материалы, документы: сб. науч. тр. [Мат-лы междунар. науч. конф. «История библиотек: сквозь века» 14–16 окт. 2008 г.] / редкол.: А.В. Лихоманов (предс.), С.А. Басов и др.; сост. И.Г. Матвеева (отв. сост.), Н.Л. Щербак; науч. ред. М.Ю. Матвеев. СПб., 2012. Вып. 9. С. 67–83.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

⁵⁵ *Красникова О.А.* Новые документы о работе И.П. Толмачёва // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXVI годичной конф. Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (21–25 нояб. 2005 г.) / отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2005. Вып. XXI С. 63–65.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–5. Здесь уместно напомнить, что вопрос о нефти занимал Толмачёва ещё во время Чукотской экспедиции 1909 г.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 11. Л. 83.

⁵⁸ *Johnson H.* Op. cit. P. 147; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / сост. В.Н. Чуваков; ред. Е.В. Макаревич. М., 2006. Т. 6, кн. 2: Скр-Ф. С. 409.

⁵⁹ *Красникова О.А.* Геолог и палеонтолог И.П. Толмачёв и Чукотская экспедиция 1909–1910 гг. С. 134–139; она же. Чукотская экспедиция И.П. Толмачёва: в поисках Северного пути // Наука из первых рук. 2014. № 2 (56). С. 88–107; она же. «От Архангельска до Вардэ» – полевой дневник геолога И.П. Толмачёва (август – сентябрь 1917 г.) // Баренц-сборник: сб. ст. и материалов: региональное межвузовское научное издание. Мурманск, 2014. Вып. 1 (2). С. 112–123 и др.

Русский учёный-славист Н.В. Ястребов (1869 – 1923) и его путь в эмиграцию

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности слависта Н.В. Ястребова в эмиграции (1921–1923).

Annotation: The article is dedicated to life and works of slavist N.V. Yastrebov in émigré years (1921–1923).

Ключевые слова: Н.В. Ястребов, славистика, славист, эмиграция.

Key words: N.V. Yastrebov, Slavic studies, slavist, emigration.

Николай Владимирович Ястребов принадлежит к числу уникальных явлений в русском славяноведении конца XIX – первой четверти XX вв. Он был единственным историком-профессионалом, внесшим в преподавание истории славян много новых элементов, которые ранее в университетском образовании не наблюдались. Вместе с тем Н.В. Ястребов являлся учёным нового типа, которых в русском славяноведении в рассматриваемый период было сравнительно мало. Но в отечественной историографии почти всего XX в. это имя не упоминается. Причиной забвения столь важной для изучения истории славян личности было неприятие Н.В. Ястребовым Октябрьской революции 1917 года и последовавшая за этим эмиграция из России в Чехословакию.

К настоящему времени творчество этого незаурядного учёного в основном освещено на основании архивных и других документов и предложено вниманию общественности в ряде публикаций¹. По этой причине нет необходимости подробно останавливаться на полной характеристике его творчества, целесообразно осветить последний период жизни и деятельности, а именно, период эмиграции, почти неизвестный в литературе. Архивные документы, имеющиеся в распоряжении автора статьи, дают основание в какой-то мере выполнить эту задачу.

Однако для более ясного понимания причин, по которым Н.В. Ястребов покинул родину, необходимо коротко осветить некоторые детали его жизни и творчества.

Николай Владимирович Ястребов родился в 1869 г. в городе Ветлуге Костромской губернии, в семье священника². По окончании курса Костромской духовной семинарии в 1890 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, оттуда в 1891 г. перешёл на историко-филологический факультет имп. Санкт-Петербургского университета. Научным руководителем Н.В. Ястребова стал профессор кафедры славянской филологии, широко известный славист

В.И. Ламанский, который посоветовал молодому студенту заняться изучением преимущественно истории славян. Здесь уместно вспомнить, что система подготовки кадров славистов в российских университетах не менялась с самого начала создания кафедры истории славянских наречий и литератур в 1835 г. Кафедра носила филологический характер, при этом преподаванию истории славян места не отводилось. История была «фоном», на котором проходил процесс развития языков и литератур, и характеризовалась профессорами в зависимости от их научных интересов и квалификации. Каждый профессор кафедры должен был преподавать современные славянские языки и литературы, читать лекции по славянским древностям и теоретические курсы по языкознанию – словом, быть универсалом во всех вопросах славистики, да ещё владеть современными западными языками, чтобы иметь возможность следить за развитием своей дисциплины. Такая система подготовки славистов тормозила развитие этой области отечественной науки, т. к. слишком большой объём подготовки мало привлекал студентов и кафедра, состоявшая из одного профессора, никогда не была многолюдной. Но в результате реформы высшего образования в России в 60-х годах XIX в. новый университетский устав 1863 г. ввёл в число предметов преподавания историю славян. Однако «чистых» историков не было, и этот предмет в разных университетах и в разное время поручалось читать специалистам по истории России, византинистам и приват-доцентам, знакомым со славянством.

Учёные советы Московского и Санкт-Петербургского университетов неоднократно обращались в Министерство народного просвещения с просьбой об учреждении специальной кафедры истории славян, мотивируя свои предложения как высоким уровнем развития славяноведения в целом, так и политической необходимостью иметь специалистов, ввиду важных событий в славянском мире, связанных с освобождением славян от иностранной зависимости и созданием самостоятельных славянских государств. Но министерство не удовлетворило даже просьбу участников съезда славянских филологов 1903 г., обосновывающих в своём прошении необходимость разделения кафедры славяноведения на две специальности – филологическую и историческую. В такой ситуации университеты начали самостоятельно готовить специалистов по истории славян. В Санкт-Петербургском университете таким специалистом стал Н.В. Ястребов, не только первым, но и единственным в России. Отметим, что кафедра истории славян так и не была открыта ни в одном российском дореволюционном университете.

Профессор В.И. Ламанский предложил Н.В. Ястребову исследовать идеологическую сторону гусизма – важнейшего этапа истории Чехии XV в. Блестяще закончив в 1895 г. курс университета с дипломом первой степени по историческому отделению факультета, талантливый и усердный студент был удостоен золотой медали за студенческое сочинение «Ян Амос Коменский» и оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре славяноведения по специальности «история славян». Для изучения идеологии гусизма Н.В. Ястребов был хорошо подготовлен. В семинарии он изучал древние языки – латинский, греческий и еврейский, а в академии познакомился с историей церкви, идеологическими течениями христиан вообще и другими предметами религиозно-идеологического цикла. Выдержав

испытания на степень магистра осенью 1899 г., Ястребов был командирован за границу с 1 января 1900 г. сроком на 2,5 года – до июля 1902 г. Свою стажировку Н.В. Ястребов начал в столице Австро-Венгрии – Вене. В Венском университете он прослушал курс лекций по истории славян профессора К. Иречка, посещал лекции И.В. Ягича по славянской идеологии и его семинары по источникам западнославянской мифологии, прослушал также курс славянской палеографии, «где знаменитый славист доказал параллельное кириллице развитие глаголицы из греческого письма»³. По истории славян Ястребов слушал два курса К. Иречка: общий курс по истории народов и государств Балканского полуострова со времени появления турок в Европе и специальный курс (того же профессора) о Константине Багрянородном и его сочинениях⁴. Особенно интересовали Ястребова сведения об источниках южнославянской истории. По австрийской истории Ястребов слушал курс профессора Редлиха об источниках частного характера и занимался в его семинаре.

В течение всего периода пребывания в Вене Ястребов работал в Institut für Österreichische Geschichtsforschung, который возглавлял тогда профессор Мюльбахер, посещал занятия Мюльбахера по латинской палеографии. Ястребов, однако, замечал, что латинской палеографии славянских земель здесь, в институте, выучиться нельзя, нужно самому⁵. Для выполнения программы необходимых ему палеографических штудий Ястребов решил пойти в Hofbibliothek, «где есть чешские (латинские) рукописи и грамоты довольно старые». Хронологию Ястребов также изучал самостоятельно «по Гротетету, который создал недавно свой Taschenbuch»⁶.

Кроме латинской палеографии и дипломатики, Ястребов изучал и греческую палеографию. В целом, пройдя два семестра в Вене, он получил по латинской палеографии и всем трём отделам дипломатики такую подготовку, которую, по его мнению, получали в России даже не все «всеобщие историки»⁷.

После года занятий в Венском университете Ястребов в феврале 1901 г. прибыл в Мюнхен, где в течение трёх месяцев занимался под руководством профессора К. Крумбахера. Ястребов посещал его семинар, на котором изучал сочинения византийских писателей. За три месяца пребывания в Мюнхене русский стипендиат успел изучить византийских хронистов от Прокопия до Кекавмена и отдел «хронографий» закончил на Феофане Исповеднике⁸.

Таким образом, в Мюнхене Ястребов существенно пополнил своё образование по истории южнославянских народов. Когда в середине мая 1901 г. он прибыл в Прагу, это был уже вполне подготовленный к самостоятельной работе молодой учёный, освоивший современные методы исследования палеографического и дипломатического материала, всесторонне осведомлённый о состоянии науки в области изучения истории Восточной Европы.

В Праге он около года работал в библиотеках и архивах, собирая материал для самостоятельных научных работ и для своей диссертации по истории Общины чешских братьев. Стремление Ястребова понять и объяснить происхождение Общины чешских братьев влекло его в глубь XV в. – к Я. Рокицане, таборитам и особенно к Петру Хельчицкому. В Музее чешского королевства он изучал фолианты Гернгутского братского архива, в Земском и Городском архивах Праги просматривал материалы документального характера, изучил некоторые рукописи и старопечатные книги. В библиотеке Святовитской

капитулы Ястребов читал и переписывал трактаты Хельчицкого. Во время этих исканий Ястребов обнаружил трактат «O původu Jednoty bratrské a řádu v ní», переписал и исследовал его и пришёл к выводу, что перед ним сочинение XVI в., написанное Яном Благославом и считавшееся утерянным. Статья об этом трактате была опубликована и в России, и в Чехии.

Углубление Ястребова в историю гусизма привело его к мысли, что учение Общины чешских братьев невозможно объяснить без анализа творчества её духовных отцов – Рокицаны и Хельчицкого. Русский историк временно отложил обследование учений и установлений Общины и сосредоточился на произведениях Хельчицкого. Ястребов проштудировал десять трактатов Хельчицкого в одном из кодексов Святovitской капитулы, одиннадцать произведений того же автора – в кодексе архиепископской библиотеки в Праге. В результате были открыты некоторые новые произведения средневекового чешского мыслителя.

Молодой русский славист работал в пражских архивах и библиотеках с большим усердием и самоотверженностью. Чехи это оценили и оказывали Ястребову всяческую помощь. Уже в этот период Ястребов установил научные и личные контакты с большим числом представителей чешской интеллигенции. Командировка его окончилась 10 июля 1902 г. Уезжая в Россию, он почти уже подготовил несколько глав своей диссертации о Хельчицком. Однако работа над ней по разным причинам затянулась, и лишь 18 октября 1903 г. прошла защита диссертации. Ястребову была присуждена степень магистра славянской филологии. В том же году он был избран профессором истории славянских народов на Высших женских курсах (Санкт-Петербург).

В 1902 г. Н.В. Ястребов стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Он был отлично подготовлен для преподавания именно истории славянских народов, знал все славянские языки и владел историческим материалом на высоком профессиональном уровне. Специалисты, подобные Ястребову, тогда в России отсутствовали. Основным предметом его университетских чтений была история всех южных и западных славян. Сохранившийся литографированный курс лекций содержит большой раздел по истории древних славян, материал по истории польско-балтийского славянства, а основное место уделено истории чехо-моравского народа⁹. Значительное внимание Н.В. Ястребов уделял истории Польши. Но, к сожалению, текст этих лекций не сохранился до настоящего времени, возможно, он не был издан. В целях успешного усвоения слушателями обширного материала польской истории Ястребов организовал и редактировал переводы трудов польских историков. Так, с его предисловием вышли в русском переводе труды О. Бальцера¹⁰, С. Куштебы¹¹, Я. Грабенского¹², а сам Ястребов дважды издавал собственную работу «Краткий очерк истории польского народа»¹³. По истории южных славян Н.В. Ястребов главное место уделял Сербии и Болгарии. Сохранилось литографированное издание его очерка истории Болгарии¹⁴. По истории Сербии учёный писал статьи в энциклопедии¹⁵. В семинарах он изучал со студентами «Законник Стефана Душана» и опубликовал специальное пособие¹⁶. Большую энергию развил Ястребов в создании и оборудовании помещения славянского семинара, его библиотеки. Вообще, семинар по истории славян был новшеством в университетском преподавании.

Научная и преподавательская деятельность Н.В. Ястребова была столь плодотворна, что по ходатайству Петроградского университета в 1915 г. его утвердили сверхштатным экстраординарным профессором, а с 17 октября 1918 г. он был возведен в звание ординарного профессора. Но вскоре университет был расформирован, и Ястребов стал профессором кафедры всеобщей истории Славянско-исторического отделения педагогического факультета Второго государственного Петроградского университета.

Основная научная работа Н.В. Ястребова посвящена чешской истории – идеологической стороне гуситского движения, творчеству Петра Хельчицкого и Общине чешских братьев. В процессе занятий в архивах учёный обнаружил ряд материалов, ранее не известных, и восстановил последовательность литературной деятельности Петра Хельчицкого. При этом исследование материала продемонстрировало блестящий аналитический талант историка и было новаторским в литературе об общине (аргументация Ястребова подробно изложена в статье автора этих строк)¹⁷.

Главные работы Ястребова касаются Петра Хельчицкого. Крупнейшим сочинением на эту тему была его книга «Этюды о Петре Хельчицком и его времени»¹⁸, признанная выдающимся произведением не только в русской, но и в чешской историографии.

Русская критика встретила работу с восторгом. Отмечалось глубокое и всестороннее знание рукописной источниковой традиции, учёт всей литературы, глубокий исследовательский метод работы, убедительность аргументации, обоснованность и оригинальность суждений. Академия наук присудила Ястребову за «Этюды» полную Уваровскую премию¹⁹. Чешская критика тоже приветствовала труд.

Крупнейший чешский историк-специалист отметил, что книга Ястребова «существенно обогащает наши знания о Хельчицком и его времени». Далее он констатировал, что «со времени работ Голла о Хельчицком и общине ни одно сочинение не способствовало в такой мере расширению и углублению наших знаний об идейной стороне гусизма, как ... труд Ястребова»²⁰. Таким образом, можно сделать вывод: важное значение книги для европейской гуситологии было признано единодушно. Кроме множества других работ на гуситскую тему и упомянутых выше книг по истории Польши, Болгарии и Галиции, Ястребов опубликовал большое число статей в энциклопедиях. Например, упомянем его статью «Кирилл и Мефодий» в «Русской энциклопедии»²¹. Статья интересна прежде всего оценкой деятельности «солунских братьев» по созданию так называемой «славянской церкви». Ястребов пишет: «После смерти Мефодия 6 апреля 885 года славянская церковь в Моравии была уничтожена. До 200 учеников Мефодия (клириков) изгнано или продано в рабство в Венецию; народ их не поддержал, а дело Кирилла и Мефодия погибло не только в Моравии, но и вообще у западных славян, которые примкнули к романо-германскому миру»²². Таким образом, точка зрения Ястребова исключала теорию «кирилло-мефодиевских остатков» в чешской церкви, которая ещё имела хождение в русской литературе начала XX в.

Из статей Ястребова в энциклопедических изданиях следует также назвать очерк истории Польши²³. Чешский историк Ярослав Бидло писал в 1920 г., что статья Ястребова повторяет главные тогдашние пособия по истории Польши,

написанные польскими авторами, прежде всего Бобржинского и Левицкого²⁴. С такой оценкой нельзя согласиться. В значительной русской литературе по истории Польши суждения русских историков часто не совпадали с заключениями польских исследователей. Ястребов в полной мере учёл эти обстоятельства и предложил читателям энциклопедии самостоятельный и достаточно объективный очерк польской истории, а не «репродукцию» существовавших польских пособий.

По мировоззрению и политическим взглядам Н.В. Ястребов принадлежал к литературной интеллигенции, осуждавшей реакционную политику русского самодержавия, желавшей России более прогрессивного общественного строя, однако без революционного вмешательства народных масс.

В период революции 1905–1907 гг. Н.В. Ястребов пытался с небольшой группой петербургских интеллигентов создать «партию свободомыслящих», программой которых была бы «свободная критическая мысль». По своей идеологической позиции «свободомыслящие» являлись политическим «центром». От «левых» с их требованиями революций они отличались и по тактике, т. е. стояли на принципах «эволюции». Уже в конце 1905 г. партия прекратила своё существование, влившись в группу так называемых «либеральных демократов»²⁵. Политического деятеля из Ястребова не получилось. Русскому профессору импонировала программа Т.Г. Масарика по политическим вопросам. Считая, что положения «партии свободомыслящих» находятся в близкой связи с идеями, лежавшими в основе некоторых работ Масарика, руководство названной партии приняло решение издать на русском языке XIII и XIV главы из книги тогдашнего профессора Пражского университета «Otázka sociální základy Marxismu sociologické a filosofické» (V Praze, 1898). Обе главы сочинения Масарика вышли в Санкт-Петербурге в 1906 г. в виде брошюр под названием «Революция или эволюция» и «Марксизм и парламентаризм». Редакция перевода и дополнение в обеих главах литературы были осуществлены Ястребовым²⁶. Через него же, вероятно, шли «все контакты» «партии свободомыслящих» с Масариком.

Связующим звеном отношений между Масариком и Ястребовым мог служить их общий интерес к чешской истории; роль Масарика в разоблачении фальсификатов В. Ганки общеизвестна. Знаменитого пражского профессора Ястребов решил привлечь к сотрудничеству в «Русской энциклопедии», где являлся редактором славянского отдела. В 1911 г. русский учёный обратился к Масарику с просьбой «дать ... статью об истории чешского народа с 1848 года до наших дней (3 страницы, 1400 букв), т. е. обрисовать главные линии эволюции экономической, социальной, политической и культурной», – писал Н.В. Ястребов. «Зная Ваши работы, я уверен, – продолжал он, – что никто из чехов не даст такого объективного и существенного очерка, как Вы». Но Масарик отказался от написания предложенной статьи²⁷.

В период Первой мировой войны, до 1917 г., Ястребов активно занимался политической публицистикой. Зная внутреннюю жизнь и политические стремления чехов «так хорошо», как мало кто из русских (по выражению К. Крофты), Ястребов сочувствовал их борьбе за освобождение от власти Австро-Венгрии и пропагандировал мысль о национальной самостоятельности чешского народа в духе идей Т.Г. Масарика. Эти идеи он проводил в своих

лекциях по истории Чехии в университете и на Высших женских курсах, а в статьях на страницах газеты «Биржевые ведомости» разъяснял причины и дела чешского национального движения. Он также высказывался за «славянскую политику России», т. е. за поддержку Россией всех славянских народов, не исключая и поляков. Чешские авторы, говоря о Ястребове, подчёркивали, что своей деятельностью в период Первой мировой войны Ястребов оказал в России и вообще в политической жизни Европы неоценимую услугу чешскому движению за независимость, что в Чехии Ястребова знали, в контакте и союзе с ним находились все значительные чешские деятели (как внутри страны, так и прибывшие в Россию), старавшиеся привлечь влиятельных русских лиц на свою сторону. Газета «Лидове новины» писала, что личные связи Ястребова с Т.Г. Масариком приобрели особе значение. По инициативе Ястребова некоторые профессора Петроградского университета предложили выбрать Масарика почётным профессором этого учебного заведения. Это была достаточно смелая демонстрация, направленная против германофильского русского правительства Б.В. Штюрмера, и серьёзная поддержка профессора Масарика как представителя и вождя чешского национального движения²⁸.

На своём киевском съезде в 1917 г. чехи и словаки выразили благодарность профессору Ястребову, избрав его почётным председателем.

Как упоминалось выше, в 1918 г. Н.В. Ястребов получил звание и место ординарного профессора²⁹. Однако работать в России Ястребову не представлялось возможным. Петроградский университет был расформирован, и предмет преподавания профессора упразднён. Началась эмиграция интеллигенции за границу. Н.В. Ястребов, получив от Комиссариата народного просвещения РСФСР разрешение на полугодовую заграничную командировку, в 1919 г. выехал вместе с семьёй и в Россию не вернулся³⁰.

Путь в «новую жизнь» был долгим и трудным. Он описан в письме Н.В. Ястребова к академику А.А. Шахматову от 22 мая 1920 г., где читаем: «Дорогой Алексей Александрович! Через несколько дней ещё раз, уже 2-й, представляется возможность дать о себе весть после 8-месячного вынужденного молчания... Мы здесь с начала марта. С 21 августа 1919 г. по 15 февраля 1920 г. пропадали в Глубоком³¹. С 21 августа по начало декабря я болел плевритом и несколько раз был на волос от смерти (меня три недели лечили от сыпного тифа и три недели от брюшного и только потом определили, в чём дело); с конца ноября до начала января болела скарлатиной в тяжёлой форме дочь, с конца декабря по начало февраля заразившаяся от неё той же болезнью моя жена. Жили и умирали и поправлялись в самых ужасных условиях. Мокорг (неясно, что такое. – Л. Л.) нас совершенно игнорировал и разворовал у нас то небольшое, что имели с собой по части вещей (бельё). Мы истратили добрую половину своих денег за 6 месяцев жизни в Глубоком, мучаясь с обменом своей иностранной валюты (посылая её в Вильну и подвергаясь обščёту). От Глубокого до Праги ехали около трёх недель с остановками в Вильне и Варшаве – отчасти из-за состояния здоровья, отчасти из-за транспортных затруднений. Оставшиеся у меня австро-венгерские кроны пришлось разменять по жалкому курсу на чешские кроны и получить ничтожную за них сумму: австро-венгерские кроны уже весной 1919 г. воспрещены к хождению в Чехии и имеют хождение лишь в Австрии; цена их на международном денежном рынке

ничтожна. Одним словом, приехали в Прагу почти без всяких средств, без обуви, белья, без одежды. Слава Богу, чешское правительство дало мне денег в ссуду – аванс – и мы пока можем жить. Здесь мы долго бились с квартирой, платя громадные деньги за комнату в гостинице: только три недели тому назад нашли две комнаты в одной семье за 600 крон в месяц (здесь жилищный кризис). Жизнь сравнительно дорога, но всё есть. Нужно иметь 1500–2000 крон в месяц на человека (подчёркнуто Ястребовым. – Л. Л.), чтобы жить не нуждаясь. Обувь, платье и т.п. сюда не входят». Далее Ястребов пишет, что ему предложили здесь место профессора в университете, «доктора предписывают нам прожить ближайший год в благоприятных условиях, значит, нужно оставаться здесь, а не возвращаться в Питер, где нам, ослабленным страшными болезнями, грозил бы неминуемый конец, другого способа, кроме принятия профессуры, добыть средства к жизни я не имею»³².

Однако устройство в Чехословакии потребовало немало времени и усилий со стороны Ястребова. В документах говорится, что он был приглашён представителем Чехословацкого правительства в России для занятия кафедры истории Восточной и Юго-восточной Европы в только что образованном университете в Брно. Это подтверждается письмом советника министерства школ – Мачоха, который 28 декабря 1920 г. писал в канцелярию президента, что «профессор Петроградского университета Ястребов был приглашён для Масарикова университета в Брно на кафедру истории восточной и юго-восточной Европы»³³. Вероятно, это приглашение было формальным и служило лишь средством для оправдания отъезда Ястребова из России. Органы власти Чехословакии не торопились проявлять «национальную благодарность» за помощь чехам в их предшествующей борьбе. Для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из России, которых в Чехословакии тех лет было много. Ястребов был предоставлен сам себе, на все ходатайства о квартире он получал отказ. В связи с этим Ястребов должен был обратиться с письмом к президенту, подписанным «псевдонимом» Stehule Kopal. В этом документе ярко отражается факт той «бескорыстной» помощи, о которой много говорится в литературе, о так называемой «Русской акции» в Чехословакии. Приводим текст этого письма президенту Масарику почти полностью.

«Глубокоуважаемый пан Президент. После того как были исчерпаны все средства добиться результата во всех официальных инстанциях, я позволил себе обратить Ваше внимание на условия, в которых живет здесь профессор Ястребов.

Ястребов уделял внимание чехословацкому вопросу в литературе, журналистике, в политических и административных кругах весь период войны до большевистского захвата власти и расчищал дорогу нашим людям в этой области. Ястребов вместе с Шахматовым отстранили препятствия со стороны русского правительства к Вашему прибытию в Россию и Вашего избрания профессором Петроградского университета, приготовив для этого почву. Ястребов потом был приглашён тогдашним представителем чешского правительства в России в Пражский университет, и представление емуординарной профессуры было подтверждено Чехословацким правительством.

Здесь речь идёт об одном из важнейших случаев национальной благодарности и официального гостеприимства, что должно гарантировать Ястребову

достойное пребывание в ЧСР и квартиру, что будет проявлением высоких чехословацких чувств к России в лучшем виде.

Но эти обязанности по отношению к Ястребову не были выполнены и он оставлен здесь в условиях для него ужасных, что не делает чести чехословацкому гостеприимству. Официальные круги не обратили внимания на его прибытие. Ястребов не был принят как национальный гость, и не было принято никаких мер к тому, чтобы Ястребов при нынешних сложных условиях не был предоставлен самому себе.

Прежде всего Ястребова не обеспечили квартирой, в которой он мог бы жить в соответствии со своим положением, своим семейным бытом, и прежде всего, мог заниматься своим профессиональным делом – наукой».

Далее в письме излагается квартирный вопрос. Автор письма говорит, что по этому поводу он обращался во многие административные органы, но везде получил отказ. Далее говорится:

«Решение о профессорстве Ястребова принято в июле (кажется, 16.VII). Декрет об этом был ему вручён лишь 8 октября, т. е. в тот день, когда кончается приём (слушателей) в университет, так что Ястребов в это время не мог объявить свои чтения лекций. Он несколько раз напоминал пану министерскому советнику Мачоху о своевременном доставлении декрета, но всё напрасно. До октября Ястребову не выплачена зарплата, ему давались только авансы.

Зато весной Ястребов был несколько раз допрошен полицией, которая требовала объяснить здесь своё пребывание».

Далее в письме говорится, в каких ужасных условиях живет с семьёй Ястребов и какая у него отвратительная квартирная хозяйка. Затем автор письма продолжает, что «приезд Ястребова сюда продолжался семь месяцев. Он заболел плевритом и пролежал 4 месяца в одном польском местечке и до сих пор страдает от последствий этой болезни, что опасно для его здоровья». Письмо заканчивается изложением соображений о том, как лучше можно было бы обеспечить Ястребова квартирой, и просьбой к президенту о помощи в этом вопросе³⁴.

Письмо к президенту оказало своё действие. Секретарь канцлера президента республики сообщил Ястребову 14 апреля 1921 г., что его приглашает пан канцлер доктор Шамал³⁵. Приём состоялся, Ястребов изложил своё тяжёлое положение с квартирой, и канцлер выдал соответствующее предписание министерству школ и социального обеспечения³⁶. Вскоре Ястребов получил трёхкомнатную квартиру и был ею вполне доволен, за что и благодарил канцлера и президента письмом 22 сентября 1921 г.³⁷ Президент приказал выдать русскому профессору субсидию в 25 тысяч крон³⁸. Таким образом, Т.Г. Масарик расплатился с русским профессором, столь активно способствовавшим реализации его политических планов.

Не всё гладко проходило у Ястребова и с устройством на работу. Документы по-разному говорят о том, на какую должность и куда приглашался русский профессор. Сам Ястребов утверждал, что представитель чехословацкой миссии в России приглашал его для работы в Карловом университете. Но министерство иностранных дел и министерство школ и народного просвещения Чехословакии известило Ястребова, что философский факультет Пражского университета предложили русскому профессору занять кафедру всеобщей

истории во вновь созданном университете в Брно. Н.В. Ястребов ответил на это предложение письмом, которое приводим здесь с некоторыми сокращениями.

«Уважаемому профессорскому совету философского факультета Карлова университета в Праге. Министерство иностранных дел и Министерство школ и народного просвещения в Чехословацкой республике известили меня о том, что философский факультет Карлова университета в Праге решил предложить мне кафедру ординарного профессора всеобщей истории (славянской) в новом основанном университете им. Масарика в Брно ... считаю своей обязанностью выразить Пражскому философскому факультету глубокую благодарность за эту честь, так как вижу в этом предложении весьма лестное – может быть, незаслуженное – признание моих научных успехов в области славянской истории вообще и в особенности истории чешского народа и великодушную оценку моей давней искренней любви к братскому чехословацкому народу, а также мои недавние и скромные усилия способствовать освобождению чехословацкого народа.

Однако я обязан откровенно заявить, что я сомневаюсь в принятии профессуры в Брно. Я серьезно опасаясь, что, приняв это предложение, я не смогу соответствующим образом выполнять возложенные на меня обязанности и кроме того буду лишён возможности использовать время своего пребывания в Чехословацкой республике с пользой для славянской науки, чешской и русской, с пользой для культурной и политической чешско-русской взаимности.

В Брно при чтении лекции и при ведении семинаров я имел бы значительные затруднения, ещё большие, нежели мои коллеги чешские историки, которые могут ликвидировать недостаток общественных библиотек своими частными собраниями. Для меня, который свою библиотеку должен был оставить в Петрограде, это было бы невозможным. Ещё тяжелее была бы для меня обязанность энергично участвовать в чрезвычайных ситуациях, связанных с организацией нового факультета, возникающих с самого начала. Если бы я был членом чешского народа, подданным чешского государства, то считал бы своей обязанностью принять предложение профессуры в Брно, несмотря на трудности, которые связаны с этим положением. Но я только гость чешского народа. Я русским человеком не только был, но и дальше хочу остаться русским человеком и учёным, хочу и дальше служить тому же делу – изучать историю славянских народов и народа чешского, знакомить русский народ и общество с чешской историей и современностью, развивать чешско-русскую культурную взаимность с помощью русской университетской кафедры, русского печатного слова, которым я служу больше 20 лет. За это долгое время я привык приезжать в Чехию, собрать здесь материалы для своей научной работы, побывать здесь в обществе своих чешских учёных друзей и приобрести новые импульсы для своей работы в контакте с богатством чешской народной жизни.

Обстоятельства сложились так, что я оказался в Чехии и мне необходимо дальнейшее пребывание здесь, как для обновления моих физических сил для сохранения моей жизни, так и для дополнения материалом для моих научных работ из области чешской истории, к которым я на Руси не притрагивался в течение шести тяжёлых лет, и, наконец, и для знакомства с новой свободной Чехословацкой республикой.

Позволю себе сказать профессорскому совету философского факультета Карлова университета, что выполнением прежде всего этих задач и перенесе-

нием результатов своей работы в Чехии на русскую почву я лучшим образом принесу пользу не только русским, но и чехам. Чехословацкое учёное сообщество по-братски пошло мне навстречу в том, чтобы я мог выполнить эти задачи, тем, что принял меня в состав чешских университетских профессоров в Брно. Считаю себя обязанным откровенно сказать профессорскому совету, что вышеназванные задачи я могу выполнить, если буду профессором Пражского, а не Брненского университета, если буду жить в Праге, а не в Брно. Именно в Праге, а не в Брно, я буду иметь в распоряжении все пособия, нужные для работы по чешской истории, посещать библиотеки и архивы, общаться со своими литературными друзьями, с учёным сообществом, редакциями научных журналов и т. д.

Именно в Праге, а не в Брно, буду слушать пульс чешской народной жизни, буду видеть проявление народного духа в его полноте как с точки зрения культурной, так и политической, буду иметь возможность вместе со своими чешскими друзьями участвовать в международной культурной работе в области славистики. Наконец, в Праге, а не в Брно, я не буду чувствовать себя отлучённым от родного мне русского мира, в контакте с пражской русской колонией, откуда протянуты нити, связывающие Чехию с русским миром. Я буду иметь возможность участвовать в культурных (издательских и т. д.) мероприятиях, направленных к этому миру.

Все свои доводы я высказал представителям философского факультета Пражского университета и тех министерств, которые осуществили моё приглашение в Чехию, и все они признали справедливость моего желания стать профессором в Праге, а не в Брно. Предлагая свою точку зрения вниманию философского факультета, прошу, чтобы она была принята во внимание. Надеюсь, что факультет признает правомочность этой точки зрения и изменит своё решение о моём назначении, приняв новое в том смысле, чтобы я был назначен ординарным профессором Чешского Карлова университета в Праге и получил право работать в нём с пользой для научной и культурной славянской взаимности»³⁹.

Но не все профессора философского факультета Карлова университета желали иметь своим коллегой русского профессора. Кафедра истории восточной Европы была в Праге занята профессором Я. Бидло, и этот учёный был против принятия Ястребова в штат университета. По мнению К. Крофты, указанная позиция Бидло объяснялась тем, что он не признавал Ястребова славистом с нашей точки зрения, так как тот «занимался прежде всего историей Чехии»⁴⁰. Нам это суждение Крофты представляется спорным. Я. Бидло не мог не знать, что Ястребов был славистом широкого профиля и имел научные труды не только по чешской истории, но и польской, болгарской, сербской, так как знаком был с Ястребовым с самого начала века и контактировал с ним в течение двух десятилетий, включая и время приезда Ястребова в Прагу. Отрицательное отношение Я. Бидло к профессору-эмигранту диктовалось, видимо, нежеланием иметь в его лице конкурента. Вероятно, в этом же состоит причина стремления чешского профессора принизить научные заслуги Ястребова. В рецензиях на труды последнего Я. Бидло находил всегда недостатки, часто неосновательные и мелочные. Это отношение проявилось и в тексте составленной рекомендации Ястребова философскому факультету Карлова университета от 20

июля 1920 г.⁴¹ Сам факт представления этой рекомендации и последующего единогласного признания русского профессора членом коллегии университета объясняется, скорее всего, тем, что желание Ястребова получить кафедру в Праге стало известно в высших государственных учреждениях. Вообще же в Чехословакии русским эмигрантам – интеллигентам предоставляли рабочие места в случае, если на них не было чешских претендентов, в том числе и более низкой квалификации по сравнению с русским эмигрантом. Ястребов оказался счастливым исключением. Декретом президента республики от 10 июля 1920 г. он был утверждён ординарным профессором славянской истории в Карловом университете в Праге⁴².

Распоряжением Министерства школ и народного просвещения Чехословацкой республики 19 декабря 1920 г. отделение тамошнего исторического семинара, которым руководил профессор В. Новотны, было с зимнего семестра 1920/21 года разделено на две параллельные секции, чтобы «вновь назначенный проф. др. Ястребов был определён также руководителем исторического семинара ... и чтобы он сразу мог начать семинарские занятия»⁴³. Так Ястребов стал членом исторического семинара, в составе которого были также Й. Пекарж, Я. Бидло, И. Шустак и В. Новотны⁴⁴.

Однако в 1920 г. русский профессор к занятиям в Карловом университете не приступил, ввиду позднего прибытия соответствующих документов из министерства.

Как профессор славянской истории Карлова университета Ястребов стал читать лекции в летнем семестре 1921 г. Их предметом была история болгарского народа. В зимнем семестре 1922/23 г. Ястребов читал избранные темы по истории России для чешских студентов и «Происхождение современной Чехии» по-русски для студентов из числа русских эмигрантов. Кроме того, он вёл семинарские занятия по теме «Законник царя Стефана Душана», заключающийся в объяснительном чтении текста и письменных работах студентов. Как ординарный профессор университета, Ястребов обязан был проводить в аудитории не менее 5 часов в неделю (наряду с выполнением и других функций), но по состоянию здоровья эта нагрузка была ему снижена до трёх часов, а в 1922/23 учебном году – до двух⁴⁵. Однако здоровье продолжало ухудшаться. Ястребов подал заявление об отпуске и был освобожден от лекций на 1923/24 учебный год. Он собирался ехать лечиться на Адриатическое море, но 20 мая 1923 года скончался на 54 году жизни.

Непродолжительная профессорская деятельность Ястребова в Карловом университете не могла оставить глубоких следов, но его коллеги по историческому семинару были очень высокого мнения о его лекциях. Я. Бидло, относившийся к русскому профессору не всегда доброжелательно, писал в некрологе: «... все его работы и лекции и семинарские обсуждения отличались не только подробным знанием предмета и обширным использованием соответствующей литературы, но и оригинальной концепцией».

Справедливость такой оценки подтверждает сохранившийся курс лекций, читанный на философском факультете Карлова университета в 1921/22 учебном году, под названием «Происхождение современной Чехии»⁴⁶.

Курс построен нестандартно и обладает высокой информативностью. Отметим факт, что в России было плохо поставлено преподавание славяноведения

в высшей школе, лектор поставил своей задачей самым тщательным образом исправить этот недостаток и сообщить своим слушателям, т. е. эмигрантской русской молодёжи, наиболее нужные сведения о стране их современного пребывания. Излагая план своего курса, профессор подчёркивал, что материал не будет представлять собой только историю Чехии, а выразится, «во-первых, в очерке современной Чехии с точки зрения географической, этнографической и т. д., и во-вторых, в изложении эволюции исторических судеб Чехии, чешского народа до современного их состояния».

Прежде всего автор объясняет сущность термина «Чехия». В его интерпретации этот термин определяет совокупность чехословацких земель, вошедших в состав чехословацкой республики, недавно образовавшейся. «Я называю Чехословацкую республику “Чехией” потому, что это государство чешской формации», – говорит лектор⁴⁷. Разделив весь курс на две части, автор констатирует, что он не будет читать только историю Чехии, а охарактеризует в первой части географическое, этнографическое, экономическое состояние Чехии, а также политический строй современного государства и рассмотрит чехословацкий народ как духовно-культурный организм. При этом имелось в виду освещение состояния школ, науки, искусства, литературы и духовных отношений. К сожалению, вторая часть курса, по-видимому, не читалась – о ней нет никаких сведений. Автор не успел осуществить свой замысел. Что касается первой части, то она свидетельствует о совершенно новом подходе Ястребова к вопросам образования молодёжи, которая должна получать в вузе не только знания о прошлом народа, но и иметь представление о стране своего пребывания с точки зрения практической. Говоря современным языком, преподносимый профессором материал обладал высокой степенью актуальности. В лекциях по истории Чехии, читавшихся Ястребовым в Петроградском университете, материал преподносился традиционно и как бы отдалённо от современности. Таким образом, в эмиграции Ястребов продемонстрировал стремление к новому подходу в изучении истории, что свидетельствует не только о высокой квалификации русского профессора, но и о его глубокой прогрессивности как учёного.

Остановившись коротко на этнографическом составе чехословацкого государства, лектор на основе статистических данных упоминает о других национальных элементах – русских, поляках, мадьярах, немцах и евреях. Затем освещается вопрос о составе государственной территории – её площади 140 тыс. кв. километров, её частях – Чехии, Моравии, Силезии, Словакии и их территориях.

Весьма интересен и полезен раздел курса лекций о естественно-географическом состоянии республики. Речь здесь идёт о центральном месте Чехии в Европе, о геологическом строении, о гидрографии, климате, которые, по мнению автора, имеют важное значение, что объясняет хозяйственную и иную жизнь страны, а также демографическую картину. Вообще, всё изложение вопроса о географии Ястребова подчиняет экономическим интересам. С этой позиции, а также с точки зрения экономических перспектив он и рассматривает природное устройство Чехословакии. Затем автор говорит о населении. По данным переписи 1910 г., из 13,4 млн человек чехи и словаки составляют 8 с лишним миллионов – 58%, немцы – 27%, мадьяры – 8%, малороссы – 4%,

поляки – 1%. Приводится таблица. Много говорится об эмиграции чехов и словаков в Россию, Америку, но её экономические причины не объясняются. В одной лекции подробно рассматривается национальный состав Чехословацкой республики. Автор подробно останавливается на Подкарпатской Руси и подчёркивает, что здесь было 84 тыс. (т. е. 14 %) еврейского населения, которое играет особую роль в жизни этого региона, ввиду своего экономического положения и специфического менталитета. «Во время владычества Австрии, – говорит лектор, – евреи судетских земель причисляли себя к немцам. На Словакине и в Подкарпатской Руси – объявляли себя мадьярами и отчасти немцами, держали себя как один из ярких проводников мадьяризма. Теперь евреи признаны национальным меньшинством, и среди них замечается успех националистического сионизма, хотя большинство выдаёт себя за чехов соответственно новой политической конъюнктуре... В парламенте евреи держатся главным образом социал-демократических партий. В отличие от еврейства Польши и России, здешнее еврейство почти исключительно – буржуазия, представляющая промышленность, торговлю, денежный капитал и вольные профессии. Еврейского пролетариата в республике не существует совершенно»⁴⁸. Из этих рассуждений вытекает заключение, что антисемитизм и еврейские погромы, охватившие Западную Украину в 20-х годах, имеют экономические и социальные причины. Но таких выводов лектор не делает, а, между прочим, эти события были характерными фактами жизни Чехословацкой республики.

Далее автор говорит, что господствующим на территории Чехословацкой республики является народ чехословацкий, и останавливается на термине «чехо-словаки». По его мнению, термин был создан во время войны политическими деятелями выдвинули теорию о том, что представляемые ими народности являются в сущности одним народом лишь с двумя нюансами: а) западные чехи – собственно Чехо-Моравия – чехи и б) восточные чехи – словаки»⁴⁹. Но автор признаёт, что между чехами и словаками было и есть некоторое различие. Однако это не два самостоятельных отдельных языка, а две ветви, два наречия одного языка. Словацкий язык остаётся сравнительно с чешским на более древней стадии развития. Языковой вопрос о взаимоотношении чешского и словацкого языков профессор освещает, обращаясь к деятельности А. Бернолака, И. Гурбана, И. Годни и Л. Штура. Всех их Ястребов называет панславистами и русофилами⁵⁰. В то время, когда читал лекции Ястребов, в языкознании уже существовали убедительные доводы в пользу самостоятельности словацкого языка без отрицания его родства к чешскому. Сочинения и высказывания на эту тему имелись и в русской литературе. Однако историк, возможно, этого не знал и поддался политической конъюнктуре в принявшей его стране.

Автор лекций также считает, что литературный и языковой дуализм не мешает единству и общности не только в вопросах экономических, культурных и политических, но даже и чисто этнических. Но далее, как бы противореча самому себе, говорит о религиозных различиях. «Чешский народ, – пишет автор, – в громадном большинстве лишён католической настроенности. Его католицизм официальный, метриковый, что вытекало из насильственной реформации XVII–XVIII вв. У словаков же наблюдается наибольшая религиозная настроенность».

Далее лектор констатирует, что заметна разница и в общем культурном уровне чехов и словаков. Чехи, безусловно, более образованны, чем словаки, последние отличаются ещё какой-то культурной примитивностью. Говоря об установившихся после создания Чехословацкого государства отношениях между чехами и словаками, Ястребов подтверждает имевшиеся в литературе факты и жалобы на то, что чехи, придя в Словакию в качестве учителей и чиновников, стали свысока смотреть на словаков, чем вызвали недовольство. Чехи не всегда бережно относились к религиозным переживаниям словаков⁵¹. Таким образом, чехи как будто копируют своё отношение к словакам с немецкого отношения к ним самим, с которым они боролись в течение столетий. Но, видимо, этот опыт не пошёл на пользу чехам и не прибавил толерантности по отношению к другим народам.

К отличиям обоих народов относится и духовное своеобразие каждого из них. Словак более поэтичен, чем суховатый, деловитый, прагматичный чех. Словаки более, чем чехи, сохранили живую старину. Автор курса лекций не упустил из вида и того факта, что у интеллигенции этих народов имеются политические расхождения. Он констатирует, что по Питтсбургскому соглашению приятель, единомышленник и покровитель Ястребова, президент Т.Г. Масарик, обещал словацким вождам некоторые формы автономии в виде местного парламента и местного правительства. Но ничего из этих обещаний не осуществлено. Профессор констатирует этот факт и не даёт ему оценки. В действительности, национальная политика Масарика оказалась большой исторической ошибкой, приведшей к трагическим последствиям для Чехословакии. Невыполненные обещания об автономии не только словакам, но и, например, румынам привели к сепаратизму и яркому выражению недовольства этих народов своим неравноправием «в самом демократическом в Европе государстве», как уверяла чешская и русская эмигрантская публицистика.

Н.В. Ястребов, напротив, считал, что «все отличия и своеобразия недостаточны для обоснования их политического сепаратизма, вражды, потрясения единства республики – явлений, которые были бы бедствием для обоих народов (особенно чехов и словаков), не могущих существовать друг без друга»⁵². Русский профессор переоценил родственность чехов и словаков, славянскую солидарность и взаимность и прочие романтические категории в менталитете народов. Он не узнал, что почти сразу после смерти его единомышленника Т.Г. Масарика Чехословакия была расчленена гитлеровской нацистской Германией. В Чехии был установлен «протекторат», а в Словакии – создано фашистское государство во главе с католическим ксендзом. Используя националистические настроения и опираясь на чувства словаков, стремление к независимости, немцы подчинили себе Словакию и направили её вооружённые силы против Советской России. Во Второй мировой войне с 1941 по 1944 г. словацкая армия участвовала в военных действиях против Красной армии, выполняла функции карателей в отношении советских партизан, уничтожала евреев и представителей других национальностей, грабила страну и глумилась над православной верой. Таким образом, армия словацкого фашистского государства выполняла те же самые функции, что и Вермахт. Такие понятия, как русофильство, славянская взаимность, просто выражение симпатии к русским, жестоко карались и исчезли из лексикона словаков⁵³.

Но не славянский сепаратизм уничтожил Чехословакию в 1938 г. Для этого акта был целый клубок причин международного характера, о котором имеется огромная литература. Сепаратизм словаков был лишь использован одной из сторон для осуществления своих целей. Но этот факт свидетельствует о том, что прогнозы философов, политиков и историков есть плод фантазии интеллектуалов, а исторический процесс развивается по своим законам, которые теоретики не всегда улавливают. Кроме того, стремление личности к независимости любого толка, по-видимому, является неотъемлемым элементом интеллекта цивилизованного человека. В этом случае история (как процесс) никому ничему не учит, о чём свидетельствует распад второй Чехословацкой республики в 90-х годах XX века и создание самостоятельных государств, Чехии и Словакии. В последней растёт недовольство притесняемых русинов, которых словаки называют сепаратистами.

Одну из последних лекций в своём курсе Н.В. Ястребов посвятил положению немцев в Чехословакии. Констатируется, что они занимают огромную территорию, бордюром отделяют чешское население от физических границ республики. Немецкая пограничная территория дополняется ещё германскими островами внутри чешской территории. Количество немецкого населения в Чехии – 2,5 млн человек, т. е. больше, чем, например, в Швейцарии и Норвегии.

Лектор также сообщает своим слушателям, что до сих пор никто не сомневался в довольно позднем, начиная с конца XII – начале XIII вв., появлении немцев в судетских землях и непосредственной их связи с немцами соседних областей Германии. Но, продолжает Ястребов, сравнительно недавно выступил с новыми взглядами немецкий историк Чехии и Моравии, земский архивариус Моравии Г. Бретгольц. В своих работах – «Geschichte Böhmens und Mährens» (1912; 1921 – 1922) – он развил теорию о том, что чешско-моравские немцы являются не пришельцами XII – XIII в. и ещё позднейших времён, а остатками, потомками маркоманов (и квадов), с которыми удачно воевал уже во II в. н. э. император Марк Аврелий и неудачно – его сын Коммод, и, вероятно, других, позднейших германских племён, например, лангобардов. Но эта теория встретила уничтожающую критику не только у чехов (Шуста, Пекарь и др.), но и в немецкой исторической науке Чехии (историк права А.Й. Зиха ещё в 1913 г. выступил против этой теории, находя её ненаучной)⁵⁴. Но немецкие политики ухватились за теорию Бретгольца как опору для своей программы полного права самоопределения немцев республики – до отделения от неё включительно. Заметим, что упоминание о теории Бретгольца – редкий случай экскурсии лектора в историографию. В остальном автор излагал практическую сторону жизни немцев, как бы информируя об этом своих слушателей. Так, он сообщает, что немцы в республике живут своеобразной, сепаратной экономической, культурной, школьной и государственно-политической жизнью. В области духовной культуры немцы живут как часть великого 70-миллионного немецкого народа.

Курс лекций Ястребова заканчивается подробной характеристикой экономической составляющей Чехословацкой республики. Характеризуются наиболее ярко сельскохозяйственные работы, богатство недр – металлами, каменным углём, минеральными водами. Индустриальные районы Чехии пространственно близки к богатым своими недрами районам. По национальному

составу они в основном немецкие. В Словакии и Подкарпатской Руси мало хозяйственно-специально-индустриальной инициативы. Население живёт скотоводством и лесными промыслами в горных областях, в низменных – сельским хозяйством. Но низменности и равнины Чехии и Моравии – индустриальные, здесь развиты отрасли промышленности, связанные с сельскохозяйственным производством (пивоварение, сахароварение и др.)⁵⁵.

Таким образом, курс лекций поражает не только энциклопедическим знанием вопроса, но и трезвостью и объективностью изложения явлений. Считая Чехословацкую республику тем идеалом свободного государства, к которому чехи стремились столетиями, Ястребов указывает на трудности развития, противоречия и недочёты во внутренней политике.

Научная работа Н.В. Ястребова в эмиграции не состоялась. Он написал лишь несколько статей в газеты. Одну из них посвятил вопросу о помощи русским учёным, которые в Советской России погибли от голода и болезней⁵⁶. В газете «Народные листы» высказал соображения об организации обучения в Чехословакии русских студентов-эмигрантов⁵⁷. Здесь же опубликовал некролог об академике А.А. Шахматове, умершем в Петрограде в 1920 г.⁵⁸

Если оценивать жизнь и творчество Н.В. Ястребова в целом, то нельзя не подчеркнуть, что это была незаурядная личность. Историк обладал широким кругозором, критическим талантом, исключительным трудолюбием и относится к числу выдающихся русских славистов. К сожалению, обстоятельства его жизни сложились так, что он не смог полностью реализовать свои научные и педагогические способности. Однако в области исследования чешской истории ему принадлежит лучшее из того, что было создано в русской дореволюционной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лантева Л.П.* Историк-славист Николай Владимирович Ястребов (1869 – 1923) // Биография исследователя как жанра славистики: сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 65–81; *она же.* Ruský historik N.V. Jastrebov (1869 – 1923) a jeho styky s Cechemi a Pražskou universitou // Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. T. XXIX, fasc. I. P. 13–52; *она же.* Ястребов Николай Владимирович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 479–484; *она же.* Николай Владимирович Ястребов (1869 – 1923) как исследователь истории Чехии // История и историки. 2005: Историографический вестник. М., 2006. С. 212–252; *она же.* Русский учёный славист Н.В. Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские учёные гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сб. ст. М., 2008. С. 148–158; *она же.* Пётр Хельмицкий в освещении русской дореволюционной историографии XIX – начала XX в. // Folia Historiae Bohemiae. Praha, 1985. T. 9. P. 175–234; *она же.* Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Ibid. Praha, 1990. T. 13. P. 369–424; *она же.* Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 249–258; *она же.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 217–261.

² *Ястребов Н.В.* Curriculum Vitae. 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6107. Л. 31. Все биографические данные об учёном заимствованы из его автобиографий, хранящихся в архивах, а также из опубликованных некрологов и справочных изданий.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 219 (документация о результатах командировки Н.В. Ястребова).

⁴ Отчёт Н.В. Ястребова о командировке // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1902. Т. 71. С. 73–77.

⁵ Н.В. Ястребов – В.И. Ламанскому, 20 февраля / 4 марта 1900 г. // СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1606. Л. 21 об.

⁶ Там же.

⁷ Н.В. Ястребов – А.С. Лаппо-Данилевскому, 26 февраля 1908 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 428. Л. 9 об. В российских университетах латинская палеография не преподавалась за неимением специалистов.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 219. Л. 128 об.–129 (выписка из журнала учёного комитета Министерства народного просвещения, 28 января 1902 г.).

⁹ Ястребов Н.В. Лекции по истории западных славян. Студенческие записи, просмотренные лектором. 2-е изд. 1910/11 уч. год (литография).

¹⁰ Бальцер О. К истории общественно-государственного строя Польши / пер. под ред. Н.В. Ястребова. СПб., 1908.

¹¹ Кушинева С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / под ред. и с предисл. Н.В. Ястребова. СПб., 1907.

¹² Грабенский В. История польского народа / пер. под ред. Н. Ястребова. СПб., 1910.

¹³ Ястребов Н.В. Краткий очерк истории Польши. СПб., 1914; он же. Краткий очерк истории польского народа. Пг., 1915.

¹⁴ Ястребов Н.В. История болгарского народа. Пг., 1917 (литографированное издание).

¹⁵ Например: Ястребов Н.В. Иллиризм // Новый энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 19. С. 118–204 и мн. др.

¹⁶ Законник Стефана Душана, царя сербов. СПб., 1913.

¹⁷ Лантева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Folia Historia Bohemia. Praha, 1990. Т. 13. P. 369–424.

¹⁸ Ястребов Н.В. Этюды о Петре Хельницком и его времени (из истории гуситской мысли). СПб., 1908. Вып. I.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1908. Д. 23. Л. 56–56 об., 62–62 об (протокол заседания комиссии по соисканию Уваровских премий 11 мая 1909 г., отчёт о 51-м присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании имп. Академии наук 25 сентября 1909 г.).

²⁰ Krofta K. [Рец. на кн.:] Jastrebov N.V. Studie o Petru Chelčickém a jeho době // Český Časopis Historický. 1909. Roč. XV. S. 59–72; 152–178.

²¹ Русская энциклопедия. [СПб., 1912]. Т. 10. С. 74–76.

²² Там же. С. 76.

²³ Ястребов Н.В. Польша // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIV, полутом 47. С. 427–454.

²⁴ AUK. Filologická fakulta. Personalii Referat komise hledící ku jmenování Nikolaje Vladimiroviče Jastrebova universitním profesorem (1920).

²⁵ См. об этом: Z listu Jeseфа Pekaře N.V. Jastrebovovi. Uvod a poznámky napsal Sergěi Ragozin. Zvl. otisk z revue «Rad», roč. VI (1940), с. 5 (прим. 3).

²⁶ См.: Предисловие к книге // Масарик Ф.О. Начала социалистического общества (Главные вопросы марксистской политики). Революция или эволюция / пер. под ред. приват-доцента Н.В. Ястребова; изд. партии свободомыслящих. СПб., 1906. Заметим, что Т.Г. Масарика в России называли в то время «Фомой Осиповичем».

²⁷ Н.В. Ястребов – Т.Г. Масарику, 28 марта 1911 г. // Archiv Ústavů T.G. Masarika (Praha). Korespondence.

²⁸ Lidové Noviny (Bmo). 23.05.1923.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16332. Л. 252–259 (формулярный список о службе Н.В. Ястребова, 1918 г.).

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 4. Д. 119. Л. 2 (ходатайство ректора Второго Петроградского университета о разрешении заграничной командировки профессору Н.В. Ястребову).

³¹ Глубока – пограничный пункт в Польше, через который пропускали русских путешественников в Европу.

³² Н.В. Ястребов – А.А. Шахматову, 22 мая 1920 г. // СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1783. Л. 59–60.

³³ Archiv KPR. R. 1310/21.

³⁴ Ibid.

³⁵ Archiv KPR. D. 1976/21.

³⁶ Archiv KPR. Cis. 2496/21.

³⁷ Archiv KPR. D. 4629/21.

³⁸ Archiv KPR. D. 1976/21.

³⁹ AUK. Personalía. Личное дело Н.В. Ястребова. Название документа: Slavnemu sboru profesorskemu filosofcke fakulty česke university Karlovy v Praze. N.V. Jastrebov.

⁴⁰ Krofta K. N.V. Jastrebov † 17 května 1923 // Český Časopis Historický. 1923. R. 29.

⁴¹ AUK. Personalía. Личное дело Н.В. Ястребова. Название документа: 20 Července 1920 Karlova universita v Praze – Nikolai Vladimirovič Jastrebov – imenování řadným profesorem Slovanských dějin Dekanství fakulty filosofické Karlovy university v Praze.

⁴² AUK. Personalía. Ministerstvo Školství a národní osvěty – Universitě Karlově. 20 Července 1920.

⁴³ AUK. Ministerstvo Školství a národní osvěty – Dekanství FFUK. 19 prosince 1920.

⁴⁴ AUK. Semam osob ústavu UK v Praze jakož i Statníchkušebních komisi ve studijním roce 1920–21. Praha 1921. S. 79.

⁴⁵ Все сведения взяты из личного дела Н.В. Ястребова (AUK. Personalía. N.V. Jastrebov).

⁴⁶ Ястребов Н.В. Происхождение современной Чехии: Курс, читанный на философском факультете Карлова университета в зимнем семестре 1921/22 академического года: Записки студента Сергея Рагозина, продиктованные профессором. Прага, 1922. Ч. I. Имеется примечание: «Настоящий курс перепечатан в количестве трёх экземпляров. На правах рукописи» (Славянская библиотека в Праге. Sig. c5154-a).

⁴⁷ Там же. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 81–82.

⁴⁹ Там же. С. 61–62.

⁵⁰ Там же. С. 65.

⁵¹ Там же. С. 67.

⁵² Там же. С. 68.

⁵³ *Лантева Л.П.* Участие словацкой армии в войне против СССР в период с 1941 по 1944 г. // Россия, славянский мир и их соседи: проблема политических и культурных связей: К 360-летию Переяславской Рады. Краснодар, 2014. С. 19–29.

⁵⁴ *Ястребов Н.В.* Происхождение современной Чехии. С. 79.

⁵⁵ Там же. С. 91.

⁵⁶ *Jastrebov N.V.* K Otázce pomoci ruský učencům // *Narodni Listy*. 1921. № 212–213.

⁵⁷ *Jastrebov N.V.* Prozáchranu starši ruský inteligence // *Ibid.* № 215.

⁵⁸ *Jastrebov N.V.* Akademik a professor A.A. Šachmatov (1864 – 1920): rvl. otisk z časopisů «Narodni Listy» v Praze 1920.

Первый историограф «Академического дела» Сергей Викторович Сигрист

Аннотация: Статья посвящена биографии юриста и публициста-эмигранта С.В. Сигриста (1897 – 1986), первого историографа «Академического дела».

Annotation: The article is dedicated to the biography of jurist and émigré publicist S. V. Sigrist (1897 – 1986), the first historiographer of the «Academic Case».

Ключевые слова: С.В. Сигрист, «профессор Гротов», Алексей Ростов, «Академическое дело», историография.

Key words: S. V. Sigrist, «professor Grotov», Alexey Rostov, «Academic Case», historiography.

С 1990-х гг. в российской историографии получил распространение взгляд на 1930 год как на «год великого перелома» отечественной исторической науки в связи с проводившимся на протяжении года следствием, которое осуществлялось Секретным отделом Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе по делу созданного воображением чекистов «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Данному событию, более известному как «Академическое дело 1929–1931 гг.» (или «Дело историков», или «Дело четырёх академиков»), посвящено значительное количество исследований, большинство которых учтено в предисловиях к издаваемым Библиотекой Российской академии наук материалам следственного дела¹.

Ни предыстория, ни история, ни историография «Академического дела» не являются предметом рассмотрения настоящей статьи; обойдены вниманием и причинно-следственные связи его возникновения и его влияние на судьбы как русской, так и советской исторической науки. Статья посвящена первому историографу «Академического дела» – проходившему по т. н. «дополнительному производству» Сергею Викторовичу Сигристу, родившемуся 7 октября 1897 г. в Санкт-Петербурге и умершему 18 августа 1986 г. в Риме. Ни личность Сигриста, ни весьма своеобразная, даже по меркам XX века, его судьба ранее внимания исследователей не привлекали, а сообщённые в трёх справках о «Ростове Алексее (политико-литературный псевдоним Сергея Викторовича Гротова)»², «профессоре А.В. Гронове»³ и «Сергее Викторовиче Гронове (наст.: Сиверс)»⁴ сведения имеют характер легендарный и недостоверный. (В первом случае они восходят к самому Сигристу; в двух последующих – компилятивное смешение сведений разной степени достоверности). Не ставя своей целью их

детальный разбор или полемику с авторами⁵, сообщая краткую жизненную канву Сигриста, не претендуя на законченность рассмотрения его биографии.

Кем же был «профессор Гротов» в действительности? Историк С.В. Сигрист был сыном известного пульмонолога и видного бальнеолога, приват-доцента имп. Военно-медицинской академии В.Ф. Сигриста (1857 – ?), бывшего достаточно состоятельным дельцом в сфере курортного бизнеса (Пятигорск)⁶. Сергей Сигрист в 1910 г. по результатам экзаменов был принят в имп. Училище правоведения, которое закончил 11 февраля 1917 г. первым в 78-м выпуске, с награждением золотой медалью и занесением на мраморную доску. Во время учёбы его блестящие способности обратили на себя внимание Б.В. Никольского: юный правовед специализировался на изучении международного права. Выпущенный с чином IX класса и причисленный к Министерству иностранных дел, Сигрист был назначен во Второй политический отдел (Ближний Восток, Балканы), однако Октябрьский переворот в одночасье сделал неосуществимой дипломатическую карьеру. Вместе с остальным составом Министерства после 25 октября Сигрист отказался признать законность власти большевиков и был ими незамедлительно уволен.

Большую часть лихолетья 1918–1921 гг. Сигрист провёл в Петрограде, живя в кругу семьи в просторной квартире на Сергиевской улице. Безукоризненно владея немецким и французским языками, Сигрист служил в Историко-экономической секции Петроградского отделения Центрархива, которой руководил Е.В. Тарле. На этой работе Сигрист приобрёл вкус к историко-юридическим исследованиям; предметом его особого интереса стала история дипломатии и международного права. Ближайшим его другом с этого времени стал Б.А. Романов – согласно Сигристу, их вместе вычистили из Архива в марте 1920 г. Данное утверждение не соответствует действительности: Романов «продолжил работу в архиве, которая стала его основной службой вплоть до ноября 1929 г.»⁷.

К весне 1920 г. Петроград уже совершенно обезлюдел: в нём осталось не более 15 % населения двухлетней давности. Ввиду прогрессирующего ухудшения продовольственного снабжения, выезд петроградских жителей в провинцию начался ещё осенью 1916 г., а с весны 1918 г. бегство приобрело массовый характер. Возможно, что так поступил и Сигрист. По его позднейшей версии, согласно представлению двух казанских профессоров, В.Н. Ивановского (государственное право) и Н.Н. Кравченко (международное право), Сигрист учёным советом юридического факультета Казанского университета был избран приват-доцентом, после чего в 1920–1921 гг. преподавал в Саратовском университете. Следует учесть, что все сведения о приват-доцентстве в Казани и Саратове основаны на сообщении самого Сигриста⁸, в высшей степени склонного к мифотворчеству о себе самом: достаточно упомянуть, что в первой половине 1940-х гг. он произвёл себя в профессора астрономии (риск встретить коллегу применительно к данной профессии был минимален). Столь же малую степень вероятности представляла и возможность проверки сведений о приват-доцентстве в Казани и Саратове (необходимая ступень научной карьеры) двадцать лет спустя. По другим сведениям, Сигрист работал в архиве до марта 1921 г. и Петрограда не покидал.

На протяжении 1920-х гг. Сигрист преподавал в петроградских вузах (в том числе в университете и в Политехническом институте), а также занимался

собственными научными исследованиями под руководством Тарле. Основным местом работы Сигриста в 1926–1927 гг. было Ленинградское отделение Института экономических исследований – последний был создан наркомом финансов Г.Я. Сокольниковым по образцу Учёного кабинета Министерства финансов, чью библиотеку Институт унаследовал (в связи с уходом Сокольникова с поста наркома Институт в 1927 г. был упразднён). В конце 1920-х гг. Сигрист был преподавателем Ленинградского промышленно-экономического техникума, состоя в штате. На протяжении десятилетия в ряде вузов Сигрист читал курс международного права и специальные курсы по заключению международных торговых договоров и о торговом мореплавании; сочетание эрудиции и ораторских навыков в дальнейшем помогло в пропагандистской деятельности.

Первое выступление Сигриста в печати – статья «Русская дипломатия и Балканский Союз 1912–1913 гг.», опубликованная в сборнике «Русское прошлое»⁹. В 1924 г. в серии «Россия и Запад в прошлом: Историческая библиотека» увидела свет книга Сигриста «У порога Великой войны: Балканы как очаг европейских столкновений». Основанная на доскональном изучении опубликованных источников, книга отличалась строгим построением, лаконичностью и доступностью изложения; описательный характер повествования исключал категоричность суждений. Анализ причин Великой войны следовал антантофильской концепции Тарле. В целом же Сигрист пришёл к выводу о том, что основной причиной Великой войны стало роковое столкновение австрийских и российских дипломатических интересов, и при этой дуэли великие державы играли роль секундантов. Сигрист сосредоточил внимание на рассмотрении взаимных дипломатических обид и территориальных претензий балканских стран и великих держав после Берлинского конгресса 1878 г. Книга Сигриста носила популярный характер и в последующей историографии вопроса не учитывалась. Несомненными её достоинствами являлись доступность изложения, видимая простота языка и безукоризненность стиля. О том, какой труд стоял за небольшой по объёму книгой, можно судить по помещённой в ней аннотированной библиографии – с замечаниями Сигриста критического характера почти по каждой позиции. Конспирологический элемент и публицистический характер, позднее столь свойственные статьям «профессора Гротова» в «Парижском вестнике», в книге Сигриста отсутствовали полностью.

Как указывалось выше, Сигрист состоял в штате созданного в Наркомфине Института экономических исследований. В 1927 г. Наркомфин опубликовал книгу Сигриста «Внешняя торговая политика СССР в международных договорах», которая открывалась обстоятельным предисловием Тарле «Международные отношения в Европе в 1919–1925 гг.». В жанровом отношении книга Сигриста представляла собой одновременно и исследование роли кодификации в международной торговле, и экскурс в историю советской внешнеторговой политики, и практическое руководство по поиску опубликованных материалов; она не потеряла своего значения и в настоящее время. В 1929 г. Сигрист принял участие в подготовке 4-го издания справочника «Современные государства в фактах и цифрах».

Безукоризненный в общении светский человек, прекрасно владевший иностранными языками, безукоризненный стилист, склонный к анализу и систе-

матизации исследователь, исключительно трудолюбивый работник, Сигрист во второй половине 1920-х гг. был знаком едва ли не со всеми современными ленинградскими историками. Многообразие знакомств, а также близость к Тарле сыграли в судьбе Сигриста роковую роль: он идеально вписывался в сценарий сфабрикованного чекистами т. н. «Академического дела» в качестве одного из руководителей «Кружка молодых историков», чекистской же фантазией превращённого в молодёжное отделение «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Ввиду того, что «Академическому делу» в настоящее время посвящён ряд исследований¹⁰, подробно рассказывать о нём излишне.

«Кружок молодых историков» представлял собой существовавшее с января 1921 по весну 1927 гг. неформальное объединение склонных к научным изысканиям выпускников университета, как правило, оставленных при кафедрах русской истории и истории русского права. Организаторами «Кружка...» являлись С.И. Тхоржевский и Н.С. Штакельберг; первый воспринимался в качестве признанного главы. В «Кружок...» входили либо историки с наклонностями к изучению права, либо юристы, тяготеющие к историческим исследованиям. Постоянно встречаясь в архивах и библиотеках, все участники «Кружка...» знали друг друга не один год; он расширялся по принципу личных знакомств. В постоянный состав кружка входили также А.А. Введенский, А.Н. Шебунин, М.А. Островская, Н.С. Цемш, Б.А. Романов, О.К. Недзведская, В.А. Петров, П.А. Садиков, М.К. Гринвальд, дочери С.Ф. Платонова Нина и Наталья, муж последней Н.В. Измайлов и другие, всего около 35 человек.

Собирался «Кружок...» два раза в месяц в академическом доме на углу Николаевской набережной и 7-й Линии: в 1921–1925 гг. там находилась квартира бывшего управляющего делами Российской Академии наук А.А. Штакельберга, прямо над квартирой И.П. Павлова. В 1926–1927 гг. «Кружок...» заседал не столь регулярно, и «вечеринки стали доминировать над учёными заседаниями»; собирались у кого-либо «по принципу наличия большой комнаты». Все члены «Кружка...» были беспартийными, деятельность его была подчеркнута аполитична. Какая-либо документация в «Кружке...» не велась, и строгой иерархичности среди его членов также не было¹¹.

В ночь на 5 февраля 1930 г. Сигрист был арестован и год провёл под следствием в Доме предварительного заключения. Среди его соседей по 11-й общей камере были учёный хранитель Пушкинского дома М.Д. Беляев и историк М.Д. Приселков, арестованные по тому же делу, а также член Балканского бюро Коминтерна А. Цилига (1898 – 1992). Последний был ровесником Сигриста; сближали их и относительная общность научных интересов – по образованию Цилига был историком и специализировался на изучении Западной Европы новейшего времени; главной же деятельностью учёного-хорвата была подпольная работа на Балканах. Очутившись в СССР, Цилига не смог скрыть своего изумления увиденным, столь резко отличавшимся от его заочного представления о царстве трудящихся, в результате чего в мае 1930 г. был помещён в ДПЗ, что ещё более обогатило впечатлениями. Воспоминания Цилиги о встрече с Сигристом увидели свет семь лет спустя.

«Другой представитель “академиков” был доцент С. – человек советской формации. В его мировоззрении всё было ясно: новый советский тип госу-

дарства в России он принимал как незыблемый факт исторического развития. Он прекрасно был знаком с историей международного рабочего движения. Но при всём том мне пришлось отмечать в его мирозерцании полное отсутствие того, что, мне кажется, составляет душу социализма: чувство своей кровной связи с низшими классами общества. Даже находясь в тюрьме, С. не был враждебно настроен к советскому строю, все его помыслы были сосредоточены на том, как бы снова занять подобающее ему положение в этом новом строе. С. наверно вернулся после пятилетки на своё прежнее место и ходит сейчас в «беспартийных большевиках». Из таких людей рекрутируются самые надёжные кадры советского бонапартизма»¹².

Цилиге повезло несколько больше, чем Сигристу. «Осенью 1935 г. европейскому гостю всё же удалось вырваться от радужных московских хозяев. Перед паспортом фашистской Италии, охранявшим неприкосновенность деятеля Коминтерна, московские власти спасовали и Цилига был выпущен за границу»¹³. Выхав во Францию, Цилига принялся за работу над мемуарами «В стране великой лжи».

Что касается проходившего по «дополнительному производству» «Академического дела» Сигриста, то 10 февраля 1931 г. он был приговорён Тройкой ППОГПУ в ЛВО к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на три года; он был этапирован в Свирьлаг. После скитания по карельским лагерям и пересыльным пунктам, осенью 1931 г. его направили на строительство Беломорканала, и лишь после того, как ВЦИК частично удовлетворил поданное Сигристом прошение о помиловании, по отбытии половины срока заключения оставшийся был заменён ссылкой на строительство Кузнецкстроя. Сигрист пробыл в Кузбассе до своего освобождения в 1936 г. Поражённый в правах, он не имел права жительства в 28 крупных городах. К этому времени семья Сигриста попала в т. н. «Кировский поток» – массовую высылку из Ленинграда в 1935 г. лиц дворянского происхождения после убийства Кирова. По неподтверждённым сведениям, семья Сигриста проживала в Казани: именно там в 1942 г. эвакуированный Тарле вручил его матери свою надписанную Сигристу свежеизданную патристическую брошюру – для отправки последнему на фронт.

До начала войны Сигрист проживал в небольших городах и сёлах Северного Кавказа, постоянно бывая в запрещённом ему Ростове-на-Дону; такую же кочевую жизнь вёл и его младший брат Алексей, наиболее близкий ему человек. В конце 1940 г. в Ростове Сигрист был арестован (вероятнее всего, за нахождение в запрещённом для него городе), а в ноябре 1941 г. прямо из тюрьмы был препровождён в Красную Армию, с которой отступил из Ростова ещё до первого взятия его немцами. Будучи мобилизован столь странным образом, Сигрист, как ранее судимый, служил в нестроевых частях (рабочий батальон), что позволило «профессору Гротову» в воспоминаниях превратить рабочий батальон в штрафной. Летом 1942 г. при первой возможности Сигрист перешёл линию фронта и сдался в плен. Вероятно, это случилось под Керчью – таким образом, обстоятельства его перехода почти полностью повторяют совершённый там же в то же время аналогичный поступок Б.Н. Ширяева, описанный им в автобиографической повести «Ставрополь – Берлин». Позднее сам Сигрист сообщил Чухнову о том, что «летом 1942 г. бежал через фронт и вёл антисо-

ветскую работу журналиста и пропагандиста, сначала в освобождённых от коммунизма областях России, потом в Зап[адной] Европе»¹⁴. В сказанном нет основания сомневаться: борьба Сигриста с советской идеологией достаточно обстоятельно запечатлена на страницах периодики.

Для характеристики общественных взглядов и привычек Сигриста следует указать, что таковые сформировались под сильным влиянием М.М. Спасовского (1890 – 1971), в 1910–1920-е гг. собравшего вокруг себя и своего издательства-библиотеки «Вешние воды» узкий круг национально ориентированной молодежи, преимущественно студентов-академистов. В 1910-е главным объединяющим началом кружка были личность и труды В.В. Розанова; в первой половине 1920-х – интересы, связанные с искусством и коллекционированием; общим сближающим началом стали библиофильство и экслибрисистика. Ввиду удивившего всех отъезда проректора Академии художеств по хозяйственной части Спасовского в Иран, где ученик Л.Н. Бенуа стал придворным архитектором персидского шаха, связь с привычным окружением единомышленников (как Розанова и Спасовского, так и молодых Сигриста, Э.Ф. Голлербаха весьма занимал т. н. «еврейский вопрос») оказалась нарушенной. В «Кружке молодых историков», равно как в Академии наук СССР, обсуждать политические темы было не принято: подобное воспринималось как проявление дурного тона, ибо ставило в неловкое положение собеседника. Пережитое в 1930-е гг. превратило Сигриста в последовательного и убеждённого юдофоба; участие в деятельности сперва отдела пропаганды Вермахта, а затем служба в опекаемом Министерством пропаганды Антикоминтерне позволили в полной мере расцвести антисемитским наклонностям Сигриста, и его постоянные проклятия «преступной банде жидов» более отражают мировоззрение автора, чем свидетельствует о его склонности к идеологической мимикрии.

Издание газет на оккупированной территории осуществлялось службой Вермахт-пропаганда; в её компетенцию входили кадровые вопросы, в т. ч. перемещения и назначения. С июля 1942 г. Сигрист сотрудничал в «Голосе Крыма» и в «Мелитопольском крае»; после получения статуса фольксдойче (ввиду предков германо-датского происхождения) Сигрист был утверждён в должности ответственного редактора газеты «Голос Ростова», и с 23 июля 1942 г. по февраль 1943 г. издавал «орган управления бургомистра города Ростова-на-Дону» под псевдонимом «С. Усов».

Девятого августа 1942 г. «Голос Ростова» опубликовал обращение всеми уважаемого главы юденрата врача Г. Лурье ко всем ростовским евреям с указанием на обязательность общего сбора 11 августа для последующей эвакуации, что и было исполнено. С шести мест сбора ростовские евреи начали путь в Змиёвскую балку, где зондеркомандой 10а было уничтожено 15–18 тысяч евреев (по оценке Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков); местные исследователи указывают цифру в 27 тысяч. В историографии Холокоста в СССР Змиёвская балка занимает второе место после Бабьего Яра и до сих пор является предметом ожесточённой полемики между ростовскими правозащитниками и ревизионистами. В первом номере «Голоса Ростова» (т. е. ещё до акции) «С. Усов» утверждал в передовице, что «воздух в городе стал свежее после освобождения от еврейско-большевистского режима». Следует отметить, что СССР Сигрист

рассматривал как юдократическое государство ещё до вторжения Третьего Рейха, почему говорить о каком-либо его приспособленчестве некорректно: он получил возможность выражать свои взгляды. (Псевдоним же был необходим ввиду того, что на неоккупированной территории оставались его мать и братья, Александр и Алексей). После освобождения Ростова злодеяния нацистов были умело использованы в пропагандистских целях И. Эренбургом, приписавшим редактору «Голоса Ростова» вышеупомянутые слова как напечатанные после уничтожения евреев¹⁵. Что же касается опубликованного в «Голосе Ростова» объявления о предстоящем «распределении имущества и квартир евреев среди нееврейского населения города», то здесь «орган управления бургомистра города Ростова-на-Дону» запоздал: уже к первому занятию Ростова германской армией население постаралось перераспределить имущество и квартиры евреев, а к вторичному вступлению в город немцев населению оставалось лишь завершить этот процесс. (По свидетельству очевидцев, массовый стихийный коллаборационизм носил организованный характер: уже к первому занятию немцами Ростова с 21 по 28 ноября 1941 г. проживавшими в центре города жителями были сформированы органы самоуправления – на уровне старших по подъезду-дому, которые занимались выявлением коммунистов и евреев. Масштаб сотрудничества населения с врагом был таков, что по двукратном освобождении это было оставлено без последствий, судили только полицейав и сотрудников администрации).

Освобождение Ростова в феврале 1943 г. Красной армией прекратило редакторство «С. Усова», к чему, по мнению автора данной статьи, у Сигриста не было ни склонности, ни умения. «Голос Ростова» представлял собой оккупационный официоз, где оригинальные авторские материалы занимали незначительное место в сравнении с массивом перепечаток из других аналогичных изданий, а также официальными пропагандистскими материалами и распоряжениями бургомистра. Собственные тексты Сигриста числом незначительны, однако выделяются на общем фоне. В целом же следует признать, что рутинный редакторский труд не был призванием Сигриста: блестящий оратор и публицист не был склонен к ежедневной черновой литературной и административной работе. Особенно наглядно это было заметно в сравнении с издательской активностью ближайших соседей: в Таганроге благодаря помощи коменданта Альберти с 23 декабря 1941 г. по 12 ноября 1943 г. тираж «Нового слова» возрос с 2 000 до 12 000 экз.; немалую роль сыграл и достаточно высокий профессиональный уровень газеты. Не можем при этом не указать, что в официальных отчётах редакция указывала тираж 60 000 экз., благодаря чему получала щедрое финансирование, что позволяло проживать в весьма комфортных условиях и приглашать квалифицированные кадры¹⁶. Напротив, «Голос Ростова» вследствие неинформативности не пользовался популярностью, в значительной степени распространялся принудительно и почти не оказывал влияния на обывателей: взрыв антисемитизма масс и эпидемия доносов имели место ещё до начала издания газеты.

Стремительное наступление Красной Армии и повторное взятие ею Ростова-на-Дону пошло Сигристу только на пользу: он не стал дожидаться освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, т. к. был заблаговременно эвакуирован ими в Симферополь, откуда 16 июня 1943 г. вылетел в Брюссель.

С этого дня на советскую территорию Сигрист более не возвращался: началась его затяжная пропагандистская поездка по странам Западной Европы, пределов которой он уже не покидал до своей кончины сорок лет спустя.

Следует особо подчеркнуть, что блестящая европейская карьера Сигриста проходила уже по иному ведомству, а именно, в любимом творении Й. Геббельса – в опеканом его Министерством пропаганды Антикоминтерне, где Сигрист сблизился с лицеистом 75 курса выпуска 1917 г., бароном А.В. Меллер-Закомельским (1898 – 1977), к тому времени ставшим одним из ведущих идеологов мирового антисемитизма. (Из трудов наиболее известна книга: А. Мельский, «Евангелист ненависти: Жизнь Карла Маркса», введённая в программу пособий партийной учебы НСДАП).

Два сверстника, лицеист и правовед, преодолев былую корпоративную рознь, нашли друг друга. Пользуясь поддержкой Меллер-Закомельского, «профессор Гротов» быстро освоился в Европе. В 1943–1944 гг. Сигрист стал одним из трёх главных пропагандистов Антикоминтерна – помимо двух вышепоименованных, необычайным успехом пользовались также выступления «профессора П.Г. Шевцова». Сферы их интересов были разграничены достаточно чётко: узкой специализацией «А. Мельского» были «еврейский вопрос» и происки «тёмных сил», «профессор Гротов» повествовал о реалиях советской жизни, а «профессор Шевцов» обличал материализм как в диалектической, так и в исторической его ипостасях. Следует добавить, что спутником Сигриста в лекционных поездках по Бельгии был настоятель Воскресенского храма в Брюсселе протопресвитер о. Александр Шабашев (1881 – 1956) – выдающийся церковный деятель русского зарубежья и один из ближайших друзей И.А. Ильина.

В поездках по Европе Сигриста сопровождал другой петербуржец, ещё летом 1941 г. перешедший на сторону врага, – Н.С. Давиденков (1915 – 1951). К этому времени капитан Давиденков, несмотря на разницу в чинах, успел разойтись во взглядах с генералом А.А. Власовым, а после разрыва в июне 1943 г. был переведён в Париж. Офицер-пропагандист «Информационного листка Добровольческих частей», в качестве военного корреспондента Давиденков пользовался свободой передвижения по оккупированной территории. В поездках по Бельгии и Франции Давиденков выступал после «профессора Гротова», рассказывая о реалиях советской жизни ничего о ней не знавшим послереволюционным эмигрантам. Успех поездок был триумфальным: лекции Сигриста и Давиденкова о том, что происходило на протяжении двух десятилетий в Санкт-Петербурге, превратившемся в Ленинград, всегда производили шокирующее впечатление... Необычайно располагавший к себе Давиденков за короткое время сблизился с большим кругом лиц, в т. ч. с великим князем Владимиром Кирилловичем, А.И. Спиридовичем, З.Н. Гиппиус, Н.А. Бердяевым, С.М. Лифарем и многими другими, менее известными, личностями, сыгравшими свою роль в драме русской истории. Вероятно, благодаря Давиденкову Сигрист вошёл в личное общение с прошлыми и будущими авторами «Возрождения», собиравшимися в одноимённой библиотеке вокруг Г.А. Джуджиева (1886 – 1971). Одновременно с «профессором Гротовым» Давиденков под именем «Н. Анина» активно сотрудничал в «Парижском вестнике». Сигрист также публиковался и в «Новом слове» (берлинском, а не

таганрогском: азовские забавники, в значительной степени в целях улучшения самоснабжения, использовали название завоевавшей известность газеты).

Так, воспоминания И.М. Андреевского о якобы присутствии его за дверью во время допроса С.Ф. Платонова, опубликованные за подписью «Проф. И. Соловецкий» в «Новом слове»¹⁷, ввиду явной неправдоподобности ряда деталей вызвали отповедь Сигриста. За подписью «Историк» спустя полтора месяца он поместил там же обстоятельный рассказ об «Академическом деле» и в корректной форме указал ошибки Андреевского как мемуариста. Статью Сигриста 1944 г. следует воспринимать как первый печатный опыт историографии «Академического дела», созданный одним из привлечённых по нему лиц. Окончание статьи было следующим:

«Из участников этого дела большинство до сих пор томится в ссылках, лишено, как и я, до моего перехода через фронт, возможности проживать в крупных городах, где имеются научные библиотеки, а потому не смогло вернуться к научной работе. Другие же “перековались” в лагерях и ссылках и теперь являются глашатаями сталинского большевизма, как Тарле, С.В. Бахрушин, М.Д. Греков, И.И. Пичета и другие подголоски, вопящие сейчас о сталинском “патриотизме”. Но те из нас, которые сохранили свою совесть, терпеливо ждут победы, которая даст возможность до сих пор томящимся по лагерям и ссылкам настоящим честным русским учёным вернуться к научной работе на благо своей Родины»¹⁸.

Ограниченный размер данной статьи не дает возможности обстоятельно рассмотреть все тексты Сигриста, напечатанные на страницах «Парижского вестника» и «Нового слова» в 1943–1944 г., – упомяну лишь, что в совокупности своей они производят достаточно тяжкое впечатление прежде всего своей ярко выраженной антисемитской направленностью. Тем не менее, статьям «профессора Гротова» нельзя отказать ни в художественных достоинствах, ни в информативности: свидетельства очевидца самых неприглядных сторон советской жизни открывали благополучным жителям Русского Зарубежья правду о жизни «за чертополохом» не только на многотысячных эмигрантских митингах, но и через печатное слово.

С т. н. «власовским движением» (при всей условности данного термина) Сигриста не связывало ничего. В административном отношении он входил сперва в Вермахт-пропаганду, а затем в Антикоминтерн, в сравнении с которыми иерархический статус РОД был заведомо ниже. Интеллектуальный уровень и рынее юдофобство Сигриста едва ли соответствовали в достаточной степени примитивной идеологической составляющей РОД, в частности, курсам пропагандистов в Дабендорфе. Несмотря на их эффективность, безусловно оксюморонный характер имела сама сущность курсов, где руководимые евреем-политруком, известным под псевдонимом «Мелетий Зыков», добровольцы постигали азы антисоветской политграмоты. В настоящее время источником Игорем Петровым поставлена точка в длившемся полвека споре о том, кто скрывался за этим псевдонимом¹⁹. Выяснилось, что родившийся в 1901 г. в Екатеринославе Н.М. Аптекман, профессиональный журналист с 1918 г. (под псевдонимом Николай Михайлович Ярко), сотрудничал с 1925 г. в ряде изданий уже под именем Мелетия Александровича Зыкова, которое при паспортизации 1933–1934 гг. стало официальным именем.

Сам факт добровольного перехода на сторону врага комиссара ярко выраженной семитской внешности настолько поразило воображение агрессоров, что Зыкова немедленно, по приказу Геббельса, доставили самолётом с Северного Кавказа в Берлин. Позднее выяснилось, что: а) Зыков не знал об отношении нацистов к евреям и политработникам; б) ненависть Зыкова к Сталину имела личный характер: будучи матёрым коммунистом бухаринского толка, первый видел во втором злодея, отступившего от ленинских идеалов. «Зыков заявил о том, что является страстным врагом Сталина, а потому и стал перебежчиком, чтобы представить немецкому руководству радикальную программу по искоренению советского режима. В дальнейшем он, правда, не преминул заметить, что является русским и станет сотрудничать с немцами только в том случае, если они намерены освободить Россию, а не поработить её»²⁰. Именно Зыков в августе 1942 г. в Берлине подал руководству Вермахт-пропаганды «Организационный план практического использования русского народа против сталинской системы»²¹, где предложил «поручить руководство этим антисоветским движением какому-нибудь популярному генералу Красной Армии»²². Из возможных кандидатур был выбран А.А. Власов, предложивший свои услуги в этом качестве между 3 и 8 августа²³. Ещё во время пребывания в Китае Власов был привлечён к сотрудничеству офицером Абвера²⁴. Закономерно, что эта немаловажная подробность игнорируется апологетами Власова, но весьма странно, что она прошла мимо просвещённых взоров профессиональных РОАборцев, имеющих обыкновение использовать в своей публицистике либо беллетристические образы, либо тексты коллег²⁵. Без сомнения, Зыков являлся не только главным идеологом «Русского Освободительного Движения», но фактически сам его придумал, убедив в своей правоте немецкое военное руководство. (Нельзя не вспомнить, что инициатором почитания в Красной армии героических теней наших предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова – был Л.З. Мехлис. Вот уж, поистине, спор славян между собой!) При всей очевидной эклектичности, мировоззренческая составляющая т. н. «власовского движения» представляла собой трагистический вариант советской идеологии, никак не более того. Плод советского ума, предназначенный советским людям (бывшим или настоящим – где разница?), изложенный в рассчитанной на незрелый ум доступной форме, для «профессора Гротова» заведомо не мог быть приемлем как вследствие примитивного следования скрытому большевистскому канону, так и ввиду отбитаемости и уклончивости ряда формулировок.

Неподвластный ни тевтонскому, ни славянскому уму, иррационализм самой сущности «Русского Освободительного Движения», созданного сумрачным германским гением Зыковым, не мог не отвратить Сигристу от сотрудничества с ним. Тем не менее, «профессор Гротов» не мог остаться в стороне от борьбы с общим врагом – большевизмом. Правовед последнего выпуска оказал посильную помощь лицеисту 73 курса выпуска 1917 года М.А. Семёнову (1894 – 1965), воевавшему в Великую и Гражданскую войны. Осенью 1943 г. Семёнов создал из русских эмигрантов, советских военнопленных и сербских националистов добровольческий полк СС «Варяг», дислоцированный в Словении. Значительное внимание монархист Семёнов уделял воспитанию личного состава в духе русских национально-монархических традиций; не-

смотря на германское гражданство и чин полковника Вермахта, нацистскую идеологию отвергал, позволяя себе публично её высмеивать. По предложению Семёнова «профессор Гротов» не один раз был в «Варяге», выступая перед добровольцами. Несмотря на то, что в апреле 1945 г. «Варяг» был введён в состав РОА, его бойцам повезло больше, чем казакам и власовцам. С боями прорвавшийся через итальянскую границу, полк сдался британскому командованию, был интернирован, но не выдан. Освобождённый из плена в 1947 г., Семёнов деятельно включился в антикоммунистическую борьбу на крайне правом монархическом фланге; с 1950 г. проживал в Бразилии. Деятельным его соратником в этой борьбе послевоенного времени, помимо Сигриста, был другой лицеист выпуска 1917 г., Ю.К. фон Мейер (1896 – 1993), проживавший с 1953 г. в США член Высшего Монархического Совета, известный борец с русофобией и ревнитель исторических знаний.

Следует заметить, что в публичных выступлениях (пресса, речи) Сигриста с середины 1944 г. система приоритетов постепенно эволюционировала от обличения зверств советского юдократического строя до прославления загадочной «Новой Европы». (Вероятно, «Гротову» не терпелось высказаться о наболевшем). Необходимо отметить и то, что «Новую Европу» Сигрист для себя открыл с опозданием почти на год: так, согласно указанию Министерства пропаганды, «борьба с иудеобольшевизмом» как главная идеологема Антикоминтерна была заменена на «создание Новой Европы» ещё летом 1943 г., и ориентирована она была не на внутреннее потребление, а на распространение за пределами Третьего Рейха, прежде всего в Бельгии, в Нидерландах и во Франции. Пропагандистская поездка «профессора Гротова» со спутниками по Европе была организована по инициативе покровителя всех подобного рода затей русских коллаборационистов, штандартенфюрера СС Гюнтера д'Аллена (1910 – 1998) – члена Имперского сената культуры, издателя газеты «Чёрный корпус», с середины 1930-х гг. – одного из ближайших сотрудников Г. Гимmlера, пользовавшегося его полным доверием; 15 апреля 1943 г. он был введён в личный штаб рейхсфюрера СС. В Третьем Рейхе д'Алкен был главой службы военных корреспондентов (независимо от ведомственной принадлежности), и в этой своей ипостаси он откомандировал Давиденкова в Париж, а Сигриста направлял с лекциями по всей Франции. Должность эту д'Алкен занимал до 1 ноября 1944 г., после чего требовавшие значительных затрат (прежде всего на аренду больших помещений: в Париже в «Haumont-Palace», в переполненном зале, гостям внимали свыше 4000 слушателей) поездки русских пропагандистов были прекращены. Будучи вдохновенным трубадуром идеи «Новой Европы», д'Алкен искренне верил в неё едва ли не до весны 1945 г. От своих идеалов он не отрёкся и в преклонные годы, успев увидеть и саму «Новую Европу», построенную в 1970-е гг. по плану воскресившего данный термин Г. Кожева, и крах сего величественного замысла в 1990-е гг. из-за насаждения социалистами толерантности и мультикультурности.

К началу 1945 г. исход войны стал уже очевиден, отчего пропагандистская активность Сигриста значительно снизилась. Вполне возможно, именно поэтому «профессора Гротова» по заблаговременно составленным розыскным спискам советская контрразведка искала менее тщательно, чем остальных видных коллаборационистов. Как бы то ни было, несмотря на чрезмерное

количество чекистов в Европе, Сигрист выжил. Подробности его спасения (две возможных версии), а также послевоенных восьми лет его жизни автору данной статьи неизвестны.

Большая часть послевоенной жизни Сигриста прошла в Италии: «профессор астрономии Ростовского университета А.В. Гротов» перевоплотился в Сергея Викторовича Сиверса, бывшего приват-доцента Казанского и Саратовского университетов, профессора международного права Ленинградского университета, репрессированного, а с началом войны мобилизованного и направленного в штрафные части. По непроверенным сведениям, «профессор Сиверс» после войны служил уборщиком в американских казармах, где едва ли кто смог бы распознать в нём видного коллаборациониста. Сообщённые о себе Сигристом сведения казались настолько убедительными, что они до сих пор принимаются на веру современными исследователями, о чём свидетельствует вышеуказанная статья «Профессор Гротов» в словаре «Российское зарубежье во Франции, 1919–2000». Анонимный автор статьи пересказал созданную некогда заинтересованным лицом легенду – в статье в качестве подлинной фамилии «профессора Гротова» указана «Сиверс», а «Сигриста» (так! – *М. Л.*) приведена в качестве одного из псевдонимов. Излишне говорить, что все сведения о приват-доцентстве в Казани и Саратове, как и о доцентстве и профессорстве в Ленинграде, сообщены без каких-либо сомнений в их достоверности²⁶.

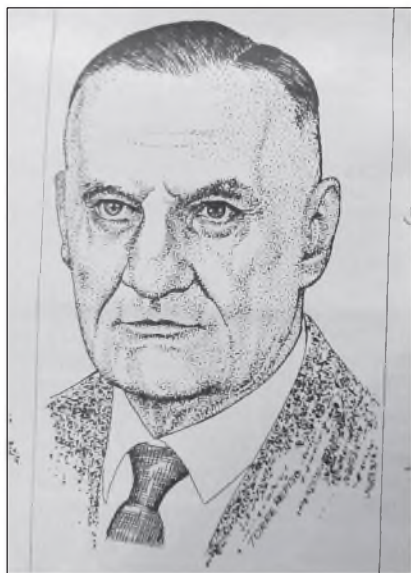
В Италии Сигрист обосновался не позднее 1953 г., но вполне мог там появиться и в 1945 г. По свидетельству Н.Н. Чухнова, Сигрист после войны проживал в западной зоне оккупации Германии и активно сотрудничал в эмигрантской печати под псевдонимом «Сергей Нестеров»; под этим же псевдонимом он сотрудничал с известным составителем мартиролога духовенства в Советской России, протоиереем о. Михаилом Польским. Также не исключена версия автора данной статьи о временном пребывании Сигриста в Соединённом Королевстве – в условиях начавшейся холодной войны на владеющих языками и компетентных в реалиях советской жизни перебежчиков-антикоммунистов был устойчивый спрос именно со стороны британских спецслужб.

В Италии Сигрист вёл достаточно размеренную и уединённую жизнь; он женился на сестре своего сокамерника Цилиги. (Почётный член Русского собрания в Риме, Лидия Евгеньевна Сигрист-Цилига (в первом браке – Ангельсон) скончалась 20 декабря 1967 г. на 69-м году²⁷). Проживая в Риме, Сигрист зарабатывал на жизнь переводами и преподаванием, в частности, русского языка в Министерстве иностранных дел. Сигрист занимал должность профессора русского языка, истории, литературы и синхронного перевода Международного университета общественных наук, т. е. на склоне лет профессором он всё же стал.

С конца 1940-х гг. Сигрист (под псевдонимом «Алексей Ростов») являлся генеральным секретарём Народно-монархического движения, созданного И.Л. Солоневичем в порядке преемства по отношению к созданному им же в конце 1930-х Российскому народно-имперскому движению, вошедшему в историю русской общественной мысли под названием «штабс-капитанского». Учитывая неформальный характер движения, следует предположить, что Сигрист хоть и именовался «генеральным секретарём», но не возглавлял движение с центром

в Южной Америке, а координировал его деятельность в Европе, в период высшего расцвета движения. Сигрист эпизодически публиковался в его главном органе – газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес). В иной русскоязычной прессе Сигрист почти не сотрудничал – в 1948 г. под псевдонимами он опубликовал в лондонских эфемеридах две заметки об «Академическом деле»²⁸, а в 1951–1952 гг. – ещё две статьи на ту же тему²⁹; в 1950-е гг. он публиковался также в «Церковной жизни» (Белград). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Сигрист поместил четыре статьи в парижском «Возрождении» под псевдонимом «Алексей Ростов». Литературные труды Сигриста были немногочисленны и носили по преимуществу мемуарный характер. Несомненные литературные достоинства сочинений стали очевидными гораздо раньше: ещё в стенах Училища правоведения на юного Сигриста обратил внимание столь безукоризненный стилист, как Б.В. Никольский.

Темой первой статьи Сигриста вновь явилось т. н. «Академическое дело» 1929–1931 гг.³⁰ Следует отметить, что в данной статье Сигрист именуется «профессором международного права». Сигрист был первым исследователем данной темы: во время своих скитаний по ГУЛАГу он неоднократно встречался с однодельцами, обстоятельно их выпрашивая о подробностях следствия, – это позволило ему в целом объективно воссоздать его картину, а также дать характеристику поведения отдельных подсудимых. Большинство сообщённых Сигристом сведений в настоящее время имеют значение первоисточника. Не меньшее внимание Сигриста привлекала и последующая судьба арестованных по «Академическому делу» учёных – по мере возможности, он пристально следил за выходившей советской научной литературой и имел в СССР личные контакты, позволявшие получать сведения о тех или иных интересовавших его персонах. Приведём второй вариант его заключения статьи 1958 г. об «Академическом деле»: «Особенно тяжела участь историков, философов, юристов. Медику или астроному можно простить любое пресмыкательство перед каким-нибудь Берией или Кагановичем, Булганиным или Хрущёвым, если это позволит расширить его научный институт или обсерваторию, которые облагодетельствуют человечество и прославят русскую науку своими открытиями. Но чего достигли историки, которых “перековал на все четыре ноги”, выражаясь чекистским языком, концлагерь <...> Ради сытого куска и жизни в Ленинграде, ради даже любимой науки, которую совестно проституировать, не всякий, далеко не всякий из нас вступал на путь Романова, Садикова, Бахрушина и акад. Тарле. Большинство поставили

С.В. Сигрист. 1970-е гг.
«Наша страна» (Буэнос-Айрес).

крест над наукой, не писали бесстыдных работ и скромно жили по ссылкам и провинциальным городам, перебиваясь случайным заработком и радуясь, если в библиотеке могли читать книги по своей специальности, по которой им самим не суждено было писать. В этом отречении от научной работы, о которой мечтали с детства, к которой готовились в нелёгкие полуголодные дни советской юности, и состоял христианский подвиг тех моих друзей молодости, которые прошли перед читателем в этих кратких воспоминаниях и которые теперь не перековались на роль советских рысаков на академической конюшне коммунистической партии. Но хочется верить, что они ещё живы, как были живы до последней войны и поработают на старости лет для русской родной науки, когда «Над отечеством свободы просвещённой взойдет долгожданная, и ... на родине и в эмиграции, – заря!»³¹.

Следующая статья Сигриста в «Возрождении» была посвящена эволюции творцов советской внешней политики как определённого психологического типа – шла ли речь об явной деградации интеллектуального уровня или же нравственных качеств³². Написанная с большим знанием предмета (Сигрист консультировал итальянское внешнеполитическое ведомство по вопросам, имевшим отношение к СССР), статья изобиловала подробностями, которые в настоящее время приобрели значение первоисточника. Таковы, в частности, изгнание Г.В. Чичерина из Министерства иностранных дел Российской империи с поста секретаря посольства в Берлине за скандал гомосексуального характера или же заточение его в 1930 г. на шесть лет под строжайший надзор в отдельную палату Кремлёвской больницы под предлогом душевной болезни. Не менее колоритны и рассыпанные на протяжении статьи мелкие подробности, как-то этническое происхождение И.М. Майского – «сын сосланного молодого врача-еврея и тунгуски» или же начало карьеры А.Я. Аросева в качестве коменданта (т. е. палача) Казанской ЧК. (В биографиях Аросева данный значимый эпизод отсутствует; это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что образ чекиста-маньяка в запрещённых «Записках Терентия Забытого» (1923) носит автобиографический характер).

Последующие статьи Сигриста представляют собой его журналистские наблюдения. Размышляя о том, какое впечатление произвела на членов советской делегации на Олимпийских играх в Риме 1960 г. изданная в Буэнос-Айресе брошюра «Правда о русской монархии», Сигрист пришёл к выводу о том, что современная молодёжь в СССР не доверяет оболванивающей официальной пропаганде и хочет знать правду о прошлом своей страны³³. В статье, посвящённой участию Московской Патриархии в первом Всеправославном совещании, Сигрист дал волю своему сарказму, описывая увёртки советской делегации, во время хрущёвских гонений на церковь уверявшей своих единоверцев в полной «свободе совести в СССР»; мастерски выписаны автором психологические портреты московских гостей, в том числе будущего патриарха Алексия II³⁴.

Заключительная из опубликованных в «Возрождении» статей Сигриста посвящена проблеме межнациональных отношений в СССР³⁵. Под итоговым выводом статьи мог бы подписаться любой советский пропагандист: «Совершенно иллюзорными окажутся расчёты тех эмигрантских и иностранных политиков, которые воображают, что Эстония или Таджикистан стремятся

отделить свою судьбу от России. Все эти народы спаяны общими культурными и хозяйственными интересами, общими страданиями в прошлом и общими надеждами на ещё неясное, но несомненно более светлое будущее общей для всех них необъятной и прекрасной родины»³⁶. После этого советизированного варианта «единой и неделимой» каких-либо свидетельств последующего участия Сигриста в периодике русского зарубежья не выявлено.

В 1961 г. под псевдонимом «Алексей Ростов» в Буэнос-Айресе «Наша страна» издала книгу Сигриста «История КПСС»³⁷. Данная книга входила в своеобразную серию предназначенных для раздачи агитационных брошюр, опубликованных на средства председателя Литературного Фонда Народной Монархии Н. Потоцкого, и сопровождалась его предисловием. (В серию также входили сочинения последнего: «Народная Монархия», «Правда о Царской России» и «Земля – народу»). Причина избрания псевдонима «Алексей Ростов» очевидна: как нежелание отождествлять себя с «профессором Гротовым», так и боязнь повредить оставшемуся в СССР брату Алексею – человеку не менее сложной судьбы, скончавшемуся в 1980-е гг. в должности хранителя отдела графики Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

Очевиден и повод к созданию книги: желание предоставить эмигрантам «второй волны» (основным потребителям продукции издательства «Наша Страна») сведения об истории КПСС, весьма отличные как от сталинской «Истории ВКП(б): Краткий курс» (1938), так и от хрущёвской «Истории Коммунистической партии СССР» (1960), т. е. сообщить ему прежде всего достоверные факты, «что нельзя сделать по советским учебникам, из которых каждый последующий опровергает предыдущий» (с. 5). Формат книги Сигриста был удобен для нелегального ввоза её в СССР, однако распространения (в отличие от тамиздата 1970-х гг.) она не получила, оставшись экзотическим маргинальным латиноамериканским изданием, несмотря на несомненные публицистические достоинства. Причина отсутствия спроса очевидна: народные монархисты не имели таких возможностей для сбыта своей продукции, как солидаристы, отчего изданное незадолго до того исследование Н.Н. Рутченко (1916 – 2013) на данную тему³⁸ пользовалось несравнимо большим успехом.

Согласно Сигристу, только его книга содержит «правду о компартии и её вождах, правду о том, что все эти люди – либо полусумасшедшие фанатики, либо преступники и авантюристы, безбожные, бессовестные и беспринципные отбросы человечества» (с. 3). По прочтении книги у читателя не может не сложиться мнения о том, что «компартия и её вожди – убийцы русского духа и тела <...> настоящие враги народа» (с. 4).

Большинство сообщённых Сигристом сведений о тех или иных большевиках основаны либо на беседах его в 1920-е гг. с отдельными ветеранами «освободительного» движения (А.М. Калмыкова, Ф.В. Вигдорчик), или на изучении им большого массива опубликованных документальных материалов; в значительной степени использовались и циркулировавшие в партийной среде слухи, а также свидетельства коминтерновца Цилиги, не названного по имени (с. 27). Некоторые сообщённые Сигристом факты претендуют на уникальность, например о том, что свойства натуры В.И. Ленина проявились ещё в детском возрасте: «Жестокость проявлялась в охоте за кошками, которых он любил бивать» (с. 8). Согласно Сигристу, сифилисом В. Ульянов заболел ещё в юно-

сти, во время кратковременного пребывания в имп. Казанском университете. По мнению Сигриста, в 1924 г. записавшего рассказы проживавшей на покое в санатории Дома учёных в Детском Селе Калмыковой, в 1900 г. успешным стартом своей партийной карьеры Ленин был всецело обязан исключительно ей. (Имена П.Б. Струве и В.Д. Бонч-Бруевича в книге Сигриста упомянуты не были; равным образом при рассмотрении сюжета о партийных средствах не был упомянут Н.А. Семашко). Автор особо подчеркнул «исключительную личную трусость» Ленина (с. 15). Рассматривая вопрос о т. н. «германских деньгах», Сигрист указал, что сообщает эти факты на основании документов МИД Германии, захваченных британскими войсками в 1945 г.

Причиной победы коммунистов в России Сигрист считает их полную свободу от любых ограничений нравственного порядка. «Как и Ленин, Троцкий обладал выдающимися способностями, бешеным честолюбием, огромной работоспособностью и полной аморальностью. Если способностями отличались между собою будущие вожди революции, то характерными чертами всех являлся карьеризм и полное отсутствие самых элементарных человеческих чувств: гуманности, жалости, благодарности и правдивости, любви даже к своим друзьям и членам семьи; эти чувства давали им возможность побеждать всех противников, которые брезговали методами клеветы, вероломства и подлости» (с. 13). Аморализм И.В. Сталина, которого с детства «пьяный отец бил по голове сапожной колодкой», не подлежит сомнению, однако нравственный уровень Н.С. Хрущёва, одного из самых кровавых сталинских палачей, ещё ниже. Разоблачение т. н. «культы личности» на закрытом заседании XX съезда КПСС трактуется Сигристом как акт лицемерия, а внеочередной XXI съезд КПСС, по его мнению, был создан лишь для упрочения единоличной диктатуры Хрущёва. (Следует учесть, что сенсационная программа построения коммунизма, принятая на XXII съезде, Сигристом не упоминалась, равно как и сам съезд и полёт Ю.А. Гагарина; последнее по хронологии событие – это сбитие Ф.Г. Пауэрса и отмена Парижского совещания (май 1960 г.)).

Ряд сведений всецело остаётся на добросовестности автора, например, об отравлении Ленина Сталиным, а самого Сталина – коллективным руководством в лице Г.М. Маленкова, Л.П. Берии и В.М. Молотова, в свою очередь ввергнутых в политическое небытие Хрущёвым. Тем не менее, заслуживает внимание сообщение Сигриста о том, что ввиду проваленного Н.И. Ежовым процесса правотроцкистского блока (февраль 1938 г.) Сталин был вынужден отказаться от последующих открытых процессов, как-то Ленинградского, Запасного центра и Второго процесса военных. Не меньший интерес представляет рассказ Сигриста о визите Молотова в Германию в октябре 1940 г. с планом второго раздела Европы, согласно которому при одновременном движении на юг СССР оккупировал Румынию и Болгарию, а также получал Константинополь, Третий Рейх одновременно занимал Югославию, Албанию и Грецию. Столь заманчивое предложение было отвергнуто германской стороной из опасения советского удара в спину во время схватки Третьего Рейха с Соединённым Королевством.

Говоря о ходе Второй Мировой войны, Сигрист посвятил абзац Русской Освободительной Армии, весьма высоко оценив её роль в борьбе против мирового коммунизма и поимённо перечислив ряд видных её деятелей, – порицания удостоился лишь «впоследствии игравший нечистую двойную игру Зыков» (с. 45).

По мнению автора, главной причиной поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне явилось то, что «тогда ещё не созрела идея народной монархии» (с. 26). Закончилась весьма здраво написанная брошюра в совершенно иной тональности – славословием в честь великого князя Владимира Кирилловича, что заведомо снижало пропагандистский эффект. Вероятно, подобное в «Нашей Стране» стало возможным после кончины И.Л. Солоневича и было связано с какими-либо обстоятельствами внешнего характера (субсидиями от российских монархистов, симпатиями Русского собрания в Риме, членом которого состоял «профессор С.В. Гротов», и т. п.). Ещё более странное впечатление производит последняя статья Сигриста в «Возрождении» (1961, № 110) – «Монархические настроения в современной России», где говорится о симпатиях к монархизму советской молодёжи образца 1960–1961 гг. (!), о чём автору стало известно от членов советской олимпийской команды, с которыми Сигрист якобы беседовал в Риме 1961 г. (Подобный тезис ни тогда, ни сейчас не мог бы вызвать ничего, кроме недоумения и сомнения в объективности автора).

Об искусстве Сигриста-пропагандиста свидетельствует следующий пример. Основной текст брошюры (до славословия Владимиру Кирилловичу) заканчивается следующим фрагментом: «Но над страной веет новый ветер, о котором писал затравленный поэт Борис Пастернак. Народ не допустит авантюристов из Кремля ввергнуть его в ненужную опустошительную войну, не будет сносить дальше тяжкий гнёт коммунизма, а “Разогнёт он могучую спину / И, с плеч сбросив долой / Коммунизм роковой, / На Хрущёва поднимет дубину!”» (с. 63). У неискущённого читателя, да ещё и вынужденного читать в СССР сию брошюру в условиях конспиративных, из последовательности вышеприведенного поневоле сложится впечатление о принадлежности данных виршей Б.Л. Пастернаку ...

Не было обойдено вниманием в брошюре Сигриста и переломное событие в его жизни – т. н. «Академическое дело». Согласно мнению автора, именно 1930 год явился решающим в борьбе большевиков за полноту власти – именно тогда они покончили со всеми внешними признаками свободы насильственной коллективизацией, принудительной индустриализацией и гонениями на религию, что не только привело к гибели миллионов людей, лишённых плодов многолетнего труда, но и лишило воли к сопротивлению оставшихся, превращённых в бесплатную бессловесную рабочую силу для обслуживания большевиков; подпольные же организации оппозиции обречены на догматическое следование марксизму.

«Одновременно идёт разгром науки и интеллигенции, в первую очередь честной учащейся и начавшей научную карьеру молодёжи, не признающей монополю толкуемого по директивам ЦК марксизма. В Ленинграде – “Дело Академии Наук”, в Москве – процесс “Промпартии”, меньшевистского Центра, “Трудовой Крестьянской Партии”, в Киеве – “Спилки Визволения Украины”. Арест лучших специалистов всех областей науки превратил всех уцелевших в запуганных рабов диктатуры, прикидывающихся марксистами, дабы сохранить возможность продолжать научную работу и жить с семьёй, под вечным страхом ареста, но не в концлагере или в ссылке вдали от научных центров» (с. 34). «Академическое дело» продолжало занимать «Алексея Ростова» до скончания дней.

На всём протяжении своего римского жития Сигрист был неизменным посетителем Русской библиотеки имени Н.В. Гоголя³⁹; в июне 1972 г. им была закончена работа по составлению её каталога на русском языке⁴⁰; также им был подготовлен буклет о Библиотеке⁴¹. Изданный «гектографическим»(?)⁴² способом каталог не является ни библиографическим описанием фондов Библиотеки, ни охранной описью – скорее всего, его следует рассматривать как пособие квалифицированному читателю, пожелавшему составить самостоятельное представление о том, что имеется в Библиотеке по тому или иному из 14 тематических разделов, внутри каждого из которых издания расположены по алфавиту.

Во второй половине 1970-х гг. в стенах Русской библиотеки состоялось знакомство Сигриста с эмигрировавшим из СССР издателем альманаха «Память» В.Е. Аллоем (1945 – 2001)⁴³. После публикации в первом номере альманаха статьи Ф.Ф. Перченка (1938 – 1993)⁴⁴, посвящённой судьбам репрессированных действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР⁴⁵, Сигрист сообщил Аллою напечатанную в 1958 г. в «Возрождении» статью «Дело Академии наук»⁴⁶. Для републикации в «Памяти» текст статьи был заново тщательно просмотрен автором – были добавлены сведения о тех лицах, которым это уже не могло повредить, как-то «мой друг монархист покойный историк Серафим Владимирович Юшков»⁴⁷, а также удалены излишне резкие высказывания – в частности, о Б.А. Романове, которого ранее Сигрист именовал «другом моей юности и товарищем по камере, этапам и концлагерным командировкам»⁴⁸. Себя самого Сигрист также поименовал «убеждённым и образованным монархистом»⁴⁹. Заключительный абзац в последней, третьей, редакции 1970-х гг. был максимально сглажен и сокращён: «По тюрьмам и лагерям “перековались” и стали законопослушными учёными... – не будем их ещё раз перечислять. Но ради сытого куса и жизни в Ленинграде далеко не каждый из нас шёл на протитуирование любимой науки. Большинство поставило крест над научной работой, не писало бесстыдных статей, жило скромно по ссылкам. Мы добывали хлеб уроками языков и случайными заработками. В этом заключался наш подвиг. Так текла жизнь большинства моих однодельцев, судьбу которых в этой статье я изложил. Мирно и скромно закончили они своё печальное житие»⁵⁰.

Переиздание статьи Сигриста в сборнике «Память» сопровождалось комментариями Перченка и предварялось его вступлением⁵¹; в дальнейшем последний неоднократно возвращался к данной теме⁵². В настоящее время предложенная Сигристом и развитая Перченком трактовка «Академического дела» как *противостояния науки и власти* является общепринятой. Что же касается наблюдений Сигриста за различием поведения на следствии ряда лиц и сделанных им выводов, то, за единичным исключением (В.С. Брачев), подобное противопоставление одних подследственных другим среди современных профессиональных историков отклика не нашло. (Дело историка – сообщать факты, а выносить суждения – ремесло публициста).

Следует заметить, что личность Сигриста неизменно вызывала интерес ленинградских историков старшего поколения – как правило, учеников или друзей учеников Б.А. Романова. Так, Р.Ш. Ганелин, посвятивший Сигристу две страницы своих разысканий о подробностях предвоенной политической

жизни⁵³, в 2011 г. сообщил автору данной статьи, что, по его сведениям, Сигрист: а) не только активно собирал сведения об исторической науке в СССР, но и состоял в переписке с М.К. Гринвальд; б) для каких-то своих надобностей Сигрист под чужим именем приезжал в Ленинград как турист: в 1960–1970-е гг. западные туристы могли приезжать в Ленинград на трое суток без виз, при условии внесения в утверждённые списки и ночлега на корабле; позднее это правило было сохранено лишь для граждан Финляндии, которым разрешалось ночевать в гостиницах. Ни времени приезда Сигриста, ни цели его Р. Ш. Ганелин не знал, равно как и не мог вспомнить, кто ему сообщил о визите Сигриста и его переписке с Гринвальд, не ставя तो под сомнение.

Из лиц, привлечённых по «Академическому делу», Сигрист пережил всех однодельцев (Н.В. Измайлов, 1893 г. р., скончался в 1981 г.), а также следователей (в 1966 г. в живых оставался лишь Ю.В. Садовской, 1900 г.р.). Пережил Сигрист и Библиотеку имени Н.В. Гоголя – в том состоянии, в котором он её некогда застал, к середине 1980-х перестала существовать; конец её описан в «Записках аутсайдера» В.Е. Аллоя. Поистине, «перестройка» происходила не только в СССР, а насколько соответствует современная «Новая Европа» предложенному в начале 1920-х гг. Г. фон Кайзерлингу идеальному образу, читатель вправе иметь собственное мнение. Суждения же и прогнозы «профессора Гротова» отличались крайним пессимизмом. Тем не менее, идеальную «Новую Европу» в её высшем расцвете 1970–1980-х гг. он застал, и преклонные годы его ничем не были омрачены.

Скончался С.В. Сигрист 18 августа 1986 г. и похоронен на кладбище Тестаччо как «Гротов Сергей Викторович»⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / подгот. М.П. Лепёхин и др. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. V–LXII; *Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н.* Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / подгот. М.П. Лепёхин и др. СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. С. XVII–LXIV; *Цамутали А.Н., Лепехин М.П.* Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / подгот. М.П. Лепёхин. СПб., 2015. Вып. 9: Обвинение; Приговор; Реабилитация. С. V–XXII.

² См.: *Чухнов Н.Н.* В смятенные годы: I. Под знаком «Hakenkreuz'a»; II. Близ «Серпа и Молота»; III. Под «Полосато-звёздным флагом». Нью-Йорк, 1967. С. 291–292.

³ См.: Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Ч. I: Полицийский отчёт 1948 года «La colonie russe de Paris» (Русская колония в Париже) / публ. Д. Гузевича и Е. Макаренко; предисл. и примеч. Д. Гузевича и И. Гузевич // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; СПб., 2007. Т. VIII. С. 594–595. Прим. 347.

⁴ См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь / под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1. С. 435.

⁵ Частично это уже осуществлено – см.: *Лепёхин М.П.* О первом эмигранте «второй волны» и о последнем эмигранте «первой волны». (Необходимые уточнения) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2011. Vol. 4, № 1. P. 31–129.

⁶ См.: Сборник биографий врачей выпуска 1881 г. Императорской Военно-медицинской академии. СПб., 1906. С. 209–212.

⁷ *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 51.

⁸ *Чухнов Н.Н.* В смятенные годы. С. 291.

⁹ *Сигрист С.В.* Русская дипломатия и Балканский Союз 1912–1913 гг. // *Русское прошлое*. 1923. № 3. С. 52–69.

¹⁰ См.: *Шmidt С.О.* Сергей Фёдорович Платонов и «Дело Платонова» // *Советская историография*. М., 1996. С. 215–239; *Ананьич Б.В., Панях В.М.* «Академическое дело» как исторический источник // *ИЗ*. 1999. Т. 2 (120). С. 338–350; *Панях В.М.* К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных исторических процессах // *Россия и проблемы европейской истории: Средневековье,*

Новое и Новейшее время: Сб. ст. в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова / гл. ред. В.В. Язкин. Ростов, 2003. С. 303–313 (Сообщения Ростовского музея; вып. XIII).

¹¹ *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / предисл., послесл. и публ. Б.В. Ананьича; примеч. Е.А. Правилевой // *In memotiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перенка*. М.; СПб., 1995. С. 19–86.

¹² *Цицига А.* В Ленинграде / предисл. В. Р[уднева] // СЗ. 1938. № 66. С. 339.

¹³ [Руднев В.В.] Предисловие // Там же. С. 295.

¹⁴ *Духнов Н.Н.* В смятенные годы. С. 292.

¹⁵ Данный сюжет по материалам архива Ростовского УФСБ РФ обстоятельно рассмотрен в документальном фильме Ю. Калугина «Judenfrey: Зона, свободная от евреев» (1992), доступном в сети Интернет.

¹⁶ См.: *Нечай Е.Н.* Особенности функционирования коллаборационистской газеты города Таганрога «Новое слово» в 1941–1943 гг. // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 63–67; она же. Приёмы создания противопоставления «мы – они» в материалах коллаборационистской газеты «Голос Ростова» // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. (Тамбов). 2014. № 10, ч. 2. С. 115–117; *Малышев А.В.* Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны: на материалах Дона, Кубани, Ставрополья. Автореферат ... дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

¹⁷ *Соловьевский И., профессор [Андреевский И.М.]*. Допрос академика Платонова // *Новое слово*. 1944. № 46, 7 июня. С. 4–6. Обе статьи с предисловием и примечаниями Б.А. Радина помещены в Интернете.

¹⁸ *Новое слово*. 1944. № 59. 23 июля. С. 4–5. Ошибки в инициалах Б.Д. Грекова и В.И. Печеты принадлежат Сигристу.

¹⁹ Благодарю И.Н. Толстого за указание этого обстоятельства.

²⁰ *Штеенберг С.* Генерал Власов / пер. с нем. А. Колин. М., 2005. С. 62.

²¹ См.: *Поздняков В.В.* Мелетий Александрович Зыков: К истории освободительного движения народов России // *НЖ*. 1971. № 103. С. 167.

²² *Фрёлх С.* Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / пер. с нем. Ю.К. Мейера; предисл. А. Хиллрубера. Köln, 1990. С. 82.

²³ См.: *Поздняков В.В.* Указ. соч. С. 168.

²⁴ *Корнилов А.Н.* Берлин: Тайная война по обе стороны границы: Записки военного контрразведчика. М., 2009. С. 38–40.

²⁵ См.: *Александров К.М.* Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. 256 с.

²⁶ *Российское зарубежье во Франции*. Т. 1. С. 435.

²⁷ Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений / сост. В. Гасперович, М. Катин-Ярцев, М. Талалай, А. Шумков. СПб., 2000. С. 99 (Российский некрополь; вып. 6).

²⁸ *Беломорцев Алексей [Сигрист С.В.]*. Разгром исторической науки в 1930 г. // *Россиянин* (Лондон). 1948. 19 ноября. С. 1; *И.С. [Сигрист С.В.]*. Допрос академика С.Ф. Платонова // *Эхо* (Лондон). 1948. 24 ноября. С. 1.

²⁹ *Беломорцев С. [Сигрист С.В.]*. Большевизация Академии наук // *Посев*. 1951. № 46; *он же*. Жертвы «дела» АН СССР // *Воля* (Мюнхен). 1952. № 10.

³⁰ *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. «Дело Академии наук» // *Возрождение*. 1958. № 81. С. 97–105; № 82. С. 109–119; № 83. С. 111–122; № 84. С. 111–119.

³¹ *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. «Дело Академии наук» // *Возрождение*. 1958. № 84. С. 111–119.

³² *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. За кулисами советской дипломатии: Облик советских дипломатов от Троицкого до Громыки // *Возрождение*. 1959. № 92. С. 81–91; № 93. С. 13–35.

³³ *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. Монархические настроения в современной России // *Возрождение*. 1961. № 110. С. 109–111.

³⁴ *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. Всеправославная конференция на Родосе: Наблюдения и впечатления // *Возрождение*. 1961. № 120. С. 112–117.

³⁵ *Ростов А. [Сигрист С.В.]*. Из бесед с земляками // *Возрождение*. 1963. № 143. С. 118–125.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ *Ростов Алексей [Сигрист С.В.]*. История КПСС / Российское народное монархическое движение: Издание Литературного Фонда Народной Монархии; предисл. Н. Потоцкого. Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1961. 64 с. Далее ссылки на страницы книги даны непосредственно в статье. За сообщение мне текста данной книги благодарю П.А. Трибунского.

³⁸ *Рутыч [Рутченко] Н.Н.* КПСС у власти: очерки по истории Коммунистической партии, 1917–1957. Франкфурт-на-Майне, 1960.

³⁹ См.: *Леонидова Т.Л.* Гоголевская читальня в Риме: К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя и 100-летию основания Русской читальни-библиотеки им. Гоголя в Риме. М., 2002; *Мацциотелли Г.* Русская библиотека имени Н.В. Гоголя в Риме // *Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная науч. конф.*, 18–19 нояб. 2004 г. / науч. ред. М.Г. Талалай. М., 2006. С. 361–369 (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования; вып. 7); *он же*. Библиотека им. Н.В. Гоголя в Риме // «...Скитаний пристань, вечный Рим»: Русская община в столице Италии (1900–1940): Каталог выставки (Москва, 19 окт. – 19 нояб. 2011) / сост. С. Гардзонио, А. д'Амелиа, Б. Сульпассо. Салерно, 2011. С. 40–46 (Europa Orientalis; 15).

- ⁴⁰ *Grotov S. Catalogo della Biblioteca russa N.V. Gogol' a Roma. Roma, 1972.*
- ⁴¹ *Grotov S. The Gogol' Russian Library of Rome. [Roma, 1972].*
- ⁴² *Маццетелли Г. Русская библиотека имени Н.В. Гоголя в Риме. С. 363. Вероятно, имеется всё же в виду не гектографированный, а напечатанный на ротаторе или ротапинтере. (Все три способа печати для Западной Европы 1970-х гг. представлялись в равной степени достаточно архаичными).*
- ⁴³ О В.Е. Аллоэ см.: *In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоэ. СПб.; Париж. 2005.*
- ⁴⁴ О Ф.Ф. Перченке см.: *In memoriam: Сборник памяти Ф.Ф. Перченка. СПб.; Париж. 1995.*
- ⁴⁵ *Вознесенский И. [Перченко Ф.Ф.]. Имена и судьбы // Память: Исторический сборник. Нью-Йорк. 1978. Вып. 1. С. 353–410.*
- ⁴⁶ Сообщено В.Е. Аллоэ автору данной статьи в 1994 г. при поднесении 1-го выпуска «Академического дела».
- ⁴⁷ *Ростов А. [Сигрист С.В.]. Дело четырёх академиков // Память: Исторический сборник. Париж. 1981. Вып. 4. С. 469–495.*
- ⁴⁸ *Ростов А. «Дело Академии наук» // Возрождение. 1958. № 84. С. 119.*
- ⁴⁹ *Ростов А. «Дело четырёх академиков». С. 481.*
- ⁵⁰ Там же. С. 486.
- ⁵¹ *Вознесенский И. [Перченко Ф.Ф.]. Материалы к истории Академии наук // Память: Исторический сборник. Вып. 4. С. 459–469.*
- ⁵² *Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; он же. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы // In memoriam: Памяти Ф.Ф. Перченка. С. 141–143.*
- ⁵³ *Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной: Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 225–226.*
- ⁵⁴ Тестаччо. С. 51.

Преподаватель Свободного университета Иван Петрович Нилов

Аннотация: В предлагаемой статье приводятся некоторые факты из жизни Ивана Петровича Нилова – русского журналиста и преподавателя Свободного университета в Болгарии, а также сведения о самом университете.

Annotation: The article is devoted to the life of Ivan Petrovich Nilov, Russian journalist and lecturer at the Free University (Bulgaria), as well as information about the university.

Ключевые слова: И.П. Нилов, Свободный университет, русская эмиграция, Болгария.

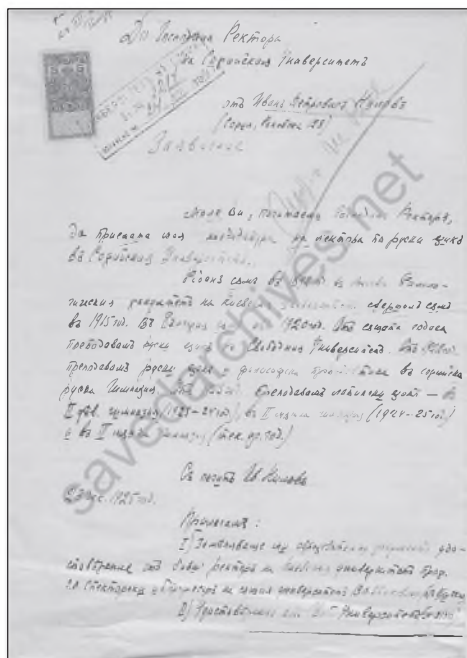
Key words: I.P. Nilov, Free university, Russian emigration, Bulgaria.

В последнее время выходит в свет всё больше исследований, посвящённых русской эмиграции, но, несмотря на это, в книге истории русского рассеяния всё ещё остаются «белые страницы». Одной из них можно назвать судьбу Ивана Петровича Нилова – русского журналиста и преподавателя Свободного университета в Болгарии.

К сожалению, биография этого замечательного представителя русской эмиграции до сих пор неизвестна, но любезно предоставленные нам независимым исследователем и одним из создателей сайта savedarchives.net Таней Неделчевой Галчевой архивные документы, а также другие материалы позволяют пролить свет хотя бы на отдельные её стороны.

Иван Петрович Нилов (наст. фамилия Данилов) родился 23 декабря 1892 года в Москве, умер 13 августа 1933 г., похоронен в софийском квартале Княжево. Окончил историко-филологический факультет Университета св. Владимира, приват-доцент этого же университета. Интерес вызывает удостоверение, написанное и подписанное В.В. Зеньковским (на русском языке), в котором сообщается, что Нилов был оставлен для подготовки к званию профессора Университета св. Владимира по кафедре истории философии. Известно также, что он «при гетмане редактировал газету “Голос Киева”, сменившую собой “Киевлянин” В. Шульгина»¹.

После эмиграции в Болгарию в 1920 году Иван Петрович стал редактором первой в Болгарии русской эмигрантской газеты «Русская газета», выходившей в Варне и имевшей большое значение для информирования болгарского общества как о насущных проблемах русских эмигрантов (организации для них общественных столовых, снабжении одеждой, топливом и т. п.), так

и о культурных, политических и иных событиях, касающихся их². Переехав в Софию, Нилов работал преподавателем русского языка, литературы, философской пропедевтики и воспитателем в Софийской русской гимназии (1922–1933), он является автором текста гимна этой гимназии. Иван Петрович был также учителем лагинского языка во второй женской, второй и третьей мужских гимназиях, доцентом Свободного университета политических и хозяйственных наук (Балканского Ближневосточного института) с 1920 г. Он являлся активным членом Научного философско-социологического общества Венелина Ганева, Общества русских литераторов и журналистов (1921 г.). Сотрудничал в журнале «Зарницы», в газете «Русь» и «Свободная

речь». Часто писал под псевдонимом «Сенекс» (от лат. «старик»)³.

Несмотря на то, что он подавал заявление на участие в конкурсе на место преподавателя русского языка в Софийском университете, данными о его работе в этом вузе мы не располагаем. И.П. Нилов является автором учебника «Русский падеж. Очерк современного склонения. Пособие при изучении русского языка» (София, тип. «Витоша», 1930), весьма положительную рецензию на который написал профессор П.М. Бицилли. Дочь последнего, Мария Петровна, утверждала, что ее отец «высоко ценил и горячо любил» Ивана Петровича⁴. П.М. Бицилли отмечал, что Нилов «преподавал замечательно и был необыкновенно умным, добрым и тактичным человеком»⁵. В посвящении к своему учебнику Нилов написал: «П.М. Бицилли как вдохновителю моего труда».

Относительно Свободного университета, в котором преподавал Иван Петрович Нилов с момента его основания в 1920 году, можно сказать, что он являлся частным высшим учебным заведением, созданным в соответствии с болгарским Законом о народном просвещении, а выдаваемые этим вузом дипломы подписывались не только руководством университета, но и представителем Министерства народного просвещения. Кроме того, как для преподавателей, так и для студентов были предусмотрены специальные критерии, которым они должны были соответствовать. Всё это повышало качество образования и его престиж⁶.

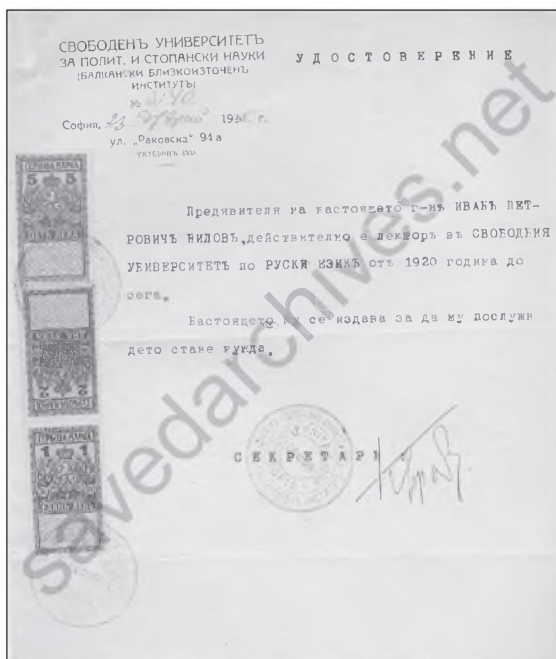
Идея создания Свободного университета, известного также как Балканский Ближневосточный институт, принадлежит П.М. Богаевскому, предоставившему известному болгарскому учёному-историку и юристу Стефану Савову

Бобчеву «всю документацию Свободного университета (Ближневосточного института) в Киеве, ректором которого он был. Изучив документы, Бобчев приходит к выводу, что университет должен быть организован по подобию существовавшего в Киеве института, но в то же время соответствовать болгарской действительности и потребностям этой страны»⁷. Упор был сделан на подготовку специалистов-практиков, нехватка которых остро ощущалась в Болгарии в тот исторический период.

Как пишет историк П. Пырванов, «обучение в Балканском Ближневосточном институте имело своей целью предоставить студентам возможность сделать карьеру в области дипломатии или в финансово-административной сфере, а также повысить культурный уровень торговцев со средним образованием. Делалось всё возможное для того, чтобы привлечь работающих людей в качестве студентов, и поэтому занятия проводились вечером, с 18 до 22 часов, а расписание занятий было составлено с учетом времени проведения занятий в Софийском университете. Обучение ориентировалось на ознакомление желающих с Ближним Востоком, Балканами и Славянским миром, с тем чтобы в сложившейся ситуации осуществлять с ними контакты. Было введено изучение Балкан как самостоятельного региона, а также восприятие политики как науки. Был создан музей торговли, отражавший историю торговли на Балканах и на Ближнем Востоке.

Как частное учебное заведение Балканский Ближневосточный институт финансировался за счёт сумм, выплачиваемых студентами за обучение и за сдачу экзаменов, пожертвований, такс за выдачу дипломов и свидетельств и иных поступлений. Управлял университетом Совет, в состав которого входило семь профессоров. Текущей работой руководили директор и два заместителя директора, причём директор являлся также председателем Совета университета, но и отвечал перед ним.

Профессорами университета могли стать лица, имеющие аналогичное звание в других славянских университетах или лица с высшим образованием, обладающие, по мнению Совета, необходимой подготовкой. Каждый преподаватель при обучении студентов должен был делать упор на практические знания. Даже некоторые предметы преподавали лишь

в форме практических семинаров, лекции по ним не читались. Каждый преподаватель должен был предоставлять библиотеке университета по одному экземпляру своих научных трудов, чтобы они были легко доступными для студентов»⁸.

Что касается требований, предъявляемых к поступающим в Свободный университет, то они были аналогичными тем, которые предъявлялись к абитуриентам Софийского университета. Помимо этого, «принимали и слушателей, каковыми могли быть все, окончившие среднее образование. При создании университета планировалось обучение в нём 300 студентов, но уже в первый год их количество было превышено почти в два раза. Тенденция, когда обучалось большее число студентов, чем было запланировано, а дипломы получали лишь около одной десятой учившихся, сохранялась в течение долгих лет. Это обстоятельство трактовалось руководством как знак того, что учащиеся приходят за практическими знаниями, а не ставят перед собой цель любой ценой окончить вуз. Среди студентов преобладали выпускники коммерческих училищ, желавшие продолжить своё образование в специализированной высшей школе, поэтому и Торговое отделение являлось наиболее посещаемым. Другой большой группой студентов были чиновники, стремившиеся обогатить свои знания. Хотя большинство студентов работало, очень большое значение придавалось регулярному посещению занятий и сдаче экзаменов в конце каждого учебного года. Кроме широкой культуры, Институт стремился дать своим воспитанникам и хорошую языковую подготовку. Каждый поступивший обязательно изучал один западный и один славянский язык. В Свободном университете, как и в европейских университетах, по образцу которых он был сформирован, обучение продолжалось три года. На протяжении всего периода его существования осуществлялись научные контакты с рядом университетов. Так, Балканский ближневосточный институт повышал свою популярность за пределами Болгарии и давал возможность учащимся познакомиться с научными достижениями других подобных ему университетов. <...> С целью повышения уровня получаемого образования, дополнительно были заложены критерии ценза для преподавателей и студентов. Функционирование Свободного университета умышленно увязано с государственным контролем над ним, чтобы государство могло ввести свои требования и следить за уровнем обучения, что гарантировало бы престиж полученного диплома.

В первые годы после создания Свободного университета его директором и председателем Учёного совета был С.С. Бобчев, а заместителями директора были П.М. Богаевский и Т. Кулев. Бобчев был чрезвычайно доволен этим управлением и считал, что после смерти П.М. Богаевского равновесие в руководстве вуза было нарушено»⁹.

Но существование Свободного университета было совсем не безоблачным: «Одной из главных проблем Свободного университета, в первые годы после его создания, стало признание образования окончивших его учащихся. Несмотря на то, что вуз был признан Министерством народного просвещения и находился под его контролем; несмотря на высокий уровень обучения; несмотря на то, что программа обучения была синхронизирована с ведущими европейскими учебными заведениями; несмотря на то, что в университете непрерывно вводились всё новые и новые требования, имеющие целью повысить

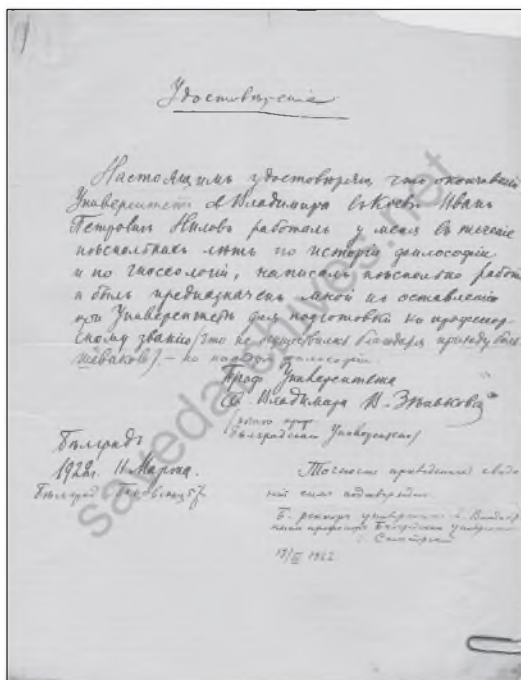
уровень обучения, а также принимались меры к унификации критериев Свободного университета с таковыми Софийского, многие государственные институты не признавали выданные этим университетом дипломы. Он подвергался множеству атак со стороны Софийского университета и общенациональности, целью которых было дискредитировать обучение в нём. Эти проблемы сопутствовали высшей школе в течение всего периода его существования. Чтобы справиться с ними, Бобчев долгие годы предпринимал различные инициативы, которые должны были доказать законность Свободного университета, его пользу, высокое качество обучения в нём, а также благо университета для общества и государства.

...Несмотря на принятые меры, всё время существования Свободного университета возникали споры о признании образования окончивших его. Проблемы создавали в основном государственные учреждения, не знавшие, как относиться к его выпускникам. Эти неприятности порождали у последних недовольство. Чтобы найти выход из данной ситуации, пришлось признать Балканский ближневосточный институт специальным законом»¹⁰.

Данная проблема была успешно решена директором вуза С.С. Бобчевым: «Подав ходатайство министру народного просвещения и благодаря своим политическим связям, директор сумел добиться принятия закона о признании Свободного университета юридическим лицом и некоммерческой организацией, а за окончившими его признаётся полное высшее образование»¹¹.

Однако, несмотря на очевидную пользу для государства и общества, в успехи его выпускников и усилия руководства (прежде всего С.С. Бобчева), Свободный университет (Балканский Ближневосточный институт) был закрыт в 1938 году министром образования Георгием Маневым.

Представители русской эмиграции внесли поистине огромный вклад в просвещение, науку и культуру Болгарии. Об этом, как нам кажется, очень хорошо высказался в одной из своих записок русский поэт и писатель Александр Митрофанович Фёдоров, который сам волею судьбы оказался в этой балканской стране: «Рост и расцветание научного образования, бывшего раньше для Болгарии совершенно не по силам, благодаря просветительской

русской инициативе и бескорыстным русским учёным собратьям получили, следовательно, и быстрое осуществление, что дорого стоило русским учёным. Получали они гроши и должны были подрабатывать, скитаясь с лекциями по Болгарии. То же делали и русские писатели, жившие в Софии»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская Смешанная Гимназия В.П. Кузьминой в г. Софии (Лицей В.П. Кузьминой) / авт.-сост. Т.К. Пчелинцева // <http://www.ruzabul.com/sites/default/files/archives/Licei%20Kuzminoi-24.05.2014.pdf>

² *Косик В.И.* Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. № 22. С. 24; *Кёсева Ц.* Русская эмигрантская печать в Болгарии // <http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=3721>.

³ Русская Смешанная Гимназия В.П. Кузьминой в г. Софии.

⁴ Цит. по.: *Петкова Г.* «Дать руководящую нить...»: русская (классическая) литература в концептуализациях П.М. Бицилли // TSO. 2013. № 44. С. 342. Прим. 11.

⁵ Там же. С. 341–342. Прим. 11.

⁶ *Първанов П.* За «Третият разсадник на науката» (Стефан Саввов Бобчев и Свободният университет) // Икономика и управление (Благоевград). 2012. № 3 (<http://fe.swu.bg/wp-content/uploads/2012/11/3-32013.pdf>)

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Просветительская деятельность А. Фёдорова // АРЗ. Фонд А.М. Фёдорова (КП 1298). Оп. 5. Д. 3.

Жизнь и житие энциклопедиста В.В. Водовозова

Аннотация: Статья посвящена трагической судьбе видного политического деятеля, учёного и публициста В.В. Водовозова и его жены О.А. Водовозовой. Член ЦК Трудовой Народно-социалистической партии, Водовозов боролся против царизма, приближая революцию, но режим большевиков не принял, в эмиграции адаптироваться не сумел и в 1933 г. покончил жизнь самоубийством. Его жена, О.А. Водовозова, на сороковой день после смерти мужа приняла смертельную дозу веронала.

Annotation: The article is devoted to V.V. Vodovozov's tragic fate, a prominent political activist, scholar and publicist and his wife O.A. Vodovozova. V.V. Vodovozov, member of the Central Committee of the Labor people's socialist party, fought against tsarism, trying to accelerate the revolution, but he did not accept the Bolshevik regime and emigrated. He failed to adapt in emigration and committed suicide in 1933 in Prague. His wife, O.A. Vodovozova, took a lethal dose of veronal on the fortieth day after the death of her husband.

Ключевые слова: В.В. Водовозов, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, адаптация в эмиграции, самоубийство.

Kew words: V.V. Vodovozov, V.I. Lenin, A.V. Lunacharsky, adaptation in exile, suicide.

«Жизнь кончилась, начинается житие», – делает запись в своём дневнике В.В. Водовозов в 1919 г. Для учёного, энциклопедиста, народника и атеиста В.В. Водовозова жизнь – это познание, общественная деятельность, борьба, движение – то, как он жил в России до октября 1917 г., когда, даже «находясь в жесточайшей оппозиции прежнему режиму, он чувствовал себя гражданином, участником в строительстве жизни. И был им, даже находясь в тюрьме, в ссылке, на скамье подсудимых»¹. Когда же «миновали первые дни революции, о которой он мечтал»², прошла эйфория февраля 1917 г., наступило «житие с плачем растворях» – медленное умирание, преддверие смерти, после которой ничего нет. Житие как подготовка к потустороннему существованию, к миру идеального, для него не имело сакрального смысла. Послереволюционное «безвоздушие» В.В. Водовозов воспринимал как «полное отсутствие именно жизни, в особенности общественной жизни, – мёртвая пустота, точка, безнадёжность»³.

О деятельности В.В. Водовозова (1864 – 1933) до октября 1917 г., когда рухнула прежняя жизнь, известно достаточно много. Происходил он из известной своими народническими взглядами семьи В.И. и Е.Н. Водовозовых.

Мать – Елизавета Николаевна Водовозова (урожд. Цевловская; 1844 – 1923) происходила из обедневшей дворянской семьи. Осиротевшей в четыре года девочке, которой удалось получить образование в Смольном институте благородных девиц, была уготована стезя учительницы или гувернантки. Но судьба распорядилась иначе: сразу по окончании института в 1862 г. она выходит замуж за своего учителя словесности, выдающегося педагога Василия Ивановича Водовозова (1825 – 1886).

Ныне незаслуженно забытый, В.И. Водовозов был автором многих учебников по русскому языку, литературе и истории, он был одним из тех, кем по праву гордилось тогдашнее русское общество. Вместе с К.Д. Ушинским В.И. Водовозов проводил реформу женских учебных заведений. Благодаря педагогическому воздействию К.Д. Ушинского в душе юной Елизаветы рождались новые взгляды на жизнь, на общественный долг человека, глубокое уважение к труду. Благоприятное влияние мужа, В.В. Водовозова, сформировало её общественные интересы, выявило её склонность к педагогической и литературной деятельности⁴. Знаменитые журфиксы («вторники») Водовозовых в 1860–1880-х годах посещали многие народнически настроенные педагоги, литераторы, журналисты, среди них такие известные личности, как В.А. Мякотин, Н.А. Некрасов, А.В. Слепцов, К.Д. Ушинский, П.И. Якушкин и др. «Журфиксы были популярны в передовых кругах интеллигенции. Общий тон этих вечеров был оппозиционный, и на них хорошо отдыхалось от впечатлений царившей тогда реакции»⁵, – напишет участник журфиксов профессор Н.И. Кареев в своих воспоминаниях в 1923 г. Овдовев в 1886 г., Елизавета Николаевна вновь вышла замуж за известного историка В.И. Семевского (1848 – 1916). Модные журфиксы сменились более интимными воскресеньями, на которых собирались главным образом сотрудники «Русского богатства»⁶, в том числе Г.А. Лопатин⁷.

Василий Васильевич Водовозов (1862 – 1933), выросший в народнической, проникнутой духом оппозиционности среде, стал активным участником движения петербургского студенчества (1883–1887). В период его обучения в Санкт-Петербургском университете, сначала на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете, он обретает друзей, связи с которыми не прерывались долгие годы. Это В.И. Вернадский, братья Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, И.М. Гревс, ставшие впоследствии выдающимися деятелями русской науки и культуры. Молодые люди, воодушевлённые традиционными для русской демократической интеллигенции идеями социальной справедливости и всечеловеческой солидарности, мечтали посвятить себя такому общественно полезному делу, которое помогло бы им в их «служении народу». В 1888 г. В.И. Вернадский писал В.В. Водовозову из Мюнхена: «Всего, всего тебе лучшего, мой милый друг – всё думаю, что в первый же год моего приезда в Россию приеду к тебе и тогда мы поговорим»⁸. Молодым людям было о чём говорить: считая образование высшим человеческим благом, в распространении его они видели свою жизненную задачу. Вместе с демократизацией знания они стремились к демократизации общественного строя, т. е. к приобретению к благам культуры низших слоёв народа; наука же должна была служить могучим орудием для достижения этой цели⁹.

Университетским товарищем В.В. Водовозова стал и А.И. Ульянов, избранный секретарём студенческого научно-литературного общества при Санкт-

Петербургском университете, которое было основано в 1882 г. Председателем общества был профессор О.Ф. Миллер. Деятельность общества, активным членом которого был В.В. Водовозов, не ограничивалась только литературой. Членами его были многие революционно настроенные студенты. Не случайно после 1 марта 1887 г. общество было запрещено¹⁰.

Спустя много лет, вспоминая в эмиграции студенческие годы, в неопубликованной автобиографической повести «Новый век» В.В. Водовозов назовет А.И. Ульянова одним из людей, «произведших на него самое сильное впечатление» в жизни. Этот юноша с «замечательно одухотворённым бледным чистым лицом, с высоким лбом, на редкость умными глазами» обладал способностью пробуждать к себе исключительную симпатию окружающих. «Идеалист в лучшем смысле этого слова, он жил умственными и общественными интересами. В нём чувствовалось полное отсутствие обычных человеческих слабостей, тщеславия и самолюбия»...¹¹ В. Водовозов не считал А. Ульянова принадлежащим к числу особенно крайних радикалов, он был скорее «культурником», которого более всего интересовали студенческие землячества, кассы взаимопомощи, так называемые кружки саморазвития. На дорогу террора, по мнению В.В. Водовозова, его толкнул полицейский запрет на проведение панихиды по Н.А. Добролюбову, по случаю 25-летия его смерти в ноябре 1886 г. А. Ульянов решил, что для борьбы с деспотизмом, когда не допускается даже невинная панихида по любимому писателю, необходим террор.

В декабре 1886 г. или в январе 1887 г. по просьбе А.И. Ульянова Водовозов, сам «причастный к разным конспирациям» (печатал нелегальную литературу), подыскал квартиру для хранения так называемой «инфузорной земли» – составной части для производства динамита. Факт этот остался неизвестным властям¹².

В феврале 1887 г. Водовозов, в то время студент 3 курса юридического факультета Санкт-Петербургского университета, был арестован. Ему инкриминировали публикацию нескольких работ, запрещённых цензурой, и издание литографированного перевода книги немецкого историка А. Туна по истории русского революционного движения (вышла в Лейпциге в 1883 г.), с собственным предисловием и примечаниями, а также с приложением нескольких народовольческих прокламаций. После 3-месячного заключения он был приговорён к 5-летней ссылке в городе Шенкурске Архангельской губернии. Энергичная мать В.В. Водовозова умела постоять за сына: она добилась аудиенции у министра народного просвещения, графа И.Д. Делянова, и потребовала разрешить сыну держать государственный экзамен за университетский курс¹³. Боясь, что столичная интеллигенция в окружении писательницы Водовозовой будет способствовать формированию негативного общественного мнения относительно его деятельности на ниве просвещения, Делянов разрешение дал, и В. Водовозов в марте 1890 г. приехал из ссылки в столицу держать экзамены. Экзаменационный период и его пребывание в Санкт-Петербурге растянулись на долгие девять месяцев. Именно в это время Водовозов знакомится с В.И. Ульяновым, приехавшим в Санкт-Петербург с той же целью – сдать экстерном экзамены за курс юридического факультета. Знакомство с будущим вождём пролетарской революции было продолжено в Самаре, где Водовозову было разрешено отбывать ссылку. В Самару В.В. Водовозов приехал с молодой же-

В.В. Водовозов. Между 1922 и 1933 гг. ГАРФ

ной, В.П. Шейдаковой¹⁴, также отбывавшей ссылку в Шенкурске. Водовозовы довольно тесно общались с семьёй Ульяновых, обосновавшихся в это время в Самаре. Вспоминая в эмиграции самарскую ссылку и характеризуя членов семьи Ульяновых, В. Водовозов отмечает «резкое различие физического и нравственного облика её членов». «Свежесть и одухотворённость» Александра и рано умершей Ольги Ульяновой контрастировали с внешностью Анны и Владимира, в лицах которых, по мнению В.В. Водовозова, проступало смешение «ума и грубости» и «некоторая животность». Во внешности Ленина «что-то упорное, жестокое сочеталось с несомненным умом»¹⁵. Во Владимире Ульянове Водовозов почувствовал

«ту степень убеждённости, которая несовместима с действительно научным знанием. У него как бы была презумпция, что никаких серьёзных аргументов против марксизма нет и быть не может, и изучал он их не с целью поисков истины, а в целях отыскания коренившейся в их основе ошибки, в существовании которой он был заранее убеждён»¹⁶. Будучи оппонентом В.И. Ленина, В.В. Водовозов, тем не менее, уже тогда предвидел, что «роль Ленина в революционном движении будет крупной»¹⁷.

В период отбывания самарской ссылки в 1891–1892 гг. В.В. Водовозов оказался свидетелем страшного голода, охватившего 17 губерний Поволжья и Чернозёмного центра с населением около 30 миллионов человек¹⁸. Смертность во всех пострадавших губерниях в 1891–1892 годах увеличилась в среднем на 28 %, в Самарской губернии она возросла на 56 %¹⁹. Вульгаризируя тезис Ленина о том, что бедствия народа ускорят созревание революционной ситуации, а революция устранит главную причину голода – капиталистическую систему, В. Водовозов делает вывод о нежелании Ленина организовать помощь голодающим, которую тот, якобы, считает «проявлением обычного слащавого сентиментализма, свойственного интеллигенции»²⁰, и обвиняет Ленина, его семью и образовавшийся вокруг них кружок «марксистов» в жестокости и аморализме. Однако вопрос о том, кормить или не кормить голодающих, перед Лениным не стоял. Он был убеждён в необходимости самой широкой помощи голодающим. Позднее, разрабатывая программу партии, В.И. Ленин напишет: «Социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания

крестьянства и вымирания его голодной смертью»²¹. В работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?»), написанной им в Самаре в период голода, В. Ульянов изложил своё отношение к проблеме. Опровергая «салонные сплетни» либеральных народников «про злых марксистов», которые, не брезгуя никакими средствами, всячески добиваются «ускорения капиталистического процесса»²², он настаивал на необходимости «разоблачать всю правительственную политику, всех чиновных казнокрадов и лихоимцев, паразитирующих на людском горе»²³. Водовозов же принимал участие в либеральных начинаниях местной губернской администрации, которая, получив значительные государственные ассигнования на борьбу с голодом, была озабочена не столько спасением умирающего от голода населения, сколько набиванием собственных карманов.

Споры о возможности участия в подобных кампаниях начали принимать чрезвычайно резкий характер, звучали личные ноты. Водовозов изобличал мнимый аморализм Ленина, Ленин – мздоимство местных властей.

Об ожесточённых спорах, не называя их предмета, вспоминала старшая сестра Ленина, А. Ульянова-Елизарова, с явной антипатией к В. Водовозову, оппоненту Ленина, чьей «дерзостью было шокировано» ленинское окружение»²⁴. Расхождения во взглядах неминуемо привели к охлаждению, так что к весне 1892 г. В. Ленин и В. Водовозов почти не встречались. Споры Ленина с Водовозовым запомнились многим из ленинского кружка «марксист». В воспоминаниях, написанных в советское время, они отмечают энциклопедические знания Водовозова, его большую библиотеку, которой он очень дорожил. Однако начитанность Водовозова не привлекала к нему людей, возможно, потому, что «книги он любил больше, чем живых людей»²⁵. Водовозова самарские знакомые называют «скудной ходячей энциклопедией»; «это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало кому»²⁶. Примечательно, что, несмотря на энциклопедические знания В.В. Водовозова и его революционный «стаж», центром революционно настроенной молодёжи Самары стал юный, «необстрелянный» В. Ульянов, а не ссыльный В.В. Водовозов, который был старше Ленина, и на его революционном счету была ссылка не куда-нибудь, а в далёкий Шенкурск. О том, что отношения с революционно настроенной молодёжью Самары у него не сложились, вспоминал и сам В. Водовозов²⁷. Ему, не обладавшему ни ленинским ораторским талантом, ни ленинской харизмой и жизнелюбием, умением воздействовать на слушателей, трудно было соперничать с таким сильным противником.

В 1903–1911 годах В.В. Водовозов читал лекции в разных городах России по вопросам европейской политики и государственного права. На лекции В.В. Водовозова о революции 1848 г. в Германии, прочитанной им в Новгороде в 1911 г., по долгу службы в качестве представителя администрации присутствовал С.Р. Минцлов. В случае пропаганды лектором революционных идей он должен был немедленно лекцию прекратить. О своих впечатлениях о лекции Водовозова Минцлов оставил запись в дневнике²⁸. Лекция, к удовольствию Минцлова, прошла спокойно, и ему «не пришлось выступать в роли нарушителя общественной тишины и спокойствия». Кроме того, Минцлов не обнаружил у лектора таланта оратора: «Всё было старо, ни одной живой яркой мысли, ни ярких образов – ничего не нашлось у лектора». Водовозов «читал

не по запискам, но голос у него дребезжащий, слабый, с гремучею буквою “P”». Публика начала расходиться ещё до начала второго отделения. Однако второе отделение заставило наблюдателя насторожиться. Водовозов начал «восхвалять социал-демократов, но сейчас же вильнул в дебри Германии, к Энгельсам и Бебелям и решительно ничего не сказал не только нового, но и ясного. Аплодировали, хотя и не усиленно»²⁹.

В. Водовозов не был блестящим оратором, но его энциклопедические знания, в сочетании «с добросовестным, почти скрупулёзным отношением к объективной постановке проблемы или фактов»³⁰, позволяли ему прогнозировать развитие политической ситуации в Европе. Зимой 1912–1913 гг., когда на Балканах шла война между Болгарией и Сербией, Водовозов предвидел вхождение Европы в длительную эру военных конфликтов и революций и конец старого мира: «За Балканской войной придёт другая, общеевропейская война. Не одна, а несколько войн одна за другой. Капиталистический мир будет драться за рынки, за гегемонию, за то, чтобы все народы на земном шаре заставить работать на себя. А социал-демократы превратят войны в революцию. Старый мир кончается»³¹. А.В. Тыркова-Вильямс, видный деятель кадетской партии, воспроизвела в своих воспоминаниях его словесный портрет: «Всею своим обликом он олицетворял образ русского интеллигента, пожалуй, даже нигилиста. Из карманов его помятого пиджака торчали газеты и книги на всех языках. Кое-как завязанный галстук сползал в сторону»³². Прогнозы Водовозова сбылись, но «нелепый вид» этого «начитанного, налитанного знаниями журналиста» мешал прислушаться к «лихорадочным речам чудака Водовозова», которые «мало кто принимал всерьёз»³³.

Взгляды В. Водовозова неоднократно становились объектом критики со стороны В.И. Ленина. Отрицая различия в интересах рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции в условиях капитализма, Водовозов считал возможным создание единой «надклассовой» партии трудящихся. Взгляды Водовозова Ленин считал буржуазными и соглашательскими, когда «посредством фразы... затемняется коренная разница в положении хозяйчика и наёмного рабочего»³⁴. Политические разногласия не способствовали общению. В 1895 г. В.В. Водовозов зашёл к Ленину в Санкт-Петербурге. Ленин принял его очень сухо. Больше они не общались. В 1906 г. на митинге в Тенишевском училище Ленин демонстративно «не узнал» самарского товарища³⁵.

После отбытия ссылки В. Водовозов занимался журналистикой. За сотрудничество в радикальной демократической печати он неоднократно подвергался высылке из Санкт-Петербурга.

С 1896 года В.В. Водовозов жил в Киеве, так как проживание в столицах ему было запрещено. Для сбора средств на нелегальные цели народнически настроенная молодёжь устраивала лекции и литературные чтения на частных квартирах. В 1900 году Водовозов был арестован по так называемому «Ибсеновскому делу», когда будущий нарком просвещения, а тогда ещё неизвестный А.В. Луначарский, по предложению В. Водовозова, выступал на частной квартире с рефератом о Г. Ибсене. Все присутствующие на лекции (60 человек, в том числе и Водовозов и будущий академик Е.В. Тарле) были арестованы и заключены в киевскую тюрьму, где находились в течение двух месяцев, а затем два года числились под следствием по подозрению, что под

видом лекций проводились революционные сходки. Однако за отсутствием улик дело в отношении В.В. Водовозова было прекращено³⁶.

В 1901 г. Водовозов, несмотря на строжайший запрет появляться в Австро-Венгрии, по чужому паспорту под именем Потёмкина, с рекомендательным письмом от профессора Н.И. Кареева оказался в Праге, где познакомился с Т.Г. Масариком³⁷, который произвёл на него очень сильное впечатление «как человек большого ума и редкой душевной чистоты»³⁸.

Начавшаяся после этого переписка Водовозова с Масариком продолжалась многие годы, выливаясь в плодотворное для обеих сторон сотрудничество. Энциклопедист Водовозов был полезен Масарику как «специалист по теории конституционного права, знающий в деталях политическое и социальное законодательство, теорию и практику избирательных законов едва ли не во всех странах»³⁹. Водовозовым был опубликован ряд статей по вопросам избирательного права и истории политических партий Запада. В 1901 г. была опубликована брошюра «Исследование г. Тарле по социальной истории Англии», в которой В.В. Водовозов дал отрицательную оценку магистерской диссертации Тарле о Томасе Море. Водовозова отличала нравственная безупречность, честность, стремление «жить по совести». Невзирая на близкое знакомство с Е.В. Тарле, их совместную политическую деятельность в Киеве и двухмесячное сидение в одной камере в тюрьме, Водовозов настаивал на публикации отрицательной рецензии на книгу Тарле. После того, как редактор журнала «Русское богатство» Н.К. Михайловский отказался её опубликовать, сославшись на то, что «Тарле получил достаточный урок на диспуте и его не следует добивать», Водовозов публикует рецензию отдельной брошюрой, обвиняя Тарле в шарлатанстве: «автор приписывает себе знания, каких не имеет, негодную компиляцию выставляет исследованием по первоисточникам» и пытается дезавуировать «общераспространённое мнение о нём как о будущем талантливом профессоре», утверждая, что Тарле «не обладает ни научными знаниями, ни пониманием, как следует работать, ни элементарной научной добросовестностью, – качествами, необходимыми для хорошего профессора»⁴⁰. Честность и бескомпромиссность в науке Водовозов считал приоритетными качествами учёного. Ложь во спасение или ложь из деликатности были для него невозможны⁴¹.

На начало века приходится пик общественной деятельности В.В. Водовозова. Его имя известно не только в научных кругах, но и в политической журналистике, он редактирует журналы «Наша жизнь», «Вестник свободы», «Народное хозяйство», сотрудничает в «Русском богатстве», «Вестнике Европы», в «Вопросах жизни», ведёт активную просветительскую деятельность. В 1906 г. в Санкт-Петербургской судебной палате проходило слушание по обвинению В.В. Водовозова в литературных преступлениях, совершённых им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и журнала «Вестник свободы». Водовозову инкриминировали публикацию «Программы партии социалистов-революционеров» и «Постановлений делегатского съезда всероссийского крестьянского союза», в которых говорилось о замене постоянной армии народным ополчением, передаче всей земли в пользование народа, об уничтожении сословий и замене всех должностных лиц выборными от населения, приведении сельских приговоров к исполнению помимо земских начальников и т. п., что трактовалось судом как «призыв к

неповиновению и противодействию закону». В заключительной речи обвинитель усматривал в «пропитанных духом социализма» материалах, опубликованных В.В. Водовозовым, призыв «к ниспровержению существующего государственного и общественного строя, как строя капиталистического и самодержавного, во имя социализма и демократической республики, путь к которой они указывают через учредительное собрание»⁴². Решением суда две редактируемые Водовозовым газеты, «Наша жизнь» и «Народное хозяйство», были закрыты за «вредное направление», редактор приговаривался к году заключения в крепости с последующим запрещением в течение пяти лет «принимать на себя звание редактора или издателя какого бы то ни было повременного издания»⁴³. К счастью, следствие по поводу «преступной деятельности» В.В. Водовозова затянулось до амнистии к 300-летию Дома Романовых.

О.А. Водовозова. Между 1922 и 1933 гг. ГАРФ

В 1916 г. по обвинению в принадлежности к партии социалистов-революционеров В.В. Водовозову грозила ссылка в Иркутскую губернию под гласный надзор на три года. Благодаря ходатайству представителей научного сообщества и членов Государственной думы, а также заключению врача о том, что 51-летний его пациент страдает «глухотой на оба уха, вследствие глаукомы слепотой на левый глаз и отличается чрезвычайно болезненным общим состоянием организма вследствие нарушения обмена веществ»⁴⁴, ссылки удалось избежать. Участие в делах эсеровской партии совершенно не соответствовало бы политическим пристрастиям Водовозова-трудовика: взгляды социал-демократов были для него неприемлемы из-за их «фанатизма и исключительности», как и социалистов-революционеров, с которыми его «разъединяет их аграрная программа», так же, как и кадетов, которые, по его мнению, слишком далеко шли «в готовности заключить компромиссы с правительством»⁴⁵. «Трудовик, центрист, левее кадет», так определяла взгляды В.В. Водовозова Е.Д. Кускова⁴⁶.

Когда грянула долгожданная революция, Водовозову было 53 года, и он чувствовал себя старым не столько «летами, сколько общим состоянием

здоровья»⁴⁷. Слепота и глухота затрудняли общение, и доктор, давший заключение о состоянии здоровья своего пациента, был во многом прав, говоря о том, что В.В. Водовозов «всцело ушёл в литературную работу и научные занятия, проводя целые дни в своей обширной домашней библиотеке и почти совсем отказавшись от каких бы то ни было знакомств»⁴⁸. «Как белка, которой достали орехов, когда у неё выпали все зубы», – писал о себе В. Водовозов: он не мог принять в революции значительного активного участия⁴⁹. Однако, несмотря на недуги, в первые дни революции В.В. испытал такой духовный подъём, что знакомые были поражены значительным улучшением его слуха и жизненной активности, повышением воли к жизни. К 1917 г. Водовозов стал одним из признанных лидеров демократического центра. В конце июня 1917 г. Первый Всероссийский съезд Трудовой Народно-социалистической партии избрал Водовозова членом ЦК. В 1917 г. он стал членом Особого совещания по разработке Закона об Учредительном собрании, принимал в нём деятельное участие, а в конце 1917 г. Трудовая партия выдвинула его кандидатом в Учредительное собрание по двум губерниям – Новгородской и Оренбургской⁵⁰. В ходе предвыборной кампании В.В. Водовозов выступал в городах и деревнях на многочисленных митингах, читал лекции.

«Культурник» В.В. Водовозов, искавший всю жизнь не службы, а служения народу, отвергавший и реакционный правительственный курс, и террористические методы борьбы с царизмом, веривший, что развитие науки, культуры и демократическое самоуправление может изменить жизнь к лучшему, не видел перспектив большевистского режима: «большевистский строй обречён на гибель»; но то, что этот режим, «эта грубая звериная сила» «обрекла на гибель и Россию, и русский народ, русскую культуру»⁵¹, для него стало крушением всех надежд. В советской России он не чувствовал себя свободным ни в чём: «ни в выборе труда, ни в выборе места жительства, ни в передвижении, ни даже в пище», и возлюбил этот строй, «принизивший его», «сделавший его рабом», он не мог. При новой «народной» власти он оказался выброшенным из жизни, он «стал пешкой, с которой никто не считается, которая не может пикнуть»⁵².

Всеобщая разруха, голод и холод, утрата интеллектуальной независимости и невозможность свободной общественной деятельности, «уплотнение» квартиры и страх за сохранность библиотеки, обыски и арест без предъявления обвинения превратили жизнь в мучительное выживание. «Жизнь кончилась, начинается житие»⁵³.

О.А. Введенская⁵⁴, дочь заслуженного ординарного профессора Петроградского университета философа-неокантианца А.И. Введенского, ставшая в 1918 г. суженой В.В. Водовозова, свидетельствовала: «Василий Васильевич тяжело переживал торжество большевиков. Им овладела апатия, хандра, он по целым дням сидел дома, перечитывая любимых поэтов и не имея сил ни за что приняться. Сказывалась и реакция после невероятно напряжённой деятельности 1917 года»⁵⁵.

В соответствии с декретом Совнаркома от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела», был создан Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), первым руководителем Главного управления архивным делом (ГУАД) стал Д.Б. Рязанов, сумевший привлечь к архивному делу историков и архивистов дореволюционной школы. «Классово чуждые»

учёные охотно шли на службу в архив: архивная работа при Рязанове была политически нейтральным делом и не ставила историков и архивистов перед необходимостью поступаться убеждениями⁵⁶.

По приглашению заведующего Отделом истории русского революционного движения Центрархива П.Е. Щёголева, с которым В.В. Водовозов был связан сотрудничеством в журнале «Былое», в сентябре 1918 г. он поступил на службу в руководимый Щёголевым отдел в качестве научного сотрудника и занялся составлением каталога русской нелегальной литературы⁵⁷. Работу в архиве В.В. Водовозов совмещал с преподаванием в Третьем Петроградском университете (бывшие Высшие женские курсы, в обиходе – Третун), но жить становилось невмоготу.

«Разруха достигла, – писал В.В. Водовозов в своём дневнике, – не скажу высшей точки, ибо вероятно она будет усиливаться, но очень высокой точки, когда жить становится прямо невмоготу, когда пальцы коченеют от холода, желудок подводит от голода, и когда при этом ясно видишь и чувствуешь, что во всём этом кругом виноват режим»⁵⁸. Подобное восприятие происходящего было свойственно не только пессимисту В.В. Водовозову⁵⁹. Общее состояние «моральной смертоносной духоты», «нравственной асфиксии», когда людей «со всех сторон обступала смерть, либо физическая, либо духовная», красноречиво описал один из первых русских эмигрантов – известный в те годы петербургский врач, учёный и общественный деятель И.И. Манухин: «Всё делается лживо, обманно, враждебно, озлоблено вокруг вас и безмерно, бес-предельно, интегрально беззаконно <... > Нет ничего удивительного, что русские люди устремились к границам – кто куда... Хотелось жить как угодно: в бедности, в убожестве, странником, пришельцем – лишь бы не быть принуждаемым жить не по совести»⁶⁰.

Государственные установки в области идеологии, этики, морали препятствовали полноценной реализации творческого потенциала, без чего интеллигенция утрачивала своё сущностное значение, должна была сменить статус мыслящей элиты на положение рядовых исполнителей⁶¹. Невозможность жить «по совести», отсутствие духовной свободы, материальные лишения и неуверенность в завтрашнем дне заставила Водовозовых задуматься об эмиграции. «Для него политика сплеталась в неразрывное целое с этикой. Этику с большевизмом сочетать невозможно, и он эмигрировал»⁶², – так объяснял причины эмиграции В.В. Водовозова заведующий редакцией газеты «Новая жизнь» А. Хирьяков. Однако он «отнюдь не собирался стать эмигрантом и сжигать за собою корабли», вспоминал Арон Перельман, последний владелец издательства «Брокгауз и Ефрон», с которым сотрудничал В.В. Водовозов, написавший для энциклопедического словаря упомянутого издательства ряд статей по государственному праву и новейшей истории Запада. Водовозов надеялся пережить «безвременье» и искренне собирался через короткое время каким-то образом вернуться на родину⁶³.

В.В. Водовозов пытался выехать легально, получив путёвку в санаторий в Финляндии для поправления растроченного здоровья. «Серьёзное лечение и благоприятные условия жизни» ему были необходимы «вследствие общих тяжёлых условий жизни и нескольких перенесённых болезней – дизентерия, испанская болезнь, сильное истощение и сердечная слабость»⁶⁴. Состояние

его здоровья ухудшалось, влияя на всё усиливающуюся глухоту и слепоту (глаукома). Прошение о лечении в Финляндии не было удовлетворено. Правила выезда из России ужесточались. Аресты и расправы без суда и следствия создавали угрозу физическому существованию. Попытка выехать через одну из прибалтийских стран с чешской визой, присланной по просьбе В.В. Водозова самим Масариком, не удалась⁶⁵. Одним из путей бегства был уход по льду Финского залива в Финляндию. Но побег не состоялся: проводник, который должен был помочь переправиться через границу, в последний момент отказался сопровождать чету Водозовых. К тому времени Водозовы почти оглох, объясняться с ним было нелегко, его зрение очень ослабло, и один только вид беспомощного глухого и полуслеплого старика с молодой милотливой женщиной мог вызвать подозрение. Проводник решил не рисковать⁶⁶.

Возглавлявший Наркомпрос А.В. Луначарский, с которым В.В. Водозовы привлекался в 1900 г. по «Ибсеновскому делу», содействовал другу юности в предоставлении ему шестимесячной научной командировки в Германию и на Балканский полуостров для ознакомления «как с новейшим развитием форм государства, политических партий, так и с новейшей западноевропейской литературой»⁶⁷. О.А. Водозова уезжала вместе с мужем в качестве его секретаря. В обещанных командировочных впоследствии было отказано. Водозовы обратились за помощью к своему влиятельному родственнику, известному историку М.И. Семевскому, с просьбой помочь выхлопотать пособие на поездку, иначе «за границей в самом буквальном смысле придётся голодать, а уж о лечении нечего и думать»⁶⁸. Оставалось надеяться найти «за границей какой-нибудь заработок». Разрешение на выезд было получено, и в конце сентября 1922 г. супруги Водозовы направились в Германию. Творческая шестимесячная командировка продлевалась неоднократно до мая 1927 года, советский паспорт пражским полпредством также продлевался до того же срока⁶⁹.

Первое время по прибытии в Берлин надежды оправдались: Водозовы работали над словарём в берлинском издательстве З.И. Гржебина. Позднее Водозовы получили через чехословацкое представительство разрешение обосноваться в Праге, где ему, как и другим учёным-эмигрантам российской диаспоры в Чехословакии, была обещана стипендия Т.Г. Масарика.

Водозовы прибыли из Германии в Прагу 1 апреля 1923 г.⁷⁰ В эмиграции Василий Васильевич ненадолго возвращается к жизни: он становится почётным членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. В нём, наряду с материальной и практической помощью членам союза, велась литературно-художественная деятельность, устраивались публичные лекции и дискуссии, в которых принимал участие и В.В. Водозовы, выступивший с лекциями «Рост населения в XX в.», «Женщина перед дверьми парламента», «Круги парламентаризма и демократии»⁷¹. Василий Васильевич получил должность профессора в Русском народном университете, ему было назначено ежемесячное пособие от чехословацкого Министерства иностранных дел; он занимался научной работой, печатал публицистические и обзорные статьи в эмигрантской периодике, издал книгу «Новая Европа» (Прага, 1925) о Европе после Первой мировой войны, написал ряд статей о России и по государственному праву иностранных держав для многотомной чешской энциклопедии, выходившей в Праге с 1926 г. под названием «Экономический, социальный и политический словарь»⁷².

В первые годы эмиграции Водовозовы не бедствовали. Отдыхали в Ницце, лето 1924 г. провели в Татрах, о которых мечтала сестра Ольги, Зинаида, вынужденная с детьми «кормить комаров» в «гнилой Гатчине». «Весьма завидую тебе, что ты скачешь по всей Европе и даже попадёшь в Париж»,⁷³ – писала она сестре в Прагу. В Петрограде в голоде и холоде доживала последние дни мать В.В. Водовозова, в 1923 г. она умерла. Главная тема писем В. Водовозова родственникам – судьба оставшейся без присмотра библиотеки⁷⁴. До 1924 г. его заработок позволял оплачивать оставленную в Петрограде квартиру с богатейшей библиотекой в 10 тыс. томов, которая была завещана им Библиотеке Академии наук с правом пожизненного пользования ею. Позднее квартплата выросла в несколько раз, и оплачивать квартиру Водовозовы уже не могли, да и их финансовое положение пошатнулось. Беспокоясь за сохранность библиотеки, которая занимала две комнаты его «уплотнённой» чужими людьми квартиры, Водовозов собирался «непрерывно» вернуться на родину до окончания срока командировки, о чём он писал директору библиотеки С.Ф. Платонову⁷⁵. Факт эмиграции Водовозов отрицал, резких политических заявлений не делал. Оставаясь убеждённым противником большевизма, он старался в своих оценках sobлюсти объективность и по отношению к своим политическим оппонентам.

Мысли о возвращении не покидали супругов Водовозовых. В апреле 1924 г. Ольга Водовозова сообщила сестре о намерении провести лето в Питере, чем повергла сестру в полное недоумение: «Какой смысл приезжать, если вы вернётесь осенью?»⁷⁶ В письмах родственникам назывались и другие даты возвращения: октябрь 1926 г., сентябрь 1927 г. Однако возвращение на родину становилось всё более проблематичным. Профессор А.И. Введенский в письмах дочери, выражая сомнение в возможности найти работу в связи с увольнением В.В. Водовозова из университета, писал: «Кажется, все связи В.В. с университетом прекращаются. И вообще, как рассчитываете Вы жить по возвращении сюда? Ведь все должности потеряны. А литературная работа очень затруднена»⁷⁷.

От родных приходили неутешительные вести. Сестра Ольги Александровны, З.А. Лихарева, просила прислать ей то катушку чёрных ниток, то иголки, то клеёнку для компрессов, то фунт масла, а в случае «посылки дюжины больших полотняных пуговиц для штанов»⁷⁸ считала себя облагодетельствованной. Зинаида, в отличие от старшей сестры, считавшей, что умение приготовить яичницу ей никогда не пригодится⁷⁹, превратилась в «несчастную загруженную клячу», «замученную до пределов возможного», которой приходилось «и кухарить, и стирать, и гладить, и штопать, и шить, и репетировать» для четверых детей⁸⁰. Её мужа, М.А. Лихарева, философа и математика, окончившего физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и прослушавшего курс в Сорбонне, постоянно «вычищали» из Академии наук за дворянское происхождение⁸¹. Зинаида писала сестре: «Живём мы довольно скверно. Службу найти теперь фантастически трудно. Денег у нас абсолютно нет, надежд почти никаких. Я, лично, спасаюсь только своим непроходимым оптимизмом»⁸². Со смертью А.И. Введенского в 1925 г. порвалась ещё одна ниточка, связывавшая Водовозовых с родиной.

Письма родственников из России о непреодолимых трудностях быта, несмотря на ностальгию и наступившие голодные годы, подтолкнули супругов

к принятию решения остаться за границей, а с получением нансеновских паспортов их возвращение на родину стало невозможным⁸³.

За 10 лет до гибели Водовозовых, когда от них долго не было вестей, М.А. Лихарев высказал страшное предположение, что В.В. Водовозов «погиб под автомобилем, а Ольга покончила с собой»⁸⁴. Его предсказание сбылось: трагедия случилась 7 октября 1933 г. За несколько дней до самоубийства В.В. Водовозов лишился литературного заработка в связи с прекращением издания чешского энциклопедического словаря, для которого он писал статьи. Стипендия в 1 120 крон в связи со свёртыванием «Русской акции» с сентября 1932 г. сократилась до 835 крон. Существовать вдвоём на эти деньги было невозможно⁸⁵. Деньги сестры О.А. Водовозовой, З.А. Лихаревой, причитавшиеся ей за издание за границей книг её отца, А.И. Введенского, были растрочены. Одна за другой рвались нити, прикреплявшие В.В. Водовозова к жизни.

С самурайским спокойствием он готовился прекратить своё «житие». В предсмертном письме жене, написанном за несколько дней до самоубийства, он пишет о мотивах своего решения покончить с собой. Это глухота и грозящая полная слепота, отсутствие работы, а, следовательно, и средств к существованию. Просить милостыню, пользуясь своим давним знакомством с Масариком, он счёл невозможным для себя: «И так ведь мы живём 10 лет на счёт общественной благотворительности»⁸⁶. Несомненно, Водовозова-политика к решению «творцу вернуть билет» (М. Цветаева) подтолкнули и политические причины. В статье «Антисемитизм в Германии и предстоящие выборы в рейхстаг», написанной ещё в 1898 г., он ратовал за всеобщее избирательное право, считая, что оно ведёт к демократии и прогрессу. Приход Гитлера к власти демократическим путём произвёл на него «потрясающее впечатление, разрушившее его мирозерцание, на пересмотр которого у него не было ни сил, ни времени»⁸⁷.

Седьмого октября 1933 г. В.В. Водовозов бросился под товарный поезд в Збраславе. Денег, чтобы перевезти тело в Прагу, не было. Похоронили атеиста В.В. Водовозова по православному обряду на местном кладбище. Отпевал местный игумен Исаакий, сказавший над могилой умные и тактичные слова: «И пусть эта земля св. Вячеслава, покровителя земли чешской (на другой день по календарю был день св. Вацлава. – *Н. Р.*) будет тебе легче той земли, по которой ты ходил»⁸⁸.

Самоубийство Водовозова потрясло эмиграцию. Правые круги хотели использовать эту трагедию для привлечения внимания к проблемам эмигрантского «жития» русских, но чужая боль не болит – на местных властей это не возымело действия.

В памяти тех, кто знал В.В. Водовозова, он остался таким: «Небольшого роста, с копной непокорных волос, близорукий, давно страдавший глухотой. Производил впечатление сурового, непреклонного и твердокаменного человека. Из-за глухоты говорил медленно, чётко, громко, как будто поучал, и тем самым усиливалось впечатление его твердокаменности. Но его улыбка, по-детски добродушная, развеивала внешнее впечатление. Человек он был добрый, мягкий, с чистой наивной душой. Исключительно бескорыстный, никогда не думавший о своих интересах, никогда не отступал от того, что он считал своим долгом: человек морали и справедливости. В.В. Водовозова

глубоко уважали и ценили не только за его энциклопедические знания, но и за его прекрасную детскую душу, которая не выдержала страданий»⁸⁹.

Для народника, позитивиста и атеиста В.В. Водовозова вопрос о праве на самоубийство, несомненно, был связан с принципиальным вопросом о свободе воли. Он сам исполнил роль орудия судьбы: взял инициативу смерти на себя и сам определил время и способ ухода из жизни.

Решение В.В. Водовозова умереть, чтобы избежать нищеты и унижений, рассматривалось эмиграцией «как проявление личного мужества, образец контроля над собой и над своей судьбой»⁹⁰. Соболезнуя вдове покойного, Н.И. Астров писал: «Мужественной рукой он угасил свою лампаду»⁹¹.

Н.А. Бердяев, рассматривая феномен самоубийства в христианском контексте, приравнивал самоубийство к «убийству, не только тела, но и души»⁹², считая его недопустимым: «Христианская церковь твёрдо стоит на том, что убийство всегда страшнее страдания»⁹³. Противореча себе, Н.А. Бердяев допускал самоубийство в единственном случае: «когда человек решает уйти из жизни, чтобы не быть в тягость своим ближним»⁹⁴. Именно об этом думал В.В. Водовозов, когда планировал убить себя, боясь, что как слепой и полный инвалид без средств к существованию он станет в тягость жене. Своим уходом он хотел облегчить ей борьбу за существование⁹⁵.

Самоубийство В.В. Водовозова стало причиной смерти самого близкого ему человека: мучаясь сознанием своей вины, что не уберегла мужа, на сороковой день О.А. Водовозова⁹⁶ приняла смертельную дозу веронала.

В далёком 1923 г. атеист В.В. Водовозов написал открытое письмо Н.А. Бердяеву против высказанного им в лекции тезиса о невозможности построения справедливого общества на «иррелигиозной» основе⁹⁷. Бердяев утверждал, что «Вера, христианство давали возможность различения Добра и Зла, возможность нести непосильное бремя жизни». Отвечая В.В. Водовозову, Бердяев писал, что христианство никогда не ставило прямой своей целью «материальное устройство человеческих обществ, оно никогда не было и не могло быть социальным учением. Но величайшие достижения человеческого общества обязаны христианству как своему духовному источнику»⁹⁸.

Трагедия Водовозовых подтвердила правоту христианского отношения к самоубийству, постулируемого Н.А. Бердяевым: «не самоубийцы, а самоубийство должно быть осуждено, как грех, как духовное падение и слабость»⁹⁹. Самоубийством В.В. Водовозов поставил точку в давней полемике с Н.А. Бердяевым: в обществе, в котором нет места Богу, не найдёт успокоения мятущаяся и истрадавшаяся человеческая душа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ Ф. 539 (В.В. Водовозов). Оп. 1. Д. 3190. Л. 51 (Дневник В.В. Водовозова).

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Перу Е.Н. Водовозовой принадлежат книги «Умственное развитие детей», «Жизнь европейских народов». С 1880-х гг. она обратилась к мемуаристике.

⁵ Кареев Н. Памяти ушедших. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская (1844 – 1923 гг.) // ГМ. 1923. № 2. С. 180.

⁶ «Русское богатство» (1876–1918) – научный и политический журнал народнического направления, с начала 1890-х гг. его идейными вдохновителями стали Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко. После революции 1905–1907 гг. – орган «народных социалистов», занимавших промежуточное положение

между эсерами и кадетами. Энесы выступали против подпольной революционной деятельности и террора, за мирную тактику и широкое использование «парламентских форм борьбы».

⁷ Лопатин Герман Александрович (1845 – 1918) – народник, политический деятель, член Генерального Совета I Интернационала, переводчик I тома «Капитала» К. Маркса.

⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1949. Л. 4 об. (В.И. Вернадский – В.В. Водовозову).

⁹ Там же. Оп. 5. Д. 58. Л. 10 (Водовозов В.В. И.А. Клейбер (личные воспоминания). 1892 г.).

¹⁰ Водовозова Е.Н. На заре жизни. В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 500.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5907 (В.В. Водовозов). Оп. 1. Д. 3. Л. 35 (Автобиографическая повесть В.В. Водовозова «Новый век»).

¹² Водовозов В. Моё знакомство с Лениным // НЧС. 1925. № 12. С. 175.

¹³ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 415.

¹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 526. Л. 4 (Письмо В.В. Водовозова Е.С. Кавос-Зарудной. Шенкурск, Архангельская губерния. 15 января 1889 г.): «Вера Петровна Шейдакова, единственная в Шенкурске личность, вполне мне близкая. Но она через день бывает больна; хотя она переносит свою болезнь с редким мужеством, но ей всё-таки не всегда бывает под силу бороться с ней. <...> Полгода тому назад она покушалась лишиться себя жизни. Всадила в самые опасные места две револьверные пули, но осталась жива. <...> У неё есть стремление к умственным занятиям. Очень развит интерес к явлениям общественной жизни, но постоянные головные боли мешают ей работать сколько-нибудь систематически».

¹⁵ Водовозов В. Моё знакомство с Лениным. С. 175.

¹⁶ Там же. С. 176.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Соколов Н.П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 3, 10.

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ Водовозов В. Моё знакомство с Лениным. С. 177.

²¹ Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 4. С. 233.

²² Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Там же. 1960. Т. 1. С. 242.

²³ Логинов В.Т. Какого цвета глаза у Ленина? // <http://leninism.su/books/3571-vladimir-lenin-vybor-puti-biografiya.html?showall=&start=13>

²⁴ Ульянова-Елизарова А. Ленин // Деятели СССР и революционного движения в России: Репринт. изд. М., 1989. С. 501–502 (Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41).

²⁵ Ульянов Д. Из самарского (алакаевского) периода (1889–1893 гг.) // Вл. Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников. Куйбышев, 1960. С. 21–22.

²⁶ Голубева М.П. Моя первая встреча с Владимиром Ильичом // Там же. С. 90.

²⁷ Водовозов В. Моё знакомство с Лениным. С. 175.

²⁸ Минцлов С.Р. Дебри жизни: Дневник, 1910–1915 гг. Берлин; Пг., 1925 С. 175–176.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Тьrkова-Вильямс А.В. Подъём и крушение: Воспоминания // Возрождение (Париж). 1956. № 51. С. 94.

³² Там же. С. 95.

³³ Там же. С. 94.

³⁴ Ленин В.И. Трудовики и рабочая демократия // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 21. С. 268–269.

³⁵ Водовозов В. Моё знакомство с Лениным. С. 177.

³⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 489.

³⁷ Порочкина И.М. В.В. Водовозов и Т.Г. Масарик // Зарубежная Россия, 1919–1939 / редкол.: В.Ю. Черняев (глав. ред.) и др. СПб., 2003. Кн. 2. С. 34.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 3. Л. 139 (Автобиографическая повесть В.В. Водовозова «Новый век»).

³⁹ Кускова Е.Д. Памяти В.В. Водовозова // ПН. 1933. 11 октября.

⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 128. Л. 17 – 17 об. (В.В. Водовозов – Н.К. Михайловскому, 10 ноября 1901 г.).

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5907 Оп. 1. Д. 5. Л. 2 (Хирьяков А. Под колёсами судьбы).

⁴² Дело В.В. Водовозова в СПб Судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершённых им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ Политических партий в России» и др. 17 августа 1906 г. СПб., 1906. С. 35.

⁴³ Там же. С. 55.

⁴⁴ РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1891. Л. 1 (Свидетельство о состоянии здоровья В.В. Водовозова, даны профессором Б.В. Верховским в связи с высылкой В.В. Водовозова из Петрограда, 20 апреля 1916 г.).

⁴⁵ Порочкина И.М. Указ. соч. С. 36.

⁴⁶ Кускова Е.Д. Указ. соч.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3190. Л. 3.

⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1891. Л. 2.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3190. Л. 3.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 – 9 об. (Водовозова О.А. Последние годы жизни В.В. Водовозова).

⁵¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3190. Л. 50–51.

- ⁵² Там же. Л. 51.
- ⁵³ Там же. Л. 3.
- ⁵⁴ Водовозова (урожд. Введенская) Ольга Александровна (1882 – 1933) – переводчик. Закончила Высшие женские курсы, специализация – германо-романская филология. Знала пять языков: немецкий, французский, английский, итальянский и испанский. Занималась переводческой работой, в 1908 г. перевела с итальянского языка книгу о Данте.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 – 9 об. (Водовозова О.А. Последние годы жизни В.В. Водовозова).
- ⁵⁶ Серковская Л.В. Российский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 69.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 – 9 об. (Водовозова О.А. Последние годы жизни В.В. Водовозова).
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3190. Л. 5.
- ⁵⁹ О себе В.В. Водовозов писал: «Я всегда был пессимистом, но мой пессимизм не убивал во мне доброты духа. И это потому, что у меня была работа, которая сама по себе была интересна. Теперь работа не оживляющая, а мертвящая» (Там же. Л. 51).
- ⁶⁰ Манухин И.И. Революция // НЖ. 1963. Кн. 73. С. 196.
- ⁶¹ Купайгородская А.П. Побуждения к эмиграции петроградской интеллигенции // Зарубежная Россия: 1917–1939 / редкол.: В.Ю. Черняев (глав. ред.) и др. СПб., 2000. С. 200.
- ⁶² ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ⁶³ Перельман А. Воспоминания // <http://berkovich-zametki.com/2009/Starina/Nomer4/APerelman9.php>
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1 – 1 об. (Заявления в комиссию по отбору на курорты с просьбой дать ему место в одном из финляндских санаториев).
- ⁶⁵ Порочкина И.М. Указ. соч. С. 38.
- ⁶⁶ Перельман А. Указ. соч.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 1.
- ⁶⁸ Там же. Л. 8.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7 (В.В. Водовозов – П.Г. Лихареву).
- ⁷⁰ Порочкина И.М. Указ. соч. С. 38.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 98–99.
- ⁷² Ганфман М. Встречи с В.В. Водовозовым // Сегодня. 1933. 10 октября.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 16 (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой, 11 апреля 1924 г.).
- ⁷⁴ Дм. Ульянов вспоминал: «Когда старший брат Александр был арестован по обвинению по кушенин на жизнь царя, первыми словами Водовозова было: “Ах, как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадёт”» (см.: Ульянов Д. Указ. соч. С. 22).
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2537. Л. 1 (В.В. Водовозов – С.П. Платонову, 26 февраля 1926 г.).
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 16 (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой).
- ⁷⁷ Там же. Д. 128. Л. 10 об. (Письма А.И. Введенского дочери).
- ⁷⁸ Там же. Д. 145. Л. 8 об. (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой).
- ⁷⁹ Там же. Л. 66 (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой, 16 октября 1930 г.)
- ⁸⁰ Там же. Л. 76–77 об. (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой).
- ⁸¹ СПФ АРАН Ф.4. Оп. 4. Д. 1017. Л. 10 (выписка из Протокола Заседания Комиссии по проверке аппарата АН СССР).
- ⁸² ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7 (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой, декабрь 1922 г.).
- ⁸³ Там же. Л. 8 об. (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой).
- ⁸⁴ Там же. Д. 145. Л. 7 (З.А. Лихарева – О.А. Водовозовой).
- ⁸⁵ Там же. Д. 5. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Д. 124. Л. 1 (Предсмертные письма В.В. Водовозова О.А. Водовозовой).
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 112 (А.Ф. Изюмов – Б.И. Николаевскому, 1 декабря 1933 г.).
- ⁸⁸ Там же. Д. 4. Л. 28 – 28 об. (А.Ф. Изюмов – С.П. Мельгунову, 31 ноября 1933 г.).
- ⁸⁹ Ганфман М. Указ. соч.
- ⁹⁰ Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003. С. 131.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 165. Л. 4 (соболезнования О.А. Водовозовой).
- ⁹² Бердяев Н.А. О самоубийстве (Психологический этюд) // Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999. С. 128.
- ⁹³ Там же. С. 129.
- ⁹⁴ Там же. С. 121.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 40 (А.С. Изгоев – В.В. Водовозову и О.А. Водовозовой-Введенской, 17 октября 1933 г.).
- ⁹⁶ К тому времени В.В. Водовозов почти оглох, объясняться с ним было нелегко, и его зрение очень ослабло. Правда, почти всегда его сопровождала жена, молодая миловидная дочь профессора Введенского, которая умела говорить с мужем негромко и так, чтобы все её слова доходили до него (Перельман А. Указ. соч.).
- ⁹⁷ Водовозов В.В. Открытое письмо Н.А. Бердяеву // Дни. 1923. 29 марта.
- ⁹⁸ Бердяев Н.А. Ответ В.В. Водовозову // Там же. 8 апреля.
- ⁹⁹ Бердяев Н.А. О самоубийстве (Психологический этюд). С. 133–134.

Вячеслав Иванов и Евсей Шор: русская мысль в европейском интеллектуальном пространстве (по материалам фонда В. Иванова в Институте рукописей Национальной библиотеки Израиля)

Аннотация: Изучение фонда Вячеслава Ивановича Иванова в составе архива семьи Шор в Институте рукописей Национальной библиотеки Израиля является одним из способов воссоздания хронотопа европейского культурного пространства второй половины 1920-х – 1930-х гг., фактически уничтоженного в результате Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства. Исторический, идейно-философский и литературоведческий анализ переписки Иванова и Евсея Давидовича Шор обнаруживает её основную тенденцию: трансляция идей философии Иванова в западное интеллектуальное пространство. В этой связи в статье анализируется вопрос об изменениях представлений Иванова о «русской идее» в рамках современных концепций о единстве Европы («Pan-Europa» австрийского геополитика и философа, пионера идеи европейской интеграции Рихарда фон Куденхове-Калерги, проект «интегрального федерализма» французского философа российского происхождения, создателя теории персоналистского мышления Александра Марка). Перевод на немецкий язык ряда работ Иванова, осуществлённый в сотрудничестве с Шором, становится возможностью открытого высказывания по поводу большевистской революции и советского режима, понимаемого как сверхнациональное религиозное и психологическое испытание – урок Европе. Проект систематического издания работ Иванова в переводе на немецкий язык, обсуждаемый в переписке, позволяет представить во всей полноте его идею о формах дионисийства применительно к европейской культуре XIX–XX вв.

Annotation: The research of the Vjačeslav Ivanov segment of the David and Yehoshua Schor collection in the Manuscript Department of the National Library of Israel illustrates one of the methods in the reconstruction of the European cultural chronotope of the 1920–1930th which was destroyed during World War II. Historical, philosophical and literary analysis of Ivanov – Schor’s correspondence discovers how Ivanov’s religious philosophy was transmitted to the European intellectual space. The article studies Ivanov’s notion of the «Russian Idea» against the background of contemporary theories about an unified Europe, such as «Pan-Europa» of an Austrian geopolitician and philosopher, a pioneer of European integration Richard von Coudenhove-Kalergi (1923) and the «Integral Federalism»

of a French philosopher, a founder of Personalist Federalist thinking Alexandre Marc. Ivanov – Schor collaboration in German translations of Ivanov's works enables the author to express his attitudes about the Bolshevik Revolution and the Soviet regime as a moral lesson to Europe. The project of systematical publications in German as presented in their correspondence reveals the importance of Ivanov's theory of the Dionysianism in its relation to the European cultural, social and political development.

Ключевые слова: В.И. Иванов, Е.Д. Шор, А. Блок, ГАХН, «русская идея», большевистская революция, самоопределение России, дионисийство.

Keywords: Vjačeslav Ivanov, Evsei Schor, Alexander Blok, «Russian Idea», Bolshevik Revolution, the self-determination of Russia, GAKhN, dionysianism.

Архивный фонд Вячеслава Ивановича Иванова (1866, Москва – 1949, Рим), одного из наиболее выдающихся поэтов и идеологов русского Серебряного века, филолога, философа, литературного критика, переводчика и драматурга, является неотъемлемой частью архива семьи Шор в Институте рукописей Национальной библиотеки Израиля¹. Иванов был хорошо знаком со всеми членами этого большого семейства, их соединяла атмосфера общих интересов и интенсивная совместная деятельность. Необходимо начать с небольшого предисловия, посвящённого архиву этой семьи, а затем перейти к тем проблемам, которые возникают в связи с исследованием фонда Иванова в его составе.

В 1975 г. Надежда Рафаиловна (Надива) Шор, художник, фотограф, музыкант и преподаватель музыки, передаёт в Институт рукописей Национальной библиотеки Израиля семейный архив, который состоит в основном из двух собраний материалов и документов, принадлежавших её свекру, Давиду Соломоновичу Шору (1867 – 1942) и её мужу, Евсею Давидовичу (Иехошуа, Ив) Шору (1891 – 1974). Архив семьи Шор открывает большой пласт духовной и материальной культуры российского и европейского ассимилированного еврейства конца XIX – начала XX вв., эпохи революционных изменений в России и Первой мировой войны, периода между двумя мировыми войнами и вплоть до середины 1970-х гг. Архив семьи Шор, таким образом, относится к тому хронотопу «континента» культуры, который возникает во второй половине XIX и практически исчезает или остаётся в очень сильно пострадавшем и трансформированном виде после Второй мировой войны². Центром этого «континента» была Палестина – Эрец Исраэль. Многочисленные «воздушные пути» связывали этот центр с Европой (особенно с Россией, Германией, Италией, Францией и Англией) и Америкой. Одним из творцов «большого времени»³, соотносящегося с пространством описываемого культурного конгломерата, было семейство Шор.

Душой этого семейства был Д.С. Шор – известный пианист, основатель и участник знаменитого «Московского трио»⁴, педагог и страстный пропагандист музыкального просвещения⁵, создатель (вместе с сыном Евсеем) Института музыкального образования имени Бетховена (Бетховенская студия)⁶, выдающийся деятель российского сионистского движения⁷. В 1927 г. Д.С. Шор уезжает в Палестину и становится здесь организатором системы современного музыкального образования и просвещения. Брат Д.С. Шора, Александр Со-

ломонович, был преподавателем музыки⁸ и известным рояльным мастером, для которого была создана в Московской консерватории специальная кафедра⁹. Его жена, Роза Моисеевна, являлась одним из деятельных членов «Общества Свободной Эстетики». Сюда она приводила ещё гимназисткой дочь Ольгу, которая здесь начала свои философские и литературные занятия, в том числе, как она сама считала, и под впечатлением выступлений В. Иванова¹⁰. Впоследствии О.А. Шор-Дешарт, выпускница Фрейбургского университета и активный соратник многих русских неокантианцев, прежде всего С.И. Гессена и Ф.А. Степуна, станет одним из организаторов Академии художественных наук (РАХН, затем – ГАХН) и её учёным секретарем (с 1921 по 1926 г.). В 1925–1926 г. по командировке Академии она едет в Италию, где впоследствии станет личным секретарем и близким другом В.И. Иванова. С ним и его семьей – с домом Иванова в Риме – будет связана вся её последующая жизнь. Переписка с Ольгой Александровной как таковая, её дополнения к письмам Иванова и отдельные письма по поводу обсуждающихся вопросов являются существенной частью фонда поэта в Иерусалиме. Брат Ольги Александровны, Юрий (Георгий, Жорж, 1897, Москва – 1960, Париж), станет известным в мире виолончелистом, дирижёром и преподавателем музыки, а её сестра Вера Шор-Копельман – скрипачкой. Гостеприимный дом Шоров в Москве запечатлён такими мемуаристами, как Ф.А. Степун¹¹ и сын В. Иванова, Д.В. Иванов¹². Все указанные имена семьи Шор являются обязательными компонентами фонда Иванова в составе архива.

Таким образом, с 80-х гг. XIX в.¹³ и до второй половины 1920-х гг. дом Шоров был одним из важных локусов московской музыкальной и культурной жизни. Сюда приходили многие писатели, общественные деятели, художники, философы, музыканты. В архиве семьи Шор не сохранилось сведений о том, где и когда именно произошло знакомство Вячеслава Иванова с семьей Шор. Небольшая переписка с Давидом Соломоновичем, отложившаяся в иерусалимском архиве, свидетельствует, что В. Иванов поистине преклонялся перед талантом и подвижническим служением Д.С. Шора¹⁴. Напомним в этой связи об особом отношении Иванова к музыке и, в частности, о его интересе к Бетховену. Особенно Иванов был дружен с Евсеем Давидовичем Шором. Их переписка охватывает период с 1924 по 1949 гг., то есть практически до конца дней Иванова, с большими лакунами во время Второй мировой войны. Переписка с Е. Д. Шором составляет основной корпус фонда Иванова в архиве семьи Шор. Она является свидетельством их дружбы и совместной работы, своего рода дневником, воспроизводящим характерную для их общения вдохновенную атмосферу разговоров о музыке, поэзии, философии, дискуссии по политическим и религиозным вопросам. Об этой характерной – и для дома Иванова, и для семейства Шоров – атмосфере рассказывал автору настоящей статьи сын поэта, Дмитрий Вячеславович, во время Ивановской конференции 1998 г. в Вене.

По своим интересам, образованию и воспитанию Е. Д. Шор был достойным младшим другом Иванова. Шор получил прекрасное домашнее образование, в том числе и музыкальное. В 1909 г. он окончил 1-ю Московскую классическую гимназию и поступил на математический факультет Московского университета (закончил в 1916 г.). В 1910, 1912–1913 гг. Евсей Давидович изучал теорию и

историю искусства в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. Одновременно он был самым деятельным помощником отца в делах Бетховенской студии и её издательства. В 1914–1919 гг. он являлся учёным секретарем Бетховенской студии и её лектором по истории искусства. Параллельно Шор становится заведующим отделением художественного градостроительства в Зодческом отделе Всероссийского Союза городов (1916–1918 гг.). После революции 1917 г. Шор – учёный секретарь комиссии Отдела Изобразительных Искусств Наркомпроса (1918–1919 гг.) После организации РАХН Е.Д. Шор получает звание профессора и работает в качестве заместителя В.В. Кандинского, в это время заведующего физико-психологическим отделением академии¹⁵. В РАХН, а затем в ГАХН Шор, помимо Кандинского, наиболее тесно общается с И.В. Жолтовским, М.О. Гершензоном и Г.Г. Шпетом, с которыми (и со многими другими), уехав в заграничную командировку, продолжает переписку. В июне 1922 г. Шор отправляется в Германию и Италию «для изучения последних достижений архитектурного строительства и научно-художественной работы над классиками архитектуры»¹⁶, затем в августе ему продлевается командировка на три месяца для организации русского отдела Международной Художественно-декоративной выставки в Монца (близ Милана)¹⁷. 12 января 1923 г. РАХН назначает Шора заведующим Бюро иностранной литературы при РАХН (Инлитбюро). Он уполномочен Академией «вести переговоры и заключать соглашения с лицами и учреждениями в пределах деятельности Бюро и согласно утвержденного о Бюро положения», также осуществлять заграничные закупки Наркомпроса в Германии и Италии (книги, научное оборудование, художественные издания и пособия)¹⁸.

В.И. Иванову получить командировку за границу оказалось совсем не просто. В отличие от А. Блока и Андрея Белого, он отнёсся категорически отрицательно к Октябрьской революции, и его высказывания по этому поводу были совершенно определённы. Большевицкая революция виделась ему не только как внешнее бедствие, пожар и разрушение, но и как внутренняя трагедия России и русского народа. Иванов в статье «Революция и самоопределение России», опубликованной в журнале «Народоправство» 30 октября 1917 г.¹⁹, писал: «Революция или оставит на месте России “грудю тлеющих костей”, или будет её действительным перерождением и как бы новым, впервые полным и сознательным воплощением народного духа. Для истинного свершения своего в указанном смысле она должна явить целостное и, следовательно, прежде всего религиозное самоопределение народа»²⁰. Об отношении философа и поэта к происходящему в России свидетельствуют и его стихи, в частности, такие, как цикл «Песни смутного времени» и стихотворение «Памяти Ф.Ф. Кокошкина», напечатанные в том же издании в декабре 1917 г. и феврале 1918 г.²¹, или стихотворение «Да, сей пожар мы поджигали...» (1919).

Религия и народное просвещение представляются Иванову единственным способом спасения страны. Попытки уехать из большевицкой России предпринимались Ивановым весной и летом 1920 г. Отъезд был единственным средством спасти тяжело больную жену, Веру Константиновну Иванову (Шварсалон, 1890 – 1920). Для этого Луначарский выхлопотал Иванову, как и Бальмонту, командировку за границу для лечения и для создания в Италии Института русской литературы и искусства (см. письмо Иванова к

Н.К. Крупской от 18 июля 1920²²). Этот институт был бы, в том числе, и возможностью осуществления философской и политической программы поэта. Поскольку было понятно, что обратно ни Бальмонт, ни Иванов, скорее всего, не вернутся, главным условием, на котором их отпускали, был уговор не выступать публично против советской власти и не сотрудничать с эмигрантской печатью. Но Бальмонт, уехавший первым, оказавшись за границей, сразу нарушил обещание. В результате Вячеславу Иванову, которому уже назначен был день отъезда, Особый отдел ВЧК не дал разрешения на отъезд. После смерти жены (8 августа 1920 г.) Иванову удаётся спасти детей, уехав из Москвы на Кавказ, а затем в Баку, где он единогласно избирается ординарным профессором классической филологии Бакинского университета. В 1921 г. он защищает здесь докторскую диссертацию «Дионис и прадионисийство» (опубликована в 1923 г.).

Только в 1924 г. Иванов наконец получает возможность поездки за границу для работы. Он уезжает с детьми в Рим 28 августа 1924 г. Официальная цель командировки сходна с той, которая была в 1920 г.: основание в Риме Русской Академии или Института археологии, истории и искусствоведения как реализация совместного проекта Луначарского, П.С. Когана и самого Иванова (совместный проект ГАХН и Наркомпроса)²³. Но, конечно, речь шла о другом. «Осуществлялось, наконец, страстное желание Вячеслава: “Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть”», – писала в своих воспоминаниях его дочь Лидия²⁴. Рим станет последним приютом поэта, философа и учёного, осуществившего здесь, в Вечном городе, свои заветные желания.

Даже эта конспективная канва послереволюционных событий в жизни Иванова показывает существующее различие между ним и его будущим молодым корреспондентом Е. Д. Шором. Вместе с тем очевидно, что внешние цели их перемещения на Запад из Советской России структурно совпадают: оба они должны представлять за рубежом советское искусство и науку. Иванов и Шор делают это с честью вплоть до 1929 г., когда в СССР начинается поворотная массовая кампания по преследованию интеллигенции, лишению гражданства, исключению из ГАХН и других структур и проч. Столь же различными являются, казалось бы, и внутренние, личные цели этого перемещения у Шора и Иванова. Вместе с тем их деятельность на Западе объединяет общее представление о необходимости особой углублённой личной интеллектуальной работы. О работе, подобной психологии молитвенного делания, характерной для эпох «быстрого поступательного движения народных культур», периодов катастрофического исторического развития, писал Иванов ещё в 1904 г. в статье «Копьё Афины». Характеризуя особенность этой деятельности, Иванов вводит понятие «келейного искусства» и «катакомбного творчества»: «Искусство келейное... центробежно в своём глубочайшем устремлении, активно, и снова синтетично... Его замкнутость – вынужденная замкнутость самозащиты и сосредоточения: творческая монада нового брожения обороняет себя непроницаемой бронёй, как бы уходит в свою раковину, и так копит в себе свою взрывную энергию. Это – катакомбное творчество “пустынников духа”»²⁵.

Идея «центробежности» «келейного искусства» соответствует представлению о творчестве вне центра. Это можно понимать и как возможность работы вне больших направлений в искусстве, и как творчество в любом месте гео-

графического пространства, что вполне соответствует реалиям жизни Иванова. «Келейное искусство» соответствует тому внутреннему «деланию», которое наделяет художника пророчесственной свободой, подобной той, которая была у Данте, Бетховена, Лермонтова и Достоевского. Творения художника-пророка отличаются, по мысли Иванова, максимальной степенью приближения к искусству всенародному, предметом которого является «коллективная, а не личная душа», а обращение творческого гения предназначено «ко всем и о всех»²⁶.

Вячеслав Иванов, ученик Т. Моммзена и О. Гиршфельда, не мыслил себя вне пребывания как поэта и философа в интеллектуальной европейской среде. Эта среда представлялась ему в пространственном плане как естественное продолжение Священной Римской империи и как столь же естественная часть русского и, шире, славянского религиозного Ренессанса. Идея третьего славянского Возрождения, близкая представлениям друзей поэта, Ф. Зелинского и И. Анненского, является движущей силой философии и мировоззрения Иванова. Его стремление привить русскую религиозно-философскую традицию к западному древу познания уже отразилось к моменту отъезда в ряде стихов и работ по философии культуры, прежде всего в «Эллинской религии страдающего бога»²⁷, и нашло свое наиболее полное выражение в упомянутой выше диссертации Иванова «Дионис и прадионисийство».

Рим и Москва – два жизненных ориентира поэта и философа. Рим, понимаемый в самом широком историческом, религиозном и культурном плане, всегда виделся поэту как вечно порождающее начало. С точки зрения самих идей Иванова, перемещение в Вечный Город представлялось необходимой в личном и в широком общественном контексте возможностью продолжения философского и поэтического творчества, в том числе и как способа воздействия на ситуацию в России. Приход к власти большевиков и в целом разрушение духовного и жизненного контекста русского символизма в результате катаклизмов, пережитых Россией, способствовали такому перемещению. Вместе с тем, оно создавало даже для такого «русского европейца», как Иванов, сложную ситуацию, поскольку катаклизмы в области духа произошли и в Европе. В определённом смысле можно было говорить и о разрушении европейского, в частности, немецкого символизма, который с точки зрения его культурной среды и основных мифов был коренным образом отличен от соловьёвских идей, лежащих в основе русского символизма. Иванов, хотя и не чувствовал себя чужим на Западе, не мог и не хотел после всех пережитых им и его страной трагедий быть помещённым в чуждый ему поэтический мир. С этой ситуацией необходимо соотносить такое во многом определяющее обстоятельство, каким стало в мировоззренческом плане принятие Ивановым 17 марта 1926 г. католического вероисповедания по восточному обряду, то есть по образцу В. Соловьёва. Все эти объективные и субъективные «смены вех» поместят Иванова в особое культурное пространство, определённое самой атмосферой Вечного Города, пространство сакральной культуры и классической традиции, в котором подобает творить «келейное искусство». Отсюда отныне Иванов хочет – и будет, в том числе благодаря деятельной помощи Е. Д. Шора, – вещать «*urbi et orbi*».

Если обратиться к типологическому поиску внутренней причины пребывания на Западе Е. Д. Шора, то её следует искать в близости его миро-

воззрения к идеям русских символистов. Шор в письмах Иванову и другим корреспондентам также неоднократно подчёркивал насущную необходимость «катакомбной работы»²⁸, скрытой от глаз широкой общественности, особенно в условиях тоталитарного давления на сферу духа. Он, как видим, пользуется определением Иванова, понимая его достаточно широко. «Катакомбная работа» направлена, с точки зрения Шора, на синтез достижений русской и западной философии, прежде всего русской религиозной философии и немецкой феноменологии. Огромная роль в ней принадлежала взаимовлияниям и взаимопроникновениям искусства, литературы, музыки, театра как наиболее действенным подспудным силам, влияющим на человека.

Шор достаточно давно начал свою деятельность в этом направлении. Ещё в 1914 г., перед началом Первой мировой войны, Шор вместе с историком музыки Г.А. Ангертом обращается к В.В. Кандинскому с предложением о русском переводе его книги «Über das Geistige in der Kunst» – «О духовном в искусстве». Выходу этого перевода помешало начало войны. Однако и после её окончания уверенность Шора в правильности избранного пути лишь крепнет. С одной стороны, Шор, принадлежащий к поколению, «преодолевшему символизм» и поднявшему знамя нового искусства, продолжает тесное общение с Кандинским, отсюда его сотрудничество с Bauhaus и знакомство с такими выдающимися деятелями немецкого архитектурного авангарда, как Бруно Таут и Пауль Цукер. С другой стороны, Шор верен в самом традиционном смысле классическому пути развития европейского искусства, музыки и философии конца XIX – начала XX века. Поэтому, следуя советам Ф.А. Степуна²⁹, Шор в 1923 г. иматрикулируется во Фрейбургский университет. Напомним, что звание «красного профессора» – профессора ГАХН, которое было у Шора, на Западе не признавалось, поэтому Шору необходимо было упрочить своё положение как учёного, чему, надо сказать, ГАХН в это время никоим образом не препятствовал. Во Фрейбурге Шор продолжает свои занятия в области философии и физической психологии, начатые ещё в РАХН у Кандинского и Шпета. Он учится у Э. Гуссерля, в это время – директора психологической лаборатории (Psychologische Laboratorium) Фрейбургского университета, и его заместителя, И. Кона. Под руководством И. Кона Шор пишет докторскую диссертацию о философии творчества Г. Зиммеля³⁰. Для Шора феноменология, с одной стороны, и традиция символизма, с другой, представляются возможностью преодоления кризиса Первой мировой войны и его последствий в духовной и культурной сфере, и он стремится всячески способствовать этому как своей научной и культурной деятельностью, так и личным активным участием.

Если попытаться в целом охарактеризовать содержание фонда Иванова в Институте рукописей Национальной Библиотеки Израиля, то можно сказать, что практически все составляющие его документы посвящены тем проблемам «келейной» или «катакомбной» работы, которые связаны с трансляцией на Запад идей русской религиозной философии, русского религиозного символизма. Эти идеи и связанные с ними перипетии понимания, восприятия, воздействия и практического применения обсуждаются Шором с Ивановым в их переписке.

Переписка Шора с Ивановым, как свидетельствуют архивные данные, начинается 25 ноября 1924 г.³¹ Личное обращение Иванова к Шору было под-

готовлено благодаря посредничеству Ф.А. Степуна, который консультировался с Шором по поводу возможностей перевода на немецкий язык статей Иванова о Достоевском и «Диониса и прадионисийства»³². Об особом отношении между Ивановым и Шором свидетельствует тот факт, что Шор, согласно доверенному письму Иванова, становится авторизованным переводчиком его трудов на немецкий язык.

Немаловажно пояснить, почему Степун обращается именно к Шору с просьбой деятельным образом помочь Иванову. Степун, один из членов так называемой фрейбургской «Святой общины» («Heilige Gemeinde»), к которой принадлежали также А.К. Креслинг³³, Д.И. Чижевский и сам Шор³⁴, высоко ценил профессиональную подготовку Евсея Давидовича. Вопрос о том, каким образом надо переводить Иванова на немецкий язык с точки зрения адекватной передачи его идей и кто в Германии мог быть заинтересован русской философией, был в высшей степени актуальным, и Степун полагал, что именно Шор может подействовать в его решении. Переводческая деятельность сначала не имела в виду, однако очень скоро после начала переписки Шора с Ивановым выяснилось, что имеются в виду различные аспекты одной и той же проблемы. Шор заинтересовался возможностями немецкого перевода пока ещё неведомого европейскому читателю русского философа. И Степун, и Иванов, которым Шор посылает первые пробы пера – страницы переводов Иванова, давали ему советы и чисто лингвистического характера, и уточняли, как лучше передать на немецком языке существующие и возникающие по мере переписки философские проблемы.

Немаловажным моментом для Степуна было и то, что Шор, человек очень большого личного обаяния, легко вошёл не только в университетскую профессорскую среду, но и литературные и художественные круги Берлина и Дрездена. Он быстро становится завсегдатаем наиболее крупных салонов, например, берлинского салона итальянского посла в Германии Витторио Черутти и его жены, Elisabeth de Paulay, в прошлом – известной венгерской драматической актрисы, высокообразованной женщины, известной меценатки, оставившей книгу мемуаров «Ambassador's Wife» (London, 1952), или салона графа Понцони, знатока Данте, итальянского консула в Дрездене. Шор к этому времени был знаком с редакторами крупных немецких культурно-философских издательств, в том числе с владельцем издательства «Jos. Waibel'sche Verlagsbuchhandlung» во Фрейбурге Йозефом Вайбелем (Josef Friedrich Waibel) и с Паулем Зибекком (Paul Siebeck), главой издательства «Verlag von J.C.B – Mohr». Тесные отношения будут связывать Шора с Рудольфом Рёсслером (Rudolf Roessler (Rößler), 1897 – 1958), в 1929–1934 гг. руководителем Немецкого Театрального Союза («Der Deutsche Bühnenvolksbund»), редактором берлинского журнала «Das Nationaltheater» и главой издательства «Bühnenvolksbundverlag». Одним из направлений издательской деятельности Рёсслера стала популяризация русской религиозной философии и русского искусства. В 1934 г., после отъезда из Германии в Швейцарию, он основывает в Люцерне издательство «Vita Nova», где, в частности, издаёт книги Степуна, Бердяева и др. в переводе на немецкий язык и привлекает русских философов к антифашистской деятельности. Добавим, что позднее Рёсслер станет тем самым знаменитым разведчиком «Лусу», который через советскую агентурную сеть

в Швейцарии будет передавать сведения о передвижениях немецких войск на восточном фронте, в частности, передаст данные, предрешившие исход битвы на Курской дуге. С Рёсслером, который очень интересовался русской религиозной философией, Шор также будет обсуждать вопросы издания работ Иванова на немецком языке.

Переписка Иванова и Шора, как следует из этой необходимой в данном случае преамбулы, чрезвычайно содержательна и многотемна. В рамках данной статьи возможно лишь кратко остановиться на следующих трёх аспектах истории трансляции в западную философию идей Иванова. Первый аспект связан с изданием немецкого перевода статьи «Русская идея» – первой ласточки плана «катакомбной работы» Иванова и Шора. Второй момент – проект издания на немецком языке работ Иванова, опубликованных ранее в России, как необходимый пролог к переводу книги «Дионис и прадионисийство». И, наконец, необходимо кратко остановиться на проблеме рецепции, а говоря попросту, каким виделся творческому союзу «Иванов и Шор» немецкий читатель работ Иванова.

Переписка свидетельствует об изначальном намерении Иванова представить свои идеи немецкому читателю, поскольку Германия по-прежнему остаётся законодательницей в вопросах философии. Шор предлагает сделать это упорядоченно и планомерно, поскольку для него очевидна проблема: русская религиозная философия в это время практически неизвестна в Европе, а её специфика, столь отличная от европейских философских систем, должна неминуемо вызвать многочисленные вопросы и недоумения. С начала переписки с Ивановым Шор указывает на сложность восприятия и понимания его идей западным читателем и ставит вопрос о том, какой должна быть форма их представления. Указывая на особую важность трансляции идей Иванова на Запад в условиях кризисной послевоенной ситуации, Шор предлагает варианты плана последовательного издания работ Иванова, который позволит представить как таковое мировоззрение русского философа и поэта в его полноте и объёмности. Этот план изданий обсуждается практически с начала переписки и постепенно уточняется. Одновременно ведётся работа по переводу статей Иванова. Шор предлагает издать первой статью «Русская идея», опубликованную в 1909 г. в журнале «Золотое руно», и уже этот первый проект показывает проницательность и дальновидность корреспондента Иванова.

Мысль о переводе «Русской идеи» на немецкий язык возникла ещё в 1925 г. (см. письмо Вяч.И. Иванова Е.Д. Шору от 11 июля 1925 г.³⁵). Первая редакция перевода с предисловием Вяч. Иванова и предисловием переводчика – Е.Д. Шора – относится к 1927 г. Окончательный перевод «Русской идеи» на немецкий язык, сделанный Е.Д. Шором, и с его предисловием вышел в 1930 г.³⁶ Перевод «Русской идеи» представлял западному читателю возможность соотнести национальную идею России с национальными идеями Запада. Актуальность этого перевода очевидна на фоне крайне настороженного или враждебного отношения к большевистской России и оживлённой полемики 1920-х гг. о судьбах Европы. Напомним, к примеру, что в 1923 г. выходит манифест графа Рихарда Николауса фон Куденхове-Калерги «Rapeingora». В нём впервые была представлена идея объединённых государств Европы, которая была призвана гарантировать безопасность для всех европейских народов на

основе принципов либерализма, христианства, социальной ответственности и проевропеизма. Особая значимость придавалась взаимодействию христианства и других мировых религий (иудаизма и ислама). Вопрос о национальных различиях решался на основе полного равенства и активного взаимодействия в ситуации необходимости объединения перед лицом угрозы новой мировой войны. Идеи нового движения широко дискутируются в среде европейских интеллектуалов, например, таким корреспондентом Шора, как Александр Марк (Alexandre Marc (Александр Маркович Липянский), 1904 – 2000), философ-персоналист, автор проекта «интегрального федерализма». Участники этих новых движений будут непримиримы по отношению к большевизму и возникающему на фоне напряжённой внутренней ситуации в Германии национал-социализму. Так, в октябре 1932 года на Третьем панъевропейском конгрессе в Базеле Куденхове-Калерги заявил о нетерпимом отношении к Гитлеру и Сталину. Набирающий силу национал-социализм и столь аристократическая идея взаимодействия национальных идей в Европе и мире были несовместимы. Объединение Европы, по мнению нацистов, привело бы к недопустимому «смещению рас», поэтому в 1933 году панъевропейская литература в Германии была запрещена и сожжена.

Идеи Р.Н. фон Куденхове-Калерги – только один из примеров европейских дискуссий этого времени по национальному вопросу. В связи с его актуальностью Шор и предлагает Иванову сделать перевод «Русской идеи», который сразу поставил бы её автора в центр дебатов по поводу этнолингвистического, религиозного, культурного и геополитического взаимодействия. Образ России и её роль в Европе и в мире представляли перед читателем в новом, непривычном для современного Запада освещении. Ещё в 1909 г. в оригинале статьи национальный вопрос понимается Ивановым применительно к конкретным историческим условиям страны, пережившей первую русскую революцию, как ситуация религиозного испытания, в которую поставлены Россия и русский народ. В этом заключается основной пафос статьи «Русская идея». Если рассматривать статью Иванова в широком историко-философском контексте дискуссии о самом понятии русской идеи как проблемы предназначения России и русского народа, что предлагал делать ещё Н.А. Бердяев в своей рецензии 1909 г.³⁷, то очевидно, что Иванов объединяет в единое органическое целое полярно противоположные позиции. С одной стороны, для него, несомненно, существенна точка зрения П.Я. Чаадаева, утверждающего отсутствие какой бы то ни было национальной идеи в России и полагавшего, что Россия призвана преподать урок миру. С другой стороны, столь же важной являлась для Иванова позиция Достоевского, утверждавшего в «Дневнике писателя», что Россия в муках рождает свою самостоятельную идею (см. письмо Иванова Шору от 15 февраля 1930 г.). Русская идея и русская «всемирная отзывчивость» помогут, с точки зрения Достоевского, прекратить всемирные раздоры и привести к мировому единению на основе признания великой русской правды и правоты. Иванову не были близки националистические взгляды Достоевского, но такие представления, как соборность, всенародность и всеединство, с ними связаны, поэтому необходимо проводить тщательный анализ, чтобы избежать обвинений Иванова в национализме или «идеократии», согласно определению Степуна по отношению к тоталитарным системам³⁸.

Современная европейская ситуация приобретает у Иванова – в немалой степени, как будет показано ниже, под воздействием Шора – черты религиозной символистской мистерии, ср. последующую распространённость такого понимания, например, в мемуарах Степуна или в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Мысль о важности жанра мистерии, мистериального пересоздания личности – одна из заветных идей Иванова. Ещё в 1906 г. в работе «Предчувствия и предвестия» Иванов писал о необходимости рассматривать происходящее в мире как театр хоровых трагедий, комедий и мистерий, где слышен свободный голос народных общин. Эти общины представляются ему «пророчесственными» и имеющими непосредственное влияние на ход мировых событий. Иванов пишет: «И только тогда... осуществится действительная политическая свобода, когда хоровой голос таких общин будет подлинным референдумом истинной воли народной»³⁹.

Российский большевизм, рост националистических настроений в Италии и Германии, всё более осязаемая опасность приближения второй мировой войны могут быть преодолены, думается Иванову и Шору, если представить европейскому и мировому сообществу образец поведения страны и её народа в ситуации религиозного испытания на фоне сегодняшнего бедственного положения России.

Актуальность работы заставляет Иванова и Шора фактически переработать статью и в ряде моментов пересмотреть её концепцию. Переписка по поводу «Русской идеи» представляет собой напряжённый диалог, бурное обсуждение основных положений статьи. Шор задает вопросы, Иванов страстно на них отвечает, и в результате возникают страницы перевода, которые вновь и вновь подвергаются корректировке. Иванов, как очевидно, очень доволен таким процессом работы. 26 октября 1927 г. он пишет Шору⁴⁰: «“Усовершенствовать плоды любимых дум”⁴¹ я вообще склонен, даже до чрезмерности, – а Вы ещё жара поддаете. В заключение, Вы получаете не прежнюю рукопись с поправками, а новую – и намного более обширную – редакцию опыта о Русской идее. Надеюсь: последнюю? Или Ваши новые подкопы произведут дальнейшие взрывы?»

Вот два примера таких «подкопов» Шора из письма от 9 января 1930 г.⁴² и последующих «взрывов» Иванова. Первый «подкоп» – это вопрос Шора о том различии отношения к русской революции, которое столь резко разделило бывших соратников-символистов, прежде всего Иванова и Блока. Шор пишет: «Узрение Блоком Христа в Революции (но не с Революцией) есть для меня залог того, что Россия от Революции не погибнет, но возродится к новой жизни; что Революция для русского народа есть “путь греха”, есть погружение в грех, на дне которого обретается граница греха, как встреча со своей совестью – она же есть вестник иного мира, присутствующего во мне или на меня нисходящего. Думаю я также, что солидаризация Блока с большевиками и узрение им Христа в бурях и метелях революции – явления двух совершенно различных внутренних сфер. Не потому Блок был с революцией, что увидел Христа, не потому увидел это видение, что был уже с революцией; видение Христа было даром Блоку прежнему, светлому, ещё не изменившему – недаром Блок эпохи революции остался растерянным перед этим видением, чуждым ему. Видение Христа Блоку есть, конечно, “знак многоглаголивый”. И быть может, чтобы не

было соблазну, надо было бы сказать: не в метелях революции, а через метели революции увидел он образ Христа».

Второй «подкоп» связан с первым: сама формулировка вопроса о смысле образа Христа в поэме «Двенадцать» неминуемо заставляет Шора обратить внимание на сходство между символикой Блока и символикой Иванова. Шору представляется, что образ Христа у Блока и образ св. Христофора в статье Иванова «Русская идея» могут свидетельствовать о каком-то прежнем единстве соратников по символизму и, следовательно, о сходном видении будущего пути России. Если у Блока Христос идет впереди революционных матросов, то почему бы всё же не видеть в нём символа – указания на освящённость пути большевистской России. Отсюда у Шора естественно возникает аналогия: появление у Иванова образа св. Христофора, несущего на плечах младенца Христа, представляется идеей заранее запрограммированного спасения России и русского народа, подобной той, которая видится Шору в «Двенадцати». Вместе с тем Шор справедливо обращает внимание на присутствие какой-то другой, непонятной ему, установки в завершающем статью сравнении русского народа – «христоносца» с легендой о св. Христофоре⁴³. Сюжет легенды связан с мотивом испытания – переносом на другой берег реки Божественного Младенца – Христа. Иванов писал в 1909 г.: «Но так оказалось тяжко лёгкое бремя, им поднятое, словно довелось ему понести на себе бремя всего мира. С великим трудом, почти отчаиваясь в достижении, переходит он речной брод и выносит на берег младенца – Иисуса... Так и России грозит опасность изнеможеть и потонуть (курсив мой. – *Н. С.-П.*)».⁴⁴

Это предложение заставляет Шора продолжить своё размышление о кажущемся единстве Иванова и Блока. Шор пишет: «Соблазнительность и кощунственность Христа “Двенадцати” представляется мне результатом указанной мною антиномичности. Но странным образом, – и здесь я прошу Вас разъяснить мне – эту же антиномическую структуру образов и некоторый оттенок соблазна я нахожу в толковании Вашем легенды о св. Христофоре. Последняя фраза “Русской Идеи”: “так и России грозит опасность изнеможеть и потонуть”. Разве с Христом на плечах возможно изнеможеть и погибнуть? И Христос ли это во истину, если иго его не легко, и если тяжкое бремя его не спасительно?»

Конечно, в сознании Христофора, не знающего, что он несёт Христа, его путь через бушующие воды должен был представляться тяжёлым и гибельным; но мы, знающие, что он был “Христофор”, – разве мы можем принять возможность его гибели? Опасность гибели была для него до того, как он принял на свои плечи божественного младенца. Опасность как возможность гибели есть – во внутреннем мире (а, может быть, и во внешнем) – спутник и признак свободы выбора и самоопределения. Но когда выбор этот совершился, и выбран Христос (– ведь Христос мог снизойти лишь на того, кто его выбрал свободно или – что то же – кого Он избрал), тогда опасности больше нет, тогда возможность гибели, тогда самая гибель есть спасительный путь; этой “гибели” надо не бояться, но радоваться ей, как радовались мученики-христиане своим страданиям и казням. Вводя понятие опасности в толкование легенды о св. Христофоре, не вводите ли Вы в неё жало сомнения и не придаёте ли образу Христа, под знак которого Вы ставите русский народ, странные и соблазнительные черты?»

Как видим, Шор действительно далёк от пиететного отношения к творениям Иванова. Обострённое художественное и философское чутьё заставляет его увидеть наиболее важное и наиболее сомнительное место в плане понимания и у Блока, и у Иванова, и сформулировать проблему самым бескомпромиссным образом. Ответ Иванова следует незамедлительно. В письме от 13(19) января 1930 г.⁴⁵ мы видим лаконичную и очень резкую формулировку сегодняшнего отношения Иванова к Блоку и к прежнему единству русского символизма: «Наконец, о Христе Блока. Я утверждаю *Auferstehung nach dem Tode*⁴⁶, Блок в “Двенадцати” утверждает Христа в (подчеркнуто Ивановым. – *Н. С.-Р.*) революции. (Правда, этот проблематический Христос “в белом венчике из роз” нисколько не похож на Христа христиан). Столь резкое отрицание противопоставляю я символике Блока, которая представляется мне и ложною, и кощунственной. Между тем, говоря о духовной, эзотерической спаянности нашей новой группы символистов (что совершенно справедливо, несмотря на все бывшие внутри её конфликты и противоположности) и иллюстрируя положения моей статьи о смерти и воскресении символом Блока, Вы невольно вызываете в читателе представление о нашем единодушии и в оценке наступившей революции. Это очень важно и ответственно; но именно с наступлением революции мы уже были друг другу духовно чужды, – прежняя община поэтов, узнававших друг друга, как Вы метко говорите, по некоей “ауре”, – больше не существовала».

Но и этого, вполне ясного и отчётливого, отрицания псевдохристианского видения русской революции Блоком кажется Иванову недостаточно, и он добавляет поскриптим: «...о Блоке непременно вычеркнуть. Не забывайте, что “Двенадцать” суть “двенадцать” апостолов, идущих за “Христом”: это апостолы Лжехриста расстреливают “святую Русь”. Блок утверждал, что большевизм и есть явление Христа... И мне несказанно тяжело видеть свои идеи приводимыми в связь с революционными чаяниями Блока». Как видим, ни о каком единстве или примирении с бывшими соратниками по символизму, о котором говорят некоторые российские исследователи⁴⁷, для Иванова речи нет и быть не может.

По поводу разницы между образом Христа у Блока и символом св. Христофора в «Русской идее» Иванов отвечает не прямо, очевидно, потому, что сама мысль об этом сходстве его неприятно поразила. Однако «подкоп» Шора заставляет его изменить формулировку последнего предложения так, чтобы предельно акцентировать момент испытания, в котором находится Россия. Иванов 15 февраля 1930 г. настойчиво требует оставить в переводе момент заданности испытания и ни в коем случае не заменять его утверждением святости России и русского народа: «Дорогой Евсей Давидович, мне поистине грустно огорчить Вас своим противоречием и упрямством, но всё же я принужден категорически заявить, что не согласен изменить ни единой йоты в моей последней корректуре. Это моя последняя и окончательная редакция, за которую я беру на себя всю ответственность; она непреложна, как духовное завещание (подчеркнуто В. Ивановым. – *Н.С.-Р.*) ... “Freilich wäre das Volk dann auch wie Christophorus”⁴⁸. Ибо выбран народ испытующим и считаю даже неблагочестивым заранее утверждать, что испытание будет выдержано»⁴⁹.

Как видим, Шор, отмечая всё больше и больше проявляющееся в немецком тексте статьи это смещение акцента с данности идеи на её заданность, про-

должает недоумевать и настаивать на иных возможностях перевода столь тревожащей его фразы о грозящей России опасности: «Ответ на мои соображения по поводу св. Христофора внушает мне, дорогой Вячеслав Иванович, новые сомнения. Вы пишете: “Тогда, впрочем, он не был бы Христофором”. Как надо понимать Ваши слова: “...но так как русский народ существенно христоносец, то и опасности все преодолест и вынесет на спасительный берег младенца Христа”. Или же: “Может быть, русский народ действительно христоносец; тогда перенесёт все опасности и спасётся. Может быть, он – не христоносец, тогда погибнет в разыгравшейся стихии, и с ним погибнет марево русского Христа”. Из добавочного предложения не видно, верите или не верите Вы, что русский народ воистину богоносец, и эта неопределённость, внезапно привнесённая, едва ли не отменяет содержание всей статьи. Ведь смысл её в том, что Вы утверждаете свою веру в русский народ как народ – христоносец; в этом – Ваша глубинная интуиция, Ваше (слово пропущено. – *Н. С.-Р.*) национального существа; в этом и русская идея в её сверхчувственном узрении. Если поставить это под сомнение, то сомнение проникает в самую сердцевину статьи. Тогда пафос совлечения перестаёт быть земным аспектом небесного нисхождения, но превращается в психологическую случайность, лишённую символического смысла. Мне кажется, что этого результата легко было бы избежать, указав, что общность судьбы Христофора и народа – христоносца – не в опасности гибели, но – в опасности изнемогать (не изнемочь) в борьбе с разыгравшимися земными стихиями, в опасности очутиться в преддверии гибели и заглянуть в зияющую бездну пустой смерти» (письмо помечено 13 февраля 1930 г., но, как очевидно из сопоставления с ответами Иванова, было написано в течение нескольких следующих дней, а затем отправлено)⁵⁰.

Иванов отвечает 2 марта 1930 г.: «Относительно заключительной фразы. Я собираюсь уведомить Вас, что уступаю – пусть будет сказано серьёзнее, торжественнее, увереннее: dann aber wäre er kein Christophorus⁵¹. Но признаюсь, что предпочитаю сам чуть-чуть ироничное “freilich...”»⁵².

Далее Иванов недвусмысленно разъясняет своему молодому другу, в чём же разница между его позицией 1909 г., высказанной в статье «О русской идее», и его видением судьбы России и русского народа в ситуации религиозного испытания большевизмом: «Вы меня психологически не понимаете? Народ для меня священен, поскольку он – Церковь. Он “богоносец”, лишь поскольку совпадает с церковью. Точнее, церковь в нём богоносец, а не он сам... Соблазнится большевистским безбожием, – значит, не Христофор: т. е. весь, в своём целом, а церковь свелась в нём к 7 праведникам, уже бессильным спасти Содом. Соль потеряла силу – её выбрасывают вон, как я цитировал свои слова выше (в “Р. Идее”)... Верно, что прежде я ставил акцент на данность идеи, теперь на заданность. Моя ли вина, что родовые муки действительно начались, что година испытаний настала? (подчеркнуто В. Ивановым. – *Н. С.-Р.*)»⁵³.

Ответ Иванова показывает, насколько выстраданным было для него то, что он писал в 1917 г. в статье «Революция и самоопределение России», уже упоминавшейся выше. Иванов, используя понятие «страж порога», широко используемое в теософии и антропософии⁵⁴ и прозревая будущие открытия Юнга⁵⁵ и идеи диалогизма Бубера и Бахтина, писал о революции как о встрече человека со стражем порога, символизирующем тёмное начало в самом

человеке, его двойника. Побороть стража порога и переродиться духовно можно только путём религиозного самоопределения. Этот путь суждён, по мысли Иванова, России и русскому народу, попавшим под власть собственной демонической сущности, вырвавшейся на волю⁵⁶. Таким образом, вопрос о причинах большевистской революции и поисках виновников переносился из внешнего во внутреннее, в область личной и коллективной психологии. Отсюда довольно резкое замечание – вопрос Иванова, адресованный Шору, о том, как можно не понимать этой разницы в психологии и самой психике людей, одни из которых отвергают большевиков как низкое, тёмное начало в человеческой природе, а другие радостно его приветствуют? Этот вопрос отнюдь не риторический. Ответ на него предполагает максимальную правдивость и, следовательно, дальнейшее абсолютное доверие или полный разрыв.

Иванов, как очевидно из приведённого фрагмента, хочет максимальной ясности в отношениях с человеком, который ему столь дорог. Никаких сомнительных призраков, вроде Христа Блока, на пути общения Иванова и Шора стоять не должно. Об опасности этих фантомов писал Иванов всё в той же статье «Революция и самоопределение России», и ему не хочется, чтобы его молодой друг соблазнился ими. Россия для Иванова – тяжело больная страна, мечущаяся без сознания, как женщина в родильной горячке⁵⁷. Иванов пытается разъяснить Шору именно этот момент, сопоставляя его с моментом испытания. Он, фактически, кратко цитирует в этом фрагменте письма первую часть столь важной для него статьи. Оттуда взяты образы семи праведников и родовых мук страны, которые, пишет Иванов, «предвещал ещё Достоевский». Облегчить эти муки может только грядущее прозрение, новое возвращение к христианству, основание новой, подлинно христианской, российской империи⁵⁸.

Таким образом, вопросы-«подкопы» Шора заставляют Иванова утверждать открыто и непосредственно перенос акцента с унаследованного от Достоевского образа русского «народа-богоносца», которому уготована в мире мессиянская функция, на образ «народа-Христофора», народа в состоянии Божественного испытания. Момент неизвестности исхода болезни большевизма, тяжёлый момент колебаний, соблазна и мук констатируется сурово и бескомпромиссно. Для Шора, человека мягкого и деликатного, но твёрдого в своих взглядах и решениях эти дискуссии были прекрасной возможностью точно определить свои философские, политические и, думается, религиозные взгляды. Суровый тон и отповеди – разъяснения Иванова лишь укрепляют их дружбу, и надо отметить восторженно-радостный тон его благодарностей Шору за преданность и подлинное понимание.

В связи с этой отчётливой формулировкой отношения Иванова к большевикам, перенесённой в немецкий перевод статьи «Русская идея», возникает вопрос: нарушил ли поэт и философ данное при отъезде из СССР обещание не высказываться публично о современной советской политике? Речь идёт не только о вопросах моральной ответственности перед властью, но и о шепетильной финансовой проблеме. Иванов продолжает в течение достаточно продолжительного времени получать зарплату и пенсию ЦЕКУБУ, на руках у него двое детей, и надо оплачивать их обучение (напомню, что дочь Иванова, Лидия, продолжает своё музыкальное обучение в Риме под руководством композитора О. Респиги, а сын Дмитрий, ещё школьник, сразу же по приезде

в Италию заболевает туберкулёзом). Несмотря на угрозу лишиться денежного пособия из Советского Союза, Иванов, потерявший в результате революции практически всё имущество и состояние, в том числе и весьма внушительное состояние его покойной супруги, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, считает вопросом чести донести до западного читателя свои идеи. Он не сотрудничает с эмигрантскими изданиями и не высказывается непосредственно в печати по поводу ситуации в России, но план Шора по переработке старых статей и прежде всего публикация «Русской идеи» предоставляют не меньшие возможности прямого звучания авторского голоса и вместе с тем отклоняют прямые обвинения со стороны советской власти. Он в высшей степени ценит «умное деланье» Шора и многократно выражает ему в письмах свою благодарность за предпринятое дело ознакомления немецких и, в целом, европейских читателей с кругом его идей.

Особенно важно в этом отношении письмо Шора от 8 февраля 1930 г. и ответ Иванова от 13 февраля 1930 г., написанные накануне выхода «Русской идеи». Шор высказывает предостережения по поводу того, чем со стороны советского правительства может грозить эта публикация Иванову. Он считает, что она, в том числе, способна повредить и самому положению тех советских академических органов, на чьей дотации Иванов состоит⁵⁹. Выход из этой ситуации – не упоминать об участии Иванова в издании «Русской идеи», представив его инициативой самого Шора, уже лишённого советского гражданства, и редакции «Моор Зибек». При этом необходимо снять написанное Ивановым в 1927 г. предисловие для немецкого издания. Взамен Шор вызывается написать предисловие, как обычно, при участии Иванова и без упоминания его имени, то есть опять-таки дать ему возможность прямого высказывания без риска для его положения. Таким образом, Иванов был бы спасён и от гнева большевиков, и от материальных неприятностей.

Однако, высоко ценя дружбу и предусмотрительность Шора, Иванов отвечает по этому поводу совершенно недвусмысленно: «...лучшая тактика в таких случаях, по-моему, всё же строгая правдивость. Предполагая анафему со стороны большевиков, не думаю, однако, что я подвожу нашу публикацией под удар ЦЕКУБУ: за то время, что они ко мне были благосклонны, я был политически безупречен. Гнев на ЦЕКУБУ мог бы разразиться, если бы я выступил с политическим памфлетом против советского правительства; но “Русская идея” не такова. Она ведь только философское рассмотрение, объективно и беспристрастно оценивающее и царей, и “землю”, и интеллигенцию, и народ, соединяющихся в требовании “органической культуры”, которой хотят и большевики: только моя органическая культура религиозна, а их органическая культура безбожна, – если в этом главное различие, оно не так уж опасно, ибо “религиозный фронт” – внутренний, большевистское безбожие не предмет экспорта, – а я издавна известен как защитник религии»⁶⁰.

Иванов понимает, что дело так или иначе идёт о его «отлучении», поскольку уже осенью 1929 г. Наркомпрос требовал его возвращения в СССР, и только хлопоты Горького помогли уладить дело. Глубоко понимая психологию русской души и причины революции в России и в высшей степени заинтересованно следя за развитием событий, Иванов прекрасно понимал, что речь идёт о долгих годах большевистской власти. Он знал, чем грозило ему пребывание

в России и что сулит возвращение ему и его семье. Поэтому, продолжая это же письмо, Иванов писал: «...перед нами дилемма: или упомянуть о моём участии в немецком издании “Русской идеи”, или не издавать книжки вовсе. И я думаю, в связи со всем вышеизложенным, что такая огромная жертва была бы даже бесполезна. Решаю, следовательно, “Русскую идею” всё же издавать и от своего участия в издании не отрекаться. Отрекаюсь только от своего немецкого предисловия (противно уклончивого) и прошу Вас сказать о моём участии в Вашем предисловии».

«Русская идея» благополучно выходит в 1930 г. с предисловием Шора, как свидетельствует переписка, самым внимательным образом проработанным Ивановым. Россия со страниц перевода-переработки Иванова-Шора предстала Западу первой европейской страной, оказавшейся в ситуации испытания христианской веры. В этом плане очень важна полемика Иванова и Шора по поводу вопроса о том, является ли Россия страной азиатской, непредсказуемой и опасной, или частью Европы. Этот принципиальный для Иванова вопрос остро дискутируется во время работы над переводом «Русской идеи». Так, 26 октября 1927 г. Иванов заявляет Шору: «Для Вас Россия – “внеевропейская страна”, Европа, – она же и культура, – создание германских племён по преимуществу. Россия – “провинция” этой европейской культуры, как и Азия; революция грозит опасностью насаждениям этой культуры в России и т. д. Для меня культура – грекоримское растение. Оно даёт два ростка: Европ<ейский> Восток и Европ<ейский> Запад. Исконная (народная) русская культура – подлинная, античная, византийская культура, хотя в состоянии относительной стагнации. Западно-евр<опейская> культура едина и жива во всех племенах, некогда романизированных. Германские племена, никогда не романизированные, приобщены к истории не менее издавна, хотя доселе ей антигетичны в её пределах. Русское назначение не охранять “насаждения” (кстати, Россия сама европеизировалась, когда захотела, никто её не “европеизировал”, как Индию или Китай), но *упразднить* критический *modus* современной евр<опейской> культуры, заменить его *органическим*, что ей одной возможно, ибо она одна сохранила залежи стародавней органической культуры. Кстати, большевики также хотят органической культуры, и только в этом смысле неверны современной европейской культуре (курсив Иванова. – *Н. С.-Р.*)»⁶¹.

В этом заявлении-декларации как нельзя лучше видны очертания концепции Третьего славянского возрождения, разделяемой В. Ивановым. Она лежит и в основе статьи «Русская идея». «Ex Oriente lux» – «Свет с Востока», о котором писали В. Соловьёв, Ф. Зелинский, И. Анненский и сам Иванов, – должен был прийти к немецкоязычному читателю вместе с понятием органической культуры как культуры всенародной. К всенародной культуре славянские народы и русский народ в частности ощущают особую причастность и в периоды дионисийского разрушения, и в аполлонически светлые времена. И «Русская идея», и другие работы Иванова, особенно те, в которых отчётливо просматривалась его концепция дионисизма в его соотношении с христианством, должны были представить Европе её синхроническое и диахроническое развитие в стремлении к обретению нового пути. Для этого Шором и Ивановым был разработан проект изданий, начатый «Русской идеей», уже приготовлявшей немецкого и – шире – западного читателя к восприятию философии славянского ренессанса как части европейского Серебряного века.

Наиболее ясное выражение этапов работы над этим планом мы находим в письме Шора от 27 июля 1932 г. Шор, возвращаясь к проблеме общеевропейского духовного кризиса как фону публикаций, пишет Иванову: «Несмотря на продолжающийся экономический кризис и нарастающий кризис политический, я нахожу, что время для издания Ваших произведений созрело: и финансовый, и политический кризис начинают переживаться широкими кругами как кризис культуры. Снова нарастают настроения послевоенных годов и вместе с ними жажда духовной пищи... Давно уже мы пришли к заключению, что статьи Ваши можно собрать в 5 книг, первой ласточкой предпослав им отдельное издание “Русской Идеи”. В 28 году у нас составилась окончательная программа: Достоевский. – Искусство и символ. – Судьба театра. – Преодоление индивидуализма. – Монографические эссе».⁶²

К 1932 г. часть статей, которые должны были быть включены в эти пять книг, уже были переведены на немецкий язык, были опубликованы и имели успех «Русская идея» и пионерская монография Иванова «Dostojewskij. Tragödie – Mythos – Mystik»⁶³. Издательство «Моор Зибек» было заинтересовано в продолжении успешно начатой работы. Шор также обращается в английские и американские издательства по поводу изданий Иванова. В приложении к этому же письму от 27 июля 1932 г. Шор посылает окончательный план – содержательный состав намеченных пяти книг. Их выпуск стал бы завершением подготовительной семилетней работы. План включал в себя в основном переработки статей Иванова 1904–1919 гг. и отдельные новые работы, прежде всего книгу о Достоевском:

«I “Русская Идея”

II “Достоевский”

1. Поэт и чернь
2. Копьё Афины
3. Символика эстетических начал
4. Две стихии в современном символизме

5. Заветы символизма

6. Мысли о символизме

7. Манера, лицо и стиль

8. Границы искусства

III Судьбы театра

1. Ницше и Дионис

2. Вагнер и Дионисово действо

3. Предчувствия и предвестия

4. Эстетическая норма театра

5. О существовании трагедии

6. Ревизор Гоголя и комедия Аристофана

IV Преодоление индивидуализма

1. Кризис индивидуализма

2. О неприятии мира

3. “Ты еси”

4. О достоинстве женщины

5. Древний ужас

6. Klüfte⁶⁴

V Монографические эссе

1. Лев Толстой
2. Владимир Соловьёв
3. Шиллер
4. Гёте
5. Новалис
6. Байрон».

Осуществление этого плана изданий позволило бы продемонстрировать как теорию трагедии Иванова, так и в целом принцип дионисийства в его синхроническом и диахроническом аспектах, его сущностную важность для современной европейской культуры. Раскрытию идей дионисизма как основополагающего фактора развития культуры и истории и их современного этапа соответствует систематизация статей и их стилистика. Следуя её логике – логике ивановской метаисторической интуиции, образ Диониса как префигурации Христа предполагает исторические префигурации христианской Церкви⁶⁵, ср. в этом плане приведённую выше полемику о св. Христофоре. Шор, предлагавший первоначально осуществить публикацию намеченных пяти книг, подготавливал немецкоязычную аудиторию к восприятию заветной работы Иванова «Дионис и прадионисийство».

Трудность заключалась в известной скомпрометированности слов «Дионис» и «дионисийство» для западной аудитории после того, как Ульрих фон Вилламовиц-Меллендорф (Ulrich von Willamowitz-Moellendorf, 1848 – 1931) написал памфлет «Zukunftsphilologie» – «Филология будущего» – на вышедшую в 1872 г. книгу Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Выдающийся немецкий классический филолог, знаток литературных источников и исследователь истории Древней Греции, Вилламовиц-Меллендорф отнёсся, как известно, к труду Ницше резко отрицательно. В частности, Вилламовиц писал: «Пусть г-н Ницше держит слово, берёт в руки тирс, отправляется из Индии в греки, но пусть же сойдёт он с кафедры, на которой взялся учить науке, пусть соберёт у ног своих тигров и пантер, но не немецких юношей-филологов»⁶⁶.

Вопрос о новой встрече немецкого читателя с идеями Ницше в критическом освещении Иванова в этой связи приобретает особое значение. Девятого января 1933 г. Шор писал Иванову: «... читатель, [зачеркнуто] мало знакомый с Ницше, быть может, читавший только “Рождение трагедии” и слышавший о Заратустре, но могущий внутренне откликнуться на то, что составляло трагедию Ницше, конечно, должен взять в руки Вашу статью “Ницше и Дионис”»: ибо в ней откроется ему Ницше во всей своей глубине, и [зачеркнуто] иначе зазвучат слова Ницше, когда он возьмётся за его произведения после того, как он углублялся в Вашу статью»⁶⁷.

Подчеркнём, что Шор имеет в виду не только или даже совсем не академического читателя, хотя нельзя не сказать о том, что уже перевод «Русской идеи» вызвал определённое оживление рецензентов, прежде всего Фридриха Мукерманна и Эмилия Метнера, написавших глубокие разборы статьи⁶⁸.

Шор исходит из теории хорового творчества Иванова, согласно которой, поэт и читатель составляют своего рода синхроническую и диахроническую

парадигму: «диалог между поэтом и аудиторией как проекция корифея и античного хора». Ситуация современной Германии в период между войнами, Германии накануне прихода к власти национал-социалистов представляется Шору наиболее подходящей для такого рода нового воплощения парадигмы «поэт и чернь» (см. наличие одноимённой статьи 1904 г. в плане изданий). Напомним, что, с точки зрения Иванова, функция поэта во все времена – вызывать к душе народной, которая откликнется пророческим голосом народной общины, способной повлиять на структуру современного мира. Отсюда важность образа читателя, каким его видят Шор и Иванов.

Шор пишет по этому поводу в том же письме от 9 января 1933 г. применительно к гипотетическому немецкоязычному читателю «Диониса и прадионисийства»: «“Русскую Идею” может взять в руки человек, ничего о России не знающий; если только он привык жить подлинной духовной жизнью, если только он в какой-либо области истории или культуры дошёл до существенной глубины – в этом отчасти заключается, кажется мне, внутренний канон читателя – то он осилит “Русскую Идею” и отложит её, обогащённый новым внутренним опытом и новыми знаниями. То же о “Достоевском”, единственное “внешнее” условие которого есть знание произведений Достоевского... Конечно, что-нибудь должен такой существенный читатель знать – но не непременно всё то, что знает автор. И что для читателя будет началом, что станет концом – от Гоголя ли пойдёт он к Аристофану, или от Аристофана к Гоголю, или, быть может, от средневекового театра к тому и другому, или, наконец, от Вашей статьи, впервые почувствовав всю тварь как хор, стенающий о спасении и в своих глубинах тающий знание о путях его, – от Вашей статьи двинется к театру, к создателям и произведениям его – этого предугадать автор не может. И если автор ставит условием чтения своих произведений определённую область знаний и определённую сферу образованности, то, быть может, он преграждает достойнейшим путь своему творчеству.

Сейчас в Германии рождается новый тип существенного читателя. Гуманистического образования он не получил, античности не знает. В нём живет большая религиозная взволнованность. Он пытается утолить её современной теологической мыслью – “диалектической теологией”, Бартом, Тиллихом и др. Разочаровавшись и отчаявшись в этом теологическом нигилизме, он берётся за Августина и Фому Аквинского. Быть может, он со временем придёт к античным истокам христианской теологии: но это будет гораздо позже и не обязательно. Этот новый существенный читатель и является читателем Ваших произведений. К нему обращается вся деятельность Театрального Союза, стремящегося, как я кажется Вам писал, на путях театра достигнуть подлинной общинности и сверххудожественного, религиозного всеединства и из религиозной взволнованности обновить и поднять распадающийся театр.

Именно этот читатель, а не филологические круги Германии. Для них – и Ничше, и Дионис представляются надолго скомпроментированными. Они всё ещё находятся под обаянием Вилламовица и его уничтожающей критики “Рождения трагедии”. Эти круги “прощают” Ничше его филологические грехи за его “поэтический дух”, за несравненный язык. Но пророческого духа Ничше они не заметили, да и вряд ли и заметят когда-нибудь. Использование

антитезы “Аполлон и Дионис”, “аполлонийство и дионисийство” встречается в этих кругах с улыбкой, как некое дилетантство. Так что Ваша книга о Театре явится в то же время апологией и Ничше, и Диониса, и доказательством того, что на открытой Ничше антитезе может быть построена книга, дышащая подлинным научным, философским и поэтическим духом»⁶⁹.

Любопытно, что Иванову подобного рода неоромантическое преодоление трагического разрыва между поэтом и народом также представляется чрезвычайно важным, как путь нейтрализации результатов эпохи позитивизма и специализации, лишившей людей общего языка и общего сознания. В письме от 12 января 1933 г. Иванов с радостью подтверждает своё полное согласие с положением Шора о том, что «существенный читатель», который может, не зная ничего о России, понять статью о русской идее, и есть «внутренний канон читателя». Иванов с удовлетворением цитирует соответствующее место письма Шора (см. выше) и приводит в качестве подтверждения рецензию на «Русскую идею» своего бывшего ученика, ныне преподавателя философии в розминьянском лицее в Domodossola, д-ра Данте Морандо, «La Russia nel pensiero di Venceslav Ivanov»⁷⁰. Эта рецензия представляется Иванову образцом восприятия «существенного читателя», который никогда не был в России, читал о ней очень мало, но правильно понял суть работы. Следует заметить, что Данте Морандо в будущем станет профессором Павийского университета (Dante Morando, 1908 – 1959), известным философом и педагогом. «...Поza автора, – пишет далее Иванов, – должна быть позою образованного собеседника, говорящего со слушателем образованным, <но отнюдь> не специалистом: поэтому можно употреблеть любой термин, если таковой тут же обстоятельно и точно разъяснить. Именно такого читателя я хочу».

На самом деле соотношение между автором и немецкоязычным читателем, особенно будущим читателем перевода «Диониса и прадионисийства», представляется более сложным. С одной стороны, изначально подчёркивается, что не имеется в виду некая утопической аудитории без особого образования, которая медиумически следует за словом поэта. С другой стороны, этот медиумический момент является обязательным. Не случайно в этом же письме после всех благодарностей Шору Иванов пишет: «Вы прекрасно пишете о “поэте и черни” и о “хоре”; не думайте однако, что я от этого отрёкся... то, что я ещё делаю в области поэзии (а это, может быть, самое внутреннее, что я ещё имею сказать), не требует даже “общего образования”, но понятно до конца любому русскому мужику, ещё не разучившемуся (а опасность эта есть!) говорить по-русски (подчёркивание Иванова. – *Н.С.-Р.*). О “филологах” же я меньше всего забочусь и вовсе не к ним обращаюсь. Почему и заглавие “Dionis und wir” поддерживаю».

Однако в Германии накануне апреля 1933 г., когда многие, в том числе и национал-социалисты, размышляли о способе непосредственного, прямого воздействия на умы и сердца, образ читателя, каким он представлялся Иванову и Шору, оказался не более чем абстракцией. Абстракцией оказался и проект спасения – предупреждения Европы от опасности национал-социализма на фоне его сходства с большевизмом. Такой же абстракцией в то время стало, конечно, и полное осуществление задуманного Шором и Ивановым плана трансляции идей русской философии и культуры в европейское духовное и интеллектуальное пространство.

Приход к власти национал-социалистов станет поворотным пунктом в дружбе и совместной деятельности Иванова и Шора. Ученик окажется достойным своего учителя. Иванов, недооценивая масштаб надвигающейся катастрофы, впрочем, как и Степун, который очень скоро на себе испытает, что такое национал-социалистские преследования, будет пытаться уговорить Шора остаться в 1934 г. в Германии для продолжения столь блестяще начатой деятельности. Однако Шору уже будет понятно, что час испытаний для Европы, и особенно для европейского еврейства, настал – так же, как он настал когда-то для России. Его путь – в Палестину – Эрец Исраэль, где он начнёт новую жизнь и новый этап своей замечательной деятельности. А переписка с его учителем и другом, поэтом – философом – пророком, будет продолжаться.

Книга «Дионис и прадионисийство» в переводе на немецкий язык выйдет в издательстве «Моор Зибек», как и планировал Е. Д. Шор. Правда, случится это только в 2012 г.⁷¹ Быть может, лишь сейчас в объединённой Европе и сформировался тот современный «существенный читатель», который грезился Иванову и Шору? Очевидно, поэтому столь актуальной сейчас представляется их переписка, сохранившаяся в архивах Института рукописей Национальной библиотеки Израйля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521.

² См.: *Сегал Д.М.* «Пропавшие европейцы»: Ассимилированная еврейская интеллигенция в XX веке // Сегал Д.М. Литература как охранный грамота. М., 2006. С. 853–885.

³ Согласно терминологии М.М. Бахтина.

⁴ «Московское трио» (1892–1924) – камерное трио, в котором, помимо его основателя, Д. Шора, принимали участие скрипач Давид Крейн и виолончелист Модест Альтшулер, которого после его эмиграции в США в 1896 г. заменил Рудольф Эрлих. В 1907 г. Давид Шор на короткое время покинул ансамбль, и в составе трио выступал Александр Гольденвейзер, затем Шор вновь занял своё место. «Московское трио» стало одним из лучших камерных ансамблей своего времени и завоевало мировую известность.

⁵ В частности, Шор как последователь идей А. Рубинштейна стал основателем столь популярного и ныне жанра лекций-концертов, который впервые был использован в цикле концертов трио под названием «Исторические камерные утра».

⁶ Бетховенская студия была основана в 1911 г. при непосредственном содействии Л. Собинова. Институт вплоть до 1918 г. занимался пропагандой и изучением классической музыки, в особенности творчества Бетховена.

⁷ См.: *Сегал-Рудник Н.* Еврейство, музыка, революция: Д.С. Шор // *Russica Romana*. 2006. Vol. XIII. P. 87–113.

⁸ В 1890 г. Давид Соломонович вместе с братом Александром открыл в Москве частную музыкальную школу.

⁹ *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 688.

¹⁰ Там же.

¹¹ Так, в частности, семья Шор помогла Ф.А. Степуну достать необходимую сумму, чтобы избежать высылки из СССР в административном порядке (см. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 423–435).

¹² Д.И. (Иванов). О.А. Шор – О. Дешарт // *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 688.

¹³ Д.С. Шор переводится из Петербургской консерватории в Московскую в 1885 г., чтобы продолжать обучение у В.И. Сафонова, приглашённого туда П.И. Чайковским.

¹⁴ Переписка опубликована Д.М. Сегалом (см.: *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор (по материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // *СМР*. 1994. Vol. 35. P. 333–336.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941 (ГАХН). Оп. 10. Д. 705.

¹⁶ Там же. Удостоверение № 641 от 1/VI 1922 г.

¹⁷ Там же. Удостоверение № 642 от 23/VIII 1922 г. Здесь же приписка М.О. Гершензона о получении им жалования Шора за сентябрь 1922 г.

¹⁸ Там же. Удостоверение № 31 от 12/I 1923 г., за подписью президента РАХН П.С. Когана, и следующее за ним удостоверение без номера.

¹⁹ «Народоправство» – журнал, который объединял религиозных философов, московскую профессуру и некоторых писателей. Выходил в Москве с лета 1917 по февраль 1918 года, ред. Г.И. Чулков.

Издавалось беспартийное «Народоправство» редакционным бюро Московской просветительской комиссии при Временном комитете Государственной думы; в бюро входили профессора Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, Н.А. Бердяев и Г.И. Чулков. Е.Д. Толстая пишет, что в «Народоправстве» подготавливались позиции идейного сопротивления, представленные впоследствии на страницах сборника «Из глубины» (1918), почти весь тираж которого будет конфискован (см. подробнее: *Толстая Е.Д.* Алексей Толстой в революционной Москве // *TSQ*. 2004. № 11 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/11/tolstaya11.shtml>). Глава вошла в книгу: *Толстая Е.Д.* «Дёготь или мёд»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель, 1917–1923. М., 2006).

²⁰ Цит. по статье с несколько изменённым названием «Революция и народное самоопределение», под которым она вошла в 1918 г. в книгу «Родное и вселенское» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений. В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 364).

²¹ Народоправство. 1917. 25 декабря. № 18–19. С. 2–4; 1918. 1 февраля. № 23–24. С. 2; 21 января. № 21–22. С. 24.

²² *Шшикин А.* Краткая летопись жизни и творчества Вячеслава Иванова // http://www.v-ivanov.it/files/208/works/shishkin_kratkaya_letopis_zhizni_ivanova 2011.pdf

²³ *Шшикин А.Е.* Краткая летопись жизни и творчества Иванова // *Иванов Вяч.* Ave Roma. Римские сонеты. СПб., 2011. С. 114; *он же.* Рим Вячеслава Иванова // Там же. С. 72. Некоторые документы в этой связи см.: Русско-итальянский архив. Тренто, 1997. [Т. I]. С. 517–520, 549–557.

²⁴ *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Paris, 1990. С. 126.

²⁵ *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 729.

²⁶ Там же. С. 728.

²⁷ *Иванов В.И.* Эллинская религия страдающего бога // *Новый путь*. 1904. № 1–3, 5, 8–9.

²⁸ Помимо представлений о «катакомбном творчестве» Иванова, следует сопоставить мысли Шора с определёнными настроениями русского символизма, ср., например, цитату из стихотворения В. Брюсова «Грядущие гунны»: «А мы, / мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесём зажжённые светы / В катакомбы, в пустыни, в пещеры».

²⁹ См. письмо Степуна Шору от 17 мая 1923 (*Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998. Frankfurt a. Main, 2002. С. 479).

³⁰ См. об этом в переписке Шора с Ф.А. Степуном (*Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* Начало эмиграции).

³¹ Там же. С. 533.

³² Там же. С. 507.

³³ Креслинг Александр Карлович (1897 – 1977) – преподаватель русского языка во Фрейбургском университете (с 1921 г.), музыкант, фольклорист, переводчик сочинений Н. Бердяева, В. Иванова и С. Булгакова на немецкий язык, создатель и руководитель существующего и поныне «Русского хора Фрейбургского университета».

³⁴ См.: *Янцен В.* Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д.И. Чижевского и Е.Д. Шора // *Логос*. 2006. № 1 (52). С. 138–169.

³⁵ *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* Начало эмиграции.

³⁶ *Iwanow W.* Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor. Tübingen, 1930.

³⁷ *Бердяев Н.А.* О книге Вячеслава Иванова «По звёздам» // *Московский еженедельник*. 1909. № 42. С. 56.

³⁸ См., например, такое предположение в статье Р. Бёрда «Русская идея» (*Символ*. Париж–Москва. 2008. № 53–54. С. 88).

³⁹ *Иванов В.И.* Родное и вселенское. М., 1994. С. 50.

⁴⁰ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 1. Опубликовано впервые в статье: *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор. Р. 337–338. Опубликовано полностью: *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* «Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник»: Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // *Символ*. 2008. № 53–54. С. 343–344. Для настоящей статьи сделаны дополнительные уточнения и комментарии.

⁴¹ См. стихотворение Пушкина «Поэту» (1830):

Ты царь: живи один. Дорогою свободной

Иди, куда влечёт тебя свободный ум,

Усовершенствовав плоды любимых дум,

Не требуя награды за подвиг благородный.

⁴² Архив Вяч.И. Иванова в Риме. Машинописная копия находится в MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 78. Опубликовано полностью: *Символ*. 2008. № 53–54. С. 353–361.

⁴³ См. в этой связи: *Сегал (Рудник) Н.* Образ св. Христофора и его значение в творчестве Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. XXI/1. С. 303–320.

⁴⁴ *Иванов В.И.* Родное и вселенское. С. 371.

⁴⁵ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 78.

⁴⁶ Воскресение из мёртвых (нем.).

⁴⁷ См., например: *Зубарев Л.Д.* «Мы по-своему каждый своё ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова // *Русская литература*. 2011. № 1. С. 171–182.

⁴⁸ Тогда, впрочем, он не был бы Христофором (нем.).

⁴⁹ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 78.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Тогда он не был бы Христофором (нем.).

⁵² Впрочем (нем.).

⁵³ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 78.

⁵⁴ Понятие «страж порога» впервые появляется в мистическом романе «Zanoni» Э. Бульвер-Литтона о розенкрейцерах. Действие происходит во время Великой французской революции; главный герой – Занони – за день до падения режима Робеспьера погибает на гильотине, чтобы спасти свою возлюбленную. Актуальность сопоставления 1917 г. с эпохой французской революции могла как таковая подсказать Иванову использование понятия «страж порога».

⁵⁵ См. замечание о прототюнианском характере этой статьи у Е. Толстой («Алексей Толстой в революционной Москве»).

⁵⁶ Ср.: «Горе путнику духа, если он не преодолеет этого препятствия: напрасно окровавил он ноги на трудных тропах восхождения; он отбрасывается назад и должен начинать путь сызнова, со дна глубочайших низин. Каким же является человеку роковой страж – испытатель? Им самим, его собственным двойником, собравшим и отразившем в своём облики всё низшее и темное, что доселе пытало белую когда-то одежду паломника и мрачilo в нём образ и подобие Божии». (*Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 4. С. 357–358*).

⁵⁷ Там же. С. 354–355.

⁵⁸ Ср. в этом отношении самоцитирование в статье «Революция и самоопределение России» стихотворения «Люцина» с эпиграфом из четвертой эклоги Вергилия.

⁵⁹ Прежде всего речь идет о пенсии ЦЕКУБУ (см. письмо Шора Иванову от 8 февраля).

⁶⁰ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 78.

⁶¹ Ibid. № 1. Опубликовано впервые в статье: *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шпор. Р. 337–338. В настоящем издании сделаны дополнительные уточнения и комментарии.

⁶² MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 77.

⁶³ *Iwanow W.* Dostojewskij. Tragödie – Mythos – Mystik / Übersetzt von A. Kresling. Tübingen, 1932. 142 s.

⁶⁴ Имеется в виду сборник «Кручи: Записки мечтателей» (Пб., 1919), вышедший отдельной книжкой в Берлине в 1922 г. в немецком переводе Wolfgang'a Groeger'a.

⁶⁵ Ср. в этом отношении правильное замечание об имплицитности такого соотношения и его соотнесённости с идеями орфиков: *Вестбрук Ф.* Орфизм и возникновение трагедии в концепции Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной науч. конф., 9–11 сент. 2002 г. / под ред. В.Е. Багно и др. Томск; М., С. 47.

⁶⁶ Перевод А.В. Михайлова. О рецензии Вилламовица на книгу Ницше Вяч. Иванов пишет подробно в статье «Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz» (Hochland. 1934. Bd. 31, h. 10. S. 307–330).

⁶⁷ Архив Вяч. Иванова в Риме. Копия находится в MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 77.

⁶⁸ *Muckermann F.* Auf der Gralwart // *Der Gral*. 1930. № 24/6. S. 808; *Medtner E.* Iwanows Wesenschau des Russentums // *Neue Zürcher Zeitung*. 1930. № 2305, 2313.

⁶⁹ MDNLI. Yehoshua Schor. ARC 4°. 1521. № 77.

⁷⁰ *Rivista rosminiana di filosofia e di cultura*. 1932. № I. P. 215–222.

⁷¹ *Ivanov V.I.* Dionysos und die vordionysischen Kulte / Hrsg. v. Michael Wachtel u. Christian Wildberg. Tübingen, 2012. XLVIII, 416 s.

Ф.И. Лидваль в эмиграции (1918–1945 гг.)*

Аннотация: Статья посвящена шведскому периоду жизни и творчества Фёдора Ивановича Лидваля. Будучи одним из наиболее известных и востребованных архитекторов Санкт-Петербурга начала XX в., он был вынужден эмигрировать в 1918 г. на свою историческую родину, в Швецию.

Annotation: The article is dedicated to Swedish period of the life and work of Fyodor Ivanovich Lidval. He was one of the most famous architects of St. Petersburg on the eve of revolution, but was forced to emigrate in 1918 to his homeland, Sweden.

Ключевые слова: Фёдор Иванович Лидваль, Фридрих Лидваль, архитектура, Санкт-Петербург, Стокгольм.

Key words: Fyodor Ivanovich Lidvall, Friedrich Lidval, architecture, St. Petersburg, Swedish Grace, Stockholm.

Среди тех, кто вынужден был покинуть Россию из-за революционных потрясений, особое место занимают иностранцы, работавшие в ней. Для некоторых из них крах Империи стал лишь досадной потерей работы и имущества. Для других же это было не просто причиной возвращения домой, а прощанием со второй Родиной. К последним можно отнести и известного архитектора Фёдора Ивановича Лидваля (Johann-Friedrich Lidval) (1870 – 1945), одного из самых ярких и известных мастеров Санкт-Петербурга, Петрограда «Серебряного века».

К 1918 г. он являлся одним из самых востребованных и известных архитекторов России. Такие его проекты, как здание Азовско-Донского коммерческого банка (Большая Морская ул., 3–5), гостиница «Астория» (Большая Морская ул., 39), здание товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» (Итальянская ул., 2), доходный дом графа М.П. Толстого («Толстовский дом») (Рубинштейна ул., 15–17) и другие, стали неотъемлемой частью блистательного столичного Санкт-Петербурга, подчёркивая его неповторимый архитектурный стиль. Этот период жизни и деятельности Ф.И. Лидваля изучен достаточно подробно¹. При этом явно недостаточно внимания исследователями уделялось жизни и творчеству Ф. Лидваля после вынужденной эмиграции из России. Это обстоятельство подтолкнуло нас обратиться к данной теме.

Шведскому периоду творчества архитектора посвящены лишь несколько работ, среди которых стоит выделить исследования специалиста в области

* Исследование выполнено при поддержке Фонда содействия развитию российско-шведских отношений имени Сверкера Острёма (The Sverker Åström Foundation). Автор хотел бы также выразить особую благодарность председателю правления Фонда Дисе Хостаду за оказанную помощь.

истории «шведского Петербурга» Бенгта Янгфельда, дающие представление о дальнейшей судьбе не только самого архитектора, но его семьи и многих коллег по несчастью². Одновременно Б. Янгфельд практически не исследует творчество Ф. Лидваля в Швеции. Наиболее полной работой по этой теме является статья профессора Школы архитектуры Королевского технологического института Стокгольма Лейфа Брудерсена³. При всей своей содержательности, она имеет, на наш взгляд, существенный недостаток – отсутствие сносок и чёткой привязки к архивным материалам (в конце статьи лишь перечислены архивы и дан список использованной литературы). При изучении творчества Ф. Лидваля шведского периода наиболее сложным является вопрос степени его участия в коллективных проектах, что можно прояснить, только иллюстрируя свои заключения архивными материалами. Отметим, что речь ни в коем случае не идёт о скептическом отношении к выводам шведского специалиста, а лишь о стремлении историка, а не искусствоведа опереться на источник. В связи с этим принципиально важным для нас было знакомство непосредственно с чертежами зданий, чтобы понять степень участия в их создании Ф. Лидваля. Они хранятся в архиве Шведского центра архитектуры и дизайна (Arkitektur- och designcentrum), где находится фонд компании «Альбин Старк», в которой работал Ф. Лидваль, и в Stadsbyggnadskontoret Expeditionen (Градостроительной Экспедиции)⁴, где архивируются и сохраняются планы зданий, разрешения на строительство, чертежи, карты, кадастровые документы, бланки заявлений и ряд материалов по истории строительства зданий в Стокгольме.

Всего в шведский период творчества было реализовано лишь 16 персональных проектов Ф. Лидваля. Все они приходятся на период с 1922 по 1932 г. Также, предположительно, он принимал участие в разработке проектов ещё семи зданий (в основном в качестве дизайнера внутренних интерьеров). Все постройки Ф. Лидваля находятся в Стокгольме.

К сожалению, творчество шведского периода значительно уступает петербургскому. Однако причины этого абсолютно не связаны с личностью самого Ф. Лидваля, а исключительно с теми условиями, в которые он был поставлен в Швеции. Весной 1917 г., по совету друга-архитектора, посла Швеции в Петрограде Эдварда Брэндстрема, жена и трое детей Ф. Лидваля покинули Россию⁵. Сам он не думал об эмиграции. Первого декабря 1918 г. он отправился в Стокгольм, чтобы отпраздновать Рождество вместе со своей семьёй, однако обратно вернуться уже не смог, оставив в России все наработки и материалы. Стоит сказать, что архитектор никогда не терял связи со Швецией. В частности, он сохранял шведское подданство, что ограничивало его карьерный рост в России, а также исполнял воинскую повинность в Стокгольме, в королевском лейб-гвардейском полку⁶. Поддерживал он и личные контакты со шведскими коллегами и партнёрами. Влияние традиций скандинавской архитектуры явно чувствуется в его постройках в Петербурге.

Оказавшись в Швеции, Ф. Лидваль столкнулся с необходимостью чуть ли не заново начинать свою карьеру. Его статус, заработанный в Санкт-Петербурге, в Стокгольме ничего не стоил. Как справедливо отметили исследователи его творчества Х. Андерсон и Ф. Бедо, он «может быть причислен к тем многим, чья жизнь повернулась вспять из-за Первой мировой войны и революций в России»⁷. В Стокгольме ему пришлось справляться с теми же трудностями,

какие обрушились и на других эмигрантов. И прежде всего это касалось поиска работы. Не оправдывались надежды и на старые связи: многие «друзья», часто с удовольствием гостившие у известного и состоятельного архитектора в Петербурге, закрывали свои двери перед потерявшим практически всё мигрантом. И если сразу после приезда архитектор арендовал дом в престижном столичном пригороде Юрскольм (Djursholm), то вскоре был вынужден переехать в небольшую тёмную квартиру в южной части Стокгольма.

Нам представляется, что подобная ситуация была для него не столько обидной, сколько непривычной. К деньгам Ф. Лидваль относился с поистине русской беспечностью. В этой связи показательным является случай с его женьтибой на дочери придворного поставщика цветов Хермана Эйлерса, Маргарите. Дочь Ф. Лидваля, Ингрид, рассказывала, что Эйлерс потребовал экономических гарантий для своей дочери и попросил жениха сообщить, сколько тот зарабатывает. Этот вопрос на некоторое время поставил Лидваля в тупик: он просто не знал. Впоследствии архитектор говорил, что его семья живёт в условиях «экономического коммунизма». Через год после свадьбы он с женой посчитал, сколько они истратили за год, и оказалось в два раза больше того, что, как он полагал, было его годовым доходом⁸. Стоит отметить, что после революции семья Лидвалей потеряла очень много: «Общая сумма требований Фёдора Лидваля к Советскому государству достигала 1 792 520 крон, что соответствует 70–80 миллионам нынешних крон. Сюда относились три дома: на улице Зелениной, 20/15 (приобретён в 1910 г.), на проспекте Безбородко, 14 (приобретён в 1915 г.), на Большом проспекте Васильевского острова, 99–101 (приобретён в 1916 г.). Документы, подтверждающие право владения, имеются (имелись!) в ячейке № 700 Петроградского отделения Азовско-Донского банка. Жена Маргарите выставила требование в размере 375 000 крон»⁹. Много потеряли и братья Ф. Лидваля, известные портные. После эмиграции они продолжили своё дело в Швеции, но достигнуть такого же успеха, как в России, им уже было не суждено.

Не мог серьёзно помочь архитектору и его давний заказчик и друг, а впоследствии товарищ по несчастью, промышленник Эммануил Нобель. Как и Ф. Лидваль, Э. Нобель всё потерял в революцию и в Швеции отошёл от семейного бизнеса. Революция застала его с семьёй на курорте в Эссентуках. Разумеется, после прихода к власти большевиков Нобелям было небезопасно оставаться в России. Переодевшись в крестьянскую одежду, они в течение семи недель возвращались на север, по дороге получая помощь от разбросанных по стране торговых агентов фирмы. 26 ноября 1918 г. они прибыли в Берлин, откуда переправились в Швецию.¹⁰ Активы Э. Нобеля остались в России, и вскоре он потерял статус одного из крупнейших и влиятельнейших промышленников.

Именно к Э. Нобелю Ф. Лидваль обратился в поисках работы. Стараясь оказать своему другу поддержку в сложной ситуации, Э. Нобель предложил ему стать архитектором нового здания Нобелевского фонда на улице Стурегатан (Sturegatan). Однако подобному назначению воспротивились шведские коллеги Ф. Лидваля, воспринимавшие его как чужака и конкурента. Эммануил Нобель не входил в правление Нобелевского фонда и не смог повлиять на решение, проект достался другому архитектору¹¹.

Тогда Ф. Лидваль был вынужден стучаться в двери архитектурных фирм Стокгольма. В итоге сотрудничеством с ним заинтересовалось бюро Альбина Старка, одного из самых известных шведских архитекторов того периода. Незадолго до этого, в 1920 г., А. Старк создал собственную компанию, ставшую одной из крупнейших в Швеции (в неё входило около 30 архитекторов). До этого с 1909 г. он работал совместно с архитектором Юсефом Эстлином. Приглашение такого талантливой и опытного специалиста, как Ф. Лидваль, несомненно, было удачей для бюро. Их сотрудничество, основанное на взаимном уважении, продолжалось вплоть до смерти Ф. Лидваля. Показательно, что он мог выполнять заказы и под своим именем, что говорит о высокой степени самостоятельности, предоставленной новым работодателем¹². Отношения двух мастеров были исключительно профессиональными, в частной жизни они практически не пересекались¹³. Осенью 1921 г. Ф. Лидваль со своей семьёй переехал в просторную трёхкомнатную квартиру по адресу Roslagsgatan, 10. Период финансовых неурядиц и неуверенности в завтрашнем дне остался позади.

В 1922 г. по его проекту в Юрскольме, в нескольких километрах к северу от Стокгольма, была построена вилла Густафссон (Brägevägen, 17). Это трёхэтажное здание жёлтого цвета расположено на возвышенности, что делает его заметным с дороги, даже несмотря на деревья. Оно не отличается пышностью, но благодаря достигнутой Ф. Лидвалем строгой дисциплине и сдержанной эстетике прекрасно гармонирует с северной природой Швеции.

Незадолго до начала строительства виллы стал реализовываться другой проект архитектора – жилые дома по адресу Tysta gatan (Тихая улица) в престижном районе Остермальм, строительство которых продолжалось с 1922 по 1925 г. В них отчётливо видны как мотивы, характерные для петербургского этапа творчества Ф. Лидваля, так и шведской архитектуры того времени, определяющим направлением в которой стал стиль Swedish Grace (Шведская грация). Большинство самостоятельных проектов Ф. Лидваля стоит в целом отнести именно к нему. Данный стиль пришел на смену модерну, имевшему в Швеции свои характерные черты, но так же, как и в других странах, отличавшемуся некой буржуазностью, пышностью, стремлением к использованию новых материалов, смелыми стилевыми решениями, а также привлечением народных романтических мотивов. В отличие от него, Swedish Grace свойственны влияние неоклассицизма (что, безусловно, было близко Ф. Лидвалю), сдержанность, северная умеренность, чистота, скромное декорирование и архитектурная дисциплина¹⁴.

Осенью 1923 г. семья Ф. Лидваля переехала в один из этих домов – Tysta gatan, 3. Кроме этого, ему удалось доставить часть своих вещей из России, через Ревель¹⁵. В этом доме Лидваль с радостью принимал таких же эмигрантов, как он сам, превратив его в маленький островок России.

Большинство самостоятельных проектов Ф. Лидваля в целом соответствуют стилю Swedish Grace, являясь во многом типичными и сложно отличимыми от других подобных (и достаточно многочисленных в Стокгольме) зданий 1920-х гг. К таким проектам Ф. Лидваля можно отнести жилые дома по адресам: Falugatan 9–11 (1925); Sankt Eriksgatan, 84 (1927–1928); Sankt Eriksgatan, 86 (1928–1929); Torsgatan 36 (1925–1926); Torsgatan 38 (1925–1927); Torsgatan, 41

(1927–1930); Ynglingagatan, 7 (1927–1928) и Bondegatan, 53 (1929–1930). Это трёх-шестиэтажные многоквартирные дома, традиционных для Стокгольма цветов – тёмно-зелёного, светло-коричневого, кирпичного, бежевого. Их отличает минимум декора – на голых стенах можно встретить помещённые в углубления вазы, небольшие лепные орнаменты на фасаде (в частности, Ф. Лидваль активно использовал меандр:

Tysta gatan, 3 (1922-1925)

Bondegatan, 53), изредка – небольшое количество французских балконов (Sankt Eriksгатан, 86). Влияние модерна чувствуется в деталях – в изогнутых линиях дверей, форме перил, висящих над входом изящных светильниках. Однако в целом дома отличает скромность, в некоторых случаях доведённая в рамках стиля едва ли не до логического завершения (Ynglingagatan, 7).

Очевидно, что данные архитектурные решения были продиктованы не столько желанием архитектора, сколько стремлением заказчика. В подавляющем большинстве, применительно к собственным проектам Ф. Лидваля,

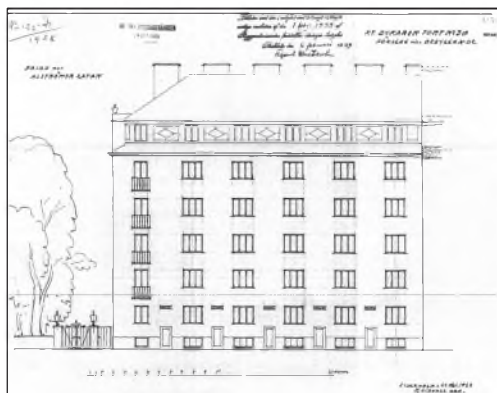

Torsgatan, 36 (1925-1926). Жилой дом.

им являлась фирма Hellstedt & Co.¹⁶, занимавшаяся (и продолжающая успешно делать это в наши дни) строительством и сдачей в аренду жилых и коммерческих помещений. Её основатель, Леннарт Хеллстедт (Lennart Hellstedt), являлся известным инженером, руководившим, в частности, строительством такого крупного объекта, как Олимпийский стадион Стокгольма. Судя по всему, его сотрудничество с Ф. Лидвалем было не случайным. История его компании начинается в начале 1900-х гг. Она имела заказы не только в Швеции, но и на территории Российской Империи – в Гельсингфорсе и Санкт-Петербурге. Более того, именно Россия вплоть до 1917 г. являлась основным поставщиком заказов. С 1916 г. Л. Хеллстедт являлся членом и вице-председателем Комитета шведско-русской торговли (Svensk-ryska handelskommittén)¹⁷. Таким образом, есть все основания полагать, что история их знакомства с Ф. Лидвалем была достаточно давней. Фактически

строительная деятельность в Швеции была начата фирмой в середине 1920-х, и уже для реализации первых проектов был приглашен Ф.И. Лидваль. Компании нужны были сравнительно простые дома, доступные шведскому среднему классу, и ему приходилось адаптировать свои проекты под эти требования.

Ещё одним зданием подобного типа, находящимся по адресу Alströmergatan, 49 (1928–1930), был жилой дом для Фонда Исаака Хирша, шведского предпринимателя еврейского происхождения. После своей смерти, последовавшей в 1917 г., он завещал часть своего состояния на строительство доступного жилья для обедневших людей, оказавшихся не в состоянии платить за аренду. Это пятиэтажное здание, на наш взгляд, является самой искренней работой мастера в Швеции. Понимая, что его дом будет последним пристанищем для тех, чья жизнь заканчивается тёмной полосой, Ф. Лидваль, воспользовавшись открытым пространством с одной стороны дома, добился визуальной автономности здания. Внутренняя территория отделена от улицы оградой, а тяжёлые фонари на пилонах ворот добавляют слегка мрачной, петербургской эстетики.

Alströmergatan, 49 (1928–1930).
Жилой дом для Фонда Исаака Хирша.
Архив: Stadsbyggnadskontoret expeditionen.
125D1/28. № 01513791

Именно во двор смотрят большие вытянутые окна, тогда как обычные обращены на улицу. Также Ф. Лидваль активно использовал французские балконы, что очевидно добавило зданию уюта. Одновременно здесь видны первые признаки функционализма – в частности, в полностью застеклённой вертикали лестничной клетки над входом и дверях, близких по стиливому решению скорее к холодности Баухауза, нежели к скромному обаянию Swedish Grace.

Следующие проекты Ф.Л. Лидваля создавались в стиле

функционализма, называемого в Швеции *funkis*, снова по заказу Hellstedt & Co. Скандинавия достаточно поздно, по сравнению с ведущими европейскими странами и Советским Союзом, обратилась к этому направлению. Причины его распространения в целом ряде стран достаточно многочисленны. Среди них можно выделить стремление сделать качественное современное жильё максимально доступным, стандартизированным, массовым, желание радикального изменения общей философии архитектуры и искусства в целом. Ведущим сторонником функционализма среди шведских архитекторов являлся Уно Орен, влияние на которого оказал Ле Корбюзье. Швед увидел в его работах, представленных на выставке 1925 г. в Париже, единственный верный способ осознания нового века.

При этом в Швеции переход к функционализму был связан не только и даже не столько со стремлениями молодых архитекторов совершить революцию в архитектуре, сколько в основном с чисто экономическими причинами.

После периода процветания 1920-х гг. Швецию накрыла волна всемирного экономического кризиса. Его жертвой стал и Ф. Лидваль, от которого отныне требовалось проектировать недорогие здания, строго «соответствующие протекающим в них бытовым процессам».

Шведские исследователи творчества Ф. Лидваля сходятся во мнении, что архитектор не испытывал симпатий к подобной архитектуре¹⁸. Одновременно ещё в 1924 г. на северо-западе Стокгольма (Startbacksgatan, 2) по его проекту был построен четырёхэтажный жилой дом, лишённый всяческих элементов декора и весьма близкий к эстетике функционализма. Определённым дополнением к образу здания является его светло-серый цвет, что сразу рождает ассоциации с серыми бетонными мускулами типичных конструктивистских зданий.

В период с 1931 по 1932 г. по проектам Ф. Лидваля было построено несколько зданий на юге города, на окраине района Содермальм. К сожалению, они явились финальными постройками шведского периода его творчества. Несмотря на свою кажущуюся незамысловатость, они достаточно интересны в контексте развития творческого пути мастера. Сравнивая его первый реализованный проект, дом в Санкт-Петербурге в начале Каменноостровского проспекта, с последними работами, практически невозможно поверить, что они выполнены одним человеком. Проектирование этих зданий являлось частью эксперимента по строительству дешёвых и качественных домов на муниципальные субсидии, который до этого начал осуществляться в Германии. Разработки Ф. Лидваля в этом направлении были признаны одними из самых удачных¹⁹. В отличие от младшего поколения архитекторов, ориентировавшихся на кубизм, асимметрию и полный отказ от декора, в проектах архитекторов старшего поколения неизменно чувствуется классический подтекст.

Подобное завершение творческой деятельности весьма символично – именно на функционализм были обращены взгляды молодых архитекторов, и опыт Ф. Лидваля помог многим из них понять строгость и красоту формы, пространственную гармонию и необходимость ориентации на сохранение комфорта для жильцов. Функционализм вскоре получил поддержку со стороны пришедшей в 1932 г. к власти социал-демократической партии. Она провозгласила начало борьбы с социальным неравенством и начало строительства государства всеобщего благоденствия.

Рåggatan, 7-13 (1931–1932) План жилого дома. Архив: Stadsbyggnadskontoret expeditionen. 3D1/31. № 02868921.

Помимо собственных проектов, Ф. Лидваль принимал участие в работе над несколькими другими зданиями. Над крупными заказами у А. Старка работали сразу несколько архитекторов, но традиционно их авторство приписывают главе компании, и именно его подпись стоит на итоговых чертежах. К сожалению, зачастую бывает достаточно сложно определить вклад каждого из архитекторов в итоговый результат. Архивные материалы показывают, что на проектах зданий почти всегда стоит подпись самого А. Старка. Остальные занимались лишь внутренними планировками, оформлением интерьеров, разработкой дизайна мебели и т. п. Такая второстепенная роль отводилась и Ф. Лидвалю, однако исследователи отмечают очевидные черты лидвалевского стиля в этих постройках.

В частности, Л. Брудерсен полагает, что первой подобной работой Ф. Лидваля являлось участие в оформлении фасада дома по адресу Kungsgatan, 9–11 (1920). Из архивных документов заключить это достаточно сложно, так как многие чертежи не подписаны, однако фасад здания с шестью пилястрами, увенчанными вазами с французскими балконами между ними, является явным напоминанием о позднем русском барокко, что, по мнению исследователя, позволяет говорить о высокой вероятности участия в работе над ним Ф. Лидваля²⁰.

Следующим проектом, в реализации которого Ф. Лидваль, вероятно, принимал участие, стала перестройка офисного здания на Kungsgatan, 27 (1924–1926). Именно это здание впоследствии в течение долгого времени являлось офисом фирмы А. Старка.

Значительно более оригинальным является здание для компании Shell (Birger Jarlsgatan, 64) (1924–1927). Интерес вызывает прежде всего его вогнутая форма, что позволило расположить прямо перед зданием АЗС. Согласно выводам Л. Брудерсена, Ф. Лидваль в данном проекте занимался дизайном окон, проектированием декоративных элементов, разработкой логотипа²¹. Однако нам обнаружить чертежи за подписью Ф. Лидваля не удалось.

То же можно сказать и о жилом доме по адресу Klevgränd, 4-B (Urvädergränd, 5) (1924–1928), буквально втиснутом между двумя узкими улочками района Slussen, немного южнее Gamla Stan (Старого города). Четырёхэтажное здание светло-коричневого цвета лишено какой-либо пышности. Лишь со стороны, выходящей на улицу Klevgränd, можно увидеть две линии практически не выдающихся вперёд эркеров.

Значительно более существенным являлся вклад Ф. Лидваля в проектирование здания школы по адресу Kommendörsgatan, 31 (1926–1927). Используемые нами архивные материалы позволяют утверждать, что он проектировал боковой фасад здания. Также удалось обнаружить десятки принадлежавших ему чертежей мебели (главным образом парт и стульев), дверей, колонн внутри здания. При взгляде на фасад здания появляется очень большой соблазн сделать вывод о том, что именно Ф. Лидваль был его главным проектировщиком, ведь он моментально вызывает ассоциации со зданием Азовско-Донского банка, построенного архитектором в Санкт-Петербурге. Однако на всех чертежах главного фасада здания стоит подпись А. Старка.

Не менее серьёзную работу проделал Ф. Лидваль и над проектом театра «Китай» (Chinabiografen) по адресу Berzelii park, 9 (1928–1929). Само

здание должно было представлять синтез европейской и восточной стилистики. Разработкой «китайщины» занимались коллеги Ф. Лидваля. Он же обратился к строгой эстетике классицизма, что отлично видно по его проектам настенной лепнины, пилястр, дверей, лестничных перил, фойе. Изящная строгость, античные орнаменты, растительные узоры на лепнине – всё указывает на северную сдержанность. Однако у заказчика было другое видение здания. Он хотел добавить как можно больше восточных мотивов, экзотики, и в результате получилась, как, впрочем, это часто бывает при обращении западных мастеров к восточному искусству, именно «китайщина», пародия на Восток. Подобное сочетание классики и экзотики Ф. Лидваль принять не мог, поэтому даже отказался принять участие в церемонии открытия²².

Последним проектом, в котором Ф. Лидваль принял участие, стал Восточный вокзал Стокгольма (Östra station) по адресу Valhallavägen, 75–77 (1932). Как и в предыдущих случаях, главным архитектором выступал А. Старк. Ф. Лидваль проектировал фасад здания со стороны Drottning Kristinas vägen и являлся автором плана вестибюля метро, выводящего к платформам. В проекте фасада видны традиционные для Ф. Лидваля приёмы – высокие окна с французскими балконами и членение пилястрами, чего нет на других фасадах здания.

Проект бокового фасада Восточного вокзала. Valhallavägen, 75–77 (1932).

Архив: Arkitektur- och designcentrum arkiv. 1995-03-691 (Östra station). № 104

Окончание активной деятельности Ф. Лидваля было связано с экономической ситуацией. Он продолжал работать в компании А. Старка, однако объём заказов резко снизился. В 1934 г. он вместе с семьёй переезжает в более скромную квартиру по адресу Hjåmegatan, 10. При этом, по воспоминаниям его молодых коллег, он с готовностью передавал им свои знания, всегда с охотой вовлекаясь в новые проекты. Его сотрудничество с компанией А. Старка длилось вплоть до смерти в 1945 г.

Таким образом, можно прийти к выводу, что шведский период творчества Ф. Лидваля, несмотря на свою продолжительность, был менее продуктивным, чем петербургский. Оказавшись чужим на своей исторической родине, он так

и не стал в один уровень с такими известными шведскими архитекторами, как Альбин Старк, Гуннар Асплунд, Сигурд Левверенц или Эрик Лаллерштедт. Годы 1910–1930-е стали периодом необычайного подъёма шведской архитектуры, и Ф. Лидвалю, несмотря на его талант, мастерство и опыт, не нашлось в нём места. В настоящее время его имя известно в Швеции лишь несколькими

специалистам, а также тем, чья работа или жизнь связаны с Петербургом и его историей и культурой. Но всё же нельзя недооценивать вклад Ф. Лидваля и в архитектуру Стокгольма. Он часто старался внести в неё свою память о Петербурге, с которым были связаны лучшие годы его жизни.

Дочь архитектора Ингрид утверждала, что отец часто вспоминал Санкт-Петербург и свою жизнь в России²³. Так больше никогда и не побывав в России, Ф. Лидваль скончался 14 марта 1945 г. Его прах покоится на Юрскольмском кладбище.

Нам представляется весьма показательным отрывок из воспоминаний Ингрид Лидваль: «Папа вовсе не был сентиментальным и не жил прошлыми успехами, но его чувства тем не менее иногда выходили наружу. Он справился с ролью, лично для него унижительной, прежде всего потому, что его профессиональная честь и любовь к делу никогда не давали ему ни передышки, ни отдыха... Как воспринимали его шведские коллеги, я не знаю. Но здесь, в Швеции, папе было интеллектуально скучно, он ощущал себя духовно одиноким. С петербургских времён он привык, что зодчие и художники встречаются, говорят об архитектуре и искусстве. Папа так и не смог понять, что шведские архитекторы не испытывают потребности в неформальном интеллектуальном общении»²⁴.

На своей исторической родине Ф. Лидваль страдал не столько от финансовых неудач и творческих успехов, сколько от отсутствия уровня общения, к которому он привык в России. Причём понять его могли лишь немногие соотечественники, собраты по несчастью, бежавшие из революционной России. Его положение оказалось ещё печальнее, чем большинства русских эмигрантов. Последние всегда могли найти утешение в кругу себе подобных, в различных обществах, объединениях, собраниях и т. п. Ф. Лидваль же был вынужден практически в одиночку справляться с тоской по России, хоть и не являвшейся для него подлинно родной страной, но давшей ему творческое признание, славу и годы счастья, чего он так и не смог получить в Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лидваль Ф. Альбом / вст. статья А.А. Оля. СПб., 1914; Лисовский В. Мастер петербургского модерна. Страницы творческой биографии Ф.И. Лидваля // Строительство и архитектура Ленинграда. 1980. № 1. С. 34–37; Исаченко В.Г., Оля Г.А. Фёдор Лидваль. Л., 1987 и др.

² Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы / авт. пер. со швед. Ю. Беспятых. М., 2010.

³ Brodersen L. Fredrik Lidvall: Från petersburgsjugend till stockholmsfunkis // Artes. Tidskrift för litteratur och musik. 1998. № 3. С. 11–27. Материалы данной статьи, посвящённые жизни и творчеству Ф. Лидваля в Швеции, дважды публиковались на русском языке: Брудерсен Л. Шведский период творчества Фредрика Лидваля: 1918–1945 // Швеция и Санкт-Петербург: Третий науч. семинар, 10–11 окт. 1996 г. Тез. докл. / [пер. швед. докл. Н. Дерябина; ред. Б. Останин. СПб., 1996. С. 58–72 (сокращённый вариант); Брудерсен Л. Шведский период творчества Фредрика Лидваля // Шведы на берегах Невы. Сб. ст. / сост. А. Кобак, С.К. Эммрих и др. Стокгольм, 1998. С. 177–187.

⁴ Stadsbyggnadskontoret Expeditionen // <http://www.stockholm.se/byggbg/bygglov/a-o-lanksidor/Stadsbyggnadsexpeditionen/>

⁵ Брудерсен Л. Шведский период... 1996. С. 58.

⁶ Янгфельдт Б. Указ. соч. С. 184.

⁷ Andersson H., Bedoir F. Fjodor Ivanovich Lidvall – ett ryskt – svenskt arkitektöde // Arkitekturmuseets årsbook. 1980. S. 6.

⁸ Янгфельдт Б. Указ. соч. С. 188.

⁹ Там же. С. 313.

¹⁰ Åsbrink B. Emanuel Nobel is forced to leave everything and flee // Branobel history (The Petroleum Production Company Nobel Brothers, Limited, or Branobel – Товарищество нефтяного производства

братьев Нобель) // <http://www.branobelhistory.com/themes/the-nobel-brothers/-emanuel-nobel-is-forced-to-leave-everything-and-flee/>

¹¹ Брудерсен Л. Шведский период... 1998. С. 178.

¹² Westerman L.A. Arkitekterna Albin Stark och Erik Stark: Stockholm i förvandling 1909–2009. Stockholm, 2010. S. 22–23.

¹³ Брудерсен Л. Шведский период... 1998. С. 182.

¹⁴ См.: 20 x Swedish grace in Stockholm / ed. Johan Mårtelius, texts by Johan Örn. Stockholm, [2005].

¹⁵ Brodersen L. Op. cit. S. 19.

¹⁶ Список зданий, спроектированных Ф. Лидвалем для этой компании, составлялся по изданию: MALMARNADel 2. Malmarna: en byggnadshistorisk undersökning utförd på uppdrag av Stockholms stads byggnadsnämnd / av Bergquist, Göran & Malmquist, Sune. 1969 Stockholm: Stockholms stads stadsbyggnadskontor.

¹⁷ Historik // LE Hellstedt AB (Official website) // <http://www.hellstedt.se/>

¹⁸ Andersson H., Bedoir F. Ibid. S. 16; Янгфельд Б. Указ. соч. С. 362.

¹⁹ Andersson H., Bedoir F. Ibid. S. 16–17.

²⁰ Brodersen L. Op. cit. S. 19.

²¹ Ibid. S. 20.

²² Ibid. P. 21.

²³ Исаченко В.Г., Оль Г.А. Указ. соч. С. 91; Brodersen L. Op. cit. S. 25.

²⁴ Цит. по: Янгфельд Б. Указ. соч. С. 362.

Командировка М.А. Рыкачёва на Всемирную выставку в Париже (1878 г.)*

Аннотация: Статья посвящена поездке помощника директора Главной физической обсерватории имп. Академии наук, капитан-лейтенанта М.А. Рыкачёва, будущего академика и генерала флота, на Всемирную выставку в Париже (1878 г.).

Annotation: The article is devoted to a trip of an Assistant of the Director of the Central Physical Observatory of Academy of Sciences, Lieutenant-Commander M.A. Rykachev (in future – an Academician and General Navy) to the World Exhibition in Paris (1878).

Ключевые слова: М.А. Рыкачёв, Главная физическая обсерватория, Академия наук, Гидрографический департамент, Париж, Всемирная выставка.

Key words: M.A. Rykachev, Central Physical Observatory, Academy of Sciences, Hydrographic Department, Paris, World Exhibition.

Михаил Александрович Рыкачёв (1840/1 – 1919), будучи лейтенантом русского флота, после годичной научной командировки в европейские страны, где он ознакомился с деятельностью лучших обсерваторий (1865–1866)¹, был прикомандирован Гидрографическим департаментом к Главной физической обсерватории (ГФО). С 1869 г. он являлся штатным помощником директора ГФО, а затем – в 1895–1913 гг. – её директором. В 1900 г. М.А. Рыкачёв был избран ординарным академиком. В то же время он до конца жизни состоял на службе по Морскому министерству: в 1909 г. стал полным генералом по Адмиралтейству, был удостоен орденов Белого Орла (1912) и Св. Александра Невского (1915)².

Во второй половине XIX века М.А. Рыкачёв стал одним из создателей геофизической сети в России, основоположником морской метеорологии, организатором службы погоды и службы штормовых предупреждений в стране³.

В начале XX века, будучи председателем межведомственной Магнитной комиссии, он организовал первую систематическую магнитную съёмку Российской империи⁴, а являясь председателем Постоянной водомерной комиссии при Академии наук, обеспечил сбор сведений о наводнениях и их научную обработку; таким образом были заложены основы научного прогнозирования паводков в стране. В 1917–1919 гг., будучи членом Гидрологического отдела

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00013.

Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), М.А. Рыкачёв был одним из создателей Российского (ныне – Государственного) гидрологического института (в Санкт-Петербурге)⁵.

На рубеже XIX–XX веков М.А. Рыкачёв являлся инициатором научного воздухоплавания в России, организатором исследования высоких слоёв атмосферы, создателем первых аэрологических обсерваторий в стране⁶.

Полвека М.А. Рыкачёв активно работал и в составе Русского географического общества, которое удостоило его золотой медалью графа Ф.П. Литке (1878) и Константиновской золотой медалью (1896)⁷.

В течение своей академической службы М.А. Рыкачёв имел обширные контакты с иностранными учёными. Особенно активной была международная деятельность академика М.А. Рыкачёва в «директорский» период. В 1896 г. на Международной метеорологической конференции в Париже он был избран членом Международного метеорологического комитета (ММК), а также членом нескольких комиссий, созданных ММК тогда и впоследствии: учёной воздухоплавательной, по международным наблюдениям над облаками, телеграфных сообщений о погоде и всемирной метеорологической сети.

Некоторые из международных комиссий М.А. Рыкачёв возглавлял: Магнитную (с 1905 г.) и Полярную аэрологическую (с 1913 г.) ММК, а также Комиссию по магнитной съёмке вдоль параллели Международной ассоциации академий (1907–1910).

В 1896–1914 гг. М.А. Рыкачёв участвовал в более чем в 20 международных научных форумах, проводившихся в Англии, Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Дании, Италии, Монако, России и Франции⁸.

Научные заслуги академика-генерала М.А. Рыкачёва были признаны во многих странах: он был избран членом-корреспондентом Шербургского Общества естественных и математических наук (1897), почётным членом ряда метеорологических обществ – Германского (1898), Королевского Британского (1900)⁹, Королевского Австрийского (1912)¹⁰, а также почётным членом Финляндского учёного общества (1903)¹¹. Кроме того, Рыкачёв был удостоен и иностранных наград: Командорского креста первого класса Шведского Ордена Полярной Звезды (1903) и Прусского ордена Короны первой степени (1904)¹².

В настоящей статье мы рассмотрим одну из первых заграничных командировок М.А. Рыкачёва.

Как поехать в Париж... В 1878 г. в Париже проводилась Всемирная выставка. В числе российских министерств и ведомств, принявших в ней участие, было и Морское министерство. Помощник директора ГФО капитан-лейтенант М.А. Рыкачёв оказался в числе офицеров, направленных в Париж.

Официальная организация этой командировки заключалась в следующем. В конце июля 1878 г. управляющий Морским министерством вице-адмирал С.С. Лесовский представил императору Александру II доклад следующего содержания:

«О командировании на Парижскую выставку Вице-Адмирала фон-Кригера и пяти офицеров.

По именуемым в Морском Министерстве сведениям, открытая в Париже, всемирная выставка представляет весьма много интересного по части механики, гидрографии, гальванизма и электричества.

Признавая необходимым ближе ознакомиться со всеми усовершенствованиями и нововведениями по означенным отраслям морской науки, долгом поставляю испрашивать Высочайшее Вашего Императорского Величества разрешение на командирование в Париж Директора Гидрографического департамента Вице-Адмирала Вевель-фон-Кригера, и при нём одного из подчинённых ему офицеров, а также двух сведущих и способных офицеров Корпуса инженер-механиков и двух минных офицеров, по выбору непосредственных их начальств»¹³.

Находясь в Кронштадте, на яхте «Александрия», 31 июля 1878 г. император Александр II дал своё разрешение на командировку морских офицеров в Париж. Через три дня из Канцелярии Морского министерства директору Гидрографического департамента вице-адмиралу Г.А. Кригеру была направлена копия «всеподданнейшего» доклада, а в сопроводительном письме выражена просьба доложить С.С. Лесовскому, «кого именно из числа гидрографов полагали бы Вы избрать для указанной поездки и о результатах Вашего доклада сообщить Канцелярии для распоряжения о выдаче путевого довольствия и истребования паспортов, а также Инспекторскому Департаменту»¹⁴.

На полях этого документа вскоре появилась резолюция Кригера: «Уведомить положено Канц.[елярию] М[орского] М[инистерства] о назначении К[апитан] Л[ейтенанта] Михаила Рыкачёва 2, а также уведомить Инсп[екторский] Деп[артамент]»¹⁵.

Седьмого августа 1878 г. Кригер подписал отношения в Канцелярию и в Инспекторский департамент Морского министерства о том, что управляющий министерством разрешил командировать с ним на Всемирную выставку в Париже помощника директора ГФО капитан-лейтенанта Михаила Рыкачёва¹⁶.

Третье отношение было направлено директору ГФО. В нём Кригер уведомлял Г.И. Вильда, что «для ближайшего ознакомления со всеми усовершенствованиями и нововведениями по части гидрографии, которые представляет открывая в Париже Всемирная выставка», предполагается командировать на эту выставку, вместе с ним, капитан-лейтенанта М.А. Рыкачёва. В заключение Кригер просил уведомить, «не имеется ли для этого препятствия»¹⁷. Девятого августа 1878 г. Вильд сообщил в Гидрографический департамент, что для командирования Рыкачёва в Париж «препятствий не имеется».

Через пять дней, 14 августа, вице-адмирал Кригер доложил в Инспекторский департамент о том, что отправляется в командировку в Париж и поручает управление Департаментом вице-директору генерал-майору П.В. Козакевичу¹⁸. В тот же день выехал в Париж и Рыкачёв¹⁹.

Путевые корреспонденции М.А. Рыкачёва. За два дня до отъезда М.А. Рыкачёва в Париж его старший брат Николай, являвшийся редактором газеты «Кронштадтский вестник»²⁰, предложил Михаилу присылать свои путевые заметки в газету, и последний согласился, так как уже имел подобный опыт в 1865–1866 гг.²¹ Несколько таких очерков были опубликованы; они позволяют узнать некоторые подробности поездки Рыкачёва в Париж.

В первом очерке Рыкачёв делился с читателями впечатлениями от поездки и Берлина²²⁻²⁴. Очередная корреспонденция описывала Париж²⁵⁻²⁶. Рыкачёв с восхищением отмечал: «... когда экипаж подъехал к зданию Grand Opera и яркий белый свет электрического освещения затмил блеск газа, огни которого

казались уже тусклыми и красноватыми. Этот свет исходил из высоких фонарей, закрытых матовыми стёклами. Всё здание театра и целая улица l'avenue de l'Opera до самого Пале рояля казались белыми; все вывески можно было читать как днём. На каждом фонаре красуется надпись "Jablochkoff". Приятно думать, что наш соотечественник своим изобретением затмил блеск такого города, как Париж. Как говорят, это изобретение доставило г-ну Яблочкову²⁷, кроме славы, и довольно порядочное состояние, – до 1 ½ миллионов франков за передачу права организованной здесь компании освещать Париж по его способу»²⁸.

Впрочем, вскоре Рыкачёв познакомился и с самим изобретателем: 31 августа / 11 сентября, в 4 ч. пополудни, П.Н. Яблочков производил ряд опытов электрического освещения в присутствии генерал-адмирала русского флота, великого князя Константина Николаевича, и его сына, великого князя Константина Константиновича²⁹. На этих опытах присутствовали морской агент в Париже вице-адмирал И.Ф. Лихачёв и несколько других морских офицеров, в том числе заведующий Минным офицерским классом капитан 2 ранга В.П. Верховский³⁰. На эти опыты публика не допускалась, и потому все присутствовавшие могли свободно слушать объяснения П.Н. Яблочкова.

После опытов генерал-адмирал приказал Верховскому устроить освещение улицы Петровской и одной из казарм в Кронштадте, а затем сравнить его с газовым освещением в других казармах³¹.

Рыкачёв посетил также Обсерваторию нормальных мер и весов в Сен-Клу и поместил в очерке от 24 августа её описание³².

В корреспонденции от 29 августа 1878 г. Рыкачёв дал описание мест размещения Всемирной выставки – Марсова поля и обширной площади Трокадеро³³. Он отметил, что Дворец Трокадеро предназначен для проведения конференций, концертов и других массовых мероприятий: в большом зале свободно помещается 5–6 тысяч человек. «При огромном числе редкостей и художественных произведений глаза разбегаются и трудно остановиться на чём-нибудь и запомнить хотя бы главнейшие из выставленных предметов, и потому я упоминаю наудачу о том, что случайно попало мне на глаза и почему-нибудь осталось в памяти», – писал Рыкачёв, указывая на старинные музыкальные инструменты, большую коллекцию старинных Библий, позолоченное фортепиано XVII века (оно поддерживалось статуями, плавающими в море, окрашенном зелёной краской), египетские древности, старинные рукописи Корана, оружие Христофора Колумба и прочие предметы³⁴.

В одной из башен находилась подъёмная гидравлическая машина (лифт), которая через 10 или 15 минут поднимала беседку с пассажирами на верхнюю часть башни (более чем на 60 м); билет стоил один франк. Оттуда Рыкачёву открылся прекрасный вид. Затем он прошёл по парку Трокадеро, где зелень и цветы поддерживались совершенно свежими. Далее он окупился в «страну восточных городов» – побывал на Алжирской выставке.

После осмотра египетских, японских и прочих павильонов Рыкачёв, наконец, нашёл павильон метеорологии. Там был представлен замечательный ряд самопишущих приборов Редие, принцип которых заключался в следующем: стрелка барометра, термометра или другого инструмента при поднятии или опускании оставляла на свободе или задерживала маховое крыло одного или

другого часового механизма, с помощью которого и производилась запись; следовательно, слабая сила стрелки инструмента служила только для того, чтобы сообщать движение сильному часовому механизму³⁵.

Посетил Рыкачёв и павильон, устроенный метеорологической обсерваторией Монсури³⁶: здесь он наблюдал сифонный анемометр и спиралеобразные термометры.

В павильоне «разных предметов навигации и спасательных средств» Рыкачёва заинтересовали подводная электрическая лампа Базена и его опыты в заливе Виго, со дна которого были добыты многие старинные предметы, затонувшие в 1702 г.³⁷

Других корреспонденций Рыкачёва в «Кронштадтском вестнике» нам найти не удалось. Однако известен его официальный отчёт, опубликованный в «Морском сборнике». Остановимся на нём подробнее.

Официальный отчёт М.А. Рыкачёва о Парижской выставке (1878 г.). В соответствии с возложенным на Рыкачёва поручением, он в 1878 г. побывал на Всемирной выставке в Париже, куда прибыл в середине августа. На выставке Рыкачёв осмотрел предметы по гидрографии и метеорологии, а также обратил внимание и на другие предметы, полезные для мореплавания. Поскольку только одного взгляда на выставленный предмет или инструмент, запёртый в шкафу, было, как правило, недостаточно, чтобы вполне с ними ознакомиться, Рыкачёв по возможности старался пополнить сведения об увиденных предметах от самих изобретателей или механиков.

Более половины выставки оказалось занято французским отделом, который по этой причине оказался богаче всех прочих по части физических приборов вообще, в том числе гидрографических и метеорологических.

Все предметы на Парижской выставке были разделены на 90 классов. Более других Рыкачёва интересовали следующие классы: 15-й – точные инструменты, 16-й – карты и приборы по географии и космографии, 61-й – машины, инструменты и производство различных работ, 67-й – материалы навигации и спасания погибающих. Кроме того, к 15-му классу Рыкачёв отнёс два отдельных метеорологических павильона: один – обсерватории Монсури и другой – предназначенный «для всех вообще экспонентов Франции».

Ко времени прибытия Рыкачёва на выставку большая часть каталогов уже была отпечатана, однако после этого классы ещё продолжали пополняться экспонатами. Кроме того, группировка предметов по классам была соблюдена только во французском отделе. Поэтому в данном отделе Рыкачёв прошёл по указанным классам, а отделы других стран вынужден был обойти полностью, по всем группам, чтобы «не пропустить чего-нибудь интересного». Везде Рыкачёв старался получить объяснительные записки или чертежи, а когда это не получалось, довольствовался набросками, которые делал в записной книжке. Всё это впоследствии облегчило ему описание инструментов.

В результате осмотра выяснилось, что по части гидрографии и навигации оказалось очень мало новинок, в то время как по маячному делу и метеорологии было очень много самых разнообразных предметов. В своем отчёте из множества увиденных экспонатов Рыкачёв поместил описание тех инструментов, которые показались ему наиболее интересными и которые ещё не были введены в употребление в России. При этом он отметил, что более или менее

подробные сведения о многих инструментах уже публиковались в различных научных журналах, но были весьма разбросанны. По мнению Рыкачёва, «тот лёгкий способ, который представляет всемирная выставка для обозрения всего, что произошло нового по всем отраслям науки, техники и искусства, составляет одну из наиболее существенных выгод, доставляемых выставками»³⁸.

В своем отчёте Рыкачёв разделил информацию об инструментах на следующие отделы: I. Компасы; II. Лот и лаг; III. Приборы, отмечающие перемены в уровне воды; IV. Гидрометрические приборы; V. Разные приборы, полезные для мореплавания; VI. Маячное дело; VII. Карты, выставленные Парижским депю карт и планов; VIII. Метеорологические инструменты для прямых наблюдений; IX. Метеорологические самопишущие приборы.

Из компасов Рыкачёв отметил инструменты англичанина У. Томсона и француза Дюшемена (вторая медаль на Международном географическом конгрессе 1875 г.). Подробно охарактеризовав компас Дюшемена, Рыкачёв считал весьма желательным сравнение стрелки Дюшемена с картушкой Томсона. Однако более подробно он остановился на описании достоинств и недостатков электрического компаса Э. Бисона. Особого внимания моряков, по мнению Рыкачёва, заслуживал жироскоп (гироскоп) Дюбуа, применённый к компасу. Этот жироскоп с помощью особого механизма приводился в движение со скоростью до трёх оборотов в секунду и сохранял своё положение при свободном вращении в течение 12–15 минут. Рыкачёв считал, что такой прибор мог быть применён для определения девиации компаса на всех румбах, если она известна на каком-нибудь одном румбе.

Затем Рыкачёв отметил семь различных компасов голландского морского министерства, «компас в жидкости», выставленный в бельгийском отделе, и «нормальный компас» итальянского морского министерства (он «плавал в спирте»).

В австрийском отделе Рыкачёв, по просьбе И.П. Колонга, искал дромоскоп Паугера («прибор, который по установке некоторых его частей сообразно с данными коэффициентами девиации даёт непосредственно девиацию на каждый румб»), но безуспешно: в каталоге он не значился³⁹.

Отдел лотов и лагов, по мнению Рыкачёва, был весьма слабо представлен на выставке. Первое место он отдал лоту Томсона, который, однако, уже имелся в Гидрографическом департаменте вместе с его описанием. Во французском отделе Рыкачёв обнаружил свинцовый лот Колена (A. Collin), сделанный по принципу «Масеева лота» и имевший стопор для остановки вращения винта и движения стрелок на диферבלате при касании лотом земли. Там же был и лаг, изобретённый инженером французского флота Клозелем, новизна которого заключалась в наличии счётчика оборотов. Этот лаг предназначался для скоростных пароходов и устанавливался на прочной массивной железной раме. На многих трансатлантических пакетботах такие лаги уже были установлены.

Рыкачёв описал и пять приливографов: один – Томсона и четыре – Колена. Цена последних колебалась от 400 до 2 000 франков за штуку.

В австрийском отделе внимание Рыкачёва привлекли гидрометрические приборы профессора Политехнической школы в Праге А.Р. Гарлахера, с помощью которых в течение многих лет производились наблюдения на реках Молдаве, Эльбе и Дунае. «Вообще приборы Гарлахера не только удовлетво-

ряют их назначению, определять количество протекающей воды через данное сечение в данный период времени, но и дают возможность делать более подробные исследования над бесчисленными неправильными изменениями, которым подвержены струи жидкости; такие наблюдения имеют высокий теоретический интерес; как, например, подробные наблюдения помощью этих приборов теперь уже указали на неточность и недостаточность теории параллельных струй жидкости», – отмечал в отчёте Рыкачёв⁴⁰.

Кроме своих приборов, Гарлахер выставил шесть атласов с изображением результатов гидрометрических работ на реках Эльбе, Молдаве и Дунае. В одном из них были помещены 57 точно измеренных профилей реки Эльбы с указанием абсолютных высот над уровнем Балтийского моря; в другом были даны высоты вод в реках Молдаве и Эльбе за 1875, 1876 и 1877 гг. «в параллель» с количеством дождя, выпавшего в Богемии в те же годы.

В числе приборов, полезных для мореплавания, Рыкачёв описал терморегулятор доктора Кейзера из Лейда (Голландия) и два сигнальных прибора: французского механика Е. Дюмона (электрический звонок предупреждал о повышении температуры в угольном ящике, повышении воды в грюме, большом повышении (понижении) уровня воды в котлах, увеличении давления в котлах, понижении барометра (т. е. атмосферного давления. – В. С.), переменах температуры воздуха) и Леблана (прибор для предупреждения о начале пожара: колокольчик звонил в момент быстрого повышения температуры).

По мнению Рыкачёва, маячная часть на Парижской выставке была представлена блестяще, в особенности грема известными французскими фирмами маячных строителей – М.М. Лепога, М.М. Барбе и Фенестра, М.М. Согера, Лемонье и К^о. Описанию маячных осветительных аппаратов, маяка с двойным огнём и цветных фонарей Рыкачёв посвятил 13 страниц своего отчёта.

Однако более всего Рыкачёва интересовали метеорологические инструменты. Первым из них он описал воздушный (абсолютный) барометр Германи, состоявший из двух термометров – ртутного (или спиртового) и воздушного. Рыкачёв отметил, что уже 120 лет назад М.В. Ломоносов предлагал употреблять воздушный термометр для определения высот барометра. В то же время он отметил, что Германи придал своему барометру удобную форму и избрал новый остроумный способ отсчитывания непосредственно высоты барометра, приведенной к 0 с помощью простой установки индексов.

Позднее, в период с 19 сентября по 2 октября 1878 г., Рыкачёв имел случай сравнить один барометр такого устройства с нормальным барометром ГФО и определил поправки. При этом наибольшие колебания в одну и другую стороны достигали 0,03 деления и выходили из пределов. Рыкачёв предположил, что отчасти это зависело от того, что шкала была не совсем верно установлена, а отчасти, быть может, от того, что оба термометра неодинаково «следуют за переменах температуры». По мнению Рыкачёва, название абсолютного было присвоено барометру Германи «не вполне справедливо, так как шкала его наносится по ртутному барометру; но по отношению к анероиду этот инструмент действительно имеет в некотором отношении преимущество, так как однажды определённая его поправка уже не изменяется, пока инструмент не повредится, тогда как в анероиде, даже при исправном его состоянии, с течением времени поправка изменяется»⁴¹.

Далее Рыкачёв коротко охарактеризовал «бароскоп механика Галилео мастерской профессора Гольфарели из Флоренции», предназначенный для наблюдений над плотностью воздуха. «Этот элемент без сомнения имеет важное значение в метеорологии и должен со временем войти в число обычных метеорологических наблюдений. Поэтому прибор механика Галилео, по надлежащем испытании его, может быть весьма полезным», – отмечал Рыкачёв⁴².

Затем он описал термометр парижского механика Салерона, предназначенный для отсчитывания по шкале, находящейся в комнате, показаний термометра, установленного вне её, «на открытом воздухе», а затем – анемометр Гагемана (Копенгаген), ручной экземпляр которого был выставлен на Парижской выставке. Рыкачёв отметил, что после окончания выставки Гагеман сделал свои инструменты более чувствительными; один из них испытывался в ГФО. «К сожалению, он не может быть употреблён на судах, так как должен быть установлен неподвижно. Но можно к прибору Гагемана приложить чувствительный анероид Бурдона, и тогда прибор, вероятно, может быть весьма полезным для употребления на судах», – резюмировал Рыкачёв⁴³.

Познакомился Рыкачёв и с приборами, применявшимися в обсерватории Монсури, – эвапорометром Пиша и зеркалом для наблюдения облаков, которое уже в течение трёх лет применял для наблюдений директор обсерватории М. Дэви (с ним Рыкачёв познакомился ещё в 1866 г.).

Особенный интерес представляли для Рыкачёва самопишущие метеорологические инструменты. Типо-метеорограф Теореля, выставленный в шведском отделе механиком Серензеном из Стокгольма, Рыкачёв назвал одним из «совершеннейших механизмов, наиудовлетворительнейшим образом выполняющим сложную работу автоматического отпечатывания прямо цифрами на одной бумажной ленте показания пяти метеорологических инструментов, установленных в различных местах, а именно, барометра, сухого и смоченного термометров, направления и скорости ветра»⁴⁴. Кроме того, прибор печатал и время наблюдений, которые производились каждые 15 минут. После завершения каждого наблюдения прибор сам заводил часы и готовил «все части» к следующей записи. Типо-метеорограф фиксировал направление ветра с точностью до одного румба, скорость ветра – в километрах, температуру – по шкале Цельсия, высота барометра – в миллиметрах от 0,05 до 0,05 градуса или миллиметра. В своём отчёте Рыкачёв дал подробное описание этого прибора.

В голландском отделе Рыкачёв с интересом ознакомился с метеорографом Оланда – «в высшей степени остроумным прибором», который давал возможность с помощью одного электрического проводника получать в каком-либо месте отметки нескольких метеорологических инструментов, установленных в другом месте. Прибор Оланда уже более года испытывался в Утрехте. При этом его приёмник был установлен на куполе собора, а запись производилась в метеорологической обсерватории. Действие прибора оказалось вполне удовлетворительным. Сын Оланда сообщил Рыкачёву, что прибор стоит от 5 до 6 тысяч франков.

Заинтересовали Рыкачёва и метеорологические самопишущие инструменты Редье – сифонный барометр (для записи наблюдений над атмосферным давлением), термограф, весовой эвапорометр и дождеграф (построенные по указаниям Герве-Монгони), электрограф (служил для записи показаний электрометра, устроенного по способу У. Томсона). В павильоне метеороло-

гической обсерватории Монсури Рыкачёв ознакомился с действием весового барографа Салерона, а во французском отделе – с весовым анероидом и манометром для определения скорости ветра, сконструированных «неутомимым изобретателем» Бурдоном с использованием согнутых металлических трубок, имевших некруглое сечение. Там же был представлен и самопишущий дождеграф Колена, имевший, по мнению Рыкачёва, «излишнюю сложность».

Механик Готингер из Цюриха представил целый ряд самопишущих метеорологических инструментов, среди которых Рыкачёв отметил самопишущий дождемер, термограф и гигрограф, отмечавшие показания каждые 15 минут.

В австрийском отделе были представлены отлично выполненные печатающие приборы для наблюдений над направлением и скоростью ветра – типоманометры венского мастера О. Шефлера, имевшие вполне умеренную цену – 480–510 гульденов. Этот же мастер сконструировал и весьма экономичный магнитограф (устроенный по указаниям Д. Мюллера в Поле), производивший фотографическую запись каждого из магнитных элементов с помощью одной, а не трёх ламп, как в магнитографе системы Кью. В этом приборе были и другие усовершенствования. Такой магнитограф уже исправно действовал в Поле. Его стоимость составляла 3 000–4 000 гульденов⁴⁵.

Кроме того, «по части гидрографии» Рыкачёв посчитал необходимым ознакомиться с Депо морских карт и планов, а «по части метеорологии» – с лучшей во Франции метеорологической обсерваторией Монсури, а также отделением телеграфных сообщений о погоде при Парижской обсерватории.

Вместе с директором Гидрографического департамента Морского министерства Франции Рыкачёв осмотрел Депо морских карт и планов. Директор этого депо вице-адмирал Клуе отсутствовал, и потому принимал визитёров инженер-гидрограф Госен, который провёл их по всем отделениям. В архиве Депо хранилось около 80 тысяч номеров карт, некоторые из них относились к XVI веку. Действующие карты хранились отдельно, причём иностранные гравировались на меди частными художниками и мастерами. В небольшой мастерской Депо два гравёра и чертёжник занимались исключительно «незначительными исправлениями карт». Ежегодно в Депо печаталось 500 номеров новых и исправленных карт. В Военном министерстве с лучших по полноте и подробности работ медных досок делались гальванопластические снимки. Свою гальванопластическую мастерскую Депо планировало завести «в скором времени». В деле производства морских карт широко применялась фотография; для этого Депо располагало фотомастерской.

Для поверки хронометров при депо была устроена астрономическая обсерватория с пассажным инструментом. В инструментальной камере Рыкачёву были показаны компасы Дюшмена, принятые на вооружение. Эти инструменты были снабжены весьма простым прибором, изобретённым инженер-гидрографом Плуа, для «грубых и скорых наблюдений над азимутом солнца» (при этом достигалась точность до $\frac{1}{2}$, по большей части достаточная для практических целей).

При Депо находилась и библиотека, включавшая 40 тысяч томов, имевшая систематический и алфавитный каталоги.

Несомненно, Рыкачёв с большим интересом побывал и в отделении штормовых предостережений Парижской астрономической обсерватории. Его визит

туда происходил буквально накануне перевода этого отделения в Центральную метеорологическую контору, учреждённую в мае 1878 г.

Господин Баре, один из авторов способа печатания клише для метеорологических карт, публиковавшихся в газете «Temps», принятого во Франции в 1876 г., подробно объяснил Рыкачёву процесс их изготовления. На приготовленной бумаге в типографии особыми чернилами печаталась карта Европы. На этой карте в отделении бюллетеня наносились линии, цифры и знаки теми же чернилами, которыми была напечатана карта. Затем карта передавалась в типографию, где накладывалась на свинцовую пластинку и вытравливалась «химическими процессами». После 2–3 часов работы клише было готово и вставлялось в газетный станок для отпечатывания. Поскольку этот способ оказался довольно сложным и требовал работы не менее шести человек, Рыкачёв отказался от мысли ввести этот способ в России – для печатания метеорологических карт в газетах и в приложении к бюллетеню.

Рыкачёв узнал и о другом новшестве. С недавних пор в бюллетене Парижской обсерватории стали печатать две метеорологических карты – на одной помещались изобары и обозначались направление и скорость ветра, на другой проводились изотермы, обозначалось состояние неба и помещались «особые явления»: дождь, снег, грозы и проч. Такое разделение делало каждую карту яснее. Первая из них имела наибольшее значение для штормовых предостережений, вторая – наибольший интерес для земледельцев.

Что касается непосредственно штормовых предостережений, то в Парижской обсерватории руководствовались теми же принципами, что и в отделении штормовых предостережений при ГФО. Однако с некоторых пор на картах рядом с изобарами французы стали отмечать линиями места с наибольшим повышением и наибольшим понижением барометра за 24 часа. Эти данные Рыкачёв посчитал «полезным дополнением». В ГФО быстрой перемен метеорологических элементов также придавалось большое значение. С марта 1878 г. ежедневно составлялась особая карта, на которой для всех станций отмечались перемены высоты барометра за 10 часов (с 9 ч. вечера до 7 ч. утра) и проводились линии одинакового падения барометра за этот промежуток. На той же карте наносились линии равных перемен температуры за 24 часа.

Заведующий отделом телеграфных сообщений о погоде и изданием международного бюллетеня господин Фрон рассказал Рыкачёву, что в последнее время во Франции широко развитие приняли наблюдения за дождями и грозами. Не было ни одного департамента, в котором не велись бы такие наблюдения: число станций достигало 1 400. Парижская обсерватория в течение нескольких месяцев ежедневно посылала телеграммы о погоде не только в порты, но и во все «департаментские города», откуда депеши пересылались на все станции. Таким образом, к 5–6 ч. вечера все французские станции были извещены об ожидаемых переменах и пользовались этими сведениями для «распределения земледельческих работ». Эффективность этих предупреждений ещё не была оценена в Парижской обсерватории, однако Фрон считал, что предостережения о холоде, тепле, дожде, ясной погоде и прочих явлениях было ещё труднее делать, чем предупреждать о приближении бурь⁴⁶.

* * *

В заключение отметим следующее. Деятельность М.А. Рыкачёва в ГФО, его кругозор и высокая компетентность снискали ему авторитет у командования Гидрографического департамента Морского министерства, благодаря чему он оказался в числе представителей морского ведомства, отправленных на Всемирную выставку в Париже (1878 г.). Эта командировка позволила Рыкачёву ещё шире и глубже познакомиться с современными достижениями в области науки и техники, в том числе по метеорологии, гидрографии и навигации, а также с рядом французских научных учреждений. В Париже Рыкачёв познакомился с некоторыми учёными, а также юным великим князем Константином Константиновичем, который впоследствии – в 1889–1915 гг. – стал его прямым начальником в Академии наук (её президентом).

Выполняя просьбу брата Николая, Рыкачёв в период своей командировки посылал свои корреспонденции в «Кронштадтский вестник», которые публиковались там под псевдонимом «М.». Эти публикации позволяют более полно судить о личности Рыкачёва, в том числе и как журналиста.

Очевидно, в 1878 г. в Париже Рыкачёв находился вместе с супругой, Евгенией Андреевной⁴⁷. В пользу такого предположения свидетельствует, во-первых, его фраза из первой корреспонденции: «В 7 ч. утра в среду, сегодня мы приехали в Берлин»⁴⁸. Вряд ли она относится к другим русским офицерам, так как в своих корреспонденциях он вообще не упоминает об их группе. Во-вторых, следующую поездку в Париж Рыкачёв смог совершить лишь в 1896 г. – уже в качестве директора ГФО. Его сопровождала старшая дочь Александра, которая в одном из писем матери в Петербург сообщала, в частности, следующее: «Были на Place Madelaine и видели тот дом, где Вы останавливались с папой»⁴⁹.

Удачная поездка Рыкачёва в Париж сыграла свою роль и в его последующем награждении. Об этом свидетельствует отношение вице-адмирала Г.А. Кригера к управляющему Морским министерством от 1 марта 1879 г.:

«Директор Главной Физической Обсерватории, свидетельствуя о заслугах, оказанных Помощником его, Капитан-Лейтенантом Рыкачёвым, при организации отделения морской метеорологии при означенной Обсерватории, а также некоторыми другими работами, исполненными под его руководством в этом отделении, обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании этому Штаб-офицеру награды, по Морскому ведомству.

Вполне сознавая, что исполняемые Капитан-Лейтенантом Рыкачёвым работы служат не только науке, но и морскому делу, и принимая во внимание, что при командировке его в 1878 году на бывшую в Париже всемирную выставку он был мне особенно полезен при выборе и описании находившихся там мореходных инструментов, я вменяю себе в обязанность просить Ваше Превосходительство об исходатайствовании означенному Штаб-офицеру награды орденом Св. Анны 2 степени»⁵⁰.

Ровно через месяц капитан-лейтенант М.А. Рыкачёв был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени⁵¹.

Впереди у Михаила Александровича Рыкачёва было ещё 40 лет плодотворной деятельности на благо науки и Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Смирнов В.Г.* Академик М.А. Рыкачёв – гринвичский путь в науку // Клио (СПб.). 2012. № 3. С. 117–125.
- ² *Смирнов В.Г.* Генерал по Адмиралтейству М.А. Рыкачёв // ВИЖ. 2012. № 2. С. 72–76.
- ³ *Смирнов В.Г.* Генерал-метеоролог Михаил Александрович Рыкачёв – отец русской синоптики // Записки по гидрографии. 2013. № 288. С. 89–91.
- ⁴ *Смирнов В.Г.* Магнитная съёмка России в начале XX в. // Клио. 2013. № 5. С. 68–77.
- ⁵ *Смирнов В.Г.* Постоянная водомерная комиссия Академии наук: история создания и деятельности (1903–1919 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки / отв. ред. Ю.М. Батурич; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. СПб., 2013. С. 220–288.
- ⁶ *Смирнов В.Г.* Академик М.А. Рыкачёв: от научного воздухоплавания к аэрологии // Годичная научная конференция / Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН. 2013. М., 2013. Т. II. С. 425–427.
- ⁷ Формулярный список о службе директора Николаевской главной физической обсерватории Академии наук генерал-майора Рыкачёва. Составлен 4 ноября 1900 г. // РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1114. Л. 317, 324.
- ⁸ *Смирнов В.Г.* Академик М.А. Рыкачёв и его деятельность в международных научных организациях на рубеже XIX–XX вв. // Русское научное наследие за рубежами России: материалы науч. конф., 24–25 октября 2013 г. Брянск, 2013. С. 152–163.
- ⁹ Формулярный список о службе... генерал-майора Рыкачёва... // РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1114. Л. 325–327.
- ¹⁰ Протокол заседания Физико-математического отделения Академии наук от 25 апреля 1912 г., § 301.
- ¹¹ Протокол заседания Физико-математического отделения Академии наук от 14 января 1904 г., § 28.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 146. Л. 23, 26, 34, 38, 44, 53, 60, 62, 64, 66, 80, 96, 98.
- ¹³ РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 825. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 2 – 2 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 4, 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 7, 8.
- ¹⁹ М. С пути на выставку Берлин, 16 (28-го) августа (Корреспонденция «Крон. вестн.») // Кронштадтский вестник. 1878. 25 августа (6 сентября). № 100.
- ²⁰ Рыкачёв Николай Александрович (1843 – 1891), контр-адмирал (1886), морской журналист, один из создателей (1861) и бессменный редактор газеты «Кронштадтский вестник» в течение 30 лет.
- ²¹ Подробнее об этом см.: *Смирнов В.Г.* Академик М.А. Рыкачёв – гринвичский путь в науку. С. 117–125.
- ²²⁻²⁴ М. С пути на выставку Берлин, 16 (28-го) августа...
- ²⁵⁻²⁶ М. С выставки. Париж, 1878 года 24-го августа (5-го сентября). Корреспонденция «Крон. вестн.» // Кронштадтский вестник. 1878. 1 (13) сентября. № 102.
- ²⁷ Яблочков Пётр Николаевич (1847 – 1894), электротехник, военный инженер, изобретатель и предприниматель. Известен разработкой дуговой лампы («свеча Яблочкова») и другими изобретениями в области электротехники.
- ²⁸ М. С выставки. Париж, 1878 года 24-го августа (5-го сентября)...
- ²⁹ Вероятно, это была первая встреча М.А. Рыкачёва с великим князем Константином Константиновичем, расположением и уважением которого он пользовался впоследствии, когда великий князь был президентом имп. Академии наук (1889–1915).
- ³⁰ Верховский Владимир Павлович (1837 – 1917), деятель русского флота, член Адмиралтейств-совета (1902), адмирал (1905).
- ³¹ Кронштадтский вестник. 1878. 10 (22) сентября. № 106.
- ³² М. С выставки. Париж, 1878 года 24-го августа (5-го сентября)...
- ³³ М. С выставки. Париж, 29-го августа (10-го сентября) (Корр. «Крон. вестника») // Кронштадтский вестник. 1878. 10 (22) сентября. № 106.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Метеорологическая обсерватория Монсури (Montsouris) находится в западной части одноимённого сада, разбитого в Париже в 1865 г. в английском парковом стиле.
- ³⁷ М. С выставки. Париж, 29-го августа (10-го сентября)...
- ³⁸ Отчёт капитан-лейтенанта Рыкачёва о командировке его на Парижскую выставку 1878 г. СПб., 1879. С. 1–3.
- ³⁹ Там же. С. 4–17.
- ⁴⁰ Там же. С. 20–25.
- ⁴¹ Там же. С. 44–50.
- ⁴² Там же. С. 50, 51.
- ⁴³ Там же. С. 52, 53.

⁴⁴ Там же. С. 55.

⁴⁵ Там же. С. 56–78.

⁴⁶ Там же. С. 79–85.

⁴⁷ Рыкачёва (Достоевская) Евгения Андреевна (1853 – 1919), дочь младшего брата писателя Ф.М. Достоевского (его племянница). В 1874 г. вышла замуж за капитан-лейтенанта М.А. Рыкачёва.

⁴⁸ М. С пути на выставку. Берлин, 16 (28-го) августа...

⁴⁹ А.М. Рыкачёва – Е.А. Рыкачёвой и др., 6 (18) сентября 1896 г. // СПФ АРАН. Ф. 38. Оп. 3. Д. 51. Л. 87 об.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5771. Л. 1 – 1 об.

⁵¹ Там же. Л. 7.

А.А. Югов: социал-демократ, меньшевик, ЭКОНОМИСТ

Аннотация: В статье рассматривается биография А.А. Югова – известного представителя российской социал-демократии, экономиста, одного из лидеров Заграничной делегации РСДРП, анализируются его взгляды на экономическую политику большевиков в период НЭПа.

Annotation: The article discusses the biography of A.A. Yugov, a well-known representative of Russian social democracy, an economist, one of the leaders of the Foreign delegation of the RSDRP. The article examines his views on the economic policies of the Bolsheviks in the period of NEP.

Ключевые слова: социал-демократия, Новая экономическая политика, рыночные отношения, общественные движения.

Key words: social democracy, New economic policy, market relations, social movements.

После потрясений Первой мировой войны и революции 1917 г. многие учёные-экономисты оказались за пределами России. Как правило, все они имели значительный опыт научной работы, полученный в системе высших учебных заведений дореволюционной России, и обращение к советской тематике явилось для них продолжением научного гворчества. Не скрывая своего отношения к социалистическому строю, учёные-эмигранты тем не менее стремились оставаться на объективных позициях. Свободные от партийного давления, они смогли сделать ряд наблюдений, имеющих большое значение для осмысления нашего исторического прошлого.

Арон Абрамович Югов (настоящая фамилия: Фрумсон) (1886 – 1954) является одной из ярчайших фигур в истории экономической мысли русского зарубежья. Он был известным политическим и общественным деятелем России. Его биография отражает драматизм эпохи, в которой он жил и работал. Достаточно известно, что это человек, участвовавший до 1917 г. в нелегальной работе социал-демократических организаций в России, являющийся одним из лидеров меньшевистской партии, который оказался в 1922 г. высланным из страны на знаменитом «философском пароходе». К личности Югова проявляли интерес как лидеры большевистской партии, так и представители российской социал-демократии за рубежом. Труды Югова исследовали политики и экономисты нэповской России. Тем не менее, Югов оказался не востребованным властью до 1922 г., не сумели по достоинству оценить его и

представители русского зарубежья. В 2000-е гг. начались переиздания трудов учёных-экономистов, оказавшихся за пределами России после событий 1917 г.: А.Д. Билимовича, С.С. Маслова, Н. Ясного. К сожалению, работы Югова до сих пор не опубликованы в нашей стране.

А.А. Югов родился 15 ноября 1886 г. в Ростове-на-Дону в семье купца. Он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1902 г. стал членом партии меньшевиков. Примкнув к революционному движению, Югов начал нелегально работать в Ростове-на-Дону, Одессе, Москве, Санкт-Петербурге. За революционную деятельность неоднократно арестовывался, более года провел в тюрьмах. Затем был подчинён гласному надзору и выслан последовательно в Ригу, Харьков и Саратов.

С мая 1917 г. Югов становится членом бюро Комитета Московской организации РСДРП. Он избирается делегатом августовского (объединительного) съезда РСДРП(о). На декабрьском (чрезвычайном) 1917 г. съезде РСДРП(о) избран членом ЦК¹. По мнению Мартова, на съезде Югов видел угрозу единства партии в той «сектантской психологии, которая охватила руководящие круги партии»². После майского (1918) Всероссийского партийного совещания Югов является секретарём ЦК РСДРП, редактором газеты «Вперёд». Мартов причислял его к молодым членам ЦК, на которых держится текущая работа³. После прихода большевиков к власти Югов заведовал делами канцелярии ЦК РСДРП(о), Бюро печати, занимался перепиской с местными отделениями партии меньшевиков⁴. В январе 1918 г. на совещании местных организаций РСДРП Югов сделал сообщение об издании журнала «Рабочий Интернационал», расширении содержания «Партийных Известий»⁵. С 1921 г. Югов работал заведующим пищевым отделом ВСНХ, являлся председателем Моссельпрома. В январе он участвовал в заседаниях ЦК по подготовке материалов к IV Всероссийскому съезду профсоюзов. В марте этого года Арон Абрамович был арестован на общегородском партийном собрании и заключён в Бутырскую тюрьму, но вскоре освобождён.

В период преследования меньшевиков со стороны РКП(б) Югов боролся за освобождение своих соратников. В марте 1922 г. он подписал заявления в ЦК РСДРП в Президиум ВЦИК по поводу условий тюремного содержания групп членов социал-демократического союза молодежи и условий проживания ссыльных меньшевиков в Вятской губернии⁶. В очередной раз Югов был арестован 3 июля 1922 г. и отправлен в Ярославский политизолятор. Через четыре дня после этого события Л.Б. Каменев в телефонограмме Сталину сообщил: «У меньшевика Югова язва в желудке. Накануне ареста он должен был лечь в клинику. Перерыв лечения несомненно грозит смертью. Подтверждено отзывами врачей. Предлагаю разрешить вернуть Югова в Москву и лечь в клинику. Работал в Моск[овском] Совете честно»⁷. Данное обращение возымело воздействие, и 7 июля Политбюро ЦК РКП(б) постановило разрешить освобождение Югова. Однако по решению Коллегии ГПУ от 31 июля 1922 г. Югов был выслан за границу с лишением права возвращаться в РСФСР с «разрешением 2-месячного лечения на Кавказе». В России у него остались близкие люди: брат, впоследствии известный оперный певец Н.А. Ростовский, и сестра, художница Ц.А. Розенгольц. Несмотря на высылку из Советской России, Югов был назначен, с ведома заместителя председателя Моссовета

М.И. Рогова, представителем Внешторга Моссовета в Германии. Это вызвало недовольство в руководстве ГПУ. В декабре 1922 г. заместитель председателя ГПУ Уншлихт писал в Политбюро, что некоторые ответственные коммунисты не считаются с усилившейся работой меньшевиков. «Кроме ходатайств об освобождении, наблюдаются также назначения своими уполномоченными за границей административно высланных из СССР меньшевиков (назначение Югова, члена ЦК, представителем Мосвнешторга)», – указывал он⁸.

Весной 1923 г., совместно с Л.О. Дан, Югов образовал в Берлине социал-демократическое издательство, «ставящее себе целью издание всякого рода материалов» по истории революционного движения в России, окрестив его «Русский Революционный архив». В эмиграции Югов примкнул к «левым» меньшевикам, являясь сторонником Ф.И. Дана. Представители данного течения полагали, что в большевизме борются два начала – демократическое и реакционное, что Октябрьская революция была революцией крестьянской, но в то же время надеялись на то, что пролетариат сможет побудить власть к решению социалистических задач и повернёт большевистский режим к демократизации общества. Югов, совместно с Б.И. Николаевским, был избран секретарём Заграничной делегации РСДРП, сотрудничал с «Социалистическим вестником». Он также вёл активную переписку со своими коллегами по внутрипартийным делам⁹. В 1933 г. он подписал проект тезисов «пятерки» (Дан, Шварц, Гуревич, Юдин, Югов), в которых указывалось, что «лишь победа социальной революции пролетариата в передовых капиталистических странах способна ускорить процесс перехода и хозяйства и экономическое социально и культурно отсталого Советского Союза в социалистическое русло»¹⁰. В феврале 1932 г. постановлением Президиума ЦИК СССР за контрреволюционную деятельность Югов был лишён советского гражданства. До 1933 г. Югов проживал в Германии, затем во Франции. В сентябре 1939 г. он, среди представителей российской социал-демократии, подписал воззвание заграничной делегации РСДРП в связи с вторжением советских войск в Польшу¹¹. В 1940 г. Югов перебрался в Канаду, где сотрудничал с советской прессой. Скончался А.А. Югов 10 февраля 1954 г. в Нью-Йорке¹².

В эмиграции, с 1922 г. до конца своей долгой жизни, Югов продолжал свою научно-исследовательскую деятельность. Проживая во многих европейских странах, он написал ряд книг и статей об экономике СССР. Его имя стоит в одном ряду с такими выдающимися экономистами русского зарубежья, как В. Войтинский, С. Прокопович, Н. Ясный¹³. Одним из его известных трудов является книга «Народное хозяйство Советской России и его проблемы», изданная в 1929 г. в Берлине. Данный труд стал результатом многолетней работы А.А. Югова по изучению советской экономики. В своей книге, основываясь на материалах советской партийной и хозяйственной печати, Югов анализирует итоги хозяйственного развития России накануне «Великого перелома». Он исследует состояние советской экономики в условиях кризиса нэпа. Именно в середине 1920-х гг. решался вопрос о том, идти ли дальше по пути развития элементов рынка или свернуть и те ограниченные свободы, которая дала Новая экономическая политика. Югов указывает, что революция, которую пережила Россия, давала все основания ожидать быстрого расцвета её народного хозяйства. После периода Гражданской войны и военной интервенции со времени

НЭП создались благоприятные условия для восстановления и развития производства города и деревни. По мнению Югова, опыт НЭП показал, что отказ от утопических мероприятий военного коммунизма способствовал развитию производительных сил страны. «Но политика советской власти, проникнутая утопизмом, и после нэпа осложняет и дезорганизует подъём народного хозяйства, отнимает у населения всякие стимулы к творческому труду, сводит к минимуму производительное накопление, ставит преграды хозяйственно целесообразному привлечению иностранного капитала», – писал он¹⁴.

Исследуя состояние советской промышленности, Югов приходит к выводу, что ни одна из задач индустриализации не оказалась выполненной. По его мнению, быстрый подъём промышленности СССР совершился за счёт восстановления досоветских резервов основного капитала промышленности и что достигнутые размеры продукции не удовлетворяют самых элементарных потребностей населения. Югов считает, что «ни сами, ни совместно со спецами большевики не сумели за десять лет создать нормально функционирующего управления промышленностью»¹⁵. Причины этого он видел в отсутствии в стране свободного общественного контроля, искусственном насаждении трестированных форм организации промышленности и непосильных объёмах национализированной промышленности. Югов указывал, что в России объективные условия требуют, чтобы страна развивала по преимуществу капиталистические хозяйства. «Нужно свести размеры национализированной промышленности до посильных пределов, нужно отказаться от монопольности государственного хозяйства и создать условия, в которых могла бы развиваться и частная промышленность, и торговля, и, самое главное, крестьянское хозяйство», – отмечал он¹⁶. Признавая необходимость индустриализации промышленного и сельского хозяйства, Югов связывает этот процесс с необходимостью дать крестьянству возможность хозяйственно овладеть приобретённой во время революции землёй. Он подчёркивает, что необходимо не грабить сельское хозяйство, а обеспечить ему благоприятные условия для развития и накопления. Также Югов решительно высказывался за привлечение иностранного капитала в отечественную экономику. Он считал, что без притока иностранных капиталов в форме долгосрочного товарного и денежного кредита не может быть быстрого возрождения страны; сколько-нибудь большие кредиты невозможны без создания в стране правового строя¹⁷, а произвол и бесправие парализуют предприимчивость частного предпринимателя. «Шахтинский процесс наглядно показал, что и иностранный концессионер не может работать в стране, где нет элементарных гарантий права, нет независимого суда и политических свобод», – писал он.

По мнению Югова, большевикам придётся восстановить отвергаемые ими методы регулирования внешней торговли. «Чем раньше вся система монополии внешней торговли будет радикально перестроена на новых началах, тем это будет лучше и для денежной системы, и для индустрии, и для сельского хозяйства СССР», – подчёркивал он¹⁸. В то же время Югов полагал, что государственное регулирование могло бы быть одним из необходимейших факторов возрождения хозяйства в стране, пережившей великие революционные потрясения. Он подчёркивал пагубность инфляции для народного хозяйства страны. «Отрицать наличность инфляции в России столь же безнадёжно, как,

например, отрицать существование в России режима террора только потому, что ВЧК переименовано в ГПУ. Инфляцию чувствует в своём ежедневном обиходе каждый советский крестьянин», – писал он¹⁹. Анализируя причины кризисов НЭП (кризис сбыта, бюджетный дефицит, отсутствие оборотных средств промышленности), Югов приходит к выводу, что радикальный выход из сложившейся ситуации состоит в отказе от режима террора и несправедливости²⁰.

Югов связывал экономические преобразования с необходимостью изменения политических условий. В уничтожении режима диктатуры и отказе от идеологических утопий в реальной экономической политике он видел условие хозяйственного возрождения страны. «Для того, чтобы обречённой на смерть советской диктатуре пришёл не реакционный строй, обеспечивающий правовой режим для буржуазии, но вновь закабаляющий рабочего в условиях несправедливости, а единственно благоприятный для трудящихся масс города и деревни строй демократии – необходима активная борьба рабочего класса за политические права, за свободу своих организаций, необходим тесный союз рабочего класса и крестьянства», – указывал Югов. Однако многие его идеи оказались нереализованными. Форсированная индустриализация и коллективизация, осуществлённая большевистским руководством в 1930-е гг., привела к установлению в России тоталитарного режима и огосударствлению экономики.

А.А. Югов был известным общественным деятелем русского зарубежья второй четверти XX века. Он являлся экономистом, признанным специалистом в области истории советского хозяйства, обладал такими качествами, как потребность служить высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию. Не случайно и у наших современников это имя вызывает уважение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 401.

² Ю.О. Мартов. Письма и документы, 1917–1922: сб. / сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2014. С. 332.

³ Там же. С. 104.

⁴ Большевики в 1918 г. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 1999. С. 741.

⁵ Там же. С. 192.

⁶ Большевики в 1921–1922 гг. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 2002. С. 468, 470.

⁷ Очистим Россию надолго... Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы / под ред. А. Артизова и др. М., 2008. С. 157.

⁸ Большевики в 1921–1922 гг. С. 591–592.

⁹ Протоколы Заграничной Делегации РСДРП, 1922–1951 / отв. ред. А. Либих, А. Ненароков. М., 2010. С. 141, 449, 501, 542, 666.

¹⁰ Там же. С. 576.

¹¹ Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: Документы и материалы. Учеб. пособие / под ред. А.Ф. Киселёва. М., 1999. С. 612.

¹² Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков; ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. Т. 6, кн. 3: X–Я. С. 688–689.

¹³ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / пер. с англ. М., 1994. С. 80.

¹⁴ НЭП: взгляд со стороны: сб. / сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991. С. 294.

¹⁵ Там же. С. 202.

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ Социалистический вестник. 1925. 21 декабря. № 23/24.

¹⁸ НЭП: взгляд со стороны. С. 263.

¹⁹ Социалистический вестник. 1926. 26 июля. № 14.

²⁰ Социалистический вестник. 1925. 25 января. № 1.

Е.М. Кулишер в эмиграции: становление выдающегося миграциолога

Аннотация: Статья посвящена жизни и творчеству в эмиграции Евгения Михайловича Кулишера (1881 – 1956), выдающегося миграциолога. В ней прослежены обстоятельства его вынужденных переездов из России в Германию, затем во Францию и, наконец, в США. В работе использованы самые различные источники, включая неопубликованные. Впервые рассмотрены многочисленные труды Е.М. Кулишера периода эмиграции, включая его забытые работы, появившиеся в прессе русского зарубежья. При этом должное внимание уделено анализу содержания и истории создания классических книг, написанных Е.М. Кулишером – «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» (опубликована на немецком языке в соавторстве с А.М. Кулишером, 1932); «Перемещение населения в Европе» (опубликована на английском языке, 1943); «Европа в движении: война и изменения населения, 1917–1947» (опубликована на английском языке, 1948; подготовлена при участии А.М. Кулишера).

Annotation: The article is devoted to life and work in exile of Yevgeny Mikhailovich Kulisher (1881 – 1956), an outstanding specialist in migration studies. It traced the circumstances of his displaced moving from Russia to Germany, then to France, and finally to the United States. I used a variety of sources, including unpublished. For the first time numerous works of E.M. Kulisher for the period of emigration, including the forgotten works that appeared in the press of the Russian diaspora, are reviewed. A close attention is paid to the analysis of the content and history of preparation of classic books written by E.M. Kulisher, «War and migration. World history as a movement of peoples» (published in German in collaboration with A.M. Kulisher, 1932); «The Displacement of Population in Europe» (published in English, 1943); «Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947» (published in English in 1948, was prepared with the assistance of A.M. Kulisher).

Ключевые слова: русская послереволюционная эмиграция, российское научное зарубежье, теория миграции, войны и миграции, миграциология, демография, научная миграция.

Key words: Russian post-revolutionary emigration, Russian scholars abroad, theory of migration, wars and migration, migration studies, demography, scholar migration.

Убийственный XX век оказался самым тесным образом связан с историей их собственной жизни.

К. Шлегель о братьях Кулишерах¹

В России пока мало кто слышал имя Евгения Михайловича Кулишера, но именно данный им анализ миграций в Европе первой половины XX в. стал классическим, и на его работы опираются до сих пор все серьёзные исследователи в этой области. В моём кратком (по сравнению с объёмом имеющегося материала)² очерке будет рассмотрен тот путь, который привёл этого русско-еврейского эмигранта к выдающимся достижениям в миграциологии.

Европейский транзит. К захвату власти большевиками в октябре 1917 г. Евгений Михайлович, как и другие члены его семьи, отнёсся резко отрицательно, ведь все Кулишеры принадлежали к конституционно-демократической партии³. Неудивительно, что в условиях большевистской диктатуры они оказались под ударом, г. к. партия кадетов была объявлена вне закона. Так, в декабре 1919 г. его старший брат Иосиф, выдающийся историк-экономист, был арестован ЧК, но вскоре, впрочем, освобождён по ходатайству университета, где он работал⁴. В следующем году младший брат Александр (о нём речь пойдет ниже) избежал ареста только благодаря бегству из Петрограда, когда на квартире его уже ждала засада чекистов⁵.

Евгений Михайлович предусмотрительно покинул Петроград в апреле 1918 г. и провёл два года в родном для него Киеве⁶. Там он стал профессором права местного университета. Третьего ноября 1919 г. в этом городе появилась на свет его дочь Наташа⁷. Но большевики победили, и в 1920 г. Е.М. Кулишер выбрал эмиграцию. Позднее он вспоминал о трагических обстоятельствах бегства через Бессарабию – о «переходе под обстрелом через Днестр»⁸. И это с младенцем на руках!

Почти сразу после приезда в Германию, в 1921 г., Евгений Михайлович получает должность доцента в Институте теоретического и экономического права Берлинского университета⁹. Это было очень редким исключением, специально отмеченным в одной из немецких газет, откуда попало в обзор о положении русской эмиграции, подготовленный ГПУ¹⁰.

Впрочем, его удача не была случайной. Ведь немецкие коллеги хорошо знали Е.М. Кулишера по совместной работе в Международном союзе криминалистов ещё до приезда в Берлин в качестве беженца. Столицу Германии он посетил в последний раз незадолго до начала Первой мировой войны, в январе 1914 г.¹¹ Сыграли, несомненно, свою роль и его серьёзные довоенные публикации на немецком языке. Важным было и очень хорошее владение этим языком. Другого в тогдашнем Берлинском университете просто не стали бы терпеть. Там Е.М. Кулишер читал курсы по истории российского законодательства, советскому праву и законодательству стран Прибалтики и Польши¹².

В Берлине Евгений Михайлович поддерживает тесные связи с коллегами-эмигрантами. Он становится членом Союза русской присяжной адвокатуры. Избирается в его реферативную (1920 г.) и ревизионную (1929 г.) комиссии¹³. На собрании этого Союза, в честь десятилетия его существования в 1930 г., Е.М. Кулишер выступил с докладом «Заветы русской адвокатуры»¹⁴. В Союзе русских евреев в Германии его деятельность тоже была посвящена юридическим вопросам. Мне пока удалось найти только одну его статью по юридической тематике, напечатанную в период его пребывания в Берлине, но её публикация, несомненно, свидетельствует о разнообразных профессиональных связях с коллегами-эмигрантами. Ведь статья эта появилась в издававшемся в Риге на русском языке журнале «Закон и суд»¹⁵.

Е.М. Кулишер был человеком, которому доверяли. Так, именно его берлинский адрес дал в 1931 г. для переписки с рижской газетой один из советских невозвращенцев (А.Ю. Рап[п]порт), который всерьёз опасался за свою жизнь¹⁶. Отметим, что коллега, доверившийся Евгению Михайловичу, благополучно закончит свою жизнь через четверть века в Париже. В 1932 г. Е.М. Кулишер формально восстановил («регуляризировал») свои масонские связи¹⁷.

Одновременно с Евгением Михайловичем эмигрировал в Берлин его младший брат, Александр Михайлович. В 1923 г. он переехал в Париж, где стал фактическим политическим редактором издававшейся там П.Н. Милоковым наиболее читаемой газеты межвоенного русского зарубежья «Последние новости»¹⁸. Роль Александра Михайловича в этой газете была столь заметна, что оппоненты называли её «органом Милокова-Кулишера»¹⁹.

Отец братьев более 40 лет работал над проблемами миграций и оставил неоконченным «огромный труд (написанный на немецком языке)», который имел название «Войны и переселения»²⁰. Первым продолжил его дело Александр Михайлович, который в 1924 г. опубликовал на французском языке статью «Теория движения народов и гражданская война в России», где изложил миграционную концепцию отца в том виде, в каком она была сформулирована в его неоконченной рукописи, и на её основе дал оригинальную трактовку послереволюционных событий в России²¹. На первой Всемирной конференции по народонаселению (Женева, 1927) Александр Михайлович представил эти идеи на английском языке²².

Однако для дальнейшего продвижения ему, кажется, не хватало собственных сил. Но Евгений Михайлович ещё в студенческие годы под руководством отца, известного русского этнографа, историка и социолога М.И. Кулишера²³, приобрёл опыт работы с большим объёмом исторического материала. Первым свидетельством его присоединения к усилиям младшего брата в области миграциологии стало их совместное участие в очередном Международном конгрессе историков (Осло, 1928). Каждый из братьев представил там по докладу²⁴.

В 1932 г. выходит книга двух братьев на немецком языке «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов»²⁵. В ней впервые полностью представлена теория Кулишеров, а история миграций в Евразии рассмотрена с VII до начала XX в. Эта книга вызвала многочисленные отклики современников²⁶. Позднее именно она послужила основой для рекомендации, данной братьям выдающимся французским социологом и антропологом М. Моссом, когда они в дальнейшем искали возможность перебраться в США²⁷.

Правда, не обошлось и без инсинуаций, которые шли от непонимания, а может быть, и нежелания признать роль братьев в подготовке книги. Так, даже в одной из тогдашних авторитетных энциклопедий авторство книги приписали их отцу, а самих братьев указали только как её редакторов²⁸. Однако каждому, кто держал в руках книгу, становится ясно, что это не так, о чём, в частности, свидетельствует использование в ней самых новых к моменту её издания источников²⁹. Впрочем, книга, безусловно, основана на идеях отца, и в ней использованы унаследованные от него обширные материалы.

Несмотря на то, что эта книга до сих пор не переведена на другие языки, она не прошла незамеченной. Ф. Лоример включил её в перечень главных публикаций при написании им авторитетного очерка истории мировой демографии³⁰.

При этом он отметил, что передвижения населения всегда были объектом, который стоял в центре внимания русских историков, тем самым подчеркнув её происхождение. В свою очередь, Н.С. Тимашев привёл эту книгу в своём списке наиболее важных работ в истории мировой социологии³¹. Отметим также, что её материалы широко использованы Ф. Броделем в его классическом труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», где они служат основой для описания миграций в Евразии в XIV–XVIII вв. Братьев же он представил читателю следующим образом: «два великолепных историка»³². Упомянул Ф. Бродель их в ряду выдающихся историков населения и в другой своей работе³³.

Захват власти нацистами в Германии в 1933 г. не мог не отразиться на положении Евгения Михайловича, для которого летний семестр оказался последним в Берлинском университете³⁴. Его уволили как «неарийца». На очередном Международном конгрессе историков (Варшава, 1933 г.) каждый из братьев вновь представил по докладу³⁵. Однако на нём Евгению Михайловичу, по-видимому, не было разрешено быть членом немецкой делегации³⁶. В материалах варшавского конгресса, в отличие, кажется, от всех других участников, для него даже не указано место жительства – Берлин.

Для Евгения Михайловича наступил очень трудный период. Сначала, в 1935 г., он направился в Данию. Его жена Ольга Арнольдовна, у которой в США уже давно жили родители, вынуждена была отвезти дочь-подростка к ним за океан. Как удалось установить, 23 октября 1935 г. супруги Кулишер отплыли из Гамбурга в Нью-Йорк. Однако Ольга Арнольдовна уже в апреле 1936 г. отправилась обратно в Европу, откуда вернулась в США только 25 января 1938 г., но 15 июня того же года она опять уехала к мужу³⁷. Летом 1939 г. родителей в Париже даже смогла навестить их дочь³⁸. Выходит, всё-таки Евгений Михайлович большую часть этого трудного периода был не один.

Оказавшись в Дании, Е.М. Кулишер начал писать многочисленные обращения в различные фонды и организации, но уже начинал мешать возраст: ему почти 55 лет. Безрезультатно закончилась его попытка попасть в Англию. Коллегами рассматривалась возможность его переезда в Палестину, которая тогда находилась под властью Великобритании³⁹. В подготовленном осенью 1936 г. справочнике в помощь учёным, бежавшим от Гитлера, Е.М. Кулишер ещё значится неустроенным⁴⁰.

Однако Евгений Михайлович именно в это время всё-таки получил возможность переехать в Париж. Там он нашёл временную работу в научно-исследовательской группе Министерства образования и Национальном центре научных исследований того же французского министерства⁴¹. Финансовую поддержку ему оказал Французский комитет помощи иностранным учёным, который выделил стипендию для изучения связи войн и движения населения⁴². Одним из тех, от кого Е.М. Кулишер получил рекомендацию, был известный русский историк и политический деятель П.Н. Милоков, авторитет которого в международных научных кругах был очень велик.

Но было и другое. Только совсем недавно стало известно, что, по несчастливому стечению обстоятельств, просьба Евгения Михайловича о помощи в издании книги к Обществу защиты науки и знаний в Великобритании попала на рецензирование к весьма влиятельному английскому историку А. Тойнби, который дал на неё отрицательный отзыв⁴³. За этим скрывались глубокие на-

учные расхождения. Ведь, как отмечал позднее по другому поводу Ф. Бродель, для А. Тойнби была характерна недооценка роли демографических факторов, а противоположным примером являлся как раз подход братьев Кулишеров⁴⁴.

Немного известно о пребывании Евгения Михайловича в Париже. Однако один день, несомненно, стал особенным для него. Во французской столице 10 июня 1937 г. состоялись похороны Г.Б. Слиозберга⁴⁵, в прошлом фактического руководителя еврейской общины Петрограда, который был близким другом и соратником его отца. Именно он в ужасных условиях конца 1919 г. предал земле тело М.И. Кулишера, о чём оставил пронзительное мемуарное свидетельство⁴⁶. Выходит, в этот день круг как бы замкнулся. В напечатанном сообщении о похоронах Г.Б. Слиозберга Евгений Михайлович был перечислен рядом с П.Н. Милоковым⁴⁷. Позднее Кулишер расскажет о взглядах Милокова на некоторые демографические индикаторы – знание об этом он вынес из личного общения с историком⁴⁸. И это, пожалуй, всё, что известно о его контактах в тот период.

В обстановке, сложившейся в Европе во второй половине 1930-х гг., братья Кулишеры лишились возможности участия в международных научных конференциях, где раньше их роль была значительна. Так, без них прошёл очередной Международный конгресс историков (Цюрих, 1938), что не осталось незамеченным⁴⁹. Не было их и на международных конференциях по народонаселению этого периода (Берлин, 1935; Париж, 1937).

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, в 1937 г. братья начали работу над новой книгой, посвящённой миграциям в Европе во время Первой мировой войны и в последующий период. Эта книга должна была стать продолжением, вторым томом их совместного труда, опубликованного на немецком языке. С одним из ранних вариантов её рукописи были ознакомлены составители обзора о положении беженцев в Европе, которые неоднократно использовали содержащиеся там материалы в своём фундаментальном отчёте⁵⁰. Как писал хорошо осведомлённый и авторитетный свидетель, чьё сообщение, несомненно, заслуживает внимания, братья успели завершить свою книгу: «... Второй том на французском языке, предсказавший войну, был подготовлен к печати. Занятие Парижа помешало его появлению»⁵¹.

Братья решили бежать из поверженной Франции. Однако осенью 1941 г. Александр Михайлович был арестован петеновскими властями при переходе в ещё не оккупированную часть страны и погиб в феврале 1942 г. в вишистском концлагере при обстоятельствах, не установленных до сих пор⁵². А вот судьба Евгения Михайловича сложилась совсем по-другому.

Американские годы. Евгений Михайлович с женой благополучно проделал опасный путь из побеждённой Франции, и 24 июня 1941 г. супруги приплыли в Новый Свет рейсом Лиссабон – Нью-Йорк⁵³. Его знание английского языка, особенно в начале американского периода, в отличие от младшего брата, который не добрался до США, было далеко от совершенства⁵⁴. Известно, что и после многих лет пребывания в США итоговые материалы научного наследия Е.М. Кулишера писались не на английском языке. Они были предоставлены вдовой одному из его биографов в переводе⁵⁵. Всё это наводит на мысль, что многочисленные англоязычные публикации Евгения Михайловича, вероятно, также были переводами или результатом существенной помощи редакторов, что, впрочем, кажется, нигде автором не указывалось, когда они печатались.

Имелось одно важное обстоятельство, которое должно было помочь успеху в новой стране. Отец его жены, А.Д. Марголин, который был в прошлом заместителем министра иностранных дел недолго просуществовавшей Украинской Народной Республики, уже почти два десятилетия жил в США, где давно установил обширные связи, прежде всего в кругах, определявших американскую внешнюю политику⁵⁶.

Приехав в США, Е.М. Кулишер активно искал возможности приложения своих сил, что принесло успех. Хотя ему было уже шестьдесят, в военных условиях его уникальные знания в области миграциологии оказались востребованы. Ему удалось заинтересовать Международное бюро труда (МБТ) своим проектом изучения миграций в Европе в период идущей войны. В результате 14 июля 1942 г. Евгению Михайловичу было отправлено сообщение о его зачислении на работу в эту организацию, которая базировалась в Монреале, причём задним числом – с 15 февраля того же года⁵⁷.

Уже через год Е.М. Кулишер опубликовал под эгидой МБТ книгу «Перемещение населения в Европе», в которой давался подробный обзор миграций на этом континенте за период, прошедший после начала Второй мировой войны⁵⁸. В книге на основе тщательного анализа большого числа самых разнообразных источников он пришёл к оценке, которая будет потом неоднократно цитироваться, вплоть до настоящего времени: что к началу 1943 г. 30 миллионов жителей Европы оставили свои предвоенные места жительства. Публикация книги, посвящённой одной из самых злободневных проблем военного времени, принесла её автору широкую известность. Ведь введённому в ней понятию «перемещённые лица» было суждено и потом ещё долгие годы находиться на слуху, пока проблема этой части жертв войны не нашла своего решения.

Следующим местом работы Е.М. Кулишера стало Управление стратегических служб (УСС), одной из основных задач которого был сбор и анализ стратегической информации в условиях мировой войны. Хотя эта организация и считается предшественником возникшего после окончания войны Центрального разведывательного управления (ЦРУ), уровень их кадров существенно отличался. В военные годы к аналитической работе в УСС были привлечены многие выдающиеся учёные-иммигранты, часто даже без американского гражданства, как Евгений Михайлович. Среди них были лидеры Франкфуртской школы неомарксизма (Ф. Нейман, Г. Маркузе), будущий нобелевский лауреат по экономике В. Леонтьев и др.⁵⁹

С середины 1943 г. руководство УСС приступило к привлечению для аналитической работы большого количества учёных-иммигрантов⁶⁰. Известно, что 27 ноября этого года Е.М. Кулишер получил указание руководства УСС переместиться вместе с занятыми в его секторе подчинёнными в Нью-Йорк⁶¹. В число сотрудников возглавляемого им сектора входил И.Б. Шехтман, будущий автор известных книг о переселениях в Европе и Азии, связанных со Второй мировой войной и её последствиями⁶². В это же время Е.М. Кулишер стал директором Бюро по исследованию движения населения (Research Bureau on Population Movements), которое ранее возглавлял ставший теперь его подчинённым И.Б. Шехтман⁶³. Одновременно Евгений Михайлович был экспертом Проекта «М», занимавшегося в годы войны по личному поручению президента США Ф.Д. Рузвельта анализом проблем мировой миграции⁶⁴.

В этот период Евгений Михайлович мог получать в специально организованном порядке необходимые для его работы материалы из разных стран мира, включая прессу на всевозможных языках⁶⁵. Когда закончилась его работа в УСС в 1945 г., он оставил себе значительное количество копий закрытых докладов (некоторые из них даже имели гриф «секретно»), в подготовке которых принимал участие, что не ускользнуло от внимания ФБР⁶⁶. Результаты работы Е.М. Кулишера в УСС имели большое научное значение, и он не хотел их терять. В дальнейшем они очень помогут ему при написании раздела о Второй мировой войне в его последней книге.

Во время этой войны Евгений Михайлович вновь стал активен в еврейских кругах, теперь уже американских. Так, в 1943 г. в серии брошюр исследовательского института Американского еврейского комитета он опубликовал работу, посвящённую истории еврейской миграции и её перспективам⁶⁷. Участвовал Е.М. Кулишер и в русско-еврейских начинаниях в США. В первом русско-еврейском журнале в этой стране («Заря») он опубликовал статью, посвящённую одной из безуспешных попыток решения проблемы военных беженцев – Бермудской конференции⁶⁸.

Отметим, что летом 1944 г. Евгений Михайлович на базе материалов книги, изданной за год до того под эгидой МБТ, напечатал на русском языке статью, посвящённую миграции евреев в Европе в годы идущей войны⁶⁹. В ней указывалось, что она дополнена «некоторыми новейшими данными». Однако обращает на себя внимание, что, хотя к тому времени уже было определённо известно о лагерях уничтожения, в которых заканчивался путь большинства жертв, о миграции которых там шла речь, автор статьи, по существу, не касается данного аспекта в своём изложении темы⁷⁰. Впрочем, это соответствовало тогдашней официальной позиции умолчания властей США, на службе у которых он в это время находился.

В 1943 г. в польско-советском споре по поводу принадлежности территорий Западной Белоруссии и Западной Украины Е.М. Кулишер в журнале на русском языке, исходя из данных об их этническом составе, поддержал позицию СССР – наследника той страны, в которой вырос⁷¹. В 1944 г. он участвовал в издании книги, посвящённой памяти выдающегося адвоката дореволюционной России О.О. Грузенберга. Опубликованная там Евгением Михайловичем заглавная статья, пронзительная по своему содержанию, является ностальгическим напоминанием о его связи с профессией адвоката, с которой он в силу обстоятельств вынужденно расстался в эмиграции⁷².

В 1946 г. в Американском университете в Вашингтоне Е.М. Кулишер нашёл временную преподавательскую работу: он прочёл там курс «Война и движение населения в Европе и СССР (1916–1946)»⁷³. Однако затем учёный опять был вынужден заняться поиском работы. Но и в это время он постоянно занимался в читальном зале Библиотеки Конгресса, куда обычно приходил по будним дням в послеобеденное время, между 3:30 и 5:30, и оставался там до восьми или девяти часов вечера⁷⁴. В 1947 г. Евгений Михайлович нашёл временную работу в новом подразделении Бюро цензов, ответственном за международную статистику⁷⁵. Известно, что условием поступления туда было наличие американского гражданства⁷⁶. Как удалось установить, 3 сентября 1946 г. супруги Кулишер стали гражданами США⁷⁷. Их свидетелями в процессе

натурализации были двое выдающихся учёных – экономист В.С. Войтинский и демограф И.Б. Тойбер⁷⁸. В 1948 г. Евгений Михайлович временно попал на работу в военное ведомство этой страны⁷⁹. С 1949 г. вплоть до самой смерти он состоял в штате Библиотеки Конгресса. Во всех этих местах он выполнял функции демографа.

В Библиотеке Конгресса нашла себе работу в 1946 г. и его жена, которая стала каталогизатором славянских изданий⁸⁰. Известна её положительная личностная характеристика со стороны руководства: «Она благородный и лёгкий в работе человек»⁸¹. Несомненно, что Ольга Арнольдовна была хорошим помощником Евгению Михайловичу в его научной работе. В своей последней книге он специально отметил сотрудничество с ней в исследовании российской тематики и составлении библиографии⁸².

В американский период Е.М. Кулишер опубликовал значительное число работ по демографии⁸³. В частности, в 1946 г. он подготовил серию статей, посвящённых проблемам демографии и миграции евреев Европы и СССР, которые в большинстве своём оказались забыты⁸⁴. Стоит отметить, что открывается она публикацией о коренном изменении географии расселения евреев Старого континента после Шоа (Холокоста) – существенном росте доли еврейского населения СССР, которая стала преобладающей («три пятых», как указано в её заголовке)⁸⁵.

В послевоенный период в условиях отсутствия надёжной информации – все реальные данные советской статистики были тогда строго засекречены – даже попытки понять общую численность населения СССР превращались в безнадёжную задачу. Положение усугубляло то, что итоговые результаты предвоенной советской переписи населения 1939 г. были умышленно завышены по меньшей мере на три миллиона человек⁸⁶. Более того, официальные советские представители подбрасывали заведомо преувеличенные цифры послевоенного населения страны. Одновременно намеренно завышалось число избирателей, которое можно было рассчитать⁸⁷. Тому же должны были способствовать иногда публикуемые данные о производстве продукции в расчёте на душу населения.

Тогда в споре о численности населения СССР приняли участие три виднейших представителя русской научной диаспоры – Е.М. Кулишер, С.Н. Прокорович и Н.С. Тимашев⁸⁸. В этой дискуссии цифры, которыми оперировал Е.М. Кулишер, были весьма высокими⁸⁹. Настоящей ошибкой Евгения Михайловича, как и всех других участников спора, было то, что они вовлекли себя в совершенно безнадёжное дело, поскольку отсутствовала реальная информация для необходимых расчётов. Победителей среди участников дискуссии не оказалось. Когда ЦСУ СССР наконец опубликовало свою цифру в 200,2 млн человек на апрель 1956 г., на Западе циркулировали оценки, которые обычно завышали численность советского населения примерно на 10 %⁹⁰.

Зато заслуженный триумф ждал Е.М. Кулишера в области миграциологии. В 1948 г. вышла его книга «Европа в движении: война и изменения населения, 1917–1947»⁹¹. Рассказанная в ней история о том, как попали в США из поверженной Франции собранные братьями Кулишерами обширные материалы по миграциям, а также рукопись написанной ими на французском языке книги, изданию которой помешала война, носила вполне детективный характер.

Вначале всё это было переправлено в ту часть Франции, которая ещё не была оккупирована немецкими войсками. Оттуда материалы были вывезены на Маргинику, французское владение в Центральной Америке, и лишь затем – в США⁹². Активное участие в организации их доставки в Америку принял А. Джонсон, директор Новой школы социальных исследований, где Александра Михайловича ждало место работы. Но он погиб, и в дальнейшем со всем этим богатством совместно накопленных материалов судьба определила работать только одному Евгению Михайловичу.

Период, который рассматривается в книге «Европа в движении: война и изменения населения, 1917–1947», на самом деле больше указанного в её заглавии, поскольку там анализируются также миграции в России, вызванные Первой мировой войной. Теория миграций, как она представлена в специальном разделе, является в основном кратким изложением того, что уже было опубликовано в предыдущей книге братьев. Основное содержание «Европы в движении» состоит из двух больших частей.

Первая, самая большая по объёму, подробно описывает миграционные процессы в разных частях Европы до начала Второй мировой войны. Несомненно, что основой для неё явилась неопубликованная книга братьев на французском языке. Вклад Александра Михайловича в эту часть «Европы в движении» становится ещё яснее, если принять во внимание свидетельство хорошо информированного эксперта о том, что многие материалы по России и СССР, использованные в ней, просто отсутствовали в США⁹³. Потому роль младшего брата в создании этой книги, видимо, до сих пор недооценена исследователями.

Конечно, при выходе книги наибольшее внимание привлекла её вторая, пусть и меньшая по объёму, часть, посвящённая периоду Второй мировой войны и первым годам после неё, которые также отмечены массовыми миграциями. Общую численность жителей Европы, которые приняли в них участие, Е.М. Кулишер оценил в 55 млн человек⁹⁴. Однако он включил в это число более пяти миллионов евреев, из которых подавляющее большинство было уничтожено нацистами и их приспешниками⁹⁵ – спорный, на мой взгляд, подход к проблеме, – что, кажется, требует соответствующей коррекции его оценки. Ведь это была не миграция, а путь к уничтожению, часть Шоа (Холокоста)⁹⁶. В этой книге Е.М. Кулишер впервые дал всеобъемлющий анализ миграционной составляющей совсем недавних трагических страниц истории Европы и показал масштаб одной из самых актуальных проблем послевоенного периода – наличие огромной массы лиц, утративших свои прежние места жительства.

Заслугой Евгения Михайловича является то, что он, следуя подходу, разработанному отцом, в своём анализе комплексно рассматривал все миграции военного времени, а не ограничивался их насильственной составляющей. Ведь только при таком подходе можно было понять роль среди миграций этого периода таких их форм, как эвакуация и добровольное бегство населения от наступающих войск противника, что приняло особенно большой размах в СССР в 1941–1942 гг. Отметим, что в этой книге Е.М. Кулишер также дал одну из первых оценок потерь, понесённых еврейским населением Европы в Шоа (Холокосте) – 5,5 млн человек⁹⁷.

Около 40 % объёма книги посвящено России и СССР⁹⁸. Первоначально она должна была даже включать в своё название Советский Союз, что лучше от-

ражало бы её содержание⁹⁹. Возможно, что именно отсутствие его упоминания в названии книги и привело к тому, что её обширные материалы, относящиеся к России и СССР, пока не привлекли к себе того внимания российских исследователей, которого они заслуживают. А ведь, например, именно в указанной книге Евгений Михайлович дал подробный анализ составляющих российской послереволюционной эмиграции, общая численность которой была определена им в 1,75 млн человек¹⁰⁰.

Немалое внимание уделял Е.М. Кулишер в эти годы и рецензированию новой демографической литературы, что долгое время ускользало от внимания его биографов¹⁰¹, хотя эти его публикации тоже содержали немало интересного. Условья работы Евгения Михайловича в американский период значительно отличались в лучшую сторону от тех, в которых братья до того вели свои исследования в Европе. В США Е.М. Кулишер получил щедрую финансовую поддержку от различных фондов. Он пользовался доверием американских властей, о чём свидетельствует тот факт, что его имя было найдено в списке рассылки конфиденциальных материалов, относящемся к началу 1950-х гг.¹⁰² Признанием заслуг Е.М. Кулишера в миграциологии явилось предложение подготовить статью «Миграция» для «Британской энциклопедии», которая была опубликована в 1952 г.¹⁰³

Пусть давно осталась в прошлом дореволюционная адвокатская практика, но приобретенные за её годы навыки, несомненно, помогали Евгению Михайловичу в налаживании контактов с людьми. Ему самому воспоминания об этом периоде, видимо, были приятны. Ведь он написал в США несколько уже упомянутых мемуарных очерков о корифеях старой русской адвокатуры, которых хорошо знал¹⁰⁴. Кулишер состоял членом правления Клуба русских юристов¹⁰⁵. А для своих американских студентов и сослуживцев этот общительный человек и хороший рассказчик был живым олицетворением старого Петербурга, той России, которая к этому времени уже давно ушла в прошлое¹⁰⁶. Смерть настигла Е.М. Кулишера 2 апреля 1956 г. на 75-м году жизни в Вашингтоне, где он жил и работал в послевоенные годы; он умер «после непродолжительной, но тяжёлой болезни – коронарного тромбоза»¹⁰⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / пер. с нем. М., 1998. С. 198.

² При подготовке настоящего очерка действенную помощь в осмыслении ряда значимых аспектов биографии Е.М. Кулишера, поиске и доступе к некоторым важным источникам оказали Е. Андреева, М. Бейзер, Б. Горовиц, А. Зельцер, А. Феррара, О. Коростелев, Л. Найдич, Л. Тельен, В. Хазан, Д. Харум, М. Шпраер и Ш. Штаммфер, а также книготорговая компания Esterum (Франкфурт-на-Майне). Всем им я очень благодарен. Однако ответственность за содержание моей публикации, конечно, целиком лежит на авторе. Отдельно следует отметить, что на заключительном этапе работы над очерком мною были обнаружены в свободном доступе некоторые рассекреченные материалы ФБР, относящиеся к Е.М. Кулишеру, поскольку эта организация в 1946 и 1947 гг. проявляла пристальный интерес к нему. Они позволили существенно уточнить весьма важные обстоятельства его жизни.

³ *Винавер М.М.* Недавнее (воспоминания и характеристики). 2-е изд. Париж, 1926. С. 262.

⁴ *Виноградов С.М.* И.М. Кулишер как историк-экономист // Русская наука в биографических очерках / под ред. Э.И. Колчинского и И.П. Медведова. СПб., 2003. С. 228.

⁵ *Кулишер А.* Постоянное // ПН. 1927. 6 ноября. С. 3.

⁶ *Кулишер Е.* Год тому назад // Еврейская трибуна (Париж). 1921. № 57. С. 2; *Ferrara A.* Eugene Kulischer, Joseph Schechtman and the Historiography of European Forced Migrations // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46, № 4. P. 720.

⁷ FBI Silvermaster File. Vol. 130. P. 64. URL: <http://web.archive.org/web/20120814132156/http://education-research.org/PDFs/Silvermaster130.pdf>.

- ⁸ Кулишер Е. Памяти В.Д. Набокова // ПН. 1932. 19 апреля. С. 4.
- ⁹ *Krehan K.* Die Reintegration von Juristen jüdischer Herkunft an den Berliner Universitäten nach 1945. Berlin, 2007. S. 66.
- ¹⁰ См.: Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. М., 2010. С. 584.
- ¹¹ Кулишер Е. Памяти В.Д. Набокова. С. 4.
- ¹² *Krehan K.* Op. cit. S. 67; Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft. Hrsg. St. Grundmann [et al.]. Berlin, 2010. S. 78.
- ¹³ *Серков А.И.* Русское масонство, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 444.
- ¹⁴ *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М., 2013. С. 332.
- ¹⁵ Кулишер Е. Инфляционная собственность в германской судебной практике // Закон и суд. 1929. № 5. Стб. 179–186.
- ¹⁶ *Равоин Б., Флейшман Л., Абызов Ю.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. II. С. 192.
- ¹⁷ *Серков А.И.* Указ. соч. С. 1186.
- ¹⁸ *Равоин Б., Флейшман Л., Абызов Ю.* Указ. соч. 1997. Кн. V. С. 117.
- ¹⁹ См., например: Обзор печати // Возрождение (Париж). 1936. Апрель 4. С. 2.
- ²⁰ *Тольц М.* Забытый энциклопедист: Михаил Игнатьевич Кулишер (1847–1919) // Диаспоры. 2014. № 2. С. 164–166.
- ²¹ *Koulicher A.* La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie // Revue internationale de sociologie. 1924. Vol. 32. P. 492–507; недавно опубликован перевод на русский язык этой статьи: Кулишер А. Теория движения народов и гражданская война в России / пер. с фр., предисл. и коммент. М. Тольца // Демографическое обозрение. 2014. № 3. С. 158–173. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--3/143751896.html>
- ²² *Koulicher A.* Some Aspects of the Migration Problem // Proceedings of the World Population Conference / ed. by M. Sanger. Lnd., 1927. P. 305–309.
- ²³ О нём см.: *Тольц М.* Забытый энциклопедист. С. 140–176.
- ²⁴ *Koulicher A.* Les guerres et les migrations // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo, 1928. P. 29–30; *Kulischer E.* Die Richtungen der Völkerbewegungen // Ibid. P. 30–33.
- ²⁵ *Kulischer A., Kulischer E.* Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig, 1932.
- ²⁶ Среди них укажем лишь несколько, которые принадлежали видным учёным русского зарубежья: *Бирцели П.* [Рец. на:] *Kulischer A., Kulischer E.* Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig, 1932 // СЗ. 1932. Т. 50. С. 469–472; *Gurvitch G.* [Рец. на:] *Kulischer A., Kulischer E.* Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig, 1932 // Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique. 1933. Vol. 3. P. 247–249; *Miljukov P.* Une nouvelle explication du cours de l'histoire universelle // Le monde slave. 1933. Vol. 10, № 4. P. 127–136. – Рец. на: *Kulischer A., Kulischer E.* Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig, 1932.
- ²⁷ *Schlögel K.* Investigating Russian Berlin in Weimar Germany – Culture and Displacement in the Age of War and Revolution // Baltic Worlds. 2011. Vol. 4, № 3. P. 24.
- ²⁸ Encyclopaedia Judaica. Berlin, 1934. Bd. 10. S. 479.
- ²⁹ Это сразу заметили квалифицированные читатели. См., например: *Миллюков П.* Новое объяснение хода всемирной истории // ПН. 1932. 6 августа. С. 2.
- ³⁰ *Lorimer F.* The Development of Demography // The Study of Population: An Inventory and Appraisal / ed. by Ph.M. Hauser and O.D. Duncan. Chicago, 1959. P. 124–179.
- ³¹ *Timasheff N.S.* Sociological Theory, Its Nature and Growth. Garden City, 1955. P. 313.
- ³² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. 2-е изд. М., 2006. Т. 1. С. 65.
- ³³ *Braudel F.* On History. Chicago, 1982. P. 148.
- ³⁴ *Krehan K.* Op. cit. S. 67.
- ³⁵ *Koulicher A.* Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Varsovie, 1933. Vol. II. P. 354; *Kulischer E.* Kriege und Wanderungen. Theorie der Völkerbewegungen // Ibid. P. 355–356.
- ³⁶ См.: *Pinwinkler A.* Deutsche Geschichtswissenschaften und «Bevölkerung» bei den Internationalen Historikerkongressen der Zwischenkriegszeit // Übergänge und Schnittmengen: Arbeit, Migration, Bevölkerung und Wissenschaftsgeschichte in Diskussion // Hrsg. A. Steidl et al. Wien, 2008. S. 386.
- ³⁷ FBI Silvermaster File. Vol. 130. P. 65.
- ³⁸ War Holds Real Significance for Texas Students // The Victoria Advocate. 1939. November 13. P. 3.
- ³⁹ *Андреева Е.Н.* Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским учёным-эмигрантам // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 87.
- ⁴⁰ Displaced German Scholars: A Guide to Academics in Peril in Nazi Germany During the 1930s. San Bernardino, 1993. P. 47.
- ⁴¹ International Biographical Dictionary of Central European Emigrés 1933–1945 / ed. by H.A. Strauss, W. Röder, et al. N. Y.; Lnd., 1983. Vol. 2, part 1. P. 673.

- ⁴² Андреева Е.Н. Указ. соч. С. 87.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Braudel F. On History. P. 206.
- ⁴⁵ Позднее Евгений Михайлович напишет о нём: Кулишер Е. Г.Б. Слиозберг (1863 – 1937) // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 419–421.
- ⁴⁶ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней: Записки русского еврея. Париж, 1934. Т. 3. С. 117–118.
- ⁴⁷ L'Univers Israelite (Paris). 1937. № 41. P. 633.
- ⁴⁸ См.: Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 206.
- ⁴⁹ См.: Pinwinkler A. Op. cit. S. 391.
- ⁵⁰ См.: Simpson J.H. The Refugee Problem: Report of a Survey. Lnd.–N.Y., 1939. P. 64, 68, 81, 378.
- ⁵¹ Гурвич Г.Д. Памяти профессора А.М. Кулишера // НЖ. 1942. № 2. С. 375. О дальнейшей судьбе этой рукописи см. в следующем разделе. Отметим, что Г.Д. Гурвич был близким другом Александра Михайловича (см.: Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М., 2013. С. 241).
- ⁵² Толыч М. Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп-Weekly. 2014. № 603–604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php>
- ⁵³ Но только 30 июня 1941 г., после проверки, им был дозволен доступ в страну (Record of Aliens Held for Special Inquiry, S.S. Exeter, arrived 6/24/41; копия в архиве автора).
- ⁵⁴ Это обстоятельство упоминается даже в одном из его некрологов: The Washington Post. 1956. April 4. P. 18.
- ⁵⁵ Jaffe A.J. Notes on the Population Theory of Eugene M. Kulischer // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1962. Vol. 40, № 2. P. 187.
- ⁵⁶ Khiterer, V. Arnold Davidovich Margolin: Ukrainian-Jewish Jurist, Statesman and Diplomat // Revolutionary Russia. 2005. Vol. 18, № 2. P. 145–167.
- ⁵⁷ FBI Silvermaster File. Vol. 84. P. 72–73. URL: <http://web.archive.org/web/20120807120837/http://education-research.org/PDFs/Silvermaster084.pdf>
- ⁵⁸ Kulischer E.M. The Displacement of Population in Europe. Montreal, 1943.
- ⁵⁹ См.: Katz B.M. Foreign Intelligence: Research and Analysis in the Office of Strategic Services, 1942–1945. Cambridge, MA; Lnd., 1989. P. 29, 139.
- ⁶⁰ Ibid. P. 32.
- ⁶¹ FBI Silvermaster File. Vol. 84. P. 69.
- ⁶² О нём см.: Ferrara A. Op. cit.; Schögel K. Verschiebebahnhof Europa. Joseph B. Schechtmans und Eugene M. Kulischers Pionierarbeiten // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History, Online-Ausgabe. 2005. Vol. 2, № 3. URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Schloegel-3-2005>
- ⁶³ Ferrara A. Op. cit. P. 719.
- ⁶⁴ Его основные материалы, в которых неоднократно упоминается Е.М. Кулишер, были позднее опубликованы: Field, H. «M» Project for F.I.D.R.: Studies on Migration and Settlement. Ann Arbor, 1962.
- ⁶⁵ См.: Schögel K. Verschiebebahnhof Europa.
- ⁶⁶ FBI Silvermaster File. Vol. 84. P. 73–74.
- ⁶⁷ Kulischer E.M. Jewish Migrations: Past Experiences and Post-War Prospects. N. Y., 1943.
- ⁶⁸ Кулишер Е. Бермудская конференция // Заря (Нью-Йорк). 1943. № 8. С. 3–4.
- ⁶⁹ Кулишер Е. Изгнание и депортация евреев // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 255–269.
- ⁷⁰ О времени публикации информации о массовом вывозе нацистами евреев в лагерь уничтожения, тогда проигнорированной Е.М. Кулишером, см., например: Dwork D., van Pelt R.J. Holocaust: A History. N. Y.; Lnd., 2002. P. 301–302.
- ⁷¹ Кулишер Е. Польша и Россия // Новоселье (Нью-Йорк). 1943. № 3. С. 57–62.
- ⁷² Кулишер Е.М. О.О. Грузенберг как адвокат // Грузенберг О.О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 8–20.
- ⁷³ Krehan K. Op. cit. S. 69.
- ⁷⁴ FBI Silvermaster File. Vol. 84. P. 67.
- ⁷⁵ Who's Who in World Jewry: A Biographical Dictionary of Outstanding Jews / ed. by H. Schneiderman and I.J. Carmin. N.Y., 1955. P. 423.
- ⁷⁶ FBI Silvermaster File. Vol. 84. P. 67.
- ⁷⁷ Ibid. Vol. 130. P. 64–65.
- ⁷⁸ О них см.: So Much Alive: The Life and Work of Wladimir S. Woytinsky / ed. by E.S. Woytinsky. N.Y., 1962; Notestein F.W. Obituary: Irene Barnes Tauber 1906–1974 // Population Index. 1974. Vol. 40, № 1. P. 3–17.
- ⁷⁹ Who's Who in World Jewry. P. 423.
- ⁸⁰ Library of Congress Information Bulletin. 1968. Vol. 27, № 12. P. 142–143.
- ⁸¹ Пивоваров Е.Г. История русской книги в Библиотеке Конгресса США. СПб., 2013. С. 178–179.
- ⁸² Kulischer E.M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N. Y., 1948. P. VII.
- ⁸³ См. библиографию его работ на английском языке в: Jaffe A.J. Notes on the Population Theory of Eugene M. Kulischer. P. 205–206. Необходимо отметить, что эта библиография, как показали результаты моих поисков, далека от полноты. Рассмотренные выше публикации Е.М. Кулишера в США на русском языке также ранее ускользали от внимания исследователей его творчества.
- ⁸⁴ Kulischer E.M. Three-Fifths of Europe's Jews Now in U.S.S.R. // Rescue [Information Bulletin of HIAS]. 1946. Vol. III, № 7–8. P. 1–2, 16; *idem*. The Old Emigration and the New // Ibid. № 9. P. 2, 10; *idem*.

Causes of Present Flight from East Europe // *Ibid.* № 10. P. 3, 10–11. Две последние части этой серии статей пропущены в только что указанной библиографии.

⁸⁵ *Kulischer E.M.* Three-Fifths of Europe's Jews Now in U.S.S.R.

⁸⁶ См.: *Толъ М.* Тайны советской демографии // *Демоскоп-Weekly*. 2004. № 171–172. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>

⁸⁷ *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Демографическая история Российской Федерации, 1927–1959. М., 1998. С. 116.

⁸⁸ Имеется подробное описание хода этой дискуссии: *Roof M.K.* The Russian Population Enigma Reconsidered // *Population Studies*. 1960. Vol. 14, № 1. P. 3–16. См. также более раннюю статью, где рассказано о некоторых других неудачных западных попытках определения численности послевоенного населения СССР: *Gordon M.K.* Notes on Recent Soviet Population Statistics and Research // *Population Index*. 1957. Vol. 23, № 1. P. 2–16.

⁸⁹ *Kulischer E.M.* The Russian Population Enigma // *Foreign Affairs*. 1949. Vol. 27, № 3. P. 497–501; *idem.* Russian Manpower // *Ibid.* 1952. Vol. 31, № 1. P. 67–78.

⁹⁰ *Jasny N.* The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary. East Lansing, 1957. P. 18.

⁹¹ *Kulischer E.M.* Europe on the Move.

⁹² *Ibid.* P. VI.

⁹³ *Gordon M.K.* [Рец. на:] *Kulischer E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N. Y., 1948 // *RR*. 1949. Vol. 8, № 1. P. 87–88. Об авторе этой рецензии см.: *Tolts M.* For Him London was a Fruitful Transitory Stop: The Migrant's Destiny of Miron Kantorowicz // *Jewish Journal of Sociology*. 2014. Vol. 56, № 1–2. P. 99–117.

⁹⁴ *Kulischer E.M.* Europe on the Move. P. 305.

⁹⁵ *Ibid.* P. 264.

⁹⁶ Именно так это представлено в моей недавней энциклопедической статье: *Tolts M.* Population and Migration: Migration since World War // *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe: Online Edition*, 2010. URL: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Population_and_Migration/Migration_since_World_War_I

⁹⁷ *Kulischer E.M.* Europe on the Move. P. 279.

⁹⁸ *Gordon M.K.* [Рец. на:] *Kulischer E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947. N. Y., 1948. P. 87.

⁹⁹ *Ferrara A.* Op. cit. P. 731.

¹⁰⁰ *Kulischer E.M.* Europe on the Move. P. 53–57.

¹⁰¹ Так, к сожалению, в уже упомянутой библиографии публикаций Е.М. Кулишера американского периода отсутствуют подготовленные им рецензии, хотя для него, к концу жизни – сотрудника Библиотеки Конгресса, это было одним из приоритетных направлений деятельности. Лишь совсем недавно они были, наконец, перечислены в: *Ливоваров Е.Г.* История русской книги в Библиотеке Конгресса США. С. 173.

¹⁰² *Ferrara A.* Op. cit. P. 722–723.

¹⁰³ *Kulischer E.M.* Migration // *Encyclopaedia Britannica*. Lnd., 1952. Vol. 15. P. 465–473.

¹⁰⁴ Необходимо добавить к ним его очерк о выдающемся русском адвокате Н.П. Карабчевском, под руководством которого Е.М. Кулишер проработал шесть лет в самом начале своей юридической карьеры. См.: *Кулишер Е. Н.П. Карабчевский (1851 – 1925)* // *НЖ*. 1952. № 31. С. 296–305.

¹⁰⁵ *НПС*. 1956. 3 апреля. С. 1.

¹⁰⁶ См.: *Roof M.K.* In Memoriam: Eugene M. Kulischer. P. 41–44; *Weil I.* Odyssey of a Translator // *Nabokov: Criticism, Reminiscences, Translations and Tributes* / ed. by A. Appel and Ch. Newman. Evanston, 1970. P. 266.

¹⁰⁷ *НПС*. 1956. 3 апреля. С. 1.

Зарубежные контакты Э.А. Вольтера в области книжного дела

Аннотация: Статья посвящена видному деятелю русской книжной культуры – филологу, этнографу, библиотекарю, библиографу, книговеду Э.А. Вольтеру и его зарубежным профессиональным связям в области книжного дела. На основе архивных материалов анализируется этот аспект деятельности учёного по таким направлениям, как изучение зарубежного профессионального опыта, переписка с иностранными специалистами и международными библиографическими учреждениями.

Annotation: The article is devoted to a prominent figure in the Russian book culture – linguist, ethnographer, librarian, bibliographer, bibliologist E.A. Wolter and his foreign professional relations. E.A. Wolter's activity is analyzed on a wide range of archival material. His foreign relations in such areas as the study of foreign work experience, his contact with foreign colleagues, cooperation with international bibliographic institutions are studied.

Ключевые слова: Э.А. Вольтер, зарубежные книжные связи, Русское библиологическое общество, международные библиографические учреждения.

Key words: E.A. Wolter, foreign book contacts, Russian bibliography society, international bibliographic institutions.

Научная и практическая деятельность Эдуарда Александровича Вольтера¹ отличается необычайной широтой, многогранностью и плодотворностью. Известный учёный-славист, лингвист, филолог, этнограф-литовед, археолог, он внёс также значительный вклад в развитие книжной культуры как книговед, библиофил, теоретик, практик и организатор библиотечно-библиографического дела².

Большой исследовательский интерес представляют зарубежные профессиональные контакты Э.А. Вольтера. Он относился к тем деятелям отечественной культуры, для которых постоянные взаимодействия с зарубежными коллегами, обмен с ними новым опытом, знаниями и информацией являлись необходимым условием существования в науке и профессии. Контакты Э.А. Вольтера с книжным зарубежьем были обусловлены в первую очередь потребностями, связанными с его деятельностью в Библиотеке Академии наук (далее – БАН), где он возглавлял Славянское отделение, в Русском библиологическом обществе (далее – РБО), в Обществе библиотековедения, и проявлялись в различных формах. Учёный состоял в переписке с иностранными специалистами, активно

осваивал достижения мировой теории и практики, совершал заграничные научные командировки, состоял членом международных организаций. Архивные материалы, хранящиеся в личном фонде Э.А. Вольтера в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (СПФ АРАН, Ф. 178)³, позволяют раскрыть содержание и значение этих контактов.

Важным направлением и обязательным компонентом научной работы Э.А. Вольтера, как многих прогрессивных отечественных деятелей книги, было изучение *зарубежного профессионального опыта*. Он не только хорошо понимал значимость его освоения в целях расширения профессионального кругозора, формирования более глубокого подхода к решению актуальных проблем деятельности, но и владел обширными познаниями в области истории и современного состояния книжной отрасли в разных странах. Эти познания приобретались Э.А. Вольтером как путём изучения иностранной специальной литературы, так и непосредственного ознакомления с западным книжным делом в ходе многочисленных заграничных поездок с научными целями. В качестве библиотекаря БАН он неоднократно командировался в Германию, Австро-Венгрию (австрийские, польские, чешские библиотеки), Болгарию, Сербию, Боснию и Герцеговину⁴, а также совершал личные поездки во многие европейские страны.

Интерес к явлениям и событиям жизни профессионального зарубежья со всей полнотой проявлялся в тематике научных докладов Э.А. Вольтера, прочитанных им на собраниях РБО, на различных съездах и совещаниях. Эти доклады содержали отчёты о его заграничных поездках, характеристику новых изданий иностранной специальной литературы и методов библиотечно-библиографической работы за рубежом, обзоры программ деятельности международных библиографических учреждений и международных профессиональных форумов. Выступления Э.А. Вольтера всегда привлекали большое внимание коллег не только острой актуальностью поставленных проблем, их многоаспектным анализом, блестящей эрудицией докладчика, но и тем, что освещение им вопросов зарубежной науки и практики всегда происходило в сопоставлении с развитием российского книжного дела и заключалось внесением конкретных предложений по его совершенствованию.

Так, например, уже первый доклад-отчёт «О поездке в библиотеки Германии и Австрии», прочитанный Э.А. Вольтером в РБО 8 декабря 1901 г., не только раскрывал «некоторые особенности современного библиотекоустройства и книговедения» в данных странах, но и содержал ценные предложения, направленные на удовлетворение насущных потребностей русского библиотечного дела и библиографии⁵. Получив заграничную командировку от БАН, Э.А. Вольтер посетил университетские, академические, государственные библиотеки в Вене, Линце, Зальцбурге, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Марбурге, Гёттингене, Галле, Лейпциге и Берлине. Среди основных вопросов, которые он изучал, были вопросы по организации работ в области каталогизации, регистрации произведений печати и об обязательном экземпляре⁶. Результаты изучения зарубежной практики позволили Э.А. Вольтеру раскрыть такие изъяны в российской системе обязательного экземпляра, как его неполнота и задержка в цензурных комитетах, недостатки в его распределении по книгохранилищам и т. д.⁷

Основываясь на опыте австрийских и германских библиотек, Э.А. Вольгер предложил ряд необходимых мер по улучшению организации библиотечно-библиографического дела в России, в том числе высказался за единообразие правил каталогизации, за централизованный учёт всех книжных запасов страны, за повышение «сословных прав библиотечарей», за признание библиотечковедения наукой, за преподавание, по образцу германских университетов, библиотечковедения в русских университетах⁸. Многие из предложений Э.А. Вольгера были нацелены на расширение просветительной деятельности библиотек и являлись передовыми для своего времени⁹. По мнению А.И. Копанева, именно «знакомство с библиотечным делом в Австрии и Германии наполкнуло Вольгера на мысль об издании Адресной книги библиотек России», в связи с чем он наметил обширную программу обследования отечественных библиотек, одобренную Академией наук¹⁰.

Можно отметить ещё один весомый результат заграничной поездки Э.А. Вольгера – сформированный комплекс идей и положений по коренному изменению библиографического дела в стране, отражённый впоследствии в статье «Об упорядочении дела регистрации произведений печати в России и своевременного доставления их в наши государственные библиотеки» (1901)¹¹. В этой работе автор подробно анализирует ситуацию, сложившуюся в нашей стране и за границей, в области государственной регистрации изданий и организации системы обязательного экземпляра. Он исследует порядок официального библиографического учёта печати в Дании, Великобритании, Франции, Италии, Австро-Венгрии (австрийские, польские и чешские библиотеки), Германии и доказывает, что полнота в собирании и регистрации национальной литературы находится в прямой зависимости от законодательства об обязательном экземпляре и доставки последнего в крупные книгохранилища¹². Принципиально значимым является тезис Э.А. Вольгера о том, что «идеальная и полная регистрация, удовлетворяющая и целям библиографического специального изучения и пригодная также для составления международных каталогов, может быть сосредоточена только в особом учреждении» (курсив Э.А. Вольгера. – И. Х.) по русской библиографии и регистрации всего выходящего в России ежегодно в области печатной производительности. Такое учреждение могло бы быть образовано по образцу Главного Статистического Комитета или же Библиографического Института в Брюсселе¹³.

Ряд докладов иностранной тематики был посвящён Э.А. Вольгером изучению методики библиотечно-библиографической работы за рубежом, с обоснованием возможного внедрения тех или иных методов в отечественную практику. Так, на заседании секции библиотечковедения РБО, возглавляемой Э.А. Вольгером, он выступил 26 февраля 1904 г. с докладом о предметном каталоге. Ввиду дебатов в России и за рубежом о целесообразности применения в библиотеках предметных каталогов наряду с алфавитными и систематическими, постановка и обсуждение данного вопроса были весьма своевременными. Э.А. Вольгер считал совершенным образцом каталога данного типа издаваемый немецким библиографом Карлом Георгом «Schlagwort-Katalog» («Каталог по ударным словам»)¹⁴. С точки зрения Э.А. Вольгера, введение предметного каталога представлялось особенно рациональным в отечественных научных библиотеках¹⁵.

Учёный регулярно выступал в РБО со специальными докладами о вновь вышедших зарубежных изданиях по книжному и библиотечно-библиографическому делу, например, о книге директора Прусской Королевской библиотеки Адольфа фон Гарнака «Пользование Королевской библиотекой и Немецкая национальная библиотека» (24 октября 1913 г.)¹⁶. Большой интерес коллег вызывали сообщения Э.А. Вольтера о деятельности международных библиографических учреждений. В этом ряду особое место занимает доклад о «Международном институте социальной библиографии в Берлине» (9 октября 1909 г.)¹⁷. Как будет показано в дальнейшем, установление непосредственных контактов Э.А. Вольтера с берлинским институтом позволило ему информировать коллег не только об основных направлениях деятельности данного учреждения, но и о его проектах по сотрудничеству с русскими специалистами.

Интересными по содержанию были выступления Э.А. Вольтера (25 апреля и 14 мая 1914 г.), посвящённые подготовке России к участию в Международной выставке печатного дела и графики в Германии (Лейпциг, май – октябрь 1914 г.). В сообщении «Библиология на выставке печатного дела в Лейпциге» он высказал свои взгляды по вопросу об организации Русского павильона данной выставки. Э.А. Вольтер предложил создать специальный Библиологический отдел, представляющий «типические образцы библиологических работ в России»: образцы периодических изданий, книги и сборники, посвящённые библиографии, библиотековедению и книжному делу, фотографии выдающихся книжных собраний, издания библиографических профессиональных обществ¹⁸. Предложения учёного были приняты во внимание и в большинстве своём реализованы. Стоит отметить, что во время работы Лейпцигской выставки, летом 1914 г., Э.А. Вольтер принял в ней участие в качестве представителя РБО.

Актуальное значение для своего времени имел доклад Э.А. Вольтера «Постановка библиографии в России и за границей», прочитанный им на совещании по библиографии сельскохозяйственной литературы в феврале 1914 г.¹⁹ В докладе сформулированы основные положения, касающиеся задач развития библиографии в стране и мире с точки зрения её соответствия «современным требованиям научной и социальной работы человечества»²⁰. Ссылаясь на определение библиографии, данное брюссельским Международным библиографическим институтом (далее – МБИ), Э.А. Вольтер подчёркивает, что она «является совокупностью теоретических знаний и практических правил (курсив Э.А. Вольтера. – И. Х.), относящихся к книге и другим графическим документам, то есть произведениям печати вообще», а следовательно, «без библиографии наука не может развиваться»²¹. Главным организационным принципом библиографической деятельности, методологически объединяющим все её виды, по убеждению Э.А. Вольтера, является то, что она должна быть основана «на широких общественно-государственных началах». Такому критерию в России соответствовала только система издания «Книжной летописи», которая была единственным государственным библиографическим начинанием в нашей стране. По мнению учёного, «Книжная летопись» представляла собой «первый шаг к осуществлению идеи основания Русского государственно-общественного библиологического института»²².

Следует подчеркнуть, что Э.А. Вольтер не только активно постигал зарубежный опыт, но и стремился информировать иностранных специалистов

об отечественных достижениях в книжной отрасли. В специальных периодических изданиях разных стран неоднократно печатались труды учёного, в которых он сообщал о развитии российского библиотечного дела, о новых отечественных библиографических трудах, знакомил с деятельностью известных русских библиографов.

Среди наиболее важных зарубежных публикаций Э.А. Вольтера – статьи, напечатанные в немецком «Zentralblatt für Bibliothekswesen» («Центральный журнал по библиотековедению»): о проблемах развития библиографии и необходимости упорядочения системы обязательного экземпляра в России²³, о библиографии редких русских книг²⁴, о новом официальном каталоге отечественных изданий («Список книг, вышедших в России в 1904 г.»)²⁵. В этом же журнале была опубликована заметка и о самом Э.А. Вольтере как основателе Секции библиотековедения при РБО²⁶.

В Германии были также напечатаны две работы Э.А. Вольтера, посвящённые выдающемуся российскому библиографу Николаю Михайловичу Лисовскому. В «Немецкой литературной газете» вышла рецензия Эдуарда Александровича на издание главного труда его соотечественника «Русская периодическая печать»²⁷, а в «Ежегоднике по книговедению и библиофилии» – статья о Н.М. Лисовском как книгособирателе и библиографе²⁸. В Австро-Венгрии, в «Zeitschrift des österreichischen Vereins für Bibliothekswesen» («Журнал австрийского общества библиотековедения») были опубликованы обзоры Э.А. Вольтера о деятельности отечественных библиотек в 1910–1911 гг. и статья о крупнейших научных библиотеках России²⁹. Публикации работ Э.А. Вольтера в западной печати подчёркивают деятельный характер его взаимодействий с иностранными специалистами, редакциями периодических изданий, а также свидетельствуют о его известности и признании в зарубежном профессиональном сообществе.

Э.А. Вольтер активно способствовал и развитию обратного процесса – публикации трудов иностранных деятелей книги в России. Наиболее ценными инициативами в этом отношении были переводы на русский язык и издание зарубежной литературы, осуществлённые членами студенческого библиографического кружка при Санкт-Петербургском университете, которым с 1906 г. руководил Э.А. Вольтер³⁰. Первой в ряду подобных инициатив стала публикация работы немецкого социолога, специалиста в области инженерной механики, основателя международных библиографических институтов в Берлине Германа Бека «Международная библиография и её будущее» (1908)³¹. Перевод издания на русский язык был выполнен председателем студенческого кружка В.В. Лемешевским (использовавшим псевдоним «В.Л. Торский»).

В работе Г. Бека рассматривались вопросы организации международной библиографии, необходимой для достижения главной цели – удовлетворения усложняющихся потребностей науки, техники, культуры, связанных с упорядочением, сохранением и использованием документальных потоков и, в конечном счёте, содействия всемирному прогрессу. Можно с уверенностью утверждать, что Э.А. Вольтеру импонировали идеи Г. Бека, сходные с его собственными, относительно необходимости международного библиографического сотрудничества и мирового учёта произведений печати. Вскоре Э.А. Вольтеру представилась возможность установить непосредственные контакты

с библиографическими институтами, возглавляемыми Г. Беком, и предпринять попытку участия в его проектах.

Вторая важная работа, выполненная по инициативе студенческого кружка под руководством Э.А. Вольтера, – изданная в 1913 г. на русском языке книга известного австрийского библиотековеда, хранителя университетской библиотеки в г. Граце Фердинанда Эйхлера «Библиотековедение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания». Эта книга была переведена членом кружка С.И. Бернштейном и издана под редакцией и с предисловием Э.А. Вольтера³².

Без сомнения, Э.А. Вольтер, отличавшийся глубокими познаниями немецкоязычной специальной литературы, был хорошо знаком с трудами Ф. Эйхлера. Многие из них публиковались в таких журналах, как немецкий «Zentralblatt für Bibliothekswesen» и австрийский «Zeitschrift des österreichischen Vereins für Bibliothekswesen», где печатались статьи и самого Эдуарда Александровича. Более того, в 1912 г. он имел возможность лично познакомиться с австрийским библиотековедом. В мае-июне этого года Э.А. Вольтер был делегатом 13-го съезда немецких библиотекарей (Мюнхен), в работе которого участвовали также представители Швейцарии, Австро-Венгрии, Швеции, Болгарии. На съезде присутствовал и Ф. Эйхлер, выступивший с докладом о подготовке учёных-библиотекарей³³. Отметим, что в архиве Э.А. Вольтера сохранились материалы, связанные с проведением этого съезда и с его участием в нём³⁴.

Книга Ф. Эйхлера была издана в России с его согласия, полученного Э.А. Вольтером. В 1912–1913 гг. Эдуард Александрович состоял с Ф. Эйхлером в переписке³⁵, материалы которой свидетельствуют о том, что австрийский учёный остался доволен результатом состоявшегося сотрудничества. Так, получив из России экземпляр издания «Библиотековедения высшего порядка...», Ф. Эйхлер в письме от 12 декабря 1912 г. сердечно поблагодарил Э.А. Вольтера «за любезность и большие хлопоты», с которыми были приняты его «маленькие библиотековедческие труды», и выразил пожелание, чтобы работа, проделанная русскими коллегами, «оказалась плодотворной и способствовала продвижению знания»³⁶. Действительно, книга Ф. Эйхлера привлекла большое внимание российских специалистов теоретической концепцией автора о библиотековедении как комплексной, интегрирующей науке о книге.

Ф. Эйхлер был одним из многочисленных иностранных корреспондентов Э.А. Вольтера, яркой характеристикой которого, как активного сторонника процессов международного научного сотрудничества, являются *контакты с зарубежными коллегами в форме переписки*. Обширные связи, поддерживаемые Э.А. Вольтером с профессиональным зарубежьем, были обусловлены его должностными обязанностями библиотекаря БАН, общественно-профессиональными полномочиями вице-президента РБО, а также личными исследовательскими интересами учёного-лингвиста, этнографа, деятеля книги. В числе корреспондентов Э.А. Вольтера были несколько сотен представителей зарубежной научной и культурной общественности, среди которых историки, философы, литературоведы и, конечно, библиотекари, библиографы, книговеды, издатели и книготорговцы.

Э.А. Вольтер вёл переписку с различными зарубежными библиотеками (например, с Национальной библиотекой в Париже, Библиотекой Национального

музея в Будапеште, Библиотекой Конгресса США, Народной библиотекой в Софии³⁷), а также с отдельными библиотекарями и библиографами многих стран. В разные годы он поддерживал контакты с такими известными деятелями зарубежного книжного, библиотечного дела и библиографии, как директор Нью-Йоркской публичной библиотеки Дж.Ш. Биллингс, главный библиотекарь библиотеки Уппсальского университета И.Г. Коллийн, заместитель директора библиотеки Гёттингенского университета А. Грезель, библиотекарь Библиотеки Конгресса США Г. Патнэм³⁸. Э.А. Вольтера связывали отношения по переписке с сотрудниками Прусской Королевской библиотеки в Берлине, Городской библиотеки во Франкфурте-на-Майне, Сербской Матицы (Нови-Сад, Воеводина), университетских библиотек в Лейпциге, Гёттингене, Берлине и др.³⁹

В большинстве случаев переписка с зарубежными библиотеками и их сотрудниками касалась вопросов приобретения Э.А. Вольтером иностранной литературы или отправки им самим российских произведений печати по просьбе библиотек; взаимного обращения за консультационной библиографической помощью; обмена информацией с западными коллегами о выходе новых специальных изданий в России и мире, о значимых событиях в международной профессиональной сфере.

Э.А. Вольтер имел также широкий круг корреспондентов из числа книгоиздателей и книготорговцев разных стран. В их фирмах он заказывал вновь изданную или антикварную литературу, необходимую для БАН, РБО или отвечающую его собственным научным запросам, получал книготорговые указатели, рекламные проспекты. По этим вопросам он переписывался с издательствами и книготорговыми фирмами Парижа, Берлина, Лейпцига, Кракова, Вены, Стокгольма и др.⁴⁰

Важно отметить, что некоторые зарубежные издательства обращались к Э.А. Вольтеру с предложениями о совместной творческой деятельности. Так, в 1912 г. известное немецкое издательство Ф. Дитриха (Лейпциг), приступив к подготовке научно-библиографического ежегодника «Jahrbuch für Bibliographie», пригласило Э.А. Вольтера к участию в нём в качестве автора-сотрудника. В письме от 2 марта 1912 г. редактор ежегодника Моритц Гролиц от имени издательства предложил Эдуарду Александровичу написать статью на тему «Национальная и региональная библиография России»⁴¹. Осталось неизвестным, принял ли Э.А. Вольтер данное предложение, однако сам факт приглашения русского специалиста к сотрудничеству с крупной иностранной издательской фирмой подтверждает, что он пользовался научным авторитетом в зарубежных книжных кругах.

Являясь убеждённым приверженцем идей и целей международного профессионального сотрудничества, Э.А. Вольтер не мог не стремиться к установлению связей с *международными библиографическими организациями*. Наибольший интерес представляют его контакты с МБИ в Брюсселе и международными библиографическими институтами в Берлине.

Э.А. Вольтер с глубоким вниманием относился ко всем проектам и начинаниям брюссельского МБИ в области международной библиографии и научным идеям его генерального секретаря Поля Отле⁴². Э.А. Вольтер не только состоял в переписке с П. Отле и МБИ, но и являлся членом института

в качестве представителя БАН. В архиве Э.А. Вольтера сохранились лишь немногие материалы его переписки с МБИ, из которых, в частности, следует, что он регулярно получал персональные приглашения участвовать в международных конференциях института.

Так, в письме П. Отле от 13 июня 1908 г. проявлена открытая заинтересованность в участии Э.А. Вольтера в работе конференции МБИ этого года: «Господин Библиотекарь! Мы имели честь направить Вам приглашение принять участие, в качестве частного лица или представителя Вашей библиотеки, в Международной конференции библиографии и документации, которая состоится в Брюсселе 10–11 июля сего года. Позвольте нам ещё раз выразить тот интерес, который мы придаем Вашему участию в этой конференции. Мы уверены в том, что... в Брюсселе состоится плодотворный обмен мнениями и практическим опытом. Мы с нетерпением ждём Вашего участия в конференции и передаём Вам, господин Библиотекарь, уверения в нашем глубоком уважении»⁴³.

Известно также, что Э.А. Вольтер был приглашён и на следующий форум МБИ – Международный конгресс по библиографии и документации в Брюсселе (1910). Его фамилия значится в опубликованном списке членов МБИ и лиц, приглашённых для участия в работе конгресса⁴⁴. По неустановленным причинам участие Э.А. Вольтера в форумах брюссельского института ни в 1908, ни в 1910 г. не состоялось. Вместе с тем, учёный всегда был хорошо информирован о событиях, происходящих на международных мероприятиях МБИ, в своих печатных трудах и докладах широко использовал и цитировал материалы различных конференций, отдельные научные издания института и работы самого П. Отле.

Э.А. Вольтер испытал безусловное влияние идей П. Отле, касающихся как научно-теоретического обоснования библиографии, так и организационно-методических аспектов её функционирования. Он неоднократно использовал в своих трудах дефиниции библиографии и библиологии, выработанные МБИ и П. Отле. Так, в статье «Что такое библиология»⁴⁵, представляющей собой авторское изложение текста доклада МБИ международному библиографическому конгрессу в Брюсселе 1910 г., Э.А. Вольтер пишет: «Библиологией (в более обширном смысле теоретической библиографии) называется совокупность теоретических знаний и практических правил, относящихся к книгам и документам»⁴⁶. В данной статье почти дословно воспроизводятся высказывания П. Отле об усилении информационных процессов в обществе и возрастании в связи с этим роли библиологии и библиографии. Используемые Э.А. Вольтером в статье определения книги, документа, «основных методов библиографического осведомления» полностью идентичны формулировкам бельгийского учёного.

Свободное владение содержанием научных трудов П. Отле и материалов МБИ объяснимо, помимо прочего, тем, что как официальный член института Э.А. Вольтер должен был систематически получать все его издания. Достоверно известно, что членом МБИ Э.А. Вольтер являлся в течение 1909–1912 гг. В архиве сохранилась его переписка с секретарём МБИ Луи Мазюром по поводу оплаты членских взносов за данный период⁴⁷. Это не исключает, однако, возможность более длительного пребывания Э.А. Вольтера в составе членов брюссельского института.

Вызывают особый интерес профессиональные связи Э.А. Вольтера с международными библиографическими институтами, созданными в Берлине Г. Бекем, в первую очередь – с основанным в 1905 г. Международным институтом социальной библиографии (далее – МИСБ).

Контакты Э.А. Вольтера с берлинскими институтами в форме переписки установились в 1909 г. В марте этого года он обращался в МИСБ с заказом на приобретение выпускаемых им библиографических изданий⁴⁸. А полгода спустя, в письме от 17 сентября 1909 г., директор МИСБ Г. Бек адресовался к Э.А. Вольтеру уже как члену института, с просьбой о содействии в организации русской секции своего библиографического предприятия⁴⁹. «Мы были бы Вам очень благодарны, – писал Г. Бек, – если бы Вы сообщили нам своё мнение и предоставили также некоторые сведения относительно практического решения вопроса»⁵⁰.

Вопрос о поддержке столь серьёзного предложения Э.А. Вольтер вынес на обсуждение общего собрания РБО. Как уже отмечалось, 9 октября 1909 г. он выступил с докладом «О Международном институте социальной библиографии в Берлине», в котором ознакомил коллег с деятельностью института и сообщил о его планах по созданию российского отделения. Э.А. Вольтер предложил Обществу оказать «посильную помощь этому начинанию», привёл сведения об имеющихся для этого предпосылках и сообщил, «что для надлежащей постановки дела социальной библиографии в России требовалось бы только объединение ныне разрозненных сил»⁵¹.

Члены общества отнеслись с живым интересом к докладу Э.А. Вольтера и признали «весьма желательным насаждение и в России таких предприятий, как социально-библиографический институт»⁵². Вместе с тем, они указали на то, что берлинское предприятие «возникло на почве профессиональных интересов финансово сильных общественных групп на Западе и вряд ли может быть введено в России силами одних библиографов-специалистов: здесь нужны крупные средства и требуется наёмный труд, без которого никакая планомерная работа невыполнима»⁵³. Эти замечания были справедливы и, как показали дальнейшие события, прогнозировали будущий исход реализации проектов берлинских институтов в России.

Сразу после выступления с вышеуказанным докладом Э.А. Вольтер информировал МИСБ о результатах обсуждения его инициатив членами Общества. Информация русского учёного была встречена с большим вниманием, о чём сообщалось в письме из Берлина от 2 ноября 1909 г.⁵⁴ Несмотря на то, что руководство берлинских институтов вело переговоры по поводу организации российского отделения со многими представителями научной и культурной общественности нашей страны, на Э.А. Вольтера оно возлагало особые надежды. Это выражалось в неоднократных просьбах института «быть во главе научных аспектов этого дела», предложениях возглавить организационную и координационную деятельность по созданию Русской секции («для нас было бы очень ценно, если бы Вы могли быть этим человеком»; «мы крайне заинтересованы в нашем с Вами дальнейшем сотрудничестве»)⁵⁵.

Одновременно с развитием связей с МИСБ, Э.А. Вольтер установил контакты с другим институтом, основанным в 1908 г. и возглавляемым Г. Бекем, – Международным институтом технической библиографии (далее –

МИТБ) – и также стал его членом. Вскоре контакты Э.А. Вольтера с Г. Беком стали охватывать вопросы сотрудничества со всеми четырьмя берлинскими библиографическими учреждениями (кроме МИСБ и МИТБ, ещё и с международными библиографическими институтами по медицине и юридическим наукам), поскольку их объединяли общие цели и задачи, принципы и программа деятельности, местоположение (все располагались в одном здании). Главной целью сотрудничества являлась организация Русской секции библиографических предприятий Г. Бека.

Задача Русской секции заключалась в том, чтобы отечественная литература общественно-научного и технического содержания получала как можно более полное отражение в международных библиографических указателях МИСБ («Bibliographie der Sozialwissenschaften», «Библиография социальных наук») и МИТБ («Fortschritte der Technik», «Успехи техники»; «Technische Auskunft», «Техническая информация»). В письмах из Берлина к Э.А. Вольтеру содержались чёткие инструкции, определяющие его действия по организации Русской секции. В первую очередь ему надлежало создать оргкомитет, который состоял бы из авторитетных книгоиздателей, общественных деятелей, учёных, инженеров, промышленников и влиятельных должностных лиц, «контактирующих с начальником Управления по делам печати, Министерством внутренних дел, соответствующими кругами в Государственной Думе»⁵⁶. Привлечение представителей властных структур должно было предоставить секции необходимую гарантию государственной финансовой поддержки. Опора же на крупный издательский бизнес должна была обеспечить экономическую рентабельность выпускаемых секцией библиографических изданий.

Важно отметить, что Э.А. Вольтер поддерживал связи с МИСБ не только путём переписки, но и посредством личных встреч и переговоров с его руководством. Судя по архивным документам, в первой половине 1910 г. он побывал в Берлине, на месте ознакомившись с деятельностью МИСБ и обсудив с его сотрудниками конкретные планы дальнейшей совместной работы. Так, в письме из МИСБ от 24 июня 1910 г. указывалось: «В соответствии с нашими устными переговорами в Берлине мы поручаем Вам принять меры для подготовки учреждения Русской секции нашего Института и наших родственных институтов в области медицины, техники и юриспруденции; особенно важно заключить соответствующие соглашения с подходящими издателями, обществами и частными лицами. Поскольку эти соглашения касаются нас в финансовом отношении, мы просим Вас присылать их нам перед заключением для отзыва»⁵⁷.

Анализируя программу по созданию Русской секции, предложенную МИСБ Э.А. Вольтеру, следует оценить точность стратегии, логичность и последовательность плана. Именно по такому плану создавались национальные секции берлинских институтов в Великобритании, Австро-Венгрии, Франции, Швеции и других странах. Однако в России этот план вряд ли мог осуществиться в силу ряда объективных причин. В первую очередь следует указать на слабую заинтересованность в реализации рассматриваемого проекта со стороны большинства тех кругов (научных, общественных, культурных, издательских, предпринимательских), к которым апеллировал МИСБ, а также на трудности в сплочении и координации их действий. В связи с этим возложен-

ная на Э.А. Вольтера роль организатора-координатора данного проекта была ему не под силу. (Тем не менее, учёный пытался предпринять определённые шаги в необходимом направлении. В частности, ему удалось заручиться согласием некоторых членов петербургской Лиги образования участвовать в библиографировании отечественной педагогической литературы для русского издания «Bibliographie der Sozialwissenschaften»⁵⁸). Главным же препятствием на пути к созданию Русской секции должен был стать неизбежный отказ в государственной поддержке, которую так надеялся получить МИСБ. Едва ли можно было рассчитывать на то, что российское правительство возьмёт на себя обязательство по финансированию международного библиографического начинания, инициированного малоизвестным в России частнокоммерческим зарубежным предприятием.

Таким образом, реализация инициатив берлинских институтов в нашей стране практически с самого начала была обречена на неудачу. Спустя некоторое время руководство институтов само пришло к осознанию этого факта. В письме к Э.А. Вольтеру из МИСБ от 5 августа 1910 г. констатировалось: «Так как мы в течение довольно долгого времени ничего от Вас больше не слышали, мы предполагаем, что Ваши переговоры, пожалуй, не привели к успеху»⁵⁹. Вместе с тем институт, не оставляя надежды на дальнейшее продолжение сотрудничества, подбирал для Э.А. Вольтера другие варианты совместной с ним работы. В частности, с января 1911 г. институт планировал издавать отдельные подборки библиографической информации социального и юридического содержания и распространять их по подписке для публикации в специализированных журналах разных стран. Э.А. Вольтеру предлагалось заняться организацией сбыта таких библиографических подборок в России⁶⁰. Однако и эти планы не получили реального воплощения.

Несмотря на неудачные попытки участия Э.А. Вольтера в создании Русской секции берлинских институтов, его опыт всё же можно признать полезным, если не по прямым, то по косвенным результатам. Этот опыт ещё раз убедил Э.А. Вольтера в том, что как для организации крупных библиографических начинаний внутри страны, так и для участия в международных проектах необходима консолидация и координация деятельности специалистов на общероссийском уровне. Эту координацию может обеспечить только национальный библиографический центр, созданный при финансовой поддержке государственных структур. Данные выводы в виде научных тезисов и практических предложений «красной нитью» проходили почти во всех печатных трудах и докладах Э.А. Вольтера в период 1900–1910-х гг.

Главным же результатом взаимодействий с берлинским МИСБ следует, по нашему мнению, считать то, что Э.А. Вольтер глубоко и основательно проникся идеей развития социальной библиографии в России на базе специально созданного Социобиблиологического института.

Эта идея сформировалась в недрах РБО благодаря Э.А. Вольтеру и президенту общества А.М. Ловягину после Февральской революции 1917 г. Программа централизованной организации социальной библиографии уточнялась и конкретизировалась в течение второй половины 1917 – первой половины 1918 гг. В обращениях Совета РБО в Народный Комиссариат народного просвещения обосновывалась настоятельная необходимость создания «Ин-

ститута библиографии по социальным вопросам (по образцу германского Internationales Institut der Sozialbibliographie)», причём для такого предприятия требовалась не просто государственная поддержка, «оно должно было быть организовано как государственное»⁶¹. Реализовать этот план удалось в октябре 1918 г., когда в Петрограде был основан Социобиблиологический институт, директором которого стал Э.А. Вольтер. В числе задач института его организаторы выдвигали научно-практическую систематизацию всех явлений в области социологической мысли, социального строя и законодательства; соби́рание и издание трудов главных социальных мыслителей; популяризацию социологических знаний⁶².

Библиографическая программа Социобиблиологического института («учёт и систематизация всех трудов (книг, статей, брошюр) по социальным вопросам») полностью строилась «по образцу Берлинского Института социальной библиографии»⁶³. С целью налаживания связей с берлинским институтом и закупки книг по социологии Э.А. Вольтер был командирован в Германию⁶⁴. Одновременно он получил заграничную командировку и от Академии наук – в Вильно, Ковно, Свенцяны, а также в Берлин, Лейпциг и Варшаву «для приобретения книг из области славянской и литовской филологии, а также для научных занятий в области литовского и славянского народоведения и сравнительного языкознания»⁶⁵. Отбыв во второй половине ноября 1918 г. за границу, Э.А. Вольтер больше в Петроград не вернулся.

Учёный обосновался в Литве, где тогда была установлена советская власть, и в 1918 г. был назначен литовским правительством директором Виленской (Вильнюсской) публичной (с февраля 1919 г. – государственной) библиотеки. Польская оккупация Литвы (с апреля 1919 г.) не повлияла на решение Э.А. Вольтера о возвращении в Россию. С 1919 г. он жил и работал в Ковно (Каунасе): был директором центральной библиотеки, директором городского музея (с 1920), профессором Каунасского университета (с 1926). Проживая в Литве, Э.А. Вольтер не порывал научные связи с Академией наук СССР⁶⁶.

В заключение необходимо отметить, что Эдуард Александрович Вольтер, благодаря своим энергичным инициативам по организации связей с книжным зарубежьем, сумел внести значительный вклад в укрепление международного профессионального сотрудничества в первые десятилетия XX в. Его деятельность по изучению и пропаганде лучшего мирового научно-практического опыта, активные взаимодействия с иностранными коллегами, участие в международных мероприятиях способствовали сближению и взаимному обогащению отечественного и зарубежного книжного дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вольтер Эдуард Александрович [Вольтерис Эдуардас] (6/18 марта 1856 г., Рига – 14 декабря 1941 г., Каунас) – из семьи потомственного почётного гражданина г. Риги. Учился в Лейпцигском (1875–1877) и Дерптском (1877–1879) университетах, где изучал философию, сравнительное языковедение, славяноведение. Стажировался (с 1880) в Московском, Харьковском и Санкт-Петербургском университетах с целью изучения славянских языков, истории русского языка и всемирной литературы. Магистр русского языка и словесности (1883), приват-доцент Санкт-Петербургского университета (с 1886). Библиотекарь Библиотеки Академии наук (1893–1918). Член (с 1901), вице-президент (с 1911) Русского библиологического общества в Санкт-Петербурге; один из учредителей Общества библиотекосведения (1908).

² *Ловягин А.М.* Эдуард Александрович Вольтер. Заметка к портрету // Доклады и отчёты. Новая серия / Рус. библиол. о-во. СПб., 1913. Вып. 2. С. 38; *Копанев А.И.* Э.А. Вольтер – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сб. статей и материалов Б-ки Академии наук СССР по книговедению / отв.

ред. А.А. Моисеев. Л., 1970. С. 225–240; *Тихонов И.Л.* Исследователь Прибалтики: этнограф, лингвист, археолог Э.А. Вольтер // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Прибалтики / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб., 2004. С. 160–163; *Назарова Е.Л.* Э.А. Вольтер и Русское библиологическое общество: (из переписки с Л.Э. Бухгеймом) // Россия и Балтия / ред. А.О. Чубарьян. М., 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 177–193; *Хомякова И.Г.* Э.А. Вольтер и международные библиотечно-библиографические связи России // Книга: исследования и материалы. М., 2013. Сб. 99, ч. 1/2. С. 63–81 и др.

¹ О личном фонде учёного в СПФ АРАН см.: Вольтер Эдуард Александрович (ф. 178): сведения о личном архиве // Архив АН СССР: обозрение арх. материалов. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 105–108 (Тр. архива; вып. 19).

⁴ Подробно о деятельности Э.А. Вольтера в качестве библиотекаря БАН см.: *Копанев А.И.* Указ. соч.

⁵ Библиологический сборник / Рус. библиол. о-во. Пг., 1915. Т. 1, вып. 1. С. 15.

⁶ *Вольтер Э.А.* Отчёт о поездке по библиотекам Австрии и Германии осенью 1901 года. (Доложено в засед. Общего собрания имп. Академии наук 12 янв. 1902 г.). СПб., 1903. С. 1.

⁷ Там же. С. 5–12, 46–48.

⁸ Там же. С. 20, 27–34, 37–41, 43–44.

⁹ *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 234–235.

¹¹ Литературный вестник (СПб.). 1901. Т. 1. С. 265–277.

¹² Там же. С. 266–271, 274–275.

¹³ Там же. С. 275.

¹⁴ *Georg K. Schlagwort-Katalog. Verzeichnis der im deutschen Buchhandel erschienenen Bücher und Landkarten in sachlicher Anordnung.* Hannover, Leipzig, 1889–1913. Bd. 1–7.

¹⁵ Известия Русского библиологического общества. Журналы секции библиотековедения. [1903–1904]. СПб., [1904]. С. 11–12.

¹⁶ *Harnack A., von.* Die Benutzung der Königlichen Bibliothek und die Deutsche Nationalbibliothek. Berlin, 1912. 38 s. См.: Доклады и отчёты. Новая серия / Рус. библиол. о-во. Пг., 1915. Вып. 3. С. 29.

¹⁷ Там же. Вып. 2. С. 75–76.

¹⁸ Там же. Вып. 3. С. 49–50.

¹⁹ *Вольтер Э.А.* Постановка библиографии в России и за границей // Труды совещания по библиографии сельскохозяйственной литературы 14–15 февраля 1914 г. / Имп. Вольное экон. о-во. Комис. по распространению с.-х. знаний. СПб., 1914. С. 18–22.

²⁰ Там же. С. 18.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 19.

²³ *Wolter E.* Russische Bücherkataloge und Büchersammlungen // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1901. Jg. 18, h. 3. S. 97–102.

²⁴ *Wolter E.* Russische Bücherraritäten // Ibid. 1903. Jg. 20, h. 9/10. S. 458–462.

²⁵ *Wolter E.* Ein neuer offizieller Katalog der in Russland erschienenen Bücher // Ibid. 1904. Jg. 21, h. 10. S. 456–458.

²⁶ Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1904. Jg. 21, h. 3. S. 137.

²⁷ *Wolter E.* N.M. Lissowskij. Russkaja periodičeskaja pečatj, 1703–1894. St. Peterburg, 1895–1897. 32 s. 4 u. 9 Tabellen // Deutsche Literaturzeitung (Berlin). 1898. 17. Sept. № 37. S. 1422–1424.

²⁸ *Wolter E.* Nicolai Michailowitsch Lissowski. Ein russischer Büchersammler und Bibliograph // Jahrbuch für Bücherkunde und Liebhaberei / hrsg. G.A.E. Bogeng. Berlin; Nicolasse, 1912. Jg. 4. S. 43–46.

²⁹ *Wolter E.* Russische Bibliotheken im Jahre 1910–11. St.-Petersburger Brief // Zeitschrift des österreichischen Vereins für Bibliothekswesen (Wien). 1911. № 3; 1912. № 1; *idem.* Die großen wissenschaftlichen Bibliotheken Russlands // Ibid. 1911. № 2.

³⁰ Устав библиографического кружка при имп. С.-Петербургском университете, под руководством пр.-доц. Э.А. Вольтера. СПб., [1907]. 4 с.; *В.Л. [Лемешевский В.В.]*. Программа деятельности «Библиографического кружка». Проект. [СПб., 1906]. 4 с.

³¹ *Бех Г.* Международная библиография и её будущее / пер. с нем. ст. д-ра Г. Бека (Берлин) «Die internationale Bibliographie und ihre Zukunft» В.Л. Торского // Библиографический листок. (Сызрань). 1908. № 1–2. С. 1–7. Статья впервые была напечатана в издававшемся в г. Дрездене журнале «Kritische Blätter für die gesamten Sozialwissenschaften: bibliographisch-kritisches Zentralorgan» (1907. № 3. S. 203–212).

³² *Эйхлер Ф.* Библиотековедение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания / пер. с нем. С.И. Бернштейна; под ред. Э.А. Вольтера. СПб., 1913. 47 с.

³³ Dreizehnte Versammlung Deutscher Bibliothekare in München am 30. und 31. Mai 1912: Zugleich erste Versammlung der deutschen, österreichischen und schweizerischen Bibliothekare [vom 29. Mai bis 1. Juni 1912] // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1912. Jg. 29, h. 7/8. S. 302.

³⁴ Черновые наброски отчёта Э.А. Вольтера о Bibliothekarentagung с 29.05 по 01.06.1912 в Мюнхене // СПФ АРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 259. Л. 45–50.

³⁵ Письма Ф. Эйхлера к Э. А. Вольтеру, 2 декабря 1912 г., 16 января и 4 февраля 1913 г. // СПФ АРАН. Ф. 178. Оп. 2. Д. 317. Л. 1–4 (нем.).

³⁶ Там же. Л. 1–2.

- ³⁷ Переписка Э. А. Вольтера с иностранными научными обществами // СПФ АРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 259. Л. 9, 11, 58, 59, 61–62 (нем., фр., англ.).
- ³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 259. Л. 18, 36; Оп. 2. Д. 13, 75, 128, 173, 317 (англ., нем., швед.).
- ³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 259. Л. 41; Оп. 2. Д. 39, 61, 81, 208, 216, 224, 239, 261, 297, 300, 315 (нем., серб.).
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 259. Л. 1, 7, 8, 42, 63, 85; Оп. 2. Д. 135, 296. (фр., нем., пол.).
- ⁴¹ Официальное письмо из редакции «Библиографического ежегодника» издательства Феликса Дитриха в Вене, 2 марта 1912 г. // Там же. Оп. 1. Д. 259. Л. 38 (нем.).
- ⁴² Подробнее о связях П. Отле с Россией см.: *Хомякова И.Г.* Поль Поле и русская библиография // Книга: исследования и материалы. М., 2001. Сб. 78. С. 108–140.
- ⁴³ Письмо генерального секретаря Международного библиографического института в Брюсселе, 13 июня 1908 г. // Там же. Л. 16 (фр.).
- ⁴⁴ Список хранится в материалах, относящихся к конгрессу МБИ 1910 г., в архивном фонде Б.С. Боднарского (НИОР РГБ. Ф. 573. К. 31. Д. 2. Л. 1–5 (фр.)).
- ⁴⁵ *Вольтер Э.* Что такое библиология // Библиографические известия (М.), 1917. № 1–2. С. 15–18.
- ⁴⁶ Там же. С. 15.
- ⁴⁷ Письмо секретаря Международного библиографического института в Брюсселе, 6 января 1913 г. // СПФ АРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 259. Л. 53 (фр.).
- ⁴⁸ Письмо из Международного института социальной библиографии в Берлине, 21 марта 1909 г. // Там же. Л. 20 (нем.).
- ⁴⁹ Письмо из Международного института социальной библиографии в Берлине, 17 сентября 1909 г. // Там же. Л. 24 (нем.).
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Доклады и отчёты. (Новая серия). Вып. 2. С. 76.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Письмо из Международного института социальной библиографии в Берлине, 2 ноября 1909 г. // СПФ АРАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 259. Л. 25 (нем.).
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Л. 25–25 об.
- ⁵⁷ Письмо из Международного института социальной библиографии в Берлине, 24 июня 1910 г. // Там же. Л. 32 (нем.).
- ⁵⁸ Запись Э.А. Вольтера на обороте письма из Международного института социальной библиографии в Берлине, 17 сентября 1909 г. // Там же. Л. 24 об.
- ⁵⁹ Письмо из Международного института технической библиографии в Берлине, 5 августа 1910 г. // Там же. Л. 31 (нем.).
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Черновик заявления Совета РБО к Комиссару Народного Просвещения [1917, 1918] // РО ИРЛИ. Ф. 147. Д. 25. Л. 45; Об институте социальной библиографии. Совет РБО [1918] // Там же. Л. 47–47 об.
- ⁶² *Ловягин А.М., Вольтер Э.А.* Социобиблиологический институт. Цели и задачи социологической библиологии. Пг., 1918. С. 3.
- ⁶³ Из жизни учёных обществ и учреждений: Социологический (бывш. социо-библиолог.) институт // Наука и её работники (Пг.). 1920. № 1. С. 24.
- ⁶⁴ *Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000. С. 120; *Гучинский М.Г.* Развитие социологических идей в теории книговедения А.М. Ловягина и М.Н. Куфаева // Книга: исследования и материалы. М., 1996. Сб. 72. С. 52.
- ⁶⁵ *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 240.
- ⁶⁶ Там же.

Публикации и обзоры

В.Г. Бухерт

«Сколько могу, честно служу родной культуре» Письма А.Ф. Изюмова к А.Л. Сидорову, 1947–1948 гг.

Аннотация: Публикация писем историка и архивиста А.Ф. Изюмова к советскому историку, профессору МГУ А.Л. Сидорову содержит ценные сведения как о послевоенной жизни корреспондента, так и о событиях культурной жизни Праги в 1947–1948 гг.

Annotation: The publication of letters of historian and archivist A.F. Izyumov to a Soviet historian, professor of Moscow State University A.L. Sidorov contains valuable information on Izyumov's post-war life as well as on cultural events in Prague in 1947–1948.

Ключевые слова: А.Ф. Изюмов, А.Л. Сидоров, историк, архивист, Русский заграничный исторический архив в Праге.

Key words: A.F. Izyumov, A.L. Sidorov, historian, archivist, Russian Historical Archive Abroad in Prague.

В советской историографии имя Александра Филаретовича Изюмова «почти не встречается», хотя известно о его активном участии в реформе архивного дела в России и его роли в формировании зарубежной архивной России¹.

А.Ф. Изюмов родился 25 июля / 6 августа 1885 г. в семье священника Ризоположенской церкви с. Озерки Чухломского уезда Костромской губернии Филарета Ивановича Изюмова. По окончании Костромской духовной семинарии А.Ф. Изюмов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1914 г. Он начал подготовку к магистерскому экзамену по русской истории у профессора М.К. Любавского², но вынужден был прерваться в связи с призывом в армию и участием в Первой мировой войне³.

О политических взглядах и симпатиях А.Ф. Изюмова можно судить по тому факту, что в июне 1917 г. он был избран членом возглавляемого В.А. Мякотинным⁴ ЦК Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП).

С 15 июля 1918 г. А.Ф. Изюмов – инспектор архивов при Московском областном управлении архивным делом (МОУАД), с 8 мая 1919 г. – старший инспектор Главного управления архивным делом (ГУАД)⁵.

Большую часть времени А.Ф. Изюмов проводил «в постоянных командировках по провинции»⁶. В марте 1919 г. он вывез из Могилёва около 2 тысяч телеграмм (за 1915–1917 гг.) императора Николая II и членов его семьи⁷.

Летом 1921 г. А.Ф. Изюмов был командирован в Кирилло-Белозерский монастырь (Череповецкая губ.), где хранились эвакуированные из Петрограда документы Государственного архива МИД (520 ящиков)⁸. Он вывез их в Москву. Из-за нескольких повреждённых при перевозке ящиков А.Ф. Изюмов угодил в ВЧК, но поскольку содержимое ящиков оказалось целым, был освобождён⁹. С архивной службы А.Ф. Изюмов был уволен с 15 апреля 1922 г.¹⁰

Такой поворот в своей судьбе архивист связывал с тем, что ГУАД с конца 1920 г. «перешло в руки» М.Н. Покровского¹¹, который «начал упорядочение архивного дела с удаления всех, казавшихся ему неблагонадёжными, и с привлечение к делу лиц, мало понимающих архивное дело»¹². 26 сентября 1922 г. А.Ф. Изюмов, находившийся под домашним арестом, был выслан за границу¹³.

После двухлетнего пребывания в Берлине А.Ф. Изюмов, по приглашению А.А. Кизеветтера¹⁴, переехал в Прагу, где начал работать в Славянском институте и Русском свободном университете¹⁵. С 1925 г. он возглавил отдел документов, а в 1934 г. стал заместителем директора Русского заграничного исторического архива (РЗИА). А.Ф. Изюмова как руководителя отличали «высокие душевные качества», выражавшиеся «в его постоянной причастности к нелёгким судьбам коллег по работе, с которыми ему приходилось делить тяготы эмигрантского существования»¹⁶.

Свою работу в Праге А.Ф. Изюмов был склонен рассматривать как длительную служебную командировку¹⁷, он никогда не порывал внутреннюю связь с родиной, где у него остались дочь и внуки¹⁸.

А.Ф. Изюмов сохранил свой, вывезенный из Советской России, паспорт, и собственно за это 22 июня 1941 г. был арестован немцами и отправлен в лагерь интернированных советских граждан в Вильцбурге (под Нюрнбергом)¹⁹. Режим этого лагеря несколько отличался от режима получивших страшную известность лагерей смерти. Вот что писал сам А.Ф. Изюмов о пребывании в лагере в одном из послевоенных писем: «Я был приставлен к маленькой пасеке кантинщика²⁰ и ходил туда каждый раз в сопровождении часового с винтовкой, получая за каждую операцию то сигаретку, то кусочек хлеба. Один раз только удалось украсть полстакана мёда»²¹. Тем не менее, только за первые три месяца пребывания в лагере он потерял в весе двадцать пять килограммов, а пробыл он там без малого четыре года²².

Из лагеря А.Ф. Изюмов был освобождён 26 апреля 1945 г., в Прагу же вернулся только 23 июня 1945 г.²³ Во время пути он вёл дневник, озаглавив его «От Вильцбурга до Праги». Добравшись до Праги, А.Ф. Изюмов узнал, что буквально накануне (13 июня 1945 г.) чехословацкое правительство приняло решение передать РЗИА в дар Академии наук СССР к её 220-летию юбилею²⁴. Передача РЗИА шла поэтапно.

В декабре 1945 г. в Прагу прибыла делегация Академии наук СССР во главе с начальником Управления государственных архивов НКВД СССР генерал-майором И.И. Никитинским²⁵ (в неё входили С.К. Богоявленский²⁶, И.И. Минц²⁷, С.Б. Сутоцкий²⁸)²⁹. Она приняла 13 декабря 1945 г. по акту приёма-передачи от А.Ф. Изюмова документы РЗИА. Всего было передано 396 ящиков документов³⁰.

Оставшаяся часть прежнего архива (книжный, журнальный и газетный фонды) образовали Русскую историческую библиотеку, которой и заведовал

А.Ф. Изюмов. На рубеже 1948/1949 гг. она была передана в Славянскую библиотеку Праги, где хранится и поныне³¹.

Сам А.Ф. Изюмов возражал против деления РЗИА, он хотел, чтобы все фонды этого уникального собрания были вывезены в Москву³². Избирательный подход, проявленный советской стороной при отборе архивного материала, объясняется тем, что именно документы архива вызывали у неё особый интерес. Они «содержали массу компромата на эмигрантов, кроме того, в них можно было проследить некоторые интересующие карательные органы связи эмигрантов с лицами, проживающими в СССР»³³.

В личной беседе с И.И. Никитинским А.Ф. Изюмов сообщил о своём желании вернуться в СССР. Он получил обещание, что в случае разрешения вернуться на родину И.И. Никитинский окажет ему содействие в устройстве на работу в один из московских архивов³⁴. А.Ф. Изюмов рассчитывал поселиться в Москве у дочери. Его жена умерла в Праге ещё до его ареста, в 1940 г.

Письма А.Ф. Изюмова – «чрезвычайно важный источник по истории российской эмиграции», дающий представление в первую очередь «об условиях существования и адаптации к местной обстановке» её представителей³⁵. То же можно сказать и о письмах разных корреспондентов, адресованных А.Ф. Изюмову³⁶.

Интересные сведения о жизни А.Ф. Изюмова в послевоенной Чехословакии содержатся в его письмах к известному советскому историку, профессору МГУ А.Л. Сидорову³⁷, встречавшемуся с А.Ф. Изюмовым в Праге в конце 1946 г. А.Л. Сидоров был приглашён для чтения лекций в Пражском университете³⁸.

Письма А.Ф. Изюмова относятся к 1947–1948 гг. и в основном касаются розысков (по заданию А.Л. Сидорова) книг для последующей пересылки их в СССР. Особый интерес вызывают те места писем, где А.Ф. Изюмов сообщал о своей жизни в эмиграции, о событиях культурной жизни Праги. Копии ответных писем А.Л. Сидорова к А.Ф. Изюмову в личном архивном фонде А.Л. Сидорова, хранящемся в НИОР РГБ (Ф. 632), не обнаружены.

В сентябре 1948 г. А.Ф. Изюмов подал заявление с просьбой разрешить ему вернуться в СССР³⁹. В том же месяце он отправился в Словакию, где до этого не бывал, посетил Турчянске-Теплице. А.Ф. Изюмов вывез оттуда архив И.Ф. Калининкова⁴⁰. Его он передал в советское посольство в Праге, рассчитывая переслать (через представителя ВОКС) Государственному литературному музею в Москве⁴¹. Однако директор музея Б.П. Козьмин⁴² отказался приобрести не только этот архив, но и вообще архивы писателей-белоэмигрантов⁴³.

Скончался А.Ф. Изюмов в Праге 16 мая 1950 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище.

Документы публикуются по автографам в соответствии с современными правилами орфографии, с сохранением особенностей авторской стилистики. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Приложение

А.Ф. Изюмов – А.Л. Сидорову
Прага, 14 мая 1947 г.

Прага, 14 мая 1947 г.

Глубокоуважаемый Аркадий Лаврович.

На Вас, «московских, есть особый» отпечаток⁴⁴. Как уедете, так и слуху ни духу. Мне, прежде всего, хотелось бы знать, получили ли Вы два тома «Маффии»⁴⁵ на чешском языке, которые я послал Вам в марте с нарушением почтовых правил. Оказывается, почта принимает только до 2 кило, а там вышло 2.40. Я всё же уговорил послать под мою ответственность, т.е. если их вернут с границы, то обратное порто плачу я. Посланы заказной бандеролью и надеюсь, что они благополучно дошли. Жду от Вас обещанных книжек – не найдёте ли Рубинштейна⁴⁶ и м[ожет] б[ыть] второй том⁴⁷ против школы М.Н. Покровского. Я Вам пока больше ничего не посылал. Есть возможность найти дворцовые перевороты⁴⁸ и кн[язя] Львова⁴⁹. Но никто мне денег не передавал, помните как Вы обещали в последнем разговоре, а так как у нас за душой лишнего не водится, то я и не послал. Хотите, как разбогатею, pošлю. М[ожет] б[ыть] и ещё что-нибудь Вам нужно. Кажется, Вы увезли у меня двух Гегелей – библиотечную со штемпелем и ту, что я для Вас купил. Так ли это? Если так, то библиотечную хорошо бы послать обратно: уже не могу достать. Та же история выходит и с Сазоновым⁵⁰. Увы! нигде не могу её достать.

Как же Вы себя чувствуете? Слышал я, что после возвращения Вы отправились лечиться. Замотала Вас Прага изрядно! На том столе, где Вы работали, теперь занимаются чешские студенты: один пишет о Русско-американской компании⁵¹, другой о декабристах, третий о чём-то ещё. Обещают приехать для работы два английских профессора. У них положение исключительное. Интерес к русским проблемам колоссальный, а книг совершенно нет, даже те, что были, погорели. Вот я и выполняю роль «тьютора»⁵² и библиотекаря. Как видите, сколько могу, честно служу родной культуре. После Вашего отъезда тут скучно стало. Почти нет никаких русских лекций, а потребность в них громадная. Была выставка советских художников. Она вызвала страстные споры, но посещалась охотно. По-моему, она не была плохой, если принять во внимание, что ведь не был специальный подбор картин, а было выставлено, что было готовым. Меня больше всего тронули развалины новгородской Нередицы⁵³: я так любил эту старинную постройку. Была выставка «Москва в графике и литературе». На открытии видел Зденка Романовича⁵⁴ – это было накануне его отлёта в Москву. Обещал Вам передать привет, но верно забыл. Мои дела здесь всё ещё не устроены и поэтому я всё ещё не подал просьбы о возвращении. Принципиально я не прочь это сделать, но не буду ли я более полезен здесь? Передали мне, что генерал архивный⁵⁵ вполне удовлетворён моей работой и готов предоставить работу дома. Но прежде всего мне нужно устроить свои дела здесь, а может быть какое-нибудь научное поручение и тут найдётся. Я очень благодарен Г[алине] В[ладимировне]⁵⁶ и за исполнение моей просьбы и за то, что благодаря ей узнал печальную повесть о своей семье. Больше половины погибло на войне или в связи с войной. Но больше мне ничего не пишут. Не сможет ли Г[алина] В[ладимировна] при случае повидать моих и написать мне, не заболел ли кто-нибудь из них. Буду ей очень благодарен. Как она себя чувствует? А как молодой спортсмен⁵⁷ Привет им от меня сердечный. Вы оставили тут хорошую о себе память. Ваши многочисленные слушатели всё спрашивают, когда приедет в Прагу проф[ессор] Сидоров.

Вот кажется всё основное. Повторяю, если Вам нужны какие книги, то

напишите. Можете мне писать или по домашнему или служебному адресу. «Крестьян»⁵⁸ акад[емика] Грекова⁵⁹ наконец в Праге получили в достаточном количестве. Почему-то до нашей библиотеки не дошёл 2-й выпуск № «Вопросов истории»⁶⁰, хотя в магазинах он имеется. Жду от Вас «отповедь» как здесь говорят. Будьте здоровы и благополучны. Жму Вашу руку.

Уважающий Вас А. Изюмов.

P.S. До июля буду в Праге, а в июле м[ожет] б[ыть] удастся вырваться на отдых. Работа у меня не стоит. Дневник⁶¹ кончил переписывать.

НИОР РГБ. Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 89. Д. 35. Л. 3–4. Машинопись, подпись и приписка – автограф.

А.Ф. Изюмов – А.Л. Сидорову
Прага, 10 июля 1947 г.

Прага. 10 июля 1947 г.

Глубокоуважаемый Аркадий Лаврович.

Ваше письмо от конца мая пришло сюда на десятый день, но я Вам сразу не отвечал, ожидая обещанного Вами извещения от посольства или от пана директора, а с другой стороны, выясняя, что из нужных Вам книг можно найти на антикварном рынке. До сих пор никаких извещений о деньгах я не получил и потому фактически ничего не купил. Вы знаете, что я по-прежнему живу, как бедный рыцарь и свободные у нас редко водятся, к тому же через несколько дней уезжаю на 4 недели в отпуск. Директора даже спрашивал на докладе акад[емика] Тарле⁶², но он никаких от Вас распоряжений ещё не имел. Вообще со старыми книгами стало хуже, чем было при Вас. Как только что-нибудь ценное появляется, то сейчас же хватают любители или приезжие. «Архив революции»⁶³ 1–14 тт. купили по 120 кр[он] за том. Теперь мне предлагают полный комплект (1–22 тт.), но по довольно высокой цене – 180 кр[он] за том. По существу это не так дорого. Для старых книг теперь обычный коэффициент 2 с половиной, три. А раньше «Архив» стоил по 2 долл[ара], т.е. 100 кр[он]. По-моему, если покупать, то имеет смысл комплект. Я просил задержать это на месяц, если, конечно, не явится покупатель, кот[орый] захочет дать дороже. Напишите ответ об этом к 10.8. Я надеюсь иметь тогда некоторую сумму и смогу на время Вас субсидировать, пока Вы не сможете переслать деньги. Полнер⁶⁴ также имеется у одного, но ценит его чуть ли не вдвое против тома «Архива». Правда, он издан на правах рукописи и в небольшом количестве. Наша библиотека за 20 лет не сумела его достать. В крайнем случае, если он Вам очень нужен, то у меня есть свой и я Вам пошло, а там разменяемся хотя бы книгами. Белгр[адских] сборников пока не вижу⁶⁵. Дворцовый переворот у меня для Вас отложен. Напишите, пожалуйста, не откладывая об «Архиве» и Полнере и, если действительно хотите достать книги, то будем их искать дальше⁶⁶.

Простите меня, пожалуйста, за Гегеля – пусть меня за это боги судят, но факт остаётся фактом: книжки-то у меня не оказалось. Вас я не обвинял, а высказывал только предположение, не завезли ли Вы её по ошибке. Ошибки возможны. Вы всё же мне сдали одну книгу из университетской «книговынь»

такого же формата. Возможно, туда ушёл Гегель: я всё не выберу время это выяснить. Пытаюсь достать второй экземпляр, но пока не удаётся, как не удаётся и с Сазоновым. Вот пока всё о книгах. Очень рад, что все собранные здесь книги Вы получили. Если случайно встретите академик[а] Е.В. Тарле, то скажите ему, что отправка книг для него задержалась не по моей вине. Во всяком случае, они на днях будут сданы для отсылки. По-видимому, с обменом книг и отправкой лучше всего иметь дело с ВОКС'ом, но я не знаю, кто сейчас стоит там во главе⁶⁷. Если Вы можете, то попробуйте это выяснить в Москве и получить содействие этой организации. Ведь в каждом полпредстве имеется представитель ВОКС'а.

Здесь в книжных делах произошли некоторые перемены. Магазин на Вацлавском «Советской книги» куплен фирмой «Свобода», но от этого для покупателей стало не лучше. Знающих книгу людей не видно. Теперь каждый книгопеец отсюда сносится непосредственно с Москвой, но книг прибавилось мало и идут они не очень аккуратно. Пример. «Истор[ических] записок»⁶⁸ месяц тому назад пришёл № 19, а дальнейших не было, хотя они давно и вышли в Москве. Почтой хорошо идут журналы и газеты. У нас пропал лишь № 2 «Вопросов ист[ории]». Конечно, если Вы мне пошлёте Рубинштейна, 2 т. анти-Покровского да ещё архивные сборники, то я Вам буду очень благодарен. Пока от Вас ничего не получено.

Огорчила меня сильно неожиданная смерть старого друга В.И. Пичеты⁶⁹. Я всё надеялся повидать его здесь. Три года я пробыл его помощником и заместителем, когда он две трети месяца отсутствовал и ездил в Минск для организации Белорусского у[ниверсите]та⁷⁰. Он был очень хороший человек. Посетил нашу библиотеку Е.В. Тарле и нашёл её в прекрасном состоянии. Архив, говорит, Вы также передали в прекрасном виде. Он читал в Праге два доклада: в университете – о работах по военной истории и в «Книгозне» магистрата. К сожалению, о первом я узнал поздно, а на втором был. Читал-то он хорошо, но публики было не очень много: плохо ходил трамвай. Постарел Е[вгений] В[икторович] сильно: я не видел его четверть века. Теперь у меня работает несколько чешских студентов. Я им и книги подбираю для занятий и даю указания. Думаю, что этой незаметной для других работой приношу пользу родине. Славян спасёт искреннее и глубокое взаимопонимание, а учёная молодёжь главный элемент здесь. Так в этой позиции и остаюсь. Не теряю надежды и на то, что смогу пригодиться ещё здесь и для Академии. К тому же мои личные дела всё ещё не устроены. Я слышал о хорошем отзыве о моей работе, который дал архивный генерал. Очень ему благодарен за это. Если встретитесь, то поблагодарите от моего имени. Почему бы не устроить здесь самостоятельный склад академических изданий, связавши его и с обменом? Я думаю, что это улучшило бы распространение изданий здесь. На музыкальном фестивале не был. Говорят, что он прошёл очень хорошо. Из остатков Худож[ественного] театра и местных любителей устроили тут русский театр. Ставили 10 спектаклей из 4 пьес – две Горького⁷¹, Чехова⁷² – «Вишн[евый] сад» и одну Симонова⁷³. Я был на «Вассе Железновой» и на «Вишн[евом] саде». Первая, по-моему, была очень хорошо сыграна, а вот вторая для меня, видевшего первые постановки в Москве, показалась бледной. Вот все существенные русские дела. О выставке я писал Вам прошлый раз.

Зденека Романовича по приезде не встречал. Мой сердечный привет Галине Владимировне и Мише. Надеюсь, что он «отличником» справился со своими экзаменами и теперь заслуженно отдыхает. Не сможет ли всё же Г[алина] В[ладимировна] исполнить при случае мою просьбу. От 12.7 иду в отпуск до 5.8. Устал здорово, да и сердце что-то после лагеря и с годами хуже себя ведёт. Как же Вы? Вероятно, так набросились на всякие дела, что уже снова устали. Желаю Вам всяких успехов.

Будьте здоровы и благополучны. Желаю всего лучшего.

Жму руку. А. Изюмов

P.S. Вторую и третью страницы писал на другой машинке с новой лентой. Первая очень бледная. Пришлось её переписать: иначе ничего не разберёте.

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 35. Л. 6, 7 об. – 8. Машинопись, подпись – автограф.

А.Ф. Изюмов – А.Л. Сидорову
Прага, 30 сентября 1947 г.

Прага, 30 сентября 1947 г.

Глубокоуважаемый Аркадий Лаврович.

Я так долго не писал Вам, ожидая извещения от г-жи Арзамасцевой. Наконец на днях она позвонила и сообщила, что может передать мне деньги на книги для Вас, но просила несколько дней подождать, так как она была занята приездом минпроса Калашникова⁷⁴. Он на днях уехал и, очевидно, я смогу подобрать Вам книги, как только мы с ней встретимся. Не знаю, что сохранилось из заказанных мною книг. Антиквариат быстро раскупают. Вот, напр[имер] Полнер уже ушёл, но я пошлю Вам свой экземпляр. Дворцовый переворот имеется. Удалось мне приготовить для Вас и «Архив революции» по 120 за том в комплекте. Первый экземпляр ушёл по 160. Кажется, будет комплект Белого дела 6 тт. по 100 кр[он]. Это стоящее издание. Белградских сборников достать невозможно. Колчак[а]⁷⁵ предлагают 4 кн[иги] по 75, но в эту партию едва ли смогу уже вложить. Словом через две-три недели постараюсь Вам отправить партию, что соберу и тогда Вам напишу. Хорошо было бы, чтобы Вы написали от себя в посольство, чтобы там приняли книги, а то всё новые люди и кто их знает, как отнесутся. Валериан Александрович⁷⁶ всё путешествует. Не лучше ли просить в Москве ВОКС. Я не знаю, кто сейчас стоит в главе. Ведь это их дело и в каждом посольстве имеется их представитель. Может быть, они сделают распоряжение о приёме книг от меня. Лукомского⁷⁷ и Милюкова⁷⁸ на рынке не видно. Конечно, если увижу, то для Вас задержу.

От Вас я получил только два архивных сборника – Архив Красной армии и Октябрьской революции⁷⁹. Мне очень хотелось иметь Архив старых дел, но, увы, или он не дошёл, или пропал. Не дошёл, к сожалению, и Греков. Большое Вам спасибо за посылку, а Г[алине] В[ладимировне] за хлопоты. Рубинштейна будем ждать 2-е изд[ание]⁸⁰, а второго тома анти-Покровского, очевидно, уже не увидим. Кроме того, «Вопросы истории» с № 3 стали приходиться в двух экземплярах. Полагаю, что второй Вы послали для меня. Так это или нет? Если так, то очень Вам благодарен. Вот пока всё о книгах.

Газеты пока в Архив не дошли. Попробуйте также через ВОКС: мне кажется, в этой организации лучше налажены пересылки.

Вот уж действительно у счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает. Вслед за В.И. Пичетой умер и мой первый учитель по архивам С.К. Богоявленский⁸¹. Как живо помню, как он меня в Архиве МИД на Воздвижинке посадил в 1910 г. за архивный стол, рядом стоял стол, на котором было написано – «За этим столом 29 лет занимался историк С.М. Соловьёв»⁸². Очень мне жаль С[ергея] К[онстантиновича]. Что он болел или нет? Вчера умерла одна дама 48 лет – болела всего два дня. Больше всего косит здесь рак. Все с надеждой смотрят на ваших противораковых супругов⁸³. Видим тут часто московских земляков. Во 1-х на фестивале молодёжи⁸⁴ был балет. Мне удалось один раз проскочить «зайцем». Признаюсь, делал это только будучи студентом. Хорошо было. Были музыкальные состязания, но мне не пришлось на них побывать. Удалось раз попасть на балет Моисеева⁸⁵. Прекрасно! Был на докладе писателя С.В. Михалкова⁸⁶ о детском театре. Было интересно. Я познакомился с ним в Карловых Варах, куда я ездил на один день. Очень интересный человек. Между прочим, он прочитал мой дневник и нашёл его интересным, но посоветовал переделать в ряд литературных чисто новелл. Боюсь, что я этого никогда не сделаю. Напечатать его здесь очень трудно. Пока предложил для Литмузея. С Музеем веду переписку о работе для него. Вы пишете о сборе документов по истории революции. Этого без средств и полномочий сделать невозможно. Вот пусть Редакция гражд[анской] в[ойны]⁸⁷ или кто-нибудь даст мне такое поручение. М[ожет] б[ыть] Академия? Поговорите при случае с И.И. Минцем. Но больше всего на меня произвёл впечатление Калашников. Я не мог быть на его основном докладе, но был на дискуссионном вечере. Вопросов была тьма, но он так удачно отвечал на них, что всё время держал публику в напряжении. Публика была больше педагогическая. Диалектик он прекрасный и держит себя великолепно. Вот такие выступления имеют здесь большое значение. К сожалению, они не так часты. На вечере К[алашникова] смучился⁸⁸ только председатель – Зд[енек] Р[оманович]. Он пробовал сначала сам переводить, но потом как-то вышло так, что перевод и не потребовался.

О себе мало могу сообщить. Летом отдохнул, хотя не так, как хотел. Нужно было ехать в Подебрады⁸⁹ и сбивать чересчур высокое давление, но я попал на одно озеро. Поэтому субъективно отдохнул, а давление-то осталось всё же очень серьёзным. Работаю много: книги идут и идут. Всё время есть занимающиеся. Начались уроки. Поэтому для себя времени мало остаётся. Пошли какие-то разговоры то ли о соединении нас со Слав[янской] библиотекой⁹⁰, то ли о переводе в Миншкол. Это волнует с той стороны, что опять работа будет скомкана и снова нужно будет приспособливаться, но здесь часто бывает: поговорят, поговорят, да и перестанут. Поживём, увидим. Очень беспокоит отсутствие сведений о своих. Как себя чувствует Галина Владимировна? А как молодой спортсмен? Привет им обоим от меня сердечный. А почему бы Вам не повторить, скажем, поездку в Крконоше⁹¹. Видел вчера А.В. Флоровс[кого]⁹². Он только вернулся из отпуска и не видал ещё своего автореферата⁹³. Был доволен, когда я ему сообщил, что уже напечатан. Вот пока всё. Как только книги соберу и отправлю, так Вам напишу. Напишите о себе. Желаю Вам всего лучшего и жму Вашу руку.

Уважающий Вас А. Изюмов
НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 35. Л. 10–11. Машинопись, подпись – автограф.

А.Ф. Изюмов – А.Л. Сидорову
Прага, 3 ноября 1947 г.

Прага, 3 ноября 1947 г.

Глубокоуважаемый Аркадий Лаврович.

Неделю тому назад я отправил Вам три пакета через здешнее посольство. Довольно долго это тянулось, но не по моей вине. После того, как г-жа Арзамасцева мне сообщила по телефону о том, что она может ссудить 3000 кр[он] для покупки для Вас книг, прошёл некоторый срок, пока я не получил эти деньги. Мне не хотелось отпустить комплект «Архива революции». Это был единственный случай купить все 22 тома по 120 кр[он]. Тот экземпляр, о кот[ором] я Вам писал, что он куплен по 160, оказывается без последнего тома. Мой экземпляр не имеет двух томов. Отдельные тома легко найти, но комплектов больше нет. Я заплатил за «Архив» и пошёл в консулат по одному делу. Там незнакомый чиновник, узнавши мою фамилию, сказал, что полтора месяца тому назад мы искали Вас по всей Праге, Вам были какие-то деньги из Москвы. «Чего же было меня искать, когда Вы имеете картотеку? Стоило посмотреть и написать открытку». Но потом оказалось, что тот чиновник, что получил В[аше] письмо, уже уехал. Я пошёл искать его заместителя. Действительно тот подтвердил, что было письмо проф[ессора] Сидорова, но где оно, он не знает. «Не имеете ли Вы письма от профессора? – Да, имею». Когда я показал, то он согласился мне выдать деньги. Т[а]к как я купил книг больше, чем на три тысячи и так как хотел вернуть взятые у г-жи А[рзамасцевой] 3000, то я взял 5000 (пять тысяч) крон. Чиновник только просил Вас, когда получите книги, написать коротенькое письмо в посольство, что все расчёты правильны. Я сразу же вернул три тысячи г-же А[рзамасцевой]. Встал вопрос об отправке книг. Мне предложили подать заявление о разрешении и через несколько дней по телефону сообщили, что разрешено. На будущее время чиновник, выдавший мне деньги, сказал – лучше на будущее время⁹⁴, если будет разрешение от ВОКС'а на пересылку книг. При случае попросите ВОКС, чтобы дал такое разрешение. Всё это преодолевши, я стал паковать Вам посылку. Вот что пока я Вам послал:

- 1) «Архив русской революции» 22 тт. по 120 кр. – 2640 кр[он].
- 2) Белое дело 1–6 тт.⁹⁵ по 100 кр[он] – 600 кр[он].
- 3) Дворцовый переворот – 80 кр[он].
- 4) «Трагедия адм[ирала] Колчака» 4 тт. по 75 кр[он] – 300 кр[он].
- 5) Книгу Полнера о кн[язе] Львове. Эту книгу достать нельзя, но я посылаю Вам свой экземпляр. Он мне не нужен и Вы за него что-нибудь при случае пошлите из новинок. Кстати, к сожалению, Греков так и не дошёл.

Ни Лукомского, ни Милокова достать пока не удалось. Таким образом, всего я издержал Ваших денег на покупку 3620 кр[он] плюс 150 на доставку в посольство и мелкие чаевые. Всего 3770 кр[он]. Таким образом, у меня имеется остаток в 1230 кр[он]. Как только увижу что-нибудь подходящее, то

приобрету. К сожалению, Белградский сборник не видно в продаже. Боюсь, трудно будет найти и Милюкова. «Трагедии адм[ирала] Колчака» и Белого дела отдельные экземпляры попадаются, но комплектов нет. Вот, кажется, всё пока о книгах. Что мог, сделал. Напишите, м[ожет] б[ыть] у Вас теперь появились новые дезидераты⁹⁶. Чем больше их будет, тем легче найти.

Вообще с книгами здесь дело не улучшается, но заметно ухудшается. В особенности трудно с парижскими. Уже почти догнали паритет между кроной и франком, хотя по курсу одна крона стоит больше двух франков. Последнюю книгу, что я купил за 200 кр[он], а в Париже она стоит 220 франков. Советские книги идут неаккуратно. Теперь нет объединяющей совкниги⁹⁷ и каждый «книгкупец» делает заказы непосредственно в Москву. Мне не понятно, почему, скажем, Акад[емия] наук не делает своё представительство: ведь изданий Академии больше всего. Говорят, скоро повысят цены на совкниги. Ну, тогда мы многое не сможем купить. Вот что хорошо работает, то высылка журналов и газет. У нас подписано около 30, и все идут очень аккуратно и исправно. Правда № 9 «Вопр[осов] истории» пришёл уже в одном экземпляре. Прекрасно идут «Новое время»⁹⁸ и «Огонёк»⁹⁹. «Историч[еские] зап[иски]» последний имеем № 21, а 22 не хочет здесь показаться, хотя в Москве, кажется, вышел.

О себе мало могу сообщить. Живу, в общем, по-прежнему. Много работаю по пополнению библиотеки и по удовлетворению занимающихся. Их не так много, но всё же работают. Чувствую себя сравнительно сносно. Не так давно здесь закончился съезд чешских историков (словаки официально не участвовали)¹⁰⁰. Я ходил на многие заседания. Не скажу, чтобы всё интересно было, но кое-что было. Набросал было репортаж для «В[опросов] и[стории]», но не отправил. Я тут человек маленький. Пусть напишет кто покрупней.

Вчера Прага сумасшествовала в связи с футболом – матч между командой Красной армии и «Спартой» (надеюсь, Вы знаете здешнюю терминологию. Это больше интересно для молодого спортсмена. Билеты по 80 кр[он] продавались накануне по 1000, а перед самым состязанием, говорят, платили 4000. Люди забрались на трибуны с 10 утра: начало было в 14 ½. Чехи проиграли 2:1, но довольны. Говорят, что играли не хуже. Я смотрел только со стороны). Теперь Прага шумно готовится к празднованию 30-летия Октябрьской революции. Говорят, информаторы выпустили целый каталог «ослав»¹⁰¹. Других новостей не слышно. Наш шеф д[иректо]р П.¹⁰² болеет уже 2 месяца. Началось с ноги, а потом было что-то сердечное.

Как же идут Ваши научные занятия? Как здоровье? Как чувствует себя Галина Владимировна и молодой спортсмен? Привет им от меня сердечный. Я пока всецело занят библиотекой и уроками. Хотел что-то написать о Бакунине¹⁰³, но едва ли соберусь. Вы что-то замолчали: нет от Вас ни писем, ни газет. На этом сегодня и кончаю. Простите, что не сразу написал Вам об отправке книг, но ведь они ещё не так скоро дойдут. Будьте здоровы и благополучны. Если можете, то передайте моё запоздалое соболезнование М.М. Богоявленской¹⁰⁴ и А.П. Пичете¹⁰⁵ по случаю смерти моих старых друзей: отсюда я не писал им. Жму Вашу руку.

Уважающий Вас А. Изюмов

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 35. Л. 13–14. Машинопись, подпись – автограф.

А.Ф. Изюмов – А.Л. Сидорову
Прага, 19 января 1948 г.

Прага. 19 января 1948 г.

Глубокоуважаемый Аркадий Лаврович.

Всё надеялся обрадовать Вас сообщением, что книги для Вас посланы, но это оказалось труднее, чем я думал. Лукомский, видимо, будет. Белградского сборника имеются только отдельные номера. Всего труднее с Милюковым. Видимо его совсем нет у антикваров, но не вижу также и у частных лиц. Подождём ещё немного. Тут ведь всё дело случая. Если бы Вам нужно было что-либо из других здешних изданий, то напишите. Вообще с антикварными книгами становится всё труднее и труднее.

О себе нечего сообщить. Работаю по-прежнему и путаюсь с чешскими студентами. Один пишет о петрашевцах, другой о декабристах, третий о Пошошкове¹⁰⁶, четвёртая о Герцене¹⁰⁷ и т. д. Вот и послужи каждому и растолкуй, особенно когда по-русски-то с трудом читает. Кажется, будем иметь нового шефа и будем переданы в ведомство просвещения. Всё это, по-моему, лишнее, т.е. просто лишняя канитель, дела не прибавит. Но переживать приходится. Я уже столько ведомств видел на своём веку!

Позавчера «гуляли» на гимназической ёлке благодаря приглашению Людмилы Васильевны. Сама-то она не была. Говорил с ней сегодня по телефону. Сидит дома вся обязанная. По её словам, была пустяшная операция с ухом, но уже сегодня выходила. Я сказал ей, что сегодня буду Вам писать. Просила приветствовать всех Вас. Как, говорит, совсем поправлюсь, то напишу. Был тут недавно вечер наших фильмовиков. Я не был, но, говорят, провалились. Устроено было крайне неудачно. Сняли большой зал Общественного дома¹⁰⁸. Публики, говорят, было мало. К русским фильмам здесь интерес охладел. Связ «пшателей»¹⁰⁹ устроил выставку советской книги и постоянную читальню. Я на открытии не был, но один раз забежал. Признаюсь, не очень удовлетворён. На столах лежат девятые номера ежемесячников, а я имею уже одиннадцатые и даже двенадцатые. Книги также слабо представлены. Как же это вышло, что в «Вопр[осах] и[стории]» в ноябрьской книжке поместили о том, что в октябре будет в Праге съезд историков чешских¹¹⁰? Вышла неувязка. Вот Вам все пражские новости по советскому фронту.

На праздниках я был занят переделкой чужой работы... по пчеловодству. Автор старинный выходец из России больше 50 лет занимался пчеловодством где-то в Британской Колумбии в Скалистых горах. Написал довольно любопытную книжку о жизни пчёл. Но написал таким языком, что сам чёрт не поймёт. Тут её собираются печатать. Меня и попросили. Я же старый пчеловод. Вот и упражнялся в этом деле. А я очень сильно занят.

Как же Вы живёте? Как встретили Новый год? Как себя чувствуют Галина Владимировна и молодой спортсмен? Привет им от меня сердечный. Будьте здоровы и благополучны. От В.Д. Бонч-Бруевича¹¹¹ письмо получил. Жму Вашу руку.

А. Изюмов

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 35. Л. 16–17. Машинопись, подпись – автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Шумейко М.Ф.* Белорусские адреса российского историка-архивиста А.Ф. Изюмова. Первая половина XX в. // ВА. 2013. № 1. С. 232.
- ² Любавский Матвей Кузьмич (1860 – 1936) – историк, профессор (с 1901 г.), ректор (1911–1917) Московского университета, академик АН СССР (с 1929 г.).
- ³ *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА // ОА. 1996. № 4. С. 29.
- ⁴ Мякотин Венедикт Александрович (1867 – 1937) – историк, публицист, общественный деятель.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР). Оп. 12. Д. 771. Л. 1. С. 1922 г. ГУАД было преобразовано в Централхив РСФСР.
- ⁶ *Изюмов А.Ф.* В поисках бумаг последнего царя // НЧС. 1923. Т. III. С. 106.
- ⁷ Подробнее см.: *Шумейко М.Ф.* Указ соч. С. 234–236.
- ⁸ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 771. Л. 99.
- ⁹ *Изюмов А.Ф.* Московский центральный исторический архив // Сборник статей, посвящённых Паулу Николаевичу Милокову, 1859–1929. Прага, 1929. С. 535.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 771. Л. 117.
- ¹¹ Покровский Михаил Николаевич (1868 – 1932) – историк, политический деятель. Заместитель наркома просвещения РСФСР (с 1918 г.), академик АН СССР (с 1929 г.).
- ¹² *Изюмов А.Ф.* Архивное дело в России в 1918–1922 гг. // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 9. С. 4–5.
- ¹³ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М., 2005. С. 174. Постановление Президиума ГПУ о высылке А.Ф. Изюмова датировано 25 августа 1922 г.
- ¹⁴ Кизветтер Александр Александрович (1866 – 1933) – историк, публицист, политический деятель, мемуарист, профессор Московского университета (1909–1911).
- ¹⁵ *Ковалёв М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 97, 212.
- ¹⁶ *Павлова Т.Ф.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷ Там же. С. 35.
- ¹⁸ Там же. С. 36.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 278. Д. 40. Л. 2 об. – 3 об.
- ²⁰ Кантинщик – продавец в государственной лавке.
- ²¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 16. Письмо В.Д. Бонч-Бруевичу от 20 сентября 1948 г.
- ²² Об обстоятельствах нахождения в лагере А.Ф. Изюмов писал в письме к В.И. Пичете от 9 февраля 1947 г. (см.: *Шумейко М.Ф.* Указ. соч. С. 242, 244).
- ²³ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 2 об.
- ²⁴ *Павлова Т.Ф.* Указ. соч. С. 35.
- ²⁵ Никитинский Иосиф Илларионович (1905 – 1974) – комиссар ГБ, генерал-майор, начальник ГАУ НКВД СССР (1940–1941), Управления государственных архивов НКВД (с 1946 г. – МВД) СССР (1941–1947).
- ²⁶ Богоявленский Сергей Константинович (1871 – 1947) – историк, архивист. Член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.).
- ²⁷ Милиц Исаак Израилевич (1896 – 1991) – историк. Академик АН СССР (с 1946 г.).
- ²⁸ Сутоцкий Сергей Борисович (1912 – 1974) – писатель, журналист.
- ²⁹ *Максакова Л.В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 128.
- ³⁰ *Быстров В.Н.* Конец Русского заграничного исторического архива в Праге // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001–2002. Т. XXXI. С. 274.
- ³¹ *Ковалёв М.В.* Указ. соч. С. 230.
- ³² *Павлова Т.Ф.* Указ. соч. С. 36.
- ³³ Там же. С. 36.
- ³⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 13, 15 об.
- ³⁵ *Павлова Т.Ф.* Указ. соч. С. 30.
- ³⁶ См.: «Объективной истории революции Вы вообще указать мне не сможете»: Письма С.П. Мельгунова к А.Ф. Изюмову, 1927–1939 гг. / Публ. подгот. А.В. Сыпченко // ИА. 2007. № 4. С. 189–217.
- ³⁷ Сидоров Аркадий Лаврович (1900 – 1966) – историк, профессор МГУ (1949–1959), директор Института истории АН СССР (1953–1959).
- ³⁸ Отзыв А.Л. Сидорова о встрече с А.Ф. Изюмовым см.: *Сидоров А.Л.* Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 – февраль 1947 года / публ. подг. Б.А. Осадченко // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 425–438.
- ³⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 12 об.
- ⁴⁰ Калинин Иосиф Фёдорович (1890 – 1934) – поэт, писатель, этнограф.
- ⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 23–24 об.
- ⁴² Козьмин Борис Павлович (1883 – 1958) – историк, литературовед. Старший научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1946 г.), директор Государственного литературного музея (1946–1954).
- ⁴³ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 278. Д. 40. Л. 27.
- ⁴⁴ Цитата из «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «На всех московских есть особый отпечаток».
- ⁴⁵ «Мафия» – чешская тайная организация, созданная осенью 1914 г. Т. Масариком и Э. Бенешем, ставившая целью достижение национальной самостоятельности.

⁴⁶ Рубинштейн Николай Леонидович (1894 – 1963) – историк, профессор МГУ (1942–1949). Речь идёт о книге: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

⁴⁷ См.: Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. М.-Л., 1940. Ч. 2.

⁴⁸ См.: *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931.

⁴⁹ Львов Георгий Евгеньевич (1861 – 1925) – князь, министр-председатель Временного правительства (1917). Имеется в виду книга: *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932.

⁵⁰ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 – 1927) – дипломат, мемуарист. Товарищ министра иностранных дел (1909–1910), министр иностранных дел (1910–1916). Имеется в виду книга: *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927.

⁵¹ Имеется в виду Российско-американская компания, основанная Г.И. Шелиховым и Н.П. Резановым, утверждённая императором Павлом I 8/19 июля 1799 г.

⁵² Тьютор (tutor) – наставник (англ.).

⁵³ Имеется в виду Церковь Спаса на Нередице (ок. 1198 г.).

⁵⁴ Неедлы Эдзек (1878 – 1962) – чехословацкий учёный и общественный деятель. Президент Чехословацкой АН (с 1952 г.), иностранный член-корреспондент АН СССР (с 1947 г.).

⁵⁵ Имеется в виду И.И. Никитинский.

⁵⁶ Сидорова (урожд. Лебедева) Галина Владимировна (1904 – ?) – жена А.Л. Сидорова (с 1932 г.).

⁵⁷ Сидоров Михаил Аркадьевич (1932 – ?) – сын А.Л. Сидорова.

⁵⁸ См.: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времён до середины XVII века. М.-Л., 1946.

⁵⁹ Греков Борис Дмитриевич (1882 – 1953) – историк. Академик АН СССР (с 1935 г.).

⁶⁰ «Вопросы истории» – ежемесячный научный журнал Отделения истории АН СССР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР, основанный в 1926 г. под названием «Историк-марксист».

⁶¹ Имеется в виду дневник, озаглавленный А.Ф. Изюмовым «От Вильцбурга до Праги», который он вёл во время пути из лагеря интернированных советских граждан, охвативший период с 26 апреля по 23 июня 1945 г.

⁶² Тарле Евгений Викторович (1874 – 1955) – историк. Академик АН СССР (с 1927 г.).

⁶³ Имеется в виду историко-археологический альманах «Архив русской революции», издававшийся в Берлине И.В. Гессеном в 1921–1937 гг.

⁶⁴ Полнер Тихон Иванович (1864 – 1935) – журналист, историк, издатель, общественный деятель.

⁶⁵ Вероятно, имеются в виду: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1: 1920–1930; 1941. Вып. 2, ч. 1: 1930–1940.

⁶⁶ «Переписанная первая страница. Ух! вот же идиот: наделал себе работу!» (помета А.Ф. Изюмова).

⁶⁷ В 1940–1948 гг. председателем правления ВОКС был Владимир Семёнович Кеменов (1908 – 1988), историк искусства и государственный деятель.

⁶⁸ «Исторические записки» – неперIODический сборник, издающийся Институтом истории АН СССР с 1937 г.

⁶⁹ Пичета Владимир Иванович (1878 – 1947) – историк, архивист. Академик АН СССР (с 1946 г.).

⁷⁰ А.Ф. Изюмов замещал В.И. Пичету осенью 1920 г., когда последний в составе группы экспертов выезжал в Ригу для подготовки мирного договора Советской России и Украины с Польшей (см.: *Шумейко М.Ф.* Указ. соч. С. 238).

⁷¹ Горький Максим (наст. имя и фам.: Алексей Максимович Пешков) (1868 – 1936) – писатель и общественный деятель.

⁷² Чехов Антон Павлович (1860 – 1904) – писатель. Почётный академик имп. Академии наук (1900–1902).

⁷³ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915 – 1979) – писатель, общественный деятель.

⁷⁴ Калашников Алексей Георгиевич (1893 – 1962) – физик, педагог. Заместитель наркома (1945–1946), министр (1946–1948) просвещения РСФСР, действительный член АПН РСФСР (с 1948 г.).

⁷⁵ См.: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград, 1930–1931. Ч. 1–3.

⁷⁶ Зорин Валериан Александрович (1902 – 1986) – дипломат. Посол в Чехословакии (1945–1947), ФРГ (1955–1956), Франции (1956–1971), заместитель министра иностранных дел (1947–1955 и 1956–1965).

⁷⁷ Лукомский Александр Сергеевич (1868 – 1939) – генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1917). Речь идёт о книге: *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1–2.

⁷⁸ Милоков Павел Николаевич (1859 – 1943) – историк, политический деятель. Министр иностранных дел Временного правительства (1917). Речь идёт о книге: *Милоков П.Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры; Т. 2: Антибольшевистское движение.

⁷⁹ Вероятно, имеются в виду следующие издания: Центральный государственный архив Красной Армии: путеводитель / под ред. П.Г. Софинова. М., 1945; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства: путеводитель / под ред. В.В. Максимова. М., 1946.

⁸⁰ Второе издание книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» увидело свет только в 2008 г.

- ⁸¹ С.К. Богоявленский умер в Москве 31 августа 1947 г.
- ⁸² Соловьёв Сергей Михайлович (1820 – 1879) – историк. Ректор Московского университета (1871–1877), ординарный академик имп. Академии наук (с 1872 г.).
- ⁸³ Роскин Григорий Иосифович (1892 – 1964) – цитолог и гистолог; Клюева Нина Георгиевна (1898 – 1971) – инфекционист, жена Г.И. Роскина. Оба занимались исследованиями по биотерапии рака.
- ⁸⁴ Имеется в виду I Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, проходивший в Праге 25 июля – 16 августа 1947 г.
- ⁸⁵ Моисеев Игорь Александрович (1906 – 2007) – хореограф, балетмейстер, организатор и руководитель Ансамбля народного танца СССР (с 1937 г.).
- ⁸⁶ Михалков Сергей Владимирович (1913 – 2009) – писатель, поэт, баснописец, драматург.
- ⁸⁷ Главная редакция «Истории гражданской войны» в составе М. Горького, И.В. Сталина, В.М. Молотова, С.М. Кирова, К.Е. Ворошилова, А.С. Бубнова и Я.Б. Гамарника была утверждена решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1931 г.
- ⁸⁸ Так в тексте.
- ⁸⁹ Подебрады – курортный город в Чехии в Полабской низменности на берегу реки Эльбы, в 50 км от Праги.
- ⁹⁰ Имеется в виду русская библиотека, созданная в 1924 г. Министерством иностранных дел Чехословакии.
- ⁹¹ Крконоше – горный массив на территории Польши и Чехии, наиболее высокая часть Судет.
- ⁹² Флоровский Антоний Васильевич (1884 – 1968) – историк, славист, профессор Карлова университета в Праге (1948–1957).
- ⁹³ Вероятно, имеется в виду автореферат второго тома докторской диссертации А.В. Флоровского (см.: *Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)*. Praha, 1947. Т. 2 (Práce Slovanského ústavu v Praze; Sv. 20)).
- ⁹⁴ Так в тексте.
- ⁹⁵ См.: Белое дело: летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 1–6.
- ⁹⁶ Дезидерата (лат. desiderata – желаемое) – отсутствующее в библиотеке издание, которое необходимо иметь в фонде.
- ⁹⁷ Вероятно, имеется в виду Всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга», занимавшееся экспортно-импортными торговыми операциями с книгами и периодикой.
- ⁹⁸ «Новое время». Т. 1–6 – политический еженедельник, издающийся с 1943 г., первоначально под названием «Война и рабочий класс».
- ⁹⁹ «Огонёк». Т. 1–6 – еженедельный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал, издающийся с 1923 г.
- ¹⁰⁰ Имеется в виду II съезд чехословацких историков, состоявшийся в Праге в октябре 1947 г.
- ¹⁰¹ Очевидно, имеется в виду каталог с программой предстоящих торжеств (по-чешски – oslav).
- ¹⁰² Имеется в виду Вацлав Пешак (? – ?) – директор РЗИА (с 1939 г.).
- ¹⁰³ Бакунин Михаил Александрович (1814 – 1876) – революционер, теоретик анархизма.
- ¹⁰⁴ Богословская Мария Михайловна (1871 – 1949) – пианистка, жена С.К. Богоявленского.
- ¹⁰⁵ Пичета (урожд. Собонова) Александра Петровна (1892 – 1973) – жена В.И. Пичеты.
- ¹⁰⁶ Посошков Иван Тихонович (1652 – 1726) – экономист и публицист.
- ¹⁰⁷ Герцен Александр Иванович (1812 – 1870) – революционер, писатель, философ.
- ¹⁰⁸ Имеется в виду Общественный дом в Праге. 28 октября 1918 г. с балкона Зала мэра Праги Общественного дома была провозглашена Чехословацкая республика. Там же первые две недели заседал Национальный комитет (временный парламент и правительство).
- ¹⁰⁹ Вероятно, имеется в виду «Союз друзей СССР» (Svazpřátel SSSR), одним из руководителей которого был З. Неудлы.
- ¹¹⁰ См.: ВИ. 1947. № 11. С. 152.
- ¹¹¹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873 – 1955) – историк, политический деятель. Управляющий делами Совета народных комиссаров РСФСР (1917–1920), директор Государственного литературного музея (1933–1939), Музея истории религии и атеизма АН СССР (с 1946 г.).

«Шлю знаменитому Колюше мой самый сердечный привет!»: Из писем О.А. Цингера к Н.В. Тимофееву-Ресовскому и Е.А. Тимофеевой-Ресовской (1969–1976)

Аннотация: Публикуется часть писем художника О.А. Цингера к Н.В. Тимофееву-Ресовскому и его жене Е.А. Тимофеевой-Ресовской за 1969–1976 гг., отложившихся в личном фонде учёного в Архиве РАН.

Annotation: This publication consists of some of the most interesting letters written by an artist O.A. Zinger to the famous scientist N.V. Timofeev-Resovsky and his wife E.A. Timofeev-Resovskaya (1969–1976). These materials were found in Archive of Russian Academy of Sciences in Timofeev-Resovsky's collection.

Ключевые слова: Архив РАН, Н.В. Тимофеев-Ресовский, личный фонд, документы.

Key words: Archive of Russian Academy of Sciences, N.V. Timofeev-Resovsky, personal papers.

Среди личных фондов, хранящихся в Архиве Российской академии наук, имеется и личный фонд Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900 – 1981), генетика, доктора биологических наук (1963). Документы учёного поступили в Архив Академии наук СССР в 1981 г. из Института медицинской генетики Академии медицинских наук СССР. В фонде хранится 429 дел за 1922–1981 гг. В 2007 г. в АРАН были переданы письма Олега Цингера¹ Н.В. Тимофееву-Ресовскому и его жене за 1969–1976 гг. С Олегом Цингером Тимофеевы-Ресовские познакомились в Берлине в 1927 г. В 1925 г. Н.В. Тимофеев-Ресовский был командирован в Берлин для научной работы; в 1937 г. учёный отказался выехать в СССР; в 1945 г. был арестован и осуждён как невозвращенец. По иронии судьбы, О. Цингер «проводил» трёх мужчин, искавших, где живет профессор Тимофеев-Ресовский: «Колюша вышел к ним, и приехавшие люди очень любезно попросили Колюшу съездить с ними в Берлин на какую-то конференцию! Через час или два его привезут обратно... После этого мы услышали вновь о Колюше ровно через два года, а я уже больше Колюшу никогда не видал!»²

Письма № 1–5 адресованы Е.А. Тимофеевой-Ресовской, так как Н.В. Тимофееву-Ресовскому по состоянию здоровья было трудно читать, а тем более отвечать на письма. «Мои письма к Лёле были всегда письма и к вам всем!» – писал О. Цингер в письме от 21 мая 1973 г. после смерти Е.А. Тимофее-

вой-Ресовской. Копии ответных писем учёного к художнику не сохранились, местонахождение архива О. Цингера выяснить не удалось.

Письма публикуются по нормам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей. Подчёркнутые в тексте слова выделены курсивом. Восстановленные части сокращённо написанных слов в тексте заключены в квадратные скобки. В подобные же скобки в комментариях заключён ряд лиц, информацию о которых найти не удалось. Географические названия в примечания не выносились.

Приложение

Письма О.А. Цингера Н.В. и Е.А. Тимофеевым-Ресовским

1

Париж, 14 апреля 1969 г.

14 апреля 1969 г.

Дорогая Лёля, очень был рад получить твоё письмо от 28.3.1969. К сожалению, не мог тебе сразу ответить, т. к. был очень занят. Только что вчера вернулся из Napsu, куда ездил по делам один на машине. Когда четыре дня тому назад я поехал туда, то светило почти что летнее солнце и была жара, а вчера вдруг подул холодный ветер, полил дождь, и на обратном пути меня настигла три раза буквально буря с градом. Ехать туда на автомобиле приблизительно четыре часа. «Въезжать» в Париж – это самое долгое. Город Napsu оказался очень красивым, даже просто *очаровательным!* Я всегда раньше *проезжал* и никогда не был в городе, а теперь был просто поражён, до чего там красиво. Дивные барочные площади, много ренессанса, приятная публика, сады и богатейшие музеи. Это родина ДИВНОГО рисовальщика и гравёра Jacques Callot³, и в музеях много его гравюр. Также художник Georges de LaTour⁴ отсюда. Кое-что пропитано Тридцатилетней войной⁵... К сожалению, я в истории до того плохо разбираюсь, что мне иногда многое совсем непонятно. Тут и Richelieu⁶, и немцы, и поляки – ничего не разберёшь, чёрт их возьми! Люди не спешат, как в Париже, и обычно все очень приветливые. В одном кафе я долго наблюдал человек сорок молодёжи, которые играли в бильярд, пили кофе и пиво, что-то читали и спорили между собой. Я давно не видел *таких красивых лиц*, черноглазых нежных юношей и длинноволосых девушек, совсем по LeNain⁷. Даже полицейские были «нежные», с длинными ресницами, и никого не ругали. Очень много немецких туристов.

В эту субботу, 19-го, мы улетаем с Geneviève⁸ ой⁸ на две недели на Майорку Mallorca/Baleares. Там сейчас в какой-то деревушке Estellencs живёт мой старый друг, берлинская художница Kato Marton, и она нам достала нечто вроде пансиона. У Geneviève⁸ е сейчас есть «оставшийся» отпуск, и ей необходимо его использовать, а кроме того мы оба *невероятно* устали и изнервничались. Ты, по-моему, единственный не нервный и не усталый человек из всех, кого я знаю. Нина⁹ мне тоже пишет грустные письма. Игорь¹⁰ не нервный и не усталый, а просто нервно *больной* человек. У него часто припадки бешенства против сына из-за всякой мелочи, и читать он тоже не может на нервной по-

чве! Об этом я ещё раньше не слыхал, но очевидно «на нервной почве» всё возможно. Но спокойным человеком Игорь *никогда* не был! Он только казался спокойным «тропическим англичанином» у вас, а дома он и тогда уже бывал по отношению к Нине невыносим!

Сергею Ивановичу лучше¹¹. Как раз получил на днях от него письмо. Он передал опять кое-какие рассказы – ест пасху и кулич, пьёт водку и гуляет по берегу моря. У них уже совсем тепло – жарко и купаются! Я немного лучше! В конце концов, это ведь моё «двоежёнство» меня извело! Правда, я сейчас очень страдаю без Denise¹², но что я могу поделать? Я просто *не могу* и не хочу разводиться, оставить Geneviève у одну и силком себя заставить её ненавидеть! А милая и умная (как это ни странно) Denise именно требует *только этого!* Думаю, что нужно достать себе просто ещё третью жену *без трагедий!*

Саша Носков¹³, конечно, уже *давно* женат – на некой Алле из Белграда. У них уже дочка лет 25-ти Наташа. Я, кажется, тебе уже писал, что он устраивал выставку без большого успеха в Калифорнии в S[saint] Jose.

Ты пишешь, чтобы я вам написал что-нибудь о зоологических садах?! Но что? Я действительно большой любитель зоологических садов – ещё с детства, когда ходил зимой в московский зоол[огический] сад и когда мне покупалась французская булка для кормёжки зверей, а булку эту я съедал сам. С тех пор всё очень изменилось, и я выработался просто в знатока зоологических садов. Но у каждого свой вкус, и все сады различны. Как хороший музей – нельзя сравнивать, что есть в одном, того нет в другом. Зоолог[ические] сады можно делить на три главные категории. 1. *ЗооПАРК* (где не так много видов, не так много *экзотических* животных, но где животные размножаются и хорошо живут на просторе – обычно копытные). 2. Зоологический *сад*, который приятен и хорош как *сад*, т. е. приятно гулять, мно[го] зелени, всё удобно и хорошо устроено и 3. Богатая *коллекция* интересных экзотических и редких животных. Я лично любитель именно вот этой, последней категории, т. е. зоо с большим количеством *интересных* животных. Большое количество косуль и пять прудов с гусями мне не могут заменить ленивца или муравьеда.

Теперь есть совершенно *дивные* зоо! Когда я впервые познакомился с Василием Алексеевичем Ватагиным¹⁴, то первое, что я его спросил, видел ли он живую гориллу, и он мне ответил: «Нет, гориллы вот не видел». Теперь в зоо в Basel'e и во Frankfurt'e уже несколько раз рождались гориллы и благополучно живут до глубокой старости – в Basel'e можно видеть 7 горилл. То же самое с окапи. У нас в Париже 5 окапи и уже 6 раз рождались детёныши, что в своё время невозможно было себе представить. Вообще антилопы у нас тут *очень хороши!* 8 жираф и почти что каждый год детёныши, окапи и *большое* собрание других антилоп, но зато совсем нет приличного птичьего дома и нет аквариума. В Германии новый аквариум в Stuttgart'e – это просто СКАЗКА! Огромные стёкла с «разрезом воды и земли». Таким образом, видны растения, даже корни деревьев, над деревьями летают птицы, на корнях сидят черепахи и можно наблюдать, как африканские маленькие очаровательные зимородки с красными носами падают стремглав в воду и ловят рыбёшку. В Rotterdam'e райские птицы выводят птенцов, а во Франкфурте есть дом, где спокойно летают над тобой райские птицы, тулканы и птицы-носороги – даже подходят к тебе. Всё это происходит между экзотическими растениями, в те-

пле и тишине. Публика ведёт себя более дисциплинированно, чем это можно было бы предположить.

В Amsterdam`е есть дом, где днём темно, а ночью светло и, таким образом, через огромные витрины «при лунном свете» можно наблюдать, как трубказуб роет землю, как летают летучие собаки и лазают по веткам толстые лори, кобальт-маки и с молниеносной быстротой перелетают с ветки на ветку Bush-baby¹⁵ (не знаю, как по-русски?). *He тушканчики*, а из приматов (пищу на всякий случай). Всё это производит большое впечатление. Об аквариумах с морской водой я уже и не говорю! Есть такие замечательные рыбы, что я даже об этом и не подозревал! Всё это устроено чрезвычайно чисто, белые, красные кораллы, воспитательные морские звёзды и ежи, прозрачная вода и т. д. Оказывается, самые экзотические рыбы очень хорошо могут жить и их довольно просто привезти на самолёте. Вот некоторых обезьян *очень трудно* выращивать, а есть животные, которые не выносят двух дней неволи. Я хорошо знаком – даже в приятельских отношениях с директором zoo в Köln`е и с директором аквариума Берлина. В книге об обезьянах Desmond`a Morris`a¹⁶ я нашёл фотографии Надежды Котс¹⁷ с её шимпанзе. В своё время в Москве, когда мне было 13 лет, я хорошо был знаком и с этой Nadia и с самим Котсом¹⁸. Тут в Париже 2 zoo и есть хорошие вещи, но в городе он не играет никакой роли, т. е. совсем не то, что, напр[имер], во Франкфурте, где *дивный* zoo и «при нём отвратительный город». Тут сперва огромный Город, потом Versailles, Louvren т. д., а, между прочим, есть и zoo в Vincennes и Jardin des Plantes.

Самые *богатые* zoo – это: Берлин, Лондон, Антверпен, Амстердам, Франкфурт, Базель, Роттердам, Кёльн. Индийские носороги размножаются регулярно только в Базеле.

Я не говорю об американских зоологических садах, которые тоже очень хорошие.

Тут зоологические сады не играют большую роль, их мало, есть просто даже отвратительные, грязные и убогие, но есть и *очень милые, частные* зоол[огические] сады при каком-нибудь chateau¹⁹. Чудный парк, озеро с островами и на островках высокие деревья и в них гиббоны как на воле! Это ВЕЛИКОЛЕПНО, но общего культа de la nature²⁰ как в Германии тут нет.

Вот видишь, я в вопросах zoo невероятный специалист, но если начать описывать, то надо писать том в 3000 страниц, а это не стоит.

Ну, а что касается спокойствия, то я действительно не могу – да и не стремлюсь его обрести – не даётся мне! Всегда я чем-то недоволен, что-то меня возмущает, и забывая прошлое я не хочу и тоже не могу! По-моему, только прошлое превращается во что-то настоящее, и презирать прошлое глупо. Прошлое – это то, что мы видим, ощущаем, любим, прощаем. Будущее – это мираж. Я просто чувствую, что мы, люди, часто себя и свои делишки переоценивали и переоцениваем! Не такие мы уж «Kroneder Schöpfung»²¹, и так много из того, что мы привыкли называть громкими и самохвальными словами истории, не так уж ВЕЛИКО, значительно, «бессмертно», а просто иногда даже глупо и жестоко. Я (в отличие от М. Горького²²) не могу сказать, что «человек – это звучит гордо»²³. Порой я бы сказал: «Простите, но я человек». Несмотря на мое «беспокойствие», не надо думать, что я только и делаю, что скучаю, страдаю и тоскую! Я боюсь, что я переборщил в своих жалобах в письмах (написанное

звучит часто иначе). Несмотря на то, что я не доволен моей «художественной судьбой», и на то, что я боюсь стареть, и на то, что я вспоминаю «с грустью» былое, всё же иногда у меня бывают и счастливые минуты, и тогда – мне так кажется – я счастливей других. Как в анекдоте, когда говорят еврею: «оставьте же этот майонез и другим, ведь другие тоже это любят! – он отвечает: «ДА, НО НЕ ТАК, КАК Я!» Так и мне часто кажется, когда мне говорят, что я, мол, тоже люблю животных или летнее утро или очаровательную девушку, мне хочется ответить: «ДА, НО НЕ ТАК, КАК Я!»

По приезде с Mallorc'и я вам напишу и постараюсь прислать открытки. Сейчас от субботы мне нужно окончить целую кучу всяких дел. Шлю знаменитому Колуше мой самый сердечный привет! Вот он завоевал авторитет, а я ничего не завоевал и чувствую себя никому не нужным псом с простатой на помойке или полудохлой крысой. Завидую Колуше, что его разрывают на части и всюду приглашают. Автомобиля у Гребенщиковых нет, и слава Богу, для пешеходов.

Всех крепко обнимаю. Прилагаю открытку для Андрея²⁴. Твой Олег.
 АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 9–11 об. Автограф.

2

Париж, 15 октября 1969 г.

15 октября 1969 г.

Дорогая Лёля!

Спасибо за письмо от 4.10.69 и спасибо Колуше за книгу об эволюции²⁵. Я боюсь, что вы не получили мои *два* письма из Америки! Одно из Калифорнии, а другое из New-York'a. Получили или нет?? Жаль, если пропали. Я провёл в Америке пять недель. В New-York'e только одну неделю, а остальное время я жил у Саши Носк[ова] в San-Francisco. Мы очень много разъезжали по Калифорнии. Пейзажи около San-Francisco очень красивые и грандиозные, но всё же нет того шарма, что можно найти в Provence. Очень мне понравились стаи пеликанов. В стране огромные леса эвкалиптов, голубоватые горы и бесконечные автомобильные дороги. Сейчас всё это уже лежит где-то далеко, хотя иногда мне представляется, что я только что вот теперь возвращаюсь из булочной или папиросной лавки на углу Сашиной 5-th Ave[nue]. В San-Francisco 45 тысяч русских и 16 русских церквей. Всё чрезвычайно чисто и *провинциально*. Зато замечательный аквариум! А в других местах я видел даже милого дрессированного кита! В N[ew]-Y[ork'e] была невыносимая жара и духота и на десятки километров только бетон, железо, помойки, старые матрацы и негры-негры-негры! Какая-то дантовская атмосфера помоек, танцующих негров, жары и бесконечности города. Я делал наброски, а теперь у меня есть серия гуашей, которые я собираюсь тут в Париже выставлять. В N[ew]-Y[ork'e] я жил у Доди Добужинского²⁶, у которого отрезали 2 пальца на правой руке из-за рака на коже. Доди не унывает и выстроил себе в деревне (200 километров от N[ew]-Y[ork'a]) замечательный дом, в который собирается переселиться этой весной. У Доди *очаровательная*, невоспитанная, «бездомная» внучка [Kathy]. Ведь у него одна дочь утопилась, а другая разошлась с мужем и не совсем в своём уме. Проводит месяцы в больнице (психиатрии) и совсем наплевала на

внучку (т. е. свою дочь), которая живет у Доди в Brooklyn'е и бьёт шутя, но очень больно, гостей в живот и по голове и швыряет в окошко драгоценные книги или картины Мст[ислава] Валериановича Добужинского²⁷. Полёт из N[ew]-Y[ork'a] в S[an]-F[rancisco] был чрезвычайно комфортабелен и приятен, но это я уже вам описывал. Приехав (т. е. прилетев) обратно в Париж, я сразу влился в работу и такие сложности сентиментального характера, что моя жена, дорогая Geneviève'a, почти что силком отправила меня во Freiburg im Br[eisgau]. Во Freiburg'е я сейчас живу у одной очаровательной вдовы, молодой и красивой, и с двумя очаровательными детьми – Christian и Katharin (на Katharin, Cathy, Catherine мне всё время везёт). Я снял себе studio²⁸ и собираюсь провести зиму (а может быть и остаток всей жизни) во Freiburg'е. Nany²⁹ (очаровательная вдова) и её дети для меня стали просто моим семейством! Я провел во Freiburg'е два месяца, а сейчас вернулся в Париж по делам. Надо навестить галерею, взять новые автомобильные бумаги, привести кое-что в порядок. После Freiburg'a Париж лёг на мое тело и на мою душу какой-то невыносимой тяжестью! Воспоминания, неудачи, надежды, нежное прошлое совершенно невыносимы! К этому автомобили, автомобили и бензин! Дышать нечем, поставить машину негде, все спешат и всё дорого и тяжело. Во Freiburg'е у «меня» в саду по ночам кричат совы, вечером ещё повсюду стрекотали зелёные кузнечики... Тут я не сплю от «страха», что ничего не успею, что всё кончено, что всё так трудно! Должен ещё пробыть неделю, десять дней, а потом еду обратно, через Nancy и Strasbourg, через Рейн во Freiburg к дорогой Nany, к белкам, дятлам и тишине. У немцев невероятное количество автомобилей (чуть ли не как Америка), но всё это на autorout'ах³⁰, а в городах сравнительно тихо и всё так организованно. Я часто езжу в Базель и в Zürich. Zürich может быть величиной с большое парижское Quartier, но зато чрезвычайно *столичен*. Всё первый сорт! Zoo (!!!), музеи, фильмы, витрины магазинов просто сплошное *произведение искусства*. Озеро полно яхт, лебедей и лысух (тысячи лысух и водяных курочек). Вообще в Швейцарии всё *очень* уютно, удобно, *modern*³¹ и *элегантно* – кроме самих швейцарцев, которые глупы, сонливы, кривоноги, тупы и очевидно противны Богу. Тут я смотрел позавчера спектакль, сделанный из чеховских рассказов, «Des rommes pour Eve»³². Поставлено, а главное, сыграно *совершенно восхитительно!* Я был в полном восторге! Иногда эта несимпатичная французская раса бывает всё же чрезвычайно талантлива. А после Америки французы кажутся гениями! В Америке есть всё же что-то бездарно-скучное – одежда, жратва, любезно-наивная безграмотность! Германия с ваших времен очень изменилась, ну а das Badische Land уже совсем не похожа на то, что было в Берлине.

Посылаю вам фотографию Саши Н[оскова] и меня, сделанную в San Carlos'е в Калифорнии.

Если вы моих американских писем не получили, то я при случае ещё могу вам рассказать о моих калифорнийских приключениях. Напиши мне, дорогая Лёлика, во Freiburg. Herr Oleg Zinger. Tivoli Strasse 29. 78 – Freiburg im Br[eisgau] Запад[ная] Германия.

Во Freiburg'е масса французов, франц[узские] казармы, франц[узские] рестораны и много посетителей из Strasbourg'a. В Strasbourg'е всё ещё длится *великолепная* выставка русского дягилевского балета – с декорациями, рисун-

ками и костюмами Бакста³³, Бенуа³⁴, Picasso³⁵, Гончаровой³⁶ и т. д. Кажется, я обо всём этом писал.

Напиши *непрерывно* на Freiburg! Посмотреть, как приходят письма. Но и в Париж если напишешь, то я получу только с опозданием на один или два дня.

Очень кланяюсь Андрею и его жене, поцелуй Колошу за книгу! Я вас никогда не забываю и всегда очень рад твоим письмам! Всех крепко, крепко обнимаю.

Твой Олег Ц.

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 15–16 об. Автограф.

3

Фрейбург, 13 ноября 1969 г.

13.11.1969 г.

Дорогая Лёля, сижу дома и смотрю через окно на огромную ёлку и на двух белок – одна рыжая, другая совсем чёрная. Сам я кашляю, хриплю как издыхающая свинья, сморкаюсь и не могу ничего от хрипа сказать. Глаза распухли, нос красный – вообще отвратительное явление – соплив и противен всем! Простудился в Базеле и в Цюрихе, куда ездил на несколько дней. Попал случайно под *холодный* проливной дождь и ходил целый день с мокрыми и холодными ногами, как пингвин. Теперь очаровательная, нежная, тёплая Nany меня лечит и утешает, а я совсем раскис! Ноябрь во Фрейбурге – это тебе не Калифорния! Получил твоё письмо от 4.XI.69, за которое очень тебя благодарю. Жаль, что вы не получили моих *два* письма из Америки! Не понимаю, почему они не долетели? Теперь моё калифорнийское путешествие отошло на задний план. Калифорния хороша, но всё же много хуже юга Франции! Чего-то всегда в USA не хватает! Какой-то глубины, культуры, шарма! Я не хотел бы жить в Америке. Но, конечно, было интересно. Мы с Сашей Н[осковым] жили в его *чудной* квартире и ездили на его Buick'е почем зря. В San-Francisco очень много русских, 40–45 тысяч, и 16 русских церквей. Правда, ещё больше японцев, китайцев, филиппинцев и негров. Утром холод и туман – туман *всегда* в *определённом* месте, а рядом начинается тропическая жара. У Саши Н[оскова] много знакомых, и у меня тоже нашлись друзья по Парижу и Германии, и нас часто приглашали в гости. Расстояния в 100, 200 километров считаются пустяками. У всех «друзей» дома среди зелени и огромные бассейны для плавания. На балконах повешены трубочки со специальной жидкостью (мёд, какие-то витамины и ещё какая-то дрянь) для кормления колибри. Колибри прилетают массами по вечерам и порхают как истерические бабочки между зеленью и людьми и часто друг на друга нападают!

В San-Francisco купаться в море нельзя – холодно, и в воде чувствуют себя хорошо только морские львы, которых можно наблюдать на скалах. В море можно лезть, только начиная с Santa Barbara, но это далеко. Очень хороши гигантские эвкалиптовые леса. Есть места, где можно отдохнуть за деревянными столами и за бутылкой калифорнийского вина, а на столы прилетают огромные синие сойки и прыгают толстые серые белки (или серые белки северных штатов). И те, и другие *не северные* американские blue jays³⁷, а калифорнийские одюбоновские! (Знаете ли вы такого *замечательного* птичьего

художника Audubon'a?³⁸ Самый лучший «американский» художник француско-мартиникийского происхождения!) А, в общем, гулять в лесу или уходить в пустыню *нельзя!* Можно заблудиться! Автомобильные дороги бесконечные, и день и ночь «цветные жуки-автомобили» с определённой скоростью и на определённом расстоянии едут в бесконечные пространства. Тату³⁹ и Ваську Браминова⁴⁰ я не видел. Васька (это очень неудачная помесь казака с христиан сайнс'ом⁴¹) меня ненавидит и запретил Тате со мной переписываться. И всё равно я их видеть не мог бы, так как они живут во Флориде, где у них собственный дом под пальмами и с бассейном. Правда, дом много хуже Додиного – по шаблону и не дорогой. Соню Clark⁴² я в Париже не видел. В этом году у меня были маленькие удачи на художественном горизонте – сперва в июне я получил от академии приз за одну картину, а вот на днях *город Париж* купил у меня для музея большую gouache «Les Fables de La Fontaine»⁴³. Я, конечно, был *очень* рад. Geneviève'а мне специально для этого позвонила по телефону. Доди Добужинский действительно молодец – не унывает, не смотря на то, что судьба нанесла ему несколько ужасных ударов. Я думаю, что я бы уже давно скис или бросился бы под поезд. Я так легко прихожу от всего в панику и в отчаянье! Но вот ты тоже страшно жизнерадостная и энергичная, что очень хорошо! А у меня всё время то отчаянье, то восторг. Среднего не бывает. Простудился, зубы (фальшивые) расшатались, глаза распухли...: пора кончать самоубийством! Купили акварель, починили автомобильную шину, и дождь перестал...: жизнь ещё прекрасна!!! Идиотский характер! Моя Nany во всех отношениях молодец! Всё умеет делать быстро и хорошо! Приготовить хороший обед на 6 человек, вымыть посуду, слетать на автомобиле (у нее V[olks]w[agen], а у меня Simca) 500, 600, 700 километров, перевести на английский язык сложнейшую вещь, починить штаны сыну и утешить меня – бедного, больного, любящего старца. В Nany я влюблён ужасно! Нахожу в ней буквально все качества! Что-то от нежной Мадонны 15-го века, что-то от сладострастных ведьм Baldung Grien'a⁴⁴. Встаём мы каждый день в 6 часов утра и ложимся спать очень рано. Вечером я лежу в новой широченной кровати, читаю что-нибудь по-русски (от *nostalgie*⁴⁵) и ожидаю, когда придёт из ванной, в ночной рубашке, с будильником в руках нежная, тёплая, молодая, чудно пахнущая Nany. Осень в этом году была совершенно восхитительная! Я как-то *впервые* «открыл» осенний полугорный пейзаж. Обычно я терпеть не могу ни лес, ни горы (я человек моря, лодок, рыбы и солнца), а тут я вдруг пришёл в восторг от всех этих жёлтых, оранжевых, красных деревьев среди тёмно-зелёных елей! И даже тут у немцев в пейзаже больше (*много больше*) «души», чем в Калифорнии. Тут люди любят пожары, поспать, выпить, посидеть уютно – жареный гусь вкусный, сосиски тоже вкусные, бабы настоящие, а в USA *только* материализм – деньги, невыносимо бездарная жратва и все эти нежные улыбки, всегда абсолютно искусственные!

Нина Гребенщикова написала мне, что Игорь сейчас в нервной лечебнице в Берлине! Письма Нины всегда очень печальны. И дёрнул же их чёрт жить в Gatersleben'e! Иногда на меня нападает тоска по Парижу, и я начинаю ругать немцев, но стоит за 30 километров переехать в Colmar, чтобы начать ругать и французов, а когда я вспоминаю русских из San-Francisco, то немцы мне представляются просто верхом культуры и тонкости. *Хорошие французы всег-*

да *первый сорт*, но у них один недостаток, а именно, их невозможно найти. Русские в San-Francisco всегда из Харбина, Шанхая или Сибири, и имена у них – Сопелкин, Похрюпов, Пердюков, Свистульский... К этому американская одежда, безумность и боязнь всего! Если ты не пошёл в церковь, приехал из Парижа (!!!). Любишь выпить *и вино* (а не только родную водку), то ты уже совершенно подозрительная личность! Всё пропитано каким-то допотопием, и перед тобой оживает русская провинция гоголевских времён!

О смерти нашего дорогого Василия Алексеевича Вагагина⁴⁶ я узнал в своё время в Париже! Остались ли у вас какие-нибудь его работы? Вышла ли какая-нибудь новая о нём книга? Я тут ничего больше не знаю... Это не Париж. Зато тихо и спокойно. Нанял себе studio, где хочу *как следует* поработать эту зиму! Если не помру от насморка, кашля и любви к Nany. Алёша ничего не пишет и очень много работает в Париже. Миша работает в фильме в Мюнхене как оператор, хотел меня навестить, но пока что заглох⁴⁷. Мы с Nany хотим слетать на Jersey, чтобы навестить Gerald Durrell⁴⁸. Очень кланяюсь Андрею и его Нине⁴⁹ (я ведь тоже старый автомобилист!). Обнимаю вас всех! Привет всем вам и вашим друзьям. Фотографию прилагаю, но она очень скверная.

Сердечно твой Олег!

Ответь поскорей, чтобы знать, что письма хорошо доходят!

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 18–19 об. Автограф.

4

Гарш, 26 октября 1972 г.

26.10.1972 г.

Дорогая Лёля!

Большое спасибо за твоё милое письмо из больницы! Письмо в общем бодрое, и, очевидно, тебя быстро и хорошо вылечили, и ты теперь уже опять дома! Болезни неизбежны! Всегда когда-нибудь что-нибудь выполняется и надо лечить! У людей всегда столько «планов», столько надежды на будущее, столько ожиданий, и только об одном человек всегда забывает, что единственное *верное*, что его ждет впереди, это болезни, старость и смерть! Сам я думаю о старости, о возможных болезнях и о смерти каждый день и уж непременно полчаса каждую ночь! Жизнь до того быстро пролетает, что и оглянуться не успеешь, и когда тебе кажется, что ты что-то «понял», что теперь, мол, можешь сделать лучше, то оказывается, что уже поздно! Как хорошо, что Колюша всё же *так много* в жизни сделал хорошего и интересного и, может быть, нужного в области науки! Я вот ничего нового и интересного не создал! Кроме того, у меня такое впечатление, что людей становится всё больше, а людям становится искусство всё менее и менее интересно! С невероятной скоростью забывается *ВСЁ*. Молодёжь не читает уже ни Жюль Верна⁵⁰, ни «Трёх мушкетёров», ни «Войну и мир»... вообще мало что читает. Театры, как *БЫВШИЙ* Моск[овский] Худ[ожественный] театр, Мейерхольд⁵¹, Вахтангов⁵² и т. п. ушли в прошлое, такие художники, как Chr[istian] Berard⁵³, Venois, Добужинский, Яковлев⁵⁴, – забыты! Забываются вообще все, и особенно быстро – то, что потоньше, поизящней, посложней!!! «Цивилизованная толпа» невежд с автомобилями, всем доступными филь-

мами и поверхностными журнальчиками наводняет всё больше и больше Европу и Америку. Иногда даже страшно! Даже пошутить на какую-нибудь тему нельзя!!! Ничего не понимают. «Это тип Достоевского» – не понимают, не знают! «Это тургеневская девушка» – не понимают, не знают! «Ну, это просто Венеция 18-го века» – не понимают, не знают! «Совершенно диккенская атмосфера» – не понимают, не знают! «Анчар как грозный часовой»⁵⁵ – не понимают, не знают! И т. д., и т. д., и т. д. без конца! Конечно, я говорю об *огромном большинстве* среди молодёжи. Конечно, я знаю, есть и другие, но общее чувство у меня такое, что «мне близкая» культура всё больше и больше забывается и уходит навсегда. Да и вообще человеческие творения чрезвычайно хрупкие и предаются забвению куда скорей, чем мы это предполагаем! Это не значит, что я всё время нахожусь в пессимизме! Наоборот, я как-то больше стал ценить простую жизнь! Деревья, небо, хорошую погоду, базар, дивные лотки с фруктами, рыбой и крабами, простых мужиков, торговцев, собак, детей, голубей, запахи и окраски!

У нас наступает осень, но деревья ещё не облетели! Boisde Boulogne⁵⁶, через который мне приходится ежедневно проезжать, очень красив! Зелёные ещё поляны, на которых стаями играют сороки, оранжевые деревья, сизые кедры и широкие великолепные аллеи, по которым катят бесшумные, нескончаемые, пёстрые автомобили. Пахнет землёй и дымом от листьев, которые подметают негры и жгут потом на газонах.

Мой Алёша расстался со своим компаньоном и собирается открыть собственное дело. Эта затея связана у него с большими заботами о деньгах и с долгами. Когда я его слушаю, то я радуюсь, что я не делец и не коммерсант!

Тата (Натал[ья] Борис[овна]) Брюлова, кажется, собирается приехать скоро на некоторое время сюда. Её брат, мой друг детства ещё по Крыму – Андрей Брюлов, сейчас в большом горе, т. к. у его жены рак и очевидно она должна через несколько месяцев умереть! У них антикварное дело, *восхитительный* дом в деревне, хорошая квартира тут, но у Андрея нет ни охоты, ни сил всё это «продолжать» без жены. Кстати, с этим Андреем (я его называю Марик, как ещё когда-то в детстве в школе в Темис-Су под Ялтой) я на днях посетил «игорный дом» – самый элегантный в Париже! Это клуб «Le Grand Cercle». Андрей меня угостил таким обедом, что я обалдел! Устрицы, лангустины (не лангусты, а лангустины) с майонезом, варёная рыба фазан, сыры, малина, кофе. Всё это на коврах, бесшумные негры в красных бурнусках наливают кофе и приносят папиросы и сигары (которые я, кстати, не курю! Вообще курильщика из меня не получилось), и кругом только пожилые мужчины. Потом мы поднялись в игорные залы! Под лампами крупье, *напряжённая* атмосфера пожилых, *очень* богатых игроков! Играют так, что на одну ставку можно было бы сразу купить новый автомобиль! Андрей страшный игрок..., а я совсем нет! Всё же попробовал и в несколько минут проиграл 100 фр[анков], что для меня очень много. Стало как-то противно и стыдно! И опять я почувствовал, что это хорошо, что я не делец, не коммерсант, не игрок. Пришёл домой и со стыдом признался Нани в проигрыше, но она только смеялась и сразу же «простила». Нет, у нас дома лучше! Наш пёс Мишка, дети, наши скромные походы на хороший фильм или в театр! В рестораны мы ходим очень ред-

ко, т. к. это тут *самое дорогое!* Правда, иногда *очень* хорошо, но хорошая большая книга стоит столько же, сколько обед. Хорошая рубашка дешевле завтрака... В конце концов глупо тратить деньги на то, что на рынке ты можешь получить ровно в 10 раз дешевле.

*

А Пушкина⁵⁷ я *всегда перечитываю!* Салтыкова-Щедрина⁵⁸ я тоже люблю, но сейчас у меня совершенно не остаётся времени для чтения. Приходится много рисовать, а когда вечером есть свободное время и «надо отдохнуть», то мы идём (вернее, едем) на какой-нибудь хороший фильм. Фильмы есть иногда чрезвычайно хорошие и в سینема⁵⁹, конечно, много легче, чем в театр, где надо брать билет заранее. Сейчас, кстати, среди сорока различных спектаклей идут с *большим* успехом «Преступление и наказание» и «На дне». Я ещё не видал и пока что невозможно получить билета. В русской нью-йоркской газете «Новое русское слово» печатаются воспоминания моей мамы⁶⁰ и были также напечатаны «Мелочи о Толстом» моего отца⁶¹. Я перечитываю с большим волнением мамины воспоминания. У меня есть ещё несколько писем моего отца к маме в молодости! Всё вместе взятое очень волнительно перечитывать и таким образом переживать прошлое родителей! Очень интересно! В Париже ещё есть довольно много русских ресторанов, но они всегда *очень* дороги. Я ради курьёза прилагаю вырезки из газетных объявлений! Цыганщина, блины, балалайки ещё не вышли из моды и ещё есть много любителей на «L'âme slave»⁶². В большом магазине «Louvre» сейчас тут выставка «Moscou à Paris»⁶³. Товары из России – меха, консервы, сотни матрёшек и деревянных медведей и т. д. В общем, к сожалению, всё как-то малопривлекательно, и здешние русские магазины с русскими продуктами несравненно лучше! Сейчас тут Е. Из[раилевич] Шапиро⁶⁴, и он со своей Suzann'ой у нас завтра ужинает. Я тебе, кажется, уже писал, что у меня гостил тут несколько дней Саша Носков? Вот это пока и всё! *Очень, очень желаю* тебе выздоровления и бодрости духа по-прежнему! И *очень* кланяйся Колюше! А что, Колюша продолжает курить? Привет также и Андрею с женой!

Обнимаю, твой старый друг Олег Ц.

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 154–155 об. Автограф.

5

Гарш, 12 апреля 1973 г.

12.4.1973 г.

Дорогая Лёля!

Посылаю тебе *в этом письме* маленькую книжонку о современном искусстве. Это для пробы! Если книжонка дойдёт, то я буду вам иногда посылать разные маленькие книжки о всяких художниках. Может быть, вам будет интересно. Сообщи мне, *если* книжка дойдёт, и *когда!* Вот и Pablo Picasso умер⁶⁵! Хотя ему был уже 91 год, всё же я как-то не ожидал его кончины! Я думал, что он доживёт до ста лет. Это последний из *больших* современных. За то время, что я сделался французом, умерли *все* остальные – Matisse⁶⁶, Braque⁶⁷, Dufy⁶⁸, Rovault⁶⁹, F[ernand] Leger⁷⁰, A[ndre] Derain⁷¹, Utrillo⁷², Chr[istian] Berard! Picasso был последним! Чувствуется, что что-то ушло! Чувствуется «пустое место», и

этого я даже не ожидал. Современная молодёжь делает столько дерьма! Столько хулиганства и безобразия, что всякая граница между модернизмом и просто хулиганством стёрта! Прочёл очень интересную книгу о Савве Иван[овиче] Мамонтове⁷³! До чего энергичный был мужик! Начинания Шалапина⁷⁴, Коровина⁷⁵, Врубеля⁷⁶, Васнецова⁷⁷ меня очень интересовали. Из знаменитых русских я лично видел, жал руку и разговаривал только с четырьмя! (К.С. Станиславский⁷⁸, К. Коровин, Ф.И. Шалапин и Максим Горький! А.Н. Бенуа, Серебрякова⁷⁹ и Добужинские не в счёт). Может быть, мне тоже начать писать воспоминания? Пожалуй, не успею и ни к чему всё ЭТО!

В прошлую пятницу я водил Нани и Христиана в Cirque d'Hiver на вечер Catch'a⁸⁰. Нани и Христиан видели это зрелище впервые! *ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!* Невероятная публика, крики, вопли, да и само зрелище чудное! По-разному одетые и разных национальностей catchers'ы⁸¹ лупят друг друга, выкидывают людей за ринг, выкручивают ноги и руки и всё это быстро, умело, с невероятным театральным умением. Конечно, многое нарочно, подстроено, но наивная толпа вопит и настаивает на «справедливости», не видя, что ведь всё подстроено! Нани всё это оценила очень правильно и хорошо. *Я был в восторге!* Вспоминал тоже, как мы с Колюшей, с Don Raphael Lorenzo de No⁸² и кажется ещё с Юрочкой Блиновым⁸³ и один раз с Вагагиным ходили на «рундик»⁸⁴ перед тем, как пойти к вам к Dumke⁸⁵ в Steglitz'e! Давно это было. Мне было 17 лет – значит, это было 46 лет тому назад!

Вот видишь, дорогая Лёля, как давно мы уже вместе живём на этом свете!

Итак, напиши мне, когда книжечка дойдёт, будь здорова и бодра и очень кланяйся Колюше и Андрею с Ниной. У нас почему-то наступила *ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ* погода, дождь и холод и иногда и град!

Привет, твой Олег Ц.

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 177–177 об. Автограф.

6

Гарш, 21 мая 1973 г.

21 мая 1973 г.

Дорогой, дорогой Андрей и дорогой Колюша!

Только что получил известие (от 21 мая) о смерти дорогой Лёли⁸⁶! *Так неожиданно!* Я только ещё 18-го написал ей письмо! Мои письма к Лёле были всегда *письма и к вам всем!* Старый, милый, верный, дорогой друг покинул нас и ушёл в вечность! А с ней столько и личной жизни, и воспоминаний, и чувств. Излишне говорить, как интересно и глубоко я переживаю горе ваше! И твоё, Андрей, и, в особенности, твоё, дорогой Колюша! Спасибо тебе за твою приписку! Ты в своё время так хорошо и нежно утешал меня после смерти моего отца⁸⁷! Я так хорошо помню эти дни в Lichterfelde. Не могу я так, как ты, утешить и тебя в твоём горе, да и утешить нельзя. Только не знающие жизнь думают, что потерю близкого человека можно возместить философией – хотя бы и очень умной! Жизнь не философия! Любовь, дружба и горе тоже не философии! Но это и хорошо так! Лёля умерла, не страдая, и тихо, и это уже великолепно! Не мне – «неудачному художнику без всяких корней» – стараться говорить умные слова большому учёному, но тут дело тоже не в науке, а в

большом сердце, и хочется мне в эту минуту только послать вам мою дружбу и сочувствие, и сказать вам, как связана была жизнь моя с вами, и как с уходом Лёльки уходит и моя бывшая жизнь! Дай Бог вам душевных сил и веры в то, что ТАК и надо! Целую и обнимаю, и всей душой с вами.

Напишите при случае, кому мне писать письма? Как всегда Коллоше? Или тебе, Андрей? Ведь Коллоше трудно читать!

Не забуду никого из вас НИКОГДА и ещё раз обнимаю, ваш Олег Ц.

P.S. Конечно и сердечный привет Нине, с которой не знаком! Как хотел бы вас повидать тут.

Ещё и ещё раз всей душой с вами, О.

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 368 а. Л. 187–187 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цингер Олег Александрович (1910 – 1997) – художник, за границей с 1922 г., племянник русского ботаника Н.В. Цингера.

² Бабков В.В., Саханян Е.С. Николай Тимофеев-Ресовский. М., 2002. С. 233.

³ Калло Жак (ок. 1592 – 1635) – французский гравёр и рисовальщик.

⁴ Де Латур Жорж Дюмениль (1593 – 1652) – лотарингский живописец, крупнейший караваджист XVII в.

⁵ Тридцатилетняя война – военный конфликт за гегемонию в Священной Римской империи и Европе, продолжавшийся с 1618 по 1648 гг.

⁶ Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585 – 1642) – герцог, кардинал, французский государственный деятель.

⁷ Ленен Луи (ок. 1593 – 1648) – французский живописец, мастер групповых портретов из жизни крестьян.

⁸ Женеваева – жена О.А. Цингера.

⁹ Гребенщикова (урожд. Гриневиц) Нина Константиновна (1909 – ?) – поэтесса, переводчица, супруга И.С. Гребенщикова.

¹⁰ Гребенщиков Игорь Сергеевич (1912 – 1986) – генетик, поэт, переводчик, нумизмат. С 1946 г. жил в Германии, где работал в научной лаборатории под руководством Н.В. Тимофеева-Ресовского.

¹¹ Мамонтов Сергей Иванович (1898 – 1987) – архитектор, писатель. Участник гражданской войны в 1917–1920 гг. на стороне Добровольческой армии, конный артиллерист. Эмигрант. Автор книг «Походы и кони» (Париж, 1981), «Сказание» (Париж, 1986).

¹² Вероятно, на тот момент возлюбленная О.А. Цингера.

¹³ Носков Александр Александрович (1911 – 1979) – живописец, график, иллюстратор книг, монументалист.

¹⁴ Ватагин Василий Алексеевич (1883 – 1969) – русский и советский график и скульптор-анималист, народный художник РСФСР (1964), действительный член Академии художеств СССР (1957), лауреат Сталинской премии (1952), учитель О. Цингера.

¹⁵ Bush-baby (в пер. с африкаанс – «маленькие ночные обезьянки»), известны также как «галаго» – маленькие приматы, обитатели континентальной Африки.

¹⁶ Моррис Десмонд Джон (1928 г. р.) – британский зоолог и этолог, художник-сюрреалист, телеведущий и популяризатор науки.

Речь идет о книге: *Morris D. The Biology of Art: a study of the picture-making behaviour of the great apes and its relationship to human art.* London, 1962.

¹⁷ Ладыгина-Котс Надежда Николаевна (1889 – 1963) – зоопсихолог, приматолог, музеевед, доктор биологических наук, одна из организаторов Дарвиновского музея в Москве, жена А.Ф. Котса.

¹⁸ Котс Александр Фёдорович (1880 – 1964) – музеевед, доктор биологических наук, профессор, основатель и первый директор Дарвиновского музея.

¹⁹ Замок (фр.).

²⁰ Природа (фр.).

²¹ Венцы творения (нем.).

²² Горький Максим (наст. имя и фам. Пешков Алексей Максимович; 1868 – 1936) – писатель, драматург, публицист.

²³ Слова Сатина из пьесы М. Горького «На дне» (1902).

²⁴ Тимофеев Андрей Николаевич (1927 г. р.) – сын Н.В. Тимофеева-Ресовского.

²⁵ *Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В.* Краткий очерк теории эволюции. М., 1969.

²⁶ Добужинский Всеволод Мстиславович (1905 – 1998) – художник, график, младший сын М.В. Добужинского.

²⁷ Добужинский Мстислав Валерианович (1875 – 1957) – русский и американский художник, мастер городского пейзажа, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист.

²⁸ Квартира-студия (англ.).

²⁹ Мюллер-Беллинсгаузен Марианна (Нанни) – переводчик с английского языка, жена О.А. Цингера с 1969 г.

³⁰ Автострада, автомагистраль (фр.).

³¹ Современно (англ.).

³² «Яблоки для Евы» (фр.) – пьеса Габриэля Ару, написанная на основе рассказов А.П. Чехова.

³³ Бакст Лев Самойлович (наст. имя и фам. Розенберг Лейб-Хаим Израилевич; 1866 – 1924) – художник, сценограф.

³⁴ Бегуа Александр Николаевич (1870 – 1960) – живописец, график, театральный художник, историк искусства, художественный критик, музейный деятель; один из создателей и лидер объединения «Мир искусства».

³⁵ Пикассо Пабло Руис (1881 – 1973) – испанский художник и скульптор, с 1904 г. жил во Франции.

³⁶ Гончарова Наталья Сергеевна (1881 – 1962) – живописец, график, театральный художник.

³⁷ Голубые сойки (англ.).

³⁸ Ободон Джон Джеймс (1785 – 1851) – американский натуралист, орнитолог и художник-анималист, автор труда «Птицы Америки» (1827–1838).

³⁹ Брюлова Наталья Борисовна – сестра Андрея Брюлова, друга детства О.А. Цингера по Крыму.

⁴⁰ Браминон Василий И[ванович] (1888 – после 1969) – певец. В 1920–1930-е гг. жил во Франции, в конце 1930-х гг. переехал с семьёй в США.

⁴¹ Имеется в виду Christian science – христианская наука (англ.).

⁴² [Общая знакомая] Тимофеевых-Ресовских и О.А. Цингера.

⁴³ Гуашь «Бани Лафонтена» (фр.). Де Лафонтен Жан (1621 – 1695) – французский баснописец.

⁴⁴ Бальдунг Ханс, прозванный Грин (1480, 1484 или 1485 – 1545) – художник т. н. верхнегерманской школы, известен как живописец, гравёр и рисовальщик, ученик А. Дюрера.

⁴⁵ Ностальгия (фр.).

⁴⁶ В.А. Ватагин умер в Москве 31 мая 1969 г.

⁴⁷ Алексей, Михаил – сыновья О.А. Цингера.

⁴⁸ Даррелл Джеральд Малкольм (1925 – 1995) – английский натуралист, писатель, основатель Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, которые сейчас носят его имя.

⁴⁹ Нина – жена А.Н. Тимофеева-Ресовского, сына Н.В. Тимофеева-Ресовского.

⁵⁰ Верн Жюль Габриэль (1828 – 1905) – французский писатель, классик приключенческой литературы.

⁵¹ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (наст. имя и фам. Карл Казимир Теодор Майергольд; 1874 – 1940) – театральный режиссёр, актёр, педагог. Народный артист РСФСР (1923).

⁵² Вахтангов Евгений Вагратионович (1883 – 1922) – театральный режиссёр, актёр.

⁵³ Берар Кристиан (1902 – 1949) – французский дизайнер и театральный художник.

⁵⁴ Яковлев Александр Евгеньевич (1887 – 1938) – русский живописец, график.

⁵⁵ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Анчар» (1828).

⁵⁶ Булонский лес (фр.).

⁵⁷ Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837) – поэт, писатель, драматург.

⁵⁸ Салтыков-Щедрин (наст. имя и фам. Щедрин Михаил Евграфович, 1826 – 1889) – писатель.

⁵⁹ Кинотеатр (англ.).

⁶⁰ Павлова (Павлова-Цингер) Вера Николаевна (1875 – 1962) – актриса Художественного театра, ученица В.И. Немировича-Данченко, деятель культуры, педагог. В 1972–1973 гг. в газете «Новое русское слово» были напечатаны «Воспоминания артистки МХАТа В.Н. Павловой».

«Новое русское слово» – ежедневная, позже еженедельная русскоязычная газета, издававшаяся в 1910–2010 гг. в Нью-Йорке.

⁶¹ Цингер Александр Васильевич (1870 – 1934) – русский физик, педагог, автор ряда учебников по физике и выдержавшей несколько изданий научно-популярной книги «Занимательная ботаника».

Воспоминания А.В. Цингера «Мелочи о Толстом» первоначально были опубликованы в 1935 г. в парижских «Последних новостях», оттуда и были перепечатаны нью-йоркским «Новым русским словом».

⁶² Славянская душа (фр.).

⁶³ Москва в Париже (фр.).

⁶⁴ Шапиро Ефим Израилевич – близкий друг семьи Цингеров.

⁶⁵ П. Пикассо умер 8 апреля 1973 г. в Мужене (Франция).

⁶⁶ Матисс Анри (1869 – 1954) – французский художник и скульптор, лидер течения фовистов.

⁶⁷ Брак Жорж (1882 – 1963) – французский художник, живописец и график, скульптор, сценограф и декоратор. Совместно с Пабло Пикассо стал основателем кубизма.

⁶⁸ Дюфи Рауль (1877 – 1953) – французский художник, представитель фовизма, позднее – кубизма.

⁶⁹ Рюо Жорж (1871 – 1958) – французский живописец и график, наиболее крупный представитель французского экспрессионизма.

⁷⁰ Леже Жозеф Фернан Анри (1881 – 1955) – французский живописец и скульптор, мастер декоративного искусства.

⁷¹ Дерен Андре (1880 – 1954) – французский живописец, график, театральный декоратор, скульптор, керамист.

⁷² Утрилло Морис (1883 – 1955) – французский живописец-постимпрессионист, мастер городского пейзажа.

⁷³ *Котиницер М.И.* Савва Мамонтов. М., 1972.

⁷⁴ Шалапин Фёдор Иванович (1873 – 1938) – певец (бас).

⁷⁵ Коровин Константин Алексеевич (1861 – 1939) – русский живописец, театральный художник, педагог, писатель.

⁷⁶ Врубель Михаил Александрович (1856 – 1910) – живописец, театральный художник, скульптор, график, иллюстратор.

⁷⁷ Васнецов Виктор Михайлович (1848 – 1926) – живописец, архитектор.

⁷⁸ Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863 – 1938) – актёр, режиссёр, педагог, теоретик и реформатор театра.

⁷⁹ Серебрякова (урожд. Лансере) Зинаида Евгеньевна (1884–1967) – художница.

⁸⁰ Кетч (от англ. catch, букв. «хватать») – профессиональная борьба, в которой разрешены разнообразные приёмы: подножки, захваты, удары и др. Возникла в США на рубеже XIX–XX вв.

⁸¹ Борцы (англ.).

⁸² Дон Рафаэль Лоренцо де Но – в воспоминаниях О.А. Цингера упоминается как испанский биолог.

⁸³ [Знакомый] О.А. Цингера.

⁸⁴ «*sine Runde*» (нем.) – раунд.

⁸⁵ «Вечера у Думке» – субботние вечера у Тимофеевых-Ресовских, которые жили в Берлине у фрау Думке.

⁸⁶ Е.А. Тимофеева-Ресовская (урожд. Фидлер) умерла 29 апреля 1973 г. в Обнинске.

⁸⁷ А.В. Цингер скончался 24 декабря 1934 г. в Берлине.

Воспоминания В.В. и Т.В. Чернавиных: об «Академическом деле» и не только

Аннотация: Статья посвящена истории публикации и значению воспоминаний семейной четы Чернавиных, которым удалось в сентябре 1932 г. совершить побег из СССР в Финляндию. Глава семьи, В.В. Чернавин, арестованный по делу «Рыбпрома» и отправленный в Соловецкий концлагерь, описал в мемуарах не только тюремный быт и следствие, но и рассказы сокамерников, в том числе связанные с более известным «Академическим делом». Чернавин даёт не только новые сведения об этом деле, его свидетельства позволяют показать процесс историков в более широком контексте преследований «бывших» в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. Исследовательский текст сопровождается сохранившимся фрагментом переписки Т.В. Чернавиной с редактором «Последних ведомостей» П.Н. Милюковым и его заместителем И.П. Демидовым, с графиней С.В. Паниной, а также некоторыми сопровождавшими эту переписку материалами.

Annotation: The article is devoted to the history of publishing and the value of memories of the Tchernavins, which could escape from the Soviet Union to Finland in September 1932. The head of the family V.V. Tchernavin, who was accusing with the case of «Rybprom» and arrested and sent to Solovki concentration camp, described in his memoirs, not only the prison life and the consequence, but also the stories of the inmates, including those associated with the more famous «Academic case». Tchernavin gave new information on the case, as well as his testimony will reveal the case of historians in the broader context of persecution «former people» in the USSR in the 1920s – early 1930s. A research text is accompanied with a preserved fragment of correspondence between T.V. Tchernavina and the editor of the «Poslednie novosti» P.N. Miliukov, his associate I.P. Demidov, and Countess S.V. Panina, as well as some materials, which accompanied with the correspondence.

Ключевые слова: политические репрессии в СССР 1920–1930-е гг., «Академическое дело», эмиграция, «Последние новости».

Key words: political repression in the USSR in the 1920–1930s, «Academic case», emigration, «Poslednie novosti».

8 августа 1932 г. из Кандалакши (Канда-губа) в Финляндию бежал заключённый Соловецких лагерей, ихтиолог Владимир Вячеславович Чернавин (1887 – 1949) с семьёй: жена Татьяна (1890 – 1971) и сын Андрей (1918 – 2007)¹. В.В. Чернавин был арестован в Ленинграде в конце 1930 г. по «делу Рыбпро-

ма» («дело 48-ми»), когда его основные фигуранты уже были расстреляны, о чём сам В.В. Чернавин успел прочитать в «Правде» 25 сентября 1930 г. Несмотря на утверждение ОГПУ, что им полностью раскрыта вредительская организация в рыбной промышленности, аресты «спецов» продолжились, а организации подверглись повторной чистке, более жёсткой, чем первая. В.В. Чернавин и попал в эту вторую волну. Ему ещё повезло с тем, что большую часть его коллег ОГПУ уже уничтожило, и получить специальные показания против него было затруднительно. Мужественное поведение на «следствии» и непризнание за собой вины помогло лишь частично: свои пять лет концлагеря в апреле 1931 г. он получил. В.В. Чернавину понадобилось больше года, чтобы освоиться на Соловках, получить командировку в Кемь, вызвать туда семью и подготовить побег. За более чем две недели беглецы, невзирая на все испытания, перешли на территорию Финляндии. За границей В.В. Чернавин смог вернуться к своей профессии ихтиолога, служил в Британском музее (посмертно на английском языке была издана его монография)². Однако он и его супруга в большей степени получили известность как авторы мемуаров, рассказывающих о жизни в СССР до начала 1930-х гг. и политических процессов того времени.

Составлять эти записи они начали уже в конце 1932 г., едва придя в себя после изнурительного пути на волю³. Написанные в кратчайшие сроки (несколько месяцев) после побега из СССР, воспоминания супругов были изданы на русском языке в 1933–1934 гг., в виде очерков в парижской газете «Последние новости» и нью-йоркском «Новом русском слове», одновременно стали поступать предложения о переводе на английский, а также на другие языки, и новых изданий⁴. М. Розанов упоминает в связи с Т. Чернавиной только за 1934 г. семь изданий на английском языке и одно на французском (1936 г.)⁵. Не будет преувеличением сказать, что в 1930-е гг. нерусскоязычный читатель знакомился с рассказами о репрессиях в СССР преимущественно по мемуарам Чернавиных.

Наконец, в 1999 г. воспоминания Чернавиных увидели свет в России в виде книги⁶. К сожалению, русскоязычное издание оказалось плохо подготовлено: в нём нет ни вводной статьи, ни комментариев. Тексту предшествуют фрагменты письма некоего А. Акулова А.В. Чернавину от 20 января 1995 г., содержащие высокую оценку мемуаров, а также выдержка из неназванной французской газеты от 19 декабря 1934 г. с описанием реакции «Правды» на английское издание Т.В. Чернавиной (с. 3–4). Наконец, после текста мемуаров помещено письмо А.И. Солженицына А.В. Чернавину без даты, из которого следует, что автор «Архипелага ГУЛАГ» обещал напечатать воспоминания Чернавиных в основанной им серии «Наше недавнее», но не мог указать сроков. Судя по всему, А.В. Чернавин не стал ждать и выпустил книгу в малоизвестном петербургском издательстве «Канон», ныне уже не существующем, которое не провело элементарной работы над текстами: в книге значительное количество опечаток, следы невыправленной вёрстки, не говоря уж о редактуре. В том же 1999 г., вероятно, от А.В. Чернавина, в отдел рукописей Российской национальной библиотеки поступили некоторые материалы семьи Чернавиных: вырезки публикаций из «Последних новостей», содержащие незначительную правку, тексты некоторых статей В.В. Чернавина, а также ксерокопия рукописи

неопубликованных мемуаров Т.В. Чернавиной о её детстве в Сибири. Они были выделены в самостоятельный фонд (№ 1412).

Сыну, по-видимому, осталась неизвестной часть переписки Т.В. Чернавиной в связи с изданием воспоминаний в «Последних новостях», сохранившаяся в составе коллекции Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира, которая публикуется ниже и несколько дополняет мемуары. Помимо расшифровки некоторых персонажей, скрытых в воспоминаниях за инициалами (чтобы не навредить людям, тогда оставшимся в СССР), письма рассказывают о весьма непростых условиях, в которых Чернавины первое время жили за границей, не имея достаточных средств к существованию. Однако заработок на мемуарах и публицистике, хотя и являлся на первых порах единственным самостоятельным источником доходов, тем не менее, не вполне объясняет стремление к «писательству». Чернавины были уверены, что огласка их свидетельств в иностранной печати должна облегчить судьбу тех, кто остался в СССР в заключении, и, может быть, предотвратить другие процессы. Поэтому они стремились рассказать всё, что слышали от других заключённых или наблюдали сами, кроме «дела Рыбпрома», в тюрьмах и Соловецком лагере. В частности, В.В. Чернавину довелось находиться в тюрьме вместе со многими арестованными в рамках «Академического дела», которому он посвятил отдельную главу в своих воспоминаниях (Часть II. Глава 10. С. 159–168). Есть отдельные места о нём и в мемуарах супруги. Их рассказы представляют существенный интерес, тем более, что мемуарных свидетельств о процессе не так много, к тому же они зафиксированы много лет спустя после событий⁷.

В.В. Чернавин оказался едва ли не единственным автором, написавшим об «Академическом деле» по горячим следам. Заметки «случайного свидетеля» дела, причём преданные огласке лишь в той части, которая не позволяла ОГПУ установить источник сведений, тем не менее, представляют интерес. Даже заключённым в тюрьме были очевидны проблемы с организацией процесса: вместо публичного суда, где были бы представлены «сознавшиеся» обвиняемые и внятный приговор, как, к примеру, в «Шахтинском деле» или «деле Промпартии», всё было ликвидировано «келейно». Причину этого В.В. Чернавин объясняет тем, что само «дело» явилось «подвигом ленинградского ГПУ», готовившего открытый процесс весной 1930 г. (с. 161). Но затем его отложили, а круг «охваченных» был резко расширен: к «Академическому делу» пытались присоединить краеведов, «Русское техническое общество», «Общество педагогов-естественников», «Религиозно-философский кружок» и др., включая тех, которые уже были осуждены ОГПУ, т. е. «удар направлялся против петербургской интеллигенции вообще». Затем круг «участников» распространился на Москву, в итоге по «весьма неполному» подсчёту, сделанному в тюрьме на Шпалерной в октябре 1930 г., число привлечённых уже перевалило за 150 человек (с. 162)⁸. Однако далее дело застопорилось. «В конце 1930 года, когда московское ГПУ разыгрывало процесс “Промпартии”, нам, присмотревшимся к приёмам ГПУ, стало совершенно ясно, что “Академическое дело” провалено и на суде фигурировать не будет. В публичных выступлениях и ГПУ должно придерживаться известной логики, а “Академическое дело”, сфабрикованное ленинградским ГПУ, было совершенно не совместимо с процессом “Промпар-

тии”, сфабрикованным в Москве. Можно было разыграть то или другое дело, но не оба вместе» (с. 163–164). Почему? В.В. Чернавин поясняет: академики обвинялись в контактах и соглашениях с германским правительством, тогда как в деле «Промпартии» фигурировал «демократически-республиканский заговор» в связи с Францией. В 1929 г., когда «Академическое дело» только оформлялось, «выпад против Германии считался своевременным». Осенью же 1930 г. Москва уже заигрывала с Берлином, поэтому «Академическое дело», к тому же затронувшее учёных с мировыми именами, «надо было ликвидировать без шума». Как? «Выпустить ни в чём не повинных людей – это был бы уже шум. Надо было сохранить вид, что они виновны». Мягкость же приговора «главарям» (ссылка на 5 лет для 18 человек, малозначащие же исполнители были частью расстреляны (6 человек, первоначальный приговор охватывал 29 человек), а частью подверглись заключению в лагерь на 3, 5 и 10 лет) он связывал с тем, что летом 1931 г. в ГПУ начались перестановки в руководстве: активные организаторы арестов 1930–1931 гг. были понижены в должностях, «Сталин сказал какие-то смутные слова, что не все специалисты – враги; образована была какая-то “комиссия Сольца”, которой были даны полномочия пересмотреть дела, решённые слишком поспешно и, очевидно, слишком вопиюще жестоко». Осуждённые по «Академическому делу», по его мнению, оказались теми, кому повезло (с. 165).

Своими суждениями о решающей роли ленинградского ГПУ в деле и международного фактора в его «тихой» ликвидации (без публичного процесса) В.В. Чернавин как бы вклинивается в дискуссию, которая идёт в современной историографии в связи с «Академическим делом». Сейчас имеется уже немалая литература, посвящённая ему в той или иной степени, включая публикации документов⁹. В ней, однако, воспоминания семейной пары упоминаются мимоходом (Ф.Ф. Перчёнок, Б.С. Каганович). Возможно, потому, что они не соответствуют ни одной из основных версий его происхождения: В.С. Брачёва и группы историков, приступивших в начале 1990-х к изданию следственного дела¹⁰.

В.С. Брачёв, автор специальной монографии о «деле историков»¹¹, как он предпочитает его называть, решил, что «Академическое дело» в первую очередь «было направлено против историков, а уж потом против Академии наук и интеллигенции в целом», и видел за ним преимущественно борьбу разных направлений в историографии: старой – «патриотической» и марксистской – нигилистической, за которой и стоял главный инспиратор процесса М.Н. Покровский. Однако ему не удалось найти прямых подтверждений своего объяснения. Наоборот, все публикации документов, так или иначе связанных с «Академическим делом», включая некоторые бумаги самого М.Н. Покровского, говорят о том, что главный «историк-марксист» интересовался кардинальной реформой Академии наук и содержанием обнаруженных в БАН «нешифрованных» архивов, не проявляя при этом инициативы по организации уголовного преследования своих оппонентов, а следуя за событиями и ожидая «указаний»¹². Насколько сегодня известно, Политбюро, принимавшее окончательное решение о подобном рода «делах», на рубеже 1920–1930-х гг. не демонстрировало никакого интереса к историкам и дискуссиям в их среде, тем более, специально не боролось против «национальной историографии». В.С.

Брачёв прав в другом: в истоках «Академического дела» и в его окончательном виде просматривается прежде всего не партийный, а чекистский след¹³.

Публикаторы «Академического дела» Б.В. Ананьич, В.М. Панеях и А.Н. Цамутали в предисловии к первому выпуску («Дело по обвинению С.Ф. Платонова». СПб., 1993) подчеркнули, что, по их мнению, оно «сфабриковано по указанию Политбюро ЦК ВКП(б)» (хотя они также не привели для подтверждения этого никаких свидетельств)¹⁴, так как у советского правительства с АН «были давние счёты»¹⁵. Однако из документов, содержащихся в «особой папке» в связи с «Академическим делом», можно заключить, что высшее руководство СССР не инициировало такой процесс, он возник вслед за «обнаружением» в нешифрованном фонде БАН «политических важных» документов, вроде материалов Департамента полиции, экземпляров отречения Николая II и Михаила Александровича от престола и др.¹⁶ То есть «Академическое дело» рассматривается как дело не столько против историков либо интеллигенции в целом, сколько против именно Академии наук, для её «огосударствления» и «большевизации»¹⁷. В связи с постоянно нараставшим давлением на Академию наук упомянут и М.Н. Покровский – как давний и последовательный её противник, считавший необходимым «завоевать» её¹⁸. Однако, выразив уверенность, что именно он стоял «у истоков» следствия, авторы предисловия обнаружили лишь то, что, будучи серьёзно больным, главный «историк-марксист», тем не менее, познакомился с протоколами допросов Е.В. Тарле (возможно, и других фигурантов) и готовил сообщения в печати («в связи с шумом, поднятым буржуазной заграничной прессой» (авторы не упомянули, что М.Н. Покровский сообщил об отказе ОГПУ от своего намерения)¹⁹. Одновременно тот же М.Н. Покровский признавал, что представители дореволюционной школы потеряли должности не в связи с его действиями, а благодаря аресту²⁰. Других свидетельств его инициативной роли в «Академическом деле» в предисловии не приведено.

«Актуальность» «Академического дела» Б.В. Ананьич, В.М. Панеях и А.Н. Цамутали объясняют тем, что результаты выборов в Академию наук начала 1929 г. не обеспечили «полную победу» над ней (В.И. Вернадский: в 1929 г. «принципиально не сломлен строй АН»)²¹. Однако известны и другие заявления, свидетельствовавшие о том, что представители власти думали иначе (Ю.П. Фигатнер имел достаточно оснований заявить до начала «дела» по результатам чистки: «Сейчас академии в старом виде нет, она сломлена»²²). Вывод же Б.В. Ананьича, В.М. Панеяха и А.Н. Цамутали: «Всё это свидетельствует, что партийные власти признали наиболее опасными для проведения своей линии именно академиком-гуманитариев (историков, прежде всего) и что у них был продуманный план наступления на Академию наук»²³, новый этап которого наступил в апреле-мае 1929 г. – не продиктован фактическим материалом, связанным с «Академическим делом». У руководства АН стояли отнюдь не историки, наиболее высокопоставленный из них – С.Ф. Платонов – один входил в состав Президиума. Следствие над фигурантами «Академического дела» «создавало» контрреволюционную монархическую организацию не только из историков. В записке 9 января 1930 г., адресованной И.В. Сталину, за подписью Г.Г. Ягоды и Г.Е. Евдокимова, в АН были «намечены» две группировки, С.Ф. Платонова и А.Е. Ферсмана с С.Ф. Ольденбургом,

в которые следователи сразу зачислили 13 академиков (включая двух уже умерших), но не упоминались ни Н.П. Лихачёв, ни М.К. Любавский, ни Е.В. Тарле, привлечённые позднее по «Академическому делу». Вслед за арестом С.Ф. Платонова, на который следствие просило одобрения Политбюро, предполагались «в случае подтверждения имеющихся на них компрометирующих материалов» (в чём не приходится сомневаться) взять филолога В.Н. Перетца, арабиста И.Ю. Крачковского, филолога Н.К. Никольского (заведовал БАН до С.Ф. Платонова) и кораблестроителя, физика и математика А.Н. Крылова²⁴. На С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана досье уже готовились, как это следует из помет неопубликованных томов дела²⁵. Однако поддержки высшего политического руководства намерение не получило. По свидетельству В.П. Семёнова-Тянь-Шанского, фамилии С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана были вычеркнуты из списка потенциальных арестантов «жирным красным карандашом»²⁶. Следствие при этом не вело «наступления» на АН: им не предлагалась реорганизация или ликвидация ни Академии в целом, ни её учреждений, в том числе таких «провинившихся», как БАН, Пушкинский дом или Археографическая комиссия. От «коммунистического академика» Г.М. Кржижановского 11 декабря 1929 г. поступила, правда, другая идея: постепенно ликвидировать вообще отделение гуманитарных наук АН²⁷. Но и она не была принята к исполнению. Собственно, о каком-либо переформатировании академии в связи с этими расследованиями речь не могла идти: и действия, и цели «заговорщиков», «выявленные» следствием, были далеки от научной деятельности и связаны с АН лишь местом службы фигурантов. Никакого «вредительства» на «историческом фронте» или чего-нибудь подобного обвиняемым не вменялось. Уже содержание двух опубликованных производств в отношении С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле косвенно свидетельствует, что с самого начала допросов у следствия не имелось ни единой линии, ни строгого плана. В общем, в «Академическом деле» не наблюдается никакой стройности, а «руководящая» или инспирирующая роль Политбюро выглядит странно: вместо того, чтобы действительно дирижировать расследованием, направляя его в нужном направлении, оно лишь реагировало на происходящие события, иногда сдерживая намерения следствия. И если предложение Г.Г. Ягоды и Г.Е. Евдокимова (возможность выявить группировку во главе с С.Ф. Ольденбургом и А.Е. Ферсманом, уличение в шпионаже дочери А.П. Карпинского) находилось в русле намерений М.Н. Покровского, то дальнейшие события показывают, что фабрикация «дела» пошла по совсем другому сценарию.

Представляется, что «академиоцентризм» мешает понять логику организации не только «Академического дела», но и других процессов рубежа 1920–1930-х гг. Ведь чистка АН, начавшаяся во второй половине 1929 г., касалась не только научных учреждений, она никак не была связана с обнаружением документов, которые и всплыли как раз во время её проведения. Если бы целью являлась Академия – следовало бы разворачивать удар по её сотрудникам. Между тем, первоначально чистка Академии наук оказалась менее масштабной, чем в среднем по всем организациям. Интересные сведения привёл Л.Г. Берлявский: к середине октября 1929 г. увольнения в АН затронули 6–7 % штата, тогда как в целом по РСФСР этот процент составлял примерно 9 %. После же деятельности комиссии Ю.П. Фигатнера процент

уволенных вырос до 11 (781 человек)²⁸. Разумеется, Академия наук, во многом сохранявшая черты «старорежимности», не могла рассматриваться как советская организация. На этот счёт и у самих академиков не имелось иллюзий. Не ожидая процветания при коммунистах, вопрос большинство из них сводило к тому, что и в какой степени удастся сохранить. Излишне оптимистические взгляды С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского о возможности плодотворной работы разделялись далеко не всеми, более того, усилия С.Ф. Ольденбурга по сохранению АН вызвали определённое недовольство им за его пресмыкающуюся, по мнению некоторых (Э.Л. Радлов, И.П. Павлов, возможно, и другие), позицию перед большевистским руководством. Сильнейший удар по надеждам нанесли выборы 1928–1929 гг.: прежнее руководство потеряло монополию на управление, состав академии пополнили – впервые в её истории – члены ВКП(б), и всё это было сделано простым нажимом, без всяких «дел». Наконец, «архивная история» повлекла за собой отставку С.Ф. Ольденбурга с поста неперемennого секретаря, которая была осуществлена, по сути, распоряжением А.И. Рыкова (разумеется, утверждённым решением Политбюро) – что ещё требовалось для «слома» прежнего управления АН?²⁹ М.Н. Покровский справедливо констатировал: «экстренное удаление Ольденбурга не есть простой акт расправы, но первый шаг к радикальному изменению всего характера и всей структуры Академии наук», предвещая уход вслед за ним трёх-четырёх «знаменитостей». Для него это выглядело лишь как «очищение» науки от тех, кто сказал в ней всё, взамен их предполагалось опираться на коллективы из «хотя бы среднего калибра учёных», но «советских» людей³⁰.

Одновременно или несколько расходясь во времени, в СССР организовывались в значительном числе процессы, посвящённые выявлению всевозможных «врагов» советской власти среди любых слоёв населения. Со времени своего создания в конце 1917 г. ВЧК, а затем и ОГПУ постоянно отслеживала настроения в стране, с большим подозрением относясь к всевозможным «бывшим». До конца 1920-х гг. основное внимание приковывали военные, офицеры царской армии. В Петрограде – Ленинграде репрессии против них никогда не прекращались, но если первая половина 1920-х гг. «характеризовалась единичными ударами по недобитому офицерскому корпусу», то в 1927 г. «давление на бывших офицеров значительно усилилось»³¹. Схожая картина наблюдалась и в Москве, и в других местах. Офицеры постоянно находились «под колпаком», любые их действия, контакты и, не дай бог, собрания – по самым разным, в том числе несущественным поводам, вроде похорон однополчанина или полкового праздника – легко превращались на следствии в контрреволюционную сборище или даже организацию.

Аресты начались с «финляндцев». Причём, несмотря на «точные» акции, приговоры сразу были расстрельными (А.Н. Вегекер и др.). С весны 1929 г. основной удар пошёл против «бывших», работавших в оборонной промышленности, в Артиллерийском управлении. Ещё до начала «Академического дела», 21 октября 1929 г., пятеро руководителей Главного управления военной промышленности во главе с бывшим генерал-майором Н.Г. Высочанским уже были уничтожены³². К концу 1929 г. круг репрессий только расширился: он захватил Военную академию РККА, Военно-топографическое управление. «Картина грандиозного “заговора” бывших офицеров в СССР» была создана

в ОГПУ к лету 1930 г., т. е. параллельно с «Академическим делом»³³. Логично предположить, что «Академическое дело» следует рассматривать скорее в контексте этих репрессий, чем неких планов борьбы с интеллигенцией. Характерно, что расстрелянные по «Академическому делу» как раз являлись бывшими офицерами, а ОГПУ «нашло» в АН военную группу³⁴. Прямую связь служащих Центрархива и военных установил в своих показаниях Д.Д. Зуев уже в 1918 г. (мелькали С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, Г.С. Габаев, М.Г. Курдюмов)³⁵. Обстоятельность свидетельств Д.Д. Зуева, в отличие от других, заставляет полагать, что он давал сведения, желаемые следствию, среди которых явно вырисовывалась ниточка, связывающая военспецов с Центрархивом, а далее – с «Академическим делом». Однако это направление развития не получило. Почему – можно лишь предполагать.

Другие сомнительные либо девиантные категории населения также не ускользнули от пристального внимания ОГПУ. Борьба с ними, а точнее, их ликвидация началась во второй половине 1920-х гг. Вероятно, это связано с планом «строительства социализма», который начал обретать некие очертания. Из будущего «светлого общества» заранее изымались анархо-коммунистические группы, ухитрившиеся дожить до 1930 г., одновременно удар наносился по сионистам, католикам, чуть позднее – по гомосексуалистам, различным неформальным сообществам и т. д. Для Ленинграда сведения об этих операциях содержатся в книге В.А. Иванова³⁶.

Академия наук попала, как и всё население, в процесс насильственной советизации с некоторымиотячающими для неё условиями (засилье «старорежимных» спецов, крайне малое число членов большевистской партии). Главным содержанием процесса на первых порах являлась чистка. Аресты и организация «дела» с участием пожилых, хотя и авторитетных, но не опасных для власти людей выглядят в этом потоке событий как факультативный элемент.

Отсутствие дальнейших репрессий именно в связи с «Академическим делом» (число повторно взятых из числа привлечённых к расследованию невелико, на память приходит лишь В.Н. Бенешевич, что выглядит нетипичным и удивительным) – косвенное признание того, что удар, нанесённый по группе учёных, не являлся стержневой линией для власти. Общие данные также не подтверждают «академиоцентризм»: в 1931 г. особое совещание во внесудебном порядке рассмотрело 2490 судеб «бывших» (более 4 % всех старых «спецов»), из них профессоров оказалось всего 85, зато экономистов – 249, агрономов – 310, инженерно-технического персонала – 1152 человека³⁷.

Что же могло являться подлинной причиной дела? Стремление ленинградских чекистов разоблачить «свою» контрреволюционную организацию понятно, но санкцию им (неважно, в каком виде) дало Политбюро, это неопровержимо следует из уже опубликованных документов. Почему же архивной истории – «данному частному и по существу второстепенному эпизоду – сразу же был придан криминально-политический характер»³⁸? Сам факт нахождения документов в БАН не был сюрпризом для власти – об этом прямо свидетельствовал Ю.П. Фигатнер³⁹. Непонятно также, почему усилия комиссии развить «архивную тему», что следует из записки того же Ю.П. Фигатнера (им уже были намечены другие перспективные места для выявления криминальных, с его точки зрения, документов⁴⁰), не были поддержаны и «архивное дело» не

приняло всеакадемический характер. Следствие сразу пошло по совершенно другому пути – поиска тайной монархической организации, которая содействовала бы интервенции, созданию «правительства», шпионажу и т. п.⁴¹, как бы забыв о точке, с которой всё начиналось.

Для объяснения этого феномена, возможно, следует пристальнее присмотреться к содержанию обнаруженного в рукописном отделении академической библиотеки. Ю.П. Фигатнер усматривал политическое значение в самых разных документах, в частности, в отречениях от престола Николая и Михаила, в личных бумагах аполитичных людей вроде великого князя Константина Константиновича и т. п., в большинстве это вызывало иронию уже у современников. Но не был ли скрыт ответ в обнаружении материалов Департамента полиции и связанных с ними бумагах В.К. Агафонова и В.Л. Бурцева? На важность именно этих документов впервые обратил внимание А.Е. Левин⁴². Интерес И.В. Сталина к подобным материалам известен, косвенно об этом свидетельствует письмо А.М. Горького «отцу народов» 27 ноября 1929 г., в котором писатель информировал его об истории разгрома столичной охранки, после которого её уцелевшие документы попали в БАН⁴³. Действительно, среди изъятых оттуда бумаг были выявлены имена секретных сотрудников Департамента полиции, в том числе неизвестных до этого. Об этом, а также о расшифровке их кличек Я.С. Агранов специально сообщил И.В. Сталину. Показательно, что никакие другие бумаги не стали предметом доклада «вождю». Письмо адресовалось не в Политбюро, куда Ю.П. Фигатнер обращался в связи с обнаружением архивного материала, а лично «отцу народов», оно носило совершенно секретный характер (было напечатано в одном экземпляре)⁴⁴. Полагаю, что этот документ однозначно говорит о конфиденциальном интересе И.В. Сталина именно к вопросам провокации и персонам провокаторов. Объяснений этому может быть множество, но представляется несомненным, что сам факт обнаружения полицейских бумаг имел серьёзное значение для постановки вопроса о наказании виновных в их «сокрытии» (именно так первоначально было представлено поведение С.Ф. Платонова и его сотрудников), а большое дело в общем маскировало для публики специальный интерес к подобному рода сведениям.

В. и Т. Чернавины своими воспоминаниями старались привлечь внимание заграницы к пострадавшим от репрессий. К таким свидетельствам там прислушивались, тем более, что они имели и политическое значение (показывали истинное лицо советского режима, разоблачая коммунистическую пропаганду). Следили за ними и из СССР, стараясь опорочить каждое новое свидетельство беглецов от репрессий. Но имели ли все эти разоблачения какие-либо последствия, кроме газетной шумихи? Несомненно, что голос из Франции сыграл большую роль в освобождении Е.В. Тарле. Поклонница академика Н.О. Щупак, живущая в Париже, начала хлопоты сразу после того, как узнала об аресте историка, в его поддержку она сумела мобилизовать ряд известных французских учёных (А. Матьеза, С. Леви, П. Ренувена и др.). Б.С. Каганович выявил цепочку: А. Сэ – Р. Роллан – М. Горький, усилия последнего он рассматривает как решающие в возвращении Е.В. Тарле из ссылки осенью 1932 г.⁴⁵ Разоблачения Чернавиных появились в печати позднее, в 1933–1934 гг., и нет оснований полагать, что они оказали какое-либо влияние на судьбу

пострадавших по «Академическому делу» или другим, а также дальнейшие процессы, где фигурировали учёные или интеллигенция. В.В. Чернавин косвенно признал это в статье «Горестные мысли», опубликованной в газете «Новая Россия» 1 августа 1936 г.⁴⁶ Предостерегая эмигрантов от возвращения в СССР, где их при первом удобном случае отправляли в лагеря, учёный грустно констатировал, что даже эмиграция не вполне понимала реалий установившегося в СССР режима (т. е., что его разоблачения даже для эмиграции оказались отчасти напрасными).

Дальнейшие события показали также, что «Академическое дело» не изменило отношения власти к АН. Аресты академиков и погромы учреждений продолжались, ОГПУ постоянно демонстрировало неуместное рвение, политическое руководство их несколько тормозило. В конце 1933 – начале 1934 г. в Москве было организовано «дело славистов», по которому были осуждены академики М.Н. Сперанский и В.Н. Перетц, члены-корреспонденты Академии наук Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев⁴⁷. Именно в связи с «бывшими» попал в поле зрения ОГПУ Всесоюзный институт растениеводства, возглавляемый Н.И. Вавиловым: мало того, что в нём в 1933 г. обнаружили «вредительскую организацию», так в 1935 г. ещё и оказалось около 100 «бывших»⁴⁸. Во второй половине 1938 г. ОГПУ в Ленинграде вообще «вскрыло» – и это после всех процессов – «кадетско-монархическую партию», в которой, по показаниям арестованных, состоял 231 человек, в том числе 38 академиков (!), минимум 15 членов-корреспондентов, 119 профессоров, ещё 70 других научных работников⁴⁹. Однако топорность работы «следствия» была настолько вызывающей, что Л.П. Берия остановил его, санкционировав расследование уже деятельности «следователей».

Преследование историков только расширилось. С начала 1935 г. началась волна репрессий против уже не старорежимных, а своих, «пролетарских» специалистов – взяты были директор Библиотеки им. Ленина В.И. Невский, историки пролетариата из Комакадемии, декан Исторического факультета ЛГУ Г.С. Зейдель, в 1936 г. за ним последовал его московский коллега из МГУ Г.С. Фридлянд, и т. д. Счёт арестованных и репрессированных идёт на многие десятки, по общей сумме (которую никто никогда не подсчитывал) он явно превосходит «Академическое дело». Только из 200 выпускников Института красной профессуры в Москве, по данным А.Л. Литвина, в 1937 г. погибли две третьих⁵⁰. Вряд ли речь может идти о преследованиях только за взгляды: среди пострадавших были как адепты М.Н. Покровского, так и люди, совершенно не разделявшие его взглядов.

То есть репрессии не реагировали на внешний фактор: он учитывался лишь в режиссуре «судебных постановок». В этом смысле воспоминания Чернавина не оправдали надежд. Однако они, несомненно, являются ценными источниками для современных исследований политического террора в СССР в годы Сталина. С «Академическим делом» же далеко не всё ясно, многие обстоятельства и интересы ещё предстоит выявить, но несомненно, что процесс против историков следует рассматривать в более широком контексте, чем борьба с АН или интеллигенцией.

В собрании Б.И. Николаевского, находящемся в Гуверовском институте войны, революции и мира, сохранилась часть архива редакции парижской га-

зеты «Последние новости» (НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 634–645). Скорее всего, к Б.И. Николаевскому эти материалы попали в 1940 г., перед захватом Парижа немцами, когда он переправлял свою документальную коллекцию в Нидерланды и США. Среди прочей корреспонденции и различных авторских текстов оказалась часть переписки четы Чернавиных, связанная с публикацией их мемуаров в «Последних новостях». Это, в основном, письма Т.В. Чернавиной редактору «Последних ведомостей» П.Н. Милюкову и его заместителю И.П. Демидову, письма им же графини С.В. Паниной, а также некоторые сопровождавшие их материалы. Ответные письма отсутствуют, хотя, как это следует из содержания сохранившейся корреспонденции, они были. Большинство документов – автографы, за исключением машинописного фрагмента записок Т.В. Чернавиной. Материалы расположены в хронологическом порядке публикатором, нумерация листов в папке отсутствует (НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Box 636, folder 2). Большинство материалов датировано авторами, часть датировок установлена по содержанию. Все тексты на русском языке, написаны по новой орфографии, за исключением двух писем С.В. Паниной. В публикации все документы даны по современной орфографии и правописанию, сокращённые части слов развёрнуты в квадратных скобках.

Приложение

Т.В. Чернавина – И.П. Демидову
28 января 1933 г., Хельсинки

28.I.33

Многоуважаемый Игорь Платонович!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо и сочувствие нам. Мы живём здесь очень счастливо, хотя совершенно никого не видим. И муж иногда подсмеивается, называя нашу комнату «счастливой камерой». Нам так хорошо вместе, что кажется, что это всё, что нужно. Сын поступил в немецкую школу и покоряет там всех своей весёлой рожицей.

3/ХІІ я послала Павлу Николаевичу 18 глав. Это всё, что у меня пока есть. Я начала писать 2-ую серию – «Побег», но она будет готова только через месяц. Если бы Вас интересовали какие-ниб[удь] вопросы по жизни и работе в СССР, то я или муж могли бы написать отдельные статьи. Почему, напр[имер], Вы пишете о Платонове без связи с другими академиками? Ведь это же было целое «Платоновское дело», по которому сидело более 200 человек, и все пошли в очень тяжкую ссылку. Погибли при этом все историки старой школы.

Деньги пошлите, пожалуйста, по адресу: Helsinki. 3 Linjen. 21. lok 5. tr. В. Fru Tchernavina. Нам выдали паспорта и мы теперь можем жить под своим именем.

С наслаждением прочла статью А.Н. Бенуа о Сухар[евской] башне⁵¹. Пожалуйста, если увидите его, передайте ему мой привет. Он знает меня как Сапожникову по Петергофу.

До свиданья! Жму Вашу руку.

Т. Чернавина

Пожалуйста, пришлите мне №№ газеты с моими очерками, здесь трудно достать, а надо оставить сыну на память.

Т.В. Чернавина – П.Н. Милокову
28 января 1933 г., Хельсинки

28.I.[1933]

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Должна Вам сказать, что я была и взволнована, и сконфужена Вашим вступлением⁵². Всё-таки S. Pellico⁵³ был крупной, исключительной личностью, а ведь таких, как я, много тысяч. Даже там, в СССР, я считала, что моя судьба одна из лёгких, а ГПУ позаботилось о том, чтоб я была цела, когда спрятали меня в тюрьму, п[отому] ч[то] на воле жить гораздо хуже.

Спасибо Вам большое за ваш интерес и участие.

До свиданья! Жму Вашу руку.

Т. Чернавина

С.В. Панина – П.Н. Милокову
9 февраля 1933 г., Прага

9.02.33

Dejvice, 903

Na Kvintusa

Praha

Дорогой Павел Николаевич,

Опять пишу Вам на тему о Чернавиных и посылаю Вам при сём на днях полученную мной от него статью «Наука в СССР». Статья эта им подписана. В сопровождающем письме он говорит, что придаёт этой статье очень большое значение, просит возможно шире распространить её, в частности, среди ино-
странных академических кругов, просит, если возможно, поднять в научной среде Европы и Америки агитацию возмущения, а если возможно, то и за амнистию. Не говорю ничего по существу – сами прочтите и оцените этот глубоко трагичный материал. Вам первому посылаю статью и надеюсь, что Вы найдёте возможным напечатать её, а при ней и список полностью. Если позволите высказать моё личное мнение, то я бы отбросила заключительную часть статьи, те строки, кот[орые] следуют после «списка», оставив только самый последний абзац: «Вспомните теперь...» И это потому, что нельзя после такого списка переносить центр тяжести статьи на полемику с академиками, на упрёки им, пускай главное впечатление и ударение падёт на Советскую власть. Но, повторяю, это только попутное размышление. Павел Николаевич, возьмите это дело в свои твёрдые руки, напечатайте, велите перевести на французский язык и пустите в обращение среди франц[узского] научного мира⁵⁴.

К этой основной статье я присоединяю ещё небольшой очерк жены Чернавина (автора «Жены вредителя») под названием «Тюрьма и русские учёные». Поступите с ним как хотите: или напечатайте как есть, или используйте в виде дополнительного материала к первой статье. Только, пожалуйста, попросите Игоря Платоновича написать мне о том, как именно Вы поступите со всем этим материалом⁵⁵. Мне необходимо это знать для дальнейших действий и согласования их с Вашими.

Пока мой план таков: я бы хотела, чтобы прежде всего эта статья появилась у Вас. Через три дня я пошлю её также в Берлин Каменке, в Лондон нашему англичанину, в Америку Ал[ександру] Ив[ановичу] Петрункевичу и передам её здесь в чешские академические круги⁵⁶. Если Вы со своей стороны можете направить её в эти же или другие страны, то сделайте это.

На всякий случай сообщаю некотор[ые] сведения о Чернавинах:

Владимир Вячеславович Чернавин – прилагаю о нём справку, напечатанную мной на машинке⁵⁷, и, кстати, должна сказать, что необходимо было бы озаботиться его устройством, нужно найти ему работу по специальности, если возможно, ибо они скоро будут пропадать, на свои писания не проживёшь.

Татьяна Васильевна Чернавина, его жена, рожд[ённая] Сапожникова, дочь проф[ессора] Вас[илия] Вас[ильевича] Сапож[никова], ботаника и исследователя Сибири, племянница проф[ессора] Алексея Вас[ильевича] Сапожн[икова], химика, проф[ессора] Технологическ[ого] инст[иту]та⁵⁸.

Их теперешний адрес, уже на их собственное имя:

Helsingfors. 3 Linjen, 21, 13, 5.

Если же вы находите, что мой план неправилен, то остановите меня телеграммой, и я буду ждать Ваших указаний. Если ничего не получу, то в понедельник 13-го начну рассылку статьи для иностранных кругов и газет. Лишь бы «Посл[едние] нов[ости]» напечатали это сначала по-русски! Вы написали такие прекрасные вступительные слова к «Жене вредителя», что я считаю Вас специальным покровителем этих энергичных людей, вырвавших свои жизни из когтей смерти.

Всего, всего Вам хорошего и сердечный привет. Жду ответа от Игоря Платоновича.

Искренно Вам преданная

С. Панина⁵⁹

[Чернавина Т.В.] Тюрьма и русские учёные

1931. Шпалерка. Одиночка. Это значит – каменная щель, тяжёлый, сводом, потолок и под самим потолком окно за чугунной решёткой.

Думаю, когда раньше сажали в «яму», было много хуже, но ощущение было похожее: сидишь где-то на дне, свет идёт поверху, по низу стелется мрак. К тому же пол чёрный, асфальтовый.

Сидишь на железной койке и думаешь: стены толщиной в метр, за ними заключённые, но даже шагов их не слышно. За железной дверью узкий коридор, по которому бесшумно, в мягких туфлях, шныряет надзор. Тишина такая, которая поглощает всё, как чёрный свет – лучи. От звуков остался только лязг ключа в тройном замке, шёлканье форточки в железной двери, когда дают еду, и несколько жёстких до оскорбительности слов: в 7 утра – «Вставать!», в 9 вечера – «Спать», ночью – «К допросу!» или «С вещами!», что одинаково значит и расстрел и перевод в другую камеру. Слова непроницаемы и глухи как стены.

Весной и летом окно открыто и со двора слышны шаги. Двор – 60 шагов в длину, 30 – в ширину, замощён сплошь асфальтом, окружён пятиэтажными тюремными корпусами; с 7-ми утра по ним шагают сначала общие женские камеры, потом одиночки, женские и часть мужских.

С риском остаться в наказание без прогулки или услышать грубый окрик «Прочь от окна!» можно изредка заглянуть в окно, которое в 3-м корпусе не закрыто сплошными железными ставнями, из-за которых и неба не видно, как в 1-м и 2-м корпусах, самых многочисленных и отведённых для людей со сколько-нибудь значительными именами.

В общей камере гуляют две дочери академика С.Ф. Платонова – значит, «Академическое дело» ещё не кончили. Одна из них сидит уже полтора года, другая немного меньше⁶⁰. Полгода тому назад они обе получили приговор – десять лет принудительных работ в концентрационных лагерях, проще говоря, 10 лет каторги, но приговор почему-то остановили. Говорили, что отец их был приговорён к расстрелу. Теперь он умер в ссылке, а дочери, сосланные с ним на 5 лет, остались, вероятно, там же.

Среди одиночек ходит сестра академика Е.В. Тарле; она пожилая женщина, шагает медленно и грузно⁶¹. Сидит уже с полгода. Что случилось с ней – не знаю.

Когда дают обед и двор пустует, выводят и самого Тарле. Тяжёлыми, шоркающими шагами бродит он по двору под присмотром двух вооружённых стражей. Без воротничка, со свисающими брюками, потому что в тюрьме отбирают подтяжки, небритый, с одутловатым, жёлтым, отёчным лицом, он был бы неузнаваем, если б не его типичный, с горбинкой, нос и порой пронзительный и быстрый взгляд. Ему полагалось гулять не 10 минут, а целый час. Он мыкался взад и вперёд, останавливался, застывал, понуря голову, тогда страж вполголоса понукал его: «Гулять!», он послушно начинал опять двигаться, медленно, странно, по каким-то кривым, пока страж не кивал головой: «В камеру!», тогда он поспешно, опустив голову, уходил, словно торопясь скрыться в клетку.

Но раз он вдруг заговорил: громко, чётко, как с кафедры, делая привычный жест правой рукой: «Обратите внимание! Через всё небо тянется блестящая нить». Дежурный страж подошёл к нему и строго сказал: «Надо гулять!». «Нет, я прошу Вас убедиться: отсюда, в этом направлении протянута белая, сверкающая нить». Никакой нити, ни облака, ничего не было. Стражи переглянулись. «Это электрический провод. Гуляйте!»

Больше его не выводили в этот двор.

Когда он отсидел в тюрьме, в самой строгой одиночке, больше года, его выслали на 5 лет в г. Верный.

За что?

Судя по намёкам советских газет, его обвиняли сначала в том, что он якобы соглашался занять место министра иностранных дел в будущем республиканском правительстве, которое должно было создаться при французской интервенции, а затем в том, что он соглашался быть министром при монархическом правительстве, которое должно было бы создаться при интервенции Германии. ГПУ не затрудняло то, что один и тот же человек вряд ли мог быть одновременно и монархистом и республиканцем.

Уводили Тарле, вскоре влетал, громко хлопая дверью, академик Д.Н. Егоров⁶². Он также заканчивал год тюрьмы, но очевидно упорно хотел сохранить физическую бодрость и крепость. Он ходил гимнастическим шагом, несколько кругов делал бегом, упражнял руки, расправлял грудь. Он хотел жить и работать – он первый умер в ссылке.

Его сослали в Ташкент, когда там стояла ещё почти тропическая жара. С едой было трудно: хлебной карточки он был лишён, на рынках цены были невероятные, даже для СССР, потому что Ташкент стал одним из самых голодных городов, когда его округ перевели на культуру риса и хлопка. В первые же дни он заболел брюшным тифом, справился с болезнью, но вскоре умер от разрыва сердца. В советской энциклопедии не решились обойти его имя молчанием и после уклончивой характеристики его диссертации, которая, кстати сказать, привлекла такое внимание в Германии, что была переведена и издана там в 1930 г.⁶³, поместили знаменательные слова о том, что Д.Н. Егоров поставил себя «вне советской науки», так как говорил о «бессмертном и неискоренимом прогрессе культуры»⁶⁴.

Других академиков в наш двор не выводили: Платонов, Любавский, Лихачёв сидели в бывшей военной тюрьме на Нижегородской улице⁶⁵. Любавскому и Лихачёву сейчас больше 70 лет, и оба они в ссылке. Профессор Заозерский, превосходный историк и знаток русской экономики, профессора Бутенко, Вульфийус, Мейер, Павлов-Сильванский, все лица хорошо знакомые учившимся в П[етер]бурге, вдруг исчезли⁶⁶. Вновь арестованные принесли известия: проф[ессор] Павлов-Сильванский, брат историка, был выпущен из тюрьмы и через три дня умер дома, потому что его туберкулёз принял скоротечную форму, другие сосланы на Соловки на 10 лет. Бутенко вряд ли выживет, потому что он остался один, без всякой помощи: дочь умерла от тифа, жена повесилась, узнав о его приговоре, мать-старуху пришлось поместить в «Убежище» – богадельню, так как всё было конфисковано, включая и квартиру. Действительно, он скоро умер.

С обеда, т. е. с 1 часа до 8 вечера, каждые 10 минут, на двор выводили одного за другим научных сотрудников Академии наук, Пушкинского дома, Эрмитажа, Русского музея, Бюро краеведения, Геологического комитета, Политпросвета и других культурных учреждений Петербурга⁶⁷. Очевидно, «подозрительными» становились все, кто только приобрёл в науке малейшую известность. На Шпалерке уже не хватало места и в Крестах ГПУ заняло целый корпус. Так центром сосредоточения интеллигентных сил и научных работников становилась не Академия наук, университет или какой-нибудь музей, а Шпалерка. В Москве в Бутырках была та же картина. Число заключённых и сосланных научных работников было не менее нескольких десятков тысяч.

Почему?

Зачем Советской власти надо было обречь на тюрьму и каторгу, т. е. моральную и физическую смерть, лучшую часть русской интеллигенции? «Чтоб отучить вас быть аполитичными, – сказал мне раз следователь на такой вопрос. – А впрочем, вообще весь этот старый, интеллигентский хлам не очень-то нам нужен».

Словам следователя верить вообще не следует, но на этот раз он сказал правду: во-первых, что учёные и интеллигенция были аполитичны и, во всяком случае, никогда не выступали против Советской власти, своей же культурной работой делали для страны столько, что в нормальное время это нельзя было бы оценить иначе как подвиг; во-вторых, что большевики действительно считают «хламом» всех прежних научных работников, отрицательно относясь и к тому, что они называют «буржуазной наукой». Поэтому, когда в 1929 году они

учли, что «пяtilетка» не только не удастся, но ещё обострит нужду и голод, они с лёгким сердцем избрали жертвой тех, на кого, по их мнению, удобнее всего было свалить вину. Они уничтожили людей, которые стояли перед ними живым укором, если и не протестуя, то понимая, к чему ведёт политика «социализма», насаждаемая крайними, принудительными мерами. Тех же, кого они оставили пока в живых, достаточно терроризировать гибелью их товарищей, они от времени до времени заставляют говорить, как академика Б. Келлера («Правда» 7-го ноября 1932 № 309)⁶⁸.

«Нигде на Земле не ценится сейчас так высоко научная теория, как в СССР».

«Одна из главных задач Советской власти – создать наилучшие условия для индивидуального научного творчества».

Где? В одиночке?

С.В. Панина – И.П. Демидову
11 февраля 1933 г., Прага

11.2.33.
Dejvice, 903.
Praha

Дорогой Игорь Платонович,

Я написала третьею дня Павлу Николаевичу о Чернавиных (авторше «Жены вредителя» и её мужа) и послала ему две их рукописи, центром которых является составленный ими список лично им известных лиц из высококвалифицированной русской интеллигенции, которых Сов[етская] власть расстреляла или сослала на каторгу и иначе в период 1930–32 [гг.].

Вот какими словами Чернавин сопровождает посылку мне своей статьи с этим списком: «Статье этой я придаю большое значение, не по литературным её качествам, которых она, к сожалению, не имеет никаких, но по сообщённым в ней фактам. Думаю, что эти факты сами по себе послужат хорошим агитационным материалом против большевиков, кроме того, думаю, при помощи их опубликования м[ожет] б[ыть] удастся облегчить участь многочисленных страдальцев в России, которые гибнут, буквально гибнут в тюрьмах, каторге и ссылке. Большевики боятся Зап[адной] Европы и Америки и очень считаются с мнением “буржуазных стран”. Если бы удалось сообщаемым мной фактам дать широкую огласку через крупные иностранные газеты и при их посредстве поднять среди учёных Запада кампанию за амнистию преследуемых в СССР учёных, это могло бы иметь крупное и благотворное влияние на судьбу несчастных узников».

Думаю, что на основании этих слов, подкреплённых и многим, что они мне писали раньше, следует начать соответствующую кампанию. Об этом я Павлу Ник[олаевичу] и написала, прося его взять инициативу этого дела во Франции в свои руки. Но т[ак] к[ак] не знаю точно, в каком состоянии здоровье П[авла] Н[иколаевича] и не хочу утруждать лишним писанием, то и просила его поручить Вам ответить мне и держать меня в курсе Ваших действий.

Приблизительно через неделю я рассчитываю послать Вам ещё первоклассный по значительности и интересу материал от них же. Это будет описание

Соловецкого Беломорско-Балтийского концентрационного лагеря и того, как рыли и прорыли канал, соединяющий эти два моря⁶⁹. Материал этот дополнит уже посланные статьи, ибо покажет наглядно, что означают слова: «приговор: 10 лет каторжн[ых] работ в Соловках».

Я Вам, т. е. П[авлу] Н[иколаевичу], послала статью Чернавина – подписанную – в её полном виде и в таком же виде пошлю и вторую. Но считаю, что в обеих есть излишний и совершенно для иностранной прессы непригодный балласт, кот[орый] нужно отбросить и как-то спаять обе эти статьи в одно целое. В таком переработанном виде и, думаю, через дней 10 пустить этот материал в иностр[анную] прессу и здесь, и в другие страны, пользуясь всеми своими связями. Хотелось бы, чтобы П[авел] Н[иколаевич] сделал то же самое. Я писала ему, что пушу в ход эту машину в понеде[льник], 13-го, но сделать этого я не смогу, придётся обождать ещё сведений из Гельсингфорса. Т[ак] что Вы вполне успеете написать мне и дать свои указания и советы и, если хотите, дожидаться статьи о Соловках, прежде чем печатать посланную вам. В лице Чернавиных у нас настолько ценные информаторы, что я думаю, что их бы следовало даже выписать лично в Париж или Лондон. Что бы Вы на это сказали? Задаю этот вопрос очень ответственно и серьёзно. Она говорит на всех европейских языках.

Очень дружески жму Вашу руку и с нетерпением буду ждать ответа. Вас всегда сердечно любящая

С[офья] П[анина]

Т.В. Чернавина – И.П. Демидову
14 февраля 1933 г., Хельсинки

14.02.[1933]

Многоуважаемый Игорь Платонович!

Посылаю Вам маленькую заметку. Немножко это и в ваш огород, т. е. «Посл[едние] нов[ости]», кот[орые], перепечатывая такие вещи, по-видимому, плохо понимают, как их надо расшифровывать. Я не написала заглавия, п[отому] ч[то] не сумела кратко сформулировать, м[ожет] б[ыть]. Вы можете мне, если эта заметка Вам пригодится. В «New Statesman» была очень любопытная статья – «Большевики и крестьянство», основанная на таком же прямолинейном понимании советских сообщений⁷⁰. Постараюсь об этом написать, если это м[ожет] б[ыть] интересно для газеты.

Теперь относительно моих основных писаний. Мы обсудили это с мужем, т[ак] к[ак] «Побег» надо писать вдвоём, и решили, что до «Побега» надо, чтоб он дал свой тюремный и каторжный материал, иначе побег останется непонятным. Ведь главную роль всё-таки играл муж, а не я; его материал гораздо содержательнее и интереснее моего. Он за него не принимался, п. ч. очень плохо себя чувствовал, сейчас же он окреп и может писать. Итак, мы решили дать Вам теперь «Записки “вредителя”». Мы принялись за них оба: он пишет, я привожу в порядок. Если ничего особенного не случится, надеемся 1/III выслать Вам начало, т. е. так, чтобы хватило фельетонов на 5–6. 2 уже написаны. Материал, вероятно, будет не меньше моего. В «Побеге» будем чередовать

его очерки и мои. Главной задачей «Записок “вредителя”» будет показать, как создавались «вредительские» дела, во что ГПУ превращало крупных специалистов, кроме того, быт мужского отделения Шпалерки и Крестов. Этап. Лагерь. Разные мужские типы.

Как только окончательно установится начало, я Вам пришлю, а пока ещё неясно, как это лучше сделать, писатели-то мы липовые. Одна из первых глав будет называться «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», в ней введение об иностранцах в тюрьме и два очерка: 1. Австриец; 2. Китаец и кошка. Из тюремного быта сделана глава «Уборные». Вы не пугайтесь. Это имеет настоящее, серьёзное значение, п[отому] ч[то] входит в систему режима, имеет свои градации и огромное влияние на жизнь заключённых. Сейчас муж пишет допросы, чтоб показать реально, как создают «признания». Тут я не могу ему помочь, а бытовые сценки хорошо себе представляю. Во всяком случае, я думаю, что будет интересно и этого в литературе бежавших нет совсем. Очень милое письмо написал мне через Вашу редакцию Абрамов, если Вы его знаете, передайте ему мой искренний привет, так же как и зав'у конторой, кот[орый] переслал мне письма, но имени кот[орого] я, к сожалению, по подписи разобрать не могла.

До свиданья! Жму Вашу руку.

Т. Чернавина

Мой сын с увлечением читает «Посл[едние] нов[ости]» и искренне удивляется, «почему это у них так интересно выходит, а в советских так скучно».

Т.В. Чернавина – П.Н. Милюкову
18 февраля (?) 1933 г., Хельсинки

18.П (?). [1933]

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Большое спасибо Вам за ваше дружеское письмо. Я очень рада, что вы согласны напечатать мои очерки, и на днях вышло вам первую половину рукописи. У меня нет переписанного экземпляра. Постараюсь написать по старой орфографии, но Вы уже простите меня, если там будут ошибки, я отвыкла от Ъ и прочего.

Что касается моего «авторского самолюбия», то его у меня пока не появилось, поэтому я буду Вам очень благодарна, если Вы внесёте возможные поправки. Если бы некот[орые] главы Вам показались неинтересными или требующими переработки, верните их, я с удовольствием над ними ещё поработаю.

Сейчас мой муж написал по просьбе какой-то шведской газеты очень интересную статью о Беломоро-Балтийском канале. Если для Вашей газеты это интересно, напишите, он может написать это ещё раз. Там любопытны две стороны дела: 1. Канал как военное сооружение против Финляндии и 2. Новое применение принудительного труда, снятого с лесозаготовок.

С одежками у нас не очень благополучно: у каждого есть ровно по одному костюму, у меня юбка и блузка, очень не хватает белья. Муж особенно нуждается в фуфайке, п[отому] ч[то] он мучается от ревматизма в плечах, схваченного в лагерях. Размеры у нас такие: муж – воротник 39 с[м], сын – 14

лет, довольно плотный мальчишка, а у меня самый маленький размер. Я ещё не решаюсь ничего покупать, п[отому] ч[то] деньги надо тянуть на прожиток. Теперь, с помощью С.В. Паниной, денег хватит месяца на три. Это, кажется, очень много и мы вообще живём весело, хотя почти никого не видим и пока веселимся тем, что мы опять вместе и на свободе. Это замечательная вещь!

До свиданья! Жму вашу руку.

Т. Сапожникова

P.S. Только печатать меня придётся без фамилии, п[отому] ч[то] у меня сестра в ссылке и дядя посажен на 10 лет. Делайте мне какое хотите «сhapeau»⁷¹. Вам я готова написать и все имена и факты, о кот[орых] пишу, но в очерках я всё замазываю, чтоб не повредить там. М[ожет] б[ыть] у вас или у ваших друзей есть вопросы об оставшихся там. Я знаю много интеллигентного народа.

Примечания не для печати⁷².

Гл[ава] I⁷³.

Положение детей «48»-ми было самое тягостное. Мне пришлось приютить не девочку, а мальчика, кот[орого] мне мать прислала из Москвы в Петербург, надеясь спасти его от ссылки, так как он был от первого брака и носил другое имя. От ссылки она его спасла, но его выгнали отовсюду, даже с курсов нем[ецкого] яз[ыка]. Он работает сейчас в автомоб[ильной] мастерской. Вдову инженера Шапошникова выслали с двумя маленькими мальчиками⁷⁴. Вдова Казакова была тихой сумасшедшей уже в течение нескольких лет⁷⁵, её выслали в какое-то село Уфимской губернии; её сестра с ней страшно мучилась.

Конфисковывали всё так, что вдову Фишзона заставили уйти из дому в том, что на ней было надето, не дали даже переменить белья⁷⁶.

Гл[ава] II⁷⁷.

Мой разговор с сынишкой записан дословно. Ему было тогда 12 л[ет], только что исполнилось. Он очень ребячлив и до ареста отца увлекался Сов[етской] властью. Для него это был переворот, кот[орый] шёл медленно и очень глубоко.

Забыла в I главе упомянуть о смертях. Вера Алекс[андровна] Пыпина, дочь Ал[ександра] Пыпина, умерла в день расстрела 48-ми, прочтя газету, от сердечного припадка⁷⁸. Я её хорошо знала. К ней вызвали её подружку, кот[орой] она повторяла одно: «Я не могу так жить. Толстой не мог молчать, когда 7-х повесили⁷⁹, а я не могу, когда 48 расстр[еляли]». Эта подруга, Ольга Никол[аевна] Ползикова⁸⁰, тоже близкая семье Пыпиных, вскоре умерла сама от сердечного припадка. Она была в отчаянии от арестов, кот[орые] шли кругом. В эти же дни умерла Зоя Николаевна Измайлова, мать Ник[олая] Вас[ильевича] Измайлова, сосланного по Акад[емическому] делу⁸¹. В эти дни вообще было столько смертей, что О.Н. Ползикову могли похоронить только на 4-ый день, п[отому] ч[то] надо было записываться в очередь в Похор[онное] бюро – не хватало дрог.

Глава IV⁸².

Лозунг «Товарищ, доноси на своих товарищей» висел в вестибюле Акад[емии] художеств.

Спор о том, когда кончается феодализм, происходил в Эрмитаже при делении его на отделы по «историческим формациям».

При чистке в Эрмитаже «вычистили» по I кат[егории] Кубе, Ильина (русск[ие] монеты), Тройницкого, Мацулевича (Византия), библиот[екаря]

Голованя и др.⁸³ Затем все сдались, кроме Тройницкого, кот[орому] дали 3-ю категорию, т. е. «недостаточная квалификация» – он работал в Эрмитаже 24 г[ода], из [них] 9 лет был директором. Он перешёл в «Антиквариат».

Вся чистка свелась к тому, что они заставили уйти Малкину и меня, п[отому] ч[то] у нас были арестованы мужья, Измайлову и Соколову, п[отому] ч[то] у них сидели братья⁸⁴.

Большую роль при чистке в Эрмит[аже] играл Крюгер, сотрудник Античного отд[ела] и сотрудник ГПУ⁸⁵. После моего ареста, при допросе я получила от следователя прямые доказательства его работы. Он загубил Боровку, очень талантливого специалиста по скифам⁸⁶. Ему дали 10 лет и я не знаю, жив ли он, п[отому] ч[то] он был в ужасной чахотке.

Под «Ивановыми» я подразумеваю несчастную семью Влядих-Вейнерт, поляки, оставшиеся в России⁸⁷. Они высланы по «экскурсионному делу» на 5 лет в Котлас Вятской губ[ернии], осталось 5 ребят и параличная бабушка. Старшей девочке было 14 лет, младшему мальчику 5-ть. В тюрьме она покушалась на самоубийство. Я вспоминаю её ещё раз под прозвищем «белой дамы».

Хоронили мы жену Анциферова⁸⁸, автора «Душа Петербурга», за год до этого. Его выслали на 3 года, потом прибавили 5-ть по «экскурсионному делу». У них осталось двое ребят и бабушка 70 лет. Поддерживали их сначала экскурсионисты, а потом их почти всех выслали. А умный Муратов поносит экскурсионистов всех без разбора, когда судьба их одна из самых трагичных⁸⁹.

Глава VII⁹⁰.

Э. – Гаршина-Энгельгардт, сотрудница монетного отд[ела] Эрмитажа⁹¹. Её муж выслан на 10 лет⁹². Человек изумительной душевной чистоты и стойкости. Был в Соловках на строгом режиме.

Б. – жена проф[ессора] Бутенко⁹³. Он умер в Соловках. Тогда же выслали Ник[олая] Пыпина на 10 лет с конфискацией и А. Достоевского, но их вскоре выручили, из-за имён⁹⁴. В мае обоих вернули в Петербург. Вообще тогда были очень жестокие приговоры: Беляеву, сотр[уднику] Пушкинск[ого] дома, дали 10 л[ет]⁹⁵, а позже Измайлову – 5-ть. Пушк[инский] дом разгромлен почти весь поголовно. Академикам в это время дали смертный приговор, но его не публиковали, задержали и в августе заменили 5-тью годами высылки. Егоров Дим[итрий] Никол[аевич], историк-медиевист, умер вскоре в Ташкенте (?), где он схватил брюшной тиф. Умер от разрыва сердца.

Тарле я видела в мае 1931 г. на прогулках из окна. Он был «тронутый» – видел какие-то белые проволоки в небе, громко рассуждал с прогульщиком, его вскоре убрали. Слышала, что в Верном, куда его сослали, он оправился. Его сестру я вспоминаю в главе «Допрос». Она сидела долго. Судьбы её не знаю. Рождественский Серг[ей] Вас[ильевич], русский историк, был просто помешанный. Его выслали в Томск. Он долго был в таком маразме, что не хотел умываться, причёсываться. Жена его с трудом кормила, сам он не ел. Потом, как будто, стал оправляться⁹⁶.

В связи с академиками выслали в лагерь некот[орых] издателей, напр[имер], Вольфсона⁹⁷. Он был в жестокой цинге, но держался замечательно. Издат[еля] Баранова Сергея Серг[еевича] и его жену⁹⁸. Причём жена была на свободе, принесла ему передачу, а ей вручили тут же повестку, что она обязана явиться через 3 дня для высылки в лагерь. Её сослали, но через несколько месяцев

вернули после усиленных хлопот семьи. Я про неё не решаюсь писать, п[отому] ч[то] её высылка была слишком известна и легко установить, что я её знала, а это ей может повредить.

Жена акад[емика] Л. – Лазарева, повесилась в августе⁹⁹. Одна из родственниц Сталина (я её знаю) полетела к нему, по-грузински устроила ему сцену, он вытребовал к себе дело Лазарева, кот[орого] обвиняли по Курской аномалии, и в декабре он был выслан на работу в Свердловск, куда выехала и моя сестра, химичка. В январе его вызвали в Москву, где он дальше работал – не знаю. Приговор с него был снят условно.

Глава IX¹⁰⁰.

Весь разговор передаю точно, как было. Это была жена инженера Закорка-Навлоцкая¹⁰¹. Её продержали ещё 3 месяца, дали расстрел с заменой 10-тью годами, но приговор она получила уже в больнице, куда её увезли из-за голодовки. Не знаю, выжила ли она. Меня перевели от неё на другой же день, и я слышала о ней от вернувшейся из больницы.

Бюро инженеров, архитекторов, химиков и др. специалистов есть и в Москве и в Петербурге. Мой дядя, химик Алексей Вас[ильевич] Сапожников, осуждённый на 10 лет, работает в химическом бюро в Москве. В Петербурге работает Лансере Николай Евгеньевич, он принимает участие в реставрации Конногвардейского манежа¹⁰². У него тоже 10 лет. Думаю, что про них никак нельзя писать, п[отому] ч[то] их положение всё-таки лучше, чем в лагерях. Если у Вас будет случай, передайте Александру Ник[олаевичу] Бенуа, что я знаю про Лансере. А.Н. должен меня помнить по Петергофу, где он у меня бывал.

Гл[ава] X.

О родственниках за границей – ужасная судьба постигла родственниц генерала Миллера¹⁰³. Одну из них, Ольгу Александровну Фе¹⁰⁴, я хорошо знала, она сидела почти два года, последнее время лежала в больнице в тяжёлом туберкулёзе, в июле 1932 г. её выслали в Уфимскую губернию. Из их семьи сидело 7 человек.

Т.В. Чернавина – И.П. Демидову
Вторая половина февраля 1933 г., Хельсинки

Многоуважаемый Игорь Платонович!

Сегодня получила чек, газеты и кучу писем. За всё большое спасибо. Чек, пожалуй, даже лучше писать, как у вас было написано, на H. Hellens.

Я сделаю всё возможное, чтобы поскорей написать «Побег», но, не сердитесь, я не могу его прислать так скоро. Я пишу скверно и медленно, двадцать раз переделываю; сейчас у меня написана середина, а начала ещё совсем нет. «Жену вред[ителя]» я написала скоро, п[отому] ч[то] меня положили в больницу, в отдельную палату и даже умываться мне самой не давали. Такого комфорта я никогда раньше не могла себе устроить, а теперь надо мальчишку учить, штанишки его и стирать и чинить, и ещё много чего делать, к чему я мало способна. Постараюсь сейчас засадить себя покрепче, но всё-таки не могу обещать выслать по частям, по крайней мере, пока большая часть не будет готова. Одним словом, раньше, чем к I/III, не обещаю, хотя знаю, как это нужно, п[отому] ч[то] тогда и с переводом будет легче.

Вы простите меня, но посоветуйте, что мне делать по отношению к переводам? Вы переслали мне предложение Claiouin¹⁰⁵, это посредник? ему стоит писать? Я пока не буду, подожду Вашего ответа. Мне очень хочется, чтоб иностранцы прочли мои очерки, но я плохо понимаю, как это надо сделать. Я очень прошу Вас, если действительно будет настоящая возможность напечатать это во Франции, помогите мне и переговорите предварительно сами. Здесь я познакомилась с французским журналистом Raoul Labry¹⁰⁶, он вызывал самые восторженные чувства и сейчас обещает дать самые лестные отзывы. Он, кажется, очень милый человек и прекрасно написал о муже в «La Dérèche» 28/IX 32, хотя и очень по-французски, м[ожет] б[ыть], это он подтолкнул Claiouin, но я пока всё-таки подожду ему писать.

О «деле Платонова» я очень хочу написать. Собственно говоря, я уже написала две маленькие статьи и муж – большую, со списком тех учёных, кот[орых] он лично видел в тюрьме или на каторге, всё это мы переслали С.В. Паниной, так как хотелось, после смерти Платонова, двинуть это, особенно в иностранную прессу, п[отому] ч[то] на ГПУ очень действует, когда такие вещи попадают в иностранные газеты и освобождает одного-двух человек для рекламы своего милосердия, но от Паниной ответа никакого нет. Как только мы получим что-нибудь от неё и окажется, что одна из этих статей не поехала именно к вам, то я напишу именно о всём «деле». Может ли это повредить там? Не знаю. П[отому] ч[то] никто не знает, под какую руку там попадёт. Постараюсь написать так, чтобы личности не выдвигались, но должна Вам сказать, что академиком спасло только то, что о них здесь писали. Платонову же был смертный приговор, а его отменили. Когда об Егорове немцы запросили Ак[адемии] наук, ему дали хлебную карточку, без кот[орой] положение его было очень тяжким. М[ожет] б[ыть], не надо оценки им давать, а просто рассказывать то, что есть.

Сейчас не хочу думать о других темах, чтоб не мешать себе писать «Побег», но шевелятся в воображении такие картинки: 1. В СССР нет безработных; 2. Где нет партийной борьбы¹⁰⁷; 3. Где больше всего «радуются» и т. д., м[ожет] б[ыть], под общим заголовком «Деловое правительство».

Пожалуйста, передайте письмо Т. Варшер¹⁰⁸, там не было адреса, а Москвину скажите, что я напишу ему, как только просмотрю ещё раз его очерки¹⁰⁹.

Простите, что я переезжаю на третью страницу, но это из-за Вашего PS. К сожалению, конкретного я ничего не знаю о религиозной жизни. Знаю, что самое большое количество жертв среди интеллигенции связано с религиозным кружком проф[ессора] Мейера. Он сам сослан 1927 был на 10 лет, с ним одновременно Ник[олай] Павл[ович] Анциферов, Алекс[ей] Петр[ович] Смирнов (умер в каторге) и много других, особенно женщин¹¹⁰. В [19]29 г. его опять привезли в Петерб[ург], снова разбирали его дело и снова дали 10 лет. Священников ссылают всё время, особенно перед Пасхой, п[отому] ч[то] надо чтоб и ГПУ участвовало в антирелигиозной кампании. Хороших священников осталось так мало, что когда нам раз пришлось хоронить человека, кот[орый] в завещании назвал имена трёх священников, одного из кот. надо было пригласить, мы не нашли ни одного, все были сосланы. Совсем своеобразная группа священников образовалась при кладбищах: это, как в старой Москве, бесприходные. Они живут тем, что ходят по кладбищу и ждут покойников. На дом звать священников боятся, п[отому] ч[то] я знаю, как после этого один

сотрудник Эрмитажа отсидел 2 мес[яца] на Шпалерке, а на кладбище не так заметно, там зовут отпевать у могилы. Из Эрмитажа же одну сотрудницу «вычистили», п[отому] ч[то] она ходила в церковь. Много церквей сейчас сносятся совсем; в часовнях устраивают лавочки. На Казанский собор одно время повесили огромный кумачный плакат с лозунгом, но потом сняли, п[отому] ч[то] слишком много неудобных вопросов задавали иностранцы, но крест с собора сняли. В Кеми в лагерях много старых священников, они, по большей части, назначаются ночными сторожами к складам и кладовым. Видела я их, как они партиями выходили вечером из-за «проволаки», старенькие, сторбленные, кое у кого сохранились рясы, у кого шапки, перемешанное с каторжной одеждой. Ещё кладбище в Кеми жуткое, как во сне. Потом напишу.

До свиданья! Жму Вашу руку. Передайте мой привет и большую благодарность за газету Павлу Николаевичу.

Т. Чернавина

Т.В. Чернавина – Т.С. Варшер
Вторая половина февраля 1933 г., Хельсинки

Дорогая тёзка! п[отому] ч[то] я тоже Татьяна, только Васильевна, а как Ваше отчество, не знаю. И не могу вспомнить, где я о Вас слышала. Знакомы мы не были, а где-то прошли рядом. В Москве или Петербурге? Вы не ученица Ив[ана] Мих[айловича] Гревса?¹¹¹ Не буду гадать, а буду ждать, что Вы мне напишете и расскажите о себе.

Спасибо большое за любовь к моему «щеночку». Вы ещё не знаете, что ему, бедному, досталось. Ведь 22 дня мы шли по таким горам и болотам, за Полярным кругом, голодом, что я почти не имела надежды, что мы выйдем. Моя мечта была, чтоб о нас могли написать в газетах «найлены со слабыми признаками жизни», а мы всё-таки дошли, поправились и только муж ещё ужасно мучается от ревматизма, кот[орый] почти лишает его правой руки, а мы здоровы. Мальчишка бегаёт в немецкую школу. Ему 14 лет исполнилось здесь, но он невероятно ребячлив, хотя совсем не глуп. Он радуется всем подаркам, п[отому] ч[то] у него ничего нет. Мы пришли сюда в таком состоянии, что одёжки, кот[орые] оставались на нас, можно было только выкинуть. Меня одели в больнице, когда меня здесь сразу привезли, п[отому] ч[то] ноги мои никуда не годились. Сейчас мы выбираемся понемногу, но ещё способны радоваться даже... носовым платкам. А из книг ему нужнее всего географический атлас.

Я буду очень Вам благодарна, если вы можете мне с устройством перевода. Можете обещать, что скоро напишу «Побег», кот[орый] будет не менее интересен. Буду ждать от Вас письма прямо на мой адрес. До свиданья! Жму Вашу руку.

Т. Сапожникова-Чернавина

Helsingfors. 3 Linjen. 21. Lok 5. tr B.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.В. Чернавин в 1910 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, магистерскую диссертацию он защитил в 1916 г. в Москве, в Петровской сельскохозяйственной академии, на факультете рыбоведения. Затем были экспедиции в

Азии, на Дальнем Востоке, работа на рыбных промыслах Каспия, Белого и Охотского морей, Северного Ледовитого океана. В 1920-х гг. В.В. Чернавина служил в Наркомзёме РСФСР, с 1925 г. заведовал научно-исследовательским отделом Северного государственного рыбопромышленного треста, где его и настиг арест в 1930 г. ([Биография В.В. Чернавина], б/д [конец 1932 г.] // ОР РНБ. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

² *Tchernavin V.V. The Feeding Mechanisms of a Deep Sea Fish: Chauliodus soani Schneider Lnd., 1953.* 101 p.
³ 27 ноября 1932 г. датирована, вероятно, первая рукопись В.В. Чернавина на 18 листах «Новые формы принудительного труда в СССР», посвящённая в основном Беломоро-Балтийскому каналу и его стратегическому значению, направленному против Финляндии (ОР РНБ. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 1).

⁴ *Tchernavin T. Escape From the Soviets, N. Y., 1934* – несколько изданий; *Tchernavin T. Mit Mann und Kind der GPU entflohen! Berlin, [1934]; Černavina T. Rapaille: Hoe ik den Sovjet-greep ontkwam / Vert. door R.H.G. Nahuys. Amsterdam, [1934]; Tchernavina T. Échappés du Guepéou, 1933 / Traduit du russe par V. Samaret et S. Campaux. Paris, 1934.* Мемуары мужа появились позднее, в 1935 г., их изданий оказалось меньше (*Tchernavin V.V. I Speak for the Silent: Prisoners of the Soviets / Transl. from the Russian by Nicholas M. Oushakoff. Boston, New York, [1935]*; этот же перевод (Lnd, 1935); *Černavin V.V. Waar het leven sterft: De gevangenen van de Sovjets. Amsterdam, [1935]*).

⁵ *Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре 1922–1939 годы.* Б. м., 1979. Кн. 1, ч. 1–3. С. 22–23.

⁶ *Чернавины В. и Т. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа.* СПб., 1999. До этого в Москве были изданы мемуары Т. Чернавиной «Жена вредителя» (М., 1996).

⁷ *Ростов А. [Сизист С.В.]. «Дело Академии Наук» // Возрождение (Париж). 1958. Сентябрь. Тетрадь 81. С. 97–105; Октябрь. Тетрадь 82. С. 109–118; Ноябрь. Тетрадь 83. С. 111–122; Декабрь. Тетрадь 84. С. 111–119; Штахельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перчёнка / Сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М.; СПб., 1995. С. 19–76; Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. Глава IV: «Шахтинское дело» научной интеллигенции (С. 350–374).*

⁸ Репрессиям по «Академическому делу» подверглись 115 человек, сколько же было привлечено к следствию – неизвестно (*Ананьич Б.В., Панях В.М. Принудительное «соавторство» (К выводу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.»* Вып. 1) // In memoriam. С. 87).

⁹ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле, ч. 1–2; «Осталось ещё немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академия наук» // Источник. 1997. № 3. С. 105–126; № 4. С. 103–119.

¹⁰ Я опускаю суждения Ф.Ф. Перчёнка, который видел в деле, прежде всего, удар по «старой» интеллигенции, стремление запугать её и ликвидировать относительную независимость (*Перчёнок Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 232–233*), однако оговаривался, что для установления целостной картины необходимы материалы центральных архивов, к которым он так и не получил доступа.

¹¹ *Брачёв В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг.* 2-е изд., доп. СПб., 1997. С. 6. Автор отверг название «Академическое дело», утверждая, что в официальных документах оно отсутствует. Но и предлагаемое им «дело историков» – также не из лексикон ОGPU. «Академическим» процесс против сотрудников ряда академических учреждений Ленинграда современники назвали уже тогда – см., например, мемуары В.В. Чернавина на английском языке, где есть специальное приложение к основному тексту «Academic Cases», как синоним он использовал «дело Платонова» (*Tchernavin V.V. I Speak for the Silent. P. 359–368*). См. также: *Чернавины В. и Т.* Указ. соч. С. 159).

¹² *Покровский М.Н.* Отчёт председателя фракции Академии наук СССР о сессии академии 28–30 октября 1929 года // Источник. 1997. № 3. С. 118–122.

¹³ *Брачёв В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг.* С. 70.

¹⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. V; Вып. 2, ч. 1. С. XX. Даже утверждение авторов, что 5 ноября 1929 г. на Политбюро «было принято решение об уголовном преследовании (выделено мной. – И. Л.) лиц, причастных к “архивному делу”» (*Ананьич Б.В., Панях В.М. Принудительное «соавторство»*, С. 89) в оригинале выглядит так: «поручить комиссии т. Фигатнера со включением т. Крыленко обсудить вопрос о привлечении к суду (выделено мной. – И. Л.) виновных в укрывательстве документов» (Источник. 1997. № 4. С. 103).

¹⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. С. XII.

¹⁶ Докладная записка Ю.П. Фигатнера о работе комиссии РКИ в АН СССР 28 октября 1929 г. // Источник. 1997. № 3. С. 110–112.

¹⁷ Академическое дело 1929–1931 гг. С. XVI, XIX.

¹⁸ Там же. С. XV–XVI.

¹⁹ Там же. С. XXXVII.

²⁰ Там же. С. XXIII.

²¹ Там же. С. XXII.

²² *Перчёнок Ф.Ф.* Указ. соч. С. 208.

²³ Академическое дело 1929–1931 гг. С. XXIII.

²⁴ *Ягода Г.Г., Евдокимов Г.Е.* Докладная записка И.В. Сталину «О состоянии следствия по делу о деятельности контрреволюционных группировок в Академии наук СССР» // Источник. 1997. № 4. С. 114–118.

- ²⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2, ч. 1. С. XXXIII–XXXIV.
- ²⁶ Там же. С. XXXIV (отсылка к: Звезда. 1989. № 4. С. 163).
- ²⁷ Записка Г.М. Кржижановского в Политбюро ЦК ВКП(б) 11 декабря 1929 г. // Источник. 1997. № 4. С. 106–108; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2, ч. 1. С. XXV–XXVI.
- ²⁸ *Бердяевский Л.Г.* Власть и отечественная наука (1917–1941). Ростов-на-Дону, 2004. С. 299. В «Источнике» (1997. № 3. С. 107) приведены другие цифры на конец 1930 г.: из 960 сотрудников Академии наук было вычищено 648.
- ²⁹ Источник. 1997. № 3. С. 116; *Каганович Б.С.* Сергей Фёдорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006. С. 187–189.
- ³⁰ *Покровский М.Н.* Отчёт председателя фракции Академии наук СССР о сессии академии 28–30 октября 1929 года // Источник. 1997. № 3. С. 121.
- ³¹ *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 100.
- ³² Там же. С. 104–105.
- ³³ Там же. С. 108.
- ³⁴ Там же. С. 164.
- ³⁵ Там же. С. 360–362. Д.Д. Зувев, кадровый командир РККА, дал эти показания 8 января 1931 г., возможно, поздно для того, чтобы изменить сценарий «Академического дела». Кроме того, расследованием «дела офицеров» занимался совершенно другая группа следователей.
- ³⁶ *Иванов В.А.* Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 56–59 и др.
- ³⁷ *Литвин А.Л.* Без права на мысль: (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 11.
- ³⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2, ч. 1. С. XXI.
- ³⁹ Докладная записка Ю.П. Фигатнера о работе комиссии РКИ в АН СССР 28 октября 1929 г. // Источник. 1997. № 3. С. 111.
- ⁴⁰ Там же. С. 110–114. В список были включены Пушкинский дом, Археографическая комиссия, Комиссия по изучению производительных сил СССР, Химический институт АН и др.
- ⁴¹ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2, ч. 1. С. XXII–XXIII, XXVI–XXX.
- ⁴² Левин А.Е. «Заговор монархистов»: кому он был нужен? // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 123–128.
- ⁴³ *Бердяевский Л.Г.* Указ. соч. С. 298 (ссылка на: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 187).
- ⁴⁴ Я.С. Агранов – И.В. Сталину, 20 ноября 1932 г. (отпуск) // ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 7. Д. 212. Л. 38–39.
- ⁴⁵ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 169–171.
- ⁴⁶ Машинописная копия статьи отложилась в бумагах Чернавных (ОР РНБ. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 11).
- ⁴⁷ *Ашин Ф.Д.* *Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- ⁴⁸ *Иванов В.А.* Указ. соч. С. 80.
- ⁴⁹ Там же. С. 140.
- ⁵⁰ *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 20.
- ⁵¹ Бенуа Александр Николаевич (1870 – 1960) – художник, критик, основатель объединения «Мир искусства». Речь идёт о статье: *Бенуа А.Н.* «Сухарева башня» // ПН. 1933. 14 января. № 4315. С. 2.
- ⁵² *Миллюков П.Н.* [Без названия] // ПН. 1933. 8 января. № 4309. С. 2. В предисловии Миллюков сравнил воспоминания Т.В. Чернавной с мемуарами С. Пеллико.
- ⁵³ Пеллико Сильвио (1789 – 1854) – писатель, в 1820 г. арестован за интерес к карбонариям. Был осуждён, провёл 10 лет в тюрьме, которые описал в воспоминаниях, получивших широкую известность.
- ⁵⁴ Статья В.В. Чернавина под заглавием «Наука в СССР. Учёные – жертвы советской власти» была опубликована в двух номерах газеты «Последние новости», за 15 и 16 февраля 1933 г. (*Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. С. 139).
- ⁵⁵ Демидов Игорь Платонович (1873 – 1946) – немец, журналист, депутат IV Государственной думы, в эмиграции – член редакции «Последних новостей».
- ⁵⁶ Петрункевич Александр Иванович (1875 – 1964) – энтомолог, профессор Йельского университета, сын известного земского деятеля и одного из лидеров кадетской партии И.И. Петрункевича. Возможно, речь идёт о Каменке Борисе Абрамовиче (1855 – 1942), который во время Первой мировой войны входил в совет Русско-английской торговой палаты. Однако в эмиграции он жил в Париже.
- ⁵⁷ Вероятно, она находится ныне в фонде Чернавных в ОР РНБ (Ф. 1412. Оп. 1. Д. 7).
- ⁵⁸ Сапожников Василий Васильевич (1861 – 1924) – ботаник, географ. В 1906–1909 и 1917–1918 гг. – ректор Томского университета. В 1918–1919 гг. – министр народного просвещения в правительстве А.В. Колчака, основал Иркутский университет. Сапожников Алексей Васильевич (1868 – 1935) – химик, специалист по взрывчатым веществам. С 1899 г. – профессор Михайловской артиллерийской академии, Петербургского института инженеров путей сообщения, также служил в других учебных заведениях.
- ⁵⁹ Панина Софья Владимировна (1871 – 1956), графиня, общественная деятельница, основательница Лиговского народного дома (1903), входила в руководство кадетской партии (с 1917 г. – в ЦК). С 1920 г. в эмиграции, до конца 1930-х гг. жила в Праге, затем в США.
- ⁶⁰ По «Академическому делу» были арестованы две дочери С.Ф. Платонова – Нина (1886 – 1942) и Мария (1897 – 1942).

⁶¹ Тарновская (урожд. Тарле) Мария Викторовна (1882 – 1957) – сестра Е.В. Тарле. Известно, что она боролась за освобождение брата, в частности, обращалась к М.Н. Покровскому.

⁶² Егоров Дмитрий Николаевич (1878 – 1931) – историк-медиевист. Член-корреспондент РАН (1928). Служил в московских вузах, МГУ, заместителем директора Библиотеки им. В.И. Ленина. По «Академическому делу» получил ссылку на 5 лет, которую отбывал в Ташкенте.

⁶³ *Egorov D.N. Die Kolonisation Mecklenburgs im 13. Jahrhundert / Übers. von Harald Cosack [u. a.]. Breslau, 1929. Bd. 1: Material u. Methode (Bibliothek geschichtlicher Werke aus den Literaturen Osteuropas; № 1, bd. 1); 1930. Bd. 2: Der Prozess der Kolonisation (Bibliothek geschichtlicher Werke aus den Literaturen Osteuropas; № 1, bd. 2).*

⁶⁴ Большая Советская энциклопедия / глав. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1932. Т. 24: Евреи – Железняков. С. 423–424.

⁶⁵ Платонов Сергей Фёдорович (1860 – 1933) – историк. Академик АН (1920). Главный фигурант «Академического дела». Арестован в январе 1930 г., в 1931 г. получил пять лет ссылки в г. Куйбышев, где и скончался. Любавский Матвей Кузьмич (1860 – 1936) – историк. Академик АН (1929). В августе 1930 г. арестован в Москве по «Академическому делу». Получил пять лет ссылки, отбывал её срок в Уфе, где вскоре после завершения срока скончался. Лихачёв Николай Петрович (1862 – 1936) – историк, специалист по вспомогательным историческим дисциплинам. Академик АН (1925). Осуждён по «Академическому делу» в 1931 г. на ссылку в Астрахань, в 1933 г. по болезни ему разрешили вернуться в Ленинград, но не позволили работать по специальности.

⁶⁶ Заозерский Александр Иванович (1874 – 1941) – историк. Ученик С.Ф. Платонова. Арестован по «Академическому делу», осуждён на ссылку. Бутенко Вадим Аполлонович (1877 – 1931) – историк. В 1900 г. окончил Санкт-Петербургский университет, с 1907 г. – приват-доцент. В 1917–1928 гг. преподавал в Саратовском университете, в 1928 г. вернулся в Ленинград. Осуждён по «Академическому делу» на 10 лет лагерей. Скончался на строительстве Беломоро-Балтийского канала в сентябре 1931 г. Вульфийус Александр Германович (1880 – 1941) – историк. По «Академическому делу» осуждён на три года ссылки в Омск. После её отбытия вновь арестован в 1937 г. Умер в лагере в Воркуте. Мейер Александр Александрович (1875 – 1939) – библиотекарь Публичной библиотеки, организатор религиозно-филологического кружка «Воскресение». В 1928 г. арестован ОГПУ, приговорён к расстрелу, заменённому на 10-летнее заключение (считается, что благодаря хлопотам жены П.В. Мейер (Тыченко)). Привлекался к расследованию «Академического дела», но осуждён по нему не был. Освобождён в 1935 г.

⁶⁷ Бюро краеведения (правильно – Центральное бюро краеведения) – создано в 1922 г. при Академии наук, координировало деятельность краеведческих организаций и экскурсионных станций. «Разработка» краеведов началась ещё до «Академического дела», а в его ходе краеведческие организации были представлены как часть монархического контрреволюционного заговора. Окончательно ликвидировано в 1937 г.

Геологический комитет – существовавшее с 1882 г. специальное учреждение, занимавшееся геологическим изучением России. После 1917 г. передан в ведение ВСНХ, ликвидирован в 1930 г.

Политпросвет – сокращённое название ряда органов, занимавшихся политическим просвещением.

⁶⁸ Келлер Борис Александрович (1874 – 1945) – ботаник. Академик АН (1931), директор Ботанического сада АН в Ленинграде.

Речь идёт о статье: Келлер Б.А. Там – упадок, здесь – расцвет // Правда. 1932. 7 ноября. № 309.

⁶⁹ Этот текст сохранился в фонде Чернавиных (ОР РНБ. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 1).

⁷⁰ См.: The Peasants and the Bolsheviks // The New Statesman. 1933. January 7. P. 4.

⁷¹ Шляпа (франц.)

⁷² Разбивка примечаний не совпадает с текстом опубликованных глав. Вероятно, они относились к первоначальному варианту рукописи, который затем был существенно переработан.

⁷³ Рассказ о том, что Т. Чернавина приютила девочку, содержится в главе 6 (*Чернавины В. и Т.* Указ. соч. С. 360).

⁷⁴ Шапошников Степан Дмитриевич (1887 – 1930) – инженер, сотрудник Научного института рыбного хозяйства, профессор Петровской сельскохозяйственной академии. Занимался проектированием холодильников для хранения рыбы. Расстрелян.

⁷⁵ Казаков Михаил Александрович (1880 – 1930) – основатель факультета рыбоведения Петровской сельскохозяйственной академии (1913), чиновник Министерства земледелия. После 1917 г. – глава управления рыболовства, затем заместитель заведующего отделом рыболовства Наркомзёма. Расстрелян.

⁷⁶ Фицон Пётр Моисеевич (1886 – 1930) – заведовал группой отдела реализации Института рыбного хозяйства, старший инспектор «Союзрыбы». Расстрелян.

⁷⁷ Разговор с сыном находится в главе 7 (*Чернавины В. и Т.* Указ. соч. С. 362).

⁷⁸ Пылин Александр Николаевич (1833 – 1904) – литературовед, историк. Академик имп. Академии наук (1898). Автор работ по истории общественной мысли начала XIX в. Пыпина (Ляцкая) Вера Александровна (1864 – 1930) – художница, дочь А.Н. Пылина.

⁷⁹ Автор констатирует название «Рассказа о семи повешенных» Л.Н. Андреева (1908) и статью Л.Н. Толстого «Не могу молчать» (1908). Поводом для статьи Толстого стали многочисленные расправы над революционерами, в частности, газетное сообщение о казни в Херсоне 20 крестьян за разбойное нападение на помещичью усадьбу. Текст Л.Н. Толстого был запрещён к публикации в России, появился лишь в отрывках и рукописных копиях. Полностью его напечатали многие европейские газеты.

⁸⁰ Ползикова Ольга Николаевна – до 1917 г. сотрудница Павловского института, литератор.

⁸¹ Измайлов Николай Васильевич (1893 – 1981) – филолог, пушкинист. Зять С.Ф. Платонова. С 1924 г. заведовал Рукописным отделом Пушкинского дома. Привлечён к «Академическому делу», получил пять лет лагерей, затем – ссылку на Печору. С 1941 г. работал в Оренбурге, в 1953 г. вернулся в Ленинград, в 1957 г. снова стал заведовать Рукописным отделом Пушкинского дома. Доктор филологических наук (1963).

⁸² Ниже сюжеты про лозунг и конец феодализма относятся к главе 10 (*Чернавины В. и Т.* Указ. соч. С. 367–368).

⁸³ Кубе Альфред Николаевич (1886 – 1942) – искусствовед, специалист по эпохе Ренессанса. С 1918 г. – хранитель Эрмитажа. Во время чистки уволен, но вскоре был восстановлен в должности. С 1939 г. – заведующий Отделом истории западноевропейского искусства Эрмитажа. Ильин Алексей Алексеевич (1858 – 1942) – нумизмат, музейный работник. Выпускник Александровского лицея, офицер лейб-гвардии Семёновского полка, владелец «Картографического заведения Ильина». Один из основателей, а с 1916 г. – председатель Российского общества нумизматов. С ноября 1918 г. – хранитель монет и медалей в Эрмитаже. В 1931 г. был уволен из числа сотрудников, но через несколько месяцев восстановлен на работе. Тройницкий Сергей Николаевич (1882 – 1948) – геральдист, искусствовед, один из основателей журнала «Старые годы». С 1908 г. служил в Эрмитаже, в 1918–1927 гг. был его директором. В 1931 г. уволен в результате чистки, работал экспертом в объединении «Антиквариат». Несмотря на то, что в 1932 г. результаты чистки были отменены, в Эрмитаж не вернулся. В 1935 г. арестован, выслан на три года в Уфу. Мацулевич Леонид Антонович (1886 – 1959) – историк Византии. С 1919 по 1948 г. работал в Эрмитаже, с 1934 г. возглавлял отделение Византии, с 1934 г. – отдел доклассового общества. Доктор искусствоведения (1939), профессор ЛГУ (1939 – 1952), член-корреспондент АН Грузинской ССР (1946). Головань Владимир Александрович (1870 – 1942) – историк, искусствовед, главный библиотекарь Эрмитажа.

⁸⁴ Малкина Екатерина Романовна (1899 – 1945) – научный сотрудник Эрмитажа и Пушкинского дома, кандидат филологических наук. Измайлова Наталья Васильевна (1890 – 1942) – сотрудник Эрмитажа, библиотекарь в Ленинградской консерватории, Публичной библиотеке (1937–1942). Сведения о Соколовой обнаружить не удалось.

⁸⁵ Крюгер Отто Оскарович (1893 – 1967) – антиковед. Научный сотрудник, учёный секретарь Эрмитажа (1919–1938, с перерывом 1930–1933). Профессор, доктор исторических наук (1938). В 1938 г. арестован, приговорён к ссылке на 5 лет в Казахстан. Затем вернулся в Ленинград (1955), профессор ЛГУ.

⁸⁶ Боровка Григорий Иосифович (1894 – 1941) – историк, музеевед. В 1918–1931 гг. – сотрудник Эрмитажа, хранитель скифских материалов. В 1931 г. арестован и осуждён на 10 лет лагеря. В 1940 г. освобождён, оставлен на жительство в Коми АССР, в 1941 г. арестован и расстрелян.

⁸⁷ Вейнерт Николай Владимирович (1884 – 1938) – историк архитектуры, один из основателей экскурсионного дела в России, работал вместе с И.М. Гревсом, Н.П. Анциферовым. В 1929 и 1931 гг. дважды осуждён на три года ссылки. Расстрелян по делу польских шпионов. Вейнерт-Владимир Ядвига Адольфовна (1886 – 1973) – супруга Н.В. Вейнерта, сотрудник Пушкинского дома, дважды осуждалась на ссылку с мужем, в 1939 г. – ссылка на 5 лет. Её воспоминания хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1029. Оп. 1. Д. 21, 22 – о детстве, коммерческом училище в Лесном и о Петроградском экскурсионном институте). Другие мемуары – о Н.П. Анциферове – опубликованы в журнале «Звезда» (*Вейнерт Я.* Как я помню Николая Павловича Анциферова / публ. А. Крейцера // Звезда. 2014. № 8. С. 104–109).

⁸⁸ Анциферова Татьяна Николаевна (1889 – 1929) – историк. Скончалась от туберкулёза.

⁸⁹ Муратов Сергей Владимирович (1881–1949) – астроном, специалист по оптике, один из руководителей Российского общества любителей мироведения. В 1931 г. осуждён по делу «мироведов» на три года ссылки на Урал. В дальнейшем – профессор Свердловского государственного университета.

⁹⁰ Э. и Б. упоминаются в главе 12 опубликованного текста (*Чернавины В. и Т.* Указ. соч. С. 378–379). Рассказ про Н.В. Измайлова, Е.В. Тарле, издателей и Л. в ней нет.

⁹¹ Энгельгардт (урожд. Гаршина) Наталья Евгеньевна (1887 – 1930) – племянница писателя В.М. Гаршина. С 1918 г. служила в Эрмитаже. Покончила с собой после ареста мужа.

⁹² Энгельгардт Борис Михайлович (1887 – 1942) – литературовед, переводчик. Осуждён на ссылку по «академическому делу», в 1932 г. вернулся, формально был прописан в Малой Вишере, фактически жил в Ленинграде.

⁹³ О супруге В.А. Бутенко сведений обнаружить не удалось.

⁹⁴ Пыпин Николай Александрович (1875 – 1942) – историк литературы. Сын А.Н. Пыпина. Сотрудник Пушкинского дома. В 1930 г. арестован, получил 10 лет лагерей, досрочно освобождён в 1931 г. В 1935 г. снова арестован как социально опасный элемент, получил запрет на проживание в 15 городах СССР. Скончался в Ленинграде. Достоевский Андрей Андреевич (1863 – 1933) – секретарь Русского Географического общества. Племянник Ф.М. Достоевского. В 1925 г. поступил на службу в Пушкинский дом. В 1930 г. арестован, получил пять лет лагерей, освобождён в апреле 1931 г. досрочно.

⁹⁵ Беляев Михаил Дмитриевич (1884 – 1955) – литературовед. Возглавлял Литературный музей Пушкинского дома (1921–1929). По «Академическому делу» получил пять лет лагеря, через два года освобождён. Кандидат филологических наук (1946). В дальнейшем работал в Государственном литературном музее, Театральном музее им. А.А. Бахрушина.

⁹⁶ Рождественский Сергей Васильевич (1868 – 1934) – историк. Член-корреспондент АН (1920). Один из основных фигурантов «Академического дела», приговорён к ссылке на пять лет. Скончался в ссылке в Томске.

⁹⁷ Вольфсон Лев Владимирович (1882 – 1953) – совладелец и директор издательства «Мысль» (1917–1930). Арестован в 1928 г.

⁹⁸ Баранов (Гальперсон) Сергей Сергеевич (1893 – 1952) – редактор «Научного книгоиздательства». Арестован в марте 1930 г., в феврале 1931 г. приговорён к пяти годам концлагеря, в 1932 г. приговор изменён на запрет проживать в Московской и Ленинградской областях на три года. Вновь арестован в Москве в 1948 г., расстрелян в 1952 г.

⁹⁹ Лазарев Пётр Петрович (1878 – 1942) – физик. Академик РАН (1917), основатель журнала «Успехи физических наук» (1918), директор Института физики и биофизики Наркомздрава (1919–1931). Арестован в марте 1931 г., в сентябре отправлен в ссылку в Свердловск. Вернулся в Москву в феврале 1932 г. Лазарева Ольга Александровна – супруга П.П. Лазарева, пыталась добиться его освобождения, но безуспешно. Под угрозой высылки и ссылки мужа на 10 лет покончила жизнь самоубийством 13 июня 1931 г.

¹⁰⁰ Единственный разговор с анонимной соседкой по камере приведён в главе 14 (*Чернавины В. и Т. Указ. соч. С. 385–389*).

¹⁰¹ Сведения обнаружить не удалось.

¹⁰² Лансере Николай Евгеньевич (1879 – 1942) – художник, член общества «Мир искусства». В 1931 г. был арестован и осуждён за «шпионаж» в пользу Франции. В заключении работал в Особом конструкторско-техническом бюро.

¹⁰³ Миллер Евгений Карлович (1867 – 1939) – военный деятель. Генерал-лейтенант (1915). С 1930 г. – председатель РОВС. Похищен агентами ОГПУ в Париже в 1937 г., расстрелян в Москве.

¹⁰⁴ Сведений обнаружить не удалось.

¹⁰⁵ Клеруан Дёнис (1900 – 1945) – французская переводчица. Французское издание книги Т. Чернавиной в переводе Д. Клеруан не состоялось. Единственное французское издание книги Т. Чернавиной см.: *Tchernavina T. Echappés du Guépécou, 1933 / Traduit du russe par V. Samaret et S. Camraux. Paris, 1934.*

¹⁰⁶ Лабри Рауль (1880 – 1950) – историк. Автор ряда работ по истории России и СССР.

¹⁰⁷ Вместо зачёркнутого «Все резолюции всегда принимаются единогласно».

¹⁰⁸ Варшер Татьяна Сергеевна (1880 – 1960) – археолог, специализировалась на изучении Помпей. Близка П.Н. Милокову. Письмо Т.В. Чернавиной Т.С. Варшер см. ниже.

¹⁰⁹ Вероятно, речь идёт о М. Москвине (1906 – ?), авторе книги «Хождение по вузам. Воспоминания комсомольца» (Париж, 1933).

¹¹⁰ Анциферов Николай Павлович (1889 – 1958) – историк, краевед. С 1925 г. неоднократно арестовывался, в том числе по делу кружка А.А. Мейера «Воскресение» (1929 г.), привлекался к «Академическому делу», получив в связи с ним дополнительный срок. Окончательно освобожден в 1939 г. Автор воспоминаний. Смирнов Алексей Петрович (1889 – 1930) – византист. Осуждён по делу кружка «Воскресение», скончался на Соловках.

¹¹¹ Гревс Иван Михайлович (1860 – 1941) – историк-медиевист, краевед. Профессор Высших женских курсов и Санкт-Петербургского университета.

В. Хазан

Философ в должности банковского служащего, или «усердный толкователь шестовской беспочвенности» (Адольф Лазарев и некоторые материалы из его философского наследия)

Аннотация: Статья посвящена биографии и трудам философа А.М. Лазарева.
Annotation: The article is dedicated to life and works of philosopher A.M. Lazareff.
Ключевые слова: А.М. Лазарев, Л. Шестов, история философии.
Key words: A.M. Lazareff, L. Chestov, history of philosophy.

Думал о Лазареве: чистый человек и скромный – ему много откроется.
Алексей Ремизов¹

Бердяев и остальные любили, ценили Шестова как неотразимо привлекательного человека, но не хотели прислушиваться к тем мучительным вопросам, которые он задавал. Были, конечно, и исключения: – друг и «антипод» Эдмунд Гуссерль <...>, верный ученик и последователь Б. Фондан, который записал свои беседы с Шестовым (он погиб в немецком лагере в 1945 г.), Адольф Маркович Лазарев, который, в начале знакомства у киевского проф. Челпанова с философией Шестова, окрестил её – «Да это сверхпсихология» – и впоследствии стал усердным толкователем шестовской беспочвенности.
Герман Ловцкий²

Среди философов русского зарубежья, которые в последние годы всё больше и больше привлекают и занимают внимание исследователей, имя А.М. Лазарева почти не встречается: в их ряд он, говоря стихами Б. Пастернака, не попал, хотя причислить его, продолжая рефлексировать на тот же источник, к «шеренге прихлебал», втёршись в «родню чужую», было бы явным искажением как обычно упрямых и несговорчивых исторических фактов. В качестве

философа А.М. Лазарева высоко ценили такие выдающиеся мыслители XX столетия, как Лев Шестов и Николай Бердяев, с которыми он состоял в близких человеческих и духовно-интеллектуальных связях и контактах. Для того и другого был неоспорим сильный и оригинальный философский ум А.М. Лазарева, его широчайшие познания, склонность к самостоятельному мыслительному анализу, бесстрашие критического взгляда на мир. В одном из писем Лазареву (от 14 февраля 1936 г.) Л. Шестов писал о его редкой способности «читателя, который не только усваивает содержание книги, но и перерабатывает его усилиями собственной мысли, т. е. воссоздаёт и обогащает его».

И далее, человек в своих суждениях и оценках крайне строгий, искренний и адекватный, который не стал бы незаслуженно льстить чужому самолюбию, Л. Шестов пишет своему корреспонденту: «Для Вас – это так редко бывает – философия не умственное упражнение и даже не добывание знания, хотя бы знания, как принято выражаться, о первых и последних вещах – и так у Вас было ещё до встречи со мной – а искание единого на потребу, и на этом пункте наши пути скрестились»³.

Или в другом письме ему же – от 27 февраля 1929 г.: «Условился с Гуссерлем, что в воскресенье 3 марта в 4 часа дня он придёт ко мне, и я ему представлю русскую философскую мысль. Ergo – Вы должны приехать, ибо, в противном случае, мысль не будет вполне представлена»⁴.

Заслужить подобную оценку от одного из умнейших людей своего времени, с чьим именем связана целая эпоха в мировой философии, было делом далеко не заурядным, и то, как путь интеллектуальных исканий А.М. Лазарева скрестился с шестовским мыслительством, представляет, как нам кажется, весьма небезынтесную проблему для историко-философской науки в целом и для духовной жизни русской эмиграции «первой волны» в частности.

Адольф Маркович Лазарев родился в Киеве в 1873 г. Окончив в родном городе юридический факультет Университета св. Владимира, он до эмиграции сумел сделать успешную карьеру на финансово-банковском поприще. Одновременно с этим он не терял связи с научно-преподавательской деятельностью (выступал с лекциями по философии в местном университете)⁵, хотя, как можно думать, эта сторона его существования носила характер некоего приложения к основному роду занятий банковского служащего, была своего рода духовной отдушиной. В краткой биографической справке об А.М. Лазареве, предпосланной публикации его статьи «Философия Льва Шестова», М. Раев справедливо замечал, что на протяжении всей жизни автор «вынужден был зарабатывать на хлеб насущный и своему настоящему призванию – философии – мог уделять лишь досуг»⁶.

Впрочем, понятия «отдушины» и «досуга» здесь весьма относительные, поскольку деятельность А.М. Лазарева, если её рассматривать под углом зрения главного содержания, демонстрирует упрямое поползновение философских интересов на территорию жизненной прагматики, их прямую интервенцию и вытеснение последней. Увлечение философией, начавшееся у Лазарева в молодости, сопровождало его до последних дней.

Важным этапом лазаревского духовного становления стала Психологическая семинария профессора Г.И. Челпанова при Университете Св. Владимира, где он познакомился с Л. Шестовым, Н. Бердяевым, Г. Шпетом, В. Зеньковским и др. Из немногочисленных статей, написанных и напечатанных им в доэмигрантский

период, следует назвать «Прагматизм. Новое течение в области философии», появившуюся, как сейчас выразились бы, в престижной «Русской мысли»⁷, – в ней он впервые обозначил свой интерес к фигуре известного американского философа и психолога Вильяма Джеймса (1842 – 1910), которая будет занимать его и в дальнейшем: в № 35 парижского журнала «Путь» за 1932 г. он публикует статью «Философская судьба Вильяма Джемса <sic>» (впоследствии, в переводе на французский язык, она будет включена в его посмертную книгу «Via et connaissance»)⁸. Другое заметное появление А.М. Лазарева на столичном философско-критическом горизонте – его рецензия на книгу Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки», напечатанная в журнале «Вопросы жизни»⁹. В 1917 г. статья Лазарева «Философия Бергсона» была включена в 1-й выпуск редактируемого Г. Шпетом философского ежегодника «Мысль и слово»¹⁰, в котором приняли участие сам Г. Шпет, М. Гершензон, Л. Шестов, П. Блонский, Е. Лундберг и др.

Следует, впрочем, думать, что гораздо более важной, чем презентация своих мыслей в опубликованном, обнародованном виде, для А.М. Лазарева была сама потребность в проявлении «частного» критического суждения, процесс расширения собственных философских познаний и формирование цельной картины мира в индивидуальном опыте. Этот несколько «приватный» взгляд на задачи философских исследований, а главное – на своё место в истории философской науки в той или иной мере будет присущ ему на протяжении всей дальнейшей жизни.

Эмигрировав в начале 1920-х гг. с женой, художницей Бертой Абрамовной (1889 – 1975), и малолетним сыном Михаилом на Запад, А.М. Лазарев, как многие другие русские беженцы, оказался сначала в «мачехе российских городов» (В. Ходасевич) – Берлине¹¹. В «Мышкиной дудочке» (рассказ «Кишмиш») А. Ремизов, близко с Лазаревым знакомый, пишет, что тот «и в Киеве слыл книжником, а в Берлине ударился в философию»¹².

Можно обнаружить пусть не очень заметное, но вполне осязаемое присутствие А.М. Лазарева в интеллектуальной жизни немецкой столицы, в том числе беженского «русского» и/или «русско-еврейского» Берлина: так, 18 февраля 1922 г. он выступал с докладом «Философия Бергсона» в Союзе русских евреев¹³, 3 февраля 1923 г. – читал лекцию на тему «Религиозно-философские искания современности», 21 марта 1924 г. – «Вальтер Ратенау как человек и мыслитель» и др.¹⁴ Как почти все их соотечественники, в смысле материального Лазаревы существовали на скромный эмигрантский бюджет, а в духовном – на собственные интеллектуальные резервы. М. Гершензон, побывавший в Берлине летом 1923 г., писал оттуда в Париж Л. Шестову: «Посмотрел я жизнь наших в Берлине – Ловцких, Ремизовых, Лазарева и др.: не многим легче московской (я говорю только о внешнем). И притом призрачно, пустынно, одиноко»¹⁵.

После Германии последовала Франция, куда Лазаревы переехали по вызову, высланному им известным финансистом (или, как его величал К.Д. Бальмонт, «добрым банкиром») ¹⁶, общественным деятелем и меценатом Адольфом Юрьевичем (Уриевичем) Добрым (1867 – 1936)¹⁷, которого Адольф Маркович знал с детства, под началом которого служил в Русском для внешней торговли банке в Киеве (Крещатик, 32)¹⁸ и с которым была связана практически вся его жизнь¹⁹.

Первоначально Лазаревы обосновались в Реймсе (21, Place du Chapitre), хотя и планировали поселиться в Париже²⁰. В письме от 14 сентября 1925 г. (по ошибке датировано автором августом), адресованном А.М. Лазареву в Германию, Л. Шестов писал: «Очень рад, что Вы собираетесь в Париж. Только – в этом я вполне с Д<орой> Ю<рьевной>²¹ согласен – не собирайтесь долго. И сразу решайтесь – причём со всей семьёй. Уверен, что будет Вам и легче, и лучше, чем в Берлине. В Б<ерлине> иностранец ничего заработать не может. Здесь же это возможно. Я думаю, что решись Вы сюда переехать 2 года тому назад, когда в Германии началась дороговизна, Вы бы уже были если не вполне, то хоть отчасти устроены. И Добрый, и С<емён> В<ладимирович>²² могут для Вас что-нибудь сделать только в том случае, если Вы здесь живете. Оттого и нужно не одному – т. е. наполовину переехать – а со всей семьёй. Все дела, сделанные наполовину, проваливаются. Надеюсь, что на этот раз Вы проявите достаточно твёрдости»²³.

Начиная с конца 1926 г., А.М. Лазарев начал регулярное чтение лекций по истории новейшей философии в Русском народном университете (163, rue de Sèvres, Paris 15-e), а затем, по четвергам, во Франко-русском институте (44, rue Lhomond, Paris 5-e), для чего еженедельно приезжал из Реймса в Париж.

В Реймсе Лазаревых навещал Л. Шестов, оттуда, в частности, написаны его письма Ловцким²⁴ и психоаналитику М. Эйтингону²⁵ (то и другое датированы 24 июня 1930 г.).

Перебраться в Париж у А. Лазарева сразу не получилось, и только конце 1933 – начале 1934 г., не удовлетворённый своим экономическим положением и испытывая оторванность от привычной интеллектуально-философской среды, он переехал с семьёй в Париж (выявленные адреса проживания: 10, square Desnouettes (Paris, XV-e)²⁶; 4, rue de Lacretelle (Paris XV-e)), где, по всей видимости не без помощи всё того же А. Доброго, устроился на работу в банк. Ещё живя в Реймсе, А.М. Лазарев стал участником заседаний созданной по инициативе и под председательством Н. Бердяева парижской Религиозно-философской академии.

К сожалению, пока не удалось установить, где именно находились Лазаревы во время немецкой оккупации Парижа, – судя по всему, на юге Франции, где как евреям им было несколько безопаснее, нежели в столице. В иерусалимском архиве Адольфа Марковича сохранилось письмо к нему Б. Шлёцера от 13 октября 1943 г., написанное в ответ на просьбу выяснить условия существования в Amélie-les-Bains – городке в восточной части французских Пиренеев, неподалёку от которого жил в то время сам Б. Шлёцер. Был ли связан интерес А. Лазарева к Amélie-les-Bains с какими-то специфическими проблемами здоровья, его собственного или кого-то из членов семьи, двигало ли им желание облегчить трудности каждодневного бытового существования, или вопрос элементарно касался поиска более безопасного места, сказать мы не берёмся. В любом случае, автор письма сообщал, что проникнуть туда без специального медицинского сертификата практически невозможно, и скорее всего, Лазаревы эту идею оставили. Помимо тем сугубо житейских, письмо Б. Шлёцера содержало фрагмент, содержание которого связывало этих людей более, чем что-либо иное: «Et vous travailler meme à une etude sur notre cher Lev Issacovitch! Lentement sans doute, car il est difficile de se concenres au mileu des mille soucis...»²⁷.

Уже после возвращения в освобождённый Париж, 26 декабря 1944 г., А. М. Лазарева не стало. А. Ремизов записал тогда в своем дневнике: «26 XII Адольф Маркович Лазарев. Хороший человек, похоронили в Bagneux»²⁸.

Через несколько лет после смерти философа стараниями вдовы была подготовлена к печати и издана упоминавшаяся выше книга его статей, переведённых на французский язык Б. Шлёцером, «Via et connaissance» (Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1948), предисловие к которой написал Н. Бердяев²⁹.

В среде русских эмигрантских философов А. М. Лазарев значительной фигурой, безусловно, не стал, хотя в том, что это была личность яркая и заметная, включая и интересующий нас главным образом философский аспект, никаких сомнений, как кажется, быть не может. Следует думать, что он так и не сумел до конца реализовать свой огромный творческий потенциал, и потому его имя оказалось не очень известным и во французских философских кругах, и в эмигрантской интеллектуальной среде, не говоря уже о широкой читательской аудитории. Определённую роль здесь, конечно, сыграли сложные обстоятельства изгнаннической жизни, зачастую складывающиеся не в пользу талантливых людей. Безусловно, известная доля «вины» за то, что философские идеи и взгляды А. М. Лазарева не оказались крупным научным достоянием, не получили широкого обнародования, огласки и распространения, не вошли, что называется, «в обиход», лежит на нём самом. Так, например, была упущена редкая возможность опубликовать статью в одном из авторитетнейших международных философских журналов «Forum Philosophicum» (1930–1931; New York – Leipzig; editor Raymond Schmidt), просуществовавшем, к сожалению, весьма недолго. Л. Шестов, который входил в редколлегию этого журнала³⁰, упорно убеждал друга-ученика отправить свою статью о В. Джеймсе (см. выше) в этот журнал (превосходно владевший английским языком, А. М. Лазарев мог бы сам, без чьей-либо помощи, осуществить перевод), однако все эти попытки оказались тщетными. Сверхтребовательный к себе и упрямо не торопящийся выносить свои печатные тексты на публичный суд, Лазарев, возможно и даже вероятно, был лишён того комплекса исследовательского тщеславия, который намечает ощутимую грань, отделяющую блестящего эрудита от деятельного учёного. Несомненно, что А. Лазарев был способен эту грань перейти, и нередко переходил, но столь же несомненно и то, что, приближаясь к ней вплотную, он испытывал – то ли в силу внешних обстоятельств, то ли внутреннего психологического давления – «страх и трепет» перед взваливаемым на свои плечи интеллектуальным грузом. Пожалуй, помимо того, что Л. Шестов являл образец недостижимой философской дерзости, его бесстрашный опыт доходить до «апофеоза беспочвенности» и отрицать любые формы принуждения и насилия разума служили А. Лазареву идеалом преодоления сомнений и душевных контрверз путём утверждения чувства собственной правоты.

Нет нужды говорить о том, что Л. Шестов, в глазах А. Лазарева, был одним из подлинных духовных вождей поколения. В письме к сестре Льва Исааковича Ф. И. Ловцкой (от 28 мая 1930 г.) он писал, что прочитал «Добро в учении гр. Толстого и Нитше» «в очень *трудную* пору моей жизни, когда *никакие* книги (и ничто) не могли меня интересовать, когда я не *мог* читать. И Шестов, только Шестов взволновал меня. Нужно испытать иное такое, чтобы

проблемы Шестова *почувствовать*. Словом, тогда *только* Шестов мог родить отклик в моей душе³¹. Это незабываемо!»³²

Как уже было сказано, будучи знаком с Л. Шестовым ещё по Киеву, А.М. Лазарев со временем превратился в одного из его ближайших и любимых собеседников, участника и «конфидента» нескончаемых философских диалогов и дискуссий, нередко проходивших между ними с глазу на глаз³³ (в публикуемом ниже некрологе «Памяти Льва Шестова» А. Лазарев определяет этот вид их бесед как «размышление вслух вдвоём»)³⁴. Несомненно, что эти сократовско-платоновские «пирь» послужили дополнительным импульсом для нескольких текстов, написанных А. Лазаревым о Л. Шестове и о его важнейших философских идеях. В них он выступает в качестве весьма небезытересного и тонкого исследователя-интерпретатора шестовского философского наследия, который, заметим, обладал тем преимуществом, что мог проверять и корректировать свои суждения в личных беседах с автором. В то же самое время лишь один его текст, связанный с именем выдающегося философа, был опубликован при жизни того и другого: очерк «Лев Шестов», написанный к 70-летию юбилею последнего и напечатанный в журнале «Современные записки»³⁵. Главный «толстый» журнал эмиграции поместил на своих страницах этот очерк благодаря посредничеству Н. Бердяева, который отказался от сделанного ему предложения написать о Л. Шестове к его 70-летию и рекомендовал, в свою очередь, привлечь А. Лазарева как его знатока и почитателя (письмо В. Рудневу от 4 июня 1936 г.)³⁶.

Остаётся не совсем ясным, почему А.М. Лазарев несколькими месяцами раньше отклонил предложение того же Н. Бердяева, предоставлявшего ему для подобной юбилейной статьи страницы редактируемого им религиозно-философского журнала «Путь» (см. ниже бердяевские письма А. Лазареву от 5 и 9 марта 1936 г.). Единственным приемлемым объяснением, способным как-то мотивировать лазаревский отказ, могло бы быть ощущение непреодолимого страха ответственности, связанной с невозможностью вместить в краткую форму, к тому же предполагавшую подведение известных жизненных и творческих итогов юбилея, немислимое по идейному богатству содержание (см. аргумент Н. Бердяева в письме, последовавшем за этим отказом: «Вы преувеличиваете трудности»). Как бы там, однако, ни было, А. Лазарев, без сомнения, принадлежал не только к «званным», но и «избранным», к тем, чьё квалифицированное и авторитетное мнение о книгах и статьях Л. Шестова было востребовано и высоко ценимо в близких ему профессиональных кругах. Недаром – наряду с Леви-Брюлем (президент), Н. Бердяевым, Ж. де Готьё, П. Дежарденом, А. Добрым, Ж. Поланом, Б. Шлёцером (секретарь) и М. Эйтингоном – он вошёл в состав Комитета Друзей Льва Шестова (Comité des amis de Léon Chestov), созданного в 1936 г. по случаю юбилея философа.

В упоминавшуюся выше уже несколько раз посмертную книгу А. Лазарева «*Vie et connaissance*» была включена его статья «*La philosophie de Léon Chestov*»³⁷, русский оригинал которой – «Философия Льва Шестова [Март 1936]»³⁸, впервые опубликованный М. Раевым (см. прим. б), был взят из рукописного (точнее, машинописного, с авторской правкой) сборника лазаревских статей (большой частью известных, но частично не дошедших до печатного станка), составленного в 1964 г. то ли женой, то ли сыном фило-

софа и размноженного в четырёх экземплярах. Один из них ныне находится в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York); именно этот экземпляр стал источником для публикации М. Раева. Ещё один хранится в National Library of Israel (Jerusalem), о месте нахождения двух других экземпляров нам ничего не известно. Помимо опубликованной М. Раевым статьи, данный сборник содержит ещё три материала, связанные с Л. Шестовым: рецензия «“Athènes et Jérusalem” Льва Шестова», некролог «Памяти Льва Шестова» и начало незавершённой статьи «Философия Льва Шестова и её библейские мотивы». Эти неизвестные тексты, а также письмо А. Лазарева Л. Шестову от 18 сентября 1927 г., в котором довольно выразительным, как нам кажется, образом проявляет себя не робко-ученическая, а достаточно зрелая и самостоятельная мысль автора, составляет первый раздел настоящей публикации. Во всех этих случаях Лазарев выступает как комментатор-толкователь шестовской философии, того, что казалось ему наиважнейшим в ней. Поскольку мы имеем дело с человеком, посвящённым и допущенным в «святая святых» лаборатории мысли Л. Шестова, её истоков, причин и импульсов возникновения, течения и развития, сопротивляющихся бытующим предубеждениям и силе инерции и, в конечном счете, её плодам и результатам, по крайней мере, небезынтересно выслушать эти свидетельства «от первого лица».

Во второй раздел включены пять неопубликованных писем Н.А. Бердяева Лазаревым: четыре Адольфу Марковичу и одно – письмо-соболезнование его вдове Берте Абрамовне.

Вносимые нами коррективы (сокращённые слова, дописанные до их полного объёма и пр.) осуществляются в ломаных скобках. Звёздочкой маркированы авторские примечания.

Остаётся только (хотя и с солидным историческим опозданием, примерно в 35 лет) по достоинству оценить тот факт, что благодаря усилиям парижанки С.Е. Вайсман (бывшей узницы Аушвица, со слов которой, между прочим, написан рассказ-очерк писателя-эмигранта Л.Ф. Зурова «Аушвиц»), профессоров Еврейского университета в Иерусалиме Л.С. Флейшмана (в те годы) и Д.М. Сегала, а также главы Архива и Отдела рукописей Национальной и Университетской библиотеки Израиля д-ра М. Надава были получены и сохранены оригиналы уникальных документов, касающихся жизни и философского творчества А.М. Лазарева. И таким образом открылась счастливая возможность вернуть из небытия ещё одно имя, принадлежащее истории философской мысли XX столетия.

И. А.М. Лазарев и Л.И. Шестов: из неопубликованных материалов

ПИСЬМО А. ЛАЗАРЕВА Л. ШЕСТОВУ

Основная часть большого и содержательного письма Л. Шестова А. Лазареву от 22 сентября 1927 г., в котором автор высказывает принципиальные соображения, связанные со своим *Weltanschauung*, была опубликована дважды – сначала в подборке «Неизданные письма Льва Шестова»³⁹, а затем в книге Н. Барановой-

Шестовой об отце⁴⁰. Однако тот факт, что у этого письма имелась побудительная причина, остался «за кадром». И тем самым важная контекстная составляющая этой, как мы её назвали бы, философско-эпистолярной акции оказалась как бы в тени. Между тем, Шестов не просто «написал длинное письмо своему другу А.М. Лазареву»⁴¹, но ответил на его высказанные в предшествующем письме сомнения и вопросы. Именно наличие этого диалогического, вопрошающе-отвечающего начала придает шестовскому ответу характер полноценной дискуссии, если под таковой понимать заинтересованный обмен мыслями и их новое – повторное, а иногда и более точное (или более понятное для окружающих) – обоснование-уточнение-формулирование происходит как бы «на глазах», в процессе обсуждения. Безусловно, заостренная адресация ощущается в послании А.М. Лазареву и сама по себе, даже без восстановленного повода или обнаружения противовесных реакций, однако вряд ли нужно доказывать, что выявление обратной связи существенно углубляет и внятно эксплицирует основную *мотивировку* письма Л. Шестова: что именно его подвигло на «объяснительно-poleмический» ответ.

Письмо печатается по автографу, хранящемуся в MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/1.

St Gervais-les-Bains
18.IX. <19>27

Дорогой Лев Исаакович,

Полагаю, Вы не будете оспаривать, что человек бывает жертвой не своих злых, а добрых намерений и ни за что так мало уважения от ближних не снискивает.

Вот и я чуть не с месяц тому назад в добром отзыве вызвался перед Дорой Юрьевной <Доброй>⁴² сообщить Вам адрес Дав<ида> Абр<амовича> Левина⁴³, который приехал на время из Совдепии в Либаву (Lieraja [Libau]), а оттуда должен был ехать в Берлин полечиться. Я записанный № дома и улицу уже разобрать за давностью не могу. Какой ответ буду держать перед Д<орой> Ю<рьевной>?

А не сообщил Вам, потому что собирался написать письмо, как следует, а не ограничиваться парой строк о Дав<иде> Абр<амовиче>. Да за разными заботами и работой перед отпуском не собрался. Правда, написал Дав<иду> Абрамовичу Ваш адрес в Châtel, звал его в <нрзб.> – уж приехать из Берлина в Париж. Думал, чтобы и Вы позвали. Хотелось, чтобы он был обрадован за рубежом письмом от Вас.

Хотел же я написать Вам большое письмо в предположении, что Сем<ён> Влад<имирович>⁴⁴ будет с Вами свои дни отдыха проводить, и хотел писать такое, чтобы у Вас с С<емёном> В<ладимировичем> «крупный разговор» (философский, впрочем) вышел.* Потом, уже позже узнал, что С<емён> В<ладимирович> всё-таки дня три у Вас побывал.

А теперь из того, что хотел написать, скажу немногое.

Когда С<емён> В<ладимирович> пишет о Вас, то всегда – что называется – говорит дело. По крайней мере, я не знаю никого другого (Шлёцера⁴⁵ inclus⁴⁶), кто так хорошо сформулировал бы ту или иную из Ваших тенденций.

Но когда случается мне говорить с С<емёном> В<ладимировичем> о Вас, то один пункт в его соображениях меня испуганно повергает... не скажу в смущение, но в молчание. Он умеет преследовать, так сказать, Ваши иные мысли до их отдалённых *следствий*, ставит *веские* возражения, аргументирует – словом, даёт – нужно<:> придаёт – einen Sonnenklarer Bericht⁴⁷. И вот это-то и кажется мне не той Einstellung⁴⁸, какая подобаёт при толковании Ваших тем.

Вы знаете, Лев Исаакович, я далеко не всё понимаю в Ваших книгах и даже в Ваших – случается – личных viva voce⁴⁹ пояснениях. Далеко не со всем я также соглашаюсь. Но (заметили Вы?) я *никогда* не возражаю (поскольку <sic> речь идет только о Ваших темах и мыслях), *никогда* не расспрашиваю Вас даже (хотя иного не понимаю!). Я *только* слушаю, а если когда, то что-нибудь просто от себя. И думаю, что поступаю правильно, даже когда не расспрашиваю о том, что осталось непонятным. Ибо начнёшь расспрашивать, тем более *встревать*, и вспугнёшь и в себе (и, м<ожет> б<ыть>, и в Вас) то, что только и важно. Нечто, что, *если* соединяет, то соединяет где-то там, в глубине, глубже формул и возражений и разногласий (м<ожет> б<ыть>, даже вопреки им).

И если бы меня спросили, да почему это я так пассивен, почему не расспрашиваю, не возражаю, не аргументирую, почему удовлетворяюсь тем, что слушаю и, не понимая многого, всё же думаю, что понял что-то τὸ τιμιώτατον (так кажется?)⁵⁰, то мне как ответ на этот вопрос почему-то пре<по>дносится:

«Кому повесть печаль мою?»

Завёл я этот разговор не из вкуса к доносительству, а потому что связан он для меня ещё вот с чем.

Есть у меня неисполненные задачи. Среди других: 1) написать о Джемсе⁵¹, 2) написать о Вашей философии. С первой задачей я частично пытаюсь справиться теперь. Дело, правда, подвигается медленно. Со второй... Было время, когда мне, м<ожет> б<ыть>, было легче справиться с ней. Я выработал бы себе схему. Вероятнее всего, tant bien que mal⁵² изобразил бы Вашу критику рационализма, монизма и проч<ее> в этом роде; потом приютил бы Ваши мысли под кровом каких-нибудь там: «индивидуализма», «персонализма», «интуитивизма» и т<ому> под<обное>⁵³ и постарался бы таким образом обмануть (если не других) то себя, что сделано, что попыталось.

А теперь делать так мне не по душе. Скажу Вам, дорогой Лев Исаакович, что я так охладел к внешне (не внутренне) немного пьянившим меня словам, как «индивидуализм» и т. д., что иногда слова, как «универсализм», «рационализм» и т<ому> п<о>добные», кажутся мне в их, правда, ничтожестве всё же честнее, скромнее, менее притягательными. Вообще эти скудные, мёртвые *деревянные* слова на «изм». Ossa arida!⁵³ Как хорошо было время, когда говорили: идеи Платона или просто «идеи», атомы Демокрита, ирония Сократа и т. д., и не было всех этих «атомизмов», «идеализмов» и т<ому> под<обного>. Об этом больше – в другой раз.

И вот если бы теперь стал обдумывать, как писать о Вас, то писал бы, кажется, отдельными мазками, а не схемами.

Например, говорил Аристотель (?), что философия начинается с удивления. Мне кажется только, что обыкновенно философы *скоро* перестают удивляться. Nil admirati⁵⁴. Слишком скоро. А Вы вот и начинаете <1 нрзб.> (так, кажется?) и *кончаете* удивлением.

Вот дерево, а вот прозвучало слово, и облако, и стул и... (так далее). Как удивительно! – Мне думается, что Юм шёл тоже сначала по этому пути (в Вас *много* элементов Юма, – да, да! Юма), но потом Юм взял да повернул в сторону «связывания». Вы, Лев Исаакович, не посмейвайтесь надо мной по поводу этой параллели. Где-то и как-то в ней доля истины.

А по поводу аргументации С<емёна> В<ладимировича> (повторяю, очень серьёзной и честной<)>, поделюсь с Вами вот какими моими ощущениями.

Когда мне приходится иногда (редко!) в разговоре (случалось с тем же С<емёном> В<ладимировичем>, ибо сам с собою я почти не даю себе отчётов) давать себе отчёт (пытаться формулировать), что я думаю о Боге (почему-то часто это сочеталось с стремлением дать себе отчёт: да в чём, собственно, я полагаю своё еврейство?), то по мере того, как я пытался вслушаться или взглядеться во внутреннее моей души, все формулы становятся чем-то «не то», тают, и в конце концов я упираюсь в какую-то точку, ибо всё бывшее широким, пока я только говорил, суживается по мере того, как я углублялся в себя, как конус от основания к вершине. И, однако, эта *точка* кажется мне пунктом, в котором заключено всё то, что я считаю подлинно своим, моей жизнью, моей верой. М<ожет> <быть>, в этой точке на самом деле ничего нет, нуль, ибо я далёк от утверждения, что у меня есть тогда то, что называют интуицией («где нам видется <?> видать?<>>»), но таково моё ощущение.

Об этом же я думал, когда слушал аргументы С<емёна> В<ладимировича>. Я не мог ему возражать, я замолчал, но его «непобедимые» (даже без кавычек) аргументы меня не задевали. Я сосредоточивался на той точке, до которой суживается для меня всё, что Вы пишете и говорите.

И вот когда я так углублялся в то, что составляет Вашу философию, меня вдруг осенило воспоминание (мне ли не помнить?): Бог мой, да ведь Бергсон, когда говорит об интуиции, не раз к этому образу точки прибегает и говорит, как потом, когда интуиция воплощается в слово, в учение, она расширяется, опространствливается и в то же время интеллектуализуется. Бог мой, я столько раз говорил об этом в лекциях (и писал в статьях)⁵⁵, я так всё это себе, казалось, усвоил, – и вдруг только теперь *жгуче*, как никогда, почувствовал, что логика, аргументация и пространство это – *одно*, что, аргументируя, *распластовываем*, делаем плоским, проецируем из того, что есть душа, живой Бог, на чужом экране *только* то, что может быть проецировано, т. е. *не* настоящее, уже мёртвое.

Не распространяюсь больше: пора кончать. И так расписался, но давно, давно не говорил с Вами. В заключение только вот что. Не *всё* в Вашей философии мне понятно, не *всё* близко. Но думается мне. Мысль каждого человека (*его* мысль) значит и Ваша философия имеет, как и сам человек, своё одеяние (словесное), свой дом, свой *entourage*⁵⁶. Всё это ей, этой мысли – нужное, ей по меркам, по вкусу. Но разве чтобы быть Вашим другом (т. е. другом *Вашей* мысли), я *должен* одеть *платье* с Вашего плеча, расположиться в В<ашем> доме на ночёвку, войти в Ваше *milieu*?

Ну, довольно. Боюсь: хотя я писал о С<емёне> В<ладимировиче>, о Вас, а писал только о себе. C'est la vie. Простите!

P.S. Здесь «поливают меня тихим дождиком», как выражается один мой приятель. Всё-таки отдыхаю, немного работаю и, как видите, вспоминаю о друзьях.

Ваш преданный Вам

А. Лазарев

От меня и в группе привет Вам и Вашим.

* Ибо хотел я «Слово и дело» крикнуть! (прим. Лазарева)

** предварительно одоблив все эти соображения о трагическом ответе, о беспочвенности параллелями с Джемсом, Бергсоном и т<ому> под<обное>.

«ATHÈNES ET JÉRUSALEM» ЛЬВА ШЕСТОВА (РЕЦЕНЗИЯ)⁵⁷

Книга Л. Шестова «Афины и Иерусалим», написанная в оригинале на русском языке, впервые увидела свет в переводах на французский (пер. Б. Шлёцера; Paris: Libraire philosophique J. Vrin) и немецкий языки (пер. Г. Рюфа; Graz: Verlag Schmidt-Dengler) в 1938 г.; русское издание появилось уже после смерти философа, в 1951 г., в парижском издательстве YMCA-Press.

Рецензия А. Лазарева на французское издание написана в стиле рассуждения о тех предметах и материях, которые обсуждаются в сочинении Л. Шестова. Рецензент выступает здесь не столько в роли беспристрастного (или, наоборот, пристрастного) судьи, сколько в качестве сторонника, популяризатора и толкователя шестовских идей и суждений. Их горячее отстаивание, служащее как бы дополнительным обоснованием правоты философа, склоняется больше в сторону доказательства учеником-апологетом непреходящей ценности учения учителя, нежели к традиционному жанру критического суда. Впрочем (и эта мысль в том или ином виде уже звучала выше), отношение А. Лазарева к Л. Шестову-мыслителю вовсе не было проявлением слепой и голый апологетики, но скорее – формой гнозиса, при которой одна картина мира яснее и глубже открывается с помощью другой, родственной, но более основательно, всесторонне и масштабнее разработанной, и именно в виде философской системы или последовательной цепи логических умозаключений. Вообще же, любой текст А. Лазарева о Л. Шестове (и данная рецензия служит яркой тому иллюстрацией) – это прежде всего личный, индивидуальный опыт более глубокого уяснения содержания и духа шестовской философии, попытка их формулирования на языке собственного мировидения и мировосприятия.

Рецензия выглядит незавершённой, по крайней мере, с точки зрения наличия логически и стилистически недосказанного (недооформленного?) финала.

Отмеченные звездочкой авторские примечания (по крайней мере, частично) принадлежат, по всей видимости, не самому А. Лазареву, а его жене или сыну.

В своей недавно появившейся книге «Athènes et Jérusalem»* с подзаголовком с подзаголовком «Un essai de philosophie religieuse» Лев Шестов с незнающей отдыха энергией и страстью, отличающимися этого мыслителя, снова и снова обращается к противостоящей ему проблеме и ищет на новых подступах к ней сломить сопротивление. И это напряжение и страсть не только черты его философского и писательского темперамента. Философия и по существу есть для него не бесстрастное умозрение, помещающееся вне или возносящееся над вещами, и не рефлексия, не «оглядка» (у немцев *Besinnung*), а *борьба*, нечто от той «последней и величайшей борьбы», которая, по цитируемому им слову Плотина, «предстоит нашим душам»⁵⁸.

Между тем, когда более 40 лет тому назад появилась первая книга Шестова «Шекспир и его критик Брандес»⁵⁹, а вскоре затем «Добро в учении Толстого и Ничше» и «Достоевский и Ничше (Философия трагедии)»⁶⁰, то по источникам и материалам его вдохновения могло на первый взгляд показаться, что эти книги являют собою некоторый род философского анализа великих произведений художественной литературы, а не мысль, направленную на некую основную проблему философии. Ведь и привлечение Ничше не меняло много в этом отношении, ибо в ту пору (конец XIX-го в.) сам Ничше ещё не был в полной мере обращён в собственность философии, по крайней мере, академической. Но на самом деле уже в первых своих книгах, даже прямо в первой Шестов поднимает ту проблему, которая стала судьбой его философии. Любопытно, что это не укрылось от рецензента бельгийского журнала «Hermes», который в своём отзыве на другую книгу Шестова «Kierkegaard et la philosophie existentielle» (Vrin 1937), замечает: «Тонкий ум, искрящийся светом писатель Лев Шестов в ту пору, когда он анализировал Достоевского, Ничше и Толстого, не думал, без сомнения, что придёт день, когда его философская критика их творчества включится в то течение мысли, которое предназначено обновить самую постановку проблемы познания»* (Hermes, Janv<ier> 1938, p. 118)⁶¹.

Но нужно наперёд сказать, что подход Шестова к этой проблеме столь необычен и проблема под его руками приобретает столь неожиданный и предельно парадоксальный вид, что можно не воспринять её надлежаще, не услышать по-настоящему его вопроса, даже пройти мимо или отмахнуться от вопроса как интеллектуальной причуды одинокого ума. И чтобы почувствовать вопрос Шестова, чтобы понять, что для философии, если она притязает быть исследованием «корней всего существующего», здесь есть подлинный неустранимый вопрос, нужно особое усилие мысли; может быть, даже больше – нужно то, в чём один большой современный философ видел роль философии: «Сделать насилie над нашим духом»***⁶². Или, может быть, если не всегда, то часто, очень часто нужно ещё иное. Нужно не в созерцании и умозрении, не в гегелевой «denkende Betrachtung der Gegenstände»⁶³, а из глубин своего «опыта существования»< > остро, до боли, до содрогания ужаса и отчаяния почувствовать трагичность судьбы, «бессилие человека пред Необходимостью» (Эпиктет), и особенно самое нелепое и бессмысленное, самое страшное и почти противоестественное – вечную тайну, вечную непроницаемость, закрывшую «доступ человеку к тому, что для него нужнее и важнее всего»****, – нужно почувствовать всё это, чтобы из самой безмерности ужаса и отчаяния родился порыв к тому, что Киркегаар называл «безумной борьбой о возможности» и чему у Шестова соответствует тоже безумный на суд разума порыв к «преодолению самоочевидностей», скрывающих человека: и прежде всего, чтобы родилось подозрение, не «поражены ли наши подходы к истине и предъявляемые к ней требования в самом корне каким-то пороком»*****.

Но мысль Шестова не впадает просто в русло того, что после Канта называется «критикой познания» или «теорией познания», ибо для Шестова критика познания начинается там, где для Канта и критической философии она останавливается. Кант задаётся вопросом, как возможно логически обосновать те всеобщие и необходимые положения («как возможны синтетические суждения априори?»), которые составляют фундамент всего здания нашего

познания⁶⁴. Но Кант и «критическая» философия после него столь же мало, как Лейбниц, Спиноза и вообще представители «догматической» философии до него, поднимает вопрос о том, действительно ли необходимость есть признак истины и действительно ли наше познание как таковое в своей структуре, вот в этой своей пронизанности необходимостью является подлинным и даже единственным источником истины. Для Канта не менее, чем для Аристотеля и Спинозы, идеал познания осуществляется тогда, когда оно упирается в необходимость. Шестов приводит «единственное в своем роде по откровенности признание Канта: опыт, который довольствуется тем, что показывает нам, чтобы существующее необходимо должно было существовать так, а не иначе, этот опыт не даёт нам подлинного познания; он не только не удовлетворяет, а скорее раздражает наш разум, который жадно стремится к всеобщим и необходимым суждениям» (<P.> IX)⁶⁵.

Но не только философия, одинаково «критическая» и «догматическая», но и наша наука, и обыкновенное мышление, как бы ни расходились все они нередко между собой в том, что именно они почитают за истину, совершенно согласно исходят как из чего-то само собой разумеющегося, что истина по самой сущности своей обладает характером необходимости, и если спорят, то только о том, чьему утверждению присущ этот, делающий его истиной признак. Словом, все мы, философы и профаны, равно используем убеждение, что истина, раз она открылась, принуждает нас в признании её. Истина не спрашивает нас, хотим мы её или нет. Это мы, когда хотим познать истину, спрашиваем, ставим вопросы, и когда ответ получен, нам остается подчиниться, ибо раз мы спрашиваем, то значит уже наперёд мыслим, что истина не зависит от наших желаний, от того, что мы хотели бы, что бы было, а определена раз навсегда тем, «что дано», что на самом деле «есть», что можно видеть – пусть это будет «умственным взором» (<P.> XIV). Отсюда и *очевидность* как критерий истины. Всё приходит, но истина вечна и неизменна. И вечны не только те истины, которые существуют от века, *vérités de raison*⁶⁶, как называл их Лейбниц (напр<имер>, закон противоречия), но и те истины, которые возникли в определённый момент, т. е. простые констатирования фактов, «*vérités de fait*»⁶⁷, по Лейбницу. «Что Сократ выпил чашу яда, это, правда, случилось в действительности один раз, но историческая истина, что это так было, будет существовать на все времена независимо от того, забудут её или нет», вот что читаем мы в книге одного очень известного современного философа⁶⁸. Никто, никогда не будет иметь права сказать: «Нет, это не так, этого не было, Сократ не был отравлен», идёт ли дело об отравлении Сократа или об отравлении бешеной собаки, это различия не составляет. Вечная истина, совсем как Необходимость, из которой она проистекла, не слушает и не поддается увещанию... Что отравили Сократа или что отравили бешеную собаку, это ей абсолютно всё равно. Никто ничего не может в этом изменить. Сам Бог должен склониться пред этой истиной, ибо «однажды бывшего сам Бог не может сделать небывшим»⁶⁹.

И вот Шестов обращается против этого строя мыслей. Истине, которой сам Бог, сотворивший небо и землю, но не сотворивший истины, должен подчиняться, истине вечной, несотворённой Шестов противопоставляет истину, сотворённую, как всё, Богом; истине принуждающей, равнодушной к нашим

зовам, мольбам и проклятиям, Шестов противопоставляет истину благодную, как всё сотворенное Богом, которая служит человеку и своему Хозяину-Богу.

Кажется, что Шестов здесь разрушает самое понятие истины, что здесь в область истины открывается доступ всяческому произволу. Вокруг толкования учения Шестова об истине накопилось немало недоразумений. Шестова причисляли к «презирателям разума». Нужно поспешить оговориться, что Шестов прежде всего и не думает отрицать, что истина принуждает. Он не меньше, чем другие, знает и, может быть, более болезненно, чем другие, чувствует её принуждение, но он подчиняется ей, как подчиняются всякой силе, поскольку не могут её сломить. Но вековая традиция в учении об истине идёт дальше. Вечные истины, учил Лейбниц, которого цитирует Шестов, не довольствуются тем, чтобы принуждать; они осуществляют нечто ещё гораздо более важное: они «убеждают» (<P> XII). А в наше время очень обычно изображать эту мысль Лейбница так, что одно-де дело подчиняться игу, а другое – вольно склоняться перед светом истины*****. Словом, истине не просто покоряются, но, что бы она ни несла нам с собой, её торжественно и коленопреклонённо венчают на царство, как если бы она была «помазанником Божиим». Пусть она несёт нам самое худшее, наш долг признавать её. Этого требует наше достоинство как существ разумных, наше мужество, наша честь. Или мы станем, как рабы, поднимать мятеж, плакать, вопиять, проклинать? Так разум, стоящий на страже истины, и этика равно требуют от нас не просто подчинения истине, но и преклонения перед ней главы.

И опять-таки Шестов совсем не объявляет похода против разума и этики, совсем не делает своими модные одно время лозунги о «банкротстве науки». Он знает, что в мире, где нужно сообща бороться за существование, нужны общеобязательные, принудительные истины, нужны обобщения науки и в общезжитии нужны моральные нормы. Здесь, на отмени времён, приходится приспособляться, уступать принуждению, спрашивать. Но чего Шестов не приемлет, это мысли, что и последняя метафизическая истина, та, которая говорит о «едином на потребу», тоже принуждает, тоже не спрашивает нас и что это мы должны спрашивать, а она открывать нам то, что где-то в глубине бытия навеки вырешено без нас и чему нам остаётся покориться, даже если оно вырешено против нас.

В положительных науках, в житейском обиходе мы всегда спрашиваем. «Мы спрашиваем, какова скорость звука, каковы те или другие химические реакции и многое другое в этом роде. Наша наука накопила множество ответов, определённых, истинных. И вот мы заключаем: чтобы получить истину, всякую истину, нужно спрашивать. Поэтому мы спрашиваем, есть ли Бог, бессмертна ли душа, свободна ли воля (три вопроса, к которым, по Канту, сводится вся метафизика)...»⁷⁰. «Скажут, Бог есть, значит, есть, скажут – нет, значит, нет, и нам уже ничего не остаётся, как покориться»⁷¹. Но, спрашивает Шестов, «разве можно кому-нибудь или чему-нибудь передать своё право на Бога, на душу, на свободу? А ведь спрашивая, это право мы передаём кому-то! И кому? Кто тот, кто выманил или похитил у нас нашу душу и нашего Бога <?> И почему он (или оно), которому нет никакого дела до нас, кому ни до чего дела нет, кому всё равно, присвоил себе право выносить решения о том, что для нас всего на свете важнее <?>»⁷².

* Книга появилась в июне 1938 г. в издательстве «Librairie philosophique J. Vrin».

** *Esprit subtil, écrivain lumineux, Léon Chestov ne croyait pas sans doute à l'époque où il analysait Dostoevsky, Nietzsche ou Tolstoï que sa critique philosophique de leur œuvre s'inscrirait un jour dans un courant de pensée destiné à renouveler la position même du problème de la connaissance.*

*** «Faire violence à l'esprit» (<L'>Évol<ution> créatrice, p. 32).

**** Скованный Парменид. УМСА-Press, Париж, стр. 7. Также 1-я часть книги «Афины и Иерусалим». Париж, 1951, стр. 25⁷³.

***** ib<idem>.

***** L. Dauriac. Contingence et Rationalisme. Paris, Vrin. 1925, p. 302.

ПАМЯТИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Л. Шестова не стало 19 ноября 1938 г., некролог написан через несколько дней после его смерти и, скорее всего, является основой (а возможно, и полным текстом) надгробной речи «Духовный облик Л.И. Шестова», которую А. Лазарев произнёс 18 декабря 1938 г. на собрании, посвящённом памяти Л. Шестова в религиозно-философской академии (см.: *Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 210; *Хроника*. Т. 3. С. 508).

Эти немногие строки – не о философии Шестова (о ней нужно и будет говорить много), а только некоторые впечатления мои об источнике этой философии, о человеке. Но о Шестове-человеке не в плане его обыденного существования, а о глубинном в нём, о том, что определило его философскую судьбу, выросло в задачу и работу всей его жизни, как если бы сам Хозяин жизни возложил на него эту работу.

Одна мысль от первого опыта его творчества, книги о Шекспире⁷⁴, и до последних напечатанных при жизни строк, статье о Н.А. Бердяеве⁷⁵, пускала в ход его философскую работу: откуда ужасы существования, что они такое? Мало кто не задаётся этим вопросом, кто раньше, кто позже, кто очень поздно. Но есть спящие души. Обычно все мы таковы. Пусть обрушится на человека большое неожиданное горе или повиснет над ним страшной угрозой меч судьбы, и душа его пробудится на время от дремоты, по-иному увидит жизнь и многому по-иному сделает оценку. Но пусть отворачится угроза или притупится первая острота горя, и душа опять обращается к прежней суете, опять впадает в дремоту. А есть и души бодрствующие. Раз пробудившись, они уже не могут спать. Так и Шестов – под ударом ли личной судьбы или, скорее, от нестерпимого сознания ужасности всякой человеческой судьбы – уже не мог спать. Та научная или, вернее, натуралистическая философия, в атмосфере которой выросло его поколение (я могу сказать – наше поколение), учила, что мир есть круговорот явлений природы и что правят в нём «вечные, железные законы»; этика древних и новых мудрецов звала человека покориться Необходимости, сделать своим её закон и в этом смиреннии явить своё достоинство, своё мужество и обрести покой; а разум, согласно с этикой, требовал, чтобы человек склонился перед самоочевидностями и перед истиной, что бы они ему ни приносили. Но Шестов не мог принять ни «законов природы», ни покоя смирения, ни бесчеловечной истины. Он подчинялся, конечно, не мог не подчиняться принуждению истины, пусть самой нечеловечной, как подчиняются всякой силе, поскольку и доколе нельзя её сломить, но примириться с ней, вольно склониться перед её самоочевидностью, как того требует разум,

он не мог. И если нельзя иначе, «грыз зубами железные прутья тюрьмы», как он однажды в разговоре выразился.

Отвратить свой взор от ужасов жизни он уже не мог и, напротив, не переставал ставить их перед сознанием, звал вглядываться в них, не отмахиваться от проблем зла. Но это не было проповедью пессимизма и безверия. Особливость его духовной настроенности в том, что именно через предельно трагическое и безнадежность приоткрывался ему некий просвет и – прежде всего – душой овладевало подозрение, что «наши подходы к истине... поражены в самом корне каким-то пороком»⁷⁶. И чем больше Шестов вглядывался в каменный, бездушный лик глухой к человеческим воплям, зовам и проклятиям Необходимости, тем больше выявлялась она для него в своей жуткой, безмерной, предельной бессмысленности, и тогда вдруг вспыхивало в нём сознание, что этого не может быть, что это не есть истина, что это – наваждение, тяжкий кошмар, от которого нужно пробудиться.

С отличавшей его страстностью восставал он против всего, что способно было не будить душу, а усыплять её: против морализирующего философского «идеализма», против Теодицей, против пафоса *словесных* решений. В разговоре о философском, особенно когда беседа носила характер скорее размышлений вслух вдвоём, он нередко приводил, как нечто долженствующее открыть, наконец, глаза, не какие-либо мысли общего характера и абстракции, а что-либо конкретно ужасное из жизни или из истории, какую-нибудь предельную жестокость слепого случая или игры тёмных сил. И всё повторял на разные лады: «<Ч>то это за сила, которая творит такое, и откуда её власть нудить нас к признанию её? Разве может быть мир с ней и можно её принять?!» «Даже и события последнего времени – достаточно потрясающие, чтобы разбудить и мертвеца, ни на кого не действуют. Люди терпеливо ждут, что всё опять вернется на своё место и можно будет снова зажить, как прежде, приятно и беззаботно. Доколе ещё бить людей?!»⁷⁷

Путь Шестова в философии пролегал через отчаяние, но мысль об ужасах привела бы не к прорыву к чему-то новому, а к тягчайшему унынию, если бы рядом с этой мыслью не жила в глубине его души, преодолевая её, другая мысль, мысль о Боге. И потому из глубины отчаяния открывался вдруг какой-то просвет; душа, придавленная несказанной тяжестью, выпрямлялась и являлось сознание, ощущение – назовите, как хотите – что власть Необходимости есть власть призрака, а не Реальности, что на самом деле и человек, и жизнь, и весь мир овеваны *свободой*, ибо миром правят не вечные, железные законы, а Бог, живой, личный Бог Книги Откровения, Бог, который есть Хозяин и над законами, и над самоочевидностями, и над истинами, Бог, для которого нет ничего невозможного, который может и бывшее сделать небывшим, и «отрется всякая слеза»⁷⁸.

Из глубины я воззвал к Тебе, Господи!⁷⁹

Этот стих Псалмопевца, знавшего тягчайшую скорбь и глубины отчаяния, находил в душе Шестова больше, чем отклик.

Но скажут, что это уже не философия, а религиозная вера, да нередко и говорят так, прибавляя с разочарованием: «<Т>ак ведь это не ново, не оригинально». Но, думается мне, своеобразие и значительность мысли Шестова ещё в том, что религиозная вера для него источник и *философской* истины, что из

нее рождается новое мышление, и о «втором измерении мышления» говорил Шестов. Это представляется неприемлемым смещением областей, доколе считают, что наш разум и наше знание – единоспасительный источник истины. Для Шестова притязания нашего разума и знания законны в сфере обыденного, эмпирического существования, здесь – на отмели времён. Здесь, где нужно сообща вести борьбу за существование и приспособляться, нужны обобщения науки и общеобязательные истины разума, как нужны для общежития нормы морали. И в этой области Шестов никогда не объявлял похода против разума и не присоединялся к модным одно время лозунгам о «банкротстве науки». Но он отрицал за разумом власть и право быть источником и судьёй истины там, где дело идет о *последней, окончательной, метафизической Истине*, о том, что человеку важнее и нужнее всего знать, о «едином на потребу». И тут он боролся против захватов разума. Но здесь уже начинается философия Шестова, а я сейчас только о некотором основном тоне его духовной настроенности.

Этим летом рассказал он мне однажды – к слову пришлось – что когда в начале года случилось с ним острое заболевание, то, как ни силились скрыть тревогу близкие и врач, он уловил по их лицам, что положение его серьёзное и возможен худший исход. «Но, <—> продолжал Шестов, <—> мне не было страшно, мне было легко, очень легко. Вот, думал я, скоро спадут оковы». Посетил я его недели за три-четыре до его кончины и ушёл тогда от него с впечатлениями, которые заронили в моей душе тревожную мысль, но я гнал её от себя и только теперь отдаю себе отчёт во всём значении этих впечатлений. Обычно Шестов бодро, подолгу и с одушевлением говорил о занимавших его проблемах. А в этот раз он был какой-то притихший. Он сидел в углу дивана, запрокинув немного голову на спинку, как будто усталый, с устремлённым вверх задумчивым взором, минутами как будто отсутствующий, и в полусвете лампы под абажуром похуdivшее лицо его светилось какой-то прозрачной бледностью. Я только теперь понимаю, что он тогда каким-то краем своей души уже чувствовал, что он скоро уйдёт отсюда, и в сосредоточенности приготовлялся к смерти.

Он говорил мало, больше слушал. Говорили мы об одном французском философе, который умер три четверти века назад, одинокий, мало кому ведомый, и нельзя даже сказать – преданный забвенью, ибо о нём никогда и не помнили. А в последние годы стали вдруг появляться статьи о нём, даже книги, издадут то из его рукописей, что ещё не было опубликовано. «Вот, <—> сказал Шестов, <—> говорим мы о нём, пишут о нём, интересуются, ожили вдруг его мысли, а его самого нет в живых. Как это таинственно!» При этих словах какая-то тень скользнула тогда по моей душе, и я поспешил сказать, вторя ему: да, таинственно!⁸⁰

А три недели спустя я стоял перед его открытым гробом и смотрел в лицо умершего учителя и друга, и больше, чем учителя и друга. Глаза его были закрыты. Уста замкнулись. И хотя он не был поэтом, в моём сознании неотступно толкалось:

Умолкли звуки дивных песен,
.....
.....

И на устах его печать!⁸¹

Но знаю, будут жить его мысли. Неужели же самого творца и источника их уже нету, ушёл из бытия? Нельзя принять этого. Это было бы предельно, до чудовищности бессмысленно, а не может быть, чтобы бессмыслие было в основе всего. Нет, он не ушёл из Жизни, а только от нас, отсюда, ушёл туда, где спали оковы, где не нужно уже бороться против самоочевидностей и принудительных истин, ибо там истина не принуждает, а сотворённая Богом, как всё в мире, и потому всегда *благостная*, подчиняется, служит Богу и человеку⁸².

ФИЛОСОФИЯ ЛЬВА ШЕСТОВА И ЕЁ БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

Трудно в сравнительно небольшом изложении рассказать даже в самых общих чертах о существовании философии Шестова. Как изобразить в немногих словах то, что было делом целой жизни мыслителя и что он развивал на протяжении десятка томов, не говоря уже о многочисленных журнальных статьях? Нужно, значит, как-то препарировать его мысли, втиснуть их в схемы. Конечно, это трудность, с которой сталкивается изложение всякого сколько-нибудь значительного философского учения. Но творчество Шестова запечатлено характером столь личным, что когда изъемишь его мысли из той атмосферы, в которую они погружены у него, то этим лишаешь их значительной доли их волнующей убедительности. Трудность ещё усугубляется, когда хочешь посчитаться в своём изложении с тем, что иные из читателей или слушателей соприкасаются с философским творчеством Шестова впервые. Ведь подход Шестова к философским проблемам столь необычен, его мышление так не похоже на то, что мы встречаем в господствующих направлениях философии, так противоречит всем навыкам нашего интеллекта, что именно в силу этой необычности можно не воспринять надлежаще его мысли и не только не принять его ответов, но даже не услышать по-настоящему его вопроса, пройти мимо, как мимо интеллектуальной причуды одинокого ума. И чтобы почувствовать его вопрос, понять, что для философии, если она притязает быть исследованием истоков, начал, «корней всего существующего», здесь есть подлинный, неустрашимый вопрос, для этого нужно особое усилие мысли или даже, по слову одного знаменитого, даже – знаменитейшего философа нашего времени, сказанному вообще о философии, нужно «сделать насилие над нашим духом»⁸³. А иногда, может быть, нужно и иное. Нужно в силу личных судеб прийти к философии не просто ради удовлетворения интеллектуального интереса, а в поисках опоры для жизни (я говорю не о тех, которые находят прибежище в роскоши) и, обратившись к той господствующей философии идеализма, которая сулит эту опору, почувствовать под конец глубочайшую, до боли, до отчаяния неудовлетворённость. И тогда, может быть, легче будет – не скажу принять – но понять Шестова. Ведь в философии Шестова дело идёт не о чём-либо отвлечённом или чисто интеллектуальном на потребу тем, кто склонен к умозрениям, а о чём-то, что весьма близко всякому человеческому сердцу. Ибо отправным пунктом философских исканий Шестова, движущей силой его философского творчества является мысль: откуда ужасы существования, откуда «бессилие человека перед Необходимостью» (Эпиктет), что это за непонятная и тёмная сила, которая давит и губит человека, равнодушная и глухая к его зовам, воплям и проклятиям? Мало кто может надолго и менее всего навсегда уйти, отмахнуться от этой мысли. Ведь над самой благополучной жизнью висит

неотвратимая развязка. Да и относительное благополучие бывает часто только внешним и обманчивым. «Каждый из нас, <-> говорит Шестов, <-> носит в глубине души своей тяжёлую и неизлечимую рану... Вспомните Лермонтова:

Взгляни: вокруг тебя, играючи, идёт
Толпа дорогою обычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем, из них едва ли есть один,
Тяжёлой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты»⁸⁴.

А жизнь Пушкина (я не говорю о трагедии его последних дней)?! Какая значительная, благословенная творчеством и, казалось бы, искрящаяся светом жизнь! И, однако, вот свидетельство Пушкина, которое приводит Шестов:

...В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток.
Воспоминания безмолвно предо мной
Свой длинный развивают свиток.
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалеюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю»⁸⁵.

Всё же пока жизнь протекает сколько-нибудь благополучно (по крайней мере, без потрясений), то понимание мира (и жизни), которое человек находит вокруг себя, словом, господствующая в данное время философия, в общем удовлетворяет человека просто потому, что такая жизнь на самом деле может вообще обходиться без философии. Но пусть на человека обрушится великое несчастье, пусть судьба поразит его в том, что для него есть самого дорогого на свете – будь то потеря близких существ или крушение дела всей жизни, то что такой выброшенный из колеи человек обретает в философии? Каково последнее слово, каков иногда скрытый, но чаще всего явный смысл и возвышенных учений мудрецов древней Греции, и систем философов-идеалистов нового времени? Человек должен смириться, должен покориться неизбежному. Этого требует разум, ибо разве можно бороться против необходимости, которую усмотрел, против самоочевидностей? Этого требует и этика, достоинство человека, его мужество, его честь. Нужно отрешиться от всего, что не в нашей власти, от всего, что имеет конец во времени (ибо имеет начало в нём), от всего частного и чисто личного, от самого нашего конкретного «я» – и обратиться к общему, к целому, к вечному и в высоком единении с необходимым ходом вещей обрести своё высшее благо. По изречению стоиков, дошедшему до нас через Сенеку и Цицерона, *fata volentem ducunt nobeutem trahunt*. Кто вольно покоряется судьбе, того она водит, а кто упирается, того она тащит насильно⁸⁶.

Но если человек не может смириться, не может примириться, а не примириться тоже нельзя – что тогда? Вопить, проклинать, «биться головой о

стену»? Это значит лишиться покровительства законов, пусть не юридических, не законов разума и этики.

Не знаю, вошла ли трагедия в личную жизнь Шестова (может быть, вошла, как рано или поздно входит в жизнь каждого человека), но скорее мукой Шестова, его трагедией, его судьбой стала мысль о неизбежной трагичности всякой человеческой судьбы. О философии трагедии рассказывает одна из его первых книг, и не раз развивает он мысль, что путь к философии пролегает через трагедию, через безнадёжность.

В своей посмертной статье, посвящённой памяти Гуссерля, Шестов роняет несколько признаний о самом себе и рассказывает, что его первым учителем философии был Шекспир. «От него я услышал столь загадочное и непостижимое, а вместе с тем столь грозное и тревожное: время вышло из своей колеи. Что можно делать, что можно предпринять пред лицом вышедшего из колеи времени, пред лицом тех ужасов бытия, которые открываются человеку (Шекспиру), вместе с временем выброшенному из колеи? От Шекспира я бросился к Канту... Но Кант не мог дать ответы на мои вопросы. Мои взоры обратились тогда в иную сторону – к Писанию. Но разве Писание может выдержать очную ставку с самоочевидными истинами?»⁸⁷

II. Письма Н. Бердяева А. и Б. Лазаревым

Письма публикуются по автографам, хранящимся в MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/5.

Clamart
5 марта <19>36

Дорогой Адольф Маркович! Не могли ли бы Вы написать для ближайшей книжки «Пути» не статью, а доклад о Л.И. Шестове по случаю его семидесятилетия, приблизительно три журнальных страницы? Нужно сказать об основной теме всей жизни Л<ьва> И<сааковича>, о его искании, имеющем религиозное значение. Для Вас это легко, Вы хорошо знаете книги Л<ьва> И<сааковича>, собираетесь читать о нём доклад⁸⁸. Вся трудность лишь в том, чтобы сказать о нём главное в очень сжатой форме. Для статьи в этой книжке «Пути» нет места, она переполнена материалами, и оч<ень> злободневн<ыми>, в связи с полемикой вокруг о. С. Булгакова⁸⁹. Но написать нужно оч<ень> скоро. Оч<ень> прошу Вас ответить, можно ли рассчитывать на Вас. Оч<ень> хорошо было бы, если бы Вы согласились⁹⁰.

Вы, вероятно, уже знаете, что умер Г.И. Челпанов⁹¹. На днях мне писала его дочь⁹². Мы с Вами встречались у Г.И. Челпанова в дни нашей молодости. Преданный Вам Николай Бердяев

Clamart
9 марта <19>36

Дорогой Адольф Маркович! Меня огорчает, что Вы отказываетесь написать о Л.И. Шестове для ближайшей книжки «Пути». Вы преувеличиваете трудности. В сущности, нужно взять из доклада, который Вы собираетесь читать,

экстракт, сжатые формулировки и характеристики. Может быть, Вы всё-таки надумаете написать. Я хотел, чтобы что-нибудь появилось о Льве Исааковиче в этой ближайшей книжке, в которой нет места для статьи. Но через книжку можно было бы напечатать статью о философии Л<ьва> И<сааковича>. Я только боюсь, чтобы не было неприятно Л<ьву> И<сааковичу>, что ничего не будет о нём в ближайшей книжке, когда празднуется его семидесятилетие. Что Вы об этом думаете? Нужно решить вопрос. В субботу 14 марта я буду на Вашем докладе. Но хотел бы до этого получить Ваш ответ⁹³.

Дочь Г.И. Челпанова замужем за французом и давно живёт в Париже.
Преданный Вам Николай Бердяев

Clamart
30 Aprile <1938>⁹⁴

Дорогой Адольф Маркович! Я хочу предложить Вам прочесть доклад в публичном собрании рел<игиозно>-филос<офской> академии на тему Вашей статьи. Только желательно было бы дать другое название, наприм<ер> – «Проблема свободы во французской философии XIX в. (Лекье и Ренувье)». Доклад можно было бы прочесть или в воскресенье 15 мая или в воскресенье 22 мая. Доклады <1 нрзб.> прениями. Очень прошу Вас ответить мне как можно скорее, т. к. нужно заранее объявлять о докладе. Очень прошу Вас согласиться. Это тема чисто философская, и желательно, чтобы в рел<игиозно>-филос<офской> академии были такие темы⁹⁵.

Преданный Вам Николай Бердяев

Если бы Вы желали прочесть доклад на другую философскую тему, то это тоже возможно.

Clamart
22 ноября <1938?>

Дорогой Адольф Маркович! Не приедете ли Вы к нам в воскресенье (28 ноября) днём к 5 часам со своей женой? Будем очень рады, если приедете.

Я видел на философском конгрессе⁹⁶ профес<ора> Либерта, и он мне сказал, что очень хотел бы, чтобы Вы написали о Л.И. Шестове для его журнала⁹⁷. Очень советую Вам это сделать. Возможно, это будет Вам не трудно⁹⁸.

Ждём в воскресенье.

Преданный Вам Николай Бердяев

Clamart
27 декабря <1944>

От всего сердца, дорогая, мы разделяем Ваше горе⁹⁹. Я знал Адольфа Марковича 45 лет. И очень любил его. Это был один из лучших людей. Мне грустно, что так мы и не условились окончательно, когда побывать у Вас. Я уже больше недели не выхожу из дома, у меня боль в горле, кашель, насморк, повышена температура. Мне очень тяжело, что я поэтому не могу быть на похоронах. Моя жена, её сестра¹⁰⁰ просят передать Вам их глубокое соболезнование.

Преданный Вам Николай Бердяев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ремизов А.М. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. / отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачёва; подгот. текста А.М. Грачёвой, Н.М. Конищевой, Л.В. Хачатурян; коммент. А.М. Грачёвой, Л.В. Хачатурян. СПб., 2013. С. 168 (запись от 25–26 марта 1945 г.).

² Ловцкий Г. Лев Шестов по моим воспоминаниям // Грани. 1960. № 46. С. 125.

³ MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/1.

⁴ Там же. С некоторыми неточностями этот фрагмент приведён в кн.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников. В 2-х т. Paris, 1983. Т. 2. С. 28 (далее: Баранова-Шестова, с указанием тома и страницы).

⁵ В связи с этим Л. Шестов в письме к Г. Шпету от 2 августа 1919 г. сообщал: «У Адольфа Марковича всё сравнительно благополучно. И его Бог благословил месяца три тому назад, сыном! И, кроме того, он тоже начинает читать с осени курс по новейшей философии. Он тут уже однажды читал публичную лекцию о Бергсоне. Я не присутствовал, так как в эти часы сам читал, но, говорят, он читал превосходно. Вы видите, Вашего полку прибавляется! Я очень рад, что Адольф Маркович начал читать. Это его заставит работать больше. И он, хоть и робеет, но очень этим доволен (Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2005. С. 338).

⁶ Лев Шестов. Материалы Бахметевского архива / публ. М. Раева // Евреи в культуре Русского Зарубежья: сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе, 1919–1939 гг. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. II. С. 100. Основные научные заслуги А. Лазарева М. Раев сокращает, как кажется, до минимума. Ср.: «В академических кругах он создал себе некоторое имя как автор работы о малоизвестном французском философе Жюле Лекьере <sic>» (Там же).

Статья А. Лазарева «L'entreprise philosophique de Jules Lequier» была напечатана в редактировавшемся Л. Lévy-Bruhl крупнейшем французском философском журнале «Revue philosophique» (1938. № 126. Juillet à décembre. P. 161–182), а затем вошла в его посмертную книгу «Via et connaissance» (P. 21–40).

⁷ РМ. 1909. № 10. С. 109–135.

⁸ Несколькими годами раньше А. Лазарев планировал напечатать её в «Современных записках», однако, несмотря на высокий отзыв Ф.А. Степуна, через которого она пришла в журнал, статья была отклонена. 18 декабря 1930 г. Ф.А. Степун писал одному из редакторов журнала, М.В. Вишняку: «<...> высылаю Вам небольшую, с большим значением и с большой любовью написанную статью Лазарева о Джемсе. Я много переписывался с ним по поводу этой статьи. Он сократил её наполовину, упростил и дал безусловно нечто интересное. Джемс в своё время сыграл в России большую роль. Я был бы очень рад, если бы Вы могли согласиться на напечатание статьи. Скажу откровенно, что я хлопочу не только о статье, но и об очень милым Лазареве, для которого отклонение было бы прямо-таки скорбным событием. <...> Статья, правда, очень хорошая» (Внутриредакционная переписка / публ. и прим. М. Шрубцы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубцы. М., 2011. Т. 1. С. 547).

Против публикации статьи возражал И.И. Фондаминский, см. его письмо М.В. Вишняку от 2 февраля 1931 г. (Там же. С. 564).

⁹ Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 242–254.

¹⁰ Лазарев А. Философия Бергсона // Мысль и слово / под ред. Г. Шпета. М., 1917 <Вып. I. С. 177–214. Письмо Г. Шпета (также уроженца Киева и участника собраний в доме профессора Г.И. Челпанова), в котором он приглашал А. Лазарева принять участие в сборнике, датировано 12 сентября 1916 г. (см.: Густав Густавович Шпет / под ред. Т.Г. Щедриной. М., 2014. С. 420 (в этой же книге приведена фотокопия письма А. Лазарева от 15 мая 1916 г., поздравляющего Г. Шпета с защитой диссертации, – см. фотоклейку между сс. 304 и 305)). Ещё одним свидетельством близкого знакомства А. Лазарева с Г. Шпетом может служить следующее место в письме последней к жене от 8 августа 1917 г.: планируя в это время поездку в Киев, Г. Шпет обратился к Л. Шестову с вопросом, «каковы условия в Киеве» (т. е. у кого можно было бы остановиться), на что Лев Исаакович, «разумеется, предложил сестру, но я сказал про Лазарева, и он этому больше сочувствовал» (Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. С. 271).

См. также прим. 5.

¹¹ По-видимому, Берта Абрамова упоминается в одном из писем Б. Пильняка к редактору берлинской «Новой русской книги» А.С. Ященко (см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Равская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 190).

¹² Ремизов А.М. Собрание сочинений. В 10 т. М., 2002. Т. 10. С. 138. Как «фоновые» персонажи супруги Лазаревы упоминаются в ремизовском «Стекольщике», из которого мы узнаем, что в их доме бывал писатель Б.Г. Пантелеймонов, забывший там «свой эмпермеабль» (Там же. С. 117).

¹³ С философией А. Бергсона были связаны лекции А. Лазарева, которые он, совершая, судя по всему, краткие поездки из Берлина в Париж, читал в Русском народном университете: 4 и 6 апреля 1922 г. – «Философия Бергсона (Критика интеллектуализма)» и «Философия Бергсона (Творческая эволюция)»; 24 и 31 октября 1925 г. – «Бергсон и философия жизни» (см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж; М., 1995. Т. 1. С. 67, 68, 209, 210; далее: Хроника, с указанием тома и страниц).

¹⁴ См. более подробно в кн.: Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941 / Hrgs. Von Karl Schlögel <et al.>. Berlin, 1999 (по указателю).

¹⁵ Цит. по: Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минушше: Исторический альманах. М., 1992. <Вып.> 6. С. 288.

Перечисляя дружеское окружение М. Гершензона в Германии и называя имена А. Белого, А. Ремизова, Е. Лундберга, Г. Ловцкого, В. Ходасевича, С. Франка, Н. Бердяева, Ф. Степуна, Н.А. Богомолов этот список не закрывает и указывает ещё на «многих других» (*Богомолов Н.* Михаил Гершензон. Между Россией и эмиграцией // Еврейская эмиграция из России, 1881–2005 / отв. ред. О.В. Будницкий; сост. О.В. Белова. М., 2008. С. 254). Восстанавливая имя одного из этих «других», отметим, что сохранилось не лишнее любопытство свидетельство берлинской встречи М. Гершензона с перечисляемыми «нашими»: адресованная Ловцким (в доме которых эта встреча и состоялась) почтовая открытка А. Лазарева с шутивными стихами, перекидывающимися в известном смысле с приведёнными строчками гершензоновского письма (MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/2):

«Охотно, верьте, завтра Вас мы посетим
И всю компанию честную поглядим.
Услышим жадно, что расскажет Гершензон:
Ведь скоро встреча с ним, увы, лишь милый сон.
Ведь скоро, глянь, его уж с нами нет,
Уедет он, являя нам пример,
Туда, где шумно властвует Совет
Наркомов нашей РС.Ф.С.Р
И будет “дым отечества” ему
Приятен, сладок там уж потому,
Что там хотя мучительно, но всяк живёт,
А здесь в благополучьи, как лопух растёт.
Я ж на вопрос – и думаю, нас двое –
Ответствовать готов: “<М> не нравятся обон”,
Засим Ваш “лэстигер ауслендер”,
Отметив приглашенье в календер,
Зрит: с рифмами ему нет мочи
Иль рифмам с ним. Итак, спокойной ночи!

2.VI. <19>23

11 ч<асов> веч<ера>»

¹⁶ См. его письмо И. Шмелёву от 9 апреля 1932 г. в кн.: Константин Бальмонт – Ивану Шмелёву: Письма и стихотворения / изд. подгот. К.М. Азадовский и Г.М. Бонгард-Левин. М., 2005. С. 269.

¹⁷ К сожалению, сколько-нибудь полного жизнеописания А.Ю. Доброго не существует, хотя масштаб его личности и деятельности явно того заслуживают. В широкую печать он проник благодаря шумной истории, когда в 1918 г. его пытались похитить в родном Киеве (организатором похищения оказался глава Совета министров Украинской народной республики В.А. Голубовский, см. об этом: *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1921) // Архив русской революции. Берлин, 1922. VI. С. 213–214). Книгой «Памяти Абрама Юрьевича Доброго» (Париж, 1939), которую собрали и издали люди, близко его знавшие (и среди них А. Лазарев), кратким очерком П. Апостола, в котором рассказывается об А. Добром как о библиофиле и собирателе живописи (см.: Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. <Вып.> 4. С. 279–280), и его некрологом, написанном Д. Гликбергом, «Памяти А.Ю. Доброго» (ПН. 1936. № 5648. 10 сентября. С. 2), сведения о нём, как кажется, исчерпываются. Имя А. Доброго странным образом почти полностью выпало из круга исследований об истории еврейского Киева (см., напр., *Meir Natan M.* Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914. Bloomington and Indianapolis, 2010) или киевских благотворителей и меценатов (см., напр.: *Ковалинский В.В.* Меценаты Киева. Киев, 1998). Между тем это была крупная общественная фигура, поддерживавшая как в России, так и, особенно, в эмиграции многие важные проекты – от имевших широкое социальное значение (скажем, пожертвование 2 000 долларов на строительство Еврейского института в Берлине, см.: Рассвет (Париж). 1929. № 16–17. 21 апреля. С. 22) до персональной финансовой помощи, например, А.М. Ремизову, который упоминает А.Ю. Доброго и его сестру, а также мецената и общественного деятеля, Дору Юрьевну (Уриевну) Добрую, в «Мышкиной дудочке» (о ней ещё – в рассказе «Стеколкин»); к той же теме см. ремизовское письмо Л. Шестову от 31 января 1924 г., в котором сообщается о встрече с А.Ю. Добрым: «К Добрую <sic> завтра вечером, нет сегодня», и в следующем письме ему же: «Как же зовут m<ada>me Добрую <?>» (Переписка Шестова с Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и прим. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 147, 150); см. ещё письмо Л. Шестова М. Эйтингону от 18 февраля 1924 г. в кн.: Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / сост. и подг. текста В. Хазана и Е. Ильиной; вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М., 2014. С. 57–58 (далее: Исцеление для неизлечимых). В 1927 г. А. Добрый был избран председателем Общества помощи русским евреям-эмигрантам, см. информацию об этом: Рассвет. 1927. № 27. 26 июля. С. 11.

¹⁸ Памятная книжка Киевской губернии на 1915 год / С прил. адрес-календаря губернии. Киев, 1915. С. 23 отд. паг. Считается, что А. Лазарев был директором этого банка (впервые об этом см.: *Баранова-Шестова.* Т. 2. С. 306; вслед за ней повторено в: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и прим. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 165; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под

общ. ред. Л. Мнухина <et al.>. М., 2008. Т. 2. С. 19; Переписка Льва Шестова с Борисом Шлёцером / сост. О. Табачникова. Париж, 2011. С. 57 (далее: *Табачникова*)); достоверность данной информации представляется, однако, сомнительной.

¹⁹ См. воспоминания А. Лазарева об А. Добром и его надгробную речь в кн.: Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж, 1939. С. 41–57, 74–76.

²⁰ По-видимому, какое-то короткое время перед Реймсом Лазарева прожили в Париже.

²¹ См. прим. 17.

²² Имеется в виду С.В. Лурье, см. о нём прим. 44.

²³ MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/1.

²⁴ См.: *Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 53.

²⁵ См.: Исцеление для неисцелимых. С. 159–160.

²⁶ Ср. с ошибочным прочтением-написанием этого адреса в кн.: *Табачникова*. С. 160.

²⁷ MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/9. Перевод: «И Вы даже работаете над нашим дорогим Львом Исааковичем! Медленно, без сомнения, т. к. трудно сконцентрироваться среди тысячи проблем...»

²⁸ *Ремизов А.М.* Дневник мыслей. 1943–1957 гг. / отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачёва; Подгот. текста А.М. Грачёвой, Н.М. Конычевой, Л.В. Хачатурян; Комментар. А.М. Грачёвой, Л.В. Хачатурян. СПб., 2013. С. 145.

²⁹ См. в связи с подготовкой этой книги к печати два письма Б. Шлёцера Б. Лазаревой – от 12 июня и 27 июля 1948 г. (MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/9).

³⁰ В № 1 были опубликованы две его статьи – по-французски: «Regarder en arrière et lutter» (Р. 89–106) и по-английски: «Look Back and Struggle» (Р. 107–117), представлявшие по существу два фрагмента из одного и того же текста афоризмов (1–5, 7–26), более полный русский вариант которого (27 афоризмов) был напечатан незадолго до этого в парижском эмигрантском журнале «Числа» (1930. № 1. С. 169–188).

³¹ *Кто не читал Шестова в такие минуты (дни, месяцы?!), мало понял Ш<естова>, а кто читал хоть немного в такие минуты, знает в нём самое важное (прим. А. Лазарева).

³² MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/2.

³³ Так, например, об одной из таких встреч-обсуждений Л. Шестов сообщал в письме Б. Шлёцеру от 2 октября 1932 г.: «Думал, что когда кончу “Фал<арийского> быка”, можно будет сказать “ныне отпускаши”. Не тут-то было – не отпускает. В пятницу был у меня Бердяев, сегодня – Лазарев: всё “обсуждали” и всё чувствуется, что нужно и нужно ещё бороться (Из писем Льва Шестова к Борису Шлёцеру и Адольфу Лазареву <публ. Н. Барановой-Шестовой?> // Вестник русского христианского движения. 1982. № 136. С. 124; *Баранова-Шестова*, Т. 2. С. 87–88; *Табачникова*. С. 115).

³⁴ Разумеется, А. Лазарев присутствовал и при более широких – публичных – полемико-философских турнирах, например, между Л. Шестовым и Н. Бердяевым, или, возможно, становился их непосредственным участником. Его присутствие во время одного из них, в доме Н. Бердяева, зафиксировала в своём дневнике жена философа, Л.Ю. Бердяева-Рапп (запись от 23 декабря 1933 г.), см.: *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М., 2002. С. 61 (другое посещение А. Лазаревым Бердяевых, у которых в этот день собрался Л. Шестов, Г. Федотов с женой, богослов, общественный деятель, участница РСХД М.М. Кульман (урожд. Зернова), швейцарский протестантский теолог Ф. Либ, отмечено в её дневнике от 26 января 1936 г. (Там же. С. 133)).

³⁵ См.: *Лазарев А.* Лев Шестов (К его семидесятилетию) // СЗ. 1936. № 61. С. 213–216 (журнал вышел в первой декаде июля). Этот очерк, переведённый время спустя на немецкий язык Г. Руоффом, которому принадлежали многие переводы на немецкий язык сочинений самого Л. Шестова, вышел отдельной брошюрой, см.: *Lazareff A.* Leo Schestov. Graz: Verlag Schmidt, 1950. Как явствует из письма В.В. Руднева, одного из редакторов «Современных записок», супругам Вишнякам (9 августа 1936 г.) А. Лазарев предлагал в этот журнал рецензию на книгу Л. Шестова «Kierkegaard et la philosophie existentielle» (перевод на французский язык осуществили дочь философа Т. Chestov-Rageot и В. Schlezzer), вышедшую в 1936 г. под патронажем Общества друзей Шестова и парижского издательства «Librairie philosophique J. Vrin» (Внутриредакционная переписка. Т. 1. С. 822), однако таковая в нём не появилась (на эту книгу рецензию для «Современных записок» написал Н. Бердяев, см. 62-ю книжку журнала за 1936 г.).

³⁶ См.: «Я очень ценю дело, которое делают “Современные записки”»: Н.А. Бердяев // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубды. М., 2012. Т. 2. С. 462.

³⁷ См.: *Lazareff A.* La philosophie de Léon Chestov // Adolphe Lazareff. Vie et connaissance / Trad. du russe par V. de Schlezzer. Paris, 1948. P. 9–20.

³⁸ По всей вероятности, именно этот текст был прочитан А. Лазаревым в виде доклада 14 марта 1936 г. на заседании Русского академического союза, посвящённом 70-летию Л. Шестова (см.: Хроника. Т. 3. С. 171), а не его очерк о юбилере, опубликованный в «Современных записках» (см. прим. 35), как отмечено в комментарии к письму Л. Шестова В. Рудневу от 20 июля 1936 г., см.: «Сократить я не мог – т. к. тема слишком меня задевала»: Л.И. Шестов / публ., вступ. ст. и прим. А.А. Данилевского // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубды. Т. 4. М., 2014. С. 779).

³⁹ См.: РМ. 1969. № 2727. 27 февраля (приложение, с. I).

⁴⁰ *Баранова-Шестова*. Т. 1. С. 349–351.

⁴¹ Там же. С. 349.

⁴² См. прим. 17.

⁴³ Давид Абрамович Левин (1863 – 1930), известный в дореволюционное время журналист, публицист, сотрудник петербургской газеты «Речь»; близкий приятель Л. Шестова и А. Ремизова, см. его неоднократные упоминания в ремизовском «Петербургском буераке», а также в: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и прим. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181.

⁴⁴ Имеется в виду один из ближайших друзей Л. Шестова, Семён Владимирович Лурье (1867 – 1927), философ, юрист, журналист, публицист, литературный критик, редактор, издатель (еженедельника «Еврейская неделя»); до революции член редколлегии журнала «Русская мысль» (в течение определённого периода соредактор П.Б. Струве). Входил в ремизовский Обезвельволпал (см.: *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьяня Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 350). О дружбе Шестова и Лурье см. в кн. *Барановой-Шестовой* (Т. 2. С. 311–312). Лурье принадлежат несколько статей, посвящённых Шестову: «Странник по душам: (По поводу “Власти ключей” Льва Шестова)» (Звено. 1923. № 9. 2 апреля. С. 2), «Лев Шестов: (К шестидесятилетию его рождения)» (Последние новости. 1926. № 1800. 25 февраля. С. 2), «Истина Библии и истина философии: (К шестидесятилетию рождения Льва Шестова)» (Рассвет. 1926. № 16. 18 апреля. С. 5–8); значительное место Шестов занимает и в его статье «Два пути (Философия идеи и философия переживания)» (СЗ. 1921. № 7. С. 162–187). Погиб в результате трагического случая: на Руанском вокзале попал под поезд.

⁴⁵ Борис Фёдорович Шлёцер (1881 – 1969), музыковед, писатель, литературный и музыкальный критик, переводчик, которому принадлежит основная масса переводов шестовских сочинений на французский язык.

⁴⁶ *inclus* — включая (*фр.*).

⁴⁷ А. Лазарев использует здесь название сочинения И.Г. Фихте, которое на русский язык обычно переводят как «Ясное, как солнце, сообщение» (1801).

⁴⁸ *Einstellung* — установка (*нем.*).

⁴⁹ *viva voce* — букв.: «живым голосом», т.е. устных (*лат.*).

⁵⁰ *τὸ τίσιώτατον* — самое ценное, самое важное (*греч.*). А. Лазарев здесь как бы имитирует самого Л. Шестова, который зачастую пользовался этим платиновским термином как в своих письмах (см., например, письма М. Эйтингону от 4 августа 1924 г. или 21 сентября 1926 г. (Исцеление для неисцелимых. С. 73, 127), так и в философских работах, скажем, в книге «На весах Иова» (ч. 1 «Откровения смерти», гл. VII): «<...> самое верное, т.е. единственно исчерпывающее определение философии мы находим у Платона. На вопрос, что такое философия, он отвечает: *τὸ τίσιώτατον*, т.е. самое важное» (*Шестов Лев.* Сочинения. В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 51; далее при цитировании этого издания указываются только том и страница).

⁵¹ См. упоминание статьи А. Лазарева «Философская судьба Вильяма Джемса» во вступительной заметке.

⁵² *tant bien que mal* — так или иначе; плохо или хорошо; в той или иной степени; как сумел бы (*фр.*).

⁵³ *Osse arida* — совершенно сухие (*лат.*).

⁵⁴ *Nil (nihil) admirati* — ничему не удивляться (*лат.*).

⁵⁵ Кроме отмеченных выше, статьи А. Лазарева «Философия Бергсона» (см. прим. 10) и лекций на ту же тему (см. прим. 13), укажем ещё на его рецензию «Новый труд Бергсона» (Henri Berson. L'énergie spirituelle: Essais et conférences. 7-me ed. Paris, 1922), напечатанную в берлинском журнале «Sofia» (под ред. Н.А. Бердяева и при ближайшем участии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка; 1923. № 1. С. 183–188).

⁵⁶ *entourage* — окружение, среда (*фр.*).

⁵⁷ Написана в августе 1938 г.

⁵⁸ Это место в рецензии прямо восходит к шестовскому тексту (4-я часть книги «О втором измерении мышления (Борьба и умозрение)». В главе LXV, названной «Оглядка», Шестов пишет: «Наше мышление есть, по самому существу своему, оглядка – по-немецки *Bessinnung*. Оно родилось из страха, что под нами, над нами есть что-то, что нам угрожает. В самом деле, как только человек начинает оглядываться, он «видит» страшное, опасное, грозящее гибелью. Но если – согласнее сделать такое допущение? – страшное только тогда и тому страшно, кто оглядывается? Голова Медузы ничего не может сделать человеку, который идёт вперёд и не оглядывается, и превращает в камень всякого, кто повернётся к ней лицом. Мыслить не оглядываясь, создать «логику» не оглядывающегося мышления – поймёт ли когда-нибудь философия, поймут ли философы, что в этом первая и насущнейшая задача человека – путь к “единому на потребу”⁵⁹ Что инерция, закон инерции, лежащий в основе оглядывающегося мышления с его вечными страхами пред возможностью неожиданного, никогда не выведет нас из того полусонного, почти растительного существования, на которое мы обречены историей нашего духовного развития?»

И в следующей главе («Комментарий к предыдущей»):

«...» Кант философию понимал (тоже, как и все мы) как оглядку, как *Bessinnung*. Оглядка же предполагает, что то, на что мы оглядаемся, имеет навеки неизменную структуру и что ни человеку, ни “высшему существу” не дано вырваться из власти не им и не для него заведённого «строга бытия». Каков бы ни оказался этот сам собой заведшийся порядок – он есть неизменно данное, которое нужно принять и с которым нельзя бороться. Самая идея борьбы Канту (и нам всем) кажется бессмысленной и недопустимой. Недопустимой не только потому, что мы заранее обречены на поражение, что такая борьба безнадежна, но и ещё и потому, что она безнравственна, свидетельствует о возмущённости, мятежности,

корыстности нашей (каприз, своеволие, фантазия – говорит Кант, которому, как и всем нам, внушено и потому доподлинно известно, что всё это куда хуже, чем необходимость, покорность, закономерность). И действительно, стоит оглянуться, как сразу становится видным (интуиция), что нельзя и не должно бороться, что нужно покориться. <...> И, стало быть, философия должна быть не оглядкой, не *Besinnung*, как мы приучены думать, – оглядка есть конец всякой философии, – а дерзновенной готовностью идти вперёд, ни с чем не считаясь и ни на что не оглядываясь. Оттого божественный Платон говорил: *λόβτα γὰρ τοῦ ψηφίου* – на всё нужно дерзать, не боясь, прибавлял он, прослыть бесстыдным. Оттого и Плотин оставил нам завет: *αὐτὸν μὲν ὅστος καὶ εὐχαῖος τὰς ψυχὰς πρὸς αὐτὸν* – великая и последняя борьба предстает душам. Философия есть не *Besinnen*, а борьба. И борьба этой нет и не будет конца. Царство Божие, как сказано, берётся силой» (*Шестов*. Т. 1. С. 660–662).

Помимо очевидной цитатной рефлексии на рецензируемый шестовский текст, следует указать на то, что в письме к Лазареву от 7 августа 1938 г., т.е. именно в то время, когда он работал над этой рецензией, Шестов писал, по обыкновению противопоставляя понимание философии как *Kampf* (борьба) и *Besinnung* (сознание, размышление, припоминание; в его вольном переводе – «оглядка»): «Получил номер “*R<evue> Phil<osophique>*” <1938. № 7/8 (126). Juillet-août> со статьёй Fondane <“*Léon Chestov et la lutte contre les évidences*”>. В нём же любопытная заметка Bréhier о моём <“>Кирт<ергарде>”: очень “холодная” – до того холодная, что и Киртергарду приходится сжиматься. Да оно иначе и быть, конечно, не могло. Для Bréhier вся “экзистенци<нальная> философия” – пустая выдумка. И того он не понимает, что философия есть “*Kampf*”, а не *Besinnung*, как не постигнет и Жан Валь, к<ото>рый прислал мне свою книгу о Киртергарде с надписью, что в моей книге об Афинах и Иерусалиме он ни Афин, ни Иерусалима не нашёл. И когда в Вашем письме я читаю, что “вопросы” экзист<енциальной> фил<ософии> вновь подняли свои голоса – я вижу в этом только признак того, что для Вас философия есть “единая на потребу”» (MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4^e. 1539/1; это письмо с мелкими неточностями приведено в кн.: *Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 186).

⁵⁹ *Шестов Л.И.* Шекспир и его критик Брандес. СПб., 1898.

⁶⁰ *Шестов Л.И.* Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше: Философия и проповедь. СПб., 1900; *он же*. Достоевский и Ницше: Философия трагедии. СПб., 1903. Шестов и Лазарев каждый по-своему транслитерировали фамилию немецкого философа.

⁶¹ Имеется в виду краткий отзыв Etienne Vauthier (Р. 118–119). Тот же номер журнала открывала статья Шестова «*Sine Effusione sanguinis (De la prohibe philosophique)*» в пер. Б. Шлёцера (Р. 5–36).

⁶² Речь идёт об А. Бергсоне; Лазарев цитирует его книгу «Творческая эволюция» (1907); в пер. с франц. М. Булгаковой это место выглядит так: «Наш ум в том виде, как он образовался путем развития жизни, имеет своей существенной функцией уяснение нашего поведения, подготовку нас к воздействию на вещи и предвидение для данного положения благоприятных и неблагоприятных явлений, могущих последовать за ним. Он инстинктивно выделяет в данном положении то, что походит на ранее известное, ищет того же самого, чтобы применить принцип: «одинаковые причины производят одинаковые следствия». В этом заключается предвидение будущего обычным рассудком. Наука доводит эту операцию до возможно высокой степени универсальности и точности, но она не изменяет её характера по существу. Как и обыкновенное знание, наука смотрит на вещи с точки зрения их повторения. Если целое неповторяемо, она старается разложить его на элементы или стороны, которые приблизительно были бы воспроизведением прошлого. Она может оперировать только над тем, что считается повторяющимся, т. е. исключает, согласно нашей гипотезе, влияние времени. От неё ускользает то, что есть неповторяющегося и необратимого в последовательных моментах какой-либо истории. Чтобы представить себе эту неповторимость и необратимость, нужно порвать с научными привычками, соответствующими основным требованиям мысли, нужно оскорбить разум <у Лазарева: “Сделать насилие над нашим духом”>, пойти наперекор естественной склонности ума. Но именно в этом и состоит роль философии» (*Берсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 43–44).

⁶³ Гегелевское выражение «*denkende Betrachtung der Gegenstände*» (*Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, Einleitung, § 2*) можно перевести как «умозрительное созерцание объектов», см. также: «мысленное рассмотрение предметов» (*Гегель*. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1: Наука логики. С. 85).

⁶⁴ Вопрос о возможности синтетических суждений *a priori*, введённый И. Кантом в «Критике чистого разума», рассматривался им как основной вопрос критической философии.

⁶⁵ В русском издании это место из предисловия к «Афинам и Иерусалиму» читается так: «У Канта же мы встречаем единственное в своём роде, по открытости, признание, что опыт, который нам только говорит о том, что есть, что оно есть, но ничего не говорит о том, что то, что есть, есть по необходимости, не даёт знания и не только не удовлетворяет, но раздражает наш разум, жадно ищущий всеобщих и необходимых суждений» (*Шестов*. Т. 1. С. 318).

⁶⁶ Здесь и далее римская цифра означает у Лазарева страницу французского издания.

vérités de raison – истина разума (*фр.*).

⁶⁷ *vérités de fait* – истина факта (опыта) (*фр.*).

⁶⁸ В русском издании «Афин и Иерусалима» (1-я часть, гл. IV) эта цитата читается так: «Что Сократ выпил чашу с ядом, это то, что, правда, один раз только было в действительности, но историческая истина, что это так было, останется для всех времён и независимо от того, забудут ли её когда-нибудь или не забудут» (*Шестов*. Т. 1. С. 355).

⁶⁹ Полемический извод утверждения средневекового церковного реформатора, кардинала Петра Дамиани (1007 – 1072), о котором Шестов несколько раз напоминал в своих сочинениях, см. «Potestas clavium»: «... для Бога возможно даже и бывшее сделать никогда не бывшим» (*Шестов*. Т. 1. С. 71) или «Афины и Иерусалим» (Предисловие, II): «Вечные истины равно и принуждают, и убеждают всех мыслящих людей. Когда в середине века раздался голос Петра Дамиана, провозгласившего, что Бог может сделать однажды бывшее небывшим, он оказался голосом вопиющего в пустыне» (Там же. Т. 1. С. 330).

⁷⁰ В русском издании «Афин и Иерусалима» это место (4-я часть, «О втором измерении мышления (Борьба и умозрение)», гл. VI. Вопросания) выглядит так: «Мы спрашиваем, какова скорость звука, куда впадает Волга, сколько лет живет ворон и т.д. без конца, и, как известно, получаем на такие вопросы очень определённые ответы и считаем эти ответы истинами. И сейчас же делаем заключение: на тысячи, миллионы наших вопросов мы получили ответы, содержащие в себе истины, – значит, чтоб получить истину, нужно спрашивать. Поэтому мы спрашиваем – есть ли Бог, бессмертна ли душа, свободна ли воля (три вопроса, к которым, по Канту, сводится вся метафизика)...» (*Шестов*. Т. 1. 612–613).

⁷¹ Здесь и в ряде дальнейших случаев А. Лазарев цитирует книгу Л. Шестова «Скованный Парменид: Об источниках метафизических истин» (Paris <1932>. С. 83), составившую впоследствии 1-ю часть «Athènes et Jérusalem»; *Шестов*. Т. 1. С. 405.

⁷² Цитата из той же главы «Вопрошания», что и выше, см. прим. 70 (*Шестов*. Т. 1. С. 613).

⁷³ Появление в авторском примечании «параллельной» ссылки («также») и на русское издание книги «Афины и Иерусалим», увидевшее свет уже после смерти А. Лазарева, указывает на работу с текстом его родных.

⁷⁴ См. прим. 59.

⁷⁵ *Шестов Л.И.* Николай Бердяев: (Гнозис и экзистенциальная философия) // СЗ. 1939. № 67. С. 196–229 (журнал вышел 20 октября, за месяц до смерти Л. Шестова).

⁷⁶ А. Лазарев цитирует начало «Скованного Парменида»: «Мы живём, окружённые бесконечным множеством тайн. Но как ни загадочны окружающие бытие тайны – самое загадочное и тревожное, что тайна вообще существует, что мы как бы окончательно и навсегда отрезаны от истоков и начал жизни. Из всего, чему мы являемся свидетелями на земле, это явно самое нелепое и бессмысленное, самое страшное, почти противоясственное, неотразимо навязывающее на мысль, что либо в самом мироздании не всё благополучно, либо наши подходы к истине и представляемые к ней требования поражены в самом корне каким-то пороком» (*Шестов Л.* Скованный Парменид: Об источниках метафизических истин. Paris <1932>. С. 7; *Шестов*. Т. 1. С. 339).

⁷⁷ Лазарев цитирует VIII афоризм («Подслушанное») из 2-й части («Дерзновения и покорности») книги Шестова «На весах Иова»: «Пробовал говорить горе: сдвинься к морю. Не сдвинулась. Пробовал заклинать весь материальный мир: рассыпья. Не рассыпался. Стало быть? Ничего не стало быть! Знаю ещё и другое. Пробовал я заклинать пустое, явно бессмысленное и ни на чём не основанное, но с детства Бог весть как привившееся суеверие – и тоже не помогло. Держится не менее прочно, чем горы, реки и моря! Вот и подите со своими “стало быть” и со своим человеческим опытом! Впрочем, не стоит бесполезно распинаться. Ведь помимо всего мы не только не можем, но и не хотим разорвать наваждения и освободиться от чар мнимой реальности. Даже и события последнего времени – достаточно потрясающие, чтобы разбудить и мертвеца, ни на кого не действуют. Люди терпеливо ждут, что всё опять вернётся на своё место и можно будет снова зажить как прежде, приятно и беззаботно. Долое ещё быть людей?!» (*Шестов*. Т. 2. С. 154).

⁷⁸ Откр. 21: 4. Сам Шестов цитирует это евангельское выражение в письме к Б. Шлёцеру от 11 сентября 1938 г.: «Помните плач Иеремии? И громы Апокалипсиса? Но загадочным образом и пророки и апостолы сквозь ужасы бытия прозревали что-то иное. Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа? Отрётся всякая слеза?» (*Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 188; *Табачникова*. С. 159).

⁷⁹ Пс. 129: 1.

⁸⁰ Речь, по всей вероятности, шла о французском философе Жюлье Лекье (Jules Lequier; 1814 – 1862), которому А. Лазарев посвятил статью «Философский замысел Жюлье Лекье», напечатанную в журнале «Путь» (1938. № 57. Август/октябрь. С. 29–47), увидевшем свет как раз незадолго до описываемой беседы. См. в письме Л. Шестова Б. Шлёцеру от 16 октября 1938 г.: «Получили Вы статью Лазарева о Лекье? Очень она ему удалась» (*Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 196; *Табачникова*. С. 162).

Впоследствии, в переводе на французский язык, включена в книгу А. Лазарева «Via et connaissance» (Р. 21–40).

⁸¹ Из стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

⁸² Пространная цитата из этого текста – от слов «Этим летом рассказал он мне однажды...» до конца (с опущенным абзацем от «Он говорил мало...» до «...да, таинственно!») приведена в мемуарном очерке Г. Ловчиков «Лев Шестов по моим воспоминаниям» (Грани. 1960. № 46. С. 134–135); а фрагмент от слов «...я стоял перед его открытым гробом...» до конца с некоторыми неточностями – в кн.: *Баранова-Шестова*. Т. 2. С. 203.

⁸³ См. прим. 62.

⁸⁴ Цитата из книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности (Опыт догматического мышления)» (СПб., 1905. С. 183–184); Шестов приводит фрагмент из стихотворения М. Лермонтова «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...» (1840).

⁸⁵ Л. Шестов приводит этот отрывок из пушкинского стихотворения «Воспоминание» (1828) в книге «Скованный Парменид» (С. 67).

⁸⁶ Более точно: *ducunt volentem fata, nolentem trahunt* – желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит (лат.). Фраза, принадлежащая греческому философу-стоику Клеанфу; впоследствии переведена Сенской и приведена в его «Нравственных письмах к Луцилию» (107: 11).

⁸⁷ А. Лазарев цитирует статью Л. Шестова «Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль)» (РЗ. 1938. № 12. С. 131–132). На этом рукопись обрывается.

⁸⁸ См. прим. 38.

⁸⁹ Имеются в виду следующие материалы, напечатанные в 50-й книжке «Пути» за 1936 г. и связанные с отказом Н. Бердяева напечатать в журнале документ фотиевского братства, осуждающий о. С. Булгакова: «Письмо В. Лосского Н.А. Бердяеву» (С. 27–32), «Открытое письмо Н.А. Бердяеву» С. Четверикова (С. 32–36) и бердяевский ответ обоим «Об авторитете, свободе и человечности» (С. 37–49).

⁹⁰ О том, что материал А. Лазарева о Л. Шестове в «Пути» не появлялся, см. выше, во вступительной заметке.

⁹¹ Г.И. Челпанова не стало 13 февраля 1936 г. Н. Бердяеву принадлежит его некролог, появившийся в журнале «Путь» (1936. № 50. Январь-март-апрель. С. 57–57); другой некролог для той же книжки журнала написал ещё один челпановский ученик – философ В.В. Зеньковский (С. 53–56).

⁹² Наталья Георгиевна Парэн (урожд. Челпанова; 1897 – 1958), художница-график; была замужем за французским писателем и философом Брис Аристид Парэн (Brice Parain; 1897 – 1970), который в середине 1920-х гг. являлся французским консулом по культуре в Москве, где будущие супруги и познакомились.

⁹³ В конце концов Н. Бердяеву пришлось писать юбилейную статью самому, см.: *Бердяев Н. Лев Шестов (по случаю его семидесятилетия)* // Путь. 1936. № 50. Январь-март-апрель. С. 50–52;

⁹⁴ Год определяется по контексту. См., между прочим, в письме Л. Шестова А. Лазареву от 8 мая 1938 г.: «Очень рад, что Б<ердяев> пригласил Вас прочесть у него доклад о Ренувье и Лекье. Наверное, раз он позвал – значит публике интересно, а главное, лишнее доказательство тому, что Ваша работа ему понравилась» (MDNLI. Adolf Lazareff Coll. Arc 4°. 1539/1).

⁹⁵ Доклад «Проблемы свободы во французской философии XIX века» А. Лазарев прочитал на заседании религиозно-философской академии 29 мая 1938 г.; в прениях участвовали Н. Бердяев, Б. Вышеславцев и др. (Хроника. Т. 3. С. 463). Часть доклада в виде статьи «Философский замысел Жюля Лекье» была опубликована в журнале Н. Бердяева «Путь», см. прим. 80.

⁹⁶ По-видимому, имеется в виду Девятый всемирный философский конгресс, состоявшийся в Париже.

⁹⁷ Артур Либерт (Arthur Liebert; 1878 – 1946), немецкий философ-неокантианец. После прихода к власти Гитлера был вынужден покинуть Германию; преподавал философию в Белградском университете. В Белграде же основал и редактировал международный журнал «Philosophia: Philosophorum Nostris Temporis Vox Universa» (1936–1939).

⁹⁸ Работы, написанные А. Лазаревым, в этом журнале не появлялись.

⁹⁹ Письмо адресовано Б.А. Лазаревой.

¹⁰⁰ Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева, в 1-м браке Рапп; 1871 – 1945), поэтесса, религиозно-общественный деятель; жена Н. Бердяева. Евгения Юдифовна Рапп (урожд. Трушева; 1875 – 1960), художница, скульптор, последовательница философии Н. Бердяева; сестра Л.Ю. Бердяевой.

Н.Н. Кнорринг

Гибель Тургеневской библиотеки в Париже

Вступ. заметка и прим. А.В. Мельникова

Аннотация: Впервые публикуется обнаруженный в Архиве РАН полный авторский текст статьи историка Н.Н. Кнорринга «Гибель Тургеневской библиотеки в Париже».

Annotation: The full text of the article «A Death of Turgenev Library in Paris» by a historian N.N. Knorring is published.

Ключевые слова: Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева (Париж), Н.Н. Кнорринг, книжные собрания, российская эмиграция, Архив РАН, С.О. Шмидт.

Key words: Russian public library named after I.S. Turgenev (Paris), N.N. Knorring, book collections, Russian émigré, Archives of Russian Academy of Sciences, S.O. Schmidt.

Статья Н.Н. Кнорринга «Гибель Тургеневской библиотеки в Париже» посвящена истории создания, развития и обстоятельствам экспроприации в 1940 году германскими оккупационными властями «Русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева», пожалуй, одного из самых крупных и известных книжно-документальных собраний в российском зарубежье, подлинного очага русской культуры в Западной Европе, которому в 2015 г. исполнилось 140 лет со времени основания. Автор статьи – историк, педагог, журналист Николай Николаевич Кнорринг (1880 – 1967) – один из деятельнейших организаторов, сотрудников и пропагандистов библиотеки, в 1926–1940 гг. входивший в состав членов её правления, бывший членом временного комитета, созданного при библиотеке Русского зарубежного литературного архива, по окончании войны немедленно включившийся в работу по её воссозданию. В годы парижской эмиграции Н.Н. Кнорринг регулярно помещал в газетах информационные и исследовательские заметки и статьи о библиотеке, её книжных богатствах, читателях. Вырезки, тщательно подобранные автором, сохранились в архиве семьи Н.Н. Кнорринга¹. Некоторые его статьи из «Последних новостей» были перепечатаны в книге «Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева: сотрудники, друзья, почитатели», вышедшей двумя изданиями², и вполне доступны для широкого круга читателей. В сборнике с небольшими сокращениями помещена и его статья «Гибель Тургеневской библиотеки в Париже». Она была впервые опубликована в 1961 г. на страницах литературно-художественного журнала «Простор»³, издававшегося в Алма-Ате, где по

возвращении в СССР в 1955 г. была поселена семья Н.Н. Кнорринга. Статья сразу вошла в орбиту исследований о судьбах Тургеневской библиотеки⁴. В работах П. Кеннеди Гримстед и других авторов, специально занимавшихся историей библиотеки после 1940 года, статье Н.Н. Кнорринга уделено значительное внимание как особо ценному свидетельству современника о последнем периоде существования библиотеки в её прежнем виде⁵. При этом следует отметить, что ещё в Париже, во втором номере газеты «Русские новости» от 25 мая 1945 г., Н.Н. Кнорринг впервые подробно изложил обстоятельства экспроприации библиотеки, назвал и имя сотрудника «Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга» Гельмута Вейса⁶, обозначил и количество ящиков, в которые были помещены книги и имущество библиотеки – «до 900»⁷. Этот эпизод в несколько переработанном виде впоследствии был включён в статью «Гибель Тургеневской библиотеки в Париже».

В последнее время архивное наследие Н.Н. Кнорринга стало предметом исследования, появился ряд ценных публикаций, основанных на материалах семейного архива⁸, впервые изданы по рукописи комментированные мемуары историка⁹. Безусловно, документальные материалы историка будут выявляться в составе различных архивохранилищ.

В настоящее время в Архиве РАН начата работа по комплектованию, технической обработке и описанию личного фонда историка, педагога, академика РАО С.О. Шмидта (1922 – 2013), поступившего на хранение согласно завещанию фондообразователя (ныне Ф. 2218). Торжественный символический акт передачи на постоянное хранение личного архива историка состоялся в феврале 2014 г.¹⁰

В ходе этой работы в архиве С.О. Шмидта нами была обнаружена машинопись статьи Н.Н. Кнорринга «Гибель Тургеневской библиотеки в Париже». Сразу оговоримся, что эта – более ранняя по отношению к публикации в журнале «Простор» редакция (назовем её первой), имеющая ряд существенных отличий от известного текста. И это наводит на мысль, что при издании в 1961 г. статья была подвергнута серьёзной конъюнктурной правке. Датировать первую редакцию можно не позднее 1957 года. На первой странице статьи – входящий номер и дата (2401/26. VIII.57), к статье приложено сопроводительное письмо от 2 октября 1957 г. литературоведа Р.М. Самарина (1911 – 1974), профессора, декана филологического факультета МГУ и заведующего отделом истории зарубежной литературы Института мировой литературы АН СССР, адресованное «т. Озеровой». Письмо представляет существенный интерес для понимания истории публикации статьи Н.Н. Кнорринга, поэтому стоит привести его полностью:

«Глубокоуважаемая т. Озерова,

я прочитал очерк т. Кнорринга о Тургеневской Библиотеке в Париже. Мне кажется, он не лишён интереса: это книжное собрание действительно сыграло заметную роль в истории русской культуры за рубежом, в истории культурных связей между нами и Францией. Поскольку эти связи в ближайшее время сильно оживятся и активизируются, опубликование заметки было бы со всех точек зрения делом полезным – тем более, что она заострена против гитлеризма. Думаю, что и восстановление этой библиотеки весьма желательно, и хорошо, если мы первые об этом заговорим – но это уже выходит за пределы компетенции журнала.

Обдумывая всё это, я пришёл к выводу, что заметку можно рекомендовать к печати. К тому же она написана живым, лёгким языком, читается с интересом. Я позволил себе слегка пройтись по ней в смысле редактуры, устранив кое-что с моей точки зрения лишнее и уточнив некоторые выражения (“гитлеровцы” вместо просто “немцы” в некоторых случаях; в других случаях, я думаю, можно и должно оставить именно “немцы”). Это, конечно, не значит, что я считаю заметку отредактированной: просто, если Вы решите её печатать, я отметил те пункты, которые особенно бросаются в глаза при первом чтении как подлежащие редакции.

Уважающий Вас

Р. Самарин
57. X. 2»¹¹.

Письмо носит ответный характер, и, пожалуй, говорит в пользу того, что Р.М. Самарин мог выступить как внешний рецензент статьи, рекомендовавший её к печати. К сожалению, из письма не ясно определённо, в каком (очевидно, что московском) журнале первоначально рассматривался вопрос о публикации статьи. Единственное допущение, которое мы можем сделать, что «т. Озерова» – это небезызвестная Мери Лазаревна Озерова (1920 – 2003), многолетняя заведующая отделом прозы журнала «Юность». Стоит обратить внимание также и на фигуру рецензента; нам представляется немаловажным отметить факт знакомства и совместной педагогической детальности в Харькове Н.Н. Кнорринга и отца Р.М. Самарина – филолога и литературоведа М.П. Самарина (1888 – 1948)¹². Нельзя исключать, что Н.Н. Кнорринг мог отправить первоначально статью и лично Р.М. Самарину, памятуя о своих дружеских отношениях с его отцом.

Безусловно, требует объяснения и факт обнаружения статьи Н.Н. Кнорринга в архиве С.О. Шмидта. Здесь мы вынуждены пока оставаться на зыбкой почве мало чем подтверждаемых предположений. Вспоминается давний разговор с Сигурдом Отговичем, когда во время работы над статьей «М.М. Богословский в воспоминаниях современников»¹³ он делился радостью открытий, выявляя печатные и архивные свидетельства о запечатлении памяти о М.М. Богословском. Особенно важно было выявить и обобщить многочисленные сведения из периодических изданий российского зарубежья – некрологи, хронологические заметки о заседаниях памяти М.М. Богословского и т.п., при фактически полной фигуре умолчания в СССР, что позволяло несколько по-иному представить образ крупного учёного и педагога. Н.Н. Кнорринг тоже отозвался некрологом на кончину М.М. Богословского¹⁴, и когда я сообщил об этой заметке Сигурду Отговичу, то он припомнил о том, что в самом начальном периоде работы журнала «История СССР», созданного в конце 1956 года, где С.О. Шмидт был утверждён заместителем главного редактора, рассматривался вопрос о публикации статьи (статей?) Н.Н. Кнорринга. Не могу быть уверен, называлась ли тематика работ, но, определённо, речь шла именно о Н.Н. Кнорринге.

Какого же рода наиболее существенные сокращения и изменения были произведены в опубликованной статье Н.Н. Кнорринга, в сравнении с её первой редакцией? Во-первых, сняты имена многих и многих людей, так или иначе связанных с библиотекой, создававших её, работавших в ней, жертвовавших свои книги и рукописи: П.Л. Лавров, Л.В. Шейнис-Чехова, М.П. Котляревская, В.Л. Бурцев, А.Н. Потресов, И.И. Фундаминский, М.А. Осоргин, Н.И. Гучков, князь Н.А.

Орлов, присутствовавший на открытии библиотеки, министр А.П. Извольский и др. Особенно примечательны строки о Н.И. Гучкове как собирателе и коллекционере россики. Показательно, что из перечисленных участников 100-летнего юбилея А.И. Герцена (В.Я. Богучарский, А.В. Луначарский, И.А. Рубанович, Н.Д. Авксентьев) в публикации назван один А.В. Луначарский. Во-вторых, изменены авторские акценты, направленные на формирование объективной картины развития библиотеки, достигшей своего пика именно благодаря притоку русских эмигрантов после революции и гражданской войны, вообще о восприятии русской книги человеком, оказавшимся в невольном изгнании, и т.п. В-третьих, факты, связанные со взаимоотношениями с представителями немецких властей, об их первоначальном доброжелательном интересе к книжным собраниям библиотеки, и с обращением за защитой от вывоза к самому фюреру. Начало и концовка статьи в журнале переписаны уже и с учётом новейшей литературы. Н.Н. Кнорринг ссылается на воспоминания И.Г. Эренбурга, вспоминая о своих занятиях в библиотеке и оставившего свидетельство о гибели её книг и рукописей на одной из железнодорожных станций в Германии в 1945 г.¹⁵

Первая редакция содержит многочисленную рукописную правку, выполненную двумя почерками и двумя разными чернилами. Один, очевидно, принадлежит Р.М. Самарину – согласно указанию его письма, немного отредактировавшему текст, вычеркнувшему некоторые слова и фразы. Эта правка выполнена тёмно-фиолетовыми чернилами. Вставки французских фраз и некоторых русских слов над строкой и в подстрочнике, сделанные синими чернилами, по-видимому, принадлежат самому автору. Встречаются небольшие редакторские пометы, подчёркивания, исправления – не всегда грамотные, простым и синим карандашом – с предложением снять отдельные фрагменты. В конце статьи третьим почерком, видимо, кем-то из редакции журнала, чернилами вписан адрес: «Каз ССР, Алма-Ата, 5 линия 272 квартал А, Д 12, кв. 8, Н. Кнорринг». Текст вложен в конверт с пометой чернилами: «С.О. Шмидту»¹⁶ и припиской красно-синим карандашом рукой С.О. Шмидта: «Тургенев[ская] библиотека в Париже».

При публикации за основу взят машинописный авторский текст с указанием в подстрочных примечаниях разночтений и редакторской правки (отмечены буквами латинского алфавита), представляющей определённый интерес для психологии и типологии редакторской культуры того времени. Пометы простым карандашом, носящие технический характер, явные описки и опечатки специально не оговариваются, звёздочкой обозначены переводы французских слов, цифрой со звёздочкой – авторские подстрочные примечания, сокращения слов раскрыты в квадратных скобках.

Выражаем глубокую и искреннюю признательность П.А. Трибунскому (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт российской истории РАН) и Д.Г. Полонскому (Архив РАН) за ценные советы и деятельную помощь в подготовке настоящей публикации.

Всякий русский, который не случайно, на несколько дней, заезжал в Париж, а жил там довольно продолжительное время, конечно, хорошо знал о существовании в Париже Тургеневской библиотеки. Это было одно из тех

культурных учреждений, которые возникают как-то сами собой, по неистребимой потребности русских людей, очутившихся на долгое время за границей, не прерывать своих связей с родиной. Тургеневская библиотека^a, неразрывно связанная^b с именами И.С. Тургенева¹⁷ и Герм[ана] Лопатина¹⁸ и целым рядом других деятелей русской культуры, «в ней работал и Ленин¹⁹, существовавшая в Париже более 60-ти лет, достигшая в своем росте серьезной «библиотечной» репутации в Западной Европе, – во время немецкой оккупации осенью 1940 года, вопреки всяким обычаям международного права, была конфискована и увезена в Германию, где следы её затерялись^c.

Возродится ли этот культурный русский очаг в Париже (юридически она продолжает ещё существовать) или имя Тургеневской библиотеки окончательно уже ушло в историю – сказать невозможно, но у неё столько благодарных друзей, столько связано с ней у наших соотечественников прекрасных воспоминаний и переживаний, что она – «пострадавшая» – жертва войны – имеет право на сочувствие и внимание русского^d общества вообще^e.

* * *

Тургеневская библиотека была основана в Париже в январе 1875 г. Мысль об открытии русской читальни возникла среди очень небольшой русской колонии, которая составила в Париже частью из эмигрантов, частью из русской учащейся молодёжи, которая после распоряжения русского правительства, запретившего русским учащимся оставаться в Цюрихе («Правительственный вестник» 1873 г. 21–V²⁰), потоком хлынула в Париж. Инициатором в этом деле явился Герман Александрович Лопатин, которому деятельно на первых порах помогал и другой эмигрант, известный автор «Отщепенцев» – Н.В. Соколов²¹, а впоследствии видную роль в организации библиотеки играл П.Л. Лавров²². Основной начальный фонд библиотеки, конечно, составил из добровольных даваний и пожертвований. Здесь помог И.С. Тургенев, который не только жертвовал свои книги и издания, но и лично обращался к ряду издателей с просьбой о книжной помощи библиотеке²³. «Первая книжка “Вестника Европы” получена в здешней читальне и все славословят и благодарят Вас^f»²⁴, – писал Тургенев Стасюлевичу²⁵.

Вскоре же после открытия библиотеки Тургенев устроил в пользу неё у себя в доме, на ул. Дуэ, 50, музыкально-литературное утро. В разосланных пригласительных билетах была указана цель: «собрать средства на основание библиотеки для русских^g учащихся^h в Париже^h» («pour fonder un cercle de lecture au profit des étudiants russes à Paris»ⁱ). Многим, особо известным лицам, Тургенев написал даже личные пригласительные письма. «Утро» состоялось

^a Далее над строкой зачёркнуто: была

^b Исправлено от руки: связана

^{c,c} Исправлено от руки: В ней работал и Ленин, она существовала в Париже более – лет и достигла в своём росте серьезной «библиотечной» репутации в Западной Европе.

Во время немецкой оккупации осенью 1940 года, вопреки всяким обычаям международного права, она была конфискована и увезена в Германию, где следы её затерялись.

^d Исправлено над строкой: советского

^e Слово зачёркнуто.

^f Исправлено из: вас

^g Вписано над строкой от руки.

^{h,h} Вписано над строкой от руки.

ⁱ Вписано от руки синими чернилами.

15/27 февраля 1875 г.²⁶ Тургенев читал свой рассказ «Ходатай»²⁷, пела Полина Виардо-Гарсиа²⁸, читали Г.И. Успенский²⁹ и поэт Курочкин, переводчик Беранже³⁰, играли скрипач Галкин³¹ и пианистка Есипова³². Антокольский³³ пожертвовал статуэтку. Присутствовал русский посол князь Орлов³⁴. «Утро» прошло с большим успехом: собрано было 2.000 фр. На эти деньги и была нанята квартира в 3-ем этаже, [дома] 4, по ул. Виктор Кузен, в которой и начала действовать читальня, открывавшаяся каждый день на четыре часа. С увеличением количества учащихся в Париже, росла и библиотека, так что уже к 17 окт[ября] 1881 г. было создано собрание читателей и было основано «Общество Русской библиотеки». Дела в библиотеке шли довольно беспорядочно, взносы делались неаккуратно, книги зачитывались, за квартиру не уплачивалось. В тяжёлых случаях собирались читатели и, после долгих дебатов, постановляли: «Принимая во внимание отсутствие средств в кассе обратиться к И.С. Тургеневу», – и он всегда шёл библиотеке на помощь. После его смерти библиотеке и было присвоено его имя.

За время своего существования Тургеневская библиотека переменила несколько квартир: 4, ул. Виктор Кузен; 7, ул. Бертолле; 20, ул. Глясьер; 328, ул. Сен-Жак; 9, ул. Валь-де-Грас³⁵. Массовый поток эмиграции 1917 г. и сл[едующих] годов, разумеется, невероятно поднял число подписчиков, увеличив тем самым и её денежные фонды, а, следовательно, и её книжные возможности. Ко времени своего полувекового юбилея Тург[еневская] библи[отека] настолько выросла, что буквально задыхалась в своих помещениях (несмотря на то, что к тому времени библиотека имела своё особое помещение для дубликатов) и, после усиленной компании в прессе и среди общественных кругов, в которой приняли участие и французские почитатели библиотеки – учёные слависты-руссоведы – парижский муниципалитет предоставил ей прекрасное помещение в историческом особняке старинной Медицинской школы на ул. Бюшери, 13, недалеко от Нотр-Дам^{1*}. Там она имела возможность развернуть свою деятельность в полном размере, сделавшись одним из виднейших русских книжных собраний в Зап[адной] Европе. Общее количество книг в Библиотеке росло с каждым годом. В 1900 г. в ней было 3.500 книг, а в 1937 г. – более 100.000, среди которых находились очень редкие издания, не выдававшиеся на дом или выдававшиеся под большой залог.

Устав «Общества Тургеневской библиотеки в Париже» изменялся в деталях несколько раз, но основные его принципы остались неизменными: Параграф 1: «“Общество Тургеневской библиотеки” имеет целью дать проживающим в Париже русским возможность поддерживать духовное общение с родиной и следить за развитием её литературы, науки и жизни». Параграф 2: «Для этой цели основана Тургеневская библиотека, которая: а) не может ни в каком случае перейти в собственность частного лица или в исключительное пользование отдельного кружка». Параграф б): «В случае постановления 2/3 членов об её закрытии, она должна быть передана в одну из заграничных русских библиотек, действующих на таких же, как и она, началах». По уставу эти два

^{1*} К сожалению, это помещение было дано не одной Тург[еневской] библи[отеке], а совместно с возникшим «Институтом изучения политической эмиграции»³⁶, французским учреждением, весьма нежизненным, сожительством с которым Тург[еневской] библи[отеке] было не всегда выгодно.

параграфа не подлежат изменению. Управление Тург[еневской] библ[иотеки] было построено на очень демократических началах, причём действительными членами Общества являлись все подписчики, внёсшие плату за чтение не менее, как за 6 месяцев.

За годы своего существования (1875–1940 гг.) Тург[еневская] библ[иотека] переживала различные стадии упадка и подъёма – это зависело от прилива и отлива читателей, от числа которых зависел и бюджет, позволявший библиотеке расширить размер очередных книжных покупок. Бюджет её, вначале ничтожный, в лучшие времена достигал значительной суммы – до 80.000 фр. в год. Вообще же Тург[еневская] библиотека являлась одним из редких русских учреждений в Париже, существовавших на собственные средства – никакими регулярными дотациями она не пользовалась. Бывали убыточные годы, и тогда, чтобы свести концы с концами, устраивались лекции, концерты и, особенно ставшие традиционными, «Тургеневские ёлки» в рождественские дни, с балом, подарками для детей – эти вечера пользовались неизменным успехом в русской колонии Парижа. Откликнулась «Тургеневка» и на общественные события. Так, в апреле 1912 г. было устроено чествование Герцена³⁷, в котором принимали участие В.Я. Богучарский³⁸, А.В. Луначарский³⁹, И.А. Рубанович⁴⁰, Н.Д. Авксентьев⁴¹ и др., причём чистый сбор пошёл на поддержание памятника Герцену в Ницце⁴².

Книжный фонд Тург[еневской] библиотеки пополнялся, кроме очередных покупок, постоянными пожертвованиями: уж так повелось – многие, уезжающие из Парижа, передавали свои книги в «Тургеневку». Так, туда вошли – библиотека Высшей Русской школы в Париже⁴³, во главе которой стоял М.М. Ковалевский⁴⁴, книги б[ывшего] министра ин[остранных] дел Извольского⁴⁵, прис[яжного] пов[еренного] Гуровича⁴⁶ и мн[огих] др[угих]. Б[ывший] московский городской голова Н.И. Гучков⁴⁷, доживая свой век в Париже, много тратил времени на обход всевозможных букинистов и 'marché aux livres', где кропотливо разыскивал всё, относящееся к России – книги, фотографии, иллюстрированные издания и проч. Составилась очень ценная коллекция вырезок, переданная после смерти^k Гучкова его сыновьями в «Тургеневку». В самое последнее время к Тург[еневской] библиотеке была присоединена, и перевезена в Париж, библиотека имени Герцена в Ницце.

В 1937 г. среди членов правления Тург[еневской] библ[иотеки] возникла мысль учредить при библиотеке «Русский зарубежный литературный архив», в который можно было бы принимать на хранение всякого рода рукописи, дневники и проч[ие] литературные материалы. Это начинание встретило большой отклик среди русской колонии и шкафы, предназначенные для этого, стали быстро заполняться. Туда поступили на хранение архивы И.А. Бунина⁴⁸, В.Л. Бурцева⁴⁹, П.Н. Милюкова⁵⁰, И.И. Фундаминского⁵¹, газеты «Последние новости»⁵² и мн[огих] др[угих] лиц. Казалось, что это учреждение, ¹находящееся под покровительством французов¹, является вполне надёжным в смысле сохранности.

³⁷ Вписано синими чернилами от руки.

* блошиных рынков (фр.)

^k Вписано синими чернилами над строкой.

⁴⁴ Вычеркнуто черными чернилами.

Книжная комиссия Тург[еневской] библиотеки^{2*} очень зорко следила за выходом новых книг, как за границей, так, особенно, на родине. В общей сложности на покупку книг затрачивалось до 25.000 фр. в год. Из СССР книги выписывались или непосредственно (напр[имер], через «Международную книгу»⁵³) или через парижские книжные магазины и можно сказать без преувеличения, что не было сколько-нибудь значительного явления в области литературы и науки в ^мСов[етской] России^м, которое не нашло бы своего отражения на книжных полках Тург[еневской] библ[иоте]ки. Помимо беллетристического отдела, конечно, самого большого, имевшего печатные каталоги⁵⁴, были отделы – истории, истории литературы, искусства, публицистики, философии, юриспруденции, географии, учебников, иностранной литературы, «россики». Очень полный был отдел (что вполне понятно, принимая во внимание эмигрантские круги читателей) старой, так наз[ываемой] «нелегальной» литературы, в котором были редчайшие издания. В справочном отделе были всевозможные словари – Большая сов[етская] энциклопедия⁵⁵, ^нБрокгаузы (и русские⁵⁶, и немецкий⁵⁷)^н, Граната⁵⁸, «Просвещения»⁵⁹, ^оБританская энциклопедия⁶⁰, французский Лярусса^{61,о}, Русский биографический словарь⁶² и др. Особенно богат и значителен был журнальный отдел с комплектами старых русских журналов, – это собрание невоснаградимой ценности едва ли не было одним из самых полных в Зап[адной] Европе вообще.

Конечно, библиотека, хотя бы в 100.000 томов не является значительной даже для небольшого города в России, но не нужно забывать, что население русского Парижа исчислялось не сотнями тысяч, даже не десятками, а лишь тысячами.

Тенденции общественности и демократичности, установившиеся в Тург[еневской] библ[иоте]ке за долгие годы её существования, привлекали к ней самых разнообразных читателей. Кто только из русских, живущих в Париже, не работал в Тургеневской библиотеке! Вожди старой эмиграции: Гер[ман] Лопатин, Лавров, Ленин, Луначарский, Потресов^{р,63}, Плеханов⁶⁴ – всех трудно перечислить, ^чне говоря уже об именах, связанных с «белым» движением^ч. Особенно нужно отметить отзывы французских учёных-славистов, постоянных гостей библиотеки, всегда питавших к ней чувство большой признательности. Когда пришлось мобилизовать общественное мнение интеллигентского Парижа в эпоху хлопот перед парижским муниципалитетом о помещении, профессора Буайе⁶⁵, Мазон⁶⁶, Оман⁶⁷, Лабри⁶⁸ и др. охотно откликнулись на призыв помочь Тургеневской библ[иоте]ке. Проф[ессор] Легра⁶⁹ написал, что он готов специально приехать из Дижона, чтобы поддержать наше ходатайство перед префектом. Ректор Лионского университета проф[ессор] Лирондель^{70,г} писал префекту департамента Сены: «В течение ряда лет мне хорошо известны неочтенные

^{2*} Во главе её в последнее время стоял пишущий эти строки, бывший около 15 лет членом правления библиотеки.

^{м-м} Исправлено над строкой: СССР.

^{н-н} Исправлено над строкой: русские издания словаря Брокгауза.

^{о-о} Зачёркнуто чернилами.

^р Зачёркнуто.

^{ч-ч} Часть фразы зачёркнута.

^г Далее вписано над строкой почерком Р.М. Самарина: известный специалист по русской литературе XIX в.

услуги, оказанные Тургеневской библиотекой не только русским поколениям, живущим в Париже, но также и французам. Я принадлежал к числу последних и мне известен ряд моих коллег, которые только там и могли найти указания и книги, которые были для них совершенно необходимы. Тургеневская библиотека при всех превратностях русской судьбы во Франции неизменно оставалась учреждением полезным, живым и достойным имени, которое она носит. Это тот светоч, которому мы не можем позволить погаснуть. Его исчезновение было бы непоправимой потерей». А проф[ессор] Патуйе⁷¹с сказал, что «Тургеневская библиотека – драгоценная часть нашего франко-русского культурного достояния».

Но, конечно, самое тёплое и благодарное отношение к Тургеневской библиотеке было со стороны русских парижан, её абонентов (число выдач доходило до 200 в день) и посетителей читальни; там, пользуясь безграничной любезностью многолетних сотрудниц-библиотекарш (из которых нужно особенно отметить Л.В. Шейнис-Чехову⁷² и М.П. Котляревскую⁷³), русские люди, заброшенные на берега Сены, духовно не чувствовали себя одинокими – в уютной обстановке на них смотрели со стен портреты любимых писателей, в духовном общении с которыми ощущалась неразрывная связь с родиной.

* * *

Когда немцы¹ вошли в Париж, было ясно, что все учреждения, в той или иной степени стоящие на антинемецкой² позиции, могут подвергнуться возможному репрессиям. Ожидали этого и мы, думая, что это может выразиться в запрещении выдачи некоторых книг, в изъятии, с точки зрения врага, изданий, в худшем случае ожидали закрытия библиотеки, но ни у кого даже и мысли не возникало о возможности тех испытаний, которые ей выпали на долю.

Вскоре после занятия Парижа немцами³ в Тургеневской библиотеке начали появляться какие-то новые лица, русские, которые очень интересовались нашим учреждением, много расспрашивали про библиотеку и особенно интересовались её ресурсами, юридическим положением и т.д. ⁴«Так как мы даже приветствовали подобные посещения вообще, то и на этот раз этим⁵ любопытствующим было оказано всяческое внимание, не скрывая ничего (да и скрывать-то было нечего!), – их водили по всем комнатам, отделам и проч. Один из этих посетителей был чем-то удивлён и, уходя, сказал: «Я сделал целое открытие!» Следом за этим субъектом однажды (в моё отсутствие) появился в библиотеке молодой белокурый немец, назвавший себя д[окто]ром Гельмутом Вейссом, кое-что понимающий по-русски, и обнаружил обычное любопытство. Он особенно напирал на политическую сторону, очень интересуясь, между прочим, вопросом, существует ли какая-нибудь зависимость Тургеневской библиотеки от советского полпредства. Попутно он поинтересовался узнать о составе Правления, о приблизительно политических убеждениях его членов, записал адрес проф[ессора] Одинца⁷⁴ (председателя правления) и мой. Затем он вдруг заговорил на тему о возможности покупки библиотеки Германией. На последнее ему ответили, что это никак невозможно, противоречит Уставу библиотеки и проч. Это посещение нас несколько смутило и вообще подобный интерес немцев к нашей библиотеке давал повод к некото-

¹ Далее вписано над строкой почерком Р.М. Самарина: автор ряда ценных трудов по русской литературе].

² Исправлено над строкой: гитлеровцы.

³ Исправлено над строкой: антинацистской.

⁴ Слово зачёркнуто.

⁵ Исправлено на: Сначала.

рому беспокойству. Ожидая обыска, мы главным образом, конечно, опасались за судьбу Литературного архива. Кое-кто после этого взяли свои вклады обратно.

23-го сентября д[окто]р Вейсс явился на квартиру проф[ессора] Д.М. Оди́нца^{3*} и в разговоре, в корректных выражениях, заявил, что Рейх желал бы купить Тургеневскую библиотеку. Оди́нец, конечно, ответил, что библиотека принадлежит «Обществу», что правление продавать не только не собирается, но и вообще сделать этого не может. В дальнейшем разговоре д[окто]р Вейсс, как бы мимоходом, заметил, что ему известно, что на Украине^x при гетмане⁷⁵ Оди́нец занимал довольно высокий пост и был настроен в отношении Германии неблагоприятно. На другой день Вейсс опять пришел к Оди́нцу и определённо заявил, что «Рейх хочет» купить Тургеневскую библиотеку, причём многозначительно напирал на выражение «хочет» и прибавил, что он сам к библиотекам не имеет никакого отношения, но что вообще имеет какое-то поручение по книжной части. Разговор и на этот раз не привёл ни к чему.

Так как здесь уже можно было подозревать агента гестапо, то Д.М. Оди́нец отправился на следующий день к префекту Сены⁷⁶, в Отель де Вилье⁷⁷. Во время его разговора с префектом, в кабинет вошел секретарь Риве, много сделавший вообще для Тургеневской библиотеки, и взволнованным голосом стал что-то говорить шёпотом префекту. Тот побледнел и потом сказал Оди́нцу, что у кабинета стоят четыре немецких военных, дожидаясь выхода Оди́нца. Приотворив дверь, Оди́нец сказал громко префекту фразу приблизительно такого содержания: «Итак, мы надеемся, что всё будет сделано для расширения помещения библиотеки» (незадолго перед этим шла речь о расширении помещения за счёт «Института изучения эмиграции»). Префект понял этот словесный маневр и сказал что-то обнадеживающее. Выходя из кабинета, Оди́нец был остановлен Вейссом, который от имени военного командования немцев заявил, что действия Тургеневской библиотеки прекращаются, и потребовал ключи от библиотеки. . . После передачи ключей Оди́нцу было предложено подписать бумагу, в первых пунктах которой значилось, что 1) объявлен приказ о прекращении деятельности Тургеневской библиотеки, являющейся частной собственностью и не состоящей ни в какой юридической связи ни с французским, ни с советским правительством, и что 2) ключи переданы д[окто]ру Вейссу. Таким образом, о конфискации здесь не было сказано ни слова, но через несколько дней, без предъявления какого бы то ни было письменного акта, началась упаковка и увоз книг библиотеки, причём немец, заведовавший вывозом книг, сообщил, что д[окто]р Вейсс уехал из Парижа.

На дворе библиотеки появились совершенно новенькие ящики размером приблизительно около кубического метра, в которые специально присланные немцы стали складывать книги. Сколько было всего ящиков – я не знаю, но, судя по номерам, их было свыше 900.

Прошло с тех пор^y уже семнадцать^z лет, но сотрудники библиотеки до сих пор не могут вспоминать без волнения об этом печальном зрелище, ^{aa}когда похищалось имущество, служившее только культурным целям, не имевшее никакого отношения к войне^{aa}. Было невыразимо больно смотреть, как увози-

^{3*} Проф[ессор] Д.М. Оди́нец, по возвращении в СССР, был профессором Казанского университета и умер несколько лет назад. (Примечание вписано от руки синими чернилами – Ред.)

^x Исправлено на: Украине.

^y Вписано над строкой.

^z Над строкой исправлено: восемнадцать.

^{aa-aa} Часть фразы зачёркнута.

лись книги, с которыми было связано столько переживаний, с которыми сроднились, зная историю чуть ли не каждого экземпляра. Неудивительно, что и мы, и читатели, приходившие смотреть на это печальное разрушение, плакали, чувствуя полное бессилие перед этим давящим нас грубым немецким сапогом.

Немцы^{bb} взяли не только книги (оставив только иностранный отдел литературы, выбросив однако^{cc} из него такие^{dd} книги, как Гейне⁷⁸ и т. под.), но и картины, бюсты, портреты, ^{eee}а французские рабочие, работавшие при этом – пылесос, чайную посуду, полотенца, остатки чая с сахаром, проч[ие] вещи^{ee}. Ящики свозились на ^{ff}Quai de Monnai^{ff,*} и там их след терялся.

Между прочим, немцы разрешили оставить всё «частное имущество», находящееся в Библиотеке, в том числе и Литературный архив, но, тем не менее, напр[имер], архивы Бурцева, Милокова и кое-кого других были взяты.

Для порядка, видимо^{gg}, немцы потребовали возврата книг, находившихся на руках у подписчиков и даже назначили для этого срок – 25 октября, но никто потом за этими книгами не являлся: очевидно, сделавши своё главное дело, мелкими делами они уже не интересовались, да и книг-то этих, конечно, собрать было невозможно.

Удар был столь ошеломляющим, что правление, собранное для обсуждения положения дел, очень растерялось и буквально не знало, что предпринять. Самая причина конфискации русской библиотеки на первый взгляд казалась совершенно непонятной. Почти одновременно была конфискована польская библиотека, аналогичная по своей сущности с Тургеневской, но там ^{hh}можно было понять^{hh} – Германия была в войне с Польшей. СССР в войне с Германией ещё не находился. Были всякого рода предположения, в роде того, ⁱⁱчто в правлении было много евреев (хотя это было неверно фактически)ⁱⁱ, что «направление» библиотеки не соответствовало принятому курсу и т.д. Все эти измышления сразу поблекли, когда вскоре стали продолжаться конфискации русских библиотек – была взята Украинская, Республиканско-демократического объединения, и частные прекрасно подобранные библиотеки Милокова, Осоргина⁷⁹, Фундаминского и др[угих]. Стало совершенно ясно, что преследуется одна цель – уничтожение следов русской культуры вообще. Это вполне подтвердилось после того, как выяснилось, что весь этот грабёж идет по «линии Розенберга»⁸⁰, одно имя которого делало невозможным дальнейшие хлопоты и протесты. Немецкие чиновники, делавшие что-то в защиту библиотеки, получили сверху строгий окрик не вмешиваться не в своё дело. При этих условиях, предпринимая шаги для возвращения библиотеки, мы больше для очистки совести прошли всевозможные инстанции, ^{jj}вплоть до заявления самому фюреру^{jj}. Конечно, всё это осталось без всяких результатов.

^{bb} Исправлено на: гитлеровцы.

^{cc} Вписано над строкой.

^{dd} Далее зачёркнуто: напр.

^{eee-ee} Часть фразы зачёркнута.

^{ff-ff} Вписано от руки чернилами; снизу фразы подписано простым карандашом: (название улицы)

* Монетный двор (фр.)

^{gg} Нписано над строкой вместо зачёркнутого: очевидно.

^{hh-hh} Над строкой исправлено: было объяснение

ⁱⁱ⁻ⁱⁱ Часть фразы зачёркнута.

^{jj-jj} Часть фразы зачёркнута.

С увозом Тургеневской библиотеки осиротела русская интеллектуальная парижская колония; особенно мучительно это сказалось в годы оккупации, когда хотелось именно уйти в русскую книгу, чтобы забыть от ужасов современности...

* * *

Окончилась война. Невольные изгнанники стали возвращаться на свои пепелища. Казалось бы естественным ждть, что и Тургеневская библиотека вернётся на своё старое место. Но этого не случилось. След её затерялся и ходили слухи даже, что она погибла во время бомбардировок. Настойчивое обращение к французскому правительству, в том числе со стороны советского посольства и консульства, с просьбой о поисках и т.д., не дали результатов. Юридически она продолжает существовать и по сию пору, не функционируя, и её оставшееся имущество (книжное и всякое другое), перетерпев ряд мытарств, находится в настоящее время в гостеприимных подвалах Школы восточных языков в Париже⁸¹.

Но русские в Париже, нуждаясь по-прежнему в тесном контакте с родиной, не теряют надежды на возобновление деятельности «Тургеневки», которая, согласно параграфу 1 своего Устава, могла бы вновь исполнять свои просветительные и патриотические функции – проводника русской культуры за рубежом.

Н. Кнорринг

РАН. Ф. 2218 (С.О. Шмидт). Необработанные материалы. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Енисеева-Варшавская Л.Л. Следы «Тургеневки» в Алма-Ате // Известия-Казахстан. 2005. 15 июля; она же. Следы «Тургеневки» в Алма-Ате // Мысль: Республиканский общественно-политический журнал. 2014. № 1. С. 66–47.

² Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева: сотрудники, друзья, почитатели: сб. ст. / Ред. Т.А. Осоргина, Т.Л. Гладкова. Paris, 1987; Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева: сотрудники, друзья, почитатели: сб. ст. [доп. изд.] / ред.: Т.Л. Гладкова, Т.А. Осоргина. СПб., 2012.

³ Кнорринг Н.Н. Гибель Тургеневской библиотеки в Париже // Простор (Алма-Ата). 1961. № 8. С. 123–126.

⁴ Афонин Н. Русской сути не известно: Судьба русской Тургеневской библиотеки в Париже // Литературная Россия. 1966. 25 нояб.; Фирсов Г.Г. Тургеневская общественная библиотека в Париже // Русская литература. 1968. № 4. С. 80–88.

⁵ Grimsted Kennedy P. The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940–2002: Books as Victims and Trophies of War. Amsterdam, 2003. P. 23–25, 28–30, 35–37 (IISH Research Papers; 42).

⁶ О личности этого человека практически ничего не известно. Немецкий библиограф и историк книги доктор Готтфрид Крац впервые специально поставил этот вопрос, обратив внимание на упоминания людей с таким именем в архивных документах, относящихся к «ведомству Розенберга». Он же указал и на фигуру историка и библиоковеда доктора Гельмута Вейсса (1900 – 1992) уроженца Ревеля, бывшего немецкого политического деятеля в предвоенной Эстонии, члена НСДАП с 1941 г., в 1941–1944 г. в Таллине заведующего кафедрой культурной политики Генерального комиссариата Остланд, в послевоенные годы – директора библиотеки Института имени Гердера в Марбурге. Однако определённо утверждать такую идентичность, в отсутствие твёрдых данных, справедливо не стал (см.: Kratz G. Рец. на кн.: Библиотечная энциклопедия. М., 2007 // Bibliothek: Forschung und Praxis. 2008. № 2. S. 263).

⁷ Кнорринг Н.Н. Как была увезена Тургеневская библиотека // Русские новости (Париж). 1945. 25 мая. Статья, по сути, осталась малоизвестной в историографии Тургеневской библиотеки. Мы встретили ссылку на неё лишь в статье Г.Г. Фирсова «Тургеневская общественная библиотека в Париже» (Книга: Исследования и материалы. М., 1986. Сб. 53. С. 129), представляющей расширенный вариант вышеуказанной статьи.

⁸ См., например: Невзорова И. Материал к творческим биографиям П.Н. Милокова, К.Д. Бальмонта, Н.Н. Кнорринга // ТSQ. 2011. Vol. 35. P. 89–111.

⁹ Кнорринг Н.Н. Записки историка, педагога и музыканта о России / подгот. текста, вступ. ст., послесловие и примеч. И.М. Невзоровой. М., 2014.

¹⁰ Архив Российской академии наук пополнился новыми уникальными документами (<http://arfan.ru/?q=ru/node/432>).

¹¹ АРАН. Ф. 2218. Необработанные материалы. Машинопись с правкой, подпись и дата – автограф.

¹² См.: *Кнорринг Н.Н.* Записки историка... С. 218–220, 229, 253.

¹³ *Мельников А.В.* М.М. Богословский в воспоминаниях современников // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 280–300.

¹⁴ *Кнорринг Н.* Памяти проф. М.М. Богословского // ПН. 1929. 3 мая.

¹⁵ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь // Новый мир. 1960. № 9. С. 90; *Кнорринг Н.Н.* Гибель Тургеневской библиотеки в Париже. С. 123, 126.

¹⁶ Соотносится ли эта помета на конверте точно со временем получения машинописи С.О. Шмидтом, сказать, конечно, нельзя.

¹⁷ Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель.

¹⁸ Лопатин Герман Александрович (1845 – 1918) – общественно-политический деятель, революционер, писатель, публицист, переводчик, мемуарист. В эмиграции в 1870–1879, 1883 гг.

¹⁹ Ленин (наст. фам.: Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 1924) – государственно-политический деятель, революционер. В эмиграции в 1900–1917 гг. Мнение Н.Н. Кнорринга о работе В.И. Ленина в Тургеневской библиотеке подвергнуто критическому рассмотрению в статьях Г.Г. Фирсова. См. также: *Тищенко Н.Д.* В.И. Ленин и Тургеневская библиотека в Париже // Проблемы лениноведения. М., 1978. С. 136–146.

²⁰ «Правительственный вестник» – официальная ежедневная газета, издаваемая при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел в 1869–1917 гг. Публиковала правительственные распоряжения, отчёты о заседаниях Государственного совета и Совета министров, официальные известия и хронику, телеграммы из-за границы, внутренние известия, книжные рецензии, биржевые котировки и т.д. 21 мая 1873 г. в газете было опубликовано правительственное сообщение, в котором объявлялось, что все русские женщины, обучавшиеся в Цюрихе, до 1 января следующего года обязаны вернуться в Россию, «дабы коневоды нашей эмиграции» (имелись в виду М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Г.А. Лопатин и др.) не «вовлекли их в вихрь политической агитации».

²¹ Соколов Николай Васильевич (1835 – 1889) – общественно-политический деятель, революционер, критик, публицист. В эмиграции с 1872 г. Автор романа «Отщепенцы», запрещённого цензурой.

²² Лавров Пётр Лаврович (1823 – 1900) – общественно-политический деятель, публицист, философ, социолог, идеолог народничества. В эмиграции с 1870 г.

²³ См.: *Летопись жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева (1871–1875)* / сост. Н.Н. Мостовская. СПб., 1998. С. 240–241 (письма и приглашения Г.Н. Вырубову, А.Н. Есиповой, К.Ю. Давыдову и др.).

²⁴ Цитата несколько неточна: «1-ая книжка “Вестника > Е<вропы”» получена в здешней читальне – и Вас славословят и благодарят Вас» (И.С. Тургенев – М.М. Стасюлевичу, 31 января / 12 февраля 1875 г. // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма в 18 томах. Письма. М., 2003. Т. 14. С. 21.

²⁵ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826 – 1911) – историк, журналист, издатель, редактор журнала «Вестник Европы» (1866–1908).

²⁶ См.: *Летопись жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева.* С. 244–245.

²⁷ Ошибка Н.Н. Кнорринга: у И.С. Тургенева нет такого произведения. И.С. Тургенев прочитал свой рассказ «Стучит» и отзыв из рассказа Г.И. Успенского «Книжка чехов» («Ходок») (Летопись жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева. С. 244–245). Ошибка воспроизведена в статье: *Шинерович Б.Я.* Тургеневская библиотека в Париже // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 147. О критике этой ошибки см.: *Ямольский И.* Снова о точности // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 100.

²⁸ Виардо-Гарсиа (Viardot-García) Полина (1821 – 1910) – французская певица (меццо-сопрано), композитор, близкий друг И.С. Тургенева.

²⁹ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – писатель. В письме к Н.К. Михайловскому в начале марта 1875 г. Г.И. Успенский писал: «Тут был литературно-музыкальный вечер в “салонах” m-m Виардо <...> Тургенев прочёл мой рассказ “Ходок” и прочёл превосходно <...> Я не присутствовал на чтении, но присутствовал на приговорении к чтению: Тургенев прорепетировал этот рассказ раз 7–8, изучил, где каким голосом, как и что сказать, до малейших подробностей. Я из сил выбился слушать его, но зато вышло отлично» (цит. по: Летопись жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева. С. 245).

³⁰ Курочкин Василий Степанович (1831 – 1875) – поэт-сатирик, переводчик, издатель. Беранже (Béranger) Пьер Жан (1780 – 1857), де – французский поэт-сатирик.

³¹ На самом деле в литературно-музыкальном утре принял участие и выступил виолончелист, композитор Карл Юльевич Давыдов (1838 – 1889).

³² Есипова Анна Николаевна (1851 – 1914) – пианистка, музыкальный педагог.

³³ Антокольский Марк Матвеевич (1843 – 1902) – скульптор.

³⁴ Орлов Николай Алексеевич (1827 – 1885), князь – дипломат, генерал от кавалерии (1878), военный писатель. В 1859–1869 гг. – посланник России в Брюсселе, Вене, в 1871–1882 гг. – в Париже, с 1884 г. – посол в Берлине.

³⁵ Парижские адреса и годы пребывания по ним Тургеневской библиотеки за описываемое Н.Н. Кноррингом время: 1875 – 1880 (?) гг. – rue Victor Cousin, 4; 1880 (?) – 1883 гг. – rue Berthollet, 7; 1883–1900 гг. – rue de Glasière, 20; 1900–1913 гг. – me Saint-Jacques, 328; 1913–1937 гг. – me du Vaude-Grâce, 9; 1937–1940 гг. – rue de la Bûcherie, 13 (см.: Адреса библиотеки с основания до настоящего

времени // Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева: сотрудники, друзья, почитатели: сб. ст. [доп. изд.]. С. 128).

³⁶ Институт изучения политической эмиграции (другое название: Институт истории современной политической эмиграции) – французское научно-просветительское учреждение, созданное в 1937 г. в Париже. Русскую секцию института возглавлял В.А. Маклаков. Данных о прекращении деятельности института обнаружить не удалось.

³⁷ Герцен Александр Иванович (1812 – 1870) – деятель революционного движения, писатель, философ, мемуарист. В эмиграции с 1847 г.

³⁸ Богучарский (наст. фам.: Яковлев) Василий Яковлевич (1861 – 1915) – историк, публицист, общественный деятель, редактор-издатель журнала «Былое» (1906–1907). В эмиграции в 1909–1913 гг.

³⁹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – общественно-политический и государственный деятель, писатель, публицист. В эмиграции в 1904–1905, 1906–1917 гг.

⁴⁰ Рубанович Илья Адольфович (1859 – 1922) – общественно-политический деятель, народовец, один из создателей партии эсеров и член её ЦК, многие годы работал библиотекарем в Тургеневской библиотеке. В эмиграции с 1882 г. (см.: *Базанов П.Н.* Библиотекарь Илья Рубанович – «француз из Одессы» // Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева – перекрёсток духовной жизни России и Франции. СПб., 2014. С. 47–51).

⁴¹ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878 – 1943) – общественно-политический деятель, один из лидеров партии эсеров. В эмиграции в 1907–1917 гг. и с 1919 г.

⁴² Памятник на могиле А.И. Герцена в Ницце (скульптор П.П. Забелло) был установлен в 1872 г.

⁴³ Русская высшая школа общественных наук – негосударственное просветительское учебное заведение, действовавшее в Париже в 1901–1906 гг. Основано по инициативе М.М. Ковалевского.

⁴⁴ Ковалевский Максим Максимович (1851 – 1916) – историк, социолог, этнограф, общественный деятель. Академик имп. Академии наук (1914). В эмиграции в 1887–1905 гг.

⁴⁵ Извольский Александр Петрович (1856 – 1919) – государственный деятель, мемуарист. Министр иностранных дел России (1906–1910), посол в Париже (1910–1917). В эмиграции с 1917 г.

⁴⁶ Туревич (Гурович) Яков Самойлович (1869/70 – 1936) – присяжный поверенный, библиофил. В эмиграции с 1922 г.

⁴⁷ Гучков Николай Иванович (1860 – 1935) – общественно-политический деятель, предприниматель. Московский городской голова (1905–1912). В эмиграции с 1920 г.

⁴⁸ Бунин Иван Алексеевич (1870 – 1953) – писатель, поэт. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). В эмиграции с 1920 г.

⁴⁹ Бурцев Владимир Львович (1862 – 1942) – историк, публицист, издатель, революционер. В эмиграции в 1886–1905, 1906–1915, с 1918 г.

⁵⁰ Милоков Павел Николаевич (1859 – 1943) – историк, политический деятель, один из лидеров конституционно-демократической партии, член ЦК. В эмиграции с 1918 г.

⁵¹ Фондаминский (Фундаминский) (псевд.: Бунаков) Илья Исидорович (1880 – 1942) – общественно-политический деятель, публицист, религиозный мыслитель, член временного комитета Русского зарубежного литературного архива. В эмиграции в 1907–1917, с 1919 г.

⁵² «Последние новости» – общественно-политическая газета либерального направления, издававшаяся в Париже в 1920–1940 гг.

⁵³ «Международная книга» – акционерное общество (1923–1930, 1992–2013), всесоюзное внешнеторговое объединение (1930–1991), занимавшееся экспортом и импортом из СССР / России книг и периодики.

⁵⁴ Тургеневская общественная библиотека: каталог по беллетристике. Париж, 1924. [Т. 1]. 136 с.; Тургеневская общественная библиотека: каталог по беллетристике. Париж, 1929. Т. 2: Книги, поступившие в 1924–1928 годах. 59 с.

⁵⁵ Речь идёт о неполном комплекте первого издания «Большой советской энциклопедии» (Большая советская энциклопедия. М., 1926–1947. Т. 1–65).

⁵⁶ Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907. Т. 1–86 (включая 4 тома дополнений); Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. СПб., 1911–1916. Т. 1–29 (изд. неоконченное) – крупнейшая российская универсальная энциклопедия.

⁵⁷ Brockhaus Enzyklopädie – немецкая универсальная многотомная энциклопедия, издающаяся с начала XIX в.

⁵⁸ Энциклопедический словарь «Гранат» – российская универсальная энциклопедия. Первые шесть изданий в 69 томах опубликованы в 1891–1903 гг. 7-е изд., осуществлённое товариществом «Бр. А. и И. Гранат и К°» (впоследствии Русский библиографический институт Гранат), вышло в 58 т. (в 1910–1948 гг.).

⁵⁹ Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1903–1909. Т. 1–22 (включая два дополнительных тома). Универсальная энциклопедия, выпускавшаяся издательством «Просвещение» (СПб.) и «Библиографическим институтом» в Лейпциге – издателем немецкого словаря Мейера.

⁶⁰ Британская энциклопедия, иначе Энциклопедия Британника (Encyclopaedia Britannica) – крупнейшая англоязычная универсальная энциклопедия, издававшаяся с 1768 года. К 1940 году вышло уже её 13-е издание.

⁶¹ Энциклопедии Ларусса – французские универсальные энциклопедии и словари, издающиеся в Париже издательством Ларусс (Librairie Larousse), основанным лексикографом П. Ларуссом (1817–1875). Скорее всего, имеется в виду «Большой универсальный словарь XIX в.» (Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle), изданный в 15 тт. в 1865–1876 гг., включая два дополнительных тома, вышедших в 1878 и 1890 гг. С 1905 г. издательство выпускало также однотомный «Малый иллюстрированный Ларусс» (Le Petit Larousse illustré).

⁶² Русский биографический словарь – фундаментальное академическое издание биографий русских деятелей с древнейших времён до второй половины XIX в. Издавался Русским историческим обществом в 1898–1918 гг. Вышло 25 томов, издание не было завершено.

⁶³ Потресов Александр Николаевич (1869 – 1934) – общественно-политический деятель, публицист, один из лидеров меньшевизма. В эмиграции в 1900–1905, с 1925 г.

⁶⁴ Плеханов Георгий Валентинович (1856 – 1918) – общественно-политический деятель, писатель, философ, теоретик марксизма. В эмиграции в 1880–1917 гг.

⁶⁵ Буайе (Boyer) Поль (1864 – 1949) – французский славист, директор (1908–1936) Школы живых восточных языков в Париже (Ecole des langues orientales vivantes de Paris).

⁶⁶ Мазон (Mazon) Андре (1881 – 1967) – французский славист, профессор Коллеж де Франс (1923) и член Академии надписей (1941).

⁶⁷ Оман (Haumant) Эмиль (1859 – 1942) – французский славист, этнолингвист, заслуженный профессор русской литературы и языка Парижского университета.

⁶⁸ Лабри (Labry) Рауль (1880 – 1950) – французский славист, переводчик, профессор Сорбонны.

⁶⁹ Легра (Legras) Жюль (1866 – 1939) – французский славист, путешественник.

⁷⁰ Лирондель (Lirondelle) Андре (1879 – 1952) – французский славист, литературовед, профессор русского языка и литературы Университета в г. Лилль.

⁷¹ Патуйе (Patouillet) Жюль (1862 – 1942) – французский славист.

⁷² Шейнис-Чехова (урожд. Чехова) Людмила Владимировна (1870 – 1962) – библиотекарка. С 1890-х гг. жила во Франции, многолетний сотрудник Тургеневской библиотеки, где начинала добровольным помощником, выполняла обязанности дежурной. В 1914–1917 гг. занималась комплектованием и систематизацией отдела детской литературы Тургеневской библиотеки. В 1917–1940 гг. – штатный библиотекарка, председатель, затем почётный председатель правления Тургеневской библиотеки. После Второй мировой войны участвовала в воссоздании Тургеневской библиотеки. Жена Льва Исасвича Шейниса (1871 – 1924), общественного деятеля, врача, психолога, публициста, издателя, переводчика, председателя правления Тургеневской библиотеки (1900–1924). Автор воспоминаний «Тургеневская библиотека» (НЖ. 1969. Кн. 94. С. 178–199).

⁷³ Котляревская (урожд. Владимирова) Мария Петровна (1883 – 1951) – пианистка, библиотекарка, сотрудница Тургеневской библиотеки (с 1917 г.). В эмиграции с 1913 г.

⁷⁴ Одинец Дмитрий Михайлович (1882 – 1950) – историк, общественно-политический деятель. Член Генерального секретариата Украинской Рады, секретарь по делам великорусской нации при С. Петлюре (1917–1918). В эмиграции с 1920 г. Преподаватель русской истории и истории русского права Сорбонны (1922–1948). Член правления и товарищ председателя (с 1927), председатель (1933–1937) правления Тургеневской библиотеки. Председатель «Союза советских граждан во Франции» (1947–1948), профессор Казанского университета (1948–1950).

⁷⁵ Скоропадский Павел Петрович (1873 – 1945) – военно-политический деятель, генерал-лейтенант (1916), гетман Украины (1918). В эмиграции с 1918 г.

⁷⁶ Виллз-Дезмезерэ (Villey-Desmeserets) Ашиль (1878 – 1955) – префект Сены (1934–1940).

⁷⁷ Отель де Виль (Hôtel de Ville) – парижская городская ратуша, где с 1357 г. размещаются муниципальные власти города.

⁷⁸ Гейне (Heine) Генрих (1797 – 1856) – немецкий поэт.

⁷⁹ Осоргин (наст. фам.: Ильин) Михаил Александрович (1878 – 1942) – писатель, журналист, биограф. Мазон. В эмиграции в 1905–1916, с 1922 г.

⁸⁰ Розенберг (Rosenberg) Альфред Эрнст (1893 – 1946) – нацистский военный преступник. Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg – Оперативный штаб рейхсleiterа Розенберга – нацистская организация, занимавшаяся конфискации и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

⁸¹ Школа живых восточных языков (Ecole des langues orientales vivantes) – высшая научно-педагогическая школа, специализирующаяся в области изучения языков, истории и культуры стран Азиатского региона. Основана в Париже в 1795 г. как Специальная школа восточных языков (Ecole spéciale des langues orientales), с 1914 г. – Национальная школа живых восточных языков (Ecole nationale des langues orientales vivantes), с 1971 г. – Национальный институт восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales).

А.Ф. Мейендорф

Мой кузен, комиссар иностранных дел Чичерин

Пер. с англ., вступ. заметка и прим. М.В. Ефимова

Аннотация: Барон Александр Феликсович Мейендорф (1869 – 1964) – крупный российский государственный деятель, юрист и исследователь. Его воспоминания о своём близком родственнике, Г.В. Чичерине, советском наркоме иностранных дел, представляют большой интерес. Мемуарный очерк добавляет новые штрихи к портрету Чичерина и в то же время дополняет портрет самого Мейендорфа как человека, политика и учёного. Написанный в оригинале по-английски, очерк публикуется в русском переводе.

Annotation: Baron Alexander von Meyendorff (1869 – 1964) is a famous Russian public official, legal expert and researcher. His brief but suggestive memories of his close relative, Georgy Chicherin, the Soviet People's Commissar for Foreign Affairs, are of great interest. Memoir sketch adds new evocative details to the portraits of Chicherin and von Meyendorff as well. Written originally in English the sketch published in Russian translation.

Ключевые слова: А.Ф. Мейендорф, Г.В. Чичерин, дипломатия, Министерство иностранных дел, Народный комиссариат иностранных дел, Великобритания, революция, Рэдсток, мемуары.

Keywords: A.F. Meyendorff, G.V. Chicherin, diplomacy, Foreign Office, Soviet People's Commissariat of Foreign Affairs, Great Britain, revolution, Radstock, memories.

Имя барона Александра Феликсовича Мейендорфа (1869 – 1964) хорошо известно специалистам по истории России начала XX в.¹ Однако дореволюционная политическая деятельность Мейендорфа до настоящего времени во многом заслоняет эмигрантский период его биографии². Между тем в эмиграции Мейендорф провёл почти половину своей жизни.

Политическая активность Мейендорфа после 1917 г. практически сошла на нет. В 1920–1930-е гг. Мейендорф сфокусировал своё внимание на преподавательской и исследовательской работе, став одним из заметных деятелей российского научного зарубежья. В лондонской Школе славяноведения (School of Slavonic Studies) Мейендорф читал курс русского законодательства (Russian Laws and Institutions), а с 1922 г. по 1934 г. он также преподавал в Лондонской Школе экономики (London School of Economics), где читал курс по экономике России (Russian Institutions and Economics).

Многолетние занятия историей российско-английских отношений нашли своё отражение, в частности, в работе «Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России»³. В 1929 г. в Нью-Йорке вышла книга Мейендорфа «Предпосылки русской революции»⁴, основанная на цикле лекций, прочитанных им в США, а в 1932 г. – в соавторстве с С. Коном – исследование о России в Первой мировой войне⁵. Мейендорф был также внимательным наблюдателем и аналитиком событий, происходивших в Советской России. Один из примеров этого – статья 1927 г., посвящённая советскому семейному законодательству⁶.

В своих работах Мейендорф совмещал глубокие познания в сфере истории, политики и права с собственным обширным опытом юриста, законоведа, парламентария, человека с широким кругом знакомств в аристократическом, правительственном, дипломатическом кругах. Происходя из древнего аристократического рода, Мейендорф был связан родственными узами со многими крупными политическими деятелями России рубежа XIX–XX вв. Одним из двоюродных братьев Мейендорфа был П. А. Столыпин, одним из троюродных – Г. В. Чичерин.

По крайней мере до 1928 г. Мейендорф поддерживал с Чичериным переписку. По словам исследователя, имевшего доступ к этим бумагам, Мейендорф обращался к Чичерину: ««милый» или «дорогой» <...> [переписка] касалась политических <...> вопросов <...>. Данная переписка, которую очень сложно расшифровать, заслуживает <...> пристального изучения»⁷.

Англоязычный очерк Мейендорфа о Чичерине является не только ценным мемуарным свидетельством. Воспоминания о Чичерине, добавляя новые штрихи к портрету знаменитого советского наркома, в то же время дополняют и портрет самого Мейендорфа. Мейендорф умело портретирует Чичерина как родственника, как политического деятеля и как фигуру во многих отношениях трагически противоречивую. Мейендорф создает аналитический очерк, в то же время насыщенный множеством характерных деталей. Подобный жанр, как представляется, был наиболее уместным для Мейендорфа, не оставившего какого-либо мемуарного повествования о своей жизни, и в чьей биографии судьба семьи и судьба России были столь тесно взаимосвязаны.

Первой англоязычной публикации в журнале «Russian Review» было предпослано следующее редакторское предисловие:

«Нижеследующая заметка о Г. В. Чичерине, советском комиссаре иностранных дел (1918–1930), написанная его кузеном, бароном А. Мейендорфом, выдающимся юристом и политиком дореволюционной России (Председатель Государственной Думы, 1907–1909), может представлять определённый биографический интерес и ценность. Первоначально, в 1954 г., заметка предназначалась для беседы на Би-Би-Си, но она так никогда и не прозвучала в эфире. С разрешения автора заметка была переработана и отредактирована Игорем Виноградовым⁸, писателем, историком и другом барона Мейендорфа. Этот комментированный мемуарный очерк печатается ныне впервые».

Сведений о местонахождении автографа до настоящего времени выявить не удалось. Перевод выполнен по изданию: Baron Alexander Meyendorff. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30, № 2. P. 173–178. Перевод публикуется с разрешения John Wiley & Sons, Inc.

Примечания к публикации «Russian Review» даны в постраничных сносках, примечания публикатора – в концевых сносках.

Публикатор благодарит С.Б. Вольфсона (Институт всеобщей истории РАН, Москва), Л.Ю. Гусмана (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург), П.В. Дмитриева (Музыкальная библиотека академической филармонии им. Д.Д. Шостаковича, Санкт-Петербург), Е.В. Евдокимова (Государственный музей истории Санкт-Петербурга), Н. Карсов (Kontra Publishing House, Лондон), О.А. Коростелева (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва), Ю.И. Мошник (Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Парк Монрепо», Выборг), П.А. Трибунского (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт российской истории РАН, Москва) за помощь в подготовке публикации.

Двадцать лет назад я получил посылку, в которой находился том советской энциклопедии. Я удивился, обнаружив, что в него включена короткая биографическая справка о моём кузене, Георгии Чичерине (1872 – 1930)⁹. В ней говорилось о его воспитании, поступлении на государственную службу и его эмиграции в 1904 г., сначала в Германию, а после – в Австрию. Позднее Чичерин переехал в Великобританию, где короткое время находился в тюрьме в Брикстоне¹⁰, а в 1918 г. был обменен на британского посла в Петрограде, сэра Джорджа Бьюкенена¹¹. Чичерин стал первым советским комиссаром иностранных дел¹². Найти теперь этот том советской энциклопедии весьма трудно. Свой экземпляр я потерял, а нынешние руководители СССР предпочитают уничтожать память о многих значительных личностях, если не порочить их, как в случае с Троцким. Именно по этой причине я и хочу оживить память о Чичерине, этом в высшей степени необычном человеке, которого помнят даже те, кто (как и я сам) никогда не разделяли его верности большевистской партии.

Луис Фишер¹³, Харольд Николсон¹⁴ и сэр Брюс Локкарт¹⁵ опубликовали свои воспоминания о Чичерине как комиссаре иностранных дел. Конечно, их сведения более надёжны и подробны, чем всё то, что появилось во французских, итальянских, испанских и других биографических словарях. Я хотел бы добавить к этому некоторые свои личные воспоминания, которые простираются от 1888 года, когда я впервые увидел в Петербурге Чичерина-школьника, до 1918 года, когда я видел его в последний раз – в качестве комиссара иностранных дел, перед его отъездом в Москву, которая тогда готовилась стать единственной столицей России.

Мать Георгия Чичерина¹⁶, двоюродная сестра моего отца, была маленькой хрупкой женщиной. Вместе со своим мужем, Василием Чичериным¹⁷ (бывшим советником русского посольства в Париже)⁸, она стала верной последовательницей маленькой секты, основанной третьим лордом Рэдстоком¹⁸, евангелистом, получившим в России признание большее, чем в Англии. В романе князя В.П. Мещерского, высмеивавшем усилия Рэдстока «обратить» российское высшее общество, лорд назван «лордом апостолом»¹⁹.

Когда Георгий Чичерин был маленьким мальчиком, он ради собственного удовольствия выучил даты понтификатов всех римских пап²⁰. Мне об этом рас-

⁹ Василий Чичерин был вынужден подать в отставку после того, как отказался драться на дуэли со своим кузеном, неуравновешенным Рудольфом Мейендорфом, искавшим с Чичериным поединка. – Прим. RR.

сказывала его мать. Похоже, что, как и Джон Стюарт Милль²¹, Чичерин никогда не был ребёнком. Его раннее интеллектуальное развитие, его музыкальные, поэтические, исторические интересы и общая образованность очень рано наложили на него печать постоянной и целенаправленной интеллектуальной работы²². Неудивительно, что и в свои школьные годы, и в Петербургском университете он был замечен как многообещающий молодой человек.

Чичерин окончил университет, вероятно, в 1892 г.²³ и получил назначение в Министерство иностранных дел²⁴ в качестве помощника молодого историка Павлова-Сильванского²⁵, чьи радикальные раннемарксистские наклонности он разделял²⁶. Тем самым он полностью отошёл от взглядов своей матери.

И старший брат Чичерина²⁷, и его сестра²⁸ оба развивались в том же, что и он, направлении, хотя, быть может, и менее последовательно. Сестре Чичерина была суждена заслуженная известность за её исследования религиозной жизни 12 миллионов коренного нехристианского населения Поволжья.

К столетию Министерства иностранных дел, отмечавшемуся в 1902 г., к Георгию в качестве государственного служащего обратились с предложением участвовать в юбилейном сборнике²⁹. Чичерин наносил визиты дамам, которые, как считалось, располагают портретами бывших членов императорского дипломатического корпуса³⁰. Чичерин, если не ошибаюсь, написал главу об истоках Крымской войны³¹. Чичерин также написал главу в небольшой книге «Россия накануне двадцатого столетия»³², которую его знаменитый дядя, Борис Чичерин³³, анонимно опубликовал в Берлине.

Бориса Чичерина, бывшего профессора Московского университета³⁴ и московского городского голову³⁵ во время коронации Александра III, сприведливо считали превосходным мыслителем-гегельянцем, хотя его сочинения находились в полном противоречии с растущим влиянием Карла Маркса. Огромная учёность дяди Бориса естественно давала ему особое положение в семье Чичериных в то время, когда Георгий ещё не начал придерживаться экстремистских взглядов, что произошло с момента его эмиграции в 1904 году. Эти взгляды один из ведущих марксистов определил так: «Георгий Чичерин обладает великолепными излишествами».

Георгий, между прочим, нашёл ощутимый способ засвидетельствовать свою неуклонно растущую симпатию к «прогрессивным» идеям. Когда умер его дядя, Георгий отказался от завещанного ему значительного имения³⁶. Он перевёл унаследованную от родителей скромную сумму денег в Берлин³⁷ и жил там, сначала – как пациент санатория³⁸, позднее – как сознательный помощник политической эмиграции того времени. Постепенно из сочувствующего он превратился в активного члена партии социалистов-революционеров³⁹.

Во время русско-японской войны Георгий посетил в Веймаре мою мать и поразил её многообразием и широтой своих познаний, а также сардоническим хладнокровным спокойствием своих замечаний на литературные, музыкальные и политические темы. Я был поражён странной горькой иронией, с какой он говорил о гибели российского флота под Цусимой⁴⁰. Когда я увидел Чичерина в следующий раз, в ноябре 1916 года в Лондоне⁴¹, его

^b Он искал средство от гомосексуализма, который удручал его мать и, быть может, деформировал его личность. – Прим. RR.

^c Мейендорф прибыл в Лондон в составе делегации Государственной Думы. – Прим. RR.

преданность революции стала более сильной и явной. Он был активно занят тем, что пытался добиться освобождения от воинской повинности для всех русских революционеров-беженцев в Англии⁴², и по этому поводу был связан с небольшой группой сочувствующих членов Палаты общин. Я встречался с ним в это время дважды (в Гайд-парке), Чичерин был убеждён, что Россия развалится, и за этим последуют великие изменения.

Интересно сравнить судьбы Георгия Чичерина (русского большевика), профессора Вестермарка⁴³ (финна-активиста) и сэра Роджера Кейсмента⁴⁴. Все трое – с частичным успехом – пытались ослабить военную силу союзников в борьбе с центральными державами. Финн Вестермарк остался невредим; большевик Чичерин как пацифист был заключён в брикстонскую тюрьму; ирландца повесили.

Теперь мы подошли к моменту, когда Совет народных комиссаров начал лихорадочные переговоры о мире с центральными державами. Он остро нуждался в дипломатическом персонале, потеряв весь состав прежнего министерства, отказавшегося служить коммунистическому режиму. Кто-то вспомнил, что Чичерин может оказаться полезным, и его обменяли на британского посла сэра Джорджа Бьюкенена⁴⁵.

О приезде Чичерина в Петроград⁴⁶ было объявлено в прессе и в моём доме⁴⁷, к тому времени «муниципализированном» (то есть он стал собственностью городских властей). Новость представляла особый интерес и для ещё одного человека.

Это была старая няня Чичерина, к тому времени давно душевнобольная (у нее была мания преследования) и уже несколько лет занимавшая комнату в полуподвальном этаже моего дома. Станным образом, случившийся за полгода до этого большевистский переворот оказался для неё таким потрясением, что это вернуло ей рассудок. (Случай мог бы заинтересовать психиатров, поскольку я понимаю, что это душевное расстройство почти неизлечимо). Юный поляк, мой и Чичерина кузен (граф Гуттен-Чапский)⁴⁸, остановившийся в нашем доме, предположил, что няня будет рада сходить на митинг, на котором Чичерина будут восторженно принимать. Кузен смог пробиться на митинге к Чичерину, который узнал свою няню, поздоровался с ней и несколько дней спустя пришел к нам домой, чтобы увидеться с ней, несмотря на всю свою занятость. Няня не пришла в восторг, узнав, что Чичерин состоит в новом революционном правительстве, и, как она позднее сказала мне, Чичерин, в свою очередь, не слишком обрадовался, обнаружив портрет императора, красующийся на стене няниной комнаты.

Спустя какое-то время денежного содержания, которое Чичерин определил своей няне, стало решительно не хватать, и нужно было что-то придумать. Поэтому перед нашим с женой⁴⁹ отъездом в Латвию (где у меня была некоторая собственность, неподвластная Советам⁵⁰) я встретился с Георгием Чичериным, чтобы обеспечить нянину будущее после нашего отъезда.

Наша последняя встреча была довольно странной. В назначенный час я появился в здании Министерства иностранных дел⁵¹. Я довольно часто бывал здесь при Временном правительстве. Привратник узнал меня и сказал, чтобы я подождал – это я хорошо помню – в большой гостиной, служившей приёмной, с креслами, обитыми жёлтым шёлком. Дверь открывалась в коридор,

ведущий к кабинету Чичерина, и в обоих концах коридора я заметил пулемёты и нескольких красногвардейцев. Пока я ждал, рядом собралась довольно большая толпа курьеров, швейцаров, привратников и других работников, и я мог ясно слышать грубоватые голоса нетерпеливых и недовольных людей. Потом я услышал молодого человека, приказывающего всем разойтись по своим местам, и, наконец, негодующий голос, требовавший большего уважения и напоминавший молодому человеку (оказавшемуся помощником Чичерина), что своим привилегированным положением в этом здании он обязан тем самым людям, с которыми он только что говорил – людям, которые всего лишь беспокоятся о своей судьбе во время переезда Советского правительства из Петрограда в Москву⁵². Отпор возымел действие, и молодой человек куда-то исчез, в то время как я слышал голос Чичерина, вежливо уверявшего людей, что переезд правительства в Москву никоим образом не повредит их положению, поскольку их жалование будет выплачиваться как прежде и они ничего не потеряют от перемены столицы.

Вскоре состоялась моя беседа с Чичериным, не слишком продолжительная. Моё замечание, что Москва может оказаться «крепким орешком», вызвало ответ, что «тут уже ничего не поделаешь, у нас впереди много трудностей». И затем Чичерин в весьма саркастическом тоне заговорил о трудностях, с которыми столкнулся во время переговоров в Брест-Литовске⁵³. Я отметил, что в тот момент его неловкое положение ему самому казалось менее сложным, чем это предполагал я. Чичерин стал коммунистом, оставаясь совершенно искренним и дружественным. В былое время он принадлежал к эсерам, которые вскоре стали наиболее решительными врагами большевиков.

В прошлом Чичерин всегда считал меня своим другом и беседовал со мной с исключительной откровенностью о политике и о своих личных обстоятельствах, которые нельзя считать простыми из-за рискованного состояния его хрупкого здоровья^d. Однако Чичерин никогда не выказывал особого уважения к моим политическим суждениям, и я вспоминаю странное письмо, которое он написал мне в 1906 году, когда я начал активно заниматься политической деятельностью и в какой-то газете меня назвали «многообещающим»^e. Письмо было из Лондона, Чичерин излагал в нём свои взгляды на политическое положение России в целом. Письмо заканчивалось характерными словами: «И я самым решительным образом заявляю: что бы ты ни предпринял, всё это будет вздор, вздор, вздор». Эти слова вызывают у меня смех даже сегодня, и я думаю, что могу закончить этой цитатой из Георгия Чичерина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Андреева Н.С.* Политик А.Ф. Мейендорф // Немцы в России. Петербургские немцы / отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999. С. 225–232; *Hagen M.* Zwischen Nationalitäten und Fraktionen – Alexander Baron Meyendorff (1869 – 1964) // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1978. Jahrgang 27. S. 588–615.

² См. нашу статью, посвящённую жизни и деятельности Мейендорфа в эмиграции: *Ефимов М.В.* К биографии А.Ф. Мейендорфа // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XIX вв. / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2011. Вып. 6. С. 452–460.

^d Эвфемизм Мейендорфа для обозначения гомосексуальности Чичерина и сопутствующего ей чувства вины. – Прим. RR.

^e Мейендорф был избран в 1907 г. в Третью Думу от партии октябристов и некоторое время был её председателем; он также был членом последней, Четвёртой Думы, а в 1917 г. при Временном правительстве был назначен сенатором. – Прим. RR.

³ *Мейендорф А., бар.* Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России // Сборник статей, посвящённых П.Б. Струве: ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. Прага, 1925. С. 299–311.

⁴ *Meyendorff A.* The background of the Russian revolution. New York, 1929 (The Colver Lectures, 1928).

⁵ *Kohn S., Meyendorff A.* The Cost of the War to Russia. New Haven, 1932.

⁶ *Meyendorff A.* Soviet Family Law. A Comedy of Errors // SR. 1927. Vol. 5, № 15. P. 482–493.

⁷ *Hagen M.* Op. cit. S. 609.

⁸ Виноградов Игорь Павлович (Igor Vinogradoff; 1901 – 1987) – британский историк, сын историка П.Г. Виноградова, многолетний эксперт аукционного дома «Sotheby's»). Был женат на Джулиан Оттолин Моррелл (Julian Ottoline Vinogradoff (урожд. Morrell), 1906 – 1989), дочери леди Оттолин Моррелл (Lady Ottoline Morrell; 1873 – 1938), светской знаменитости.

⁹ Речь может идти об одной из двух статей: 1) статья в томе 61 («Ч – Шахт») первого издания «Большой Советской Энциклопедии» (Большая советская энциклопедия / глав. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1934. Т. 61: Ч – Шахт. Стб. 674–675); 2) авторизованная биография в «Своде автобиографий и авторизованных биографий деятелей СССР и Октябрьской революции», составившем отдельный выпуск «Энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат» (7-е изд. М., 1929. Т. 41, ч. III. Стб. 215–229).

¹⁰ Королевская мужская тюрьма Брикстон (HM Prison Brixton), расположенная в южном предместье Лондона. 22 августа 1917 г. Чичерин был арестован британскими властями за антивоенную пропаганду и «связи с врагом» и приговорён к заключению, которое отбывал в Брикстоне.

¹¹ Бьюкенен Джордж Уильям (Sir George William Buchanan; 1854 – 1924), сэр – британский дипломат, мемуарист. В 1910–1918 гг. – британский посол в России.

¹² Чичерин занимал пост народного комиссара иностранных дел с 6 июля 1923 г. по 21 июля 1930 г.

¹³ Фишер Луис (Louis Fischer; 1896 – 1970) – американский журналист и публицист. Автор книги «The Soviets in World Affairs» (2 vols., 1930; 2d ed. 1951), в написании которой Чичерин лично принимал участие (см.: *Швецов А.А.* Г.В. Чичерин и «СССР в мировой политике» Л. Фишера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. Вып. 169. С. 28–33).

В Мемориальной библиотеке Стерлинг Йельского университета (Sterling Memorial Library) хранятся адресованные Фишеру письма Чичерина, написанные во время работы Фишера над книгой (см.: *Печатнов В.О.* Переписка Г.В. Чичерина с Л. Фишером (из архива Йельского университета) // Традиции российской дипломатии. Национальные интересы и дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина: материалы науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Г.В. Чичерина / отв. ред. А.А. Ахтамзян. М., 1998).

Сочувственный очерк о Чичерине помещён в поздней книге Фишера «Men and Politics: Europe between the Two World Wars» (1966).

¹⁴ Николсон Харольд (Sir Harold George Nicolson; 1886 – 1968), сэр – английский дипломат, политик, историк. Мейендорф, скорее всего, имеет в виду книгу: *Nicolson H. Curzon: The Last Phase, 1919–1925: A Study in Post-War Diplomacy.* N. Y., 1934.

¹⁵ Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (Sir Robert Hamilton Bruce Lockhart; 1887 – 1970), сэр – британский дипломат, журналист, писатель. О Чичерине см.: *Lockhart R.B. Memoirs of a British Agent.* N. Y., 1933. P. 218–219.

¹⁶ Чичерина (урожд. бар. Мейендорф) Жоржина Егоровна (1836 – 1897).

¹⁷ Чичерин Василий Николаевич (1829 – 1882) – российский дипломат, брат Б.Н. Чичерина. Далее упомянут барон Рудольф Петрович Мейендорф (1832 – 1883). В поздней авторизованной биографии Чичерина об инциденте сказано следующее: «Вскоре после своей женитьбы Василий Николаевич был назначен советником посольства в Париже. Неудовлетворённость разлагающейся средой и бессодержательностью жизни выразилась у него в форме религиозного увлечения сектантского типа, безудержного пиетизма. Руководящую роль в пиетических кругах Парижа играла г-жа Андрэ, мать видного банкира-миллионера. В это же время в Париже выступал лорд Рэдсток, инициатор сектантского течения, распространявшегося потом в России под названием пашковского. Василий Николаевич подвергся и его влиянию, не порывая официально с православием. В 1867 году душевнобольной двоюродный брат Жоржины Егоровны, барон Рудольф Казимирович Мейендорф, оскорблённый действием Василия Николаевича, после чего по понятиям того круга должна была последовать дуэль. После долгой внутренней борьбы под влиянием г-жи Андрэ, Василий Николаевич признал дуэль несомненной со своими религиозными убеждениями, отверг её, порвал со всей окружающей средой, оставил службу и переехал в Тамбовскую губернию, попав из роскошного светского быта в серое существование провинциального помещика с ограниченными доходами. Он глубоко страдал от мысли о том, что его поступок могли ложно объяснить трусостью, и чтобы доказать, что он не трус, он во время турецкой войны, записавшись в Красный Крест, ходил подбирать раненых в самые опасные места под огнём неприятеля. Он не погиб, но вернулся с большими лёгкими и, проболев четыре года, умер в 1882 г.» (Свод автобиографий и авторизованных биографий деятелей СССР и Октябрьской революции. Стб. 216).

¹⁸ О лорде Гренвилле Аугустусе Вильяме Вальдигреве Редстоке (Granville Augustus William Waldegrave, 3rd Baron Radstock; 1831 – 1913) и его последователях в России см.: *Heier E.* Religious Schism on the Russian Aristocracy 1860–1900: Radstockism and Pashkovism. The Hague, 1970 (русск. пер.: *Хейер Э.* Религиозный раскол в среде российских аристократов в 1860–1900 годы: Редстокизм и

пашковщина / пер. В. Сильчука. М., 2002); *Бачинин В.А.* О миссии лорда Г. Редстока в Петербурге // *История Петербурга*. 2006. № 6. С. 59–65.

¹⁹ Князю В.П. Мещерскому (1839 – 1914) принадлежат два сочинения, посвящённых Рэдстоку: *Мещерский В.П.* Новый апостол в петербургском большом свете // *Гражданин*. 1874. № 8; *он же.* Лорд-апостол в большом петербургском свете. СПб., 1876.

²⁰ Понтификат (лат. Pontificatus) – период правления Папы Римского.

²¹ Милль Джон Стюарт (John Stuart Mill; 1806 – 1873) – британский философ, экономист, политический деятель. Начал изучать греческий язык в три года, в двенадцать лет приступил к изучению высшей математики, логики и политической экономии.

²² См., например: *Богомолов Н.* Из переписки М.А. Кузмина и Г.В. Чичерина (1905–1914) // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. 2003* / под ред. М.А. Колерова. М., 2004. [Вып. 6]. С. 281–450.

²³ Г.В. Чичерин окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в мае 1895 г. «и по решению “испытательной комиссии” был удостоен диплома первой степени. Перед ним открывалась возможность стать учёным-историком, но одно обстоятельство помешало осуществлению этого давнего намерения. “Я охотно остался бы при университете по кафедре русской истории, – вспоминал позже Г.В. Чичерин, – но в какой-то своей письменной работе я не без темперамента задел проф. С.Ф. Платонова, и он на меня очень обиделся”» (*Горохов И.М. и др.* Г.В. Чичерин – дипломат ленинской школы. 2-е изд., доп. М., 1973. С. 26).

²⁴ Г.В. Чичерин был причислен в январе 1898 г. к Государственному и Санкт-Петербургскому Главному архивам МИД, где проработал шесть лет. Числился «чиновником сверх штата». Отец Чичерина, В.Н. Чичерин, в 1850 г. также поступил служить в Санкт-Петербургский Главный архив МИД канцелярским служащим в чине коллежского секретаря.

²⁵ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869 – 1908) – российский историк, архивист. С 1899 г. работал в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Находясь в чине делопроизводителя 4-го класса, фактически замещал директора архива.

²⁶ См.: Переписка Н.П. Павлова-Сильванского с Г.В. Чичериным // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России / ст. С.О. Шмидта и С.В. Чиркова; прим. С.В. Чиркова; отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1988. С. 564–573 (Серия «Памятники исторической мысли»).

²⁷ Чичерин Николай Васильевич (1865 – 1939) – педагог, общественный деятель. См. о нём: *Соболева А.А., Анохина О.Н.* Николай Васильевич Чичерин: региональный аспект изучения жизни и деятельности // www.tstu.ru/win/kultur/museum/chicherin/nv_chicherin.doc

²⁸ Бобровникова (урожд. Чичерина) Софья Васильевна (1867 – 1918) – этнограф, педагог, публицист. Член Русского географического общества (1906). В 1904 г. совершила поездку по Уфимской, Вятской, Симбирской и Казанской губерниям, по итогам которой издала книгу «У приволжских инородцев. Путевые заметки» (СПб., 1905).

²⁹ Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802–1902. СПб., 1902. 206, 34 с., ил., портр.

См.: *Куштель В.Л., Волкова О.Ю.* Работа Г.В. Чичерина над «Очерком истории министерства иностранных дел, 1802–1902» // *Дипломатический вестник*. 2003. Март // http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/19c2fdec616f12e54325688e00486a45/87f2db37e95afc4ec3256d17004c72f8!OpenDocument

³⁰ Ср.: «Лето [1901 г.] он провёл у тётки баронессы Николаи в Монрепо близ Выборга <...> он и раньше посещал там тётку регулярно. На этот раз он вёл оттуда переписку с родственниками и знакомыми семьи с целью найти для “Очерков” подходящие портреты и иллюстрации» (*Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 42). «Из-за болезни Чичерин подолгу жил в имении своей тётки в Монрепо (возле Выборга)» (*Горохов И.М. и др.* Указ. соч. С. 29).

Николай Софья Элизабет (Софья Егоровна) (урожд. Мейендорф), баронесса, фон (1835 – 1910) – родная сестра матери Чичерина, ЖЕ. Чичериной (урожд. Мейендорф), троюродная сестра А.Ф. Мейендорфа, владелица имения Монрепо под Выборгом.

³¹ «[П]о настоянию непосредственного начальника и друга – известного историка Н. П. Павлова-Сильванского, возглавившего работу над очерком, Чичерин взял на себя раздел о политике России в период, когда министром иностранных дел был А.М. Горчаков. Ещё в детстве Г.В. Чичерину многое рассказывал о нём отец, который лично знал и почитал этого дипломата. Теперь представлялся возможность осуществить давнюю мечту – написать монографию о Горчакове <...> 15 октября 1902 г. Чичерин передал Павлову-Сильванскому раздел, посвящённый деятельности министра Н.К. Гирса – преемника А. М. Горчакова» (*Горохов И.М. и др.* Указ. соч. С. 29, 30). Речь идёт о следующих разделах «Очерка истории Министерства иностранных дел, 1802–1902» (СПб., 1902): «Царствование Императора Александра II» (С. 133–168) и «Царствование Императора Александра III» (С. 169–182).

Мать А.Ф. Мейендорфа, Ольга Михайловна (урожд. Горчакова) (1837 – 1926), была дочерью кн. М.Д. Горчакова (1793–1861), командующего войсками в Крыму в конце Крымской войны, руководителя обороны Севастополя с февраля по август 1855 г.

³² *Б/а.* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. См. новейшее переиздание: *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б.Н.* История политических учений / подгот. текста, вст. ст. и коммент. И.И. Евлампиева. 2-е изд., испр. СПб., 2010. Т. 3. С. 677–734. По словам Л.Я. Томас, в 1898 г. «[с]ведения о волнениях в Финляндии [Чичерин] охотно пересылал дяде Борису, а тот использовал их при написании книги “Россия накануне двадцатого столетия”, анонимно опубликованной

в Берлине» (Томас Л.Я. Указ. соч. С. 37). О Финляндии в «России накануне двадцатого столетия» см.: Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 716–727.

³³ Чичерин Борис Николаевич (1828 – 1904) – российский правовед, философ, историк и публицист.

³⁴ В 1861–1867 гг. Б.Н. Чичерин был экстраординарным профессором Московского университета по кафедре государственного права. В 1868 г. вместе с рядом других профессоров вышел в отставку в знак протеста против курса Министерства народного просвещения.

³⁵ В начале 1882 г. Б.Н. Чичерин был избран московским городским головой. Участвовал в мероприятиях по случаю коронации императора Александра III (15 мая 1883 г.); 16 мая, выступая на торжественном обеде городских голов, высказался за «единение всех земских сил для блага Отечества» и выразил надежду, что власть признает необходимость сотрудничества с земским движением. Речь была расценена кругами, близкими к императору, как требование конституции и послужила причиной отставки Чичерина.

³⁶ Имеется в виду родовое имение Чичериных – Караул (Ижмавский уезд Тамбовской губернии, ныне Ижмавский район Тамбовской области). В Карауле родился Г.В. Чичерин. Как пишет Л.Я. Томас, «[о]кончательное решение о наследнике Караула затягивалось, и лишь в 1915 г. вдова Бориса Николаевича смогла сообщить о нём племяннику Борису Андреевичу Чичерину (1888 – 1981), позже жившему в Канаде участнику белого движения: “Мои усилия увенчались успехом и с полного благо-родного согласия Юрия Караул по купчей крепости перешёл в твою собственность чрез доверенность, данную им моему племяннику графу Дмитрию Павловичу Капнисту на совершение купчей крепости”» (Томас Л.Я. Указ. соч. С. 55).

³⁷ По словам Т.Э. О’Коннора, Чичерин «употребил большую часть собственного наследства на по-полнение оскудевшей казны РСДРП. В частности, он принимал активное участие в финансировании V съезда РСДРП, проходившего в Лондоне в 1907 г., пожертвовав партии 12 тысяч марок на покрытие расходов делегатов, ехавших на съезд» (О’Коннор Т.Э. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930 гг. / пер. с англ.; общ. ред. Ю.С. Борисова; послесл. И.М. Труша. М., 1991. С. 36).

³⁸ Г.В. Чичерин проходил лечение в санатории Целендорф, близ Берлина.

³⁹ Первоначально в эмиграции Чичерин был близок к эсерам: «По приезду в Германию он сближается через Павлова-Сильванского с эсерами, но вскоре порывает с ними, так как их “электризм, невыдержанность, субъективизм, ставка на чувства и настроение его немедленно оттолкнули”» (Горохов И.М. и др. Указ. соч. С. 33). В 1905 г. вступил в Берлинскую секцию Комитета Заграничной организации РСДРП. В 1907 г. был избран секретарём Заграничного центрального бюро РСДРП.

⁴⁰ В ходе Цусимского морского сражения (май 1905 г.) российской 2-я эскадра флота Тихого океана под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского потерпела поражение от японского флота.

⁴¹ А.Ф. Мейендорф был в Лондоне в составе российской парламентской делегации, посетившей с официальным визитом в апреле-июне 1916 г. Англию и Францию. Однако в тексте очерка Мейендорф говорит о ноябре 1916 г.

⁴² Во время Первой мировой войны Г.В. Чичерин жил в Лондоне и стал одним из организаторов и секретарем Комитета помощи русским политкаторжанам и сельнопоселенцам. Официальной задачей комитета были сбор и пересылка денег революционерам, находившимся в российских тюрьмах (см.: Grant R. G. V. Chicherin and the Russian revolutionary cause in Great Britain // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1917 / Ed. J. Slatter. Totowa, N.J., 1984. P. 117–138). Как пишет Л.Я. Томас, «[к]ак секретарь Комитета делегатов русской социалистической группы в Англии, [Чичерин] руководил кампанией против призыва российских эмигрантов в английскую армию. Опасность эта появилась в 1916 г., когда такое предложение царского правительства было подхвачено правящей английской верхушкой. Митинги протеста и запросы в парламенте, как и статьи в международной прессе, привели к тому, что эта затея, за которой стояло царское правительство, окончилась неудачей» (Томас Л.Я. Указ. соч. С. 65–66).

⁴³ Вестермарк Эдвард Александр (Edvard Alexander Westermarck; 1862 – 1939) – финский (писал на шведском языке) философ и социолог. В 1907–1930 гг. – профессор социологии Лондонского университета. В период попыток русификации Великого княжества Финляндского выступал в защиту Финляндии за рубежом и активно участвовал в сборе подписей деятелей европейской культуры под адресом протеста к российскому императору. Сведения о прогерманской позиции Э.А. Вестермарка в годы Первой мировой войны обнаружить не удалось.

⁴⁴ Кейсмент Роджер Дэвид (Roger David Casement; 1864 – 1916) – британский дипломат, деятель ирландского национально-освободительного движения. Поддерживал идею независимости Ирландии. В 1914 г. отправился в США, а затем в Германию, чтобы заручиться поддержкой готовящегося в Ирландии восстанию. Попытки набрать среди ирландских военнопленных в Германии добровольцев для борьбы с англичанами не увенчались успехом, а Германия отказалась помочь войсками. В 1916 г. Кейсмент переправился на германской подводной лодке в Ирландию, в графство Керри, в надежде, что удастся отложить намеченное Пасхальное восстание, но был арестован, осуждён и казнён в Англии за измену.

⁴⁵ «З января 1918 г. Чичерин был освобождён из Брикстонской тюрьмы и переправлен в Абердин, откуда отправился через Северное море в Берген. Из Скандинавии он добрался до России, прибыв в Петроград 19 января» (О’Коннор Т.Э. Указ. соч. С. 76).

⁴⁶ «6 (19) января 1918 г. Георгий Васильевич прибыл в Петроград. Революционные рабочие устроили ему на Финляндском вокзале тёплую товарищескую встречу. “Миновал целый период жизни, – воспоми-

нал позже Г.В. Чичерин, – и, как короткое мимолетное видение, передо мной пронёсся новый, красный, революционный Питер»» (*Горохов И.М. и др. Указ. соч. С. 67*).

⁴⁷ В адресной и справочной книге «Весь Петроград» на 1917 г. значится: «Мейендорф бар. Ал[ексан] др. Феликс[ович]. с[татский] с[оветник], Бассейная 41[.] Т[елефон] 2241». Мейендорф купил дом в конце 1903 г. (см.: <http://www.citywalls.ru/house5424.html>, со ссылкой на книгу: *Дубин А.С., Харитоненко Т.С. Озерной переулок. СПб., 2010*).

⁴⁸ Речь идёт либо о гр. Эмерике Августе Войтехе фон Гуттен-Чапском (1897 – 1979), либо о его родном брате, гр. Войтехе Богдане Леоне фон Гуттен-Чапском (1899 – 1937), сыновьях гр. Кароля Яна Александра фон Гуттен-Чапского (1860 – 1904), либо об их двоюродном брате гр. Юзефе Чапском (1896 – 1993). Родители гр. К.Я.А. фон Гуттен-Чапского и его брата, гр. Ежи (Георгия) фон Гуттен-Чапского (1861 – 1930), отца гр. Юзефа Чапского: гр. Эмерик Захарьяш Николай Северин фон Гуттен-Чапский (1828 – 1896) и Елизавета-Каролина-Анна (урожд. Мейендорф; 1833 – 1916), родная сестра Ж.Е. Чичериной и С.Е. фон Николаи.

⁴⁹ Мейендорф Варвара Михайловна, баронесса, фон (урожд. княжна Шервацидзе; 1851 – 1946) – с 1907 г. жена А.Ф. Мейендорфа.

⁵⁰ Речь идёт о родовом поместье Klein-Roor (ныне: Страупе (латыш. Straupe), село в Паргауйском крае, Страупской волости Латвии).

⁵¹ Здание расположено по адресу: Дворцовая пл. 6.

⁵² 25 марта 1918 г. было принято решение о переводе Наркомата по иностранным делам из Петрограда в Москву.

⁵³ Брестский мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, был подписан 3 марта 1918 г. От имени Советской России Брестский мирный договор подписал Г.Я. Сокольников. Чичерин входил в состав советской делегации, вместе с Г.И. Петровским и Л.М. Караханом. Подписанию договора предшествовала жёсткая ввиду трипартийная полемика. Как отмечает Л.Я. Томас, позиция Чичерина «в эти месяцы фактически до сих пор основательно не прояснена. Нет оснований сомневаться в искренности его убеждения в том, что надо ориентироваться на мировую революцию. Мнение, что он, как интернационалист, должен был бы поддержать “левых”, возглавляемых Бухариным, сомнительно» (*Томас Л.Я. Указ. соч. С. 91*).

«Ни под одним актом публичного академического сервиллизма перед советской властью не стояла подпись Кареева»: некрологи историка в эмигрантской прессе

Аннотация: Публикуемые тексты представляют собой некрологи Николая Ивановича Кареева, опубликованные в эмигрантских изданиях. Во вступительной статье приводятся сведения об изданиях и их редакторах (Ю.Ф. Семёнов, И.В. Гессен), биографические данные об авторах некрологов (М.И. Ганфман, В.Н. Строев), реконструируются коммуникативные события. Публикация позволяет дополнить биографию историка и уточнить параметры рецепции до-революционного интеллектуального наследия российским научным зарубежьем.

Annotation: The very texts represent Nikolay Kareev's obituaries that were published in the emigrant editions. The introductory article contains the data about editions and their editors (Julius Semenov, Joseph Gessen) as well as the biographical info about obituaries' authors (Maxim Ganfman, Vasily Stroev). Communicative developments are also reconstructed. The publication also allows us to add to the historian's biography and specify the parameters of pre-revolutionary intellectual inheritance reception by Russian scientific abroad.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, некрологи, эмигрантские издания, Ю.Ф. Семёнов, И.В. Гессен, М.И. Ганфман, В.Н. Строев.

Key words: Nikolay Kareev, obituaries, emigrant editions, Julius Semenov, Joseph Gessen, Maxim Ganfman, Vasily Stroev.

Публикуемые ниже материалы посвящены замечательному российскому учёному-гуманитарию, профессору всеобщей истории Варшавского и Санкт-Петербургского университетов, члену-корреспонденту имп. Академии наук и почётному академику Академии наук СССР Николаю Ивановичу Карееву (1850 – 1931). Существующие на сегодняшний день жизнеописания историка¹, как правило, строятся на основе его мемуаров «Прожитое и пережитое»², между тем, существуют и другие свидетельства, которые могут тем или иным образом дополнить биографию учёного. Все публикации объединяет время создания и авторская интенция: почтить память Н.И. Кареева, скончавшегося в Ленинграде 18 февраля 1931 г.

Исследователями неоднократно отмечалась ценность некролога как исторического источника и предпринимались попытки выявить специфические особенности некролога как биографического жанра³. По верному замечанию

А.И. Рейтблата, в некрологе конститутивна «временная привязка к смерти человека: он должен сообщить обществу о ней (и, соответственно, появляется вскоре после смерти), подвести итог жизни человека (раньше его путь был не завершён), основное внимание уделяя социально полезным аспектам его деятельности (посты, награды) и избегая негативных оценок. Уже самим фактом помещения некролога его персонаж признаётся социально значимым и важным»⁴.

В литературе о Карееве утвердилось мнение, что его «смерть не была отмечена ни единой газетной строкой»⁵. Отчасти это верно, если речь идёт о советской периодике, однако с трудом верилось, что кончина выдающегося отечественного учёного, хорошо известного не только в России, но и за рубежом, не нашла никакого отклика. Сомнения развеялись при нашем знакомстве со статьёй чешского исследователя Радомира Влчека, где имелось указание⁶ на анонимный некролог Карееву, опубликованный в Чехословакии⁷. К сожалению, эту публикацию в силу разных причин заполучить пока не удалось, однако стало ясно, что известный резонанс в зарубежной прессе смерть Кареева всё же вызвала и следует продолжить поиски.

В 2001 г. увидела свет монография А.В. Макушина и П.А. Трибунского о П.Н. Милюкове, в которой были даны несколько отсылок к неизвестному нам ранее отклику Милюкова на кончину Кареева, опубликованному в эмигрантской газете «Последние новости»⁸. После обращения к одному из авторов монографии, Павлу Трибунскому, он любезно указал (за что хочется выразить глубокую признательность) на ещё один некролог Карееву, напечатанный в рижской газете «Сегодня». В 2008 была осуществлена републикация этих малоизвестных материалов⁹. Кроме этого, здесь же была напечатана не издававшаяся ранее архивная рукопись воспоминаний Н.П. Корелиной о Карееве, написанных под впечатлением известия о его смерти¹⁰.

Новый импульс теме был снова придан П. Трибунским, который обнаружил некролог Карееву в эмигрантском «Ллойд-журнале» и любезно предоставил нам его текст. Параллельно нами был проведён мониторинг доступных эмигрантских изданий, что добавило в коллекцию ещё три некролога: в газетах «Сегодня», «Руль» и «Возрождение». Мы не исключаем, что могут быть обнаружены и другие публикации, указание на которые мы воспримем с благодарностью.

Хронология появления некрологов была такова: 18 февраля Н.И. Кареев скончался в Ленинграде на 81-м году жизни¹¹. Некрологи в парижских газетах «Последние новости» (П.Н. Милюкова) и «Возрождение» (без подписи) были напечатаны 22 февраля; 24 февраля был опубликован анонимный некролог в берлинской газете «Руль», а на следующий день – в рижской газете «Сегодня» (М.И. Ганфман, под псевдонимом *М. Г-н*). В марте увидели свет статьи, посвящённые памяти Кареева, в газете «Сегодня» (Т.С. Варшер) и в берлинском «Ллойд-журнале» (В.Н. Строев).

Газета «Возрождение»¹², в которой был опубликован самый первый некролог, была задумана как умеренно-консервативное монархическое издание, главной задачей которого являлось объединение всех действенных сил русского зарубежья. В год публикации некролога пост главного редактора газеты занимал Юлий Фёдорович Семёнов (1873 – 1947)¹³, перу которого,

скорее всего, и принадлежал указанный текст. Как и Кареев, Семёнов был в своё время активным членом партии кадетов, и поэтому нельзя отрицать возможности их личного знакомства, например, во время партийных съездов в 1905–1907 гг. Анонимный публикатор воспоминаний Семёнова характеризует его следующим образом: «Стойкий и непримиримый враг большевизма, человек с добрым, горячим сердцем, Ю.Ф. Семёнов был, как редактор, видным, влиятельным и упорным выразителем правых течений и надежд русской эмиграции»¹⁴. В предельно лапидарной заметке о смерти Кареева указаны главные вехи научной и педагогической деятельности покойного, а также упомянуто, что тот «состоял членом партии к.-д., примыкая к левому её крылу»¹⁵.

Правокадетская газета «Руль», откликнувшаяся 24 февраля 1931 г. на смерть Кареева, издавалась в Берлине в 1920–1931 гг. и входила «в четвёрку наиболее крупных печатных органов русской эмиграции»¹⁶. Идейным вдохновителем и главным редактором газеты был Иосиф Владимирович Гессен (1866 – 1943)¹⁷, политический и общественный деятель, юрист, видный представитель русской эмиграции, хорошо знавший Кареева, прежде всего по совместной партийной деятельности¹⁸. С февраля 1906 г. Гессен был со-редактором (с П.Н. Милюковым) газеты «Речь», в которой в это время активно публиковался Кареев. Название нового органа, двумя буквами отличавшееся от дореволюционной газеты, «должно было подчёркивать преемственность, традиция усиливалась идентичным полиграфическим исполнением»¹⁹. Из других коммуникативных событий отметим участие Кареева в сборнике, издававшемся Гессеном²⁰, а также публикацию в «Руле» рецензии на третий том «Историков Французской революции»²¹. Текст некролога невелик по объёму, основное внимание в нём сосредоточено на общественной и политической деятельности покойного.

Некролог от 25 февраля 1931 г., подписанный псевдонимом *М. Г-н*, увидел свет на первой странице русскоязычной независимой демократической газеты «Сегодня», которая издавалась в Риге с 17 августа 1919 г. по 21 июня 1940 г., позиционировала себя не эмигрантским органом, а «изданием, обслуживающим все круги, взращённые на русской языковой культуре»²², и официально именовалась латвийской газетой на русском языке. Расшифровка псевдонима показывает, что автором некролога является главный редактор газеты Максим Ипполитович Ганфман (1882 – 1934)²³, хорошо знавший покойного. Хотя Ганфман формально не был членом Партии народной свободы, он стоял у истоков газеты «Речь» и был её неизменным редактором вплоть до закрытия её большевиками²⁴. Именно как редактор Ганфман довольно часто пересекался с Кареевым, который в период 1906–1907 гг. неоднократно писал для «Речи». Внимательный анализ биографий Ганфмана и Кареева позволяет выявить несколько совместных проектов, участниками которых были оба коммуниканта. Известна, например, их деятельная работа в комитете Литературного фонда²⁵, а также в Санкт-Петербургском обществе народных университетов²⁶. В 1921 г. Ганфман покинул Советскую Россию, оптировав литовское подданство. С 1922 г. и до своей кончины являлся главным редактором газеты «Сегодня». В некрологе автор воспроизвёл все основные перипетии научной, педагогической, политической и общественной деятельности Кареева, справедливо называя его представителем «либеральной профессуры, тесно связанной с

широкими кругами русской передовой общественности, вносившей в жизнь научный гуманизм»²⁷.

Четвёртый из публикуемых сегодня некрологов увидел свет в Берлине, в «Ллойд-журнале», о котором в силу малого срока его существования почти не известно современной читающей публике. Комплект издания, позиционировавшего себя как ежемесячный независимый орган, стоящий вне всех политических течений русской эмиграции и задавшийся целью «помочь русской эмиграции узнать и осмыслить наиболее существенные явления социально-экономической и культурной жизни всех стран эмигрантского рассеяния»²⁸, включает в себя всего два выпуска на русском языке (оба в 1931 г.) и ещё один – на немецком. Уже первая книжка сборника вызвала резкую критику: «Пока “Ллойд-Журнал” вызывает, с одной стороны, недоумения, с другой, кажется чем-то случайным: он мог появиться, он мог и не появляться. Во всяком случае, интереса журнал не вызывает. Всё же – подождём: может быть, с течением времени он сумеет выяснить сам себе простой вопрос: для чего я выхожу?»²⁹. Позднее, когда издание уже прекратило своё существование, оценка его прозвучала в заметке об аресте нацистами бывшего редактора: «... арестован прив.-доц. Позняков, учредивший в Берлине германо-русский институт и выпустивший несколько номеров “Ллойд-Журнала”, издания, истинный характер и цели которого, равно как и средства, на которые оно существовало, всегда были совершенно неясны»³⁰.

Автором некролога Кареева, опубликованного во второй книжке «Ллойд-журнала», является профессор Василий Николаевич Строев (1876 – 1950), выпускник историко-филологического факультета Московского университета. После окончания университета преподавал русскую словесность в женской гимназии г. Ковно до 1901 г., после чего переехал в Петербург, где благодаря покровительству С.Ф. Платонова стал приват-доцентом в университете. В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию «Бироновщина и Кабинет министров (Очерки внутренней политики императрицы Анны Иоанновны)» в Университете Св. Владимира. С 1919 по 1920 г. являлся профессором в Тамбовском университете. В 1922 г. Строев получил приказ о высылке, наряду с другими членами «философского парохода», но оказалось, что его спутали с В.А. Строевым-Десницким. Тем не менее, его имя присутствует в «Рапорте о состоянии операции по высылке антисоветской интеллигенции на 23 августа 1922 г.» как арестованного Петроградским Губотделом ГПИУ. В начале 1923 г. был признан невиновным. По инициативе ректора Н.С. Державина был отстранён от преподавания в Петроградском университете. Оставшись без средств к существованию, с трудом эмигрировал в Германию, где проживал в Берлине, работая в Русском научном институте в качестве лектора, читая необязательный курс³¹.

В отличие от первых трёх некрологов, последний носит не только коммеморативный характер, но и включает в себя мемуарные элементы. Вот всего несколько примеров, подтверждающих факт близкого знакомства коммуникантов. Восхищаясь необычайной научной продуктивностью Кареева, автор некролога пишет: «Как сейчас, я представляю себе его в полулежачем положении на диване, окружённым массой книг и выписок и диктующим без конца какому-нибудь студенту или курсистке». Указывая на кипучую общественную деятельность почтенного профессора, в том числе в «Обществе для пособия

студентам Петербургского университета», Строев апеллирует к живым свидетелям: «Все, кто был тогда студентом в Петербурге и испытывал нужду, может засвидетельствовать необыкновенную отзывчивость и постоянную готовность прийти на помощь со стороны покойного». Особый колорит придают некрологу личные воспоминания автора: «Я имел возможность наблюдать Н.И. в университете...» и далее: «теперь вспоминаю его, как, младший товарищ, находивший всегда у него нравственную поддержку: прошло 6 лет, как мы крепко обнялись в последний раз, когда я вынужден был переступить через борт корабля и покинуть несчастную Родину»³². В истории взаимоотношений старшего и младшего коллеги главным коммуникативным событием следует считать членство и активное участие Строева в руководимом Кареевым Историческом обществе. Сохранились названия рефератов и даты выступлений Строева на заседаниях общества: «О Кабинете Петра Великого» (15 декабря 1904 г.), «Юрий Иванович Кологривов, теоретик и историк искусства Петровского времени» (14 марта 1907 г.), «Проект учреждений министерств в бумагах Бирона» (12 ноября 1908 г.). Мониторинг эмигрантской прессы в связи с настоящими поисками случайно (и в какой-то мере закономерно!) вывел на краткую заметку, дополняющую найденные нами сведения. Приведём её целиком:

В Институте Германоведения
В пятницу 6-го марта состоится лекция проф. В.Н. Строева, посвящённая памяти умершего проф. Н.И. Кареева: «Н.И. Кареев как учёный и педагог» Начало в 8 час. веч. Nürnbergerstr, 63, Augusta-Victoria-Schule. Вход свободный³³.

Таким образом, предпринимаемая републикация некрологов Н.И. Кареева позволяет, с одной стороны, дополнить биографию историка, а с другой – уточнить параметры рецепции российским научным зарубежьем дореволюционного интеллектуального наследия.

Кончина проф. Н.И. Кареева

Петербург, 21 февраля.

Скончался известный историк профессор Н.И. Кареев.

Скончавшийся в глубокой старости, проф. Н.И. Кареев был одним из видных представителей русской исторической науки. Его главной специальностью была история Западной Европы в новое время. Этому предмету покойным был посвящён обширный курс, который не ограничивался политической историей, а давал глубокие экскурсы в области истории, философской, научной и политической мысли, литературы и экономики.

Сознавая крайнюю непригодность большинства учебников по всеобщей истории, которыми приходилось пользоваться в средней школе, Н.И. Кареев выпустил также три учебника, посвящённые истории древнего, среднего и нового времени и построенные на чрезвычайно оригинальном принципе³⁴.

Покойный состоял профессором Петербургского Университета, Императорского Александровского лицея и экономического отделения Петербургского Политехнического института.

25 лет тому назад он принимал видное участие в общественной деятельности. Он состоял членом партии к.-д., примыкая к левому её крылу.

Возрождение. 1931, 22 февраля, № 2091. С. 1.

Н.И. Кареев †

На прошлой неделе в Петербурге скончался на 81 году жизни профессор всеобщей истории Николай Иванович Кареев, пользовавшийся большой известностью, как учёный, и весьма популярный, как общественный деятель. Он написал ряд монографий, в частности по истории французской революции. Поколение за поколением училось на его многотомной «Всеобщей истории»³⁵. Большим успехом среди молодёжи пользовались в своё время его «Письма к учащейся молодёжи»³⁶, в которых он разбирал вопросы самообразования, выбора профессии, мирозерцания; едва ли много было в Петербурге студентов, не читавших этих брошюр.

Начал Н.И. свою профессорскую деятельность в Варшаве, потом переехал в Петербург, где был профессором Александровского лицея и занял кафедру в Петербургском университете. Состоял он председателем основанного при его участии Исторического общества, редактором издаваемого обществом «Исторического обозрения», одним из редакторов «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона³⁷. По своим политическим воззрениям и темпераменту Н.И. Кареев примыкал к партии конституционалистов-демократов, представителем которой он был избран в первую Государственную Думу, где, между прочим, подчёркиванием в одной речи понятия «русский» (вместо «русский») вызвал резкие нарекания правых; однако он не был узко партийным человеком и в частности оставался весьма близок к редакции народнического «Русского Богатства»³⁸.

Больной, доживал он последние годы вдали от университета. Ни под одним актом публичного академического сервизизма перед советской властью не стояла подпись Кареева.

Роль. 1931, 24 февраля, № 3115. С. 1.

Проф. Н.И. Кареев. (Некролог).

В преклонном возрасте в Петербурге скончался известный учёный-историк Николай Иванович Кареев. Эта была одна из самых популярных фигур интеллигентского, академического и литературного Петербурга.

Кто из старых петербуржцев не помнит импозантной головы Кареева, обрамлённой седыми кудрями, привлекавшей к себе внимание на всех учёных и общественных собраниях и совещаниях? Н.И. Кареев был прекрасным представителем либеральной профессуры, тесно связанной с широкими кругами русской передовой общественности, вносившей в жизнь научный гуманизм.

Специалист по истории Западной Европы (его магистерская диссертация была посвящена положению крестьян во Франции³⁹), Н. Кареев уже в своей докторской работе⁴⁰ обратился к изучению общих проблем истории, которые стоят на границе социологии и которые всегда занимали русскую интеллигенцию в её исканиях общественной правды.

«Основные вопросы философии и истории»⁴¹ Н.И. Кареева, выдержавшие несколько изданий, а также «Сущность исторического процесса и роль лич-

ности в истории» и другие работы, посвящённые этим темам, были предметом споров и полемики, в которых принимали участие представители разных групп и течений русской интеллигенции.

Н.И. Кареев был первым официальным учёным, который пристально и внимательно изучил социологические построения Н. Михайловского и дал им высокую оценку⁴². Отводя вместе с Михайловским большую роль личности в историческом процессе⁴³, Н.И. Кареев воплощал свои общие теории и в лекциях по истории Западной Европы (в петербургском университете), а также и своих исторических трудах, из которых «История Зап. Европы в новое время» получила особую известность.

Свои идеологические взгляды Н.И. Кареев и популяризировал также в «Письмах к учащейся молодёжи», в «Мыслях об основе нравственности», которые пользовались широкой известностью и распространением среди учащейся молодёжи и оказывали весьма благотворное влияние.

Из других учёных работ Н.И. Кареева следует указать его книги «Изучение социологии»⁴⁴, «Старые и новые этюды об экономическом империализме»⁴⁵, курсы по истории государственного быта⁴⁶, а также учебники по древней, средней и новой истории для средней школы.

Академический путь Н.И. Кареева имел обычные тернии. В 1879–1884 году он был профессором варшавского университета. Между прочим, результатом его пребывания в Варшаве был ряд работ по истории Польши, которые были переведены и на французский, и на польский языки⁴⁷.

Затем Н.И. Кареев перешёл в петербургский университет, но в 1899 году «за либерализм» в связи с студенческими волнениями был уволен и вернулся на кафедру только в 1906 году⁴⁸.

При большевиках некоторое время он ещё оставался в стенах университета, но потом тоже должен был бросить любимую работу⁴⁹.

Н.И. Кареев не был чужд и общественно-политической деятельности. В 1905 году он был в числе тех общественных деятелей, которые сделали попытку предотвратить кровопролитие 9 января 1905 года. Н.И. был арестован и некоторое (короткое) время сидел в Петропавловской крепости. При образовании конституционно-демократической партии Н.И. Кареев вошёл в состав центрального комитета к.-д., был выбран в I-ую Госуд. Думу депутатом от Петербурга, подписал Выборгское воззвание, судился, отбыл наказание⁵⁰.

Затем Н.И. отошёл от активной политической работы, принимая, однако, деятельное участие в общественной работе, особенно в литературных организациях. В наиболее старшей из них, в «Литературном фонде», он много раз избирался председателем⁵¹.

Н.И. Кареев пользовался глубоким уважением, как друзей, так и врагов. Убеждённый сторонник идеализма, гуманизма, терпимости, Н.И. стремился провести эти начала не только в своих трудах, но и в своей академической и общественной работе. Эрудиция, трудоспособность и производительность Н.И. Кареева были поразительны. Но вместе с тем, он, как учёный, не ограничивался только собиранием материалов, а стремился давать обобщения, обоснованные на науку и могущие служить для познания не только прошлого, но и строительства будущего. Глубоко веря в торжество истины-справедливости, Н.И. Кареев уже на склоне лет присутствовал при том, как в родной ему стране были сокрушены

эти начала, как свободная наука в дорогом для него храме науки была заменена казённой марксистской доктриной. Вероятно, эта сторона большевицкого быта была не менее тяжела для престарелого учёного-гуманиста, чем материальные лишения, которым он подвергался. О том, как жил и работал последние годы Н.И. Кареев, в печать сведений почти не проникало⁵². Но можно быть уверенным, что Н.И. и в могилу сошёл, твёрдо веря, что временное затмение идеализма не есть его крушение и что всё-таки те идеалы, во имя которых он жил и работал, когда-нибудь засияют новым светом при дальнейшем движении исторического процесса, при содействии активно действующей личности.

М. Г[анфма]н.

Сегодня. 1931. 25 февраля № 56. С. 2.

Памяти Ник. Ив. Кареева

Газеты принесли новую печальную весть о тяжёлой утрате русской науки в лице Николая Ивановича Кареева. Нет ещё одного большого русского человека, но только после смерти вполне сознаётся нравственное и умственное величие замечательного учёного. Современники слишком склонны умалять значение живых. Всё располагало к себе в Николае Ивановиче, начиная с его замечательно красивой наружности, его великолепной величественной фигуры и благородной головы с львиной гривой.

Н.И. Кареев родился в 1850 году, следовательно, ему шёл уже 81-й год, но при его замечательном здоровье и атлетическом сложении эта смерть является преждевременной. Ник. Ив. был настоящим москвичом, где он, окончив гимназию, поступил затем в московский университет на историко-филологический факультет, который окончил блестяще в 1873 г. Первая работа его была посвящена классической филологии⁵³, но будучи оставлен в университете, он всецело занялся всеобщей историей. В 1876 году он блестяще сдал магистрантский экзамен и получил командировку за границу, где много работал в архивах. В результате был его капитальный труд «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти 18-го века» (Москва, 1879 г.). Этот труд, до сих пор не потерявший своего значения, доставил автору магистерскую степень, после чего последовал его новый замечательный «Очерк истории французского крестьянства» (Москва, 1881 г.)⁵⁴. Несмотря на выдающиеся учёные заслуги, молодой учёный был допущен к чтению в московском университете только как сторонний преподаватель, а затем должен был перейти профессором, в Варшаву, где пробыл 5 лет (1879–1884 гг.). Причиной этого была неприязнь к Карееву со стороны тогда занимавшего официально кафедру всеобщей истории проф. Герье, человека весьма узкого, нетерпимого и не любившего людей с независимыми характером⁵⁵. Пребывание в Польше не осталось без пользы для Кареева: овладев вполне польским языком, он написал ряд монографий по польской истории, из коих некоторые, можно сказать, сделались классическими и переведены на польский язык. (Я ни в каком случае не берусь здесь перечислить все труды покойного учёного. Их так много, что он сам не помнил многих из них. Недаром о нём, как о знаменитом Оригене, ходила легенда, что он одновременно диктовал несколько сочинений. Как сейчас, я представляю себе его в полулежачем положении на диване, окружённым массой книг и выписок и диктующим без конца какому-нибудь студенту или курсистке).

В 1885 г. Ник. Ив. перешёл в Петербург сначала профессором Александровского лицея, а затем получил кафедру в университете, а также лекции на Бестужевских курсах. При петербургском университете им было основано «Историческое Общество», председателем которого он всё время оставался, равно как и редактором издаваемого этим обществом исторического обозрения, где была напечатана масса ценных статей и материалов, как по всеобщей, так и по русской истории⁵⁶. Девяностые годы отмечены в жизни Ник. Ив. горячей борьбой с мощной тогда теорией экономического материализма, вызвавшей самые жестокие нападки на него с разных сторон⁵⁷. В этом сказалась моральная личность Ник. Ив., чуждая всякой односторонности и прежде всего требовавшая справедливой оценки не только личностям, но и фактам. Вообще философия истории всегда была предметом особенного интереса Кареева. Его докторской диссертацией были «Основные вопросы философии и истории» (Москва. 1883 г.), уже вызвавшие сильные нападки, и автор должен был защищаться целой книгой: «Моим критикам»⁵⁸. Кроме научных трудов, Кареев в 90-х годах издал ряд брошюр, предназначенных специально для молодёжи. Таковы «Письма к учащейся молодёжи», «Беседы о выработке мирозерцания», «Мысли об основах нравственности» и т. д. Они проникнуты самым возвышенным идеализмом, которому Ник. Ив. был верен всю свою жизнь.

В 1899 году, вследствие столкновения с администрацией, Кареев должен был покинуть и университет, и Женские курсы. Он остался только в Александровском лицее. Это была самая тяжёлая пора его жизни. Александровский лицей не давал ему удовлетворения, как педагога, вследствие легкомысленного отношения золотой молодёжи к науке, к которой привык благоговейно подходить Кареев. Кроме того, его невольный уход из университета делал его в глазах известного круга человеком неблагонадёжным и беспокойным. Лучшие времена настали для него в 1902 г., когда Витте, основав Политехникум, привлекал в него лучшие силы, независимо от политических убеждений. В Политехникум был приглашён и Ник. Ив., где он прочёл ряд типологических курсов, которые вышли потом отдельными монографиями, выдержавшими ряд изданий, таковы: «Монархии древнего Востока и греко-римского мира», «Государство-поместье и сословная монархия средних веков» и т. д.⁵⁹

Наряду с этим шла его самая кипучая общественная деятельность. Некоторое время он был гласным Петербургской Думы. Он был деятельным членом литературного фонда (одно время – его председателем), Общества взаимопомощи литераторов и Общества для пособия студентам Петербургского университета. Все, кто был тогда студентом в Петербурге и испытывал нужду, может засвидетельствовать необыкновенную отзывчивость и постоянную готовность прийти на помощь со стороны покойного. Все культурные начинания привлекали Ник. Ив. Так, он очень энергично работал, вместе с В.И. Семевским, в Педагогическом Музее Военно-Учебных заведений, во главе которого стоял широко образованный и либеральный генерал А.Н. Макаров, которого хорошо знали все петербургские учёные. При этом музее Ник. Ив. состоял председателем Комитета для помощи самообразованию. Свой невольный досуг после удаления из университета он употребил на составление прекрасных учебников всеобщей истории, которые были всюду приняты, даже в военных учебных заведениях.

Настали бурные времена революции. Ник. Ив. отзывался на всё с пылом юноши. Накануне 9-го января он участвовал в депутации учёных и общественных деятелей, ходившей просить администрацию не допускать расстрела толпы. После этого он был арестован и провёл некоторое время в тюрьме, которую могло выдержать в его лета только его колоссальное здоровье⁶⁰. Со времени возникновения кадетской партии, Ник. Ив. был её деятельным членом и был избран в Первую Государственную Думу. Теперь ещё не настало время делать оценку тогдашним политическим деятелям, но во всяком случае, люди с моральным и умственным образом Кареева являются силой каждой партии. Как эхо, он отзывался на всё. Произшла аннексия Боснии и Герцеговины – он приветствует Масарика и сербских деятелей. Вместе с М.М. Ковалевским он организует новое славянское общество в противовес старому, страдавшему партийностью и рутинной.

Я имел возможность наблюдать Н.И. в университете, куда он вернулся в 1906 г.⁶¹ Очень часто крупные учёные оказывались плохими педагогами. Напротив, Ник. Ив. соединял то и другое, его семинарий был блестящим. Он влагал в него, как во всё, свою душу и умел заставить молодёжь работать. Он превосходно развивал критическое чутьё при изучении памятников и умение пользоваться историческими методами.

Нельзя в короткой статье его вполне охарактеризовать, как учёного, человека и гражданина. Теперь вспоминаю его, как, младший товарищ, находивший всегда у него нравственную поддержку: прошло 6 лет, как мы крепко обнялись в последний раз, когда я вынужден был переступить через борт корабля и покинуть несчастную Родину. И вот его уже нет, а я влачу жалкое существование в изгнании. Но какие бы испытания ещё не предстояли, никогда не изгладится его светлый образ из моей души, как образы Б.Н. Чичерина, Владимира Соловьёва, А.И. Чупрова, как ни различны были эти люди. Вспоминая Н.И. Кареева, скажу словами поэта:

«Не говори с тоской – их нет,
а с благодарностью – были».

Проф. В. Строев
Берлин. Март. 1931.

Ллойд-журнал. 1931. Кн. 1. С. 84–87.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотарёв В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; *он же*. Николай Иванович Кареев (1850 – 1931) // ННИ. 1992. № 4. С. 122–155; Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995; Мязков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000 и др.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / вступ. ст., публ., прим. и коммент. В.П. Золотарёва. Л., 1990.

³ См., например: Стариков М. Некролог как жанр письма. Доклад на третьих Шпетовских чтениях. Апрель 1999 года [Электронный ресурс] // [Персональный сайт Михаила Старикова. Томск]. <http://tfk2.narod.ru/nekrolog.htm>; Орлова Г.А. Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/or11.html>; Рейтблат А.И. Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биографика XX века: Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб., 2013. С. 624–632.

⁴ Там же. С. 624.

⁵ Золотарёв В.П. Николай Иванович Кареев (1850 – 1931). С. 153.

⁶ Vlček R. N.I. Karějev a dějiny slovanských zemí // Slovanský Přehled. 1988. Roč. 74. S. 151.

⁷ †Nikolaj Ivanovič Karějev // Časopis Českého Museum. 1931. Roč. CV, oddíl duchovědný. S. 206–207. Впоследствии нами был обнаружен ещё один некролог в чешском издании. См.: Z.H. [Hájek Zdeněk]. N.I. Karejev [Nekrolog] // Český časopis Historický. 1931. Roč. 37. C. 1. S. 197–198.

⁸ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милкоков: труды и дни (1859 – 1904). Рязань, 2001. С. 106, 209.

⁹ *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев: in memoriam (к публикации малоизвестных биографических материалов об историке) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь-Пятигорск, 2008. Вып. 10. С. 408–416; *Милкоков П.Н.* Памяти Н.И. Кареева / публ. и коммент. В.А. Филимонова // Там же. С. 416–420; *Варшвер Т.С.* Последние годы Н.И. Кареева при большевиках / публ. и коммент. В.А. Филимонова // Там же. С. 420–427.

¹⁰ *Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым / публ. и коммент. В.А. Филимонова // Там же. С. 427–433.

¹¹ Елена Николаевна Верейская в неопубликованных воспоминаниях так воспроизвела последние минуты жизни своего отца: «В 1931 г. мы с ним (речь идёт о художнике Оресте Верейском, муже Елены Николаевны. – В. Ф.) вместе сидели у постели моего умирающего отца, и нас обоих глубоко потрясло, когда отец, уже в агонии, вдруг громко стал декламировать “Вахкическую песнь” А.С. Пушкина, начиная со слов “Ты солнце, святое, гори!”, и прочел её до конца, закончив: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!” Это были его последние слова» (цит. по: *Золотарёв В.П.* Николай Иванович Кареев (1850 – 1931). С. 152).

¹² Выходила с 3 июня 1925 г. по 7 июня 1940 г. – столь продолжительное время издания было явлением редким, длительным существованием могли похвастаться только «Последние новости» П.Н. Милкокова (1920–1940) (см.: *Жизальцова Л.* «Принадлежность России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов [Электронный ресурс] // ИА REGNUM (11.10.2010). <http://www.regnum.ru/news/society/1334945.html>).

¹³ Главным редактором «Возрождения» Семёнов стал в 1927 г., сменив покинувшего издание П.Б. Струве, и руководил газетой вплоть до 1940 г. (см.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В. Макарова, В. Христофорова; коммент. В. Макарова. М., 2005. С. 486).

¹⁴ *Семёнов Ю.Ф.* Закавказская республика // Возрождение. Литературно-политические тетради. 1949. Тетрадь первая. С. 121.

¹⁵ Кончинна проф. Н.И. Кареева // Возрождение. 1931. № 2091. 22 февраля.

¹⁶ *Сперкач А.И.* «Руль» (Берлин, 1920–1931 гг.) [Электронный ресурс] // Антибольшевистская Россия. Энциклопедический словарь. http://www.antibr.ru/dictionary/ae_rul_k.html

¹⁷ Подробнее о нём см.: *Гессен В.Ю.* Жизнь и деятельность И.В.Гессена – юриста, публициста и политика. СПб., 2000.

¹⁸ Как известно, Кареев в своё время исполнял обязанности председателя Петербургского комитета Партии народной свободы, а Гессен занимал пост товарища (заместителя) председателя. Оба они избирались по спискам этой партии в Государственную думу: Кареев в I-ю, а Гессен во II-ю. Любопытно, что в мемуарах Кареев упоминает о Гессене всего один раз, в сюжете об организации и участии в депутатии к министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому накануне 9 января 1905 г., с требованием принятия мер по предотвращению кровопролития (см.: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 226–227). В связи с этим же эпизодом и Кареев единственный раз упоминает в первой книге воспоминаний Гессена (*Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчёт. Берлин, 1937. С. 192 (Архив русской революции)). Во второй книге воспоминаний (*Гессен И.В.* Годы изгнания: Жизненный отчёт. Париж, 1979) для Кареева места не нашлось.

¹⁹ *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 84.

²⁰ См.: *Кареев Н.И.* Исторический очерк представительных учреждений в Западной Европе // Конституционное государство: сб. ст. / изд. И.В. Гессена и прив.-доц. А.И. Каминки, при участии газ. «Правос». СПб., 1905. С. 1–40.

²¹ *Кизеветтер А.А.* [Рец. на:] Н.И. Кареев. Историка Французской революции. Т. III: Изучение Французской революции вне Франции // Руль. 1925. 16 сентября. № 1456.

²² *Абизов Ю.И.* 20 лет русской печати в независимой Латвии [Электронный ресурс] // Русские в Латвии. История и современность. Рига, 1997. Вып. 2 // <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvi-2.html>

²³ Подробнее о нём см.: *Ильин Д.* Блистательное «вчера» газеты «Сегодня» [Электронный ресурс] // Латвийские вести. 2014. 27 марта. № 13. <http://www.ves.lv/rus/7sekretov/blistatelnoe-vchera-gazety-segodnya/>

²⁴ Отметим, что в однодневной газете, содержащей протест Союза русских писателей против репрессивной политики правительства Ленина и его соратников, опубликованы статьи обоих коммунистов (см.: *Кареев Н.И.* Больной ребёнок // Газета – протест Союза русских писателей. 1917. 26 ноября; *Ганфман М.И.* Печать в наши дни // Там же).

²⁵ См., напр.: *Клюев Н.И.* Письма и заявления [Электронный ресурс] // Николай Клюев: воспоминания современников М., 2010 // http://www.booksite.ru/klyuev_w/17.html

²⁶ См.: *Морозан В.В.* Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 333–342.

²⁷ *Ганфман М.И.* Проф. Н.И. Кареев. (Некролог) // Сегодня. 1931. 25 февраля. № 56.

²⁸ Цит. по: *Ф.С.* Новый русский журнал // Там же. 27 мая. № 145.

²⁹ Там же.

³⁰ Аресты среди русских в Берлине // Сегодня. 1933. 3 апреля. № 93. Бывший редактор «Лloyd-журнала» В.А. Позняков (1888–1941) был арестован по подозрению в оказании помощи евреям, пытавшимся бежать из нацистской Германии, и погиб в концентрационном лагере Дахау (см.: Александр (Алексей) Владимирович Поздняков [Электронный ресурс] // Погост Телье. Россиянам, похороненным на православном кладбище Телье в Берлине // <http://pogost-tegel.info/index.php?id=1915>)

³¹ Подробнее см.: *Квакин А.В.* Несостоявшийся пассажир «философского парохода» в Русском научном институте в Берлине [Электронный ресурс] // Сайт самого противоречивого профессора истории в мире [проф. МГУ А.В. Квакина] // <http://www.kvakin.ru/Documents/stroev.pdf>

³² *Строев В.Н.* Памяти Ник. Ив. Кареева // Ллойд-журнал (Париж-Берлин). 1931. Кн. 1. С. 84–87.

³³ Руль. 1931. 1 марта. № 3120.

³⁴ См.: *Кареев Н.И.* Учебная книга истории средних веков. СПб., 1900 (10-е изд. – СПб., 1916); *он же.* Учебная книга новой истории. СПб., 1900 (16-е изд. – СПб., 1917); *он же.* Учебная книга древней истории. СПб., 1901 (9-е изд. – СПб., 1914). Подробнее см.: Сковрцова Е.С. Учёные России – народному образованию // НИИ. 1997. № 6. С. 23–40; *Орловский А.Я.* Учебники истории в школах России: 1861–1917 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2001. № 10. С. 39–46; *Филимонов В.А.* Феномен «профессорского учебника» (на примере «Учебной книги древней истории» Н.И. Кареева) // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. М.-Ставрополь, 2003. Вып. 4. С. 63–70.

³⁵ Имеется в виду: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. СПб., 1892–1917. Т. I–VII.

³⁶ На самом деле «Письма к учащейся молодёжи» были только первой из серии брошюр Кареева, «в которых он разбирал вопросы самообразования, выбора профессии, мирозозерцания» (см.: *Кареев Н.И.* Письма к учащейся молодёжи о самообразовании. СПб., 1894 (9-е изд. – СПб., 1907); *он же.* Беседы о выработке мирозозерцания. СПб., 1895 (5-е изд. – СПб., 1904); *он же.* Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1895 (3-е изд. – СПб., 1905); *он же.* Мысли об основах нравственности. СПб., 1895 (3-е изд. – СПб., 1905); *он же.* Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1897 (3-е изд. – СПб., 1905)).

³⁷ Подробнее см.: *Филимонов В.А.* Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 41. С. 129–164.

³⁸ См.: *Мяжков Г.П., Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2010. Вып. 6. С. 347–353. *Кареев Н.И.* Мои отношения к «Отечественным запискам» и «Русскому богатству» (1868–1918) / публ. и коммент. В.А. Филимонова и Г.П. Мяжкова // Там же. С. 353–366.

³⁹ См.: *Кареев Н.И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века (по неизвестным источникам): Историческая диссертация. М., 1879.

⁴⁰ См.: *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Критика историсофических идей и опыт научной теории исторического прогресса. (Докторская диссертация). М., 1883. Т. I–II.

⁴¹ Правильное название – см. предидущую ссылку.

⁴² См.: *Кареев Н.И.* Памяти Н.К. Михайловского как социолога // Русское богатство. 1904. № 3. С. 137–149 отд. паг.

⁴³ См.: *Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890 (2-е изд. – СПб., 1914).

⁴⁴ Правильно: *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897 (3-е изд. – СПб., 1913).

⁴⁵ См.: *Кареев Н.И.* Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896.

⁴⁶ См.: *Кареев Н.И.* Государство-город античного мира. СПб., 1903; *он же.* Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1904; *он же.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906; *он же.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв. СПб., 1908; *он же.* Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908.

⁴⁷ Подробнее см.: *Аржакова Л.М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Мяжков Г.П., Филимонов В.А.* Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговой дискуссии» историка // Уч. зап. Казанского у-та. Сер. «Гуманит. науки». 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 169–178.

⁴⁹ 25 мая 1923 г. на заседании Научно-политической секции Учёного совета Петроградского университета было постановлено «отвести от преподавания» Н.И. Кареева» в университете (Выписка из протокола № 54 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Д. 8612 (О службе профессора Николая Кареева). Л. 340). При этом он оставался профессором в Географическом институте, после реорганизации которого в университетский факультет Кареев вновь оказался в штате университета и пребывал в нём до 19 августа 1929 г., когда Центральная Комиссия по перевыборам профессоров и преподавателей вузов постановила: «в виду того, что читавшийся проф. Н.И. Кареевым курс (исторической этнографии. – В.Ф.) исключён из учебного плана, считать вопрос об освобождении профессора подлежащим разрешению в административном порядке» (Выписка из протокола заседания комиссии от 18 сентября 1929 года // Там же. Л. 357).

⁵⁰ На самом деле за подписание Выборгского воззвания Кареев, не участвовавший в его составлении, наказан не был. Вот как он описывает этот эпизод в своих мемуарах: «Роспуск Думы был объявлен в воскресный день. Ложась спать накануне, я, будучи крайне утомлён предыдущими днями, просил

меня не будить, хотя бы я проспал до полудня, и то же самое было сказано временно жившим на нашей квартире моим двоюродным братом О.П. Герасимовым, занимавшим пост товарища министра народного просвещения и страшно много работавшим по ликвидации запущенных прежними министрами дел. Встали мы действительно поздно, газеты или не было в тот день, или её не принесли вовремя, но только уже довольно поздно я послал купить газету на улице, из которой и узнали о роспуске Думы. Нашим лидерам это сделалось известным очень рано, и они поспешили уехать в Выборг, где и составили известное воззвание. Я жил от Таврического дворца очень далеко, телефона у меня не было, так что я об отъезде депутатов в Выборг узнал только тогда, когда приехал в партийный клуб, где почти никого не застал, а те, которые были, говорили, что через непродолжительное время все вернутся. Я стал ждать, как и некоторые другие члены партии, начавшие собираться в клубе. Действительно, скоро кто-то (совсем не помню кто) приехал из Выборга и привёз текст воззвания, сделавшегося потом столь знаменитым, сообщив, что большинство там ещё пробудет некоторое время. Недолго думая, я и ещё двое-трое послали телеграмму в Выборг с просьбой присоединить и наши подписи к возванию, хотя я не ожидал, чтобы оно могло оказать на население то действие, на какое рассчитывали его инициаторы. Затем я ездил на одно собрание, бывшее в Териоках, и стал ожидать повторения ареста. Последнего, однако, ни с кем из подписавшихся под воззванием не случилось, так что, прождавши ещё несколько дней, я решился попробовать взять заграничный паспорт, чтобы съездить в Карлсбад, что мне и удалось. Только впоследствии, когда началось следствие по делу выборгского воззвания, я был приглашен к следователю в качестве свидетеля, но по той статье, которая предвидит возможность превращения свидетеля в подсудимого. Меня, как и других, не участвовавших в составлении воззвания, а давших свои к нему подписи только *postfactum*, оставили в покое, внешним же признаком непосредственного участия или позднейшего присоединения было присутствие или отсутствие подписи под первым печатным изданием воззвания. Нас и в свидетели на суд не вызывали, но я всё-таки был на суде в публике, среди которой в первый раз после долгих лет увидел Г.А. Лопатина» (*Кареев Н.И. Прожитое и пережитое*. С. 240).

⁵¹ См., напр.: *Кареев Н.И.* Пятидесятилетие Литературного Фонда // РВед. 1909. № 257.

Автору некролога, очевидно, не было известно, что последние годы жизни Кареева были омрачены жёсткой идеологической «проработкой», которой он был подвергнут 18 октября 1930 г. на заседании методологической секции «Общества историков-марксистов» (См.: *Буржуазные историки Запада в СССР* (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и другие) // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. С. 41–86). Эта несправедливая и надуманная критика самым пагубным образом сказалась на здоровье учёного и привела к его преждевременной кончине.

⁵² См.: *Кареев Н.И.* Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869.

⁵⁴ Правильно: *Кареев Н.И.* Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава, 1881.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // *История идей и воспитание историей*: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 174–188.

⁵⁶ См.: *Историческое обозрение* / под ред. Н.И. Кареева. СПб., 1889–1915. Т. 1–21. Напомним, что автор некролога был активным членом Исторического общества.

⁵⁷ Прежде всего Г.В. Плеханова (см.: *Плеханов Г.В. (Бельтов)*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ г. Михайловскому, Карееву и комп. СПб., 1895 и др. изд.).

⁵⁸ См.: *Кареев Н.И.* Мои критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава, 1884.

⁵⁹ Правильно: «Поместье-государство...».

⁶⁰ Заключение Кареева в Петропавловской крепости продолжалось 11 дней (подробности см.: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 226–229).

⁶¹ Строев начал преподавание в Петербургском университете в 1902 г., то есть через три года после изгнания из него Кареева.

Материалы С.П. Мельгунова в Архиве Российской Академии наук

Аннотация: Статья посвящена биографии историка и политического деятеля С.П. Мельгунова, а также составу и содержанию документов его личного фонда и фонда журнала «Голос минувшего», хранящихся в Архиве Российской Академии наук.

Annotation: The article is dedicated to a historian and politician S.P. Melgunov, as well as the structure and content of his papers and the collection of journal «Golos minuvzhego», preserved in the archives of Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: С.П. Мельгунов, биография, документы, личный фонд, журнал «Голос минувшего», Архив Российской Академии наук.

Key words: S.P. Melgunov, biography, documents, personal collection, «Golos minuvzhego», Archives of Russian Academy of Sciences.

Архив Российской Академии наук (далее – АРАН) остаётся одним из крупнейших и старейших архивохранилищ России, в котором хранятся документы фондов личного происхождения выдающихся российских учёных и фондов учреждений Академии наук по истории отечественной науки, техники, культуры. В документальных комплексах АРАН сохранилось научное наследие микробиолога И.И. Мечникова (1845 – 1916), геолога Н.И. Андрусова (1861 – 1924), историка А.В. Флоровского (1884 – 1968), микробиолога С.Н. Виноградского (1856 – 1953), которые внесли значительный вклад в развитие науки как в России, так и за рубежом. В то же время часть научного наследия российских учёных осталась за рубежом: И.И. Мечникова и С.Н. Виноградского – в Институте Пастера, А.В. Флоровского – в Славянской библиотеке в Праге. Неоднозначна и судьба Русского заграничного исторического архива, в котором значительное место занимали документы о деятельности русских учёных за границей. В настоящее время часть этих документов хранится в Государственном архиве РФ, другие были расплынены по многочисленным хранилищам СССР, а теперь часть документов вновь оказалась за пределами России.

Архив Российской Академии наук (М.Ю. Сорокина) совместно с Домом русского зарубежья им. А.И. Солженицына в течение ряда лет проводил комплекс работ по исследованию научной деятельности русских учёных за рубежом¹. Научный сотрудник АРАН Т.Н. Лаптева готовит диссертационное исследование «Фонд А.В. Флоровского в Архиве РАН» с использованием документов, хранящихся в рукописном отделе Славянской библиотеки в Праге.

Часть статей на политические темы С.Н. Виноградского была передана в 2006 г. сотрудниками архива Института Пастера директору Архива РАН В.Ю. Афиани, и они были включены в приложение к монографии о знаменитом микробиологе². Однако полная информация о местонахождении, составе и содержании документов фондов российских учёных за рубежом в большинстве случаев отсутствует.

Кроме того, в фондах АРАН сохранились документальные комплексы, которые по составу и содержанию документов можно отнести к научному и культурному наследию российского зарубежья. Это прежде всего фонд С.П. Мельгунова (1879 – 1956) – историка, политического деятеля, публициста, высланного из СССР в октябре 1922 г.³ По делу «Тактического центра» С.П. Мельгунов был арестован 7 февраля 1920 г. и в августе приговорён к смертной казни, заменённой 10 годами тюремного заключения; через год был освобождён под давлением научной общественности, благодаря заступничеству В.Н. Фигнер, П.А. Кропоткина, Н.С. Тютчева, Н.А. Морозова и других. В мае 1922 г., по окончании судебного процесса над партией эсеров, он вновь был арестован и приговорён к ссылке в г. Чердынь. В октябре 1922 г. Мельгунов был выслан за рубеж, так как в этот раз приговоры по процессам «Тактического центра» и партии эсеров были заменены высылкой за границу. В список высылаемых С.П. Мельгунов попал благодаря настойчивости В.Н. Фигнер, и, таким образом, стал эмигрантом вопреки своему собственному желанию. Вскоре после высылки из России Мельгунов был лишён и советского гражданства, поводом для чего стали публикации за рубежом его статей и книги о красном терроре. Перед самым отъездом из Советской России С.П. Мельгунов был уполномочен Советом товарищества «Задруги» на открытие заграничного отдела, а также на распоряжение принадлежавшими ему суммами. Это позволило Мельгунову организовать в Берлине издательство «Ватага» как подразделение «Задруги». В эмиграции Мельгунов был членом Заграничного комитета Трудовой Народно-социалистической партии.

В 1926 г. С.П. Мельгунов обосновался в Париже, где начал издание еженедельника «Борьба за Россию» (1926–1931), в первую очередь предназначенного для распространения в Советской России, поскольку инициатор издания полагал необходимым создание единого антикоммунистического фронта для всего политического спектра русской эмиграции. Политическая программа журнала не только отвергала какие бы то ни было контакты русской эмиграции с Советской Россией, но и призывала к борьбе с нею в полном соответствии с заявлением самого С.П. Мельгунова в печати, что вооружённая борьба – это единственное средство свержения власти большевиков. Против этой программы выступила большая часть эмиграции: от П.Н. Милюкова до А.Ф. Керенского. Поддержку С.П. Мельгунову в этом вопросе оказала только группировка П.Б. Струве. Работа в еженедельнике «Борьба за Россию» привела С.П. Мельгунова к сотрудничеству с секретными офицерскими эмигрантскими организациями и сторонником активных действий против советской власти генералом А.П. Кутеповым, осуществлявшими связь через своих подпольных агентов с «подъёмной Россией». Работа «Борьбы за Россию» оказалась связанной со вторым «Трестом», принявшим в качестве программы деятельности программу еженедельника. Советская контрразведка при по-

мощи провокаторов, осведомителей и слежки преуспела в ликвидации этой подпольной организации, и С.П. Мельгунову пришлось на некоторое время прекратить направленную против Советской России политическую деятельность. Неудача политических акций и недостаток финансирования привели к концу еженедельника «Борьба за Россию».

В феврале-мае 1931 г. С.П. Мельгунов опубликовал фрагменты работы «Чекистский Олимп» – литературные портреты Ф.Э. Дзержинского, В.Р. Менжинского, М.С. Кедрова, Н.В. Крыленко, с которыми вынужденно общался во время арестов 1918–1920 гг. Во время Второй мировой войны, находясь под Парижем, С.П. Мельгунов решительно отвергал любую форму сотрудничества с Германией. В послевоенные годы С.П. Мельгунов выступал против просоветских настроений в эмиграции, издавал с 1946 г. сборники «Свободный голос» (в 1948–1957 гг. – под названием «Российский демократ», № 15–27). С 1948 г. С.П. Мельгунов – председатель Союза борьбы за свободу России, с 1951 г. – председатель Координационного центра антибольшевистской борьбы. В 1950–1954 гг. С.П. Мельгунов – редактор журнала «Возрождение». В последние годы жизни С.П. Мельгунов издал в Париже книги «Судьба императора Николая II после отречения» (1951), «Как большевики захватили власть: октябрьский переворот 1917 года» (1953), «Мартовские дни 1917 года» (1956).

Несмотря на то, что С.П. Мельгунов более известен своими публикациями за рубежом, сохранившиеся в Архиве РАН материалы представляют значительный интерес. Это рукописи: фрагменты статей о Екатерине II и Павле I, заметки по истории русской церкви, библиография по истории революционного движения, статья «О современных литературных нравах» (1916) и материалы к ней; письма С.П. Мельгунову от М.М. Бардакова, В.Я. Евдокимова, Н.И. Кареева, Е.Е. Колосова, В.Г. Короленко, Б.Е. Сыроечковского и других; коллекция документов по истории России XVIII–XX вв. (по истории церкви и сектантства, цензуры, земства, революционного и студенческого движения, политических партий, Первой мировой войны); сборники революционных стихотворений и песен за 1896–1916 гг.; тематические вырезки из газет за 1906–1923 гг.; материалы к биографиям выдающихся людей (учёных, общественных и политических деятелей, писателей, композиторов, художников, военных).

Естественным дополнением к личному фонду С.П. Мельгунова служит фонд редакции журнала «Голос минувшего» (документы за 1789–1923 гг.)⁴ по истории и истории литературы, издававшийся в Москве с 1913 по 1923 г. Издателями журнала в 1913–1922 гг. были С.П. Мельгунов и известный русский историк, публицист и общественный деятель В.И. Семевский (1848 – 1916). В редакционную коллегию также входили А.К. Дживелегов и П.Н. Сакулин. Журнал был задуман как издание, соединяющее строгую «научность» с занимательностью и доступностью для широких кругов русской интеллигенции. «Голос минувшего» старался быть «беспартийным, как беспартийна сама наука», благодаря чему на его страницах печатались, наряду с идеалистами, материалисты, в том числе и некоторые марксисты (П.М. Керженцев, М.Н. Покровский, В.М. Фриче и др.). В основном «Голос минувшего» оставался либерально-народническим журналом. Главная ценность «Голоса минувшего» – в публикации ряда интересных писем, документов и воспоминаний. В журнале

печатались материалы, посвящённые истории литературы и общественных движений в России второй половины XVIII – начала XX вв. Здесь можно найти статьи по вопросам русской и всеобщей истории, истории литературы, философии, искусства и археологии. В издании представлены историческая беллетристика, биографии русских и иностранных деятелей, критика и библиография, новости русской и иностранной науки, обзор журналов русских и иностранных, хроника, мемуары, записки, дневники и письма декабристов, видных народовольцев и эсеров, крупных общественных деятелей и царских администраторов, писателей, военачальников и др. Среди авторов – Е.В. Тарле, А.Ф. Кони, А.К. Дживелегов, А.А. Кизеветтер, В.Г. Короленко и др. Стремление сделать журнал интересным для более широкого круга читателей способствовало тому, что в «Голосе минувшего», хоть и в ограниченном количестве, печатались статьи по истории искусства и помещались иллюстрации: портреты, картины и рисунки, не знакомые или мало знакомые публике.

В 1923 г. в России вышли книги 1–3, после чего, в связи с высылкой Мельгунова, издание возобновляется за границей: сначала в Берлине, под редакцией С. Мельгунова, с 1925 г. – в Праге, под редакцией В. Мякотина; всего вышло 13 книг. С 1926 г. издание переносится в Париж под названием «Голос минувшего на чужой стороне» (редакторы – С.П. Мельгунов и Т.И. Полнер), где продолжает выходить, постепенно сокращаясь: так, в 1927 г. и 1928 г. вышло всего по одной книге.

Много внимания «Голос минувшего» уделял гражданской войне, притом в специфическом аспекте: «ужасы красного террора», мифические «протоколы чрезвычайки» и т.д. Из литературных публикаций заслуживают внимания материалы о Льве Толстом, помещённые к 100-летней годовщине со дня его рождения.

В состав документов фонда вошли: выписки из протоколов собрания пайщиков и черновики отчетов по изданию журнала (1915), протоколы собраний членов издательства «Голос минувшего» (1915), годовые финансовые отчёты редакции журнала (1914–1917), ведомости о подписке на журнал (1915–1916), разрешение Госиздата на возобновление журнала (1920), третейские литературные дела (1889–1914), переписка, отзывы на статьи и публикации; рукописи, присланные в редакцию журнала (среди авторов – А.М. Горький, Е.А. Звягинцев, А.А. Кизеветтер, В.Г. Короленко, В.И. Пичета, М.Н. Покровский, В.Н. Фигнер, Е.И. Якушкин); копии рукописей дневников и мемуаров А.Т. Болотова (1789), М.Д. Бутурлина (1867), князя Д.М. Волконского (1812–1833), В.Ф. Малиновского, княгини Е.А. Шаховской (1826–1827); переписка и отдельные письма И.С. Аксакова, О.М. Бодянского, князя А.И. Васильчикова, Ф.Н. Глинки, князя Д.А. Голицына, генерала А.П. Ермолова, иеромонаха Илиодора, В.И. Качалова, М.М. Ковалевского, В.Г. Короленко, графини Е.П. Ростопчиной, К.С. Станиславского, К.П. Победоносцева, А.Ф. Гильфердинга, С.В. Ешевского; документы семьи Н.А. Белоголового, корреспондента «Колокола» и соредатора газеты «Общее дело» (за 1823–1895 гг.).

В век развития информационного общества, внедрения информационных технологий в научных учреждениях, архивах и библиотеках следует изучить вопрос о создании баз данных фондов личного происхождения российского научного зарубежья, в которые будет включена информация о документах,

хранящихся как в России, так и за рубежом. Эта работа могла бы проводиться в рамках специального проекта, в который бы включились российские и зарубежные научные учреждения, архивы, библиотеки и другие организации. Результаты проекта позволили бы расширить источниковедческие границы фондов личного происхождения российских учёных и могли бы использоваться как в научно-исследовательских, так и в образовательных целях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российское научное зарубежье: библиографический словарь / глав. ред. Ю.В. Мухачёв; ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца, Е.П. Чельшева. М., 2011. 715 с. (Сер.: Энциклопедия российской эмиграции).

² *Виноградский С.Н.* Летопись нашей жизни / сост. Г.А. Савина, Н.Н. Колотилова. М., 2013. 808 с.

³ АРАН. Ф. 647.

⁴ АРАН. Ф. 646.

Документы Д.П. и Ф.П. Рябушинских в Архиве Российской академии наук*

Аннотация: Документы содержат переписку Ф.П. Рябушинского (1885 – 1910), инициировавшего и финансировавшего научные экспедиции в Сибирь и на Камчатку, и директора-организатора Аэродинамического института для разработки вопросов воздухоплавания Д.П. Рябушинского (1882 – 1962), их родственников и служащих с российскими учёными – академиками И.А. Каблуковым (1905), В.Л. Комаровым (1902–1914), Н.А. Морозовым (1909–1918).

Annotation: The documents contain the correspondence of F.P. Ryabushinsky (1885 – 1910), who initiated and financed scientific expeditions in Siberia and Kamchatka, and of the organizer of the Aerodynamic Institute for the development of the Aeronautic's problems D.P. Ryabushinsky (1882 – 1962), their relatives and servants with Russian scientists and academicians I.A. Kablukov (1905), V.L. Komarov (1902–1914), N.A. Morozov (1909–1918).

Ключевые слова: академики, Архив РАН, Аэродинамический институт, переписка, Рябушинские, экспедиция.

Key words: Academicians, Archive of Russian Academy of Sciences, Aerodynamic Institute, correspondence, Ryabushinsky, expedition.

Архив Российской академии наук свыше 285 лет хранит документы по истории отечественной и мировой науки. Среди его более 1 млн. ед. хранения немало найдётся документов, касающихся русского научного зарубежья. И не случайно среди них имеются материалы, связанные с семьёй российских предпринимателей Рябушинских, которые свой меценатский интерес простирали и в область научных изысканий.

Документы представлены в основном перепиской Фёдора Павловича Рябушинского (1885 – 1910), инициировавшего и финансировавшего научные экспедиции в Сибирь и на Камчатку, и директора-организатора Аэродинамического института для разработки вопросов воздухоплавания Дмитрия Павловича Рябушинского (1882 – 1962), их родственников и служащих с российскими учёными – академиками Иваном Алексеевичем Каблуковым (1905), Владимиром Леонтьевичем Комаровым (1902–1914), Николаем Александровичем Морозовым (1909, 1918 гг.), а также научными трудами учёных.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00238 «История академической науки в России как междисциплинарное комплексное музейное исследование».

Интересный и достаточно полный комплекс документов, связанных с экспедицией на Камчатку в 1908–1909 гг., хранится в фонде президента АН СССР, ботаника и географа В.Л. Комарова. Девять писем и телеграмм Ф.П. Рябушинского к В.Л. Комарову содержат предложение принять участие в Камчатской экспедиции, в котором он пишет, что «очень просил бы Вас составить программу исследований, список необходимых приборов, инструментов, других принадлежностей (упаковочный материал и т. д.) и смету на расходы»¹, и вопросы, связанные с её финансированием. Письма В.Л. Комарова касаются приглашения Ф.П. Рябушинского присутствовать на докладе первого о деятельности Камчатской экспедиции на Общем собрании Русского географического общества 15 декабря 1908 г., а также содержат краткий отчёт о маршруте и смете этой экспедиции. В «Плане трудов ботанического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского», составленном В.Л. Комаровым, предполагалось подготовить 3 выпуска трудов: «Дневник экспедиции и общий очерк посещённой ею страны» (320 страниц), «Флора Камчатки, т. е. описание и определитель цветковых и высших споровых растений этой страны», «Растительность Камчатки, т. е. ботанико-географический очерк её»². Подготовленные В.Л. Комаровым в соответствии с этим планом рукописи монографий «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. (Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского)» (М., 1912. Вып. 1) и «Флора полуострова Камчатки» (Л., 1929), с фотографиями, рисунками, материалами и библиографией к ней, хранятся в Архиве РАН, как и его статьи «Флора полуострова Камчатки», «Ботанический очерк Камчатки», «Соображения о ботанических исследованиях Камчатки». Сохранился большой фактический

Фотография В.Л. Комарова во время экспедиции на Камчатке. 1908-1909 гг.
Архив РАН

материал, собранный экспедицией: фотографии экспедиции, карты-схемы распространения различных видов растительности на Камчатке, зарисовки срезов растений, таблицы, выписки о социально-экономической жизни Камчатки и таблицы метеорологических наблюдений на метеорологических станциях Камчатки за 1908–1909 г. В пояснительной записке о гербарии, собранном во время Камчатской экспедиции, В.Л. Комаров пишет: «Я собрал в Камчатке гербарий в 710 видов цветковых и Pteridophyta³ (более 13 [№] экз[емпляров]), а мои спутники – большие коллекции по споровым. Все они хранятся в Петроградском Ботаническом саду»⁴. В связи с этим интересен отчёт А.А. Еленкина из Петроградского Ботанического сада – «Сведения относительно разработки коллекции споровых растений, собранных в Камчатке ботаническим отделом коллекции Рябушинского», где отмечено, что проводилась этикетировка «собранных коллекций в отделах: 1) лишайники, 2) водоросли и 3) мхи (за исключением сфагелов)»⁵. Сохранилась также переписка В.Л. Комарова с В.В. Войткевичем, поверенным Ф.П. Рябушинского, о подписании договора об экспедиции на Камчатку (1909 г.); Я.С. Судариковым, служащим Банкирского дома братьев Рябушинских, о банковском переводе денег и высылке отчёта о расходовании средств на исследования (1908–1912); Татьяной Константиновной Рябушинской, вдовой Ф.П. Рябушинского, о финансировании, публикации и обработке трудов экспедиции (1910–1914). В фундаментальной «Истории геологического исследования Сибири» академик В.А. Обручев так пишет об экспедиции: «В 1908–1910 г. Географическое общество на средства московского купца Рябушинского организовало большую экспедицию на Камчатку с отрядами зоологическим, ботаническим, геологическим и гидрогеологическим»⁶. Деятельность Камчатской экспедиции предполагается отразить в экспозиции создаваемого в Архиве РАН Музея истории Академии наук.

Кроме того, в Архиве РАН сохранилось письмо Ф.П. Рябушинского И.А. Каблукову от 28 июня 1905 г., в котором идёт речь об их предполагаемой встрече⁷.

Следующий блок документов относится к деятельности Д.П. Рябушинского. Это письма Д.П. Рябушинского к химику, астроному, народовольцу Н.А. Морозову за 1909–1910 гг., которые касаются вопросов публикации научных изданий и исследований в области авиации в Москве, где, в частности, Дмитрий Павлович даёт такой совет «Я лично советовал бы Вам полетать с Уточкин⁸. Он, судя, по газетам, отлично управляется аэропланом»⁹, и в 1914 г. – приглашения на десятилетие учёной деятельности Аэродинамического института в Кучино. В связи с этим сохранившееся в Архиве РАН второе издание книги Д. Рябушинского «Теоретическое исследование о винтах» (М., 1912) с дарственной надписью «Глубокоуважаемому К.Э. Циолковскому от автора» является знаменательным в том плане, что уже в 1914 г., как раз на праздновании десятилетия Аэродинамического института, говорилось уже о необходимости решения проблемы перелёта на другие планеты. В недописанном ответе Н.А. Морозова Д.П. Рябушинскому (1918) в связи со сложной ситуацией в России, в частности, первый пишет: «приходится поэтому бросать научный и литературный труд <...> и искать занятия лучше всего в каком-нибудь частном предприятии, конечно, временно, так как для тех из нас, кто не погибнет от голода или погромов в ближайшие несколько месяцев, наступят

лучшие дни <...> Главная беда России в том, что у её интеллигенции под давлением самодержавного режима выработались совсем превратные представления об основных социологических законах, о роли капитала и частной собственности в эволюции новейших человеческих обществ и о том, что будто формы нашего общения зависят всецело от нашего произвола»¹⁰.

В фонде академика Владимира Ивановича Вернадского в Архиве РАН не удалось найти документы, напрямую относящиеся к семье Рябушинских, хотя финансовую поддержку исследований радиоактивности минералов, в которых активно участвовал учёный, оказывал и Павел Павлович Рябушинский. Только в переписке В.И. Вернадского с женой, Н.Е. Вернадской, имеются упоминания о том, что он сожалеет, что получил деньги на исследования радиоактивности только в 1913 г., а не десять лет назад, когда он поднимал этот вопрос.

Возможно, с дальнейшим поступлением фондов в Архиве РАН появятся новые документы, связанные с семьей Рябушинских, которые затем будут введены в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1276. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

³ Папоротникообразные.

⁴ АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 26. Л. 1.

⁶ АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 209. Л. 25.

⁷ АРАН. Ф. 474. Оп. 3. Д. 712. Л. 1.

⁸ Уточкин Сергей Исаевич (1876 – 1916), один из первых русских авиаторов и лётчиков-испытателей, спортсмен.

⁹ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1617. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Д. 2376. Л. 1 – 1 об.

Творческое и архивное наследие профессора К.Ф. Штеппы

Аннотация: Статья посвящена архивному и творческому наследию одного из ярких представителей второй волны эмиграции, профессора К.Ф. Штеппы.

Annotation: The article is devoted to archival and creative heritage of one of bright representatives of the second wave of emigration, professor K.F. Shtepa

Ключевые слова: эмиграция, российское зарубежье, историческая наука, архив, историография.

Key words: emigration, Russian abroad, historical science, archive, historiography.

Русская эмиграция после Второй мировой войны лишь недавно стала предметом серьёзного изучения историками и, в меньшей степени, политологами и специалистами по истории международных отношений.

По своему происхождению и политической судьбе «вторая волна» русской эмиграции оказалась уникальным явлением международных отношений второй половины XX века. Она, безусловно, отличалась от первого российского «исхода»¹. Известный немецкий исследователь эмиграции Вольфганг Казак, подчеркивая важность различения волн эмиграции, давал такое определение второй эмиграции: «Второй эмиграцией называют тех, кто использовал возможность бежать на Запад во время Второй мировой войны – прежде всего в Германию, а затем, в начале 50-х годов, большей частью эмигрировал в США. В отличие от первой волны, они не знали Запада. Хотя многие из них прошли советские лагеря и лишь некоторые поддержали борьбу Германии с Советским Союзом (в надежде на освобождение России от большевизма), сами обстоятельства эмиграции в значительной мере отразились на судьбе этих писателей в сегодняшней России: приобретение второй волны к русской литературе идёт медленнее, чем первой и третьей. Хотя литераторов этой волны отличает современный образ мысли, а русская литература обязана им обретением изданий первоклассных авторов, в том числе Ахматовой, Мандельштама, Гумилёва, Клюева, такие книги стали перепечатываться вскоре после 1985 года. Наиболее известны стихи О. Анстей, И. Ильинского, И. Елагина, Д. Кленовского, Н. Моршена, Н. Нарокова, В. Синкевич». Вольфганг Казак говорит только о писателях, но во многом это определение и характеристика относятся ко всем эмигрантам второй волны»².

Изучение второй волны эмиграции требует не только осмысления и решения спорных проблем, но и введения в научный оборот нового фактического

материала, которого явно недостаточно. Одной из проблем в изучении этой волны эмиграции, на наш взгляд, является роль и значение иностранных спецслужб в деятельности эмигрантских организаций, использование эмиграции правительствами иностранных государств в борьбе с СССР, работа советской агентуры против и внутри таких организаций. Впрочем, эти проблемы не до конца изучены и в отношении предыдущей волны эмиграции³.

Одним из ярких представителей второй волны эмиграции был Константин Феодосиевич Штеппа. Он родился 3 декабря 1896 года в семье православного священника в городе Лохвицы Полтавской губернии. С 1910 по 1914 г. учился в Полтавской духовной семинарии. В 1914 г. поступил на историко-филологическое отделение Петроградского университета. В 1916 г. был вынужден прервать учёбу в связи с призывом в действующую армию. Участвовал в Первой мировой войне, а затем в Гражданской войне на стороне белых. Был тяжело ранен в 1920 году, попал в плен, репрессирован не был.

После войны К.Ф. Штеппа завершил своё образование на факультете истории Нежинского историко-филологического института. С 1922 г. он работал преподавателем, а затем – профессором в Нежинском институте. В 1927 г. К.Ф. Штеппе была присвоена докторская степень за работу «О демонологии или истории средневековой инквизиции». С 1930 г. он возглавлял кафедру истории древнего мира и средних веков Киевского университета, работая одновременно старшим научным сотрудником АН УССР. В 1931 г. К.Ф. Штеппа был назначен председателем Комиссии по истории Византии АН УССР. Научные интересы К.Ф. Штеппы находились главным образом в сфере исследования средневековой демонологии и социальных движений в Римской Африке. Очень скоро К.Ф. Штеппа становится одним из ведущих украинских историков. Работы К.Ф. Штеппы привлекают внимание органов НКВД.

История гонений начинается с публикации в университетской газете статьи «По ошибке или умышленно?», в которой К.Ф. Штеппа объявляется буржуазным профессором из-за критики Жанны д'Арк в одной из своих лекций. Сам К.Ф. Штеппа объясняет это так: «А теперь Столетняя война заняла видное место в исторических программах. Жанна д'Арк превратилась в национальную героиню. Сама коммунистическая партия взяла под защиту её авторитет от посягательства “буржуазного профессора”»⁴.

Далее наступление, как пишет К.Ф. Штеппа, началось по всему фронту: «Осенью 1937 года в течение многих длинных вечеров меня подвергали жестоким проработкам. В моих печатных трудах, в моих лекциях и докладах были обнаружены одновременно и “троцкизм” и “буржуазный национализм”, и “преклонение перед буржуазными авторитетами”, наряду с игнорированием наследия классиков марксизма-ленинизма, и многое другое в таком же духе»⁵.

В феврале 1938 г. К.Ф. Штеппа был арестован и 18 месяцев провёл в киевской тюрьме НКВД. К.Ф. Штеппа обвинялся в подготовке покушения на жизнь первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Украины (ЦК КП(б)У) С.В. Косиора. После ареста С.В. Косиора это обвинение было снято и заменено на обвинение в шпионаже в пользу Японии. Новое обвинение было связано с тем, что профессор К.Ф. Штеппа возглавлял Комитет по Ближнему Востоку (византологии) в АН УССР. Связь с «Востоком» вызывала подозрение в симпатиях к Японии или в шпионаже

в её пользу. Это обстоятельство «объективно» связало К.Ф. Штеппу с «восточными державами», из которых самой опасной для Советского Союза была Япония. Последняя не принадлежала к «Ближнему Востоку», но это была уже тонкость, которая могла не интересовать следователей НКВД.

В сентябре 1939 г. К.Ф. Штеппа был освобождён без предъявления обвинения. Пребывание под арестом заставило его во многом пересмотреть свои убеждения и привело к отказу от эвакуации перед приходом немецко-фашистских войск в 1941 году. Во время немецкой оккупации Киева К.Ф. Штеппа работал заведующим отделом народного образования, ректором университета, главным редактором украинской газеты «Нове українське слово» и русской газеты «Последние новости». Перед приходом Советской армии в 1943 г. К.Ф. Штеппа покидает Киев и переезжает в Берлин, где работает в организации «Винета», редактирует русский журнал для оstarбайтеров «На досуге». В 1944 г. его семья получила немецкое гражданство.

Первые два послевоенных года он жил в Мюнстере, где работал библиотекарем кардинала Фон-Галена. Затем воссоединился с семьёй в Гёттингене. Там же, совместно с Фрицем Гоутермансом, написал книгу «“Чистки” и вынужденные признания». Книга была напечатана на немецком языке, затем – на английском, а позднее была переведена на многие иностранные языки, включая арабский и китайский. Книга была опубликована под псевдонимами (соответственно, В. Годин и Ф. Бек).

В 1947–1949 гг. К.Ф. Штеппа активно сотрудничает в журналах «Грани», «Посев», где печатается под псевдонимами «Громов», «Годин» и «Лагодин». В 1950 г. К.Ф. Штеппа вернулся к серьёзной научной работе, став одним из учредителей и активных сотрудников Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР⁶.

Ещё во время пребывания в Вестфалии К.Ф. Штеппа познакомился с Борисом Ивановичем Николаевским, дружба с которым имела огромное значение для всей его последующей жизни. Б.И. Николаевский был известным историком, архивистом⁷. Б.И. Николаевский нашёл спонсора для переезда в США К.Ф. Штеппы и его семьи – И. Дон Левина. По протекции Б.И. Николаевского К.Ф. Штеппа получил не только визу, но и стипендию от Фонда Форда, благодаря которой мог существовать первые годы в Америке. Стипендия выплачивалась ежемесячно. Фонд Форда оплатил также работу по переводу на английский язык монографии К.Ф. Штеппы о советской исторической науке и историографии.

В 1952 г. К.Ф. Штеппа переезжает в США, где первые три года работал по научной программе, финансировавшейся Восточно-европейским фондом, а также обозревателем на радиостанции «Свобода». В последние годы жизни К.Ф. Штеппа основное внимание уделял исследованиям эволюции концепции партийного и государственного строительства от времён ранних социалистов до хрущёвского периода, а также исследованиям советской историографии. В 1950-е гг. при содействии Фонда Форда подготовил монографию о советской исторической науке и историографии. Эта работа остаётся до сих пор классической и наиболее часто цитируемой на Западе. Монография была опубликована уже после смерти К.Ф. Штеппы на английском языке, под названием «Russian Historians and the Soviet State» (1962).

Профессор К.Ф. Штеппа умер от разрыва сердца 19 ноября 1958 года.

Исследователям будет интересно познакомиться с полной структурой монографии профессора К.Ф. Штеппы (машинопись с авторской правкой отложилась в составе фонда К.Ф. Штеппы в ГАРФ):

Предварительные замечания

Введение: Правящая партия её линия

- Гл. 1 Путь становления
- 2 Средства массового действия
- 3 Наука и школа

Раздел 1 Первое десятилетие

- Гл. 1 Условия научной и школьной работы
- 2 Старое и новое
- 3 Приспособление

Раздел 2 Школа М. Покровского (1928–1934)

- Гл. 1 За марксистскую ортодоксию
- 2 За большевистскую партийность

Раздел 3 Поворот на историческом фронте (1934–1941)

- Гл. 1 Постановление 20 мая 1934
- 2 Университетское и школьное преподавание
- 3 Историческая литература после перелома

Раздел 4 Последний этап 1942–1953

- Гл. 1 Против космополитизма
- 2 Дискуссия о периодизации
- 3 Формула меньшего зла
- 4 Против марризма. Против волюнтаризма
- 5 Антиамериканизм
- 6 Postscriptum

Приложения

- 1 Источники
- 2 Исторические учреждения и исторические издания первого периода
- 3 Историческая литература

Архив профессора К.Ф. Штеппы был передан в ГАРФ в 1998 году его дочерью, Аглаей Константиновной Горман. После обработки и описания был образован фонд № 10082, включающий 50 единиц хранения за 1952–1998 гг.

Исходя из состава архива, документы фонда были систематизированы по следующему разделам: 1. Биографические материалы; 2. Творческие материалы; 3. Переписка; 4. Собранные материалы; 5. Материалы членов семьи (Горман Аглая Константиновна, дочь).

Биографические материалы представлены фрагментарно и включают квитанции о получении денег, высланных Б.И. Николаевским, некролог на смерть К.Ф. Штеппы и его краткую биографию. Дела в разделе систематизированы по хронологии.

Раздел «Творческие материалы» – наибольший по объёму и включает 17 дел (с № 5 по № 21). Документы представлены главным образом машинописными копиями творческих рукописей К.Ф. Штеппы. Среди них – «Ежовщина», «Основы сталинизма», главы из воспоминаний, а также черновой вариант

монографии «На историческом фронте. Советская историческая наука и политическая линия правящей партии 1917–1953». В этот раздел помещена книга «The Soviet Secret Police», в которой имеется статья профессора К.Ф. Штеппы «Creator of the Cheka and founder of “Chekism”». В составе фонда имеется только одно печатное издание, поэтому оно не было выделено в отдельную опись или раздел описи.

Раздел «Переписка» разделён на два подраздела: «Письма К.Ф. Штеппы»; «Письма К.Ф. Штеппе». Среди адресованных К.Ф. Штеппе – письма З. Бжезинского, М.М. Карповича, В.П. Марченко, Б.И. Николаевского и др. Письма систематизированы по алфавиту адресатов и корреспондентов. Письма от организаций и учреждений помещены в конец раздела.

Раздел «Собранные материалы» включает статью представителя СБОНР В. Белецкого «Как мы относимся к Февральской революции» и «Обращение Н.А. Бочарова к членам СБОНР».

Раздел «Материалы членов семьи» включает документы дочери Штеппы, А.К. Горман. В его составе – письма Р.Б. Гуля, Б.И. Николаевского и др. В конец раздела помещены некрологи на смерть Б.И. Николаевского, собранные А.К. Горман.

Необходимо отметить, что фонд не в полной мере отражает биографию и творческую деятельность профессора К.Ф. Штеппы. Это объясняется тем, что большая часть личного архива К.Ф. Штеппы после его смерти была передана в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете.

В заключение необходимо отметить, что положение с источниковой базой истории второй волны русской эмиграции в настоящее время существенно меняется. Связано это в первую очередь с огромной работой Государственного архива Российской Федерации⁸ по комплектованию зарубежной архивной россики. В настоящее время в ГАРФ образовался крупный комплекс архивных материалов второй волны эмиграции. В ГАРФ находятся на хранении личные фонды крупнейших деятелей второй волны эмиграции: протоиерея Димитрия Константинова⁹, директора Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР Н.А. Троицкого, доктора О.П. Шидловского, историка К.Ф. Штеппы¹⁰ и других.

Важным для историков эмиграции является и публикация в России мемуаров представителей второй волны эмиграции. В последние годы в России вышло несколько подобных изданий, среди которых можно назвать: воспоминания протоиерея Димитрия Константинова «Через туннель XX столетия»; воспоминания Сигизмунда Дичбалиса, открывающие новые страницы истории второй волны эмиграции в Австралии; мемуары Евгения Романова «В борьбе за Россию»; книга Б.В. Мурашкина «Человек столетия», и другие работы.

В 2003 году Центр по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа опубликовал восьмой выпуск книжной серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» – «XX век: история одной судьбы», в котором через призму драмы семьи профессора К.Ф. Штеппы предлагается осмыслить трагедию, происшедшую с Россией и её народом в XX столетии¹¹. «История одной судьбы» – это история одной трагедии, которая похожа на сотни тысяч других. Это история сопротивления и отказа

семьи принять антирусскую политическую систему. Это история о том, как советские граждане становились невозвращенцами и вливались в ряды столь неоднозначного и крупного явления, каким была и до сих пор остаётся русская политическая эмиграция.

Эти работы, безусловно, являются ценными источниками по истории эмиграции. Но в то же время они требуют критического отношения, ведь их авторы, являясь непосредственными участниками событий, не могут быть полностью объективны¹².

Вторая волна русской эмиграции, порождённая самой страшной войной XX столетия, является одной из самых трагических и противоречивых страниц истории России: она связана со многими неоправданными надеждами и жестокими разочарованиями, многочисленными человеческими жертвами. Эта страница ещё ждёт своего скрупулезного и беспристрастного исследования со стороны историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: сб. ст. и документов / сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; под общ. ред. А.В. Попова; вступ. ст. А.В. Попова. М., 1997 (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. III).

² Русская литература XX века после воссоединения: обретения и проблемы. Заочный «круглый стол» // <http://litcatalog.al.ru/>

³ Попов А.В. Русские архивы и музеи в США // ВИ. 1999. № 6. С. 118–124.

⁴ XX век. История одной семьи / под ред. А.В. Попова. М., 2003. С. 25 (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. VIII).

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Основные публикации К.Ф. Штеппы (монографии): История античной и христианской демонологии // Записки Нежинского Института. Нежин, 1926. Т. 6; 1927. Т. 7; Крестьянские восстания в древнем Риме. Нежин, 1930; Маркс, Энгельс и проблемы античного способа производства. Киев, 1934; Революция рабов в античном мире. Киев, 1941; Советская система управления массами. Мюнхен, 1951; Russian Historians and the Soviet State. N.Y., 1962.

⁷ Крылов В.В. Его страстью был архивизм // ОА. 1995. № 3. С. 25–36.

⁸ Попов А.В. Россика в негосударственных хранилищах США // ОА. 1996. № 2. С. 22–26.

⁹ Попов А.В. Русская эмиграция в США и Архивная Россика: Проблемы выявления и описания материалов, хранящихся в архивах общественных организаций и частных лиц // Проблемы зарубежной архивной Россики: сб. ст. / глав. ред. В.П. Козлов. М., 1997. С. 112–120.

¹⁰ Попов А.В. Историческая наука русского зарубежья: архив профессора К.Ф. Штеппы в ГАРФ // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тезисы докладов и сообщений IV регион. науч.-метод. конф. / редкол.: А.П. Толочко (отв. ред.) и др. Омск, 2000. С. 109–113.

¹¹ XX век. История одной семьи / под ред. А.В. Попова. М., 2003. 272 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. VIII).

¹² Константинов Д.В. Через туннель XX столетия / под ред. А.В. Попова. М., 1997. 592 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. III); Дичбалис С. Зигзаги одной судьбы / под ред. А.В. Попова. М., 2003. 312 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. IX); Мурашкин Б.В. Человек столетия. М., 2003. 162 с.

Психолог Boris Semeonoff и его архив*

Аннотация: Статья посвящена биографии психолога Бориса Семёнова и его архиву в Эдинбургском университете.

Annotation: The article is dedicated to psychologist Boris Semeonoff as well as to his collection at the University of Edinburgh.

Ключевые слова: Борис Семёнов, психолог, архив, Эдинбургский университет, история психологии.

Key words: Boris Semeonoff, psychologist, collection, the University of Edinburgh, history of psychology.

Труды и биография одного из ведущих психологов Великобритании XX века, проработавшего в Эдинбургском университете без малого полвека, Бориса Семёнова (Boris Semeonoff) пока не нашли отражения в справочниках, посвящённых российскому научному зарубежью¹. Цель настоящей статьи – представить заинтересованному читателю общий абрис биографии Б. Семёнова и сделать обзор его архива в Эдинбургском университете.

Борис Семёнов родился в Санкт-Петербурге 20 марта 1910 г. Дата рождения, указанная в его деле о натурализации, скорее всего, дана по григорианскому календарю. О его родителях известно немного. Отец – Мэтью Геринг (Matthew Hering), чьё имя выдаёт иностранца; правда, традиционное для англоязычной среды имя несколько диссонирует с немецкой фамилией. Мать – Анна Евгеньевна Семёнова (1883 – 1965). Известно, что у Бориса была сестра – Евгения (5 мая 1908, Санкт-Петербург – ?), в будущем биохимик².

Согласно некрологу Б. Семёнова в «Скотсмане», А.Е. Семёнова приехала с детьми в Великобританию в 1914 г. на праздники, однако разразившаяся Первая мировая война сделала возвращение в Россию невозможным³. Возросший в Великобритании в годы войны интерес ко всему связанному с Россией позволил А.Е. Семёновой стать преподавателем русского языка в нескольких учебных заведениях, равно как и давать частные уроки. С 1917 г. начала выводить книги для изучающих русский язык, подготовленные Семёновой. Первым опытом, совместно с лектором русского языка Эдинбургского университета Г. Дж. У. Тиллардом, стал сборник русской поэзии для англичан, сопровождаемый пояснениями и словарём⁴. Подлинный расцвет Семёновой как автора пособий по русскому языку для англичан начался в 1930-е гг., когда одна за другой выходят «Brush up your Russian» (1933), «A New Russian Gram-

* Благодарю В.В. Голубинова за прочтение рукописи статьи и ценные замечания.

mar in Two Parts» (1934, третья часть – «Russian Syntax» – вышла в 1962 г.), «A First Russian Reader» (1935), «Key to A New Russian Grammar» (1938). Вторая мировая война и последовавшие после неё осложнения отношений с СССР способствовали появлению новых книг Семёновой, а также многочисленным переизданиям. Самым удачным и востребованным оказался курс русской грамматики, последнее переиздание которого, 14-е по счёту, состоялось в 1962 г.⁵

Борис получил образование в колледже для мальчиков Джорджа Уотсона (George Watson's Boys College) в Эдинбурге. К слову, преподавателем русского языка в колледже была его мать. Окончив колледж в 1927 г., Борис поступил в Эдинбургский университет, который окончил магистром английского языка и литературы с отличием в 1931 г. В следующем году он натурализовался как гражданин Великобритании.

Борис собирался стать учителем, однако перспективы трудоустройства оказались весьма незавидными. Он вернулся в университет для получения диплома в сфере образования. В 1933 г. Семёнов стал бакалавром в сфере образования (B.Ed.) с отличием в психологии. В качестве квалификационной работы он представил «Исследование литературных склонностей детей» («A study of Children's Literary Proclivities»). Весьма удачным стал для Семёнова 1933-й год: помимо получения степени бакалавра в сфере образования, что в 1930-е гг. было обычным путём для начала специализации в психологии, он был удостоен стипендии Вэнз Данлоп для занятий психологией (Vans Dunlop Scholarship) и принят на должность ассистента психологической лаборатории им. Джорджа Комба (George Combe) Эдинбургского университета. В том же году он стал секретарём Шотландского отделения Британского психологического общества⁶.

Наставником Семёнова стал видный психолог Джеймс Древер (Drever, 1873 – 1950), в 1931 г. занявший пост профессора психологии – впервые в истории шотландских университетов⁷. Древер предложил Семёнову и тему диссертации на соискание степени доктора философии (Ph.D.) – закон Вебера-Фехнера в приложении к интенсивности звука. Как вспоминал Семёнов, в обязанности ассистента входили лекции, наблюдение за практическими занятиями, чтение специальной литературы, работа в университетской психологической клинике для детей и юношества, проведение экспериментов. Параллельно он работал над диссертацией. В 1936 г. Семёнов диссертацию успешно защитил⁸. К сожалению, текст диссертации Семёнова обнаружить не удалось.

Как отмечают историки психологии, Семёнов был в числе пионеров распространения в Великобритании в 1930-х гг. психодиагностического теста Г. Роршаха для исследования личности («Пятна Роршаха»). Другой темой исследований Семёнова стала адаптация человека к темноте, получившая особую актуальность с началом Второй мировой войны⁹.

Исследования и опыт Семёнова оказались востребованными в годы войны. Призванный в Королевский шотландский полк (1943), он был отправлен в центр подготовки в Лидс, откуда достаточно быстро его перевели в качестве испытателя в Управление специальных операций (Special Operations Executive), а точнее, в его подразделение, Совет для оценки обучающихся (Students' Assessment Board), призванное проводить психологическое тестирование кандидатов в будущие диверсанты и саботажники. После высадки союз-

Б. Семенов, 1943 г.
The National Archive

ников в Нормандии и перенесения военных действий в Европу деятельность Совета постепенно стала сворачиваться, и Семёнов в конце 1944 г. был переведён в подразделение, тестирующее кандидатов в офицеры. В Эдинбургский университет Семёнов вернулся в 1946 г. на позицию ассистента, когда новый учебный год уже начался¹⁰. Следующими этапами его университетской карьеры стали должности старшего лектора (*senior lecturer*, 1956) и доцента (*reader*, 1964). В 1966–1968 гг. он исполнял обязанности главы факультета психологии. В своём последнем интервью (1998) главным достижением жизни Семёнов

назвал обучение студентов. В отставку Семёнов вышел в 1980 г. Коллеги и друзья заказали художнице К. Мэнн портрет Семёнова, который он в 1981 г. презентовал факультету психологии Эдинбургского университета, где картина находится и поныне¹¹.

Как писал Семёнов в автобиографии, военные годы были для него счастливым временем, открывшим новые горизонты, в т. ч. апробацию новых тестов в массовом порядке, ощущение собственной полезности, осознание реально приносимой пользы от применения психологических процедур. Война, как вспоминал Семёнов, стала для него поворотным пунктом, когда от экспериментальной психологии он обратился к изучению личности¹². Были и практические результаты службы в армии: Семёнов познакомился со многими психологами, также вовлечёнными в военные программы. Один из них, психоаналитик Дж.Д. Сазерленд (*Sutherland*; 1905 – 1991), как признавался сам Семёнов, сильно повлиял на него, заставив взглянуть на психологию как нечто большее, чем просто «наблюдаемое поведение»¹³, что способствовало изменению исследовательских интересов Семёнова – от психофизики через психодиагностику к психологии личности. Другой знакомый, Э.Л. Трист (*Trist*; 1909 – 1993), позже стал соавтором Семёнова. Контакты военной эпохи привели Семёнова к участию в создании группы экспериментальной психологии (с 1958 г. – Общество экспериментальной психологии), организованной в Кембридже в 1946 г. О.Л. Зангвиллом (*Zangwill*; 1913 – 1987), кстати, внуком эмигранта из России М. Зангвилла.

Тестирование претендентов, зачастую плохо говоривших по-английски, ставило перед Семёновым и его коллегами трудную задачу: определение умственных способностей испытуемых. В качестве одного из тестов использовался тест Выготского – Сахарова (1927) по исследованию понятийного мышления. На Западе этот тест был модифицирован двумя выходцами из России – Дж. Казаниным (*Kasanin*; 1897 – 1946) и Е. Ханфманн (Ганфман; *Hanfmann*; 1905 – 1983) – с целью диагностики шизофрении и стал известен как тест Ханфманн – Казанина (1937)¹⁴. Семёнов приспособил тест Выготского – Сахарова для определения умственных способностей кандидатов в диверсанты. Нарботки военного времени были систематизированы Семёновым и опубликованы совместно с его учеником А.Д. Леадом¹⁵. В Великобритании

тест для определения умственных способностей получил название «тест Семёнова – Выготского»¹⁶.

Исследования и практические результаты тестирований в военное время были обобщены Семёновым и Тристом в монографии «Диагностические тесты производительности» («Diagnostic Performance Tests», 1958)¹⁷. Семёнов выступил редактором широко известного сборника работ ведущих психологов «Оценка личности» («Personality Assessment», 1966, 1970)¹⁸. Семёнов был одним из пионеров продвижения в Великобритании проективных методик в психологии. Книга «Проективные методики» («Projective Techniques», 1976)¹⁹ стала главным результатом его исследований, прочно закрепив его позиции как одного из ведущих психологов Великобритании. Отметим и многочисленные статьи Семёнова в ведущих англоязычных журналах по психологии²⁰.

С 1933 г. Семёнов был активным членом Британского психологического общества, равно как и Шотландского отделения последнего. В 1958 г. он стал редактором официального органа общества («British Journal of Psychology»), возглавляя журнал до 1964 г. В эти годы возрос международный авторитет журнала, сам редактор заслужил уважение коллег по цеху по всему свету. Семёнов был президентом Британского психологического общества в 1968/69 г., одновременно возглавляя психологическую секцию Британской ассоциации развития науки (British Association for the Advancement of Science)²¹.

Помимо академической науки, Семёнов применял свои знания на практике: с конца 1940-х гг. он принимал активное участие в отборе психологов, призванных помочь в решении семейных проблем, для работы в Шотландском совете семейной консультации (Scottish Marriage Guidance Council)²². Он же в соавторстве с А.К. Митчелл написал историю организации²³.

Семёнов с юности любил музыку. Страсть к музыке переросла у него в профессиональные занятия. Наряду с научной деятельностью, Семёнов стал одним из ведущих собирателей грампластинок в Великобритании, а также признанным экспертом в этом вопросе. И первой опубликованной его книгой стало руководство для собирающих фонотеки, выдержавшее два издания²⁴. Семёнов был специалистом по творчеству Ф.И. Шаляпина, опубликовав его дискографию, репертуар и перечень записей²⁵. К Семёнову как признанному авторитету обращались многие составители каталогов, для которых он писал предисловия, иногда – дополнительные статьи²⁶. Нельзя не отметить и участие Семёнова в выпуске грампластинок и компакт-дисков в 1950–1990-е гг.: по преимуществу это были записи русских композиторов, итальянских опер и отдельных оперных певцов. Перу Семёнова принадлежали синопсисы и биографические справки композиторов и певцов.

Борис Семёнов скончался в Эдинбурге 2 августа 1998 г. в возрасте 88 лет. В последний путь его проводили жена Кэтрин, два сына и две дочери²⁷.

Бумаги Бориса Семёнова поступили в отдел специальных коллекций библиотеки Эдинбургского университета в марте 1999 г. Обработка личного фонда и составление описи были проведены сотрудником Г.Д. Эдди. Размер коллекции учёного с длительной академической и учебной карьерой оказался обескураживающе мал: один архивный ящик²⁸. Куда делись остатки архива Семёнова, его библиотека и коллекция грампластинок, установить, к сожалению, не удалось. По всей видимости, они остались во владении родственников.

Каков же состав личного фонда Семёнова? Прежде всего, это квалификационная работа, подготовленная для получения степени бакалавра в сфере образования (B.Ed., 1933), – «Исследование литературных склонностей детей» («A study of Children's Literary Proclivities»). В диссертацию вклеено письмо лектора У.А. Гатерера (Gatherer) от 1 мая 1961 г. из Джорданхиллского колледжа образования (Jordanhill College of Education, Glasgow), в котором последний благодарит Семёнова за присылку диссертации для ознакомления. Гатерер заверял Семёнова, что не будет использовать её в своих печатных трудах, но надеется применить её результаты в лекциях для студентов по разным аспектам преподавания английского языка. Заметим, что это единственное письмо, отложившееся в фонде Семёнова. Большой интерес представляет машинописный вариант адреса Семёнова «Меня горизонты: автобиографическое эссе» («Changing Horizons: an Essay in Autobiography»).

Б. Семенов, 1960-е гг.
Edinburgh University Library,
Special Collections Division

Это машинопись (33 с.) с незначительной правкой от руки карандашом. Адрес был произнесён Семёновым при оставлении поста президента Британского психологического общества на ежегодной конференции (Эдинбургский университет, 1969) и с небольшими корректурными изменениями

напечатан в «Бюллетене» общества²⁹. В фонде отложилась единственная фотография Семёнова, снятая, по-видимому, в 1960-х гг.

В бумагах Семёнова сохранилось тринадцать тетрадей, в числе которых одна тетрадь с лабораторными работами по экспериментальной психологии (1931–1932), одна – с лабораторными работами по экспериментальному образованию (1931–1932), две тетради с записями лекций по предмету «Advanced Education» (1932), четыре – по предмету «Psychology» (без даты), три – по предмету «Advanced Psychology» (без даты), тетрадь под названием «W-F», содержащая в себе перечни журналов по психологии (1933), и тетрадь без обложки, в которой записаны как лекции по образовательным системам (без даты), так и список студентов (1936) и выписки из книг по психологии. В фонде напрочь отсутствуют биографические материалы и документы, и, за исключением одного вышеупомянутого письма, не отложилось никакой корреспонденции.

Скудный состав личного фонда делает необходимым выявление и использование дополнительных коллекций, способных пролить свет на жизнь и деятельность Б. Семёнова. Например, подборка материалов Семёнова в фонде Британского психологического общества в Библиотеке Уэллкам³⁰. Хочется

надеется, что настоящая заметка послужит делу активизации исследований жизни и деятельности психолога Бориса Семёнова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки, XIX – первая половина XX в.; Российское научное зарубежье: библиографический словарь / глав. ред. Ю.В. Мухачёв; ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца, Е.П. Чельшева. М., 2011 (Сер.: Энциклопедия российской эмиграции).

² Certificate of Naturalization. Boris Semeonoff, 22 March 1932 // NA. HO 334/128/1083; Certificate of Naturalization. Eugenia Semeonoff, 15 December 1933 // Ibid. HO 334/133/3794.

³ Hunter I.M. Boris Semeonoff // The Scotsman (Edinburgh). 10 August 1998. P. 17.

⁴ Russian Poetry Reader / ed. with introduction, notes and vocabulary by A.E. Semeonoff and H.J.W. Tillyard. Lnd.; N.Y., 1917. Подробнее о Г.Дж.У. Тилларде см.: *Velimirovič M.* H.J.W. Tillyard, Patriarch of Byzantine Studies // The Musical Quarterly. 1969. Vol. 54, № 3. P. 341–351.

⁵ Подробнее об изучении русского языка в Великобритании см.: *Muckle J.* The Russian Language in Britain: a Historical Study of Learners and Teachers. Ilkerton, 2008.

⁶ Certificate of Naturalization. Boris Semeonoff, 22 March 1932 // NA. HO 334/128/1083; Edinburgh University. Arts Bursaries. Orders of Merit // The Scotsman. 16 June 1927. P. 8; University of Edinburgh. Degree Passes // Ibid. 20 June 1933. P. 13; Edinburgh Graduation. Two Blind Students Receive Degrees. Distinguished Honorary Graduates // Ibid. 1 July 1933. P. 16; *D-S.M.* Boris Semeonoff // The University portraits: Second series / comp. by J.H. Burnett, D. Howarth, and S.D. Fletcher. Edinburgh, 1986. P. 175; *MacKay T.* In the Presence of a Great Psychologist... Boris Semeonoff [Interview with Boris Semeonoff, 1998] // The Psychologist. 1999. Vol. 12, № 8. P. 406.

В некрологе Б. Семёнова, помещённом в «Юниверсити оф Эдинбург джорнал», ошибочно указано получение им в 1933 г. степени магистра в сфере образования (ср.: *Obituaries* // University of Edinburgh Journal. 1998. Vol. 38, № 4. P. 296).

⁷ Перу Б. Семёнова принадлежит некролог Дж. Древера: *Semeonoff B.* James Drever: 1873–1950 // *American Journal of Psychology*. 1951. Vol. 64, № 2. P. 283–285.

⁸ *Semeonoff B.* *Changing Horizons: an Essay in Autobiography*. P. 9, 13 // EUL. SCD. Papers of Boris Semeonoff. Box 1; *D-S.M.* Op. cit. P. 175; *MacKay T.* Op. cit. P. 406–407.

⁹ The history of the Rorschach in the UK // http://www.rorschachuk.org/?page_id=19; Dark Adaptation. Scottish Psychologists' Symposium // The Scotsman. 3 March 1941. P. 7.

¹⁰ Semeonoff Boris [Card] 11859; Turquet P.M. Captain B. Semeonoff, 306371, General List; MT. 1 for MT. Captain B. Semeonoff, 19 December 1944; War Gratuity Assessment Form – Officers. [B. Semeonoff]. 18 October 1946; Application for Commission. 26 November 1943; E. Trist – P.M. Turquet, 28 August 1943; J.G.W. Davies – P.M. Turquet, 27 August 1943; S.O.E. Personnel. S.O.E. History Sheet. № 885; [Card] 14 May 1943 // NA. HS 9/1340/7; *Semeonoff B.* *Changing Horizons: an Essay in Autobiography*. P. 21–28.

¹¹ *D-S.M.* Op. cit. P. 174–175; *MacKay T.* Op. cit. P. 406.

¹² *Semeonoff B.* *Changing Horizons: an Essay in Autobiography*. P. 25; *MacKay T.* Op. cit. P. 406.

¹³ Ibid. О Дж.Д. Сазерленде см.: *AO.* John (Jock) D. Sutherland, CBE, formerly Medical Director, Tavistock Clinic, London // *Psychiatric Bulletin of The Royal College of Psychiatrists*. 1991. Vol. 15, № 9. P. 588.

¹⁴ См.: *Ястицкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи учёных, международные посредники и «импорт» психологии // *Вопросы психологии*. 2012. № 1. С. 102.

¹⁵ *Semeonoff B., Laird A.J.* The Vigtosky Test as a Measure of Intelligence // *British Journal of Psychology*. 1952. Vol. 43, № 2. P. 94–102.

¹⁶ См. сайт английского Музея науки (<http://www.sciencemuseum.org.uk/broughttolife/objects/display.aspx?id=93257>).

¹⁷ *Semeonoff B., Trist E.* *Diagnostic Performance Tests: a Manual for Use with Adults* / foreword by P.E. Vernon. [London, 1958].

¹⁸ *Personality Assessment: Selected Readings* / ed. by B. Semeonoff. Harmondsworth, 1966 (Penguin Modern Psychology); 2nd. ed. Harmondsworth, 1970 (Penguin Modern Psychology). Перевод на итальянский язык см.: *Metodi di valutazione della personalita* / A cura da B. Semeonoff; Trad. da C. Sborgi. Torino, 1977.

¹⁹ *Semeonoff B.* *Projective Techniques*. London; New York, [1976]. Семёнову также принадлежала статья о проективных методиках для знаменитого оксфордского справочника, посвящённого разуму (см.: *The Oxford Companion to the Mind* / ed. by R.L. Gregory with the assistance of O.L. Zangwill. Oxford, 1987).

²⁰ Семёнов публиковался в таких журналах, как «The British Journal of Projective Psychology and Personality Study», «British Journal of Psychology», «The British Medical Journal», «The Journal of General Psychology», «Nature», «British Journal of Medical Psychology», «Psychological Bulletin», «The American Journal of Psychology», «Human Relations», «Bulletin of the British Psychological Society», «The Journal of the Acoustical Society of America» и др.

²¹ *D-S.M.* Op. cit. P. 175; *Hunter I.M.* Op. cit.

²² *D-S.M.* Op. cit. P. 176; *MacKay T.* Op. cit. P. 406.

²³ Mitchell A.K., Semeonoff B. *Picking Up the Pieces: the Scottish Marriage Guidance Council, 1948–88*. Edinburgh, 1988.

²⁴ Semeonoff B. *Record Collecting: a Guide for Beginners / With a chapter on collecting jazz records* by A. Ross. Chislehurst, 1949; 2nd rev. ed. [South Godstone, 1951].

²⁵ *The Record Collector*. 1950 Vol. 5, № 6; 1972. Vol. XX, № 8–10.

²⁶ Bennett J.R., Wimmer W. *A Catalogue of Vocal Recordings from the 1898–1925: German Catalogues of the Gramophone Company limited, Deutsche Grammophon A.–G.* / [foreword by B. Semeonoff]. [Lingfield, 1967] (*Voices of the past*, № 7); Bennett J.R. *A Catalogue of Vocal Recordings from the Russian Catalogues of The Gramophone Company Limited: Obshchestvo Grammofon s Ogr. Otv.: 1899–1915*. Blandford, 1977 (*Voices of the past*, № 11); Bennett J.R. *Melodiya: a Soviet Russian L.P. Discography / foreword by B. Semeonoff and A. Zhelezny*. Westport, Conn., 1981 (*Discographies*, № 6); Smith M. *The Gramophone Company Ltd. «His Master's Voice» Black and Later Red Label Series of 10 inch and 12 inch Records / foreword by the late Boris Semeonoff*. Wells-next-the-Sea, 2008 и др.

²⁷ *Obituaries*. P. 296; Hunter I.M. *Op. cit.*

²⁸ EUL. SCD. *Papers of Boris Semeonoff*. Box 1.

²⁹ Semeonoff B. *Changing Horizons: an Essay in Autobiography // Bulletin of the British Psychological Society*. 1969. Vol. 22, № 76. P. 169–179.

³⁰ Wellcome Library. *British Psychological Society Archive*. PSY/SEM. В указанном файле содержится как переписка, посвящённая деятельности издательского комитета Британского психологического общества (1953–1954), так и переданные в 1990-е гг. Семёновым и его вдовой воспоминания (рукописные варианты и машинописные копии), такие как «[Ф.И.М.] Крейк в Эдинбурге» («Craik at Edinburgh», 1997), «Психология в Эдинбурге в 1930-е гг.» («Psychology at Edinburgh in the Thirties», б.д.), «Эдинбург в 1930-е гг.» («Edinburgh in the Thirties», б.д.), подписанный Семёновым отдельный оттиск адреса «Меня горизонты: автобиографическое эссе» («Changing Horizons: an Essay in Autobiography», 1969).

Личные фонды учёных-эмигрантов в архиве Дома русского зарубежья имени А. Солженицына

Аннотация: Статья посвящена краткому обзору личных фондов русских учёных-эмигрантов: Ф. 70 (Профессор Алексей Николаевич Анцыферов), Ф. 69 (Семейный фонд Ковалевских), Ф. 77 (Всеволод Викторович Стратонов), – недавно поступивших на хранение в отделе музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья А. Солженицына из Франции, США и Чешской республики.

Annotation: The article is devoted to a short review of personal papers of the Russian émigré scientists, whose collections recently acquired by the museum and archival department of House of the Russian Diaspora Abroad named after by A. Solzhenitsyn («Professor Alexey Nikolaevich Antsiferov», «Family collections of Kovalevsky», «Vsevolod Viktorovich Stratonov»). The collections were brought from France, the USA and Czech Republic.

Ключевые слова: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, А.Н. Анцыферов, Ковалевские, В.В. Стратонов, личный фонд, учёные-эмигранты.

Key words: House of the Russian Diaspora Abroad named after by A. Solzhenitsyn, A.N. Antsiferov, the Kovalevsky, V.V. Stratonov, personal collection, émigré scientists.

Напомню несколько дат, связанных с историей Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. В 1975 г., уже находясь в эмиграции, писатель опубликовал в газете «Новое русское слово» своё «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции», в котором призвал эмигрантов «первой волны» присылать ему личные воспоминания о дореволюционной российской жизни, революции 1905 г., Февральской и Октябрьской революциях и Гражданской войне; в это время А.И. Солженицын работал над эпопеей «Красное колесо». Именно Александром Исаевичем было положено начало собранию рукописей Всероссийской мемуарной библиотеки¹.

Спустя двадцать лет, в июле 1995 г., мэр Москвы Ю.М. Лужков подписал постановление Московского правительства о преобразовании библиотеки № 17 Пролетарского района на Нижнерадищевской улице, дом 2, располагавшейся в четырёхэтажном старинном здании постройки XIX века, в Общедоступную Библиотеку-фонд «Русское зарубежье». Одновременно (в 1995 г.) было поло-

жено начало музейно-архивному отделу Библиотеки-фонда (в феврале 2009 г. переименованной в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына)².

В основу его деятельности положена идея необходимости сбора и сбережения архивных материалов как важного исторического наследия русского зарубежья. Русские эмигранты много сделали для осуществления этого замысла, открыв Русский заграничный исторический архив в Праге, Русский педагогический музей и архив в Париже, Русскую военную библиотеку в Париже, пополняя Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке, Гуверовский архив войны, революции и мира Стэнфордского университета в Пало-Альто (шт. Калифорния, США), «Русские архивы» в Лидсе, Варне, Харбине, Порт-Артуре и другие учреждения. Традиционно с конца 1980-х гг. собирательную деятельность архивов русской эмиграции проводят Государственный архив Российской Федерации и Российский государственный архив литературы и искусства. Теперь к ним присоединился и музейно-архивный отдел Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

В марте 2004 г., при посредничестве профессора Сорбонны Никиты Алексеевича Струве из Исторического центра национальных архивов в Париже (Франция, CHAN), в Москву было передано собрание материалов Общества охранения русских культурных ценностей за рубежом (237 картонов). Общество было основано в 1945 г. в Париже профессором Дмитрием Павловичем Рябушинским (1882 – 1962) – русским учёным в области гидроаэродинамики, основателем первого в мире Аэродинамического института (Россия)³. В коллекцию Общества попали и материалы деятельности некоторых учёных-эмигрантов, работавших после Октябрьской революции во Франции. Это, прежде всего, документы выдающегося экономиста, кооператора, статистика, государственного и общественного деятеля Алексея Николаевича Анцыферова (фонд № 70) и коллекция материалов известного педагога, крупного политического и общественного деятеля Евграфа Петровича Ковалевского и членов его семьи (фонд № 69). На этих коллекциях я и остановила свое внимание.

Фонд № 70 («Профессор Алексей Николаевич Анцыферов») содержит личный архив доктора политической экономики и статистики, бывшего харьковского профессора, кооператора, статистика, государственного и общественного деятеля Алексея Николаевича Анцыферова. Коллекция датируется 1919–1941 гг. и содержит подлинные документы учёного: паспорта (русские и французские), удостоверения, членские билеты, пропуска, визитные карточки; рукописи неопубликованных и опубликованных трудов, монографий, статей, лекций, докладов, богатую переписку с выдающимися учёными и общественными деятелями русского зарубежья, отчёты о заграничных командировках, относительно богаты коллекцию фотоматериалов, некоторые награды и памятные медали, печатные материалы и др. В фонде А.Н. Анцыферова отложился «Черновой журнал» Русской академической группы в Париже за 1940–1941 гг., некоторые издания Союза Русских академических организаций за границей (устав, Положение о приобретении учёных степеней, Положение об испытательных государственных комиссиях, Положение «О фонде взаимодействия» и др.). Научные труды учёного включены в опись 1, его переписка – в опись 2, биографические материалы, включая некрологи и доклады, посвящённые его памяти, – в опись 3, материалы о деятельности учёного – опись 4. Кроме того, был образован специальный раздел «Музейного хранения» (Приложение 1 и 2), который включил коллекцию фотоматериалов, не-

которые награды и памятные медали (например, французскую медаль «100-летие со дня рождения Л. Пастера»), а также ценные печатные материалы и др. Сейчас можно утверждать, что это один из самых богатых фондов, хранящихся в отделе музейного и архивного хранения ДРЗ. Документы фонда отражают многогранную деятельность А.Н. Анцыферова в России и эмиграции.

Биография А.Н. Анцыферова. Алексей Николаевич Анцыферов (10/22 августа 1867, Воронеж – 17 марта 1943, Париж) окончил юридический фа-

Групповое фото профессоров и сотрудников Института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Б/д. На обороте фотографии надпись, от руки, карандашом: «В нижнем ряду слева направо: 1-й – В.Э. Брунст, 2-й – А.Н. Анцыферов, 3-й – С.В. Маракуев, 4-й – А.А. Вилков и 5-й – И.В. Емельянов. В верхнем ряду слева направо: 3-й – А.В. Маклецов; 6-й – И.А. Родионов». Архив ДРЗ

культет имп. Московского университета (1890) и до эмиграции 12 лет был на государственной службе в Харькове, исполняя последовательно должности судебного следователя, городского судьи, старшего нотариуса и податного инспектора. Был гласным в уездном и губернском земствах и почётным мировым судьёй. В январе 1902 г. в возрасте 36 лет он окончательно покинул государственную службу, чтобы всецело посвятить себя науке и преподавательской деятельности. В июне 1903 г. Анцыферов стал приват-доцентом при кафедре политической экономии и статистики юридического факультета Харьковского университета и спустя год, в 1904 г., был командирован за границу с научной целью, где провёл около 2,5 лет, изучая сельскохозяйственное кооперативное движение в Германии, Франции и др. странах.

В 1907 г. в Харьковском университете А.Н. Анцыферов защитил магистерскую диссертацию «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции», после чего стал экстраординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики. В мае 1917 г. А.Н. Анцыферов защитил на юридическом факультете Харьковского университета докторскую диссертацию по теме

«Центральные банки кооперативного кредита» и был избран на должность ординарного профессора кафедры политической экономии и статистики. Анцыферов также преподавал на Харьковских Высших женских курсах, в Харьковском технологическом институте, Харьковском коммерческом институте, где читал курсы лекций по статистике, истории и теории кооперации, кооперативному кредиту. Помимо Харькова, Анцыферов читал лекции в Московском коммерческом институте, Московском народном университете им. А. Шаняевского, Киевском коммерческом институте.

За свою плодотворную деятельность Анцыферов получил звание статского советника и был награждён двумя знаками отличия: орденом Св. Анны 2-й ст. и орденом Св. Станислава 2-й ст.⁴ Позже, в 1928 году, находясь в эмиграции, в Париже Анцыферов будет награждён знаком отличия ордена Св. Саввы.

В 1917 г. вместе с коллегами А.Н. Анцыферов разработал «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» (принято 20 марта 1917 г.), которое определило правовое положение российской кооперации, сформулировал её задачи и границы деятельности.

Как гласный Харьковской городской думы и председатель её финансовой комиссии, Анцыферов сыграл крупную роль в учреждении и организации Московского народного банка (1912–1918), существенно повлиявшего на развитие кооперативного сельскохозяйственного кредита в России и поддержавшего русских мелких землевладельцев в трудные годы революции, Гражданской войны и в эпоху знаменитого нэпа. А.Н. Анцыферову принадлежала как сама идея создания Московского народного банка (1908), так и выработка устава этой организации. Алексей Николаевич был деятельным членом многочисленных харьковских общественных и просветительских учреждений.

В ноябре 1919 г. А.Н. Анцыферов, по удостоверению Управления земледелия и землеустройства при Главнокомандующем вооружёнными силами на Юге России, вместе с женой, Екатериной Петровной (ур. Собкевич), покинули Харьков и через Ростов-на-Дону выехали в Новороссийск. Там 9 января 1920 г. в офисе черноморского губернатора А.Н. Анцыферов получил заграничный паспорт, в который была вписана и его жена. Затем 26 января 1920 г. они посетили Британское консульство в Новороссийске и вскоре уехали в Константинополь. Оттуда они, видимо, переехали в Нидерланды, а далее в Лондон (16 июля 1920 г.).

После краткого пребывания в Лондоне, где Анцыферов выполнял поручения Московского народного банка, супруги предприняли краткое путешествие по Европе, посетив Сербию, Болгарию (штамп в паспорте с датой 5 августа 1920 г.), Чехословакию и Италию и, наконец, Париж (штамп с датой 20 сентября 1920 г.).

Во Франции Анцыферов возобновил свою научную и педагогическую деятельность. С 1921 г. он начал преподавать на Русском отделении юридического факультета Парижского университета. Это были два курса: «Экономический строй России» и «Методология статистики». В 1925 г. при секции Анцыферов основал Семинар по теории политической экономии и статистики, включённый затем в официальную программу русского преподавания при Парижском университете. Вместе с другим крупнейшим русским учёным-экономистом, профессором М.А. Бунатяном, он беспрерывно руководил семинаром в течение

более 15 лет: с 1926 до 1940 г. В 1921 г. при помощи Русской Академической группы в Париже при Сорбонне были открыты русские факультеты: права и экономики, историко-филологический и физико-математический. В 1923/24 учебном году в Сорбонне уже преподавали более 40 профессоров русских вузов.

Параллельно с Парижем в течение долгих лет Анцыферов вёл преподавательскую и научно-исследовательскую работу в Праге⁵. С этой целью он каждый год на несколько месяцев уезжал из Парижа в Прагу для выполнения своих обязанностей. Известно, что в 1921 г. он участвовал в организации Русского народного университета в Праге и в мае этого года на Всеславянском кооперативном съезде вместе со своими единомышленниками принял участие в разработке проекта организации учебного заведения под названием «Русский институт (сельскохозяйственной) кооперации в Праге». В течение последующих четырёх лет он возглавлял Совет этого института, а затем долгие годы оставался на должности заведующего кафедрой сельскохозяйственной кооперации и кооперативной статистики и ординарного профессора. А.Н. Анцыферов читал курс по статистике и сельскохозяйственной кооперации для многочисленных слушателей: чехов, болгар, сербов, проводил экзамены и защиты диссертаций, участвовал в заседаниях Совета института. Алексеем Николаевичем было подготовлено к изданию шесть томов «Учёных записок», редактировал он и другие научные издания института⁶. А.Н. Анцыферов входил в состав редколлегии журналов «Земледелие», «Хутор», «Хозяин», выходящих в Праге на русском языке⁷. Русский институт сельскохозяйственной кооперации занимал особое место среди образовательных и научных организаций Праги. Обучение в нём было бесплатным. Благодаря активности его организаторов институт получал средства из многих источников, при этом дотации институту от Чехословакии составляли всего 16 %.

Однако зарплата профессора в Праге позволяла А.Н. Анцыферову только-только сводить концы с концами, а его французского оклада в 400 франков едва хватало на оплату скромной квартиры, которую он с женой снимал в течение многих лет. Когда в 1932 г. начались перебои с пражской зарплатой, в письме С.В. Маракуеву от 31 марта 1932 г. А.Н. Анцыферов писал: «В текущем году исполняется 30-летие моей учёной и педагогической деятельности. Не мне, конечно, судить о том, сколь успешно прошла эта деятельность и какие плоды она принесла. Но, во всяком случае, за такой долгий период труда было положено немало. В России профессор, прослуживший 30 лет, мог уйти в отставку, причём ему назначалась пенсия в размере последнего оклада жалованья. Следовательно, если бы в России не произошло революции, я как ординарный профессор Университета имел бы право на пенсию в размере 6.000 золотых рублей в год. Если бы Правительство ЧСР гарантировало мне пожизненно необходимый минимум для существования, я охотно был бы готов не делить своего времени между Парижем и Прагой, а окончательно обосновался в пределах ЧСР и остаток дней своих посвятил научной работе в интересах родственной нам страны и народа»⁸.

В 1931 г. при непосредственном участии членов Русской Академической группы в Париже и Христианского союза молодых людей (УМСА) был создан Русский Высший Технический институт (РВТИ; Institut Supérieur Technique

Russe). Просуществовав 30 лет, РВТИ был закрыт в 1962 г. Преподавание в институте шло на русском языке, что облегчало возможность русским эмигрантам получить высшее техническое образование. Институт был открыт с разрешения Министерства народного просвещения Французской Республики и находился в его ведении, причём профессора института утверждались тем же министерством. Институт имел два факультета: академический, с электро-механическим и инженерно-строительным отделениями, и факультет заочного обучения для получения среднего и высшего образования. Анцыферов начал преподавать в РВТИ курс политической экономии с начала 1930-х годов. Кроме того, как редактор он участвовал в издании «Вестника РВТИ» в 1932–1933 гг. В издательстве РВТИ впервые (литографским способом) был опубликован и учебник А.Н. Анцыферова «Курс кооперации».

А.Н. Анцыферов принял участие в «русской серии» монографий, подготовленных в рамках международного проекта «Экономическая и социальная история Мировой войны» на средства «Фонда Карнеги по достижению мира во всём мире». Вместе с профессором Е.М. Кайденом им была подготовлена книга «The Cooperative Movement in Russia during the War» (1929). Анцыферову принадлежал раздел о кредитной и сельскохозяйственной кооперации. В следующем году в той же серии вышла коллективная монография «Russian Agriculture during the War», в которую вошли главы, подготовленные Анцыферовым, А.Д. Билимовичем, М.О. Батшевым, Д.Н. Иванцовым.

В течение 20 лет (с 1922 по 1942 гг.) А.Н. Анцыферов был бессменным председателем Русской академической группы в Париже (Париж 6, Бульвар Распэ, 96), объединившей к началу 1930-х годов около 120 бывших профессоров и преподавателей российских вузов. Он был избран представителем Русских академических групп в «Commission de Coopération Intellectuelle» и возглавлял Совет русских высших учебных заведений во Франции. В списке членов руководимой им группы встречаются имена таких выдающихся учёных, как В.Н. Ильин, А.В. Карташев, Е.П. Ковалевский, С.С. Верховской, И.В. Пузино, Д.П. Рябушинский, В.Ф. Сологуб, А.Е. Чичибабин и др. В состав группы входили и учёные, жившие вне Франции: А.В. Зеньковский, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, о. Г.В. Флоровский, о. Кассиан (Безобразов) и др. Правление группы защищало социальные и материальные интересы своих членов, поддерживало их профессиональный уровень. Для этого проводились конференции и семинары, создавались научные библиотеки, доклады членов группы публиковались во французских научных журналах. Русская академическая группа в Париже выступала официальным представителем русской науки перед французскими властями, налаживала связи с отечественными и зарубежными учёными, заботилась о сохранении и продолжении русских академических и культурных традиций, помогала учёным в поисках работы, поддерживала своих членов морально и материально.

Благодаря личным усилиям А.Н. Анцыферова, при Русской академической группе в Париже на юридическом и историко-филологическом факультетах Института славяноведения (Institut d'études slaves) были организованы испытательные комиссии для приёма экзаменов на степень магистра и рассмотрения диссертаций, представляемых для соискания учёных степеней. При этом экзамены проводились с использованием программ и требований,

существовавших в российских университетах до 1917 года. Доверяя высокому авторитету учёных-экспертов из Русской академической группы, французское правительство и правительства других европейских государств принимали русские свидетельства об окончании среднего или высшего учебного заведения за полноправные документы. Такие свидетельства давали право на продолжение образования в зарубежном учебном заведении. Благодаря деятельности Группы в Париже более тысячи молодых людей и девушек получили возможность закончить своё образование в высших учебных заведениях Франции и были удостоены звания приват-доцента и степени магистра.

Во Франции А.Н. Анцыферов был также известен как бессменный председатель «Кружка к познанию России», созданного при Русской секции юридического факультета Парижского университета. Кружок осуществлял издание трудов своих членов, среди которых встречались имена таких крупнейших экономистов-эмигрантов, юристов, общественных деятелей, как Н. Автономов, В. Аршаулов, Н. Беляев, М. Бунатян, Г. Глинка, К. Зайцев, Н. Зворыкин, А. Карташев, П. Мигулин и др. Будучи горячим приверженцем кооперативного движения, А.Н. Анцыферов верил в огромную роль кооперации в будущей России.

В 1931 г. А.Н. Анцыферов был избран членом Франко-бельгийской ассоциации профессоров-экономистов и Международного института кооперации. В 1937 г. он стал одним из инициаторов создания Международного института по изучению социальных движений. В ноябре 1942 г. за вклад в развитие мировой науки А.Н. Анцыферов был удостоен премии Академии наук Франции.

А.Н. Анцыферов – организатор Общества русских студентов для изучения и упорения славянской культуры (ОРСИУСК), член правления, а с 1931 г. – товарищ председателя Общества бывших воспитанников Московского университета. Был известен Анцыферов и как руководитель хора студентов при этом обществе. Как всесторонне одарённый человек, Анцыферов давал уроки пения молодым любителям музыки, писал музыкальные произведения⁹.

А.Н. Анцыферов состоял членом приходских советов при Св.-Александроневском соборе (с 1928 г.) и преп. Серафима Саровского в Париже; был членом Общества ревнителей памяти Государя Императора Николая II, членом Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937) и др.

Анцыферов умер в марте 1943 г. в оккупированном Париже от заболевания лёгких. Длительная оккупация Парижа, холодная зима, плохо отапливаемые помещения, неудовлетворительные условия жизни, тяжёлое хроническое заболевание легких подорвали силы Алексея Николаевича. После панихиды и литургии, проходившей 19 марта на rue Dagubert, Анцыферов был похоронен (23 марта) на Русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Как писал в некрологе друг и коллега профессор П.П. Мигулин: «Смерть А.Н. Анцыферова – огромная, невозполнимая утрата для экономической науки и для нашей русской эмиграции, всё более и более редющей с каждым годом. Это был поистине “один из последних могикан”, и заменить его нечем»¹⁰.

Материалы фонда № 69 нашли отражение в публикациях автора настоящей статьи¹¹. Об А.Н. Анцыферове как учёном и государственном деятеле написано достаточно много¹², однако нет сомнения, что материалы, поступившие в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, существенно расширят представление о жизни и творчестве учёного и его эпохе.

Фонд № 69 («Семейный фонд Ковалевских»). 16 марта 2004 г. в отдел музейно-архивного хранения Дома русского зарубежья им. А. Солженицына из Национального архива Франции¹³ в составе архивного фонда Общества охранения русских культурных ценностей (Fonds de l'Association pour la Conservation des Valeurs Culturelles Russes; 1917–1947) (APCOR) поступила большая коллекция документов семьи Ковалевских (а именно, харьковско-слободской ветви Ковалевских, которая насчитывает более 360 лет), зарегистрированная как фонд № 69 – «Семейный фонд Ковалевских».

Фонд 69 – это коллекция документов членов большой семьи из старинного дворянского рода Ковалевских, в том числе политического и общественного деятеля Евграфа Петровича Ковалевского-младшего (напомню, что старший Евграф Петрович – дед младшего Е.П. – был томским губернатором, министром народного просвещения и президентом имп. Вольного Экономического общества), выпускника Московского университета, ещё до революции в 1901 г. награждённого французским орденом Почётного легиона, члена III и IV Государственных дум. В продолжение традиций своего рода, Евграф Петрович сосредоточил свою деятельность на проблемах образования и служении церкви. В брошюре «Род Ковалевских за триста лет, 1651–1951», изданной в Париже (1951), его сын, Пётр Евграфович Ковалевский, писал: «Редко на долю одного рода выпало счастье не только принять самое близкое участие в строении великой страны и культуры, но дать стольких выдающихся работников во всех областях государственной и общественной жизни, науки, литературы и искусства, как это выпало на долю Русско-Литовского рода Доленга-Ковалевских и, в частности, слободско-украинской его ветви»¹⁴.

Большую по объёму часть «Семейного фонда Ковалевских» занимают машинописные копии «Дневников» за период с 1918 по 1938 гг. первого историографа эмиграции, известного учёного-историка и библиографа, церковного и общественного деятеля, профессора Петра Евграфовича Ковалевского¹⁵. В общей сложности сейчас в мире насчитывается пять мест хранения «Дневников» П.Е. Ковалевского. Это Междуна-

Семья Ковалевских. Симферополь.

Конец декабря 1919 г.

Ковалевский П.Е. Дневники. 1918–1922

/ Подгот. текста, предисл. и коммент.

Н.П. Копаневой. СПб., 2001. Т. 1. С. 490.

родный институт социальной истории в Амстердаме (Нидерланды), Национальный архив Франции, Библиотека Бенедиктинского монастыря в Шеветоне (Бельгия), Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке и отдел музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве¹⁶. И в этом можно видеть особую реализацию замысла и наказа Петра Евграфовича, данного им в 1966 г.: «можно пожелать, чтобы документы эмиграции хранились, по возможности, в нескольких местах, если

возможно, то были бы и микрофильмованы в своей самой ценной части»¹⁷. Дневники Ковалевского – уникальный литературный и исторический документ, с фактографической точностью воспроизводящий переживаемые автором события. Такой огромный хронологический охват событий – больше полувека – свидетельствует об энциклопедическом характере «Дневников». Благодаря широкому взгляду автора и его любознательности, они стали летописью не только семьи Ковалевских, но и летописью и энциклопедией русской жизни в эмиграции: в них отражено огромное число значительных и малозначительных событий, происходивших в русской колонии Франции в довоенные годы.

Научно-техническая обработка фонда была проведена в 2012–2013 гг., и по её результатам были составлены две описи, в которые включены 119 дел. В составе коллекции фонда Ковалевских есть и другие важные документы. Среди них большой интерес для историков могут представлять «Материалы к деятельности Е.П. Ковалевского в Попечительском комитете Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция)»¹⁸ (опись 2), содержащие богатую переписку Евграфа Петровича (генерального секретаря и казначея Попечительского комитета станции)¹⁹ с выдающимися учёными русского зарубежья, вошедшими в состав Комитета (академиком Н.И. Андрусовым, профессорами М.М. Новиковым, М.М. Давыдовым, С.И. Метальниковым, А.Т. Васильевым, В.К. Агафоновым, Г.С. Трегубовым и др.), а также с французскими учёными (О. Дюбоском) и представителями французских арбитражных органов (П. Жадоном). В течение 80 лет эти документы считались потерянными для истории науки. Их содержание многосторонне и объективно раскрывает тайну тех драматических событий, которые происходили на Русской зоологической станции в конце 1920-х – начале 1930-х гг. XX в. Здесь же находятся оригиналы документов Комитета: его устав, списки членов, протоколы заседаний, приходно-расходный дневник Е.П. Ковалевского.

После революции Е.П. Ковалевский с женой – педагогом Инной Владимировной (урождённой Стрекаловой)²⁰ и тремя сыновьями (Петром, Максимом²¹ и Евграфом²²) эмигрировал во Францию, где он поддерживал огромное количество русских организаций. Он был одним из инициаторов создания Русской академической группы во Франции и товарищем председателя её правления; председателем Отдела средней школы академической группы, членом правления Общества просвещения беженцев из России, товарищем председателя Союза освобождения и возрождения России, членом Епархиального совета (с 1923), в 1924 г. – один из учредителей Медонского братства. Жил в Ницце, в 1919 г. переехал в Медон (62, rue de la République), пригород Парижа, хотя у семьи был большой собственный дом в Болье (близ Ниццы), купленный ещё до революции, который они периодически сдавали.

Особый раздел архива составляют т. н. «Материалы к научной деятельности П.Е. Ковалевского и И.В. Ковалевской» (опись 3), которые серьёзно обогащают коллекцию, связанную с наследием рода Ковалевских, и дополняют «Дневники» Петра Евграфовича.

В этот раздел входят следующие документы:

1. «Curriculum Vitae П.Е. Ковалевского (на 31 декабря 1952 г.)». Машинопись.
2. Список статей, рецензий, некрологов и заметок П.Е. Ковалевского, напечатанных в «Русской мысли» (1947–1952).

3. Список лекций и докладов П.Е. Ковалевского (1922–1952).
4. Список книг, брошюр, рецензий, заметок П.Е. Ковалевского (1922–1952).
5. Ковалевский П.Е. Род Ковалевских за триста лет, 1651–1951. Париж, 1951.
6. Ковалевский П.Е. Краткий очерк жизни и деятельности Евграфа Петровича Ковалевского (30 декабря 1865 – 1/14 марта 1941). Машинопись.
7. Ковалевский П.Е. Полвека просветительской работы И.В. Ковалевской (1893 – июнь 1943). Машинопись.
8. Ковалевский П.Е. Библиография печатных трудов Инны Владимировны Ковалевской (книги, статьи, рецензии). Машинопись.
9. Фотоархив.

Все члены семьи Ковалевских участвовали в культурной, религиозной и общественной жизни русской эмиграции во Франции и в известной степени формировали эту жизнь и её атмосферу. Изучая литературное и научное наследие Франции, они считали необходимым лично знакомить Запад с культурой дореволюционной России, с её историей, наукой и философией; кроме того, они активно развивали и обсуждали вопросы религиозно-культурного сближения восточного и римско-католического христианства и многое другое. По материалам фонда автором опубликовано несколько статей²³.

Фонд № 77 («Всеволод Викторович Стратонов»). Фонд астрофизика Всеволода Викторовича Стратонова был передан в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына Л.Н. Белашевской (Прага) по актам дарения от 27.06.2005, № 108 от 05.04.2006 и актам пожертвования № 177 от 23. 11.2007. Архив В.В. Стратонова передала Белашевской перед своей смертью его невестка (вторая жена его сына Олега) Евгения Мартыновна Стратонова.

Историческая справка составлена Е.Ю. Дорман по материалам фонда и по статье В.А. Бронштэна «Советская власть и давление на астрономию» (1993)²⁴.

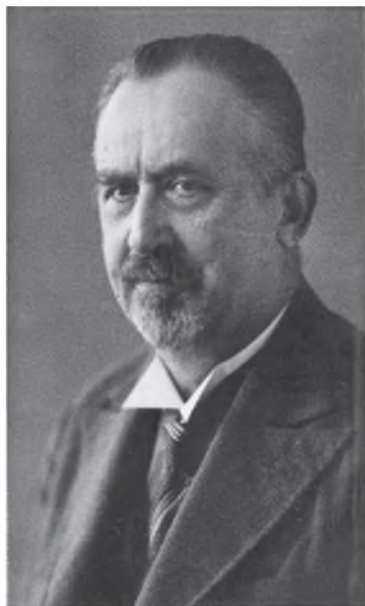
В фонде отложились следующие документы:

1. Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни», первая часть (1869–1905), вторая часть (1905–1916).

2. Антология стихотворений русских поэтов на тему атмосферных явлений, составленная В.В. Стратоновым.

3. Записи В.А. Москвина и неустановленных лиц, относящиеся к биографии В.В. Стратонова и судьбе его архива.

Полностью «Воспоминания» В.В. Стратонова хранятся в ГАРФ²⁵. Отрывок из воспоминаний «Потеря Московским университетом свободы. Воспоминания о забастовке 1922 г.» и биография В.В. Стратонова опубликованы в альманахе «Историко-астрономические исследования» (1992. Вып. XXIII).

В.В. Стратонов. Прага, б/д.
Архив ДРЗ

Биография В.В. Стратонова. Всеволод Викторович Стратонов родился 17 апреля 1869 г. в Одессе, в семье директора классической гимназии. Детство провёл в Екатеринодаре, учился в Кубанской войсковой гимназии. В 1891 г. окончил Новороссийский университет (в настоящее время – Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова) с дипломом 1-й степени и золотой медалью, присуждённой ему за дипломную работу «Пассажный инструмент и определение географических координат». В 1891–1992 – астроном в Одесской обсерватории. Затем работал в Пулковской обсерватории. С 1895 – первый гражданский сотрудник Ташкентской обсерватории.

С помощью сконструированных им астрографов (телескоп для фотографирования небесных объектов) сделал более четырёхсот снимков звёздного неба и небесных объектов. Из-за болезни глаз Стратонов был вынужден оставить работу астронома-наблюдателя, переехал на Кавказ, где служил чиновником для особых поручений при наместнике. Кроме того, обладая некоторым состоянием, открыл собственный банк. На свои средства им были изданы несколько книг по астрономии, в частности, книга «Солнце» (Тифлис, 1910), удостоенная премии Русского астрономического общества.

В 1918 г. В.В. Стратонов переехал в Москву, где занял должность профессора Московского университета, а в 1920 г. был избран деканом физико-математического факультета МГУ. Читал курс астрономии для студентов 1 курса. Одновременно заведовал физико-математическим отделением Государственной публичной библиотеки в Москве (позднее – Библиотека им. В.И. Ленина). В 1918 – начале 1920-х гг. был научным консультантом Наркомпроса, курируя издание научной литературы в Советской России.

Весной 1920 г. Стратонов выступил с инициативой создания на Юге России Главной астрофизической обсерватории, оснащённой современной техникой. В начале 1921 г. был утверждён Оргкомитет Главной астрофизической обсерватории во главе со Стратоновым. В район Одессы и на Северный Кавказ были направлены экспедиции для выбора места строительства. Начат выпуск «Трудов» обсерватории. На базе оргкомитета был образован Российский астрофизический институт, директором которого стал В.В. Стратонов. Южная обсерватория была построена только в 1950-х гг. в Крыму и не соответствовала тем масштабам и задачам, которые намечал в своём проекте В.В. Стратонов.

В 1922 г. В.В. Стратонов выступил одним из организаторов забастовок профессорско-преподавательского состава МГУ, организованных в знак протеста против вмешательства властей в деятельность университета. В августе 1922 г. В.В. Стратонов был арестован и в октябре 1922 г. выслан из РСФСР в составе большой московской группы интеллигенции.

Обосновавшись в Берлине, В.В. Стратонов содействовал организации Русского научного института. В 1923 г. переехал в Прагу, где жил и работал до конца своих дней. Он занимался чтением научно-популярных лекций по астрономии во многих городах Чехословакии, а также в Литве, Латвии и Эстонии, сотрудничал с Русским народным университетом в Праге.

После получения чехословацкого гражданства В.В. Стратонов начал читать курс лекций по общей и тактической астрономии в Чешском Высшем техническом училище в Праге. В 1927 г. им был издан на чешском языке сборник «Астрономия», который в 1929 г. был переиздан на немецком. Тогда

же им были изданы научно-популярные книги по астрономии. В последние годы своей жизни В.В. Стратонов занимался обработкой результатов своих наблюдений малой планеты Эрос, которые были выполнены им ещё в Ташкенте в 1900–1901 гг., и готовил к печати свои лекции по общей астрономии. В.В. Стратонов был женат на Марии Николаевне Погосской. Дети – Тамара (умерла в 1920 г. в Праге), Олег, Людмила (в замужестве – Дервисе). Умер учёный (по некоторым сведениям – покончил собой) 6 июля 1938 г. в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.

Вышеназванными фондами не ограничивается архивная коллекция документов русских учёных-эмигрантов в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Нельзя не упомянуть фонд № 25 «Русские эмигранты – участники французского Сопротивления (Resistance)», документы которого отражают деятельность во Франции двух выдающихся русских учёных-этнографов – Бориса Владимировича Вильде (1908 – 1942) и Анатолия Сергеевича Левицкого (Рогаль-Левицкого) (1901 – 1942); оба они были расстреляны 23 февраля в Мон-Валерьен под Парижем.

Сейчас в стадии завершения разбора и описания в музейно-архивном отделе ДРЗ находится фонд учёного-богослова В.Н. Ильина – фонд № 31 («Ильин Владимир Николаевич»). Не так давно в ДРЗ поступила часть архивной коллекции фонда № 142 – «Архив семьи Магеровских (США)». Фонд связан с научной и общественной деятельностью в США доктора права и архивиста Льва Флориановича Магеровского (18 февраля 1896 г., Одесса – 8 июля 1986 г., Нью-Йорк) и его сына Евгения Львовича Магеровского (11 декабря 1934 г., Прага – 18 января 2009 г., Хэмстед, шт. Нью-Йорк) – доктора исторических и политологических наук, профессора Джорджтаунского университета, соредатора «Нового журнала» (1980–1986), альманаха «Записки Русской Академической группы в США» (1980–2009), с 1989 г. – вице-председателя Российской зарубежной экспертной комиссии по останкам российской императорской семьи. Сейчас фонд «Архив семьи Магеровских» находится в стадии разбора и описания; к настоящему времени из Соединённых Штатов Америки в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына поступила лишь половина документов этой коллекции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив ДРЗ. Ф. 1 (Всероссийская мемуарная библиотека). Около 2000 ед. хр.; 1918–2008 гг.
² Путеводитель по фондам Архива-Музея Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына, 2013. Рукопись // Архив ДРЗ.

³ Собрание парижских материалов объединило архивы нескольких русских эмигрантских организаций и было выделено в особый фонд № 132 (Материалы по истории культурной жизни русской эмиграции за рубежом, 1919–1954 гг.).

⁴ *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории русского научного зарубежья. В 2 кн. М., 2002. Кн. 1. С. 27.

⁵ А.Н. Анцыферов – С.В. Маракуеву, 31 марта 1932 г. // Архив ДРЗ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1. Л. 11–12.

⁶ *Михловы С. и М.* Прага – мировой центр образования эмигрантов. Русский Оксфорд // Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008. С. 39.

⁷ *Телешин В.Л.* Анцыферов Алексей Николаевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь / общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 44.

⁸ А.Н. Анцыферов – С.В. Маракуеву, 31 марта 1932 г. // Архив ДРЗ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

⁹ *Cuticulum Vitae* А.Н. Анцыферова // Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 38–51.

¹⁰ *Мигулин П.П.* Памяти проф. А. Н. Анцыферова. Рукопись // Там же. Д. 3. Л. 1 об.

¹¹ *Ульянкина Т.И.* Фонд профессора-экономиста А.Н. Анцыферова в архивном собрании Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва) // Годичная конференция / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; отв. ред. Ю.М. Батурич. М., 2011. С. 225–230; она же.

Личный фонд профессора-экономиста А.Н. Анцыферова в архивном собрании Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына // ВИЕТ. 2012. № 2. С. 131–148.

¹² См.: *Ижболдин Б.С.* А.Н. Анцыферов как экономист // НЖ. 1976. № 124; *Сухарев Ю.Н.* Анцыферов Алексей Николаевич // Материалы к истории русского научного зарубежья. Кн. 1. С. 26–28; *Телицын В.Л.* Алексей Николаевич Анцыферов (Краткий биографический очерк) // Кооперация: Страницы истории. М., 1994. Вып. IV; *он же.* Анцыферов Алексей Николаевич // Русское зарубежье. С. 43–45; *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / сост. В.Н. Чуваков; ред. Е.В. Макаревич. М., 2002. Т. 1. С. 109; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь. В 3 т. / под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. Т. 1: А–К. С. 67–68.*

¹³ Centre historique des Archives nationales (CHAN), 2003.

¹⁴ *Ковалевский П.Е.* Род Ковалевских за триста лет, 1651–1951. Париж, 1951. С. 2.

¹⁵ Ковалевский Пётр Евграфович (16/29 декабря 1901, Санкт-Петербург – 27 апреля 1978, Париж, похоронен на кладбище Триво в Медоне) – историк, библиограф, церковный и общественный деятель. Сын Е.П. и И.В. Ковалевских, брат М.Е. и Е.Е. Ковалевских. О нём см.: 70 лет П.Е. Ковалевского: Био-библиография. Париж, 1972; *Пацито В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Бочарова З.* Ковалевский Пётр Евграфович // Русское зарубежье. С. 296–299; *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1940–1975: В 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж, М., 2000. Т. 1 (5): 1940–1954 (по указ.); Российское зарубежье во Франции. Т. 1. С. 704–705.*

¹⁶ Дневники П.Е. Ковалевского, 1918–1938 гг. // Архив ДРЗ. Ф. 69 (Семейный фонд Ковалевских). Оп. 1. Д. 1–79.

¹⁷ *Ковалевский П.Е.* Русские культурные ценности за границей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско, 1966. С. 83.

¹⁸ *Ульянкина Т.И.* Русская акция помощи и судьба Русской зоологической станции им. проф. А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (1921–1935) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие: К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии / сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 151–162.

¹⁹ Ковалевский Евграф Петрович (30 декабря 1865 / 11 января 1866, Санкт-Петербург – 14 марта 1941, Медон, под Парижем) – юрист, государственный, церковный и общественный деятель, масон. Почётный член имп. Академии наук.

²⁰ Ковалевская Инна Владимировна (урожд. Стрекалова; 22 января / 4 февраля 1877, Санкт-Петербург – 29 декабря 1961, Медон, под Парижем) – общественная деятельница. В Петрограде – председатель Общества женского профессионального образования, член попечительского совета гимназии Э. Шаффе, член Комитета помощи туберкулезным Российского Общества Красного Креста. В эмиграции преподавала на русских отделениях французских лицеев.

²¹ Ковалевский Максим Евграфович (30 августа / 12 сентября 1903, Санкт-Петербург – 13 июня 1988, Франция) – математик, церковный деятель, духовный композитор.

²² Ковалевский Иоанн (Евграф) (26 марта / 8 апреля 1905, Санкт-Петербург – 30 января 1970, Париж) – монах, религиозный деятель, церковный художник.

²³ *Ульянкина Т.И.* Русская акция помощи... С. 151–162; *Ульянкина Т.И.* Дневники П.Е. Ковалевского, 1921–1938 гг.: повседневная жизнь русской эмиграции Первой волны во Франции // Нансеновские чтения – 2012 / науч. ред. М.Н. Толстой. СПб., 2014. С. 17–39.

²⁴ Путеводитель по фондам Архива-музея Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2013. С. 48–49.

²⁵ *Стратонов В.В.* По волнам жизни: Воспоминания // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 667, 668, 669.

Николай Николаевич Покровский и его мемуары

Аннотация: Статья посвящена государственному деятелю и учёному-экономисту Николаю Николаевичу Покровскому (1865 – 1930), а также его мемуарам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Бахметьевском архиве в США. Воспоминания Покровского охватывают годы его службы в Министерстве финансов, Комитете министров, Государственной канцелярии, время его пребывания на министерских постах и заканчиваются событиями Февральской революции 1917 г.

Annotation: The article is devoted to Nicolay Pokrovsky (1865 – 1930), statesman and economist, and to his memoirs. The memoirs are stored in Russian State Archive of Literature and Arts and in Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture in USA. The Memoirs is devoted to service of Pokrovsky in Ministry of Finance, in Chancellery of the Ministerial Committee and State Chancellery, and as a Minister to February 1917.

Ключевые слова: Н.Н. Покровский, Российская империя, мемуары, государственная служба.

Key words: N.N. Pokrovsky, Russian Empire, memoirs, state service.

Личность и деятельность Николая Николаевича Покровского (1865 – 1930) остаются пока для российской историографии даже не недооценёнными, а как бы не бывшими вообще. Покровский был причастен к крупнейшим законодательным работам конца XIX – начала XX вв., стал инициатором и движущей силой некоторых из них (например, законопроекта о введении подоходного налога), достиг высших административных постов. Тем не менее, за восемьдесят четыре года, прошедших со дня его смерти, о нём не написано почти ничего¹.

Это тем более удивительно, поскольку после 1917 г. Н.Н. Покровским были созданы пять содержательных мемуарных очерков, посвящённых различным этапам его служебной деятельности и доведённых до событий Февральской революции. Эти тексты (кроме одного из них) никогда не публиковались и нечасто используются исследователями. Так как в рамках данного очерка изложить подробную биографию Николая Николаевича невозможно, то здесь будут только кратко обозначены основные вехи его жизни и деятельности и несколько более подробно рассказано о его воспоминаниях.

Род Покровских характерен для истории русской государственности. В XIX столетии беспоместное и безденежное русское чиновничество, наполненное выходцами из захудалого провинциального дворянства и непривилегирован-

ных сословий, силою своего образования и личных способностей сумело потеснить титулованную аристократию на высших государственных должностях. В эту эпоху национальная элита оказалась как никогда проницаема для трудолюбивых и талантливых людей. Сыновья и внуки крестьян и священников становились министрами и генералами, и это уже никого не удивляло.

Фамилия Покровского безошибочно указывает на происхождение его рода из духовного сословия². Однако это верно лишь отчасти: к моменту рождения Николая Николаевича его предки уже более полувека принадлежали к столичному чиновничеству. Священником – в Новой Ладого, уездном городе Петербургской губернии – был прапрадед Покровского. Прадед, Гавриил Семёнович (1767 – 1834), четверть века был начальником отделения и директором департамента в Министерстве внутренних дел, одним из сотрудников знаменитого М.М. Сперанского, дослужился до чина тайного советника. Из его детей известность получили двое – Иван и Николай Гавриловичи. И.Г. Покровский (1800 – 1863), поэт и переводчик, член нескольких литературных обществ, рано оставил службу и стал профессиональным литератором – сотрудничал в «Русском инвалиде», «Сыне Отечества», «Москвитянине». Н.Г. Покровский (1808 – 1866) в молодости служил в артиллерии, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., отличился при штурме Варшавы. Его женой стала дочь полковника бывшей Польской армии Наталия Антоновна, урожденная Эрдман (ок. 1813 – 1890). С тех пор на протяжении столетия семья Покровских поддерживала тесные дружеские связи с польскими родственниками (об этом упоминает в своих мемуарах и Н.Н. Покровский, сам свободно говоривший по-польски и пользовавшийся уважением не только среди польских родственников, но и среди поляков вообще³). Н.Г. Покровский оказался основателем и другой семейной традиции: в течение почти столетия он и его потомки работали на благо российской экономики. Сам Николай Гаврилович служил в Государственном контроле (1835–1847) и Министерстве финансов (1847–1866), отличаясь «сверх способностей необыкновенной добросовестностью». В эпоху Великих реформ был одним из сотрудников государственного контролёра В.А. Татаринова в деле преобразования кассового и ревизионного порядка.

Старший сын Н.Г. и Н.А. Покровских, Николай Николаевич (1836 – не ранее 1917), отец будущего министра и мемуариста, окончил Горный институт, был специалистом по драгоценным металлам, всю жизнь служил в учреждении горнозаводского профиля (в Варшаве и Петербурге). Его жена, мать мемуариста, Мария Александровна (1840 – не ранее 1917), была дочерью генерал-майора Корпуса жандармов Александра Николаевича Кушинникова (1799 – 1860) и Екатерины Васильевны, урожденной Марченко (1808 – 1877, Петербург), и, следовательно, по матери – внучкой государственного секретаря и члена Государственного совета В.Р. Марченко. Семья владела небольшим двухэтажным каменным домом в Ковенском переулке, составлявшим приданое М.А. Покровской.

Николай Николаевич Покровский родился 27 января / 8 февраля 1865 г. в Санкт-Петербурге и 23 февраля того же года был крещён в Пантелеймоновской церкви на углу одноимённой улицы (ныне улица Пестеля) и Соляного переулочка. Николай так и остался единственным ребёнком в семье, всё внимание

родителей было посвящено его воспитанию. Близость отношений сохранилась и много лет спустя, когда Н.Н. Покровский стал крупным чиновником⁴.

Первые годы жизни Николай провёл в столице. В 1877 г. семья переехала в Варшаву, где юноша поступил в 6-ю мужскую гимназию, которую с успехом окончил. Однако при поступлении в университет выбор был сделан в пользу Москвы. В августе 1884 г. Николай поступил на юридический факультет Московского университета (в то время семья всё ещё жила в Варшаве). После перевода отца в Санкт-Петербург, в конце декабря 1886 г., находясь на 3-м курсе, Николай подал прошение о переводе в Санкт-Петербургский университет, которое и состоялось в январе 1887 г. В отношении ректора Московского университета указывалось, что при очень хорошем поведении юноша на последних переводных экзаменах получил пятёрки по всем предметам, кроме богословия (удовлетворительно), а по политэкономии – даже пять «с крестом». Тем не менее, при переводе Покровскому пришлось экзаменоваться по русскому государственному праву, римскому праву, финансовому праву и статистике. Все испытания были выдержаны на «пять».

В мае 1888 г. Н.Н. Покровский окончил обучение в университете, сдав экзамены почти по всем предметам на «отлично». По закону, выпускники дореволюционных университетов должны были в течение года представить «кандидатское сочинение». Без его представления юноша считался лишь «действительным студентом», а не «кандидатом» соответствующих наук и мог поступить на государственную службу только с очень низким чином 12-го (а не 10-го) класса, что означало задержку карьеры на несколько лет. Покровскому не потребовалось и полугода: уже 28 ноября 1888 г. он был утверждён Санкт-Петербургским университетом в степени кандидата прав.

Первого июля 1889 г. Н.Н. Покровский поступил на государственную службу – помощником бухгалтера в Департамент окладных сборов Министерства финансов. Таким образом, с самого начала своей карьеры он оказался связан с одной из самых сложных проблем администрирования российской экономики – усовершенствованием системы налогообложения. Складывавшаяся одновременно, наслоениями, бывшая результатом ряда исторических компромиссов, эта система в конце XIX столетия нуждалась в коренном реформировании, которое, однако, невозможно было произвести в короткие сроки. Для этого были необходимы прежде всего достоверные данные об объектах налогообложения и квалифицированные чиновники на местах. Ни тем, ни другим российское государство в необходимой мере не располагало. С перерывами в целую четверть века стоял Покровский в эпицентре законодательской деятельности в этой сфере.

От одностороннего, узко специального взгляда на проблемы российской экономики Покровский был застрахован благодаря годам службы в высших законосовещательных учреждениях, рассматривавших результаты законодательской деятельности всех министерств и ведомств: с октября 1893 г. по июнь 1899 г. он был начальником отделения Комитета министров, а с января 1903 г. по ноябрь 1904 г. – последовательно статс-секретарём двух департаментов Государственного совета, сначала промышленности, наук и торговли, затем – Государственной экономики. (На три с половиной года между этими назначениями Покровский возвращался в Департамент окладных сборов на

должность вице-директора). Эти восемь лет позволили Николаю Николаевичу в деталях узнать и понять все тонкости российского законодательного процесса.

В ноябре 1904 г. Покровский вновь вернулся в Министерство финансов, на этот раз – директором всё того же Департамента окладных сборов. Не прошло и двух лет, как В.Н. Коковцов выдвинул его на пост товарища министра. В феврале 1914 г. Покровский стал членом Государственного совета, однако, по настоянию нового министра финансов П.Л. Барка, ещё почти полгода был вынужден исполнять обязанности его товарища. После начала Первой мировой войны Николай Николаевич вошёл в состав высшего органа государственной благотворительности – Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, а в апреле 1915 г. был дополнительно назначен состоять при начальнике санитарной и эвакуационной части принце А.П. Ольденбургском.

В январе 1916 г. карьера Покровского сделала новый неожиданный виток – ему была предложена должность государственного контролёра. Доклады умного и спокойного министра понравились государю, и он, уже по собственной инициативе, предложил ему в ноябре того же года пост министра иностранных дел. Из чувства долга Покровский не счёл возможным отказать от этого назначения, шедшего вразрез со всей его предыдущей карьерой, и постарался сохранить весь аппарат министерства. Деловой авторитет, которым он пользовался в Государственной думе, уберёг его после Февральской революции от судебного преследования. Покровский вышел в отставку и сконцентрировался на предпринимательской и общественной деятельности – был избран председателем правления Сибирского банка и Русско-американского комитета для содействия экономическому сближению России и США, членом и товарищем председателя Главного управления Общества Красного Креста.

Ровно через три года после поступления на государственную службу, 1 июля 1892 г., Покровский женился. Его избранница, Екатерина Петровна, была потомком двух старинных дворянских родов – Волковых (по отцу) и Рыковых (по матери). Большинство представителей обоих родов служили в армии и на флоте. Николай Николаевич и Екатерина Петровна Покровские имели трёх сыновей: Николая (1893 – не ранее 1917), Петра (1894 – не ранее 1917) и Георгия (1897 – 1920). К сожалению, сведений о судьбе после революции двух старших сыновей Покровских найти пока не удалось. Известно лишь, что после начала Первой мировой войны они прервали учебу в университете и после прохождения краткосрочных военных курсов в Пажеском корпусе поступили офицерами в действующую армию⁵. Младший был в Гражданскую войну прапорщиком в армии Н.Н. Юденича. Его могила в Нарве недавно восстановлена.

Сам Н.Н. Покровский в 1919 г. подвергся непродолжительному аресту, что побудило его к эмиграции. Ему удалось выехать в Таллинн (бывший Ревель). С 1920 г. Николай Николаевич жил в Каунасе (бывшем Ковно) – столице ставшей независимой Литвы. Приезд Покровского именно в Каунас объяснялся тем, что он являлся землевладельцем Ковенской губернии (права на имение были подтверждены правительством Литвы) и имел там родственников по отцовской линии. Восстанавливая в имении разрушенное войной хозяйство, бывший министр одновременно преподавал – Литовский университет при-

гласил его на должность доцента кафедры финансов факультета права Литовского университета. В 1926 г. Покровский опубликовал свой университетский курс в переводе на литовский язык⁶. В том же году Покровский был назначен исполняющим обязанности профессора по занимаемой кафедре. Кроме того, благодаря своему научному авторитету, он стал ещё и советником Министерства финансов Литвы, был избран почётным председателем совета Общества русского мелкого кредита. В официальном журнале министерства «Lietuvos Ūkis» («Экономика Литвы») Покровский опубликовал несколько своих статей⁷. В 1929 г. Николай Николаевич был вынужден оставить университет по состоянию здоровья⁸. 12 декабря 1930 г. Покровский скончался в Каунасе, где и был похоронен на Свято-Воскресенском кладбище⁹. Могила его утрачена. После окончания Великой Отечественной войны распоряжением каунасского горисполкома от 17 мая 1945 г. кладбище было изъято из ведения православного прихода и передано городскому жилищно-коммунальному ведомству. В 1956 г. могилы сравняли с землёй, а на месте кладбища был разбит парк, существующий и поныне.

* * *

Пять глав воспоминаний Н.Н. Покровского по истории их происхождения разделяются на две примерно равные по объёму части – четыре написанные в России и одну написанную в эмиграции. «Российская» часть мемуаров – это очерки «Несколько слов о русской политике в Литве», «Комитет министров и его канцелярия в 1890-х гг.», «Воспоминания о Государственном совете и его канцелярии в начале 1900-х гг.» и «Проекты податной реформы в 1905–1916 гг.». Эти очерки составляют три единицы хранения в фонде Л.М. Клячко-Львова в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве¹⁰. Лев Моисеевич Клячко (1873 – 1933) – журналист (псевдоним Л. Львов), до революции корреспондент крупнейших столичных газет («Биржевые ведомости», «Новое время», «Речь» и др.), за профессиональные напористость и удачливость снискавший репутацию «короля репортёров». После 1917 г. Клячко – председатель Союза журналистов РСФСР (с 1919), владелец, учредитель и редактор издательства «Радуга» в Петрограде (Ленинграде) (1922–1930).

В его фонде хранится целая коллекция мемуаров разных лиц. Из них, кроме текстов Покровского, наиболее интересны рукописи лейб-хирурга Н.А. Вельяминова, морского министра И.К. Григоровича, товарища обер-прокурора Синода Н.Ч. Зайончковского, товарища министра финансов В.И. Ковалевского, губернатора и члена Государственного совета Н.П. Муратова, военного министра А.А. Поливанова, товарища министра торговли и промышленности В.В. Прилежаева, помощника управляющего делами Совета министров А.С. Путилова, министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, жены министра юстиции М.Ф. Щегловитовой, товарища статс-секретаря Великого княжества Финляндского, сенатора Э.А. Эрштрема.

Об истории создания коллекции сам Клячко незадолго до кончины составил особую «Памятную записку» следующего содержания: «Вскоре после октябрьского переворота я решил приступить к собиранию воспоминаний оставшихся в столице сановников. Вернее, не столько к собиранию, сколько к тому, чтобы заставить написать. Моя преимущественная (но, конечно, неисключительная) установка была такова, чтобы писали о том, что видели люди, сами не игравшие

политической роли и вообще не заинтересованные в извращении событий. Именно таким пороком страдают такие данные воспоминания, как, например, воспоминания гр[афа] Витте (и др.), который лжёт и извращает истину там, где пытается оправдать свои ошибки и двойственные действия.

Получив разрешение Наркомпроса, я организовал редакцию “Мемуаров”, состоявшую вначале из пишущего эти строки, секретаря и делопроизводителя-переписчицы. Но уже вскоре после того, как начали поступать материалы, редакция была мною организована по-настоящему в составе: директора Публичной библиотеки в Ленинграде – А.И. Браудо, ныне покойного, А.С. Изгоева, А.Б. Петрищева, присяжного поверенного Айзенберга, знатока сенатских дел. Эта часть редакции имела своей миссией определить историко-общественно-политическую значимость данного материала, после чего он шёл в переписку. Кроме указанных лиц, мною были привлечены для проверки правильности написанного бюрократы: Департамента общ[их] дел Министерства внутренних дел – Арбузов, вице-директор Департамента духовных дел – Харламов, помощник управляющего канцелярии Совета министров – Путилов и др.

Нелегко было заставить бюрократов писать. Приходилось применять всевозможные методы. Так например, царский хирург Вельяминов был мною взят на полное “иждивение”. Помимо гонорара, я взял на себя устройство всех его нужд. Я устроил ему право обедать в Доме литераторов. Кроме того, посылал ему на дом провизию, керосин, дрова и даже прачку для стирки белья. Его дело было только писать. И вот блестящий царедворец, фаворит старой царицы, далеко не привыкший к усидчивому труду, написал в течение 1 1/2 лет около 40 печ[атных] листов, значительная часть которых представляет большой интерес. Баронессу Искуль (придворная дама, одна из основательниц высшего женского образования в России) мне удалось заставить написать о Распутине (она была его поклонницей, потом отошла) лишь после того, как мне удалось добыть ей какое-то заграничное лекарство, которого она достать не могла. В общем работал более 3-х лет.

Как я указал, материал, прежде чем идти в переписку, рассматривался в редакции. Вот почему в тетрадях товарища обер-прокурора Синода Зайончковского имеются сокращения, сделанные Изгоевым и Браудо.

Мне, лежащему в кровати, трудно писать и дать подробную оценку материалов. Могу сказать только, что они дают яркую и правдивую характеристику событиям и лицам и освещают некоторые стороны дореформенной жизни в популярной и интересной форме. Говорю это определённо, потому что ни одна строка не прошла мимо меня. 5 V 1933 г.»¹¹.

В 1933 г. Клячко, тяжело заболев, передал часть собранных материалов в Государственный литературный музей. После смерти Льва Моисеевича его вдова Цецилия Григорьевна направила туда же оставшиеся рукописи. В 1941 г. все материалы были переданы в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне – РГАЛИ).

В результате инициативы Клячко-Львова за 1919–1922 гг. была собрана коллекция мемуаров из более чем полусотни рукописей объёмом от 10–20 до многих сотен страниц. Среди авторов преобладали бывшие министры, крупные и средние чиновники. Насколько можно судить, Л.М. Клячко руководствовался прежде всего любопытством, желанием заполучить и сбереечь интересные сви-

детельства об ушедшей эпохе, а также поддержать бедствующих чиновников, со многими из которых он был лично знаком¹².

На что рассчитывали в Наркомпросе, судить трудно. Можно предположить, что новая власть рассчитывала получить свидетельства, если не обличающие, то резко критикующие прежний режим. Но подобные надежды не оправдались. Царское правительство почти из всех рукописей представало в гораздо более выгодном свете, чем было принято и полагалось считать. Редакция «Мемуаров», со своей стороны, вполне добросовестно подходила к делу, не сокращая и не редактируя при перепечатке получаемые тексты, даже если считала их пристрастными и необъективными (единственное исключение – дневники бывшего товарища обер-прокурора Синода Н.Ч. Зайончковского, наполненные газетными вырезками и цитатами антимонархического толка). В результате ни одна рукопись в то время опубликована не была. То, что редакция не оправдала возложенных на неё новой властью надежд, косвенно подтверждается тем фактом, что в то же самое время, с 1922 г., началась публикация дневников и воспоминаний, содержавших желаемую критику: А.В. Богданович, Д.У. Бьюкенена, С.Ю. Витте, П.В. Долгорукова, А.П. Извольского, Ж.М. Палеолога, А.Ф. Тютчевой и многих других.

Рукописи из собрания Л.М. Клячко представляют собой по большей части не законченные повествования, а отдельные мемуарные очерки. Это, а также отчасти вынужденный характер труда над воспоминаниями побуждают относиться к ним, как к источникам, с большим доверием, нежели к традиционным мемуарам. Какие-либо отвлечённые соображения во время литературной работы мало занимали авторов, большинство из которых в те годы были вынуждены бороться за физическое выживание. Как писал один из них, В.И. Ковалевский, «цельный, связный очерк хотя бы некоторых периодов былого на моей памяти я предпочитаю дать впоследствии, когда душе не будет так скорбно и мрачно, а телу так холодно и голодно»¹³.

Таковы и четыре мемуарных очерка Н.Н. Покровского. Все они созданы, по-видимому, в первые месяцы 1919 г. На текстах рукописей стоят штампы: главы 2 – «20 марта 1919», главы 4 – «22 марта 1919», глав 1 и 3, помещённых в одной тетради, – 9 апреля 1919 г. Указанные даты обозначают, по-видимому, моменты поступления рукописей в редакцию, но отнюдь не обязательно – время и очердность создания самих очерков. Возможно, что заинтересованный в гонораре Покровский предпочёл сначала сдать в редакцию более пространные тексты. Написать за два дня, с 20 по 22 марта 1919 г., обширный очерк о проектах податной реформы он при всём своем трудолюбии, конечно, не мог.

Рукописи всех четырёх очерков представляют собой беловые автографы, текст написан черными чернилами на листах *in folio*, с обеих сторон листа, с полями по внешнему краю. Листы сложены в тетради, между собой не сшиты. Редкие авторские исправления сделаны карандашом. Кроме них, во всех рукописях присутствуют позднейшие карандашные пометки, в основном технического свойства, принадлежащие, очевидно, членам редакции (добавлены «хвостики» к буквам, сделаны не всегда логичное разделение на абзацы, волнообразные знаки на полях и подчёркивания в тексте).

В очерке о Комитете министров (первом по хронологии штампов) на первой странице почерком Л.М. Клячко синим карандашом сделана пометка:

«Покровский». В начале каждой тетради этого очерка простым карандашом написано: «I Тетрадь Комитет М[инист]ров», «II Тетрадь Комитет М[инист]ров». На полях против предложения «Надо было в уста каждого говорившего ввести не только то, что он говорил, но и то, что он мог сказать, и притом в наиболее изящной форме» сделана пометка карандашом: «Хорошо».

На первой странице очерка о проектах податных реформ карандашом написано: «Покровский» и в форме эпитафии повторена последняя фраза из авторского текста: «“Очевидно, в государственных делах мало одной осторожности, необходима и предусмотрительность” (Н.Н. Покровский)».

Рукописи из коллекции Л.М. Клячко-Львова давно привлекают внимание исследователей, которые активно цитируют их в своих трудах. С 1991 г. началась постепенная их публикация – изданы мемуары Н.А. Вельяминова (частично), И.К. Григоровича, В.И. Ковалевского, Н.П. Муратова (частично), А.А. Поливанова, С.И. Тимашева¹⁴.

Очерки Н.Н. Покровского привлекали внимание публикаторов дважды. В 2002 г. М.А. Приходько издал в «Историческом архиве» главу мемуаров о Комитете министров¹⁵. При передаче текста публикатором были допущены небольшие погрешности, один фрагмент рукописи остался не разобранным. В 1991 г. был частично и с изменённым заглавием опубликован очерк о русской политике в Литве¹⁶.

Эмигрировав, Н.Н. Покровский вскоре написал вторую часть своих воспоминаний, посвящённую периоду Первой мировой войны и доведённую до событий Февральской революции. Как видно из последнего предложения – «Так окончилась эта страшная ночь, а вместе с её описанием оканчиваю я и свои записки» – продолжать мемуары автор более не намеревался.

Создание второй части воспоминаний совпало по времени с началом выхода в Париже исторического сборника «Русская летопись», который издавался и редактировался бывшим государственным секретарем С.Е. Крыжановским. От него Покровский, по-видимому, и получил предложение опубликовать мемуары в «Русской летописи». Шестого сентября 1922 г. Николай Николаевич из Берлина писал Крыжановскому: «Глубокоуважаемый Сергей Ефимович, посылаю Вам рукопись последней части моих записок. В ней я карандашом исключил те места, которые не желательно было бы мне видеть теперь в печати. Посылаю всё-таки с охказией, но с охказией особого рода: через курьера здешней русской миссии. Этот конечно доставит вовремя. На почте же в последнее время производится перлюстрация всех заказных писем, а тем более такого толстого письма. Подлинник Вы можете мне не отсылать, кроме случая, если издательский комитет вообще не примет этих записок к печати. Если же они будут напечатаны, то Вы не откажете прислать мне печатный экземпляр. При том то, что я Вам посылаю, есть в сущности копия: настоящий подлинник, без купюр, находится у меня. Что касается гонорара и других условий, то я в этом отношении предоставляю решение издательскому Комитету. Ведь конечно были уже примеры и практика. Я же сам никаких условий ставить не могу»¹⁷.

В это время Крыжановский с энтузиазмом собирал и по возможности публиковал в «Русской летописи» мемуары об эпохе Николая II. Обращаясь к бывшему министру земледелия А.А. Риттиху 18 октября того же года с просьбой прислать «Тяжёлые дни» – рукопись воспоминаний помощника

управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтова о кризисе в правительстве летом 1915 г., – Сергей Ефимович попутно сообщал: «Мне это потому очень интересно, что как раз теперь я читаю воспоминания Н.Н. Покровского и вообще много всяких материалов о том времени»¹⁸.

Однако публикация не состоялась. Надо полагать, что причина была той же, что и в случае с «Тяжёлыми днями». «Мотив особенно ярко формулирован А.Ф. Треповым, – писал Яхонтов Б.Э. Нольде 29 июня 1925 г., – который указал, что “Тяжёлые дни”, будучи полезны для истинного освещения событий и вскрытия многих неизвестных обществу пружин, не должны делаться пока достоянием гласности, ибо могут повредить “Вождю” (имеется в виду великий князь Николай Николаевич. – *Д. III*). По этому соображению он закрыл для меня страницы “Русской летописи”, куда меня звал С.Е. Крыжановский»¹⁹. Мемуары Покровского, с замечаниями, что «никогда Россия не имела такого слабого и бездарного правительства, как именно во время войны», что «распутинская эпопея» – это «ужасная причина, совершенно дискредитировавшая царскую власть не только среди интеллигенции, но и среди всего народа», наконец, что «Богу угодно было, чтобы в самую трагическую минуту её истории на престоле сидел человек совершенно слабохарактерный, который в критический момент сумел только подчиниться требованию об отречении от престола», ещё менее вписывались в общую идейную направленность «Русской летописи» и руководивших ею, по выражению Яхонтова, «настроенных апологетически компаньонов» Крыжановского, чем «Тяжёлые дни», где высказывания о Николае II были вполне лояльными. По-видимому, мотив преждевременности «вскрытия пружин» убедил и Н.Н. Покровского, решившего повременить с публикацией вообще.

Однако два года спустя он изменил своё решение. Летом 1924 г. Крыжановский, по просьбе Покровского, возвратил ему рукопись мемуаров, оставив для себя их копию. Николай Николаевич 28 июня 1924 г. сообщал ему из Кейдан, что посылка с мемуарами благополучно дошла. «Приходится изменить своё первоначальное намерение и попробовать их напечатать, – писал Покровский, – так узко пришлось с материальными делами. Надо восстанавливать хозяйство, а денег нет, да ещё взыскания»²⁰.

Однако Н.Н. Покровскому так и не удалось осуществить своё намерение. Местонахождение подлинника пересылавшихся записок, если таковой и сохранился, пока неизвестно. Оставшаяся у Крыжановского копия воспоминаний в 1960 г. была вместе с архивом «Русской летописи» приобретена у его наследников Бахметьевским архивом русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Сохранившийся текст второй части (глава 5) мемуаров Н.Н. Покровского напечатан на пишущей машинке, без нумерации листов или страниц, в старой орфографии, с большим количеством опечаток и ошибок, нередко с неверно поставленными знаками препинания (вследствие чего из одного предложения получается два, одно из которых – бессмысленное, и т.п.). В тексте машинописной копии присутствуют подчёркнутые и взятые в скобки фразы. Судя по упоминанию в письме Покровского Крыжановскому и по содержанию этих фраз, это те «купюры», которые автор первоначально предполагал сделать.

К большому сожалению, в копии Крыжановского присутствуют две лакуны: утрачены листы после 10-й и после 59-й страницы (по счёту сохранившихся

страниц). Исходя из проставленных на границах второй лакуны номеров страниц, можно предположить, что первая составляет около 30, а вторая – около 40 страниц. Первая «поглощает» описание событий с осени 1914 г. по январь 1916 г., а вторая – с мая по июль 1916 г.

Первым из российских историков эту часть воспоминаний Покровского обнаружил в начале 1990-х гг. Р.Ш. Ганелин, который подробно пересказал и частично процитировал в опубликованном им обзоре мемуаров из Бахметьевского архива те их страницы, на которых описываются события начала Февральской революции¹. В настоящее время сохранившиеся мемуарные тексты Н.Н. Покровского готовятся к научной публикации. Можно надеяться, что в недалёком будущем они увидят свет и станут, таким образом, доступны заинтересованному читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мне известна только одна небольшая статья, посвящённая Покровскому (*Морозова И.М.* Н.Н. Покровский (министр иностранных дел 30 ноября 1916 г. – 2 марта 1917 г.) // *Дипломатический вестник.* 2001. № 12. С. 192–197). Наиболее подробные справочные сведения о нём см.: *Шиллов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002. С. 591–593.

² Здесь и далее сведения почерпнуты из дел об утверждении родов Кушинниковых и Покровских в дворянском достоинстве (РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената). Оп. 23. Д. 11276; Оп. 27. Д. 4368; Оп. 36. Д. 19685), формулярных списков И.Г. [там же. Ф. 1349 (Коллекция формулярных списков). Оп. 3. Д. 1747. Л. 18–25] и Н.Г. [там же. Ф. 37 (Горный департамент). Оп. 74. Д. 1023] Покровских, дел о службе отца Покровского, Н.Н. Покровского (старшего) [там же. Ф. 37. Оп. 51. Д. 286; Ф. 573 (Департамент окладных сборов Министерства финансов). Оп. 23. Д. 558], дела о службе П.И. Волкова [там же. Ф. 381 (Канцелярия Министерства земледелия). Оп. 9. Д. 4546], а также из печатных справочников: *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. Плавильщиков – Примо. С. 284–287, 289–290 (биографии Г.С., И.Г. и Н.Г. Покровских); *Петербургский некрополь.* СПб., 1912. Т. 3. С. 444–445; *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / глав. ред. П.А. Николаев.* М., 2007. Т. 5. С. 25–26 (биография И.Г. Покровского). Кроме того, использованы «Адрес-календарь Российской империи» и адресная книга «Весь Петербург (Петроград)» за различные годы и воспоминания отца Н.Н. Покровского: *Покровский Н.Н.* Ожившие бюрократические порядки: (К вопросу о реформе Правительствующего Сената) // *РС.* 1910. № 11. С. 349–364.

³ *Лотухин В.В.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 48.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ *Pokrovskii N.* Finansų mokslo pagrindai 1925/26 mokslo metų paskaitų / Vertimas A. Rimkos redakcijoj. Kaunas, 1926 (Основы финансовой науки). За сообщение важных сведений о жизни Н.Н. Покровского в Литве благодарю Андреаса Вальме (Нарва, Эстония).

⁷ Например, в № 11 за 1926 г. и в № 3 за 1927 г. было опубликовано его исследование «Государственный порядок прямых налогов в Литве».

⁸ *Lietuvių enciklopedija.* Bostonas, 1961. Т. 23. Р. 200.

⁹ Перечень некрологов см.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1999 / сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5. С. 533.

¹⁰ Соответственно: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 38. Л. 9–15; Д. 39. Л. 1–24; Д. 38. Л. 1–8; Д. 40. Л. 1–29.

¹¹ *Клячко Л.М.* Памятная записка о «Мемуарах» // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2. Опубликована в: *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв.* М., 1994. [Вып.] 5. С. 250.

¹² Сам Л.М. Клячко до 1917 г. специализировался на политической публицистике, интервьюировал многих государственных деятелей и был вхож в дома некоторых сановников, как благодаря своим связям, так и вследствие необычайной журналистской настырности. Свои наблюдения он уже на склоне лет описал в ряде мемуарных сочинений (см.: За кулисами царского режима: (Воспоминания журналиста). Л., 1926. Т. 1; Звёздная палата // *Минувшие дни.* 1928. № 3; *Повести прошлого.* Л., 1929).

¹³ *Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое: Историко-документальный альманах (Л).* 1991. № 2. С. 28.

¹⁴ См.: *Воспоминания Н.А. Вельяминова об Императоре Александре III // Российский архив...* [Вып.] 5. С. 249–313; *Воспоминания Н.А. Вельяминова о Д.С. Сипягине // Там же.* М., 1995. [Вып.] 6. С. 377–392; *Григоревич И.К.* Воспоминания бывшего морского министра (1909–1917). СПб., 1993; *он*

же. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт; М., 2005 (более полное издание); Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое... № 2. С. 5–96; *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007; Министры внутренних дел последних десятилетий самодержавия: Из воспоминаний Н.П. Муратова // ИА. 2010. № 5. С. 90–100; *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 2, 3, 5, 7–11; *Тимашев С.И.* Кабинет Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое... 1996. Кн. 6. С. 95–130; Автобиографические записки С.И. Тимашева (1903–1906 гг.) // С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Тюмень, 2006 (в издании опубликована и глава «Кабинет Столыпина»). Описание и публикацию фрагментов мемуаров Э.А. Эрштрема см.: *Shilov D.N.* Venäläistämispolitiikka 1900-luvun alun Suomessa: Senaattori E.A. Oerstroemin muistelmat // Historiallinen Aikakauskirja (Helsinki). 2005. № 3. С. 328–337 [Русская политика в Финляндии в начале XX века: (По воспоминаниям сенатора Э.А. Эрштрема)].

¹⁵ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. / публ. М.А. Приходько // ИА. 2002. № 2. С. 179–215.

¹⁶ *Покровский Н.Н.* Имперская политика в Литве // Новое время (М.). 1991. № 23.

¹⁷ Н.Н. Покровский – С.Е. Крыжановскому, 6 сентября 1922 г. // В.А. С.Е. Kryzhanovskii papers. Вох 3.

¹⁸ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка) / публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 441.

¹⁹ Там же. С. 482.

²⁰ В.А. С.Е. Kryzhanovskii papers. Вох 3.

²¹ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992. № 5. С. 156–160.

**Памяти
Марины Петровны
Мохначевой**

Марина Петровна Мохначева (1952 – 2014)

16 октября 2014 г. скоропостижно скончалась Марина Петровна Мохначева. Она родилась 19 марта 1952 г. в Москве. Отец – военный лётчик Пётр Иванович (1927 – 1991), мать – инженер-конструктор Евдокия Марковна (1927 – 2008). Марина с отличием окончила московскую среднюю школу № 250, в похвальной грамоте были отмечены её особые успехи по химии, истории и английскому языку (1969). Параллельно она обучалась в музыкальной школе при консерватории по классу скрипки. После получения среднего образования работала в родной школе, первоначально – библиотекарем, позже совместила эту работу с должностью учителя пения. Её мечтой было учиться в консерватории, но трагический случай – перелом руки – поставил крест на карьере скрипача.

В 1970 г. М.П. Мохначева поступила на дневное отделение факультета архивного дела Московского государственного историко-архивного института, который окончила в 1975 г. с отличием, став и обладателем значка ЦК ВЛКСМ «За отличную учёбу». В институтские годы она активно занималась научной и общественной работой: участница кружков источниковедения, истории госучреждений, истории СССР, конкурсов студенческих работ, член президиума студенческого научного общества, ответственная за выпуск бюллетеней общества и организацию выставок, корреспондент стенгазеты «Историк-архивист», член общества «Знание», университета молодого лектора и т. д.

Начало подлинно научной деятельности М.П. Мохначевой следует датировать 1974 г., когда после практики в Центральном государственном архиве литературы и искусства, где она занималась обработкой и каталогизацией фонда Русского музыкального общества, ею был подготовлен к публикации ряд документов общества, а собственно история общества была утверждена в качестве дипломной работы (науч. рук. к.и.н., доцент А.Д. Степанский). Наряду с использованием опубликованных материалов, М.П. Мохначева привлекла документы четырёх архивов Москвы и Ленинграда. Строгая по структуре работа, выдержанная в сугубо научном стиле, веская аргументация, культура мышления и оформления результатов – всё говорило в пользу того, что автор имеет склонность к самостоятельной научной работе. Государственная экзаменационная комиссия оценила дипломную работу на «отлично».

По окончании МГИИИ М.П. Мохначева получила распределение на работу в Центральный государственный архив РСФСР (1975). За два первых месяца работы она стала полноправным членом коллектива, добросовестно и с перевыполнением плана занимаясь обработкой архивных фондов министерств, ведомств и научно-исследовательских учреждений союзно-республиканского значения. Но в планах М.П. Мохначевой, конечно же, было поступление в аспирантуру. Дирекция архива дала ей прекрасную характеристику-рекомендацию, и с 1 декабря 1975 г. М.П. Мохначева была зачислена в заочную аспирантуру по специальности 07.00.09 «Историография и источниковедение» при кафедре истории СССР досоветского периода. Её научным руководителем стал д.и.н., профессор В.Е. Иллерицкий. По причине ухудшения его здоровья дополнительно был назначен научный консультант – к.и.н., доцент В.А. Му-

равьев. Служба в архиве, сдача кандидатского минимума, педагогическая практика, исследовательская работа в архивах и библиотеках – на всё хватало времени М.П. Мохначевой. При заслушивании её отчета за второй год аспирантуры (1977) В.Е. Иллерицкий дал ей следующую характеристику: «Аспиранткой М.П. Мохначевой вполне удовлетворён, работала в этом году очень много. Хорошо бы взять её к нам на кафедру ассистенткой. Единственная трудность у неё – публикации. Но надеемся, что успеем в срок опубликовать её статьи. В целом никаких опасений за то, успеет ли она написать диссертацию, у меня нет». Необходимые для защиты диссертации публикации вышли в срок, и 30 ноября 1979 г. М.П. Мохначева блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX века». Тематика диссертации лежала в рамках целенаправленного изучения периодики в качестве исторического и историографического источников, программы исследований, сформулированной учёными МГУ и МГИАИ (С.С. Дмитриев, С.О. Шмидт, И.Д. Ковальченко, В.Е. Иллерицкий). История российской журналистики в XVIII–XIX вв., её связь с исторической наукой надолго станет основным предметом занятий М.П. Мохначевой.

После защиты диссертации М.П. Мохначева с апреля 1980 г. стала вести занятия в МГИАИ на условиях почасовой оплаты, с 3 ноября 1980 г. была утверждена ассистентом кафедры истории СССР досоветского периода, оставив службу в ЦГА РСФСР. М.П. Мохначева начала читать лекции, спецкурс и вести семинары по истории СССР досоветского периода и историографии истории СССР на факультетах архивного дела и государственного делопроизводства, руководила курсовыми и дипломными проектами, работала в предметной комиссии на вступительных экзаменах и в Государственной экзаменационной комиссии на заочном факультете. В 1984 г. МГИАИ издал учебное пособие по спецкурсу, в основу которого легла переработанная кандидатская диссертация М.П. Мохначевой. Помимо учебной и научной работы, молодой энергичный специалист была вовлечена в общественную работу, став куратором студенческой группы, членом Совета по делам студенческих общежитий, а также исполняла административные обязанности заместителя декана заочного факультета (1983–1985), заместителя декана факультета архивного дела по научно-исследовательской работе. В 1984 г. М.П. Мохначева вступила в КПСС, и с присущей ей энергией сумела и в этой сфере проявить себя, став пропагандистом Киевского районного комитета КПСС г. Москвы, слушателем городского Университета марксизма-ленинизма МК КПСС для работников науки и преподавателей вузов, войдя в состав партбюро факультета архивного дела МГИАИ.

Эпоха общественных перемен в стране рубежа 1980–90-х гг. совпала с новым витком педагогической и научной деятельности М.П. Мохначевой. Она была избрана доцентом МГИАИ (1987), а через два года ей было присвоено учёное звание доцента. М.П. Мохначева активно участвовала в научных конференциях, читала лекции в провинциальных вузах, готовила многочисленные учебные и методические пособия для студентов, ей доверяли руководство работой стажёров из США, Болгарии, Германии. Слова из официального документа той поры – «прочные научные связи М.П. Мохначевой» – значили очень многое: её дом был открыт для всех ищущих научной истины, она сама была источником идей, мыслей, информации для студентов, аспирантов, докторантов со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья.

На заседании кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков 26 января 1994 г., где решался вопрос о переизбрании М.П. Мохначевой доцентом, рефреном звучала мысль: «Ускорить работу над докторской диссертацией». Девяностые годы прошли у М.П. Мохначевой в интенсивной работе над докторской диссертацией (защита 26 ноября 1999 г.) и двухтомной монографией «Журналистика и историческая наука» (М., 1998–1999). Научным консультантом диссертации и ответственным редактором книги выступил академик РАО С.О. Шмидт. Междисциплинарное исследование,

на серьёзной теоретической основе и масштабной источниковой базе (77 фондов 10 центральных и провинциальных архивохранилищ России) стало событием в российской историографии. Но не только история журналистики и исторической науки привлекали внимание М.П. Мохначевой в эти годы. Методы исторического исследования и интеллектуальная история, регионалистика и история культуры – всё находило в её лице прекрасного и вдумчивого исследователя.

2000-е гг. стали временем расцвета М.П. Мохначевой как учёного, педагога, организатора науки. Став с 1 июля 2000 г. профессором Историко-архивного института РГГУ (переизбиралась в 2001, 2006 и 2011 гг., учёное звание профессора присвоено в 2002 г.), она с головой окунается в заботы на должности заместителя директора института по научной работе (2000–2005), заведующей учебной и научной лабораторией «Вспомогательные научные дисциплины», члена приёмной комиссии, научного сотрудника межвузовского центра по историческому образованию РГГУ, ответственного за сотрудничество РГГУ с журналом «Родина», за подготовку торжественного празднования 70-летия института, научного руководителя дипломных работ студентов; она участвует в деятельности Астраханского и Домодедовского филиалов РГГУ (в последнем с 2005 по 2011 г. была заместителем директора филиала по научной работе). М.П. Мохначева читала лекции и спецкурсы, вела семинары на всех факультетах Историко-архивного института, на ряде факультетов РГГУ, в Центре дополнительного образования при РГГУ, выезжала с курсами лекций в российские провинциальные вузы. С 2002 г. М.П. Мохначева начала выступать в качестве оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций как в России, так и за рубежом. «Докторила», как любила она говорить. А сколько диссертационных исследований прошло через её руки как редактора, сколько диссертантов воспользовалось её мудрым советом! Под руководством М.П. Мохначевой готовили свои исследования аспиранты, соискатели и докторанты как в РГГУ, так и в сторонних университетах. Только защиты двух из них – докторской диссертации М.Е. Колесниковой (2011) и кандидатской диссертации С.Б. Михайленко (2013) – удалось увидеть М.П. Мохначевой.

Освоение современных подходов в изучении истории, создание новых научных институций, расширение контактов отечественных и иностранных учёных – вот где с полной силой проявился талант М.П. Мохначевой как прирождённого организатора науки. Она участвовала в создании и деятельности лабораторий и центров новой локальной истории и интеллектуальной истории при Ставропольском, Омском, Томском, Новосибирском университетах, заключала партнёрские договоры и протоколы о сотрудничестве с российскими и зарубежными высшими учебными заведениями, организовывала международные конференции, совместные образовательные программы и летние школы, выступала с докладами на симпозиумах в Испании, Венгрии, Китае, Сербии, Хорватии, Польше, Армении, Украине, Белоруссии, редактировала сборники конференций и переводы научных трудов на русский язык. Среди многочисленных публикаций М.П. Мохначевой того периода наиболее заметная – книга «Русский иллюстрированный журнал, 1703–1941» (М., 2006), подготовленная совместно с А. Каск, удостоенная первой премии за содержание и лучший дизайн на Лейпцигской книжной ярмарке 2007 г.

Последний, самый масштабный проект М.П. Мохначевой начался в 2000 г. Ещё в 1994 г. на конференции в Рыбинске была сформулирована идея создания истории рода Мусиных-Пушкиных. Начало проекта оказалось не вполне удачным, и С.О. Шмидт обратился к М.П. Мохначевой с просьбой «спасти честь России». При её непосредственном участии был собран коллектив высокопрофессиональных историков, сумевших подготовить отдельные очерки по истории рода Мусиных-Пушкиных. Координация, проверка данных, уточнения, редактирование – вот как строилась ежедневная работа М.П. Мохначевой на протяжении многих лет, ставшая особенно интенсивной в последние годы. На себя она взяла написание очерков по наиболее сложному периоду

истории – XX веку, полному катаклизмов и утрат, в т. ч. утрат документов. Восполнить лакуны должны были интервью потомков рода Мусиных-Пушкиных, проведённые М.П. Мохначевой в Италии, Бельгии и Франции, поиски сохранившихся частных архивов, сбор материалов с помощью коллег и знакомых по всему свету. К октябрю 2014 г. черновой вариант пятитомника, из которого три тома были написаны М.П. Мохначевой, был готов, издания его, к сожалению, она уже не увидит.

Марина Петровна Мохначева останется в памяти всех знавших её людей блистательным историком, энциклопедически образованным специалистом, щедро делившейся знаниями с теми, кто оказывался в её орбите, оптимистом, человеком редких душевных качеств, честным и благородным.

Друзья, коллеги, ученики

В память о Марине Мохначевой

16 октября 2014 года скоропостижно скончалась Марина Мохначева, профессор историографии Российского государственного гуманитарного университета, мой большой друг. Эта новость тяжко обрушилась на нас, членов фонда «Фамилиас Мунди» из города Сантьяго-де-Компостела, в тот момент, когда мы приземлились в аэропорту имени Адольфо Суареса в столице Испании, возвращаясь из Чили.

Все мы погрузились в молчание, вспоминая о тех плодотворных отношениях, которые развивались между Москвой и испанским городом Сантьяго-де-Компостела благодаря усилиям Марины Мохначевой и сантьягского профессора Агустина Досиля Масейры. Оба они были альма матер международного конгресса *Из Москвы в Сантьяго-де-Костостела: в поисках общего наследия*, прошедшего в 2010 году и организованного архиепископией святого апостола Иакова. В те дни нас сопровождал посол Российской Федерации в Испании А.И. Кузнецов. А первый доклад на конференции был сделан главным настоятелем собора Сантьяго-де-Компостела, доном Хосе Марией Диасом Фернандесом.

После этого конгресса было организовано множество других мероприятий, последним из которых стал *Форум Семьи*, состоявшийся в российской столице в 2013 году. Плодом этих мероприятий явились различные публикации, среди которых можно выделить книгу из серии «*Учёные мира*», посвящённую профессору Агустину Досилу. Я лично имел счастье увидеть перевод на русский язык моей книги «*Путники*», презентация которой состоялась в Москве под руководством Марины. Её профессиональный уровень был столь же высок, сколь велики были её доброта и радушие, а также постоянная готовность работать вместе с нами в различных проектах. Продолжение нашего пути сотрудничества и согласия между народами, пути, который она нам указала, станет лучшей памятью в её честь.

«...По дорогам, которые нам достались»

Марина Петровна Мохначева (19.03.1952 – 16.10.2014), чей уход воспринимается и ныне как трагическая неожиданная несправедливость, принадлежала к поколению детей Победы. Отсюда были её уверенность в возможностях научного поиска, спокойная самодостаточность, – сильные крылья творческого полёта. Отсюда же – великодушные, «улыбчивость» (по выражению её студентов), отзывчивость, преданная любовь к памяти отца – военного лётчика.

М.П. Мохначева состоялась в прожитой ею жизни. Доктор исторических наук, профессор, она начала свою карьеру в МГИАИ молодым историком ещё в 1979 году. С «историко-архивным» связана вся её жизнь. За тридцать с лишним лет служения своему вузу Марина Петровна много студенческих поколений учила и на классических, традиционных занятиях по истории России, читала также и сложнейшие, новые в вузовском преподавании, курсы лекций по историографии, интеллектуальной истории, истории журналистики, истории русского казачества и многие, многие другие...

Если рассматривать как историю научной жизни Марины Петровны её список более чем трёхсот исследовательских работ, можно увидеть несколько важных программ, «проектов», с которыми были связаны долгие годы её усилия, надежды, свершения и труды. Это и сквозная, через всю жизнь, тема русской общественной интеллектуальной мысли и журналистики, ставшая темой двухтомной монографии и докторской диссертации, и проект «локальной истории», ставший затем новаторскими регионоведческими штудиями, прозвучавшими на форумах разных российских городов (1998, 2003, 2004, 2009 годы), и замечательные «мысли вслух» участника Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (2008 год). М.П. Мохначева в эти годы становится одной из ближайших помощников академика С.О. Шмидта в его работе, её выступлений и всегда щедрой помощи ждали в самых разных, ближних и дальних, отечественных центрах региональной и историко-краеведческой проблематики – от Ставрополя и Харькова до Воронежа, Рязани, Ярославля, Твери, Петрозаводска и Омска...

Много усилий и времени Марины Петровны пришлось на её зарубежные проекты в 2000-е годы. Она занималась научным руководством венгерских аспирантов по русистике на основе совместной докторской программы РГГУ в Будапештском центре русистики (ЭЛТЕ); её полюбили в Испании, где с присущим ей энтузиазмом Марина Петровна разрабатывала с испанскими коллегами русистическую составляющую и включалась в местные программы о «семейных ценностях». Особенно важным стал для неё, преодолевавшей тяжкий недуг в последние годы, проект, оказавшийся, увы, последним, по восстановлению истории, источниковых и документальных свидетельств о роде Мусиных-Пушкиных и их семейных исторических связей.

Никогда не умевшая отказать в своей помощи студенту, аспиранту, соискателю, диссертанту, Марина Петровна щедро, подчас не щадя себя, не считаясь с «незапланированными поручениями» в её кафедральной нагрузке, читала, вникала, редактировала научные работы других. У неё были десятки благодарных «научных крестников» из

разных мест России. Выступления на защитах диссертаций, рецензирования и оппонирования М.П. Мохначевой могли бы, наверное, стать самостоятельной темой изучения. А каким искренним чувством проникнут с т у д е н ч е с к и й интернетовский отзыв о ней: «Глубочайшая порядочность, благородство, интеллигентность, самоотверженность и человеколюбие – это Марина Петровна, не считая потрясающей эрудиции и богатой палитры талантов».

Присоединимся и мы к ученикам Марины Петровны. В заголовок этой заметки вынесены слова Марины Петровны из переписки с авторами. Сказанные по случаю её юбилея, они могут быть последним приветом всем нам.

Памяти учителя и друга профессора М.П. Мохначевой

Быть учеником подлинного учителя – не только редкое счастье и привилегия. Это ещё и огромная ответственность и долг – продолжить начатые исследования, передать часть впечатлений, мыслей, почерпнутых в общении с ним, попытаться сохранить его живые черты.

Случилось так, что первое моё знакомство с Мариной Петровной Мохначевой, профессором Историко-архивного института РГГУ, состоялось в 2002 г., когда мне было поручено забрать в Москве отзыв на докторскую диссертацию коллеги, подготовленный в данном университете. Она проявила необыкновенную доброту и заинтересованность в проблеме тогда ещё совершенно чужих для неё людей. Эта встреча станет знаковой не только для меня, но и для исторической школы Ставропольского государственного университета (ныне Северо-Кавказский федеральный университет). Она приедет в университет вместе со своим другом и коллегой, профессором В.А. Муравьёвым, для участия в работе диссертационного совета по историческим наукам, в качестве вводимых членов совета по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Будут прочитаны лекции студентам, проведён мастер-класс по истории отечественной журналистики и задуман, совместно со ставропольскими коллегами, проект, который станет реальностью уже в том же году.

На историческом факультете Ставропольского госуниверситета в рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» Историко-архивного института РГГУ и СГУ будет создан научно-образовательный центр «Новая локальная история» (рук. проф. С.И. Маловичко). При непосредственном участии М.П. Мохначевой была разработана и сама межвузовская научно-образовательная программа и концепция научного Центра, который и сегодня продолжает работать в структуре Северо-Кавказского федерального университета. Применительно к истории Северного Кавказа исследования осуществляются по нескольким направлениям, тесно связанным единством новой локальной истории: интеллектуальная история, городская и сельская истории, история повседневности, сравнительное источниковедение локальной истории, устная история, новая биографическая история, история пограничных областей Северного Кавказа.

В 2003 г. заработал сайт научно-образовательного центра, который сегодня функционирует в режиме межвузовского и объединяет историков, работающих в предметном поле новой локальной истории¹. Регулярно на сайте проводятся всероссийские интернет-конференции, тематика большинства из них была выработана при непосредственном участии М.П. Мохначевой: «Пограничные реки и культура берегов» (2004 г.), «Город и село: теория и исследовательские практики» (2006 г.),

¹ Центр «Новая локальная история» – <http://www.newlocalhistory.com>

«Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространствах» (2007 г.), «Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории» (2008 г.), «Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (2010 г.), «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология познания: опыт и перспективы взаимодействия» (2011 г.), «Новая локальная история и проблема восприятия/понимания “чужого”: локус глазами путешника» (2014 г.), «История локуса: научное изучение и социально ориентированное историописание» (2015 г.). На сайте центра размещены и статьи Марины Петровны, посвящённые провинциальной печати России XIX века в контексте истории литературного процесса, предметным полям и дисциплинарным полномочиям провинциальной историографии и исторического краеведения, изучению исторической проблематики на страницах «епархиальных ведомостей».

Научные исследования М.П. Мохначевой были посвящены широкому кругу вопросов и проблем в области русской истории, историографии, методов исторического исследования, истории культуры, истории журналистики, истории науки, источниковедения историографии, интеллектуальной истории. В её многочисленных работах отразились творческая гибкость, понимание меняющихся запросов науки, стремление к постоянному обновлению. Особенное место в её научном творчестве занимала тема взаимосвязей периодической печати и исторической науки в России XIX столетия. Бесспорным достижением Марины Петровны стал её фундаментальный труд «Журналистика и историческая наука» в двух книгах². Сама постановка и решение темы, междисциплинарный характер исследования, теоретическая основа и основательная источниковая база, выводы – всё это позволило современным исследователям рассматривать периодическую печать в контексте историописания.

Среди многочисленных проблем в последние годы особенно пристальное внимание М.П. Мохначевой привлекали вопросы региональной истории, исторического краеведения, истории культуры российской провинции. Многие учёные придерживаются мнения о том, что приоритеты современных исторических исследований связаны в первую очередь с изучением не столько общего и типового, сколько особенного и индивидуального. В связи с этим регионалистика выдвигается в качестве важнейшего составляющего компонента развития современной историографической ситуации, т. е. именно с региональными исследованиями связывается прорыв в изучении истории вообще. Однако для того, чтобы добытые краеведами знания вошли в систему знаний «большой науки», необходимо прежде всего повышение профессионального уровня исследований, которые проводятся в регионах. Они должны не только быть значимыми для системы знаний о крае, но и включаться в систему регионалистики и систему знаний о стране в целом. Взаимосвязь локального, регионального и общего предполагает многоуровневую структуру краеведческого знания. Своё понимание и решение проблемы дисциплинарной иерархии современного гуманитарного знания с позиций историко-культурной парадигмы теории истории предлагала и Марина Петровна. В своих работах она рассматривала проблемы соотношения макро- и микроистории, пересечение дисциплинарных полей интеллектуальной истории, культурной истории, истории исторической науки. Рассуждая о многоуровневом характере исторического знания, М.П. Мохначева убедительно аргументировала вывод о том, что в нём всегда сосуществовали различные типы и формы исторической памяти и исторического «письма», а значит, и различные точки зрения на субъект и объект историографического дискурса и историографического «письма». При этом она доказывала неизбежность дифференцированного отношения к прошлому и настоящему, субъекту и объекту

² Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. М.: РГГУ, 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. 383 с.; 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. 511 с.

историографического процесса, объясняя его несхожестью типов исследователей, обращающихся к прошлому³.

Марина Петровна с увлечением занималась историко-генеалогическими исследованиями и мемуаристикой, работала над историей рода Мусиных-Пушкиных. Она так и не успела его завершить, как и многие другие труды и замыслы.

Для коллег Марина Петровна навсегда останется не только талантливым учёным и блестящим педагогом, но и замечательным человеком. Её феноменальная память и широчайшая эрудиция удивительным образом сочетались с благородством, так редко встречаемым сегодня, глубочайшей порядочностью, интеллигентностью, доброжелательностью, деликатностью и огромным обаянием, доступностью и исключительной отзывчивостью. Она умела слушать и слышать, поддерживать, подбодрить в тяжёлую минуту, умела притягивать к себе людей.

А любовь и уважение Марины Петровны к школьникам, студентам, ученикам, которых у неё много, – наверное, удивительный феномен для нашего времени. У неё был незаурядный педагогический талант. Её отличали желание делиться своими глубочайшими знаниями и умение радоваться достижениям своих учеников. Она читала курсы лекций: «История России до конца XVIII в.», «История исторической науки в России», «Историк-журналист в России XIX в.», «Историография отечественной истории»; спецкурсы: «Журналистика и историческая наука в России XVIII–XIX вв.», «Русская историческая журналистика»; вела научно-исследовательские спецсеминары: «Научная мастерская историка: редактирование текстов», «Казачество в России в русских диаспорах в XVII–XXI вв.» и др. Главным фактором успеха её лекций и для школьников и для студентов, научных дискуссий и контактов, взаимопонимания с учениками были её высокий профессионализм, полная убеждённость в том, что она говорит, естественность и слов и жестов, её увлечённость предметом, уважение к слушателю, доверие к его способности многое додумать.

Под её руководством и при её участии выполнялись и успешно защищались интересные и яркие работы. Ей была небезразлична профессиональная судьба диссертантов – собственных и своих коллег. Она всегда старалась представить молодых, начинающих исследователей своим учителям, маститым учёным, опытным коллегам. Все эти качества были присущи М.П. Мохначевой всю жизнь. И они отвечали ей взаимностью. Среди её учеников – профессора и заведующие кафедрами, научные сотрудники и целое поколение прекрасных историков, архивистов, педагогов, для которых вся её жизнь – пример бескорыстной любви к науке, к своей профессии, любви к России.

Во многом благодаря Марине Петровне родилась и рабочая гипотеза моей докторской, консультантом которой она была. Исследование было посвящено северокавказской историографической традиции второй половины XVIII – начала XX в., которую Марина Петровна предложила рассмотреть как многослойную, многоуровневую, многофункциональную исследовательскую практику, выявить региональную специфику техники «исторического письма» в рамках заданных ему жанровых характеристик. Это были интереснейшие и богатые научным общением с замечательным учёным и учителем двенадцать лет моей жизни. За эти годы мы стали друзьями. При более близком общении ещё более заметными стали её притягательные человеческие качества – целеустремлённость, удивительная работоспособность, выполнение данных обязательств, ответ на каждое полученное письмо, выполнение любой просьбы коллег и друзей. Марина Петровна была полна жизни, и люди тянулись к ней. Она любила, очень ценила живое общение. Сколько учёных из разных городов нашей страны я встречала в её квартире на проспекте Мира! Она всех заботливо угощала, терпеливо выслушивала, помогала советом, идеей, отзывом, рецензией, а иногда просто утешала и ободряла.

³ Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Ставропольский альманах РОИИ. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 37–50.

Она оставила после себя незабываемую память – в многочисленных научных работах, в исследованиях своих учеников, в фотографиях, которые с любовью делала и дарила друзьям, в письмах, которые остались в электронных почтовых ящиках коллег и друзей. Каждый, кто встречался, работал с Мариной Петровной, профессионально обогащался, и все, кто знал этого замечательного человека, будут помнить её, пока живы...

«Время жить и время умирать»

Жизнь доктора исторических наук, профессора Российского государственного гуманитарного университета Марины Петровной Мохначевой радикально изменилась в 2000 г., когда известный академик и глава Союза краеведов России Сигурд Оттович Шмидт поручил ей «спасти Россию», взяв на себя ответственность за проект написания истории рода Мусиных-Пушкиных.

Всё началось с памятной поездки в Россию семейной группы Мусиных-Пушкиных в 1994 г. по случаю юбилея – 250-летия со дня рождения открывателя «Слова о полку Игореве», Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. В заключительном документе международной конференции, которая прошла в Рыбинске в июле того же года, была озвучена идея написания истории рода. Потомки А.И. Мусина-Пушкина обратились к С.О. Шмидту с просьбой найти подходящего историка, который занялся бы этим. После некоторых недоразумений, в 2000 г. Сигурд Оттович попросил Марину Петровну с этой целью возглавить группу историков.

Марина Петровна с трепетом, но и с большим чувством долга приняла на себя эту обязанность и посвятила всю свою энергию и каждую минуту свободного времени этому проекту, посвятила 15 лет жизни, вплоть до своей кончины в октябре 2014 г. Поначалу она привлекала коллег к подготовке отдельных очерков по истории рода, редактировала их, а потом и сама принялась писать последнюю часть. Она собрала вокруг себя коллектив историков – питомцев Сигурда Оттовича, а на себя взяла период Революции, ухода из России и жизнь в Эмиграции. Эта последняя часть работы сильно беспокоила её, ибо не было документов, не было воспоминаний и не было в живых никого из родившихся ещё в России.

Прорывом стала её двухнедельная поездка в 2004 г. по стопам Мусиных-Пушкиных в изгнании и на встречу потомков, которые остались во Франции и в Бельгии. Программа поездки была очень насыщенной: Париж и окрестности, Брюссель, снова Париж, Лион/Рив, Лазурный берег, Монако и Сан-Ремо. Она встречалась со всеми осколками рода и их родственниками, беседовала и записывала всё на диктофон, а по ночам всё переписывала и готовила опросную программу следующего дня. Таким образом, она встретила, помимо Мусиных-Пушкиных, с Апраксиными, Кочубеями, Репниными, Гриммами, Савойскими, Трубецкими, Голицыными, с Р.В. Колла, с Н.М. Осоргиным, с П.П. Шереметевым и прошла по всем местам, где когда-то жили и трудились Мусиные-Пушкины за рубежом.

Те потомки, которые остались – а некоторые уже не говорили по-русски – неохотно рассказывали, много обещали, но мало делали. Марина Петровна нашла подход к каждому, и, кроме редких случаев, добивалась очень искренних и душевных рассказов, которые она непременно записывала на диктофон, а дальше переписывала. При этом она не довольствовалась тем, что ей рассказывали, и задавала такие дополнительные вопросы, на которые мы уже отвечать не могли, просто не знали. Пришлось ей, косвенно, самой отвечать на эти вопросы. Она использовала для этого все оказии, когда ездила по командировкам по России и за границу, и привлекала в качестве помощников

всех молодых кандидатов, которым она оппонировала. Таким образом она создала целую сеть людей по всему миру, которые работали на проект. Это было в США, в Австралии, Венгрии, Сербии, Германии, в Польше и, конечно, в России... Она также использовала огромный материал из библиотек, архивов и опубликованных воспоминаний, в котором шла речь о Мусиных-Пушкиных. Таким образом, по крупицам, она сумела представить факты в более широком историческом контексте и объяснить их.

Она, безусловно, «открыла» нам нашу современную семейную историю, о которой мы не знали, не догадывались и которую не понимали.

Вторую двухнедельную поездку во Францию Марина Петровна совершила в июле 2010 г. и жила в семейном доме в провинции. На этот раз она изучила весь семейный архив, начала его систематизировать, включая все семейные фотографии, неизданные воспоминания, библиотеку, и опять заставила меня душу мою изливать. Она попала в Париж и снова посетила русское кладбище на Сент-Женевьев, Русскую консерваторию в Париже и лейб-гвардии казачий музей в Курбевуа и кое с кем встретилась.

Итак, работа началась очень быстро. Ещё в 2004 г. И.В. Курукин написал первый очерк про Платона Ивановича Мусина-Пушкина, потом в 2005 г. – второй, про его отца, Ивана Алексеевича, далее, в 2006 г. – третий, про Мусиных-Пушкиных на службе в XVIII–XIX вв. В 2005 г. В.Н. Козляков подготовил очерк о начале рода, О.И. Хоруженко описал семейные гербы потомков Ратши. В 2006 г. А.И. Аксёнов составил очерк про Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина и нашлись новые авторы – Р.Х. Галиуллина из Казани и Т.А. Громова из Симбирска, которые написали, соответственно, про Михаила Николаевича Мусина-Пушкина в Казани и Мусиных-Пушкиных в Симбирской губернии. Ещё позже появились А.В. Топычканов, который написал о родовых гнёздах и «откуда есть» Мусиных-Пушкины, и Ю.В. Ким – о семейных архивах. С самого начала Б.Н. Морозов занялся родословной, и стало ясно, что в один том мы не уложимся.

С 2007 года Марина Петровна взялась сама писать о Мусиных-Пушкиных в период Революции, их ухода из России и жизни в Эмиграции. Существовала «Книга о счастье» Владимира Владимировича Мусина-Пушкина, частично изданная в 1992 г. в журнале «Искусство кино», и письма его младшего сына, Иллариона Владимировича. На основе этого материала Марина Петровна сумела написать два удивительных очерка, и все поняли, прочитав их, что по жанру, по языку, по сути они отличаются от предыдущих очерков, и надо будет думать о третьем томе. Дальше, под общим заглавием «Позади поруганная Россия... впереди неизвестность», она собрала неизвестный мне, очень богатый материал о тех Мусиных-Пушкиных и их родственниках, которые защищали Россию от большевиков во время Гражданской войны, и о дальнейшей их судьбе на дорогах эмиграции: Константинополь, Родос, Галлиполи, Германия, Италия, Швейцария, Болгария и, наконец, Франция, а для некоторых – и Америка, и Австралия. Этим закончился 3-й том, и надо было думать уже о 4-м! Этот том, «День длиною в долгий век», охватывает жизнь в эмиграции и основан на встречах Марины Петровны с ныне живущими потомками и на посещениях захоронений тех эмигрантов, которых уже не было на свете. Таким образом, помимо других, она написала чрезвычайно интересные два очерка, один под названием «Время жить и время умирать» – о тех, кто обрёл приют на чужбине на кладбищах Сент-Женевьев, Пер-Лашез и Сан-Микель, и другой – «Со-работники у Бога» – о братьях Василии и Мстиславе Мусиных-Пушкиных. Удивительные!

Вот закончился 4-й том, будто бы всё, работа завершена! Можно издавать! Ещё осталось пару слов написать о тех «красных», которые решили остаться в России. И тут напала на Марину Петровну дополнительная «беда»: ей предложили семейный архив нетитулованных Мусиных-Пушкиных-Соболевых. А это крупнейший, богатейший эпистолярный архив с фотографиями и документами, о котором все знали, но никто никогда его не видел. Я помню, что умолял Марину Петровну этим архивом не заниматься, ибо, с одной стороны, обидно мне стало, что у «красных» нетитулованных

такой материал, а у нас, «белых», ничего, а с другой стороны, знал, что её усталость и здоровье (а у Марины Петровны тогда были неполадки с сердцем и со зрением) не позволят ей одолеть этот новый груз. Но поскольку она так глубоко вовлеклась в жизнь Мусиных-Пушкиных за десять лет, то не смогла, не сумела отказаться от такого материала. Марина Петровна сама перенесла архив к себе домой (а это были три тяжёлых чемодана) и снова увлеклась, но уже «красными» Пушкиными. Таким образом, вышел интереснейший 5-й том.

Закончив свой авторский труд, Марина Петровна взялась за редактуру и привлекла и меня к этой работе. Переписывались в течение десяти лет, чуть не каждый день, по мейлу, по скайпу, и накопилось у меня больше 300 страниц переписки. Но поскольку я переехал тогда в Москву, мы должны были начать встречаться по вторникам, читать все тексты, поправлять и редактировать их. Ведь каждый автор знал только то, что сам писал. На мою долю также выпало закончить родословную, которую Б.Н. Морозов бросил.

В начале октября 2014 г. я писал ей:

«Марина Петровна, как насчёт завтра? Начинаем ли мы редактуру?» (6 октября)

«Куда исчезли? Начинаю беспокоиться, Вы пропали без вести, и я не могу до Вас дозвониться. Все в порядке?» (13 октября)

Ответа не было. Марина Петровна скончалась от инсульта 16 октября 2014 г. в 20-й больнице, куда её 15 октября привезли после того, как нашли без сознания у себя дома. Царство ей Небесное!

Вот что Марина Петровна писала в разные времена:

«Вы и Ваша семья меня многому учите по жизни. Одним словом, я дома, в Москве. Но мыслями я постоянно с Вами: разговариваю, спорю, когда Вы меня “зажигаете”, молча восторгаюсь красотами французского рая за окном машины и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю встречи со всеми и с каждым представителем рода Мусиных-Пушкиных. Причем эти “картинки” роятся, теснят одна другую, хочется мысленно ещё и ещё раз пережить дни и часы общения с Вами, Бетти, Марией Николаевной, И.Н. Трубецким, М.И. и А.М. Репниными, с Дилишей и А.Э. Гримм, с графом Антоном, ой-ой, простите, с “королём” Антоном... со всеми, кто удостоил меня вниманием, теплом души, откровением мысли и чувств».

«Впечатления настолько сильные по эмоциональному и интеллектуальному накалу, что воспринимаются однозначно – ПОДАРОК СУДЬБЫ!».

«Но всё это я пишу Вам не для того, чтобы Вы меня пожалели, просто верю в нашу дружбу и горжусь ею. Спасибо, о Господи, что Вы пригласили меня в Ваш проект. С.О. Шмидт всё время меня “контролирует” в отношении его продвижения, и, честно говоря, пока доволен. Передает Вам привет. Спрашивал про Марию Николаевну Апраксину. Одним словом, он тоже не равнодушен и болеет за наш проект и просто за нас всех».

«Не сердитесь, что беспокою и отвлекаю, но без Вас, без Вашей помощи и благословения, никуда... Скажите честно, устроит или нет Вас такой подход к тексту этой главы. Очень трудно писать её, ведь она о вечности... Буду ждать Ваш приговор».

«Так что набираю обороты, но пишется медленно, слов, а значит, таланта не хватает... Да и есть ли он, этот талант, у меня, это большой вопрос... Жду приговор – М. П.».

«Теперь о том, о чём думается, пока не спится по ночам. Вот такая у меня бессонница и СТРАХ, успеть бы сделать, не сломаться... Ваша “крепостная девка” М. П.».

«Послезавтра, если не услышу Вас, то знайте, помню... Желая самого главного (в наших диалогах) – выхода нашего проекта в свет... И ЗДОРОВЬЯ!!!! Так держать!!!!»

«Без сна и отдыха ваяю текст доклада на заседании в честь 90-летия Шмидта. Молось только об одном – не загреметь в больницу. Мертвецки устала, но понимаю, что НАДО».

«Сию, пишу... О долге перед Россией и Мусиными-Пушкиными ПОМНЮ!!!!»

«Сегодня проводила испанцев, сажусь “мучить” Мусиных-Пушкиных... Вот такая у меня круть-верть... Получается, я в добровольном рабстве у Мусин-Пушкиных».

«Чувствую, что финиш уже виден, но не верю, что доползу. Оглядываюсь назад, и уже сделанное пугает не столько листажом, сколько масштабом информации. Так что продолжаю бег на месте... за компьютером. – М. П.».

«Сегодня я наконец-то (сама не верю) “прикончила” “белых” Мусин-Пушкиных и начну “терзать” “красных” и иже с ними... А если правильно перевести, то буду терзать себя саму прочитанным и узанным».

«Читайте, ругайте, но и молитесь, чтобы меня хватило на “красных” М-П... Обнимаю. М. П.».

«Пожелайте мне не погибнуть под всем этим грузом ответственности перед покойным С.О. и материалом, лежащим у меня на столе в письмах сестёр М.-Пушкиных».

«Устала безумно, беру таймаут на 5 дней, поеду на дачу, но голова все равно будет болеть тем, как построить текст».

Марина

Так хочется избежать общих мест и не свалиться в банальности этого трудного жанра – мемориального эссе, что почти невозможно, потому что слишком изрезано этикетными лекалами и боязнью отступить от принятых рамок...

Первый раз я увидел Марину Петровну на конференции в Пензе, посвящённой юбилею Василия Осиповича Ключевского. Вначале я её не замечал, пока вдруг не отметил прямую фигуру и внимательные глаза. Она стояла, прислонясь к стене, в Доме-музее Ключевского и смотрела прямо перед собой, не замечая экскурсовода и других посетителей.

– Кто это?

– Марина Петровна Мохначева, преподаватель Историко-архивного института, – ответили мне.

Надо признаться, я сразу захотел познакомиться с ней, даже не смогу объяснить, почему. Приехав на эту конференцию из Новосибирска по приглашению С.О. Шмидта, я никого здесь не знал. Но это знакомство переросло в дружбу на всю оставшуюся жизнь.

Марина (мы быстро перешли на имена) трепетно относилась к Сигурду Оттовичу, считая себя «птенцом его гнезда». Началась переписка, а летом со всем нашим семейством мы провели пару дней у Марины в её гостеприимном доме в Москве.

Когда мы начали в Новосибирске выпускать свой журнал «Дискурс», я попросил Марину написать статью, и к этому она отнеслась очень требовательно: изучала литературу по дискурсному подходу, тогда только входившему у нас в интеллектуальную моду, задавала вопросы. И всё-таки не решилась на «дискурсный заход», а прислала для публикации новонайденный документ о крепостной школе в вотчине Воронцовых середины XVIII века (в соавторстве с М.Ф. Прохоровым). Эта тщательно откомментированная публикация вызвала интерес у читателей нашего журнала.

А вот когда вышел главный труд Марины Петровны – «Журналистика и историческая наука» в двух книгах, слово «дискурс» уже вполне «прописалось» в этом тексте. Для конца 90-х годов это была, безусловно, новаторская книга. Впервые в подобном источниковедческом сюжете особое внимание автор уделил коммуникативному аспекту взаимодействия журналистики и историографии. Для этого Марине Петровне Мохначевой пришлось использовать новые термины, например «текст-источник», а также учитывать историографический и журналистский быт эпохи.

В лучших традициях «живой историографии» автор использовал в качестве названий разделов своей книги цитаты из «словаря» рассматриваемого времени: «История, или известование», «Бытие бытия» и тому подобное. Эта стилистика превращала текст монографии в чтение, доступное даже неподготовленному читателю. В целом книга Марины дала пример продуктивного взаимообогащения истории журналистики и историографической, а также источниковедческой традиции.

На знаменитом истфиле РГУ, созданном Галиной Андреевной Белой, Марина Петровна читала несколько лекционных курсов, и всегда отмечала позитивное влияние филологической подготовки на наших студентов-историков. А ещё ей нравилась

атмосфера историко-филологического факультета: доверительность и теплота отношений и никаких интриг и сплетен. Со студентами у Марины Петровны сложились замечательные отношения, и она мечтала об исторической кафедре на факультете.

К сожалению, наша жизнь всё более напоминает торопливый бег и функционирование, но не проживание: мы не ценим каждый час и минуту общения, кажется, что так будет продолжаться всегда.

Последний раз я позвонил Марине в конце лета и услышал, что она заболела. Накупив еды, приехал, но сразу после обеда она усадила меня за компьютер и стала показывать свои последние работы по родословию Мусиных-Пушкиных. Стала просить, чтобы я вошёл в редколлегию этих изданий и часть текста отредактировал. На все мои возражения она настаивала на своём, пришлось дать предварительное согласие, хотя и сейчас я убеждён, что пользы от меня в этом деле никакой.

Мы очень тепло простились, я просил звонить, как только что-нибудь будет нужно, да и просто так. Марина сказала:

– Ты же знаешь, что ты мне как брат.

Это была наша последняя встреча...

Научное наследие М.П. Мохначевой: библиография¹

1977

К изучению общественно-политических и социологических воззрений публицистов-демократов 60–70-х годов XIX века // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР: сб. ст. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, под ред. Н.П. Ерошкина и В.И. Дурновоцева. М.: [Б.и.], 1977. С. 125–143.

1978

Гордость русской литературы // Народный учитель. 1978. № 23 (1045). 7 сент. С. 2.
Ученики, достойные учителя // Народный учитель. 1978. № 21 (1043). 29 июня. С. 2.

1979

В.А. Зайцев – корреспондент «Отечественных записок» // Вопросы литературы. 1979. № 10. С. 312–313.

В.А. Зайцев – корреспондент «Отечественных записок» // Народный учитель. 1979. № 1 (1058). 8 янв. С. 2.

Запрещенная статья Н.В. Шелгунова // Народный учитель. 1979. № 6 (1064). 19 апр. С. 2.

Неизвестные источники по истории демократической мысли 60-х годов XIX века // СА. 1979. № 3. С. 54–58.

Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX века (1859–1884): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, науч. рук. В.Е. Иллерицкий. М.: [Тип. ГМС], 1979. 22 с.

1982

Сост.: В.Е. Иллерицкий (1912–1980): библиог. тр. // История и историки: Историографический ежегодник. М.: Наука, 1982. С. 396–400. Совм. с В.А. Муравьевым.

Сост.: Указатель // Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / под ред. И.И. Минца. М.: Высш. шк., 1982. С. 330–336.

1983

Историографические чтения памяти В.Е. Иллерицкого // СА. 1983. № 2. С. 90–91. Соавт.: В.А. Муравьев.

Публ., подгот. текста и вступ. ст.: Козьмин Б. Г.Е. Благосветлов // Альманах библиофила. М.: Книга, 1983. Вып. 13. С. 155–175.

¹ Составители А.В. Топычанов, П.А. Трибунский. Указатель составлен de visu. Работы расположены по хронологии, в рамках одного года – по алфавиту. Выражаем признательность за помощь в составлении библиографии Л.Н. Простоволосовой, Т.Н. Кандауровой, М.Н. Сафроновой, Д.А. Барининову, О.И. Журбе, Ф.А. Селезневу, Д.Н. Шилову и Д.В. Кареву. Отдельная благодарность – И.Г. Хомяковой.

1984

Историография истории СССР с древнейших времен до конца XVII века: пособие для практ. занятий / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1984. 121 с. Соавт.: В.А. Муравьев.

Методические указания к практическим занятиям по курсу историографии истории СССР с древнейших времен до XVIII в. / Днепропетр. гос. ун-т. Днепропетровск: Ред.-изд. отд. Днепропетр. гос. ун-та, 1984. 60 с. Соавт.: А.Г. Белебрух, Н.П. Ковальский, В.А. Муравьев, Ю.А. Мьцьк.

Проблемы истории России в освещении публицистов-демократов: (по изд. и арх. материалам): учеб. пособие по спецкурсу / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, под ред. А.И. Комиссаренко. М.: [Б.и.], 1984. 109 с.

Публицисты-демократы 60–70-х гг. XIX в. об идеологах революционного демократизма (по документам ЦГИА СССР, ЦГАЛИ СССР, ЦГАОР СССР, ОР ИРЛИ) // Роль архивоведения и документоведения в развитии советской исторической науки. М., 1984. Деп. в СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД, 31.10.1984, № 021–84.

Сост.: Указатели: Именной. Предметный // Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт. 1930–1980: сб. док. и материалов / отв. ред. Н.П. Красавченко. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1984. С. 311–338. Совм. с М.А. Киприяновой, Д.М. Эпштейн.

1985

Методические указания и рабочая программа по курсу архивоведения: для студентов ист. фак. / Иван. гос. ун-т. Иваново: Ред.-изд. отд. Иван. гос. ун-та, 1985. 32 с. Соавт.: А.А. Корников.

Рец.: Петровская И.Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. М.: Музыка, 1983. 214 с. // ИСССР. 1985. № 6. С. 171–174.

1986

Историография истории СССР: метод. указания для студентов V курса заоч. фак. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, отв. ред. В.А. Муравьев. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1986. 38 с. Соавт.: В.А. Муравьев, Л.В. Волков.

Критика дворянско-буржуазной историографии публицистами-демократами 60–70-х годов XIX в. // Проблемы историографии общественно-политического движения в России в XIX – начале XX в.: межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т, редкол.: Л.Е. Файн (отв. ред.) и др. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1986. С. 67–88.

1988

Историография истории СССР, XVIII век: пособие для практ. занятий / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, под ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1988. 84 с. Соавт.: В.А. Муравьев, Л.И. Демина.

Методические рекомендации по написанию курсовой работы по истории СССР для студентов II курса вечер. отд-ния фак. арх. дела / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, отв. ред. М.Ф. Прохоров. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1988. 20 с. Соавт.: Л.И. Демина.

Методические указания по истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции): для студентов I курса днев. и вечер. отд-ний фак. гос. делопроизводства / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1988. 26 с. Соавт.: Л.И. Демина.

Методические указания по истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции): для студентов I курса заоч. отд-ния фак. гос. делопроизводства / Моск. гос. ист.-арх. ин-т, отв. ред. М.Ф. Прохоров. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1988. 28 с. Соавт.: Л.И. Демина.

Тематический план семинарских занятий по истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции): для студентов I курса днев. и вечер. отд-ний фак. гос. делопроизводства / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1988. 29 с. Соавт.: Л.И. Демина.

1990

А.К. Михайлов-Шеллер о роли реформ и революции в общественном развитии // Перестройка высшей школы и историческая наука: проблемы формирования исторического сознания / Костром. гос. пед. ин-т; редкол.: В.В. Чекмарев, С.Б. Косарев, А.Д. Шипилов. Кострома: Костром. гос. пед. ин-т, 1990. С. 12–16.

Историография истории СССР, XIX век: учеб. пособие / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1990. 84 с. Соавт.: В.А. Муравьев, Л.И. Демина.

О задачах публикации «наследства 60-х годов» XIX в. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. конф., 30 мая – 1 июня 1990 г. / Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко; редкол.: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др. Киев: [Б.и.], 1990. С. 168–170.

[Предисловие] / Лесной Сергей. Русь, откуда ты?: Основные проблемы истории древней Руси. Winnipeg: Trident Press, 1964. 336 с. // Общественная мысль за рубежом: кн. обозрение. М.: Прогресс, 1990. № 9. С. 58–59.

Проблемы истории России в консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в.: (журн. «Русский вестник», 1856–1906): учеб. пособие по спецкурсу / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1990. 77 с. Соавт.: И.В. Курукин.

Публ., примеч.: Лесной Сергей. Русь, откуда ты?: Основные проблемы истории древней Руси. Winnipeg: Trident Press, 1964. 336 с. // Общественная мысль за рубежом: кн. обозрение. М.: Прогресс, 1990. № 9. С. 58–64.

1991

Виленское отделение РМО и его роль в развитии музыкальной жизни в Северо-Западном крае в конце XIX – начале XX в. // Наш радавот: материалы междунар. науч. конф. по регион. истории Вост. Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX вв.», Гродно, 22–24 окт. 1991 г. Гродно: [Б.и.], 1991. Кн. 3, ч. 2. С. 352–356.

Журнал «Военный сборник» о географии и статистике казачьих войск России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посв. памяти А.Л. Станиславского: тез. докл. и сообщ., Москва, 27 янв. – 1 февр. 1991 г. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1991. С. 179.

История исторической науки в дореволюционной России: учеб. пособие / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1991. 78 с. Соавт.: В.А. Муравьев, Л.И. Демина.

Крестьянский вопрос на страницах журнала «Русское слово» // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники: [сб. тр.] / Том. гос. ун-т; Проблем. науч.-исслед. лаб. истории, археологии и этнографии Сибири; редкол.: В.П. Зиновьев (отв. ред.) и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Вып. 1. С. 38–46.

[Предисловие] / Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris: YMCA-Press, 1974. 382 с. // Общественная мысль за рубежом: кн. обозрение. М.: Прогресс, 1991. № 3. С. 10–13.

«Русский вестник» М. Каткова о русско-польских взаимоотношениях и польско-католической экспансии на Украине в XVI–XVIII вв. // Проблеми історії національно-визвольного руху на Україні в період феодалізму та капіталізму: матеріали респуб.

наук.-теорет. конф., м. Запоріжжя, 8–10 січня 1991 р. / Акад. пед. наук СРСР; Укр. наук.-досл. центр Ідейно-політичного виховання; Акад. наук Укр. РСР, Ін-т історії; Запорізький держ. ун-т, Каф. історії радян. суспільства; редкол.: Ф.Г. Турченко (отв. ред.) і др. Київ; Запоріжжя: Изд-во АПН СРСР, 1991. С. 79–80.

Русское музыкальное общество. История создания и организационное устройство // Актуальные проблемы истории русской культуры: сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; редкол.: А.Н. Копылов (отв. ред.) и др. М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 157–181.

Русское музыкальное общество и деятельность его отделений на Украине // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Культура Півдня України». м. Одеса, 15–17 жовтня 1991 р. Одеса: [Б.в.], 1991. С. 38–46.

Публ., примеч.: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris: YMCA-Press, 1974. 382 с. // Общественная мысль за рубежом: кн. обозрение. М.: Прогресс, 1991. № 3. С. 10–25.

1992

«Бранные письма» к историку Н.И. Костомарову на страницах газеты-журнала «Гражданин» князя В.П. Мещерского // Проблема історії національного руху на Україні (до 1917 р.): Тези доповідей Другої всеукраїнської наук.-теор. конференції / Ін-т історії України АН України; Миколаїв. держ. пед. ін-т; редкол. В.Г. Сарбей (голова) і др. Київ; Миколаїв: [Б.в.], 1992. Ч. 2. С. 55–57.

Журнал «Образование» (1892–1909) о преподавании гражданской и церковной истории в университетах и гимназиях России // Наш радавод: матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатку XX стст.». Гродна: [Б.и.], 1992. Кн. 4, ч. 1. С. 125–127.

История феодализма в России в публицистике Г.Е. Благовестлова // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков: Памяти проф. В.Б. Кобриня: сб. науч. тр. / Ярослав. гос. ун-т; редкол.: А.А. Севастьянова (отв. ред.) и др. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1992. С. 177–185.

Крестьянский вопрос на страницах журнала «Атеней» // Чтения памяти В.Б. Кобриня «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: тез. докл. и сообщ., Москва, 26–29 янв. 1992 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1992. С. 126–127.

Программа курса «История Отечества». Ч. 1: [материалы к всерос. конф. «Гуманитар. подготовка студентов негуманитар. спец. и специалистов гуманитар. профиля, 2–3 апр. 1992 г.] / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: [Б.и.], 1992. 38 с. Соавт.: Л.И. Демина, И.В. Курукин, Е.Ю. Наумов.

Федор Мазурин и его собрание // Домострой. 1992. № 2. 14 янв. С. 11. Соавт.: И.В. Курукин.

1993

Архивные источники о журнале «Мир искусства» (1898–1904 гг.) // Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 28–30 янв. 1993 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1993. С. 108–110.

Историческая наука – журналистика – «потаенная история» // Историческая наука и архивы: тез. докл. науч.-практ. конф., 19–20 окт. 1993 г. / Волго-Вят. кадров. центр Гл. упр. по подготовке кадров для гос. службы при Правительстве Рос. Федерации; Арх. отд. гос.-правов. департамента администрации Нижегород. обл.; Нижегород. обл. Центр документации новейшей истории; отв. ред. А.А. Кулаков. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. кадров. центра, 1993. С. 50–52.

Крестьянское движение в Калужской деревне в третьей четверти XVIII века // Деревня Центральной России: история и современность: тез. докл. и сообщ. науч.-

практ. конф., Калуга, дек. 1993 г. / Науч. и культ.-просвет. о-во «Энциклопедия рос. деревень»; Аграр. ин-т Рос. акад. с.-х. наук; Калуж. гос. пед. ин-т; Калуж. науч. центр; редкол.: А.А. Никонов (пред.) и др. М.: Рос. акад. с.-х. наук, 1993. С. 96–98. Соавт.: М.Ф. Прохоров.

Неофициальная часть «Вологодских губернских ведомостей» об историко-художественной жизни края в XIX в. // Художественная культура Вологды и ее связи. Вологда: [Б.и.], 1993. С. 18–23.

Новгородская периодика о социально-экономическом развитии края в XIX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тез. докл. и сообщ. науч. конф., 16–18 нояб. 1993 г. / Новгород. гос. ун-т; отв. ред. В.Ф. Андреев. Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та, 1993. С. 66–68.

О политической программе Б.Н. Чичерина на рубеже 50–60-х гг. XIX века // Российская государственность: этапы становления и развития: тез. и материалы науч. конф. / Костром. гос. пед. ин-т им. Н.А. Некрасова; оргкомитет фестиваля «Вехи»; ред. М.Н. Белов. Кострома: [Б.и.], 1993. Ч. 2. С. 60–64. Соавт.: Л.И. Демина.

Отечественная история древнего мира и средних веков: прогн. курса // Программы учебных курсов Г-09 «Политология» (I семестр 1993/1994 уч. г.) / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Ист.-политол. отд-ние; сост. А.П. Логунов, Н.Л. Андропова. М.: [Б.и.], 1993. С. 16–20. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов.

Программа курса «История Отечества»: для студентов ист.-филол. фак. РГГУ / под ред. А.И. Комиссаренко // Программы курсов по всеобщей и отечественной истории, читаемые в РГГУ / Республ. центр гуманитар. образования РФ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. колледж. М.: [Б.и.], 1993. С. 30–63. Соавт.: Л.И. Демина.

Программа курса «Отечественная история»: для абитуриентов РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1993. 38 с. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов, А.Б. Безбородов.

Три возраста российской интеллигенции: Н. Зернов и его книга «Три русских пророка» // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 13–15 сент. 1993 г. / Межвуз. центр Рос. Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»; Иван. гос. ун-т; редкол.: В.С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-т, 1993. С. 266–267.

«Урания» – первый калужский журнал-«энциклопедия» // Деревня Центральной России: история и современность: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., Калуга, дек. 1993 г. / Науч. и культ.-просвет. о-во «Энциклопедия рос. деревень»; Аграр. ин-т Рос. акад. с.-х. наук; Калуж. гос. пед. ин-т; Калуж. науч. центр; отв. ред. А.А. Никонов. М.: Рос. акад. с.-х. наук, 1993. С. 105–109.

«Ученье» журналы и книгоиздательское предпринимательство в России // Российское купечество от средних веков к новому времени: науч. конф., Москва, 2–4 нояб. 1993 г.: тез. докл. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; редкол.: А.В. Семенова (отв. ред.) и др. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 1993. С. 130–134.

Ярославское отделение РМО и музыкальная жизнь края: (по материалам музыкальной периодики и архивным источникам) // Русская провинция и мировая культура: тез. докл. на науч. конф. / Яросл. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского; Междунар. ассоциация «Диалог культур»; Комитет по высшей школе России, Проблем. совет по эстетике и эстетическому воспитанию; Комитет гос. поддержки культуры и искусства Ярослав. обл. Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1993. С. 85–86.

1994

Благосветлов Григорий Евлампиевич // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энцикл.: в 5 т. / гл. ред. В.Л. Янин. М.: Большая Рос. энцикл., 1994. Т. 1: А–Д. С. 240.

Е.В. Болховитинов как историк русской провинции // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа: материалы науч. конф. / Администрация Костром. обл.; Костром. гос. пед. ин-т; Дирекция фестиваля «Вехи»; редкол. В.Р. Веселов (отв. ред.) и др. Кострома: [Б.и.], 1994. Ч. 1: Культурный потенциал и духовная жизнь российской провинции. С. 198–202. Соавт.: Л.И. Демина.

Информационные поля системы культурного потенциала русской провинции // Русский вопрос: история и современность: материалы докл. Второй всерос. науч. конф. / Комитет по культуре и искусству Администрации Ом. обл., Деп. по культуре и спорту; Администрация Омска; Ом. гос. ун-т; Ом. обл. обществ.-полит. центр; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; редкол.: Н.А. Томилов (отв. ред.) и др. Омск: [Б.и.], 1994. Ч. 1. С. 179–183. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Историографическая публицистика В.Н. Сторожева // Человек в мире искусства: информационные аспекты: междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 7–10 сент. 1994 г.: тез. докл. / Междунар. акад. информатизации, Отд-ние информ. культуры, Краснодар. регион. отд-ние; Краснодар. гос. акад. культуры; Моск. гос. ун-т культуры; науч. ред. И.И. Горлова, Ю.С. Зубов. Краснодар: [Б.и.], 1994. Ч. 1. С. 180–182.

Историческое самосознание российского общества в новейшей историографической литературе // Курс истории в вузе / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. колледж; науч. рук. Ю.Н. Афанасьев. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. [Вып. 3]: Проблемы и методы истории и историографии: метод. материалы. Тексты лекций. С. 107–122. Соавт.: Л.И. Демина.

История Новгорода Великого в освещении журнала «Нива» // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тез. докл. и общ. науч. конф., [15 нояб. 1994. г.] / Новгор. гос. ун-т; отв. ред. В.Ф. Андреев. Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-т, 1994. С. 109–111.

История общественной мысли в России в историографии XIX века // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: тез. докл. всерос. науч. конф., 11–14 мая 1994 г. / Сыктывк. гос. ун-т; редкол.: Л.А. Максимова (отв. ред.) и др. Сыктывкар: [Б.и.], 1994. Вып. 3. С. 84–85.

История Отечества: вторая половина XIX – начало XX в.: (прогр. для X кл. лицейского обучения) // Программа «Российский гуманитарный лицей». История. Русский язык и литература. География. Математика / Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: Н.И. Басовская и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 28–39. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов.

История Отечества: с древнейших времен до конца XVII в.: (прогр. для VIII кл. лицейского обучения) // Программа «Российский гуманитарный лицей». История. Русский язык и литература. География. Математика / Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: Н.И. Басовская и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 5–18. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов.

История Отечества по страницам неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» // История и культура Волго-Вятского края: (к 90-летию Вят. учен. арх. комис.) тез. докл. и сообщ. межрегион. науч. конф., Киров, 18–20 окт. 1994 г. / Деп. культуры и искусства Администрации Киров. обл.; Киров. гос. пед. ин-т; Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена; редкол. В.В. Низов (отв. ред.) и др. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. С. 157–160. Соавт.: Л.И. Демина.

История российской журналистики XVIII–XIX вв.: прогр. курса / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории древ. мира и сред. веков; отв. ред. А.Д. Степанский. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 16 с.

Личный фонд Е.Ф. Шмурло и проблема информационных полей истории Отечества в творчестве ученого // ВА. 1994. № 3. С. 30–32. Соавт.: Л.И. Демина.

Личный фонд Е.Ф. Шмурло и проблема информационных полей истории Отечества в творчестве ученого // Личные фонды и коллекции – источник сохранения

национальной памяти России: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Рос. о-во историков-архивистов, Секция личных фондов и старинных документальных памятников; Моск. гор. объедин. архивов при Правительстве Москвы; ВНИИДАД. М.: ВНИИДАД, 1994. [доклад № 15]. Соавт.: Л.И. Демина.

Научно-просветительская деятельность историков Московского университета в 1906–1914 гг. // Российские университеты XVIII–XIX веков в системе исторической науки и исторического образования: материалы межвуз. науч. конф., посв. памяти основоположников историогр. науки в Воронеж. ун-те проф. Ильи Николаевича Бороздина и доц. Ефима Герцовича Шуляковского, 17–19 нояб. 1994 г. / Воронеж. гос. ун-т, Ист. фак.; науч. ред. В.И. Чесноков. Воронеж: [Б.и.], 1994. С. 39–41. Соавт.: Л.И. Демина.

Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII в.: прогр. курса / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории древ. мира и сред. веков; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 27 с. Соавт.: Л.И. Демина.

Преподавание «исторических дисциплин» и учебно-методические издания на историко-филологическом факультете Дерптского университета // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 27–29 янв. 1994 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 104–105.

«При университете изданы»: учебная и научно-историческая литература Московского университета 50–70-х гг. XIX в. // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. междунар. науч. конф. / Ком. гос. поддержки культуры и искусства Яросл. обл.; Яросл. гос. ун-т; Яросл. ист.-архитектур. музей-заповедник; отв. ред. А.М. Селиванов. Ярославль: [Б.и.], 1994. Вып. 1. С. 107–110.

Проблемы регионалистики в «исторических о губерниях сведениях»: (по материалам «губернских ведомостей») // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посв. памяти М.А. Гудошникова и Ф.А. Кудрявцева, Иркутск, 27–30 июня 1994 г. / Иркут. гос. ун-т; АО «Наука-Сервис»; редкол.: В.Т. Агалаков (гл. ред.) и др. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1994. Ч. 1. С. 60–62. Соавт.: Л.И. Демина.

Программа курса «Отечественная история»: для абитуриентов РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 29 с. Соавт.: Л.И. Демина, А.Б. Безбородов.

Реформы Петра Великого в исторической публицистике третьей четверти XIX в. // Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы / Гос. прогр. «Народы России: возрождение и развитие»; редкол.: А.О. Бороноев и др. СПб.: Петрополис, 1994. С. 124–126 (Россия накануне XXI в.; вып. 4).

Россия и Италия: диалог культур в творчестве Е.Ф. Шмурло // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: тез. докл. всерос. науч. конф., 11–14 мая 1994 г. / Сыктывк. гос. ун-т; отв. ред. Т.Я. Гринфельд. Сыктывкар: [Б.и.], 1994. Вып. 4. С. 72–74. Соавт.: Л.И. Демина.

С.Г. Нечаев и его модель преобразования России в оценках чиновников Департамента полиции // Реформы в России: модели и прогнозы: Всерос. конф., 15–16 сент. 1994 г.: тез. докл. / Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитар. и соц. наук при Рост. гос. ун-те; Гос. прогр. «Народы России: возрождение и развитие»; редкол.: Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. Ростов н/Д: [Б.и.], 1994. Вып. 1, ч. 1: Исторический опыт реформ и контрреформ в России. С. 62–64. Соавт.: Л.И. Демина.

«Славянский вопрос» на страницах газеты-журнала «Гражданин» // История России XIX–XX вв.: Историография, новые источники: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. / Нижегород. гос. архитектурно-строительная акад.; Комитет по делам архивов гос.-прав. деп. Администрации Нижегород. обл.; Нижегород. обл. Центр документации новейшей истории; редкол.: А.А. Кулаков (отв. ред.) и др. Н. Новгород: Нижегород. гос. архитектурно-строительная акад., 1994. С. 67–69.

Страницы истории Тверского края в освещении «Тверских губернских ведомостей» середины XIX века // Тверская земля в прошлом и настоящем: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; редкол.: С.И. Федосова (отв. ред.) и др. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1994. С. 48–56. Соавт.: Л.И. Демина.

Яренский уезд в середине XVIII века // Вычегодский край в истории России: науч.-практ. конф., посв. 610-летию Яренска и 75-летию Ярен. краевед. музея, 22–24 сент. 1994 г.: тез. докл. / Администрация Ленск. р-на Архан. обл.; Ленск. район. о-во краеведов; Яренск. краевед. музей; редкол.: М.А. Мацук (отв. ред.) и др. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. у-т, 1994. С. 12–14. Соавт.: М.Ф. Прохоров.

1995

«Азиатский вестник» Г.И. Спасского и европейские общества ориенталистов // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение: тез. докл. всерос. науч.-практ. конф., 21–22 нояб. 1995 г. / Нижегород. гос. архитектурно-строительная акад.; редкол.: А.А. Кулаков (отв. ред.) и др. Новгород: Нижегород. гос. архитектурно-строительная акад., 1995. С. 114–116.

«Азиатский музыкальный журнал» и музыкальная фольклористика народов Поволжья // Сб. тез. регион. науч. конф. «Проблемы взаимодействия национальных культур»: («Межэтнические общения в полиэтническом регионе») / Администрация Астрахан. обл., Деп. культуры Астрахан. обл.; Астрахан. гос. объединенный ист.-архитектур. музей-заповедник; Астрах. гос. пед. ин-т Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ин-та, 1995. Ч. 1. С. 97–99. Соавт.: Л.И. Демина.

Альманах «Древняя и Новая Россия» С.Н. Шубинского // История российской интеллигенции: материалы и тез. науч. конф. / Моск. гос. автомобильно-дорож. ин-т (Техн. ун-т); редкол.: Г.Г. Касаров (отв. ред.) и др. М.: [Б.и.], 1995. Ч. 1. С. 29–30.

В.О. Ключевский и «Дело о разрешении издания журнала “Исторический вестник”» // Ключевский: сб. материалов / Археогр. комис. Рос. акад. наук; Департамент культуры Пенз. обл.; отв. ред. С.О. Шмидт. Пенза: Тип. «Пенз. правда», 1995. Вып. 1. С. 216–219.

Высшая школа России в освещении журнальной периодики 1890–1900-х годов // Высшая школа в преддверии XXI века: тез. докл. науч. конф., посв. 75-летию Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 16–17 окт. 1995 г. / отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. С. 46–48. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Журфиксы: пульс культурной жизни провинции середины XIX в. // III Всерос. науч. конф. «Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни»: тез. докл. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. ин-т культурологии; Администрация Пенз. обл.; Союз краеведов России; [отв. ред. С.О. Шмидт]. Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1995. С. 94–97.

Из истории цензурирования «Новгородских губернских ведомостей»: (по материалам РГИА) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 14–16 нояб. 1995 г. / Новгор. гос. ун-т; Межвуз. науч. прогр. «Ист. опыт рус. народа и современность»; сост. В.Ф. Андреев. Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-та, 1995. С. 110–113.

Интеллигенция и историческая наука русского зарубежья: (по эпистолярным источникам) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20–21 сент. 1995 г. / Иван. гос. ун-т; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Проблем. совет. и межвуз. центр Рос. Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»; редкол.: В.С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1995. Т. 2. С. 508–509. Соавт.: Л.И. Демина.

Историки русского зарубежья 1920-х годов: Б.А. Евреинов // Россия 20-х годов уходящего столетия: тез. Первой Всерос. заоч. науч. конф. / С.-Петербург. гос. техн. ун-т; науч. ред. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 1995. С. 12–14. Соавт.: Л.И. Демина.

Историко-этнографические описания народов Поволжья в «Астраханских губернских ведомостях» // Проблемы взаимодействия национальных культур: сб. тез. регион. науч. конф. «Межэтнические общения в полиэтничном регионе». Астрахань: Изд-во Астрах. пед. ин-та, 1995. Ч. 1. С. 19–21.

Историографическая школа. Историко-архивного института // Высшая школа в преддверии XXI века: тез. докл. науч. конф., посв. 75-летию Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 16–17 окт. 1995 г. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; редкол.: М.Е. Главацкий (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. С. 24–26. Соавт.: Л.И. Демина, В.А. Муравьев.

«Историографические этюды» В.Н. Сторожева // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20–21 сент. 1995 г. / Иван. гос. ун-т; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Проблем. совет и межвуз. центр Рос. Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»; редкол.: В.С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1995. Т. 2. С. 564–565.

«Краткое наставление к собиранию и сохранению естественно-исторических коллекций» Л.П. Сабанеева // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тез. докл. VI науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» / отв. ред. Ф.В. Васильев. Н. Новгород: [Б.и.], 1995. С. 148–149.

Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII в. // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени: межвуз. сб. ст. / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского; редкол.: А.М. Дубровский, В.И. Золотов, С.И. Михальченко. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1995. С. 108–118. Соавт.: М.Ф. Прохоров.

Мир городецкой вотчины в 70-е годы XVIII века: (социально-правовые аспекты) // Городецкие чтения: материалы [Второй] науч. конф., Городец, 10–13 мая 1994 г. / Администрация Городец. р-на; Комитет по охране и использованию ист.-культ. наследия Н. Новгорода и Нижегород. обл.; Городец. краевед. музей; Ист.-арх. центр «Икс»; редкол.: Г.Ф. Богданова, В.В. Бровина, Т.В. Гусева, В.Л. Янин; сост. Т.В. Гусева. Городец: Администрация Городец. р-на, 1995. [Вып. 2]. С. 95–100. Соавт.: Л.И. Демина, М.Ф. Прохоров.

Неосуществленные проекты журналов, общепользых для всех сословий // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога: материалы межвуз. науч. конф., 21–22 апр. 1995 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Информ. центр по ист. образ., Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории нового времени; редкол.: А.П. Логунов (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 65–67.

Октябрьская революция и трансформация политического кредо историка Н.А. Рожкова // История партий эсеров, анархистов и меньшевиков России: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Политические партии и общественное движение стран дружества (XIX–XX вв.): история, источниковедение, историография и современность» / Владимир. гос. пед. ун-т; редкол.: Г.П. Аннин (отв. ред.) и др. Владимир: [Б.и.], 1995. Ч. 2. С. 73–76. Соавт.: Л.И. Демина.

Описания Вологодской деревни и губернских городов в официальной периодике XIX века // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к всерос. науч. конф., посв. 50-летию Победы в Великой Отеч. войне / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Администрация Вологод. обл.; Вологод. гос. пед. ин-т; Рос. акад. наук, Археогр. комис., Сев. отд-ние; Вологод. проблем. об-ние по аграр. истории Европ. Севера России; Сев.-Запад. регион. секция Совета по историографии и источниковедению; гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Русь, 1995. С. 277–279.

Отечественная история: прогр. вступ. экзаменов / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. 31 с. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов, А.Б. Безбородов.

Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII века: прогр. курса для специальности № 020800 – Историко-архивоведение / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории древ. мира и сред. веков; отв. ред. А.И. Комиссаренко. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. 32 с. Соавт.: Л.И. Демина.

П.Н. Милкоков и Е.Ф. Шмурло: штрихи к портрету друзей // Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX – середина XX в.): тез. докл. и сообщ. респуб. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 20–21 апр. 1995 г. / Науч. ред. Т.Г. Фруменкова. СПб.: Минерва, 1995. С. 50–52. Соавт.: Л.И. Демина.

П.Н. Милкоков и Е.Ф. Шмурло в их переписке и воспоминаниях // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 135–142. Соавт.: Л.И. Демина.

Параметры историко-статистических и экономических описаний городов, сел и деревень в «Воронежских губернских ведомостях» // Материалы для изучения сельских поселений России: докл. и сообщ. третьей науч.-практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность». Воронеж, дек. 1994 г. / Науч. и культ.-просвет. о-во «Энциклопедия рос. деревень»; Аграр. ин-т Рос. акад. с.-х. наук; Регион. о-во «Энциклопедия Центральночерноземной деревни»; редкол.: А.А. Никонов (пред.) и др. М.: Рос. акад. с.-х. наук, 1995. Ч. 2: История. География. Экономика. Экология. С. 80–82.

По страницам «Губернских ведомостей»: динамика социокультурных процессов в городах Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф., [Омск, 23–25 марта 1995 г.] / Акад. гуманитар. наук Рос. Федерации, Деп. культуры и спорта Администрации г. Омска; Комитет по культуре и искусству Администрации Ом. обл.; Ом. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; Алтайский гос. ин-т культуры, Ом. фил.; редкол.: Д.А. Алисов (отв. ред.), В.Г. Рыженко (отв. ред.) и др. Омск: [Б.и.], 1995. С. 112–114. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Популяризация истории в журналах И.И. Мартынова // Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимины, Москва, 26–28 янв. 1995 г. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; отв. ред. Ю.Н. Афанасьев, А.Н. Сахаров. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. Ч. 2. С. 369–372.

Программа курса «Отечественная история»: для абитуриентов РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 31 с. Соавт.: Л.И. Демина, Е.Ю. Наумов.

Программные исследования истории народов Поволжья, Урала, Сибири в журнале «Дело» // Тарасовские чтения, 14–15 марта 1995 г.: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посв. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуж. деятеля науки Марийской Республики Веры Матвеевны Тарасовой / Марийский гос. пед. ин-т, Каф. истории; редкол. Г.В. Роккина (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола: Марийский гос. пед. ин-т, 1995. С. 19–21.

Сибирская периодика: агрегирование дискретной информации о региональных социокультурных процессах // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 23–25 марта 1995 г. / Акад. гуманитар. наук Рос. Федерации; Ом. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; отв. ред. Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко. Омск: [Б.и.], 1995. С. 115–117. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Создание базы данных по проблемам регионалистики на основе периодической печати и архивных материалов // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе: докл. и тез. выступлений на Всерос. конф., 20–22 дек. 1994 г. / Всерос. науч.-исс. ин-т документоуправления и архивного дела; ред. совет: М.В. Ларин (пред.) и др. М.: ВНИИДАД, 1995. С. 141–143. Соавт.: Л.И. Демина.

Университетская профессура о преобразовании высшей школы России во второй половине XIX – начале XX века // Культура и интеллигенция России в эпоху

модернизаций (XVIII–XX вв.): материалы второй всерос. науч. конф. / Координац. совет по культуре межрегион. ассоц. «Сиб. соглашение»; Ком. по культуре и искусству администрации Ом. обл.; Ом. гос. ун-т, Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; редкол.: Н.А. Томилов (гл. ред.) и др. Омск: Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил., 1995. Т. 2: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. С. 29–33. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Цензура и развитие этнологической мысли в России в середине XIX в. // Проблемы взаимодействия национальных культур: сб. тез. регион. науч. конф. «Межэтнические общения в полиэтническом регионе». Астрахань: Изд-во Астрах. пед. ин-та, 1995. Ч. 1. С. 22–24. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Чиновники особых поручений по делам цензуры периодической печати // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: Чтения памяти проф. Т.П. Коржихиной: материалы межвуз. науч. конф., Москва, 1–3 июня 1995 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; сост.: Т.Г. Архипова, Л.Д. Шаповалова, А.Ю. Юрчикова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 26–29.

1996

«Будь уверен, что никогда не забуду любви и верности вашей»: (Екатерина Великая И.П. Елагину) // Екатерина Великая: эпоха российской истории: в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796). К 275-летию Академии наук, Санкт-Петербург, 26–29 авг. 1996 г.: тез. докл. междунар. конф. / Рос. акад. наук, Санкт-Петербург. науч. центр; отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербург. науч. центр, 1996. С. 292–295. Соавт.: Л.И. Демина.

В поисках «первого исторического журнала» в России: некоторые наблюдения и итоги // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков: сб. ст. / Брян. гос. пед. ун-т; отв. ред. А.М. Дубровский, С.И. Михальченко. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. С. 3–28.

«Газетные люди»: (к истории просветит. элиты провинц. города XVIII–XIX столетий) // Проблемы культуры городов России: материалы второго Всерос. науч.-практ. семинара, Омск, 22–24 окт. 1996 г. / Администрация г. Ишима Тюмен. обл.; Деп. культуры и искусства Администрации Ом. обл.; Комитет по культуре и искусству Администрации Ом. обл.; Ом. гос. ун-т, Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; Акад. гуманитар. наук; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; Рос. фонд культуры. Омск: [Б.и.], 1996. Ч. 1. С. 157–160.

Журналистика и историческая наука в России XVIII–XIX вв.: прогр. курса для специальности № 020800 «Историко-архивоведение» / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории древ. мира и сред. веков; отв. ред. А.Д. Степанский. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 18 с.

Журнальная периодика в кругу чтения подписчиков губернских публичных библиотек: (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 24–25 сент. 1996 г. / Иван. гос. ун-т; Проблем. совет и межвуз. центр Рос. Федерации «Полит. культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Акад. соц. наук Рос. Федерации; редкол.: В.С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-т, 1996. С. 119–121.

Историко-статистические и этнографические описания народов Русского Севера на страницах «Архангельских губернских ведомостей» // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: сб. тез. V Межвуз. конф. по ист. демографии и ист. географии Центр. Черноземья и Запада России, Брянск, апр. 1996 г. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии Центр.-Чернозем. секция, Брян. гос. пед. ун-та им. И.Г. Петровского; редкол.: О.В. Горбачев (отв. ред.) и др. М.; Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. С. 14–16.

Итальянские архивы на службе российской исторической науки // Труды Историко-архивного института / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, гл. ред. Е.В. Старостин. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. Т. 33. С. 224–234. Соавт.: Л.И. Демина.

К вопросу о научно-просветительской деятельности историков Московского университета в 1906–1914 годах // Российские университеты в XIX – начале XX века: сб. науч. ст. / редкол.: В.И. Чесноков (отв. ред.) и др. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. Вып. 2. С. 69–77. Соавт.: Л.И. Демина.

Карманные книжки «для любителей земледелия и землепользователей»: опыт практического руководства середины XIX века // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: XXV сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы, Арзамас, 10–13 сент. 1996 г.: тез. докл. и сообщ. / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Ин-т рос. истории, Науч. совет по аграр. истории; Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории, 1996. С. 77–80.

Крепостная школа в вотчине Воронцовых в середине XVIII в. // Дискурс: коммуникация, образование, культура. 1996. № 2. С. 116–120. Совм. с М.Ф. Прохоровым. Из содерж.: *Мещеряков Г.* Наставление новозаведенной в селе Андреевском школе [1773 г.] / публ. М.П. Мохначевой, М.Ф. Прохорова.

Крестьянин-предприниматель конца XVIII века: (по материалам Городецкой вотчины) // Деловая Россия: история и современность: тез. Второй Всерос. заоч. науч. конф. / С.-Петерб. гос. техн. ун-т; Гос. науч.-исслед. прогр. «Народы России: возрождение и развитие»; науч. ред. Р.В. Дегтярева, С.Н. Полторака. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1996. С. 33–35. Соавт.: Л.И. Демина, М.Ф. Прохоров.

Круг провинциальных посетителей петербургских журфиксов середины XIX века // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всерос. науч. конф. (Пенза, 25–29 июня, 1995 г.) / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. ин-т культурологии; Союз краеведов России; Департамент культуры Пенз. обл.; отв. ред. С.О. Шмидт. Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996. Кн. 1. С. 314–329.

Международные научные связи ученых Казанского университета // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции: материалы межвуз. науч. конф., 14–15 мая 1996 г. / Казан. гос. пед. ун-т; редкол.: В.М. Бухарева (отв. ред.), О.В. Силин (отв. ред.) и др. Казань: Казан. гос. пед. ун-т; Форт Диалог, 1996. С. 97–100. Соавт.: Л.И. Демина.

Неизвестные страницы истории журнала «Русское Богатство» // Россия в девятнадцатом веке: политика, экономика, культура: сб. науч. ст. / под ред. В.И. Старцева, Т.Г. Фруменковой. СПб.: Третья Россия, 1996. Ч. 4. С. 9–17.

«Неофициальная часть» губернских ведомостей: познавательные возможности сравнительного источниковедения // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 29–31 янв. 1996 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Археогр. комис.; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 233–236.

Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энцикл.: в 5 т. / гл. ред. В.Л. Янин. М.: Большая Рос. энцикл., 1996. Т. 2: Д–К. Из содерж.: «Дело», ежемесячный литературно-политический журнал. С. 10; «Друг просвещения»: журнал литературы, наук и художеств. С. 88; Елисеев Григорий Захарович. С. 139–140; Кашкин Николай Дмитриевич. С. 541.

Отечественная история: вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 38 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.И. Демина, Н.В. Елисеева, Е.Ю. Наумов.

П.Б. Струве: редактор – издатель – публицист: вехи творчества // Петр Бернгардович Струве: (к 125-летию со дня рождения): сб. науч. ст. / под ред. В.И. Старцева. СПб.: Третья Россия, 1996. С. 101–115. Соавт.: Т.Н. Кандаурова.

Политик вне политики: А.А. Шахматов // Персонажи российской истории: (история и современность): тез. Третьей Всерос. заоч. науч. конф. / С.-Петербург. гос. техн. ун-т; Гос. науч.-исслед. прогр. «Народы России: возрождение и развитие»; науч. ред. Р.В. Дегтярева, С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 1996. С. 161–163. Соавт.: Л.И. Демина.

Программа общественной поддержки военных реформ в журнале «Военный сборник» (конец 50-х – 70-е гг. XIX в.) // Опыт и уроки развития российской армии: тез. Четвертой Всерос. заоч. науч. конф. / С.-Петербург. гос. техн. ун-т; Гос. науч.-исслед. прогр. «Народы России: возрождение и развитие»; науч. ред. Р.В. Дегтярева, С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 1996. С. 60–63.

Реформы Петра Великого в исторической публицистике середины XIX в. // Россия в XVIII веке: войны и внешняя политика, внутренняя политика, экономика и культура: тез. респ. науч. конф., Санкт-Петербург, 22–23 янв. 1996 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Каф. рус. истории; под ред. Т.Г. Фруменкова. СПб.: Минерва, 1996. С. 23–25.

С.Н. Шубинский и его сборник-журнал «Древняя и новая Россия» // Труды Историко-архивного института / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; гл. ред. Е.В. Старостин. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. Т. 33. С. 168–176.

«Северо-русские народопрательства» в исторической публицистике середины XIX века // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тез. докл. и сообщ. науч. конф., 12–14 нояб. 1996 г. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Межрегион. науч. программа «Исторический опыт русского народа и современность»; сост. В.Ф. Андреев. Новгород: [Б.и.], 1996. С. 148–152.

Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография / Рос. гос. гуманитар. ун-т; под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 78–123 (Россия: XX век; кн. 2).

«Тульские губернские ведомости» в первое тридцатилетие издания // Тула историческая: прошлое и настоящее: тез. докл. науч.-практ. конф., посв. 850-летию г. Тулы / Администрация Тул. обл.; Администрация г. Тулы. Тула: [Б.и.], 1996. С. 62–64.

«Финский вестник» Ф.К. Дершау в истории отечественного финно-угроведения // Россия в новое время: историческая традиция и проблемы самоидентификации: материалы межвуз. науч. конф., 25–27 апр. 1996 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Информ. центр по ист. образованию, Ист.-арх. ин-т, Каф. отеч. ист. нового времени; редкол.: А.П. Логунов (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 174–176.

Сyllabus: аннот. кат. курсов учеб. дисциплин / Рос. гос. гуманитар. ун-т М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. Из содерж.: Отечественная история. С. 15. Соавт.: Л.И. Демина, Л.А. Можяева, Е.Ю. Наумов, М.К. Юрасов; История России с древнейших времен до конца XVIII в. С. 24–25; История исторической науки в России. С. 54; Историография отечественной истории. С. 56–57.

1997

Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета: (1840–1860-е годы) // АЕ за 1997 год / Рос. акад. наук. Отд.-ние истории, Археогр. комис., Гос. арх. служба Рос. Федерации; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1997. С. 128–139.

Адреса московских журфиксов // ОА. 1997. № 4. С. 19–25.

«Азиатский вестник» Г.И. Спасского и европейские общества ориенталистов // Россия и Восток: история и культура: материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; Ом. гос. ун-т; Рос. акад. наук, Сиб. отд.-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; Новосибир. гос. пед. ун-т; Международ. федерация терминологических банков и центров; Науч.-коорд. совет Респуб. науч.-исс. программы «Народы России: возрождение и развитие»; редкол.: Н.А. Томилов (гл. ред.) и др. Омск: [Б.и.], 1997. С. 205–209.

Александр Николаевич Радищев. «Он бунтовщик хуже Пугачёва!» // Энциклопедия для детей. М.: Аванта+, 1997. Т. 5: История России, ч. 2: От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ / гл. ред. М. Аксенова; отв. ред. тома Д. Володихин. С. 230–235. Соавт.: Л.И. Демина.

Алтайский центр историко-географических исследований во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 3–5 февр. 1997 г. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин; редкол.: О.М. Медушевская (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 273–276. Соавт.: Л.И. Демина.

«Доходчивая география»: карманные книжки, издаваемые от РГО // Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 3–5 февр. 1997 г. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; отв. ред. О.М. Медушевская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 184–186.

«Дух глубокой почиттельности к науке проникал всех»: научное сообщество Московской духовной академии в XIX в. // История вузов России: материалы Шестой Всерос. заоч. науч. конф. / науч. ред. С.Н. Полторац. СПб.: Нестор, 1997. С. 45–48.

Еврейская историческая журналистика XIX – начала XX веков // Народы России и история формирования российской культуры: тез. 5-й Всерос. заоч. науч. конф. / Науч. ред. С.Н. Полторац. СПб.: Нестор, 1997. С. 87–89. Соавт. Л.И. Демина.

Журналы-вестники по истории народов России и их роль в популяризации национальных историко-культурных традиций // Народы России и история формирования российской культуры: тез. 5-й Всерос. заоч. науч. конф. / Науч. ред. С.Н. Полторац. СПб.: Нестор, 1997. С. 40–43.

Казанский центр ориенталистики в 30–40-е годы XIX столетия: (по страницам журнальной периодики) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: тез. и крат. содерж. докл. междунар. науч. конф., 10–11 окт. 1996 г. / Казан. гос. ун-т; отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Фест, 1997. С. 101–105.

Москва: энцикл. / гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Большая рос. энцикл., 1997. Из содерж.: «Москвитянин». С. 499; «Московский вестник». С. 513–514; «Московский журнал». С. 514–515; «Московский наблюдатель». С. 516.

Неуклюжее слово «ячество» – алгоритм «руководящей публицистики» XIX в. // Россия в новое время: личность и мир в историческом пространстве: материалы междууз. науч. конф., 14–16 апр. 1997 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Фак. истории, политологии и права, Каф. отеч. истории нового времени ИАИ; редкол.: А.П. Логунов (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 121–123.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 29 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.И. Демина, Н.В. Елисеева, С.В. Карпенко, Е.Ю. Наумов.

«Пишу из царства Сумбеки» (33 письма Г.Н. Городчанинова В.Г. Анастасевичу) // Россия и Восток: история и культура: материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; Ом. гос. ун-т; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил.; Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; Новосиб. гос. пед. ун-т; гл. ред. Н.А. Томилов. Омск: [Б.и.], 1997. С. 202–205.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энцикл. биогр. слов. / под общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. Из содерж.: Изюмов Александр Филаретович. С. 264–265. Соавт.: Л.И. Демина; Соловьев Александр Васильевич. С. 586–587; Шахматов Мстислав Вячеславович. С. 711. Соавт.: Л.И. Демина.

Становление юридической журналистики в России (типологический аспект) // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г.

Петровского, Юрид. фак., Каф. правовых дисциплин; отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1997. [Вып. 1]. С. 111–133.

Юридическое общество при Московском университете и его научно-издательская деятельность // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, Юрид. фак., Каф. правовых дисциплин; отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1997. [Вып. 1]. С. 134–145. Соавт.: Л.И. Демина.

Рец.: Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.; Киров: [Б.и.], 1995. 395 с. // ОА. 1997. № 3. С. 101–103. Соавт.: Л.И. Демина.

1998

А.И. Мусин-Пушкин и круг журнала «Друг Просвещения» // Мусины-Пушкины в истории России: к 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина / отв. ред. С.О. Шмидт. Рыбинск: Рыбин. подворье, 1998. С. 119–126. Соавт.: Л.И. Демина.

В.Г. Белинский и «культурно-историческая» школа в русской историографии // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей Всерос. науч. конф. / Ом. гос. ун-т; Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии; Арх. упр. Администрации Омск. обл.; Гор. музей «Искусство Омска»; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-та истории, филологии и философии, Ом. фил.; редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), В.Г. Рыженко (отв. ред.). Омск: Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии, 1998. Т. 1: Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). С. 106–110.

Журналистика – нравственный вектор отношения общества к памятникам истории и культуры // Права человека в диалоге культур: материалы науч. конф., 26–28 нояб. 1998 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); редкол.: А.П. Логунов и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 143–145.

Журналистика и историческая наука: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. 383 с.

Рец.: *Рейтблат А.И.* // Новое литературное обозрение. 1998. № 37. С. 389–391; *Куликов И.* // *Ex libris*: Книжное обозрение НГ. 1998. Ноябрь. № 43 (64); *Михальченко С.И.* // ОИ. 1999. № 2. С. 192–194; *Marker G.* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 789–793; *Присенко Г.П.* // ОА. 2000. № 5. С. 100–101; *Умбрашко К.Б.* // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. 2001. № 4. С. 86; *Умбрашко К.Б.* Русская историография XIX века: Неисповедимые пути. К выходу монографии М.П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука» // Клио (СПб.). 2003. № 2 (21). С. 42–52.

История России с древнейших времен до наших дней: прогр. курса для специальности № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020400 – Психология, № 021000 – Музеология, № 020600 – Культурология, № 022200 – Религиоведение, № 021800 – Теорет. и прикладная лингвистика / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Фак. арх. дела; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 26 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.И. Демина, Т.Н. Кандаурова, А.И. Комиссаренко, Л.А. Можаяева, Е.А. Антонова.

Н.В. Шелгунов и европейские рабочие ассоциации // Кооперация: страницы истории: в 3 т. / ред.-сост. Н.К. Фигуровская. М.: Наука, 1998. Т. 1: Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: в 3 кн. Кн. 1: 30–40-е годы XIX – начало XX в. Предыстория. С. 381–386. (Памятники экономической мысли). Из содерж.: *Шелгунов Н.В.* Рабочие ассоциации / публ. и коммент. М.П. Мохначевой. С. 387–438.

Неизвестные страницы истории статистико-географических, топографических и экономических описаний рубежа XVIII–XIX вв. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.: XXVI сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы,

Тамбов, 15–18 сент. 1998 г.: тез. докл. и сообщ. / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Ин-т рос. истории, Науч. совет по аграр. истории; Тамб. гос. техн. ун-т; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1998. С. 80–81.

О базе данных по истории заграничных командировок российских ученых XVIII–XIX вв. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.): материалы науч. конф., Москва, 14 февр. 1998 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Фак. арх. дела; сост. Е.А. Антонова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 56–61.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 30 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.И. Демина, Н.В. Елисеева, С.В. Карпенко, Е.Ю. Наумов.

«Ход и перевороты языка»: (по страницам журнальной периодики XVIII – начала XIX в.) // Дискурс: Коммуникация, образование, культура. 1998. № 5/6. С. 189–201.

Цензурное законодательство и текстовые интенции журналистики // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, Юрид. фак., Каф. правовых дисциплин; отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 123–148.

«Человек ученый»: семантика знака и проблема самоидентификации творческой личности в контексте биографистики // История и историки высшей школы России: уроки, проблемы, идеи: материалы Девятой Всерос. заоч. науч. конф. / науч. ред. С.Н. Полтораки. СПб.: Нестор, 1998. С. 22–25.

«Эластическое слово “Исторический” дало бы нам возможность касаться самых жизненных вопросов»: философское завещание Т.Н. Грановского // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 4–6 февр. 1998 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин, Рос.-фр. центр ист. антропологии им. М. Блока; редкол.: О.М. Медушевская (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 167–170.

«Юристуридент, наподобие историографа»: стратификация российских ученых званий в трудах М.В. Ломоносова // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII в.): тез. междунар. конф., Москва, 2–3 окт. 1998 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; ред. Е.А. Антонова, А.Б. Каменский, А.И. Комиссаренко, А.Л. Юрганов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 102–106.

Рец.: Историческая наука в России в XX веке / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. Г.Д. Алексеева. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. 568 с. // ОИ. 1998. № 3. С. 167–168. Соавт.: Л.И. Демина.

1999

Агрономические листки, ручные и карманные книжки: журнальный тип издания «Практических наставлений» сельским домохозяевам XVIII – середины XIX вв. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: материалы XXV сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Ин-т рос. истории, Науч. совет по аграр. истории; Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. Арзамас: Изд-во Арзамас. гос. пед. ин-та, 1999. С. 164–174.

Вопросы краеведения на страницах «Неофициальной части» «Тверских губернских ведомостей» // Четвертые культурологические чтения «Вопросы истории культуры и краеведения»: сб. ст. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации преподавателей соц. и гуманитар. дисциплин МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т молодежи; науч. ред. и сост. А.И. Фролов. М.: Социум, 1999. С. 20–23. Соавт.: Л.И. Демина.

Журналистика и историческая наука: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. 470 с.

Рец.: Дергачева Л.Д. // ОИ. 2001. № 4. С. 185–187.

Журналистика и историческая наука в России 30–70-х гг. XIX в.: (опыт источниковедения историографии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т, науч. консультант С.О. Шмидт. М.: [Б.и.], 1999. 55 с.

Исторический компонент в структуре военно-морского знания первой половины XIX в.: (по материалам военно-морской периодики) // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 4–6 февр. 1999 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин, Рос.-фр. центр ист. антропологии им. М. Блока; Рос. акад. наук, Археогр. комис.; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. С. 106–107.

Казанская научно-педагогическая школа права: Н.К. Нелидов и его программа преподавания государственного права в высших учебных заведениях России // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, Юрид. фак., Каф. правовых дисциплин; отв. ред. И.А. Тарасова. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1997. Вып. 3. С. 173–180.

Крестьянский мир в «Деревенском зеркале» 1797 г.: (первый журнал для крестьян в России) // Проблемы археологии и источниковедения отечественной истории: межвуз. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ун-т; гл. ред. М.С. Черкасова. Вологда: Русь, 1999. С. 77–85.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 27 с. Соавт.: Е.В. Барышева, Л.Г. Березовая, Л.И. Демина, Е.Н. Евсева, Е.Н. Елисеева, С.В. Карпенко, Е.Ю. Наумов.

Подворные описи как источник по изучению дворянской усадьбы XVIII века (по материалам Среднего Поволжья) // Исторический город в контексте современности: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. / Нижегород. гос. пед. ун-т; редкол.: Т.В. Гусева (отв. ред.) и др. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 1999. Вып. 1. С. 105–107. Соавт.: Л.И. Демина, М.Ф. Прохоров.

Популяризация истории в журналах И.И. Мартынова // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения: [сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимина, Москва, 26–28 янв. 1995 г.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; сост. С.М. Каштанов, Л.В. Столярова, А.Л. Хорошкевич. М.: Русский мир, 1999. С. 290–293.

Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса // АЕ за 1998 год / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Археогр. комис., Гос. арх. служба Рос. Федерации; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1999. С. 126–133.

Curriculum: аннот. кат. курсов учеб. дисциплин / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Ю.Н. Афанасьев. 2-е изд. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. Из содерж.: Отечественная история. С. 15. Соавт.: И.И. Глебова, А.Б. Данилин, Л.И. Демина, А.А. Киличенков, А.В. Крушельницкий, Е.В. Пчелов, О.Ю. Шамаева, И.С. Шинкарук, М.К. Юрасов, А.Л. Юрганов; История России с древнейших времен до конца XVIII в. С. 25–26; Историография отечественной истории. С. 70; История отечественной науки в России. С. 54; История исторической журналистики в России XVIII–XIX вв. С. 415–416.

Curriculum: Annotated Catalog of the Courses of Academic Disciplines / Russian State University for the Humanities / Ed. by Yu. Afanasiev. Moscow: RSUH, 1999. Contents: Russian History / Coauthors: I. Glebova, A. Danilin, L. Demina, A. Kilichenkov, A. Krushel'nitskii, E. Pchelov, O. Shamaeva, I. Shinkaruk, M. Yurasova, A. Yurganov. P. 15; Russian History from Ancient Times to the End of the XVIIIth Century. P. 25–26; Historiography of Russian History. P. 69; History of Historical Science in Russia. P. 69; History of Historical Journalism in Russia XVIII–XIXth Centuries. P. 399.

Рец.: Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 220 с. // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). С. 378–381.

2000

Александр Николаевич Радищев. «Он бунтовщик хуже Пугачёва!» // Эпоха Просвещения: Раздел тома «История России [и её ближайших соседей], ч. 2: От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ», серии «Энциклопедия для детей». Вторая половина XVIII века: учеб. пособие для 7–8 классов / гл. ред. М. Аксенова. М.: Аванта+, 2000. С. 134–139. Соавт.: Л.И. Демина.

В.Ф. Залеский и его программа преподавания истории философии права в средней и высшей школе // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, Юрид. фак., Каф. правовых дисциплин; редкол.: И.А. Тарасова (отв. ред.) и др. Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 196–202.

Развитие сети провинциальных публичных библиотек и массового чтения в России в освещении газеты «Губернские ведомости» // Культура российской провинции: век XX – XXI века: тезисы докладов Всерос. науч.-практич. конф., Калуга, 23–26 мая 2000 г. / Деп. образования и науки Калуж. обл.; Рос. ин-т культурологии. Калуга: Эйдос, 2000. С. 20–24.

С.С. Дудышкин: «Новые границы русской истории», или мысли вслух о проблемах отечествоведения // Методология региональных исторических исследований: материалы междунар. семинара, Санкт-Петербург, 19–20 июня 2000 г. / Балт. гуманитар. фонд, Russian Studies Princeton University; Kennan Institute; сост.: А. Кобак, С. Коткин, А. Севастьянова. СПб.: Нотабене, 2000. С. 91–94.

Социальные аспекты фермерства в российской деревне в освещении журнала «Экономический указатель» // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: (землевладение, землепользование, производство, менталитет): XXVII сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы, Вологда, 12–16 сент. 2000 г.: тез. докл. и сообщ. / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Науч. совет по проблемам аграр. истории, Ин-т рос. истории, Вологод. гос. пед. ун-т; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. М.: [Б.и.], 2000. С. 84–87.

«Ход и перевероты языка» XVII – середины XIX в. в оценках журнальной историографии // Источниковедение и краеведение в культуре России: сб. к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному ин-ту / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. В.Ф. Козлов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 371–374.

Читатели провинциальных публичных библиотек и репертуар их чтения в освещении газеты «Губернские ведомости» (источниковедческий анализ) // Культура российской провинции: век XX – XXI века: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Калуга, 23–26 мая 2000 г. / Деп. образования и науки Калуж. обл.; Рос. ин-т культурологии; редкол.: Т.Н. Кандаурова, М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова. Калуга: Эйдос, 2000. С. 169–178.

Рец.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с. // ОА. 2000. № 4. С. 102–106.

Рец.: Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М.: 1999. 416 с. // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 407–411.

Рец.: Место России в Европе // ОИ. 2000. № 5. С. 186–191. – Рец. на кн.: The Place of Russia in Europe (Materials of International Conference) / Ed. by G. Szvák. Budapest: Magyar Ruzisztikai Intezet, 1999. 271 p.

Рец.: Очерки русской культуры XIX века / под ред. Л.В. Кошман. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. Т. 1: Общественно-культурная среда. 384 с. // ОИ. 2000. № 6. С. 176–180.

Рец.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археогр. центр, 1997. 356 с. // ВИ. 2000. № 6. С. 161–164.

Ред.: Труды Историко-архивного института РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2000. Т. 35: Архивистика на рубеже веков: век XX – веку XXI. 146 с. Совм. с А.Б. Безбородовым.

2001

Г.Н. Городчанинов – первый казанский профессор русской словесности, член-корреспондент кружка А.И. Мусина-Пушкина // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: материалы юбилейн. чтений по истории и культуре древ. и новой России, Ярославль – Рыбинск 27–29 авг. 2000 г. / Департамент культуры и туризма Администрации Яросл. обл.; Яросл. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник; Рыбин. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник; отв. ред. М.П. Мохначева, А.А. Севастьянова, Л.В. Соколова. Ярославль: Александр Рутман, 2001. С. 286–291.

И.В. Вернадский и его журнал «Экономический указатель» о развитии фермерских хозяйств в России // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы / Рос. акад. наук, Отдние истории, Науч. совет по проблемам аграр. истории, Ин-т рос. истории, Вологод. гос. пед. ун-т; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2001. С. 172–182.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 24 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.Г. Березовая, Е.Н. Евсеева, Н.В. Елисеева, Л.И. Демина.

Рец.: Историк и время. 20–50 годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН; Изд-во «Мосгорархив», 2000. 360 с. // ОА. 2001. № 2. С. 94–98. Соавт.: Л.И. Демина.

Отв. ред.: 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: материалы юбилейн. чтений по истории и культуре древ. и новой России, Ярославль – Рыбинск 27–29 авг. 2000 г. / Департамент культуры и туризма Администрации Яросл. обл.; Яросл. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник; Рыбин. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник. Ярославль: Александр Рутман, 2001. 391 с. Совм. с А.А. Севастьяновой, Л.В. Соколовой.

2002

«Имеем здесь тысячу выгод перед Петрозаводском...»: историко-культурный феномен тамбовского дома Г.Р. Державина // Открытые культуры: материалы Всерос. науч. конф., Ульяновск, 23–25 мая [2002 г.] / Ульян. гос. ун-т; Ист.-мемор. заповедник «Родина В.И. Ленина»; Рос. ин-т культурологии; отв. ред., сост. В.А. Гуркин. Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2002. С. 151–155.

Круг историков на «пятничных беседах» у С.А. Юрьева в Москве в 1869–1872 гг.: (страницы истории научных сообществ и школ в исторической науке) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Археогр. ком.; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 348–352.

Материалы Вторых научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (Москва, 30 ноября – 1 декабря 1998 г.) // ННИ. 2002. № 6. С. 166–175.

Н.И. Костомаров: «Об отношении русской истории к географии и этнографии», или О методологии местной истории // Историческая геоэкология, география и природопользование: новые направления и методы исследования: материалы II междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 15–18 апр. 2002 г. / Рус. геогр. о-во; Рос. гос. гидрометеорол. ун-т; науч. ред. Ю.П. Селиверстов, Л.Б. Вампилова. СПб.: Рос. гос. гидрометеорол. ун-т, 2002. С. 62–63.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 24 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.Г. Березовая, Е.Н. Евсеева, Н.В. Елисеева, Л.И. Демина.

«Русский антропологический журнал» и его роль в истории отечественной исторической науки // Историк на пути к открытому обществу: материалы Всерос. науч. конф., Омск, 20–22 марта 2002 г. / Ом. гос. ун-т; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Ом.

обл. ин-т повышения квалификации работников образования; Ом. отд-ние межрегион. о-ва интеллект. истории; Ом. обс. музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля; Архив. управ. Администрации Ом. обл.; редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др. Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. С. 197–201.

Церковно-приходское и монастырское землевладение в Астраханском крае по публикациям «Астраханских губернских ведомостей» 1838–1858 годов // Землевладение и землепользование в России: (социально-правовые аспекты): XXVIII сес. Симп. по аграр. истории Вост. Европы, Калуга, 24–28 сент. 2002 г.: тез. докл. и сообщ. / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Ин-т рос. истории, Науч. совет по аграр. истории, Калуж. гос. пед. ун-т; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. М.: [Б.и.], 2002. С. 54–56.

Рец.: Очерки русской культуры XIX века / под ред. Л.В. Кошман. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. Т. 2: Власть и культура. 479 с. // ОИ. 2002. № 3. С. 172–175.

Рец.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: биобиблиогр. справ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с. // ОА. 2002. № 1. С. 91–95.

2003

Журнальная историография: принципы и методы изучения текста // Источниково-ведческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогаг. ист. дисциплин; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 231–234.

Отечественная история: прогр. вступ. экзамена / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Отв. ред. Н.И. Басовская. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. 23 с. Соавт.: А.Б. Безбородов, Л.Г. Березовая, Е.Н. Евсеева, Н.В. Елисеева, Л.И. Демина.

Провинциальная печать России XIX века в контексте истории литературного процесса: вопросы историографии // Новая локальная история: материалы первой Всерос. науч. интернет-конф., Ставрополь, 23 мая 2003 г. / Регион. науч.-образов. центр «Новая локальная история»; Ставроп. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист-арх. ин-т; Ставроп. регион. отд-ние Рос. о-ва интеллектуальной истории; редкол.: С.И. Маловичко (отв. ред.) и др. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-т, 2003. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. С. 124–127.

Российская журналистика в контексте истории литературной и историографической традиции XVIII–XIX вв.: проблематика и состояние изучения // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил.; редкол.: И.В. Крючков (отв. ред.) и др. Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 87–115.

Ред.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: П.А. Трибунский, 2003. 565 с. (Новейшая российская история: исследования и документы; т. 6).

Ред.: Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.

Чл. редколлегии: Новая локальная история: материалы первой Всерос. науч. интернет-конф., Ставрополь, 23 мая 2003 г. / Межвуз. науч.-образов. центр «Новая локальная история»; Ставроп. гос. ун-т; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2003. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. 262 с.

2004

«Астраханские губернские ведомости» о развитии сельскохозяйственного производства в Нижнем Поволжье в XVIII – середине XIX века // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: XXIX сес. Симп. по аграр. истории

Вост. Европы, Орел, 21–25 сент. 2004 г.: тез. докл. и сообщ. / Рос. Акад. наук, Отд.-ние истории; Ин-т рос. истории, Науч. совет по аграр. истории; Орл. гос. ун-т; редкол.: Л.В. Милов (отв. ред.) и др. М.: [Б.и.], 2004. С. 47–50.

Интернет-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. и задачи научного краеведения // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Всерос. семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне», Зарайск, 30 янв. 2004 г. / Науч.-эксперт. совет при Пред. Совета Федерации Федер. собрания Рос. Федерации; Союз краеведов России; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Центр ист. краеведения и москвоведения, Каф. регион. ист. и краеведения; редкол.: С.О. Шмидт (отв. ред.) и др. М.: Изд. центр «Москвоведение», 2004. С. 59–68.

История России с древнейших времен до конца XVIII века: учеб.-метод. комплекс: для специальности № 020800 – Историко-архивоведение / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. отечеств. истории древ. мира и сред. веков; отв. ред. И.В. Курукин. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 41 с. Соавт.: Е.А. Антонова, Л.И. Демина.

Л.И. Мечников: «великие исторические реки» как пространственно-временной континуум культуры // Новая локальная история: материалы второй междунар. науч. интернет-конф., Ставрополь, 20 мая 2004 г. / Ставроп. гос. ун-т, Регион. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. межрегион. отд.; редкол.: С.И. Маловичко (отв. ред.) и др. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. Вып. 2: Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов. С. 171–175.

Монологи о крестьянстве и путях модернизации России в столичной газетной и журнальной периодике 1858 г. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования: материалы XVI науч. конф., Москва, 30–31 янв. 2004 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и воспом. ист. дисциплин; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 272–275.

От научного редактора // Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: биобиблиогр. очерки. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. С. 3–5.

От Total History к Micro History: Интернет-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. и задачи научного краеведения // Первое сентября. История: Ежедневная газета для учителей истории и обществоведения. 2004. № 34 (754). 6–15 сент. С. 26–30.

Первая научная интернет-конференция «Новая локальная история»: заметки участника // Столица и провинция в отечественной и всемирной истории: материалы Всерос. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.Н. Ашуркова: в 2 т. / Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого; Администрация Тул. обл.; Тул. обл. Дума; Управа г. Тулы; Гос. воен.-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле»; Тул. обл. универс. науч. б-ка; редкол.: О.Г. Вронский (науч. ред.), Е.В. Симонова (отв. ред.) и др. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2004. Т. 1. С. 119–125.

Перечитывая Л.И. Мечникова: «история пограничных областей» в книге «Цивилизация и великие исторические реки» // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. Вып. 6 (специальный): материалы Междунар. науч. семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей», Пятигорск, 16–18 апр. 2004 г. / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд.-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. С. 91–99.

Проблема «отношения русской истории к географии и этнографии» на страницах журнальной периодики середины XIX в. // Историческая география: теория и практика: сб. науч. ст.: [по материалам II Междунар. конф., Санкт-Петербург, 15–18 апр. 2002 г.] / Рос. гос. гидрометеорол. ун-т, Рус. геогр. о-во, Комис. ист. географии; науч. ред. Л.Б. Вампилова. СПб.: Рос. гос. гидрометеорол. ун-т, 2004. С. 57–62.

Ред.: Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: биобиблиогр. очерки. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. 116 с.

Чл. редколлегии: Новая локальная история: материалы второй Междунар. науч. интернет-конф., Ставрополь, 20 мая 2004 г. / Ставроп. гос. ун-т, Регион. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. межрегион. отд.; отв. ред. С.И. Маловичко. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. Вып. 2: Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов. 364 с.

Чл. редколлегии: Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. Вып. 6 (специальный): материалы Междунар. науч. семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей», Пятигорск, 16–18 апр. 2004 г. / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. 326 с.

2005

В.И. Межов: размышления о «факте-знании» и «библиометрии» науки // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. Вып. 8 (специальный): материалы Междунар. науч. конф. «Факт-событие» в различных дискурсах, Пятигорск, 26–27 марта 2005 г. / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. С. 124–135.

Историко-краеведческие материалы на страницах газетной периодики XVIII – середины XIX века // АЕ за 2004 год / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Археогр. комис.; Фед. арх. агентство; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 245–259.

Литературные «штудии» в XVIII веке: историографический *текст* и исторический *факт* в сочинениях Екатерины II // XVIII век в истории России: соврем. концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация: [сб. ст.] / отв. ред. Л.И. Скрипкина. М.: Гос. ист. музей, 2005. С. 137–158 (Тр. Гос. ист. музея, вып. 148). Соавт.: С.И. Маловичко.

Литературные «штудии» в XVIII веке: историографический *текст* и исторический *факт* в сочинениях Екатерины II // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2005. Вып. 7. С. 184–203. Соавт.: С.И. Маловичко.

Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX века в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы науч. конф., Пенза, 25–26 июня 2001 г.: В 2 кн. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Союз краеведов России; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр ист. краеведения и москвоведения; М-во культуры Пенз. обл.; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Кн. 1. С. 282–297.

От редактора // Пиетров-Энcker Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Рос. гос. гуманитар. ун-т; пер. с нем. Ю.П. Шаттона. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. С. 7–10.

Преподавание региональной истории в Историко-архивном институте и филиалах РГГУ // Наш край – мой дом: региональная история, экономика, правовая культура: материалы I и II межрегиональных студ. науч. конф., Домодедово, 28 янв.– 5 февр. 2004 г., Таруса, 30 янв.– 5 февр. 2005 г. / отв. ред. Е.Н. Сафонов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. С. 133–141.

Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2005. Вып. 7. С. 37–50.

Ред.: Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века: сб. док. материалов: в 2 т. / Правительство Респ. Сев. Осетия – Алания, Рос. акад. наук, Владикавказ. науч. центр, Сев.-Осет. ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В.И. Абаева; Кабар-

дино-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова; сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. М.: Поматур, 2005. Т. 1: Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. 368 с.; Т. 2: Проекты и решения сословных и земельных отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. 392 с. Совм. с В.Д. Дзидзоевым.

Ред.: Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Рос. гос. гуманитар. ун-т; пер. с нем. Ю.П. Шаттона. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 444 с.

Рец.: Ульянова Г.Н. // ОИ. 2001. № 2. С. 194–197.

Зам. отв. ред.: В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы науч. конф., Пенза, 25–26 июня 2001 г.: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Союз краеведов России; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр ист. краеведения и москвоведения; М-во культуры Пенз. обл.; отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 466 с.; Кн. 2. 278 с.

Рец.: Щербань Н.В. // ОИ. 2006. № 5. С. 153–156.

Чл. редколлегии: Наш край – мой дом: региональная история, экономика, правовая культура: материалы I и II межрегион. студенч. науч. конф., Домодедово, 28 янв. – 5 февр. 2004 г., Таруса, 30 янв. – 5 февр. 2005 г. / отв. ред. Е.Н. Сафонов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 264 с.

Чл. редколлегии: Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2005. Вып. 7. 336 с.

Чл. редколлегии: Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. Вып. 8 (специальный): материалы Междунар. науч. конф. «Факт-событие» в различных дискурсах, Пятигорск, 26–27 марта 2005 г. / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. 364 с.

2006

Александр Николаевич Радищев. «Он бунтовщик хуже Пугачёва!» // Энциклопедия для детей. [2-е изд.]. М.: Аванта+, 2006. [Т. 5]: История России и её ближайших соседей, ч. 2: От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ / гл. ред. М. Аксенова; отв. ред. тома Д. Володихин. С. 230–235. Соавт.: Л.И. Демина.

«В ситуации постмодерна»: историческое время и вневременные категории истории в отраслевой историографии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: материалы науч. конф., [Казань], 5–7 окт. 2006 г. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Казан. гос. ун-т, О-во интеллект. истории; отв. ред. Л.П. Репина. М.: Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, 2006. С. 20–23.

Вступительная статья // Русский иллюстрированный журнал, 1703–1941 = Russian Illustrated Magazine, 1703–1941. М.: Agey Tomesh, 2006. С. 4–35. Соавт.: А. Какс.

Дж. Добсон и его корреспонденция из России для газеты «Таймс» в контексте англо-русских отношений 1873–1917 гг. // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: материалы Междунар. науч. конф. (Пятигорск, 28–30 апр. 2006 г.) / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Ставроп. гос. ун-т, Пятигор. гос. лингвист. ун-т; отв. ред. А.П. Горбунов. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2006. С. 184–189. Соавт.: Н.В. Банникова.

«Исследователь, руководимый цифровой отчетностью...» // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф., Москва, 26–28 янв. 2006 г.: памяти Елены Ивановны Каменцевой / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-архив. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 316–319.

Историко-краеведческая информация в периодике XIX века «жителям электронной вселенной» // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы

развития: материалы II Всерос. семинара краеведов «Любовь к малой родине – основа патриотизма» (Воронеж, 31 янв. – Москва, 1 февр. 2005 г.) / Науч.-эксперт. совет при Пред. Совета Федерации Федер. Собрания Рос. Федерации; Союз краеведов России; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; Центр ист. краеведения и москвоведения, Каф. регион. истории и краеведения; гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Ключ-С, 2006. С. 85–93 (Б-ка краеведа).

История исторической мысли в России XIX века // Аспирантура РГГУ: образовательные программы. Исторические науки / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Упр. аспирантурой и докторантурой; отв. ред. Л.Н. Простоволосова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 78–83. Соавт.: Ю.Л. Троицкий.

Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ // Интеллектуальная культура современной историографии: памяти Владимира Евгеньевича Иллерицкого / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Фак. истории, политологии и права; отв. ред. А.П. Логунов. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2006. С. 30–82.

«Осмеливающиеся ковать новые слова» должны «знать язык, проникнуть в его сокровенные глубины» // Национальная безопасность: правовые, социокультур. и экон. основы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Домодедово, 6–10 февр. 2006 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. Е.Н. Сафонов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 200–206.

Проблема авторства и «образ автора» в контексте истории прессы // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: материалы Междунар. науч. конф. (Пятигорск, 28–30 апр. 2006 г.) / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд.-ние; Ставроп. гос. ун-т; Пятигор. гос. лингвист. ун-т; отв. ред. А.П. Горбунов. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2006. С. 12–20.

Провинциальная история и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко, Москва, 1–2 дек. 2003 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ист. фак.; Рос. акад. наук, Отд.-ние ист.-филол. наук; отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд-во Моск. ун-та; Алетей, 2006. С. 76–91.

Провинциальная история и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история: сб. науч. ст. / Межвуз. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь; М.: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 202–216.

Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» // Харківський історіографічний збірник / Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна; Харк. гуманитар. ун-т «Народна українська академія»; редкол.: С.І. Посохов (гол. ред.) и др. Харків: Вид-во НУА, 2006. Вип. 8. С. 23–37.

Авт.-сост.: Русский иллюстрированный журнал, 1703–1941 = Russian Illustrated Magazine, 1703–1941. М.: Agey Tomesh, 2006. 366 с. Соавт.: А. Каск.

Зам. отв. ред.: Национальная безопасность: правовые, социокультурные и экономические основы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Домодедово, 6–10 февр. 2006 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. Е.Н. Сафонов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 277 с.

Зам. отв. ред.: Новая локальная история: сб. науч. ст. / Межвуз. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь; М.: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. Вып. 3. 362 с.

2007

Интернет-конференция «История города и села: теория и исследовательские практики» // Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX Междунар. науч. конф., Москва, 25–27 янв. 2007 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 230–234.

От научного редактора // Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: [к 100-летию Ставроп. губ. учен. арх. комис.] / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед., Ставроп. гос. ист.-культур. и природ.-ландшафт. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, науч. ред. М.П. Мохначева. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2007. С. 5–8.

Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991–2005 гг.: некоторые итоги и перспективы развития // Региональные школы русской историографии = Regional Schools of Russian Historiography / Ed. by G. Szvák. Budapest: Russica Pannonicana, 2007. С. 56–67 (Книги по русистике; XVIII = Books for Russian Studies; XVIII).

Региональное историческое самосознание и историографические практики локальной истории // Национальная безопасность: правовые, социокультур. и экон. основы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Домодедово – Москва, 29 янв. – 4 февр. 2007 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. М.П. Мохначева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 588–607. Соавт.: С.И. Маловичко.

Тенденции и перспективы интеграции региональных исторических исследований // Регіональна історія України: Збірник наукових статей. Київ: Інститут історії НАН України, 2007. Вип. 1. С. 29–46. Соавт.: С.И. Маловичко.

«Формула счастья» графа В.В. Мусина-Пушкина // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: материалы Междунар. науч. конф. (Пятигорск, 27–29 апр. 2007 г.) / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Ставроп. гос. ун-т, МПНИЛ «Интеллектуальная история»; Пятигор. гос. лингвист. ун-т; Краснодар. гос. ун-т МВД РФ, Ставроп. фил.; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; редкол.: Т.А. Булыгина и др. Ставрополь; Пятигорск; М.: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2007. С. 100–122.

Центру русистики Будапештского университета 10 лет // Ставропольский альманах О-ва интеллект. истории / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил.; редкол.: Г.Н. Мананенко (отв. ред.) и др. Ставрополь; Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2007. Вып. 9. С. 292–301.

Эпоха Петра Великого в освещении журнальной историографии XIX в. // Национальная безопасность: правовые, социокультур. и экон. основы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Домодедово – Москва, 29 янв. – 4 февр. 2007 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. М.П. Мохначева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 429–439.

Рец.: Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. В 6 т. / Рос. акад. наук, Археогр. комис.; Арх. Рос. акад. наук; отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельников. М.: Наука, 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 20 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.; Богоявленский С.К. Московской приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; сост., авт. вступ. ст., коммент., подгот. А.В. Топычканов. М.: Язык славянской культуры, 2006. 608 с. (Наследие московцеведения) // ОА. 2007. № 5. С. 119–122.

Ред.: Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: [к 100-летию Ставроп. губ. учен. арх. комис.] / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед., Ставроп. гос. ист.-культур. и природ.-ландшафт. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2007. 178 с.

Рец.: Маловичко С.И. // ОА. 2009. № 5. С. 112–114.

Отв. ред.: Национальная безопасность: правовые, социокультур. и экон. основы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Домодедово – Москва, 29 янв. – 4 февр. 2007 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 620 с.

Зам. отв. ред.: К 60-летию города Домодедово: история, современность и перспективы развития: сб. ст. преподавателей и студентов филиала РГГУ в г. Домодедово. Домодедово, 2007. 312 с.

Зам. отв. ред.: Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Рос. о-во интеллект. истории, Ставроп. регион. отд-ние; Пятигор. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил.; редкол.: Г.Н. Мананенко (отв. ред.) и др. Ставрополь; Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2007. Вып. 9. 378 с.

2008

Александр Николаевич Радицев. «Он бунтовщик хуже Пугачёва!» // Энциклопедия для детей. [2-е изд., испр.]. М.: Мир энциклопедий Аванта+; Астрель, 2008. [Т. 5]: История России и её ближайших соседей, ч. 2: От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ / гл. ред. М. Аксенова; отв. ред. тома Д. Володихин. С. 230–235. Соавт.: Л.И. Демина.

История предпринимательства в России: некоторые итоги и перспективы изучения // Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики: материалы III Междунар. науч. конф., Домодедово – Москва, 21–24 марта 2008 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. М.П. Мохначева. Домодедово: [Б.и.], 2008. С. 111–118.

О диалоге культур историографических практик в современном интеллектуальном пространстве: мысли вслух участника Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов // Харківський історіографічний збірник / Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків: Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2008. Вип. 9. С. 75–85.

«Презумпция специализации должна дать место презумпции конвергентности» // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф., Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: памяти Ольги Михайловны Медушевской / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. Ч. 2. С. 484–486.

«Российская многонациональная цивилизация»: методологический аспект проблемы идентификации // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: материалы Междунар. науч. конф., Пятигорск, 25–27 апр. 2008 г. / Ставроп. гос. ун-т; Пятигор. гос. лингвист. ун-т; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; Регион. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь; Пятигорск; М.: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2008. С. 52–61.

Страничка эмигрантской биографии: отец Сергей (Мстислав Владимирович Мусин-Пушкин) в Венгрии // Studia Slavica Saviariensia. Szombathely: Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó, 2008. № 1-2. S. 231–237.

Рец.: Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. 232 с. // ОА. 2008. № 3. С. 111–114.

Отв. ред.: Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики: материалы III Междунар. науч. конф., Домодедово – Москва, 21–24 марта 2008 г.: в 2 ч. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. Домодедово: [Б.и.], 2008. 408 с.

Ред.: Максимова Н.В. Мое речевое поведение: курс русского языка для конструктивного делового общения: учеб. пособие / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. Домодедово: [Б.и.], 2008. 56 с.

Ред.: Максимова Н.В. Мое речевое поведение: курс русского языка для конструктивного делового общения: дневник речевого наблюдения / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. Домодедово: [Б.и.], 2008. 48 с.

2009

«Водились Пушкины с царями»: миссия о. Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина) в Иреме // II Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности»: материалы конф. Кострома, 26–27 марта 2009 г.

/ сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 267–272.

История рынка и предпринимательства в России в трудах С.В. Бахрушина // Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики: материалы IV Междунар. науч. конф., Домодедово – Москва, 1–6 апр. 2009 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. М.П. Мохначева. Домодедово: [Б.и.], 2009. С. 222–227.

Источники по истории становления и развития историографии в МГИИИ – ИАИ РГГУ. Статья первая // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4/09. С. 23–47.

Концепт «Российская многонациональная цивилизация» в постсоветской историографии // Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе: Материалы междунар. науч. конф. будапештского Центра русистики 19–20 мая 2008 г. = State and Nation in Russia and Central-East Europe: Materials of the International Historical Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, 19–20 May, 2008 / Ed. by G. Szvák. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. P. 337–349. (Ruszsztikai Könyvek; XXII).

Опыт центра «Новая локальная история» в изучении социокультурных конфликтов // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях): коллектив. моногр. / Ом. гос. пед. ун-т; под ред. В.Н. Худяковой, Т.А. Сабуровой. Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2009. С. 65–70. Соавт.: С.И. Маловичко.

От редактора // Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): библиогр. указ.: Предварит. список: В 2 ч. / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед.; Рос. Акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Межвед. науч.-образоват. центр истории науки и техники; Авт.-сост., предисл. и примеч. М.Е. Колесниковой. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 3–5.

От редколлегии: Интернет-конференция «История города и села: теория и исследовательские практики» // Новая локальная история: Сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; Межвуз. науч.-образов. центр «Новая локальная история»; редкол.: Т.А. Булыгина и др. Ставрополь, М.: [Б.и.], 2009. Вып. 4. С. 7–11. Соавт.: Т.А. Булыгина, С.И. Маловичко.

Рождение «торгово-ремесленной» теории градообразования в российском историописании XVIII в. // Город: история, современная инфраструктура, перспективы развития: национально-государственные стратегии и практики: Материалы V Междунар. науч. конф., Домодедово, 21–22 мая 2009 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово; отв. ред. М.П. Мохначева. Домодедово: Домодедовская тип., 2009. С. 24–37. Соавт.: С.И. Маловичко.

Сельский мир сквозь призму «Епархиальных ведомостей» // Новая локальная история: Сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; Межвуз. науч.-образов. центр «Новая локальная история»; редкол.: Т.А. Булыгина и др. Ставрополь, М.: [Б.и.], 2009. Вып. 4. С. 257–276.

Рец.: Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-статистических описаний / Гос. архив Яросл. обл.; ред.-сост. Я.Е. Смирнов. Ярославль: Формат-принт, 2008. 304 с. (Ярославский исторический архив; кн. 1) // ОА. 2009. № 5. С. 106–110.

Науч. ред.: Видмарович Н. Язык агиографии: текст и контекст / Загребский ун-т, Философский фак.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. М.: МИА-Пресс, 2009. 221 с.

Отв. ред.: Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики: Материалы IV Междунар. науч. конф., Домодедово – Москва, 1–6 апр. 2009 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. Домодедово: [Б.и.], 2009. 306 с.

Отв. ред.: Город: история, современная инфраструктура, перспективы развития: национально-государственные стратегии и практики: Материалы V Междунар. науч. конф., Домодедово, 21–22 мая 2009 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, фил. в г. Домодедово. Домодедово: Домодедовская тип., 2009. 224 с.

Ред.: Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиогр. указ.: Предварит. список: В 2 ч. / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исследований; Рос. Акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Межвед. науч.-образоват. центр истории науки и техники; авт.-сост., предисл. и примеч. М.Е. Колесниковой. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2009. Ч. 1. 516 с.; Ч. 2. 452 с.

Рец.: *Пржигленский В.И.* // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6. С. 147–148; *Топычканов А.В., Сафронова М.Н.* // ОА. 2010. № 1. С. 109–112.

Чл. редколлегии: Новая локальная история: сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; Межвуз. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; редкол.: Т.А. Бульгина и др. Ставрополь; М.: [Б.и.], 2009. Вып. 4. 392 с.

Чл. редколлегии: Новая локальная история: сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева; Межвуз. науч.-образоват. центр «Новая локальная история»; редкол.: Т.А. Бульгина и др. Ставрополь; М.: [Б.и.], 2009. Вып. 5. 392 с.

2010

Братья Василий и Мстислав Мусины-Пушкины и их роль в истории РПЦЗ // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы межгос. науч. конф., Брянск, 5–8 июля 2010 г., приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брян. гос. ун-т им. И.Г. Петровского; отв. ред. А.В. Антохов. Брянск: Ред.-изд. отд. Брян. гос. ун-та, 2010. С. 209–217.

Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья вторая // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2010. № 7. С. 56–82.

«Мы все жили в России»: о. Василий (Мусин-Пушкин) и его окружение в Си-Клиффе (шт. Нью-Йорк, США) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / Администрация Костром. обл.; Фонд рос. государственности и 400-летия династии Романовых; Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова; Костром. церков.-ист. о-во; сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 387–395.

Научные и учебно-образовательные центры русистики в Западной Европе и их программы по региональной истории // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 окт. 2007 г.): в 3 т. / отв. ред. Л.А. Вербицкая, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев. СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т, 2010. Т. 1. С. 185–194.

Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991–2005 гг.: некоторые итоги и перспективы развития // Место России в Европе и Азии: сб. науч. тр. / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, Центр русистики; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. Д. Свак. Будапешт; М.: Центр русистики Будапешт. ун-та; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам Рос. акад. наук, 2010. С. 160–172.

Contribution to Regional Studies and Local Studies in Russia, 1991–2005 // The Place of Russia in Europe and Asia / Ed. by G. Szvák. Boulder: Social Studies Monographs, 2010. P. 141–149 (CHSP Hungarian Authors Series; № 2; East European Monographs; № DCCLXIX).

Ред.: Бальбестерос Перес Х.Х. Архетипические идентичности в России и Испании: сравнительный анализ формирования национальных стереотипов и идентичностей / пер. с исп. Е. Ван Поведской. М.: [Б.и.], 2010. 79 с.

Ред.: Ван Поведская Е. Письма дальнему собеседнику. М.; Рязань: П.А. Трибунский, 2010. 160 с.

2011

Актуальные аспекты источниковедения и историографии участия казачества в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и роль казачества в освобождении Болгарии от османского ига: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Шумен (Болгария), 25–29 окт. 2010 г. / под ред. В.И. Рожнова и Н.Н. Мальшьева. М.; Шумен: [Б.и.], 2011. С. 7–27.

Дороги к Храму братьев Мусиных-Пушкиных. Страничка памяти о 90-летней истории русского рассеяния в Европе и Америке // Русский вестник: Bilten nacionalne zajednice Rusa i Akademskog ruskog kluba. Zagreb: NZRH, 2011. [№ 1]. С. 22.

Дороги к Храму братьев Мусиных-Пушкиных // Андрей Рублев и мир русской культуры: к 650-летию со дня рождения: материалы Междунар. науч. конф., Калининград – Клайпеда – Вильнюс, 17–22 окт. 2010 г. / редкол.: Л.Г. Дорофеева, В.В. Лепакhin, Н.П. Видмарович и др. Калининград: Аксиос, 2011. С. 298–310.

Императорский конвой: 200 лет истории // Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах российских земель: материалы конф., Кострома, 24–25 марта 2011 г. / Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова; Фонд рос. государственности и 400-летия династии Романовых; Костром. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник; сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2011. С. 259–267.

Историография, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в Историко-архивном институте: этапы становления // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти проф. О.М. Медушевской / Рос. гос. гуманитар. ун-т, отв. ред. М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. С. 151–167.

Парижское издательство «Поволоцкий и К^о» (1910–1938) и его роль в истории Русского Зарубежья // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении: междунар. науч. симп. (Белград, 1–2 июня 2011 г.): тез. докл. Белград, 2011. С. 34–37.

Предисловие // Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед.; Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Межведомств. науч.-образоват. центр истории науки и техники; Рус. геогр. о-во, Ставроп. краев. отдние. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2011. С. 5–6.

Российская государственность в личностно-правовом измерении на страницах юридической периодики XIX в. // Роль государства в историческом развитии России: материалы междунар. науч. конф. будапештского Центра русистики, 17–18 мая 2010 г. = The Role of the State in the Historical Development of Russia: Materials of the International Historical Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, 17–18 May, 2010 / Ed. by G. Szvák. Budapest: Russica Pannonica, 2011. P. 233–242 (Ruszsztikai Könyvek; XXVII).

Публ. и примеч.: Послужные списки героев Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и роль казачества в освобождении Болгарии от османского ига: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Шумен (Болгария), 25–29 окт. 2010 г. / под ред. В.И. Рожнова и Н.Н. Мальшьева. М.; Шумен: [Б.и.], 2011. С. 59–88. Из содерж.: Полный послужной список генерал-лейтенанта П.С. Фомина. С. 59–74; Полный послужной список генерал-лейтенанта Н.В. Савойского. С. 75–88.

Науч. ред.: Козляков В.Н., Севастьянова А.А. История и культура регионов России: учеб. пособие / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. 134 с.

Науч. ред.: Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2011. 524 с.

Науч. ред.: Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / Ставроп. гос. ун-т, Лаб. биогр. исслед.; Рос.

акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Межведомств. науч.-образоват. центр истории науки и техники, Рус. геогр. о-во, Ставроп. краев. отд-ние. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2011. 496 с.: ил.

2012

Н. Л. Шабельская (1841–1904) и ее коллекция народного костюма в собраниях музеев мира // Беларусь, Россия, Украина: диалог народов и культур: материалы междунар. науч. конф. «Беларусь, Россия, Украина: диалог народов и культур. Проблема исторических и культурных взаимоотношений народов-соседей в исторической памяти восточнославянского мира» (Гродно, 2–4 июля 2012 г.) / Гродн. гос. музей истории религии; Нац. акад. наук Белоруссии, Ин-т истории; Гуманитар. центр исслед. Вост. Европы; отв. ред. Д. В. Карев. Гродно: Гуманитар. центр исслед. Вост. Европы; Гродн. гос. музей истории религии, 2012. Ч. 2. С. 347–354.

Научно-образовательный проект «Россиеведение» и архетип идентичности «местнографии» и «россиеведения» XVIII – начала XIX вв. // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-восточной Европе: материалы Междунар. науч. конф. будапештского центра русистики от 21–22 мая 2012 г. = *Historians and the World – the World of Historians in Russia and Central and Eastern Europe: Materials of the International Historical Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest*, 21–22 May, 2012 / Ed. by G. Szvák. Budapest: Russica Pannonicana, 2012. С. 277–287 (Книги по русистике; XXXVI = *Ruszsztikai Könyvek*; XXXVI).

Парижское издательство «Поволоцкий и К^о» (1910–1938) и его роль в истории Русского Зарубежья // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении: междунар. науч. симп., Белград, 1–2 июня 2011 г.: докл. / Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына; Междунар. пед. о-во в поддержку рус. яз.; Славист. о-во Сербии; Белград. ун-т, Филол. фак.; Рус. дом в Белграде; гл. ред. Б. Станкович, подгот. к печати П. Буник. Белград: Славист. о-во Сербии, 2012. С. 55–62.

Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991–2005 гг.: некоторые итоги и перспективы развития // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. № 6 (86). С. 78–90.

Родился в Чистополе, покойся в Ницце, сердце отдал Китаю: научный и духовный подвиг архимандрита Паллады (П. И. Кафарова) // Византийский след в культуре и искусстве Тихоокеанского побережья в пространстве полилога Китай – Корея – США – Австралия – Россия: Материалы междунар. науч. конф., 27 мая – 3 июня 2012 г. = *The Byzantine Trace in the Pacific Rim Art Culture in Space of a Polylogue China – Korea – USA – Australia – Russia: The Proceedings of International Scientific Conference* / Дальневосточный фед. ун-т; Междунар. ассоц. византинистов; отв. ред. Г. В. Алексеева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 18–23.

Россия и Испания: общие культурные корни и традиции // Материалы международного научного конгресса «История семьи – история народа», состоявшегося в рамках Перекрестного года «Россия и Испания – 2011» в г. Сантьяго-де-Компостела, 23–25 нояб. 2011 г. / Междунар. фонд «Семья мира» (Испания); Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: А. Досиль, М. Мохначева, Е. Ван-Поведская. Сантьяго-де-Компостела; М.; Рязань: П. А. Трибунский, 2012. С. 26–33.

Россия и Испания: общие культурные корни и традиции. В чем загадка устойчивого многовекового взаимного интереса российского и испанского народов друг к другу? // Духовно-нравственное воспитание. 2012. № 3. С. 14–18.

Науч. ред.: Ахис Вильяерде М. Путники: философия странствий: интеллектуальная биография / пер. с исп. М. А. Толстой. М.; Рязань: П. А. Трибунский, 2012. 207 с. Совм. с П. А. Трибунским.

Науч. ред.: Ван Поведская Е. Информационное общество и семья: опыт системного и междисциплинарного анализа = *Sociedad de la informacion y familia: un enfoque sistémico y multidisciplinario*. М.; Рязань: П. А. Трибунский, 2012. 191 с. Совм. с П. А. Трибунским.

Науч. ред.: Историография и источниковедение истории Северного Кавказа вторая половина XVIII – первая треть XX века: библиогр. указ. Предварительный список / Ставроп. гос. ун-т; авт.-сост., предисл. и примеч. М.Е. Колесникова. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2012. 312 с.

Чл. редколлегии: Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. № 6 (86). 301 с.

Чл. редколлегии: Материалы международного научного конгресса «История семьи – история народа», состоявшегося в рамках Перекрестного года «Россия и Испания – 2011» в г. Сантьяго-де-Компостела, 23–25 нояб. 2011 г. / Междунар. фонд «Семьи мира» (Испания); Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: А. Досиль, М. Мохначева, Е. Ван-Поведская. Сантьяго-де-Компостела; М.; Рязань: П.А. Трибунский, 2012. 317 с.

2013

Государственная школа в отечественной историографии // История государственного аппарата в России XX–XXI вв.: программы дисциплин магистратуры по направлению подготовки № 030600 – «История» / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Фак. документоведения, Каф. истории гос. учреждений и обществ. организаций. М.: Спутник+, 2013. С. 75–83.

Историческая психология и история исторической науки: проблемы междисциплинарного взаимодействия на современном этапе // Revista INFAD de Psicología: International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2013. Vol. 2, № 1: Psicología Positiva: Desarrollo y Educación. P. 645–652.

«Она искренно пленилась на ярмарке богатыми образами старинных русских вышивок»: [о Н.Л. Шабельской] // Беларусь, Расія, Украіна: Дыялог народаў і культур / Склад. Д.У. Караў, В.В. Масценка. Беларусь, Расія, Украіна: Серыя «Гісторыяграфічныя даследаванні». Гродна: ЮрсаПрынт, 2013. С. 347–384 (Гістарыяграфічныя даследаванні).

С.О. Шмидт как основатель научно-педагогической школы источниковедения историографии // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.) / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Отд-ние краеведения и ист.-культур. туризма; Союз краеведов России; отв. ред. В.Ф. Козлов. М.: Краеведение, 2013. С. 774–781.

Творческое наследие И.С. Тургенева в жизни священника А.А. Золотарева и его семьи // И.С. Тургенев: русская и национальные литературы: материалы междунар. науч.-практ. конф. 26–28 окт. 2013 г. / Ереван. гос. лингвист. ун-т им. В.Я. Брюсова; ред.-сост. М.Д. Амирханян. Ереван: Лусабац, 2013. С. 475–486.

Отв. ред.: Ученый. Педагог. Общественный деятель. Профессор Университета Сантьяго-де-Компостела Агустин Досиль Масейра = Científico. Educador. Lider social. Agustín Dosil Maceira catedrático de la Universidad de Santiago de Compostela / К. Балиньяс Фернандес, Х. А. Риос Гонсалес, М.Т. Санчес Кастаньо и др.; Междунар. фонд «Familias Mundi»; пер. с исп. М. Толстая, Е. Костылева, В. Литус, Е. Желтова. Москва; Сантьяго-де-Компостела: П.А. Трибунский, 2013. 274+237 с., ил. (Науч.-изд. прогр. «Жизнь во имя человека и общества»; Ученые мира; т. 1).

Чл. редколлегии: Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2013. № 9 (110). 270 с.

2014

Universidad virtual: la experiencia en la formación de especialistas en Rusia // Revista INFAD de Psicología: International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2014. Vol. 5, № 1. P. 57–60.

2015

Мусины-Пушкины: Род – Семья – Личность: биографика // Глаголь: литературный альманах (Париж). 2015. № 6. С. 174–186.

1. Архивохранилища

- АВПР** – Архив внешней политики Российской Федерации
АРАН – Архив Российской Академии наук
АРЗ – Архив Русского зарубежья. Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»
Архив ДРЗ – Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына
АУТ – Архив Университета г. Тарту (Эстония)
ГАОО – Государственный архив Одесской области (Украина)
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НИА СПб ИИ – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Archiv KPR – Archiv Kancelář presidenta republiky (Česká republika)
AUK – Archiv university Karlovy (Česká republika)
BA – Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)
EUL. SCD – Edinburgh University Library. Special Collections Division (UK)
HIA – Hoover Institution Archives. Stanford University (USA)
LVVA – Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs (Latvija)
MDNLI – Manuscript Department. National Library of Israel (Israel)
NA – The National Archives (UK)

2. Печатные издания

- АЕ** – Археографический ежегодник
АРР – Архив русской революции
ВА – Вестник архивиста
ВЕ – Вестник Европы
Вестник РХД – Вестник Русского христианского движения
ВИ – Вопросы истории
ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники
ГМ – Голос минувшего

ИА – Исторический архив
ИВ – Исторический вестник
ИЗ – Исторические записки
ИСССР – История СССР
КА – Красный архив
ЛА – Латинская Америка
НЖ – Новый журнал
НИИ – Новая и новейшая история
НРС – Новое русское слово
НЧС – На чужой стороне
ОА – Отечественные архивы
ОИ – Отечественная история
ПН – Последние новости
РЗ – Русские записки
РИ – Российская история
РМ – Русская мысль
РС – Русская старина
СА – Советские архивы
СЗ – Современные записки
СМР – Cahiers du Monde Russe
RR – Russian Review
SR – Slavonic Review
TSQ – Toronto Slavic Quarterly

Анчабадзе Юрий Дмитриевич, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН.

Ахис Вильяверде Марселино, Ph.D., Университет Сантьяго-де-Компостела.

Баженова Анна Юрьевна, кандидат исторических наук, Ph.D. in History, Институт Центрально-восточной Европы в Люблине.

Беляков Владимир Владимирович, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН.

Бочарова Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Бухерт Владимир Генрихович, кандидат исторических наук, Архив РАН.

Волошина Валентина Юрьевна, доктор исторических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

Ефимов Михаил Витальевич, ГИАПМЗ «Парк Монрепо» (Выборг, Ленинградская обл.).

Зубарев Дмитрий Исаевич, НИПЦ «Мемориал».

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, Архив РАН.

Ковальчук Светлана Николаевна, Dr. Phil., Институт философии и социологии Латвийского университета.

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, Смоленский государственный университет.

Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина.

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь).

Коростелев Олег Анатольевич, кандидат филологических наук, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Косырева Екатерина Вячеславовна, кандидат исторических наук, Архив РАН.

Красникова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Библиотека РАН.

Кузовкин Геннадий Валерьевич, Исследовательская программа «История инакомыслия в СССР. 1954–1987».

Куликов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

[Лаптева Людмила Павловна], доктор исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Левченко Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, Одесский национальный морской университет.

Лепехин Михаил Пантелеевич, Библиотека РАН.

Лукоянов Игорь Владимирович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Малявина Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, Дальневосточный государственный гуманитарный университет (Хабаровск).

Манчев Владимир Симеонович, кандидат филологических наук, Софийский университет им. св. Климента Охридского.

Мельников Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, Археографическая комиссия, Институт славяноведения РАН.

Мнухин Лев Абрамович, кандидат технических наук, Мемориальный Дом-музей М. Цветаевой в Болшеве / Дом-музей М. Цветаевой в Москве.

Мосейкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, Российский университет дружбы народов.

Муромцева Людмила Петровна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

граф Мусин-Пушкин Андрей Андреевич, DESS, семейная ассоциация им. А.И. Мусин-Пушкина.

Осипова Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, Архив РАН.

Попов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

Попова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова.

Ратушняк Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, Кубанский государственный университет (Краснодар).

Родионова Надежда Александровна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Севастьянова Алла Александровна, доктор исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина.

Сегал Димитрий Михайлович, PhD, Еврейский университет в Иерусалиме.

Сегал-Рудник Нина Михайловна, PhD, Еврейский университет в Иерусалиме.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

Смирнов Валентин Георгиевич, доктор исторических наук, Российский государственный архив военно-морского флота.

Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, Рязанский государственный радиотехнический университет.

Тольц Марк, PhD, Еврейский университет в Иерусалиме.

Топычканов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Трибунский Павел Александрович, кандидат исторических наук, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Институт российской истории РАН.

Троицкий Юрий Львович, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

Ульянкина Татьяна Ивановна, доктор биологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, Сыктывкарский государственный университет.

Хазан Владимир, PhD, Еврейский университет в Иерусалиме.

Хомякова Ирина Георгиевна, кандидат педагогических наук, Рязанский филиал Московского государственного института культуры.

Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН.

Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, Северный Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск).

Шилов Денис Николаевич, кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека.

Шумейко Михаил Федорович, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет (Минск).

От редакции	3

Статьи и заметки

<i>Анчабадзе Ю.Д.</i> Кавказоведение в научном наследии Русского Зарубежья	6
<i>Бочарова З.С.</i> Русское Зарубежье 1920-х годов как феномен отечественной истории	18
<i>Муромцева Л.П.</i> Российское научное наследие в западном интеллектуальном пространстве	28
<i>Сегал Д.М.</i> «Slavica Hierosolymitana»: израильская глава мирового славяноведения	43
<i>Беляков В.В.</i> Русские ученые-эмигранты в Египте	66
<i>Ковальчук С.Н.</i> Российские ученые в Латвии (1920 – начало 1940-х гг.)	73
<i>Коростелев О.А.</i> Русские эмигранты в американских университетах после Второй мировой войны (по материалам переписки Г. Струве с Вл. Марковым)	85
<i>Малявина Л.С.</i> Харбин – восточный центр российского научного зарубежья: истоки формирования и специфика деятельности (конец XIX в. – 1930-е гг.)	95
<i>Мосейкина М.Н.</i> Российское научное зарубежье в странах Латинской Америки и его роль в культурно-историческом наследии	106
<i>Кодин Е.В.</i> Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии?	119
<i>Мнухин Л.А.</i> Русский Высший технический институт в Париже: страницы истории	128
<i>Шумейко М.Ф.</i> Белорусско-российские архивы за пределами их происхождения: история перемещения и современное состояние	137
<i>Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В.</i> Филологи-эмигранты третьей волны (1956–1985)	149
<i>Левченко В.В.</i> В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских ученых-историков и последствия для исторической науки	160
<i>Черникова Л.П.</i> Национальный состав российской эмиграции в Китае и положение внутри колонии к концу Второй мировой войны	172
<i>Чуракова О.В.</i> Жены русских ученых – спутницы опальных пассажилов рейсов «философской флотилии» начала 1920-х годов	185
<i>Баженова А.Ю.</i> Польские сюжеты в творчестве Н.И. Кареева: к вопросу о языковой рецепции	198
<i>Волошина В.Ю.</i> Личностные коммуникации как фактор социально-психологической адаптации российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг.	207
<i>Куликов С.В.</i> Историки-эмигранты и реабилитация Николая II	221
<i>Попова Т.Н.</i> Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого)	234

<i>Ратушняк О.В.</i> Казачество в России и за рубежом в XX – начале XXI в.: проблема определения объекта исследования	248
<i>Долгова Е.А.</i> «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г.	254
<i>Красникова О.А.</i> Судьба геолога и палеонтолога <i>И.П. Толмачева (1872–1950)</i>	272
<i>Лантвева Л.П.</i> Русский ученый-славист Н.В. Ястребов (1869–1923) и его путь в эмиграцию	284
<i>Лепехин М.П.</i> Первый историограф «Академического дела» Сергей Викторович Сигрист	303
<i>Манчев В.С.</i> Преподаватель Свободного университета Иван Петрович Нилов	324
<i>Родионова Н.А.</i> Жизнь и житие энциклопедиста В.В. Водовозова	330
<i>Сегал-Рудник Н.М.</i> Вячеслав Иванов и Евсей Шор: русская мысль в европейском интеллектуальном пространстве (по материалам фонда Йехуды Шора в Институте рукописей Национальной библиотеки Израиля)	346
<i>Сидорчук И.В.</i> Ф.И. Лидваль в эмиграции (1918–1945 гг.)	370
<i>Смирнов В.Г.</i> Командировка М.А. Рыкачева на Всемирную выставку в Париже (1878 г.)	381
<i>Соколов А.С.</i> А.А. Югов: социал-демократ, меньшевик, экономист	394
<i>Тольц М.</i> Е.М. Кулишер в эмиграции: становление выдающегося миграциолога	399
<i>Хомякова И.Г.</i> Зарубежные контакты Э.А. Вольгера в области книжного дела	412

Публикации и обзоры

<i>Бухерт В.Г.</i> «Сколько могу, честно служу родной культуре». Письма А.Ф. Изюмова к А.Л. Сидорову, 1947–1948 гг.	427
<i>Косырева Е.В.</i> «Шлю знаменитому Колюше мой самый сердечный привет!»: Из писем О.А. Цингера к Н.В. Тимофееву-Ресовскому и Е.А. Тимофеевой-Ресовской (1969–1976)	441
<i>Лукоянов И.В.</i> Воспоминания В.В. и Т.В. Чернавиных: об «Академическом деле» и не только	456
<i>Хазан В.</i> Философ в должности банковского служащего, или «усердный толкователь шестовской беспочвенности» (Адольф Лазарев и некоторые материалы из его философского наследия)	484
<i>Кнорринг Н.Н.</i> Гибель Тургеневской библиотеки в Париже (вступ. заметка и прим. А.В. Мельникова)	512
<i>Мейендорф А.Ф.</i> Мой кузен, комиссар иностранных дел Чичерин (пер. с англ., вступ. заметка и прим. М.В. Ефимова)	527
<i>Филимонов В.А.</i> «Ни под одним актом публичного академического сервизизма перед советской властью не стояла подпись Кареева»: некрологи историка в эмигрантской прессе	537
<i>Киселев М.Ю.</i> Материалы С.П. Мельгунова в Архиве Российской академии наук	550

<i>Осипова Н.М.</i> Документы Д.П. и Ф.П. Рябушинских в Архиве Российской академии наук	555
<i>Попов А.В.</i> Творческое и архивное наследие профессора К.Ф. Штеппы	559
<i>Трибунский П.А.</i> Психолог Boris Semeonoff и его архив	565
<i>Ульянкина Т.И.</i> Личные фонды ученых-эмигрантов в архиве Дома русского зарубежья имени А. Солженицына	572
<i>Шилов Д.Н.</i> Николай Николаевич Покровский и его мемуары	585

Памяти Марины Петровны Мохначевой

Марина Петровна Мохначева (1952–2014)	597
<i>Ахис Вильяверде М.</i> В память о Марине Мохначевой	601
<i>Козляков В.Н., Севастьянова А.А.</i> «...По дорогам, которые нам достались»	602
<i>Колесникова М.Е.</i> Памяти учителя и друга профессора М.П. Мохначевой	604
<i>Мусин-Пушкин А.А.</i> «Время жить и время умирать»	608
<i>Троицкий Ю.Л.</i> Марина	612
Научное наследие М.П. Мохначевой: библиография (сост. А.В. Топычканов, П.А. Трибунский)	614
Список принятых сокращений	645
Список авторов	647

Научное издание

Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы

Сборник научных статей

Корректор О. Сидорова
Компьютерная верстка С. Вавилов

Подписано к печати 26.09.2016 г. Формат 90×60 1/16
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать струйная.
Усл. печ. л. 41. Уч.-изд. л. 41,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 06344

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в филиале «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая Типография»,
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1
+7-495-230 88-78

